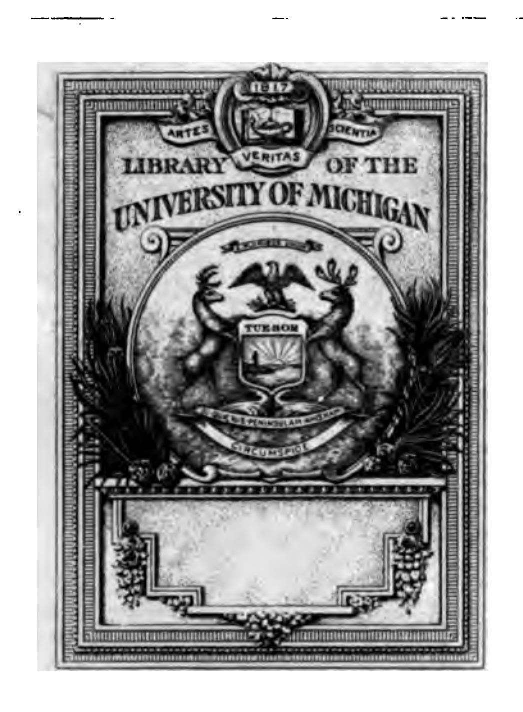

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
CIRCUMSPICE

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Α'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ III.

ВЫП. I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. C. Ricker, Königsberger Str. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

подъ редакціею

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. K. L. Ricker, Königsstr. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1896 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Ἐκδίδοται τύποις ἐγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρουπόλει, μηνὶ δεκεμβρίῳ ἔτους 1896-ου.

Ὁ ἰσόβιος γραμματεύς, ἀκαδημεικὸς Ν Δουμπρόβιν·

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α'.

Изслѣдованія и матеріалы.

Μελέται καὶ ὕλαι.

Стр.

Отдѣлъ II.

ΜΕΡΟΣ Β'.

1. 2. Критика и Библіографія.

Α'. Β'. Βιβλίων ἐπικρίσεις καὶ βιβλιογραφία.

Стр.

Стр.

Стр.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Γ'. Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν. 202, 421, 724

Отдѣлъ III.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

Мелкія замѣтки и извѣстія.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

можно также разобрать слѣды буквъ МА въ началѣ имени[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Бертье-Делагардъ указалъ на то, что палеографическіе признаки дѣлаютъ совершенно невѣроятной принадлежность этого памятника XII вѣку, и призывалъ къ этой сторонѣ вопроса вниманіе компетентныхъ спеціалистовъ. На этотъ призывъ откликнулся нашъ авторитетный эпиграфистъ, акад. Латышевъ. Въ Византійскомъ Временникѣ, т. I, вып. 3 и 4, онъ помѣстилъ спеціальное изслѣдованіе объ этой надписи подъ заглавіемъ: «Вопросъ о времени надписи Евпатерія» (стр. 662—672). Здѣсь дана и точная копія, сдѣланная съ оригинала, которую мы и воспроизводимъ.

✠ΠΡΟСΤΟΙСΛΟΙΠΟΙС
ΜЄΓΑΛΟΙСϏΘΑΥΜΑСΤΟΙС
ΚΑΤΟΡΘΟΜΑСΙϏΤοΔЄΤο
ΛΑΜΠΡΟΝЄΝΒοοСΠοΡѠ
ΚЄСΑΡΙοΝΑΝЄΝЄѠСЄΝ N
░░░ ΚΙСΟЄVЄΒSϏΘЄΟΦΥΛΑΚΠΗΜѠ
ΔЄСΠΟΤΗСΔΙΑΤΟΥΓΝΗСΙΟΥΑVΤΟΥ
ΔΟΥΛȣЄΥΠΑΤЄΡΙȣΤȣЄΝΔΟΞΟΤΑΤΟΥ
СΤΡΑΤΗΛΑΤΥΟΥΚΑΙΔΟΥΚΟСΧЄΡСѠΝοсΙΝΔΗ

✠ Πρὸς τοῖς λοιποῖς | μεγάλοις κ(αὶ) θαυμαστοῖς | κατορθ⟨ώ⟩μασι κ(αὶ) τόδε τὸ | λαμπρὸν ἐν Βοοσπόρῳ | κ⟨αι⟩σάριον ἀνενέωσεν | [Μαυρί]κις ὁ εὐ(σ)εβ(έστατος) κ(αὶ) θεοφύλακ(τος) ἡμῶν | δεσπότης διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ | δούλου Εὐπατερίου, τοῦ ἐνδοξοτάτου | στρατηλάτου καὶ δουκὸς Χερσῶνος. Ἰνδ(ικτιῶνος) η'.

Не признавая правильнымъ утвержденіе г. Бертье-Делагарда, будто въ началѣ имени въ 6-й строкѣ можно различить слѣды начертанія: МА, г. Латышевъ сообщаетъ касательно вида лакуны слѣдующее: «при внимательномъ и неоднократномъ разсмотрѣніи даннаго мѣста надписи[2]), мы замѣтили въ началѣ строки чуть видную вертикальную черту, затѣмъ немного отступя, половину косой, идущей справа налѣво, и передъ ясно видными буквами КІС—чуть замѣтную черту, повидимому вертикальную». Но что касается до возстано-

1) Сумароковъ, первый издатель этой надписи, давъ въ своей копіи слѣды I предъ окончаніемъ, отмѣтилъ также слѣды первой буквы имени, въ которой онъ признавалъ, повидимому, Н. *Досуги Крымскаго судьи*, II, рис. 19.

2) Камень хранится въ Эрмитажѣ.

вленія имени государя, то г. Латышевъ вполнѣ соглашается съ чтеніемъ, которое предложилъ Кёне, и относитъ надпись ко времени императора Маврикія, среди годовъ правленія котораго 8-й индиктъ приходится на 590 годъ. Такую хронологію памятника подтверждаютъ, по мнѣнію г. Латышева, какъ общій видъ буквъ, такъ и «прекрасно выдержанная ороографія», а равно и знакъ сокращенія словъ S, вмѣсто вошедшихъ позднѣе въ употребленіе титлъ. Всѣ указанные признаки сближаютъ нашу надпись съ памятниками V—VI вѣковъ и непосредственно доказываютъ ошибочность чтенія Ἰσαάκις, при которомъ событія, упомянутыя въ этомъ текстѣ, пріурочиваются къ концу XII вѣка. Въ реальномъ комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ текста г. Латышевъ оправдываетъ возможность примѣненной въ данномъ случаѣ титулатуры императора, а равно и тотъ фактъ, что въ концѣ VI вѣка приходится признать присутствіе въ предѣлахъ боспорскихъ императорскаго стратилата и дука г. Херсона. Свидѣтельство надписи стоитъ одиноко и находится въ противорѣчіи съ показаніемъ Константина Багрянороднаго. Какъ извѣстно, царственный авторъ сообщаетъ, что Херсонъ былъ непосредственно подчиненъ имперской администраціи только при императорѣ Ѳеофилѣ (829—842) по мысли спаѳарокандидата Петроны послѣ его экспедиціи для сооруженія крѣпости Саркела въ землѣ Хазаръ[1]). Лишь съ тѣхъ поръ возникла Херсонская ѳема, которая и стала получать изъ Византіи своего стратига[2]). Г. Латышевъ признаетъ вполнѣ вѣроятнымъ, что уже при императорѣ Маврикіи могъ быть назначенъ особый стратилатъ на сѣверное побережье Понта, на подобіе того, какъ при Юстиніанѣ I былъ назначенъ стратилатъ въ Арменію (Theoph. p. 175 de Boor). Род. пад. опредѣленія, Χερσῶνος, относится только къ слову δούξ, а не къ обоимъ званіямъ, которыми былъ облеченъ Евпатерій. «Нахожденіе византійскаго дука на такой окраинѣ имперіи, какую представлялъ собою Херсонъ, при императорѣ Маврикіи было совершенно

1) De admin. imp. c. 42: ὃν (sc. Πετρωνᾶ) πρωτοσπαθάριον τιμήσας προεβάλετο στρατηγὸν καὶ εἰς Χερσῶνα ἐξαπέστειλεν, ὁρίσας τὸν τότε πρωτεύοντα καὶ πάντας ὑπείκειν αὐτῷ. ἐξ οὗ καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἐπεκράτησεν ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν εἰς Χερσῶνα προβάλλεσθαι στρατηγούς.

2) Имена стратиговъ, ставшихъ извѣстными по печатямъ, сопоставлены въ статьѣ гр. Толстого, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. II (1887), О византійскихъ печатяхъ Херсонской Ѳемы, стр. 28—43. Недавно найденная въ Херсонесѣ надпись прибавила новое имя: Левъ Аліатъ, правившій въ Херсонѣ «и Сугдеѣ» въ 1059 году. См. Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. И. А. Ком., вып. 17, стр. 83 и сл.

въ порядкѣ вещей» (стр. 671). Что же касается до соединенія въ одномъ лицѣ двухъ званій, стратилатъ и дукъ Херсона, то г. Латышевъ считаетъ достаточнымъ для объясненія этого факта указать на аналогію, которую, по его мнѣнію, представляетъ обычное позднѣе совмѣщеніе званій: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος (на печатяхъ). — Такимъ образомъ, почтенный издатель полагаетъ, что надпись Евпатерія, будучи пріурочена къ 590 году, даетъ намъ хотя и единичный, но во всякомъ случаѣ вполнѣ удобопріемлемый фактъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній или недоразумѣній.

Не можемъ умолчать, что вопросъ представляется намъ значительно болѣе труднымъ. Мы вполнѣ принимаемъ то положеніе г. Латышева, что надпись Евпатерія слѣдуетъ сблизить съ памятниками V—VI вѣковъ и что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы оправдать отнесеніе ея къ XII вѣку. И форма буквъ, и титулы названныхъ въ ней лицъ, и тѣ рельефныя изображенія, которыя помѣщены по обѣ стороны текста (геніи, въ христіанскомъ претвореніи этихъ образовъ въ ангеловъ),— всѣ эти данныя не позволяютъ датировать надпись поздними временами. Но видѣть въ ней свидѣтельство изъ времени правленія императора Маврикія и признать въ Евпатеріи сановника, который дѣйствовалъ и распоряжался на Боспорѣ отъ лица именно этого императора, какъ понималъ свидѣтельство надписи Кёне и какъ признаютъ это теперь гг. Бертье-Делагардъ и Латышевъ, — мы считаемъ въ высшей степени затруднительнымъ и даже врядъ ли возможнымъ. Надпись эта, будучи понята въ этомъ именно смыслѣ, представляетъ историческую загадку, которая требуетъ для своего объясненія гораздо больше матеріала, чѣмъ сколько его оказывается въ наличныхъ понынѣ извѣстныхъ источникахъ. Вопросъ сводится къ слѣдующему: въ чьей власти находился Боспоръ въ концѣ VI вѣка? Предваряя дальнѣйшее доказательство, укажемъ, что всѣ наши историческія свидѣтельства о тѣхъ временахъ дѣлаютъ несомнѣннымъ одно: въ концѣ VI вѣка Византія не имѣла никакихъ правъ на территорію, на которой найдена надпись Евпатерія, такъ какъ эти предѣлы были въ ту пору совершенно отторгнуты отъ Имперіи и если не навсегда отъ нея отдѣлены, то во всякомъ случаѣ на долгій рядъ вѣковъ. Не только восточный, но и западный берегъ Боспора Киммерійскаго перешли во власть надвинувшихся съ востока варваровъ. То были «восточные Турки», какъ ихъ зовутъ византій-

скіе писатели [1]). Результатомъ этого нашествія было утвержденіе въ этихъ предѣлахъ хазарской державы. Хазаръ смѣнило на Боспорѣ русское господство [2]), и только послѣ исчезновенія Тмутараканскаго княжества была, повидимому, возстановлена прямая зависимость отъ Византіи обоихъ береговъ пролива. Это послѣднее заключеніе можно сдѣлать изъ того, что въ концѣ XII вѣка императоръ Мануилъ считаетъ себя въ правѣ запрещать Генуэзцамъ доступъ въ порты Матраху и Россію [3]). Но и на этотъ разъ возстановленіе власти императора на Боспорѣ было не прочно и непродолжительно. Столѣтіе спустя, тамъ уже хозяйничаютъ Генуэзцы, а верховнымъ владыкой тѣхъ мѣстъ считался уже не императоръ, а кипчакскій ханъ.

Но возвращаемся къ VI вѣку. — Прокопій, какъ извѣстно, даетъ намъ цѣлый рядъ свѣдѣній о судьбахъ далекой окраины, на которой лежалъ Боспоръ. Отъ него мы узнаемъ, что степной Крымъ, равно какъ и восточный берегъ Азовскаго моря, были въ его время заняты кочевьями разныхъ гуннскихъ племенъ [4]). Тоже самое говоритъ и его современникъ Іорданъ [5]). Отъ Прокопія мы узнаемъ, что при Юстинѣ I городъ Боспоръ опять призналъ себя зависимымъ отъ Имперіи [6]). У Прокопія нѣтъ даты этого событія, какъ не изложены и мотивы, побудившіе «автономныхъ издревле Боспоритовъ», какъ онъ выражается, присоединиться къ Имперіи. Весьма вѣроятно, что это случилось около 522 года, такъ какъ въ эту именно пору императоръ Юстинъ сносился съ Гуннами, жившими въ тѣхъ предѣлахъ, желая набрать тамъ контингенты для грозившей ему войны съ Пер-

---

1) Theophil. Symocatta VII, 7, 7 De Boor: ὁ πρὸς τῇ ἕῳ ὑπὸ τῶν Τούρκων Χαγάνος ὑμνούμενος; Theoph. Chr. p. 315 de Boor: οἱ Τοῦρκοι ἐκ τῆς ἑῴας.

2) Акад. Куникъ полагаетъ, что это случилось около 900 года. См. Извѣстія Ал-Бекри о славянахъ. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. 32, кн. 2, стр. 109.

3) Acta et dipl. gr., Miklosich et Müller, III pp. 25—37 (документъ 1192 года). Подтвержденіе имп. Исаакомъ Ангеломъ правъ и привилегій, данныхъ Генуэзцамъ имп. Мануиломъ Комниномъ, Генуэзцамъ разрѣшено заходить во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Ῥωσσία и Μάτραχα. Договоръ, заключенный Мануиломъ, относится къ 1169 году. См. Heyd, Gesch. d. Levantehandels, I, стр. 224. Гейдъ помѣщаетъ портъ Россію на устье Дона. Съ нимъ соглашается проф. Васильевскій, касавшійся этого вопроса нѣсколько разъ въ своихъ Русско-византійскихъ отрывкахъ, а также и въ рецензіи на труды Бруна. Послѣдній, какъ раньше его Кеппенъ, видѣлъ въ Россіи нынѣшнюю Керчь. Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

4) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B. ὧν (т. е. Боспора и Херсона) δὴ τὰ ἐν μέσῳ ἅπαντα Οὖννοι ἔχουσιν; Cf. bell. got. IV, 5, p. 480 B.

5) Iordanis Getica, V, 37.

6) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B.

въ порядкѣ вещей» (стр. 671). Что же касается до соединенія въ одномъ лицѣ двухъ званій, стратилатъ и дукъ Херсона, то г. Латышевъ считаетъ достаточнымъ для объясненія этого факта указать на аналогію, которую, по его мнѣнію, представляетъ обычное позднѣе совмѣщеніе званій: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος (на печатяхъ). — Такимъ образомъ, почтенный издатель полагаетъ, что надпись Евпатерія, будучи пріурочена къ 590 году, даетъ намъ хотя и единичный, но во всякомъ случаѣ вполнѣ удобопріемлемый фактъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній или недоразумѣній.

Не можемъ умолчать, что вопросъ представляется намъ значительно болѣе труднымъ. Мы вполнѣ принимаемъ то положеніе г. Латышева, что надпись Евпатерія слѣдуетъ сблизить съ памятниками V—VI вѣковъ и что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы оправдать отнесеніе ея къ XII вѣку. И форма буквъ, и титулы названныхъ въ ней лицъ, и тѣ рельефныя изображенія, которыя помѣщены по обѣ стороны текста (геніи, въ христіанскомъ претвореніи этихъ образовъ въ ангеловъ),— всѣ эти данныя не позволяютъ датировать надпись поздними временами. Но видѣть въ ней свидѣтельство изъ времени правленія императора Маврикія и признать въ Евпатеріи сановника, который дѣйствовалъ и распоряжался на Боспорѣ отъ лица именно этого императора, какъ понималъ свидѣтельство надписи Кёне и какъ признаютъ это теперь гг. Бертье-Делагардъ и Латышевъ, — мы считаемъ въ высшей степени затруднительнымъ и даже врядъ ли возможнымъ. Надпись эта, будучи понята въ этомъ именно смыслѣ, представляетъ историческую загадку, которая требуетъ для своего объясненія гораздо больше матеріала, чѣмъ сколько его оказывается въ наличныхъ понынѣ извѣстныхъ источникахъ. Вопросъ сводится къ слѣдующему: въ чьей власти находился Боспоръ въ концѣ VI вѣка? Предваряя дальнѣйшее доказательство, укажемъ, что всѣ наши историческія свидѣтельства о тѣхъ временахъ дѣлаютъ несомнѣннымъ одно: въ концѣ VI вѣка Византія не имѣла никакихъ правъ на территорію, на которой найдена надпись Евпатерія, такъ какъ эти предѣлы были въ ту пору совершенно отторгнуты отъ Имперіи и если не навсегда отъ нея отдѣлены, то во всякомъ случаѣ на долгій рядъ вѣковъ. Не только восточный, но и западный берегъ Боспора Киммерійскаго перешли во власть надвинувшихся съ востока варваровъ. То были «восточные Турки», какъ ихъ зовутъ византій-

скіе писатели [1]). Результатомъ этого нашествія было утвержденіе въ этихъ предѣлахъ хазарской державы. Хазаръ смѣнило на Боспорѣ русское господство [2]), и только послѣ исчезновенія Тмутараканскаго княжества была, повидимому, возстановлена прямая зависимость отъ Византіи обоихъ береговъ пролива. Это послѣднее заключеніе можно сдѣлать изъ того, что въ концѣ XII вѣка императоръ Мануилъ считаетъ себя въ правѣ запрещать Генуэзцамъ доступъ въ порты Матраху и Россію [3]). Но и на этотъ разъ возстановленіе власти императора на Боспорѣ было не прочно и непродолжительно. Столѣтіе спустя, тамъ уже хозяйничаютъ Генуэзцы, а верховнымъ владыкой тѣхъ мѣстъ считался уже не императоръ, а кипчакскій ханъ.

Но возвращаемся къ VI вѣку. — Прокопій, какъ извѣстно, даетъ намъ цѣлый рядъ свѣдѣній о судьбахъ далекой окраины, на которой лежалъ Боспоръ. Отъ него мы узнаемъ, что степной Крымъ, равно какъ и восточный берегъ Азовскаго моря, были въ его время заняты кочевьями разныхъ гуннскихъ племенъ [4]). Тоже самое говоритъ и его современникъ Іорданъ [5]). Отъ Прокопія мы узнаемъ, что при Юстинѣ I городъ Боспоръ опять призналъ себя зависимымъ отъ Имперіи [6]). У Прокопія нѣтъ даты этого событія, какъ не изложены и мотивы, побудившіе «автономныхъ издревле Боспоритовъ», какъ онъ выражается, присоединиться къ Имперіи. Весьма вѣроятно, что это случилось около 522 года, такъ какъ въ эту именно пору императоръ Юстинъ сносился съ Гуннами, жившими въ тѣхъ предѣлахъ, желая набрать тамъ контингенты для грозившей ему войны съ Пер-

---

1) Theophil. Symocatta VII, 7, 7 De Boor: ὁ πρὸς τῇ ἕῳ ὑπὸ τῶν Τούρκων Χαγάνος ὑμνούμενος; Theoph. Chr. p. 315 de Boor: οἱ Τοῦρκοι ἐκ τῆς ἑῴας.

2) Акад. Куникъ полагаетъ, что это случилось около 900 года. См. Извѣстія Ал-Бекри о славянахъ. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. 32, кн. 2, стр. 109.

3) Acta et dipl. gr., Miklosich et Müller, III pp. 25—37 (документъ 1192 года). Подтвержденіе имп. Исаакомъ Ангеломъ правъ и привилегій, данныхъ Генуэзцамъ имп. Мануиломъ Комниномъ, Генуэзцамъ разрѣшено заходить во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Ῥωσσία и Μάτραχα. Договоръ, заключенный Мануиломъ, относится къ 1169 году. См. Heyd, Gesch. d. Levantehandels, I, стр. 224. Гейдъ помѣщаетъ портъ Россію на устье Дона. Съ нимъ соглашается проф. Васильевскій, касавшійся этого вопроса нѣсколько разъ въ своихъ Русско-византійскихъ отрывкахъ, а также и въ рецензіи на труды Бруна. Послѣдній, какъ раньше его Кеппенъ, видѣлъ въ Россіи нынѣшнюю Керчь. Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

4) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B. ὧν (т. е. Боспора и Херсона) δὴ τὰ ἐν μέσῳ ἅπαντα Οὖννοι ἔχουσιν; Cf. bell. got. IV, 5, p. 480 B.

5) Iordanis Getica, V, 37.

6) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B.

въ порядкѣ вещей» (стр. 671). Что же касается до соединенія въ одномъ лицѣ двухъ званій, стратилатъ и дукъ Херсона, то г. Латышевъ считаетъ достаточнымъ для объясненія этого факта указать на аналогію, которую, по его мнѣнію, представляетъ обычное позднѣе совмѣщеніе званій: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος (на печатяхъ). — Такимъ образомъ, почтенный издатель полагаетъ, что надпись Евпатерія, будучи пріурочена къ 590 году, даетъ намъ хотя и единичный, но во всякомъ случаѣ вполнѣ удобопріемлемый фактъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній или недоразумѣній.

Не можемъ умолчать, что вопросъ представляется намъ значительно болѣе труднымъ. Мы вполнѣ принимаемъ то положеніе г. Латышева, что надпись Евпатерія слѣдуетъ сблизить съ памятниками V—VI вѣковъ и что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы оправдать отнесеніе ея къ XII вѣку. И форма буквъ, и титулы названныхъ въ ней лицъ, и тѣ рельефныя изображенія, которыя помѣщены по обѣ стороны текста (геніи, въ христіанскомъ претвореніи этихъ образовъ въ ангеловъ),— всѣ эти данныя не позволяютъ датировать надпись поздними временами. Но видѣть въ ней свидѣтельство изъ времени правленія императора Маврикія и признать въ Евпатеріи сановника, который дѣйствовалъ и распоряжался на Боспорѣ отъ лица именно этого императора, какъ понималъ свидѣтельство надписи Кёне и какъ признаютъ это теперь гг. Бертье-Делагардъ и Латышевъ, — мы считаемъ въ высшей степени затруднительнымъ и даже врядъ ли возможнымъ. Надпись эта, будучи понята въ этомъ именно смыслѣ, представляетъ историческую загадку, которая требуетъ для своего объясненія гораздо больше матеріала, чѣмъ сколько его оказывается въ наличныхъ понынѣ извѣстныхъ источникахъ. Вопросъ сводится къ слѣдующему: въ чьей власти находился Боспоръ въ концѣ VI вѣка? Предваряя дальнѣйшее доказательство, укажемъ, что всѣ наши историческія свидѣтельства о тѣхъ временахъ дѣлаютъ несомнѣннымъ одно: въ концѣ VI вѣка Византія не имѣла никакихъ правъ на территорію, на которой найдена надпись Евпатерія, такъ какъ эти предѣлы были въ ту пору совершенно отторгнуты отъ Имперіи и если не навсегда отъ нея отдѣлены, то во всякомъ случаѣ на долгій рядъ вѣковъ. Не только восточный, но и западный берегъ Боспора Киммерійскаго перешли во власть надвинувшихся съ востока варваровъ. То были «восточные Турки», какъ ихъ зовутъ византій-

скіе писатели [1]). Результатомъ этого нашествія было утвержденіе въ этихъ предѣлахъ хазарской державы. Хазаръ смѣнило на Боспорѣ русское господство [2]), и только послѣ исчезновенія Тмутараканскаго княжества была, повидимому, возстановлена прямая зависимость отъ Византіи обоихъ береговъ пролива. Это послѣднее заключеніе можно сдѣлать изъ того, что въ концѣ XII вѣка императоръ Мануилъ считаетъ себя въ правѣ запрещать Генуэзцамъ доступъ въ порты Матраху и Россію [3]). Но и на этотъ разъ возстановленіе власти императора на Боспорѣ было не прочно и непродолжительно. Столѣтіе спустя, тамъ уже хозяйничаютъ Генуэзцы, а верховнымъ владыкой тѣхъ мѣстъ считался уже не императоръ, а кипчакскій ханъ.

Но возвращаемся къ VI вѣку. — Прокопій, какъ извѣстно, даетъ намъ цѣлый рядъ свѣдѣній о судьбахъ далекой окраины, на которой лежалъ Боспоръ. Отъ него мы узнаемъ, что степной Крымъ, равно какъ и восточный берегъ Азовскаго моря, были въ его время заняты кочевьями разныхъ гуннскихъ племенъ [4]). Тоже самое говоритъ и его современникъ Іорданъ [5]). Отъ Прокопія мы узнаемъ, что при Юстинѣ I городъ Боспоръ опять призналъ себя зависимымъ отъ Имперіи [6]). У Прокопія нѣтъ даты этого событія, какъ не изложены и мотивы, побудившіе «автономныхъ издревле Боспоритовъ», какъ онъ выражается, присоединиться къ Имперіи. Весьма вѣроятно, что это случилось около 522 года, такъ какъ въ эту именно пору императоръ Юстинъ сносился съ Гуннами, жившими въ тѣхъ предѣлахъ, желая набрать тамъ контингенты для грозившей ему войны съ Пер-

---

1) Theophil. Symocatta VII, 7, 7 De Boor: ὁ πρὸς τῇ ἕῳ ὑπὸ τῶν Τούρκων Χαγάνος ὑμνούμενος; Theoph. Chr. p. 315 de Boor: οἱ Τοῦρκοι ἐκ τῆς ἑῴας.

2) Акад. Куникъ полагаетъ, что это случилось около 900 года. См. Извѣстія Ал-Бекри о славянахъ. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. 32, кн. 2, стр. 109.

3) Acta et dipl. gr., Miklosich et Müller, III pp. 25—37 (документъ 1192 года). Подтвержденіе имп. Исаакомъ Ангеломъ правъ и привилегій, данныхъ Генуэзцамъ имп. Мануиломъ Комниномъ, Генуэзцамъ разрѣшено заходить во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Ῥωσσία и Μάτραχα. Договоръ, заключенный Мануиломъ, относится къ 1169 году. См. Heyd, Gesch. d. Levantehandels, I, стр. 224. Гейдъ помѣщаетъ портъ Россію на устье Дона. Съ нимъ соглашается проф. Васильевскій, касавшійся этого вопроса нѣсколько разъ въ своихъ Русско-византійскихъ отрывкахъ, а также и въ рецензіи на труды Бруна. Послѣдній, какъ раньше его Кеппенъ, видѣлъ въ Россіи нынѣшнюю Керчь. Къ этому вопросу мы надѣемся вернуться въ другомъ мѣстѣ.

4) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B. ὧν (т. е. Боспора и Херсона) δὴ τὰ ἐν μέσῳ ἅπαντα Οὖννοι ἔχουσιν; Cf. bell. got. IV, 5, p. 480 B.

5) Iordanis Getica, V, 37.

6) Procop. bell. pers. I, 12, p. 57 B.

въ порядкѣ вещей» (стр. 671). Что же касается до соединенія въ одномъ лицѣ двухъ званій, стратилатъ и дукъ Херсона, то г. Латышевъ считаетъ достаточнымъ для объясненія этого факта указать на аналогію, которую, по его мнѣнію, представляетъ обычное позднѣе совмѣщеніе званій: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος (на печатяхъ). — Такимъ образомъ, почтенный издатель полагаетъ, что надпись Евпатерія, будучи пріурочена къ 590 году, даетъ намъ хотя и единичный, но во всякомъ случаѣ вполнѣ удобопріемлемый фактъ, не вызывающій никакихъ сомнѣній или недоразумѣній.

Не можемъ умолчать, что вопросъ представляется намъ значительно болѣе труднымъ. Мы вполнѣ принимаемъ то положеніе г. Латышева, что надпись Евпатерія слѣдуетъ сблизить съ памятниками V—VI вѣковъ и что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы оправдать отнесеніе ея къ XII вѣку. И форма буквъ, и титулы названныхъ въ ней лицъ, и тѣ рельефныя изображенія, которыя помѣщены по обѣ стороны текста (геніи, въ христіанскомъ претвореніи этихъ образовъ въ ангеловъ),— всѣ эти данныя не позволяютъ датировать надпись поздними временами. Но видѣть въ ней свидѣтельство изъ времени правленія императора Маврикія и признать въ Евпатеріи сановника, который дѣйствовалъ и распоряжался на Боспорѣ отъ лица именно этого императора, какъ понималъ свидѣтельство надписи Кёне и какъ признаютъ это теперь гг. Бертье-Делагардъ и Латышевъ, — мы считаемъ въ высшей степени затруднительнымъ и даже врядъ ли возможнымъ. Надпись эта, будучи понята въ этомъ именно смыслѣ, представляетъ историческую загадку, которая требуетъ для своего объясненія гораздо больше матеріала, чѣмъ сколько его оказывается въ наличныхъ понынѣ извѣстныхъ источникахъ. Вопросъ сводится къ слѣдующему: въ чьей власти находился Боспоръ въ концѣ VI вѣка? Предваряя дальнѣйшее доказательство, укажемъ, что всѣ наши историческія свидѣтельства о тѣхъ временахъ дѣлаютъ несомнѣннымъ одно: въ концѣ VI вѣка Византія не имѣла никакихъ правъ на территорію, на которой найдена надпись Евпатерія, такъ какъ эти предѣлы были въ ту пору совершенно отторгнуты отъ Имперіи и если не навсегда отъ нея отдѣлены, то во всякомъ случаѣ на долгій рядъ вѣковъ. Не только восточный, но и западный берегъ Боспора Киммерійскаго перешли во власть надвинувшихся съ востока варваровъ. То были «восточные Турки», какъ ихъ зовутъ византій-

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Византи [illegible]
сдѣлать [illegible]
гаетъ себя [illegible]
граху и [illegible]
тора на [illegible]
стя. [illegible]
мѣсть [illegible]).

Но [illegible]ъ,
даетъ намъ [illegible]ше-
которой [illegible] съ
равно [illegible]ьями
заняты [illegible]юше-
рить и его [illegible]менъ
при Юстинѣ I [illegible]му въ
Имперіи. У [illegible]юсив-
и мотивы. [illegible] свою
онъ выража[illegible] слу-
это случил[illegible]антіи
раторъ [illegible] горѣ
желая [illegible]

1 [illegible] -Ме-
[illegible] имо-
2 [illegible]
Бекра [illegible] оду
3 [illegible] ina-
Подтвер[illegible]
ими. [illegible]
моря [illegible]
сится [illegible]
портъ [illegible]
этог[illegible]
и в[illegible]
Р[illegible]
мѣ[illegible]

сами[1]). Старанія императорскаго посла, патрикія Проба, имѣли впрочемъ лишь слабый успѣхъ; но, быть можетъ, посѣщеніе имъ стараго греческаго культурнаго центра, гдѣ продолжало существовать христіанское населеніе, говорившее по гречески[2]), и было причиной возстановленія старыхъ связей. Относится ли къ этому именно времени надпись царя Тиберія Юлія Диптуна (именующаго себя φιλοκέσαρος и φιλορώμεος), какъ пытались сдѣлать то вѣроятнымъ мы[3]), или же ее можно отнести и ко временамъ болѣе раннимъ, какъ полагаетъ это теперь г. Латышевъ[4]),— этого мы здѣсь не будемъ касаться, отмѣтивъ лишь существованіе этого интереснаго памятника.— Отъ временъ Юстиніана I у насъ больше свѣдѣній. Разумѣемъ эпизодъ о крещеніи гуннскаго князя Грода, печальной судьбѣ, его постигшей среди своихъ соплеменниковъ, и послѣдовавшемъ затѣмъ вооруженномъ вмѣшательствѣ императора. Считаемъ излишнимъ приводить здѣсь изложеніе объ этихъ событіяхъ, сохраненное въ почти тожественной формѣ у двухъ писателей[5]). Сообщенія Малалы и Ѳеофана оставляютъ въ неясности вопросы о томъ, во 1) былъ ли оставленъ на Боспорѣ постоянный гарнизонъ изъ имперскихъ войскъ, посланныхъ туда Юстиніаномъ послѣ убіенія Грода, и во 2) назначался ли въ Боспоръ постоянный представитель императорской власти, или же таковаго не было вовсе. Малала заканчиваетъ свой разсказъ утвержденіемъ: «и сталъ жить Боспоръ въ мирѣ подъ римской властью» и даетъ тѣмъ право заключить, что никакихъ измѣненій въ отношеніи къ Боспору не произошло до конца правленія имп. Юстиніана[6]). Прокопій прибавляетъ свидѣтельство о томъ, что стѣны города, пришедшія въ разрушеніе, были возстановлены имп. Юстиніаномъ[7]).

Одна недавно найденная въ Тамани надпись, въ которой сообщается о возведеніи какого-то сооруженія при императорѣ Юстиніанѣ, позволяетъ заключить, что власть его простерлась и на восточ-

---

1) Ibid.

2) Таково свидѣтельство христіанской катакомбы 491 года. Матерьялы, издав. Имп. Арх. Ком., вып. 6. 1891 г.

3) Ibid., стр. 24 и сл.

4) Византійскій Временникъ, I, вып. 3—4, стр. 660.

5) Malal. Chr. p. 430 B. и съ нѣкоторыми отступленіями въ подробностяхъ— Theoph. Chr. p. 175 de Boor.

6) Krumbacher, Gesch. der Byz. Lit. § 50, p. 112 (изд. 1891 г.). Малала пережилъ Юстиніана и довелъ свою хронику до конца правленія этого императора.

7) Procop. de aed. III, 7, p. 261 B.

ный берегъ пролива[1]). Быть можетъ этотъ фактъ стоитъ въ связи съ обращеніемъ Готовъ-тетракситовъ въ 448 году къ императору Юстиніану съ просьбой назначить имъ епископа, о чемъ разсказываетъ Прокопій[2]). Гуннское племя Утургуровъ[3]), которое занимало своими кочевьями все восточное побережье Азовскаго моря до рѣки Танаиса, имѣло издавна сношенія съ Византіей[4]) и вело съ нею торговлю[5]). Современный императору Юстиніану царь Утургуровъ, Сандильхъ, былъ вѣрнымъ союзникомъ Имперіи, и за деньги предпринималъ грабительскіе походы въ страны, занятыя родственнымъ племенемъ Кутургуровъ, которые кочевали въ степяхъ отъ Дона и до Дуная. Историки сохранили намъ свѣдѣнія о двухъ такихъ походахъ[6]).

Политическое вліяніе Византіи простиралось и дальше на востокъ, въ предѣлы сѣвернаго Кавказа. Въ дружескихъ сношеніяхъ съ Имперіей состояли Аланы и за деньги служили императору въ войнѣ съ Персами. Гуннскія племена Савировъ[7]), занимавшія своими кочевьями степныя пространства по сосѣдству съ Аланами, вступали въ сношенія съ Византіей, и могущественная царица одного изъ этихъ племенъ заключила союзъ съ императоромъ Юстиніаномъ и прислала ему въ даръ взятаго ею въ плѣнъ сосѣдняго гуннскаго властителя, сносившагося съ Персами[8]). Аланъ и Савировъ часто привлекали на свою сторону и Персы, такъ что случалось, что одно и тоже племя служило одновременно обѣимъ враждовавшимъ державамъ, и Византіи приходилось перекупать союзниковъ[9]). — Итакъ, при императорѣ

---

1) Визант. Врем., l. c.

2) Procop. b. got. IV, 4, p. 475 B.

3) Οὐτούργουροι зоветъ ихъ Прокопій, Hunungurі — Іорданъ, Οὐτίγουροι — Менандръ и Агаѳія, Ὀνόγουροι — Прискъ (p. 30), Οὐννουγοῦροι — Ѳеофилактъ Симокатта (VII, 8, 13).

4) Первое по времени упоминаніе принадлежитъ Приску и относится къ 463 году

5) Iord. Get. V, 37: Hunungurі autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium murinarum venit commercium.

6) Procop. b. got. IV 18—19, p. 553 sq. B.; Menandri fg. 3, p. 3 Dind.; Agath. hist. IV, 12—25, p. 366 sq. Dind.

7) Прискъ сохранилъ свидѣтельство, что Гунны съ этимъ племеннымъ именемъ появились здѣсь во второй половинѣ V вѣка. Prisci fg. 30, Müller, Fg. h. Gr. IV, p. 104. — Область Савировъ Прокопій (bel. pers. II, 29, p. 288 B.) помѣщаетъ «за Зихами», т. е. верхнее теченіе Кубани и сосѣднія степи.

8) Procop. bell. pers. II, 30, p. 296 B. Βασιλεὺς δὲ Ἰουστινιανὸς Σαβείρων μὲν τῷ ἔθνει τὰ ξυγκείμενα χρήματα ἔπεμψε; bel. got. IV, 11, p. 509 B. et passim; Malal. Chr. p. 406 B.; о царицѣ Боа — p. 430 B.=Theoph. p. 175 de Boor (событіе относится къ 528 году).

9) Procop. passim; Menandri fg. c. 42, p. 83 Dind.; Agath. hist. IV, 13, p. 313 Dind.

Юстиніанѣ Боспоръ былъ въ зависимости отъ Имперіи и Византія поддерживала цѣною золота дружественныя сношенія съ варварскими племенами, занимавшими прикавказскія степи.

Судя o priori, естественно было бы предположить, что опорнымъ пунктомъ, изъ котораго распространялись лучи византійскаго вліянія на прикавказскія страны, долженъ былъ служить Боспоръ, въ которомъ, повидимому, прочно поставилъ свою власть Юстиніанъ, направивъ туда для водворенія порядка послѣ смерти Грода значительныя военныя силы. Но въ дѣйствительности было иначе. Несмотря на возможность постоянныхъ сношеній Боспора по морю съ Византіей, на близость противуположнаго берега, на удобство и легкость естественнаго пути по Кубани внутрь прикавказскихъ степей въ мѣстности поселенія и въ кочевья отдѣльныхъ племенъ, съ которыми существовали сношенія, — императорское правительство предпочитаетъ иные пути. Ни разу въ нашихъ источникахъ не помянутъ Боспоръ въ сообщеніяхъ о прикавказскихъ племенахъ. Сношенія идутъ черезъ кавказскій хребетъ, по путямъ не только труднымъ, но и опаснымъ, и притомъ не только вслѣдствіе условій природы, но главнымъ образомъ въ виду хищничества и враждебнаго настроенія разныхъ горныхъ племенъ. Эту враждебность поддерживали и враги Имперіи, Персы, которые сносились съ варварами передняго Кавказа также черезъ хребетъ (и по берегу Каспійскаго моря). Путь византійскаго посольства, возвращавшагося отъ властителя «восточныхъ Турокъ» вѣроятно въ 569 г., описанъ у Менандра[1]). Въ данномъ случаѣ имѣетъ для насъ интересъ указать только на одну его часть. Добравшись съ большими затрудненіями и опасностями до области дружественныхъ Имперіи Аланъ, Земархъ, глава посольства, избираетъ направленіе въ Апсилію[2]) черезъ страну или проходъ, который названъ у Менандра Δαρεινή, чтобы затѣмъ, пробравшись къ морю, сѣсть на суда и черезъ Фазисъ добраться до Трапезунта. Обычный, повидимому, путь лежалъ черезъ область Миндиміановъ, Μινδιμιανοί, но, по свѣдѣніямъ аланскаго царя, онъ былъ въ данную пору опасенъ, такъ какъ онъ велъ на Сванетію, Συανία, гдѣ могли устроить засаду Персы. Чтобы обмануть враговъ, Земархъ послалъ по обычной дорогѣ обозъ въ 10 лошадей, который

1) Menandri fg. c. 22, p. 55 Dind.

2) Племя Апсиловъ, жившее на сѣверъ отъ Лазовъ, находилось въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Имперіи еще во II вѣкѣ. Арріанъ, Peripl. § 15, упоминаетъ о царѣ этого племени Юліанѣ, который получилъ свое царство отъ имп. Траяна.

могъ быть сочтенъ за передовой отрядъ посольства и обмануть Персовъ насчетъ истиннаго направленія его пути[1]).

Изъ всего этого разсказа ясно, что пути по Кубани на Боспоръ и оттуда моремъ въ Византію — не существовало для Земарха. Такимъ же образомъ, т. е. черезъ Кавказъ и затѣмъ на Трапезунтъ направлялись и посольства Турокъ въ Византію. Турксанѳъ, о которомъ намъ придется помянуть въ дальнѣйшемъ, въ своихъ издѣвательскихъ разговорахъ съ посольствомъ Валентина, усматриваетъ въ такомъ направленіи пути хитрость со стороны Византіи, желаніе вызвать ложное представленіе о недоступности ея границъ[2]).

Но то была не хитрость, а старая традиція. Она установилась подъ вліяніемъ сношеній Имперіи съ Аланами. До появленія Гунновъ Аланы занимали широкій просторъ прикавказскихъ и пріазовскихъ степей, захватывая своими кочевьями и степную часть Крыма[3]). Искони владѣли они сѣвернымъ склономъ главнаго кавказскаго прохода (Дарьяльское ущелье) и здѣсь удержались непрерывно за все время передвиженія кочевыхъ ордъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, какъ удерживаются и понынѣ. Они сносились съ Византіей черезъ кавказскій хребетъ, и по этому своему пути направляли сношенія съ Имперіей и новыхъ пришельцевъ въ сосѣднія съ ними степныя пространства[4]). Этотъ именно путь и былъ постоянный и обычный[5]).

---

1) Ср. о положеніи племенъ Апсиловъ и ихъ сосѣдей Agath. hist. III, 15—16, гдѣ вторые названы Μισιμιανοί. — Въ 555 г. Мисиміаны убили и ограбили военачальника Сотериха, посланнаго раздавать варварамъ деньги отъ императора, Agath. hist. III, 14-15, за что въ слѣдующемъ году подвергнуты были экзекуціи, ib. IV, 15-20. — Въ ту пору Апсилійцы были издавна христіане, см. Procop. bell. g. IV, 2.

2) Menandri fg. c. 43, p. 87 Dind. — Ὑμεῖς δὲ ὦ Ῥωμαῖοι, τι δῆτα ἄρα τοὺς κατ' ἐμὲ πρέσβεις διὰ τοῦ Καυκάσου ὁδοιποροῦντες ἐπὶ τὸ Βυζάντιον ἄγετε, ὡς ἐμὲ φάσκοντες μὴ εἶναι ἑτέραν ἀτραπὸν, δι' ἧς αὐτοῖς ἔσται ἡ πορεία; ταῦτα δὲ ἐπιτελεῖτε, ὡς ἀπείποιμι διὰ τὰς δυσχωρίας ἐπιθέσθαι τῇ Ῥωμαίων ἐπικρατείᾳ. — Тотъ другой путь, который знаетъ Турксанѳъ и который для него удобенъ и открытъ, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ тѣмъ путемъ для сношеній, о которомъ рѣчь идетъ у насъ. Турксанѳъ указываетъ на широкую дорогу, которую представляютъ черноморскія степи вплоть до Дуная; путь, который незадолго до того прошли Авары, какъ онъ о томъ поминаетъ.

3) Amm. Marc. 31, 2, 21: Halani.... Hunnisque per omnia suppares verum victu mitiores et cultu, latrocinando et venando ad usque Maeotida stagna et Cimmerium Bosporum, itidemque Armenios discurrentes et Mediam.

4) Menandri fg. 4, p. 4 Dind. Аланскій властитель, Σαρώσιος, Σαρώδιος (Men.) или Σαρώης (Thephan. Byz.) сносится предварительно съ командиромъ римскихъ войскъ въ Лазикѣ, и когда было получено изъ Византіи разрѣшеніе, направляетъ туда посольство Аваровъ, которое и явилось къ императору въ 558 году. — О посольствѣ турокъ — Theoph. Chr. p. 245 de Boor—διὰ τῆς τῶν Ἀλανῶν χώρας.

5) Одинъ только разъ посольство изъ Византіи на Востокъ направилось, повиди-

Изъ указаннаго факта слѣдуетъ, какъ мы думаемъ, заключить, что императоръ Юстиніанъ не воспользовался обладаніемъ Боспора для того, чтобы сдѣлать изъ него центръ политическихъ отношеній и, очевидно, не придавалъ большаго значенія этому отдаленному владѣнію Имперіи.

По сообщенію Малалы, повторенному у Ѳеофана, Боспоръ былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ въ обмѣнѣ съ ближайшими кочевыми племенами[1]). О торговлѣ мѣхами при посредствѣ Утургуровъ поминаетъ и Іорданъ, писавшій свою исторію Готовъ въ 551 году. Весьма вѣроятно, что заботы императора Юстиніана по отношенію къ Боспору и простирались именно на обезпеченіе рынка. Возстановивъ стѣны и укрѣпленія города, императоръ не имѣлъ надобности ни содержать на Боспорѣ постоянный гарнизонъ, ни посылать туда своего намѣстника, какъ не дѣлалъ онъ ни того, ни другаго въ отношеніи города, имѣвшаго въ ту пору гораздо большее торговое значеніе, а именно: Херсона[2]), который былъ обращенъ въ провинцію и получилъ впервые византійскаго стратига лишь въ половинѣ IX вѣка[3]). Тѣмъ не менѣе Херсонъ невозбранно оставался въ зависимости отъ Имперіи и даже могъ въ теченіе вѣковъ служить мѣстомъ ссылки для видныхъ политическихъ преступниковъ, которые не оставались тамъ, конечно, безъ надзора[4]).

Въ судьбахъ племенъ, занимавшихъ прикавказскія страны, имѣли большое значеніе событія, происшедшія въ послѣдніе годы правленія императора Юстиніана. Разумѣемъ появленіе тюркской орды, которая

мому, черезъ Боспоръ по степямъ и болотамъ пріазовскимъ. Но Менандръ — fg. 43, — упоминающій о направленіи пути, говоритъ о немъ такъ, что обличаетъ полную неясность представленій о географическихъ условіяхъ тѣхъ предѣловъ. Къ тому же и текстъ въ этомъ мѣстѣ безнадежно испорченъ. Признавать въ словѣ φύλων — крымскіе Фуллы, по нашему мнѣнію, совершенно невозможно. Здѣсь разумѣются кочевья степняковъ.

1) Malal. Chr. p. 432 B. ἦν δὲ ἐν τῇ πόλει συναλλαγαὶ Ῥωμαίων τε καὶ Οὔννων.

2) Iord. Get. V 37: iuxta Chersonam Altziagiri, quo Asiae bona avidus mercator importat. — Итакъ, въ ту пору въ Херсонѣ имѣлъ свой крайній пунктъ сѣверный караванный путь, а не въ Боспорѣ. Позднѣе этотъ путь заканчивался на устьяхъ Дона, въ Танѣ. См. Heyd, Gesch. des Levantehandels. II 227 и сл.

3) Const. Porph. de adm. imp. c. 42.

4) Не лишено значенія отмѣтить въ этой связи свидѣтельство Гіероклова «Синекдема», которое стоитъ какъ бы въ противорѣчіи съ показаніемъ современнаго ему Малалы, приведеннымъ выше. «Синекдемъ» начинается съ слѣдующаго утвержденія: Εἰσὶν αἱ πᾶσαι ἐπαρχίαι καὶ πόλεις αἱ ὑπὸ τὸν βασιλέα τῶν Ῥωμαίων διοικούμεναι τὸν ἐν Κωνσταντινουπόλει... (ed. Burckhart p. 1); но въ далѣе слѣдующемъ спискѣ 935 городовъ не помянутъ Боспоръ, какъ нѣтъ въ немъ ни Херсона, ни эпархіи Зихійской (Ζιχχία съ городомъ Νίκοψις).

сама бѣжала отъ завоевательнаго движенія, обнаружившагося въ средѣ тюркской расы въ странахъ пріалтайскихъ. То были Авары, Ἄβαροι, какъ зовутъ ихъ византійскіе писатели [1]), или Вархониты, Οὐαρχονῖται, какъ называли ихъ сами тюрки. Совершивъ цѣлый рядъ опустошеній въ средѣ гуннскихъ племенъ на правомъ берегу Волги, Авары, при посредствѣ властителя Аланіи, посылаютъ посольство въ Византію, предлагая свои услуги императору противъ его враговъ. Юстиніанъ оказалъ имъ поощреніе въ томъ разсчетѣ, что взаимное истребленіе Аваровъ съ одной стороны и гуннскихъ племенъ Сабировъ и Утургуровъ съ другой—прямой интересъ Имперіи. Такъ сообщаетъ объ этомъ Менандръ [2]). Какъ извѣстно, Авары не остались въ этихъ предѣлахъ, но, пройдя страну Кутургуровъ и покоривъ ихъ, появились на Дунаѣ, гдѣ и получили земли въ Панноніи.

Итакъ, императоръ Юстиніанъ выдалъ своихъ вѣрныхъ союзниковъ Утургуровъ новымъ пришельцамъ и призналъ выгоднымъ для Имперіи вступить съ этими послѣдними въ дружественныя сношенія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Утургуры сами подали поводъ къ перемѣнѣ отношеній къ нимъ императора, такъ какъ историческое преданіе, довольно обильное для той поры, не сохранило намъ никакихъ свидѣтельствъ о подобнаго рода событіяхъ. Очевидно, императоръ не придавалъ большаго значенія союзу съ этимъ племенемъ, и сношенія съ нимъ не были настолько прочны, чтобы черезъ нихъ могли достигаться какія либо существенныя политическія выгоды. Что же касается до Утургуровъ, то они хотя и пострадали отъ Аваровъ, но удержались и впослѣдствіи въ тѣхъ же предѣлахъ, какіе они занимали при императорѣ Юстиніанѣ [3]).

Сношенія Византіи съ Аварами послужили поводомъ къ обмѣну

1) Menandri fg. c. 43, p. 86 Dind. — Θеофилактъ Симокатта, который также знаетъ это имя — p. 284 B. — разлагаетъ его на два Οὐὰρ Χουννί. Нельзя не вспомнить при этомъ слѣдующаго мѣста изъ Іордана, какъ установилъ здѣсь чтеніе Моммзенъ. Get. 52, 269: quae (pars hostium, т. е. гунны, уцѣлѣвшіе отъ пораженія, нанесеннаго имъ Валамеромъ) in fuga versa eas partes Scythiae peteret, quas Danabri amnis fluenta praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appellant. — Въ современномъ языкѣ венгровъ слово *var* значитъ рѣка (замѣчаніе Моммзена, стр. 159 его изданія Іордана).

2) Menandri fg. c. 45, годъ 558. Τοῦ δὲ Βαλεντίνου ἐκεῖσε ἀφικομένου καὶ τὰ δῶρα παρασχομένου καὶ ὅσα ἐσήμηνεν ὁ βασιλεὺς ἐξειπόντος, πρῶτον μὲν ἐξεπολεμήθησαν Οὐιγούροις (Οὐτιγούροις Niebuhr), εἶτα Ζάλοις, Οὐννικῷ φύλῳ καὶ Σαβείρους δὲ καθεῖλον.— Поправка Нибура основана вѣроятно на прямомъ сообщеніи того же Менандра въ гл. 28, p. 63 Dind. Хаганъ аварскій, Ваіанъ, какъ побѣдитель Утургуровъ и Кутургуровъ, требуетъ себѣ уплаты того, что получали оба эти народа.

3) Georg. Rav. IV 2, p. 170 Parthey.

посольствами между императоромъ и владыкой тюркскихъ племенъ, имѣвшимъ свою резиденцію на «Золотой горѣ», Ἐκτάγ и Ἐκτέλ, какъ передаетъ это имя Менандръ, поясняющій и его значеніе. Прибытіе посольства съ востока въ Византію относится къ 568 году. Въ томъ же году было отправлено отвѣтное посольство изъ Византіи съ Земархомъ во главѣ. Въ ту пору турки успѣли уже утвердить свое господство на правомъ берегу нижней Волги, покоривъ гуннское племя Угуровъ[1]). Аланы и Утургуры оставались еще самостоятельными и свободными[2]). Когда семь лѣтъ спустя въ 575 году[3]) отправилось изъ Византіи второе посольство на «Золотую гору», то пріазовскія и прикаспійскія степи были уже покорены Турками. Одинъ изъ восьми властителей турецкой державы, Турксанѳъ, къ которому по пути явилось посольство, поминалъ въ бесѣдѣ съ послами о покореніи Аланъ и Утургуровъ, какъ о событіяхъ недавнихъ, заключавшихъ въ себѣ поученіе для Ромеевъ[4]). Въ ту самую пору, когда посольство находилось у Турксанѳа, шла осада Боспора. Ее велъ, по приказанію Турксанѳа, царь Утургуровъ, Анагей, и турецкій вождь Воханъ (Βώχανος) съ турецкимъ войскомъ. Менандръ сообщаетъ, что городъ былъ взятъ[5]). Онъ отмѣчаетъ при этомъ вызывающій по отношенію къ Византіи характеръ этого событія, но не говоритъ ничего о томъ, какія силы защищали Боспоръ и было ли тамъ имперское войско. Намъ думается, что изъ словъ Менандра слѣдуетъ вывести заключеніе, что Боспоръ былъ предоставленъ самому себѣ, что тамъ не было въ ту пору имперской военной силы. Если бы Анагей и Воханъ вели осаду противъ солдатъ императора, то посольство не могло бы въ своихъ сношеніяхъ съ Турксанѳомъ не коснуться этого нарушенія дружественныхъ отношеній къ Имперіи. Между тѣмъ, хотя разсказъ Менандра и содержитъ въ себѣ разныя подробности со

1) Посольство Земарха на обратномъ пути вступаетъ въ область Угуровъ уже послѣ переправы черезъ Волгу, Ἀττίλα.... ταύτῃ τοι ὁ τῶν Οὐγούρων ἡγούμενος, ὃς διέσωζεν ἐκεῖσε τοῦ Διζαβούλου (имя верховнаго хагана турокъ) τὸ κράτος.—Ср. Theoph Symoc. p. 283 B.

2) Властитель Аланіи, Сародій, Σαρώδιος, не пустилъ Турокъ, сопровождавшихъ Земарха, въ свою землю иначе, какъ послѣ выдачи ими оружія.

3) Принимаемъ эту дату вмѣсто 579 года, а также 580 (какъ у Muralt'a Ess. de Chr. p. 240).

4) Menandri fg. c. 43, p. 87 Dind.

5) Ibid. c. 45. p. 90 Dind. — заключительная фраза Малалы въ разсказѣ о присоединеніи Боспора къ Имперіи при Юстиніанѣ — «и сталъ жить Боспоръ въ мирѣ подъ римскою властью», нисколько не противорѣчитъ этому свидѣтельству, такъ какъ Малала писалъ раньше и врядъ ли дожилъ до этихъ событій.

включеніемъ и рѣчи Турксанѳа къ посламъ, въ немъ нѣтъ ни слова о протестѣ пословъ противъ такого явнаго нарушенія мира, какимъ было бы завоеваніе города, охраняемаго императорскими войсками. Вѣроятно Боспоръ былъ уже раньше этой осады предоставленъ собственнымъ силамъ туземцевъ и лишь считался принадлежащимъ Имперіи, какъ городъ съ греческимъ населеніемъ. Прибавимъ и то, что Менандръ, писавшій при императорѣ Маврикіи, прямо заявляетъ, что дружественныя отношенія, установившіяся съ Турками со времени появленія перваго посольства отъ нихъ въ Константинополѣ, продолжаются и «до настоящаго времени» — οὕτω μὲν οὖν τὸ φῦλον οἱ Τοῦρκοι φίλοι ἐγένοντο Ῥωμαίοις καὶ τῇ καθ' ἡμᾶς οὐχὶ ἄλλως ἐφοίτησαν πολιτείᾳ (c. 18 s. f.).

На самые послѣдніе годы VI вѣка приходится еще одно извѣстіе о сношеніяхъ Византіи съ верховнымъ владыкой Турокъ. Его сообщаетъ Ѳеофилактъ Симокатта (VII, 7, p. 282 B.). Великій восточный повелитель прислалъ въ 598 г. посольство къ императору Маврикію съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ успокоилъ всѣ внутренніе раздоры въ своей державѣ и покорилъ всѣхъ своихъ враговъ. Ѳеофилактъ приводитъ въ точности обращеніе восточнаго владыки къ императору и вставляетъ въ свой разсказъ о тогдашнихъ событіяхъ и предметѣ посольства пояснительную историческую справку объ утвержденіи господства Турокъ на западъ отъ резиденціи ихъ государя, Золотой горы (χρυσοῦν ὄρος). Изъ тона разсказа слѣдуетъ, что никакихъ осложненій въ сношеніяхъ съ Турками въ ту пору у Византіи не было, и посольство было лишь актомъ дипломатической вѣжливости со стороны восточнаго повелителя въ отношеніи дружественнаго монарха.

Отъ VII вѣка нѣтъ упоминаній у византійскихъ писателей объ азіатской державѣ Турокъ. Но тѣхъ же «восточныхъ Турокъ» знаютъ византійцы какъ болѣе близкихъ сосѣдей подъ именемъ» Хазаръ [1]). Очевидно, хазарская держава была результатомъ турецкихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ Европѣ во второй половинѣ VI вѣка. Владѣя прикавказскими странами, Хазары были желанными союзниками Византіи въ ея войнахъ съ Персами, и уже при императорѣ Иракліи существовалъ между Хазарами и Византіей союзъ для этой цѣли [2]). Дружественныя сношенія Византіи съ Хазарами держались въ силѣ въ теченіе нѣ-

---

1) Theoph. Chr. p. 315 de Boor: τοὺς Τούρκους ἐκ τῆς ἑῴας οὓς Χάζαρεις ὀνομάζουσιν.
2) Ibid.

скольких вѣковъ. Хазары держали въ своей власти весь Крымъ и только одинъ городъ Херсонъ былъ во владѣніи Византіи на этой территоріи. Когда въ концѣ VII вѣка былъ сосланъ въ Херсонъ императоръ Юстиніанъ II, ближайшая къ Херсону готская область съ крѣпостью Доросъ была, повидимому, въ непосредственной отъ нихъ зависимости, хазарскій тудунъ сидѣлъ въ г. Боспорѣ, подъ хазарской властью продолжала свое существованіе и древняя Фанагорія [1]).

Такъ какъ византійскіе писатели не сохранили никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Боспоръ и прилежащія мѣстности подвергались какому либо новому нашествію и завоеванію послѣ 575 года, ибо они отождествляютъ Хазаръ съ «восточными Турками» и свидѣтельствуютъ о непрерывныхъ мирныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ турецкой и смѣнившей ее хазарской державой, то отсюда слѣдуетъ заключить, что послѣ 575 года Византія не имѣла болѣе никакой власти на Боспорѣ киммерійскомъ и не заявляла никакихъ претензій на свои верховныя права по отношенію къ этимъ областямъ, а поэтому началомъ хазарскаго владычества въ этихъ предѣлахъ слѣдуетъ признать взятіе Боспора Анагеемъ и Вохано мъ въ 575 году [2]).

Но если это вѣрно, то какъ могъ важный имперскій сановникъ при императорѣ Маврикіи въ 590 году возстановлять дворецъ (κεσάριον) на восточномъ берегу Боспора, свидѣтельствуя при этомъ о многихъ «остальныхъ великихъ и славныхъ дѣяніяхъ», которыя, по общему смыслу текста надписи, должны имѣть отношеніе если не къ Боспору въ частности, то во всякомъ случаѣ къ Крыму? Дѣятельность такого лица въ этихъ предѣлахъ заставляетъ предполагать существованіе непосредственной зависимости данной мѣстности отъ Имперіи, какъ было то при Юстиніанѣ I. Но такъ какъ Боспоръ былъ взятъ въ 575 году, и Турки послѣ этого заняли и степной Крымъ,

1) Ib. p. 372 и сл.

2) Намъ не совсѣмъ понятно, почему проф. Васильевскій полагаетъ, что Хазары начали «распространять свою власть въ Понтійскихъ странахъ съ половины VII в.» См. Русско-Византійскія Изслѣдованія, вып. 2, стр. CLXXIII. Вѣроятно, эта датировка принята на основаніи сообщенія Θеофана, p. 358 de Boor, который помѣщаетъ появленіе Хазаръ въ припонтійскихъ предѣлахъ вслѣдъ за разселеніемъ сыновей Кровата, Κροβάτης, и раздѣленіемъ племени Болгаръ на пять частей (Ср. Niceph. Breviar. p. 38 B.). Но это разселеніе относится къ болѣе давнему времени, такъ какъ Кутургуры уже при Юстиніанѣ I занимали тѣ области, которыя, по Θеофану, они заняли только въ половинѣ VII вѣка. Изъ свидѣтельствъ Кассіодора, Var. VIII 10 и 21, cf. Praef. p. XXXVII, ed. Mommsen, — слѣдуетъ, что Болгары были на Дунаѣ уже въ 504 году.

причемъ подступали и къ Херсону[1]), то для того, чтобы Византія могла вновь упрочить свою власть въ этихъ предѣлахъ, необходимо предположить одно изъ двухъ: или Турки добровольно отступились отъ своихъ завоеваній, или же императоръ вытѣснилъ ихъ оттуда войной. Но такихъ крупныхъ событій не могли не отмѣтить историки. Нельзя не прибавить, что для веденія такой войны не было ни силъ, ни средствъ у Имперіи. Въ теченіе всего царствованія императора Маврикія идетъ непрерывная война съ аварскимъ каганомъ, сравнительно ничтожнымъ властителемъ турецкаго племени, бѣжавшимъ отъ своихъ соплеменниковъ. Турксанѳъ похвалялся привести ихъ въ трепетъ своею нагайкою[2]), а Византіи эта война стоила страшнаго и непрестаннаго напряженія, шла съ перемѣннымъ успѣхомъ, сопровождалась крупными потерями и унизительными для чести Имперіи подачками жадному и хищному варвару[3]). Въ виду этого менѣе чѣмъ вѣроятно, чтобы императоръ Маврикій могъ даже мечтать о какихъ либо военныхъ предпріятіяхъ на дальнемъ сѣверѣ и объ охраненіи тамъ сомнительныхъ имперскихъ интересовъ, которыми мало дорожилъ могущественный Юстиніанъ, предоставившій одно время заботу о нихъ новокрещенному гунискому князю, Гроду.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, является совершенно невѣроятнымъ, чтобы императоръ Маврикій имѣлъ какую либо возможность и поводъ возстановлять или сооружать что либо на Боспорѣ. А потому врядъ ли угадываетъ истину возстановленіе въ текстѣ надписи Евпатерія чтенія [Μαυρί]κις. Если бы даже допустить, что это и есть надлежащее чтеніе, то подъ этимъ Маврикіемъ нѣтъ никакой надобности разумѣть непремѣнно императора Маврикія. Съ самаго начала ученаго интереса къ этой надписи вопросъ о томъ, кто такой «нашъ владыка», δεσπότης ἡμῶν, носившій имя, отъ котораго уцѣлѣло на камнѣ только окончаніе ΚΙϹ, былъ почему-то предрѣшенъ. Въ немъ сразу признали византійскаго императора и лишь искали подходящаго имени. Умаленіе императорской титулатуры до минимума не смущало ни Стефани, ни Кирхгофа. Но надпись имѣетъ оф-

1) Menandri fg. c. 64, p. 125 Dind.: Τούρκων ἤδη περὶ Χερσῶνα ἐστρατοπεδευμένων, какъ сообщаютъ о томъ византійцы послу аварскаго кагана.

2) Menandri fg. c. 43.

3) Theophil. Symocat. VII, 15, p. 299 B.; Theoph. Chr. p. 280 de Boor.—Г. Бертье-Делагардъ (o. c. стр. 85) приписываетъ, повидимому, имп. Маврикію «пораженіе турецкихъ ордъ», но онъ при этомъ не ссылается ни на какое свидѣтельство древнихъ писателей.

фиціальный характеръ, она красовалась на общественномъ сооруженіи въ далекой окраинѣ, гдѣ престижъ власти императора долженъ былъ стоять высоко, гдѣ онъ долженъ былъ производить своего рода обаяніе и несомнѣнно производилъ его. Тѣмъ менѣе вѣроятно это умаленіе, которое допустилъ притомъ никто иной, какъ «собственный рабъ» своего владыки, несмотря на свои высокія званія стратилата и дука.

Г. Латышевъ, отнесшійся иначе, чѣмъ его предшественники по объясненію этой надписи, къ вопросу о титулатурѣ императора, указалъ, правда, аналогію такого сокращеннаго обозначенія на одной надписи 641 года (C. I. Gr. n. 8659), а также и на другой, неизвѣстной даты (ib. n. 9543); но онъ оставилъ безъ объясненія другое обстоятельство, не лишенное также значенія, а именно: можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ военнымъ званіемъ въ Имперіи, назвалъ себя на оффиціальномъ документѣ «собственнымъ рабомъ» своего государя? — Мы съ своей стороны готовы утверждать, что вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ «нашимъ владыкой», предрѣшенъ въ пользу византійскаго императора безъ достаточныхъ основаній. Титулы εὐσεβής (или εὐσεβέστατος, слово это написано съ сокращеніемъ окончанія) и θεοφύλακτος—еще не могутъ рѣшить его. Царь Диптунъ на боспорской надписи (I. R. B. n. 49[1]) также прилагаетъ къ своему имени эпитетъ εὐσεβής, хотя онъ несомнѣнный варваръ. Отъ императора заимствовалъ онъ этотъ титулъ, подобно тому какъ и для своихъ приближенныхъ перенялъ изъ Византіи саны κόμης и ἔπαρχος. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ предположеніе, что Евпатерій дѣйствовалъ на Боспорѣ, и притомъ на азіатскомъ его берегу, вовсе не отъ лица византійскаго императора, а отъ имени своего варварскаго государя, украсившаго его великолѣпными титулами, которыми гордился ихъ носитель, сознавая себя однако «собственнымъ рабомъ» своего государя. Что касается до греческаго имени Евпатерія, то въ оправданіе его достаточно указать на то, что въ средѣ боспорскаго населенія, на ряду со множествомъ варварскихъ именъ, были въ употребленіи также имена чисто греческія (см. Index nominum въ Сборникѣ г. Латышева). Относительно счета по индиктамъ даетъ разъясненіе то обстоятельство, что Евпатерій, какъ и его государь,— христіане. Церковная іерархія была и оставалась въ тѣхъ предѣлахъ греческою даже въ тѣ времена, когда таманскіе князья считали совмѣстнымъ

съ христіанствомъ обладаніе 100 женами[1]). Древняя боспорская эра, которой, повидимому, еще держался царь Диптунъ, претендовавшій на старое династическое имя боспорскихъ царей, могла быть забыта или выйти изъ употребленія; а если надпись относится ко времени послѣ 575 года, то она и не могла имѣть примѣненія. Если же «нашъ владыка» есть варваръ, то искать года, которому соотвѣтствуетъ помянутый въ надписи 8-й индиктъ, столь же трудно и безплодно, какъ и разгадывать точное его имя, отъ котораго уцѣлѣло лишь окончаніе ΚΙϹ и нѣсколько неопредѣленныхъ штриховъ, настолько стертыхъ, что ихъ едва различалъ глазъ такого опытнаго эпиграфиста, какимъ давно признанъ г. Латышевъ.

1) Разсказъ доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ Венгровъ. Зап. Од. Общ. Ист. и Др., томъ V (переводъ текста, напечатаннаго въ изданіи Theiner'a: Vetera Monumenta historica Hungariae), стр. 999.— «прибыли въ страну, которая именуется Сихія, въ городъ, именуемый Матрика, гдѣ князь и народъ называютъ себя христіанами, имѣющими книги и священниковъ греческихъ. Князь имѣетъ, говорятъ, сто женъ».—Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи упоминается о «самой главной женѣ», которая оказала помощь миссіонерамъ въ ихъ нуждахъ.—Путешествіе относится ко времени около 1235 года. — Позволимъ себѣ при этомъ случаѣ указать на сообщеніе Ибнъ-Фоцлана о 25 женахъ и 60 наложницахъ хазарскаго хагана, исповѣдывавшаго тогда іудейство. Frähn, Mém. de l'Acad. t. VIII (1822) стр. 592.

Юліанъ Кулаковскій.

15 мая 1895 г.
Кіевъ.

6.

Подложная дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру въ полномъ греческомъ и славянскомъ переводѣ.

Знаменитый средневѣковый подлогъ, извѣстный подъ именемъ Donatio Constantini, т. е. дарственной грамоты Константина Великаго папѣ Сильвестру и его преемникамъ на Римъ, Италію и всѣ западныя провинціи Римской имперіи, имѣлъ свою исторію не только на своей родинѣ — латинскомъ западѣ, но и на греческомъ востокѣ, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію съ тѣмъ же значеніемъ, какое успѣлъ уже получить въ остальномъ христіанскомъ мірѣ. Рукописное преданіе, латинское и греческое, представляетъ эту грамоту въ двухъ видахъ: полномъ и неполномъ[1]). Въ полномъ видѣ грамота имѣетъ двѣ, ясно не раздѣленныя части, изъ коихъ первую принято называть confessio, вторую — donatio въ собственномъ смыслѣ. Въ первой части авторъ подлога влагаетъ въ уста Константина Великаго обширное исповѣданіе вѣры, соединенное съ разсказомъ о поразившей его, императора, за прежнее нечестіе проказѣ и о чудесномъ исцѣленіи отъ этой болѣзни посредствомъ крещенія, полученнаго отъ папы Сильвестра. Въ благодарность за это тѣлесное исцѣленіе и духовное возрожденіе, императоръ во второй части грамоты изрекаетъ свое дареніе папѣ, именно жалуетъ ему всѣ указанныя части Римской имперіи съ разными аттрибутами верховной власти

1) О рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ латинскаго оригинала грамоты въ томъ и другомъ видѣ см. въ изслѣдованіи Грауерта о Константиновомъ дареніи въ Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft, III Bd., 1 Heft, S. 6—9.

надъ ними и вмѣстѣ объявляетъ его духовнымъ главою всего христіанскаго міра. Понятно, что вся жизненная важность подлога заключалась въ этой второй его части, которая, поэтому, какъ самостоятельное цѣлое, и входило въ составъ латинскихъ и греческихъ каноническихъ сборниковъ, назначенныхъ для общаго практическаго употребленія[1]). У грековъ она носила названіе θέσπισμα τοῦ ἁγίου καὶ μεγάλου βασιλέως Κωνσταντίνου πρὸς τὸν ἅγιον πάπαν Σίλβεστρον. Съ такимъ названіемъ она приводится Вальсамономъ въ толкованіи на 1-ю главу 8-го титула Фотіева номоканона[2]). Затѣмъ въ XIV вѣкѣ тоже θέσπισμα, только въ значительно сокращенной и стилистически исправленной редакціи, помѣщено Властаремъ въ его алфавитной Синтагмѣ церковныхъ правилъ и законовъ подъ буквою Е въ главѣ 11[3]).

Но существуетъ и ***полный*** греческій переводъ псевдо-Константиновой грамоты, т. е. такой, въ которомъ содержатся обѣ ея части— и confessio и donatio. Первая часть этого перевода (confessio) напечатана была въ 1547 году, по Ватиканскому списку, папскимъ библіотекаремъ Августиномъ Стевхомъ (Steuchus) въ сочиненіи, въ которомъ онъ пытался отстоять подлинность Константинова даренія отъ разныхъ возраженій, какія были выставлены противъ нея извѣстнымъ Лаврентіемъ Валлою[4]). Для русскихъ историковъ и канонистовъ этотъ полный греческій переводъ псевдо-Константиновой грамоты имѣетъ особенную важность, такъ какъ онъ, въ свою очередь, послужилъ подлинникомъ для древне-славянскаго перевода, напечатаннаго, съ разными перемѣнами и дополненіями, въ концѣ Кормчей Никоновскаго изданія 1653 года подъ заглавіемъ: «Иже во царѣхъ перваго христіянина бывша святаго и блаженнаго и равна

1) Только списки знаменитаго сборника Лжеисидоровыхъ декреталовъ представляютъ или одну *первую* часть Константиновой грамоты, или обѣ вмѣстѣ, но никогда—одну вторую. См. у Грауерта въ цитованномъ изслѣдованіи, стр. 6—7.

2) Σύνταγμα Ралли и Потли, т. I, стр. 145—148. Кромѣ того Вальсамонъ ссылается на θέσπισμα Константина В. 1) въ своихъ толкованіяхъ на 36 гл. 1 тит. номоканона и на правила соборовъ: второго вселенскаго—3-е, четвертаго вселенскаго—28-е и Антіохійскаго—12-е; 2) въ спеціальныхъ каноническихъ трактатахъ: а) о хартофилаксѣ и протекдикѣ (Σύντ. IV, 539) и б) о патріаршескихъ преимуществахъ (тамъ же, стр. 553).

3) Σύνταγμα, т. VI, стр. 261—262. Изъ Синтагмы Властаря θέσπισμα Константина и перешло и во многіе списки извѣстнаго Шестокнижія Арменопула. См. въ Геймбаховомъ изданіи этого сборника, стр. 820—822.

4) Сочиненіе Стевха de donatione Constantini *въ изданіи 1547 г.* извѣстно намъ только по цитатѣ Грауерта (Hist. Jahrb. IV Bd., 1 Heft, S. 45, Anmerk. 2). Сами мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ изданіи 1591 г. (Opp. Steuchi, t. III, fol. 109б—141a).

апостоломъ великаго царя Константина повелѣніе его царское, содѣянно и дано святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви». Извѣстный германскій ученый юристъ Бинеръ, познакомившись съ этою статьею нашей Кормчей по описанію Копитара, впервые указалъ на греческій подлинникъ первой части ея, изданный въ упомянутомъ сочиненіи Стевха, и при этомъ высказалъ такое замѣчаніе: Optime tamen de re nostra meruisset Steuchus, si et alteram partem, ipsam donationem, e codice Vaticano edidisset[1]). Для Бинера res nostra въ настоящемъ случаѣ заключалась въ томъ, что онъ при помощи сравненія полнаго греческаго текста грамоты съ такимъ же латинскимъ надѣялся подтвердить довольно распространенное тогда въ западной исторической литературѣ мнѣніе, къ которому и самъ онъ склонялся, именно — что грамота Константина сочинена не на западѣ, а на востокѣ, и что слѣдовательно оригиналъ ея былъ не латинскій, а греческій[2]). Теперь этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно — въ пользу латинскаго текста[3]). Конечно, благодаря такому рѣшенію вопроса объ оригиналѣ Константиновой грамоты, греческій текстъ ея въ глазахъ западнаго ученаго міра потерялъ почти всякое значеніе[4]); по крайней мѣрѣ указанная Бинеромъ научная потребность въ изданіи важнѣйшей (второй) части этого текста до сихъ поръ остается неудовлетворенною. Но для русскихъ канонистовъ, имѣющихъ дѣло съ Константиновымъ «царскимъ повелѣніемъ» нашей печатной Кормчей, надобно думать, одинаково важно изданіе *обѣихъ* частей греческаго подлинника этого «повелѣнія», такъ какъ изданный Стевхомъ текстъ первой части страдаетъ многими крупными недостатками и, въ добавокъ, находится въ такой книгѣ, которая составляетъ теперь большую библіографическую рѣдкость. Эти обстоятельства побудили насъ принять на себя не легкое дѣло изданія *полнаго* греческаго текста псевдо-Константиновой грамоты, вмѣстѣ съ древне-славянскимъ переводомъ ея. Но прежде, чѣмъ говорить о средствахъ и способѣ нашего изданія того и другого текста, считаемъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ, особенно важныхъ вопросахъ, относящихся къ исторіи издаваемаго памятника какъ на греческомъ востокѣ, такъ и у насъ въ Россіи.

---

1) De collectionibus canonum ecclesiae graecae. Berolini, 1827, p. 80—81.

2) Ibid. p. 81—82.

3) См. Döllinger, Papstfabeln des Mittelalters, S. 62—67 и цитованное сочиненіе Грауерта въ Hist. Jahrb. IV Bd. 4 Heft, S. 525 folg.

4) Въ этомъ смыслѣ высказывается о греческомъ текстѣ грамоты, напримѣръ, Грауертъ въ своемъ цитованномъ сочиненіи (Hist. Jahrb. IV Bd., 1 Heft, S. 46).

I.

Естественно начать съ вопроса, когда появился греческій переводъ занимающаго насъ латинскаго подлога? По этому вопросу извѣстный церковный историкъ Дёллингеръ, относящій происхожденіе латинскаго оригинала Константиновой грамоты къ послѣдней четверти VIII столѣтія, высказалъ догадку, что греческій переводъ ея былъ уже извѣстенъ патріарху Фотію, который, однако, какъ хорошо свѣдущій въ церковной исторіи и литературѣ, не обманулся подлогомъ и — отвергъ его. Указаніе на такое цензурное отношеніе Фотія къ документу, въ подлинности котораго на западѣ никто не сомнѣвался Дёллингеръ находилъ въ слѣдующей замѣткѣ, приписанной въ одной, Вѣнской рукописи каноническаго содержанія къ тексту Константиновой грамоты: Παρεξεβλήθη ἀπὸ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως κυροῦ Φωτίου ταῦτα [1]). Догадка эта встрѣтила возраженія со стороны Гергенрётера и Грауерта. Первый въ своемъ знаменитомъ трудѣ о патріархѣ Фотіи приписываетъ приведенную замѣтку простому недоразумѣнію писца Вѣнской рукописи, который, не съумѣвъ разобраться въ различіи состава старшихъ и новыхъ каноническихъ сборниковъ, увидѣлъ указаніе на патріарха Фотія тамъ, гдѣ не было никакого слѣда его дѣятельности [2]). Короче и яснѣе выражаетъ ту же мысль Грауертъ. По его словамъ, авторъ замѣтки заключилъ о намѣренномъ устраненіи (absichtliches Fernhalten) Константиновой грамоты патріархомъ Фотіемъ просто изъ того обстоятельства, что этой грамоты нѣтъ въ Фотіевомъ номоканонѣ [3]). Болѣе сильное возраженіе Дёллингеру, по нашему мнѣнію, состояло бы въ указаніи на невозможность такого факта, чтобы документъ, *завѣдомо* отвергнутый патріархомъ Фотіемъ, впослѣдствіи, именно въ XII вѣкѣ, когда авторитетъ этого патріарха, особенно въ вопросахъ церковнаго права, стоялъ на всемъ востокѣ выше всякаго сомнѣнія,—чтобы такой документъ оффиціально приписанъ былъ Вальсамономъ къ номоканону того же Фотія и затѣмъ вошелъ въ составъ другихъ каноническихъ сборниковъ, разсчитанныхъ на общее практическое употребленіе. Но не въ этомъ только состоитъ слабая сторона аргументаціи

1) Papstfabeln, S. 65, Anmerk. 4.
2) Photius, Patriarch von Constantinopel, Bd. I, S. 663—664.
3) Histor. Jahrb. IV Bd., 1 Heft. S. 46. Anmerk. 8.

Дёллингера и противниковъ его догадки: всѣ трое одинаково заблуждаются въ пониманіи простого грамматическаго смысла приведенной замѣтки. Глаголъ παρεκβάλλω не значитъ *отвергаю* или *оставляю въ сторонѣ* что нибудь, а значитъ, напротивъ, *принимаю что нибудь* въ *дополненіе къ чему нибудь*; въ частности, на языкѣ писцовъ глаголъ этотъ употреблялся въ смыслѣ: *дѣлаю извлеченіе* или *выписку* въ дополненіе къ данной книгѣ или сочиненію. Такимъ образомъ замѣтка писца Вѣнской рукописи должна быть переведена такъ: «это извлечено или выписано изъ (номоканона) святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Фотія»[1]). Чтобы правильно понять *историко-литературный* смыслъ этой на первый взглядъ весьма загадочной замѣтки, нужно взять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) грамота Константина, съ объясняемою замѣткой, находится въ рукописи, *главное* содержаніе которой составляетъ извѣстная алфавитная Синтагма Властаря; 2) въ составѣ этой Синтагмы, какъ мы уже знаемъ, находится θέσπισμα τοῦ μεγάλου βασιλέως Κωνσταντίνου въ особой (сокращенной) редакціи; 3) объясняемая замѣтка приписана въ Вѣнской рукописи къ тексту того же θέσπισμα, стоящему *внѣ* первоначальнаго состава Властаревой Синтагмы, въ числѣ позднѣйшихъ дополненій къ ней, и въ *другой* редакціи, именно въ той, какую имѣетъ Константинова грамота въ толкованіи Вальсамона на 8-й титулъ Фотіева номоканона[2]). Такимъ образомъ, писецъ Вѣнской Синтагмы Властаря, помѣщая въ дополненіяхъ къ ней грамоту Константина Великаго въ особой редакціи, не принадлежащей самому Властарю[3]),

1) Въ такомъ именно спискѣ глаголъ παρεκβάλλω употреблялся на языкѣ византійскихъ канцелярій для обозначенія того, что данный документъ выписанъ изъ подлинныхъ протоколовъ того или другого присутственнаго мѣста, напримѣръ, патріаршаго синода. Обычная заключительная формула такихъ документовъ (отпусковъ) была слѣдующая: Ταῦτα παρεκβληθέντα ἀπὸ τῶν ἡμερεσίων συνοδικῶν παρασημειώσεων... ἐπεδόθη тогда-то (см. Σύντ. V, 109; Miklosich et Müller, Acta patriarchatus t. I, p. 146 и др.).

2) Въ Вѣнской рукописи грамота Константина, съ приведенною замѣткой, стоитъ *послѣ* Синтагмы Властаря и отдѣляется отъ нея нѣсколькими другими дополнительными статьями. Лямбецій, подробно описавшій эту рукопись, приводитъ начальныя слова Константиновой грамоты, снабженной объясняемою замѣткой, именно—слѣдующія: Δέον ἐκρίναμεν μετὰ πάντων τῶν σατραπῶν ἡμῶν καὶ πάσης τῆς συγκλήτου. (См. Lambecii Commentarii de bibliotheca Caesarea Vindobonensi, lib. VIII, p. 488, или въ новомъ изданіи Коллара lib. VIII, p. 1019). Но такъ именно начинается θέσπισμα τοῦ μεγάλου βασιλέως Κωνσταντίνου въ толкованіи Вальсамона на указанное мѣсто Фотіева номоканона. См. Σύνταγμα Ралли и Потли, т. I, стр. 145.

3) У Властаря θέσπισμα Константина начинается словами: Θεσπίζομεν σὺν πᾶσι τοῖς σατράπαις καὶ τῇ συγκλήτῳ τῆς ἡμῶν βασιλείας. См. Σύνταγμα VI, 261.

хотѣлъ своею замѣткой указать на источникъ, откуда онъ взялъ это дополненіе, именно на номоканонъ патріарха Фотія, *снабженный толкованіями Вальсамона*. Болѣе ясное и обстоятельное указаніе на этотъ источникъ находится въ спискѣ той же Синтагмы, писанномъ въ 1342 году (можетъ быть, еще при жизни самого Властаря) и хранящемся теперь въ Московской синодáльной библіотекѣ подъ № 149. Здѣсь Константинова грамота, *въ редакціи Вальсамона*, помѣщена на первомъ листѣ, сначала не занятомъ никакимъ письмомъ, и подъ ея текстомъ написана (киноварью) таже замѣтка, какая стоитъ и въ Вѣнской рукописи, но — съ одною важною прибавкой, именно: Παρεξεβλήθη ἀπὸ τοῦ η' τίτλου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως κυροῦ Φωτίου ταῦτα[1]). Для современныхъ читателей Синтагмы Властаря смыслъ этой замѣтки былъ вполнѣ ясенъ: всѣ имѣли номоканонъ патріарха Фотія уже съ толкованіями Вальсамона, и всѣ смотрѣли на эти толкованія, какъ на необходимую принадлежность самаго номоканона, который поэтому и въ настоящемъ своемъ видѣ приписывался *тому же Фотію*.

Итакъ Вальсамонъ есть первый византійскій писатель, отъ котораго мы узнаемъ о существованіи на востокѣ греческаго перевода дарственной грамоты Константина Великаго папѣ Сильвестру. Но весьма сомнительно, чтобы онъ первый познакомилъ своихъ современниковъ съ этимъ важнымъ документомъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Вальсамонъ, въ качествѣ оффиціально призваннаго толкователя Фотіева номоканона, внести въ свои толкованія источникъ церковнаго права иноцерковнаго происхожденія, никому прежде неизвѣстный, и затѣмъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ своего комментарія ссылаться на этотъ источникъ безъ всякихъ оговорокъ относительно его происхожденія и внутренняго достоинства? Этого мало: толкователь номоканона не только самъ ссылается на грамоту Константина Великаго, но приводитъ и мнѣнія членовъ патріаршаго синода, основанныя на этой грамотѣ, показывая такимъ образомъ, что она и до внесенія

---

1) Такъ точно читается эта замѣтка надъ текстомъ Вальсамоновой редакціи Константинова даренія въ одной Флорентинской рукописи XIV вѣка, описанной Бандини въ Catalog. codd. mss. bibliothecae Mediceae, t. I. p. 361, artic. XXVIII. Въ Московской рукописи, замѣтка эта значительно пострадала отъ времени и сырости и прочитана о. архимандритомъ Владиміромъ такъ: Παρεξεληλύθη (?!) ἀπὸ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως κυροῦ Φωτίου (см. «Описаніе» архим. Владиміра, стр. 477).

въ номоканонъ была уже извѣстна, кому слѣдуетъ[1]). Все это ведетъ къ заключенію, что греческій переводъ грамоты, съ которымъ имѣлъ дѣло Вальсамонъ, принадлежитъ не самому этому канонисту, а сдѣланъ былъ гораздо раньше, именно, какъ мы думаемъ, въ началѣ второй половины XI вѣка, въ эпоху окончательнаго и формальнаго разрыва церковнаго общенія между востокомъ и западомъ. И вотъ основанія нашей догадки. Извѣстно, что въ одномъ оффиціальномъ памятникѣ указанной эпохи, въ посланіи папы Льва IX къ Константинопольскому патріарху Михаилу Керулларію, писанномъ въ 1053 году, приводится почти вполнѣ текстъ второй части псевдо-Константиновой грамоты (donatio), т. е. той самой части, которую мы находимъ и у Вальсамона. И что особенно замѣчательно: греческій переводъ даренія, сообщаемый Вальсамономъ, оказывается весьма близкимъ къ латинскому оригиналу, насколько этотъ послѣдній передается въ папскомъ посланіи: что̀ опускаетъ изъ полнаго латинскаго текста даренія папа, того нѣтъ и въ греческомъ текстѣ у Вальсамона. Въ доказательство такого отношенія между двумя указанными текстами приведемъ слѣдующіе отрывки изъ того и другого:

Изъ посланія Льва IX [2]).	Изъ греческаго перевода у Вальсамона [2]).
.... Et sicut nostra est terrena imperialis potentia, ita ejus (Dei) sacrosanctam Romanam ecclesiam decrevimus veneranter honorare, et amplius quam nostrum imperium terrenumque thronum sedem sacratissimam beati Petri gloriose exaltare, tribuentes ei potestatem et gloriae dignitatem, atque vigorem et honorificentiam imperialem; atque decernentes sancimus, ut principatum teneat tam	Καὶ ὥσπερ ἡ βασιλικὴ ἐξουσία ἡμῶν εἰς τὴν γῆν σέβεται καὶ τιμᾶται, οὕτω θεσπίζομεν σέβεσθαι καὶ τιμᾶσθαι τὴν ἁγίαν τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίαν, καὶ πλέον παρὰ τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ τὸν γήϊνον θρόνον, τὴν ἁγίαν καθέδραν τοῦ ἁγίου Πέτρου δοξάζεσθαι καὶ ὑψοῦσθαι· διδόντες αὐτῇ δύναμιν καὶ δόξης ἀξίωμα, καὶ διακρίνοντες θεσπίζομεν, ἵνα ἔχῃ ἐξουσίαν ἀρχικὴν, καὶ εἶναι ταύτην κεφαλὴν τῶν τεσσά-

1) Выше замѣчено, что Вальсамонъ помѣстилъ текстъ Константиновой грамоты въ своемъ толкованіи на 1-ю главу *восьмого* титула Фотіева номоканона, а мнѣнія членовъ синода, основанныя на той же грамотѣ, онъ приводитъ прежде, именно въ толкованіи на 36 гл. *перваго* титула. Σύντ. I, 79.

2) См. Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae seculo undecimo composita extant, p. 72—74.

2) Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, ἐκδ. ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, т. I, стр. 145—148.

Изъ посланія Льва IX.

super quatuor sedes, Alexandrinam, Antiochenam, Hierosolymitanam ac Constantinopolitanam, quamque etiam super omnes in universo orbe terrarum Dei ecclesias ....

.... Justum quippe est, ut ibi lex santa caput teneat principatus, ubi sanctarum legum institutor, salvator noster, beatum Petrum apostolum obtinere praecepit cathedram, ubi et crucis patibulum sustinens beatae mortis sumpsit poculum, suique magistri et domini imitator apparuit, et ibi gentes pro Christi nominis confessione colla flectant, ubi eorum doctor beatus Paulus apostolus pro Christo extenso collo martyrio est coronatus: et illic usque in finem quaerant doctorem, ubi sanctorum docrum quiescunt corpora; et ibi proni ac humo prostrati coelestis regis Dei et salvatoris nostri Jesu Christi famulentur officio, ubi superbi terreni regis serviebant imperio ...[1]) Concedimus ipsis sanctis apostolis, dominis beatissimis Petro et Paulo, et per hos etiam beato Silvestro patri nostro, summo pontifici et universali urbis Romae papae, et omnibus ejus successoribus, qui

Изъ греческаго перевода у Вальсамона.

ρων θρόνων, ἤτοι τοῦ θρόνου τῆς Ἀλεξανδρείας, τῆς Ἀντιοχείας, τῶν Ἱεροσολύμων καὶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, καὶ ἁπλῶς εἰς ὅλας τὰς ἐκκλησίας ἁπάσης τῆς οἰκουμένης....

.... Δίκαιον γάρ ἐστιν, ἵνα ἐκεῖσε ὁ ἅγιος νόμος ἔχῃ τὴν κεφαλὴν καὶ ἀρχὴν, ὅπου ὁ ἅγιος νομοθέτης, ὁ σωτὴρ ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, τὸν μακάριον ἀπόστολον Πέτρον ἐκέλευσε κρατεῖν τὴν καθέδραν, καὶ ὅπου τὸ πάθος τοῦ σταυροῦ ἔπαθεν, καὶ μακαρίου θανάτου ποτήριον ἔπιε, καὶ ἐγένετο ἀκόλουθος τοῦ μαΐστρος καὶ κυρίου αὐτοῦ· καὶ ἐκεῖ τὰ ἔθνη ἵνα κλίνωσι τὰς κεφαλὰς αὐτῶν, διὰ τὴν ἐξομολόγησιν τοῦ ὀνόματος τοῦ Χριστοῦ, ὅπου ὁ διδάσκαλος αὐτῶν ὁ μακάριος ἀπόστολος Παῦλος, διὰ τὸν Χριστὸν ἐκτείνας τὸν τράχηλον, στέφανον τοῦ μαρτυρίου ἐδέξατο· καὶ ἕως τοῦ τέλους τοῦ κόσμου, ἵνα ἀναζητῶσι τὸν διδάσκαλον, ὅπου τὰ τῶν ἁγίων λείψανα ἀναπαύονται· καὶ ἐκεῖ ὕπτιοι καὶ εἰς τὴν γῆν ἡπλωμένοι, τοῦ οὐρανίου βασιλέως καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ δουλεύωμεν ὀφφίκια, ὅπου ἐδουλεύσαμεν τῷ ὑπερηφάνῳ ἐκείνῳ βασιλεῖ. Παραδιδόαμεν οὖν αὐτοῖς τοῖς

---

1) Далѣе папа указываетъ, что̀ онъ опустилъ изъ полнаго текста даренія, именно говоритъ: Et succincte commemorato suo studio et devotione in construendis aliquod sanctorum basilicis et imperialium donationum magnificentia abundanter ditatis ait. Всего этого, какъ видитъ читатель, нѣтъ и въ греческомъ текстѣ; затѣмъ оба текста согласно передаютъ дальнѣйшія слова грамоты.

Изъ посланія Льва IX.

usque in finem mundi in sede beati Petri erunt sessuri, atque de praesenti contradimus palatium imperii nostri Lateranense et caet.

Изъ греческаго перевода у Вальсамона.

ἁγίοις ἀποστόλοις, τοῖς μακαρίοις κυρίοις μου Πέτρῳ καὶ Παύλῳ, καὶ μετ' αὐτοὺς τῷ μακαρίῳ Σιλβέστρῳ, καὶ πατρὶ ἡμῶν, τῷ μεγάλῳ ἐπισκόπῳ καὶ καθολικῷ πάπᾳ τῆς πόλεως Ῥώμης, καὶ πᾶσι τοῖς διαδόχοις αὐτοῦ, οἵτινες ἕως τοῦ τέλους τοῦ κόσμου μέλλουσι προκαθῆσθαι εἰς τὸν θρόνον τοῦ μακαρίου Πέτρου ἀπὸ τῆς σήμερον, τὸ ἡμέτερον βασιλικὸν παλάτιον, τὸ Λατερανέσιον κτλ.

Приведемъ еще самый конецъ даренія въ томъ и другомъ текстѣ:

.... Unde congruum prospeximus nostrum imperium et regni potestatem orientalibus transferri et transmigrari regionibus et in Byzantiae provinciae optimo loco nomini nostro civitatem aedificari et nostrum illic constitui imperium, quoniam ubi principatus sacerdotum et christianae religionis caput ab imperatore coelesti constitutum est, justum non est, ut illic terrenus imperator habeat potestatem. Haec vero omnia, quae per hanc imperialem sacram et per alia divalia decreta statuimus atque confermavimus, usque in finem mundi illibata et inconcussa permansura decrevimus ....[1]). Hujus

Διὰ τοῦτο δὲ χρήσιμον ἐνοήσαμεν τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ τὸ κράτος τῆς βασιλείας εἰς τὰς ἀνατολικὰς χώρας μεταφέρειν, καὶ ἐν τῇ Βυζαντίῳ χώρᾳ, τόπῳ χρησίμῳ, τὴν πόλιν ἐπὶ τῷ ὀνόματι ἡμῶν ἱδρυθῆναι, καὶ τὴν ἡμῶν βασιλείαν ἐκεῖ συστῆναι· διότι ὅπου ἐστὶν ἡ ἀρχικὴ ἱερατεία, καὶ ἡ κεφαλὴ τῆς χριστιανικῆς θρησκείας ἀπὸ τοῦ βασιλέως τῶν οὐρανῶν δεδομένη, ἄδικόν ἐστιν, ἵνα ἐκεῖ ὁ γήϊνος βασιλεὺς ἔχῃ τὴν ἐξουσίαν[1]). Τοῦτο δὲ τὸ ὕφος τῆς βασιλείας ἡμῶν ἰδίαις χερσὶ καταστρώσαντες, εἰς τὰ τίμια λείψανα τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ κορυφαίου Πέτρου ἐθήκαμεν, καὶ ἐκεῖ ὠμόσαμεν ταῦτα πάντα ἀπα-

1) Тутъ у папы, а за нимъ и въ греческомъ текстѣ, опять пропускъ, такъ оговоренный первымъ: Deinde facta obtestatione coram Deo vivo et terribili ejus judicio imprecatione aeternae condemnationis temeratori et contemptori ipsius sui privilegii secutus idem venerabilis Constantinus ait.

1) Далѣе въ греческомъ переводѣ опущено предложеніе латинскаго оригинала: Haec vero omnia... decrevimus. Но этотъ пропускъ почти вовсе не замѣтенъ при слѣдующихъ словахъ перевода: καὶ ὠμόσαμεν ταῦτα πάντα ἀπαράθραυστα διαφυλάττειν.

vero imperialis nostri decreti paginam propriis manibus roborantes, super venerandum corpus beati Petri, principis apostolorum, posuimus ibique eidem Dei apostolo spondentes nos cuncta inviolabiliter conservare et nostris successoribus imperatoribus conservanda in mandatis relinquere patri nostro Silvestro, summo pontifici et universali papae, et per eum cunctis successoribus ejus pontificibus, Domino Deo et Salvatore nostro Iesu Christo annuente, tradimus feliciter atque perenniter possidenda.

ράθραυστα διαφυλάττειν, καὶ τοὺς διαδόχους ἡμῶν βασιλεῖς ἐν τοῖς ὑπομνήμασιν ἡμῶν ταῦτα φυλάττειν παραδεδώκαμεν· τῷ πατρὶ ἡμῶν τῷ ἁγίῳ καὶ καθολικῷ ἐπισκόπῳ καὶ πάπᾳ, καὶ δι' αὐτοῦ πᾶσι τοῖς διαδόχοις αὐτοῦ ἐπισκόποις, τοῦ κυρίου ἡμῶν καὶ Σωτῆρος Ἰησοῦ Χριστοῦ προσνεύοντος, παραδιδόαμεν ὅλα τὰ προγεγραμμένα καλῶς καὶ εἰς τὸν αἰῶνα διαφυλάττεσθαι.

Насколько Вальсамоновъ греческій текстъ Константинова даренія сходится съ латинскимъ текстомъ его, приведеннымъ въ папскомъ посланіи 1053 года, на столько же онъ отличается отъ другихъ редакцій той же части Константиновой грамоты, находящихся въ латинскихъ каноническихъ сборникахъ XI — XII вѣка, и притомъ въ такихъ, которые пользовались у современниковъ особеннымъ уваженіемъ. Таковыми были: сборникъ кардинала Deusdedit'а (ок. 1087 г.), откуда donatio Constantini перешла и въ знаменитый Декретъ Граціана (около половины XII в.), и сборникъ Ивона (Yvo), епископа Шартрскаго (начала XII в.)[1]. Во всѣхъ этихъ сборникахъ текстъ Константинова даренія значительно короче того, какой имѣется у Льва IX и Вальсамона. Съ другой стороны, въ виду возможнаго возраженія: не есть ли Вальсамоновъ текстъ Константинова даренія только особая редакція соотвѣтственной (второй) части издаваемаго нами греческаго текста, мы тщательно сравнили оба эти текста и убѣдились въ совершенномъ ихъ различіи и по языку, и по стилю, и по изложенію нѣкоторыхъ частностей самаго содержанія[2]. Такимъ

1) Deusdedit, Collectio canonum, ed. Martinucci. 1869, p. 343 sq. Cfr. Gratiani Decretum can. 14 distin. 96.—Yvonis Decretum, pars V, cap. 49 (Migne, Patrol. lat. t. 161, col. 541—543). О томъ, какой видъ имѣетъ Константинова грамота въ спискахъ Лжеисидорова сборника, замѣчено было выше.

2) Чтобы это показаніе не казалось голословнымъ, приведемъ начальныя слова даренія въ томъ и другомъ переводѣ:

образомъ и съ отрицательной стороны вполнѣ подтверждается наше указаніе на единственно вѣроятный латинскій оригиналъ Вальсамонова *θέσπισμα τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου*. Но вотъ что, повидимому, сильно колеблетъ всѣ наши доводы: говорятъ, и не безъ основанія, что папское посланіе 1053 года не было своевременно и *оффиціально* отправлено въ Константинополь [1]). Пусть будетъ такъ. Но почему не допустить, что оно дошло по адресу не оффиціально, не съ легатами, а частнымъ путемъ, подобно тому, какъ дошло до рукъ Льва IX полемическое посланіе противъ Латинянъ Льва Охридскаго, адресованное авторомъ другому лицу — Іоанну, епископу Транійскому (въ Апуліи) и вызвавшее занимающій насъ грозный отвѣтъ со стороны папы? [2]). Почему не допустить, что тотъ же Іоаннъ Транійскій, вѣроятно, грекъ и несомнѣнно—суффраганъ «вселенскаго» патріарха [3]), переслалъ этотъ отвѣтъ своему Константинопольскому корреспонденту, дабы познакомить его и своего патріарха съ притязаніями папы на господство надъ греческою церковію? Какъ бы то ни было, только установленные нами два факта—поразительное сходство Вальсамоновой редакціи Константинова даренія съ тѣмъ, что̀ приведено изъ этого документа въ посланіи Льва IX, и знакомство грековъ съ *θέσπισμα τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου*, начавшееся задолго до Вальсамона,—эти два факта иначе не могутъ быть объяснены, какъ только принятіемъ нашего мнѣнія, что упомянутое

Переводъ у Вальсамона.

Δέον ἐκρίναμεν μετὰ πάντων τῶν σατραπῶν ἡμῶν καὶ πάσης τῆς συγκλήτου, καὶ τῶν ἀρχόντων, καὶ μετὰ παντὸς τοῦ λαοῦ τοῦ ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῆς Ῥωμαϊκῆς δόξης, ἵνα ὡς ὁ ἅγιος Πέτρος ἐκ προσώπου τοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ἐστιν εἰς τὴν γῆν, οὕτω καὶ οἱ ἐπίσκοποι, οἱ διάδοχοι τοῦ κορυφαίου τῶν ἀποστόλων ἀρχικὴν ἐξουσίαν ἔχωσι, πλέον παρ' ὃ ἔχει ἡ βασιλεία τῆς δόξης ἡμῶν, καὶ τοῦτο παρεχωρήθη ἀφ' ἡμῶν καὶ ἀπὸ τῆς βασιλείας ἡμῶν.

Переводъ въ нашемъ изданіи.

Δέον ἐκρίναμεν σὺν πᾶσι τοῖς ἡμετέροις σατράπαις, καὶ τῇ συγκλήτῳ πάσῃ, καὶ τοῖς μεγιστᾶσι, καὶ παντὶ τῷ τῆς Ῥωμαϊκῆς βασιλείας μεγαλειότητι ὑποκειμένῳ λαῷ, ἵν' ὥσπερ ὁ μακάριος Πέτρος βικάριος φαίνεται καταστὰς ἐπὶ γῆς τοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, οὕτω παρ' ἡμῶν καὶ τῆς ἡμετέρας βασιλείας οἱ τὸν τόπον ἐπέχοντες τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀποστόλων δέξωνται δεδομένην αὐτοῖς ἀρχὴν ἐξουσίας μείζονα, ἧς ἡ ἡμετέρα ἐπὶ γῆς γαληνότης καὶ βασιλεία ἔχουσα παρὰ πάντων γινώσκεται.

1) Гергенрётеръ (Photius Bd. III, S. 738) высказываетъ въ этомъ только сильное сомнѣніе: ist sehr fraglich. Но Лянгенъ въ своей «Исторіи Римской церкви» рѣшительно утверждаетъ, что отсылкѣ папскаго посланія 1053 года помѣшали начавшіяся вслѣдъ затѣмъ дружественныя отношенія грековъ къ Льву IX (Bd. III, S. 473.)

2) Hergenröther, Photius Bd. III, S. 737.

3) Hefele, Conciliengeschichte, Bd. IV, S. 766 (2-te Aufl.). Cp. Hergenröther, Handbuch der Kirchengeschichte, II Bd., S. 146 (3-te Aufl.).

посланіе не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ въ Константинополѣ[1]). Но если оно дошло сюда не оффиціально, а частнымъ путемъ, то и не было надобности переводить его *вполнѣ* на греческій языкъ: переведено было только то, чтò, какъ ниже увидимъ, и для грековъ представляло высокій практическій интересъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать ничего сколько нибудь рѣшительнаго по вопросу о времени, когда появился греческій переводъ *полнаго* текста Константиновой грамоты. Извѣстные намъ и другимъ списки этого перевода не восходятъ далѣе конца XIV вѣка[2]). Если не всѣ, то большая часть этихъ списковъ писаны не на востокѣ, а на западѣ, именно въ Италіи—тамошними греками, уже вполнѣ окатоличенными[3]). На востокѣ же до сихъ поръ не указано ни одного

---

1) Настаивая на этомъ положеніи, позволяемъ себѣ высказать, въ видѣ вопроса, новую догадку: упоминаемая византійскими историками и, какъ ниже увидимъ, самимъ Вальсамономъ попытка патріарха Михаила Керулларія присвоить нѣкоторыя внѣшнія отличія императорскаго сана—не была ли уже основана на грамотѣ Константина Великаго?

2) Объ этихъ спискахъ будетъ рѣчь дальше.

3) Такъ Оттобоніанскій кодексъ № 309, по которому мы издаемъ Константинову грамоту, писанъ, по замѣчанію его описателей, Казуланскимъ монахомъ Іоахимомъ (въ Мессинѣ. См. Codices mss. graeci Ottoboniani, p. 165; cfr. p. 298). О другихъ четырехъ Ватиканскихъ спискахъ, которыми пользовался Стевхъ въ своемъ сочиненіи о Константиновой грамотѣ, онъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что они писаны греками въ *Италіи* древними *Лонгобардскими* буквами (Opp. t. III, fol. 226). Ниже мы увидимъ, что эти древнія буквы не старше XIV вѣка. А отсюда само собою слѣдуетъ, что писцы всѣхъ упомянутыхъ списковъ были уже латинизованные греки. Въ частности, писецъ Оттобоніанскаго списка прибавилъ отъ себя приписку, не оставляющую никакого сомнѣнія относительно его вѣроисповѣданія, именно: Ταῦτα καὶ οἱ τῶν χριστιανῶν οὐκ ἀγνοήσαντες βασιλεῖς, ὧν πρῶτος ὁ μακάριος ἐγένετο Κωνσταντῖνος, [ὃς] τὸν πάπα[ν] Σίλβεστρον, τηνικαῦτα τὴν τῆς Ῥώμης ἐκκλησίαν ἰθύνοντα, κοινῷ ψηφίσματι, πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης διαδοθέντι, τοῦ Πέτρου διάδοχον καὶ τοῦ Χριστοῦ διὰ τοῦτον προσαγορεύει, ποιμένα τε πρῶτον καὶ διάδοχον (διδάσκαλον?) ἁπάσης τῆς ἐκκλησίας ἀποκαλεῖ. Καὶ δῆλον ὡς ἐπιψηφίζων, ἣν ἐν τοῖς χριστιανοῖς συνήθειαν εὗρε, ταῦτα ἐξεῖπεν· οὐ γὰρ ἐκ τῶν ἐθνικῶν, ἄρτι πρὸς τὴν ἐκκλησίαν ἐπιστραφείς, ἔμελλεν ἐν ταύτῃ καινοτομεῖν. Καὶ τούτῳ (т. е. Σιλβέστρῳ) τὴν Ῥώμην διὰ τὴν καθέδραν τοῦ μακαρίου Πέτρου καταλιμπάνει, οὐκ ἀξιῶν ὥς φησιν, ὅπου ὁ θρόνος τοῦ ἁγιωτάτου Πέτρου τοῦ βικαρίου τοῦ δεσπότου καὶ βασιλέως ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἵδρυται καὶ ἡ τῆς αὐτοῦ ἐκκλησίας ἀρχὴ, ἐκεῖ καὶ τὴν κοσμικὴν βασιλείαν ἱδρῦσαι, ἀλλὰ ταύτην μὲν τῷ μακαρίῳ Πέτρῳ καὶ τοῖς αὐτοῦ διαδόχοις ἀφιεροῦμεν, ἡμεῖς δὲ ζητήσομεν ἐν ἑτέρῳ τόπῳ βασίλειον ἱδρύσασθαι κατοικίαν. Καὶ ὅσα ἄλλα προστίθησιν, περί τε τῆς εἰς τὸ εὐαγγέλιον ἐπιστροφῆς ἑαυτοῦ διηγούμενος, καὶ περὶ τῆς ἀξίας τῶν διαδόχων τοῦ Πέτρου θεσπίζων, καὶ τοῖς μετὰ ταῦτα τιθησομένων (? ркп. τηθησομένων) παραδιδούς. Περὶ ἣν (т. е. ἀξίαν?), εἰ μὴ καὶ οἱ τῆς βασιλείας διάδοχοι τὴν ἴσην αὐτῷ φυλάξουσιν, ὡς εἴησαν, ἀποφαίνεται, μετὰ τῶν σταυρωτῶν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ τῆς ὀργῆς πειραθείησαν τῶν μακαριωτάτων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου. Πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ τοῦτό φησι· τάξιν ἡμεῖς στράτορος ἀπεπληρώσαμεν τῷ μακαρίῳ Σιλβέστρῳ πάπᾳ Ῥώμης, τῷ διαδόχῳ τοῦ

такого списка: тамъ со временъ Вальсамона и Властаря знали и переписывали *θέσπισμα τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου* только въ редакціяхъ этихъ канонистовъ[1]). Не значитъ ли это, что и самый греческій переводъ Константиновой грамоты въ полномъ ея видѣ сдѣланъ былъ не на востокѣ, а на западѣ, т. е. кѣмъ либо изъ окатоличенныхъ южно-италіанскихъ грековъ? Этимъ предположеніемъ дается нѣкоторая возможность приблизительно опредѣлить эпоху происхожденія издаваемаго нами греческаго перевода Константиновой грамоты и вмѣстѣ объяснить указанный фактъ совершеннаго отсутствія или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайной рѣдкости списковъ этого перевода на востокѣ. Извѣстно, что большинство греческихъ епископій южной Италіи подчинено было папскому престолу не раньше конца XI вѣка[2]). Это подчиненіе состояло собственно въ томъ, что право рукоположенія тамошнихъ епископовъ перешло отъ Константинопольскаго патріарха къ папѣ. Само собою понятно, что эта церковно-административная перемѣна не сразу обратила южно-италіанскихъ грековъ въ добрыхъ католиковъ. Вмѣстѣ съ своею національностію и языкомъ, они долгое время сохраняли свои обряды, свое вѣроисповѣданіе, свои каноническія воззрѣнія, основанныя на номоканонѣ восточной церкви. Еще въ половинѣ XII вѣка тамошній греческій архимандритъ Нилъ Доксопатръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о патріаршихъ престолахъ доказывалъ равенство Константинопольскаго патріарха, по преимуществамъ чести и власти, съ Римскимъ папою[3]). При такихъ условіяхъ въ средѣ греческаго духовенства южной Италіи едва ли могли скоро появиться переводчики латинскихъ, т. е. католическихъ источниковъ церковнаго права, въ особенности — такихъ, какъ грамота Константина Великаго въ полномъ ея видѣ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ XIII вѣка эта грамота сдѣлалась извѣстна въ Римѣ въ греческой редакціи Вальсамона[4]).

μακαριωτάτου μου Πέτρου, τοῦ βικαρίου τοῦ Χριστοῦ (fol. 19—20a). Такъ могъ писать только истовый католикъ.

1) Говоримъ это на основаніи извѣстныхъ каталоговъ греческихъ рукописей, находящихся въ библіотекахъ Іерусалима, Аѳона, Патмоса, Синая, греческаго королевства (именно каталоговъ: Пападопуло-Керамевса, Саккеллона, Ламброса, Гартгаузена).

2) См. Lenormant, La Grande-Grèce, t. II, p. 417—419 (ed. 1881). Сицилійская митрополія Сиракузы съ подчиненными ей епископіями (числомъ болѣе 20) еще во времена Нила Доксопатра (около полов. XII в.) оставалась подъ властію Константинопольскаго патріарха (см. Parthey, Hieroclis Synecdemus съ приложеніями, стр. 302).

3) См. въ указанномъ изданіи Parthey, p. 291 и слѣд.

4) Упомянутый папскій библіотекарь Августинъ Стевхъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ лютеранъ приводитъ цѣликомъ Вальсамоновъ текстъ Кон-

Если мы и допустимъ даже, что на востокѣ существовали когда-то списки полнаго греческаго перевода Константиновой грамоты, напримѣръ—тотъ, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ ея [1]), то все-таки останется безспорнымъ фактъ, что въ *оффиціальномъ* церковномъ употребленіи у грековъ находились только тѣ редакціи этой грамоты, въ какихъ она является у Вальсамона и Властаря. Отсюда возникаетъ новый и болѣе интересный для канониста вопросъ,— о причинахъ того, на первый взглядъ загадочнаго явленія, почему документъ, прямо направленный противъ грековъ,—документъ, въ которомъ Римскій папа объявляется главою всѣхъ церквей въ мірѣ и верховнымъ судьей всей духовной іерархіи, а патріархъ Константинополя, «новаго Рима», ставится на предпослѣднее или даже на послѣднее мѣсто въ ряду четырехъ восточныхъ патріарховъ,—документъ, въ которомъ выражена совершенно чуждая византійскимъ грекамъ мысль, что верховная власть въ церкви неизмѣримо возвышается надъ верховною властію въ государствѣ и что, поэтому, папская каѳедра и императорскій тронъ не могутъ находиться въ одномъ и томъ же городѣ,—почему такой документъ не только принятъ былъ на востокѣ за подлинную грамоту Константина Великаго, но и послужилъ однимъ изъ основаній для канонической теоріи объ особыхъ преимуществахъ (προνόμια) Константинопольскаго патріарха предъ прочими патріархами и даже — предъ самимъ папою? Разгадка этого явленія заключается въ издавна установившемся на востокѣ принципіальномъ воззрѣніи, что преимущества епископскихъ каѳедръ опредѣляются политическимъ значеніемъ городовъ, въ которыхъ онѣ находятся. Это воззрѣніе ясно высказано уже въ 3-мъ правилѣ второго вселенскаго собора, поставившаго Константинопольскаго епископа, по преимуществамъ чести, на первое мѣсто послѣ Римскаго епископа,

---

стантинова даренія по хранящейся въ Ватиканской библіотекѣ копіи, снятой въ 1206 году въ Константинополѣ для находившагося тамъ папскаго легата кардинала Бенедикта италіанскимъ грекомъ (изъ Идрунта) Николаемъ, который состоялъ при легатѣ переводчикомъ для разсужденій съ греками о предметахъ вѣры. Все это видно изъ слѣдующаго послѣсловія названнаго копіиста: Ἐγράφη παρὰ Νικολάου τοῦ Ὑδρουντίνου ἐν τῷ μεγάλῳ παλατίῳ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπὸ τῆς βίβλου, ὡς προείρηται (т. е. изъ номоканона съ толкованіями Вальсамона), τῇ προτροπῇ τοῦ κυρίου Βενεδίκτου τοῦ καρδιναλίου καὶ τοῦ τοποτηρητοῦ Ἰννοκεντίου τοῦ τρίτου πάπα Ῥώμης. Ἦν καὶ τότε προρηθεὶς Νικόλαος ἐξελληνιστὴς καὶ ἑρμηνεὺς αὐτοῦ καρδιναλίου καὶ τῶν γραϊκῶν ἐν ταῖς περὶ τῶν δογμάτων διαλέξεσι, ἔτει ,ς ψιε, ἰνδικτιῶνος ι' μηνὸς δεκεμβρίου (Steuchi Opp. t. III, append. p. 14).

1) Нельзя безусловно отвергать и того, что славянскій переводчикъ могъ имѣть подъ руками оригиналъ не восточнаго, а западнаго происхожденія.

«потому что градъ оный (Константинополь) есть новый Римъ», т. е. новая столица имперіи. «Послѣдуя тому же побужденію», т. е. принявъ во вниманіе, что «градъ, получившій честь быть градомъ царя и синклита, и имѣющій *равныя* преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ долженъ быть возвеличенъ подобно тому», Халкидонскій, четвертый вселенскій соборъ въ 28-мъ своемъ правилѣ предоставилъ Константинопольскому епископу, въ трехъ восточныхъ діэцезахъ, такія же права власти, какія принадлежали Римскому епископу на западѣ, но попрежнему призналъ за этимъ послѣднимъ первенство чести предъ всѣми равноправными съ нимъ іерархами. Смыслъ правила ясенъ: епископы двухъ столицъ, равныхъ по своему политическому значенію, должны имѣть равную власть въ дѣлахъ церковнаго управленія, и Римскій епископъ потому только остается primus inter pares, что Римъ есть *старшая* столица имперіи. Но извѣстно, что папы не довольствовались этимъ первенствомъ чести, а искали себѣ первенства власти, т. е. верховнаго господства надъ всею церковію. Само собою понятно, что эти притязанія прежде всего должны были встрѣтить отпоръ со стороны епископовъ «новаго Рима», «возвеличеннаго въ церковныхъ дѣлахъ» двумя вселенскими соборами «подобно ветхому царственному Риму». Принятый Константинопольскими патріархами въ концѣ VI вѣка титулъ οἰκουμενικός былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ чувствительныхъ для Римскихъ первосвященниковъ отвѣтовъ на ихъ властолюбивыя притязанія. Затѣмъ, когда политическая связь стараго Рима съ новымъ была окончательно разорвана учрежденіемъ на западѣ новой Римской имперіи, Константинопольскій патріархъ, въ глазахъ всего восточнаго христіанскаго міра, сдѣлался «вселенскимъ» не только по титулу, но и на самомъ дѣлѣ, такъ какъ, по общему признанію византійцевъ, на ихъ патріарха перешли теперь *всѣ* преимущества, принадлежавшія прежде Римскимъ папамъ. Сколько извѣстно, эту мысль въ первый разъ и со всею рѣшительностію высказалъ императоръ Михаилъ III въ письмѣ къ папѣ Николаю I, протестовавшему, во имя своего верховенства въ церкви, противъ поставленія въ патріархи Фотія на мѣсто низложеннаго Игнатія[1]). Отвѣтивъ на это

1) Письмо Михаила III къ папѣ Николаю не сохранилось до нашего времени. Но его содержаніе до нѣкоторой степени можетъ быть возстановлено по папскому отвѣту. Опытъ такого возстановленія сдѣланъ Гергенрётеромъ въ op. cit. т. I, стр. 552—553.

письмо обычными для папъ доводами въ пользу своего примата[1]), Николай I въ то же время приглашалъ нѣкоторыхъ западныхъ епископовъ, славившихся своими богословскими познаніями, принять участіе въ литературной борьбѣ съ греками за права апостольскаго престола[2]). Въ одномъ изъ сочиненій, написанныхъ по этому вызову папы, именно въ liber adversus Graecos Парижскаго епископа Энея (около 868 г.), содержится первая несомнѣнная ссылка на Константинову дарственную грамоту въ доказательство главенства папъ надъ всею церковію[3]). Но никто изъ латинскихъ средневѣковыхъ писателей, пользовавшихся этою грамотою въ интересахъ папскаго престола, не обратилъ вниманія на то, что она плохо согласуется съ ученіемъ Римской церкви о папскомъ приматѣ, какъ *божественномъ* учрежденіи[4]). Отсюда и получилась для грековъ логическая возможность обратить туже грамоту въ доказательство равенства Константинопольскаго патріарха съ Римскимъ папою. Въ самомъ дѣлѣ, если по смыслу этой грамоты всѣ чрезвычайныя привилегіи Римской церкви утверждаются исключительно на пожалованіи перваго христіанскаго императора: то отсюда само собою слѣдовало, что тотъ же императоръ, перенеся свой тронъ изъ Рима въ Византію, тѣмъ самымъ положилъ начало возвышенію этого города, въ церковномъ и политическомъ отношеніяхъ, на одну степень съ древнимъ Римомъ. Это заключеніе вполнѣ подтверждалось уже извѣстными намъ правилами двухъ вселенскихъ соборовъ (второго и четвертаго) и законами преемниковъ Константина Великаго. Такъ въ сущности разсуждалъ Вальсамонъ въ тѣхъ своихъ толкованіяхъ на эти правила и законы, въ которыхъ онъ ссылается на θέσπισμα τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου въ доказательство равенства іерархическихъ правъ Константинополь-

1) Гергенрётеръ, тамъ же, стр. 571.

2) Такъ въ письмѣ къ Гинкмару Реймскому, писанномъ въ 867 г., папа сообщалъ, между прочимъ: Sed quid mirum, si hoc isti (Graeci) pretendunt (обвиняютъ латинянъ въ субботнемъ постѣ), cum etiam glorientur atque perhibeant, quando de Romana urbe imperatores Constantinopolim sunt translati, tunc et primatum Romanae sedis ad Constantinopolitanam ecclesiam transmigrasse et cum dignitatibus regiis etiam ecclesiae Romanae privilegia translata fuisse. См. Грауерта цит. сочин. стр. 536—537.

3) См. тамъ же, стр. 554—555.

4) Это несогласіе псевдо-Константиновой грамоты съ догматическимъ ученіемъ римской церкви о главенствѣ папы, какъ божественномъ учрежденіи, и было однимъ изъ главныхъ основаній вышеупомянутаго мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ о происхожденіи грамоты не на западѣ, а на востокѣ. Сколько извѣстно, первый католическій писатель, высказавшій это мнѣніе, былъ извѣстный церковный лѣтописецъ Бароній. См. Hist. Jahrb. IV Bd. 4 Heft, S. 525.

во вселенной (εἰς περιωπὴν πρωτίστην ἀναβιβασαμένη, τὰς ἀνὰ οἰκουμένην διοικήσεις ἁπάσας ὑπὸ τοῦτον ἐτάξατο) [1]. Въ этомъ порядкѣ идей грамота Константина Великаго, очевидно, получала на востокѣ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ какой имѣла она на западѣ: здѣсь она обращала церковь въ государство, надѣляя папу всѣми аттрибутами верховной мірской власти, а тамъ ставила государство надъ церковію, давая императору титулъ и права верховнаго правителя и вершителя церковныхъ дѣлъ (ἐπιστημονάρχης τῆς ἐκκλησίας)». Такъ именно воспользовался грамотою Константина Великаго Михаилъ Палеологъ въ одномъ своемъ указѣ на имя патріарха. Ссылаясь на то мѣсто этой грамоты, гдѣ клирикамъ Римской церкви даются привилегіи сенаторовъ, а сенаторамъ, призываемымъ въ клиръ, запрещается противиться этому призванію, названный императоръ, въ качествѣ ἐπιστιμονάρχου τῆς ἐκκλησίας, предписалъ патріарху, чтобы онъ нѣкоему діакону Θеодору Скутаріоту, возведенному имъ, императоромъ, въ санъ дикеофилакса (въ родѣ государственнаго прокурора), далъ соотвѣтственное мѣсто и въ ряду высшихъ чиновъ Великой церкви (такъ называемыхъ экзокатакиловъ) [2].

Патріархи, получавшіе такіе приказы отъ императоровъ на основаніи грамоты Константина Великаго, могли сами пользоваться ею развѣ только какъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія на своихъ повелителей, внушая имъ, какъ преемникамъ Равноапостольнаго, подражать его примѣру въ своихъ отношеніяхъ къ церкви. Такое именно значеніе придавалъ Константиновой грамотѣ Властарь. Онъ внесъ ее въ свою алфавитную каноническую Синтагму не какъ прямой источникъ права Константинопольской церкви, а какъ письменный памятникъ, «лучше всякой монументальной колонны свидѣтельствующій о томъ, какими преимуществами слѣдовало бы надѣлять церковь Христову царямъ, не пренебрегающимъ требованіями благочестія» [3]. Однако на востокѣ, уже вскорѣ послѣ Властаря и несмотря на авторитетъ, какимъ пользовалась тамъ его Синтагма, стали появляться лица, рѣшительно отрицавшія подлинность Константинова даренія. Такъ въ самомъ началѣ XV вѣка одинъ анонимный византійскій писатель въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Латинянъ приво-

1) Alexias, ed. Bonn, vol. I, p. 64.

2) Σύντ. V, 328.

3) Σύντ. VI, 260: πάσης ἄμεινον στήλης βοᾷ, οἵοις πρεσβείοις δίκαιοι ἂν εἶεν οἱ μὴ ἐν παρέργῳ τὰ τῆς εὐσεβείας τιθέμενοι βασιλεῖς, τὴν τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίαν δωρεῖσθαι.

дитъ слѣдующія доказательства подложности этого документа: 1) въ немъ Римскій папа объявляется главою четырехъ патріарховъ и въ томъ числѣ—Константинопольскаго, а между тѣмъ въ концѣ того же документа сказано, что Константинъ только еще предполагаетъ устроить Константинополь; 2) папѣ предоставляется рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся христіанской вѣры, но это не исполнялось и при самомъ Константинѣ, при которомъ для осужденія ереси Арія созванъ былъ первый вселенскій соборъ; 3) въ грамотѣ говорится, что Константинъ даритъ папѣ Сильвестру и его преемникамъ Римъ, селенія и города всей Италіи и всѣхъ западныхъ странъ; но это ложно, ибо Константинъ, перенеся столицу въ Византію, поставилъ царемъ въ Римѣ, Италіи и Нижней Галліи третьяго сына своего Константа, а въ Верхней Галліи—перваго Константина. Когда же послѣдній умеръ, то Константъ сдѣлался государемъ всѣхъ западныхъ странъ; 4) первый и второй вселенскіе соборы утверждаютъ первенство Римскаго епископа не на грамотѣ Константина Великаго, а на «древнемъ обычаѣ», и ни одинъ соборъ, ни восточный ни западный, не называетъ Римскаго епископа папою (какъ онъ называется въ грамотѣ), а просто—Римскимъ епископомъ[1]). Подложность Константиновой грамоты, по свидѣтельству новѣйшаго греческаго церковнаго историка—Мелетія, митрополита Аѳинскаго, доказывалъ еще другой византійскій писатель XV вѣка—Макарій, митрополитъ Анкирскій, сочиненіе котораго (неизданное) противъ Латинянъ и послѣдователей Варлаама и Акиндина до сихъ поръ извѣстно только по нѣсколькимъ отрывкамъ, приведеннымъ у Алляція[2]). Самъ Мелетій Аѳинскій на-

1) Это сочиненіе издано Іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ въ началѣ сборника разныхъ полемическихъ трактатовъ противъ Латинянъ, названнаго издателемъ Τόμος καταλλαγῆς (Яссы, 1692). О нашемъ анонимѣ Досиѳей въ предисловіи къ своему сборнику сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: δοκεῖ ἀπὸ τοῦ ἑκατοστοῦ ἕκτου κεφαλαίου (сочиненіе анонима состоитъ изъ 120 главъ), εἶναι αὐτὸν Κωνσταντινουπολίτην· ἤρξατο δὲ συγγράφειν τὴν πραγματείαν ταύτην ἐν Παρισίοις τῆς Γαλλίας (гдѣ авторъ находился, вѣроятно, въ 1400 году вмѣстѣ съ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ). Ἤκμαζε δ' ἐπὶ Μανουὴλ τοῦ Παλαιολόγου (1391—1425), ἐφ' οὗ ἀπὸ Ῥώμης ἐλθόντες τινὲς πρέσβεις ἐζήτουν διαλέξεις, ὡς ἱστορεῖ Ἰωσὴφ ὁ Βρυέννιος, καὶ ἀπὸ Παρισίων ἐλθόντες ἕτεροι ἐζήτουν σύνοδον, ὡς ἱστοροῦσιν ἄλλοι. Ἦν δὲ οὐ μόνον σοφὸς ὁ ἀνήρ, ἀλλὰ καὶ δίκαιος καὶ ὅσιος. Ἐπειδὴ ἐν οἷς γράφει περὶ συνόδων, προλέγει τὰ ὕστερον γεγονότα ἐν τῷ Φλωρεντινῷ συνεδρίῳ.— О грамотѣ Константина анонимъ Досиѳея разсуждаетъ въ 6-й главѣ своего сочиненія. (См. стр. 8—10).

2) Объ этомъ Макаріи и его неизданномъ сочиненіи, носящемъ въ рукописяхъ надписаніе: Κατὰ τῆς τῶν Λατίνων κακοδοξίας καὶ κατὰ Βαρλαὰμ καὶ Ἀκινδύνου, см. у Фабриція въ Biblioth. graec. t. VIII, p. 367, ed. Harless. Тамъ же указаны и всѣ

зываетъ Константинову грамоту *πλάσμα ψευδὲς καὶ ὑστερογενές* и въ оправданіе этого отзыва ссылается не только на Макарія Анкирскаго (именно на 33-ю главу его означеннаго сочиненія), но и на многихъ позднѣйшихъ писателей, западныхъ и восточныхъ[1]). Наконецъ разныя доказательства подложности Константинова даренія приведены въ двухъ *оффиціальныхъ* изданіяхъ каноническаго кодекса греческой церкви, одновременно вышедшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: въ Κανονικόν монаха Христофора и въ Пидаліонѣ аѳонскаго іеромонаха Никодима (1800)[2]).

II.

У насъ въ Россіи псевдо-Константинова грамота дѣлается извѣстною (конечно, въ славянскомъ переводѣ) не позднѣе XV вѣка. По крайней мѣрѣ къ этому времени относится старшій славянскій списокъ ея, находящійся въ одной рукописи Московскаго Публичнаго Музея[3]). Этотъ и другіе, позднѣйшіе списки представляютъ намъ переводъ грамоты въ той полной (двухчастной) редакціи, въ какой она впослѣдствіи напечатана была въ Кормчей книгѣ, и—надобно замѣтить—только въ этой редакціи она исключительно и употреблялась у насъ какъ прежде, такъ и послѣ печатнаго изданія Кормчей[4]). По

мѣста въ извѣстномъ трудѣ Алляція de consens., гдѣ приведены отрывки изъ означеннаго сочиненія Макарія Анкирскаго.

1) Μελετίου Ἀθηνῶν Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, т. I, стр. 315—316. Вѣна. 1783. Замѣчательно однако, что еще въ концѣ XVI вѣка одинъ изъ образованнѣйшихъ греческихъ іерарховъ того времени Мелетій Пигасъ, патріархъ Александрійскій, пользовался грамотою Константина В., какъ вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній. См. отрывокъ изъ его посланія къ западно-русскимъ православнымъ у Алляція въ цитованномъ сочиненіи, стр. 208—209.

2) Въ томъ и другомъ изданіи доказательства подложности Константиновой грамоты помѣщены въ примѣчаніяхъ къ 28 правилу Халкидонскаго собора.

3) Главное содержаніе этой рукописи, бывшей Ундольскаго № 1, составляютъ ветхозавѣтныя библейскія книги. Грамота Константина находится въ ней на лл. 423 об.—429. Ср. «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго». Москва. 1870, столб. 1—5.

4) Что касается до двухъ другихъ греческихъ редакцій Константиновой грамоты—Вальсамоновой и Властаревой, то первая вовсе была у насъ неизвѣстна (за неимѣніемъ въ древней Руси славянскаго перевода толкованій Вальсамона на Фотіевъ номоканонъ), а вторая хотя и входила въ составъ полныхъ славянскихъ списковъ Синтагмы Властаря, переведенной въ Сербіи, вѣроятно, въ концѣ XIV в., но полные *русскіе* списки ея появляются у насъ довольно поздно—не раньше первой половины XVII в. Какъ рѣдки были такіе списки до указанной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ Великой Руси, видно изъ предисловія къ первому Московскому изданію

сравненію съ греческимъ подлинникомъ, всѣ извѣстные намъ списки славянскаго перевода Константиновой грамоты раздѣляются на два разряда: одни передаютъ юридическое содержаніе подлинника безъ всякихъ перемѣнъ и дополненій [1]); въ другихъ, напротивъ, видна тенденція переводчика исправлять и дополнять подлинникъ согласно съ положительными канонами и жизненными интересами православной церкви. Эта тенденція выразилась, во первыхъ — въ перемѣнѣ порядка, въ какомъ исчисляются въ подлинникѣ восточные патріархи: Константинопольскій патріархъ перенесенъ съ предпослѣдняго мѣста на первое; во вторыхъ — въ припискѣ къ концу грамоты особаго наставленія всѣмъ христіанскимъ государямъ, имѣющимъ быть во вселенной, оказывать духовной іерархіи подобающую честь, по примѣру, явленному въ настоящей грамотѣ [2]). Но не въ этомъ только состоитъ различіе между списками того и другого разряда: они разнятся между собою и по *самому переводу* греческаго подлинника. Въ доказательство этого различія приведемъ изъ старшихъ списковъ того и другого разряда, параллельно съ подлинникомъ, хоть то мѣсто, гдѣ исчисляются восточные патріархи:

Старшій списокъ перваго разряда (Ундол. № 1302).	Греческій подлинникъ по нашему изданію.	Старшій списокъ второго разряда (Ундол. № 1).
Еще же рассꙋжающе повелѣваемъ, власть имѣти на изрѧдныѩ четыре престолы: Антиѡхїйскаго, Александрїйскаго, Кѡнстѧнтиноградскаго, Иерꙋсалимскаго,	Ἔτι τε ψηφιζόμενοι θεσπίζομεν, ἀρχὴν ἔχειν ἐπί τε τοὺς ἐξαιρέτους τέσσαρας θρόνους, τὸν Ἀντιοχείας, τὸν Ἀλεξανδρείας, τὸν Κωνσταντινουπόλεως, τὸν Ἱεροσολύμων, ἔτι	Ἐще же оу҆ставлѧю҆ще оу҆законополагаѐмь, начальство и҆мѣти на и҆зрѧднѣи҆шихъ четырехъ прѣстолѣхъ: Константинопол҆ского, гл҃а, Алеѯандрїйскаго, Антїѡхїйскаго, и Ἰе-

номоканона при Большомъ Требникѣ (1639 г.). Здѣсь въ отвѣтъ на внушеніе, высказанное въ предисловіи къ Кіевскому изданію того же номоканона (1624 г.), — пріобрѣсти, для «пространнѣйшаго» ознакомленія съ церковными правилами, и другіе сборники ихъ, между прочимъ, Синтагму Властаря, замѣчено, что неизвѣстно, имѣются ли рекомендуемыя книги въ Великой Россіи, или нѣтъ (см. нашъ Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, стр. 14). Во всякомъ случаѣ въ памятникахъ русскаго церковнаго права и церковной литературы XVI—XVII вв. не встрѣчается никакихъ слѣдовъ употребленія Константиновой грамоты въ переводѣ Властаревой Синтагмы.

1) Таковы именно списки: бывшій Ундольскаго, нынѣ Москов. Публ. Музея, въ сборникѣ начала XVI в. № 1302, л. 52—61, и списокъ XVII в. въ сборникѣ Общ. Истор. и Древн. Росс. № 194, л. 9—20.

2) Таковъ указанный нами *старшій* славянскій списокъ Константиновой грамоты въ рукописи Ундольскаго № 1.

Старшій списокъ перваго разряда (Ундол. № 1302.

таже на вса ꙗже по вселеннѣй бж҃іихъ цр҃квахъ, и еже по времена[мъ] тоꙗ сщ҃енныꙗ и ст҃ыꙗ Римскїꙗ цр҃кви бываемаго ст҃лꙗ вышьшаго быти и ѡбладателꙗ всѣмъ сщ҃енникомъ иже по вселеннѣй, но и вса, ꙗже достоить попеченіе имѣти къ бж҃ественной же слꙋжбѣ или къ крѣпости хр҃тьꙗньской вѣрѣ, еговымъ сꙋдомъ строитисꙗ.

Греческій подлинникъ по нашему изданію.

τε ἐπὶ πάσας τὰς ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ τοῦ ϑεοῦ ἐκκλησίας, καὶ κατὰ καιροὺς αὐτῆς τῆς ἱερᾶς καὶ ἁγίας Ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας ὄντα ἀρχιερέα ὑψηλότερον εἶναι καὶ ἄρχοντα πάντων τῶν ἱερέων τῶν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ· ἀλλὰ καὶ πάντα, ὧν δεῖ φροντίζειν πρός τε τὴν ϑείαν λατρείαν, ἢ τὴν στερεότητα τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως, τῇ τούτου κρίσει οἰκονομεῖσϑαι.

Старшій списокъ второго разряда (Ундол. № 1).

роусалимьскаго, ѐще же на всѣхъ ѝже въ всей вселенѣй бж҃їихь цр҃квь, ѝ по врѣменомь той сщ҃еннѣйшой ѝ ст҃ой Римской цр҃кви соущаго ст҃лꙗ вышьшаго быти ѝ властелина надъ всѣми сщ҃енникы ѝже въ всей вселенѣй, но ѝ вса, ѡ ѝхже достоѝть печаловатисꙗ къ бж҃твной слꙋжбѣ, ѝли къ крѣпости христїанскоꙗ вѣры, сего соудомь оу̓строа̓тисꙗ.

Съ филологической точки зрѣнія, различіе между этими переводами оказывается не настолько глубокимъ, чтобы можно было съ увѣренностію говорить о полной независимости одного изъ нихъ отъ другого, и затѣмъ по даннымъ языка рѣшать, который изъ нихъ старше. Но если взять во вниманіе указанное различіе ихъ по *внутреннему характеру*, то нужно будетъ отдать преимущество старшинства тому переводу, который находится въ спискѣ *перваго* разряда. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы при существованіи на Руси или у южныхъ славянъ такого перевода Константиновой грамоты, въ которомъ ей приданъ вполнѣ православный характеръ, могъ появиться тамъ или здѣсь другой переводъ той же грамоты съ противоположнымъ характеромъ. Старшинство этого другого перевода, по крайней мѣрѣ по началу его употребленія у насъ въ Россіи, доказывается и тѣмъ, что русскіе списки его продолжали появляться и послѣ того, когда къ намъ занесены были изъ южно-славянскихъ земель списки новаго перевода съ указаннымъ тенденціознымъ характеромъ[1]). Впрочемъ уже въ XVI вѣкѣ у насъ образовались, такъ

1) Ниже мы увидимъ, что старшій списокъ второго разряда носитъ на себѣ ясные слѣды происхожденія отъ юго-славянскаго прототипа.

сказать, сводные списки Константиновой грамоты, такіе, въ которыхъ первоначальное различіе двухъ переводовъ ея въ каноническомъ отношеніи было совершенно уничтожено, а въ литературномъ—значительно сглажено. Такими именно списками пользовались наши духовные іерархи во всѣхъ ниже указанныхъ случаяхъ. Таковъ же былъ и тотъ списокъ, по которому грамота Константина Великаго напечатана въ Кормчей книгѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта грамота находилась у насъ въ болѣе обширномъ и разнообразномъ употребленіи, чѣмъ у грековъ. Доказательства такого употребленія мы находимъ и въ оффиціальныхъ церковныхъ документахъ, и въ литературныхъ памятникахъ, начиная съ первыхъ годовъ XVI-го и до самаго конца XVII-го вѣка. На ряду съ церковнымъ уставомъ св. Владиміра, «царское повелѣніе» Константина Великаго признавалось и, до указанной эпохи, было на Руси незыблемымъ основаніемъ имущественныхъ, судебныхъ и административныхъ правъ духовной іерархіи. А этимъ правамъ, какъ извѣстно, уже съ конца XV вѣка стала грозить серьезная опасность со стороны свѣтскаго правительства. Такъ великій князь Иванъ III, при покореніи въ 1478 году Новгорода, отобралъ у тамошняго владыки и монастырей значительную часть принадлежавшихъ имъ земельныхъ владѣній [1]). А въ 1503 году тотъ же русскій «самодержецъ» предложилъ Московскому духовному собору отдать въ казну всѣ церковныя и монастырскія вотчины. Въ соборномъ отвѣтѣ на это предложеніе въ первый разъ встрѣчаются дословныя выписки изъ Константиновой грамоты, приведенныя въ доказательство неприкосновенности всѣхъ вообще церковныхъ стяжаній и сопровождающіяся такимъ внушеніемъ и комментаріемъ: «Хотяй же о сихъ пространнѣе увѣдати, да прочтетъ (всю) духовную благочестиваго и великого царя Констянтина... И ащебы были грады и власти (=волости) и села и винограды и езера и пошлины неприличны и неполезны божественымъ церквамъ, не быша премолчали святіи отци 318 перваго собора, но всячьскы бы возбранили царю Констянтину таковое дѣло, и не токмо не возбраниша, но и свято Господеви и похвально и благопріятно благоволиша» [2]). Спустя около двухъ лѣтъ послѣ собора 1503 года у насъ

1) Подробности объ этомъ см. въ нашемъ сочиненіи: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи». Одесса. 1871, стр. 32—36.

2) Соборный отвѣтъ 1503 г. въ первоначальной его редакціи см. тамъ же стр. 42—46. Въ немъ приведены слѣдующіе отрывки изъ Константиновой грамоты.

появился обширный анонимный трактатъ на ту же тему, написанный по порученію какого-то архіепископа (вѣроятно, Геннадія Новгородскаго) подъ заглавіемъ: «Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя, подвижныя и неподвижныя, соборныя церкви вступаются и отъимати [ихъ], противу спасенія души своей, дерзаютъ, заповѣди Божіи и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще»[1]). Авторъ этого весьма не «краткаго» слова, несомнѣнно пользовавшійся латинскими источниками, имѣлъ въ числѣ ихъ и латинскій оригиналъ Константиновой грамоты, изъ которой привелъ *въ своемъ собственномъ переводѣ* слѣдующій отрывокъ съ прямымъ указаніемъ его источника: «Константинъ Великій, сынъ Еленинъ, царь вселенныа земель, далъ церкви святѣй Римстѣй многа благаа, подвижнаа и неподвижнаа: царства, страны, земли, грады, злато, сребро, яко являеться въ писаніи, за златою печатью на сіа учиненномъ, въ немже близь конца сице пишеться: «да не оскудѣетъ превысота архіерейскаа нищетою, но да украшена будетъ славою и достоиньствомъ Римьская церькви, толико домъ нашь, елико Римскій градъ и вси Италійскіе и вси западные страны, мѣста, грады, островы, яже окрестъ Италіи суть, отцу нашему Сильвестру и всѣмъ по немъ будущимъ подъ правдою Римскіа

«Рече блаженный Констянтинъ царь: по всей же вселеннѣй церквамъ, содержанія ради и крѣпости, свѣтлость ми стяжанія, земли, села и винограды, пошлины сочетавше дахомъ. И божественнымъ и нашимъ повелѣніемъ на въсточныхъ и на западныхъ и на южныхъ странахъ и по всей вселеннѣй, идѣже православніи царіе и князи и властели подъ нами обладаютъ, владати святителемъ, и никаковому мірскому сану смѣти прикоснутися церковнымъ пошлинамъ, Богомъ заклинаемъ и божественнымъ Его повелѣніемъ и нашимъ повелѣніемъ утвержаемъ непреложно и съблюдено быти дажь и до скончанія вѣка сего». *Того же:* «Сія убо вся, яже по вселеннѣй даныя святителемъ церковныя пошлины, неприкосновенна и непоколеблема пребывати повелѣваемъ. Тѣмже предъ живымъ Богомъ, иже повелѣвшему (sic) намъ царствовати, и предъ ужаснымъ его судомъ засвидѣтельствуемъ ради божественнаго и нашего ради царскаго сего уставленія всѣмъ нашимъ преемникомъ, иже по насъ царемъ быти хотящимъ, всѣмъ тысущникомъ, всѣмъ сотникомъ и всѣмъ велможамъ и всему пространнѣйшему синклиту полаты нашего царства и всѣмъ иже по вселеннѣй бывающимъ царемъ и княземъ и властелемъ по насъ, и всѣмъ иже по всей вселеннѣй людемъ, иже нынѣ сущимъ и потомъ быти хотящимъ, ни единоже отъ сихъ преложити или претворити нѣкоторого ради образа, яже божественнымъ и нашимъ царскимъ повелѣніемъ священнѣй и святѣй Римской церкви и всѣмъ иже подъ нею святителемъ, по всей вселеннѣй бываемымъ подаваема, да не смѣетъ никтоже порушити или прикоснутися, или которымъ образомъ досадити». Обѣ выписки приведены соборомъ по списку *первагo* разряда.

1) Соображенія объ авторѣ и мѣстѣ написанія этого «Слова» изложены въ цитованномъ нашемъ сочиненіи на стр. 62—63 (примѣч.).

церкви, любовію даемъ и даруемъ о Христѣ, человѣческаго рода Искупителѣ. Мы же наше царство пренесемъ на востокъ, въ Византію градъ» и прочаа, яко являетъ въ писаніи, за златою печатью на сіе дарованіе написанномъ, яже здѣ продолжно есть вся слово въ слово въписати»[1]). Затѣмъ въ эпоху Стоглаваго собора, когда въ правительственныхъ сферахъ снова возникъ вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, митрополитъ Макарій въ своемъ «Отвѣтѣ царю Ивану Васильевичу *отъ божественныхъ правилъ* о недвижимыхъ церковныхъ вещехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», выписалъ почти половину второй части Константиновой грамоты[2]). Та же самая выписка, съ небольшимъ сокращеніемъ въ началѣ, принята и въ Стоглавъ, въ которомъ она составляетъ особую (60-ю) главу.

Но никто изъ іерарховъ до-Петровской Руси не пользовался грамотой Константина Великаго такъ широко и вмѣстѣ такъ тенденціозно, какъ издатель ея въ печатной Кормчей—патріархъ Никонъ. Въ самомъ этомъ изданіи несомнѣнно выразилось намѣреніе патріарха имѣть въ составѣ книги «божественныхъ правилъ» такую статью, авторитетомъ которой можно было бы отражать всякія посягательства на существующія права русской церкви. Крупный примѣръ нарушенія этихъ правъ Никонъ видѣлъ, еще до своего патріаршества, въ учрежденіи Монастырскаго приказа, въ вѣдомство котораго Уложеніемъ 1649 г. отданы были всѣ гражданскія дѣла духовенства, не выключая и высшихъ іерархическихъ лицъ. Борьба съ этимъ приказомъ и вообще съ духомъ времени, побуждавшимъ свѣтское правительство неуклонно стремиться къ секуляризаціи церковнаго вѣдомства, была для Никона дѣломъ принципіальной необходимости. Готовясь къ этой борьбѣ, онъ согласился на избраніе въ патріархи только послѣ того, когда царь, бояре и всѣ духовныя власти дали ему торжественную клятву, «соблюдать евангельскіе Христовы догматы и правила св. апостолъ и св. отецъ и *законы благочестивыхъ царей*»[3]). Соблюденіе «Христовыхъ догматовъ», т. е. обще-церковнаго Символа вѣры, тре-

1) Ркп. Москов. Синод. библіот. № 759, л. 225.

2) Отвѣтъ митрополита Макарія напечатанъ, съ опущеніемъ того, что принято въ Стоглавъ, въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности Тихонравова, т. V, отд. III, стр. 129 и слѣд. Выписка изъ Константиновой грамоты въ «Отвѣтѣ» Макарія (и въ Стоглавѣ) приводится опять по списку перваго разряда, но уже съ извѣстнымъ дополненіемъ въ концѣ грамоты изъ списка второго разряда.

3) Макарій, Ист. русс. церкви, т. XII, стр. 6—7; ср. 288.

бовалось, конечно, только pro forma, потому что къ этому обязывался каждый православный христіанинъ при самомъ крещеніи: вся сила клятвы полагалась, такимъ образомъ, въ соблюденіи того, что̀ ближе къ жизни и что содержалось въ «правилахъ св. апостолъ и св. отецъ» и въ особенности — въ «законахъ благочестивыхъ царей». Тутъ, безъ сомнѣнія, разумѣлась Кормчая книга, уже отпечатанная при патріархѣ Іосифѣ (въ 1650 г.), но, какъ догадываются, по настоянію самого Никона задержанная въ типографіи для особаго соборнаго одобренія [1]). Дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго патріарха было соборное «освидѣтельствованіе» Кормчей. Она оказалась, по своему составу, недостаточною для цѣлей церковнаго управленія, заранѣе намѣченныхъ Никономъ. По его указанію, прибавлены были двѣ статьи въ началѣ Іосифовской Кормчей: объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и поставленіи въ патріархи «великаго государя» Филарета Никитича, и двѣ въ концѣ: «царское повелѣніе» Константина Великаго и сказаніе «о Римскомъ отпаденіи». Между этими статьями не трудно усмотрѣть внутреннюю, идейную связь, въ какой онѣ представлялись уму патріарха Никона. Взятыя въ своей совокупности, онѣ выражали, вопервыхъ, идею величія русскаго патріаршества, сравнительно съ современными восточными патріархатами, и вовторыхъ, идею превосходства духовной власти надъ мірскою, патріаршей надъ царскою. Выразителемъ первой идеи является въ статьѣ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества самъ совершитель этого учрежденія—Константинопольскій патріархъ Іеремія. Ему приписываются въ статьѣ такія слова, обращенныя къ царю Ѳеодору Ивановичу: «Воистину въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, Духъ Святый пребываетъ, и отъ Бога сицевая мысль (о русскомъ патріаршествѣ) тобою въ дѣло произведена будетъ правѣ, и истинно вашего благородія начинаніе, а нашего смиренія и всего освященнаго собора того превеликаго дѣла совершеніе. *Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполинаріевою ересію, вторый же Римъ, еже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемь. Твое же, о благочестивый царю, великое русійское царствіе, третій Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая въ твое царствіе въ едино собрашася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешися во всей вселеннѣй, во всѣхъ христіанѣхъ*» [2]). Вторая идея выражена съ немень-

1) Тамъ же, стр. 229.

2) Кормчая, изд. 1787 г., л. 15. Авторъ статьи заставляетъ патріарха повторять

шею силою въ ставленой грамотѣ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана «великому государю» всероссійскому патріарху Филарету Никитичу, который названъ въ этомъ актѣ «*главою* и пастыремъ» царя не только «въ духовныхъ вещехъ», но и въ «*тѣлесныхъ*» (гражданскихъ), и не потому только, что онъ—отецъ царю по плоти, но и по слѣдующимъ предписаніямъ закона Божія: «*Слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается*. И паки: иже чтитъ іерея, чтитъ вышняго Бога, понеже іерейская честь на Бога восходитъ. Да аще убо тако къ простымъ іереомъ завѣщаніе и повиновеніе подобаетъ соблюдати, кольми паче ко превосходящимъ честію, наипаче же сему нынѣ свято помазанному превысокому патріарху, отцемъ отцу и крайнему святителю, егоже санъ святительства не точію здѣ, но и въ самомъ небеси мощенъ есть»[1]) и пр. Если патріархъ Филаретъ Никитичъ получилъ титулъ «великаго государя» и названъ «главою и пастыремъ» царя потому, что былъ ему отецъ, то Никонъ считалъ себя въ правѣ носить такой же титулъ и стоять въ такихъ же отношеніяхъ къ юному и «тишайшему» царю Алексѣю Михаиловичу не только какъ «собинный другъ» его, но и въ силу грамоты Равноапостольнаго царя Константина, къ соблюденію которой русскій царь обязался торжественною клятвою. А вся эта грамота, въ свою очередь, есть торжественное признаніе Римскимъ самодержцемъ неизмѣримаго превосходства духовной власти надъ мірскою. Правда, она дана Римскому папѣ, а не кому-либо изъ восточныхъ патріарховъ и всего менѣе—русскому. Но въ отвѣтъ на подобное возраженіе, вслѣдъ за грамотой, помѣщено въ Кормчей историческое сказаніе объ отпаденіи Римлянъ отъ православной вѣры и церкви. Такимъ образомъ изъ сопоставленія всѣхъ четырехъ статей выходило, что русскій патріархъ есть прямой наслѣдникъ всѣхъ преимуществъ, предоставленныхъ Константиномъ Великимъ Римскому папѣ, потомъ, послѣ паденія папъ въ разныя ереси, перешедшихъ къ Константинопольскому патріарху и утраченныхъ этимъ послѣднимъ вслѣдствіе «агарянскаго насилія». Такъ смотрѣлъ на себя патріархъ Никонъ и такъ понималъ онъ «царское повелѣніе» Константина Великаго. Этотъ взглядъ и это пониманіе со всею силою и крайнею рѣзкостію высказаны Никономъ въ одномъ изъ «возраженій» боярину Стрѣшневу и извѣстному грече-

---

слова Псковскаго старца Филоѳея, находящіяся въ его посланіи къ великому князю Василію Ивановичу. См. Правосл. Собесѣд. 1863, кн. I, стр. 337 и слѣд.

1) Кормчая, л. 32 об.—33.

скому архіерею Паисію Лигариду, обвинявшимъ его, между прочимъ, въ неблагодарности царю, который, съ своей стороны, поручилъ ему «досматривать всякія судьбы (судныя дѣла) церковныя и надѣлилъ его всѣми привилегіями, какія Константинъ Великій даровалъ папѣ Сильвестру». Отвѣчая на первую половину этого обвиненія, Никонъ писалъ слѣдующее: «какъ ты говоришь, совопросниче, что царь поручилъ Никону досматривать всякія судьбы церковныя? Развѣ ты не знаешь, что не отъ царей пріемется начальство священства, но отъ священства на царство помазуются, и что священство гораздо болѣе царства? Мы не знаемъ иного законоположника себѣ, кромѣ Христа, который далъ намъ власть вязать и рѣшить. Ужь не эту ли привилегію далъ намъ царь? Нѣтъ, но онъ похитилъ ее отъ насъ, какъ свидѣтельствуютъ его беззаконныя дѣла. Какія? Онъ церковію обладаетъ, священными вещами обогащается и питается, славится тѣмъ, что всѣ церковники—митрополиты, архіепископы, епископы, священники и всѣ причетники покоряются ему, оброки даютъ, работаютъ, воюютъ, судомъ и пошлинами (ихъ) владѣетъ.... Скажи мнѣ, какія привилегіи подарилъ мнѣ царь, и я скажу, какія онъ разорилъ и пренебрегъ.... Онъ уничижилъ и обезчестилъ благодать Св. Духа и сотворилъ ее немощною, такъ что безъ царскаго указа она нынѣ не можетъ дѣйствовать. Нынѣ архіереи пишутъ, что поставили того или другого архимандрита, или священника по благодати Св. Духа и по указу великаго государя. Онъ не содрогается, что такая хула на Св. Духа не простится ему ни въ сей жизни, ни въ будущей, но дѣйствуетъ, какъ великій архіерей, и кого хочетъ, того приказываетъ рукополагать». Затѣмъ Никонъ переходитъ ко второму заявленію своихъ противниковъ—о томъ, что царь надѣлилъ его, Никона, всѣми привилегіями, какія Константинъ Великій далъ папѣ Сильвестру, и опровергаетъ это заявленіе своими толкованіями всѣхъ важнѣйшихъ постановленій Константиновой грамоты, показывая въ каждомъ толкованіи, что ничего подобнаго царь Алексѣй Михаиловичъ не сдѣлалъ для русской церкви и ея патріарха [1]).

---

1) Макарій, Исторія русс. церкви, т. XII, стр. 413—416. Приведенный здѣсь текстъ Никонова возраженія мы провѣрили по новѣйшей копіи, снятой съ подлинника всѣхъ возраженій, находящагося въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря, для профессора И. Д. Бѣляева. Теперь эта копія принадлежитъ Москов. Пуб. Музею (по каталогу рукописей № 1551). Въ изложеніи преосвящ. Макарія мы замѣтили одну неточность. Онъ говоритъ, что Никонъ «привелъ по частямъ *всю* грамоту Константина Великаго» (стр. 416). На самомъ же дѣлѣ у него вполнѣ приведена

Изложенныя папистическія воззрѣнія Никона на отношеніе духовной власти къ мірской, какъ извѣстно, были осуждены восточными патріархами еще до формальнаго суда надъ нимъ на соборѣ 1666—1667 года[1]). Тѣмъ не менѣе главное основаніе этихъ воззрѣній— грамота Константина Великаго, попрежнему, оставалась въ составѣ Кормчей съ значеніемъ безспорнаго источника церковнаго права. На нее продолжали ссылаться не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ актахъ. Такъ въ 1669 году самъ царь Алексѣй Михаиловичъ въ своей окружной грамотѣ объ иконописаніи, исполняя соборное постановленіе 1667 года по этому предмету, писалъ, между прочимъ: «Бысть же годѣ и то нашему царскому величеству, да иконъ святыхъ, отъ всѣхъ вѣрныхъ благоговѣйно почитаемыхъ, дѣлателіе достойную честь вездѣ и отъ всѣхъ имѣютъ: и яко при благочестивѣйшемъ и равноапостолномъ царѣ Константинѣ и по немъ бывшихъ царѣхъ правовѣрныхъ церковницы, изряднѣе же клиросъ, веліею честію почитаеми бяху, со сигклитомъ царьскимъ и прочіими благородными равенство почитанія повсюду пріимаху, тако въ нашей царьстѣй православнѣй державѣ иконъ святыхъ писателіе, яко истинніи церковницы, церковнаго благолѣпія художницы, да почтутся, всѣмъ прочіимъ предсѣданіе художникомъ да воспріимутъ»[2]).

Ссылки на грамоту Константина Великаго, какъ на *дѣйствующій* въ русской церкви законъ, дѣлались нашими духовными іерархами даже при Петрѣ Великомъ, почти наканунѣ его извѣстныхъ церковныхъ преобразованій. Такъ въ 1700 году послѣдній русскій патріархъ Адріанъ привелъ, частію по Стоглаву, частію по Кормчей, нѣсколько обширныхъ выписокъ изъ Константиновой грамоты въ своемъ отвѣтѣ боярамъ, «сидѣвшимъ за Уложеніемъ», на вопросъ ихъ о томъ, «по чему въ Патріаршемъ Разрядѣ судятся дѣла о богохульникахъ и раскольникахъ, и по ряднымъ записямъ, и по духовнымъ, и о зауморныхъ животахъ» (объ имуществѣ умершихъ безъ духовнаго завѣщанія)[3]). Около того же времени св. Димитрій Ростовскій помѣстилъ въ своемъ

одна вторая часть грамоты (donatio), а изъ первой онъ выписалъ только самый конецъ (начиная со словъ: «Въ первый же день, по еже пріяти ми крещеніе»...).

1) Разумѣемъ извѣстные «отвѣты четырехъ восточныхъ патріарховъ о царской и патріаршеской власти», изданные въ Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 27, стр. 84 и слѣд.

2) Ак. Археогр. Экспед. т. IV, № 174, стр. 225.

3) Отвѣтъ патріарха Адріана изданъ Калачовымъ въ приложеніяхъ къ изслѣдованію «о значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права». Москва. 1850. Выписи изъ Константиновой грамоты см. въ прилож. стр. 17—19.

келейномъ лѣтописцѣ небольшую статейку о неприкосновенности церковныхъ имуществъ, въ которой, между прочимъ, сказано: «Тако же и древніи благочестивіи царіе христіанстіи и велиціи князи, яко *Константинъ Великій* и св. Владиміръ, дадоша церквамъ села и земли, имѣнія и работныхъ насельниковъ, да служащіи Богу имѣютъ неоскудное себѣ пропитаніе» [1]). Уже самое сопоставленіе Константина Великаго съ св. Владиміромъ доказываетъ, что Ростовскій святитель имѣлъ здѣсь въ виду грамоту перваго и извѣстный церковный уставъ послѣдняго: оба эти документа обыкновенно ставились рядомъ во всѣхъ выше указанныхъ памятникахъ русскаго церковнаго права XVI—XVII вв., въ которыхъ заходила рѣчь о церковныхъ имуществахъ (въ соборномъ отвѣтѣ 1503 г., въ Стоглавѣ, въ «Возраженіяхъ» патріарха Никона и пр.). Но послѣ церковныхъ реформъ Петра Великаго, сколько намъ извѣстно, никто уже изъ нашихъ іерарховъ (не выключая и знаменитаго Арсенія Мацѣевича) [2]) не рѣшался утверждать права русской церкви на грамотѣ Константина Великаго, тѣмъ болѣе, что и вѣра въ подлинность этой грамоты теперь уже исчезла. Конечно, съ цѣлію осмѣянія этой вѣры Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей трагикомедіи «Владиміръ» заставляетъ діавола проводить слѣдующую параллель между Константиномъ Великимъ и нашимъ Равноапостольнымъ княземъ:

«Вѣсте ли вы: кому онъ самъ уподобится?
Константину оному, иже рыболова
Петра всѣхъ худѣйшаго, и съ нимъ неистова
Шатерей дѣлателя Павла, во снѣ пяній
Узрѣвъ, тако восприятъ совѣтъ ихъ поганій,
Яки бы былъ боярской, и себе въ неславу
Толику воверже, яко злату главу
Не усрамися старцу Сѵлвестру худому
Преклонити смиренно: вси царского дому
Возсмѣяшася тогда».... (Дѣйств. 2, явл. 3) [3]).

---

1) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1862, кн. 2, смѣсь, стр. 41.

2) См. его «Доношеніе» св. Синоду съ протестами противъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1862, кн. 2, смѣсь, стр. 25—39.

3) За сообщеніе этихъ стиховъ приносимъ искреннюю благодарность профессору Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петрову, извѣстному знатоку западно-русской литературы.

Извѣстно еще одно явленіе въ области древне-русской литературы, возникшее подъ очевиднымъ вліяніемъ псевдо-Константиновой грамоты: разумѣемъ столь излюбленную нашими раскольниками Новгородскую повѣсть о бѣломъ клобукѣ [1]). Поводомъ къ написанію этой повѣсти, по нашему мнѣнію, послужило слѣдующее обстоятельство: на соборѣ 1564 года, по предложенію царя, постановлено было, чтобы отселѣ русскіе митрополиты носили бѣлый клобукъ, каковой до сихъ поръ составлялъ *постоянное* отличіе однихъ только Новгородскихъ архіепископовъ, хотя соборъ не нашелъ о томъ никакого «писанія» [2]). Послѣднія слова соборнаго акта ясно показываютъ, что извѣстная нынѣ повѣсть о бѣломъ клобукѣ тогда еще не существовала, иначе бы на нее не преминулъ сослаться присутствовавшій на соборѣ Новгородскій архіепископъ Пименъ. А если повѣсти еще не было, то заинтересованнымъ лицамъ нужно было сочинить ее, дабы такимъ образомъ оградить право Новгородскихъ владыкъ на ношеніе бѣлаго клобука и послѣ того, когда онъ, по соборному приговору, сдѣлался принадлежностію митрополитовъ Московскихъ и всея Руси. Первоначально «писаніе» на эту тему явилось въ видѣ краткаго анонимнаго «Сказанія, что ради Великаго Новаграда архіепископы на главахъ своихъ носятъ бѣлый клобукъ, а не якоже прочіи митрополиты, такоже и епископы носятъ» [3]). Въ этой первоначальной и еще *неизданной* редакціи повѣсть о бѣломъ клобукѣ имѣетъ такой видъ: «Въ лѣто 5839 (331) по явленіи св. Апостолъ святѣйшій папа Сильвестръ, поучивъ царя Констянтина отъ божественныхъ писаній, и крести его во имя Отца и Сына и Св. Духа. Царь же егда изыде отъ купѣли, и видѣша вси людіе неизреченное чюдо: отпадоша убо отъ тѣла его струпы, яко чешуя, и въ томъ часѣ здравъ бысть, и радости многія исполнися царь, и велію славу воздаде Христу Богу и блаженному папѣ Силивестру, и не вмѣниша его человѣка суща, и неослабно зряще на лице его, и чтяше его, яко бога. И многая благодаренія воздаде на церковное строеніе и самому папѣ на послуженіе. И отъ своихъ царскихъ величествъ многими чины устроивъ, и вѣнецъ царскій вос-

1) Причины, почему повѣсть о бѣломъ клобукѣ пользуется особеннымъ уваженіемъ у нашихъ раскольниковъ, достаточно объяснены въ статьѣ: «Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ», напечатанной въ Русск. Вѣстникѣ за 1862 г., май, стр. 368—370.

2) Акт. Истор. т. I, № 173, стр. 332.

3) Мы пользуемся повѣстію въ этой редакціи по сборнику Общ. Истор. и Древн. Росс. XVII в. № 194, л. 163—166.

хотѣ возложити на главу его; папа же сего не восхотѣ. Царь же Константинъ, радостію и любовію побѣжаемъ, и вмѣсто сего сотвори ему одѣяніе бѣло, тричастно, еже есть клобукъ, и устроивъ ему чюдно зѣло, и своими руками возложи на главу блаженному папѣ». Все это, очевидно, есть сокращенный пересказъ первой части Константиновой грамоты (confessio) съ прибавленіемъ только, изъ второй части, извѣстія о пожаловании Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру «бѣлаго головного покрывала» (φρύγιον), преображеннаго авторомъ повѣсти въ бѣлый клобукъ. Затѣмъ идетъ уже самостоятельная, преисполненная всякихъ чудесъ повѣсть о странствованіяхъ этого клобука: «По нѣкоемъ времени воставъ нѣкій царь Карулъ и папа Ѳормосъ, и православную вѣру обесчестиша, и святую апостольскую церковь оскверниша нечистыми служеніи, и святый сей клобукъ безчестенъ творяху и завистію зряще распыхахуся на нь, видяще его утворена, и ненавидяще его. По прехожденіи же многихъ лѣтъ, нечестивый папа хотяше его, сего клобука, отслати во ину страну на поруганіе». Но ангелъ Господень, явившійся этому папѣ въ грозномъ видѣніи, велѣлъ ему отослать бѣлый клобукъ въ Константинополь, гдѣ «повелѣно будетъ, яже о немъ». Между тѣмъ Константинопольскому патріарху Ювеналію (патріарха съ этимъ именемъ въ Константинополѣ никогда не было) явился «юноша свѣтлъ» съ вѣстію, что онъ получитъ изъ Рима бѣлый клобукъ за тѣмъ, чтобы немедленно отослать его «на Русь въ Великій Новъградъ, да будетъ тамо на главѣ Василія, архіепископа Новгородскаго, и на прочихъ по немъ архіепископѣхъ»[1]). Исполняя это повелѣніе, патріархъ послалъ въ

1) Кто изъ Новгородскихъ владыкъ началъ первый носить бѣлый клобукъ и на какомъ основаніи,— эти вопросы не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ. Но если грамота Константина Великаго уже навела насъ на рѣчь объ этомъ предметѣ, то позволяемъ себѣ замѣтить, что показаніе повѣсти объ архіепископѣ Василіи, какъ первомъ носителѣ бѣлаго клобука, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что этотъ архіепископъ, въ бытность свою священникомъ, путешествововалъ на востокъ и, конечно, видѣлъ тамошнихъ патріарховъ. Въ своемъ извѣстномъ посланіи къ Тверскому епископу Ѳеодору о раѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, какъ о «самовидцѣ» разныхъ святынь въ Іерусалимѣ (см. Соф. Времен. т. I, стр. 332). Путь въ святый градъ для всѣхъ русскихъ паломниковъ лежалъ чрезъ Константинополь. Здѣсь Василій, безъ сомнѣнія, видѣлъ тогдашняго патріарха Іоанна Глику (1315—1320), о которомъ Кантакузинъ въ своей исторіи (кн. 3, гл. 36) разсказываетъ, что онъ украсилъ золотомъ и изображеніями Інсуса Христа, Богоматери и Іоанна Предтечи бѣлый клобукъ, какой носили и другіе патріархи, поставленные въ этотъ санъ не изъ монаховъ (подлинныя слова Кантакузина приведены Дюканжемъ въ греческомъ Глоссаріи подъ словомъ καμελαύκιον). Возможное дѣло, что Василій, во время своего представленія этому патріарху, имѣлъ

Новгородъ съ бѣлымъ клобукомъ епископа своего Евменія. Въ свою очередь, и Новгородскій архіепископъ Василій предувѣдомленъ былъ въ сонномъ видѣніи ангеломъ, *имѣвшимъ на головѣ бѣлый клобукъ*, что такой точно клобукъ вскорѣ принесенъ будетъ ему, Василію, отъ Цареградскаго патріарха. Повѣсть оканчивается описаніемъ церковнаго торжества, устроеннаго архіепископомъ Василіемъ по поводу полученія имъ столь великой святыни и столь знаменательнаго отличія отъ прочихъ русскихъ іерарховъ. Въ заключеніе авторъ такъ резюмируетъ смыслъ своей повѣсти: «Разумѣйте же, братіе и отцы, яко по Божію изволенію, отъ Рима отъята бысть честь, и православіе искоренилося въ Римѣ, и предана бысть (честь) Великому Новуграду. И во всю русскую землю распространися и утвердися Христова православная вѣра..... Мы же прославимъ въ Троицы единаго Бога, давшаго намъ познати святый бѣлый клобукъ».

Надобно думать, что повѣсть въ этой первоначальной своей редакціи возбуждала нѣкоторыя сомнѣнія даже въ тогдашнихъ читателяхъ. По крайней мѣрѣ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка изложенное «сказаніе» явилось въ новой редакціи, явно расчитанной на то, чтобы придать вымысламъ прежняго автора полную вѣроятность въ глазахъ современниковъ. Въ этой новой редакціи повѣсть о бѣломъ клобукѣ приписана извѣстному Новгородскому книжнику Димитрію толмачу, современнику тамошняго архіепископа Геннадія (1484—1504), по порученію котораго она будто бы и написана Димитріемъ

съ нимъ, такъ сказать, теоретическую бесѣду о бѣломъ клобукѣ, изъ которой узналъ причину, почему одни греческіе архіереи носятъ черный клобукъ, а другіе—бѣлый. А какъ самъ Василій до своего избранія въ архіепископы принадлежалъ къ мірскому (бѣлому) духовенству и только предъ самымъ поставленіемъ въ этотъ санъ принялъ монашество, то онъ могъ считать себя въ правѣ носить такой же клобукъ, какъ и Цареградскіе патріархи, поставленные изъ мірянъ или изъ бѣлаго духовенства. Замѣчательно, что въ одной изъ старшихъ Новгородскихъ лѣтописей (такъ называемой второй) подъ 1424 годомъ поставлено такое извѣстіе: «Клобукъ бѣлой далъ патриархъ *Иерусалимский* владыки *Василию*, а патріарху далъ *папа Римский*, и с тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлой в Новѣгородѣ» (Новгор. лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 51). Это извѣстіе въ отношеніи къ лицу архіепископа Василія († 1352) представляетъ, конечно, грубый анахронизмъ; но 1424 годъ не указываетъ ли на время занесенія самаго извѣстія въ лѣтопись, или въ ея источникъ? Во всякомъ случаѣ это извѣстіе старше другихъ, говорящихъ о томъ же предметѣ—уже со словъ занимающей насъ повѣсти. А независимость приведеннаго извѣстія отъ повѣсти видна уже изъ того, что въ немъ пожалованіе бѣлаго клобука архіепископу Василію приписывается не Константинопольскому патріарху, а Іерусалимскому, вѣроятно—по памяти о путешествіи названнаго архіепископа въ св. градъ. Производя бѣлый клобукъ отъ *папы Римскаго*, Новгородскій лѣтописецъ тѣмъ самымъ показываетъ свое знакомство съ грамотою Константина Великаго.

въ Римѣ на основаніи подлинныхъ документовъ папскаго книгохранилища: въ этомъ смыслѣ сочинено и поставлено передъ повѣстію посланіе Димитрія къ Геннадію [1]). Новый редакторъ повѣсти внесъ въ нее уже нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ Константиновой грамоты и—что всего важнѣе—прямо указалъ замолчанную первоначальнымъ авторомъ причину, почему бѣлый клобукъ не остался въ Константинополѣ, но посланъ былъ патріархомъ Филоѳеемъ (а уже не Ювеналіемъ) [2]) на Русь Новгородскому архіепископу Василію: явившіеся патріарху въ сонномъ видѣніи царь Константинъ и папа Сильвестръ предсказали, что «въ новѣмъ Римѣ, еже есть въ Константинѣ градѣ, *насиліемъ агарянскимъ христіанская вѣра погибнетъ*; на третьемъ же Римѣ, еже есть на русской земли, благодать Св. Духа возсія.... и вся святая предана будутъ отъ Бога великой русской земли.... и *патріаршескій чинъ отъ Царствующаго града также данъ будетъ рустѣй земли во времена своя*». Послѣднія слова даютъ ясно видѣть, что новая редакція повѣсти сфабрикована уже по учрежденіи въ Россіи патріаршества, когда теорія о трехъ Римахъ была у насъ въ особенно сильномъ ходу и даже казалась уже вполнѣ осуществившеюся. Конечно, по прямому смыслу этой теоріи слѣдовало бы бѣлому клобуку перейти изъ Царяграда не въ Новгородъ, а въ Москву; но такъ какъ патріархи всероссійскіе имѣли уже бѣлый клобукъ, унаслѣдованный ими отъ митрополитовъ, то новому редактору повѣсти оставалось только напомянуть, кому слѣдуетъ, что и теперь, при патріархахъ, Новгородскіе владыки не лишились своего стариннаго права на такое же отличіе. Впрочемъ, чего не договаривала Новгородская легенда, то дополняли Московскіе читатели ея. Такъ Арсеній Сухановъ, въ бытность свою на востокѣ не разъ вступавшій въ прѣнія съ греками по разнымъ церковнымъ вопросамъ, доказывалъ, между прочимъ, что хотя «на второмъ вселенскомъ соборѣ было положено считаться Константинопольскому патріарху вторымъ по Римскомъ ради царствующаго града,.... но нынѣ ему не только противъ Римскаго, но и противъ Московскаго епископа невозможно величаться. Вмѣсто того у насъ нынѣ въ Москвѣ патріархъ

1) Повѣсть въ этой редакціи, вмѣстѣ съ посланіемъ Димитрія, издана въ Памятникахъ старинной русской литературы, вып. I, стр. 287—300.

2) Эта перемѣна имени патріарха составляетъ не очень важную поправку въ первоначальномъ текстѣ повѣсти: Филоѳей занялъ патріаршую каѳедру уже чрезъ два года по смерти архіепископа Василія († 1352).

не только какъ второй по Римскомъ, но *какъ первый епископъ Римскій, какъ древній благочестивый папа,* украшается, *нося на главѣ бѣлый клобукъ Сильвестра папы Римскаго*», въ подтвержденіе чего Сухановъ прочиталъ грекамъ и самую повѣсть объ этомъ клобукѣ [1]). Понятно, что такія разсужденія русскаго инока должны были глубоко оскорблять грековъ. Неудивительно поэтому, если восточные патріархи, присутствовавшіе на Большомъ Московскомъ соборѣ 1666—1667 года и, надобно думать, слыхавшіе здѣсь нелестные отзывы о современномъ состояніи православія у грековъ, осудили повѣсть о бѣломъ клобукѣ, какъ главный источникъ такихъ отзывовъ, назвавъ ее «лживымъ и неправымъ писаніемъ», которое Димитрій толмачъ «написалъ отъ вѣтра главы своея» [2]). Что таковъ именно былъ мотивъ осужденія повѣсти, видно изъ того, что тѣ же восточные патріархи согласились съ мнѣніемъ русскихъ членовъ собора, что иконописцы неправильно пишутъ св. всероссійскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и Іону въ бѣлыхъ клобукахъ, такъ какъ *по свидѣтельству повѣсти Димитрія толмача* такой клобукъ носили только Новгородскіе архіепископы, а не названные митрополиты [3]). Этимъ церковно-археологическимъ и чисто-русскимъ вопросомъ, очевидно, нисколько не затрогивалась честь грековъ, и патріархи рѣшили его на томъ основаніи, какое только и могли указать имъ русскіе члены собора.

Выше было замѣчено, что вѣра въ подлинность Константиновой грамоты держалась на Руси до самой эпохи церковныхъ преобразованій Петра Великаго. Теперь необходимо оговориться, что такъ было собственно только въ Великой или Московской Руси. Что же касается до тѣхъ частей исконно-русской земли, которыя уже съ XIV вѣка подпали подъ власть католическихъ литовско-польскихъ государей и вскорѣ сдѣлались ареной религіозной борьбы между православными и католиками, то здѣсь, въ средѣ литературныхъ защитниковъ русскаго православія, установился совершенно противоположный взглядъ на грамоту или, по мѣстному названію, «привилей» Константина Великаго. Встрѣчая въ сочиненіяхъ своихъ противниковъ ссылки на этотъ привилей въ доказательство главенства Римскихъ папъ надъ *всею*, слѣдовательно, и надъ русскою церковію, западно-

1) Макарій, Ист. русс. цер. т. XI, стр. 157—158; Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, т. I, стр. 226—227.

2) См. Акты этого собора въ «Матеріалахъ для исторіи русскаго раскола», т. II, стр. 236—237.

3) Тамъ же, стр. 255—256.

русскіе полемисты уже съ конца XVI вѣка стали высказывать разныя, болѣе или менѣе вѣсскія возраженія противъ подлинности означеннаго привилея, возраженія, заимствованныя большею частію у западно-европейскихъ ученыхъ, занимавшихся тѣмъ же вопросомъ. Такъ въ извѣстномъ «Апокрисисѣ» Христофора Филалета (1597—1599) «фальшивость» Константиновой грамоты доказывается тѣмъ, что въ ней Византія, куда Константинъ Великій перенесъ столицу Римской имперіи, называется уже Константинополемъ, тогда какъ это послѣднее названіе дано ей не самимъ Константиномъ I-мъ, а сыномъ его Константиномъ II-мъ (разумѣется, вѣроятно, Констанцій) [1]). Другой, нѣсколько позднѣйшій защитникъ русскаго православія — Мелетій Смотрицкій въ своемъ знаменитомъ «Плачѣ (Θρῆνος) восточной церкви», изданномъ въ 1610 году въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ, помѣстилъ обширный трактатъ о «привилеѣ цезаря Константина», занимающій въ книгѣ около 20 четвертныхъ листовъ (л. 49 об.—69) [2]). Сущность приведенныхъ здѣсь 14-ти возраженій (argumenta) противъ подлинности этого привилея можетъ быть пересказана въ такомъ видѣ: 1) Никто изъ историковъ, описывающихъ жизнь и дѣянія Константина Великаго, не упоминаетъ о его дареніи папѣ Сильвестру, что̀ было бы невозможно, если бы названный императоръ дѣйствительно издалъ актъ столь высокой важности. И сами папы (до Льва IX) ни въ спорахъ съ другими епископами о своемъ главенствѣ въ церкви, ни въ своихъ декретахъ по дѣламъ церковнымъ, не приводили ни одного слова изъ этого документа (argum. 1). 2) Многіе защитники папскаго главенства свидѣтельствуютъ, что въ старшихъ спискахъ Декрета Граціанова (составляющаго первую часть католическаго Corpus juris canonici) нѣтъ Константинова даренія (argum. 2) и что это—документъ апокрифическій, подложный. 3) Церковный историкъ Евсевій въ 4-й книгѣ жизнеописанія Константина Великаго пишетъ о немъ, что онъ раздѣлилъ царство между своими сыновьями: старшему далъ западъ, среднему—востокъ, младшему—

1) Русс. Истор. Библіот. т. VII, столб. 1552. Не можемъ сказать, откуда авторъ Апокрисиса почерпнулъ свѣдѣніе о лицѣ императора, впервые назвавшаго Византію Константинополемъ.

2) Не имѣя этой рѣдкой книги подъ руками, мы обращались къ проф. университета св. Владиміра В. С. Иконникову съ просьбою доставить нужныя намъ выписки изъ нея. За исполненіе этой просьбы приносимъ достоуважаемому профессору нашу искреннюю благодарность. Переводъ же выписокъ съ польскаго языка на русскій сдѣланъ для насъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета И. А. Линниченкомъ.

середину между западомъ и востокомъ (argum. 3), а о долѣ папы въ этомъ дѣлежѣ—ни слова. 4) Сами позднѣйшіе папы различно говорятъ объ эпохѣ, съ которой они сдѣлались владѣльцами земель, исчисленныхъ въ грамотѣ Константина Великаго: одни относятъ дареніе этихъ земель папскому престолу ко временамъ самого Константина Великаго, именно къ 338 году, другіе приписываютъ тоже дареніе сыну Карла Великаго, Людовику Благочестивому, и относятъ къ 835 году (arg. 4). 5) Древніе и заслуживающіе полной вѣры свидѣтели говорятъ, что Константинъ Великій принялъ крещеніе не въ Римѣ и не отъ папы Сильвестра, а въ Никомидіи отъ епископа Евсевія, при большомъ собраніи другихъ епископовъ, и это было уже на 65-мъ году его жизни, не задолго до его смерти (arg. 5). 6) Въ привилеѣ сказано, что папѣ дается власть надъ четырьмя патріаршими престолами. Но это невѣрно. Ибо въ то время Константинополь только-что строился, и тамъ не было не только патріаршей каѳедральной церкви, но и никакой, потому что большинство горожанъ были еще язычники (arg. 6). 7) Надобно дивиться глупости тѣхъ писателей, которые ссылаются на этотъ документъ въ доказательство главенства папы надъ всѣми церквами, и въ то же время утверждаютъ, что папы получили это главенство непосредственно отъ Христа. Верховная власть надъ всею церковію можетъ имѣть только одно начало и происходить отъ одного источника (arg. 7). 8) Смѣшно свидѣтельство грамоты о томъ, что Константинъ Великій при построеніи въ Римѣ Латеранской церкви вынесъ на своихъ плечахъ, въ честь 12 апостоловъ, 12 кошевъ земли, вырытой для церковнаго фундамента: почему же въ честь Петра, князя апостоловъ, онъ не вынесъ большаго количества земли, а сравнялъ его въ этомъ отношеніи съ прочими апостолами? (arg. 8). 9) Въ грамотѣ исчисляются 10 отличій императорскаго сана, пожалованныхъ Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, какъ преемнику апостола Петра. Какой констрастъ преемника съ своимъ предшественникомъ! Тотъ—во всемъ блескѣ царскаго величія, а этотъ—въ убогомъ рыбацкомъ одѣяніи. Ясно, что тутъ нѣтъ никакого преемства (arg. 9). 10) Странно постановленіе грамоты, сравнивающее высшихъ клириковъ Римской церкви съ сенаторами: если бы это было такъ, то кардиналы могли бы, вооруженные по военному, приступать къ совершенію божественной службы (arg. 10). 11). Еще страннѣе предписаніе, въ силу котораго никто изъ сенаторовъ, избираемыхъ папою въ свой клиръ, не можетъ противиться этому избранію (arg. 11).

12) Если Константинъ Великій отдалъ Римъ и всѣ западныя части Римской имперіи папѣ еще при своей жизни, то онъ не могъ бы въ своемъ завѣщаніи отдать ихъ своему сыну. Ибо сдѣлка inter vivos не можетъ быть отмѣнена завѣщаніемъ, развѣ только допустить, что послѣднее сдѣлано было для шутки. И какое благочестіе могло заставить Константина, имѣвшаго прямыхъ наслѣдниковъ, дать половину своего царства чужому человѣку? Чтобы далеко не ходить за примѣромъ, доказывающимъ лживость этого утвержденія грамоты, припомнимъ, какъ старшій сынъ Константина Великаго, несомнѣнно имѣвшій верховную власть въ Римѣ, поступилъ съ папой—еретикомъ Либеріемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Θеодоритъ, Созоменъ и Аммоній Марцеллинъ (arg. 12). 13) Если не подлежитъ сомнѣнію, что Константинъ Великій завѣщалъ западную половину своего царства своему сыну, то отсюда само собою слѣдуетъ, что изрекаемое въ концѣ грамоты проклятіе на ея нарушителей падаетъ прежде всего на самого Константина (arg. 13). Наконецъ—14) всякій, сколько-нибудь знакомый съ латинскимъ языкомъ, увидитъ несходство языка грамоты съ тѣмъ, какимъ говорили и писали во времена Константина Великаго. Объ этомъ подробно говорится у Лаврентія Валлы. Къ его доводамъ мы прибавимъ, что если сравнить способъ изложенія грамоты съ подлинными законами Константина Великаго, находящимися въ кодексахъ Θеодосія и Юстиніана, то нельзя не увидѣть, что этотъ документъ вышелъ изъ той же кузни, въ которой сфабрикованы были и другіе средневѣковые латинскіе подлоги. Чтобы исправить этотъ недостатокъ, позднѣйшіе папы заставили нѣкоторыхъ лицъ, именно грека Варθоломея Пинцерна и потомъ папскаго библіотекаря Августина Стевха заявить, что они нашли въ папской библіотекѣ грамоту Константина Великаго на греческомъ языкѣ и тогда же перевели ее, не особенно удачно, на латинскій языкъ. Этотъ вымыселъ недавно подтвержденъ папою Григоріемъ XIII въ послѣднемъ изданіи Граціанова Декрета[1]). Между тѣмъ извѣстно, что всѣ законы Константина Великаго, содержащіеся въ упомянутыхъ кодексахъ, написаны

1) Разумѣется извѣстное оффиціальное Римское изданіе Декрета, вышедшее въ 1582 году, при папѣ Григоріи XIII, съ примѣчаніями кардиналовъ — корректоровъ (notationes correctorum). Въ примѣчаніи къ cap. 14, dist. 96, гдѣ помѣщенъ текстъ Константинова даренія, сказано, между прочимъ, что этотъ документъ взятъ изъ дѣяній (gesta) папы Сильвестра, написанныхъ на греческомъ языкѣ церковнымъ историкомъ Евсевіемъ, слѣдовательно, и греческій текстъ самаго даренія приписанъ тому же Евсевію. См. Decretum Gratiani, ed. Friedberg, 1889, col. 341.

на латинскомъ языкѣ, хотя изданы были въ Константинополѣ, гдѣ говорили по-гречески. И Евсевій свидѣтельствуетъ, что Константинъ на Никейскомъ соборѣ говорилъ по-латынѣ, и что имъ, Евсевіемъ, переведены на греческій языкъ декреты этого императора, изданные на латинскомъ языкѣ.— Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій (именно 1, 2, 3 и 6-е) повторены и въ «Палинодіи» Захаріи Копыстенскаго (1621). Замѣтивъ въ концѣ своего небольшого трактата объ этомъ предметѣ, что другія доказательства подложности Константинова привилея читатель можетъ найти и у латинскихъ и у *русскихъ* писателей, Копыстенскій, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, обратилъ вниманіе на фактъ нахожденія Константиновой грамоты въ греческихъ номоканонахъ (т. е. у Вальсамона и Властаря) и по этому поводу высказалъ такое замѣчательное мнѣніе: «это дѣло должно быть оставлено на разсужденіе восточныхъ патріарховъ, а намъ достаточно знать, что означенная грамота не вредитъ патріархамъ, не умаляетъ ихъ власти, да и Римскимъ епископамъ, если поразмыслить хорошенько, не помогаетъ» (въ ихъ стремленіяхъ подчинить себѣ православную церковь [1]). О грамотѣ Константина Великаго тотъ же Кіевскій ученый упоминаетъ и въ предисловіи къ своему изданію (1624 г.) сокращеннаго греческаго номоканона—того самаго, который стереотипно печатается теперь въ концѣ Большаго Требника. Рекомендуя въ этомъ предисловіи всякому, кто хочетъ обстоятельнѣе ознакомиться съ церковными правилами, пріобрѣсти, между прочимъ, алфавитную каноническую Синтагму Властаря, Копыстенскій съ тѣмъ вмѣстѣ предостерегаетъ читателей: «обаче блюстися, яко въ нѣкія зводы (т. е. списки Синтагмы) внице писаніе, аки отъ Константина Великаго сотворенное: нѣсть сіа вещь извѣстная» [2]).

Все до сихъ поръ сказанное, конечно, далеко не составляетъ полной исторіи Константинова даренія на православномъ востокѣ, греческомъ и славянскомъ. Это дѣло и, въ особенности, отысканіе слѣдовъ употребленія занимающаго насъ документа въ юго-славянскихъ юридическихъ, историческихъ и литературныхъ памятникахъ мы оставляемъ другимъ, болѣе свѣжимъ и свободнымъ силамъ, и обращаемся теперь къ указанію средствъ и способа нашего изданія греческаго и славян-

1) Русс. Истор Библіот. т. IV, столб. 324—325.

2) Говоря о нѣкіихъ зводахъ Синтагмы Властаря, Копыстенскій разумѣлъ, конечно, только тѣ, какіе случались ему имѣть подъ руками. Но мы уже знаемъ, что въ каждомъ *полномъ* спискѣ Синтагмы должна находиться грамота Константина Великаго.

скаго текста грамоты. Первый предлагается по Ватиканскому списку XVI вѣка, находящемуся въ codex Ottobonianus № 309, fol. 1—18 [1]). Точная копія (почти facsimile) этого списка сообщена намъ состоящимъ при германскомъ археологическомъ институтѣ въ Римѣ докторомъ классической филологіи Гансомъ Гревеномъ (Graeven), которому считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу искреннюю признательность. Оттобоніанскій списокъ, конечно, очень не древенъ, но довольно исправенъ, по крайней мѣрѣ—исправнѣе того (неизвѣстнаго) Ватиканскаго же списка, по которому Стевхъ издалъ первую часть греческаго текста Константиновой грамоты. Варіанты этого изданія и какихъ-то другихъ Ватиканскихъ списковъ, изъ коихъ Стевхъ въ своемъ выше означенномъ сочиненіи привелъ нѣсколько мѣстъ, находящихся во второй части грамоты, указаны подъ текстомъ нашего изданія съ знакомъ S. Къ греческому тексту грамоты мы присоединяемъ, гдѣ казалось нужнымъ, параллельныя мѣста латинскаго оригинала по новѣйшему изданію Грауерта, который привелъ къ своему тексту варіанты и всѣхъ предыдущихъ изданій, и такимъ образомъ далъ намъ возможность почти всегда подыскать латинское чтеніе, соотвѣтствующее греческому [2]). Исправленныя нами явныя ошибки писца Оттобоніанскаго списка всѣ указаны подъ текстомъ съ знакомъ O.

Славянскій переводъ грамоты мы издаемъ по выше указанному старшему списку *второго* разряда (Ундол. № 1). Предпочтеніе отдано ему не только по старшинству, но и по сравнительной ясности и правильности содержащагося въ немъ перевода. Если не самый этотъ списокъ, то прототипъ его—несомнѣнно юго-славянскаго происхожденія. Это доказываетъ и орѳографія писца, и лексика самаго перевода. Уже въ самомъ надписаніи грамоты бросается въ глаза характерный примѣръ юго-славянской (именно сербской) фонетики: «велѣніе *цараско*». Затѣмъ въ текстѣ грамоты встрѣчаются частые примѣры употребленія *е* вмѣсто *а*: честь=часть (μέρος), благочестенъ=благочастенъ (εὐτυχής) и знаковъ ѧ и ѫ вмѣсто русскихъ гласныхъ *ю*, *у*, *ѣ*:

1) Подробное описаніе Оттобоніанскаго списка читатель найдетъ въ недавно напечатанномъ каталогѣ Ватиканскихъ греческихъ рукописей этого названія (Codices graeci Ottoboniani. Romae. 1893, p. 164—165). Отъ нашего Римскаго корреспондента (д-ра Гревена) мы узнали, къ сожалѣнію, уже не во время, что въ Ватиканской библіотекѣ имѣются еще пять списковъ полнаго греческаго текста Константиновой грамоты. Они находятся въ рукописяхъ №№ 778 (конца XIV в.), 614 (XV в.), 789 (XV в.), 973 (XVI в.) и 1416 (списокъ неполный).

2) Изданіе Грауерта находится въ началѣ не разъ цитованнаго его изслѣдованія о Константиновомъ дареніи. См. Histor. Jahrb. III Bd. 1 Heft, S. 15 ff.

своеѧ печатиѧ=своею печатию, гл҃ѧ=гл҃ю, митроѧ=митрою, ѩже=юже, прїимать=прїимуть, ѧздащихъ=ѣздящихъ. Подборъ словъ въ переводѣ—тоже юго-славянскій; таковы рѣченія: надра, ѡприсный (ἴδιος), оу҆жаство (δραστηριότης), прѣкровїѩ (μανίπουλα), заходный=западный и др. Къ сожалѣнію, кромѣ издаваемаго нами списка, мы не можемъ указать никакихъ другихъ слѣдовъ существованія и употребленія Константиновой грамоты въ юго-славянскомъ мірѣ. Къ тексту основного списка приведены варіанты оффиціальнаго изданія грамоты въ Кормчей книгѣ. Большая часть этихъ варіантовъ составляетъ принадлежность и тѣхъ списковъ, которые отнесены нами къ первому разряду. По мѣстамъ текстъ основного списка и варіанты къ нему сопровождаются пояснительными примѣчаніями.

Δόγμα βασιλικὸν, γραφὲν, πραχθὲν καὶ δοθὲν τῇ ἱερᾷ καὶ ἁγίᾳ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ τῆς Ῥώμης παρὰ τοῦ μακαρίου Κωνσταντίνου τοῦ ἐν βασιλεῦσι πρώτου χριστιανοῦ.

Велѣніе цараско съписано, съдѣано и҆ дано сщ҃енной и҆ ст҃ой, събѡрной и҆ ап҃лъской црк҃ви Римской бл҃женнымъ Кѡнстандїнѡмъ, въ ц҃рехъ пръвымъ христїанинѡмъ [1]).

Ἐν τῷ ὀνόματι τῆς ἁγίας καὶ ἀδιαιρέτου Τριάδος, τοῦ Πατρὸς δηλαδὴ, καὶ τοῦ Υἱοῦ[1]) καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Βασιλεὺς, καῖσαρ Φλάβιος Κωνσταντῖνος, ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ, τῷ ἑνὶ τῆς αὐτῆς ἁγίας Τριάδος, σωτῆρι, δεσπότῃ καὶ θεῷ ἡμῶν, πιστὸς, πρᾶος, εὐεργέτης, ἀλαμανικὸς, γοτθικὸς, σαρματικὸς, γερμανικὸς, βριτανικὸς, οὐννικὸς, εὐσεβὴς, εὐτυχὴς, νικητὴς, θριαμβευτὴς, ἀειαύγουστος, τῷ ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ πατρὶ πατέρων Σιλβέστρῳ, ἐπισκόπῳ καὶ πάπᾳ τῆς μεγάλης πόλεως

Въ и҆мѧ ст҃ыа и҆ нераздѣлимыѩ Тр҃ца, ([1])Ѻц҃а ѩвѣ и҆ Сн҃а и҆ Ст҃го Дх҃а. Цр҃ь кесарь Флавіи Константинъ, въ Х҃а Іс҃а е҆динѡго тоѧ ст҃ыѧ Троица, Сп҃сителѧ, Вл҃кы и҆ Бг҃а нашего, вѣренъ, кротокъ, бл҃годатель, немецкіи [2]), гоѳскыи, сарматскыи, германї́искыи, вретанї́искыи, оу҆нїискыи, бл҃гочестивъ, бл҃гочестенъ [3]), побѣдитель [4]), славенъ,

1) καὶ τοῦ Υἱοῦ нѣтъ.

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) Оглавленіе по печатной Кормчей см. въ началѣ предисловія.—2) аламанскій.—3) *Нужно читать:* благочастенъ (εὐτυχής). *Это видно изъ дальнѣйшаго случая, гдѣ* честь *несомнѣнно значитъ* часть (μέρος). *Слово же* честь *у нашего писца всегда является въ такомъ видѣ:* ч҃ѣ, или чьсть. *Въ Кормчей:* православенъ.—4) *Далѣе приб.* изъяснитель, проповѣдатель, обличитель.

Ῥώμης, καὶ πᾶσι τοῖς αὐτοῦ[1]) διαδόχοις ἀρχιερεῦσι, τοῖς ἐν τῇ καθέδρᾳ τοῦ μακαρίου Πέτρου μέχρι τῆς τοῦ αἰῶνος συντελείας καθεδουμένοις, ἔτι καὶ [2]) πᾶσι τοῖς αἰδεσιμωτάτοις καὶ θεοσεβέσι καθολικοῖς ἐπισκόποις, τοῖς ταύτῃ τῇ ἱερᾷ καὶ ἁγίᾳ ῥωμαϊκῇ ἐκκλησίᾳ διὰ ταύτης τῆς ἡμετέρας βασιλικῆς καταστάσεως ὑποκειμένοις· χάρις, εἰρήνη, ἀγάπη, εὐφροσύνη, μεγαλοψυχία, ἔλεος παρὰ τοῦ παντοδυνάμένου [3]) θεοῦ καὶ Πατρὸς καὶ Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Υἱοῦ αὐτοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος μετὰ πάντων ὑμῶν. Τὰ ὑπὸ τοῦ λυτρωτοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν[4]) κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅς ἐστιν Υἱὸς τοῦ ὑψίστου Πατρός, διὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων αὐτοῦ Πέτρου καὶ Παύλου, μεσιτεύοντος τοῦ πατρὸς ἡμῶν Σιλβέστρου, τοῦ ἄκρου ἀρχιερέως καὶ καθολικοῦ πάπα, παραδόξως περὶ ἡμῶν[5]) οἰκτιρμοῖς ἐκείνου γενόμενα, ἀριδήλῳ διηγήσει διὰ τῆς βασιλικῆς ταύτης ἡμετέρας γραφῆς τοῖς[6]) καθεξῆς ἅπασιν[7]) ἐσπουδάσαμεν παραδοῦναι, πρὸς ἐπίγνωσιν πάντων τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ λαῶν, τῆς πραοτάτης ἡμῶν ἐπιφανείας ἔνδοθεν καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας προϊούσῃ ὁμολογίᾳ, πρῶτον μέν, τὴν ἡμετέραν πίστιν προενεγκούσης[8]), ἣν ὑπὸ τοῦ προειρημένου μακαριωτάτου πατρὸς καὶ

1) S αὐτῶν. — 2) S τε. — 3) S здѣсь и далѣе читаетъ и склоняетъ παντοδύναμος.— 4) S ὑμῶν — 5) S ἡμᾶς. 6) S τῆς. 7) Далѣе въ O стоитъ ἐστὶν — лишнее по сравненію съ лат. и S.—8) Относится къ Ἐπιφανείας?

присныи авгоустъ: ст҃ѣйшомꙋ и҆ бл҃жнѣйшомꙋ ѿцꙋ҃ ѡ҆ц҃емъ [1]) Силвистрꙋ, е҆пископꙋ и҆ папѣ [2]) великаго града Рима, и҆ всѣмъ е҆го [3]) прѣе҆мникомъ ст҃лемъ, [4]) и҆же на прѣстолѣ [5]) блаженаго Петра даже до скончанія вѣка сѣдѧщимъ; е҆ще же и҆ всѣмъ чт҃нѣйшимъ и҆ бг҃очтьвымъ [6]) съборнымъ е҆пископомъ, и҆же тои с҃щенной и҆ с҃тои римьскои ц҃ркві симъ нашимъ цр҃скымъ оу҆ставленїе҆мъ [7]) по҃лежащимъ, бл҃гть, миръ, любовь, веселї҆е, великодушие҆, мл҃ть ѿ всесилнаго Бг҃а и҆ Ѡ҆ц҃а и҆ Іс҃а Х҃а Сн҃а е҆го и҆ [8]) Ст҃го Дх҃а съ всѣми вами. И҆҃же и҆збавителемъ и҆ сп҃стелемъ нашимъ Гд҃мь [9]) І҆ѵ҃. Х҃омъ, и҆же е҆сть Сн҃ъ вышнаго Ѡ҆ц҃а, ради с҃тыхъ а҆п҃лъ е҆го Петра и҆ Павла, ходатайствꙋющꙋ ѡ҆ц҃ꙋ нашемꙋ Силвестрꙋ, крайнемꙋ ст҃леви [10]), и҆ зборъномоу папѣ, прѣславнѣ [11]) е҆же ѡ҆ нас щедротами е҆го бывшаа [12]) ꙗ҆вленою҆ повѣстїю [13]) цр҃кымъ симъ нашимъ писанїе҆мъ [14]) всѣмъ е҆же по сихъ [15]) потьщахомсѧ прѣдати в разꙋмѣнї҆е всѣмъ [16])

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Прибавлено:* поднебесныя, православному. — 2) *Прибавлено:* превысочайшему. — 3) сущимъ по немъ. — 4) *Прибав.:* православнымъ. — 5) на сѣдалищи. — 6) и иже съ нимъ благоговѣйнѣйшимъ и благочестивѣйшимъ православнымъ.— 7) ради сего нашего царскаго уставленія. — 8) *Приб.* Господа. — 9) *Въ рукописи:* гл҃мь. — 10) святителю православному. — 11) преславное. — 12) *Приб.* зѣло. — 13) *Приб.* божественнаго повелѣнія ради. —14) *Приб.* и. — 15) по насъ и по сихъ. — 16) *Приб.* сущимъ.

εὐχέτου ἡμῶν Σιλβέστρου, τοῦ καθολικοῦ ἱεράρχου δεδιδάγμεθα πρὸς οἰκοδομὴν τῆς διανοίας ἡμῶν πάντων, ἔπειτα καὶ τὸν ἐφ' ἡμᾶς[1]) ἐκχυθέντα τοῦ θεοῦ ἔλεον[2]), πᾶσι διαγγελούσης. Εἰδέναι γὰρ ὑμᾶς[3]) πάντας βουλόμεθα, καθὼς διὰ τῆς προλαβούσης ἱερᾶς ἡμῶν πραγματικῆς διατάξεως ὑμῖν[4]) ἐδηλώσαμεν, ἡμᾶς τῆς τῶν εἰδώλων λατρείας τῶν ἀφώνων καὶ κωφῶν καὶ χειροποιήτων, τῶν διαβολικῶν τε συνθηκῶν, καὶ πάσης τῆς τοῦ σατανᾶ πομπῆς ἀποπηδήσαντας καὶ πρὸς τὴν ἀκέραιαν τῶν χριστιανῶν πίστιν, ἣ φῶς ἀληθινόν ἐστι καὶ ζωὴ αἰώνιος, μετελθόντας, καθὼς ἡμᾶς αὐτὸς ὁ ὑψοποιὸς[5]) καὶ ἄκρος πατὴρ ἡμῶν καὶ διδάσκαλος ἡμέτερος Σιλβεστρος ἐνουθέτησεν εἰς θεὸν Πατέρα παντοδυνάμενον, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων, καὶ εἰς Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ, τὸν κύριον ἡμῶν, δι' οὗ τὰ πάντα δεδημιούργηται, καὶ εἰς Πνεῦμα Ἅγιον, τὸ κύριον καὶ ζωοποιὸν πάσης τῆς κτίσεως, παραγγείλας πιστεύειν. Ἡμεῖς τὸν Πατέρα, τὸν Υἱόν, καὶ τὸ Ἅγιον Πνεῦμα οὕτως ὁμολογοῦμεν, ὡς ἐν τελείᾳ τριάδι καὶ

єже по вселенѣй людемъ, кроткаго нашего ꙗвленія[1]) изъноутрь и ѿ самого срдца проꙗвльшееса исповѣданіе, пръвѣе оубо нашꙋ[2]) вѣрꙋ ꙗвльшеса[3]), ꙗже предъреченнымъ блаженѣйшимъ[4]) ѡтцемь и молеником нашимъ Силвестромъ, съборнымъ стлемъ, наоучихомса въ назданіе[5]) мысли нашеа всѣхъ[6]), таже и єже на ны излиꙗвшаꙗса Бжїа[7]) млть всѣмъ възвѣщающой[8]). Вѣдати бо всѣмъ вамъ хощемъ, ꙗкоже предварившимъ сщенньмъ дѣлнымъ оуставомъ вамъ изъꙗвихомъ, мы[9]) иже идольскыа слꙋжбы безгласны[хъ] и глꙋхыхъ и роукотворенныхъ бѣсовъскыхъ слꙋженїи и всего сатанинськаго стꙋда ѿскочившихъ[10]) и къ цѣлой хрїаньской вѣрѣ[11]), ꙗже єсть свѣтъ истинныи [и] животъ вѣчныи, прѣшедъшихъ[12]), ꙗкоже насъ[13]) высокотворныи и крайныи ѡтць нашь и оучитель нашь наоучи Силвестрь, въ Бга Ѡтца[14]) всесилнаго, творца нбꙋ и земли, видимыи же [всѣмъ] и невидимымъ, и въ Іса Ха Сна єго єдинороднаго. Га нашего, иже вса създалъ

1) О ἡμῶν. — 2) У византійскихъ церковныхъ писателей ἔλεος, всегда τὸ, а не ὁ. Это можетъ служить доказательствомъ, что переводъ грамоты сдѣланъ не природнымъ византійцемъ. — 3) S и O ἡμᾶς. Лат. Nosse enim vos volumus. — 4) S и O ἡμῖν. Сравнительно съ лат. (sicut per anteriorem nostram sacram pragmaticam jussionem significavimus) то и другое лишнее. — 5) Лат. almificus.

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) кротчайшаго нашего смиренія и явленія. — 2) *Ркп.* нашему. — 3) проявлвемъ. — 4) *Прибав.* пастыремъ. — 5) къ устроенію. — 6) и всѣмъ потомъ. — 7) излiявшуюся Божію. — 8) *Греч.* διαγγελούσης (Ἐπιφανείας?). *Корм.* возвѣщающи. — 9) *Приб.* есмы. — 10) отскочившие. — 11) вѣрѣ христіанской православной. — 12) пришедше. — 13) *Приб.* той самый и. — 14) *Приб.* вседержителя и.

πλήρωμα θεότητος εἶναι καὶ μονάδα[1]) δυνάμεως· θεὸς ὁ Πατήρ, θεὸς ὁ Υἱός, θεὸς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον, καὶ οἱ τρεῖς ἕν εἰσι. Τρεῖς τοίνυν αἱ μορφαί, ἀλλὰ μία ἡ δύναμις. Συντελεσθεισῶν τοίνυν τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ πασῶν τῶν γηΐνων ὑλῶν, φιλανθρώπῳ νεύματι[2]) τῆς αὐτοῦ σοφίας, πρῶτον, ἐκ τοῦ τῆς γῆς χοὸς τὸν ἄνθρωπον πλάσας κατ' εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν ἑαυτοῦ, ἐν τῷ παραδείσῳ τοῦτον ἔθετο τῆς τρυφῆς[3])· ᾧ φθονήσας ὁ ὄφις, ὁ ἀρχαῖος ἐχθρὸς καὶ διάβολος, τῇ πικροτάτῃ γεύσει τοῦ ἀπειρημένου ξύλου ἐξόριστον τῆς εὐφροσύνης ἐκείνης πεποίηκεν. Ἐκεῖνόν τε ἐξώσας[4]), οὐ παύεται τοῖς ἑαυτοῦ δηλητηριώδεσι βέλεσι πολυτρόπως τοὺς ἄλλους κατατοξεύων, ἵν' ἀφελκύσας τῆς τῆς ἀληθείας ὁδοῦ τὸ ἀνθρώπινον γένος, τῇ τῶν εἰδώλων λατρείᾳ, τουτέστι τῇ τῆς κτίσεως, ἀλλ' οὐ τῇ[5]) τοῦ κτιστοῦ δουλεύειν ἀναπείσειε πάντας, ὅπως οὓς οἷός τε ἐγένετο, ταῖς ἑαυτοῦ μηχαναῖς συμποδίσας, τούτους τῇ αἰωνίᾳ παραδῷ βασανισθησομένους[6]) κολάσει. Ἀλλ' ὁ θεὸς τοῦ ἰδίου πλάσματος οἶκτον[7]) λαβών, ἀποστείλας τοὺς ἁγίους αὐτοῦ προφήτας, καὶ διὰ τούτων τὸ τῆς ζωῆς φῶς, τὴν παρουσίαν δη-

1) Здѣсь въ O повторено θεότητος — лишнее сравнительно съ S и съ латинскимъ оригиналомъ: ita ut in trinitate perfecta et plenitudo sit divinitatis et unitas potestatis. — 2) S πνεύματι. Лат. nutu. — 3) πρυφῆς (вѣроятно, опечатка). — 4) O ἐξάτρας. 5) O τῷ.—6) O βασανιθησομένους. 7) οἶτον.

ѥсть[1]), и въ Дха Стго истиннаго и животворѧщаго всей твари оуказавъ[2]) вѣровати. Мы Ѡца и Сна и Стго Дха сице[3]) исповѣдѹемъ, иже въ свершенои[4]) Троици и[5]) исполненїе Божества ѥсть[6]), и ѥдиньство[7]) крѣпости[8]): Бъ Ѡцъ, Бъ Снъ, Бъ Дхъ Стыи, три ѥдино соуть. Три ѹбѡ лица, но ѥдина сила[9]). Съвръшенымъ[10]) ѹбо нбнымъ силамъ и всѣмъ земнымъ вещемъ, чл҃вколюбнымъ манїемь[11]) ѥго[12]) прѣмѹдростию пръвѣе земною пръстїю[13]) чл҃вка создавъ по ѡбразу и по подобїю своемоу, въ раи пища сего положивъ[14]), ѥмоуже позавидѣвъ змїи, древнїи[15]) врагъ и дїаволъ, горкымъ въкоусомь ѿ ѿреченаго дрѣва изгнана[16]) веселїа ѡного сътвори. Ѡного оубо изгнавъ, не прѣдстаѥть своими ıадовитыми стрѣлами[17]) многокозньнѣ инѣхъ[18]) стрѣлаıа, имиже ѿвлекъ[19]) истиннаго поути чл҃вчьскыи родъ, идольскаго слѹженїа[20]), ѥже ѥсть тварь[21]), а не създателеви слоужити прѣтвори[22])

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) содѣтельствовашася. — 2) повелѣ. — 3) тако.—4) *Приб.* святѣй.—5) и—*нѣтъ*.— 6) его быти. — 7) единства. — 8) *Приб.* его. — 9) *Приб.* и едино существо, и едино божество. — 10) Совершившимся.— 11) мановеніемъ. — 12) *Прибав.* и. — 13) отъ земныя персти. — 14) въ райстѣй сего положи пищи. *Переводчикъ, очевидно, читалъ не* τρυφῆς, а τροφῆς. — 15) злоначалный. — 16) *Приб.* отъ. — 17) *Прибав.* смертными и донынѣ. — 18) *Ркп.* о пнѣхъ. — 19) *Приб.* отъ. — 20) ко идольскому служенію. — 21) твари. — 22) претворяетъ.

λαθῆ τοῦ Υἱοῦ αὐτοῦ, κυρίου δὲ ἡμῶν καὶ σωτῆρος καὶ θεοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ καταγγείλας, ὕστερον ἀπέστειλε καὶ τὸν μονογενῆ αὐτοῦ Υἱὸν καὶ Λόγον τῆς σοφίας, ὃς κατελθὼν ἐκ τῶν οὐρανῶν διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν καὶ γεννηθεὶς ἐκ Πνεύματος Ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου, Λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, οὐκ ἀποβαλών, ὅπερ ἦν, ἀλλ' ἀρξάμενος εἶναι, ὅπερ οὐκ ἦν· θεὸς τέλειος, καὶ ἄνθρωπος τέλειος, ὡς[1]) θεὸς θαύματα ἐπιτελῶν, καὶ ὡς ἄνθρωπος, ἀνθρώπινα πάθη φέρων. Οὕτω τὸν Λόγον[2]) ἄνθρωπον καὶ θεὸν Λόγον νοοῦμεν ταῖς διδασκαλίαις τοῦ ἡμετέρου πατρὸς Σιλβέστρου, τοῦ ἄκρου ἀρχιερέως, ὥστε θεὸν ἀληθῆ καὶ ἄνθρωπον ἀληθῆ τὸν αὐτὸν ὑπάρξαι, καὶ μηδαμῶς[3]) ἀμφιβάλλειν. Προελόμενος τοίνυν δώδεκα ἀποστόλους, τούτων τε καὶ ἀναριθμήτων λαῶν ἔμπροσθεν, ὑπερφυέσι θαύμασιν ἔλαμψεν. Ὁμολογοῦμεν αὐτὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἀποπληρῶσαι τοὺς νόμους καὶ τοὺς προφήτας, παθεῖν καὶ σταυρωθῆναι κατὰ τὰς γραφάς, τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐκ τῶν νεκρῶν ἀναστῆναι, ἀναληφθῆναι εἰς τοὺς οὐρανούς, καθῆσθαι ἐκ δεξιῶν τοῦ Πατρός, ἐκεῖθεν ἥξοντα κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς, οὗ τῆς βασιλείας οὐκ εἶναι τέλος. Αὕτη ἐστὶν ἡ ἡμετέρα ὀρθόδοξος πίστις, παρὰ τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Σιλβέστρου

1) S καὶ ἄνθρωπος τέλειος ὡς нѣтъ. — 2) S τῶν λόγων. — 3) O μηδαμῶν.

всѣхъ, ꙗко да иже или како бывъ[1]), своими козньми запавъ, сихъ вѣчномоу прѣдасть томитиса мученiю[2]). Но Бъ҃ своего създанiа бл҃гоутробiе прiемь[3]), пославь ст҃ыа своа пророкы[4]), и сихъ[5]) ради живѡтнаго свѣта приходъ[6]), еже есть[7]) Сн҃а его, Г҃а же нашего и Спс҃теля и Б҃а Іс҃а Х҃а възвѣстивъ[8]), послѣди же[9]) пославь[10]) и единороднаго своего Сн҃а и Слова прѣмоудрости[11]), иже съшед съ нб҃съ нашего ради спасенiа, и родивса ѿ Дх҃а Ст҃а и Мр҃iа Дв҃ы, Слово плоть бысть и вселиса в ны, не ѿложивъ[12]), еже бѣ, но начать быти[13]), еже не бѣ, Бъ҃ съвръшенъ, и чл҃вкъ съвръшенъ: ꙗко Бъ҃ чюдеса съвръшаа, и ꙗко чл҃вкъ чл҃вческыа страсти носа. Сего слова[14]) чл҃вка и Бж҃iа[15]) Слова разоумѣваемь оучении[16]) нашего ѡц҃а Силвестра, высокого ст҃ла[17]), ꙗко Б҃а истинна и чл҃вка истинна того же бывша[18]), и никакоже размышлати[19]). Избра оубо два-

Варiанты печатной Кормчей и примѣчанiя.

1) *Корм.* «яко да еликiя возможетъ». *Это, конечно, ближе къ греческому:* ὅπως οὓς οἷός τε ἐγένετο. — 2) вѣчнѣй муцѣ предаде мучитися. — 3) не презрѣ въ конецъ и *далье прибав.* благоутробiя своего ради прiятъ. — 4) *Приб.* прорицати. — 5) сего. — 6) пришествiе; *далье прибав.* являетъ. — 7) еже есть — сына. — 8) проповѣдавъ. — 9) *Прибав.* въ послѣдняя лѣта — 10) посла того. — 11) *Приб.* бездну неизреченную милосердiя своего. — 12) не отложи. — 13) но прiятъ. — 14) словеси. — 15) Бога. — 16) ученiемъ. — 17) *Приб.* православнаго. — 18) Богу истину и человѣку истинну тому быти. — 19) поразмышляти, или сомнѣтися намъ вѣрующимъ въ онъ.

Ῥώμης, καὶ πᾶσι τοῖς αὐτοῦ[1]) διαδόχοις ἀρχιερεῦσι, τοῖς ἐν τῇ καθέδρᾳ τοῦ μακαρίου Πέτρου μέχρι τῆς τοῦ αἰῶνος συντελείας καθεδουμένοις, ἔτι καὶ [2]) πᾶσι τοῖς αἰδεσιμωτάτοις καὶ θεοσεβέσι καθολικοῖς ἐπισκόποις, τοῖς ταύτῃ τῇ ἱερᾷ καὶ ἁγίᾳ ῥωμαϊκῇ ἐκκλησίᾳ διὰ ταύτης τῆς ἡμετέρας βασιλικῆς καταστάσεως ὑποκειμένοις· χάρις, εἰρήνη, ἀγάπη, εὐφροσύνη, μεγαλοψυχία, ἔλεος παρὰ τοῦ παντοδυναμένου [3]) θεοῦ καὶ Πατρὸς καὶ Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ Υἱοῦ αὐτοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος μετὰ πάντων ὑμῶν. Τὰ ὑπὸ τοῦ λυτρωτοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν[4]) κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅς ἐστιν Υἱὸς τοῦ ὑψίστου Πατρὸς, διὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων αὐτοῦ Πέτρου καὶ Παύλου, μεσιτεύοντος τοῦ πατρὸς ἡμῶν Σιλβέστρου, τοῦ ἄκρου ἀρχιερέως καὶ καθολικοῦ πάπα, παραδόξως περὶ ἡμῶν[5]) οἰκτιρμοῖς ἐκείνου γενόμενα, ἀριδήλῳ διηγήσει διὰ τῆς βασιλικῆς ταύτης ἡμετέρας γραφῆς τοῖς[6]) καθεξῆς ἅπασιν[7]) ἐσπουδάσαμεν παραδοῦναι, πρὸς ἐπίγνωσιν πάντων τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ λαῶν, τῆς πραοτάτης ἡμῶν ἐπιφανείας ἔνδοθεν καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας προϊούσῃ ὁμολογίᾳ, πρῶτον μὲν, τὴν ἡμετέραν πίστιν προενεγκούσης[8]), ἣν ὑπὸ τοῦ προειρημένου μακαριωτάτου πατρὸς καὶ

---

1) S αὐτῶν. — 2) S τε. — 3) S здѣсь и далѣе читаетъ и склоняетъ παντοδύναμος.— 4) S ὑμῶν — 5) S ἡμᾶς. 6) S τῆς. 7) Далѣе въ O стоитъ ἐστὶν — лишнее по сравненію съ лат. и S.—8) Относится къ Ἐπιφανείας?

присныи авгоустъ: ст҃ѣйшомꙋ и҆ бл҃жнѣйшомꙋ ѿцꙋ҃ ѡ҆ц҃емъ [1]) Силвистрꙋ, е҆пископꙋ и҆ папѣ [2]) великаго града Рима, и҆ всѣмъ е҆го [3]) прѣе҆мникомъ ст҃лемъ, [4]) и҆же на прѣстолѣ [5]) блаженаго Петра даже до скончанія вѣка сѣдѧщимъ; е҆ще же и҆ всѣмъ ч҃тнѣйшимъ и҆ бг҃очт҃ьвымъ [6]) съборнымъ е҆пископомъ, и҆же тои ѕ҃щенной и҆ ст҃ой римьской ц҃ркві симъ нашимъ цр҃скымъ оу҆ставленіе҆мъ [7]) по҃лежащимъ, бл҃гть, миръ, любовь, весел҃е, великодушие҆, мл҃ть ѿ всесилнаго Бг҃а и҆ Ѡц҃а и҆ Іс҃а Х҃а Сн҃а е҆го и҆ [8]) Ст҃го Дх҃а съ всѣми вами. Ꙗ҆же и҆збавителемъ и҆ сп҃стелемъ нашимъ Гд҃мь [9]) Іи҃. Хо҃мъ, и҆же е҆сть Сн҃ъ вышнѧго Ѡц҃а, ради ст҃ыхъ ап҃лъ е҆го Петра и҆ Павла, ходатайствꙋющꙋ ѡ҆цꙋ҃ нашемꙋ Силвестрꙋ, крайнемꙋ ст҃леви [10]), и҆ зборъномоу папѣ, прѣславнѣ [11]) е҆же ѡ҆ нас щедротами е҆го бывшаа [12]) ꙗ҆вленою повѣстію [13]) цр҃кымъ симъ нашимъ писаніе҆мъ [14]) всѣмъ е҆же по сихъ [15]) потьщахомсѧ прѣдати в разꙋмѣніе҆ всѣмъ [16])

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.

1) *Прибавлено:* поднебесныя, православному. — 2) *Прибавлено:* превысочайшему. — 3) сущимъ по немъ. — 4) *Прибав.:* православнымъ. — 5) на сѣдалищи. — 6) и иже съ нимъ благоговѣйнѣйшимъ и благочестивѣйшимъ православнымъ.— 7) ради сего нашего царскаго уставленія. — 8) *Приб.* Господа. — 9) *Въ рукописи:* гл҃мь. — 10) святителю православному. — 11) преславное. — 12) *Приб.* зѣло. — 13) *Приб.* божественнаго повелѣнія ради. —14) *Приб.* и. — 15) по насъ и по сихъ. — 16) *Приб.* сущимъ.

εὐχέτου ἡμῶν Σιλβέστρου, τοῦ καθολικοῦ ἱεράρχου δεδιδάγμεθα πρὸς οἰκοδομὴν τῆς διανοίας ἡμῶν πάντων, ἔπειτα καὶ τὸν ἐφ' ἡμᾶς[1]) ἐκχυθέντα τοῦ θεοῦ ἔλεον[2]), πᾶσι διαγγελούσης. Εἰδέναι γὰρ ὑμᾶς[3]) πάντας βουλόμεθα, καθὼς διὰ τῆς προλαβούσης ἱερᾶς ἡμῶν πραγματικῆς διατάξεως ὑμῖν[4]) ἐδηλώσαμεν, ἡμᾶς τῆς τῶν εἰδώλων λατρείας τῶν ἀφώνων καὶ κωφῶν καὶ χειροποιήτων, τῶν διαβολικῶν τε συνθηκῶν, καὶ πάσης τῆς τοῦ σατανᾶ πομπῆς ἀποπηδήσαντας καὶ πρὸς τὴν ἀκέραιαν τῶν χριστιανῶν πίστιν, ἣ φῶς ἀληθινόν ἐστι καὶ ζωὴ αἰώνιος, μετελθόντας, καθὼς ἡμᾶς αὐτὸς ὁ ὑψοποιός[5]) καὶ ἄκρος πατὴρ ἡμῶν καὶ διδάσκαλος ἡμέτερος Σίλβεστρος ἐνουθέτησεν εἰς θεόν Πατέρα παντοδυνάμενον, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων, καὶ εἰς Ἰησοῦν Χριστόν τὸν Υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ, τὸν κύριον ἡμῶν, δι' οὗ τὰ πάντα δεδημιούργηται, καὶ εἰς Πνεῦμα Ἅγιον, τὸ κύριον καὶ ζωοποιὸν πάσης τῆς κτίσεως, παραγγείλας πιστεύειν. Ἡμεῖς τὸν Πατέρα, τὸν Υἱόν, καὶ τὸ Ἅγιον Πνεῦμα οὕτως ὁμολογοῦμεν, ὡς ἐν τελείᾳ τριάδι καὶ

1) O ἡμῶν. — 2) У византійскихъ церковныхъ писателей ἔλεος, всегда τό, а не ὁ. Это можетъ служить доказательствомъ, что переводъ грамоты сдѣланъ не природнымъ византійцемъ. — 3) S и O ἡμᾶς. Лат. Nosse enim *vos* volumus. — 4) S и O ἡμῖν. Сравнительно съ лат. (sicut per anteriorem nostram sacram pragmaticam jussionem siguificavimus) то и другое лишнее. — 5) Лат. almificus.

ѐже по вселенѣй людемъ, кроткаго нашего ѩвленїа[1]) ѝзъноутрь ѝ ѿ самого срца проѩвлъшеѐсѧ исповѣданіѐ, пръвѣѐ оу҆бо нашꙋ[2]) вѣрꙋ ѩвлышесѧ[3]), ѩже предъреченнымъ блаженѣйшимъ[4]) ѡ҆ц҃емь ѝ моленникомъ нашимъ Силвестромъ, съборнымъ ст҃лемъ, наоучихомсѧ въ назданїѐ[5]) мысли нашеа̀ всѣхъ[6]), таже ѝ ѐже на ны ѝзлиѩвшаѩсѧ Бж҃їа[7]) м҃лть всѣмъ възвѣщающоѝ[8]). Вѣдати бо всѣмъ вамъ хощемъ, ѩкоже предварившимъ сщ҃еннымъ дѣлнымъ оу҆ставомъ вамъ ѝзьѧвихомъ, мы[9]) ѝже ѝдольскыа слꙋжбы безгласны[хъ] ѝ глꙋхыхъ ѝ роукотвореныхъ бѣсовъскыхъ слꙋженїи ѝ всего сатаниньскаго стꙋда ѿскочившихъ[10]) ѝ къ цѣлоѝ хрт҃ьаньской вѣрѣ[11]), ѩже ѐсть свѣтъ ѝстинныи [и] животъ вѣчныи, прѣшедъшихъ[12]), ѩкоже насъ[13]) высокотворныѝ ѝ крайныѝ ѡ҆ц҃ь нашь ѝ оу҆читель нашь наоу҆чи Силвестрь, въ Бг҃а Ѡ҆ц҃а[14]) вседилнаго, творца н҃бꙋ ѝ земли, видимыѝ же [всѣмъ] ѝ невидимымъ, ѝ въ Ї҆с҃а Х҃а С҃на ѐго ѐдинороднаго, Г҃а нашего, ѝмже всѧ създалъ

Варіанты печатной Корчей и примѣчанія.

1) кротчайшаго нашего смиренія и явленія. — 2) *Ркп.* нашему. — 3) проявляемъ. — 4) *Прибав.* пастыремъ. — 5) къ устроенію. — 6) и всѣмъ потомъ. — 7) изліявшуюся Божію. — 8) *Греч.* διαγγελούσης (Ἐπιφανείας?). *Корм.* возвѣщающи. — 9) *Приб.* есмы. — 10) отскочивше. — 11) вѣрѣ христіанской православной. — 12) пришедше. — 13) *Приб.* той самый и. — 14) *Приб.* вседержителя и.

πλήρωμα θεότητος εἶναι καὶ μονάδα[1]) δυνάμεως· Θεὸς ὁ Πατὴρ, Θεὸς ὁ Υἱός, Θεὸς τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον, καὶ οἱ τρεῖς ἕν εἰσι. Τρεῖς τοίνυν αἱ μορφαί, ἀλλὰ μία ἡ δύναμις. Συντελεσθεισῶν τοίνυν τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ πασῶν τῶν γηΐνων ὑλῶν, φιλανθρώπῳ νεύματι[2]) τῆς αὐτοῦ σοφίας, πρῶτον, ἐκ τοῦ τῆς γῆς χοὸς τὸν ἄνθρωπον πλάσας κατ' εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν ἑαυτοῦ, ἐν τῷ παραδείσῳ τοῦτον ἔθετο τῆς τρυφῆς[3])· ᾧ φθονήσας ὁ ὄφις, ὁ ἀρχαῖος ἐχθρὸς καὶ διάβολος, τῇ πικροτάτῃ γεύσει τοῦ ἀπειρημένου ξύλου ἐξόριστον τῆς εὐφροσύνης ἐκείνης πεποίηκεν. Ἐκεῖνόν τε ἐξώσας[4]), οὐ παύεται τοῖς ἑαυτοῦ δηλητηριώδεσι βέλεσι πολυτρόπως τοὺς ἄλλους κατατοξεύων, ἵν' ἀφελκύσας τῆς τῆς ἀληθείας ἐδοῦ τὸ ἀνθρώπινον γένος, τῇ τῶν εἰδώλων λατρείᾳ, τουτέστι τῇ τῆς κτίσεως, ἀλλ' οὐ τῇ[5]) τοῦ κτιστοῦ δουλεύειν ἀναπείσειε πάντας, ὅπως οὗς οἷός τε ἐγένετο, ταῖς ἑαυτοῦ μηχαναῖς συμποδίσας, τούτους τῇ αἰωνίᾳ παραδῷ βασανισθησομένους[6]) κολάσει. Ἀλλ' ὁ Θεὸς τοῦ ἰδίου πλάσματος οἶκτον[7]) λαβὼν, ἀποστείλας τοὺς ἁγίους αὐτοῦ προφήτας, καὶ διὰ τούτων τὸ τῆς ζωῆς φῶς, τὴν παρουσίαν δη-

1) Здѣсь въ O повторено θεότητος — лишнее сравнительно съ S и съ латинскимъ оригиналомъ: ita ut in trinitate perfecta et plenitudo sit divinitatis et unitas potestatis. — 2) S πνεύματι. Лат. nutu. — 3) πρυφῆς (вѣроятно, опечатка). — 4) O ἐξάτρας. 5) O τῷ. — 6) O βασανιθησομένους. 7) οἶτον.

ѐсть [1]), и҆ въ Дх҃а Ст҃го и҆стиннаго и҆ животворѧщаго всей твари оу҆казавъ [2]) вѣровати. Мы Ѡц҃а и҆ Сн҃а и҆ Ст҃го Дх҃а сице [3]) и҆сповѣдꙋ҆ѐмъ, и҆же въ свершенои [4]) Троици и҆ [5]) и҆сполненїѐ Божества ѐсть [6]), и҆ ѐдиньство [7]) крѣпости [8]): Бъ҃ Ѡц҃ъ, Бъ҃ Сн҃ъ, Бъ҃ Дх҃ъ Ст҃ыи, три ѐдино соуть. Три ʼꙋбѡ лица, но ѐдина сила [9]). Съвръшенымъ [10]) ʼꙋбо нбн҃ымъ силамъ и҆ всѣмъ земныи҆мъ вещемъ, чл҃вколюбныи҆мъ манїѐмь [11]) ѐго [12]) прѣмꙋдростию пръвѣѐ земною пръстїю [13]) чл҃вка создавъ҇ по ѡ҆бразу и҆ по подобїю своѐмоу, въ раи҆ пища сего положивъ [14]), ѐмоуже позавидѣвъ змїи, древнї҆и [15]) врагъ и҆ дїаволъ, горкымъ въкоусомь ѿ ѿреченаго дрѣва и҆згнана [16]) веселїа ѡ҆ного сътвори. Ѡ҆ного оу҆бо и҆згнавъ, не прѣдстаѐть своими ꙗ҆довитыми стрѣлами [17]) многокозньнѣ и҆нѣхъ [18]) стрѣлꙗ, и҆миже ѿвлекъ [19]) и҆стиннаго поути чл҃вчьскыи҆ родъ, и҆дольскаго слꙋженїа [20]), ѐже ѐсть тварь [21]), а҆ не създателеви слоужити прѣтвори [22])

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) содѣтельствовашася. — 2) повелѣ. — 3) тако. — 4) *Приб.* святѣй. — 5) и — *нѣтъ.* — 6) его быти. — 7) единства. — 8) *Приб.* его. — 9) *Приб.* и едино существо, и едино божество. — 10) Совершившимся. — 11) мановеніемъ. — 12) *Прибав.* и. — 13) отъ земныя персти. — 14) въ райстѣй сего положи пищи. *Переводчикъ, очевидно, читалъ не* τρυφῆς, а τροφῆς. — 15) злоначалный. — 16) *Приб.* отъ. — 17) *Прибав.* смертными и донынѣ. — 18) *Ркп.* о инѣхъ. — 19) *Приб.* отъ. — 20) ко идольскому служенію. — 21) твари. — 22) претворяетъ.

λαδὴ τοῦ Υἱοῦ αὐτοῦ, κυρίου δὲ ἡμῶν καὶ σωτῆρος καὶ θεοῦ Ἰησοῦ Χριστοῦ καταγγείλας, ὕστερον ἀπέστειλε καὶ τὸν μονογενῆ αὐτοῦ Υἱὸν καὶ Λόγον τῆς σοφίας, ὃς κατελθὼν ἐκ τῶν οὐρανῶν διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν καὶ γεννηθεὶς ἐκ Πνεύματος Ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου, Λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν, οὐκ ἀποβαλὼν, ὅπερ ἦν, ἀλλ' ἀρξάμενος εἶναι, ὅπερ οὐκ ἦν· θεὸς τέλειος, καὶ ἄνθρωπος τέλειος, ὡς¹) θεὸς θαύματα ἐπιτελῶν, καὶ ὡς ἄνθρωπος, ἀνθρώπινα πάθη φέρων. Οὕτω τὸν Λόγον²) ἄνθρωπον καὶ θεὸν Λόγον νοοῦμεν ταῖς διδασκαλίαις τοῦ ἡμετέρου πατρὸς Σιλβέστρου, τοῦ ἄκρου ἀρχιερέως, ὥστε θεὸν ἀληθῆ καὶ ἄνθρωπον ἀληθῆ τὸν αὐτὸν ὑπάρξαι, καὶ μηδαμῶς³) ἀμφιβάλλειν. Προελόμενος τοίνυν δώδεκα ἀποστόλους, τούτων τε καὶ ἀναριθμήτων λαῶν ἔμπροσθεν, ὑπερφυέσι θαύμασιν ἔλαμψεν. Ὁμολογοῦμεν αὐτὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἀποπληρῶσαι τοὺς νόμους καὶ τοὺς προφήτας, παθεῖν καὶ σταυρωθῆναι κατὰ τὰς γραφὰς, τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐκ τῶν νεκρῶν ἀναστῆναι, ἀναληφθῆναι εἰς τοὺς οὐρανοὺς, καθῆσθαι ἐκ δεξιῶν τοῦ Πατρὸς, ἐκεῖθεν ἥξοντα κρῖναι ζῶντας καὶ νεκροὺς, οὗ τῆς βασιλείας οὐκ εἶναι τέλος. Αὕτη ἐστὶν ἡ ἡμετέρα ὀρθόδοξος πίστις, παρὰ τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Σιλβέστρου

1) S καὶ ἄνθρωπος τέλειος ὡς нѣтъ. — 2) S τῶν λόγων. — 3) O μηδαμῶν.

всѣхъ, ꙗко да ѝхже ѝли како бывъ ¹), своими козньми запавъ, сихъ вѣчномоу прѣдасть томитиса мученію ²). Но Бъ҃ своѐго създанія бл҃гоѹтробне приѐмь ³), пославь ст҃ыꙗ своа пророкы ⁴), ѝ сихъ ⁵) ради живѡтнаго свѣта приходъ ⁶), ѐже ѐсть ⁷) Сн҃а ѐго, Га҃ же нашего ѝ Спсͭтела ѝ Ба҃ Іс҃а Ха҃ възвѣстивъ ⁸), послѣди же ⁹) пославь ¹⁰) ѝ ѐдинороднаго своѐго Сн҃а ѝ Слова прѣмоудрѡсти ¹¹), ѝже съшед съ нб҃съ нашего ради спасеніа, ѝ родивса ѿ Дх҃а Ст҃а ѝ Мр҃іа Дв҃ы, Слово плъть бысть ѝ вселиса в ны, не ѿложивъ ¹²), ѐже бѣ, но начатъ быти ¹³), ѐже не бѣ, Бъ҃ съвръшенъ, ѝ чл҃вкъ съвръшенъ: ꙗко Бъ҃ чюдеса съвръшаа̀, ѝ ꙗко чл҃вкъ чл҃вчскыа страсти носа. Сего слова ¹⁴) чл҃вка ѝ Бж҃іа̀ ¹⁵) Слова разоумѣваѐмь оу̀ченми ¹⁶) нашего ѿц҃а Силвестра, высокого ст҃ла ¹⁷), ꙗко Ба҃ ѝстинна ѝ чл҃вка ѝстинна того же бывша ¹⁸), ѝ никакоже размышлати ¹⁹). Избра оу̀бѡ два-

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Корм.* «яко да елицы возможетъ». *Это, конечно, ближе къ греческому:* ὅπως οἷός τε ἐγένετο. — 2) вѣчнѣй муцѣ предаде мучитися. — 3) не презрѣ въ конецъ и *далѣе прибав.* благоутробія своего ради пріятъ. — 4) *Приб.* прорицати. — 5) сего. — 6) пришествіе; *далѣе приб.* являетъ. — 7) еже есть — нѣтъ. — 8) провозвѣдавъ. — 9) *Прибав.* въ послѣдняя лѣта — 10) посла того. — 11) *Приб.* бездну неизреченнаго милосердія своего.— 12) не отложи. — 13) но пріятъ. — 14) словесии. — 15) Бога. — 16) ученіемъ. — 17) *Приб.* православнаго.—18) Богу истину и человѣку истину тому *быти*. — 19) поразмышляти, или сомнѣтися намъ вѣрующимъ въ онь.

ἡμῖν προενεχθεῖσα. Νουθετοῦμεν τοίνυν πάντα λαὸν καὶ τὰ διάφορα τῶν ἐθνῶν γένη ταύτην τὴν πίστιν κατέχειν, σέβειν [1]), κηρύττειν, καὶ ἐν τῷ τῆς ἁγίας Τριάδος ὀνόματι τυγχάνειν τῆς τοῦ βαπτίσματος χάριτος, καὶ τὸν κύριον ἡμῶν καὶ σωτῆρα Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν μετὰ τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος εἰς ἀπείρους αἰῶνας βασιλεύοντα προσκυνεῖν εὐλαβεῖ καρδίᾳ, ὃν ὁ μακαριώτατος πατὴρ ἡμῶν Σίλβεστρος, ὁ καθολικὸς ἱεράρχης, κηρύττει. Αὐτὸς γὰρ ὁ κύριος ἡμῶν ἐμὲ τὸν ἁμαρτωλὸν ἐλεήσας, ἀπέστειλε τοὺς ἁγίους αὐτοῦ ἀποστόλους, ἐπισκεψομένους[2]) ἡμᾶς, καὶ τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ λαμπρότητος ἡμᾶς περιήστραψε, καὶ τοῦ σκότους ἀφελκύσας[3]), πρὸς τὴν τῆς ἀληθείας ἐπίγνωσίν με μετελθεῖν [4]) κατηξίωσεν. Ἐπεὶ [5]) γὰρ ἰσχυρὸν αἶσχος λέπρας [6]) ἐπεπήδησεν ὅλῃ τῇ τοῦ σώματός μου σαρκί, πολλῶν τε ἰατρῶν συνιόντων, ἐπιμέλειά μοι προσήγετο, καὶ τούτων οὐδενὸς σπουδῇ τυχεῖν ὑγείας οἷός τ' ἐγενόμην [7]). Ἐπὶ τούτοις προσῆλθόν μοι καὶ οἱ ἱερεῖς τοῦ Καπιτωλίου, δεῖν λέγοντες δεξαμενὴν ἐν τῷ Καπιτωλίῳ γενέσθαι, καὶ ταύτην ἀθώου [8]) αἵματος καὶ θερ-

1) S σέβειν нѣтъ. — 2) ἐπισκεψάμενος. Лат. misit sanctos suos apostolos ad visitandum nos. — 3) O ἐφελκύσας. — 4) S μεμετελθεῖν. Лат. me pervenisse.—5) S ἐπί.— 6) O λέπραν. Исправлено по смыслу и согласно съ лат.: Nam dum validi squaloris lepra totam mei corporis invasisset carnem.—7) nec ullius quidem cura promeruissemus salutem. — 8) O здѣсь ἀθάου, и далѣе ἀθάων.

надесать а̀пл҃овъ, съ сими же и̇ бес числа людїи̇ въпредь [1]), пачеестествеными чюдесы просїа [2]). Исповѣдꙋе̇мъ того [Господа] нашего Ї҃са Х҃а и̇спльнивша законы и̇ пророкы, пострадавша и̇ распеншасѧ [3]) по писаныхъ [4]), въ третїи̇ д҃нь и̇з мр҃твыхъ въскрѣсша, възнесшасѧ на н҃бса и̇ сѣдьша ѡ̇десноую Ѡ҃ца, ѿ ѡ̇ноудоу пришедъша [5]) соудити живымъ и̇ мр҃твымъ, е̇гоже цр҃твїю нѣсть конца. Сїа е̇сть наша православнаа вѣра, бл҃женѣи̇шимъ ѿцем нашимъ Селвестромь намь прѣдана. Наоу̇чае̇м же оу̇бо всѧ люди и̇ различныѧ ꙗ̇зычныѧ [6]) рѡды [7]) сїю вѣрꙋ и̇мѣти, вѣровати [8]) и̇ възвѣщати, и̇ ст҃ыа̇ Троица и̇менемъ прїи̇мати кр҃щенїа бл҃гти, [и] Го҃у нашемоу и̇ Сп҃соу Ї҃су Хо҃у съ Ѡ҃цемъ и̇ съ Ст҃ымъ Дх҃мъ въ бещисленыа̇ вѣка [9]) цр҃твꙋющоу покланѧтисѧ благоговѣи̇нымъ ср҃цемъ, егоже блаженнѣи̇шии̇ ѿц҃ь нашь Селвестръ, събрьныи̇ ст҃ль, и̇сповѣдоуе̇ть и̇ възвѣщаеть. Тоть бѡ [10]) Г҃ь нашь мене грѣшнаго помиловавъ, посла ст҃ыа̇ своꙗ̇ а̇п҃лы посѣщаю̇щихъ [11]) нась, и̇ свѣтомъ

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.

1) *Греч.* λαῶν ἔμπροσθεν (въпредь). *Корм.* приведе *и далѣе прибав.* предъ сими же.— 2) просіявъ. — 3) *Приб.* и погребена бывша. — 4) *Ркп.* по пысаныхъ; *Корм.* по писаніихъ. — 5) *Приб.* и паки пріити ему со славою многою, и со страшною грозою несказанною. — 6) языческія. — 7) *Приб.* во всѣхъ странахъ. — 8) *Приб.* и исповѣдати. — 9) въ безконечныя вѣки. — 10) *Приб.* самъ. — 11) посѣщающыя.

μοῦ πληρωθῆναι, ἐκεῖ τε λουσάμενον [1]), οὕτω καθάρσεως δυνηθῆναι τυχεῖν. Κατὰ τὰς ὑποθήκας τοίνυν αὐτῶν, πολλῶν νηπίων ἀκάκων συναθροισθέντων, καὶ βουλομένων τῶν ἀσεβῶν καὶ ἱεροσύλων ἱερέων αὐτοὺς ἀποσφάττειν, καὶ τοῦ ἐκείνων αἵματος πληροῦν τὴν δεξαμενήν, τοῖς δάκρυσι τῶν μητέρων ἐκείνων ἡ ἡμετέρα προσέχουσα γαληνότης, παραυτίκα τὸ ἀθέμιτον ἔφριξα, ἐκείνας τε ἐλεήσας, ταῖς μητράσιν ἐπετάξαμεν ἀποδοθῆναι τὰ τέκνα, ὀχήματά τε δοὺς καὶ δῶρα προσπαρασχόμενος, χαιρούσας εἰς τὰ ἴδια ἀπεπέμψαμεν. Ταύτης τῆς ἡμέρας παρελθούσης [2]) καὶ νυκτερινῆς ἡσυχίας ἡμῖν ἐπιγενομένης, καὶ πρὸς ὕπνον [3]) εὐκαιρίας ἑρπετούσης [4]), πάρεισιν [5]) οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι Πέτρος καὶ Παῦλος, ἐμοὶ λέγοντες· ἐπεὶ ταῖς ἁμαρτίαις οὐ συνεχώρησας προελθεῖν καὶ τὴν ἔκχυσιν ἐβδελύξω τῶν ἀθώων αἱμάτων, παρὰ Χριστοῦ τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ ἡμῶν ἀπεστάλημεν [6]), δώσοντές σοι [7]) βουλήν, καθ' ἣν τὴν ὑγίειαν ἐπαναλήψῃ. Ἄκουσον τοίνυν τῆς ἡμετέρας παραγγελίας, καὶ ποίησον, ὃ σοι ὑποτιθέμεθα. Ὁ τῆς πόλεως ταύτης ἐπίσκοπος Σίλβεστρος, τοὺς σοὺς διωγμοὺς φεύγων, ἐν ταῖς ὀπαῖς τῶν πετρῶν [8]) μετὰ τῶν ἰδίων κρύπτεται

1) O λουσάμενος.—2) O παρελθούσας.— 3) S ὕπνος. — 4) O ἑρπετούσας, S ἐλθούσης. — 5) S παρείσην. Лат. adsunt. — 6) S ἀπεστάλομεν. — 7) O σε.— 8) Лат. in cavernis petrarum.

своеѧ̀ свѣ́тлости [1]) ѡ̀блиста, ѝ тъ́мы ѝзбавивь, къ ѝстинномꙋ познанїю преити сподобивъ. Понѐже бѡ крѣпкое ѡ̀бдержанїѐ проказа [2]) наскочи на вьсѧ (= всю) тѣла моѐго плоть, многымъ оу҆бѡ лѣчцѣмь [3]) сбираю̀щимсѧ, прилежанїѐ ми бываше, ѝ тѣхъ потщанїѐмь никакоже полꙋчити зд҃равиѧ̀ можахъ, ꙗ̀ковже бѣхъ [4]). К сим же [5]) приидоша ми [6]) ѝ слоужебници полатнїи [7]), достоꙗ̀ти [8]), г҃люще, ꙗ̀коже [9]) кꙋ́пѣль сътворитисѧ [10]) в полатномь жрътвищи [11]) ѝ той [12]) неповинною [13]) кровью горечею наполънитисѧ [14]), ѝ тамо ѝзмывшꙋ, сице ѡ̀чищенїа сподобитисѧ [15]). 'И по ѝхъ ѡ̀бѣтоу ѝ оу҆казанїю [16]), множество младенець незлобивыхъ ѝзбрани бывше [17]), ѝ хотащимь [18]) нечьстивымь ѝ [19]) сщ҃еннотатцемь [20]) сщ҃енникомь ѡ̀нѣмь [21]) тѣхъ [22]) закалати ѝ тѣхъ крьвми ѝсполнити кꙋпѣль ѡ̀ною, ѝ слъзы [23]) м҃трь ѡ̀нѣхъ [24]) наша крѣпость смотрꙗ, напрасно грознаго ѡ̀ного

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Приб.* насъ. — 2) проказы. — 3) врачемъ. — 4) но бѣхъ, якоже и преже. — 5) по сихъ же. — 6) ко мнѣ. — 7) *Приб.* идольскаго храма. — 8) подобаетъ. — 9) *Вмѣсто* якоже *Корм.:* въ храмѣ боговъ нашихъ. — 10) сотворити купѣлницу.—11) въ полатномъ жертвищи нѣкоемъ.— 12) сію.—13) неповинныхъ.—14) исполнити.—15) и тако очищеніе возможно ти есть получити. — 16) по ихъ же совѣтыванію. — 17) многи младенцы незлобивы повелѣвшу ми собрати, и сему бывшу.— 18) *Приб.* имъ.—19) и нѣкимъ.—20) *Приб.* студнымъ.—21) онѣмъ нѣкимъ.—22) онѣхъ младенецъ. — 23) слезы же. — 24) *Прибав.* младенецъ.

κληρικῶν ἐν τῷ ὄρει Σορρέπτε·[1]) τοῦτον πρὸς σεαυτὸν μετακαλεσάμενος, ὑποδείξαντος ἐκείνου, μαθήσῃ τὴν ἀληθῆ τῆς εὐσεβείας δεξαμενὴν, ἐν ᾗ τρίτον σοῦ[2]) βαπτισθέντος, πᾶσα ἡ τῆς λέπρας ἰσχὺς καταλείψει σε[3])· οὗ γενομένου, ταύτην ἀμοιβὴν ἀντιμέτρησον τῷ σωτῆρί σου, ὥστε σοῖς προστάγμασι τὰς ἐν τῇ οἰκουμένῃ πάσας ἐκκλησίας ἀνακαινίζεσθαι, καὶ σὺ δὲ σαυτὸν ἐν τούτῳ[4]) τῷ μέρει καθάρισον, ἵνα πᾶσαν δεισιδαιμονίαν εἰδώλων καταλιπὼν, τὸν μόνον ζῶντα καὶ ἀληθινὸν θεὸν, ὃς μόνος ἐστὶ θεὸς ἀληθὴς, σέβῃς καὶ προσκυνῇς καὶ τὴν ἐκείνου πληροῖς θέλησιν. Ἀφυπνισθεὶς τοίνυν, κατὰ τὰ δια[τετα]γμένα παρὰ τῶν ἀποστόλων διεπραξάμην· προσκαλεσάμενός τε τὸν ἐξαίρετον καὶ μεγαλοπρεπῆ πατέρα, τὸν καθολικὸν πάπαν, τὸν ἡμᾶς φωτίσαντα Σίλβεστρον, πάντας αὐτῷ τοὺς παρὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐντεταλμένους μοι λόγους ἐδήλωσα· ἀνεζητήσαμέν τε παρ' αὐτοῦ[5]), οἵτινες εἶεν θεοί, Πέτρος καὶ Παῦλος καλούμενοι; Ἔφασκέ τε ἐκεῖνος· οὐκ ἀληθῶς θεοὺς τούτους λέγεσθαι, ἀποστόλους δὲ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν καὶ κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ εἶναι διισχυρίζετο. Πάλιν ἠρξάμην ἐρωτᾶν τὸν μακαριώτατον πάπαν, εἴ τινες φανεραὶ τούτων τῶν ἀποστό-

1) S Σωράκτι. Лат. Seraptem, Soracte, Siracte, Soractam, Soractim, Sareptem. — 2) O τοῦ. — 3) S κατάλειψε (безъ σε). — 4) O τούτων. Лат. in *hac* parte. — 5) Лат. percunctatique eum sumus (alii: percontatique sumus ab eo).

оу҆страшихъсѧ[1]), ѡ҆нѣхъ оу҆бо помиловавъ, мт҃ремъ повелѣхъ ѿдати чада[2]), кони оу҆бо подати и҆ дары повелѣхъ[3]), радостны ѡ҆ны въ своѧ домы ѿслахъ. Томꙋ дневи мимошедщю и҆ нощномоу безмолвию мнѣ пришедшю, и҆ съноу бл҃гопотребнꙋ пришедшоу,[4]), прѣсташа[5]) ст҃їи а҆п҃ли Петръ и҆ Павелъ, мнѣ гл҃ще[6]): понеже грѣхомъ не простилъ е҆си и҆сполиитисѧ[7]), и҆ пролитиа възгноушавшатисѧ[8]) неповинныхъ кръвїи, ѿ Х҃а и҆ Б҃а нашего посланї е҆смы[9]) дати тебѣ съвѣтъ, и҆мже здравїа полꙋчиши. Послꙋшай оу҆бѡ наше[го] заповѣданїа и҆ сътвори, е҆же ти повелѣваемь. Иже града сего е҆п҃пъ Силвестрь, твое҆го гоненїа бѣгаѧ, въ пропастехъ каменыхъ съ свои҆ми крые҆тсѧ клирики, в горѣ Соропти[10]): сего къ себѣ призвавъ, и҆ ѡ҆номоу оу҆казавши ти, навыкнеши и҆стинныѧ бл҃гочьстїа[11]) коупѣли[12]), въ нейже третицею погроузивсѧ, всѧ проказнаа крѣпость ѿбѣжить[13]). Ємоу же бывшоу[14]), таковое възданїе[15])

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.

1) оного грознаго и горкаго устрашихся рыданія. — 2) *Приб.* ихъ.—3) подводы повелѣвъ имъ дати и дары падавшу ми имъ. — 4) нашедшу на мя. — 5) *Приб.* ми.—6) глаголюще ми сице. — 7) грѣхи не восхотѣлъ еси сотворити.—8) возгнушался еси.—9) Бога и Спаса нашего Господа послана есма.—10) Сарептѣ. — 11) истинному благочестію *и далѣе приб.* и православію догматомъ.— 12) и въ купѣли.—13) всю проказную ону крѣпость отженеши отъ тебе.—14) се же ти получившу — 15) *Ркп.* въздравіе. *Исправлено согласно съ греческимъ* ἀμοιβήν.— *Корм.* возмездіе.

λων εἶεν εἰκόνες, ἵν' ἐκ τῆς γραφῆς γοῦν δυνηθείημεν [1]) διαγνῶναι, εἰ δυνατόν, ἐκείνους εἶναι, οὓς παρὰ τῆς ἀποκαλύψεως δεδιδάγμεθα; Τότ' ἐκεῖνος ὁ πάσης αἰδοῦς ἄξιος πατὴρ τὰς τῶν θείων τούτων ἀποστόλων εἰκόνας ἐνεχθῆναι [2]) διὰ τοῦ ἰδίου διακόνου ἐπέταξεν, ἃς προσιδὼν καὶ τὰς ὄψεις ἐκείνων, οὓς ὄναρ ἑωράκει, ἐν ταῖς εἰκόσι καταμαθών, μεγάλῃ φωνῇ, τῶν ἐμῶν σατραπῶν ἔμπροσθεν, ὡμολόγησα τούτους ἐκείνους εἶναι, τοὺς ἐν τοῖς ὕπνοις ὀφθέντας μοι. Πρὸς ταῦτα ὁ μακαριώτατος οὗτος πατὴρ ἡμῶν Σίλβεστρος, ὁ τῆς πόλεως Ῥώμης ἐπίσκοπος, χρόνον ἡμῖν ὥρισε μετανοίας, ἐν ἑνὶ σάκκῳ ἔνδον τοῦ ἡμετέρου τῆς Λατερανῆς [3]) παλατίου, ἵνα πάντα τὰ ὑφ' ἡμῶν ἀνοσίως διαπραχθέντα καὶ ἀδίκως διῳκημένα νηστείαις, ἀγρυπνίαις, δάκρυσι καὶ προσευχαῖς παρὰ τῷ δεσπότῃ θεῷ καὶ σωτῆρι ἡμῶν ἐξιλεωσώμεθα· εἶτα τῶν κληρικῶν ἐπιθέντων μοι τὰς χεῖρας, μέχρι καὶ τοῦ ἀρχιερέως αὐτοῦ ἀφικόμην, αὐτόθι τε ἀποταξάμενος ταῖς τοῦ σατανᾶ πομπαῖς καὶ τοῖς ἔργοις αὐτοῦ, καὶ πᾶσι τοῖς χειροποιήτοις εἰδώλοις, πιστεύειν [με] [4]) εἰς ἕνα θεὸν Πατέρα, παντοκράτορα, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς, ὁρατῶν τε πάντων καὶ ἀοράτων, καὶ εἰς ἕνα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν Υἱὸν τοῦ θεοῦ τὸν μονογενῆ, τὸν κύριον ἡμῶν, τὸν

1) S δυνητήμεν. — 2) S ἐλεχθῆναι. Lat. exhiberi. — 3) O λατερανῆς. — 4) Lat. credere me.

възда[и] [и]же [1]) Спсителю своемоу [2]), еже [3]) твоими повелѣнми елико по всей вселенѣй црквы ѡбновлѧти [4]), и ты же себе въ се[и] чести [5]) ѡчисти [5]), да всего многобѣсїа идолскаго ѿстѹпивъ [6]), единомѹ [7]) живомѹ истинномоу Бѹ̑, иже есть единъ истинный, вѣроуешь и поклонѣешьсѧ, и того исполнѧешь хотѣнїе. И разбѹдивсѧ оубо [8]), по повелѣнїемь [9]) стыхъ аплъ сътѣѩвъ [10]), поискавъ и призвавъ изрѧднаго и великолѣпнаго ѡца съборнаго папоу, насъ просвѣтившаго Силвестра, вса емоу ѩже ѿ стыхъ аплъ повелѣныѧ ми глы ѩвихъ. Въпросихъ же его: кто соуть бѕи, Петръ и Павелъ именоуеми. Гл̑аше ѡнъ: не поистиннѣ тѣхъ бѡгы именовати, апѹстолы же Спса нашего Ісѹ Ха быти крѣплашесѧ. Пакы начахъ въпрошати блаженѣ[и]шаго папы: [11]) аще ѩвлены [12]) сихъ аплъ ѡбразы соуть [13]), ѩко да ѿ писанїа [14]) възможемъ разоумѣти, елико мощно ѡнѣмъ быти, ихже ѿкровенїемъ [15]) наоучихомсѧ.

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Рки.* вдаже. *Исправлено согласно съ греч.:* въздай = ἀντιμέτρησον, иже = τῷ. *Корм.:* возмѣри. — 2) Спасу своему и *далее приб.* и воздаждь славу Спасителю твоему. — 3) иже. — 4) *Приб.* и чествовати. — 5) чести=части; *Корм.* ты же себе всего чисто очисти. — 6) отступивши. — 7) *Приб.* же истинному. — 8) И восставъ убо отъ сна. — 9) повеленіе. — 10) содѣявъ. — 11) папу. — 12) явленых. — 13) соуть имена. — 14) *Приб.* извѣстно. — 15) отъ нихже откровенія.

γεννηθέντα ἐκ Πνεύματος Ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου, ἑκουσίᾳ γνώμῃ, παντὸς ἔμπροσθεν τοῦ λαοῦ, ὡμολόγησα. Εὐλογηθείσης δὲ τῆς κολυμβήθρας, ἐκεῖ με τριττῇ καταδύσει τὸ σωτηριῶδες ὕδωρ ἐκάθηρεν[1]). Ἐν δὲ τῷ κόλπῳ τῆς κολυμβήθρας τεθείς, χεῖρα ἁψαμένην μου ἐκ τοῦ οὐρανοῦ τοῖς ἰδίοις εἶδον ὀφθαλμοῖς· ὑφ' ἧς καθαρὸς ἀναστάς, παντὸς τοῦ ἀπὸ τῆς λέπρας αἴσχους ἐμαυτὸν ἔγνων κεκαθαρμένον. Ἐκκομισθέντα με δὲ τῆς σεπτῆς κολυμβήθρας, λευκοῖς ἱματίοις ἐνέδυσαν, τήν τε ἑπτάμορφον τοῦ Ἁγίου Πνεύματος σφραγῖδα παρέσχετο τῇ τοῦ μακαρίου χρίσματος ἀλοιφῇ, καὶ τὸ σημεῖον τοῦ ἁγίου σταυροῦ τῷ ἐμῷ μετώπῳ ἐχάραξεν, εἰπών· σφραγίζει σε ὁ θεὸς τῇ τῆς πίστεως αὐτοῦ σφραγῖδι εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος. Πᾶς τε ὁ κλῆρος ἀπεκρίνατο· ἀμήν. Καὶ προσέθηκεν ὁ ἀρχιερεύς· εἰρήνη σοι. Τῇ πρώτῃ τοίνυν ἡμέρᾳ μετὰ τὸ λαβεῖν[2]) τὸ μυστήριον τοῦ θείου βαπτίσματος καὶ μετὰ τὴν ἀπὸ τῆς λέπρας θεραπείαν τοῦ ἐμοῦ σώματος, ἐπέγνων μὴ εἶναι θεὸν ἕτερον πλὴν τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, ὃν ὁ μακαριώτατος πάπας Σίλβεστρος κηρύττει, τριάδα ἐν μονάδι, μονάδα ἐν τριάδι· πάντες

1) Лат. Benedictoque fonte, illic me trina mersione unda salutis purificavit. — 2) Въ О предъ τὸ λαβεῖν стоитъ τὴν ἀπό. Вѣроятно, въ оригиналѣ стояло: μετὰ τὸ ἀπολαβεῖν.

Тогда ѡнъ всякоя чти достойный ѡць бжественыхъ[1]) апл҃ъ ѡбразы принести своемоу дїаконоу[2]) повелѣ, ихже видѣвъ и лица ѡнехъ, ихже въ снѣ оузрѣвъ, на иконахъ познавъ[3]), великымъ гласомъ предъ моими князьми же и велможами[4]) исповѣдахъ: сѣхъ ѡнѣхъ быти, иже въ снѣ ꙗвльшихмися. Къ сим же блаженѣйшїи сїи ѡць нашь Силвестръ, града Римьскаго епискоупъ, врѣмя[5]) заповѣда покаанїа, въ единомъ врѣтищемъ ѡдѣаноу[6]) в нашей полатѣ, именѹемои Латерана[7]), да всѣ[8]), ꙗже нами непрѣподобнѣ[9]) съдѣꙗнная и неправеднѣ пожитаа[10]), постѡмъ и бдѣнїемъ, слъзами же и млтвами ѿ влкы Бга и Спса нашего [измоленїе][11]) полоучимъ. Таже[12]) клирикомъ възложивши[мъ] на мя роукы,[13]), даже[14]) до стля приведоша[15]); тамо[16]) же ѿрекохся сатанниньскаго стѹда и дѣлъ его, и всѣхъ роукотвореныхъ болвановъ; вѣровати же въ единаго Бга Ѡца, Вседеръжителя, Творца нбоу и земли, видимымъ же всѣмъ и не-

Варїанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Приб.* сихъ — 2) архидїакону. — 3) ихже видѣвъ лица, яже во снѣ видѣхъ, и узрѣвъ познахъ и. — 4) *Приб.* предъ всѣми тысущники и сотники. — 5) *Передъ этимъ въ рукоп. стоитъ* въ — *лишнее.—Въ Корм. дальe*: намъ.—6) во единомъ вретищи одѣяну быти.—7) и внутрь моея латеранскія полаты пребывати. — 8) яко да вся. — 9) не подобнѣ. — 10) неправедно поживпая. — 11) измоленіе — *изъ списка 1-ю разряда.* — 12). сему же бывшу.—13) *Приб.* своя.—14) *Приб.* и до самого.—15) дошедшу ми.—16) и тоу абіе.

γάρ οἱ θεοὶ τῶν ἐθνῶν, οὓς ἄνωθεν ἐσέβον, δαιμόνια ἔργα χειρῶν ἀνθρώπων σαφῶς ἀποδείκνυνται[1]). Πρὸς τούτοις πόσην ἐξουσίαν αὐτὸς ὁ Σωτὴρ ἡμῶν τῷ ἰδίῳ ἀποστόλῳ τῷ μακαρίῳ Πέτρῳ παρέσχετο ἔν τε τῷ οὐρανῷ κἂν τῇ γῇ, σαφῶς ἡμῖν αὐτὸς ὁ τίμιος πατὴρ ἐξέθετο[2]), ὅτ᾿ ἐκεῖνον πιστὸν εὑρὼν ἐν τῇ ἐρωτήσει, εἶπε· σὺ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ οἰκοδομήσω μου[3]) τὴν ἐκκλησίαν, καὶ πύλαι ᾅδου οὐ κατισχύσουσιν[4]) αὐτῆς. Κατανοήσατε δυνάσται καὶ τοῖς ὠσὶ τῆς καρδίας προσέχετε, τί ὁ ἀγαθὸς διδάσκαλος καὶ δεσπότης τῷ ἰδίῳ μαθητῇ συνῆψεν εἰπών· καὶ δώσω σοι τὰς κλεῖς τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν· καὶ ὃ ἐὰν δήσῃς ἐπὶ τῆς γῆς, ἔσται δεδεμένον καὶ ἐν τοῖς οὐρανοῖς· καὶ ὃ ἐὰν λύσῃς ἐπὶ τῆς γῆς, ἔσται λελυμένον καὶ ἐν τοῖς οὐρανοῖς. Παράδοξος λόγος καὶ ἔνδοξος· καὶ ἐπὶ τῆς γῆς δεσμεῖν τι καὶ λύειν, κἂν τοῖς οὐρανοῖς δεδεμένον εἶναι καὶ λελυμένον.

Ταῦτα τοίνυν τοῦ μακαρίου Σιλβέστρου διδάσκοντος γνούς, καὶ ταῖς εὐεργεσίαις αὐτοῦ τοῦ μακαρίου Πέτρου ἀκεραιότατα τῆς ὑγιείας αἰσθόμενος ἐπανελθούσης τῷ σώματι[5]), δέον ἐκρίναμεν σὺν πᾶσι τοῖς ἡμετέραις σατράπαις καὶ τῇ συγκλήτῳ

видимымъ, и҆ въ є҆диного Г҃а ’Іс҃у Х҃а С҃на Б҃жїа є҆динороднаго[1]), Г҃а нашего[2]), роже҃наго ѿ Д҃ха С҃та и҆ Марїа д҃вы[3]), своею волѣю предъ всѣми людми и҆сповѣдахъ. ’И благословившїсѧ коупѣли, и҆ тамо мѧ третицею[4]) погроуженїе[мъ] с҃пстелнаа[5]) вода ѡ҆чисти. Внегда же в на҃рѣх коупѣлныхъ поставленъ быхъ, роукоу косноуювшоуюмисѧ (sic) съ н҃бсе своима видѣхъ ѻ҆чима, ѿ неꙗже чисть въставъ, всѣкого[6]) є҆же ѿ проказы ѡ҆бдержанїа себе познахъ ѡ҆чищена. Възведена же мѧ бывьша[7]) ѿ ч҃тныѧ коупѣли, бѣлыми мѧ ѡ҆деж҃ами ѡ҆дѣаша, седмоличнуѧ[8]) же С҃то Д҃ха печать подасть[9]) б҃женнаго помазанїа масть[10]), и҆ знаменїемъ с҃то[11]) кр҃та моего чела назнамена[12]), рекъ: знаменаеть тѧ Б҃ъ вѣры своеѧ печатиѧ, въ и҆мѧ ѻ҆ц҃а и҆ С҃на и҆ С҃то Д҃ха; весь же събѡръ ѿвѣща: а҆минь. Приложи же и҆ се с҃ль: мир ти. Въ пръвый же д҃нь по є҆же приꙗти ми таиноу б҃жтвенаго] крещенїа и҆ по и҆сцѣленїи є҆же ѿ проказы моего телеси, познахъ не быти ѻ҆у и҆номоу, развѣ ѻ҆ц҃а и҆ С҃на и҆ С҃то Д҃ха, єгоже

1) Лат. demonia opera hominum manu facta conprobantur. — 2) S ἐξέτετο. — 3) O οἰκοδομήσωμεν. — 4) S κατισχύσουσην. — 5) Лат. Et dum hoc praedicante beato Silvestro agnoscerem, et beneficiis ipsius beati Petri integerrime sanitati me redditum comperi.

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Приб.* отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, въ послѣдняя же лѣта. — 2) Гá нашего нѣтъ. — 3) отъ Духа Свята воплотившася и Маріи дѣвы вочеловѣчьшася. — 4) трикратнымъ. — 5) *Прибав.* она. — 6) всякаго. — 7) Возведену же ми бывшу. — 8) *Ркп.* седмоличная; *Корм.* седмеричную. — 9) подаде. — 10) мастію. — 11) честнаго.—12) мое чело назнаменавъ.

πάσῃ καὶ τοῖς μεγιστᾶσι, καὶ παντὶ τῷ τῆς ῥωμαϊκῆς βασιλείας μεγαλειότητι ὑποκειμένῳ λαῷ[1]), ἵν' ὥσπερ ὁ μακάριος Πέτρος βικάριος φαίνεται καταστὰς ἐπὶ γῆς τοῦ Υἱοῦ τοῦ θεοῦ, οὕτω παρ' ἡμῶν καὶ τῆς ἡμετέρας βασιλείας οἱ τὸν τόπον ἐπέχοντες τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀποστόλων δέξωνται δεδομένην αὐτοῖς ἀρχὴν ἐξουσίας μείζονα ἧς ἡ ἡμετέρα ἐπὶ γῆς γαληνότης καὶ βασιλεία ἔχουσα παρὰ πάντων γινώσκεται· προὐκρίναμεν γὰρ αὐτὸν τὸν τῶν ἀποστόλων ἄρχοντα καὶ τοὺς αὐτοῦ διαδόχους, ἰδίους ἡμῖν αὐτοῖς πρὸς τὸν θεὸν εἶναι πάτρωνας[2]). Καὶ ὥσπερ τὴν ἡμετέραν ἐπὶ γῆς βασιλικὴν ἐξουσίαν, οὕτω καὶ τὴν ἐκείνου ἱερὰν καὶ ἁγίαν ἐκκλησίαν τὴν ῥωμαϊκὴν ἐψηφισάμεθα τιμᾶν μετ' αἰδοῦς[3]), καὶ τὴν ἱερωτάτην καθέδραν τοῦ μακαρίου Πέτρου μᾶλλον ἢ τὴν ἡμετέραν βασιλείαν καὶ τὸν ἐπίγειον θρόνον ἐνδόξως ὑπερυψῶσαι[4]), ἀποδιδόντες αὐτῇ ἐξουσίαν καὶ δόξαν[5]) [καὶ] ἀξίαν, ἀκμήν τε καὶ

1) У Стевха (fol. 216 v.) καὶ τῷ δήμῳ τῷ τῇ δόξῃ ῥωμαϊκῆς βασιλείας ὑπείκοντι.—2) Къ этому слову относится слѣдующая схолія, помѣщенная въ О на полѣ другою рукою: Πάτρωνας λέγει ἢ τοὺς πατέρας, ἢ τοὺς προστάτας, ἢ τοὺς ἐπιτρόπους, ἢ τοὺς κηδεμόνας. У Стевха (fol. 216 v.) варіантъ: πρώτους πρὸς τὸν θεὸν πατέρας εἶναι. — 3) У Стевха (ibid.) варіантъ: καὶ ὥσπερ ἡ βασιλικὴ ἐξουσία ἡμῶν εἰς τὴν γῆν σέβεται καὶ τιμᾶται, οὕτω θεσπίζομεν σέβεσθαι καὶ τιμᾶσθαι τὴν ἁγιωτάτην τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίαν.—4) Et sicut nostram imperialem potentiam, ita et sancrosanctam Romanam ecclesiam decrevimus veneranter honorare, et amplius quam nostrum imperium et terrenum thronum sedem sacratissimam beati Petri gloriose exaltare.—5) O δόξην.

блаженѣйшїй[1]) папа Силвестръ възвѣщаѐть, Троицоу въ ѐдинници, ѐдиницоу въ Троици: вси бѡ бѕ҃и ꙗзычьскыи,[2]) ѝмже ѝзна[ча]ла вѣровахъ, соуть бѣсѡве,[3]) дѣла роукъ чл҃вч҃кыхъ ꙗвѣ показашасѧ. Къ симъ же колику власть самый Сп҃ситель нашь своѐмоу ап҃лу блаженному Петру подасть[4]) на н҃бси оубо ѝ на земли, ꙗвлѣннѣ намъ той чьстный ѿц҃ь[5]) ѝзложи: вънегда ѿного вѣрна ѿбрѣтъ[6]) въ въпросѣ, рече[7]): ты ѐси Петръ,[8]) ѝ на томъ камені съѕижоу цр҃квь мою, ѝ врата ѧдова не оудолѣють[9]) ѐй. Разумѣйте сильнїи ѝ оушима ср҃чныма вноушите, что благыи оучитель ѝ вл҃ка своѐму оученику съвъкупивь рекъ: ѝ дам ти ключа[10]) цр҃твїа нб҃наго, ѝ ѐже ѧще[11]) свѧжеши на земли, боудеть свѧзанъ на нб҃сѣхъ; ѝ ѐже ѧще[12]) раздрѣшите на земли, боудеть разрѣшенъ ѝ на нб҃сѣхъ. Прѣславно [слово] ѝ славно:[13]) ѝ[14]) на земли вѧзати ѝ разрѣшати, ѝ на н҃бсѣхъ свѧзаноу быти ѝ раздрѣшеноу.

Сїа оубо блаженномоу Силвестроу оучащю, разоумѣхъ ѝ бл҃годательства[ми][15]) самого блажен-

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.

1) блаженный.—2) язычестіи.—3) бѣсове суть. — 4) подаде. — 5) *Приб.* нашъ Силивестръ.—6) обрѣтохъ.—7) и рече.—8) *Приб.* камень вѣры.—9) не одолѣютъ.—10) ключи.—11) егоже.—12) *Ркп.* и еще аща. — 13) *Корм.* преславно убо се слово.—14) ежс.—15) *Греч.* εὐεργεσίαις. *Корм.* благодѣтельствовахъ.

δραστηριότητα καὶ τιμὴν[1]) βασιλικήν. Ἔτι τε ψηφιζόμενοι θεσπίζομεν ἀρχὴν ἔχειν ἐπί τε τοὺς ἐξαιρέτους τέσσαρας θρόνους, τὸν Ἀντιοχείας, τὸν Ἀλεξανδρείας, τὸν Κωνσταντινουπόλεως, καὶ τὸν Ἱεροσολύμων, ἔτι τε ἐπὶ πάσας τὰς ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας, καὶ τὸν κατὰ καιροὺς αὐτῆς τῆς ἱερᾶς καὶ ἁγίας ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας ὄντα ἀρχιερέα ὑψηλότερον εἶναι καὶ ἄρχοντα πάντων τῶν ἱερέων τῶν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ·[2]) ἀλλὰ καὶ πάντα, ὧν δεῖ φροντίζειν πρός τε τὴν θείαν λατρείαν ἢ τὴν στερεότητα τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως, τῇ τούτου κρίσει οἰκονομεῖσθαι[3]). Δίκαιον γὰρ τὴν κεφαλὴν τῆς ἀρχῆς τὸν ἅγιον ἔχειν νόμον, ὅπου ὁ τῶν ἁγίων νομοθέτης νόμων ὁ σωτὴρ ἡμῶν τὸν μακάριον Πέτρον προσέταξε τὴν τῆς ἀποστολῆς ἔχειν καθέδραν, ὅπου τὸν τοῦ σταυροῦ σκόλοπα καὶ αὐτὸς ὑπομείνας, τοῦ μακαρίου θανάτου τὸ ποτήριον ἔπιε, μιμητὴς τοῦ οἰκείου διδασκάλου καὶ δεσπότου γενόμενος. Ἐκεῖ μέχρι τέλους καὶ ἐθνικὲς[4]) ζητήσωσιν τὸν διδάσκαλον,

1) Въ O стоитъ [illegible]. — 2) У Стем-на (fol. 217 r.) варіантъ: ὀφείλει εἶναι ἔνδοξος καὶ ὑψηλότερος παρὰ πάντας τοὺς ἱερεῖς τοῦ κόσμου. — 3) Лат. Atque decernentes sancimus, ut principatum teneat super quatuor precipuas sedes Antiochenam, Alexandrinam, Constantinopolitanam et Hierosolimitanam, quamque etiam super omnes in universo orbe terrarum Dei ecclesias, et pontifex, qui pro tempore ipsius sacrosanctae Romanae ecclesiae extiterit, celsior et princeps cunctis sacerdotibus totius mundi existat, et ejus judicio quaeque ad cultum Dei vel fidei christianorum stabilitatem procuranda fuerint, disponantur. — 4) O ἔθνεσιν.

наго[1]) Петра съвръшенѣйше здравіа[2]) ѡшоущаа пришедшаго[3]) телеси моемоу, достоино соудихомъ[4]) съ всѣми кназьми[5]) и синглитомъ всѣмъ, и съ великыми[6]), и съ всѣми Римляны, црскомоу величьствоу подлежащихъ людiи[7]), да ꙗко же[8]) блаженный Петръ соудiа[9]) ꙗвлаѐтса оуставлень на земли Сна Бжiа[10]), сице нами и нашемь цртвомь мѣста прѣимоуще[и][11]) властелина апльского прiимать данноѐ имъ началство власти болшоую[12]), неже ѐже имать наша кротость и цртво на земли всѣми вѣдомо. Прѣдьсоудихомь бо того апльского властелина и того[13]) прѣемникомъ ѡпрясныхъ[14]) быти намъ къ Бѹ ѡцмь и ходатаѐмь. И ꙗкоже нашю на земли црьскѹю власть, сице и ѐго сщенноую [и] стоую црквь Римскоую оуставихомъ чтити съ бгоговѣнiѐмь, и сщеннѣишiи прѣстоль[15]) блаженнаго[16]) Петра наче, неже нашего цртва и[17]) земнаго прѣстола прѣславнѣ прѣ-

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) Рец. блаженному. — 2) здравіе. — 3) пришедшее. — 4) разсудихомъ. — 5) Въ рукописи словамъ здѣсь точно соотвѣтствуетъ [illegible]. Исправлено согласно тому, какъ выше переводится греческое слово σύγκλητος (см. стр. 68 и 67); Корм. тысящники и сотники. — 6) синклиты и с велможами. — 7) и со всѣми римскаго царства величествы подлежащему людству. — 8) якоже. — 9) намѣстникъ, сирѣчь намѣстникъ. — 10) Сыну Божію. — 11) мѣсто превосущее. — 12) власть большую и превосходящую. — 13) Прим. по немъ. — 14) присныхъ. — 15) священнѣйшимъ его сѣдалищемъ. — 16) Прим. апостола. — 17) [illegible] бо.

ὅπου τὸ ἅγιον ἀναπαύεται τοῦ διδασκάλου σῶμα. Ἐκεῖ τὰ ἔθνη ὑπὲρ τῆς τοῦ ὀνόματος τοῦ Χριστοῦ ὁμολογίας τοὺς τραχήλους καμπτέτωσαν, ὅπου ὁ τούτων διδάσκαλος ὁ μακάριος ἀπόστολος Παῦλος ὑπὲρ Χριστὸν τὸν αὐχένα προτείνας, τῷ στεφάνῳ τοῦ μαρτυρίου κατεκοσμήθη. Κἀκεῖ πρηνεῖς[1]) καὶ τεταπεινωμένοι τῷ τοῦ οὐρανίου βασιλέως καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ δουλευέτωσαν ὀφφικίῳ, ὅπου τῇ ὑπερηφάνῳ τοῦ γηΐνου βασιλέως ἐδούλευον ἐξουσίᾳ· ὧν χάριν εἰδέναι βουλόμεθα πάντας[2]) τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ ἐθνῶν τοὺς λαοὺς, ὡς ἡμεῖς ἔνδον τοῦ τῆς Λατεράνης ἡμῶν παλατίου ναὸν ἠγείραμεν αὐτῷ τῷ σωτῆρι ἡμῶν καὶ θεῷ καὶ δεσπότῃ Ἰησοῦ Χριστῷ ἀπὸ τῶν θεμελίων αὐτῶν μετὰ τοῦ βαπτιστῆρος. Ἴστε δὲ, καὶ δώδεκα κοφίνους γῆς ἐκεῖθεν ἡμᾶς πεφορτισμένους τοῖς ἰδίοις ὤμοις ἐκφορήσαντας, ἰσαρίθμους τοῖς δώδεκα ἀποστόλοις·[3]) ἣν δὴ ἱερὰν ἐκκλησίαν, κεφαλὴν καὶ κορυφὴν πασῶν τῶν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ ἐκκλησιῶν λέγεσθαι, σέβεσθαι, κηρύττεσθαι καὶ τιμᾶσθαι θεσπίζομεν, ὥσπερ καὶ δι' ἄλλων ἡμετέρων βασιλικῶν δογμάτων ἐψηφισάμεθα. Ὠκοδομήσαμεν δὲ ἐκκλησίας καὶ τοῖς μακαρίοις Πέτρῳ καὶ Παύλῳ, τοῖς πρώτοις ἀποστόλοις, ἃς ἀργύρῳ καὶ χρυσῷ

1) Ο πρὶν εἰς. Лат. proni.—2) Ο πάντων.— 3) Лат. Nos sciatis de eis fundamentis secundum numerum duodecim apostolorum chosmos (al. cophinos) terrae onustatos asportasse humeris.

възвѣсти [1]), ѿдавше ей [2]) власть и҆ славы [3]) достоиньство, паче же оу҆жаство [4]) и҆ чьсть цр҇ковую. Ѐще же оу҆ставлꙗюще оу҆законаполагаѐмь, начальство [5]) и҆мѣти на и҆зрадьнѣйшихъ четырехъ прѣстолѣхъ: Константинополского, гл҇а, 'Алеѯандрїйскаго, 'Антїѡхїйскаго и҆ 'Ѥроусолимьскаго, ѐще же на всѣхъ и҆же въ всей вселенѣи Бж҇їихь цр҇квь [6]), и҆ по врѣменомь той сщ҇еннѣйшой и҆ ст҇ой Римьской цр҇кви соущаго ст҇лꙗ вышьшаго быти и҆ властелина надъ всѣми [7]) сщ҇енники, и҆же въ [8]) всей вселеннѣй; но и҆ всꙗ, ѡ҆ и҆хже достоить печаловатисꙗ [9]) къ бж҇твной слꙋжбѣ, или къ крѣпости христїанскоꙗ вѣры, сего соудомь оу҆строатисꙗ. Достоино бо главѣ начальствꙋ [10]) ст҇го и҆мѣти закона, и҆деже ст҇ыихъ законовъ законоположитель [11]), Сп҇ситель нашь, блаженнаго Петра оу҆стави посланїа и҆мѣти прѣстоль [12]), и҆деже кр҇тнꙋю страсть и҆ [13]) той прѣтрьпѣ, блаженоꙗ [14]) съмрьти [15]) чашоу и҆спивъ, подобникъ своѐмоу оу҆чителю и҆ [16]) владыцѣ бывь. Тамо [17])

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.
1) превознести. — 2) и воздати сему; «ей» *нашего списка*-αὐτῇ (καθέδρᾳ). — 3) *Ркп.* и славнѣ. — 4) скорость же и господьствованіе, и силу.—5) власть.—6) по вселеннѣй Божіихъ церквей. — 7) *Приб.* архіереи и. — 8) по. — 9) попеченіе имѣти.— 10) начальство. — 11) законоположи. — 12) блаженнаго Петра апостельстіи устави послушаніе имѣти престолъ *(полная безсмыслица!)*. — 13) *Приб.* самъ. — 14) блаженный. — 15) смертную. — 16) учителю и *нѣтъ*. — 17) И тамо.

διαπρεπεῖς καὶ ἁβρὰς ἀπεφήναμεν [1]), ἔνθα καὶ τὰ ἱερώτατα [2]) αὐτῶν σώματα κηδεύσαντες μεγάλῃ τιμῇ [3]), θήκας αὐτοῖς ἐξ ἠλέκτρου, οὗπερ οὐδεμία στοιχείου δύναμίς ἐστι ἰσχυροτέρα, κατεσκευάσαμεν, σταυρόν τε χρυσίου καθαρωτάτου καὶ μαργαριτῶν τιμίων πεποιημένον καθ' ἑκατέραν [4]) θήκην ἀνέθεμεν, χρυσοῖς προσηλώσαντες ἥλοις. Αἷς ἐκκλησίαις ὑπὲρ συνεχείας φωτῶν, κτήματα καὶ ἀγροὺς συνηνέγκαμεν, καὶ ἡμετέρῳ βασιλικῷ καὶ θείῳ προστάγματι ἔν τε τῇ ἀνατολῇ, καὶ τῇ δύσει, τῷ τε ἀρκτῴῳ, καὶ μεσημβρινῷ κλίματι ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ δηλαδή, τῇ Ἀσίᾳ, τῇ Θράκῃ, τῇ Ἑλλάδι, τῇ Ἀφρικῇ, καὶ τῇ Ἰταλίᾳ, κἀν ταῖς διαφόροις νήσοις, τὴν ἡμετέραν αὐτοῖς ἐλευθεριότητα ἀπενείμαμεν [5]), οὕτω δηλονότι, ὥστε διὰ τῶν χειρῶν τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν τοῦ ἀρχιερέως Σιλβέστρου καὶ τῶν αὐτοῦ διαδόχων ἅπαντα διεξάγεσθαι. Εὐφραινέσθω [6]) τοίνυν μεθ' ἡμῶν πᾶς ὁ λαός, [καὶ] πάντα τὰ ἐν τῇ οἰκουμένῃ τῶν ἐθνῶν γένη παρακαλοῦμεν, ὥστε μεθ' ἡμῶν τῷ θεῷ καὶ σωτῆρι ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστῷ ἀπείρους ὁμολογεῖν χάριτας, ὅτι αὐτὸς ὁ θεὸς ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω καὶ ἐπὶ τῆς γῆς κάτω, ὃς

1) О ἀπεφήναμεν. — 2) У Стевка (fol. 217 v.) γερώτατα. — 3) О τιμῇ. Лат. cum magno honore. — 4) О ἑκατέραν. — 5) Лат. largitatem nostram concessimus (al. nostra largitate eis libertatem concessimus). — 6) О εὐφραινέσθαι. Исправлено согласно съ лат.: Gaudeat ergo una nobiscum omnis populus et gentium nationes in universo orbe terrarum.

до скончанїа [1]) и҆ всегда поищоуть оу҆чителѧ, и҆деже с҃тое ѡ҆почиваетъ оу҆чителево [2]) тѣло. Тамо и҆ ꙗ҆зыци о҆ и҆мени Х҃ва и҆сповѣданїа [3]) выѧ своꙗ҆ [4]) да прѣклонѧть, и҆деже сихъ оу҆читель блаженный а҆п҃лъ Павелъ ѡ҆ Х҃е шїю протѧгъ, вѣнцемъ мученичьскымъ оу҆красисѧ. Тамо прѣклоненїи [5]) н҃бнаго ц҃рѧ и҆ Б҃га и҆ Сп҃сителѧ нашего Ї҆с҃у Х҃а поработають [6]) самоу, и҆деже гръдои҆ [7]) земнаго ц҃рѧ поработаша власти, тамо поработаю҆ть н҃бнаго ц҃рѧ властелиномъ и҆ пръвымъ лика а҆п҃лскаго Петроу и҆ Павлоу [8]). Е҆го же [9]) ради вѣдатї хощемь всѣмь и҆же по [10]) вселеннѣи҆ ꙗ҆зычьскымь людемь, ꙗ҆ко мы вноутрь Латеранской нашей полатѣ [11]) ц҃рквь [12]) въздви[го]хомь самомоу Сп҃соу нашемоу и҆ Б҃оу и҆ Вл҃цѣ Ї҆с҃ Х҃у, ѿ самыхъ ѡ҆снованїи съ крьстиꙗнинцею, и҆з нихже ѡ҆снованїи в҃і кошевъ земли самъ ѡ҆брѣмнивсѧ своими рамени вънесохъ [13]), равночислъны [14]) двانадесатема а҆п҃лома, еже достоить сщ҃енноую [15]) и҆ [16]) с҃тоую ц҃рквь

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Приб.* вѣка. — 2) *Ркп.* учителевъ (греч. διδασκάλου). — 3) о имени Христовѣ и исповѣданія. — 4) выю свою. — 5) преклоненія смиренія сотворяютъ. — 6) да поработаютъ. — 7) величественно и гордо. — 8) *Напечатанное разрядкой принадлежитъ самому славянскому переводчику грамоты, такъ какъ этого нѣтъ ни въ латинскомъ, ни въ греческомъ текстѣ.* — 9) иже. — 10) *Приб.* всей. — 11) *Приб.* во крещенія. — 12) храмъ. — 13) вознесохъ. — 14) равночисленыхъ. — 15) *Ркп.* и *Корм.* священныхъ (греч. ἱερὰν καὶ ἁγίαν). — 16) и имать.

ἡμᾶς διὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐπισκεψάμενος, τὸ ἅγιον μυστήριον τοῦ βαπτίσματος καὶ τὴν τοῦ σώματος ὑγίειαν ἀξίους ἐποίησε δέξασθαι· ὑπὲρ ὧν καὶ παρεχόμεθα αὐτοῖς τοῖς ἁγίοις ἀποστόλοις καὶ δεσπόταις ἐμοῖς, τοῖς μακαριωτάτοις Πέτρῳ καὶ Παύλῳ, καὶ δι' αὐτῶν τῷ μακαρίῳ Σίλβέστρῳ, τῷ ἡμετέρῳ πατρὶ καὶ ἄκρῳ ἀρχιερεῖ καὶ καθολικῷ τῆς πόλεως Ῥώμης πάπᾳ, καὶ πᾶσι τοῖς αὐτοῦ διαδόχοις ἀρχιερεῦσι, τοῖς μέχρι τῆς τοῦ κόσμου συντελείας ἐν τῇ καθέδρᾳ τοῦ μακαρίου Πέτρου καθεδουμένοις, καὶ κατὰ τὸ παρὸν παραδίδομεν, πρῶτον μέν, τὸ ἐν τῇ Λατεράνῃ παλάτιον τῆς βασιλείας ἡμῶν, ὃ πάντων τῶν ἐν τῇ οἰκουμένῃ παλατίων προτιμᾶται καὶ ὑπερέχει· ἐφεξῆς δὲ τὸ διάδημα, τουτέστι τὸν στέφανον τῆς κεφαλῆς ἡμῶν [1]), ὁμοίως δὲ καὶ τὸ φρύγιον, τουτέστι τὴν καλύπτραν, ἢ τὴν μίτραν [2])· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸ ἐπώμιον, ἤγουν τὸ λῶρον [3]), ὅπερ εἴωθε τὸν βασιλικὸν αὐχένα περικυκλοῦν· ἔτι τε τὴν πορφυρᾶν χλαμύδα, καὶ τὸ κόκκινον ἱμάτιον, καὶ τὰ βασιλικὰ πάντα ἐνδύματα, ἀλλὰ καὶ τὴν τῶν βασιλικῶν προκαθημένων ἀξίαν καὶ τὴν τῶν ἱππέων προσδίδοντες [4]), καὶ τὰ βασιλικὰ

---

1) Лат. diadema, videlicet coronam capitis nostri.—2) Лат. frigium, id est mitram.—3) Лат. nec non et superhumerale, videlicet lorum. — 4) Лат.: sed et dignitatem imperialium praesedentium equitum conferentes. — У Стевха (fol. 219 r.) варіантъ: καὶ πάντα τὰ βασιλικὰ ἐνδύματα καὶ ἀξιώματα τῶν βασιλικῶν ἀλόγων.

главꙋ и҆ връха всѣмъ е҆же по всей вселѣннѣй цр҇квамъ гл҃тисѧ, вѣровати [1]), и҆ възвѣщавати [2]), и҆ чьсти оу҆ставлѧе҆мъ [3]), ꙗ҆ко и҆ инѣми нашими цр҇кыми веленми оу҆законоположихомъ. Създахомъ же и҆ цр҇ковь блаженныи҆мъ Петроу и҆ Павлоу, пръвыи҆мъ а҆п҇ꙇѡмъ, ꙗ҆же [4]) сребромь и҆ ꙁлатомъ достои҆нѣ и҆ богатѣ [5]) оу҆красихомъ, и҆деже и҆ сщ҇еннѣи҆шаа҆ и҆хъ тѣлеса положихѡм велꙇкою [6]) чьстꙇю, ковчегы [7]) и҆мъ ѿ и҆лектра, е҆гоже ни е҆дина вещей сила е҆сть крѣпчаи҆ши, раствор[их]ѡмъ; [8]) кр҇тъ же златомъ чкстѣи҆шимъ [и҆] бисеромъ чьстн҇ѣи҆шимъ [9]) створенымъ [10]) на кои҆ждо ковчегъ [11]) положихомъ, златыми пригвоздивше гвоздꙇи. Ꙗ҆же цр҇кви [12]) многыми свѣтилы и свѣщами [13]), земли же и҆ [14]) винограды, и҆ сады [15]) придахомъ [16]), и҆ нашимъ цр҇кымъ и҆ бж҇твенымъ повелѣнꙇе҆мь [17]) на въстокъ оу҆бѡ и҆ западъ [18]), на полꙋнощ же и҆ полоуденноую стра-

---

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) и вѣровати.—2) возвѣщати.—3) повелѣваемъ. — 4) юже. — 5) обилно. — 6) съ великою. — 7) раки. — 8) сотворихомъ. — 9) драгимъ. — 10) украшено сотворенъ. — 11) На коейждо странѣ обоимъ ракамъ.—12) церквамъ всѣмъ по вселеннѣй. *Далѣе въ протопитѣ славянскаго текста, вѣроятно, стоялъ предлогъ* надъ (ὑπὲρ) *или* съ. — 13) *Приб.* устроихомъ содержанія ради и крѣпости и свѣтлостьми стяжанія.— 14) *Приб.* и села.— 15) и езера и пошлины. — 16) сочетавше дахомъ церквамъ. — 17) и божественнымъ повелѣніемъ и нашимъ царскимъ положеніемъ уставихомъ. — 18) *Ркп.* запада.

σκῆπτρα, καὶ πάντα τὰ σημεῖα, ἔτι τε τὰ βάνδα καὶ τοὺς διαφόρους βασιλικοὺς κόσμους, καὶ πᾶσαν τὴν ἐν ταῖς προόδοις τῆς βασιλικῆς κορυφῆς δόξαν καὶ δύναμιν. Τοῖς γε μὴν αἰδεσιμωτάτοις ἀνδράσι τοῖς κληρικοῖς, τοῖς κατὰ διαφόρους τάξεις ταύτῃ τῇ ἱερᾷ καὶ ἁγίᾳ τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίᾳ δουλεύουσιν, ἐκείνην τὴν περιωπὴν καὶ τὴν ἰδιότητα τῆς δυνάμεως καὶ τὴν ὑπεροχὴν ἔχειν θεσπίζομεν, ᾗ καὶ ἡ μεγίστη ἡμῶν σύγκλητος δόξῃ ὁρᾶται κεκοσμημένη, τουτέστι, πατρικίους αὐτοὺς γίνεσθαι καὶ ὑπάτους, προσέτι δὲ καὶ ταῖς ἄλλαις βασιλικαῖς ἀξίαις διαφημιζομένους κοσμεῖσθαι[1]). Καὶ ὥσπερ τὴν βασιλικὴν στρατιάν, οὕτω καὶ τὸν κλῆρον τῆς ἁγίας ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας κοσμεῖσθαι θεσπίζομεν. Καὶ ὥσπερ ἡ βασιλικὴ ἐξουσία διαφόροις ὀφφικίοις κουβικουλαρίων, καὶ ὀστιαρίων, καὶ ἐξκουβιτόρων κοσμεῖται, οὕτω καὶ τὴν ἁγίαν ῥωμαϊκὴν ἐκκλησίαν κοσμεῖσθαι βουλόμεθα. Εὐρυχωρότατά τε τὴν ἀρχιερατικὴν εὐπρέπειαν διαλάμπειν θεσπίζομεν[2]), καὶ τοὺς τῶν κληρικῶν τῆς αὐτῆς ἁγίας ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας ἵππους μανταύλοις καὶ ὀθόναις λευκοτάτου χρώματος[3]) καλλωπίζεσθαι, καὶ οὕτως ὀχουμένους φέρειν αὐτούς σινδόνας τε, τουτέστι λευκοτάτῃ ὀθόνῃ περὶ τὰ ὑποδήματα

1) Лат. nec non et caeteris dignitatibus imperialibus eos promulgantes (al. promulgantibus) decorari. — 2) Лат. et ut amplissime pontificale decus profulgeat decernimus. — 3) У Стевта варіантъ: σκεπάσματα ἐκ σινδόνων.

ноу[1]), въ Іѹдеи же и Асіи, Ѳракыи же и Елладѣ[2]), Афрікіи же и Италіи, и въ различныя ѡстровы, нашего имъ ѡсвобожденіа[3]) възвѣщаемъ[4]), сице ꙗвѣ[5]), ꙗко роуками блаженнѣишаго ѡц҃а нашего ст҃ла Силвестра и того прѣемникомь[6]) вса оудержана боудоуть. Да възвеселитса нн҃ѣ с нами весь народъ, вьсѣ[7]) ꙗже по вселѣннѣи ꙗзыкъ роды[8]) молимъ, ꙗко да с нами Бг҃оу и Сп҃сителю нашемоу Іс҃ Хс҃ бесчисльныя исповѣмы бл҃гти, ꙗко тои Бг҃ на нб҃си горѣ, и на земли долѣ, иже насъ ст҃ыми апостолы[9]) посѣти, ст҃оую[10]) таиноу крещеніа и тѣлеси здравіа[11]) достоины[12]) створи прияти. ѿ нихже и подаемь тѣмь ст҃ымъ ап҃лѡмъ и влк҃амъ нашимъ. бл҃женнѣишимъ Петрѹ и Павлѹ, и ими[13]) бл҃женномоу Силвестроу, нашемоу ѡц҃оу[14]) и краинемѹ ст҃лю и съборномѹ града

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) на восточныхъ и западныхъ, на полуночныхъ же и южныхъ странахъ.— 2) *Ркп.* Елладѣ. — 3) повелѣнія свобожденіе. — 4) возвѣщая. — *Далѣе въ Кормчей и спискахъ перваго разряда слѣдуетъ длинная вставка:* и по всей вселеннѣй, идѣже православніи цари и князи и властели подъ нами обладаютъ нашего свобожденія, и волю имъ утвердивше закономъ владѣти святителемъ, и никаковому мирскому саму отнѣти прикоснутися церковнымъ пошлинамъ: Богомъ заклинаемъ и нашимъ повелѣніемъ утверждаемъ непреложно и соблюдено быти даже до скончанія вѣка сего. — 5) Се же явленно убо. — 6) по немъ пріемникомъ *и далѣе приб.* сія. — 7) и вся. — 8) языки и роды: *далѣе прибав.* глаголемъ и.— 9) *Ркп.* да столпы(?).— 10) невятую. — 11) здравіе.— 12) достойно. — 13) с ними. — 14) *Приб.* и всѣмъ отцемъ поднебесныя отцу.

χρῆσθαι, ὥσπερ τούτοις καὶ ἡ ἡμετέρα σύγκλητος χρῆται[1]), ἵν' ὥσπερ τὰ οὐράνια, οὕτω δὴ καὶ τὰ ἐπίγεια καλλωπίζηται πρὸς δόξαν θεοῦ. Πρὸ πάντων ἄδειαν διδόντες αὐτῷ ἁγιωτάτῳ πατρὶ ἡμῶν Σιλβέστρῳ, τῷ τῆς πόλεως ἡμῶν Ῥώμης ἐπισκόπῳ καὶ πάπᾳ, καὶ πᾶσι τοῖς μετ' αὐτὸν εἰς τὴν αὐτοῦ διαδοχὴν ἥξουσι[2]) κατὰ τοὺς ἐπερχομένους αἰῶνας μακαριωτάτοις ἀρχιερεῦσι, ὑπὲρ τιμῆς καὶ δόξης τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐν τῇ μεγάλῃ ταύτῃ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ[3]), εἴ τινα τῶν[4]) τῆς περιφανοῦς ἡμῶν συγκλήτου βουληθείη τοῖς εὐλαβέσι κληρικοῖς συναριθμῆσαι, μηδένα τῶν εἰς τοῦτο καλουμένων δι' ὑπερηφάνειαν παραιτεῖσθαι τὴν τάξιν[5]). Θεσπίζομεν δὲ καὶ τοῦτο· τὸν πάσης αἰδοῦς ἄξιον πατέρα ἡμῶν Σίλβεστρον, τὸν ἄκρον ἀρχιερέα, καὶ πάντας τοὺς διαδεξομένους ἀρχιερεῖς τῷ διαδήματι καὶ τῷ στεφάνῳ, ἅπερ ἐκ τῆς κεφαλῆς ἡμῶν αὐτῷ παρεσχόμεθα, χρυσίου καθαρωτάτου καὶ λίθων τιμίων καὶ μαργαριτῶν κατεσκευασμένῳ ὀφείλει χρῆσθαι, καὶ τῇ κεφαλῇ φορεῖν εἰς δόξαν θεοῦ ὑπὲρ τῆς τοῦ μακα-

1) Лат. et sicut noster senatus calciamentis utitur cum udonibus, id est candido linteamine. — 2) Лат. et omnibus, qui post eum in successum et perpetuis temporibus *advenerint*. — 3) Въ О позднѣйшею рукою на полѣ поправлено: ἐξουσίᾳ. Ср. выноску къ этому мѣсту въ славянскомъ текстѣ. — 4) О τόν. — 5) У Стевха (fol. 220 r.) варіантъ: μετὰ τοῦ ἰδίου θελήματος καὶ εὐαρέστου γίνεσθαι κληρικὸς καὶ ἐν τῷ ἀριθμῷ [τῶν κληρικῶν] συναριθμεῖσθαι μή τις τολμᾷ ἐμποδίζειν.

Римьскаго папѣ, и҆ всѣмъ е҆го[1]) прѣе҆мникомъ ст҃лемъ, и҆же до скончаянї҆а мира на пр҃тлѣ блаженнаго Петра сѣдящихъ[2]), и҆ по настоꙗщомꙋ прѣдае҆мъ[3]) пръвѣе[4]) оу҆бо и҆же в Латерани полатꙋ[5]) цр҃тва нашего, ꙗ҆же всѣхъ и҆же по всей всѣленнѣй полатъ[6]) прѣдпочитае҆тсѧ и҆ прѣи҆мѣтъ[7]), такожде и҆ дї҆адимо[8]), е҆же е҆сть вѣнець главы нашеѧ, подобьнѣ же и҆ фригї҆ѡнъ, е҆же е҆сть покрывалю, е҆же митроѧ[9]) нарицаю҆ть; не токмо то, но и е҆помї҆ѡнь, е҆же[10]) е҆сть прѣпоꙗсанї҆е, е҆же ѡ҆бычно е҆сть цр҃кой мышци ѡ҆благатисѧ[11]), е҆ще же и҆ баграноую хламидꙋ[12]), и҆ чръвленꙋю ризоу[13]), и҆ цр҃каа всѧ ѡ҆дѣанї҆а, но и҆ цр҃ьскаго прѣдсидѣти[14]) достои҆ньства[15]), и҆ цр҃кыхъ кони҆и' ꙋтворенї҆е, и҆ цр҃кыи҆ скыпетры, и҆ всѧ знаменї҆а, е҆ще же и҆ колесница и҆ различныѧ цр҃кыѧ оу҆твари, и҆ всѧ е҆же[16]) въ происхожденї҆ихъ цр҃каго връха, славы и҆ силы[17]). Чьст҃ѣи҆шим же моужемъ клирикомь, въ различныхъ чинохъ той сщ҃енной и҆ ст҃ой Римьской цр҃кви работаю҆щихъ, ѡ҆ноѧ[18]) высость и҆ оу҆своенї҆е

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Приб.* иже по немъ. — 2) *Ркп.* сѣдящихъ. — 3) и по настоѧщомꙋ прѣдаемъ *нѣтъ*. — 4) первое. — 5) въ латеранстѣй полатѣ. — 6) полатѣ. — 7) преимѣетъ и славится. — 8) якоже діядима. — 9) митроѧ-митрою. — 10) *Ркп.* преже. — 11) *Приб.* рекше омофоръ. — 12) *Ркп.* храмидꙋ. — 13) и еще же и богряная одежа и червленая риза. — 14) предсѣданія. — 15) достоинство. — 16) и всяже. — 17) *Далѣе приб.* еще. — 18) ѡ҆ноѧ-ѡ҆ною.

ρίου Πέτρου τιμῆς. Ἐπεὶ δ' αὐτὸς ὁ μακαριώτατος πάπας ἐπὶ τῷ στεφάνῳ τοῦ κληρικάτου, τῆς ἐν τῇ κεφαλῇ κουρᾶς, ἣν ὑπὲρ τῆς τιμῆς ἔχει τοῦ μακαρίου Πέτρου, οὐκ ἠνέσχετο τῷ ἐκ τοῦ χρυσίου χρῆσθαι στεφάνῳ, ἡμεῖς τὸ φρύγιον, ἐν τούτῳ χρώματι λευκοτάτῳ τὴν λαμπρὰν ἀνάστασιν τοῦ Κυρίου διαχαράξαντες [1]), τῇ ἱερωτάτῃ αὐτοῦ κορυφῇ ἰδίαις χερσὶν ἐπεθήκαμεν [2]), καὶ τὰ χαλινὰ τοῦ ἵππου τούτου κατέχοντες ὑπὲρ τῆς τιμῆς τοῦ μακαρίου Πέτρου, τὸ τοῦ στράτορος ὀφφίκιον αὐτῷ παρεχόμεθα, θεσπίζοντες τῷ αὐτῷ φρυγίῳ πάντας τοὺς αὐτοῦ διαδόχους καθ' ἕκαστον χρῆσθαι ἐν ταῖς προόδοις [3]) κατὰ μίμησιν τῆς βασιλείας ἡμῶν. Ὅθεν εἵνεκα [4]) τοῦ τὴν ἀρχιερατικὴν κορυφὴν μὴ δοκεῖν εὐτελῆ, ἀλλὰ μᾶλλον τῆς ἐπιγείου βασιλείας αὐτὴν ἀξίᾳ καὶ δόξῃ καὶ δυνάμει κοσμεῖσθαι, ἰδοὺ τό τε παλάτιον ἡμῶν, ὡς προείρηται, ἀλλὰ καὶ τῆς τῶν Ῥωμαίων πόλεως καὶ πάσης τῆς Ἰταλίας καὶ τῶν δυτικῶν χωρῶν τὰς ἐπαρχίας, τοὺς τόπους, τὰς πόλεις τῷ πολλάκις εἰρημένῳ μακαριωτάτῳ πατρὶ ἡμῶν

силы и прѣвзыщьство [1]) имѣти оуставлаемъ, еже и великый нашь сигклить славою зритса оукрашенъ, сирѣчь, патрікіевъ [2]) бывати имъ и ипатом, къ симъ же и инѣми црьскыми саны въсъпроповѣдоуемыхъ [3]) оукрашати[са] [4]). [И] ꙗкоже црькомꙋ воиньствоу, сице и клиросꙋ стыа Римьскыа црькви оукрашатиса [5]) оуставлаемъ. И ꙗкоже цркаа власть различными саны, кꙋвикоуларіи, и шстыаріи, и ексъсокоувиторы [6]) оукрашаетса, сице [7]) и стыи Римьской цркви оукрашатиса хощемъ [8]). Пространнѣиши стльское блгооукрашеніе [9]) сіаати [10]) оуставлаемъ, и тѣхъ клирикъ [11]) стыа Римьской цркви кони прѣкровіи [12]) [и] шдѣаньми бѣлѣишаго зрака оукрашатиса [13]), и тако аздащихъ [14]) [носити] ихъ, шбꙋвеньми, сирѣчь бѣлѣишими шдѣаньми, по ногамъ имащихъ, ꙗкоже сиши и нашь сигклить шдѣваетса, да ꙗкоже нбнаа, сице же и земнаа оукрашаютьса [15]), на славꙋ же Бжію. Прѣжде же

---

1) У Стелла (ibid.) варіантъ: ἔδει τὸ φρύγιον ἐν λευκῇ λαμπρότητι εἰς δεῖγμα τῆς [illegible] κυριακῆς ἀναστάσεως. — 2) Въ латинскомъ оригиналѣ это предложеніе читается такъ: Ipse vero sanctissimus papa super coronam clericatus, quam gerit ad gloriam beati Petri, omnino ipsa ex auro non est passus uti corona, frigium vero candido nitore (al. candidi nitoris) splendidam resurrectionem dominicam designans, ejus sacratissimo vertici manibus nostris posuimus. — 3) О [illegible]. — 4) εἵνεκα — [illegible] черта іоническаго діалекта. См. Попова Грам. греч. яз. стр. 84.

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1 свою высоты усвоеніе и силы превосходство. — 2) патрикіевъ. — 3) Греч. [illegible]. Корм. въ провозглашаемыхъ. — 4) Приб. имъ. — 5) Приб. и честися. — 6) кувикуларійскими и остиарійскими и скувиторскими. — 7) тако — 8) хощемъ [illegible]. — 9) Приб. священникомъ и благочестивымъ [illegible] и нашимъ царскимъ [illegible]. — 10) сіяти и честися. — 11) Приб. тоя. — 12) прикровенія (греч. [illegible]). — 13) Приб. [illegible]. — 14) и сія [illegible] ѣздящихъ. — 15) такоже подобаетъ и земная украшати.

Σιλβέστρῳ, τῷ καθολικῷ πάπᾳ παραδιδόντες καὶ ἐξιστάμενοι τῇ τούτου καὶ τῶν αὐτοῦ διαδόχων ἀρχιερέων ἐξουσίᾳ καὶ ψήφῳ, διὰ τοῦ θείου ἡμῶν πραγματικοῦ τούτου θεσπίσματος ὁρίζομεν διοικεῖσθαι [καὶ] τῷ δικαίῳ τῆς ἁγίας τῶν Ῥωμαίων ἐκκλησίας ὑποκεισόμενα καὶ διαμενοῦντα παρέχομεν [1]. Ὅθεν ἁρμόζον ἐκρίναμεν τὴν ἡμετέραν βασιλείαν καὶ τὴν ταύτης δόξαν ἐπὶ τὰς ἀνατολικὰς χώρας μετενεγκεῖν, κἀν τῇ χώρᾳ τοῦ βυζαντίου, ἀρίστῳ τόπῳ, ἐπὶ τῷ ἡμετέρῳ ὀνόματι πόλιν οἰκοδομήσαντας, ἐκεῖ τὴν ἡμετέραν βασιλείαν ἱδρῦσαι. Ὅπου γὰρ ἡ τῶν ἱερέων ἀρχὴ [2] καὶ ἡ τῆς χριστιανικῆς θεοσεβείας κεφαλὴ παρὰ τοῦ οὐρανίου βασιλέως κατέστη, οὐκ ἂν εἴη δίκαιον ἐκεῖ ἐξουσίαν ἔχειν τὸν γήϊνον βασιλέα. Ταῦτα τοίνυν πάντα τὰ διὰ τῆς ἱερᾶς ἡμῶν ταύτης γραφῆς καὶ ἄλλων δὲ θείων ψηφισμάτων ὁρισθέντα τε καὶ βεβαιωθέντα μέχρι τῆς τοῦ κόσμου συντελείας ἄψαυστα καὶ ἄσειστα διαμένειν θεσπίζομεν. Ὅθεν ἐνώπιον τοῦ ζῶντος θεοῦ, τοῦ κελεύσαντος ἡμῶν (sic) βασιλεύειν, καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ κρίσεως ἔμπροσθεν διαμαρτυρόμεθα διὰ τῆς βασιλικῆς ταύ-

1) ecce tam palatium nostrum, ut praedictum est, quamque Romanae urbis et totius Italiae et occidentalium regionum provincias sepefato beatissimo patri nostro Silvestro, universali papae contradentes, atque reliquentes ejus vel successorum ipsius pontificum potestati et ditioni, firma per hanc nostram divalem pragmaticam constitutionem decernimus disponenda, atque juri sanctae Romanae ecclesiae concedimus permanenda. — 2) Ο ἀρχήν.

всѣхъ волꙗ [1]) даємь томꙋ ст҃ѣи-шомоу ѡ҆ц҃оу нашемоу Силвестроу, града нашего Римьскаго [2]) є҆пп҃у [3]) и҆ папѣ, и҆ всѣмъ є҆же [4]) по немъ є҆го [5]) прѣє҆мникомь [6]) в находꙗщїихъ лѣтѣхъ [7]), бл҃женѣи҆шимъ ст҃лемь, ѡ҆ чьстї и славѣ [8]) Г҃а нашего Ї҃с Х҃а в великои҆ сеи҆ съборнѣи҆ а҆п҃льской церкви [9]): а҆ще кого ѿ прѣвзꙗтыхъ нашего синглита [10]) въсхощеть къ [11]) бл҃гоговѣи҆нымъ клирикомъ съпричьсти [12]), ни є҆диномоу [13]) и҆же къ семоу призываємомꙋ за грьдость ѿрицатисꙗ чина. Взаконополагаємъ же и҆ се: всꙗкоꙗ чьсти достои҆номоу ѡ҆ц҃оу нашемоу Силвестроу, краи҆немоу ст҃леви [14]), и всѣмъ сего [15]) прѣє҆мникомь ст҃лемь, прѣпоа҆санїємь и҆ вѣнцемь, и҆мже ѿ главы нашеꙗ є҆моу подахомъ, златомъ чьстнѣи҆шимь [16]) и҆ каменьми ч҃тными [17]) и҆ [18]) бисеромь съставленымъ длъженъ есть ѡ҆дѣватисꙗ, и҆ на главѣ носити, на славꙋ Бж҃їю ѡ҆ чьсти [19]) блаженаго Петра. А понеже тои҆ бл҃женнѣи҆шїи҆ папа понеже вѣнець кли-

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) волю. — 2) Рима. — 3) святителю. — 4) иже. — 5) его *нѣтъ*. — 6) *Приб.* хотящимъ быти. — 7) въ приходящія лѣта. — 8) ради чести и славы. — 9) *Ркп.*: власти. *Ср. примѣчаніе къ греческому тексту.* — 10) отъ великаго нашего царства вельможъ.—11) *Ркп.* въ.—12) причетатися.— 13 никомуже. -- 14) святителю. — 15) его иже по немъ. — 16) чистѣйшимъ: правильно (греч. καθαρωτάτῳ). — 17) многоцѣнными. — 18) *Приб.* драгимъ. — 19) и на честь.

της καταστάσεως πᾶσι τοῖς ἡμετέροις διαδόχοις τοῖς βασιλεῦσι, πᾶσι σατράπαις, πᾶσι τοῖς μεγιστᾶσι Ῥωμαίων, πάσῃ τε τῇ εὐρυχωροτάτῃ συγκλήτῳ, καὶ πᾶσι [τοῖς ἐν] τῇ οἰκουμένῃ λαοῖς, τοῖς τε νῦν οὖσι καὶ τοῖς κατόπιν ἐσομένοις ἐν πᾶσι τοῖς χρόνοις, καὶ τῇ ἡμετέρᾳ βασιλείᾳ ὑποκεισομένοις, μηδενὶ τούτων ἐξεῖναι κατά τινα τρόπον τὰ παρ' ἡμῶν βασιλικῷ θεσπίσματι τῇ ἱερᾷ καὶ ἁγίᾳ ῥωμαϊκῇ ἐκκλησίᾳ καὶ πᾶσι τοῖς ταύτης ἀρχιερεῦσι παρεσχημένα παραθραῦσαι, ἢ παραψαῦσαι, ἤ τινα τρόπον ἕτερον ἐνοχλῆσαι. Εἰ δέ τις τούτων, ὅπερ οὐ πιστεύομεν, αὐθάδης ἢ καταφρονητὴς γένοιτο περὶ ταῦτα, ταῖς αἰωνίοις συσχεθεὶς καταδίκαις, ταῖς ἐκείνων [1]) ὑποπέσοι βασάνοις, αἴσθοιτό τε ἑαυτῷ ἐναντίους [2]) τοὺς ἁγίους τοῦ θεοῦ καὶ ἄρχοντας τῶν ἀποστόλων Πέτρον καὶ Παῦλον, ἔν τε τῷ παρόντι βίῳ καὶ τῷ μέλλοντι, ἐν τῷ κατωτάτῳ ᾅδῃ βασανιζόμενος ἐκλείποι μετὰ τοῦ διαβόλου καὶ πάντων τῶν ἀσεβῶν [3]). Τούτου δὲ τοῦ ἡμετέρου βασιλικοῦ δόγματος τὴν γραφὴν ταῖς ἰδίαις χερσὶ κατασφαλισάμενοι, τῷ σεβασμένῳ σώματι τοῦ ἄρχοντος τῶν ἀποστόλων τοῦ μακαρίου Πέτρου χερσὶν ἰδίαις ἐπεθήκαμεν, αὐτόθι

1) Т. е. καταδικῶν? — 2) О ἐναντίως.
3) Лат. Si quis autem, quod non credimus, hujus temerator aut contemptor extiterit, aeternis condemnationibus subjaceat innodatus et sanctos Dei principes apostolorum Petrum et Paulum sibi in praesenti et futura vita sentiat contrarios atque in inferno inferiori concrematus cum diabolo et omnibus deficiat impiis. —

ричьскыи [1]), ѐже на главѣ построга, ѐгоже ѡ҆ чьстї ймѣѐть блаженнаго Петра, не хоташе ѐже [2]) ѿ злата носити вѣнець, мы [3]) вѣнець мѣсто сего, лищемъ бѣлѣйшимъ свѣтлоѐ въскр̑енiѐ Гн̑е назнаменавше, сщ̄еннѣйшомꙋ ѐго връхоу [4]) своими роуками възложихомъ [5]), й бръзды коневи [6]) ѐго дръжаще ѡ҆ чьсти [7]) блаженнаго Петра, конюшего сан[ом]ъ [8]) ѐмꙋ себе дахомь, възаконополагающе тотъ вѣнець [9]) всѣмъ ѐго прѣѐмникомь по ѐдиномꙋ носити въ пройсхожденiихъ, [10]) въ оу̓подобленiѐ [11]) цр̑тва наше[го], да симь ст̄льскыи връхъ не непщевань бꙋдеть смѣренъ, [12]) но паче земнаго цр̑ьства [13]) тотъ достоиньствомь [14]) й славою [15]) й силою [16]) оу̓крашаѐтсѧ [17]). Се же и полата наша, ꙗкоже прѣдречесѧ, но й Римьскаго града [18]) й всеѧ [19]) [И]талïа, й заходныхъ странъ [20]) прѣдѣлы, мѣста, грады [21]) мнѡ̓жицею реченомꙋ [22]) бла-

Варiанты печатной Коричей и примѣчанiя.

1) *понеже* вѣнець клиричьскый — ἐπὶ τῷ εστφάνῳ τοῦ κληρικάτου. *Переводчикъ, очевидно, читалъ* ἐπεί. — 2) не восхотѣ же. — 3) мы же. — 4) на священнѣйшую его главу.— 5) положихомъ. — 6) коня.— 7) чести ради. — 8) конюшскимъ саномъ. 9) повелѣваемъ же того чина и обычая.— 10) всѣмъ иже по немъ святителемъ всегда творити въ поѣздѣхъ своихъ.—11) по подобiю.—12) тѣмже ради сего постриженаго знаменiя верховнаго святительскiя главы, да не мнитъ кто сiе постриженiе худо быти и безчестно. — 13) *Приб.* саномъ.—14) тотъ достоинствомъ *имѣтъ*.— 15) *Приб.* и честiю. — 16) *Приб.* ея.— 17) украшати подобаетъ.—18) но и Римъ градъ весь. — 19) вся. — 20) западныхъ страны и. — 21) и мѣста и грады и земли сему же. — 22) предреченному.

τῷ τοῦ θεοῦ ἀποστόλῳ ὑπισχνούμενοι ἀπαράθραυστα ἡμᾶς ταῦτα πάντα συντηρεῖν, καὶ τοῖς ἡμετέροις διαδόχοις καὶ βασιλεῦσι συντηρηθησόμενα[1]) δι' ἐντολῶν ἡμετέρων καταλιπεῖν, καὶ τῷ μακαρίῳ πατρὶ ἡμῶν Σιλβέστρῳ καὶ καθολικῷ πάπᾳ, καὶ δι' αὐτοῦ πᾶσι τοῖς αὐτοῦ διαδόχοις ἀρχιερεῦσι, τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εὐμενῶς ἐπινεύοντος, αἰωνίως καὶ εὐτυχῶς τούτοις εἰς κτῆσιν ἐσόμενα:~

Βασιλικὴ ὑπογραφή. ἡ θεότης ὑμᾶς συντηροίη ἐν πολλοῖς ἔτεσι, ἁγιώτατοι καὶ μακαριώτατοι πατέρες. Δοθὲν ἐν Ῥώμῃ, ἡμέρᾳ τρίτῃ καλανδῶν ἀπριλίων, δεσπότου ἡμῶν Φλαβίου Κωνσταντίνου αὐγούστου καὶ Γαλικανοῦ, ἀνδρῶν ὑπάτων καὶ λαμπροτάτων.

---

1) Ο συνθηρηθησόμαιναι..

женнѣйшомоу ѡцꙋ Силвестроу, съборномꙋ папѣ, прѣдавше и съшедше ѿ сихъ [1]), его прѣемникомъ [2]) стлемь власти и сꙋдоу [3]) бжтьнымъ нашимъ и дѣлнымъ симь законоположенїемь [4]) повелѣваемь прѣбывати, [и] намѣстьникоу стѣи Римской цркви подълежаща [5]) и прѣбывающа ѿдаваемь [6]). Ѿнꙋдоу же соудихомь нашемꙋ цртвоу и его славѣ на въсточныа страны прѣселитиса, в мѣсто Византїи [7]), краснѣишее мѣсто, ѡ нашемь имени градъ създавше, тамо цртво наше [8]) оутвердимь. Идеже бо стлскаа власть [и] блгочестьа глава [9]) нбнымъ црмь оуставлена бысть, не оубо [10]) достоино есть тамо власть имѣти земномоу црви [11]). Сїа оубѡ вса іаже [12]) сщенныимь нашимь симъ писанїемь и инѣмы бжтвными съсоуды [13]) повелѣна же и оукрѣплена даже до скончанїа мироу [14]) неприкосновена и непоколеблема[да] прѣбываюте [15]), оуставлꙗемь [16]). Ѿнꙋдоу же прѣдь живымъ Бгомъ, повелѣвшимъ намь цртвовати, и страшнаго Его сꙋда

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) предаемъ и отступаемъ ему. — 2) и всѣмъ иже по немъ бываемымъ. — 3) *Прибав.* и по всей вселеннѣй, идѣже православная вѣра наша обдержитъ, и владаніе и судъ держати имъ. — 4) *Ркп.* закономь положеніемь. — 5) *Ркп.* подълижащи. — 6) и подлежащее и пребывающее отдаваемъ ей. — 7) *Ркп.* в византіѡ. — 8) царству нашему. — 9) *Въ рукописи, послѣ словъ:* святительскаа власть, *стоитъ:* глава небеснымъ благочестьа глава; *Корм.* идѣже бо святительская мая власть, и христіянскаго благочестія глава — *правильно.* — 10) убо — *нѣтъ.* — 11) царю. — 12) *Ркп.* икоже; *греч.* τά. — 13) суды (греч. διά... ψηφισμάτων). — 14) *Приб.* яже по всей вселеннѣй данныя же святителемъ церковныя пошлины. — 15) пребывати — *правильно.* — 16) *Далѣе прибавлено:* въ нашихъ лѣтехъ и по насъ въ проходящія лѣта и роды. Заповѣдаемъ православнымъ царемъ и княземъ и всѣмъ людемъ, яже по всей вселеннѣй даже и до скончанія міру.

прѣдь, свѣдѣтельствоуѐмь [1]) цр҇кымь си[мъ] [2]) оуставленїѐмь [3]) всѣмъ нашимъ прѣѐмникомь цр҇емь, всѣмь [3]) силнымь, всѣмъ великымъ [4]) Римскымъ, всемꙋ пространѣйшомоу синглитоу [5]), и҆ всѣмъ вселеныѧ [6]) людемь, нинѣ соущимъ [7]) и҆ потомь бываю҆щимъ въ всѣхъ лѣ̀тѣхъ [8]) и҆ нашемоу цр҇твоу подълежащимъ, ни ѐдиномоу же сихъ мощи [9]) по нѣкоторомоу ѡ҆бразоу ꙗ҆же нами [10]) цр҇кымь [11]) законоположенїѐмь сщ҇еннѣйшой и҆ ст҇ой Римьской цр҇кви и҆ всѣмь ѐѧ [12]) ст҇лемь [13]) даннаѧ порꙋшати, и҆ли прѣчинити, и҆ли которымь ѡ҆бразомъ смоущати [14]). 'Аще же кто сихъ, ѐже не вѣроуѐмь, гръдъ и҆ [15]) прѣѡ҆бидьникь боудеть ѡ҆ сихъ, вѣчными ѡ҆бꙗ҆ть [16]) боудеть ѡ҆соуженими, ѡ҆нѣхъ подпадеть томленїи҆хъ [17]), ѡ҆брѧщеть тогда себѣ съпративныхъ ст҇ыхъ Бж҇ї-и҆хъ и҆ началныхъ ап҇ломь Петра и҆ Павла въ настоꙗ҆щомъ оу҆бѡ житїи и҆ въ боудоущомь [18]), въ прѣи҆споднѣмь а҆дѣ моучимь [19]), и҆щезнеть съ дїаволомъ и҆ съ всѣми нечт҇выми. Сего же нашего цр҇ьскаго велѣнїа҆ [20]) писанїѐ своими роуками оу҆крѣпивше, чт҇номꙋ телеси начального а҆п҇ломь блаженнаго Петра роуками своими възложихомъ [21]), симь Бж҇їю а҆п҇лꙋ ѡ҆бѣщавшесѧ [22]) непороушима нами сїа҆ всѣ съблюдатисѧ [23]) и҆ нашими прѣѐмники и҆ цр҇ьми [24]) съблюдаѐма [25]) заповѣдми [26]) нашими ѡ҆ставльше [27]), и҆ блаженомоу ѡ҆ц҇боу нашемоу Силвестроу и҆ съборномꙋ папѣ, и҆ ѐго ради всѣмъ ѐго прѣѐмникомъ ст҇лемь, Га҇ и Ба҇ и҆ Сп҇са [28]) нашего 'Іс҇ Хс҇а бл҇гонравнѣ подавше [29]), вѣчно и бл҇гополꙋчнѣ сихъ въ наздаа҆нїѐ пришедше [30]).

Также же и҆нѣмъ четыремъ патрїа҆ршьскымь прѣстоломъ, коѐмоуждо предѣлоу, чьстныхъ ради а҆п҇ль и҆ оу҆чн҇къ Хвы҇хъ: Византїи-скомꙋ, ѐгоже въ своѐ и҆мѧ прѣи҆меновахъ, 'Андреа ради а҆п҇ла, ꙗ҆ко много потроудившасѧ къ бг҇оразоумїю тѣхъ привести и҆ цр҇кви въдроузити православныхъ; также же и҆ 'Александрїи҆скомꙋ, Марко-

Варіанты печатной Кормчей и примѣчанія.

1) *Греч.*: καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ κρίσεως ἔμπροσθεν διαμαρτυρόμεθα; *Корм.* предзасвидѣтельствуемъ, *и далье прибав.* священнымъ и божественнымъ повелѣніемъ, и.— 2) *Приб.* нашимъ. — 3) и всѣмъ. — 4) и всѣмъ тысящникомъ, и всѣмъ сотникомъ, и всѣмъ вельможамъ. — 5) *Приб.* полаты нашего царства, и всѣмъ иже по всей вселеннѣй бывающимъ православнымъ царемъ и княземъ и властелемъ по насъ. — 6) иже по всей вселеннѣй. — 7) и иже нынѣ сущимъ въ сихъ лѣтахъ. — 8) во вся лѣта впреди бывающимъ. — 9) *Ркп.* мощих. *Корм.* мощно буди. — 10) *Приб.* и. — 11) *Приб.* нашимъ. — 12) иже подъ нею. — 13) *Приб.* по всей вселеннѣй бываемая.— 14) досадити.—15) аще ли кто силою или невѣріемъ или гордостію.—16) да обьять.— 17) томленіемъ. — 18) *Приб.* и да. — 19) *Приб.* будеть, и да. — 20) повеленія. — 21) положихомъ. — 22) обѣщахомся. — 23) вся соблюдати. *Дальше приб.*: и нами. — 24) и по насъ преемники царскими адѣ и по всей вселеннѣй православнымъ царемъ же и княземъ и вельможамъ владалнымъ. — 25) *Приб.* божественными. — 26) *Приб.* и. — 27) *Вмѣсто* wставльше — уставы укрѣпихомъ. — 28) и Ба҇ Сп҇са — *нѣтъ.* — 29) повѣдавше. — 30) сихъ воздаяніе предавше.

воу прѣемникоу, и Антиѡхійскомꙋ, Лꙋчиноу [1]) настолникоу, и 'Ерімьскомоу, 'Іаковлю, брата Гнѧ: коемоуждо въ своемь прѣдѣлѣ подобающꙋѧ чьсть подаемь, и наши прѣемници до вѣка. Такожде же и всѣмь црквамь Хвымъ [2]), архіепкѡпіамъ [3]) и ихъ [4]) настолникомъ чьсть сами даемь, и наши [5]) прѣемници, и велици сатрапы, ꙗко слоужителемь Бжіимъ и [6]) прѣемьникомъ Хвыхъ апл҃ъ [7]). 'И сице творите и съблюдите [8]), ꙗко да не прѣдреченной тѧгости подпадете и славы Бжіа лишени боудете. [9]) Цркое подписаніе сице:

Бжтво васъ съблюдеть [10]) въ мнѡга лѣта, стѣйшіи блаженнѣйшіи ѡци. Дастьсѧ в Римоу [въ] днь третій каландь априліевыхъ, влкы нашего Флавіа Константіна [11]) августа, и [12]) Галиканомь, моужей [13]) ипать и [14]) славнѣйшіих.

Варіанты печатной Коричей и примѣчанія.

1) Лукину. — 2) *Приб.* митрополіамъ. — 3) Приб. и епископіямъ. — 4) иже по нихъ. — 5) *Приб.* по насъ. — 6) и—*нѣтъ*. — 7) Христовымъ апостоломъ. — 8) соблюдайте. — 9) *Приб.* но держите преданіе, якоже пріясте; Бога бойтеся, и священную Его церковь и настоятели ея чтите, да милость Божію получите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и сынове свѣта будете. — 10) да соблюдетъ. — 11) *Ркп.* Констаньтіа. — 12) и — *нѣтъ*. — 13) мужемъ честнѣйшимъ. — 14) и—*нѣтъ*.

А. Павловъ.

Авары, а не Русскіе, Θеодоръ, а не Георгій.

Замѣчанія на статью Х. М. Лопарева.

Въ послѣднемъ выпускѣ Византійскаго Временника за минувшій (1895) годъ была помѣщена статья нашего уважаемаго сотрудника, Х. М. Лопарева, «Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію въ 860 году». Ревностный и неутомимый изыскатель, успѣвшій связать свое имя съ нѣсколькими счастливыми находками въ области древней и старинной русской письменности, а также и византійской, обратилъ свое пытливое вниманіе на одинъ памятникъ церковнаго краснорѣчія, хотя уже давно изданный въ греческомъ подлинномъ текстѣ, но недостаточно разъясненный, а за тѣмъ совсѣмъ почти забытый. Ученые прошлыхъ вѣковъ относили его довольно единодушно къ VII вѣку, но при этомъ пускались въ разнорѣчивыя и сомнительныя догадки объ авторѣ, которому усвоивали имя Георгія; самое содержаніе памятника для нихъ не было настолько ясно, чтобы они могли дать ему совершенно очевидное историческое пріуроченіе. Вслѣдствіе того ихъ позднѣйшій, многосвѣдущій и достойный соревнователь, представитель возникавшей русской учености, преосвящ. Филаретъ Черниговскій — нашелъ возможнымъ дать такое истолкованіе смыслу памятника, которое неожиданнымъ образомъ связывало его съ первою страницею русской исторіи. Однако, мнѣніе преосв. Филарета, высказанное имъ первоначально въ 1864 году и повторенное затѣмъ неоднократно [1]), было, какъ выражается г. Лопаревъ, почему-то «за-

1) Х. М. Лопаревъ цитуетъ «Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви». Черниговъ, 1864. Но мы находимъ то же самое въ «Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви»—какъ въ первомъ изданіи, такъ и во второмъ—посмертномъ—1882 года (т. II, 260 стр.).

терто и съ тѣхъ поръ не пускалось въ оборотъ въ ученой литературѣ». Выдвинувъ снова неразрѣшимый вопросъ, Х. М. Лопаревъ уже тѣмъ облегчилъ его обсужденіе, что сдѣлалъ доступнымъ для всѣхъ желающихъ греческій первоначальный текстъ памятника, что снабдилъ его русскимъ переводомъ. Мало того, при помощи заграничныхъ ученыхъ знакомствъ и сношеній, онъ провѣрилъ оригинальный текстъ Слова — въ той его части, которая представляла наибольшій интересъ, — по рукописямъ, недоступнымъ для первоначальнаго издателя (Комбефиса). И того мало, онъ привлекъ къ дѣлу и впервые напечаталъ старославянскіе переводы отрывка по двумъ спискамъ XVI—XVII вѣка. Эти славянскіе переводы имѣютъ, конечно, значеніе особыхъ списковъ подлинника; своимъ свидѣтельствомъ они устраняютъ возможность какихъ-либо излишнихъ предположеній о пропускахъ и лакунахъ — въ мѣстахъ, которыя иначе казались бы подозрительными по своей неясности. Сверхъ перевода и текстовъ есть еще собственное изслѣдованіе, въ которомъ Х. М. Лопаревъ представилъ много весьма цѣнныхъ указаній; между ними есть такія, которыя прямо ведутъ къ окончательному рѣшенію вопроса объ авторѣ и о времени написанія Слова, слѣдовательно и о самомъ его историческомъ пріуроченіи. Къ сожалѣнію, мы находимъ, что, напавъ на вѣрные слѣды, Х. М. Лопаревъ, все-таки не пошелъ по нимъ; увлеченный примѣромъ и авторитетомъ преосвящ. Филарета, онъ сбился въ сторону отъ прямой дороги. Несмотря на новую очень ученую обстановку, мнѣніе преосвящ. Филарета не можетъ быть принято.

Первая ошибка изслѣдованія, помѣщеннаго въ Византійскомъ Временникѣ, имѣетъ нѣсколько методологическій характеръ и заключается въ томъ, что не было сдѣлано систематическаго и полнаго сопоставленія той части Слова, которая можетъ быть пріурочиваема къ первому нашествію Руси на Царьградъ, съ другимъ подлиннѣйшимъ памятникомъ, несомнѣнно относящимся къ этому событію, то есть съ Бесѣдою патріарха Фотія «На нашествіе Руси». Обращается вниманіе на частности, на отдѣльныя черты и элементы разсказа, сходные въ томъ и другомъ источникѣ, а нуженъ былъ такой послѣдовательный анализъ, который обнаруживалъ бы внутреннее построеніе каждаго и соотношеніе частей въ томъ и другомъ по связи хронологической и логической, а тѣмъ самымъ — единство или различіе цѣльнаго историческаго содержанія. Отдѣльные признаки сходства значатъ мало, когда требуется доказательство тождества; тутъ нужно, чтобы самый

порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ, былъ и здѣсь и тамъ одинаковъ. Однимъ словомъ, Х. М. Лопаревъ долженъ былъ показать, что въ обоихъ сообщеніяхъ или прямо обнаруживается или по крайней мѣрѣ предполагается и одинаковое начало и то же самое развитіе событій.

Въ Словѣ на положеніе Ризы Богоматери положеніе и ходъ дѣла представляется въ такомъ видѣ: Византіи угрожалъ страшный и опасный врагъ, но царь надѣялся на помощь Божію и защиту Богородицы; онъ по этому съ довѣріемъ принялъ предложеніе грознаго «предводителя столь многихъ народовъ», когда тотъ вызывалъ его на свиданіе для *утвержденія состоявшагося мирнаго соглашенія*. Къ чему повело это свиданіе и состоялось ли оно въ дѣйствительности, ораторъ не нашелъ нужнымъ или удобнымъ разсказывать въ своемъ торжественномъ Словѣ, отсылая къ другимъ сочиненіямъ, въ которыхъ, слѣдовательно, на сей счетъ предполагалось нѣчто значительное и знаменательное; онъ отговаривается тѣмъ, что подразумѣваемый эпизодъ не относится непосредственно къ предмету его рѣчи. За то дальнѣйшее прямо входитъ въ составъ темы. Рисуется ужасъ, наведенный на столицу приближеніемъ враговъ и опустошеніемъ окрестностей; царь со слезами молился во храмѣ Богородицы близъ Золотыхъ воротъ. Когда враги распространились передъ городскою стѣною и стали все грабить, не отличая святое отъ мірскаго, то своевременно, еще *въ началѣ распространенія губительной болѣзни*, благомыслящимъ людямъ пришла на умъ забота о сохраненіи находившейся въ Влахернскомъ храмѣ Ризы или одежды Богоматери: этой святынѣ, очевидно, угрожала наиболѣе близкая опасность отъ враговъ. Подробно описывается процедура извлеченія святыни — въ присутствіи царя и съ участіемъ патріарха — изъ заключавшей ее раки и за тѣмъ перенесеніе ея въ безопасное мѣсто — внутрь города, въ храмъ Св. Софіи. Она остается тамъ до удаленія враговъ. Возвращеніе ея на старое мѣсто въ торжественной процессіи, съ царемъ и патріархомъ во главѣ, составляетъ главное содержаніе Церковнаго Слова; ораторъ не забылъ сообщить, что въ воспоминаніе именно этого новаго положенія Ризы Богородицы постановлено было въ соотвѣтствующій день совершать ежегодно церковное празднество во Влахернахъ. О томъ, чтобы Ризу Богоматери носили вокругъ по стѣнамъ для отвращенія опасности, угрожавшей городу, совсѣмъ нѣтъ рѣчи. Можно сказать, что здѣсь не Риза Богоматери спасаетъ, а ее спасаютъ; ее удаляютъ изъ

болѣе доступнаго врагамъ мѣста при появленіи ихъ въ виду городскихъ стѣнъ, и возвращаютъ на старое мѣсто, когда враги ушли и опасность миновала. Иначе представляется сущность и послѣдовательность всего въ Бесѣдѣ Фотія. Нападеніе враговъ совершенно неожиданно, внезапно; никакихъ предварительныхъ переговоровъ и сношеній Руси съ Греками предъ тѣмъ не было; когда они приблизились къ столицѣ, царь отсутствовалъ, находясь въ походѣ противъ другихъ отдаленныхъ непріятелей; о мѣрахъ для охраненія Влахернской святыни нѣтъ ни малѣйшаго намека, не ее спасаютъ, а ею пользуются какъ надежною охраною противъ враговъ и носятъ ее по стѣнамъ вокругъ столицы, при чемъ процессія идетъ, конечно, не отъ Св. Софіи къ Влахернамъ, что̀ было бы внутри города; отступленіе враговъ не предшествуетъ процессіи, а слѣдуетъ за нею и т. д. Останавливаться ли послѣ этого на той характеристикѣ непріятельскаго вождя въ Церковномъ Словѣ, которая такъ затрудняла и смущала самаго Х. М. Лопарева? Важно не то, что предводитель одинъ, а русскихъ предводителей при нашествіи 860 года быдо двое, а скорѣе то, что у Фотія настойчиво выставляется на видъ ничтожество единичнаго народца, явившагося дерзко предъ христіанскою столицею, въ Церковномъ же Словѣ говорится о *вождѣ столь многихъ народовъ*.

2) Итакъ въ Словѣ и въ Бесѣдѣ говорится о двухъ различныхъ событіяхъ. Что двѣ осады города, описываемыя здѣсь и тамъ, относятся и къ различнымъ эпохамъ, на это также есть довольно выразительный намекъ. Важна именно та черта предполагаемой беззащитности Влахернскаго храма, какая характеристично проявляется въ Словѣ на положеніе Ризы и отсутствуетъ въ Бесѣдѣ Фотія. Когда Влахернскій храмъ со своею святынею былъ также защищенъ стѣною, какъ и другія части города, когда онъ находился внутри надежной ограды, тогда не было необходимости при видѣ враговъ прежде всего думать объ удаленіи его сокровищъ въ другое мѣсто, что̀ по отношенію къ Святой Ракѣ представляло, какъ видно изъ Слова, большія затрудненія и неудобства. Но въ первоначальный періодъ своего существованія Влахернскій не былъ храмъ въ такомъ защищенномъ положеніи; въ продолженіи 170 лѣтъ послѣ постройки онъ оставался внѣ городскихъ стѣнъ, внѣ системы оборонительныхъ сооруженій, возведенныхъ при царѣ Θеодосіѣ II-мъ. Только при царѣ Иракліѣ, послѣ большаго аварскаго нашествія лѣтомъ 626-го года, сѣверо-восточная выемка между Θеодосіевою стѣною и Золотымъ

Рогомъ, гдѣ находился храмъ Богоматери, была обнесена особою стѣною, которая и получила названіе Иракліевой. Въ Пасхальной хроникѣ подъ шестнадцатымъ годомъ правленія Ираклія (= 627) мы читаемъ (Chron. Pasch., Paris p. 397. Bonn., p. 726): «въ этомъ году выстроена стѣна около дома госпожи нашей Богородицы», при чемъ слѣдуетъ прибавка, сообщающая бо́льшія подробности: «построена стѣна во Влахернѣ, и заключенъ былъ внутри храмъ Пресвятой Богородицы и святая рака, а прежде онъ былъ внѣ стѣны»[1]). Затѣмъ новыя работы съ цѣлію лучшей обороны Влахернъ совершались въ царствованіе императора Өеофила (829—842), о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся до нынѣ надпись съ его именемъ[2]). Левъ V армянинъ ранѣе того возвелъ новую стѣну еще далѣе на сѣверъ отъ Влахернскаго храма[3]). Нужно думать, что за этою двойною оградою Влахернскій храмъ былъ обезпеченъ противъ хищничества враговъ, такъ что такія мѣры предосторожности, какія описываются въ Словѣ, были бы уже излишними. И въ самомъ дѣлѣ, когда подъ столицею послѣ являлись болгарскія или же западныя крестоносныя полчища, не особенно расположенныя щадить христіанскую святыню, то они обыкновенно останавливались у *Космидія*, то есть у церкви Св. Безсребренниковъ Козьмы и Даміана, расположенной сѣвернѣе Влахернскаго храма. На основаніи вытекающихъ отсюда соображеній эпизодъ, описываемый въ Словѣ на положеніе Ризы, приходится относить ко времени аварскихъ нашествій, не позднѣе 626-го года.

3) Х. М. Лопаревъ, обнаруживая широкую начитанность въ византійской литературѣ, старается опредѣлить отношенія къ изучаемому имъ слову на положеніе Ризы Богоматери другихъ однородныхъ памятниковъ, а также лѣтописныхъ сообщеній, касающихся предмета. При этомъ ему удалось напасть на одинъ изъ тѣхъ вѣрныхъ слѣдовъ, ведущихъ къ рѣшенію всего вопроса, о какихъ мы говорили въ началѣ. Онъ впервые указалъ, что общедоступный печатный текстъ

---

1) Ἐκτίσθη τὸ τεῖχος ἔξωθεν Βλαχερνῶν, καὶ ἀπεκλείσθη ἔσωθεν ὁ ναὸς τῆς παναγιάς θεοτόκου, καὶ ἡ ἁγία σορός. πρῴην γὰρ ἔξωθεν τοῦ τείχους ἦν.

Прибавка въ Ватиканской рукописи приписана на полѣ болѣе новою рукой, и въ Боннскомъ изданіи помѣщена внизу страницы между варіантами. Ср. Nicephor, De rebus post Mauric. gestis. pag. 18 ed. de Boor, 21 Bonn.

2) Mordtmann, Esquisse topographique de Constantinople (Lille, 1882), pag. 36. Ср. также приведенный въ статьѣ Х. М. Лопарева текстъ изъ Повѣсти о Өеофилѣ, изданной В. Э. Регелемъ (W. Regel, Analecta byzantino-russica, pag. 40. Визант. Врем. II, 613).

3) Mordtmann l. c. со ссылкою на хронику Симеона Магистра.

хроники Георгія Амартола (по изданію Муральта) при описаніи святыни, перенесенной нѣкогда въ Царьградъ, употребляетъ выраженія, явно заимствованныя изъ Церковнаго Слова—по свойственному этой хроникѣ пріему мозаичныхъ вставокъ. Нашему изслѣдователю было хорошо извѣстно, что есть двѣ редакціи хроники Георгія: одна первоначальная, кончающаяся 842 годомъ и составленная по общепринятому мнѣнію ранѣе 860-го года, и другая позднѣйшая распространенная и продолженная до 948-го года. Распространенія, внесенныя въ первоначальный текстъ путемъ интерполяцій, X. М. Лопаревъ, согласно съ результатами нашего изслѣдованія «о хроникѣ Логоѳета», готовъ усвоивать именно Симеону Логоѳету, жившему во второй половинѣ десятаго столѣтія. И вотъ теперь нужно было только поставить вопросъ, принадлежитъ заимствованный изъ Слова отрывокъ первоначальной редакціи хроники Георгія или же только позднѣйшей дополненной, чтобы получить ключъ къ разрѣшенію загадки. Если отголоски Слова найдутся въ первоначальной редакціи, то ясно будетъ, что Слово на положеніе Ризы сочинено ранѣе 860 года и никакъ не могло имѣть въ виду русскаго нашествія. X. М. Лопаревъ утверждаетъ, что заимствованіе въ хроникѣ изъ Церковнаго Слова сдѣлано только интерполяторомъ, а не самимъ Георгіемъ, и признаемся, этимъ насъ нѣсколько удивляетъ. Онъ имѣлъ подъ рукою наше изслѣдованіе о Логоѳетѣ и отчасти имъ воспользовался, а въ этомъ изслѣдованіи тотъ именно параграфъ хроники Георгія, въ которомъ содержится упоминаніе о перенесеніи Богородичной Ризы въ Константинополь, отмѣченъ какъ §, принадлежащій къ первоначальному составу хроники Амартола. Это есть § 11 въ обозрѣніи царствованія Льва I-го: см. Muralt, Georg. Chron., pag. 512. На стр. 106-й нашего изслѣдованія, помѣщеннаго во второмъ томѣ Византійскаго Временника, сказано: «*§ 11 принадлежитъ подобно предыдущему первоначальному тексту*». Правда, указаніе наше могло показаться голословнымъ, но его легко было провѣрить и по статьѣ де-Боора, на которую мы тамъ ссылаемся, и другими совершенно доступными путями. Если бы X. М. Лопаревъ сдѣлалъ намъ запросъ, то мы не отказались бы дать разъясненія, которыя приводимъ теперь—уже въ видѣ опроверженія. Онъ прежде всѣхъ другихъ долженъ былъ почувствовать всю важность своего заявленія по отношенію къ основной темѣ изслѣдованія; для другихъ, а въ томъ числѣ и для меня лично, она выяснилась только при внимательномъ чтеніи

уже печатнаго текста его статьи. Вотъ что я нахожу въ своихъ старыхъ замѣткахъ о разночтеніяхъ двухъ древнѣйшихъ Коаленевыхъ списковъ хроники Амартола сравнительно съ текстомъ Муральта:

Cod. Coislin. 310. Καὶ τῆς Θεοτόκου ἡ ἐσθὴς εὑρεθεῖσα ἐν Ἱερουσαλύμοις παρά τινι εὐλαβεστάτῃ γυναικὶ ἑβραΐδι καὶ παρθένῳ ἱερῶς διαφυλαττομένη καὶ ἐν Κ. Π. ἀποκομισθεῖσα ἐν Βλαχέρναις ἀπετέθη, ἔνθα ὁ βασιλεὺς ναὸν οἰκοδομήσας τῆς θεομήτορος καὶ σωρὸν ἐκ χρυσοῦ καὶ ἀργυρίου κατασκευάσας κατέθετο ταύτην. ἥτις ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη καὶ ὁ στήμων ὁμοειδὴς καὶ ὁμόχροος ἀδιάφθορός ἐστι καὶ ἀδιάλυτος, μέχρι νῦν τὸ θαῦμα τῆς ἀειπαρθένου σαφῶς κηρύττουσα.

Съ самыми ничтожными отличіями тотъ же текстъ повторяется и въ *Coislin. 305.* (Ἔνθα ὁ αὐτὸς βασιλεύς..... ἀφθάρτως вмѣсто εὐφθάρτων, ἀλώβητος вмѣсто ἀδιάλυτος). Все это опять-таки съ нѣкоторыми неважными варіантами перешло и въ позднѣйшій распространенный текстъ хроники Амартола, вовсе не составляя въ немъ новости или вставки. Можно сказать только то, что сопоставленіе содержащагося въ Словѣ описанія Ризы (§ 12 стр. 604 у Лопарева): ἡ δὲ ἐσθὴς ἡ θεία ἐξ ἐρίων εὐφθάρτων ἐξυφασμένη, καὶ ὁ στήμων γὰρ καὶ ἡ κρόκη ἐριόν ἐστι ὁμοειδὲς καὶ ὁμόχροον и т. д.—не съ Муральтовскимъ текстомъ, а съ наиболѣе древнимъ рукописнымъ — еще ярче обличаетъ взаимное ихъ родство. Итакъ, Слово написано гораздо ранѣе 860-го года, потому что слѣды его отрываются въ первоначальной редакціи хроники Георгія монаха[1]).

4) Х. М. Лопаревъ (стр. 586) пишетъ, что вопросъ объ имени автора Слова пока не можетъ считаться окончательно установленнымъ. Напрасная скромность! На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имъ собраны, вопросъ теперь можетъ быть рѣшенъ съ полною несомнѣнностью. Мы видимъ (стр. 584), что соображеніе, по которому Комбефисъ, первый издатель, приписалъ Слово *Георгію* Никомидійскому, имѣло весьма шаткую опору. Въ единственной рукописи, которая была у Комбефиса, въ заглавіи нѣтъ имени автора, а только въ оглавленіи кодекса это произведеніе помѣщено въ числѣ сочиненій Георгія — посредствомъ отмѣтки τοῦ αὐτοῦ (того же). Очень хорошо извѣстно, что такія позднѣйшія оглавленія часто бываютъ обманчивы—и нѣтъ

1) Чтобы въ Повѣсти о Ѳеофилѣ (*W. Regel*, Analecta byzantino-russica, p. 40) были заимствованія изъ церковнаго Слова, этого мы не находимъ; иначе тутъ былъ бы новый аргументъ въ пользу древности послѣдняго, ибо все царствованіе Ѳеофила въ одномъ изъ Коаленевыхъ списковъ подлиннаго Амартола изложено по Повѣсти.

нужды разъяснять, почему. Теперь Х. М. Лопаревъ приводитъ цѣлый рядъ кодексовъ, въ которыхъ Слово читается съ опредѣленнымъ именемъ автора, стоящимъ предъ самымъ началомъ текста. Въ Баварскомъ сборникѣ, въ Туринскомъ, въ трехъ Аѳонскихъ — Ватопедскомъ, Иверскомъ, Лаврскомъ—авторомъ называется *Ѳеодоръ* (пресвитеръ Великой церкви и) *Синкеллъ*. На Аѳонскіе списки указаніе дѣлается впервые—впрочемъ со ссылкою на недавно появившееся на новогреческомъ языкѣ изданіе житій святыхъ Дукаки (Синаксаристъ). Оно можетъ быть провѣрено и подкрѣплено еще болѣе новымъ каталогомъ Аѳонскихъ библіотекъ, первая часть котораго появилась въ Англіи[1]). Всюду называется Ѳеодоръ. Х. М. Лопаревъ опять пошелъ противъ своихъ лучшихъ свѣдѣній, оставаясь при старыхъ авторитетахъ, державшихся имени Георгія по традиціи и по скудости данныхъ, теперь восполненной. Онъ думаетъ, что въ числѣ извѣстныхъ ему Ѳеодоровъ, бывшихъ синкеллами, трудно было бы отыскать подходящее лице, современное тому или другому нашествію враговъ на Царьградъ и потому способное описать событіе въ качествѣ очевидца. Но несомнѣнно, есть одинъ Ѳеодоръ синкеллъ, хотя и опускаемый всѣми изъ виду, но бывшій и современникомъ и очевидцемъ аварскаго нашествія при царѣ Ираклiѣ въ 626-мъ году. Мы находимъ его въ числѣ пословъ, отправленныхъ для переговоровъ къ кагану, по его требованію, при самомъ началѣ осады. Въ *Пасхальной хроникѣ* (pag. 394 Пар. 721 Bonn.) названы пять человѣкъ: Георгій патрикій, Ѳеодосій патрикій и логоѳетъ, *Ѳеодоръ боголюбимѣйшій синкеллъ* — Θεόδωρος ὁ θεοφιλέστατος σύγκελλος — и еще двое другихъ менѣе значительныхъ: комментарисій и *секретарь*, γραμματεύς. Если относить описываемое въ Словѣ нашествіе враговъ и послѣдовавшее временное перенесеніе Влахернской святыни въ Св. Софію ко времени Ираклія, на что уже имѣются основанія въ соображеніяхъ, касающихся состоянія сѣверной городской стѣны въ разныя эпохи, то этотъ *боголюбимѣйшій* синкеллъ Ѳеодоръ и будетъ тѣмъ пресвитеромъ Великой церкви и синкелломъ Ѳеодоромъ, который именуется въ надписаніяхъ Слова на положеніе Ризы Богоматери. Кстати мы можемъ указать здѣсь другое произведеніе уже чисто историческаго характера, которое мы въ умѣ своемъ и въ рукописныхъ замѣткахъ

1) Catalogue of the Greek manuscripts of Mount Athos by *Spyr. P. Lambros*. Cambridge, 1895, I pag. 44 № 554. 24: Θεοδώρου πρεσβυτέρου μεγάλης ἐκκλησίας (Григоріата); pag. 346, № 3682, 17:—тоже самое надписаніе (Діонисіата).

давно приписывали именно Ѳеодору Синкеллу. Разумѣемъ разсказъ о той же самой осадѣ Царьграда Аварами и Персами въ 626-мъ году, своею подробностью и наглядностью изображенія лицъ и обстановки даже превосходящій тоже весьма обширную повѣсть, вошедшую въ составъ Пасхальной хроники. Разсказъ этотъ изданъ довольно давно кардиналомъ *Маи* (Nova Patrum Bibliotheca. T. VI. Romae. 1853), но обыкновенно имъ не пользуются историки, не исключая самыхъ внимательныхъ къ свидѣтельствамъ очевидцевъ[1]). И здѣсь сообщается о требованіи кагана, чтобы ему присланы были послы для выслушанія условій, на которыхъ онъ согласится пощадить городъ, но послы— въ количествѣ четырехъ — почему-то прямо не названы, трое обозначены прикровенно библейскими именами, а одинъ отмѣченъ намѣреннымъ умолчаніемъ. Молодой царь, сынъ Ираклія, остававшійся въ столицѣ при удаленіи отца для похода внутрь Персіи, послѣ совѣщанія съ патріархомъ, *посылаетъ Сомнана и Еліакима и Іоаса* (=Іосафата), *а четвертаго я охотно обойду,* такъ какъ и Езекія посылалъ

1) Подразумѣваемъ *Ranke*, Weltgeschichte B. V, 34 и *Bury*, History of later Roman empire II, 239. При этомъ случаѣ будетъ кстати сдѣлать слѣдующее замѣчаніе, не лишенное важности. Изъ сравненія отдѣльной повѣсти, которую мы приписываемъ Ѳеодору Синкеллу и которая была открыта и напечатана кардиналомъ Маи, съ несомнѣнною наглядностью обнаруживается существованіе большаго пропуска въ сказаніи Пасхальной хроники, до сихъ поръ незамѣченнаго. По совершенно отчетливымъ отмѣткамъ въ повѣсти Синкелла, осада 626-го года продолжалась десять дней начавшись во вторникъ 29 іюня (день недѣли указанъ въ сказаніи, а число мѣсяца въ Пасхальной хроникѣ). Въ Пасхальной хроникѣ разсказъ доведенъ до *понедѣльника* слѣдующей недѣли, что по повѣсти Ѳеодора Синкелла есть седьмой день осады (=4 августа); восьмой день (5 августа), на который по Ѳеодору Синкеллу падаетъ приготовленіе славянскихъ однодеревокъ, спущенныхъ потомъ въ Золотой рогъ, и девятый день (6 августа), ознаменованный упорною борьбой на сушѣ и на морѣ, совершенно пропущены въ Пасхальной хроникѣ; отъ утра понедѣльника она прямо переходитъ къ событіямъ послѣдняго дня осады, въ который по Синкеллу дѣйствительно произошло потопленіе славянскихъ судовъ въ Золотомъ Рогѣ противъ Влахернскаго храма; при этомъ въ Пасхальной хроникѣ дѣло представлено такъ, какъ будто въ понедѣльникъ (4 августа) не только спущены были и потоплены славянскія однодеревки, но послѣдовало и самое снятіе осады, которое на самомъ дѣлѣ приходится на 7-е августа, на четвергъ. Если всмотрѣться внимательнѣе, то найдутся и грамматическіе слѣды лакуны, которую приходится считать довольно обширною. На стр. 724 (Bonn.) читается слѣдующее: τῇ δὲ νυκτὶ δευτέρας (понедѣльника 4 августа) δεσπαστικῶς ἠδυνήθησαν αὐτῶν μονόξυλα διελθεῖν τὴν σκούλκαν ἡμῶν καὶ περᾶσαι πρὸς τοὺς ἐχόντασιν καὶ κατέστρεψαν πάντας τοὺς ἐν τοῖς μονοξύλοις εὑρεθέντας Σκλάβους. (Въ понедѣльникъ, когда начало свѣтать, ихъ (славянъ) однодеревки успѣли пробраться мимо нашей сторожи и переплыть на другую сторону къ... потопили и перебили всѣхъ въ славянскихъ однодеревкахъ). Очевидно, что передъ словомъ ἐχόντασιν есть пропускъ, существительное къ члену τοὺς отсутствуетъ. Пропалъ, вѣроятно, цѣлый листъ оригинальной рукописи.

трехъ къ Рапсаку Вавилонскому: τὸν γὰρ τέταρτον ἐχὼν ὑπερβήσομαι, ἐπείπερ τρεῖς καὶ Ἐζεκίας ἔστειλε πρὸς Ῥαψάκην τὸν βαβυλώνιον. Указаніе на четвертую книгу Царствъ (18, 12), откуда взяты и имена. Между тѣмъ авторъ повѣсти именно въ описаніи пребыванія пословъ у кагана говоритъ какъ очевидецъ: «*мы видѣли* какого-то ужаснаго протея, демона въ образѣ человѣческомъ, отвратительнаго по виду и по своимъ повадкамъ. Какая нечистоплотность! Какая одежда! Что за постыдныя и ужасныя рѣчи *мы слышали*» и т. д. Кто же изъ четырехъ указанныхъ лицъ былъ авторомъ, выразившимъ общія чувства? Очевидно тотъ, который намѣренно скрылъ или же выдалъ себя прозрачнымъ оборотомъ умолчанія, а что это было лице духовное, можно догадываться и по характеру его литературныхъ пріемовъ и по степени образованія, едва ли для мірскихъ сановниковъ тогда доступнаго. Къ церковнымъ сановникамъ изъ числа пословъ принадлежалъ только синкеллъ Θеодоръ[1]). И вотъ, благодаря указаніямъ въ статьѣ X. М. Лопарева, которыми онъ самъ, къ сожалѣнію, не воспользовался, мы получаемъ живое лице съ правами на то, чтобы имя его было внесено въ исторію византійской *исторической* литературы. Θеодоръ Синкеллъ есть не только авторъ Слова на положеніе Ризы, но и авторъ особаго подробнаго сказанія объ осадѣ 626-го года.

Теперь намъ остается точнѣе опредѣлить моментъ, къ которому относится Слово. Повѣсть о нашествіи безбожныхъ Аваровъ и Персовъ и постыдномъ ихъ отступленіи, изданная Маи, посвящена страшному эпизоду іюльскихъ и августовскихъ дней 626-го года, но подробности, какія сообщаются въ Словѣ, не укладываются въ тѣ же самыя рамки — ни по содержанію, ни хронологически. Затрудненія, мѣшающія пріурочивать Слово къ осадѣ 626-го года, отчасти выставлены на видъ X. М. Лопаревымъ; они становятся еще значительнѣе теперь при сличеніи Слова съ этимъ другимъ произведеніемъ того же самаго автора, такъ какъ въ семъ послѣднемъ нѣтъ ни малѣйшаго намека ни на предшествовавшее нападенію свиданіе кагана съ царемъ, ни на перенесеніе Влахернской святыни внутрь города. Не говоримъ о томъ, что въ Словѣ, конечно, разумѣется дѣйстви-

1) Если сочинитель отдѣльнаго сказанія вмѣсто пяти насчитываетъ только четырехъ пословъ, то, вѣроятно, онъ совсѣмъ не причисляетъ къ посламъ простаго *секретаря*, грамматевса. Этимъ устраняется и предположеніе объ авторствѣ сего послѣдняго, которое иначе было бы возможно.

тельно правящій государь, а въ *Повѣсти* выступаетъ на сцену обладающій титуломъ, но не властію «младшій царь» (ὁ νεώτερος βασιλεύς). Однако всѣ недоумѣнія устраняются очень просто. Не нужно забывать, что нашествіе Аваровъ на Константинополь при Ираклiѣ было не однажды, что осадѣ 626-го года предшествовалъ набѣгъ 619-го года, сопровождавшійся такими обстоятельствами, которыя достаточно могутъ объяснить мѣры, принятыя для спасенія Влахернской святыни. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ же подробныхъ сказаній объ этомъ эпизодѣ 619-го года, какъ повѣсть о 626-мъ годѣ, вставленная въ Пасхальную хронику и особое сказаніе о томъ же, изданное кардиналомъ Маи; стихотворное произведеніе Георгія Писиды объ Аварской войнѣ сосредоточиваетъ вниманіе тоже на позднѣйшемъ событіи. Вслѣдствіе того прямаго упоминанія собственно о перенесеніи Влахернской Ризы мы все-таки не встрѣтимъ, но моментъ, когда оно было весьма умѣстнымъ, можно отмѣтить и при наличныхъ данныхъ.

Вотъ что разсказываютъ составитель Пасхальной хроники и патріархъ Никифоръ въ своей исторіи, согласуясь въ общемъ и дополняя взаимно другъ друга въ подробностяхъ. Въ одиннадцатый годъ царствованія Ираклія, что соотвѣтствуетъ 619-му по Р. Х., предводитель аварской орды, наводившей въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній ужасъ на Византію, обратился къ царю Ираклію съ предложеніемъ личнаго свиданія для заключенія мира и для скрѣпленія дружбы и союза. Предложеніе было принято, назначено мѣсто для съѣзда вблизи такъ называемой *Длинной стѣны*, возведенной нѣкогда царемъ Анастасіемъ на разстояніи приблизительно 50 верстъ на западъ отъ столицы между Силиврiей (Силиври) на Мраморномъ морѣ и Деркосомъ — на Черномъ. Въ первыхъ числахъ мѣсяца іюня царь выѣхалъ изъ города, его сопровождала большая масса народа, имѣвшая совсѣмъ не воинственный, а мирный характеръ, такъ какъ состояла изъ землевладѣльцевъ и клириковъ, изъ столичныхъ лавочниковъ и рабочихъ, изъ *димотовъ* обѣихъ партій цирка; предполагалось отпраздновать радостное событіе веселымъ коннымъ ристаніемъ и другими зрѣлищами. Каганъ съ своею ордою стоялъ по ту (отъ Константинополя) сторону Анастасіевой стѣны, по близости отъ нея, въ Гераклеѣ (Ески-Эрегли); Ираклій остановился въ Силивріи, за которою начиналась стѣна. Свиданіе должно было послѣдовать въ Гераклеѣ, но оно все-таки не состоялось. Царю дали знать, что противъ него устроена

засада, что въ лѣсистыхъ и холмистыхъ мѣстностяхъ около Длинной стѣны скрываются отряды варваровъ, предназначенные для того, чтобы обойти его сзади и захватить въ плѣнъ со всею свитою. Вѣроятно и каганъ въ свою очередь догадался, что его замыселъ, если таковой существовалъ, выведенъ наружу, и что императоръ не явится. Какъ бы то ни было, въ назначенный для свиданія день — это было 5-е іюня — утромъ каганъ выѣхалъ предъ своею ордою, подалъ знакъ своимъ хлыстомъ, и вся конная масса устремилась впередъ, за Длинную стѣну, только каганъ съ немногими остался позади ея. — Императоръ подвергался крайней опасности и спасъ свою жизнь только быстрымъ бѣгствомъ, которую сами византійцы приписываютъ постыдный характеръ; онъ перемѣнилъ царскую багряницу на простое и убогое рубище бѣдняка, а царскій вѣнецъ, чтобы не потерять его, привязалъ къ локтю руки. Вслѣдъ за нимъ въ томъ же день къ вечеру враги прискакали къ Золотымъ воротамъ и начали грабежъ окрестностей, который, конечно, продолжался не одинъ день. Уведена была въ плѣнъ громадная масса мирнаго населенія, добычей непріятеля сдѣлались всѣ принадлежности готовившагося позорища. Въ части города, прилегающей къ Влахернамъ, была ограблена расположенная отъ храма Богоматери далѣе на сѣверъ церковь Св. Козьмы и Даміана. Авары обошли сѣверную оконечность Золотаго Рога въ мѣстности нынѣшнихъ Сладкихъ водъ и разбойничали по ту его сторону — въ Перѣ; унесли всю утварь изъ храма Архангела и разбили въ куски самый святой престолъ (трапезу). О томъ, какъ уцѣлѣла великая святыня близъ лежащей Влахернской церкви, въ хроникахъ ничего не сказано... Но за то совершенно понятными и ясными становятся побужденія, по которымъ авторъ Церковнаго Слова, указавъ на самоотверженіе императора въ надеждѣ на Божію помощь рѣшившагося на свиданіе съ вѣроломнымъ и свирѣпымъ врагомъ, не захотѣлъ останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ — до приближенія дикихъ полчищъ къ городскимъ стѣнамъ. Въ свою очередь его дальнѣйшія сообщенія о перенесеніи Ризы восполняютъ умолчаніе хроники и патріарха Никифора, занятыхъ преимущественно военно-политическими событіями. Такъ же какъ и другіе, Ѳеодоръ Синкеллъ хорошо былъ знакомъ съ разноплеменнымъ составомъ арміи аварскаго кагана и самъ въ другомъ сочиненіи говорилъ о славянахъ, находившихся подъ его державою. Отъ того каганъ у него — вождь столькихъ народовъ: καθηγούμενος τοσούτων ἐθνῶν. Подъ патріархомъ ра-

зумѣется Сергій, единогласно прославляемый всѣми, какъ свѣтильникъ вѣры и церкви. Все прочее не требуетъ объясненій.

Какъ мы теперь узнаемъ изъ недавно изданнаго древняго Типика (Устава) Константинопольской Великой церкви въ пятый, день іюня совершалась церковная литія въ воспоминаніе варварскаго нашествія[1]): набѣгъ 619-го года, значитъ, оставилъ по себѣ долгую память. Но послѣдованіе объ одеждѣ Пресвятой Дѣвы, хранящейся во Влахернахъ, относится и здѣсь, и въ другихъ подобныхъ книгахъ къ 2-му дню іюля, при чемъ объяснительное сказаніе гласитъ только о первоначальномъ положеніи Ризы при царѣ Львѣ. Литія совершается въ церкви *Св. Лаврентія* и затѣмъ во Влахернскомъ храмѣ[2]), какъ это было и при второмъ положеніи въ 619 году. Слѣдовательно, Риза Богоматери оставалась въ храмѣ Св. Софіи въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, въ чемъ нѣтъ ничего страннаго. Что касается 25-го іюня, то въ этотъ день воспоминалось спасеніе города отъ Сарацинскаго нашествія, когда враги окружили городъ съ суши и моря. Къ русскому нашествію тутъ едвали есть какое отношеніе: чтеніе Σαρακινῶν καὶ τῶν Ῥοῦν[3]) во второй части скорѣе всего простая неисправность рукописи, долженствующая исчезнуть, когда отыщется лучшій манускриптъ. Не нужно увлекаться такими сомнительными призраками.

Прибавимъ, что во второе аварское нашествіе при Ираклiѣ Риза Богоматери, повидимому, оставлена была на своемъ мѣстѣ, несмотря на то, что стѣны, ограждающей Влахернскій храмъ, еще не было. Правда, что при дошедшихъ до него извѣстіяхъ о новой опасности, угрожавшей столицѣ съ сѣвера, царь Ираклій, находившійся въ отдаленіи, рекомендовалъ въ числѣ прочихъ мѣръ — устройство рвовъ и палисадовъ и даже возведеніе *новой стѣны* (Георгій Писида), но послѣднее требовало времени, которое нашлось только послѣ осады. Въ *Пасхальной хроникѣ* прямо замѣчено, что и на сей разъ была сожжена церковь Козьмы и Даміана во Влахернахъ и церковь Св. Николая; что же касается храма Богородицы и Св. Раки, то враги, хотя и вошли въ храмъ, но не сдѣлали никакого вреда[4]); объясняется это заступленіемъ Св. Дѣвы, *такъ благоизволившей*.

1) А. Дмитріевскаго, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ Православнаго Востока. Томъ I. Τυπικά. Часть первая, стр. 78—79. Кіевъ, 1895.

2) Тамъ же, стр. 86.

3) Тамъ же, стр. 83.

4) Chron. Paschal. p. 397 Paris. 726 Bonn.

В. Васильевскій.

О Тайной Исторіи Прокопія.

(Продолженіе) [1].

II.

Переходя къ вопросу о цѣнности Тайной Исторіи какъ источника, разложимъ ея текстъ на отдѣльныя извѣстія и затѣмъ сгруппируемъ ихъ систематически. Полученный такимъ путемъ обширный и разнообразный матеріалъ распадается по своему содержанію на два отдѣла: на извѣстія о фактахъ, подходящихъ подъ категорію политическихъ, во-2-хъ, на извѣстія объ управленіи и законодательствѣ и, въ-3-хъ, на извѣстія, характеризующія бытъ и нравы современнаго Тайной Исторіи общества. Для повѣрки извѣстій второй категоріи существуютъ сравнительно богатыя и достовѣрныя данныя. Факты чисто политическіе находятся въ худшемъ положеніи. Оставляя въ сторонѣ исторію войнъ Юстиніана, политическія отношенія внутри государства извѣстны изъ сравнительно скудныхъ современныхъ и изъ позднѣйшихъ хроникъ и хронографовъ, мало достовѣрныхъ въ тѣхъ своихъ немногихъ извѣстіяхъ, которыя могутъ считаться самостоятельными; къ нимъ присоединяются болѣе или менѣе попутныя извѣстія литературныхъ источниковъ другого рода. Законодательство молчитъ о многихъ интересныхъ фактахъ. Поэтому до сихъ поръ многое, и весьма существенное, изъ области политическихъ отношеній той эпохи остается не яснымъ, и, вѣроятно, нѣкоторымъ явленіямъ суждено остаться не разъясненными при существующихъ данныхъ. Къ такимъ темнымъ вопросамъ политической исторіи VI в. слѣдуетъ отнести, напримѣръ, отношенія самодержавной власти къ сенаторскому сословію.

---

1) См. Визант. Врем. II, стр. 24 сл., 340 сл.

Всѣ извѣстія Тайной Исторіи о фактахъ этой первой категоріи могутъ быть сведены въ нѣсколько группъ, имѣющихъ предметомъ слѣдующія крупныя явленія политической жизни: вступленіе и характеръ политики Ѳракійской династіи, историческую роль императрицы Ѳеодоры, отношенія Юстиніана и Ѳеодоры къ высшимъ классамъ общества, междоусобія партій Венетовъ и Прасиновъ, изъ области церковной политики преслѣдованія еретиковъ, наконецъ, внѣшнюю политику Юстиніана и его войны. Прежде всего обратимся къ Тайной Исторіи за разъясненіемъ причинъ, вызвавшихъ возведеніе Юстина I на императорскій престолъ.

Умирая, Анастасій оставилъ страну среди религіозныхъ и политическихъ междоусобій. Раздраженіе сектаторовъ усилилось, благодаря вмѣшательству государственной власти: агитація Ксенайи, Севера, Максентія волновала общество; престолу угрожалъ патрицій Виталіанъ, политическій глава православной партіи [1]). Правительство Юстина рѣшительно стало на сторону защитниковъ Халкидонскаго собора и успѣло водворить въ церкви внѣшній порядокъ, примирившись съ Римомъ и преслѣдуя еретиковъ [2]). Въ хроникахъ Юстинъ является ревнителемъ православія, и этимъ его вспоминало отдаленное потомство [3]). Такъ же быстро справилось новое правительство со своими политическими врагами. Источники передаютъ объ убійствѣ Виталіана и Амантія, какъ о фактахъ политическаго значенія. Правительство Юстина преслѣдовало внутреннія междоусобія партій и развило болѣе энергичную внѣшнюю политику, доведя дѣло до разрыва съ Коадомъ. Поэтому естественно предположить, какъ это дѣлаетъ Ранке, что правительство имѣло во главѣ крупную личность, опираясь, въ тоже время, на большія общественныя силы. Родомъ Ѳракіецъ (по другимъ источникамъ Иллиріецъ, какъ и Анастасій), Юстинъ выслужился изъ солдатъ и достигъ званія сенатора [4]) и comes

1) *Mommsen*, Hermes VI 349 слл. *Loofs*, Leontius von Byzanz (Gebhardt und Harnack, Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur III 1, 2), стр. 244 слл. *Rose*, Die Byzantinische Kirchenpolitik unter Kaiser Anastasius I. Progr. Wohlau. 1888.

2) Ср. Cyrillus Scythopolitanus, Vita S. Sabae, p. 356 изд. Помял. Mansi, Concilia, t. VIII. Cod. Justin. passim.

3) Ἰουστῖνος ὁ γέρων... ἦτον ἄνδρας χριστιανικώτατος· καὶ εὐσεβής· ζηλωτὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως. Хронографъ (Дамаскина Студита?) изъ библ. Русскаго на Аѳонѣ Пантелейм. мон., № 266, л. 88 об.

4) ἀπὸ στρατιωτῶν ἀρξάμενος καὶ μέχρι τῆς συγκλήτου προκόψας. Cramer, Anecdota Oxoniensia, II. 108.

excubitorum. Анастасій получилъ престолъ благодаря, отчасти, браку съ Аріадной, Юстинъ ничѣмъ не былъ связанъ съ домомъ Ѳеодосія. Онъ не имѣлъ знатнаго родства, не былъ ни патриціемъ, ни первымъ сановникомъ государства[1]) и не имѣлъ за собою особыхъ подвиговъ. До воцаренія его имя попадается въ источникахъ два раза: въ извѣстіяхъ о походѣ на Исавровъ въ 492 г. и въ эпизодѣ изъ борьбы Анастасія съ Виталіаномъ[2]). Между тѣмъ Юстинъ отстранилъ отъ престола многочисленныхъ и вліятельныхъ родныхъ Анастасія[3]), поступавшихъ самостоятельно въ вѣроисповѣдныхъ распряхъ[4]). Послѣ того Юстинъ справился съ грознымъ Виталіаномъ. Нельзя объяснять его побѣду союзомъ съ защитниками Халкидонскаго собора: Виталіанъ являлся защитникомъ православія противъ Анастасія и ему именно приписываютъ нѣкоторые источники преслѣдованіе еретиковъ въ началѣ правленія Юстина, пока онъ не былъ убитъ. Нельзя видѣть въ успѣхѣ Юстина какое-либо торжество варварскаго элемента: Виталіанъ опирался на армію изъ Гунновъ и Ѳракійскихъ племенъ и названъ хроникою «Скиѳомъ»[5]). Всего менѣе основаній видѣть въ воцареніи Юстина реакцію старыхъ политическихъ и культурныхъ началъ. Дворцовая революція остается подходящимъ объясненіемъ, и дѣйствительно, всѣ источники связываютъ вступленіе Юстина съ интригами Амантія, praepositus santi cubiculi.

Юстинъ не принесъ съ собою торжества извѣстнаго политическаго начала: случайныя обстоятельства вознесли его на престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его правленіе не было самостоятельнымъ. Источники говорятъ о послѣдовательныхъ вліяніяхъ Виталіана, квестора Прокла и племянника императора, Юстиніана.

Извѣстія Тайной Исторіи о Юстинѣ дополняютъ и освѣщаютъ скудныя данныя хроникъ. Прежде всего имѣютъ свою важность ея извѣстія о происхожденіи новой династіи. Послѣ того, какъ изслѣдованіе Брайса открыло темный источникъ извѣстныхъ ссылокъ Але-

---

1) О comes excubitorum см. прим. Эвальда къ Epist. Gregorii M. (Monum. Germ.), I 31.

2) Joann. Antioch. Fragmenta (Mueller, Fragm. hist. Graec. V, 1, p. 30, 34). Theoph. s. a. 5985.

3) Pers. I c. 11 in. Evagr. IV c. 1.

4) Vita s. Sabae p. 318—320 Пом. Theoph. s. a. 6005, ed. Boor p. 158, 159. Anastas. Biblioth. Hist. tripertita ed. Boor II 125—126.

5) Marcellini Comitis Chronicon s. a. 519. (*Mommsen*, Chronica minora II fasc. I, 1893).

манна[1]), Тайная Исторія болѣе другихъ источниковъ даетъ по этому вопросу. Родина Юстина и Юстиніана извѣстна также изъ другихъ источниковъ[2]); національность ихъ остается не извѣстной[3]), потому что одни источники (какъ и Тайная Исторія) называютъ Юстина Ἰλλυριός, другіе Θρᾷξ, т. е. именами провинцій, а не національностей. Тайная Исторія[4]) открываетъ свои извѣстія о Юстинѣ классическимъ анекдотомъ о трехъ Иллирійцахъ, пришедшихъ въ столицу искать счастья[5]),—этой страницей пользуются для своего изложенія и тѣ историки (Ранке), которые вообще не довѣряютъ Тайной Исторіи. Этотъ разсказъ представляетъ на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ (имена, хронологія, походъ 492 г.) наросшую легенду (чудесное избавленіе Юстина)[6]). Съ этой точки зрѣнія и интересенъ разсказъ Тайной Исторіи, являясь первой по времени записанной легендой изъ круга тѣхъ, которыми окружило Юстиніана послѣдующее время, и въ то же время характеризуя тенденцію Тайной Исторіи. Объ обстоятельствѣ восшествія Юстина на престолъ Тайная Исторія не говоритъ и не ставитъ этотъ фактъ въ связь съ дѣломъ Амантія, вопреки другимъ источникамъ. Повидимому Прокопій полагаетъ, что Юстинъ безъ труда занялъ престолъ, благодаря своему положенію[7]). Между тѣмъ Малала, Пасхальная хроника, Θеофанъ, позднѣйшія excerpta[8]) говорятъ, что Амантій далъ деньги Юстину для подкупа солдатъ, которые предпочли самого Юстина кандидату Амантія. Евагрій и Зонара прямо говорятъ[9]), что Юстинъ обманулъ Амантія (это имѣетъ свою важность для опредѣленія предполагаемой зависимости Евагрія отъ Тайной Исторіи). Въ виду тенденціи Тайной Исторіи, ея молчаніе о подобномъ фактѣ замѣчательно, хотя не можетъ поколебать преданія другихъ источниковъ. Если Марцеллинъ и посланіе Юстина къ папѣ Гормиздѣ[10]) говорятъ объ избраніи сенатомъ, то по-

1) *James Bryce*, Life of Justinian by Theophilus. The English Historical Review 1887, 657—684. *А. Васильевъ*, Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. Византійскій Временникъ I, 469—492.

2) Nov. de privilegiis episcopi Primae Justinianae (Zach. XIX); Aedif. IV c. 1 p. 266.

3) Joh. Antioch. fr. Mueller, VI, p. 31 и примѣчаніе Ш. Мюллера.

4) An. p. 43.

5) Приведенное Алеманномъ мѣсто «ex veterum scriptorum collectaneis» относится къ Юстину сыну Германа и взято изъ Агаθія. Agath. IV., p. 252—5 Bonn.

6) Ср. An. 44$_3$ съ Cedren. I, p. 635 Bonn.

7) Ср. Evagr. IV c. 1: πάσης ὑπέρτερον ἐλπίδος.

8) Cramer, II 318.

9) Evagr. IV c. 2. Zonar. XIV 5, p. 267 Dind.

10) Mansi VIII, p. 434.

слѣднее было оффиціальной формой вступленія на престолъ[1]). Невольное, въ виду тенденціи Тайной Исторіи, умолчаніе объ интригѣ Юстина можетъ найти объясненіе въ понятіи Прокопія о крайней неспособности и дряхлости Юстина, въ противоположность энергіи его преемника. Антитетически задуманныя и гиперболически выраженныя представленія характеризуютъ автора Тайной Исторіи и объясняютъ его нерѣдкія неточности во второстепенныхъ фактахъ: съ этимъ не разъ придется встрѣтиться. Извѣстно изъ другихъ источниковъ[2]), что при вступленіи Юстинъ былъ старъ, необразованъ, неграмотенъ[3]), и находился подъ постороннимъ вліяніемъ. Религіозная или церковная политика первыхъ лѣтъ приписывается Виталіану[4]). Вліяніе Прокла квестора распространялось на внѣшнія отношенія государства[5]). О вмѣшательствѣ Юстиніана, подъ конецъ устранившаго Юстина отъ управленія, скажемъ ниже. Но Тайная Исторія заходитъ далеко въ своихъ отзывахъ о способностяхъ и управленіи Юстина. По ея словамъ, онъ не могъ сдѣлать своимъ подданнымъ ни добра, ни зла[6]). Вступивъ на престолъ близкимъ ко гробу старикомъ[7]), онъ не былъ въ состояніи справиться съ дѣлами, самъ ничѣмъ не распоряжался и утверждалъ все, что ему подавали[8]). Онъ не обращалъ вниманія на злодѣйства политическихъ партій[9]). Онъ «былъ страшно глупъ и совершенно похожъ на лѣниваго осла. Ему подъ стать было бы тащиться на уздѣ, потряхивая своими ушами»[10]). Онъ былъ простъ и не образованъ для царскаго престола. Онъ ничего не умѣлъ сказать и велъ себя совсѣмъ по деревенски[11]). Этотъ императоръ ничему не учился и не умѣлъ подписать своего имени, чего, по выраженію Тайной Исторіи, не бывало прежде съ Римлянами[12]). Для подписи подкладывали деревянныя буквы ιυsτ и по нимъ водили рукою Юстина.

1) Ср. Chron. Pasch., p. 611: στρατὸς ἅμα τῷ δήμῳ στέψαντες ἐποίησαν βασιλέα. Тоже Mal. 410, за нимъ Theoph. s. a. 6011.

2) Cramer. II 108 и др.

3) Malal. 410: ἀγράμματος δέ.

4) Theoph. s. a. 6011.

5) Pers. I, p. 52—53. Theoph. s. a. 6013. Cp. Nov. J. de adjutoribus quaestoris XXVII Zach.

6) An. 45_{9}.

7) An. 44_{10} τυμβογέρων γεγονὼς ἤδη.

8) Ibid.

9) An. 53_{11}.

10) Ibid.

11) An. p. 45_{10} εὐηθείᾳ γὰρ πολλῇ εἴχετο, ἄγλωττός τε (т. е. βάρβαρος) ὢν καὶ ἀγροικιζόμενος μάλιστα.

12) An. 44_{10}.

«Вышедшій изъ ума и совершенно дряхлый», онъ вызывалъ смѣхъ у своихъ подданныхъ [1]). Всѣ относились къ нему съ пренебреженіемъ, такъ какъ онъ «ничего не смыслилъ» въ дѣлахъ [2]). Его жена была низкаго происхожденія. Она должна была перемѣнить свое имя (Лупикины) на другое, болѣе благозвучное. Будучи строгихъ нравовъ, она не могла возвыситься до добродѣтели и пониманія государственныхъ дѣлъ по своему варварству [3]). Насколько можно допустить эти рѣзкіе отзывы Прокопія въ историческомъ изложеніи, представляется дѣломъ вкуса. Это — впечатлѣніе, основанное на возможной фактической подкладкѣ. О болѣзненномъ состояніи Юстина въ послѣдніе годы его жизни говорятъ, впрочемъ, другіе источники [4]). Въ такихъ случаяхъ полезнѣе задаться вопросомъ, изъ какихъ круговъ общества исходитъ этотъ взглядъ, выраженный Тайной Исторіей. Осуждая Юстина за варварство, Прокопій говоритъ съ римской точки зрѣнія. Нападая на его безграмотность, Прокопій говоритъ, какъ образованный человѣкъ. Указывая на неспособность Юстина справляться съ дѣлами и съ достоинствомъ носить царскій санъ, Прокопій выражаетъ мнѣніе государственныхъ людей. Интересно, что чиновникъ вѣдомства praef. praet. Іоаннъ Лидіецъ оставилъ подобный же отзывъ о способностяхъ Юстина [5]).

При такомъ монархѣ должна была возрасти власть высшихъ сановниковъ. По извѣстію того же Лида они расхитили собранную Анастасіемъ казну [6]). Прокопій, какъ увидимъ ниже, приписываетъ это Юстиніану. Сильнымъ лицомъ того времени былъ, напримѣръ, Проклъ quaestor palatii. Къ нему относятся нѣсколько извѣстій въ Тайной Исторіи. Источники упоминаютъ о Проклѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ представителей людей стараго образа мыслей. Интересно его политическое profession, вложенное ему въ уста Прокопіемъ [7]). Проклъ давалъ совѣты по внѣшней политикѣ и высказывался самостоятельно и въ то время, когда Юстиніанъ сталъ фактическимъ главою государства. Тайная Исторія [8]) приписываетъ ему заступничество въ по-

1) An. 66_{11}.
2) An. 45 и 66.
3) Ibid.
4) Zon. XIV, 5, p. 269. Theoph. a. 6019.
5) Lydus de mag. III c. 51, p. 240 Hase: ἀνὴρ δὲ ἦν ἀπράγμων καὶ μηδὲν ἁπλῶς παρὰ τὴν τῶν ὅπλων πεῖραν ἐπιστάμενος.
6) Lydus ibid., An. 53.
7) Pers. I 52. См. выше.
8) An. 65.

литическомъ процессѣ pr. urbi Θеодота, случившемся не ранѣе 527 г.[1]). По словамъ Тайной Исторіи Проклъ рѣшалъ всѣ дѣла своею волей[2]). Ниже будетъ случай замѣтить, что въ VI в. квестура усиливается въ ущербъ вѣдомству praef. praet. Ослабленіе надзора со стороны царской власти должно было вызвать борьбу изъ за власти около трона императора. Эта борьба скоро окончилась торжествомъ Юстиніана. Дому Юстина угрожали два лица: Амантій и Виталіанъ. Одинъ былъ немедленно обвиненъ и казненъ, другой погибъ насильственною смертью въ самомъ дворцѣ. Извѣстіе Тайной Исторіи о казни Амантія стоитъ вниманія[3]). Во первыхъ Прокопій приписываетъ ее Юстиніану, вопреки другимъ источникамъ. Съ другой стороны онъ сообщаетъ новыя детали. Передъ нами примѣръ того, что зная фактъ, какъ современникъ, авторъ Тайной Исторіи тенденціозно объясняетъ его преступленіемъ Юстиніана. Тайная Исторія говоритъ, что Амантій былъ осужденъ за оскорбленіе патріарха Іоанна Каппадока; сопоставляя это съ извѣстіемъ Марцеллина — лучшимъ объ этомъ фактѣ[4]), — видимъ, что процессу Амантія былъ приданъ характеръ религіозный. Это слѣдуетъ замѣтить. Наконецъ изъ этого мѣста Тайной Исторіи видно, что въ представленіи Прокопія власть Юстиніана началась тотчасъ по вступленіи Юстина[5]). Это важно для даты Тайной Исторіи. Другое извѣстіе Тайной Исторіи[6]) относится къ убійству Виталіана, который призналъ Юстина, занялъ второе мѣсто въ государствѣ и получилъ на 520 годъ консульство[7]). Въ этомъ году онъ былъ убитъ во дворцѣ. Руководясь правиломъ is fecit cui profuit, слѣдуетъ дать перевѣсъ извѣстію Тайной Исторіи и хроники Виктора Тоннонскаго[8]), обвиняющимъ Юстиніана въ убійствѣ,

---

1) Cod. J. IX 19_6 Theodoto praefecto urbi. Dat. kal. Dec. Olybrio cons. (526).

2) An. 44_{17}.

3) p. 46_{12}.

4) Marcell. s. a. 519: Manichacorum fautores et Justini Augusti... proditores. Cf. Chron. Pasch. p. 612.—Malal. 410. Theoph. a. 6011. Evagr. IV c. 1. Vict. Tunon. s. a. 519. Cramer, II 318.

5) οὔπω δεκαταῖος εἰς τὴν δύναμιν γεγονὼς Ἀμάντιον... ἔκτεινεν... καὶ ἀπ' αὐτοῦ φοβερώτατος γέγονεν ἀνθρώπων ἁπάντων.—Cp. Mal. ἢ μόνον ἐβασίλευσε (Ἰουστῖνος). Evagrius: αὐτίκα.

6) An. p. 46_{17}.

7) Marcell. s. a. 520.

8) An. 46. Victor Tonnonensis Chronica s. a. 523 ed. Mommsen: Vitalianus C-li intra palatium loco, quod δελφακα Graeco vocabulo dicunt, Justiniani patricii factione dicitur interfectus fuisse. Cp. Ev. IV c. 3. Zon. p. 267. Marc. s. a. 520. Mal. 412. Theoph. a. 6012. Cramer. II 318. *Loofs*, Leontius von Byzanz, 259, другого мнѣнія. «Justinian's Schuld scheint sehr zweifelhaft, denn Evagrius ist von der hist. arcana abhängig (ссылка

надъ умолчаніемъ другихъ источниковъ и надъ оффиціозной версіей третьихъ, приписывающихъ убійство народному раздраженію противъ Виталіана за его кровавую борьбу съ Анастасіемъ. Этотъ фактъ произвелъ на современниковъ тяжелое впечатлѣніе [1]): хроники называютъ Виталіана δολοφονηθείς. Тайная Исторія отмѣтила вѣроломный [2]) характеръ убійства и приписала его, вмѣстѣ съ Викторомъ, Юстиніану, который, видимо, вышелъ къ этому времени изъ «candidata militia» [3]).

Послѣ убійства Виталіана источники отмѣчаютъ безусловное вліяніе Юстиніана въ государственныхъ дѣлахъ. Съ этихъ поръ можно считать его фактическое правленіе [4]). Имѣя въ это время званіе патриція и санъ comes domesticorum, въ слѣдующемъ году Юстиніанъ получилъ консульство, далѣе санъ magister militum, титулъ nobilissimus и наконецъ 1 апрѣля 527 года былъ объявленъ соправителемъ Юстина [5]). Но авторъ Тайной Исторіи полагаетъ, что Юстиніанъ началъ фактически править государствомъ съ воцаренія Юстина [6]). Въ его представленіи повидимому стерлась разница между первыми и послѣдними годами царствованія Юстина. Такое неточное представленіе о всемъ времени Юстина Прокопій высказалъ въ попутномъ замѣчаніи «Вандальскихъ Войнъ» [7]). Кажется, таковъ былъ оффиціальный взглядъ въ царствованіе Юстиніана [8]). По понятію автора Тайной Исторіи власть Юстиніана была съ самаго 518 г. всемогущая: онъ распоряжался должностями, казною и ему никто не смѣлъ противорѣчить [9]). Только та была разница, что до 527 г. онъ былъ тиранномъ, а съ этого года прикрылъ свои насилія саномъ самодержца [10]).

на Jeep'а, ср. Виз. Врем., т. II, стр. 48—49), der historia arcana ist nicht zu trauen, und Victor giebt seine Behauptung ausdrücklich als ein Gerücht».

1) Evagr. IV., c. 3.

2) An. 46. Ср. Victor Tonn. a. a. 522: sacramento suscepto. Hermes VI, p. 375: μετὰ παρακλήσεως καὶ ὅρκων. Ср. Alem. ad. l.

3) Ср. *Ludewig*, Vita Justiniani Magni. Halae Salicae. 1731, p. 144.

4) Mansi, Concilia, VIII 438. Zonar. XIV c. 5, p. 269 Dind. Zach. Nov. J. LXVI α'. Vict. Tonn. a. 520, 523, 525, Marc. a. 521, 527. Vita Sabae, 386.

5) Ср. Anecd. 67.

6) An. 45_{11}. Ср. pp. 45—58 и 63—67.

7) Vand. I, p. 350.

8) Aedif. I c. 3 и c. 4 p. 190.

9) An. p. 53. 45_{12} sqq. 64—65. 67_{2}.

10) An. 66_{22}. Къ числу тѣхъ мѣстъ Тайной Исторіи, гдѣ говорится о захватѣ Юстиніаномъ распоряженія государственными финансами еще при Юстинѣ (см. Визант. Врем., т. II, стр. 53), прибавляется одно, извлеченное г. Крашенинниковымъ изъ cod. Pinellianus, отысканнаго имъ въ Миланѣ: ἐπὶ μέντοι Ἰουστίνου ἔτη ἐννέα τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος τούτου Ἰουστινιανοῦ ξύγχυσίν τε καὶ ἀκοσμίαν τῇ πολιτείᾳ προσ-

Перейдемъ ко второму поставленному вопросу: къ разбору извѣстій Тайной Исторіи о политической роли императрицы Ѳеодоры. Единственныя въ своемъ родѣ извѣстія нашего источника о ея личности и прошломъ[1]) весьма извѣстны и окружены всеобщимъ недовѣріемъ[2]). Между тѣмъ, противъ нихъ могутъ быть предложены только два аргумента: молчаніе другихъ источниковъ (особенно Евагрія, ср. Mallet 15—16) и невѣроятность ихъ содержанія. Первый аргументъ теперь рушился съ опубликованіемъ латинскаго перевода Записокъ о восточныхъ святыхъ монофизита Іоанна, епископа Ефесскаго[3]). Что касается невѣроятности этихъ городскихъ сплетень, то насколько онѣ допустимы—при существующихъ данныхъ является дѣломъ личнаго

τριψαμένου. Визант. Врем., т. II, стр. 421. Столь же цѣнно малоизвѣстное мѣсто изъ обширныхъ полемическихъ трудовъ Леонтія Византійца, на которое обратилъ вниманіе Лоофсъ, занимаясь вопросомъ объ интерполяціяхъ въ текстѣ сочиненій Леонтія (Loofs, Leontius von Byzanz, 146—147): ἀποθανόντος δὲ Ἀναστασίου γίνεται βασιλεὺς Ἰουστῖνος ὁ πρῶτος, καὶ ὡς μετὰ ἕνα ἥμισυ ἐνιαυτὸν εὐθέως Ἰουστινιανός. Τούτου δὲ βασιλεύοντος καὶ τῶν συνοδιτῶν ὄντος, φοβηθεὶς ὁ Σεβῆρος φεύγει εἰς τὴν Ἀλεξάνδρειαν. Leont. Byz. de sectis act. V. Migne, Patr. Gr. 86, col. 1229 C. Считая невозможнымъ, чтобы Леонтій, будучи современникомъ, могъ написать, что Юстинъ царствовалъ лишь $1^1/_2$ года и что бѣгство Севера случилось въ царствованіе Юстиніана, Лоофсъ былъ бы склоненъ предположить порчу текста и читать ἐννέα καὶ ἥμισυ вмѣсто ἕνα ἥμισυ, «allein damit», замѣчаетъ онъ самъ, «wäre wenig geholfen. Dass durch das εὐθέως Ἰουστινιανός das ἕνα geschützt scheint, will ich nicht betonen, jedenfalls aber bleibt der Irrthum stehen, dass des Severus Flucht in die Zeit Justinians gesetzt wird, ja der Irrthum wäre grösser, wenn in ἕνα ἥμισυ ein Textfehler vorläge». Лоофсъ видитъ только одинъ выходъ изъ затрудненія: признать это мѣсто позднѣйшей вставкой.

1) An. c. 9 и pp. 82. 102—3.

2) Débidour, L'impératrice Théodore. Paris, 1885. Mallet, The empress Theodora въ The Engl. hist. rev. 1887, p. 1—20. Houssaye. Aspasie, Cléopâtre, Théodora. Ed. 5 Paris, 1890.

3) Ioannis episcopi Ephesi commentarii de beatis orientalibus ed. van Douwen et Land. Amstelodami. 1889, p. 68: Eo igitur periculo S. Maras coactus est Stephanum virum praestantissimum diaconum suum et notarium in Urbem Regiam mittere si forte precibus a Deo suggestis officere posset ut locum (exilii) mutarent. Postquam vero ille ascendit, Deus optimus qui ut ait divus Apostolus: verax est et iustus nec sinit nos supra vires tentari, Stephanum virum egregium duxit ad Theodoram τὴν ἐκ τοῦ πορνείου, quae illo tempore patricia erat, tandem vero etiam cum I-no rege regnavit. Haec igitur illa aerumna cognita, quum providentia Dei qui Sancti miseriam aspexerat, misereretur, Iustinianum ducem exercitus (magistrum militum?) et patricium ac filium sororis Regis summo opere oravit, ut avunculum rei certiorem faceret, qus auctore afflicti animum reciperent; id quod etiam lacrimis ipsa impetravit. Tum... mandatum (κέλευσις) editum est, ut irent Alexandriam.

Banduri Imperium Orientale sive antiquitates Constantinopolitanae. Parisiis 1711. Fol. Tom. I. Pars III: Anonymi Antiquitatum C-rum liber III. P. 47: τὸν δὲ ἅγιον Παντελεήμονα ἔκτισε Θεοδώρα ἡ γυνὴ Ἰουστινιανοῦ τοῦ μεγάλου, ὅτε ἦλθεν ἀπὸ Παφλαγονίας· ἐκεῖσε ἐν τῷ ἐμβόλῳ ἔκειτο ὡς πτωχή· καὶ ἔνηθεν ἔρια καὶ ἐπώλει αὐτὰ καὶ οὕτως ἔζη. μετὰ δὲ τὸ βασιλεῦσαι ἔκτισε τὸν ναόν. Слова ὅτε ἦλθεν ἀπὸ Παφλαγονίας соедин. съ слѣдующими ἐκεῖσε... ἔκειτο.

вкуса. Здѣсь примѣнимо сужденіе Гиббона: «of those stranges anecdotes a part may be true, because probable, and a part true — because improbable». Во всякомъ случаѣ матерьялъ этотъ имѣетъ большую цѣну для исторіи нравовъ эпохи. Болѣе значенія имѣютъ извѣстія Тайной Исторіи о положеніи Өеодоры въ государствѣ. Во всякомъ случаѣ это та группа извѣстій Тайной Исторіи о Өеодорѣ, гдѣ работа исторической критики можетъ оказаться плодотворной.—По поводу брака Юстина съ Өеодорой Прокопій говоритъ о законѣ, изданномъ по этому именно случаю и разрѣшавшемъ сенаторамъ обручаться съ актрисами. Алеманнъ пріурочилъ къ этому извѣстію указъ Демосөену pr. pr., помѣщенный въ титулѣ de nuptiis[1]). Этотъ законъ относили къ Юстиніану, опираясь на чтеніе его inscriptio, но онъ принадлежитъ Юстину. Алеманнъ приводитъ этотъ указъ не только въ видѣ комментарія къ словамъ Тайной Исторіи, но и для того, чтобы доказать справедливость ея извѣстія, что Өеодора была актрисой. Противники (Дебидуръ и др.) возражали съ полнымъ правомъ, что этотъ указъ не даетъ основанія предполагать за нимъ такое спеціальное назначеніе: онъ является однимъ изъ ряда подобныхъ, клонившихся къ облегченію участи женщины — черта законодательства эпохи. Вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на Алеманна, а на Прокопія: онъ самъ упомянулъ выше[2]), что Өеодора еще до брака получила санъ патрикіи, что подтверждаетъ и только что приведенное мѣсто Іоанна Ефесскаго. Слѣдовательно, ко времени брака Өеодора уже не была актрисой и законъ Cod. V 4_{23} до нея не относится. Прокопій не одинъ разъ объясняетъ законы личными мотивами законодателя[3]).

О положеніи Өеодоры въ государствѣ возможны двѣ гипотезы. Или она дѣйствовала черезъ Юстиніана и сановниковъ, обладая почетными прерогативами коронованной Августы, или она имѣла право и возможность дѣйствовать въ государственныхъ дѣлахъ своею властью. Дальнѣйшимъ вопросомъ, въ случаѣ выбора второго предположенія, являлось бы изученіе, чѣмъ вызывалась и на чемъ основывалась самостоятельная политическая роль Өеодоры и насколько она объясняется извѣстіями Тайной Исторіи. Отрывочныя данныя другихъ источниковъ теряются въ сравнительно богатомъ, но труд-

1) Cod. J. V 4 de nuptiis, 23. Cp. Krüger ad l.
2) An. p. 63_{20}.
3) Cp. p. 155.

номъ для оцѣнки матерьялѣ Тайной Исторіи. На Θеодору было обращено особенное вниманіе автора. Онъ ненавидитъ ее едва-ли не больше, чѣмъ Юстиніана. Бракъ съ Θеодорой является для автора лучшимъ показателемъ нравственной испорченности Юстиніана[1]). Въ виду этого, слѣдуетъ особенно остерегаться извѣстной привычки Прокопія придавать личной дѣятельности героя большее значеніе, чѣмъ она могла имѣть. Авторъ Тайной Исторіи не обращаетъ вниманія на точную форму факта (которая насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ), но на своемъ неточномъ, житейскомъ языкѣ передаетъ факты по существу. Въ отношеніи къ Θеодорѣ встрѣчаются примѣры, гдѣ эта неточность оставляетъ странное впечатлѣніе[2]).

Разсказывая о возмущеніи войска Хозроя во время опаснаго похода въ Лазику[3]), Тайная Исторія передаетъ, будто бы Хозрой прочиталъ войску письмо отъ Θеодоры къ сатрапу Забергану, въ которомъ Θеодора указывала на свое вліяніе въ государствѣ, предлагала Забергану склонить Хозроя къ миру. Хозрой стыдилъ войско, указывая, что государство ихъ враговъ управляется женщиной[4]). Въ этомъ пассажѣ обнаруживается характерный для автора «Войнъ» способъ выраженія своей мысли обинякомъ: въ письмахъ и рѣчахъ Прокопій часто выражаетъ свои убѣжденія. (Въ пяти первыхъ главахъ Тайной Исторіи встрѣчаются эти слѣды традиціонныхъ историческихъ пріемовъ—два письма и двѣ рѣчи). Во всякомъ случаѣ, судя по этому мѣсту, Прокопію было извѣстно, что Θеодора вмѣшивается во внѣшнюю политику и фактически правитъ государствомъ (преувеличеніе), пользуясь своимъ вліяніемъ на Юстиніана[5]). Вмѣшательство Θеодоры во внѣшнія отношенія государства подтверждаются другимъ извѣстіемъ Тайной Исторіи, о пріемѣ ею иностранныхъ пословъ[6]). Она дѣлала имъ подарки, «какъ будто ей была подвластна Римская имперія». Этому находимъ подтвержденіе въ другихъ источникахъ. Указъ pro petitione Vigilii[7]) обезпечивалъ за прежними подданными Готовъ всѣ дары, полученные ими какъ отъ самого императора,

1) An. p. 68_1—$_5$.

2) An. p. 33. 99_{10}. 27. Cp. 13.

3) An. p. 24.

4) εἰ πολιτείαν οἴονται εἶναι, ἣν γυνὴ διοικεῖται.

5) οὕτω σοι ἀγαθὰ μεγάλα πρὸς ἀνδρὸς ἀναδέχομαι τοὐμοῦ ἔσεσθαι, ὅς γε οὐδὲν ἂν ὅτι καὶ ἄνευ γνώμης τῆς ἐμῆς πράξειεν.

6) An. p. 164_{20}.

7) Zach. Nov. J. CLXIV c. 1.

такъ и отъ Θеодоры, тогда уже умершей. Извѣстны частные случаи щедрости Θеодоры къ варварамъ, указывающіе на ея вмѣшательство во внѣшнюю политику государства[1]). Коронованная послѣ Юстиніана, Θеодора одинаково принимала присягу[2]), рядомъ съ императоромъ занимала мѣсто на церемоніяхъ, напримѣръ при тріумфѣ Велисарія[3]), установила въ отношеніи къ себѣ строгій этикетъ[4]), окружила себя собственнымъ дворомъ на подобіе императорскаго (мозаики Санъ-Витали). Зонара усматриваетъ въ царствованіи Юстиніана не монархію, а двоевластіе, «потому что не менѣе, если не болѣе императора значила его супруга»[5]). Не слѣдуетъ думать, что Θеодора имѣла законодательную власть. Знаменитая ссылка Алеманна на указъ 535 г. о безмездныхъ должностяхъ[6]) доказываетъ только то, что законодатель, желая мотивировать указъ съ возможной торжественностью, упоминаетъ, что спросили совѣта у Θеодоры и префекта Іоанна Каппадока. Если придавать этой фразѣ большее значеніе, чѣмъ она имѣетъ, то пришлось бы признать, что и praef. praet. раздѣлялъ съ императоромъ право издавать γενικοὺς νόμους, тогда какъ pr. pr. обладалъ властью разъяснять и примѣнять законъ въ своихъ formae[7]). Но вліяніе Θеодоры на законодательство Юстиніана было, вѣроятно, велико. Опредѣлить направленіе и предѣлы этого вліянія по законодательнымъ памятникамъ врядъ ли возможно. Дебидуръ относитъ всѣ законы облегчающіе участь женщины и незаконныхъ дѣтей (вызывавшіеся, вѣроятно, вліяніемъ христіанства и разложеніемъ нѣкоторыхъ началъ частнаго и семейнаго права), ко вліянію Θеодоры; онъ не представилъ серьезныхъ доказательствъ. Желая добиться какого нибудь закона, Θеодора по словамъ Тайной Исторіи[8]), указывала Юстиніану на финансовыя выгоды. Что касается извѣстій о вліяніи

1) Theoph. s. a. 6027. Cp. Vand. 447.

2) Zach. Nov. J. XVI appendix, p. 123.

3) Эта сцена была изображена на мозаикахъ дворца Χαλκή. См. Aedif. I c. 10, p. 204. Cp. 205—206.

4) Anecd. 164. Объ этомъ ниже.

5) Zonar. XIV, p. 270 Dind. ἄρξαντος δὲ Ἰ-νοῦ οὐκ ἐς μοναρχίαν ἡ βασιλεία κατέστη, ἀλλ' εἰς διπλοῦν τὸ κράτος μεμέριστο. οὐδὲν γὰρ ἧττον τοῦ κρατοῦντος, εἰ μὴ καὶ μᾶλλον, ἡ κοινωνὸς αὐτῷ τοῦ βίου δεδύνητο.

6) Zach. N. J. XVI α' ταῦτα ἅπαντα καθ' ἑαυτοὺς βουλευσάμενοι, κἀνταῦθα κοινωνὸν τοῦ βουλεύματος παραλαβόντες τὴν ἐκ θεοῦ δεδομένην ἡμῖν εὐσεβεστάτην σύνοικον καὶ τῇ σῇ γε ὑπεροχῇ τὸ πρᾶγμα κοινωσάμενοι καί τι καὶ παρὰ τῆς σῆς λαβόντες βουλῆς ἐπὶ τονδε τὸν θεῖον ἐληλύθαμεν νόμον.

7) Cp. *Mommsen*, Ostgothische Studien, S. 522—523.

8) An. 85_{14}.

Θеодоры на правосудіе, то намъ будетъ случай убѣдиться въ слѣдующей главѣ, что нѣтъ основаній предполагать за Θеодорой какія-либо новыя права въ этой области. Большинство извѣстій Тайной Исторіи относится къ политическимъ процессамъ.

Изученіе размѣровъ и устройства частной собственности Θеодоры, управленія curatores domus Augustae, могло бы указать одну изъ причинъ могущества Θеодоры; но у насъ въ рукахъ немного данныхъ. Изъ Тайной Исторіи извѣстно, что частная собственность Θеодоры была велика до ея вступленія на престолъ[1]). Въ указѣ объ обязательной силѣ всякой donatio, исходящей отъ императора[2]), Юстиніанъ говоритъ объ имуществахъ, подаренныхъ имъ Августѣ по случаю брака и о полученныхъ имъ отъ нея; далѣе указъ упоминаетъ о большихъ пожертвованіяхъ Августы церквамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Хроники говорятъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ Юстиніана и Θеодоры на возобновленіе разрушенной землетрясеніемъ Антіохіи[3]). Имущества domus Augustae обладали всѣми привилегіями. Такъ они были освобождены отъ поставки хлѣба[4]). Въ Византіи Θеодорѣ принадлежалъ palatium Hormisdae, гдѣ она содержала цѣлый монастырь монофизитовъ[5]). Она выстроила храмъ св. Пантелеймона[6]). Въ Каппадокіи вѣроятно было много имуществъ domus Augustae: назначая въ эту провинцію проконсула[7]), Юстиніанъ приказывалъ ему наблюдать за доходами Августы, которые поступали деньгами и одеждою; замѣчательно, что несмотря на запрещеніе suffragium въ предшествующемъ году, проконсулъ долженъ былъ при назначеніи внести 50 ф. зол. въ пользу domus Augustae, т. е. право назначенія проконсула Каппадокіи признавалось за управленіемъ имуществами Θеодоры. Жившее на земляхъ императора и Августы населеніе судилось у стоящихъ во главѣ управленія divinae domus прокураторовъ и comites. Сюда нужно отнести извѣстіе Тайной Исторіи[8]) о вмѣшательствѣ Θеодоры въ торговлю шелкомъ и о наложеніи ею штрафа на купцовъ. Сами управляющіе, считаясь, какъ comites въ ряду пер-

1) An. p. 63_{22}. Cp. 82_{20}.
2) Cod. J. VII 37 de quadriennii proscriptione, l. 3, § 4 и 3.
3) Mal. 443 b oph. a. 6021.
4) Cod. J. X 27, l. 1, § 1.
5) Ioh. Eph., см. ниже.
6) Patria Constantinopolitana l. s. c.
7) Zach. Nov. J. XLIV ς', ια' § 1.
8) An. 141.

выхъ чиновъ государства, находились въ особыхъ отношеніяхъ къ своимъ патронамъ. Лидъ называетъ ихъ φιλλον θεράποντες ἢ ἄρχοντες[1]). Θеодора оказывала особое покровительство своимъ клевретамъ (τῶν αὐτῇ ἐσπουδασμένων)[2]). Примѣромъ можетъ служить преслѣдованіе православныхъ въ Палестинѣ по поводу убійства ими самарита Силуана, управлявшаго царскими имѣніями[3]). Частное имущество вѣдомства domus Augustae и слагавшіяся на почвѣ матеріальной зависимости отношенія массы лицъ къ Θеодорѣ составляли первое условіе ея могущества. Съ помощью своихъ средствъ Θеодора могла много сдѣлать. Она одаряла церкви и благотворительныя учрежденія, помогала въ общественныхъ бѣдствіяхъ, принимала мѣры для подъема народной нравственности[4]), строила дороги, могла помогать разорившейся аристократіи[5]), если бы хотѣла, могла покровительствовать монофизитамъ и содержать ихъ въ своихъ дворцахъ.

Второй опорой политическаго могущества Θеодоры была ея самостоятельная роль главы противниковъ Халкидонскаго собора[6]). Это было ея factio. Но авторъ Тайной Исторіи отсылаетъ къ своимъ ὄπισθεν λόγοι[7]). Онъ придаетъ большое значеніе самостоятельному образу дѣйствій Θеодоры, усматривая въ немъ коварную политику властителей, укрѣплявшихъ свою власть посредствомъ раздора между подданными[8]). Записки Іоанна Ефесскаго бросаютъ новый свѣтъ на эти отношенія. Приведемъ отрывокъ[9]).

О священныхъ соборахъ, созванныхъ въ Константинополѣ царицей Θеодорой.

Блаженная и вѣрная царица Θеодора приглашала (монофизитовъ) въ царскій городъ, во дворецъ Гормизды. Тамъ бывали ихъ соборы. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ соборахъ блаженныхъ мужей,

---

1) Lydus de mag. II c. 27.

2) An. 94₅.

3) τοῦ τηνικαῦτα παραδυναστεύοντος ἐν Βασιλέως ξυνώμοσιν. Vita Sabae 398, 406. Пом. Cf. An. 150.

4) Μετάνοια An. 101. Aedif. 199—200. Mal. 440. Cram. I. 110. Aedif. V, p. 315. An. 101₆ могло и не заключать въ себѣ вставленнаго Диндорфомъ слова Μετάνοια; Прокопій могъ сказать ἐν τῷ καλουμένῳ μοναστηρίῳ, какъ говорить εἰς τὰς καλουμένας μονάς. An. 17₁₀, 29₃. Выше, I. 2, слѣдуетъ отдѣлить точкой слова ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ ἁμαρτίων отъ предшествующаго текста.

5) An. 94—95.

6) Vict. Tonn. a. a. 529. 537. 542. Cf. 540.

7) An. 70₁. 71₅. 151₅.

8) Cp. Evagr. IV c. 10.

9) Ioann. Ephes. de beat. orient. c. XLII.

которые въ годину преслѣдованія собрались у вѣрной царицы въ царскомъ городѣ, придя изъ многихъ странъ и народовъ, въ большомъ числѣ, именно не менѣе 500 человѣкъ. Ихъ исторія стоитъ удивленія мудрыхъ людей. Это было блестящее собраніе самыхъ знаменитыхъ старцевъ (ибо столько было между ними изгнанныхъ святыхъ, что собраніе украсилось множествомъ оставившихъ свои каѳедры или вышедшихъ изъ затвора монаховъ, священниковъ, епископовъ). Въ собраніи участвовали славные игумены монастырей всего Востока и Запада, Сиріи, Арменіи, Каппадокіи, Киликіи, Исавріи, Ликаоніи, Азіи, Александріи, Бизакія — изъ этихъ странъ всего болѣе было пламенныхъ ревнителей вѣры. Дворецъ Гормизды сталъ походить на великую и удивительную пустынь монаховъ. Входящіе бывали поражены ихъ многочисленностью и почтеннымъ видомъ, ихъ старостью и изнуреннымъ тѣломъ, чтеніемъ акаѳистовъ (stationibus) и общимъ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ, которое раздавалось въ каждомъ покоѣ, въ каждой кельѣ, въ каждой галлереѣ (platea. Forcellini: recta via), въ каждомъ жиломъ помѣщеніи по всему дворцу... Царица позаботилась, чтобы устроили и снабдили всѣмъ необходимымъ кельи для всѣхъ старцевъ, игуменовъ и старѣйшинъ, столпниковъ, затворниковъ и анахоретовъ. По всему дворцу были расположены многочисленныя кельи и въ одномъ домѣ сходилось большое собраніе, какъ братія одного монастыря и одного устава. Они сохраняли непрерывно весь монашескій строй: у нихъ былъ общій настоятель, экономъ, служба по очереди и общій столъ... Во многихъ мѣстахъ были воздвигнуты алтари. На это удивительное зрѣлище приходили не только вѣрные, взирая съ изумленіемъ на такое число духовенства и подходили къ каждому подъ благословеніе, но и большое число еретиковъ (т. е. послѣдователей Халкидонскаго собора), собиравшихся на слухъ о чудесномъ собраніи, при видѣ его чувствовали смятеніе, получали наставленіе и прославили Бога. Не только великое множество горожанъ, подобно разлившейся рѣкѣ, приходили смотрѣть это священное собраніе, но многіе изъ приверженцевъ Халкидонскаго собора, который далъ поводъ къ обидѣ и гоненію на блаженныхъ, увидѣвъ это чудесное собраніе и узнавъ исходъ гоненія, впадали въ печаль и раскаяніе и жаждали единенія съ ними, отрекаясь отъ Халкидонскаго собора. Такимъ образомъ число вѣрныхъ сильно увеличилось. Сама вѣрная царица, удивляясь ихъ совмѣстному образу жизни и глубокой старости, непремѣнно на каждый второй или третій день приходила

къ нимъ принять благословеніе, при обходѣ кланялась имъ и къ каждому подходила подъ благословеніе, хотя издерживала на нихъ большія суммы. Даже самъ царь, держась противоположнаго мнѣнія о Халкидонскомъ соборѣ, выражалъ свое удивленіе предъ всѣмъ собраніемъ, и многіе имѣли на него вліяніе. Онъ довѣрялъ имъ и точно также подходилъ подъ благословеніе. Итакъ, это великое собраніе процвѣтало во всѣхъ отношеніяхъ, пока была жива блаженная царица. Даже послѣ ея смерти (это) собраніе не тревожили, какъ она приказала царю. И самъ царь Юстиніанъ, пока былъ живъ, благоволилъ къ нимъ и почиталъ ихъ, оказывая поддержку тѣмъ, кто изъ нихъ остался въ живыхъ. Такъ было до настоящаго 877 года (Селевк. эры = 565—566 Р. Хр.) [1]).

О самостоятельномъ положеніи или образѣ дѣйствій въ борьбѣ политическихъ такъ назыв. партій цирка Венетовъ и Прасиновъ извѣстій меньше, и ихъ удобнѣе изучать въ другой связи. Неизмѣнное покровительство Ѳеодоры Венетамъ объяснено въ Тайной Исторіи изъ личныхъ причинъ [2]). Выросшая въ циркѣ (этого нельзя отрицать), Ѳеодора не могла остаться равнодушной къ этимъ партіямъ помимо политическихъ расчетовъ [3]). Послѣдней, но вѣроятно главной основой могущества Ѳеодоры оставалось вліяніе ея личности на Юстиніана, объясняемое Прокопіемъ и страстью [4]), и его доступностью вліяніемъ, и даже колдовствомъ, «съ которымъ она была знакома съ дѣтства» [5]). Личность Ѳеодоры — главное объясненіе ея могущества [6]). Такъ объясняется ея политическое вліяніе. Пересмотримъ извѣстія Тайной Исторіи о фактахъ, въ которыхъ оно выражается.

Въ упомянутомъ эпизодѣ съ Хозроемъ [7]) Прокопій выразилъ свое убѣжденіе, что Ѳеодора управляетъ государствомъ черезъ своего мужа. Что это было дѣйствительно его мысль, видно изъ другого мѣста, гдѣ Прокопій говоритъ уже отъ себя [8]). Первымъ фактомъ,

---

1) О монастырѣ монофизитовъ въ предмѣстьи Συκαί, см. p. 74. Житіе св. Давида Солунскаго подробно говоритъ о пріемѣ и почестяхъ, оказанныхъ Ѳеодорой Давиду прибывшему въ Константинополь. *Rose*, Leben des heiligen David von Thessalonich, 16.

2) An. p. 59.

3) Ср. An. p. 64.

4) ἔρωτα ἐξαίσιον οἷον.

5) An. 63. 127.

6) Ср. Pers. 125—6.

7) An. 24.

8) An. p. 92_{11} ἅπασαν διοικεῖσθαι ἠξίου τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν.

приписаннымъ въ Тайной Исторіи самой Θеодорѣ, является введеніе новыхъ формъ придворной жизни и установленіе новаго, небывалаго этикета. Эти формы имѣютъ во всякое время и во всякомъ обществѣ много значенія; подъ ними скрываются новыя отношенія къ аристократіи и высшимъ чинамъ. Необходимъ былъ длинный рядъ перемѣнъ, чтобы явилась потребность «δουλοπρεπέστατα προσεδρεύειν» и называть императора и его супругу δεσπότης и δέσποινα[1]). Нововведенія (νεοχμωθέντα) Θеодоры и Юстиніана въ этой области имѣютъ за собою большое прошлое. Выразитель старыхъ взглядовъ, Прокопій придаетъ много значенія перемѣнамъ въ придворной жизни, оставляя самое ненавистное pour la bonne bouche своего разсказа. Кромѣ новыхъ формъ этикета, Тайная Исторія[2]) указываетъ на развитіе придворной жизни. Всѣ высшіе чины государства были обязаны являться во дворецъ подъ угрозой «неизбѣжной опасности», и оставаться тамъ съ утра до вечера. Громадный дворъ Θеодоры сопровождалъ ее во всѣхъ поѣздкахъ, — Малала говоритъ о свитѣ въ 4000 человѣкъ, и въ томъ числѣ о первыхъ сановникахъ государства[3]). Присутствія переносились во дворецъ[4]), и судъ производился въ гинекэѣ[5]). Созываемые туда судьи наперерывъ старались угодить Θеодорѣ. Подъ ея руководствомъ государственный порядокъ превратился въ рабскій, какъ выражается Прокопій[6])[7]). Онъ говоритъ съ насмѣшкой[8]) о придворныхъ и приближенныхъ лицахъ, которымъ приходилось за ихъ мнимое счастье оставаться день и большую часть ночи безъ сна и своевременнаго обѣда, ожидать выхода Θеодоры въ «узкой и душной комнатѣ», стоя на концахъ пальцевъ, или сопровождать Θеодору въ ея загородные дворцы, гдѣ приходилось терпѣть нужду, холодъ, морскія опасности и вдобавокъ дрожать передъ появленіемъ морского чудовища (Порфиреона, о которомъ ходили суевѣрные слухи)[9]). Чтобы повѣрять эти извѣстія нѣтъ ни данныхъ, ни нужды[10]). Слѣдуетъ обратить вниманіе на многочисленныя детали, обнаруживающія близкое знакомство съ

1) An. 164—165. 92—93. 95_{21}—96_{7}.
2) An. p. 165_{10}.
3) An. p. 95_{23}. Mal. 440.
4) An. p. 114_{14}.
5) An. 93_{20}—94_{4}.
6) p. 93_{9} ἐς δουλοπρέπειαν γὰρ ἡ πολιτεία ἦλθε δουλοδιδάσκαλον αὐτὴν ἔχουσα.
7) An. 165_{22}—166.
8) p. 92_{21}—93_{9}.
9) p. 95_{21}—96_{3}.
10) Cp. Alem. ad c. 30.

жизнью придворныхъ и управлявшихъ круговъ общества и поэтому имѣющія значительную цѣнность какъ для политической исторіи, такъ и для бытописанія эпохи.

Далѣе, Өеодора выступила въ роли покровительницы общественной нравственности и самостоятельнаго положенія женщины въ семьѣ[1]). Ей приписываются извѣстные указы о προαγωγοί[2]), о которыхъ Тайная Исторія не упоминаетъ, и учрежденіе монастыря Μετάνοια. Какъ было сказано выше, Дебидуръ заходитъ далеко, приписывая Өеодорѣ многочисленныя мѣры законодательства, направленныя къ обезпеченію правъ и положенія женщины въ семьѣ. Его аргументація въ лучшемъ случаѣ является правдоподобной. Извѣстно, особенно изъ Тайной Исторіи, вмѣшательство Өеодоры въ семейную жизнь высшихъ классовъ общества[3]). Она принимала жалобы женъ на мужей, изъ сostраданія къ обиженнымъ, какъ объясняютъ Gothica[4]) или поощряя развратъ и подрывая власть главы семейства, по представленію автора Тайной Исторіи[5]). О вмѣшательствѣ Өеодоры въ семейную жизнь высшихъ классовъ, начиная съ родственниковъ императора, Тайная Исторія разсказываетъ много интересныхъ фактовъ. Исторіи взаимныхъ отношеній Велисарія и Антонины, ихъ дочери[6]), неудавшагося брака Іоанна сына Виталіана съ дочерью Германа[7]), двухъ знатныхъ наслѣдницъ съ незнатными ἐπισπόμενοι Өеодоры[8]), Сатурнина[9]) — всѣ разсказаны живо, подробно. Все это цѣнно для исторіи нравовъ, какъ мемуаръ современника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Өеодора руководилась соображеніями политическаго свойства[10]).

Слѣдующая группа извѣстій Тайной Исторіи о Өеодорѣ относится къ ея вліянію на назначенія и судьбу высшихъ сановниковъ государства. «Она хотѣла управлять всѣмъ государствомъ по своему желанію»[11]).

1) An. p. 101.

2) Zach. N. J. XXXIX Aed. I p. 199—200. Malal. 440: δεδωκυῖα τὰ χρήματα ἡ αὐτὴ εὐσεβὴς βασίλισσα ἠλευθέρωσεν αὐτὰς τοῦ ζυγοῦ τῆς δυστυχοῦς δουλείας κελεύσασα τοῦ λοιποῦ μὴ εἶναι πορνοβοσκούς. Cp. Cod. J. XI 41_1 и Cramer An. Oxon. II, 110.

3) Cp. Goth. III 407.

4) Ibid. l. 10: ἐπεφύκει γὰρ ἀεὶ ταῖς δυστυχούσαις γυναιξὶ βοηθεῖν.

5) An. p. 103.

6) p. 39—40.

7) p. 37—38.

8) p. 101. Cp. Débidour, p. 74!

9) p. 104.

10) Исторія дома Велисарія, Германа.

11) p. 103_{20}.

«Она назначала на высшія свѣтскія и духовныя должности, руководясь не нравственными достоинствами своего кандидата, но его готовностью быть исполнителемъ ея воли». Примѣромъ можетъ служить исторія Петра Варсима и его служебной дѣятельности [1]). Когда противъ него поднялось возмущеніе, Өеодора защищаетъ его отъ опалы [2]). Точно также Өеодора «собиралась назначить» стратигомъ близкое къ Антонинѣ лицо и покровительствовала негоднымъ родственникамъ Антонины [3]). Въ отношеніи къ неугодившимъ ей противникамъ ея вліянія, къ ослушникамъ ея воли, хотя бы исполнявшимъ приказанія императора, Өеодора проявляла основную черту своего характера — непреклонную и жестокую мстительность (τὸ βέβαιον τῆς ἀπανθρωπίας). Отъ нея не спасало ни высокое положеніе, ни довѣріе самого Юстиніана [4]). У автора Тайной Исторіи сложилось убѣжденіе, что всѣ приближенные Юстиніана должны были погибнуть на верху своего могущества, такъ какъ у Юстиніана былъ расчетъ или привычка выдавать Өеодорѣ своихъ ближайшихъ слугъ и помощниковъ. Лучшими примѣрами — подъ ихъ вліяніемъ, можетъ быть, создалось это убѣжденіе — служатъ опалы на Приска и Іоанна Каппадока [5]). Извѣстія Тайной Исторіи объ этихъ фактахъ дополняются и подтверждаются — первый Малалой, а второй кромѣ того и Персидскими войнами [6]). Лидъ даетъ понять, что предлогомъ для опалы Іоанна Каппадока былъ безпорядокъ въ дѣлахъ и счетахъ [7]). Прискъ погибъ за оскорбленіе Өеодоры словомъ [8]). Өеодора внушала большой страхъ. У нея были собственные шпіоны [9]). Она знала все, что дѣлалось и говорилось на улицахъ и въ домахъ. О ея мстительности сложилось у Прокопія крайнее представленіе. Не желая выписывать цѣлыхъ страницъ [10]), оставимъ въ сторонѣ сильныя, гиперболическія выраженія Тайной Исторіи. Впрочемъ эти фразы подкрѣпляются фактами, и Прокопій не исчерпалъ всего матеріала [11]). Если въ характерѣ Юстиніана были слабости, то

1) An. 123—128.
2) p. 126_{16}. 127_{18}.
3) p. 28_5 и 42_2.
4) p. 70_{19}. Cf. 85_9.
5) p. 97 и 105.
6) Pers. I, 130—137. II, 300. Hermes VI, 376.
7) Lydus III c. 69.
8) Hermes VI, 377.
9) An. p. 98_9. 141_{17} и prooem.
10) An. 91—92. 96_4 sqq. 105—106.
11) Cp. Alem. ad p. 100 Bonn.

Θеодора внушала Прокопію только ненависть и страхъ. Исторіи Фотія[1]) и Іоанна Каппадока могутъ объяснить такое понятіе. Ненависть автора Тайной Исторіи, его филиппики по поводу ея брака о слабости и робости общества[2]), грязные анекдоты, ходившіе по поводу ея прошлой жизни, все это указываетъ на страхъ и на ненависть, внушаемые ею своимъ врагамъ. Въ этомъ случаѣ самыя гиперболы Тайной Исторіи цѣнны для историка ея политической роли. Иллюстраціей служитъ важное извѣстіе Тайной Исторіи объ опалѣ, постигшей Велисарія въ 542 г.[3]). Во время опасной болѣзни Юстиніана «какіе-то начальники» (зам. осторожность выраженій) римскаго войска, стоявшаго въ Месопотаміи, говорили, что не допустятъ выбора новаго императора безъ своего участія. Былъ сдѣланъ доносъ на Велисарія и Буза. Θеодора приняла угрозы на свой счетъ. Она «вызвала» этихъ главныхъ начальниковъ въ столицу, заключила Буза въ тюрьму при своемъ дворцѣ и настояла[4]) на томъ, чтобы Велисарій былъ лишенъ власти, даже подвергнутъ пыткѣ и конфискаціи имущества. Въ разсказѣ Тайной Исторіи Θеодора является рѣшительницей судебъ Велисарія: она отбираетъ его имущество и объявляетъ ему прощеніе[5]). Тутъ есть нѣкоторая обыденная неточность выраженія (какъ видно изъ ближайшаго изученія). Этотъ разсказъ Тайной Исторіи, переходящій изъ обстоятельнаго въ драматическій, освѣщаетъ темный пунктъ біографіи знаменитаго патриція, который постоянно былъ подъ подозрѣніемъ въ властолюбивыхъ замыслахъ, угрожавшихъ трону Юстиніана[6]). Въ сообщаемомъ извѣстіи о судьбѣ Велисарія усматривается если не правильный политическій процессъ (судъ сената), то по крайней мѣрѣ обычная форма опалы въ видѣ личнаго и имущественнаго наказанія. Участь Буза, судя по извѣстію Тайной Исторіи, была иною, хотя онъ былъ привлеченъ по тому же дѣлу. Это возбуждаетъ вопросъ, какимъ путемъ Θеодора боролась со своими врагами или ослушниками ея воли, — важный для характеристики политическихъ и бытовыхъ отношеній эпохи. Извѣстія Тайной Исторіи

1) О Фотіѣ см. Cramer II, 111; Goth. I, 26. 50.
2) An. 68.
3) An. p. 30—35.
4) ἐγκειμένης τῆς βασιλίδος.
5) p. 30_{15}. 32. 34_{9}.
6) Ср. An. 197_{11}. Marcell. addit. s. a. 545. Pers. II 269. Vand. I, 353 и Pers. I, 107. Vand. 353. 441. 442. Goth. II 263—270. 272. 276. 280—282. 283. 306. — О заговорѣ Ананія Hermes VI, 378 Theoph. 6055.

позволяютъ различить три категоріи фактовъ: иногда Ѳеодора дѣйствовала путемъ обвиненія по другому поводу, т. е. посредствомъ суда (случаи съ Прасинами, обвиняемыми въ педерастіи)[1]). Въ другихъ случаяхъ она пользовалась своимъ вліяніемъ на Юстиніана. Таковы случаи съ Іоанномъ Каппадокомъ, Прискомъ, Велисаріемъ, Соломономъ младшимъ[2]). Извѣстія Тайной Исторіи указываютъ на третью группу случаевъ, гдѣ Ѳеодора повидимому даже не соблюдала законной формы, нарушая всякое право, какъ въ случаяхъ Каллиника и Фотія. По ея приказанію подвергали аресту, заключенію въ ея дворцовыхъ темницахъ, пыткѣ людей не только свободнаго, но и сенаторскаго происхожденія[3]). Частныя тюрьмы были въ нравахъ того времени, хотя преслѣдовались закономъ[4]). О темницахъ Ѳеодоры авторъ Тайной Исторіи записалъ самые ужасные слухи[5]). Если она могла скрывать въ своихъ дворцахъ преслѣдуемыхъ правительствомъ еретиковъ, такъ что цѣлые годы никто не зналъ о ихъ пребываніи[6]), то есть основаніе вѣрить отчетливымъ извѣстіямъ[7]) Тайной Исторіи о заключеніяхъ ея враговъ. Слабость закона и недостатокъ общественной организаціи, помимо церкви, гдѣ могъ найти себѣ послѣднее спасеніе преслѣдуемый Фотій, могли допустить подобныя насилія надъ личностью. Самая возможность появленія записанныхъ Прокопіемъ слуховъ и впечатлѣній, не говоря о передаваемыхъ имъ фактахъ, характеризуетъ общество и эпоху.

Въ самостоятельномъ образѣ дѣйствій Юстиніана и Ѳеодоры по вопросамъ церковной и внутренней политики Прокопій подозрѣваетъ притворство, прикрывающее ихъ коварные замыслы, направленные къ торжеству ихъ тиранніи[8]). Они примѣняли правило «divide et impera». Такое подозрѣніе могло составиться въ умахъ оппозиціонной части общества подъ впечатлѣніемъ независимаго положенія и образа дѣйствій Ѳеодоры, не приведшихъ къ разрыву или серьезному столкновенію, но соединявшихся съ взаимнымъ уваженіемъ обоихъ монарховъ[9]). Раздѣливъ между собою христіанъ и «стасіотовъ», они съумѣли

1) An. p. 98—100.
2) p. 42.
3) An. p. 26—29. 100. Cp. 71_2. 98.—Cp., впрочемъ, 94. Alem. ad. p. 100 Bonn.
4) Cod. J. IX 5, 2. a. 529.
5) An. p. 26—27. 30: οἷον ταρτάρῳ εἰκάζεσθαι.
6) Ioann. Eph., p. 10. 57—8.
7) An. 31_5 27_2 и др.
8) An. p. 69_{15}—71. 84_9 94_{14}.
9) Cf. Zach. N. J. CLXIV c. 1.

упрочить свою тираннію[1]). Послѣднее слово взято изъ обихода старой оппозиціи. Иногда оно употребляется Прокопіемъ для точнаго обозначенія его мысли, иногда повидимому, просто въ смыслѣ браннаго слова[2]).

1) An. p. 71.

2) p. $90_{16,22}$ 92_{19} 93_{11} 110_{3} 124_{4} 138_{12} 159_{25}. Cp. ὁ λυμεών 144_{22} ὁ παλαμναῖος οὗτος 116_{25}.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ исторіи Охридской и Ипекской патріархіи.

Поводомъ къ составленію настоящей исторической замѣтки послужило слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что, вообще, документы вселенской патріархіи изъ эпохи патріарха Іереміи I очень немногочисленны, и что по этой причинѣ и дѣятельность этого патріарха не выяснена. Изъ каталога къ собранію П. И. Севастьянова, находящемуся въ Румянцевскомъ музеѣ, я узналъ, что въ греческомъ кодексѣ этого музея подъ № 492 находится опредѣленіе патріарха Іереміи, касающееся охридской патріархіи[1]). У меня явилось желаніе видѣть этотъ документъ, чтобы узнать, имѣлъ ли онъ какое-либо отношеніе къ событію, сообщаемому Талаксомъ[2]) и Мелетіемъ[3]) относительно охридскаго архіепископа Прохора, и можно ли по нему опредѣлить, по крайней мѣрѣ, время, въ которое Прохоръ занималъ этотъ престолъ, такъ какъ, напримѣръ, въ *Очеркѣ славянскихъ церквей* прот. *Константина Добронравина* (стр. 60) никакой даты о немъ не имѣется. Благодаря содѣйствію Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, Правленіемъ Румянцевскаго музея кодексъ этотъ былъ мнѣ присланъ, за что и приношу Правленію здѣсь свою глубокую благодарность. Документъ отчасти оправдалъ мои ожиданія, потому что въ немъ имѣется дата 1530 г., но дѣло не имѣетъ никакого отношенія къ тому, о чемъ сообщаютъ Талаксъ и Мелетій, и касается ссоры между охридскимъ архіепископомъ Прохоромъ и ипекскимъ архіепископомъ Павломъ по вопросу о церковномъ подчиненіи. Объ архіепископѣ Павлѣ говорится въ очеркѣ Добронра-

1) *А. Викторова*, Собраніе рукописей П. И. Севастьянова. Москва. 1881, стр. 12.
2) *Crusii*, Turcograecia. Basileae. 1584, стр. 163.
3) Μελετίου μητροπολίτου Ἀθηνῶν, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, т. III (ἐν Βιέννῃ 1784), стр. 369.

вина, но безъ указанія относящейся къ нему хронологической даты (стр. 150). Рѣшеніе вселенской Патріархіи было вызвано просьбою архіепископа Прохора и было въ пользу охридской патріархіи. Помѣщаемъ этотъ важный документъ въ подлинномъ его видѣ.

† Ἱερεμίας ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

† Ἦν μὲν ἄρα προσῆκον ὁμοῦ καὶ δίκαιον τὸ τὰ καλῶς ἀπ' ἀρχῆς νομοθετηθέντα τε καὶ πραχθέντα τὸ κῦρος ἔχειν ἀεὶ καὶ βέβαιον καὶ μὴ μετακινεῖσθαι παρὰ τῶν ὕστερον, μηδὲ δικαίου προφάσει... θ....[ἀν]ατρέπειν πράξεις συν[οδικὰ]ς καὶ πατριαρχικὰ καταλύειν πράγματα· ἐπεὶ δὲ τοῦτο συμβαίνει πολλάκις γίνεσθαι τῇ τῶν πραγμάτων μεταβολῇ, πάλιν ἡ πατριαρχικὴ ἀναθεώρησις ταῦτα διευθετεῖ καὶ εἰς τὰ τοῦ δικαίου τόπον ἀποκαθιστᾷ, καθὼς περ καὶ αἱ συνοδικαὶ ἀποφάσεις διακελεύονται. Ἐπεὶ δὲ ἄρτι καὶ ὁ μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς, ἤτοι τῶν Ἀχριδῶν, ὁ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸς ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς κῦρις Πρόχορος, τοιαῦτα εὑρέθη πεπονθὼς εἰς τὴν ἐνορίαν αὐτοῦ (ἡ γὰρ τοῦ Πεκίου λεγομένη ἀρχιεπισκοπὴ ἄνωθεν μὲν καὶ ἐξ ἀρχῆς ἦν μὲν ὑποκειμένη τῇ ἐκκλησίᾳ αὐτῇ, τῇ τῶν Ἀχριδῶν δηλαδή, ἀπό τινος δέ, ὥς τινες φασί, βίας ἡρπάγη μὲν ἀπ' αὐτῆς καὶ εἰς αὐτονομίαν [συνέ]στη [μ]έχρι τινός, οὐ μὴν δὲ καὶ ἕως τ[έλου]ς οὕτω διέμεινεν, ἀλλὰ πάλιν τῇ ἐκκλησίᾳ αὐτοῦ προσετέθη καὶ ὑπόσπονδος αὐτῇ ἐγεγόνει, καθότι οὐδὲ γνώμῃ καὶ διακρίσει τινὸς τῶν οἰκουμενικῶν συνόδων τετίμηται, παραγενόμενος εἰς ἡμᾶς ἀνήγγελε τὰ παρακολουθήσαντα νεωστὶ ἐν τῇ ἐνορίᾳ αὐτοῦ. Παῦλος γάρ τις σχῆμα μὲν φέρων ποιμένος, λύκος γὰρ (sic) ὢν ἐν ἀληθείᾳ, οὐ τὸν ἀπόστολον Παῦλον μιμούμενος, ἀλλὰ τὸν ἀπόβλητον Σαμοσατέα, τῇ ἔξω ἀρχῇ χρησάμενος, ἔχων καὶ ἐκ τῶν λαϊκῶν τινας βοηθούς, διὰ δόσεως χρυσοῦ ἐβιάσατο τὴν τοῦ Πεκίου ἐκκλησίαν καὶ σὺν αὐτῇ καὶ ἄλλας ἀπέκοψεν ἐκκλησίας τῆς τῶν Ἀχριδῶν ἐπαρχίας. Καὶ ταῦτα δὲ ἀναγγείλας εἰς ἡμᾶς ὁ μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος κῦρις Πρόχορος ἐδεήθη ἡμῶν, ὅπως κατὰ νόμους θεωρήσωμεν καὶ διακρίνωμεν ὅπερ ἂν ἦν νόμιμον καὶ κανονικόν. Καὶ δὴ τῇ ἀξιώσει τοῦ ῥηθέντος μακαριωτάτου ἀρχιεπισκόπου Ἀχριδῶν κατανεύσαντες καὶ συνοδικῶς συνδιασκεψάμενοι διέγνωμεν καὶ ἀπεφηνάμεθα, ἵνα ὁ μὲν δηλωθεὶς Παῦλος ὡς ἀκανόνιστα πράξας ὑπάρχῃ ὑποκείμενος τῇ καθαιρέσει, ὁπόταν συναχθῇ σύνοδος τῶν ἀρχιερέων ἐν τῇ ἐνορίᾳ αὐτῶν, κατὰ τὸν κανόνα τὸν λέγοντα· «Εἴ τις κοσμικοῖς ἄρχουσι χρησάμενος δι' αὐτῶν ἐγκρατὴς ἐκκλησίας γένοιτο, καθαιρείσθω καὶ ἀφοριζέσθω, καὶ αὐτὸς καὶ οἱ συγκοινωνοῦντες αὐτῷ πάντες· οἱ δὲ συνέταιροι ἵνα ὦσιν ἀφωρισμένοι ἀπὸ Θεοῦ παντοκρά-

τορος καὶ ἀσυγχώρητοι, εἰ μὴ μεταγνοίη καὶ μετανοήσαιεν καὶ τῇ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ προσπέσειεν». Ἐπεὶ δὲ καὶ χρυσόβουλλα βασιλικὰ εὑρίσκονται παλαιγενῆ, δηλοποιοῦντα ἅπασαν τὴν τοῦ Πεκίου ἐνορίαν σὺν τῇ Σερβίᾳ γνησίαν εἶναι τῆς ἀρχιεπισκοπῆς τῶν Ἀχριδῶν, καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν, κατὰ τὴν περίληψιν τῶν δηλωθέντων γραμμάτων, γνώμῃ συνοδικῇ ὁρίζει καὶ ἀποφαίνεται ἵνα τὸ Πέκιον καὶ ἅπασα ἡ τῆς Σερβίας ἐνορία ὑπάρχωσιν ὑπὸ τὴν χεῖρα τῆς ἁγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχριδῶν, καθὼς καὶ ἀπ' ἀρχῆς καὶ ἕως τοῦ νῦν ὑπετάσσοντο· καὶ ὅστις ἀπὸ τοῦ νῦν ἐθελήσει παρενόχλησιν δοῦναί τινα περὶ αὐτῶν, ὁ τοιοῦτος, κἂν ὁποῖος ᾖ, ἵνα ᾖ ἀφωρισμένος ἀπὸ Θεοῦ παντοκράτορος καὶ ἀσυγχώρητος ἐν τῷ νῦν αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι, καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ τοῦ προδότου Ἰούδα γενήσηται. Οὕτως ἐν ἁγίῳ ἀποφαινόμεθα πνεύματι, καὶ εἰς τὴν περὶ τούτου δήλωσιν ἐγένετο καὶ ἡ παροῦσα ἔγγραφος ἀπόφασις τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ ἐπεδόθη τῇ ἁγιωτάτῃ ἀρχιεπισκοπῇ τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς, τῆς ἐν τῇ Ἀχρίδᾳ (sic), ἐν ἔτει ͵ζλθ', μηνὶ σεπτεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος δ'.

А. Пападопуло-Керамевсъ.

Хрисовулъ императора Алексѣя I Комнина Великой лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ (августъ 1084 г.).

Τῆς ὑπὲρ τῶν ἱερῶν φροντιστηρίων ἱερᾶς προμηθείας οὐδέν ἐστι τιμιώτερον, οὐδὲ βασιλεῖ θεοφιλεῖ προυργιαίτερον· αὐτό τε γὰρ τοῦτο σωτηρία ψυχῆς ἐστι, ἡ ὑπὲρ τούτων σπουδὴ, καὶ τοῖς ἀνὰ χεῖρα πράγμασι βασιλεῖ συνεργόν, δεομένῳ πάντως ἐκτενεστέρων εὐχῶν τῶν ἐν αὐτοῖς ἀσκουμένων ὁσίων ἀνδρῶν. Ταύτην γοῦν εὐποιοῦν τὸ γαλήνιον κράτος ἡμῶν καὶ ἐπὶ τῇ εὐαγεστάτῃ μονῇ τῇ κατὰ μὲν τὸν Ἄθω διακειμένῃ, μεγάλῃ δὲ λαύρᾳ οὔσῃ τε καὶ καλουμένῃ καὶ σύστασιν λαβούσῃ παρὰ τοῦ ἐν πατράσιν ἁγίου Ἀθανασίου, οὗ καὶ τῷδε τετίμηται τῷ ὀνόματι, ἐπεδείξατο. Ταύτης γὰρ κτήσεις ἐχούσης ἀκινήτους τινὰς ἐν τῇ πάλαι μὲν Παλίνῃ [1]), νῦν δὲ Κασσάνδρα λεγομένῃ νήσῳ, ἐπεὶ τὰ ταύτης ἐντὸς τῷ δημοσίῳ ἀνήκοντα σύμπαντα τῷ πανσεβάστῳ πρωτοσεβαστῷ κυρίῳ Ἀδριανῷ, τῷ περιποθήτῳ αὐτῆς αὐταδέλφῳ, ἡ βασιλεία μου ἐδωρήσατο, καὶ τὸν παρὰ τῶν οἰκητόρων τῆς τοιαύτης νήσου ἐτησίως τελούμενον τοῦ δημοσίου κανόνα τῷ προσώπῳ τε καὶ τῷ μέρει αὐτοῦ ἐλογίσατο, ὥστε πρὸς τοῦτον αὐτὰ τελεῖσθαι καὶ καταβάλλεσθαι· οἱ δὲ τῆς δηλωθείσης μονῆς μοναχοὶ ὑπώπτευόν που καὶ ἐδεδίεσαν, μήποτε ὡς πάροικοι λογισθεῖεν τοῦ πρὸς ὃν καταβάλλονται τὰ δημόσια, ὡς τάχα τὴν γῆν ἰδίαν μὴ ἔχοντες, ὑπὲρ ἧς ἑτέρῳ καθεστᾶσιν ὑποτελεῖς καὶ ὑπόφοροι· καὶ ταύτης δὴ τῆς ὑποψίας λύσιν ᾐτήσαντο. Ἐφοβήθησαν μὲν τῷ ὄντι οὗπερ φόβος οὐκ ἦν· ὅμως δ' οὖν καὶ τῇ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου γραφῇ καθαρώτερον τοῦ δέους ἀφείθησαν· οὔτε γοῦν αὐτὸ δὴ τοῦτό ποτε δεδίξονται οὗτοι, ἀλλὰ δεσποτικῶς ἀνθέξονται εἰς ἀεὶ κατὰ τὴν εἰς τὸ μέλλον διαδοχὴν,

1) leg. Παλλήνη.

ὧν ἔσχηκεν ἀκινήτων ἡ τοιαύτη μονὴ τῆς τοιαύτης νήσου ἐντός. Ἀλλ' ὡς καταβαλλόμενοι ἐτησίως πρὸς τὸ μέρος τοῦ δηλωθέντος περιποθήτου αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου τὰ ὑπὲρ τῶν ἐντὸς τῆς νήσου τῆς μονῆς [τῶν] κτημάτων δημόσια τελέσματα, οὐδ' ἥντινα οὖν ὑποστήσονται ὄχλησιν παρ' ἑτέρου τινός, τῶν τὴν τῆς Θεσσαλονίκης δηλαδὴ διοίκησιν ἐμπιστευομένων φορολόγων κατὰ καιρούς· μακρὰν γὰρ οὗτοι τῶν τῆς μονῆς δικαίων ἀπελαθήσονται καὶ οὐδεμίαν κατὰ ταύτης ἕξουσι ζήτησιν ὑπὲρ τοῦ πρότερον μὲν πρὸς τοὺς τοιούτους παρὰ τῆς μονῆς τελουμένου δημοσίου κανόνος, νῦν δὲ μετενεχθέντος πρὸς τὸ μέρος τοῦδε τοῦ περιποθήτου αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου. Ἐπεὶ δὲ καί τινων ἀναφυεισῶν ἀμφιβολιῶν μεταξὺ αὐτῶν τε τούτων τῶν μοναχῶν καὶ τοῦ μέρους τοῦ πανσεβάστου πρωτοσεβαστοῦ περὶ ὧν ἐκέκτητο ἡ τοιαύτη μονὴ ἐν τῇ τοιαύτῃ νήσῳ ἔκπαλαι κτημάτων, οὐ μόνον δὲ μεταξὺ τούτων, ἀλλὰ καὶ ἑτέρων τινῶν οὐκ ὀλίγων, προσταχθεὶς παρὰ τῆς βασιλείας μου περὶ τούτων διακριβώσασθαι ὁ πρωτοανθύπατος Μιχαὴλ καὶ κριτὴς ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου ὁ Ῥόδιος καὶ τοὺς ἀπό τινων δικαιωμάτων δεκτῶς τῷ νόμῳ δικαιουμένους ἀνενοχλήτως δικαιῶσαι κατέχειν τὰ ἴδια, καὶ τὰ τοιαύτῃ τῇ μονῇ προσόντα θεασάμενος δικαιώματα, παρασημειώσει τε ταῦτα ἐναπεγράψατο καὶ παρ' αὐτῇ κατέλιπε τὰ ἴδια ἀναπόσπαστά τε καὶ ἀνακρωτηρίαστα. Καὶ ᾐτήσαντο οὗτοι διὰ τῆς τοῦ χρυσοβούλλου τοῦδε γραφῆς δηλωθῆναι καὶ τοῦτο, ὅτι προστάξει τῆς βασιλείας μου ὁ δηλωθεὶς πρωτοανθύπατος ἐπὶ τούτοις ἐγένετο δικαστής, καὶ τὰ δικαίως παρ' αὐτοῦ κεχριμένα διὰ ταύτης ἐπικυρώσασθαι· πληροῖ καὶ ταύτην τούτων τὴν αἴτησιν τὸ γαλήνιον κράτος ἡμῶν, αὐτό τε τοῦτο δηλοῦσα, ὡς ἡμετέρα πρόσταξις ἐπὶ τούτοις τοῦτον κατέστησε δικαστὴν καὶ ἃ δικαίως δηλονότι ἐδίκα(σε) βέβαια εἶναι διοριζομένη καὶ ἀπαράθραυστα, ἔτι δὲ διοριζομένη καὶ εὐδοκοῦσα πάσης ἐπηρείας ταῦτα ὑπέρτερα τῆς παρὰ τῶν ἀνθρώπων ἐπαγομένης τοῖς ἐντὸς τῆσδε τῆς νήσου τοῦ δηλωθέντος περιποθήτου αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου· οὔτε γὰρ ἀγγαρευθήσονται πώποτε οἱ τῆς τοιαύτης μονῆς πάροικοι παρ' αὐτῶν, οὔτε παραγγαρίᾳ ὑποπεσοῦνταί τινι, οὔτε τι ἀπαιτηθήσονται, οὔτε τὴν οἱανοῦν ὑποστήσονται ὄχλησιν, ἀλλὰ μόνα ὑφέξουσιν, ὡς δεδήλωται, τὰ ἀνήκοντα τούτοις τοῦ δημοσίου τελέσματα, ὡς βεβαίου καὶ ἀρραγοῦς τυγχάνοντος τοῦ παρόντος εὐσεβοῦς χρυσοβούλλου λόγου, γεγενημένου κατὰ τὸν Αὔγουστον μῆνα τῆς ἑβδόμης ἰνδικτιῶνος ἐν ἔτει τῷ ,ςφϞβ' (6592), ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημήνατο κράτος.

+ Ἀλέξιος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Κομνηνός.

Этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный документъ заимствованъ — хотя не прямымъ путемъ изъ богатаго драгоцѣннаго собранія аѳонскихъ актовъ преосв. Порфирія. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ былъ списанъ нами изъ тетрадей, которыя преосв. Порфирій предоставилъ для временнаго пользованія одному изъ молодыхъ тогда ученыхъ. Полагаемъ, что не будетъ сочтено злоупотребленіемъ довѣрія — ни по отношенію къ покойному преосвященному, ни по отношенію къ нашему ученому другу, имѣвшему въ виду задачи, блистательно осуществленныя, но болѣе направленныя на позднѣйшую эпоху славяно-византійской исторіи, если мы теперь напечатаемъ Комнинову золотую грамоту, какъ образчикъ тѣхъ сокровищъ, какія хранятся въ портфеляхъ преосв. Порфирія, завѣщанныхъ Императорской Академіи наукъ... Всѣ эти драгоцѣнности должны появиться на свѣтъ; но исполненіе такой посмертной воли завѣщателя хотя и составляетъ предметъ постоянной заботы Академіи, не можетъ послѣдовать немедленно уже потому, что самимъ покойнымъ преосв. Порфиріемъ въ его завѣщаніи поставлено было условіе обнародованіе другихъ его недоконченныхъ трудовъ (Исторія Аѳона). Актъ отмѣченъ въ Исторіи Аѳона преосв. Порфирія (Востокъ Христіанскій. *Исторія Аѳона*. Часть III, стр. 224. Кіевъ 1877), а въ примѣчаніи (стр. 373 № 79) указано, что хрисовулъ находится въ архивѣ Аѳонской лавры Аѳанасія. Однако, намъ кажется, что покойный преосв. Порфирій передаетъ содержаніе грамоты слишкомъ въ общихъ чертахъ и не сообщаетъ точнаго понятія о самомъ ея смыслѣ. Онъ заключается въ слѣдующемъ. Императоръ Алексѣй Комнинъ, вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, устраивая соотвѣтствующее положеніе своихъ близкихъ родныхъ, отдалъ своему старшему брату Адріану, получившему вновь изобрѣтенный титулъ и санъ протосеваста — ср. объ этомъ у Анны Комниной: Алексіада III c. 4 — во владѣніе полуостровъ Кассандру — на такихъ основаніяхъ, что онъ будетъ пользоваться всѣми государственными или казенными доходами съ недвижимыхъ имуществъ, на немъ находящихся, причемъ прежде всего разумѣлась, конечно, старая поземельная подать. [illegible] по- [illegible] должно было обращаться къ нему, Адріану и его людямъ. Между тѣмъ лавра св. Аѳанасія имѣла на островѣ свои земли, которыя, какъ оказывается вопреки преосв. Порфирію, вовсе не были освобождены отъ государственнаго поземельнаго налога. Пока подать уплачивалась прямо государству, это нисколько не нарушало правъ частной соб-

ственности, но какъ скоро ее приходилось вносить какъ бы въ видѣ оброка частному лицу, то возникало сомнѣніе, кто долженъ считаться собственникомъ. Характеристично именно опасеніе монаховъ, владѣвшихъ землями и обязанныхъ теперь вмѣстѣ съ другими вѣдаться не съ казною, а съ частнымъ въ сущности человѣкомъ, не низводятся-ли они тѣмъ самымъ въ положеніе *париковъ* Адріана, какъ люди не имѣющіе собственной земли, а пользующіеся чужою, за которую несутъ оброкъ и повинности. Царская грамота успокоиваетъ монаховъ и заявляетъ, что они сохраняютъ вполнѣ свои права собственности и господства надъ принадлежащими имъ на полуостровѣ недвижимыми имуществами и будутъ ихъ передавать по преемству непрерывно, и что если они будутъ вносить поземельную подать въ пользу царскаго брата его сборщикамъ, то взамѣнъ того не будутъ имѣть никакихъ обязательствъ по отношенію къ податнымъ чиновникамъ Солунскаго воеводства, къ которому принадлежалъ полуостровъ: послѣдніе совсѣмъ не должны показываться на тѣхъ земляхъ. Далѣе слѣдуетъ другой пунктъ. Оказывается, что ранѣе изданія хрисовула были уже споры между монахами и стороною протосеваста Адріана, а также между монахами и другими частными людьми не о характерѣ владѣнія или собственности, а о самомъ ея реальномъ протяженіи, о количествѣ и пространствѣ участковъ, присвоиваемыхъ сторонами; для рѣшенія споровъ былъ нѣкогда отправленъ предсѣдатель одной изъ высшихъ судебныхъ палатъ въ Константинополѣ (на ипподромѣ), анѳипатъ Михаилъ Родійскій онъ провѣрилъ всѣ владѣльческія права по документамъ и выдалъ новую запись, на основаніи которой каждый долженъ былъ владѣть *своимъ* неотъемлемо и ненарушимо. Теперь монахи желали, чтобы царь призналъ рѣшенія Михаила сдѣланными на основаніи его царскаго приказанія и подтвердилъ ихъ отъ себя. Грамота исполняетъ это желаніе монаховъ. Наконецъ—третій пунктъ—царская золотая грамота обезпечиваетъ монаховъ лавры Аѳанасія отъ всякихъ излишнихъ притязаній со стороны уполномоченныхъ протосеваста Адріана; они не должны подвергать монастырскихъ *париковъ* (людей, сидящихъ на монастырскихъ земляхъ) никакимъ натуральнымъ повинностямъ или денежнымъ поборамъ, а довольствоваться взиманіемъ прежней казенной поземельной подати.

В. Васильевскій.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Ѳ. Успенскій. *Очерки по исторіи византійской образованности.* Спб. 1892. 8°. II + 395 + III стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Ѳ. Успенскій. *Синодикъ въ недѣлю православія.* Одесса 1893. 8°. VI + 96 стр. Цѣна 1 р.

Изъ книгъ по Византіи, вышедшихъ за послѣдніе годы, первое мѣсто по важности затронутыхъ вопросовъ и по количеству новаго рукописнаго матеріала принадлежитъ безспорно сочиненію Ѳ. И. Успенскаго. «Синодикъ, говоритъ авторъ, привлекаетъ къ себѣ научное вниманіе, какъ памятникъ мало изслѣдованный съ точки зрѣнія времени и историческихъ обстоятельствъ его происхожденія и почти совсѣмъ не затронутый со стороны его состава и разности редакцій. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ и когда составленъ Синодикъ, какой былъ первоначальный составъ его, какъ происходили въ немъ постепенные наросты и прибавки, на эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта (стр. 8)». Важная заслуга г. Успенскаго заключается въ томъ, что разсмотрѣвъ греческіе и русскіе рукописные списки Синодика, онъ опредѣлилъ различныя его редакціи, разныя наслоенія и сдѣлалъ первое критическое изданіе этого памятника. Но книга его имѣетъ еще другой болѣе существенный интересъ, потому что онъ поднимаетъ въ ней два вопроса, о развитіи умственнаго движенія въ Византіи и о вліяніи византійской науки на западную. «Въ смыслѣ общеисторическихъ выводовъ, говоритъ авторъ, изученіе Синодика убѣждаетъ, что византійская исторія имѣетъ свои стадіи развитія, представляющія параллелизмъ съ западно-европейскимъ развитіемъ. Черезъ всю исторію Византіи проходитъ живая и упорная борьба изъ за религіозныхъ и философскихъ идей. Эта борьба, часто совсѣмъ не отмѣченная историками, можетъ быть изучаема на основаніи или полемическихъ или ораторскихъ произведеній, восполняющихъ до нѣкоторой степени недостатокъ лѣтописи и утрату философскихъ системъ. Іо-

гическая послѣдовательность между старыми и вновь выдвигающимися вопросами служитъ показателемъ извѣстнаго поступательнаго движенія въ развитіи византійскаго общества (стр. 7—8)». Многимъ могло показаться, что Синодикъ — плохой источникъ для рѣшенія подобнаго вопроса, но г. Успенскій посмотрѣлъ на дѣло иначе. «Само-собой разумѣется, говоритъ онъ, наша ближайшая цѣль будетъ заключаться въ томъ, чтобы уловить единство идеи въ разнообразныхъ формахъ ея проявленія и показать, что при внѣшнихъ отличіяхъ еретическія мнѣнія въ существенномъ исходили изъ одного принципа (стр. 148)». Авторъ излагаетъ этотъ принципъ въ своемъ окончательномъ выводѣ: «Мы можемъ съ полной смѣлостью утверждать, что въ Синодикѣ послѣдовательно проходитъ одна и таже черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себѣ аристотелевское направленіе и съ конца XI до конца XIV вѣка поражала анаѳемой тѣхъ, кто осмѣливался стоять за Платона (стр. 364)». Выводъ этотъ нуждается въ провѣркѣ, которой и посвящается настоящая рецензія.

Первый еретикъ, о которомъ говоритъ проф. Успенскій, это Іоаннъ Италъ, ученикъ Пселла, дѣйствовавшій въ концѣ XI вѣка.

Біографія Итала, совершенно недостаточно извѣстная намъ по сочиненіямъ Анны Комнины и Никиты Хоніата, можетъ быть пополнена нѣсколькими чертами, находящимися въ неизданной рѣчи Пселла, обращенной къ слушателямъ и сказанной въ защиту одного изъ этихъ слушателей, Іоанна Итала. (Въ концѣ этой рѣчи говорится: Cod. Vat. 672, fol. 253. Καὶ πρὸς τὴν ἑκάστου τέχνην καὶ δύναμιν τὰς ἀρετὰς τοῦ λόγου ἀκριβωσόμεθα, μὴ τοίνυν μηδ' ὁ Ἰταλὸς ἀπαξιούσθω τῶν χαρακτήρων, ἀλλ' αὐτός τε μοι κεχαρακτηρίσθω καὶ πᾶς ὅστις ἄλλος τῶν ὁμιλητῶν, ἀσπάζομαι γὰρ ὑμῶν καὶ τὰ νεόγιλα τοῦ λόγου γεννήματα, παρ' ἐμοῦ καὶ ὁ τόκος ὑμῖν καὶ ὡς προπάτωρ ἐγὼ οὐκ ἀπεχθαίρω τὸ ἔκγονον, ὁποῖον ἂν ᾖ, εἴτε κεφαλὴν συμπεπίεσται, εἴτε διηγκοίλωται τὸν ἀγκῶνα, εἴτε τὸ γόνυ ἐξήρθρωται). Товарищи повидимому не любили Итала, можетъ быть вслѣдствіе его неуживчиваго характера, можетъ быть и потому, что онъ былъ иностранецъ, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Слова Анны Комнины, что Италъ не вкусилъ нектара риторики, подтверждаются рѣчью Пселла (Cod. Vat. 672, fol. 252. ὅτι μὲν οὖν ἡ τοῦ λατίνου ἐπιχείρησις εὔτεχνος ἐν ὀλίγοις ὁ λόγος ἔδειξεν, εἰ δὲ μὴ ἀπαστράπτει τῷ τεχνικῷ λόγῳ μηδὲ τὴν λέξιν ἐρρύθμισται μηδὲ ἡ συνθήκη τὴν ὥραν ἔχει τῆς χάριτος θαυμάζειν οὐ χρή).

Насмѣшки товарищей и всяческое злословіе Италъ сносилъ терпѣливо, но наконецъ его обвинили въ еретическихъ мнѣніяхъ, и тогда онъ выступилъ на свою защиту и, по словамъ Пселла, опровергъ ложное обвиненіе, доказавъ чистоту вѣры (Cod. Vat. 672, своей fol. 251 v.—252. Τἄλλα μὲν γὰρ ἐπιεικῶς ἤνεγκε καὶ τῶν ὕβρεων οὐδεμιᾶς πεφρόντικεν, ἀλλὰ φιλοσόφως τὰς κακηγορίας διήνεγκε, πρὸς δὲ τὴν τῆς διαιρέσεως ὕβριν θυμοῦ τε αὐτίκα πεπλήρωτο καὶ τολμηρότερος γεγονὼς διὰ τὴν πληγὴν ἐπιστραφεὶς εὐθὺς παίει

τὸν τρόπον ὥσπερ δόρατι τῷ λόγῳ χρώμενος... Θετταλικῶν τινα τῆς κατηγορίας ἀκόλουθον ποιούμενος... ὥσπερ ἐν κατόπτρῳ τῷ λόγῳ τὸ οἰκεῖον πρόσωπον μορφούμενος τῷ κάλλει τῆς πίστεως). Изъ этого видно, что въ ту минуту отношенія между учителемъ и ученикомъ были хорошія. Тѣмъ не менѣе замѣчаніе Анны Комнины, что «Италъ не выносилъ учителей и не терпѣлъ ученія, полный же дерзости и варварскаго нахальства считалъ себя выше всѣхъ безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ», находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ одномъ сочиненіи Пселла, изъ котораго видно, что Италъ былъ недоволенъ его преподаваніемъ (Boissonade, Psellus p. 164).

Такимъ образомъ Италъ былъ заподозрѣнъ въ неправославномъ образѣ мыслей еще въ то время, когда посѣщалъ философскую школу; анаѳемѣ онъ преданъ былъ позже, въ царствованіе Алексѣя Комнина.

«Хотя философскій характеръ дѣятельности Итала, писалъ Ѳ. И. Успенскій въ 1892 г., не подлежитъ сомнѣнію, но встрѣчаются непреодолимыя препятствія къ ознакомленію съ направленіемъ его мышленія. Одиннадцать положеній Синодика составляютъ самый лучшій источникъ для характеристики его направленія (стр. 161)». Стараясь истолковать анаѳематствованіе, излагающее сущность еретическихъ мнѣній Итала, авторъ прибѣгъ къ гадательному способу: онъ сравнивалъ Итала съ западными схоластиками и старался найти въ извѣстныхъ ученіяхъ ключъ къ ученію, остававшемуся неизвѣстнымъ. Но въ сущности это значитъ объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ же, потому что не зная сочиненій Итала никакъ нельзя сказать, сходился ли онъ съ Росцеллиномъ и Абеляромъ. Къ такимъ произвольнымъ предположеніямъ мы вынуждены были бы прибѣгать, если бы трактаты Итала окончательно пропали для насъ; но они только неизданы. Въ 1893 г. въ приложеніяхъ къ Синодику г. Успенскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ Итала, списанныхъ имъ въ Мюнхенѣ, но къ сожалѣнію не сдѣлалъ изъ нихъ никакихъ выводовъ. Правда, напечатаннаго все еще мало, потому что г. Успенскій по недостатку времени не списывалъ цѣликомъ трактатовъ Итала, причемъ по странной случайности иногда опускалъ самое интересное. Этотъ пробѣлъ я могу восполнить до нѣкоторой степени по рукописному матеріалу, собранному мною въ Ватиканѣ. Правда, и мои выписки не объясняютъ всѣхъ пунктовъ анаѳематствованія, но теперь мы пріобрѣтаемъ по крайней мѣрѣ твердую почву подъ ногами, такъ какъ можемъ опираться на подлинныя слова Итала.

Въ анаѳематствованіи Итала есть два пункта, осуждающіе не какое-нибудь спеціальное его ученіе, а вообще его отношеніе къ языческой философіи. «Благочествовати обѣщавшимся, злочестивая же ученія еллинская злочестиво вводящимъ». «Пріемлющимъ еллинская ученія, мнѣніемъ ихъ тщетнымъ послѣдующимъ и яко истиннымъ вѣрующимъ (п. 2 и 7)». Таковъ былъ дѣйствительно взглядъ Итала: въ маленькомъ трактатѣ о сущности онъ прямо говоритъ, что затруднительные философскіе вопросы

надо рѣшать на основаніи ученія Еллиновъ, хотя ихъ мнѣнія очень часто противорѣчатъ православнымъ догматамъ (Cod. Vat. 1457, f. 14 v. τὸ αὐθύπαρκτον οὐχ ἁπλῶς ἀλλ' ὁμονύμως ἐστι λεγόμενον, δεῖ οὖν τὴν τοιαύτην σημασίαν διελθεῖν εἰς ὅσα τοῖς Ἕλλησιν ἔδοξεν, οὗτοι γὰρ τῆς τοιαύτης ἐπιστήμης καθηγηταί, διὸ κατὰ τὸ δόξαν ἐκείνοις τὰς ἀπορίας λυτέον, εἰ κἂν πολλάκις τοῖς εὐσεβέσι δόγμασιν ἐναντιοῦται τὰ ἐκείνοις δοκοῦντα). Слѣдовательно Италъ считалъ возможнымъ отдавать въ иныхъ вопросахъ предпочтеніе языческой философіи передъ церковнымъ ученіемъ, и такой взглядъ естественно былъ признанъ еретическимъ въ царствованіе, когда по словамъ г. Успенскаго свобода философскаго мышленія ограничена была высшимъ авторитетомъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній (стр. 171). Въ этомъ отношеніи Италъ пошелъ гораздо дальше Пселла, находившаго, что тѣ философскія ученія, которыя противорѣчатъ нашему богословію, должны быть отвергнуты, тѣ же, которыя совпадаютъ съ нашей вѣрой, должны быть принимаемы.

Въ пунктѣ 1 анаѳематствованія Италъ обвиняется въ томъ, что онъ неправильно толкуетъ догматъ о воплощеніи Спасителя. Ничего подобнаго не удалось мнѣ найти въ сочиненіяхъ Итала; единственное извѣстное мнѣ мѣсто, гдѣ излагается ученіе о Троицѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. (Cod. Vatic. 1457, fol. 147 v. Ἀλλ' εἰ θεὸς καὶ θεὸς καὶ αὖθις θεός, πῶς πάλιν εἷς θεὸς καὶ φύσις μία καὶ μία δύναμις ἢ οὐκ ἀναγκαῖον; Θεὸς οὐκ ἀριθμῷ ὑποβέβληται, οὐ φύσει ὑποτέτακται, οὐ πλήθει ὀνομάτων, οὐκ ἄλλῳ οὐδενὶ τῶν ὅσα ἐπ' ἀνθρώπων λέγεται ἁπλοῦν ἀλλ' οὐ κυρίως, ἐπεὶ καὶ τῶν ὑπ' αὐτοῦ γεγονότων ἄναρχον, ἀΐδιον καὶ τούτων οὐδὲν ἔχον καθ' ἑαυτό, φῶς καὶ ζωὴ καὶ αὖθις οὐ ταῦτα καὶ γὰρ ἐκεῖθεν οὐδέ τι ὄν, ἐπε καὶ παρ' αὐτοῦ τὰ ὄντα κἀκείνου ἐφίεται, ἀλλ' ἓν ἴσως καὶ τἀγαθὸν καὶ ταῦταὶ πεφυσμένως καὶ μονὰς τρισυπόστατος, ἧς πατὴρ ἄναρχος καὶ τοῦτο ἁπλῶς χρόνῳ γὰρ καὶ αἰτίᾳ, καὶ υἱὸς συνάναρχος οὐκ αἰτίᾳ ἀλλὰ χρόνῳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ πατρὸς προελθόν, καὶ ταῦτα ἓν καὶ τρία πάλιν, τὸ μὲν φύσει, τὰ δὲ ὑποστάσεσι, καὶ αὖθις τὸ μὲν οὐσίᾳ, τὸ δὲ πρόσωπον, οὐκ ἀθεεὶ συνταττόντων καὶ συναρμολογούντων καλῶς, τῇ μὲν οὐσίᾳ τὴν φύσιν, τὰ δὲ λοιπὰ τοῖς λοιποῖς καὶ γὰρ περιεκτικὰ ἄμφω καὶ θεότης καὶ οὐ θεότης ὁ υἱός, ἀλλὰ θεὸς οὔτε τῶν προσώπων ἕτερον, ἀλλ' ἐν θεότητι ταῦτα καὶ ταῦτα μίᾳ καὶ φύσει καὶ οὐσίᾳ καὶ θελήσει ὡσαύτως, ἀλλὰ καὶ θεότης ἄρα ταῦτα, οὐ γὰρ κατηγοροῦμεν ὡς Ἕλληνες τὰ μὴ ὄντα, οὐδὲ θεότητος τετράδα παρεισάγομεν, καὶ γὰρ ἡ τριὰς πρῶτος ἀριθμὸς τῷ μὴ μετρεῖσθαι ἑτέρῳ καὶ ἐξ ἑτέρων μὴ συγκεῖσθαι, διὸ καὶ μονὰς εἰς δυάδα κινηθεῖσα μέχρι τριάδος ἔστη).

Пунктъ 9-й анаѳематствованія противорѣчитъ пункту 3-му. По послѣднему пункту Италъ считалъ, что человѣческая душа на подобіе души неразумнаго животнаго должна погибнуть и обратиться въ ничто, и такимъ образомъ отрицалъ Воскресеніе и Страшный Судъ; по п. 9-му онъ училъ, что въ конечное и общее воскресеніе люди возстанутъ съ иными тѣлами, а не съ тѣми, съ которыми они провели земную жизнь. Изъ сочиненій Итала видно, что онъ признавалъ безсмертіе души; въ

одномъ трактатѣ не напечатанномъ г. Успенскимъ. Италъ доказываетъ, что безсмертна только душа человѣческая, душа же животныхъ смертна (Cod. Vatic. 1457, fol. 55 εἰ δ' ἔστι τις ἐνέργειαν ἔχουσα τῶν ψυχῶν σωμάτων χωρὶς ὡς Ἀριστοτέλει δοκεῖ, ἀθάνατος ἂν εἴη καὶ ἀΐδιος, καὶ ἡ μὲν λογικὴ καὶ διανοητικὴ καὶ πρὸς Θεὸν ἐπιστρέφουσα ταύτην ἔχουσα τὴν ἐνέργειαν ὀργάνων χωρὶς ἀθάνατός ἐστι, ἡ δὲ τῶν ἀλόγων καὶ θυμοειδὴς ἧς τὰ πάθη λέγεται εἶναι καὶ μηδεμίαν ἐνέργειαν σωμάτων χωρὶς ἔχουσα μὴ νοοῦσα μήτε λογιζομένη φθαρτὴ ἅμα καὶ θνητή). Пунктъ 9-й представляетъ выводъ изъ трактата, напечатаннаго г. Успенскимъ (Синодикъ, стр. 66), въ которомъ авторъ доказываетъ, что тѣла наши воскреснутъ, но при этомъ говоритъ, что такъ какъ матерія постоянно измѣняется, ногти наши напр. и волосы никогда не остаются тѣми же самыми, то и тѣло наше не останется неизмѣннымъ послѣ смерти.

Въ пунктахъ 4-мъ, 8-мъ и 10-мъ осуждается взглядъ Итала на матерію и вселенную: Италъ неправильно училъ, что небо и земля вѣчны и безначальны, считалъ истинными платоновскія идеи, допускалъ, что матерія принимаетъ форму вещей отъ идей, и слѣдовательно отрицалъ, что Творецъ сотворилъ вселенную изъ несущаго. Ученіе Итала о вселенной изложено имъ въ трактатѣ (περὶ τοῦ ὅτι ὁ κόσμος φθαρτός), изъ котораго г. Успенскій напечаталъ, къ сожалѣнію, всего нѣсколько строкъ. Содержаніе этого трактата слѣдующее: Платонъ училъ, что міръ произошелъ, но другіе, увлекаемые ученіемъ Аристотеля, не соглашаются съ Платономъ, говорившимъ, что по предположенію Еллиновъ міръ не вѣченъ. Однако изъ словъ и доказательствъ самого Аристотеля можно опровергнуть его ученіе о вѣчности міра и доказать, что онъ не вѣченъ. Въ восьмой книгѣ физики Аристотель, говоря о причинѣ міра, утверждаетъ, что она будучи неподвижной приводитъ все въ движеніе въ теченіе безпредѣльнаго времени и что она нѣчто безтѣлесное. Если вселенная есть тѣло, она или ограничена въ пространствѣ или безпредѣльна: такъ какъ она не безпредѣльна, она должна быть ограничена и имѣть ограниченную силу, слѣдовательно вселенная не есть вѣчное тѣло, такъ какъ она не пріобрѣла вѣчной силы. Міръ долженъ погибнуть не вслѣдствіе слабости Творца, а вслѣдствіе собственной слабости, ибо матерія есть нѣчто текущее и измѣнчивое и причина зла и лишенія. Нелѣпо считать матерію осужденною на гибель и думать, что міръ въ ней находящійся пребудетъ вѣчно: матерія вселенной текуща и измѣнчива, все находящееся въ матеріи имѣетъ погибнуть, слѣдовательно и міръ. Спрашивается, когда погибнетъ вселенная, будетъ что-нибудь или не будетъ? Если будетъ, этотъ ли міръ или другой? если этотъ, гибель напрасна, если же другой, то или лучше прежняго или хуже или одинаковый; такъ какъ онъ не можетъ стать лучше, ибо тогда и прежде былъ бы лучше, и не можетъ быть хуже, а то творецъ оказался бы безсмысленнымъ, и не можетъ быть одинаковымъ, ибо напрасна была бы гибель и возрожденіе того же самаго, слѣдовательно этотъ видимый міръ вѣченъ и

не подлежитъ гибели (Cod. Vatic. 1457, fol. 145 v. ἔτι δέ φασι διελόμενοι πότερον φθειρομένου τοῦ παντὸς ἔσται τι ἢ οὐκ ἔσται. εἰ μὲν οὖν ἔσται, πότερον οὗτος. ὁ κόσμος ἢ ἕτερος. καὶ εἰ μὲν οὗτος, μάτην τὸ φθαρῆναι· εἰδ' ἕτερίς τις· ἢ κρείττων τοῦ προτέρου ἢ χείρων ἢ ὅμοιος. ἐπεὶ δὲ οὔτε κρείττων δυνατόν· ἦν γὰρ ἂν καὶ πρότερον, οὔτε χείρων ὡς μὴ ἂν ἄτοπος δόξειεν ὁ τεχνίτης, οὐθ' ὅμοιος διὰ τὸ καὶ μάτην τὸ φθαρῆναι καὶ αὖθις γενέσθαι πάλιν τὸν αὐτόν, ἀΐδιος ἄρα καὶ ἄφθαρτος ὁ αἰσθητός ἐστι κόσμος). Противъ этого уже раньше было мною сказано, что нѣтъ необходимости въ подобномъ утвержденіи, такъ какъ мы утверждаемъ, что матерія отъ себя имѣетъ небытіе, отъ Бога же украшена бытіемъ и приведена въ лучшій видъ. Итакъ міръ состоитъ изъ не сущаго и изъ сущаго, вслѣдствіе чего онъ въ то же время сущее и не сущее, сущее же — не имѣющее быть, не сущее же — имѣющее быть. Но можетъ быть кто-нибудь недоумѣваетъ, какимъ образомъ міръ можетъ быть по числу единымъ, ибо погибающее и вновь рождающееся не остается неизмѣннымъ, точно также какъ движеніе, пресѣкающееся и вновь являющееся, не есть едино и одно и то же, ибо оно должно быть отъ того же самаго, въ томъ же самомъ и тѣмъ же самымъ, такъ и погибнувшее и возродившееся не будутъ тѣмъ же самымъ, слѣдовательно міръ, погибнувъ, не будетъ единымъ и тѣмъ же самымъ, но болѣе чѣмъ единымъ и тѣмъ же самымъ. Если не по числу, то по виду міръ единъ, а это и есть истинное едино, ибо едино по числу приписывается матеріи, но это не свойство матеріи, а свойство несущаго, нѣчто же происходящее чрезъ несущее не можетъ быть названо ни единымъ ни сущимъ, едино это несложное по виду, вслѣдствіе чего этотъ міръ единъ. Такъ какъ достаточно сказано о мірѣ, что онъ не можетъ не погибнуть будучи видомъ вещественнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что онъ произойдетъ вновь, ибо гибель его не окончательная и не въ чистое небытіе, но нѣкое физическое измѣненіе и превращеніе, пріобрѣтенное чрезъ прегрѣшеніе, и вновь должно произойти нѣчто и явиться сущее, такъ какъ причина находится постоянно въ движеніи и двигаетъ и не допускаетъ, чтобы было что-нибудь пустое, нерожденное и не имѣющее вида, и это не безпредѣльно, ибо безпредѣльнаго нѣтъ. Такъ какъ міръ долженъ погибнуть и возродиться и не безпредѣльно быть и погибать, ибо напрасно было бы постоянное возрожденіе при постоянной гибели, ясно, что нѣкогда онъ будетъ пребывать освободившись отъ прежняго зла (первороднаго грѣха), который онъ претерпѣлъ чрезъ насъ (fol. 145—146. Πρὸς οὖν ταῦτα εἴρηταί μοι καὶ πρότερον, ὡς οὐκ ἀναγκαῖον οὕτω φάναι, ἐπεὶ τὴν μὲν ὕλην παρ' ἑαυτῆς ἔχειν τὸ μὴ εἶναί φαμεν, παρὰ δὲ θεοῦ τὸ εἶναι κοσμουμένην τε καὶ εἰς εἶδος ἀγομένην βέλτιον. ἐκ μὴ ὄντος ἄρα καὶ ὄντος ὁ κόσμος, διὸ καὶ ὂν ἅμα καὶ οὐκ ὄν, ὂν μὲν οὐκ ἐσόμενον οὐκ ὂν δὲ ἐσόμενον. Ἀλλὰ πῶς ἂν εἴη τῷ ἀριθμῷ ἓν ἀπορήσειεν ἄν τις, οὐ γὰρ δὴ τὸ φθειρόμενον καὶ αὖθις γινόμενον τὴν ἑαυτοῦ σῶζόν ἐστι μεταβολήν, ὥσπερ γὰρ οὐκ ἔστι μία καὶ ἡ αὐτὴ ἡ τεμνομένη καὶ πάλιν γιγνομένη κίνησις, δεῖ γὰρ εἶναι τοῦ αὐτοῦ καὶ ἐν τῷ αὐτῷ καὶ αὖθις καὶ τὸ αὐτὸ, οὕτω καὶ τὸ φθαρὲν

καὶ πάλιν γινόμενον οὐκ ἔσται τὸ αὐτὸ, οὐκ ἔσται ἄρα ὁ κόσμος φθαρεὶς ἕν τι καὶ ταὐτὸν, ἀλλὰ πλείω ἢ ἓν ἤδη καὶ ταὐτὸν, εἰ καὶ μὴ ἀριθμῷ ἀλλὰ εἴδει, τοῦτο ἄρα τὸ ἀληθὲς ἓν, τὸ γὰρ ἀριθμῷ ἓν τῇ ὕλῃ λέγεται εἶναι ἓν, ὃ δὲ τῇ ὕλῃ ἐστὶ τοιοῦτον οὐχ ἁπλῶς ἀλλὰ τῷ μὴ ὄντι, ὃ δὲ τῷ μὴ ὄντι οὔτε ἓν οὔτε ὂν ῥηθήσεται, ἓν ἄρα τὸ τῷ εἴδει ἁπλῶς, διὸ καὶ οὗτος ὁ κόσμος. Ἐπεὶ οὖν εἴρηται περὶ κόσμου ἱκανῶς, ὡς οὐκ ἂν δύναιτο μὴ φθαρῆναι εἶδος ἔνυλον ὂν καὶ καθέκαστον φανερὸν ὡς καὶ γενησόμενον αὖθις, ἡ γὰρ φθορὰ οὐ παντελὴς οὐδέ γε εἰς τὸ ἁπλῶς μὴ ὄν, ἀλλοίωσις δέ τις φυσικὴ καὶ μεταβολὴ, ἣν διὰ τὴν παράβασιν ἐπεκτήσατο, καὶ δεῖ αὖθις γενέσθαι τε καὶ εἶναι τὰ ὄντα, τῆς αἰτίας κινουμένης ἀεὶ καὶ κινούσης καὶ μὴ ἐώσης ἀργόντι εἶναι καὶ ἄγονον ἢ ἀνείδεον καὶ τοῦτο οὐκ ἀπείρως διὰ τὸ μὴ εἶναι τὸ ἄπειρον. ἐπεὶ δὲ φθαρῆναι ἔδει καὶ γενέσθαι καὶ οὐκ ἀπείρως εἶναί τε καὶ φθείρεσθαι, μάτην γὰρ ἔσται γιγνόμενος ἀεὶ καὶ αὖθις φθειρόμενος, φανερὸν ὡς ἔσται ποτὲ διαμένων τῆς πρῴην ἀπαλλαγεὶς κακίας ἣν δι' ἡμᾶς ὡς εἴρηται πέπονθε).

Хотя въ этомъ нѣсколько туманномъ трактатѣ Италъ старается какъ будто опровергнуть мнѣніе Аристотеля, что міръ вѣченъ, онъ въ концѣ концовъ приходитъ къ тому же выводу въ нѣсколько иной формѣ: міръ погибнетъ, но онъ возродится вновь и наступитъ время, когда онъ будетъ вѣченъ. Аргументація Итала основана главнымъ образомъ на доказательствахъ, извлеченныхъ изъ аристотелевскаго ученія: движеніе по Аристотелю вѣчно и дѣйствіе божества на матерію не можетъ прекратиться.

Если бы мѣсто позволяло мнѣ войти во всѣ подробности трактатовъ Итала, то несомнѣнно оказалось бы, что онъ гораздо болѣе слѣдуетъ Аристотелю, чѣмъ Платону. Такъ напр. въ трактатѣ, изданномъ Ѳ. И. Успенскимъ съ большими пропусками (Синодикъ, стр. 62—65), какъ разъ въ опущенныхъ мѣстахъ Италъ прямо выражаетъ свое согласіе съ Аристотелемъ и свое несочувствіе платоновскому ученію. Cod. Vat. 1457, fol. 77 v. ὁ δὲ Ἀριστοτέλης καὶ ταύτην αὐτοῦ (Πλάτωνος) τὴν φιλοσοφίαν ἐπιστάμενος, ἑτέραν προείλετο, ἐκείνης μὲν ἀποδεικτικωτέραν ὥς γε μοι φαίνεται καὶ πολλοῖς ἐπιτηδειοτέραν, τῶν δὲ πλείστων ἀπέχουσαν πλατωνικῶν δογμάτων. fol. 78 τὰ ὑπὸ Πλάτωνος εἰρημένα ἀγενές μοι δοκεῖ καὶ φιλοσοφίας ἀλλότριον.... διὰ δὴ ταῦτα Πλάτωνος ἔδοξεν Ἀριστοτέλης σοφώτερος, ὃς καὶ περὶ ψυχῆς τὸν ἀληθῆ παρέδοκε λόγον. Далѣе Италъ приводитъ обширныя выдержки изъ сочиненія Аристотеля о душѣ.

Если въ сочиненіяхъ Итала и оказывается нѣкоторое вліяніе Платона, все же въ виду преобладающаго вліянія Аристотеля мы не имѣемъ достаточнаго основанія называть Итала платоникомъ. Подробное разсмотрѣніе трактатовъ этого философа едва ли опровергнетъ сообщенія, сдѣланныя о немъ Анной Комниной и Никитой Хоніатомъ. «Онъ раскрывалъ ученіе Прокла и Платона и философовъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля, и изъ нихъ то его произведеніе объяснялось для желающихъ, которое называется Органонъ и которымъ онъ преимущественно занимался». «Послѣ знаменитаго Пселла, говоритъ

Никита Хоніатъ, вождя всей мудрости и знатока всякой словесной науки, Италъ думалъ создать себѣ величіе на аристотелевской риторикѣ». (Очерки, стр. 153, 156).

Въ царствованіе Алексѣя Комнина преданы анаѳемѣ, кромѣ Итала, монахъ Нилъ, Левъ Халкидонскій, Богомилы; къ тому же времени относится и не отлученный Евстратій Никейскій.

«Монахъ Нилъ, говоритъ Ѳ. И. Успенскій, былъ преданъ изученію священныхъ книгъ и не посвященъ въ еллинскую, т. е. языческую науку. Онъ не проходилъ никакой школы, былъ совсѣмъ несвѣдущъ въ искусствѣ логики и, какъ самоучка, погрѣшилъ въ толкованіи смысла писаній. Здѣсь умѣстно было бы вспомнить, что Нилъ именно является выразителемъ того направленія, которое желалъ закрѣпить царь Алексѣй Комнинъ, рекомендуя не полагать образованія въ еллинской мудрости, а ставить на первый планъ священныя книги и учителей церкви (стр. 190)». Слѣдовательно необразованный Нилъ представляетъ полнѣйшую противоположность съ философомъ Италомъ.

Архіепископъ Никейскій Евстратій, ученикъ Итала, погрѣшилъ въ томъ, что одно время считалъ воспринятое Христомъ человѣческое естество находящимся въ служебномъ и подчиненномъ отношеніи къ божескому, въ чемъ впрочемъ самъ покаялся. Дошедшія до насъ сочиненія Евстратія написаны въ православномъ духѣ и направлены противъ лжеученій латинянъ и Армянъ, такъ что и послѣ изслѣдованія г. Успенскаго остается неяснымъ, въ чемъ состояла новая ересь Евстратія и когда онъ сталъ еретикомъ, ибо до конца царствованія Алексѣя Комнина оставался ревнителемъ вѣры и имя его не упоминается въ Синодикѣ. Во всякомъ случаѣ Евстратія нельзя называть платоникомъ; самъ Ѳ. И. Успенскій указываетъ на то, что онъ написалъ комментарій къ Аристотолевскимъ сочиненіямъ, а если бы авторъ не оставилъ безъ разсмотрѣнія его сочиненій, онъ убѣдился бы, что когда Евстратій, не довольствуясь Св. Писаніемъ и отцами церкви, прибѣгаетъ къ философіи, онъ черпаетъ аргументы изъ аристотелевскаго ученія. Въ одномъ мѣстѣ Евстратій опровергаетъ платоновскій взглядъ на матерію словами ап. Павла (εἰ γὰρ καὶ μήτηρ ὠνομάσθη παρά τινων ἡ ὕλη καὶ τιθηνὸς τῶν εἰδῶν, καὶ τοῦτο ἴσως προτείνεσθαι οἱ ἀντιπίπτοντες οὐκ αἰσχύνονται οὐδὲ Παύλῳ πείθονται νομοθετοῦντι πνευματικοῖς συγκρίνειν πνευματικά. Demetracopulus, Biblioth. ecclesiast. T. I, 52).

Ересь митрополита Халкидонскаго Льва произошла по причинамъ политическимъ. «Царь Алексѣй Комнинъ, говоритъ г. Успенскій, во время войны съ Робертомъ Гвискаромъ, затрудняясь пріискать средства на уплату жалованья войскамъ, рѣшился наложить руку на церковныя сокровища и приказалъ, съ согласія впрочемъ церковной власти, перелить въ монету нѣкоторыя церковныя украшенія и между прочимъ халкопратійскія двери, на которыхъ были изображены двѣнадцать господнихъ праздниковъ. Это обстоятельство сопровождалось значительными

и продолжительными волненіями. Халкидонскій митрополитъ Левъ съ особенной энергіей выступилъ противъ царскаго распоряженія, приравнявъ его къ иконоборству. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ порицалъ правительство, доказывая незаконность посягательства на священные предметы и возбуждая умы. Свѣтская власть нашлась въ необходимости положить конецъ соблазну (стр. 198)». Воспользовавшись неосторожнымъ выраженіемъ Льва, его предали соборному суду и отлучили отъ церкви. Богословскій споръ объ иконопочитаніи, ведшійся на соборѣ, изложенъ въ діалогѣ Евстратія, гдѣ Филосиніоъ поддерживаетъ мнѣніе Льва, а самъ авторъ въ лицѣ Филалиѳа защищаетъ церковное ученіе. Заблужденіе Льва не имѣло никакой философской подкладки; если бы онъ опирался на какихъ-нибудь языческихъ мудрецовъ, въ особенности же на Платона, Евстратій конечно не оставилъ бы этого безъ вниманія и опроверженія. Этотъ споръ объ иконахъ никакъ нельзя ставить въ связь съ Италомъ или Ниломъ, а развѣ только съ гораздо болѣе ранними преніями иконоборческаго періода.

Богомилы, противъ которыхъ направлено послѣднее анаѳематствованіе въ царствованіе Алексѣя Комнина, не имѣли конечно ничего общаго съ помянутыми еретиками того же времени.

«Время царя Мануила, говоритъ г. Успенскій, было богато религіозными спорами, поставивъ на очередь важные догматическіе вопросы, въ толкованіи коихъ не могли согласиться греческіе богословы. Вопросъ о лицѣ Іисуса Христа и о безкровной (?) жертвѣ, принесенной Богочеловѣкомъ за грѣхи всего міра и ежедневно совершаемой въ таинствѣ евхаристіи, явился камнемъ преткновенія для многихъ (стр. 211)». На соборѣ 1156 г. обсуждался вопросъ, какъ понимать произносимыя на литургіи слова: «Ты еси приносяй и приносимый», а соборъ 1166 г. занимался истолкованіемъ евангельскихъ словъ: «Отецъ мой болій Мене есть».

Ѳ. И. Успенскій представилъ обстоятельную критику соборныхъ дѣяній, безъ которой нельзя будетъ обходиться изслѣдователю церковнаго ученія XII вѣка, и освѣтилъ это время впервые имъ напечатаннымъ отрывкомъ изъ сочиненія Никиты Акомината Orthodoxiae Thesaurus; но ему не удалось доказать, чтобы чисто богословскіе споры временъ Мануила имѣли философскую подкладку и чтобы они находились въ преемственной связи съ еретическими ученіями царствованія Алексѣя Комнина. Относительно втораго собора самъ авторъ не утверждаетъ ничего подобнаго, но споръ, возникшій на первомъ соборѣ, когда былъ отлученъ Сотирихъ, имѣетъ по его мнѣнію философскій характеръ. Разсматривая обличеніе на Сотириха, написанное Николаемъ Меѳонскимъ, проф. Успенскій говоритъ:

«Обличитель смотритъ на ученіе Сотириха, какъ на чуждое, не туземное ученіе. Это нѣсколько странное притязаніе имѣетъ себѣ объясненіе въ дальнѣйшихъ словахъ обличенія, гдѣ писатель ведетъ рѣчь о платонизмѣ и аристотелизмѣ. Съ точки зрѣнія нашего автора, заблужденіе

Сотириха имѣетъ причину въ усвоеніи платоновскаго ученія объ идеяхъ. Относящееся сюда мѣсто читается такъ: «Но кто же, спросимъ и мы, говоря о чистыхъ и нематеріальныхъ сущностяхъ, сталъ бы мыслить ихъ дѣйствующими по себѣ и утверждать, что одна изъ нихъ приноситъ, а другая принимаетъ приносимое и при томъ послѣднее есть кровь приносящей? Это отзывается болѣе позволительнаго ученіемъ о безтѣлесной идеѣ. Превосходнѣйшій изъ греческихъ мудрецовъ Платонъ воображаетъ нѣкоторыя идеи, такъ представляя себѣ роды и виды, и видя въ нихъ то всеобщія, то частныя энады; но однакоже онъ не принимаетъ ихъ въ томъ смыслѣ, какъ ты, новый философъ. Далеко нѣтъ. Онъ представляетъ ихъ какъ первыя самобытныя сущности или естества, и именно всеобщія, изъ которыхъ доказываетъ происхожденіе частныхъ (т. е. сущностей) и называетъ ихъ богами первыми и вторыми, и отъ нихъ уже, говоритъ, происходитъ прочее. Но эту теорію Платона достаточно опровергъ скоро за нимъ слѣдовавшій по времени великій мудрецъ Аристотель, который удачно назвалъ болтовней приведенное мнѣніе Платона объ этихъ идеяхъ, нисколько не содѣйствующей къ понятію сущаго и представляющей лишь пустые звуки, которые не могутъ образовать гармоніи. Вслѣдствіе чего приверженцы перипатетической школы держались мнѣнія, что эти идеи суть простыя отвлеченія мысли». Приведенный отрывокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что догматическіе вопросы о таинствѣ Евхаристіи и вообще богословская борьба времени Мануила въ томъ и имѣла свою реальную силу и важность, что исходила изъ философскихъ принциповъ (стр. 222)».

Соображенія г. Успенскаго представляются на первый взглядъ убѣдительными, но если прочесть все обличеніе Николая Меѳонскаго, легко прійти къ другому выводу. Изъ 39 страницъ этого сочиненія по изданію Димитракопуло (Bibliotheca ecclesiastica, tom. I), всего полстраницы посвящены ученію древнихъ философовъ. Если обратиться къ почти дословному изложенію Обличенія, сдѣланному арх. Арсеніемъ (Христіан. Чтеніе 1883 г., ч. I), тотчасъ же становится яснымъ, что Николай Меѳонскій опровергаетъ Сотириха исключительно на основаніи Св. Писанія и отцовъ церкви, не прибѣгая вовсе къ аргументамъ, почерпаемымъ изъ философской системы Аристотеля. Самый отрывокъ, приведенный г. Успенскимъ, переданъ имъ не точно и имѣетъ иной смыслъ. «Кто же, говоритъ Николай Меѳонскій, не только изъ двора нашего (т. е. изъ православныхъ богослововъ), но и изъ находящихся внѣ его (т. е. языческихъ философовъ) станетъ допускать естества чистыя и неипостасныя (ἢ τίς ἂν καὶ εἴη, μήτοιγε τῆς ἡμετέρας αὐλῆς, ἀλλὰ καὶ τῶν ἔξω ταύτης, φύσεις εἰσάγων ψιλὰς καὶ ἀνυποστάτους)»? Платонъ измыслилъ нѣкіи идеи, но и онъ не представлялъ ихъ неипостасными согласно предположенію этого новаго философа (Сотириха). Аристотель опровергъ платоновское ученіе объ идеяхъ. Это мѣсто Обличенія имѣетъ по моему мнѣнію такой смыслъ: Сотирихъ говоритъ такую нелѣпость, какой не говорили даже языческіе философы;

нѣчто подобное можно пожалуй найти у Платона, но все-таки не въ томъ нелѣпомъ видѣ, какъ у Сотириха. Изъ этихъ словъ нельзя заключать, чтобы Сотирихъ въ своемъ еретическомъ ученіи опирался на Платона, такъ какъ онъ могъ выразить мысль нелѣпую съ точки зрѣнія Николая Меѳонскаго, не пользуясь Платономъ. Г. Успенскій не привелъ одной очень важной фразы Обличенія, опровергающей по моему мнѣнію его взглядъ на это сочиненіе. Послѣ словъ «приверженцы перипатетической школы держались мнѣнія, что идеи суть простыя отвлеченія мысли» Николай Меѳонскій говоритъ: «Но впрочемъ пусть внѣшніе мудрецы будутъ оставлены внѣ настоящей рѣчи (ἀλλ' οἱ μὲν ἔξω σοφοὶ λοιπὸν καὶ τοῦ παρόντος ἀφείσθωσαν λόγου)», другими словами, не будемъ заниматься языческими философами, такъ какъ они оказываются лишними при обсужденіи нашего богословскаго вопроса. Изъ этого видно, что Николай Меѳонскій не придавалъ значенія своему замѣчанію о Платонѣ, и понятно, что приведенныя слова его о языческой философіи были бы неумѣстны, если бы богословская борьба времени Мануила, какъ утверждаетъ г. Успенскій, исходила изъ философскихъ принциповъ, и если бы заблужденіе Сотириха имѣло причину въ усвоеніи платоновскаго ученія.

Въ Синодикѣ нѣтъ анаѳематствованій, относящихся къ XIII вѣку, вслѣдствіе чего г. Успенскій вынужденъ былъ перейти отъ XII вѣка къ XIV. Въ главѣ, посвященной борьбѣ Варлаамитовъ и Паламитовъ и спору о Ѳаворскомъ свѣтѣ, находимъ много любопытныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ рукописей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много разнорѣчиваго, такъ что трудно разобраться въ противоположныхъ объясненіяхъ автора и не знаешь, какому выводу отдать предпочтеніе. «Борьба между Паламой и Варлаамомъ, говоритъ г. Успенскій, сводится къ исторіи философскихъ школъ въ Византіи (стр. 273)». Черезъ нѣсколько страницъ авторъ утверждаетъ, что «споръ между Варлаамомъ и Паламой сводится къ толкованію Аристотеля, рѣшаемыя въ этомъ спорѣ проблемы относятся къ области философіи» и тутъ же онъ сообщаетъ, что, по мнѣнію Варлаама, «самымъ безошибочнымъ средствомъ къ познанію сущаго служитъ логика», «Палама же и аѳонскіе монахи, не признавая за логикой и вообще за внѣшней мудростью (т. е. философіей) могущественнаго орудія къ познанію причины всего сущаго, ссылались на авторитетъ церковнаго преданія и святоотеческихъ писаній, какъ на единственно надежный путь къ познанію сущаго (стр. 279)». Далѣе г. Успенскій высказываетъ другой взглядъ: «Что Палама и его противники были представители двухъ враждебныхъ философскихъ лагерей, это отмѣчено въ одной статьѣ Синодика: противники Паламы дерзнули привносить ученіе о платоновскихъ идеяхъ и еллинскіе миѳы. Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ ставится внѣ сомнѣнія источникъ занимающей насъ полемики: это новый эпизодъ борьбы аристотеликовъ съ приверженцами Платона, это продолженіе спора, нашедшаго себѣ выраженіе въ статьяхъ Синодика XI и XII вѣковъ (стр. 311)». Если Палама былъ аристотеликомъ, а Варлаамъ

платоникомъ, споръ ихъ не сводится къ толкованію Аристотеля; если борются представители враждебныхъ философскихъ лагерей, странно, что одинъ изъ этихъ представителей не видитъ въ философіи могущественнаго орудія къ познанію всего сущаго.

Но можно ли сводить споръ Варлаамитовъ и Паламитовъ къ борьбѣ двухъ философскихъ школъ, кого называть аристотеликами, кого платониками? Никифоръ Григора обвиняетъ Варлаама въ томъ, что знаніе его ограничивается однимъ Аристотелемъ, что онъ мало знаетъ и недостаточно цѣнитъ Платона. Въ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Варлаама, ему ставится въ вину не платонизмъ, а предпочтеніе какое онъ отдаетъ языческой философіи вообще предъ Св. Писаніемъ и преданіемъ. Въ похвальномъ словѣ Нила Григорію Паламѣ о Варлаамѣ говорится слѣдующее: «Онъ полагалъ, что нѣтъ ничего выше и больше еллинской мудрости и обязательной силы силлогизмовъ и той истины, которая уловляется ими какъ добыча, и что ничто другое не въ состояніи привести къ знанію причинъ всего сущаго. А вотъ это и еще безумнѣе и превосходитъ всякую воображаемую нелѣпость, что по его мнѣнію и съ самимъ Богомъ никто не можетъ соединиться, если не пройдетъ прежде этого пути; что только тотъ, кто вступитъ въ общеніе съ Пиѳагоромъ, Аристотелемъ и Платономъ и изучитъ изъ нихъ естественные законы природы, пойметъ происхожденіе вещей, только тотъ можетъ прійти къ воспріятію истины. Ибо, говорилъ онъ, если Богъ есть истина, то незнаніе истины есть незнаніе Бога; всякій же, кто не изучилъ внѣшней мудрости и не ознакомился съ тѣмъ, что изобрѣли еллинскіе мудрецы о движеніи небесныхъ тѣлъ или природы, не знаетъ истины, а это одно и тоже, что не знать Бога (стр. 266)». Въ похвальномъ словѣ въ честь Паламы Филоѳей говоритъ, что Варлаамъ «пропустивъ философскія доказательства мудрыхъ богослововъ, называетъ еллинскихъ мудрецовъ, т. е. Аристотеля и Платона и ихъ послѣдователей, божественными и Богомъ просвѣщенными существами (стр. 267)». Такимъ образомъ противники Варлаама не дѣлаютъ никакого различія между Аристотелемъ и Платономъ, считая невозможнымъ въ богословскихъ спорахъ опираться на авторитетъ языческихъ философовъ.

Замѣчательно, что Варлаамиты со своей стороны обвиняютъ Паламу въ томъ самомъ, въ чемъ они обвиняются. Акиндинъ въ отрывкѣ, изданномъ г. Успенскимъ, говоритъ, что Палама безумствуетъ вмѣстѣ съ Еллинами и обновляетъ платоновскія идеи (Синодикъ, стр. 84). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Акиндинъ такъ характеризуетъ ученіе Паламы: «Онъ перевернулъ все вверхъ дномъ и не оставилъ на мѣстѣ ни одного догмата. Духъ же его изворотливаго умствованія — еллинскій свыше мѣры. Ибо дѣлится на части монада и измѣряется не лицами, но степенями реальныхъ проявленій; разсѣкается на части то, что нераздѣльно, да и самыя эти части снова подвергаются дѣленію, какъ будто составленныя изъ безчисленныхъ чуждыхъ элементовъ: тутъ есть и Демокритово мно-

жество, и Эмпедоклова вражда, и Платоновы формы, и боги Эллады и заблужденія Арія и Савелія (стр. 278)». Въ тезисахъ, собранныхъ партіей Варлаама, Палама обвиняется между прочимъ въ еллинскомъ многобожіи, въ пиѳагоризмѣ, въ увлеченіи аристотелевскимъ ученіемъ о безначальности и безконечности міра (стр. 273). «Ясное дѣло, говоритъ г. Успенскій, что всѣ эти обвиненія не могутъ быть признаны за ученія, высказанныя Паламой, но составляютъ выводъ, сдѣланный противниками изъ его посылокъ». Дѣйствительно, для подобнаго обвиненія вовсе не требовалось, чтобы обвиняемый пользовался языческими философами; если въ его сочиненіяхъ можно было найти что-нибудь подходящее къ разсужденіямъ еллинскихъ мудрецовъ, этого было вполнѣ достаточно, и въ разгарѣ полемики малѣйшему сходству придавали преувеличенное значеніе. По справедливому замѣчанію Ѳ. И. Успенскаго, «можно бы, казалось, ожидать полнаго и всесторонняго освѣщенія возгорѣвшейся между Паламой и Варлаамомъ борьбы, такъ какъ она занимала общество цѣлыя десятилѣтія, породила обширную литературу, потребовала сильнаго напряженія умовъ и вмѣшательства свѣтской и духовной власти. Однакоже эта литература, свидѣтельствующая о страстной борьбѣ и раздраженіи партій, далеко не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ запросамъ критики, ибо отличается односторонностью и умолчаніями (стр. 311)».

Поэтому для выясненія основной точки зрѣнія Паламы слѣдовало бы воспользоваться его неполемическими сочиненіями, чего г. Успенскій не сдѣлалъ. Въ одномъ философскомъ трактатѣ (Capita physica, theologica etc.) Палама, сказавъ о сотвореніи міра и человѣка на основаніи Св. Писанія, говоритъ слѣдующее: Вотъ въ чемъ заключается истинная мудрость и спасительное знаніе, доставляющее истинное блаженство. Какой Евклидъ, какой Маркъ, какой Птолемей могли узнать это? Какіе Эмпедоклы, Сократы, Аристотели, Платоны могли познать эту истинную мудрость путемъ логическихъ методовъ и математическихъ доказательствъ? Какъ неразумныя животныя относятся къ мудрости еллинскихъ философовъ, точно также эти послѣдніе относятся къ истинной мудрости и ученію Духа. Не только [illegible] [illegible] Бога [illegible] еллинскихъ философовъ [illegible] [illegible]

Въ сочиненіи [illegible] Варлаамъ [illegible] [illegible] г. Успенскаго [illegible]

ворить, что у грековъ очень мало людей искусныхъ въ словѣ, а еще менѣе такихъ, которые бы съ бо̀льшимъ вниманіемъ и усердіемъ занимались Св. Писаніемъ, чѣмъ сочиненіями свѣтскихъ писателей (стр. 317). Можно сказать, что въ тонкомъ богословскомъ спорѣ о Ѳаворскомъ свѣтѣ противники смотрѣли на предметъ съ общей точки зрѣнія, расходясь только въ частностяхъ, иначе церковь не могла бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ колебаться между мнѣніями Варлаама и Паламы, иначе не могли бы они бросать другъ въ друга тѣ же самыя обвиненія. Во всякомъ случаѣ Варлаамитовъ и Паламитовъ нельзя называть представителями разныхъ философскихъ школъ.

Почему же, спрашиваетъ г. Успенскій, вопросъ поднятый Варлаамомъ (о неправославіи аѳонскихъ монаховъ) получилъ такое важное политическое значеніе? и отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что объясненіе того должно видѣть въ имени массаліанства, которымъ Варлаамъ обозначилъ защищаемое Паламой направленіе. Это значило, что аѳонскіе подвижники и македонскіе монахи суть еретики, зараженные богомильствомъ, что ихъ ученіе о состояніи полнаго безстрастія, въ которомъ человѣкъ способенъ соединиться съ Божествомъ, напоминаетъ ученіе евхитовъ, секты, соединившейся съ богомильствомъ въ славянскихъ земляхъ. Словомъ этимъ дѣлается намекъ на очень извѣстное и распространенное на Балканскомъ полуостровѣ ученіе. Другой вопросъ на сколько Варлаамъ былъ правъ, бросая противъ исихастовъ и защитника ихъ Паламы этотъ упрекъ. Для сужденія объ этомъ имѣется весьма мало данныхъ. Мы должны однако взвѣсить то обстоятельство, что начало борьбы истекаетъ изъ Македоніи, и что тамъ же черпала главнымъ образомъ свои силы и подкрѣплялась приверженцами партія Паламы. Такимъ образомъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно думать, что Варлаамъ попалъ въ цѣль, употребивъ приведенное выраженіе (стр. 323)». На это объясненіе г. Успенскій возражаетъ себѣ самъ, говоря: «Ожесточенная литературная борьба, завязавшаяся между Варлаамомъ и Паламой, не можетъ быть понята исключительно съ точки зрѣнія разностей въ богословскомъ направленіи, а обусловливается другими мотивами, которые привели въ движеніе и питали самую богословскую полемику. Послѣ того, какъ литературный споръ между Варлаамомъ и Паламой переведенъ былъ къ выясненію формулъ вѣроученія, наблюдается періодъ колебанія въ церкви, чьему ученію отдать предпочтеніе. Отъ 1341 по 1347 годъ вопросъ о православіи Паламы подвергался еще большому сомнѣнію, и никто не могъ рѣшительно утверждать, что его толкованіе этихъ формулъ возьметъ перевѣсъ надъ ученіемъ Варлаама. Партія Паламы получила преобладаніе тогда, когда Іоаннъ Кантакузинъ нашелъ полезнымъ воспользоваться ея вліяніемъ и значеніемъ для утвержденія своей власти (стр. 249)».

Въ разбираемой книгѣ есть указанія на истинную причину борьбы Варлаамитовъ съ Паламитами, указанія, которыми однако авторъ не

воспользовался. Въ предисловіи къ словамъ Христодула противъ ереси Варлаама говорится: «Варлаамъ вооружается противъ исихіи (молчальничества) и ея приверженцевъ, утверждая, что она представляетъ собой путь къ погибели, а не ко спасенію, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе живущему вопреки Евангельскому ученію, какъ будто именно возлюбившіе исихію шли противъ Божественнаго Евангелія. Итакъ, онъ нанесъ исихастамъ много оскорбленій, называя ихъ массаліанами, обманщиками и другими подобными именами (стр. 269)». Въ обличительномъ словѣ противъ Григоры Филоѳей говоритъ: «Слѣдуя Варлааму, напавшему изъ дурныхъ побужденій на священную исихію и ревнителей ея, онъ, какъ ученикъ и преемникъ его заблужденія, наноситъ тяжкое оскорбленіе іереямъ Божіимъ и пастырямъ и учителямъ, оскорбивъ чрезъ нихъ самого Бога. Сдѣлавъ грубое нападеніе на исихастовъ и вмѣстѣ на подвижниковъ и аскетовъ, онъ сталъ попирать ногами и всю добродѣтель въ теоріи и на практикѣ, имѣя цѣлью священный Аѳонъ, общее вмѣстилище всякой добродѣтели, этотъ сонмъ, избранный во всей вселенной, гдѣ хранятся по истинѣ олимпійскія доблести. На этомъ-то Аѳонѣ Григора не нашелъ даже и слѣда добродѣтели, для него и его приверженцевъ остался невидимымъ тотъ блескъ всяческой добродѣтели, который какъ зажженный костеръ освѣщаетъ землю и море, острова и города, который свѣтитъ еллинамъ и варварамъ и доходитъ до отдаленныхъ предѣловъ вселенной. Не будучи въ состояніи возвыситься до уразумѣнія высшихъ качествъ жизни святогорцевъ, Григора обращаетъ противъ нихъ обвиненія въ обжорствѣ и чревоугодіи, въ объяденіи и пьянствѣ, въ чрезмѣрной праздности и вообще въ такихъ порокахъ, которые не всегда можно находить даже между мірскими людьми (стр. 271)». По словамъ Давида, Варлаамъ прежде всего выступилъ съ возраженіемъ противъ ученія греческихъ монаховъ о божественномъ сіяніи и [illegible] и написалъ сочиненіе въ доказательство того положенія, что свѣтъ, возсіявшій на горѣ Ѳаворѣ, былъ вещественный и тлѣнный и созданный на тотъ моментъ, чтобы поразить изумленіемъ учениковъ Христовыхъ, бывшихъ вмѣстѣ [illegible]. Сочиненіе Варлаама произвело волненіе между монахами, которые и обратились къ Паламѣ съ просьбою, чтобы онъ поговорилъ съ Варлаамомъ, убѣдилъ его и удержалъ отъ подобныхъ словъ и писаній, оскорбительныхъ для монашествующихъ (стр. 319). По словамъ Акиндина, Варлаамъ былъ [illegible] всего монашескаго сословія (стр. [illegible]). Однажды въ [illegible], разсказываетъ г. [illegible], Варлаамъ зашелъ въ монастырь такъ называемыхъ исихастовъ, чтобы познакомиться съ образомъ жизни тамошнихъ монаховъ. Здѣсь прежде всего не могли не броситься ему въ глаза и не показаться странными рѣзкая разница въ типѣ греческаго подвижничества въ сравненіи его съ типомъ подвижничества на западѣ. На западѣ, какъ извѣстно, монахи [illegible] въ [illegible] жизнью трудовою и разнообразною, [illegible] кругъ занятій ихъ не ограничивался [illegible] и

вообще религіозными упражненіями, они занимались и науками, воздѣлывали землю и т. п. Восточные же монахи большею частью отличались замкнутою созерцательностью и суровымъ самоистязаніемъ, ограничивая поприще своей дѣятельности узкими стѣнами мрачной келліи. Эти общія черты восточнаго подвижничества у исихастовъ были доведены до крайняго развитія. Но еще болѣе удивился Варлаамъ, когда выслушалъ отъ одного брата-исихаста, будто монахи въ минуты наиболѣе глубокаго религіознаго настроенія удостоиваются видѣть божественный свѣтъ (Труды Кіевской Духов. Акад. 1872 г., т. I. стр. 328)».

Варлаамъ нападаетъ на монаховъ, Палама защищаетъ ихъ, и въ этомъ-то и заключается истинный смыслъ богословскаго спора XIV вѣка. Борьба Варлаама съ Паламой, это послѣдній эпизодъ долговременной борьбы двухъ церковныхъ партій, бѣлаго духовенства и монашества, зилотовъ и политиковъ, какъ называетъ ихъ проф. Лебедевъ. Варлаамъ былъ представителемъ партіи бѣлаго духовенства (политиковъ), Палама вождемъ противоположной партіи (зилотовъ). Зилоты, по словамъ проф. Лебедева, не отличались образованностью, потому что ставили не высоко науку и не принимали попеченій о томъ, чтобы насаждать просвѣщеніе въ классѣ духовенства. Пастырей нравственно строгихъ они предпочитали ученымъ пастырямъ. Къ монахамъ зилоты относились сочувственно, часто опирались на нихъ въ борьбѣ съ своими врагами, открывали имъ путь для вліянія и дѣятельности. Въ противоположность зилотамъ, политики опирались въ своей дѣятельности не на монаховъ, а на бѣлое духовенство и на интеллектуальный классъ общества. Такъ какъ зилоты патріархи стояли въ близкихъ сношеніяхъ съ монашескимъ сословіемъ и опирались на него въ борьбѣ съ противной партіей, то эти патріархи старались дѣлать все возможное для возвышенія монашества. Они устранялись обычая, по которому не одни монахи, а и клирики удостоивались епископскаго сана, — отдавали рѣшительное предпочтеніе монахамъ при выборѣ на архіерейскія должности.

Борьба Варлаамитовъ и Паламитовъ должна быть поставлена въ связь съ предшествующимъ временемъ, но не съ соборами временъ Мануила Комнина и не съ анаѳематствованіемъ Итала. Связь эта давно указана И. Е. Троицкимъ въ его статьяхъ «Арсеній и Арсениты» (Христ. Чтеніе 1867—1872 г.).

«Столкновеніе двухъ партій, говоритъ проф. Лебедевъ, зилотовъ и политиковъ, встрѣчается на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ. Въ XII вѣкѣ партія умѣренныхъ, уступчивыхъ, партія политиковъ, чаще противоположной появляется у кормила правленія. Въ XIII вѣкѣ видимъ почти тоже самое. Но въ томъ же XIII вѣкѣ, точнѣе въ концѣ его, довольно ясно можно замѣчать, что партія зилотовъ крѣпнетъ и усиливается, лучше формируется и начинаетъ отличаться большей опредѣленностію принциповъ. А въ XIV вѣкѣ зилоты явно торжествуютъ надъ своими противниками». (Византійско. вост. церковь отъ конца XI в., стр. 493—494).

И. Е. Троицкій понялъ арсенитское движеніе и борьбу Арсенитовъ съ противниками, какъ обнаруженіе извѣстнаго рода принциповъ, которыми Арсениты отличались отъ ихъ противниковъ, и указываетъ на то, что принципы Арсенитовъ, разумѣется не въ чистомъ и первоначальномъ ихъ видѣ, наконецъ въ XIV вѣкѣ одерживаютъ верхъ надъ принципами противоположной стороны. «Окончательное торжество монашества, говоритъ онъ, надъ бѣлымъ духовенствомъ по вопросу о занятіи высшихъ мѣстъ въ іерархіи, и слѣдовательно по управленію церковью, совершилось во времена такъ называемыхъ исихастскихъ споровъ. Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ тріумфомъ Аѳонскихъ иноковъ, предводимыхъ Григоріемъ Паламой, надъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ. На побѣду ихъ надъ этимъ патріархомъ можно смотрѣть какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патріархъ на константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ іерархіи исключительно уже замѣщаются монашествующими, а константинопольскій патріаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ Св. горы Аѳонской» (Христ. Чтен. 1872, т. III, стр. 650—651).

Такъ какъ Ѳ. И. Успенскій ограничился въ своемъ изслѣдованіи матеріаломъ, представляемымъ Синодикомъ, ему пришлось имѣть дѣло съ разнородными явленіями. Церковь предавала анаѳемѣ разныхъ лицъ по разнообразнымъ причинамъ. Мало общаго между опаснымъ философомъ Италомъ, необразованнымъ монахомъ Ниломъ, возстававшимъ противъ царя митрополитомъ Львомъ, врагомъ монашества Варлаамомъ. Между этими еретиками нѣтъ генетической связи, и принципъ, объединяющій еретическія мнѣнія, на который указываетъ Ѳ. И. Успенскій, едва ли существовалъ на самомъ дѣлѣ. Еретики не были платониками, и церковь не усвоила себѣ аристотелевскаго направленія.

Чтобы прослѣдить движеніе философской мысли въ Византіи, надо было бы начать съ Іоанна Дамаскина, перейти къ Пселлу и Италу, заняться комментаторами Аристотеля, логикой Никифора Влеммида, и закончить это изслѣдованіе Плиѳономъ и Схоларіемъ. Во всякомъ случаѣ, изъ книги проф. Успенскаго не видно поступательнаго движенія въ развитіи византійскаго общества; изъ разобранныхъ имъ писателей самый интересный и оригинальный философъ—это не послѣдній, а первый, Іоаннъ Италъ, въ XIV же вѣкѣ одолѣваетъ партія, не уважающая науки.

Въ разбираемой книгѣ авторъ занимается еще другимъ важнымъ вопросомъ о вліяніи византійской науки на западную и находитъ это вліяніе въ XI вѣкѣ, когда появилась логика Пселла, переведенная впослѣдствіе на латинскій языкъ, и въ XIV вѣкѣ, когда Варлаамъ училъ Петрарку. «Если мысль о воздѣйствіи византійской учености на западное развитіе можетъ быть допускаема въ XI вѣкѣ въ сферѣ изученія логики,

замѣчаетъ г. Успенскій, то въ этомъ получился бы важный культурно-исторический фактъ, который не долженъ оставаться безслѣднымъ въ дѣлѣ изученія Византіи (стр. 169)». Замѣчаніе это справедливо, но спрашивается, существуетъ ли такой фактъ?

Въ очеркахъ по исторіи византійской образованности г. Успенскій категорически утверждаетъ: «Прантль установилъ и подтвердилъ рукописнымъ матеріаломъ очень любопытный культурно-историческій фактъ, имѣющій общеисторическое значеніе, что Аристотелевская логика въ передѣлкѣ Пселла имѣла громадное и продолжительное вліяніе на Западѣ, ставъ основой всѣхъ школьныхъ руководствъ. Извѣстный ученый второй половины XIII вѣка Петръ Испанскій (папа Іоаннъ XXI) своимъ переводомъ Пселлова сокращенія на долго утвердилъ его господство въ западной наукѣ. Въ настоящее время это воздѣйствіе Византіи на Западную Европу посредствомъ логики Пселла можно считать прочно установленнымъ фактомъ (стр. 261)». Въ Синодикѣ авторъ выражается менѣе категорично: «Мюнхенскій cod. graecus 548 заключаетъ извѣстный трактатъ Пселла по логикѣ, τοῦ σοφωτάτου Ψελλοῦ εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην σύνοψις. Нѣтъ сомнѣнія, что пока этотъ трактатъ останется неизданнымъ, будутъ имѣть мѣсто колебанія, признавать ли его оригинальнымъ произведеніемъ Пселла или переводнымъ (стр. 48)». Здѣсь надо исправить маленькій lapsus calami: трактатъ Пселла давно напечатанъ по этому самому мюнхенскому кодексу, что г. Успенскому конечно хорошо извѣстно изъ ссылокъ Прантля и изъ исторіи византійской литературы Николаи; единственное изданіе логики Пселла сдѣлалъ Ehinger въ 1597 г. [1]). Но принадлежитъ ли указанный трактатъ Пселлу, это вопросъ далеко нерѣшенный. Въ шестидесятыхъ годахъ Тюро велъ полемику съ Прантлемъ и доказывалъ, что логика Пселла есть переводъ Summulae Петра Испанца, а не наоборотъ. Тюро не удалось обставить свое мнѣніе безспорными доказательствами, но тѣмъ не менѣе онъ по моему былъ правъ.

Есть вѣскія основанія не считать логическій синопсисъ принадлежащимъ Пселлу, и прежде всего рукописная традиція. Рукописи такъ называемой логики Пселла, просмотрѣнныя мною въ заграничныхъ библіотекахъ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: однѣ не имѣютъ имени автора,

---

1) Считаю не лишнимъ исправить еще одинъ lapsus calami г. Успенскаго, такъ какъ онъ ввелъ въ заблужденіе рецензента Byzant. Zeitschrift. Въ приложеніи къ Синодику напечатаны по Мюнхенскому кодексу отрывки изъ трактата Пселла, который г. Успенскій считаетъ повидимому неизданнымъ; но трактатъ этотъ есть ни что иное, какъ извѣстная энциклопедія Пселла διδασκαλία παντοδαπή, имѣющая въ мюнхенской рукописи другое заглавіе. Изъ 18 главъ напечатанныхъ г. Успенскимъ 14 были напечатаны въ первый разъ Фабриціемъ въ Bibliotheca Graeca (перепечатаны въ т. 122 патрологіи), а дополнительныя 3 главы изъ той же энциклопедіи появились въ Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, t. XIII (1879), p. 230 suiv., no. XXIII, XXV и XLII.

на другихъ прямо сказано, что это сочиненіе Петра Испанца. Изъ девяти извѣстныхъ мнѣ списковъ анонимны только два, одинъ венеціанскій и одинъ ватиканскій (Cod. Palat. 235), въ которомъ заглавіе логики совсѣмъ не проставлено и для этого оставлено было пустое мѣсто; такъ называемая Пселлова логика слѣдуетъ здѣсь за переводомъ одного трактата Өомы Аквината, сдѣланнаго Георгіемъ Схоларіемъ. Въ заглавіяхъ остальныхъ списковъ прямо сказано, что это сочиненіе Петра Испанца. Древнѣйшій списокъ находится въ кодексѣ XV вѣка Бодлеевой библіотеки въ Оксфордѣ (Baroc. 76, fol. 123—129), гдѣ, правда, сохранилась только часть сочиненія, но гдѣ за то написано: Ἐκ τῆς διαλεκτικῆς τοῦ Μαίστρου Πέτρου τοῦ Ἱσπανοῦ ἑρμηνεία. Въ Bibliotheca Laurentiana имѣется кодексъ, содержащій переводъ съ латинскаго сочиненія Өомы Аквината и Боэція, начинающійся такимъ заглавіемъ: Ἐκ τῆς διαλεκτικῆς μαίστρου Πέτρου · τοῦ Ἱσπανοῦ (Plut. 71, cod. 33). Въ каталогѣ Бандини вѣроятно вслѣдствіе простой опечатки (XIV вмѣсто XVI) этотъ кодексъ отнесенъ къ XIV вѣку, тогда какъ почеркъ много моложе. На листѣ 207 значится: Angeli Politiani liber, emptum aureis duabus a Marsilio Ficino.

Въ остальныхъ спискахъ сказано, что переводъ сдѣланъ Геннадіемъ (или Георгіемъ) Схоларіемъ. Такъ въ кодексѣ Бодлеевой библіотеки Misc. 275; въ кодексѣ вѣнской придворной библіотеки (Cod. histor. 128) XVII вѣка, купленномъ Бузбекомъ въ Константинополѣ. на листѣ 17 значится ἐκ τῆς διαλεκτικῆς τοῦ μαίστορος Πέτρου τοῦ Ἱσπανοῦ, ἑρμηνεία τοῦ Σχολαρίου и подъ этимъ заглавіемъ помѣщена первая часть такъ называемой логики Пселла, на л. 25 v. Βοετίου φιλοσόφου περὶ τέχνης διαλεκτικῆς, на л. 28 v. Βοετίου φιλοσόφου τοπικῶν βιβλίον δεύτερον, съ листа 33 продолжается логика Пселла подъ заглавіемъ Πέτρου τοῦ Ἱσπανοῦ καὶ μαίστωρος ἐκ τῆς διαλεκτικῆς τέχνης, περὶ τῶν διαλεκτικῶν τόπων, ἑρμηνεία τοῦ Σχολαρίου; въ библіотекѣ Александрійскаго патріарха въ Каирѣ я видѣлъ кодексъ XVII в., содержащій логику Пселла подъ такимъ заглавіемъ: Ἐκ τῆς διαλεκτικῆς Πέτρου τοῦ Ἱσπανοῦ ἑρμηνεία τοῦ Σχολαρίου. Къ этому надо присоединить еще Миланскій кодексъ, котораго я не видѣлъ, но который указанъ Фабриціемъ (Bibl. Graec. XI, 392) и подробно описанъ Розе (Hermes 1867 г.); въ этомъ кодексѣ содержится Пселлова логика подъ заглавіемъ: Ἐκ τῆς διαλεκτικῆς τοῦ μαγίστρου Πέτρου τοῦ Ἱσπανοῦ ἑρμηνεία κυροῦ Γεωργίου τοῦ Σχολαρίου. По каталогу аөонскихъ библіотекъ, составленному въ прошломъ вѣкѣ, въ Ватопедскомъ монастырѣ хранилась рукопись подъ заглавіемъ Πέτρου Ἱσπανοῦ ἐπιτομὴ λογικῆς ἐξελληνισθεῖσα ὑπὸ Γενναδίου πατριάρχου. Обо всѣхъ этихъ рукописяхъ, исключая Ватопедской, я могу утверждать, что онѣ представляютъ ничто иное, какъ различные списки логики, напечатанной подъ именемъ Пселла.

Имя Пселла поставлено только въ одномъ Мюнхенскомъ кодексѣ.

«Непосредственное ознакомленіе съ означенной рукописью, говоритъ г. Успенскій, также приводитъ насъ къ заключенію, что это не переводъ, а оригинальное произведеніе. На рукописи находятся слѣдующія помѣтки :

a) chartaceus membrana tectus saec. XV, possessus quondam a Leontio Philopono Hieromonacho et a Martino Crusio probe conservatus et inscriptus; б) внизу первой страницы: ταῦτα ἐγὼ ἀντεγραψάμην ἀπὸ τῆς βιβλιοθήκης τοῦ Βησσαρίωνος. Изъ этихъ помѣтокъ выясняются два факта по отношенію къ логикѣ Пселла. Во первыхъ, получается указаніе на два списка логики, изъ коихъ одинъ принадлежалъ іеромонаху Леонтію Филопону, другой составлялъ собственность кардинала Виссаріона; во вторыхъ, первый списокъ, именно нынѣшній Мюнхенскій, былъ не полонъ, въ немъ недоставало двухъ первыхъ листовъ, которые были переписаны съ рукописи изъ библіотеки Виссаріона. Такимъ образомъ по отношенію къ вѣку рукописи № 548 нужно дѣлать различіе между первыми листами и остальными, первые младшей руки, послѣдніе болѣе старшей. Съ этой точки зрѣнія получаетъ особенную важность утвержденіе Прантля, что Мюнхенская рукопись (конечно съ 3-го листа) относится къ XIV вѣку, чѣмъ подрывается возможность приписывать Г. Схоларію первый переводъ на греческій латинской логики Петра Испанскаго (Синодикъ, стр. 49). Прантль дѣйствительно на стр. 267 утверждаетъ, что Мюнхенская рукопись писана въ XIV в., на стр. 282 (прим. 46) онъ относитъ эту рукопись къ XIV—XV в. (Geschichte der Logik, 2-te Aufl., Bd. II). Въ каталогѣ Мюнхенской библіотеки Гардта она согласно помянутой помѣткѣ отнесена къ XV вѣку. На основаніи палеографическихъ признаковъ трудно утверждать, что рукопись была писана въ послѣдней четверти XIV вѣка, а не въ первой четверти XV вѣка; дѣйствительно, какой-нибудь писецъ могъ приступить къ своей дѣятельности въ 1375 г. и закончить ее въ 1425 г. Самое важное однако то, что заглавіе τοῦ σοφωτάτου Ψελλοῦ εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην σύνοψις написано на первомъ листѣ и по сообщенію проф. Криста, сдѣланному Тюро, почеркомъ на полстолѣтіе болѣе новымъ, чѣмъ листы 3—32 (Revue critique 1867 № 27); можетъ быть это догадка переписчика, списавшаго первые два листа съ рукописи Виссаріона. Но даже если бы сдѣлалось несомнѣннымъ, что большая часть синопсиса писана въ XIV в., это доказывало бы только, что переводчикомъ произведенія Петра Испанца не могъ быть Г. Схоларій, умершій въ 1460 г., но это ничего не говорило бы въ пользу оригинальности греческой логики.

Рукописная традиція имѣетъ по моему мнѣнію не маловажное значеніе. Пселлъ былъ хорошо извѣстенъ въ XIV—XVI в. и едва ли самое важное его философское сочиненіе было на столько забыто, что оно стало считаться переводомъ. Г. Успенскій держится другаго взгляда. «Допустивъ, говоритъ онъ, весьма сомнительный случай, что Схоларій перевелъ уже переведенную съ греческаго работу Петра Испанца, мы немного этимъ выиграемъ для рѣшенія вопроса объ авторствѣ Пселла, ибо въ литературной исторіи можно указать не мало случаевъ подобнаго рода яко бы заимствованія изъ иностранныхъ языковъ своихъ же оригинальныхъ сочи-

ній (стр. 164)». Нельзя сказать, чтобы такіе случаи были общеизвѣстны и слѣдовало бы ихъ указать.

Рукописной традиціи конечно недостаточно для рѣшенія спорнаго вопроса, необходимо подробно разобрать содержаніе Пселловой логики и сравнить ее съ другими философскими сочиненіями Пселла. Для такого сравненія наиболѣе пригоднымъ представляется на первый взглядъ трактатъ Пселла объ Аристотелевскомъ сочиненіи объ истолкованіи, напечатанный Альдомъ вмѣстѣ съ Аммоніемъ въ 1503 г. (въ позднѣйшихъ изданіяхъ Аммонія трактатъ Пселла не перепечатывался). Но этотъ трактатъ (παράφρασις εἰς τὸ περὶ ἑρμηνείας) я считаю не принадлежащимъ Пселлу, во первыхъ потому, что авторъ держится такого способа изложенія, какой не встрѣчается въ другихъ сочиненіяхъ Пселла (я говорю о способѣ изложенія, а не о слогѣ). Комментируя Аристотеля и выписывая по большей части Аммонія, авторъ тѣмъ не менѣе говоритъ постоянно о себѣ, о своемъ мнѣніи и постоянно обращается къ читателю, чего не дѣлалъ Пселлъ (напр. ὥσπερ γὰρ ἐπιχειρηματικώτερον καὶ ἐπεξεργαστικώτερον διείληπται μοι τὸ νόημα... διὰ τοῦτο μοι ἐπιδιορθωτέον τὸν λόγον... φιλοσόφως τὸν λόγον βασανίσωμεν, ἐγὼ γάρ φημι, ὅτι ὑπὸ τὴν οὐκ ἀδύνατον εἶναι πρότασιν, ὀφείλει κεῖσθαι ἡ οὐκ ἀναγκαῖον μὴ εἶναι, φιλονεικεῖς δὲ σὺ ὅτι οὐχ αὕτη, ἀλλ' ἡ ἑτέρα ἡ οὐκ ἀναγκαῖον εἶναι... ἐπεὶ δὲ δεῖ τὸν φιλόσοφον μετὰ τῶν λοιπῶν πασῶν ἀρετῶν καὶ φιλοσύντομον εἶναι, ὥστε μὴ περιρρεῖσθαι τοῖς ῥήμασι κατὰ τοὺς τῶν ῥητορικῶν λόγους δημιουργούς, διὰ τοῦτο καὶ αὐτὸς τὰ μὲν καθόλου λέγω τῶν πραγμάτων, τὰ δὲ καθ' ἕκαστα... εἰ γὰρ ὁ πᾶς κατ' ἐμὲ οὐ τὴν ἰδέαν σημαίνει, ἀλλὰ τὸ πλῆθος τῶν ἀτόμων... διὰ τοῦτο δέ μοι ἀντιφατικαὶ αἱ προτάσεις αὗται λέγονται, ὅτι τὸ ἀξίωμα τῆς ἀντιφάσεως ἔχουσι... ἐγὼ δέ φημι πρὸς αὐτούς. ὡς σεμνοτέρα ἡ οὐδεὶς τῆς οὐ πᾶς αὐτῷ τούτῳ τρόπῳ τῷ καθολικωτέρα εἶναι... εἰ δὲ τὰ τέως ἄγνωστα ὡς ἐγνωσμένα ὑμῖν τῷ λόγῳ τέθεικα εἰπὼν ταῦτα καὶ ἐπειπὼν τοιαῦθ' ἕτερα μὴ θαυμάσῃς φιλόσοφος γὰρ ὢν καὶ φιλοσόφως διαλεγόμενος, οἶδα ὡς αὐτομάτως κατὰ πόδας τῆς ἀναιρέσεως τοῦ ἐνδεχομένου τὰ ἐπισυμβαίνοντα ἐντεῦθεν ἄτοπα διεγνώσθη ὑμῖν... σὺ δὲ ὁ ἀναγινώσκων νόει... σὺ δὲ ὀφείλεις τὴν αὐτὴν παρατήρησιν τῶν εἰρημένων προτάσεων φυλάττειν... ἴσθι δὲ ὡς ἐνταῦθα προτίθεμαι σοι διδάξαι, ὅτι... ἵνα δὲ ὑμᾶς καὶ πρὸς τὰς διαλεκτικὰς γυμνάσωμαι συνουσίας διαλεκτικώτερον ἐκθήσομαι... трактатъ кончается слѣдующими словами: οὕτω μὲν οὖν ἐγὼ ἐν τῷ λογίῳ τούτῳ θεάτρῳ τοῦ Ἀριστοτέλους, πρόσωπον ἐμαυτῷ περιθέμενος, τὸν ἐκείνου περὶ τῶν ἀποφαντικῶν λόγων ἐξωρχησάμην ὑπομνηματισμὸν εὐστόχως μὲν παντάπασιν οὐκ ἂν εἴποιμι, ἐπιβολώτατον δὲ καὶ γενναιότατον, ἴσως δὲ καὶ ἄλλοι προστεθήσονται τῇ ἐμῇ ἐπικρίσει καὶ κάλλιστα ἀριστοτελήσαιεν, ὅσον γοῦν αὐτὸς ἐνενόησα προσκείμενος τῇ δεινότητι τοῦ ἀνδρὸς οὐδὲν ἀπεκρυψάμην).

Во вторыхъ, въ одномъ очень странномъ мѣстѣ, гдѣ авторъ является прорицателемъ и говоритъ о будущихъ (на самомъ дѣлѣ бывшихъ) истолкователяхъ Аристотеля, онъ упоминаетъ объ ипатѣ философовъ, конечно Пселлѣ (въ τμῆμα τέταρτον, въ изданіи Альда страницы не помѣчены:

ἐπεὶ δὲ τοῦτο μεμαθήκαμεν καὶ τοῦτο ζητήσωμεν καὶ ἀκριβωσώμεθα, πότερον ἔστι τις καὶ ἄλλος παρὰ τοὺς εἰρημένους τρόπους ἀλλαχοῦ μὲν εἰρημένος, ἐνταῦθα δὲ παραλελειμμένος ἢ οὐδαμῶς; ὃν δὴ οἱ ἐμὲ ἐξηγησάμενοι ὑπάρχοντα κατωνόμασαν, οὐ θαυμαστὸν δὲ εἰ τοὺς μετὰ πολὺν χρόνον ἐξηγησαμένους τὰ ἐμὰ συγγράμματα, ὡς ἤδη τὴν ἐξήγησιν τούτων πεποιηκότας, τῷ λόγῳ νῦν παραλήψομαι. ἀστρόνομος γὰρ εἰ καί τις ἄλλος καθεστηκώς, ὡς ἐκβεβηκὸς ἐπίσταμαι τὸ ἐσόμενον, ἔσονται δὲ εὖ οἶδα πολλοὶ μὲν καὶ ἄλλοι, Ἀμμώνιος δέ τις ἐλλόγιμος εἰ καί τις ἄλλος καὶ ὁ τοῦτον ἐκδεξάμενος Ἰωάννης Φιλόπονος, ὧν ὁ μὲν Ἀμμώνιος οὐ τρόπον ὠνόμασε τὸν ὑπάρχοντα, ἀλλ' ὄνομα εἰδοποιὸν τῶν ἄνευ τρόπων προτάσεων, ὁ δέ γε Φιλόπονος τοῖς τρόποις συναριθμήσει καὶ μέρος τοῦ ἐνδεχομένου θήσεται τὸ ἐκβεβηκός, ᾧ καί τις πολλοστὸς μετ' ἐκείνους γεγονὼς φιλόσοφος συνθήσεται, ὃν καὶ φιλοσόφων ὕπατον βασιλέων τις θήσει φιλολογώτατος).

Для сравненія съ логикой всего удобнѣе привлечь два списанные мною и неизданные трактата Пселла: διδασκαλία περὶ τῶν δέκα κατηγοριῶν и σύνοψις καὶ μετάφρασις τῆς διδασκαλίας τοῦ περὶ ἑρμηνείας. Трактаты эти, сохранившіеся во многихъ спискахъ, ничто иное, какъ учебники, излагающіе аристотелевское ученіе о категоріяхъ и объ истолкованіи съ краткими объясненіями; они вполнѣ соотвѣтствуютъ другимъ учебникамъ Пселла и не возбуждаютъ сомнѣнія въ принадлежности ихъ перу Пселла. Сравнивая эти трактаты съ такъ называемой логикой Пселла, я нашелъ между ними большую разницу въ подробностяхъ; но только подробности и надо имѣть въ виду, такъ какъ во всѣхъ средневѣковыхъ сочиненіяхъ по логикѣ, какъ западныхъ такъ и византійскихъ, одна общая аристотелевская основа, и несомнѣнно въ разсматриваемыхъ трактатахъ найдется много сходнаго, объясняющагося общимъ источникомъ. Разсматривая ученіе о категоріяхъ, какъ оно изложено въ логикѣ и неизданномъ трактатѣ Пселла, замѣчаемъ, что авторъ логики занимается только четырьмя категоріями (сущностью, количествомъ, качествомъ, отношеніемъ), а Пселлъ всѣми десятью. Въ частности наблюдается слѣдующая разница. Авторъ логики не даетъ опредѣленія сущности, какое находимъ у Пселла (οὐσία ἐστὶ πρᾶγμα αὐθύπαρκτον μὴ δεόμενον ἑτέρου πρὸς σύστασιν) и которое со времени Аммонія стало стереотипнымъ и повторяется большинствомъ писателей (напр. Италомъ, Іоанномъ Дамаскиномъ, Никифоромъ Влеммидомъ); если бы авторомъ логики былъ Пселлъ, онъ вѣроятно привелъ бы опредѣленіе, которому посвятилъ изданную мною лекцію (Визант. писатель Михаилъ Пселлъ, стр. 133). Въ трактатѣ Пселла сущность дѣлится какъ у псевдо-Архита (Prantl, Gesch. d. Logik. I, 616, ср. Simplic. ad. Categor. ed. Bas. f. 23) на три вида: тѣлесное, безтѣлесное и смѣшанное изъ обоихъ (αὕτη δὲ ἡ ἁπλῶς οὐσία ἔχει τρία εἴδη ὑποβεβηκότα εἰς ἃ καὶ διαιρεῖται, σῶμα, ἀσώματον καὶ μικτὸν ἐξ ἀμφοτέρων); этого дѣленія нѣтъ въ логикѣ.

Глава о количествѣ представляетъ въ трактатѣ Пселла главнымъ образомъ сокращеніе Аристотеля со слѣдующими измѣненіями: вмѣсто

σῶμα сказано σῶμα μαθηματικὸν, при чемъ приводится опредѣленіе математическаго тѣла (μαθηματικὸν δὲ σῶμά ἐστι τὸ ἔχον μῆκος καὶ πλάτος καὶ βάθος μὴ μέντοιγε ἁφῇ καὶ θέᾳ ὑποπίπτον ἀλλὰ νῷ μόνῳ περίληπτον, тутъ замѣтно вліяніе Аммонія, говорящаго въ коментаріи на категоріи: ἰστέον τοίνυν ὅτι σῶμα καλοῦσιν οἱ γεωμέτραι τὸ ἔχον τρεῖς διαστάσεις μῆκος, πλάτος, βάθος); къ тремъ отличительнымъ свойствамъ, указаннымъ Аристотелемъ, Пселлъ прибавляетъ четвертое τὸ μετρεῖσθαι; этихъ особенностей нѣтъ въ синопсисѣ.

Въ главѣ о качествѣ бросается въ глаза разница между неизданнымъ трактатомъ Пселла и синопсисомъ. О второмъ видѣ качества Пселлъ говоритъ: Δεύτερον δὲ εἶδος αὐτῆς ἐλέχθη δύναμις καὶ ἀδυναμία. ταῦτα δὲ οὐκ εἰσι κατ' ἐνέργειαν ἀλλὰ κατ' ἐπιτηδειότητα μόνον προάγονται, ἔστι μὲν οὖν δύναμις ἐπιτηδειότητος προκοπὴ, ἀδυναμία δὲ δυσκολία ἢ ἐκκοπὴ ἐπιτηδειότητος, οἷον τὸν εὐφυᾶ παῖδα δύναμιν ἔχειν φαμεν τοῦ γενέσθαι γραμματικὸν, τὸν δὲ ἀφυᾶ ἀδυναμίαν (Ср. у Аммонія: ἐπειδὴ γὰρ ἡ δύναμις καὶ ἡ ἀδυναμία φυσική τίς ἐστιν ἐπιτηδειότης, τό τε γὰρ παιδίον φυσικήν τινα ἔχει δύναμιν τοῦ δέξασθαι γραμματικήν. Въ Діалектикѣ І. Дамаскина гл. 51: Δεύτερον εἶδος ποιότητος δύναμις καὶ ἀδυναμία, ἅτ.να οὐκ εἰσιν ἐνεργείᾳ, ἔχουσι δὲ ἐπιτηδειότητα καὶ δύναμιν φυσικὴν ἢ ἀνεπιτηδειότητα, ὥς φαμεν τὸν μὲν παῖδα δυνάμει μουσικόν. Въ логикѣ Влеммида гл. 22: Δύναμιν δὲ γέ φαμεν οὐ τὴν κοινὴν ἐπιτηδειότητα καθ' ἣν πρὸς πάσας τὰς τέχνας δύναμιν ἔχειν πάντες ἄνθρωποι λέγονται φυσικὴν, ἀλλὰ τὴν ἰδίως προσοῦσαν εὐφυΐαν ἑκάστῳ τινι πρός τόδε τι). Въ синопсисѣ читается: Δεύτερον εἶδος ποιότητός ἐστι φυσικὴ ἐπιτηδειότης ἢ ἀνεπιτηδειότης πρὸς τὸ ποιεῖν ἢ πάσχειν ῥαδίως. Ὅθεν ὑγιεινὸς λέγεται τῷ δύναμιν φυσικὴν τοῦ μηδὲν πάσχειν ὑπό τινων συμπτωμάτων, νοσώδης τῷ φυσικὴν ἔχειν δύναμιν τοῦ πάσχειν. Ἔτι τὸ σκληρὸν ἔχει δύναμιν φυσικὴν τοῦ μὴ ῥαδίως τέμνεσθαι, τὸ δὲ μαλακὸν ἔχει δύναμιν φυσικὴν τοῦ ῥαδίως τέμνεσθαι. Ἔτι οἱ δρομικοὶ καὶ οἱ πυκτικοὶ λέγονται ὁμοίως οὐ διὰ τὸ ἀεὶ ἀσκεῖν τὰς τοιαύτας ἐνεργείας, ἀλλὰ διὰ τὸ φυσικὴν ἔχειν δύναμιν τοῦ ταῦτα ῥαδίως ποιεῖν (p. 135—137). О третьемъ видѣ качества Пселлъ говоритъ на основаніи Аммонія (τριχῶς δὲ λέγεται ἡ παθητικὴ ποιότης, ἡ γὰρ ἀπὸ πάθους ἐγένετο καὶ πάθος ἐμποιεῖ, ὡς ἡ περὶ τὸν ἄνθρωπον γινομένη παρὰ φύσιν τοῦ πυρετοῦ θερμασία, ἡ ἀπὸ πάθους μὲν οὐκ ἐγένετο πάθος δὲ ἐμποιεῖ, ὡς ἡ τοῦ πυρὸς θερμότης, ἡ ἀπὸ πάθους μὲν ἐγένετο, πάθος δὲ οὐ ποιεῖ, ср. Ammon. λέγω δὴ ἡ παθητικὴ ποιότης ἡ ὡς πάθος ἐμποιοῦσα καὶ ἡ ὡς ἀπὸ πάθους ἐγγινομένη καὶ τὸ πάθος τὸ ὑπὸ τὴν ποιότητα ἀναφερόμενον καὶ τὸ πάθος τὸ ὑπὸ τὸ πάσχειν ἀναφερόμενον, παθητικαὶ μὲν γὰρ ποιότητες τὰ πρότερα τρία); въ синопсисѣ совсѣмъ другое и незамѣтно вліянія Аммонія.

Въ синопсисѣ различаются три вида категоріи отношенія (καθ') ὁμωνυμίαν, καθ' ὑπέρθεσιν, καθ' ὑπόθεσιν), а у Пселла десять видовъ (κατὰ ταυτότητα, κατ' ἀνισότητα, κατ' ἰσότητα, κατὰ γένεσιν, κατὰ μέθεξιν, καθ' ὕφεσιν, κατὰ πάθος, κατὰ κρίσιν, κατὰ θέσιν, κατὰ τὴν πρὸς τὸ γένος ἀναφοράν).

Между трактатомъ Пселла объ истолкованіи и соотвѣтствующею частью синопсиса замѣтна также большая разница; укажу только на

одинъ пунктъ, по моему достаточно важный. Λόγος дѣлится въ синопсисѣ грамматическимъ способомъ по наклоненіямъ на четыре вида (ὁριστικός, προστακτικός, ὑποτακτικός, εὐκτικός, indicativus, imperativus, optativus, conjunctivus); у Пселла находимъ пять видовъ (ἔχει δὲ ὁ λόγος εἴδη πέντε εὐκτικόν, κλητικόν, ἐρωτηματικόν, προστακτικὸν καὶ ἀποφαντικόν), дѣленіе идущее отъ позднѣйшихъ перипатетиковъ и прочно установившееся въ Византіи, повторенное Анонимомъ (Brandis Scholia p. 93), Львомъ Магентиномъ (Brandis, p. 95), въ неизданномъ сочиненіи Итала, въ логикѣ Никифора Влеммида.

Чтобы окончательно рѣшить вопросъ объ отношеніи Петра Испанскаго къ Пселлу, надо предпринять кропотливую работу, которая еще никѣмъ не сдѣлана, сличить синопсисъ съ сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими Пселлу, и другими византійскими трактатами по логикѣ. Я полагаю, что тогда мы нашли бы двѣ традиціи: византійскую, идущую отъ Аммонія, и другую, западную, источникъ которой лежитъ въ сочиненіяхъ Боэція, и которая замѣтна въ синопсисѣ, и въ немъ одномъ. Если бы мы убѣдились въ этомъ, мы вынуждены были бы признать, что Summulae Петра Испанца оригинальное сочиненіе, переведенное на греческій языкъ и ложно приписываемое Пселлу.

Прантль не разъ указываетъ на сходство, замѣчаемое между синопсисомъ и Боэціемъ, и приводитъ даже то мѣсто, гдѣ прямо цитируется Боэцій (ἰστέον δέ, ὅτι φησὶν ὁ Βοήτιος, Gesch. d. Logik II, 280), но дѣлаетъ изъ этого только одно заключеніе, что Пселлъ зналъ сочиненія Боэція. «Тюро, замѣчаетъ г. Успенскій, указываетъ какъ на странные для грека XI вѣка, писавшаго логику для своихъ соотечественниковъ, пріемы употреблять для примѣровъ латинскія имена вмѣсто греческихъ (Катонъ, Цицеронъ), равно какъ приводить мѣста изъ западныхъ писателей (Боэцій, Присціанъ), обходя болѣе авторитетныя греческія мѣста (стр. 166)». На этотъ вѣскій аргументъ г. Успенскій словами Прантля возражаетъ, что Присціанъ могъ быть извѣстенъ въ Византіи также, какъ и на западѣ, ибо жилъ въ Константинополѣ, что Боэцій могъ быть популярнымъ именемъ въ византійскихъ школахъ. Но изъ того, что какое-нибудь явленіе могло быть, не слѣдуетъ, что оно было. Прантль не удовольствовался бы такимъ слабымъ возраженіемъ, если бы онъ нашелъ византійскихъ писателей, приводящихъ цитаты изъ Присціана и Боэція, и въ ходячихъ логическихъ примѣрахъ, ставящихъ имена Катона и Цицерона вмѣсто обычныхъ именъ Сократа, Платона, Аристотеля.

Если принять во вниманіе рукописную традицію и большую разницу, существующую между синопсисомъ и не только сочиненіями Пселла, но и другими византійскими произведеніями, принадлежность спорной логики греку становится весьма сомнительной. Если же признать Summulae Петра Испанца оригинальнымъ произведеніемъ, не придется много говорить о вліяніи византійской науки на западную, такъ какъ переводъ Пселла на латинскій языкъ единственный фактъ подобнаго рода.

Тогда о вліяніи византійцевъ можно будетъ говорить, лишь начиная съ эпохи Возрожденія, о чемъ мы имѣемъ нѣсколько страницъ въ книгѣ г. Успенскаго. Авторъ старается выдвинуть значеніе Варлаама, учившаго одно время Петрарку. «Петрарка, говоритъ г. Успенскій, самъ не успѣвъ узнать греческій языкъ на столько, чтобы читать въ оригиналѣ греческихъ авторовъ, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ Варлааму живой любовью къ греческой литературѣ и сознаніемъ важности ея для запада (стр. 303). Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, случайнымъ и маловажнымъ воздѣйствіе еллинской учености на начальныхъ дѣятелей италіянскаго Возрожденія, все же оно не было поверхностнымъ, напротивъ оставило по себѣ значительно замѣтные слѣды. И какъ ни достойно сожалѣнія, что гуманистическій пылъ Петрарки и Боккачіо не былъ утоленъ въ достаточной степени вслѣдствіе скоро прерванныхъ сношеній ихъ съ Варлаамомъ и Пилатомъ, тѣмъ не менѣе нужно признать, что не только многія страницы въ Genealogia deorum, отличающіяся тонкостями въ археологической и миѳологической областяхъ, но и живое сознаніе идеи о важности еллинскихъ занятій, какимъ были проникнуты дѣятели италіянскаго Возрожденія, всецѣло должны быть приписаны посредственнымъ и непосредственнымъ вліяніямъ Варлаама (стр. 308)». Къ сожалѣнію, этотъ выводъ долженъ быть ограниченъ на основаніи слѣдующихъ словъ г. Успенскаго: «Петрарка и Боккачіо оба одинаково чувствовали важность греческой литературы и сожалѣли о томъ, что не могутъ владѣть греческимъ языкомъ, вслѣдствіе чего передъ ними закрытъ былъ богатый источникъ, изъ котораго древніе не успѣли вычерпать все живое и полезное. Если бы соединить, говоритъ Боккачіо, латинскія занятія съ греческими, этимъ много бы можно пріобрѣсть намъ. На греческомъ остается еще много такого, что не извѣстно Западу, и что помогло бы намъ далеко двинуться въ просвѣщеніи. Ревность и усердіе, съ которыми Петрарка и Боккачіо заботились о разысканіи и покупкѣ греческихъ рукописей, любовь, съ которой они относились къ рѣдкимъ еллинистамъ, бывавшимъ тогда въ Италіи, свидѣтельствуютъ, что по крайней мѣрѣ лучшіе дѣятели того времени, подготовлявшіе Возрожденіе, понимали важное значеніе еллинизма (стр. 300)».

Въ вѣрности этихъ словъ трудно сомнѣваться, но въ такомъ случаѣ уже нельзя утверждать, будто сознаніе важности еллинскихъ занятій, какимъ были проникнуты дѣятели Возрожденія, всецѣло должно быть приписано вліянію Варлаама, сыгравшаго очень небольшую роль въ умственномъ движеніи своего времени. Варлаамъ доставилъ матеріалъ для сочиненія Перуджино Collectiones, «чрезвычайно жалкаго и по стилю и по содержанію образчика учености, обнаруживающаго большое желаніе автора освѣжить старую ученость новыми источниками и полное безсиліе справиться съ этой задачей (Корелинъ, Ранній итальянскій гуманизмъ, стр. 763)». Сочиненіемъ Перуджино, а также сообщеніями Варлаама пользовался Боккачіо при составленіи своей Genealogia deorum, одного изъ

самыхъ незначительныхъ своихъ произведеній. Поэтому мнѣ кажется, что проф. Корелинъ вполнѣ правъ, когда говоритъ: «Самый трудъ Боккаччіо не оригиналенъ по идеѣ, и если онъ стоитъ несравненно выше работы Перуджино, въ которой Варлаамъ принималъ болѣе прямое участіе, то заслуга въ этомъ принадлежитъ не калабрійцу. Во всякомъ случаѣ, заимствованіе фактическаго матеріала для ученой работы можетъ констатировать только чисто внѣшнее вліяніе Варлаама на Боккачіо, и нѣтъ рѣшительно никакого основанія предположить, чтобы оно шло дальше сообщенія фактовъ. Отзывы о Варлаамѣ обоихъ гуманистовъ (Петрарки и Боккачіо, которые даже не были знакомы съ сочиненіями Варлаама) и простое сопоставленіе ихъ интересовъ съ тѣмъ, что занимало греческаго монаха приводятъ къ тому заключенію, что въ исторіи гуманизма онъ имѣлъ значеніе весьма несовершеннаго учебника греческаго языка, по которому трудно было чему-нибудь научиться, и справочнаго лексикона, заключавшаго въ себѣ весьма неточныя свѣдѣнія. Поэтому едва ли что-нибудь можно возразить противъ слѣдующаго вывода, къ которому приходитъ акад. Веселовскій въ статьѣ Учители Боккачіо: «роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной. Будучи средневѣковымъ схоластикомъ, онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьми лишь знаніемъ греческаго языка, а его возвеличили въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма, и на которыя онъ не могъ отвѣтить». (Тамъ же, стр. 998).

Хотя съ нѣкоторыми выводами Ѳ. И. Успенскаго и нельзя согласиться, по моему мнѣнію, тѣмъ не менѣе въ его Очеркахъ по исторіи византійской образованности много интересныхъ и дѣльныхъ страницъ, блещущихъ новизною матеріала и оригинальнымъ освѣщеніемъ извѣстныхъ фактовъ. Авторъ прокладываетъ новые пути въ исторіи мало изслѣдованнаго византійскаго просвѣщенія, и книга его, несомнѣнно, сдѣлается настольною у всѣхъ византинистовъ.

П. Безобразовъ.

Μιχαὴλ τοῦ Παλαιολόγου Τυπικὸν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Αὐξεντίου σεβασμίας μονῆς Μιχαὴλ τοῦ Ἀρχαγγέλου, ἐκδιδόντος τὸ πρῶτον Μανουὴλ Ἰω. Γεδεών. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1895. σελ. 1—80.

Подъ этимъ заглавіемъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ константинопольскій византологъ Мануилъ *Гедеонъ* выпустилъ въ свѣтъ небольшую брошюру, главное содержаніе которой составляетъ текстъ, неизвѣстнаго еще въ печати, ктиторскаго Типикона, даннаго императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ (1259—1282) Михаило-Архангельскому монастырю на горѣ св. Авксентія близъ Халкидона. Издатель въ началѣ и въ концѣ брошюры помѣстилъ нѣсколько вступительныхъ (προσημειώσεις) (σελ. 1—16) и заключительныхъ (ἐπισημειώσεις) (σελ. 65—77) замѣчаній и

присоединилъ «Στίχοι εὐχαριστήριοι, ὡς ἀπὸ τοῦ βασιλέως πρὸς τὸν Ἀρχιστράτηγον Μιχαήλ» (σελ. 59—63). Въ упомянутыхъ замѣчаніяхъ г. Гедеонъ собралъ достаточныя свѣдѣнія о преподобномъ Авксентіѣ, давшемъ имя горѣ, на которой былъ воздвигнутъ Михаило-Архангельскій монастырь, о подвижникахъ и монастыряхъ, существовавшихъ на этой горѣ до времени основанія здѣсь монастыря дѣдомъ императора Михаила, великимъ дукою Алексѣемъ Палеологомъ, въ монашествѣ переименованнымъ въ Антонія, о самомъ монастырѣ, для котораго былъ составленъ изданный Типиконъ Михаила Палеолога, о причинахъ, почему и когда ктиторъ возсозданной обители посвятилъ ее Чиноначальнику небесныхъ силъ Архангелу Михаилу, и о названіи острова Оксіею.

Время построенія Михаило-Архангельскаго монастыря императоромъ Михаиломъ издатель относитъ къ 1280 или 1281 году (σελ. 14—15), къ каковому году, по нашему мнѣнію, можно безъ большой ошибки пріурочивать и время написанія или составленія ктиторскаго Типикона, изданнаго г. Гедеономъ. — Монастырь покончилъ свое существованіе, какъ полагаютъ нѣкоторые, около 1328 года (σελ. 15).

Изданный г. Мануиломъ Гедеономъ Типикъ монастыря Михаила-Архангела на горѣ Авксентіевской сравнительно съ однородными памятниками (τυπικὰ κτητορικά), извѣстными уже въ наукѣ, представляетъ немного новаго, какъ въ историческомъ отношеніи, такъ и въ церковно-бытовомъ, какъ регуляторъ дисциплины и внутренняго строя жизни монаховъ, основанной Михаиломъ Палеологомъ, обители. Совершенно такія же правила можно находить и въ другихъ ктиторскихъ типикахъ. Какъ историческій документъ, Типикъ Михаила Палеолога любопытенъ намъ лишь въ томъ отношеніи, что составитель его и вмѣстѣ счастливый побѣдитель Латинянъ проникнутъ по отношенію къ нимъ глубокими чувствами антипатіи и презрѣнія и нисколько не сдерживается въ выраженіяхъ, называя ихъ «непримиримыми врагами, дикими звѣрями» (ἀσπόνδων ἐχθρῶν, ἀγρίων θηρῶν) и т. п. (σελ. 56). Но за всѣмъ тѣмъ изданіе въ свѣтъ Типикона Михаила Палеолога, даннаго монастырю Михаила-Архангела, вполнѣ желательно и будетъ принято нашими византологами съ благодарностію. Вотъ для сего основанія.

Въ наукѣ уже давно сдѣлался извѣстенъ отрывокъ изъ другого Типикона того же императора Михаила Палеолога, даннаго имъ Константинопольскому монастырю св. Димитрія. Честь этого открытія принадлежитъ извѣстному ученому византинисту проф. С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкому, который опубликовалъ этотъ отрывокъ въ особой брошюрѣ съ такимъ *не вполнѣ точнымъ* заглавіемъ: «Imp. Michaelis Palaeologi *de vita sua* opusculum necnon Regulae, quam ipse monasterio S. Demetrii praescripsit fragmentum; nunc primum codicis ms. graeci 363 bibliothecae Mosquensis Ss. Synodi edidit I. G. Troitzki. Petropoli 1885». Почтеннѣйшій Ив. Егоровичъ Троицкій *обычному прологу* (πρόλογος), которымъ предваряется каждый изъ ктиторскихъ визан-

тійскихъ типиковъ и въ которомъ главнымъ образомъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о ктиторахъ монастырей и объ устроеніи ими этихъ послѣднихъ, въ виду отсутствія надъ открытымъ имъ отрывкомъ прямого надписанія, далъ неподходящее названіе: «*Автобіографія* императора Михаила Палеолога». Неудивительно, поэтому, что въ Типикѣ того же императора, изданномъ теперь г. Гедеономъ, мы находимъ тожественную статью и именно съ такимъ заглавіемъ, какое мы предполагаемъ въ Димитріевскомъ Типиконѣ, а именно: «Ὁ πρόλογος, διήγησιν ἔχων εὐχαριστήριον, ὡς ἀπὸ τοῦ βασιλέως πρὸς τὸν Θεόν» (σελ. 17). По мѣстамъ дословное сходство въ обѣихъ названныхъ статьяхъ, хотя прологъ Михаило-Архангельскаго Типикона значительно короче сравнительно съ Димитріевскимъ Типикономъ. Итакъ, изданіемъ г. Гедеона восполняются наши свѣдѣнія о личности императора Михаила Палеолога и объ его отношеніяхъ къ заклятымъ своимъ врагамъ Латинянамъ. Далѣе. Такъ какъ Димитріевскій Типикъ въ изданіи проф. И. Е. Троицкаго относительно внутренняго устройства порядковъ въ обители говоритъ весьма немного, за отсутствіемъ листовъ въ рукописи, по которой изданъ былъ отрывокъ, то Типикъ Михаило-Архангельскаго монастыря на горѣ Св. Авксентія, изданный нынѣ г. Гедеономъ, въ значительной степени восполняетъ существующій недостатокъ. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что внутренній строй жизни обителей, основанныхъ однимъ и тѣмъ же лицемъ, могъ имѣть какія либо существенныя особенности. Вѣрнѣе всего, что въ обѣихъ обителяхъ не было на этотъ счетъ никакой разницы, чему подтвержденіемъ можетъ служить и текстуальное сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ обоихъ Типикахъ, а равно и указанія на одинаковость въ нихъ, напр., богослужебныхъ и дисциплинарныхъ порядковъ.

Списокъ устава Михаило-Архангельскаго монастыря на горѣ Св. Авксентія, изданный теперь г. Гедеономъ, тоже неполный, такъ какъ въ рукописи, изъ которой заимствованъ текстъ Типика, отсутствуетъ одна важнѣйшая глава съ такимъ стихотворнымъ заглавіемъ:

«Κἂν βραχέα, πλὴν ἔνθα δεῖ συνακτέα
τὰ τῆς μονῆς κτήματα πεπλατυμένως» (σελ. 57).

Но этотъ недочетъ мало вредитъ нашему обстоятельному знакомству съ внутреннимъ строемъ жизни обителей, созданныхъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, такъ какъ необходимыя главы, какъ, напр. объ избраніи настоятеля и должностныхъ лицъ въ обители, о количествѣ монаховъ, о богослужебныхъ порядкахъ въ ней, о пищѣ иноковъ, объ управленіи обителью, о праздникахъ въ обители и о поминахъ ктиторовъ, о принятіи въ монастырь и тому подобныя главы имѣются на лицо.

Наконецъ, изданіемъ своимъ г. Гедеонъ окажетъ несомнѣнную услугу византинистамъ въ дѣлѣ изученія ими вновь открытыхъ фрагментовъ изъ второго Типикона Константинопольскаго Димитріевскаго монастыря

Келливаровъ. Фрагменты эти носятъ такое заглавіе: «Ἐκ τοῦ Τυπικοῦ τοῦ πιστοτάτου καὶ ἁγίου βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου καὶ κτήτορος τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Δημητρίου τῶν Κελλιβάρων» и обнародованы Ф. Мейеромъ въ «Byzantinische Zeitschrift» 1895 B. 4, Heft. I S. 45—48. Этотъ второй Типиконъ Димитріевскаго монастыря, какъ показываетъ и приведенное сейчасъ надписаніе, составленъ преемникомъ Михаила Палеолога, императоромъ Андроникомъ II (1282—1332) и несомнѣнно находится въ неразрывной связи съ двумя вышеупомянутыми Типиками и главнымъ образомъ съ первымъ Типикомъ Димитріевской обители. Пока не будетъ обнародованъ полный списокъ Андроніевскаго Типика, изученіе внутренняго строя жизни монаховъ въ обители Константинопольскаго Димитріевскаго монастыря Келливаровъ будетъ единственно возможно только при помощи всѣхъ трехъ Типиковъ, изъ коихъ по полнотѣ и обстоятельности первенство всегда будетъ оставаться за Типикомъ Михаило-Архангельскаго монастыря.

Текстъ Типикона императора Михаила Палеолога, даннаго Михаило-Архангельскому монастырю на горѣ Св. Авксентія, былъ взятъ ученымъ издателемъ изъ бумажной рукописи конца XV столѣтія № 100 библіотеки Св. Гроба, въ Фанарѣ, въ Константинополѣ. Это, сколько пока извѣстно, самый древнѣйшій текстъ обнародованнаго Типикона, и мы ничего не могли бы возразить противъ него, если бы самая рукопись принадлежала къ числу исправнѣйшихъ въ палеографическомъ отношеніи. Къ глубокому сожалѣнію, относительно текста даннаго Типикона нужно сказать, что онъ страдаетъ значительными пропусками и искаженіями, многія буквы его выцвѣли и сдѣлались неудобочитаемыми. [illegible] издатель взялъ на себя [illegible] [illegible]

изъ нихъ даже не прочь думать, что они заимствованы въ названный сборникъ прямо изъ святогробскаго кодекса № 160 въ 1749 году, еще въ ту пору хорошо сохранившагося. Укажемъ нѣсколько примѣровъ разночтеній по обѣимъ рукописямъ:

стран.	стр.		у Гедеона:	Халкин. сборн. № 85:
23	2	сверху	φησὶ καὶ ἡ[πρ...]διαγραφὴ (поправка: προφητικὴ ἴσως)	φησὶ καὶ ἡ πρέσβα γραφὴ
32	11	»	καὶ ὁ προπάτωρ (δεικνυσιν)	ὁ προπάτωρ μάρτυς
33	9	»	καὶ... ὑποτεθεὶς	καὶ ποῦς ὑποτεθεὶς
34	11	»	νῆστις [ὁ Σωτὴρ καὶ γὰρ]	νῆστις ἐμὸς Κύριος
»	25	»	καὶ ὡς [ἕκαστος] ἔχῃ	καὶ ὡς καθ' ἕνας ἔχῃ
35	22	»	δεξιοὶ τῶν πάντων	δεξιοὶ τῶν πόνων
38	24	»	Τοὺς δ'ἀλλοπόνοις (;)	Τοὺς δ'ἀεὶ πόνοις
45	11	»	τοῦ μοναχικοῦ ἀμαίου (;)	τοῦ μοναχικοῦ ἀμφίου
47	25	»	τὰ πάντα δὲ [ταῦτα γε]νήσονται	Τὰ πάντα δὲ ἀνημνήσονται
52	1	»	ἀψευδέστατοι μάρτυρες καὶ καυχήσεως μάρτυρες	ἀψεύδεστοι μάρτυρες καὶ καυχήσεως στέφανος.

Что касается многочисленныхъ поправокъ текста, предложенныхъ г. Гедеономъ въ подсрочныхъ примѣчаніяхъ къ изданному имъ памятнику, то мы ихъ не касаемся и оставляемъ всецѣло на отвѣтственности издателя.

При сличеніи текста, изданнаго г. Гедеономъ въ разбираемой нами брошюрѣ, съ текстомъ того же Типика въ Халкинской рукописи № 85, мы замѣтили нѣкоторые пропуски въ изданіи г. Гедеона. Вотъ примѣры:

стран.	стр.		у Гедеона:	Халкин. рукоп. № 85:
23	25	сверху	καὶ κηροῦ λίτραι τρεῖς, καὶ οὐκ εἰς πλείονα δόσιν	καὶ κυροῦ λίτρας τρεῖς, καὶ οὐ πλέον, ὅς δὴ καὶ αὐτὸς τοῖς τοιούτοις καὶ μόνοις ἀγαπήσει, καὶ οὐκ εἰς πλείονα δόσιν
30	15	»	ἀδελφοῖς καὶ τέκνοις	ἀδελφοῖς καὶ τέκνοις προσκείμενος.
50	3	»	Θεοῦ χορηγοῦντος, καὶ γὰρ	Θεοῦ χορηγοῦντος τὸ δύνασθαι·καὶ γὰρ

Брошюра посвящена издателемъ «πολυμαθεῖ βυζαντινολόγῳ», профессору С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкому, «ὡς φόρος σεβασμοῦ πρὸς ἄνδρα, καθοσιώσαντα σύμπαντα τὸν βίον αὐτοῦ εἰς τὴν μελέτην τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας».

А. Дмитріевскій.

Кіевъ. Сентября 2.
1895 г.

σῶμα сказано σῶμα μαθηματικόν, при чемъ приводится опредѣленіе математическаго тѣла (μαθηματικὸν δὲ σῶμά ἐστι τὸ ἔχον μῆκος καὶ πλάτος καὶ βάθος μὴ μέντοιγε ἀφῇ καὶ θέᾳ ὑποπίπτον ἀλλὰ νῷ μόνῳ περίληπτον, тутъ замѣтно вліяніе Аммонія, говорящаго въ коментаріи на категоріи: ἰστέον τοίνυν ὅτι σῶμα καλοῦσιν οἱ γεωμέτραι τὸ ἔχον τρεῖς διαστάσεις μῆκος, πλάτος, βάθος); къ тремъ отличительнымъ свойствамъ, указаннымъ Аристотелемъ, Пселлъ прибавляетъ четвертое τὸ μετρεῖσθαι; этихъ особенностей нѣтъ въ синопсисѣ.

Въ главѣ о качествѣ бросается въ глаза разница между неизданнымъ трактатомъ Пселла и синопсисомъ. О второмъ видѣ качества Пселлъ говоритъ: Δεύτερον δὲ εἶδος αὐτῆς ἐλέχθη δύναμις καὶ ἀδυναμία. ταῦτα δὲ οὐκ εἰσι κατ' ἐνέργειαν ἀλλὰ κατ' ἐπιτηδειότητα μόνον προάγονται, ἔστι μὲν οὖν δύναμις ἐπιτηδειότητος προκοπὴ, ἀδυναμία δὲ δυσκολία ἢ ἐκκοπὴ ἐπιτηδειότητος, οἷον τὸν εὐφυᾶ παῖδα δύναμιν ἔχειν φαμεν τοῦ γενέσθαι γραμματικόν, τὸν δὲ ἀφυᾶ ἀδυναμίαν (Ср. у Аммонія: ἐπειδὴ γὰρ ἡ δύναμις καὶ ἡ ἀδυναμία φυσική τίς ἐστιν ἐπιτηδειότης, τό τε γὰρ παιδίον φυσικήν τινα ἔχει δύναμιν τοῦ δέξασθαι γραμματικήν. Въ Діалектикѣ І. Дамаскина гл. 51: Δεύτερον εἶδος ποιότητος δύναμις καὶ ἀδυναμία, ἅτ.να οὐκ εἰσιν ἐνεργείᾳ, ἔχουσι δὲ ἐπιτηδειότητα καὶ δύναμιν φυσικὴν ἢ ἀνεπιτηδειότητα, ὥς φαμεν τὸν μὲν παῖδα δυνάμει μουσικόν. Въ логикѣ Влеммида гл. 22: Δύναμιν δὲ γέ φαμεν οὐ τὴν κοινὴν ἐπιτηδειότητα καθ' ἣν πρὸς πάσας τὰς τέχνας δύναμιν ἔχειν πάντες ἄνθρωποι λέγονται φυσικὴν, ἀλλὰ τὴν ἰδίως προσοῦσαν εὐφυίαν ἑκάστῳ τινι πρὸς τόδε τι). Въ синопсисѣ читается: Δεύτερον εἶδος ποιότητός ἐστι φυσικὴ ἐπιτηδειότης ἢ ἀνεπιτηδειότης πρὸς τὸ ποιεῖν ἢ πάσχειν ῥαδίως. Ὅθεν ὑγιεινὸς λέγεται τῷ δύναμιν φυσικὴν τοῦ μηδὲν πάσχειν ὑπό τινων συμπτομάτων, νοσώδης τῷ φυσικὴν ἔχειν δύναμιν τοῦ πάσχειν. Ἔτι τὸ σκληρὸν ἔχει δύναμιν φυσικὴν τοῦ μὴ ῥαδίως τέμνεσθαι, τὸ δὲ μαλακὸν ἔχει δύναμιν φυσικὴν τοῦ ῥαδίως τέμνεσθαι. Ἔτι οἱ δρομικοὶ καὶ οἱ πυκτικοὶ λέγονται ὁμοίως οὐ διὰ τὸ ἀεὶ ἀσκεῖν τὰς τοιαύτας ἐνεργείας, ἀλλὰ διὰ τὸ φυσικὴν ἔχειν δύναμιν τοῦ ταῦτα ῥαδίως ποιεῖν (p. 135—137). О третьемъ видѣ качества Пселлъ говоритъ на основаніи Аммонія (τριχῶς δὲ λέγεται ἡ παθητικὴ ποιότης, ἡ γὰρ ἀπὸ πάθους ἐγένετο καὶ πάθος ἐμποιεῖ, ὡς ἡ περὶ τὸν ἄνθρωπον γινομένη παρὰ φύσιν τοῦ πυρετοῦ θερμασία, ἡ ἀπὸ πάθους μὲν οὐκ ἐγένετο πάθος δὲ ἐμποιεῖ, ὡς ἡ τοῦ πυρὸς θερμότης, ἡ ἀπὸ πάθους μὲν ἐγένετο, πάθος δὲ οὐ ποιεῖ, ср. Ammon. λέγω δὴ ἡ παθητικὴ ποιότης ἡ ὡς πάθος ἐμποιοῦσα καὶ ἡ ὡς ἀπὸ πάθους ἐγγινομένη καὶ τὸ πάθος τὸ ὑπὸ τὴν ποιότητα ἀναφερόμενον καὶ τὸ πάθος τὸ ὑπὸ τὸ πάσχειν ἀναφερόμενον, παθητικαὶ μὲν γὰρ ποιότητες τὰ πρότερα τρία); въ синопсисѣ совсѣмъ другое и незамѣтно вліянія Аммонія.

Въ синопсисѣ различаются три вида категоріи отношенія (καθ') ὁμωνυμίαν, καθ' ὑπέρθεσιν, καθ' ὑπόθεσιν), а у Пселла десять видовъ (κατὰ ταυτότητα, κατ' ἀνισότητα, κατ' ἰσότητα, κατὰ γένεσιν, κατὰ μέθεξιν, καθ' ὕφεσιν, κατὰ πάθος, κατὰ κρίσιν, κατὰ θέσιν, κατὰ τὴν πρὸς τὸ γένος ἀναφοράν).

Между трактатомъ Пселла объ истолкованіи и соотвѣтствующею частью синопсиса замѣтна также большая разница; укажу только на

сфотографированы и кратко описаны. Перечисливъ посѣщенные пункты, авторъ набрасываетъ въ краткихъ чертахъ общую картину возникновенія этихъ укрѣпленій. «Когда въ 533 г. полководцы Юстиніана отвоевали въ нѣсколько недѣль Африку у Вандаловъ, необходимость защищать пріобрѣтенную провинцію заставила ихъ тотчасъ же покрыть ее цѣлою сѣтью крѣпостей, и, дѣйствительно, въ ближайшіе годы множество укрѣпленныхъ пунктовъ и крѣпостей, съ которыми связано имя патриція Соломона, возникло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла на границахъ и внутри страны. Онѣ имѣются на всѣхъ стратегически важныхъ позиціяхъ, защищаютъ долины, прикрываютъ ущелья, обезпечиваютъ источники воды и убѣжища для жителей открытыхъ мѣстъ, постоянно рискующихъ подвергнуться нападеніямъ южныхъ номадовъ». Преемники Юстиніана продолжаютъ укрѣпленія, но уже въ VII вѣкѣ дѣло это приходитъ въ запущеніе, такъ какъ императоры все болѣе должны сосредоточивать свои силы для предотвращенія болѣе близкихъ имперіи опасностей. Весьма, сравнительно, небольшая византійская армія провинціи Африки не въ силахъ держать достаточные гарнизоны во всѣхъ пунктахъ и жители принуждены обходиться своими средствами въ защитѣ отъ вторженій. Въ эту эпоху возникаютъ почти у каждой деревни наскоро сооруженныя укрѣпленія, за стѣнами которыхъ жители могли найти убѣжище въ крайности. Укрѣпленія этого типа не должно смѣшивать съ правильно построенными крѣпостями, такъ какъ онѣ никогда не входили въ стройно задуманную систему защиты провинціи. Не останавливаясь такимъ образомъ на этихъ крѣпостцахъ, и сосредоточивая все свое вниманіе на настоящихъ укрѣпленіяхъ, авторъ указываетъ, что на нихъ весьма любопытно подмѣчать нововведенія и уклоненія отъ подобныхъ сооруженій римскаго времени, какъ бы предвѣщающія средне-вѣковыя укрѣпленія. Разсматриваемыя въ совокупности, онѣ лучше всякихъ текстовъ указываютъ на постепенное распространеніе византійскаго владычества въ Африкѣ и пути, по которымъ шло это распространеніе. Оставшись наиболѣе запущенными, чѣмъ въ какой бы то ни было другой провинціи имперіи, остатки этихъ укрѣпленій даютъ современному изслѣдователю наилучшую возможность изучить византійскія сооруженія подобнаго рода и представляютъ наилучшій монументальный комментарій къ трактату Прокопія Περὶ κτισμάτων.

Авторъ раздѣляетъ свое изложеніе, которое можно считать опытомъ каталогизаціи византійскихъ укрѣпленій Африки, по слѣдующимъ рубрикамъ, составляющимъ главы и ихъ подраздѣленія.

Глава первая. I. *Западная и юго-западная граница Нумидіи.* Здѣсь описываются: *Сетифъ* (древн. Sitifis), представляющій типъ цитадели, долженствующей защищать неукрѣпленный городъ (построенъ патриціемъ Соломономъ между 540—544 годами). *Ель-Мадеръ* и *Серіана*, два маленькіе редута болѣе поздней эпохи. *Зана* (Diana Veteranorum), значительная византійская крѣпость. Фототипическая таблица № I изображаетъ находя-

щуюся здѣсь тріумфальную арку Макрина, превращенную въ укрѣпленіе въ византійскую эпоху и находящуюся на нѣсколько сотъ метровъ отъ главной крѣпости. Укрѣпленія Замы, очевидно, принадлежатъ послѣ Юстиніановской эпохѣ и это подтверждается между прочимъ слѣдующимъ техническимъ наблюденіемъ. Во всѣхъ несомнѣнно Юстиніановскихъ крѣпостяхъ Африки толщина стѣнъ = приблизительно 2,[illegible] — 2,[illegible] метра и это какъ разъ совпадаетъ съ предписаніемъ анонимнаго автора тактики изданной Кёхли и Рюстовымъ (Griech. Kriegsschriftsteller II. 2. Leipz. 1855), по которому толщина стѣнъ должна быть равною пяти локтямъ (= 2,31 м.). Багаи же, фланкирующія укрѣпленіе, наоборотъ, имѣютъ болѣе тонкія стѣны 1,[illegible] — 1,7[illegible] м. Въ укрѣпленіи Замы мы видимъ обратное отношеніе. Подобными техническими замѣчаніями изложеніе Диля довольно богато. *Бельсина*, большое укрѣпленіе, доминирующее надъ обширной равниной и представляющее центръ цѣлой системы укрѣпленій. *Г[illegible]-эль-Х[illegible]*, фортъ еще до-византійской постройки. *Тебга* (Tubernuc), постройка Соломона.

Глава вторая. *Южная граница Нумидіи. Тимгадъ* (Thamugadi, табл. II. III. IV), одна изъ любопытнѣйшихъ и наилучше сохранившихся крѣпостей, сохранявшая свое значеніе долгое время. Еще въ 646 г., какъ мы видимъ изъ надписи C. I. L. VIII. 2389, здѣсь была построена церковь полководцемъ, которому было ввѣрено командованіе мѣстнымъ гарнизономъ. *Ксаръ-Багаи*, интереснѣйшій образчикъ цѣлаго укрѣпленнаго города съ самостоятельной крѣпостью въ сѣверо-западномъ углу его. Относится также къ эпохѣ Юстиніана и, можетъ быть, построена патриціемъ Соломономъ. *Тебесса* (Theveste), одно изъ значительнѣйшихъ и наилучше сохранившихся бесспорныхъ сооруженій Соломона. Здѣсь, между прочимъ, коммиссіей по изслѣдованію и сохраненію историческихъ памятниковъ (Service des Monuments historiques) открыта интересная допвизантійская христіанская базилика, или лучше цѣлый монастырь съ службами, помѣщеніемъ для пилигримовъ, конюшнями и т. д. *Гаидра* (Ammaedara), тоже очень важный укрѣпленный пунктъ временъ Юстиніана. Здѣсь также остатки монастыря, подобнаго предыдущему.

Глава третья. *Южная граница Византіи. Medinet-el-Khedima* (= др. Thelepte, табл. V, VI), остатки громадной крѣпости Юстиніановскаго времени, къ сожалѣнію плохо сохранившіеся.

Глава четвертая. *Вторая линія укрѣпленій Нумидіи. Мдауруш* (Mdaourouch, табл. VII—XI), крѣпость Юстиніановскаго времени особой формы (можетъ быть на фундаментахъ древняго театра), построенная также Соломономъ. Очень важный пунктъ второй линіи и одна изъ первыхъ по времени византійскихъ крѣпостей Африки. *Тифешъ* (Tipasa, табл. XII), Юстиніановскаго времени. Неправильной формы съ башнями. Она находится въ полуразрушенномъ состояніи и обнаруживаетъ слѣды неоднократныхъ реставрацій. Здѣсь найдена была свинцовая булла съ именемъ патриція Григорія, послѣдняго византійскаго намѣстника Африки (C. I. L.

VIII. 10965). *Ain-el-Bordj* (Tigisis, табл. XIII), большая крѣпость перваго времени византійскаго владычества въ Африкѣ, стоящая на римскихъ развалинахъ. Въ огромной равнинѣ, надъ которой она доминируетъ много фортовъ, не посѣщенныхъ Дилемъ. Любопытно, что въ довольно подробномъ описаніи этой крѣпости авторъ постоянно ссылается на планъ, котораго однако ни въ текстѣ, ни въ числѣ приложенныхъ таблицъ не находимъ. *Хамисса* (Thubursicum Numidarum). Это, въ сущности, конгломератъ отдѣльныхъ маленькихъ фортовъ. Церковь вся построенная изъ античныхъ обломковъ. Остатки древняго театра. *Тибилисъ* (Announa). Новѣйшими раскопками здѣсь обнаружена часть стѣны городской. Въ западной части очень разрушенное укрѣпленіе. Византійская церковь. *Guelma* (*Caloma*). Построена комитомъ Павломъ по приказанію Соломона (C. I. L. VIII. 5352,3). Это большое значительно разрушенное укрѣпленіе неправильной формы. Въ его стѣны встроены, между прочимъ, римскія термы.

Глава пятая. *Укрѣпленія въ центральномъ горномъ массивѣ Тунисіи.* Послѣ общей характеристики этой горной страны въ стратегическомъ отношеніи описываются слѣдующіе укрѣпленные пункты: *Ларибусъ* (*Lorbeus*, табл. XIV), эпохи Юстиніана. Цѣлый городокъ, имѣющій по 200 метровъ въ длину и ширину. Важный пунктъ на пути изъ Карѳагена въ Theveste. *Кессера*, очень пострадавшіе остатки крѣпостцы Юстиніановской эпохи (C. I. L. VIII. 700) на вершинѣ горы. *Генширъ - Сиди - Амара* (Aggar?), небольшой, претерпѣвшій много реставрацій и сильно пострадавшій редутъ. Эпоха постройки не можетъ быть опредѣлена съ точностью. *Лемса* (Limisa. табл. XV—XVIII), импозантная крѣпость, наиболѣе прекрасный и сохранившійся памятникъ этого рода въ Тунисіи. Стѣны огромнаго четыреугольника и башни стоятъ еще почти не разрушенныя и уже издали поражаютъ путешественника своей массивностью. — Диль, Съ виду особой важности памятника, снялъ, какъ онъ самъ говоритъ (стр. 106), особенно точный планъ съ него и постарался дать «une description irréprochable». Хотя надпись найденная близъ одной изъ четырехъ квадратныхъ башенъ, фланкирующихъ углы крѣпости (C. I. L. VIII 12035), и позволяетъ, повидимому, относить постройку этой башни къ царствованію Маврикія (582—602) и управленію патриція Геннадія, но, по общему характеру кладки стѣнъ, Диль думаетъ, что въ цѣломъ укрѣпленіе относится къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ эпохѣ Юстиніана и Соломона. *Мактаръ* (Mactaris., т. XIX), *Ксаръ-Медуджа*, *Коберъ-ель-Гуль-Генширъ-Безъ* (Vazita), какъ крѣпостцы второстепеннаго достоинства разсматриваются вмѣстѣ. Мактаръ интересенъ тѣмъ, что построенъ на основаніяхъ римскаго укрѣпленія. *Генширъ - Диллула* (Koulоulis?), значительные остатки античнаго города, укрѣпленнаго въ византійское время, державшагося вплоть до арабскаго вторженія 665 года. *Збиба* (Sufes), небольшая крѣпость Юстиніановскаго времени, распространенная въ позднѣйшее время. *Сбеитла* (Sufetula), одна изъ послѣднихъ византій-

скихъ крѣпостей Африки, сдавшаяся арабамъ. Здѣсь заперся послѣдній императорскій намѣстникъ патрицій Григорій, въ 646 г. превозгласившій себя независимымъ, а въ 647 г. давшій подъ стѣнами этой крѣпости послѣднюю рѣшительную битву арабамъ, въ которой онъ и палъ. *Касринъ* (Cillium), близъ остатковъ древняго города здѣсь имѣются остатки нѣсколькихъ византійскихъ редутовъ.

Глава шестая. *Византійскія крѣпости проконсульской провинціи. Бея* (Vaga, табл. XX—XXI), цѣлый городъ, укрѣпленный при Юстиніанѣ комитомъ Павломъ, сотрудникомъ Соломона (С. I. L. VIII. 14399). Особенно интересна прекрасно сохранившаяся главная башня съ внутреннимъ помѣщеніемъ, устройство котораго напоминаетъ уже средневѣковую архитектуру замковъ. Посрединѣ стоитъ массивный столбъ, на который упираются четыре крестовые свода, которыми крыта эта зала (рис. на стр. 133, 134). *Борджи-Гиллалъ*, древнее укрѣпленіе возобновленное Юстиніаномъ (С. I. L. VIII. 1259. 14547). Неправильный пятиугольникъ, стѣны котораго заключаютъ 15 башенъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ залы того же устройства, что и въ Беѣ. *Айнъ-Тунга* (Thignica). Здѣсь можно сдѣлать много интересныхъ техническихъ наблюденій въ особенности въ отношеніи приспособленія византійцами древнихъ памятниковъ, проведенія воды въ крѣпость и предупрежденія ея недостатка на случай осады и т. д. Постройка, тоже на основаніи техническихъ соображеній, относится ко второй половинѣ VI-го вѣка. *Тебурсукъ* (Thubursicum Bure), построена при Юстиніанѣ II (565—578) префектомъ Ѳомою (С. I. L. VIII. 1434). Одинъ изъ рѣдкихъ датированныхъ памятниковъ этой эпохи, способствующій къ отнесенію къ этой же эпохѣ и нѣкоторыхъ другихъ документально не датированныхъ. Широкое пользованіе древними остатками зданій, не особенно старательная кладка стѣнъ, сильно выдающіяся неправильной формы башни характерны для нея. *Айнъ-Гэджа* (Agbia, табл. XXIII—XXIV), крѣпость мéньшаго объема той же эпохи.

Изложеніе заключается небольшимъ замѣчаніемъ, оповѣщающимъ спеціалистовъ, что въ ватиканскомъ манускриптѣ Прокопія нашлось документальное подтвержденіе Юстиніановской постройки нѣкоторыхъ здѣсь перечисленныхъ крѣпостей (Тимгадъ, Дагай и др.), относительно которыхъ авторъ могъ высказываться лишь предположительно.

Добавочнымъ результатомъ экспедиціи была находка многихъ византійскихъ свинцовыхъ буллъ и надписей.

Мы считаемъ своимъ долгомъ ограничиться этимъ краткимъ изложеніемъ книги Диля, вся суть которой въ строго объективномъ и даже конспективномъ изложеніи результатовъ его поѣздокъ. Можно высказать только сожалѣніе, что къ нимъ не приложено карты, на которой были бы помѣщены посѣщенные имъ пункты и пути сообщенія византійской эпохи, столь основательно имъ изученные. Работа носитъ характеръ подготовительной, намѣчающей матеріалъ для детальнаго изученія и,

какъ таковая, должна быть признана прекрасною. Что детальное изученіе не замедлитъ, въ томъ ручается тотъ горячій интересъ, съ которымъ теперь изучаются римскіе и византійскіе памятники Африки [1]).

А. Щукаревъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Святаго Григорія Паламы, митрополита солунскаго, три творенія, доселѣ не бывшія изданными: а) Посланіе къ монахамъ Іоанну и Ѳеодору; б) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ пятую недѣлю, на слова Лук. 16, 19; в) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ шестую недѣлю, на слова Лук. 8, 27.* Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1895. Стр. I + 55. — Солунскій митрополитъ Григорій Палама, извѣстный подвижникъ благочестія и защитникъ православной вѣры († 1360), оставилъ послѣ себя значительное литературное наслѣдство, часть котораго до настоящаго времени хранится еще въ рукописяхъ. Къ числу не изданныхъ произведеній относятся и напечатанныя преосвященнымъ Арсеніемъ въ означенной брошюрѣ посланіе и двѣ бесѣды славнаго солунскаго святителя. Они изданы по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 69 прежняго указателя (№ 212 каталога архим. Владиміра). Въ посланіи (λόγος ἐπιστοληματος), написанномъ инокамъ-философамъ Іоанну и Ѳеодору (стр. 1—27), раскрываются взгляды св. Григорія Паламы на христіанское спасеніе и умственное дѣланіе, говорится о главнѣйшихъ страстяхъ, препятствующихъ нравственному совершенствованію человѣка, и высказывается сужденіе о тѣхъ людяхъ, которые «за великое считаютъ мудрость въ словѣ, безъ добродѣтели». Въ бесѣдѣ на Евангеліе Луки (XVI, 19) выясняется, кто изъ богатыхъ и бѣдныхъ спасется (стр. 28—44), а бесѣда въ недѣлю шестую представляетъ толкованіе на текстъ Евангелія Луки VIII, 27 съ надлежащимъ нравственнымъ приложеніемъ. Вновь изданные преосв. Арсеніемъ памятники византійской литературы, переведенные и на русскій языкъ, имѣютъ значеніе и для исторіи греко-восточнаго монашества.

А. Пападопуло-Керамевсъ, *Ѳеодорита епископа киррскаго отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми египетскими епископами* (Θεοδωρήτου ἐπισκόπου πόλεως Κύρρου πρὸς τὰς ἐπενεχθείσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις παρά τινος τῶν ἐξ Αἰγύπτου ἐπισκόπων ἀποκρίσεις). Издано по рукописи десятаго столѣтія. С.-Петербургъ. 1895. Стр. XIII + 172. — Среди твореній св. философа и мученика Іустина издавна помѣщалось обширное сочиненіе изъ

1) Изъ текущихъ публикацій по этой части упомянемъ вышедшіе въ самое недавнее время: Atlas archéologique de la Tunisie Livrais. III. *Boeswillwald et Cagnat.* Timgad. Une cité africaine sous l'empire romaine. III. *R. Cagnat.* Musée de Lambèse. Fasc. V. Всѣ вышли въ 1895 г.

146 главъ подъ заглавіемъ: «Отвѣты святаго Іустина православнымъ на нѣкоторые необходимые вопросы». Впервые это сочиненіе напечатано въ 1551 году французскимъ филологомъ Робертомъ Стефаномъ по рукописи Regius=C 1363 года изъ парижской Національной Библіотеки, а затѣмъ—Іоанномъ Отто по Codex Claromontanus 1541 года; извѣстенъ и третій списокъ этого сочиненія въ т. н. Codex Monacensis Graecus CXXXVI, который, какъ и двѣ первыя рукописи, приписываютъ вышеназванное сочиненіе мученику Іустину. Но въ виду того, что въ «Отвѣтахъ» разсматривается много догматическихъ вопросовъ, несовременныхъ Іустину, въ богословской наукѣ было высказано предположеніе, что это сочиненіе принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. А. И. Пападопуло-Керамевсу удалось окончательно опредѣлить, что авторомъ его былъ знаменитый киррскій епископъ Ѳеодоритъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ открытая имъ пергаменная рукопись середины X столѣтія, принадлежащая константинопольской библіотекѣ Св. Гроба (№ 452=273),—въ которой творцемъ «Отвѣтовъ» дважды названъ бл. Ѳеодоритъ. Рукопись раньше принадлежала аѳонскому монастырю св. Діонисія и была въ пользованіи у Іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа Нотары. По предположенію нашего издателя, имя составителя «Отвѣтовъ», начиная съ X вѣка, исчезло, а впослѣдствіи переписчикъ гадательно замѣнилъ его именемъ св. Іустина, можетъ быть на томъ основаніи, что въ той же рукописи содержались и творенія Іустина. Въ Святогробской рукописи «Отвѣты» заключаютъ 161 главу, а не 146, какъ въ другихъ спискахъ; кромѣ того къ 160 главамъ сдѣланъ указатель. Издавъ и указатель, и самое сочиненіе Ѳеодорита въ болѣе полномъ видѣ, г. Пападопуло-Керамевсъ значительно исправилъ текстъ его и восполнилъ пробѣлы прежнихъ изданій, дополнилъ библейскія цитаты другихъ издателей, помѣстилъ варіанты словъ и предложеній Парижской рукописи, сдѣлалъ поправки къ тексту, составилъ къ нему три указателя,—вообще примѣнилъ къ дѣлу всѣ обычные пріемы своего солиднаго научно-критическаго аппарата. Что касается содержанія изданнаго сочиненія, то оно представляетъ рядъ отвѣтовъ на вопросы догматическіе и экзегетическіе, предложенные бл. Ѳеодориту однимъ изъ египетскихъ епископовъ. «Отвѣты» представляютъ дополнительныя данныя даже для лучшихъ научныхъ изслѣдованій о знаменитомъ киррскомъ епископѣ (напр., г. Глубоковскаго).

Николай Заозерскій, *О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права.* Сергіевъ Посадъ. 1894. Стр. XIII+458.—Книга г. Заозерскаго состоитъ изъ «предварительныхъ объясненій», гдѣ выясняется задача сочиненія, двухъ частей изслѣдованія и приложеній. Въ первой части (стр. 1—86) разсматриваются «основоположенія церковной власти». Эта часть состоитъ изъ трехъ главъ: 1) особенный характеръ священной власти, задачи и спеціальная область ея вѣдѣнія; 2) различіе церковныхъ полномочій и ихъ классификація и

изъ нихъ даже не прочь думать, что они заимствованы въ названный сборникъ прямо изъ святогробскаго кодекса № 160 въ 1749 году, еще въ ту пору хорошо сохранившагося. Укажемъ нѣсколько примѣровъ разночтеній по обѣимъ рукописямъ:

стран.	стр.		у Гедеона:	Халкин. сборн. № 85:
23	2	сверху	φησὶ καὶ ἡ[πρ...]διαγραφὴ (поправка: προφητικὴ ἴσως)	φησὶ καὶ ἡ πρέσβα γραφὴ
32	11	»	καὶ ὁ προπάτωρ (δεικνυσιν)	ὁ προπάτωρ μάρτυς
33	9	»	καὶ... ὑποτεθεὶς	καὶ ποῦς ὑποτεθεὶς
34	11	»	νῆστις [ὁ Σωτὴρ καὶ γὰρ]	νῆστις ἐμὸς Κύριος
»	25	»	καὶ ὡς [ἕκαστος] ἔχῃ	καὶ ὡς καθ' ἕνας ἔχῃ
35	22	»	δεξιοὶ τῶν πάντων	δεξιοὶ τῶν πόνων
38	24	»	Τοὺς δ'ἀλλοπόνοις (;)	Τοὺς δ'ἀεὶ πόνοις
45	11	»	τοῦ μοναχικοῦ ἀμαίου (;)	τοῦ μοναχικοῦ ἀμφίου
47	25	»	τὰ πάντα δὲ [ταῦτα γε]νήσονται	Τὰ πάντα δὲ ἀνημνήσονται
52	1	»	ἀψευδέστατοι μάρτυρες καὶ καυχήσεως μάρτυρες	ἀψεύδεστοι μάρτυρες καὶ καυχήσεως στέφανος.

Что касается многочисленныхъ поправокъ текста, предложенныхъ г. Гедеономъ въ подсрочныхъ примѣчаніяхъ къ изданному имъ памятнику, то мы ихъ не касаемся и оставляемъ всецѣло на отвѣтственности издателя.

При сличеніи текста, изданнаго г. Гедеономъ въ разбираемой нами брошюрѣ, съ текстомъ того же Типика въ Халкинской рукописи № 85, мы замѣтили нѣкоторые пропуски въ изданіи г. Гедеона. Вотъ примѣры:

стран.	стр.		у Гедеона:	Халкин. рукоп. № 85:
23	25	сверху	καὶ κηροῦ λίτραι τρεῖς, καὶ οὐκ εἰς πλείονα δόσιν	καὶ κυροῦ λίτρας τρεῖς, καὶ οὐ πλέον, ὃς δὴ καὶ αὐτὸς τοῖς τοιούτοις καὶ μόνοις ἀγαπήσει, καὶ οὐκ εἰς πλείονα δόσιν
30	15	»	ἀδελφοῖς καὶ τέκνοις	ἀδελφοῖς καὶ τέκνοις προσκείμενος.
50	3	»	Θεοῦ χορηγοῦντος, καὶ γὰρ	Θεοῦ χορηγοῦντος τὸ δύνασθαι· καὶ γὰρ

Брошюра посвящена издателемъ «πολυμαθεῖ βυζαντινολόγῳ», профессору С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкому, «ὡς φόρος σεβασμοῦ πρὸς ἄνδρα, καθοσιώσαντα σύμπαντα τὸν βίον αὐτοῦ εἰς τὴν μελέτην τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας».

А. Дмитріевскій.

Кіевъ. Сентября 2.
1895 г.

M. Diehl, *Rapport sur deux missions archéologiques dans l'Afrique du Nord.* (Avril-Juin 1892 et Mars — Mai 1893). (= Nouv. archives des miss. scientif. et littér. Tome VI). Paris. Leroux. 1894. 152 стр. и XXIV фототипическія таблицы.

Сочиненіе М. Диля, заглавіе котораго выписано, занимается цикломъ памятниковъ вполнѣ опредѣленныхъ и хронологически и топографически и по существу однородныхъ. Двѣ экскурсіи, предпринятыя имъ въ римскую Африку, ставшую въ 429 году вандальскою, а въ 533 г. завоеванную полководцами Юстиніана, имѣли спеціальную цѣль изслѣдовать остатки ея укрѣпленій и, притомъ, исключительно послѣдней, т. е. византійской эпохи. Авторъ не задавался цѣлью подробнаго изслѣдованія, или раскопокъ этихъ укрѣпленій, на что у него не было достаточно времени и средствъ, а, можетъ быть, и спеціальныхъ познаній архитектора и фортификатора. Онъ не имѣлъ въ виду и детальнаго изданія каждой изъ осмотрѣнныхъ имъ руинъ, тѣмъ болѣе, что параллельно съ нимъ другіе французскіе же изслѣдователи изучали такимъ образомъ нѣкоторые изъ посѣщенныхъ имъ пунктовъ. Такъ напр. крѣпость Тимгадъ уже нѣсколько лѣтъ спеціально изучается при помощи раскопокъ, руководимыхъ Саразиномъ. Цѣль его была не столько чисто археологическая, сколько историческая, именно прослѣдить общее расположеніе этихъ укрѣпленій въ странѣ, ихъ взаимное соотношеніе, стратегическое значеніе и т. д. Понятно, что для исполненія такой цѣли важнѣе всего было посѣтить какъ можно бóльшее количество этихъ укрѣпленій, изучить способъ ихъ постройки, кладки стѣнъ и т. п., чтобы можно было, идя отъ построекъ, дата которыхъ извѣстна изъ Прокопія, или другихъ источниковъ, опредѣлять время и неупоминающихся нигдѣ сооруженій или точно не отождествленныхъ. Слѣдовало установить главнѣйшіе типы этихъ укрѣпленій и, главное, выяснить роль и значеніе каждаго изъ нихъ въ связи съ условіями мѣстности имъ защищаемой. Разумѣется все это можно сдѣлать только на мѣстѣ и на основаніи точнаго предварительнаго изученія древнихъ путей сообщенія, прикрывать которые было главною задачею изслѣдуемыхъ укрѣпленій.

Эти ближайшія цѣли выполнены М. Дилемъ совершенно удовлетворительно. Несмотря на конспективную краткость изложенія, получается вполнѣ опредѣленное представленіе о каждомъ изъ разсматриваемыхъ укрѣпленій, чему не мало способствуютъ чертежи въ текстѣ и таблицы съ видами наилучше сохранившихся и наиболѣе характерныхъ частей этихъ укрѣпленій въ концѣ книги. Въ началѣ, по обыкновенію серіи въ которой появился этотъ трудъ, помѣщенъ рапортъ министру культовъ, гдѣ сжато, но съ чисто французскою ясностью излагаются маршруты обѣихъ экскурсій, общій планъ изслѣдованія, цѣли, намѣченныя авторомъ, и главные результаты. Въ обѣ экскурсіи посѣщено свыше 50 пунктовъ, нѣкоторые по два и даже по три раза. Въ большинствѣ оказались развалины византійской эпохи, которыя авторомъ вымѣрены, изслѣдованы,

сфотографированы и кратко описаны. Перечисливъ посѣщенные пункты, авторъ набрасываетъ въ краткихъ чертахъ общую картину возникновенія этихъ укрѣпленій. «Когда въ 533 г. полководцы Юстиніана отвоевали въ нѣсколько недѣль Африку у Вандаловъ, необходимость защищать пріобрѣтенную провинцію заставила ихъ тотчасъ же покрыть ее цѣлою сѣтью крѣпостей, и, дѣйствительно, въ ближайшіе годы множество укрѣпленныхъ пунктовъ и крѣпостей, съ которыми связано имя патриція Соломона, возникло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла на границахъ и внутри страны. Онѣ имѣются на всѣхъ стратегически важныхъ позиціяхъ, защищаютъ долины, прикрываютъ ущелья, обезпечиваютъ источники воды и убѣжища для жителей открытыхъ мѣстъ, постоянно рискующихъ подвергнуться нападеніямъ южныхъ номадовъ». Преемники Юстиніана продолжаютъ укрѣпленія, но уже въ VII вѣкѣ дѣло это приходитъ въ запущеніе, такъ какъ императоры все болѣе должны сосредоточивать свои силы для предотвращенія болѣе близкихъ имперіи опасностей. Весьма, сравнительно, небольшая византійская армія провинціи Африки не въ силахъ держать достаточные гарнизоны во всѣхъ пунктахъ и жители принуждены обходиться своими средствами въ защитѣ отъ вторженій. Въ эту эпоху возникаютъ почти у каждой деревни наскоро сооруженныя укрѣпленія, за стѣнами которыхъ жители могли найти убѣжище въ крайности. Укрѣпленія этого типа не должно смѣшивать съ правильно построенными крѣпостями, такъ какъ онѣ никогда не входили въ стройно задуманную систему защиты провинціи. Не останавливаясь такимъ образомъ на этихъ крѣпостцахъ, и сосредоточивая все свое вниманіе на настоящихъ укрѣпленіяхъ, авторъ указываетъ, что на нихъ весьма любопытно подмѣчать нововведенія и уклоненія отъ подобныхъ сооруженій римскаго времени, какъ бы предвѣщающія средне-вѣковыя укрѣпленія. Разсматриваемыя въ совокупности, онѣ лучше всякихъ текстовъ указываютъ на постепенное распространеніе византійскаго владычества въ Африкѣ и пути, по которымъ шло это распространеніе. Оставшись наиболѣе запущенными, чѣмъ въ какой бы то ни было другой провинціи имперіи, остатки этихъ укрѣпленій даютъ современному изслѣдователю наилучшую возможность изучить византійскія сооруженія подобнаго рода и представляютъ наилучшій монументальный комментарій къ трактату Прокопія Περὶ κτισμάτων.

Авторъ раздѣляетъ свое изложеніе, которое можно считать опытомъ каталогизаціи византійскихъ укрѣпленій Африки, по слѣдующимъ рубрикамъ, составляющимъ главы и ихъ подраздѣленія.

Глава первая. I. *Западная и юго-западная граница Нумидіи.* Здѣсь описываются: *Сетифъ* (древн. Sitifis), представляющій типъ цитадели, долженствующей защищать неукрѣпленный городъ (построенъ патриціемъ Соломономъ между 540—544 годами). *Ель-Мадеръ* и *Серіана*, два маленькіе редута болѣе поздней эпохи. *Зана* (Diana Veteranorum), значительная византійская крѣпость. Фототипическая таблица № I изображаетъ находя-

щуюся здѣсь тріумфальную арку Макрина, превращенную въ укрѣпленіе въ византійскую эпоху и находящуюся на нѣсколько сотъ метровъ отъ главной крѣпости. Укрѣпленія Заны, очевидно, принадлежатъ послѣ Юстиніановской эпохѣ и это подтверждается между прочимъ слѣдующимъ техническимъ наблюденіемъ. Во всѣхъ несомнѣнно Юстиніановскихъ крѣпостяхъ Африки толщина стѣнъ = приблизительно: $2{,}_{20}$ — $2{,}_{40}$ метра и это какъ разъ совпадаетъ съ предписаніемъ анонимнаго автора тактики изданной Кёхли и Рюстовымъ (Griech. Kriegsschriftsteller II. 2. Leipz. 1855), по которому толщина стѣнъ должна быть равною пяти локтямъ (= 2,31 м.). Башни же, фланкирующія укрѣпленіе, наоборотъ, имѣютъ болѣе тонкія стѣны $1{,}_{50}$ — $1{,}_{70}$ м. Въ укрѣпленіи Заны мы видимъ обратное отношеніе. Подобными техническими замѣчаніями изложеніе Диля довольно богато. *Беллецма*, большое укрѣпленіе, доминирующее надъ обширной равниной и представляющее центръ цѣлой системы укрѣпленій. *Генширъ-ель-Хамиммъ*, фортъ еще до-византійской постройки. *Тобна* (Tubunae), постройка Соломона.

Глава вторая. *Южная граница Нумидіи. Тимгадъ* (Thamugadi, табл. II. III. IV), одна изъ любопытнѣйшихъ и наилучше сохранившихся крѣпостей, сохранившая свое значеніе долгое время. Еще въ 646 г., какъ мы видимъ изъ надписи C. I. L. VIII. 2389, здѣсь была построена церковь полководцемъ, которому было ввѣрено командованіе мѣстнымъ гарнизономъ. *Ксаръ-Багай*, интереснѣйшій образчикъ цѣлаго укрѣпленнаго города съ самостоятельной крѣпостью въ сѣверо-западномъ углу его. Относится также къ эпохѣ Юстиніана и, можетъ быть, построена патриціемъ Соломономъ. *Тебесса* (Theveste), одно изъ значительнѣйшихъ и наилучше сохранившихся бесспорныхъ сооруженій Соломона. Здѣсь, между прочимъ, коммиссіей по изслѣдованію и сохраненію историческихъ памятниковъ (Service des Monuments historiques) открыта интересная довизантійская христіанская базилика, или лучше цѣлый монастырь съ службами, ночлежнымъ домомъ для пилигримовъ, конюшнями и т. д. *Гаидра* (Ammaedara), тоже очень важный укрѣпленный пунктъ временъ Юстиніана. Здѣсь также остатки монастыря, подобнаго предыдущему.

Глава третья. *Южная граница Визацены. Medinet - el - Khedima* (= др. Thelepte, табл. V, VI), остатки громадной крѣпости Юстиніановскаго времени, къ сожалѣнію плохо сохранившіеся.

Глава четвертая. *Вторая линія укрѣпленій Нумидіи. Мадаури* (Mdaourouch, табл. VII—XI), крѣпость Юстиніановскаго времени особой формы (можетъ быть на фундаментахъ древняго театра?), построенная также Соломономъ. Очень важный пунктъ второй линіи и одна изъ первыхъ по времени византійскихъ крѣпостей Африки. *Тифэхъ* (Tipasa, табл. XII), Юстиніановскаго времени. Неправильной формы съ башнями. Она находится въ полуразрушенномъ состояніи и обнаруживаетъ слѣды неоднократныхъ реставрацій. Здѣсь найдена была свинцовая булла съ именемъ патриція Григорія, послѣдняго византійскаго намѣстника Африки (C. I. L.

VIII. 10965). *Ain-el-Bordj* (Tigisis, табл. XIII), большая крѣпость перваго времени византійскаго владычества въ Африкѣ, стоящая на римскихъ развалинахъ. Въ огромной равнинѣ, надъ которой она доминируетъ много фортовъ, не посѣщенныхъ Дилемъ. Любопытно, что въ довольно подробномъ описаніи этой крѣпости авторъ постоянно ссылается на планъ, котораго однако ни въ текстѣ, ни въ числѣ приложенныхъ таблицъ не находимъ. *Хамисса* (Thubursicum Numidarum). Это, въ сущности, конгломератъ отдѣльныхъ маленькихъ фортовъ. Церковь вся построенная изъ античныхъ обломковъ. Остатки древняго театра. *Тибилисъ* (Announa). Новѣйшими раскопками здѣсь обнаружена часть стѣны городской. Въ западной части очень разрушенное укрѣпленіе. Византійская церковь. *Guelma* (*Caloma*). Построена комитомъ Павломъ по приказанію Соломона (C. I. L. VIII. 5352,3). Это большое значительно разрушенное укрѣпленіе неправильной формы. Въ его стѣны встроены, между прочимъ, римскія термы.

Глава пятая. *Укрѣпленія въ центральномъ горномъ массивѣ Тунисіи.* Послѣ общей характеристики этой горной страны въ стратегическомъ отношеніи описываются слѣдующіе укрѣпленные пункты: *Ларибусъ* (*Lorbeus*, табл. XIV), эпохи Юстиніана. Цѣлый городокъ, имѣющій по 200 метровъ въ длину и ширину. Важный пунктъ на пути изъ Карѳагена въ Theveste. *Кессера*, очень пострадавшіе остатки крѣпостцы Юстиніановской эпохи (C. I. L. VIII. 700) на вершинѣ горы. *Генширъ - Сиди - Амара* (Aggar?), небольшой, претерпѣвшій много реставрацій и сильно пострадавшій редутъ. Эпоха постройки не можетъ быть опредѣлена съ точностью. *Лемса* (Limisa. табл. XV—XVIII), импозантная крѣпость, наиболѣе прекрасный и сохранившійся памятникъ этого рода въ Тунисіи. Стѣны огромнаго четыреугольника и башни стоятъ еще почти не разрушенныя и уже издали поражаютъ путешественника своей массивностью. — Диль, Съ виду особой важности памятника, снялъ, какъ онъ самъ говоритъ (стр. 106), особенно точный планъ съ него и постарался дать «une description irréprochable». Хотя надпись найденная близъ одной изъ четырехъ квадратныхъ башенъ, фланкирующихъ углы крѣпости (C. I. L. VIII 12035), и позволяетъ, повидимому, относить постройку этой башни къ царствованію Маврикія (582—602) и управленію патриція Геннадія, но по общему характеру кладки стѣнъ, Диль думаетъ, что въ цѣломъ укрѣпленіе относится къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ эпохѣ Юстиніана и воломона. *Мактаръ* (Mactaris., т. XIX), *Ксаръ-Медуджа*, *Коберъ-ель-Гуль-Генширъ-Безъ* (Vazita), какъ крѣпостцы второстепеннаго достоинства разсматриваются вмѣстѣ. Мактаръ интересенъ тѣмъ, что построенъ на основаніяхъ римскаго укрѣпленія. *Генширъ - Диллула* (Kouloulis?), значительные остатки античнаго города, укрѣпленнаго въ византійское время, державшагося вплоть до арабскаго вторженія 665 года. *Збиба* (Sufes), небольшая крѣпость Юстиніановскаго времени, распространенная въ позднѣйшее время. *Сбеитла* (Sufetula), одна изъ послѣднихъ византій-

скихъ крѣпостей Африки, сдавшаяся арабамъ. Здѣсь заперся послѣдній императорскій намѣстникъ патрицій Григорій, въ 646 г. провозгласившій себя независимымъ, а въ 647 г. давшій подъ стѣнами этой крѣпости послѣднюю рѣшительную битву арабамъ, въ которой онъ и палъ. *Касринъ* (Cillium), близъ остатковъ древняго города здѣсь имѣются остатки нѣсколькихъ византійскихъ редутовъ.

Глава шестая. *Византійскія крѣпости проконсульской провинціи. Бея* (Vaga, табл. XX—XXI), цѣлый городъ, укрѣпленный при Юстиніанѣ комитомъ Павломъ, сотрудникомъ Соломона (C. I. L. VIII. 14399). Особенно интересна прекрасно сохранившаяся главная башня съ внутреннимъ помѣщеніемъ, устройство котораго напоминаетъ уже средневѣковую архитектуру замковъ. Посрединѣ стоитъ массивный столбъ, на который упираются четыре крестовые свода, которыми крыта эта зала (рис. на стр. 133, 134). *Борджи-Гиллалъ*, древнее укрѣпленіе возобновленное Юстиніаномъ (C. I. L. VIII. 1259. 14547). Неправильный пятиугольникъ, стѣны котораго заключаютъ 15 башенъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ залы того же устройства, что и въ Беѣ. *Айнъ-Тунга* (Thignica). Здѣсь можно сдѣлать много интересныхъ техническихъ наблюденій въ особенности въ отношеніи приспособленія византійцами древнихъ памятниковъ, проведенія воды въ крѣпость и предупрежденія ея недостатка на случай осады и т. д. Постройка, тоже на основаніи техническихъ соображеній, относится ко второй половинѣ VI-го вѣка. *Тебурсукъ* (Thubursicum Bure), построена при Юстиніанѣ II (565—578) префектомъ Ѳомою (C. I. L. VIII. 1434). Одинъ изъ рѣдкихъ датированныхъ памятниковъ этой эпохи, способствующій къ отнесенію къ этой же эпохѣ и нѣкоторыхъ другихъ документально не датированныхъ. Широкое пользованіе древними остатками зданій, не особенно старательная кладка стѣнъ, сильно выдающіяся неправильной формы башни характерны для нея. *Айнъ-Геджа* (Agbia, табл. XXIII—XXIV), крѣпость меньшаго объема той же эпохи.

Изложеніе заключается небольшимъ замѣчаніемъ, оповѣщающимъ спеціалистовъ, что въ ватиканскомъ манускриптѣ Прокопія нашлось документальное подтвержденіе Юстиніановской постройки нѣкоторыхъ здѣсь перечисленныхъ крѣпостей (Тимгадъ, Дагай и др.), относительно которыхъ авторъ могъ высказываться лишь предположительно.

Добавочнымъ результатомъ экспедиціи была находка многихъ византійскихъ свинцовыхъ буллъ и надписей.

Мы считаемъ своимъ долгомъ ограничиться этимъ краткимъ изложеніемъ книги Диля, вся суть которой въ строго объективномъ и даже конспективномъ изложеніи результатовъ его поѣздокъ. Можно высказать только сожалѣніе, что къ нимъ не приложено карты, на которой были бы помѣщены посѣщенные имъ пункты и пути сообщенія византійской эпохи, столь основательно имъ изученные. Работа носитъ характеръ подготовительной, намѣчающей матеріалъ для детальнаго изученія и,

какъ таковая, должна быть признана прекрасною. Что детальное изученіе не замедлитъ, въ томъ ручается тотъ горячій интересъ, съ которымъ теперь изучаются римскіе и византійскіе памятники Африки [1]).

А. Щукаревъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Святаю Григорія Паламы, митрополита солунскаю, три творенія, доселѣ не бывшія изданными: а) Посланіе къ монахамъ Іоанну и Θеодору; б) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ пятую недѣлю, на слова Лук. 16, 19; в) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ шестую недѣлю, на слова Лук. 8, 27.* Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1895. Стр. I + 55. — Солунскій митрополитъ Григорій Палама, извѣстный подвижникъ благочестія и защитникъ православной вѣры († 1360), оставилъ послѣ себя значительное литературное наслѣдство, часть котораго до настоящаго времени хранится еще въ рукописяхъ. Къ числу не изданныхъ произведеній относятся и напечатанныя преосвященнымъ Арсеніемъ въ означенной брошюрѣ посланіе и двѣ бесѣды славнаго солунскаго святителя. Они изданы по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 69 прежняго указателя (№ 212 каталога архим. Владиміра). Въ посланіи (λόγος ἐπιστολημαῖος), написанномъ инокамъ-философамъ Іоанну и Θеодору (стр. 1—27), раскрываются взгляды св. Григорія Паламы на христіанское спасеніе и умственное дѣланіе, говорится о главнѣйшихъ страстяхъ, препятствующихъ нравственному совершенствованію человѣка, и высказывается сужденіе о тѣхъ людяхъ, которые «за великое считаютъ мудрость въ словѣ, безъ добродѣтели». Въ бесѣдѣ на Евангеліе Луки (XVI, 19) выясняется, кто изъ богатыхъ и бѣдныхъ спасется (стр. 28—44), а бесѣда въ недѣлю шестую представляетъ толкованіе на текстъ Евангелія Луки VIII, 27 съ надлежащимъ нравственнымъ приложеніемъ. Вновь изданные преосв. Арсеніемъ памятники византійской литературы, переведенные и на русскій языкъ, имѣютъ значеніе и для исторіи греко-восточнаго монашества.

А. Пападопуло-Керамевсъ, *Θеодорита епископа киррскаго отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми египетскими епископами* (Θεοδωρήτου ἐπισκόπου πόλεως Κύρρου πρὸς τὰς ἐπενεχθείσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις παρά τινος τῶν ἐξ Αἰγύπτου ἐπισκόπων ἀποκρίσεις). Издано по рукописи десятаго столѣтія. С.-Петербургъ. 1895. Стр. XIII + 172. — Среди твореній св. философа и мученика Іустина издавна помѣщалось обширное сочиненіе изъ

1) Изъ текущихъ публикацій по этой части упомянемъ вышедшіе въ самое недавнее время: Atlas archéologique de la Tunisie Livrais. III. *Boeswillwald et Cagnat.* Timgad. Une cité africaine sous l'empire romaine. III. *R. Cagnat.* Musée de Lambèse. Fasc. V. Всѣ вышли въ 1895 г.

146 главъ подъ заглавіемъ: «Отвѣты святаго Іустина православнымъ на нѣкоторые необходимые вопросы». Впервые это сочиненіе напечатано въ 1551 году французскимъ филологомъ Робертомъ Стефаномъ по рукописи Regius=C 1363 года изъ парижской Національной Библіотеки, а затѣмъ—Іоанномъ Отто по Codex Claromontanus 1541 года; извѣстенъ и третій списокъ этого сочиненія въ т. н. Codex Monacensis Graecus CXXXVI, который, какъ и двѣ первыя рукописи, приписываютъ вышеназванное сочиненіе мученику Іустину. Но въ виду того, что въ «Отвѣтахъ» разсматривается много догматическихъ вопросовъ, несовременныхъ Іустину, въ богословской наукѣ было высказано предположеніе, что это сочиненіе принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. А. И. Пападопуло-Керамевсу удалось окончательно опредѣлить, что авторомъ его былъ знаменитый киррскій епископъ Θеодоритъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ открытая имъ пергаменная рукопись середины X столѣтія, принадлежащая константинопольской библіотекѣ Св. Гроба (№ 452 = 273),—въ которой творцемъ «Отвѣтовъ» дважды названъ бл. Θеодоритъ. Рукопись раньше принадлежала аѳонскому монастырю св. Діонисія и была въ пользованіи у Іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа Нотары. По предположенію нашего издателя, имя составителя «Отвѣтовъ», начиная съ X вѣка, исчезло, а впослѣдствіи переписчикъ гадательно замѣнилъ его именемъ св. Іустина, можетъ быть на томъ основаніи, что въ той же рукописи содержались и творенія Іустина. Въ Святогробской рукописи «Отвѣты» заключаютъ 161 главу, а не 146, какъ въ другихъ спискахъ; кромѣ того къ 160 главамъ сдѣланъ указатель. Издавъ и указатель, и самое сочиненіе Θеодорита въ болѣе полномъ видѣ, г. Пападопуло-Керамевсъ значительно исправилъ текстъ его и восполнилъ пробѣлы прежнихъ изданій, дополнилъ библейскія цитаты другихъ издателей, помѣстилъ варіанты словъ и предложеній Парижской рукописи, сдѣлалъ поправки къ тексту, составилъ къ нему три указателя,—вообще примѣнилъ къ дѣлу всѣ обычные пріемы своего солиднаго научно-критическаго аппарата. Что касается содержанія изданнаго сочиненія, то оно представляетъ рядъ отвѣтовъ на вопросы догматическіе и экзегетическіе, предложенные бл. Θеодориту однимъ изъ египетскихъ епископовъ. «Отвѣты» представляютъ дополнительныя данныя даже для лучшихъ научныхъ изслѣдованій о знаменитомъ киррскомъ епископѣ (напр., г. Глубоковскаго).

Николай Заозерскій, *О церковной власти. Основоположенія, характеръ и способы примѣненія церковной власти въ различныхъ формахъ устройства церкви по ученію православно-каноническаго права.* Сергіевъ Посадъ. 1894. Стр. XIII+458.—Книга г. Заозерскаго состоитъ изъ «предварительныхъ объясненій», гдѣ выясняется задача сочиненія, двухъ частей изслѣдованія и приложеній. Въ первой части (стр. 1—86) разсматриваются «основоположенія церковной власти». Эта часть состоитъ изъ трехъ главъ: 1) особенный характеръ священной власти, задачи и спеціальная область ея вѣдѣнія; 2) различіе церковныхъ полномочій и ихъ классификація и

3) церковно-правительственная власть, ея виды и различіе источниковъ ея полномочій. Вторая часть книги (стр. 87—414) трактуетъ о «способахъ примѣненія церковной власти» или о формахъ церковнаго устройства. Она раздѣляется на два отдѣла: I) организація спеціальнаго управленія и II) организація окружнаго церковнаго управленія. Въ частности, въ первомъ отдѣлѣ, послѣ установленія каноническихъ основоположеній епархіальнаго устройства, обозрѣваются слѣдующія формы этого управленія: а) епископально-общинная форма (древнѣйшій видъ церковнаго устройства), б) епископально-клерикальная или средневѣковая и в) епископально-консисторіальная форма епархіальнаго управленія, существующая съ XVIII вѣка въ Россіи. Второй отдѣлъ, посвященный организаціи окружнаго церковнаго управленія, прежде всего опредѣляетъ каноническія основоположенія и формы этого управленія, причемъ выясняется основное значеніе соборности въ организаціи управленія древней Восточной церкви и указывается сущность и характеръ различныхъ формъ древне-соборнаго управленія: синодально-примасской, синодально-митрополитской, синодально-экзаршеской и синодально-патріаршеской. Далѣе изслѣдуются формы церковнаго устройства, образовавшіяся подъ вліяніемъ союза церкви съ государствами и націями. Здѣсь разсматривается: 1) синодально-государственная форма управленія а) въ Византіи до завоеванія Константинополя турками и б) въ Россіи со времени утвержденія Святѣйшаго Синода и 2) синодально-національная форма высшаго управленія а) въ великой Константинопольской церкви — подъ властью турокъ и б) въ православной сербской Карловицкой церкви въ Австро-Венгріи. Въ отдѣлѣ приложеній помѣщено нѣсколько русскихъ грамотъ церковно-каноническаго характера, извлеченныхъ авторомъ изъ церковныхъ архивовъ Ярославской губерніи. Такимъ образомъ въ книгѣ г. Заозерскаго главною частью является вторая, посвященная описанію и оцѣнкѣ различныхъ способовъ церковнаго управленія. Книга отличается крупными учеными достоинствами и свидѣтельствуетъ о богатствѣ знаній автора, глубинѣ его богословствующей мысли и способности къ аналитико-синтетическимъ построеніямъ. Г. Заозерскій удостоенъ за разсматриваемое сочиненіе степени доктора церковнаго права.

Н. Суворовъ, *Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право.* (Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кн. LXV, стр. 305—383+XVI, Окончаніе).—Заканчивая свою полемику съ А. С. Павловымъ, проф. Суворовъ въ третьей главѣ своего трактата говоритъ о западномъ вліяніи на древне-русскія правила о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ, а въ четвертой и послѣдней—о Западномъ вліяніи на церковные уставы Владиміра и Ярослава. Въ приложеніи помѣщенъ пенитенціалъ галликанскаго сакраментарія, изданный Мураторіемъ въ «Liturgia romana vetus T. II, Venetiis 1748». (См. Визант. Времен., т. II, стр. 253, 682).

А. Александровъ, *Служба святому Кириллу, учителю славянскому.* По

рукописи русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ (Памятники древней письменности. CVII. 1895. Стр. 31.).—Служба издана по рукописи сербской редакціи отъ XIV вѣка. Текстъ ея сопоставляется съ текстомъ списковъ болгарскихъ: Зографскаго монастыря на Аѳонѣ (Ученыя Записки Казанскаго университета за 1862 г.), Московской синодальной библіотеки № 164 и русскаго монастыря на Аѳонѣ (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1893, № 2). Въ приложеніи къ изданію помѣщена служба свв. Кириллу и Меѳодію, извлеченная покойнымъ о. И. М. Мартыновымъ изъ неизвѣстной рукописи.

Иванъ Андреевъ, *Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (Хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ).* Выпускъ первый. Хронологія Константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности свв. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1895. — Настоящее сочиненіе будетъ разсмотрѣно въ особой рецензіи.

Іеромонахъ Іоаннъ, *Обрядникъ византійскаго двора (De ceremoniis aulae byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ.* Москва. 1895.—Будетъ особая рецензія.

Е. Голубинскій, *Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами.* (Чтенія въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1896, кн., стр. 1—49).— Въ настоящемъ изслѣдованіи проф. Е. Е. Голубинскій со свойственною ему ученою обстоятельностью, между прочимъ, доказываетъ на основаніи византійскихъ источниковъ, что средневѣковые греки, вопреки мнѣнію русскихъ старообрядцевъ, сохранили чистоту православія и въ эпоху флорентійской уніи (1439 г.), и послѣ флорентійскаго собора, когда открылись частыя сношенія грековъ съ латинянами, и, наконецъ, во время турецкаго владычества.

Анатолій Спасскій, *Аполлинарій Лаодикійскій. Историческая судьба сочиненій Аполлинарія съ краткимъ очеркомъ его жизни. Изслѣдованіе.* Сергіевъ Посадъ. 1895. Стр. XII+465. — Задача труда г. Спасскаго состоитъ въ анализѣ памятниковъ литературной дѣятельности Аполлинарія Лаодикійскаго и въ оцѣнкѣ результатовъ новыхъ изслѣдованій по этому вопросу, принадлежащихъ ученымъ Каспари, Іоганну Дрэзеке и отчасти Гарнаку. Изслѣдованіе состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и двухъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—[illegible]) излагаются биографическія свѣдѣнія объ Аполлинаріи [illegible] во второмъ—разсматриваются сочиненія Аполлинарія [illegible] изъ восьми главъ и заключенія. Въ первой главѣ [illegible] 134) дѣлается общій обзоръ литературной дѣятельности Аполлинарія и опредѣляется общая судьба его сочиненій. [illegible] св. Григорія Чудотворца. [illegible] свидѣтельствъ [illegible]

μέρος πίστις)» принадлежитъ именно Аполлинарію, которымъ и составлено приблизительно между 373—376 годами, указывается содержаніе, цѣль и значеніе сочиненія въ ряду другихъ произведеній Аполлинарія; во второй половинѣ главы разбирается доказательство Дрэзеке въ пользу принадлежности Аполлинарію трехъ гомилій, дошедшихъ до насъ съ именемъ св. Григорія Чудотворца, причемъ г. Спасскій приходитъ къ выводу, что эти гомиліи не могутъ принадлежать ни Аполлинарію, ни четвертому вѣку. Въ третьей главѣ (стр. 181—216) изслѣдуются сочиненія Аполлинарія, надписанныя именемъ св. Аѳанасія Александрійскаго, т. е. два «Слова о воплощеніи (λόγοι περὶ σαρκώσεως)» и бесѣда о единствѣ Христа («ὅτι εἷς ὁ Χριστός»). И эти произведенія, по доказательству г. Спасскаго, написаны Аполлинаріемъ, такъ какъ проникнуты его идеями и находятся въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами его жизни. Глава четвертая (стр. 217—263) разсматриваетъ сочиненія Аполлинарія, надписанныя именемъ папъ Юлія и Феликса, а также изложеніе вѣры, согласное съ 318-ю отцами, и бесѣду Ерехтія. Результаты этой главы таковы: Аполлинарій былъ авторомъ посланія къ Діонисію, посланія «о единствѣ во Христѣ тѣла съ Божествомъ (περὶ τῆς ἐν Χριστῷ ἑνότητος τοῦ σώματος πρὸς τὴν θεότητα)» окружнаго посланія (ἐγκύκλιον) и посланія «къ противникамъ Божественнаго воплощенія Слова (πρὸς τοὺς κατὰ τῆς θείας τοῦ λόγου σαρκώσεως ἀγωνιζομένους)», приписываемыхъ папѣ Юлію,—вѣроятнымъ авторомъ посланія папы Феликса «о вѣрѣ и воплощеніи» и «изложенія вѣры, согласнаго съ 318-ю отцами», которое, по предположенію г. Спасскаго, сохранилось до нашего времени подъ надписаніемъ: «Изложеніе 318-ти отцевъ противъ Павла Самосатскаго»; бесѣда же Ерехтія, епископа Антіохіи Писидійской, Аполлинарію не принадлежитъ; въ заключеніи главы дѣлается характеристика ученія о Лицѣ Богочеловѣка, раскрытаго въ сочиненіяхъ, приписанныхъ Аполлинарію нашимъ авторомъ. Въ пятой главѣ (стр. 264—337) говорится о фрагментахъ догматическихъ сочиненій Аполлинарія — «о св. Троицѣ», «о Божественномъ воплощеніи», полемическаго сочиненія къ Діодору и Флавіану, указывается ихъ содержаніе и значеніе, также оцѣниваются фрагменты другихъ догматическихъ произведеній Аполлинарія — рѣчей или посланій, числомъ до 14. Глава шестая (стр. 337—387) посвящена догматико-полемическимъ сочиненіямъ Аполлинарія. Здѣсь г. Спасскій полемизируетъ съ Дрэзеке и, вопреки послѣднему, доказываетъ, что двѣ послѣднія книги противъ Евномія, издаваемыя подъ именемъ св. Василія Великаго, принадлежатъ не Аполлинарію, а Дидиму; неосновательна, по мнѣнію г. Спасскаго, гипотеза Дрэзеке и о томъ, что Аполлинарій былъ авторомъ діалоговъ о Св. Троицѣ. Въ главѣ седьмой (стр. 388—429) разсматриваются апологетическія сочиненія Аполлинарія, къ которымъ относятся: «За истину» и «Книги противъ Порфирія»; что касается псевдо-Іустиновскаго «Увѣщательнаго слова къ эллинамъ», то попытку Дрэзеке приписать его Аполлинарію слѣдуетъ считать не вполнѣ убѣдительной. Въ главѣ восьмой (стр. 429—451) дѣлается характеристика

поэзіи Аполлинарія, памятникомъ которой служитъ «Метафразъ псалмовъ», а въ заключеніи (стр. 452—465) предложена оцѣнка всей его литературной дѣятельности. По взгляду нашего автора, Аполлинарій былъ плодовитѣйшимъ писателемъ IV-го вѣка, но памятники его литературной дѣятельности, сохранившіеся до нашего времени подъ фальсифицированными надписями, не такъ многочисленны и важны, какъ утверждаетъ Дрэзеке, но и не такъ ничтожны, какъ это думали до изслѣдованій Каспари. Аполлинарію съ несомнѣнностію или вѣроятностію слѣдуетъ приписать до одиннадцати произведеній, помимо фрагментовъ. Они имѣютъ значеніе въ исторіи раскрытія догматическихъ вопросовъ о единосущіи Св. Троицы и о Лицѣ Богочеловѣка. Въ исторіи формулировки перваго вопроса Аполлинарій занимаетъ второстепенное мѣсто; его сочиненія стоятъ позади твореній свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго и относятся къ первой стадіи споровъ о Троицѣ, — той стадіи, которая характеризуется еще недостаточной выработанностью богословской терминологіи, упроченной литературной дѣятельностью знаменитыхъ каппадокійскихъ отцевъ; кромѣ того, въ ученіи о Св. Духѣ Аполлинарій повторялъ св. Аѳанасія Александрійскаго. Значитъ, лаодикійскій писатель не былъ «самымъ замѣчательнѣйшимъ богословомъ IV-го вѣка» и «учителемъ каппадокійскихъ отцевъ» (Гарнакъ и Дрэзеке). Иное значеніе имѣетъ Аполлинарій въ исторіи вопроса о Лицѣ Богочеловѣка. Здѣсь онъ «былъ первый, кто началъ тринитарные результаты примѣнять къ христологіи» (Дорнеръ), т. е. Аполлинарій первый началъ прилагать ученіе о Св. Троицѣ, формулированное на первомъ вселенскомъ *соборѣ*, къ разъясненію ученія о Богочеловѣкѣ. Въ *историческомъ* полѣ зрѣнія его ученіе является звеномъ, связующимъ въ одинъ непрерывный историческій процессъ двѣ великія стадіи раскрытія и формулировки догматовъ христіанской вѣры — теологическую (ученіе о Богѣ въ Самомъ *Себѣ*) и христологическую (ученіе объ искупленіи). Если въ ученіи о Св. Троицѣ Аполлинарій примкнулъ къ постановленіямъ Никейскаго *собора*, то всѣ послѣдующіе споры о Лицѣ Богочеловѣка *были только естественнымъ* продолженіемъ споровъ, порожденныхъ лжеученіемъ Аполлинарія, и *свой* источникъ имѣли или въ его воззрѣніяхъ (*монофизитство и монофелитство*), или въ крайнемъ противодѣйствіи *его ученію (несторіанство)*, пока, послѣ VI-го вселенскаго *собора*, истина православія не *восторжествовала* окончательно. Въ *догматическомъ же отношеніи* ученіе Аполлинарія о Богочеловѣкѣ носитъ противоцерковный характеръ: *желая* уяснить, какимъ *образомъ* во Христѣ Богъ и плоть *составляютъ одну* природу, онъ, подъ вліяніемъ своихъ философскихъ *воззрѣній*, пришелъ къ отрицанію ума человѣческаго во Христѣ и *утверждалъ*, что въ Искупителѣ Божество замѣнило *собою* умъ человѣческій. *Такое* ученіе, носившее на себѣ рѣзкую печать личности Аполлинарія, *его склада* ума и его философскихъ идей, *было и его личнымъ измышленіемъ*, прямо извращавшимъ ученіе всей церкви о Христѣ, какъ Богѣ совер-

шенномъ и человѣкѣ совершенномъ; поэтому аполлинаріанство въ собственномъ смыслѣ и исчезло изъ исторіи почти одновременно съ своимъ родоначальникомъ.

И. В. Помяловскій, *Житіе иже во святыхъ отца нашего аввы Θеодосія Киновіарха* (Палестинскій Патерикъ, выпускъ 8. Изданіе И. Прав. Палест. Общ., Спб. 1895. Стр. 1—94). — Преподобный Θеодосій Великій родился около 430 года въ Каппадокіи, въ молодости удалился въ Палестину и основалъ здѣсь близъ Іерусалима свою знаменитую лавру, благоустроивъ жизнь въ ней на началахъ общежитія (κοινόβιον); онъ скончался въ 529 году. — Изданный проф. Помяловскимъ русскій переводъ житія великаго подвижника сдѣланъ съ греческаго подлинника по изданію Узенера (Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros uud Kyrillos, herausgegeben von Hermann Usener. Leipzig. 1890), съ исправленіями и дополненіями къ этому изданію, предложенными Крумбахеромъ (Studien zu den Legenden des h. Theodosios von Karl Krumbacher. München. 1892). Настоящее житіе Θеодосія написано его ученикомъ Θеодоромъ, епископомъ Петры Аравійской. Вмѣстѣ съ этимъ житіемъ И. В. Помяловскій издалъ и дополняющее его краткое жизнеописаніе аввы, принадлежащее перу Кирилла Скиθопольскаго. Оба житія обстоятельно знакомятъ съ дѣятельностью великаго палестинскаго аскета и очень полезны въ церковно-историческомъ отношеніи.

Петръ Сладкопѣвцевъ, *Древнія палестинскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники*. Выпускъ второй. Стр. 1—188. Выпускъ третій. Стр. 1—158. Спб. 1895. Изд. Имп. Прав. Палест. Общества.—Популярно излагая «историческія судьбы древнихъ иноческихъ обителей и пустынь Святой Земли», авторъ въ указанныхъ выпускахъ своего труда повѣствуетъ о центрахъ палестинскаго иночества, возникшихъ въ *пятомъ* вѣкѣ, причемъ придерживается того же плана, который проведенъ и въ первомъ выпускѣ его сочиненія (Виз. Врем., т. II, в. 3, стр. 466). Такимъ образомъ въ настоящихъ выпускахъ сообщаются историко-археологическія свѣдѣнія о слѣдующихъ палестинскихъ обителяхъ V вѣка съ отдѣльнымъ описаніемъ подвижничества ихъ основателей и ближайшихъ учениковъ послѣднихъ: лаврѣ препод. Евθимія Великаго, лаврѣ препод. Θеоктиста, киновіяхъ препод. Геласія и препод. Маркіана, лаврахъ: Каламони, Хузива, препод. Герасима Іорданскаго, св. Іоанна Предтечи, Иліотъ, киновіи Θеодосія Великаго (вып. III), великой и новой лаврахъ и пещерной киновіи препод. Саввы Освященнаго, женской обители Вассы, монастыряхъ: мученика Леонтія, Мартирія, Зифъ, Романа, Метонинъ, Маркіана, Евсторгія, на Сіонѣ и патріарха Иліи (в. IV). Очерки, посвященные этимъ обителямъ, неодинаковы по объему: одни изъ нихъ довольно подробны (напр., очерки о монастыряхъ Герасима Іорданскаго, Θеодосія Великаго и Саввы Освященнаго), а другіе—чрезвычайно кратки (в. IV, стр. 143—144). Это зависитъ отъ историческаго значенія той или иной обители и отъ характера источниковъ, которыми пользовался ав-

торъ. Таковыми для него служили преимущественно житія палестинскихъ подвижниковъ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. *Выпускъ второй: Славяно-русскій Прологъ.* Часть первая. Сентябрь — декабрь. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей **профессора А. И. Пономарева.** С.-Петербургъ. 1896. Стр. I—LXVI+224.—Настоящій выпускъ предпринятаго проф. Пономаревымъ изданія открывается историко-литературнымъ очеркомъ о «Прологѣ въ его церковномъ и народно-литературномъ значеніи», принадлежащимъ перу редактора. Здѣсь сообщается о происхожденіи греческаго Пролога и его редакціяхъ, о судьбѣ Пролога въ Россіи, его содержаніи, причемъ довольно подробно излагается по Прологу взглядъ древне-русской церкви на нищелюбіе и милостыню, какъ выраженія дѣятельной любви христіанской, — сопоставляется этотъ взглядъ съ каличьими духовными стихами на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ также воспроизводится ученіе о нищелюбіи. Далѣе слѣдуетъ текстъ Пролога на мѣсяцы сентябрь—декабрь, раздѣленный на три отдѣла: 1) житія нѣкоторыхъ наиболѣе прославляемыхъ въ русскомъ народѣ вселенскихъ, русскихъ и славянскихъ святыхъ (стр. 1—72), 2) слова и поученія (стр. 73—125) и 3) церковно-учительныя повѣсти и разсказы (стр. 127—155). Къ каждому изъ этихъ отдѣловъ сдѣланы необходимыя примѣчанія (стр. 156—217). Текстъ изданъ по Прологу 1675—77 г., причемъ г. редакторъ исправлялъ его не только по другимъ раннимъ и позднѣйшимъ изданіямъ, но и по рукописямъ разныхъ вѣковъ, начиная пергаменными XII—XIII в. и кончая позднѣйшими и даже корректурными листами московскихъ печатныхъ Прологовъ XVII вѣка; но ввести сличеніе избраннаго печатнаго текста Пролога съ другими позднѣйшими печатными г. Пономареву не удалось, вопреки первоначальному намѣренію. Прологъ изданъ, конечно, не въ цѣломъ его объемѣ, а въ сокращеніи,—въ томъ его существенномъ содержаніи, въ которомъ онъ имѣлъ и имѣетъ до настоящаго времени огромное значеніе, какъ книга церковно-народная и вмѣстѣ какъ замѣчательное произведеніе древне-русской письменности. Но и въ этомъ видѣ изданіе проф. Пономарева заключаетъ въ себѣ рѣшительно все важное и существенное для полнаго ознакомленія съ Прологомъ въ указанномъ отношеніи,—какъ въ самомъ текстѣ изданныхъ статей, такъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

И. Р., *Святый Григорій Богословъ, архіепископъ Константинопольскій. Его жизнь и избранныя творенія* (Книжки иллюстрированнаго журнала «Русскій Паломникъ» на 1896 годъ. Книжка I). Спб. 1896. Стр. 262.—Послѣ описанія жизни и дѣятельности св. Григорія (стр. 3—45), авторъ переходитъ къ характеристикѣ его твореній (стр. 46—55), часть которыхъ и предложена затѣмъ или въ полномъ видѣ, или въ сокращеніи (стр. 56—262). Изданіе назначено для популярнаго употребленія.

М. Сперанскій, *Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское*

вліяніе на Западъ (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1895, № 12, стр. 393—413).—Изслѣдованіе византійскаго вліянія въ области чешскаго искусства и археологіи приняло въ наукѣ особый оттѣнокъ, такъ какъ связывается съ дѣятельностью свв. Кирилла и Меѳодія, которые впервые принесли въ Чехію византійское христіанство, проповѣдуя его на живомъ народномъ языкѣ, и тѣмъ положили начало національно-чешской культурѣ, въ противоположность культурѣ не національной—латиногерманской. И историки, и археологи Чехіи тщательно собираютъ и отмѣчаютъ всѣ тѣ историко-археологическіе памятники, которые такъ или иначе свидѣтельствуютъ о восточномъ вліяніи на чешскую культуру. Къ числу свидѣтелей кирилло-меѳодіевской старины относятся церкви, часовни и мѣстности, которыя *народное преданіе* связываетъ съ миссіонерской дѣятельностью св. апостоловъ славянъ, и т. н. кирилло-меѳодіевскіе кресты. Не отрицая въ принципѣ византійскаго вліянія на чешскіе памятники перваго рода, г. Сперанскій однако находитъ, что преданіе, легенда, на основаніи которыхъ устанавливается это вліяніе, не составляютъ надежнаго историческаго источника и требуютъ крайне осторожнаго съ ними обращенія. Что касается крестовъ, какъ небольшихъ—мѣдныхъ или бронзовыхъ и «носильныхъ», такъ и монументальныхъ, каменныхъ, которыхъ г. Сперанскій насчитываетъ болѣе тридцати, то доказательства ихъ кирилло-меѳодіевскаго происхожденія, заимствованныхъ изъ археологіи и преданія (Гавелька и Пальмовъ), также ненадежны и односторонни. Но если нельзя съ несомнѣнностью доказать *кирилло-меѳодіевскаго* происхожденія чешскихъ придорожныхъ крестовъ, то вообще византійское вліяніе на нихъ—безспорно, какъ это можно видѣть изъ формы крестовъ и историческихъ данныхъ. Раскрытію этихъ мыслей, а также выясненію происхожденія и значенія придорожныхъ крестовъ вообще и чешскихъ въ частности и посвящена вторая половина ученой статьи г. Сперанскаго.

В. Бокъ, *Бронзовый коптскій сосудъ* (Записки Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, вып. 3 и 4, стр. 230—248).—Описывается коптскій бронзовый сосудъ, имѣющій форму амфоры или сосуда для фильтрованія, найденный въ 1891 году на лѣвомъ берегу Нила, около Мединетъ-Абу; сосудъ, по мнѣнію г. Бока, относится къ эпохѣ самостоятельнаго развитія коптскаго искусства, приблизительно къ концу V вѣка по Р. Х. Описанію сосуда предпосылается рѣчь о коптскомъ искусствѣ, подъ которымъ разумѣется вообще христіанское египетское искусство. Оно сложилось изъ элементовъ: древне-египетскаго (архитектура монастырей—Бѣлаго, Краснаго и Ассуанскаго, орнаментика коптскихъ тканей), персидскаго, сирійскаго, классическаго (ткани, утварь) и національно-христіанскаго, но не византійско-греческаго, такъ что коптскіе памятники составляютъ самостоятельную научную и художественную область, отличную отъ художественныхъ произведеній другихъ христіанскихъ странъ.

Къ статьѣ приложены снимокъ описываемаго сосуда и списокъ сочиненій по описанію коптскихъ памятниковъ.

Ѳ. И. Буслаевъ, *Первое дополненіе къ Лицевому Апокалипсису* (Труды Восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., томъ II, Москва, 1895, стр. 1—9). — Почтенный ученый дѣлаетъ въ настоящей статьѣ дополненія къ своему изслѣдованію: «Русскій Лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ... М. 1884». Дополненія касаются редакцій, переводовъ и рукописей русскаго Лицеваго Апокалипсиса,—вопросовъ объ участіи Францисканскаго ордена въ переработкѣ апокалипсическихъ толкованій и ихъ иллюстраціи, о стилизаціи ландшафта въ русскихъ миніатюрахъ и проч.

Х. Лопаревъ, *Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ (1707 — 1731) и его отношеніе къ Россіи* (тамъ же, стр. 20—27). — Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ, племянникъ Досиѳея Нотары, автора извѣстной «Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ», оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Еще будучи святогробскимъ архимандритомъ, Хрисанѳъ Нотара трижды посѣтилъ Россію для сбора пожертвованій въ пользу св. Гроба и для обмѣна книгъ, а именно: въ 1691, 1693 и 1701 годахъ. Во время своего пребыванія въ Россіи Хрисанѳъ входилъ въ сношенія со многими современными дѣятелями, напр., съ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, гетманомъ Мазепою, съ которымъ имѣлъ тайны по вопросамъ политико-церковнымъ, былъ извѣстенъ и Петру I. Сдѣлавшись въ 1707 году преемникомъ по каѳедрѣ патріарха іерусалимскаго Досиѳея, Хрисанѳъ принялъ болѣе дѣятельное участіе въ церковномъ и преимущественно политическомъ положеніи Россіи и другихъ странъ. Онъ заискивалъ у Порты, не сочувствовалъ политикѣ Петра I, горячо относился къ Турецкой Украйнѣ и запорожскимъ казакамъ и вообще примыкалъ по своимъ воззрѣніямъ къ балканской лигѣ, съ ненавистью относившейся къ Россіи. Но въ 1715 году Хрисанѳъ является человѣкомъ расположеннымъ къ Россіи, какъ это видно изъ его изслѣдованія о пяти патріархатахъ, въ числѣ коихъ считается и московскій патріархатъ. Издавши въ томъ же году книгу патріарха Досиѳея «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ», Хрисанѳъ одинъ экземпляръ посылалъ въ даръ Стефану Яворскому, а въ 172[illegible] году препровождалъ въ даръ императору Петру II рукописный экземпляръ своего сочиненія «Ἱστορία καὶ περιγραφὴ τῆς ἁγίας Ἱερουσαλήμ». Патріархъ Хрисанѳъ участвовалъ и въ событіяхъ русской церковной жизни 1721 — 23 годовъ.

Н. Ѳ. [illegible], *Новый списокъ русскаго [illegible]* XVI—XVII в. (тамъ же, стр. 34—37). — [illegible] тіе на Руси въ XVI — XVII вѣкахъ [illegible] шееся главнымъ образомъ [illegible] между прочимъ въ т. н. «[illegible]» [illegible] найденный имъ въ [illegible] деміи, библіотекѣ [illegible] XVI [illegible]

опредѣляетъ его научное значеніе въ отношеніи къ вопросамъ о происхожденіи и первоначальной редакціи Дѣйствъ.

М. Сперанскій, *Славянскія апокрифическія евангелія* (Труды Восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, т. II, стр. 38—172).— Обширное изслѣдованіе г. Сперанскаго открывается общею характеристикою апокрифа вообще и апокрифическихъ евангелій въ частности, послѣ которой дѣлается общій обзоръ текстовъ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся до нашего времени въ числѣ семи. Всѣ эти евангелія авторъ дѣлитъ по ихъ содержанію на три группы: первую группу составляютъ евангелія, касающіяся жизни Іосифа и Дѣвы Маріи, а также обстоятельствъ рожденія Іисуса Христа (Evangelium seu liber de nativitate s. Mariae, Historiae de nativitate s. Mariae et de infantia Salvatoris или Evangelium Pseudo-Matthei, Historia Iosephi fabri-lignarii и Protevangelium Iacobi); ко второй — относятся евангелія, описывающія дѣтство и жизнь І. Христа до начала Его проповѣди (Evangelium de infantia Salvatoris и Evangelium secundum Thomam) а къ третьей—излагающія послѣдніе дни земной жизни Спасителя, Его смерть, воскресеніе, вознесеніе на небо и пр. (Никодимово евангеліе съ добавочными статьями). Сдѣлавши общій обзоръ текстовъ всѣхъ этихъ евангелій, г. Сперанскій кратко выясняетъ и значеніе ихъ въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Затѣмъ идетъ подробный филологическій анализъ текстовъ трехъ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся въ славянскихъ переводахъ — на разныхъ нарѣчіяхъ восточныхъ и южныхъ, а именно: Первоевангелія св. Ѳомы и Никодимова, причемъ указывается и вліяніе каждаго изъ нихъ на славянскую литературу и искусство. Въ заключеніи дѣлается обзоръ западно-славянскихъ (чешскихъ, польскихъ и др.) текстовъ апокрифическихъ евангелій. Въ приложеніи къ изслѣдованію помѣщены пять номеровъ славянскихъ статей апокрифическаго характера и сдѣланы нѣкоторыя дополненія къ тексту труда.

А. И. Кирпичниковъ, *Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.* Отвѣтъ на 40-й вопросъ программы съѣзда (тамъ же, стр. 213—229). — Между иконописью и духовною литературой существуетъ весьма тѣсное взаимодѣйствіе, такъ какъ миніатюра и легенда, икона и духовная пѣснь составляютъ только различныя *формы* одного процесса творчества, въ основѣ которыхъ лежитъ одно и тоже содержаніе, данное св. Писаніемъ и преданіемъ. Поэтому близкое знакомство съ памятниками иконографіи необходимо для полнаго пониманія памятниковъ литературныхъ и наоборотъ. Въ виду этого, проф. Кирпичниковъ въ настоящей статьѣ устанавливаетъ нѣкоторыя общія положенія и приводитъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ взаимодѣйствія иконописи и литературы. Указавъ на то, что все существенное содержаніе христіанской иконографіи заимствовано изъ св. Писанія и ученія отцевъ и учителей церкви, проф. Кирпичниковъ констатируетъ въ частности вліяніе

на иконопись со стороны церковныхъ пѣснопѣній, исходящихъ непосредственно изъ православнаго вѣро-и нравоученія. Но вопреки Брокгаузу, категорически утверждающему, что художникъ заимствуетъ изъ богослуженія не только сюжеты, но и самый способъ ихъ обработки (Die Kunst in den Athosklöstern, Leipz., 1891, 148 — 149), нашъ авторъ не находитъ возможнымъ до такой степени подчинять иконопись богослуженію, допускаетъ огромное количество исключеній изъ тезиса Брокгауза и рядомъ съ нимъ ставитъ тезисъ обратный—о вліяніи древнехристіанской живописи на творчество гимнографовъ. Воздѣйствіе церковныхъ пѣснопѣній на иконографію выразилось, во-первыхъ, въ тѣсной связи между росписью церквей и изъясненіями на литургію, а во-вторыхъ—въ существованіи многочисленныхъ иконъ на молитвы и тексты. Кромѣ церковныхъ пѣснопѣній, наибольшее вліяніе на иконопись оказали апокрифы. Далѣе проф. Кирпичниковъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ въ пользу воздѣйствія словесности на иконопись (въ иконописныхъ типахъ Богородицы, Іисуса Христа) и описываетъ три миніатюры на апокрифическіе сюжеты изъ замѣчательной рукописи Парижской Національной библіотеки № 9561, предлагая эти миніатюры въ фототипическихъ снимкахъ. Къ концѣ статьи предлагаются любопытные примѣры въ пользу воздѣйствія иконописи на словесность какъ искусственную, такъ и народную.

Епископъ Амфилохій, *О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ церкви Преображенія Господня* (тамъ же, стр. 233—235).—Церковь построена въ началѣ XVII вѣка. Фрески открыты преосв. Амфилохіемъ за иконостасомъ; онѣ изображаютъ колѣнопреклоненныхъ ангеловъ, распятіе Христово и пр. Описавъ эти фрески, авторъ поясняетъ ихъ аналогичными фресками церкви Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря (XVI в.) и Звенигородскаго собора (XIV—XV в.).

А. Дмитріевскій, *Малоазійскій Богородичный монастырь «Τῶν Ἡλίου Βωμῶν» XII вѣка и его Типикъ, хранящійся въ библіотекѣ Патмосскаго монастыря* (Труды Кіевской духовной Академіи, 1895, октябрь, стр. 309—313). — Византійскій монастырь, именовавшійся «τῶν Ἡλίου Βωμῶν» или «τῶν Ἐλεγμῶν», находился въ Анатоліи, въ ѳемѣ Опсикійской, въ провинціи Катавола и былъ первоначально подчиненъ великой константинопольской церкви. Нѣкогда богатый и знаменитый монастырь въ XII вѣкѣ обѣднѣлъ и пришелъ въ ветхость. На него обратилъ вниманіе вельможа Никифоръ Мистикъ, возстановилъ и украсилъ его, исхлопоталъ ему у императора Мануила Комнина хрисовулъ на полную независимость и далъ ему свой Типикъ, въ виду болѣе прочной внутренней организаціи монастыря, предоставивъ братіи его въ церковно-богослужебной практикѣ руководиться Студійскимъ Синаксаремъ. Этотъ Типикъ хранится въ Патмосской библіотекѣ въ пергаменной рукописи 1162 года подъ № 265. Онъ имѣетъ весьма большое сходство съ Типикомъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ, находится

также въ близкомъ отношеніи къ уставамъ Евергетидскаго монастыря и императрицы Ирины отъ 1114 года. Г. Дмитріевскій отмѣчаетъ въ статьѣ, какія именно главы указанныхъ Типиконовъ совпадаютъ. На основаніи сходства уставовъ авторъ заключаетъ, что разсматриваемый Типиконъ, какъ и многіе другіе памятники подобнаго рода, представляетъ сводъ необходимыхъ въ монастырской практикѣ правилъ и наставленій, выбранныхъ ктиторомъ обители, по личному вкусу, изъ другихъ извѣстныхъ ему ктиторскихъ уставовъ.

Александръ Яхонтовъ, *Сочиненіе блаженнаго Августина «De visitatione infirmorum» и его рѣчь «De pastoribus».* Очеркъ по наукѣ «Пастырское Богословіе» (Тамъ же, стр. 277—308).—Послѣ общихъ, вступительныхъ къ изслѣдованію свѣдѣній о названныхъ сочиненіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь объ авторѣ, времени написанія сочиненій, внутренней связи между ними и пр. (гл. I), г. Яхонтовъ рисуетъ идеалъ пастыря церкви по разбираемымъ твореніямъ блаженнаго Августина (гл. II), а въ заключеніи выясняетъ ихъ значеніе для пастырской дѣятельности (гл. III).

Д. В. Гусевъ, *Чтенія по патрологіи* (Православный Собесѣдникъ, 1895 г.). — Настоящія статьи представляютъ посмертное изданіе лекцій покойнаго профессора патрологіи въ Казанской духовной академіи Д. В. Гусева († 1894 г.), приготовленныхъ къ печати его слушателями. Послѣ «введенія къ чтеніямъ по патрологіи», гдѣ рѣчь идетъ о предметѣ, задачѣ, значеніи и методѣ патрологической науки (Правосл. Собесѣдникъ, 1895, январь, стр. 105—124), изслѣдуется церковная письменность вѣка мужей апостольскихъ. *Первая* глава посвящена св. апостолу Варнавѣ и его посланію и состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ опредѣляется авторъ посланія, описывается его жизнь и дѣятельность, выясняются историческія условія и обстоятельства происхожденія посланія Варнавы, указываются его читатели и время написанія (— февраль, стр. 145 — 185). Второй отдѣлъ обозрѣваетъ содержаніе посланія св. Варнавы (мартъ—апрѣль, стр. 277—289), а третій посвященъ вопросу о подлинности этого посланія (май, стр. 49—71). Во *второй* главѣ рѣчь идетъ о св. Климентѣ римскомъ и его первомъ посланіи къ Коринѳянамъ. И эта глава раздѣлена на три части. Сказавши въ началѣ этюда о происхожденіи перваго посланія св. Климента къ Коринѳянамъ, проф. Гусевъ обозрѣваетъ далѣе содержаніе посланія, указавши главную мысль его и двѣ составныя части, кромѣ вступленія и заключенія, а въ концѣ чтенія доказываетъ подлинность перваго посланія Климента къ Коринѳянамъ (іюнь—іюль, стр. 160—214). *Третья* глава имѣетъ своимъ предметомъ св. Игнатія антіохійскаго и его посланія. Послѣ біографическихъ свѣдѣній о св. Игнатіи, излагаются исторія споровъ о подлинности его посланій (сентябрь, стр. 23 — 46) и догматическое ихъ содержаніе (октябрь, стр. 149 — 161). Въ главѣ *четвертой* говорится о св. Поликарпѣ смирнскомъ и его посланіи къ Филиппійцамъ, сообщаются біографическія свѣдѣнія о св. Поликарпѣ, разсматривается вопросъ о под-

линности его посланія и дѣлается общая характеристика его содержанія; глава заканчивается выясненіемъ отношенія посланія св. Поликарпа и всѣхъ вообще писаній мужей апостольскихъ къ новозавѣтному канону (ноябрь, стр. 301 — 319). *Пятая* глава (1896, январь, стр. 76 — 142) сообщаетъ о св. Ермѣ и его книгѣ «Пастырь», о ея характерѣ, происхожденіи и содержаніи.

«Книга о единствѣ церкви» *блаженнаго Августина* (Руководство для сельскихъ пастырей, 1895, № 47, стр. 278 — 283). — Излагаются мысли блаж. Августина и каѳоличности Христовой церкви, раскрытыя въ означенномъ его сочиненіи.

П. Цвѣтковъ. *1) Изъ пѣснопѣній древней восточной церкви: Пѣснь на Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы* (Радость христіанина, 1895, кн. XII, стр. 210—218). Пѣснь принадлежитъ нѣкоему Георгію, съ именемъ котораго и напечатана въ греческомъ оригиналѣ у Питры въ Analecta sacra (t. I, 1. 275 squ.). Отсюда она и переведена г. Цвѣтковымъ съ нѣкоторыми поясненіями. 2) *Памятникъ древне-христіанской поэзіи. Гимнъ Воплотившемуся Сыну Божію. Синезія, епископа птолемаидскаго.* Переводъ съ греческаго подлинника (Тамъ же, 1896, кн. I, стр. 18—20). Переводъ гимна, седьмаго по общепринятому счету въ числѣ гимновъ Синезія (IV в.), сдѣланъ съ текста въ Anthologia graeca carminum christianorum adornaverunt W. Christ et M. Paranikas. Lipsiae. 1871. 3) *Пѣснь на Богоявленіе. Св. Романа Сладкопѣвца.* Переводъ съ греческаго подлинника (Тамъ же, 1896, кн. II, стр. 90—95). Переводъ сдѣланъ съ текста Analecta sacra Питры (t. I, p. 23—27).

Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій, *Опроверженіе челобитной попа Никиты* (Братское Слово, 1895, №№ 8—20, приложеніе). См. Византійскій Временникъ, т. II, вып. 3, стр. 473—474.

Н. Петровъ, *Греческій Екатерининскій монастырь въ Кіевѣ* (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1896, январь, стр. 55—112).—Основателемъ Кіевскаго греческаго Екатерининскаго монастыря былъ игуменъ Синайской обители Евгеній, прибывшій въ Кіевъ въ 1736 году. Вѣроятно, онъ былъ назначенъ на должность игумена испрашивавшагося для грековъ, жившихъ въ Кіевѣ, тамошняго Петропавловскаго монастыря, но, не получивъ этой обители, задумалъ построить греческую церковь. Отъ имени проживавшихъ въ Кіевѣ грековъ онъ исходатайствовалъ у властей разрѣшеніе на постройку въ городѣ греческой церкви, для которой пріобрѣлъ участокъ земли, не допустилъ образоваться при вновь возникшей церкви греческому церковному братству для распоряженія ея дѣлами и отдалъ себя и свою церковь въ подчиненіе кіевскому митрополиту. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны кіево-греческая Екатерининская церковь, по ходатайству синайскаго архіепископа Никифора и по представленію игумена Евгенія, была переименована въ монастырь, подчиненный Синайской горѣ и сдѣлавшійся съ 1748 года какъ бы ея подворьемъ. — Изложивъ подробно исторію возникновенія Екатеринин-

шенномъ и человѣкѣ совершенномъ; поэтому аполлинаріанство въ собственномъ смыслѣ и исчезло изъ исторіи почти одновременно съ своимъ родоначальникомъ.

И. В. Помяловскій, *Житіе иже во святыхъ отца нашего аввы Ѳеодосія Киновіарха* (Палестинскій Патерикъ, выпускъ 8. Изданіе И. Прав. Палест. Общ., Спб. 1895. Стр. 1—94). — Преподобный Ѳеодосій Великій родился около 430 года въ Каппадокіи, въ молодости удалился въ Палестину и основалъ здѣсь близъ Іерусалима свою знаменитую лавру, благоустроивъ жизнь въ ней на началахъ общежитія (κοινόβιον); онъ скончался въ 529 году. — Изданный проф. Помяловскимъ русскій переводъ житія великаго подвижника сдѣланъ съ греческаго подлинника по изданію Узенера (Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros uud Kyrillos, herausgegeben von Hermann Usener. Leipzig. 1890), съ исправленіями и дополненіями къ этому изданію, предложенными Крумбахеромъ (Studien zu den Legenden des h. Theodosios von Karl Krumbacher. München. 1892). Настоящее житіе Ѳеодосія написано его ученикомъ Ѳеодоромъ, епископомъ Петры Аравійской. Вмѣстѣ съ этимъ житіемъ И. В. Помяловскій издалъ и дополняющее его краткое жизнеописаніе аввы, принадлежащее перу Кирилла Скиѳопольскаго. Оба житія обстоятельно знакомятъ съ дѣятельностью великаго палестинскаго аскета и очень полезны въ церковно-историческомъ отношеніи.

Петръ Сладкопѣвцевъ, *Древнія палестинскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники.* Выпускъ второй. Стр. 1—188. Выпускъ третій. Стр. 1—158. Спб. 1895. Изд. Имп. Прав. Палест. Общества.—Популярно излагая «историческія судьбы древнихъ иноческихъ обителей и пустынь Святой Земли», авторъ въ указанныхъ выпускахъ своего труда повѣствуетъ о центрахъ палестинскаго иночества, возникшихъ въ *пятомъ* вѣкѣ, причемъ придерживается того же плана, который проведенъ и въ первомъ выпускѣ его сочиненія (Виз. Врем., т. II, в. 3, стр. 466). Такимъ образомъ въ настоящихъ выпускахъ сообщаются историко-археологическія свѣдѣнія о слѣдующихъ палестинскихъ обителяхъ V вѣка съ отдѣльнымъ описаніемъ подвижничества ихъ основателей и ближайшихъ учениковъ послѣднихъ: лаврѣ препод. Евѳимія Великаго, лаврѣ препод. Ѳеоктиста, киновіяхъ препод. Гелассія и препод. Маркіана, лаврахъ: Каламони, Хузива, препод. Герасима Іорданскаго, св. Іоанна Предтечи, Илiотъ, киновіи Ѳеодосія Великаго (вып. III), великой и новой лаврахъ и пещерной киновіи препод. Саввы Освященнаго, женской обители Вассы, монастыряхъ: мученика Леонтія, Мартирія, Зифъ, Романа, Метонинъ, Маркіана, Евсторгія, на Сіонѣ и патріарха Иліи (в. IV). Очерки, посвященные этимъ обителямъ, неодинаковы по объему: одни изъ нихъ довольно подробны (напр., очерки о монастыряхъ Герасима Іорданскаго, Ѳеодосія Великаго и Саввы Освященнаго), а другіе—чрезвычайно кратки (в. IV, стр. 143—144). Это зависитъ отъ историческаго значенія той или иной обители и отъ характера источниковъ, которыми пользовался ав-

торъ. Таковыми для него служили преимущественно житія палестинскихъ подвижниковъ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. *Выпускъ второй: Славяно-русскій Прологъ.* Часть первая. Сентябрь — декабрь. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей **профессора А. И. Пономарева.** С.-Петербургъ. 1896. Стр. I—LXVI+224. — Настоящій выпускъ предпринятаго проф. Пономаревымъ изданія открывается историко-литературнымъ очеркомъ о «Прологѣ въ его церковномъ и народно-литературномъ значеніи», принадлежащимъ перу редактора. Здѣсь сообщается о происхожденіи греческаго Пролога и его редакціяхъ, о судьбѣ Пролога въ Россіи, его содержаніи, причемъ довольно подробно излагается по Прологу взглядъ древне-русской церкви на нищелюбіе и милостыню, какъ выраженія дѣятельной любви христіанской, — сопоставляется этотъ взглядъ съ каличьими духовными стихами на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ также воспроизводится ученіе о нищелюбіи. Далѣе слѣдуетъ текстъ Пролога на мѣсяцы сентябрь—декабрь, раздѣленный на три отдѣла: 1) житія нѣкоторыхъ наиболѣе прославляемыхъ въ русскомъ народѣ вселенскихъ, русскихъ и славянскихъ святыхъ (стр. 1—72), 2) слова и поученія (стр. 73—125) и 3) церковно-учительныя повѣсти и разсказы (стр. 127—155). Къ каждому изъ этихъ отдѣловъ сдѣланы необходимыя примѣчанія (стр. 156—217). Текстъ изданъ по Прологу 1675—77 г., причемъ г. редакторъ исправлялъ его не только по другимъ раннимъ и позднѣйшимъ изданіямъ, но и по рукописямъ разныхъ вѣковъ, начиная пергаменными XII—XIII в. и кончая позднѣйшими и даже корректурными листами московскихъ печатныхъ Прологовъ XVII вѣка; но ввести сличеніе избраннаго печатнаго текста Пролога съ другими позднѣйшими печатными г. Пономареву не удалось, вопреки первоначальному намѣренію. Прологъ изданъ, конечно, не въ цѣломъ его объемѣ, а въ сокращеніи,—въ томъ его существенномъ содержаніи, въ которомъ онъ имѣлъ и имѣетъ до настоящаго времени огромное значеніе, какъ книга церковно-народная и вмѣстѣ какъ замѣчательное произведеніе древне-русской письменности. Но и въ этомъ видѣ изданіе проф. Пономарева заключаетъ въ себѣ рѣшительно все важное и существенное для полнаго ознакомленія съ Прологомъ въ указанномъ отношеніи,— какъ въ самомъ текстѣ изданныхъ статей, такъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

И. Р., *Святый Григорій Богословъ, архіепископъ Константинопольскій. Его жизнь и избранныя творенія* (Книжки иллюстрированнаго журнала «Русскій Паломникъ» на 1896 годъ. Книжка I). Спб. 1896. Стр. 262.— Послѣ описанія жизни и дѣятельности св. Григорія (стр. 3—45), авторъ переходитъ къ характеристикѣ его твореній (стр. 46—55), часть которыхъ и предложена затѣмъ или въ полномъ видѣ, или въ сокращеніи (стр. 56—262). Изданіе назначено для популярнаго употребленія.

М. Сперанскій, *Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское*

шенномъ и человѣкѣ совершенномъ; поэтому аполлинаріанство въ собственномъ смыслѣ и исчезло изъ исторіи почти одновременно съ своимъ родоначальникомъ.

И. В. Помяловскій, *Житіе иже во святыхъ отца нашего аввы Өеодосія Киновіарха* (Палестинскій Патерикъ, выпускъ 8. Изданіе И. Прав. Палест. Общ., Спб. 1895. Стр. 1—94). — Преподобный Өеодосій Великій родился около 430 года въ Каппадокіи, въ молодости удалился въ Палестину и основалъ здѣсь близъ Іерусалима свою знаменитую лавру, благоустроивъ жизнь въ ней на началахъ общежитія (κοινόβιον); онъ скончался въ 529 году. — Изданный проф. Помяловскимъ русскій переводъ житія великаго подвижника сдѣланъ съ греческаго подлинника по изданію Узенера (Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros uud Kyrillos, herausgegeben von Hermann Usener. Leipzig. 1890), съ исправленіями и дополненіями къ этому изданію, предложенными Крумбахеромъ (Studien zu den Legenden des h. Theodosios von Karl Krumbacher. München. 1892). Настоящее житіе Өеодосія написано его ученикомъ Өеодоромъ, епископомъ Петры Аравійской. Вмѣстѣ съ этимъ житіемъ И. В. Помяловскій издалъ и дополняющее его краткое жизнеописаніе аввы, принадлежащее перу Кирилла Скиөопольскаго. Оба житія обстоятельно знакомятъ съ дѣятельностью великаго палестинскаго аскета и очень полезны въ церковно-историческомъ отношеніи.

Петръ Сладкопѣвцевъ, *Древнія палестинскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники.* Выпускъ второй. Стр. 1—188. Выпускъ третій. Стр. 1—158. Спб. 1895. Изд. Имп. Прав. Палест. Общества.—Популярно излагая «историческія судьбы древнихъ иноческихъ обителей и пустынь Святой Земли», авторъ въ указанныхъ выпускахъ своего труда повѣствуетъ о центрахъ палестинскаго иночества, возникшихъ въ *пятомъ* вѣкѣ, причемъ придерживается того же плана, который проведенъ и въ первомъ выпускѣ его сочиненія (Виз. Врем., т. II, в. 3, стр. 466). Такимъ образомъ въ настоящихъ выпускахъ сообщаются историко-археологическія свѣдѣнія о слѣдующихъ палестинскихъ обителяхъ V вѣка съ отдѣльнымъ описаніемъ подвижничества ихъ основателей и ближайшихъ учениковъ послѣднихъ: лаврѣ препод. Евөимія Великаго, лаврѣ препод. Өеоктиста, киновіяхъ препод. Геласія и препод. Маркіана, лаврахъ: Каламони, Хузива, препод. Герасима Іорданскаго, св. Іоанна Предтечи, Иліотъ, киновіи Өеодосія Великаго (вып. III), великой и новой лаврахъ и пещерной киновіи препод. Саввы Освященнаго, женской обители Вассы, монастыряхъ: мученика Леонтія, Мартирія, Зифъ, Романа, Метонинъ, Маркіана, Евсторгія, на Сіонѣ и патріарха Иліи (в. IV). Очерки, посвященные этимъ обителямъ, неодинаковы по объему: одни изъ нихъ довольно подробны (напр., очерки о монастыряхъ Герасима Іорданскаго, Өеодосія Великаго и Саввы Освященнаго), а другіе—чрезвычайно кратки (в. IV, стр. 143—144). Это зависитъ отъ историческаго значенія той или иной обители и отъ характера источниковъ, которыми пользовался ав-

торъ. Таковыми для него служили преимущественно житія палестинскихъ подвижниковъ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. *Выпускъ второй: Славяно-русскій Прологъ.* Часть первая. Сентябрь — декабрь. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей **профессора А. И. Пономарева.** С.-Петербургъ. 1896. Стр. I—LXVI+224. — Настоящій выпускъ предпринятаго проф. Пономаревымъ изданія открывается историко-литературнымъ очеркомъ о «Прологѣ въ его церковномъ и народно-литературномъ значеніи», принадлежащимъ перу редактора. Здѣсь сообщается о происхожденіи греческаго Пролога и его редакціяхъ, о судьбѣ Пролога въ Россіи, его содержаніи, причемъ довольно подробно излагается по Прологу взглядъ древне-русской церкви на нищелюбіе и милостыню, какъ выраженія дѣятельной любви христіанской, — сопоставляется этотъ взглядъ съ каличьими духовными стихами на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, гдѣ также воспроизводится ученіе о нищелюбіи. Далѣе слѣдуетъ текстъ Пролога на мѣсяцы сентябрь—декабрь, раздѣленный на три отдѣла: 1) житія нѣкоторыхъ наиболѣе прославляемыхъ въ русскомъ народѣ вселенскихъ, русскихъ и славянскихъ святыхъ (стр. 1—72), 2) слова и поученія (стр. 73—125) и 3) церковно-учительныя повѣсти и разсказы (стр. 127—155). Къ каждому изъ этихъ отдѣловъ сдѣланы необходимыя примѣчанія (стр. 156—217). Текстъ изданъ по Прологу 1675—77 г., причемъ г. редакторъ исправлялъ его не только по другимъ раннимъ и позднѣйшимъ изданіямъ, но и по рукописямъ разныхъ вѣковъ, начиная пергаменными XII—XIII в. и кончая позднѣйшими и даже корректурными листами московскихъ печатныхъ Прологовъ XVII вѣка; но ввести сличеніе избраннаго печатнаго текста Пролога съ другими позднѣйшими печатными г. Пономареву не удалось, вопреки первоначальному намѣренію. Прологъ изданъ, конечно, не въ цѣломъ его объемѣ, а въ сокращеніи,—въ томъ его существенномъ содержаніи, въ которомъ онъ имѣлъ и имѣетъ до настоящаго времени огромное значеніе, какъ книга церковно-народная и вмѣстѣ какъ замѣчательное произведеніе древне-русской письменности. Но и въ этомъ видѣ изданіе проф. Пономарева заключаетъ въ себѣ рѣшительно все важное и существенное для полнаго ознакомленія съ Прологомъ въ указанномъ отношеніи,— какъ въ самомъ текстѣ изданныхъ статей, такъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ.

И. Р., *Святый Григорій Богословъ, архіепископъ Константинопольскій. Его жизнь и избранныя творенія* (Книжки иллюстрированнаго журнала «Русскій Паломникъ» на 1896 годъ. Книжка I). Спб. 1896. Стр. 262.— Послѣ описанія жизни и дѣятельности св. Григорія (стр. 3—45), авторъ переходитъ къ характеристикѣ его твореній (стр. 46—55), часть которыхъ и предложена затѣмъ или въ полномъ видѣ, или въ сокращеніи (стр. 56—262). Изданіе назначено для популярнаго употребленія.

М. Сперанскій, *Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское*

вліяніе на Западъ (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1895, № 12, стр. 393—413).—Изслѣдованіе византійскаго вліянія въ области чешскаго искусства и археологіи приняло въ наукѣ особый оттѣнокъ, такъ какъ связывается съ дѣятельностью свв. Кирилла и Меѳодія, которые впервые принесли въ Чехію византійское христіанство, проповѣдуя его на живомъ народномъ языкѣ, и тѣмъ положили начало національно-чешской культурѣ, въ противоположность культурѣ не національной—латиногерманской. И историки, и археологи Чехіи тщательно собираютъ и отмѣчаютъ всѣ тѣ историко-археологическіе памятники, которые такъ или иначе свидѣтельствуютъ о восточномъ вліяніи на чешскую культуру. Къ числу свидѣтелей кирилло-меѳодіевской старины относятся церкви, часовни и мѣстности, которыя *народное преданіе* связываетъ съ миссіонерской дѣятельностью св. апостоловъ славянъ, и т. н. кирилло-меѳодіевскіе кресты. Не отрицая въ принципѣ византійскаго вліянія на чешскіе памятники перваго рода, г. Сперанскій однако находитъ, что преданіе, легенда, на основаніи которыхъ устанавливается это вліяніе, не составляютъ надежнаго историческаго источника и требуютъ крайне осторожнаго съ ними обращенія. Что касается крестовъ, какъ небольшихъ—мѣдныхъ или бронзовыхъ и «носильныхъ», такъ и монументальныхъ, каменныхъ, которыхъ г. Сперанскій насчитываетъ болѣе тридцати, то доказательства ихъ кирилло-меѳодіевскаго происхожденія, заимствованныхъ изъ археологіи и преданія (Гавелька и Пальмовъ), также ненадежны и односторонни. Но если нельзя съ несомнѣнностью доказать *кирилло-меѳодіевскаго* происхожденія чешскихъ придорожныхъ крестовъ, то вообще византійское вліяніе на нихъ—безспорно, какъ это можно видѣть изъ формы крестовъ и историческихъ данныхъ. Раскрытію этихъ мыслей, а также выясненію происхожденія и значенія придорожныхъ крестовъ вообще и чешскихъ въ частности и посвящена вторая половина ученой статьи г. Сперанскаго.

В. Бокъ, *Бронзовый коптскій сосудъ* (Записки Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, вып. 3 и 4, стр. 230—248).—Описывается коптскій бронзовый сосудъ, имѣющій форму амфоры или сосуда для фильтрованія, найденный въ 1891 году на лѣвомъ берегу Нила, около Мединетъ-Абу; сосудъ, по мнѣнію г. Бока, относится къ эпохѣ самостоятельнаго развитія коптскаго искусства, приблизительно къ концу V вѣка по Р. Х. Описанію сосуда предпосылается рѣчь о коптскомъ искусствѣ, подъ которымъ разумѣется вообще христіанское египетское искусство. Оно сложилось изъ элементовъ: древне-египетскаго (архитектура монастырей—Бѣлаго, Краснаго и Ассуанскаго, орнаментика коптскихъ тканей), персидскаго, сирійскаго, классическаго (ткани, утварь) и національно-христіанскаго, но не византійско-греческаго, такъ что коптскіе памятники составляютъ самостоятельную научную и художественную область, отличную отъ художественныхъ произведеній другихъ христіанскихъ странъ.

Къ статьѣ приложены снимокъ описываемаго сосуда и списокъ сочиненій по описанію коптскихъ памятниковъ.

Ѳ. И. Буслаевъ, *Первое дополненіе къ Лицевому Апокалипсису* (Труды Восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., томъ II, Москва, 1895, стр. 1—9). — Почтенный ученый дѣлаетъ въ настоящей статьѣ дополненія къ своему изслѣдованію: «Русскій Лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ Лицевыхъ Апокалипсисовъ... М. 1884». Дополненія касаются редакцій, переводовъ и рукописей русскаго Лицеваго Апокалипсиса,—вопросовъ объ участіи Францисканскаго ордена въ переработкѣ апокалипсическихъ толкованій и ихъ иллюстраціи, о стилизаціи ландшафта въ русскихъ миніатюрахъ и проч.

Х. Лопаревъ, *Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ (1707 — 1731) и его отношеніе къ Россіи* (тамъ же, стр. 20—27). — Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ, племянникъ Досиѳея Нотары, автора извѣстной «Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ», оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Еще будучи святогробскимъ архимандритомъ, Хрисанѳъ Нотара трижды посѣтилъ Россію для сбора пожертвованій въ пользу св. Гроба и для обмѣна книгъ, а именно: въ 1691, 1693 и 1701 годахъ. Во время своего пребыванія въ Россіи Хрисанѳъ входилъ въ сношенія со многими современными дѣятелями, напр., съ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, гетманомъ Мазепою, съ которымъ имѣлъ тайны по вопросамъ политико-церковнымъ, былъ извѣстенъ и Петру I. Сдѣлавшись въ 1707 году преемникомъ по каѳедрѣ патріарха іерусалимскаго Досиѳея, Хрисанѳъ принялъ болѣе дѣятельное участіе въ церковномъ и преимущественно политическомъ положеніи Россіи и другихъ странъ. Онъ заискивалъ у Порты, не сочувствовалъ политикѣ Петра I, горячо относился къ Турецкой Украйнѣ и запорожскимъ казакамъ и вообще примыкалъ по своимъ воззрѣніямъ къ балканской лигѣ, съ ненавистью относившейся къ Россіи. Но въ 1715 году Хрисанѳъ является человѣкомъ расположеннымъ къ Россіи, какъ это видно изъ его изслѣдованія о пяти патріархатахъ, въ числѣ коихъ считается и московскій патріархатъ. Издавши въ томъ же году книгу патріарха Досиѳея «Исторія іерусалимскихъ патріарховъ», Хрисанѳъ одинъ экземпляръ посылалъ въ даръ Стефану Яворскому, а въ 1728 году препроводилъ въ даръ императору Петру II рукописный экземпляръ своего сочиненія «Ἱστορία καὶ περιγραφὴ τῆς πόλεως Ἱερουσαλήμ». Патріархъ Хрисанѳъ участвовалъ и въ событіяхъ русской церковной жизни 1721 — 23 годовъ.

Н. Ѳ. Красносельцевъ, *Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ «Дѣйствъ» XVI—XVII в.* (тамъ же, стр. 34—37).—Констатировавъ пышное развитіе на Руси въ XVI — XVII вѣкахъ церковной обрядности, совершившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Византіи и выразившееся между прочимъ въ т. н. «Дѣйствахъ», проф. Красносельцевъ описываетъ найденный имъ въ Софійской, нынѣ С.-Петербургской духовной академіи, библіотекѣ новый списокъ Дѣйствъ (№ 1100) отъ XVI вѣка и

опредѣляетъ его научное значеніе въ отношеніи къ вопросамъ о происхожденіи и первоначальной редакціи Дѣйствъ.

М. Сперанскій, *Славянскія апокрифическія евангелія* (Труды Восьмаго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, т. II, стр. 38 — 172).— Обширное изслѣдованіе г. Сперанскаго открывается общею характеристикою апокрифа вообще и апокрифическихъ евангелій въ частности, послѣ которой дѣлается общій обзоръ текстовъ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся до нашего времени въ числѣ семи. Всѣ эти евангелія авторъ дѣлитъ по ихъ содержанію на три группы: первую группу составляютъ евангелія, касающіяся жизни Іосифа и Дѣвы Маріи, а также обстоятельствъ рожденія Іисуса Христа (Evangelium seu liber de nativitate s. Mariae, Historiae de nativitate s. Mariae et de infantia Salvatoris или Evangelium Pseudo-Matthei, Historia Iosephi fabri-lignarii и Protevangelium Iacobi); ко второй — относятся евангелія, описывающія дѣтство и жизнь I. Христа до начала Его проповѣди (Evangelium de infantia Salvatoris и Evangelium secundum Thomam) а къ третьей—излагающія послѣдніе дни земной жизни Спасителя, Его смерть, воскресеніе, вознесеніе на небо и пр. (Никодимово евангеліе съ добавочными статьями). Сдѣлавши общій обзоръ текстовъ всѣхъ этихъ евангелій, г. Сперанскій кратко выясняетъ и значеніе ихъ въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Затѣмъ идетъ подробный филологическій анализъ текстовъ трехъ апокрифическихъ евангелій, сохранившихся въ славянскихъ переводахъ — на разныхъ нарѣчіяхъ восточныхъ и южныхъ, а именно: Первоевангелія св. Ѳомы и Никодимова, причемъ указывается и вліяніе каждаго изъ нихъ на славянскую литературу и искусство. Въ заключеніи дѣлается обзоръ западно-славянскихъ (чешскихъ, польскихъ и др.) текстовъ апокрифическихъ евангелій. Въ приложеніи къ изслѣдованію помѣщены пять номеровъ славянскихъ статей апокрифическаго характера и сдѣланы нѣкоторыя дополненія къ тексту труда.

А. И. Кирпичниковъ, *Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.* Отвѣтъ на 40-й вопросъ программы съѣзда (тамъ же, стр. 213 — 229). — Между иконописью и духовною литературой существуетъ весьма тѣсное взаимодѣйствіе, такъ какъ миніатюра и легенда, икона и духовная пѣснь составляютъ только различныя *формы* одного процесса творчества, въ основѣ которыхъ лежитъ одно и тоже содержаніе, данное св. Писаніемъ и преданіемъ. Поэтому близкое знакомство съ памятниками иконографіи необходимо для полнаго пониманія памятниковъ литературныхъ и наоборотъ. Въ виду этого, проф. Кирпичниковъ въ настоящей статьѣ устанавливаетъ нѣкоторыя общія положенія и приводитъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ взаимодѣйствія иконописи и литературы. Указавъ на то, что все существенное содержаніе христіанской иконографіи заимствовано изъ св. Писанія и ученія отцевъ и учителей церкви, проф. Кирпичниковъ констатируетъ въ частности вліяніе

на иконопись со стороны церковныхъ пѣснопѣній, исходящихъ непосредственно изъ православнаго вѣро - и нравоученія. Но вопреки Брокгаузу, категорически утверждающему, что художникъ заимствуетъ изъ богослуженія не только сюжеты, но и самый способъ ихъ обработки (Die Kunst in den Athosklöstern, Leipz., 1891, 148 — 149), нашъ авторъ не находитъ возможнымъ до такой степени подчинять иконопись богослуженію, допускаетъ огромное количество исключеній изъ тезиса Брокгауза и рядомъ съ нимъ ставитъ тезисъ обратный—о вліяніи древнехристіанской живописи на творчество гимнографовъ. Воздѣйствіе церковныхъ пѣснопѣній на иконографію выразилось, во-первыхъ, въ тѣсной связи между росписью церквей и изъясненіями на литургію, а во-вторыхъ—въ существованіи многочисленныхъ иконъ на молитвы и тексты. Кромѣ церковныхъ пѣснопѣній, наибольшее вліяніе на иконопись оказали апокрифы. Далѣе проф. Кирпичниковъ приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ въ пользу воздѣйствія словесности на иконопись (въ иконописныхъ типахъ Богородицы, Іисуса Христа) и описываетъ три миніатюры на апокрифическіе сюжеты изъ замѣчательной рукописи Парижской Національной библіотеки № 9561, предлагая эти миніатюры въ фототипическихъ снимкахъ. Къ концѣ статьи предлагаются любопытные примѣры въ пользу воздѣйствія иконописи на словесность какъ искусственную, такъ и народную.

Епископъ Амфилохій, *О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ церкви Преображенія Господня* (тамъ же, стр. 233—235).—Церковь построена въ началѣ XVII вѣка. Фрески открыты преосв. Амфилохіемъ за иконостасомъ; онѣ изображаютъ колѣнопреклоненныхъ ангеловъ, распятіе Христово и пр. Описавъ эти фрески, авторъ поясняетъ ихъ аналогичными фресками церкви Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря (XVI в.) и Звенигородскаго собора (XIV—XV в.).

А. Дмитріевскій, *Малоазійскій Богородичный монастырь «Τῶν Ἡλίου Βωμῶν» XII вѣка и его Типикъ, хранящійся въ библіотекѣ Патмосскаго монастыря* (Труды Кіевской духовной Академіи, 1895, октябрь, стр. 309—313). — Византійскій монастырь, именовавшійся «τῶν Ἡλίου Βωμῶν» или «τῶν Ἐλεγμῶν», находился въ Анатоліи, въ ѳемѣ Опсикійской, въ провинціи Катавола и былъ первоначально подчиненъ великой константинопольской церкви. Нѣкогда богатый и знаменитый монастырь въ XII вѣкѣ обѣднѣлъ и пришелъ въ ветхость. На него обратилъ вниманіе вельможа Никифоръ Мистикъ, возстановилъ и украсилъ его, исхлопоталъ ему у императора Мануила Комнина хрисовулъ на полную независимость и далъ ему свой Типикъ, въ виду болѣе прочной внутренней организаціи монастыря, предоставивъ братіи его въ церковно-богослужебной практикѣ руководиться Студійскимъ Синаксаремъ. Этотъ Типикъ хранится въ Патмосской библіотекѣ въ пергаменной рукописи 1162 года подъ № 265. Онъ имѣетъ весьма большое сходство съ Типикономъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ, находится

ея вмѣстѣ съ Литвой и Кіевомъ отъ Московской митрополіи. Источниками для автора служили: лѣтописи русскія и польско-литовскія, грамоты константинопольскихъ патріарховъ и отчасти—императоровъ.

«Лугъ духовный» (Душеполезное Чтеніе, 1896, январь, стр. 20—36). Говорится о происхожденіи, содержаніи и историческомъ значеніи творенія Іоанна Мосха († 622 г.)—«Лугъ духовный».

Р. Т., *Сайданайскій дѣвичій монастырь Рождества Пресвятой Богородицы* (Церковныя Вѣдомости, 1896, № 3, стр. 102—106, прибавленія).—Излагается исторія происхожденія и современное состояніе Сайданайскаго, близъ Дамаска, монастыря, построеннаго императоромъ Юстиніаномъ въ 546 году.

А. Хахановъ, *Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру* (Этнографическое Обозрѣніе, 1895, № 2, стр. 132—140).—Сообщается о вліяніи на Грузію со стороны древнѣйшихъ азіатскихъ государствъ, персовъ, арабовъ и особенно Византіи, откуда Грузія получила христіанство, церковное зодчество, живопись, скульптуру, церковное пѣніе и пр.

И. Р., *Смѣна язычества христіанствомъ* (Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, № 6, часть неоффиціальная, стр. 153—170). Рѣчь идетъ о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ первые вѣка существованія христіанской церкви.

Н. Поликарповъ, *Слова о священствѣ св. Іоанна Златоуста* (Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости, 1895, № 3, стр. 104—117, № 4, стр. 147—154, № 6, стр. 232—245).—Въ первой главѣ статьи указывается происхожденіе, значеніе и характеръ «Словъ о священствѣ», во второй и третьей дѣлается анализъ ихъ въ отношеніи къ пастырскому служенію.

А. Радонежскій, *Градъ Барскій* (Церковныя Вѣдомости, 1895, № 48, прибавленія, стр. 1711—22). Въ статьѣ содержатся краткія историко-археологическія свѣдѣнія о городѣ Бари въ южной Италіи, гдѣ почиваютъ мощи св. Николая Чудотворца.

Сирійскіе яковиты (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, 1895, декабрь, стр. 684—708). Въ статьѣ описывается преимущественно современное положеніе сирійско-яковитской церкви, но есть данныя и относительно древняго ея состоянія. Свѣдѣнія заимствованы изъ книги Parry: Six months in a Syrian monastery. London. 1895.

М. Лилеевъ, *Къ вопросу объ авторѣ «Путешествія во св. Землю» 1701—1703 годовъ, московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ или старцѣ Леонтіи* (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, книга IX, Кіевъ, 1895, отдѣлъ II, стр. 24—41).—Указавши на возможное тождество московскаго священника Іоанна Лукьянова съ раскольническимъ старцемъ Леонтіемъ, которому принадлежитъ любопытное «Путешествіе во св. Землю», г. Лилеевъ анализируетъ содержаніе этого литературнаго памятника и выясняетъ его значеніе въ русской паломнической письменности, гдѣ «Путешествіе» пополняетъ тотъ значительный пробѣлъ

въ свѣдѣніяхъ о святыхъ мѣстахъ Палестины, который образовался между двумя знаменитыми путешествіями на востокъ Арсенія Суханова въ половинѣ XVII вѣка и странствованіями пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго (1723—1747 г.).

А. Соболевскій. *Записка начала XV вѣка* (тамъ же, стр. 219—222). Приводится славянская записка изъ списка словъ преподобн. Исаака Сирина, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ (F. I. 478); записка сдѣлана въ Смоленскѣ въ 1425 году и заключаетъ свѣдѣнія о современномъ смоленскомъ, а потомъ русскомъ митрополитѣ Герасимѣ (+ 1435 г.), его пребываніи въ Константинополѣ и пр.

В. Преображенскій. *Преподобный Ѳеодоръ Студитъ и его время* (Пастырскій Собесѣдникъ. 1895. № 40—41, стр. 486—492. № 43, стр. 595—598. № 44, стр. 614—621, продолженіе).—Въ главѣ седьмой настоящаго очерка разсматривается жизнь и дѣятельность св. Ѳеодора Студита въ царствованіе императора Никифора (802—811 г.), а въ слѣдующей (VIII)—при императорѣ Львѣ V Армянинѣ (813—820 г.).—Окончаніе статьи будетъ.

Д. Лебедевъ. *Хожденія во Святую Землю инока Варсонофія* (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества. 1895, октябрь, стр. 635—637).—Авторъ высказываетъ предположеніе, что инокъ Варсонофій, съ именемъ котораго извѣстны по сообщенію покойнаго Н. С. Тихонравова два хожденія во Св. Землю въ 1456 и 1462—3 годахъ, былъ духовникомъ новгородскаго архіепископа Іоны (+ 1471 г.) и принадлежалъ къ числу иноковъ Отенской обители (П. С. Р. Л. IV, 235—236).

А. Михайловъ. *Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Константина, епископа Болгарскаго* (Древности. Труды Славянской Коммиссіи Импер. Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I. Москва, 1895. Стр. 76—133). Въ первой главѣ статьи излагается исторія открытія твореній епископа Константина и анализируется монографія объ Учительномъ Евангеліи, принадлежащая Архіепископу Антонію (Виз. Врем. т. II, в. 4, стр. 675—79). Глава вторая посвящена описанію вновь найденнаго г. Михайловымъ вѣнскаго списка Учительнаго Евангелія сербскаго письма отъ XIV вѣка. Въ третьей главѣ дѣлается сравненіе трехъ извѣстныхъ наукѣ списковъ Учительнаго Евангелія—синодальнаго, петербургскаго и вѣнскаго. Послѣ характеристики редакцій Учительнаго Евангелія, авторъ въ четвертой главѣ задался вопросомъ,—самъ ли Константинъ переводилъ евангельскій текстъ, встрѣчающійся въ катенахъ, или пользовался уже готовымъ матеріаломъ,—и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что при переводѣ евангельскихъ текстовъ катенъ Константинъ въ однихъ случаяхъ былъ самостоятеленъ, а въ другихъ—не былъ свободенъ отъ вліянія готоваго перевода Евангелія. Въ приложеніи къ очерку представлены десять статей изъ Учительнаго Евангелія по вѣнской рукописи XIV вѣка.

М. И. Соколовъ. *Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками* (тамъ же, стр. 134—202). Въ настоящей статьѣ пред-

ложенъ обширный новый матеріалъ въ дополненіе къ аналогичной статьѣ того же ученаго, помѣщенной въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1889 годъ (ч. CCLXIII). Оставаясь при прежнемъ основномъ воззрѣніи, что амулеты, употреблявшіеся среди русскихъ и *византійскихъ* христіанъ, являются отраженіемъ суевѣрія, ведущаго свое начало съ Востока, изъ древней Халдеи, и всего ближе соотвѣтствуютъ тѣмъ демонологическимъ и магическимъ представленіямъ и ученіямъ, какія изложены въ Testamentum Solomonis, этой іудейско-византійской перелицовкѣ древней халдейской магіи,—проф. Соколовъ, для восполненія пробѣловъ въ прежнихъ своихъ объясненіяхъ амулетовъ-змѣевиковъ при помощи греческихъ и славянскихъ легендъ и заклинаній, представляетъ теперь новыя данныя для того же объясненія изъ области греческихъ и славянскихъ надписей, молитвъ, заклинаній, легендъ и пр.

Н. С. Тихонравовъ, *Хожденіе іеромонаха Варсонофія въ Св. Землю въ 1456 году. Новый памятникъ русской паломнической литературы* (Древности. Труды Слав. Коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., т. I, Москва, 1895. Протоколы, стр. 17—20).—Здѣсь излагается содержаніе реферата, прочитаннаго въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., и дѣлаются выдержки изъ него историко-археологическаго характера, касающіяся различныхъ святынь Палестины, которыя видѣлъ въ 1456 году русскій іеромонахъ-паломникъ Варсонофій.

А. Павловъ, *Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церковныя правила* (Журналъ Мин. Народн. Просв., 1896, январь, стр. 172—199).—Статья направлена противъ проф. А. П. Лебедева, который въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Остроумова «Введеніе въ православное церковное право» сдѣлалъ упрекъ послѣднему въ томъ, что онъ въ вопросѣ о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою слѣдуетъ проф. Павлову и вмѣстѣ съ нимъ утверждаетъ, что Аристинъ долженъ предшествовать Зонарѣ, тогда какъ хронологическое отношеніе между ними должно быть обратное, какъ это доказалъ, по мнѣнію г. Лебедева, покойный профессоръ Лавровъ въ своемъ «Печатномъ письмѣ къ проф. Павлову» (Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1876, августъ). Защищая свое воззрѣніе, А. С. Павловъ подвергаетъ разбору это «Печатное письмо» и находитъ неосновательными и отрицательныя, и положительныя доказательства его въ пользу старшинства Зонары.

П. Цвѣтковъ, *Пѣснь на Срѣтеніе Господне Св. Романа Сладкопѣвца*. Переводъ съ греческаго подлинника (Радость Христіанина при чтеніи Библіи, какъ Слова жизни, 1896, кн. III, стр. 159—166).—Переводъ сдѣланъ съ текста у Питры (Analecta sacra, t. I, p. 28 sq.). Къ переводу присоединено краткое предисловіе о содержаніи и построеніи пѣсни.

П. Георгіевскій, *Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви* (Преимущественно по его письмамъ). [Странникъ, 1896, январь, стр. 1—

21).—Записанныхъ ниже разсматриваетъ пастырскую дѣятельность св. Василія со стороны нравственно-педагогическаго воздѣйствія на пасомыхъ. авторъ намѣчаетъ слѣдующія проявленія ея: 1) заботы св. Василія о мирѣ и благосостояніи вселенской церкви, 2) попеченія о внутреннемъ благоустройствѣ паствы кесарійской и 3) сношенія его съ отдѣльными лицами по частнымъ вопросамъ пастырскаго характера. Въ указанной статьѣ рѣчь идетъ только о борьбѣ св. Василія съ аріанствомъ.— Статья не окончена.

Н. [illegible]. *Земная жизнь въ каждаго истиннаго христіанина, по ученію св. Іоанна Златоуста* (Екатеринбургскія Епархіальныя Вѣдомости. 1895. № 23. стр. 583—590. № 24. стр. 611—618). Отвѣтъ на вопросъ дается на основаніи анализа различныхъ твореній св. отца.

П. Успенскій. *Образъ пастыря въ жизни и ученіи св. Григорія Богослова* (тамъ же. № 39. стр. 1042—51. № 40. стр. 1075—83. № 41. стр. 1105—17. № 42. стр. 1141—50. № 43. стр. 1173—83).—Статья состоитъ изъ трехъ главъ, въ первой изъ которыхъ описывается пастырская дѣятельность св. Григорія, а въ остальныхъ излагаются его теоретическія воззрѣнія на пастырство.

Н. Верещагинъ. *Пастыри церкви, какъ попечители о бѣдныхъ и руководители христіанской благотворительности, по примѣру пастырей церкви I—VI вѣковъ* (Камчатскія Епархіальныя Вѣдомости. 1895. № 1—3 и слѣд.). Обширное изслѣдованіе, составленное на основаніи святоотеческой и иной литературы.

Пастырь церкви, *по сочиненію св. Іоанна Златоуста о священствѣ* (Калужскія Епархіальныя Вѣдомости. № 12 и 13. отдѣлъ неофиціальный). Анализъ знаменитаго творенія св. отца.

Б., *Образъ Божій въ человѣкѣ по ученію св. отцевъ и учителей церкви* (Курскія Епархіальныя Вѣдомости. 1895. № 12—14. часть неофиціальная).

В. Шкорпилъ, *Вновь открытая христіанская катакомба* (Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. томъ XVIII. 1895. стр. 185—198). Описывается открытая въ 1895 году въ Керчи христіанская катакомба и анализируются найденныя въ ней греческія надписи.

Анатолій Спасскій. *Сужденія современной протестантской церковно-исторической науки объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ и его значеніи въ исторіи догматики* (Богословскій Вѣстникъ. 1896. февраль. стр. 171—188). Настоящая статья представляетъ рѣчь, произнесенную г. Спасскимъ предъ защитою своей магистерской диссертаціи объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ (см. выше). Въ ней излагаются сужденія объ Аполлинаріи ученыхъ Каспари, Іоганна Дрэзеке и Адольфа Гарнака, послужившія поводомъ сочиненія нашего автора.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Mittelgriechische Sprichwörter von Karl Krumbacher. München. 1893. Рецензія **А. Карнѣева** въ изданіи: Древности. Труды Славянской

Коммиссіи Имп. Москов. Археологич. Общества. Т. I. Москва. 1895, стр. 241—248.

Gathering clouds. A tale of the Days of St. Chrysostom. By Fred. W. Farrar, DD. Canon of Canterbury. Vol. I—II. London. 1895.—Рецензія **А. Лопухина** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, январь—февраль, стр. 233—234.

И. В. Ягичъ, Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа, первоучителя славянъ св. Кирилла. Приложеніе къ LXXII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 6. Спб. 1893. Рецензія **М. Сперанскаго** въ Древностяхъ, т. I, стр. 275—77.

V. Jagić Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der kirchenslavischen Uebersetzung (Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. B. CXXVII, Abth. VIII). Рецензія въ изданіи: Древности. Труды Слав. Ком. Имп. Моск. Арх. Общ., т. I, стр. 282—283.

G. Schlumberger, Mélanges d'archéologie byzantine. Библіографическая замѣтка въ Археологич. Изв. и Зам., 1895, № 12, стр. 484.

Епископъ Арсеній, Святаго Григорія Паламы, митрополита Солунскаго, три творенія, доселѣ не бывшія изданными. Греческій текстъ и русскій переводъ. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1896, № 3, стр. 106—107.

Е. В. Пѣтуховъ, Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы. Спб. 1895. Рецензія г. **А. Б-ина** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, январь, стр. 299—301.

Священникъ Іоаннъ Ковалевскій, Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія. Москва. 1895. Рецензія г. **К. Х.** тамъ же, стр. 309—310.

Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von Ph. Meyer, Studiendirector des Predigerseminars auf der Erichsburg. Leipzig. 1894. Рецензія **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, январь, стр. 467—479.

Н. В. Покровскій, Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Москва. 1890. Рецензія профессоровъ **Ловягина** и **Николаевскаго** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1895, ноябрь—декабрь, приложеніе, XIII а, стр. 124—138.

Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Спб. 1891—1893 г., два тома. Рецензія **Ѳ. И. Успенскаго** въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, т. III, № 3, 1895, октябрь, стр. 234—237.

Бернгардъ Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1895. Библіографическая замѣтка въ «Мірѣ Божіемъ», 1895, іюнь, стр. 18—20 (библіографическій отдѣлъ).

Чедомилъ Міятовичъ, Константинъ, послѣдній византійскій императоръ, или завоеваніе Константинополя турками. Переводъ съ сербскаго. 1895. Библіографическая замѣтка тамъ же, октябрь, стр. 13—15.

Епископъ Арсеній, Нила Дамилы, іеромонаха критскаго, отвѣтъ греко-латинскому монаху Максиму на его письмо въ защиту латинскихъ новостей въ вѣрѣ. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1895. Рецензія въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1895, № 51—52, стр. 1872—1873.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ I. Спб. 1894. Рецензіи: въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1895, № 13—14, стр. 494—495 (прибавленія) и въ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, 1895, № 15—19. Т. II. Спб. 1895 Рецензія г. **И. С.** въ Странникѣ, 1895, декабрь стр. 777—788.

Житіе преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго. По рукописи московской синодальной библіотеки издалъ И. Помяловскій. Спб. 1895. Рецензія **И. Византійскаго** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, январь — февраль, стр. 224—227.

Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованія въ области иконографіи и стиля древне-христіанскаго искусства. Спб. 1895. 8°. IV+198+II табл. Рецензія **Е. Рѣдина** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1895, № 9—10, стр. 339—345.

Иванъ Андреевъ, Константинопольскіе патріархи отъ временъ Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія Константинопольскихъ патріарховъ отъ временъ Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности свв. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1895. VIII+286 стр. Библіографическая замѣтка **Н.** въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1895, № 47, стр. 1505—1506. Рецензія профессоровъ **Лебедева** и **Заозерскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1896, январь, приложеніе, стр. 98—106.

Instituto storico italiano. Fonti per la storia d'Italia. Scrittori, seculo VI. La guerra Gotica di Procopio di Cesarea: testo greco emendato sui manoscritti con traduzione italiana a cura di Domenico Comparetti. Vol. I, Roma 1895, pag. XXXVI+216. Рецензія г. **М. Крашенинникова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1895, ноябрь, стр. 123—158.

Н. В. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Спб. 1892. Рецензія **проф. А. И. Кирпичникова** въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, вып. 3 и 4, приложеніе, стр. LXXXVIII—CXL.

Н. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» *herausgeg. von K. Krumbacher*. Bd. V, Heft I. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—164) помѣщены слѣдующія статьи:

Erwin Rohde, Φιλόπατρις (*стр. 1—15*). Разборъ разныхъ мнѣній о вре-

мени и цѣли написанія пресловутаго псевдолукіановскаго діалога. Авторъ отказывается отъ раздѣлявшагося имъ прежде мнѣнія Гутшмида (недавно подробно развитаго у Крампе), что Φιλόπατρις относится къ эпохѣ Ираклія. Рѣзня на о. Критѣ, о которой говорится тамъ въ 9 главѣ, изображается, несомнѣнно, какъ торжество византійцевъ, и поэтому не можетъ быть пріурочена къ славянскому набѣгу 623 г.; на Египетъ авторъ діалога смотритъ какъ на совершенно отчужденную, иноплеменную страну, и говоритъ о глубокомъ недовольствѣ народа правительствомъ, особенно его финансовой политикой (с. 20), о козняхъ и заговорахъ, при большихъ внѣшнихъ успѣхахъ на Востокѣ. Въ такомъ положеніи дѣла Византіи были не при Ираклія, а въ X вѣкѣ, именно при импер. Никифорѣ Фокѣ, къ эпохѣ котораго правильно и относили діалогъ еще Нибуръ и Газе. Относить его къ 974 г., какъ дѣлаетъ Анингеръ, не позволяютъ сс. 29 и 17, говорящія объ грозящихъ имперіи Σκυθῶν ἐπιδρομαί, тогда какъ именно въ 974 г., послѣ побѣдъ Цимисхія надъ Святославомъ, о нихъ меньше всего можетъ быть рѣчь. Что касается предсказанія о низверженіи императора, то ихъ много найдется и за время Никифора Фоки, такъ что нѣтъ нужды видѣть тутъ намеки на патр. Василія. Относительно полемики христіанства съ «еллинствомъ» (главы 4—11) авторъ полагаетъ, что она ни въ VII, ни въ X в. не имѣла бы положительнаго смысла, ведена совершенно несерьезно и объясняется желаніемъ автора діалога—впрочемъ, нестрого выдержаннымъ — перенести дѣйствіе его въ отдаленную древность имперіи (его Тріефонтъ обращенъ самимъ ап. Павломъ). — См. въ той же книжкѣ Byz. Ztschr. (стр. 165—168) рецензію Neumann'а на книгу Крампе: «Philopatris» и Виз. Врем. 1895, вып. 1—2, стр. 195—205, рец. П. Тихомирова на ту же книгу.

C. de Boor, *Zur kirchenhistorischen Litteratur* (стр. 16—23). Авторъ приводитъ текстуально и затѣмъ разбираетъ исторіографическую замѣтку рукописи Barocc. 142 fol. 240/1. Тутъ говорится объ авторѣ двухтомной церковной исторіи по 1000 главъ въ томѣ, — отъ сотворенія міра до воплощенія І. Христа и отъ І. Христа до Константина VII, — съ особо подробнымъ изложеніемъ исторіи патр. Фотія, съ противофотіанской точки зрѣнія. Имени автора въ замѣткѣ недостаетъ и соотвѣтствующаго сочиненія изъ X в. намъ неизвѣстно; 2-я часть можетъ быть идентична съ Патмосскою рукописью νη' по каталогу 1355 г. (Mai, Nova bibl. patrum. Tom. VI, p. 539). Зато полное соотвѣтствіе съ нашей замѣткой (планъ и порядокъ всего сочиненія, цѣль его, источники, отношеніе объема отдѣловъ и проч.) представляютъ 18 книгъ церковной исторіи Никифора Каллиста и его планъ 5 слѣдующихъ книгъ (до 911 г.), такъ что C. de Boor склоненъ видѣть въ Н. Каллистѣ простого плагіатора изъ неизвѣстнаго намъ по имени автора X вѣка.

E. Patzig, *Über einige Quellen des Zonaras* (стр. 24—53). Авторъ излагаетъ исторію вопроса объ источникахъ Зонары и изслѣдуетъ затѣмъ наименѣе разработанный въ этомъ отношеніи отдѣлъ: кн. 12, гл. 15—

кн. 23, который Шмидтъ глухо приписалъ вообще продолжателю Діона (т. е. Петру Патрикію). Оказывается, что Σύνοψις χρονική, изд. К. Саѳой въ VII т. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, изъ рукоп. Marc., 407, содержитъ почти всѣ тѣ уклоненія и дополненія, которыя представляетъ тутъ хроника Зонары сравнительно съ Кедриномъ, Львомъ Грамматикомъ, и прочими писателями, относимыми Патцигомъ къ «Leosippe», такъ что, выдѣливъ эти извѣстія (и еще нѣкоторыя, взятыя изъ Синкелла), онъ надѣется получить, для указаннаго отдѣла, текстъ проблематической ἐπιτομή. — Затѣмъ, указавъ источники самой Σύνοψις χρονική, то есть, источники, которыми ἐπιτομή дополнена у Зонары, авторъ подробно разбираетъ біографіи императоровъ Зонары, отъ Александра Севера до Проба (такъ какъ далѣе появляется у Зонары еще какой то новый источникъ)—пытаясь такимъ образомъ возстановить Ἐπιτομή. — Какъ видятъ читатели, эта работа Патцига тѣсно связана съ прежними, особенно съ «Leo Grammaticus und seine Sippe», и слѣдовательно ея взгляды и выводы, послѣ изслѣдованія акад. Васильевскаго о хроникѣ Логоѳета, нуждаются въ оговоркахъ и модификаціяхъ.

J. Dräseke, *Zu Michael Glykas* (стр. 54—62). Статья написана по поводу реферата Крумбахера въ Sitzungsber. d. k. bayer. Akademie 1894, стр. 391—460. — Авторъ исправляетъ тутъ двѣ даты изъ біографіи Глики: годъ осужденія Глики императоромъ Мануиломъ Комниномъ — 1158—1159 годъ (вмѣсто 1156) и, соотвѣтственно тому, годъ написанія Гликой поздравительнаго стихотворенія императору (5 лѣтъ спустя, то есть 1164 г.). Къ первой датѣ приводятъ какъ разсказъ Киннама и λόγος ἐπινίκιος Николая Меѳонскаго, такъ и самыя дѣянія собора, которыми руководилъ самъ Мануилъ по возвращеніи изъ Киликіи (Mai, Spicilegium Romanum X, p. 1—63); вторая дата косвенно подтверждается исторіей венгерско-византійскихъ отношеній при имп. Мануилѣ (см. Kap-Herr, Regesten zur Geschichte Manuels, стр. 78—85).

Spyr. P. Lambros, *Mazaris und seine Werke* (63—73). Авторъ считаетъ имя Мазариса въ заглавіи извѣстнаго подражателя Лукіану: Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἅιδου истиннымъ именемъ автора и пытается разборомъ другихъ сочиненій, надписываемыхъ всегда или иногда этимъ именемъ, опредѣлить его личность и время жизни. Paris. 2958 даетъ на 262 листѣ собственноручную подпись автора; рукописи: Иверскаго Аѳонскаго монастыря № 90, Barb. Graec. № I, 15, Mutinensis II — A — 2 и рукопись евангелической школы въ Смирнѣ № B 42 даютъ 3 его канона (можетъ быть это плагіатъ Мазариса изъ Ѳеодора Птохопродрома, именемъ котораго эти каноны надписаны въ другихъ рукописяхъ). Въ несомнѣнно подлинномъ канонѣ Мазариса [Athous 3753 (Dionysiu) 219, XV в., f. 156 r — 173 r] встрѣчается злорадное упоминаніе о пораженіи Сербовъ, которое Ламбросъ пріурочиваетъ къ Коссовской битвѣ въ связи съ исторіей Маріи Кантакузины и ея мужа и брата—деспотовъ: Никифора II Эпирскаго и Мануила Морейскаго. Съ инокомъ Максимомъ Мазарисомъ, какъ онъ названъ

въ аѳоно-иверской рукописи, можетъ быть тождественъ (міряниннъ) Мануилъ Мазарисъ, которому Vatic. 1190 приписываетъ μαρτύριον великомученицы Ирины.

Ph. Meyer, *Des Joseph Bryennios Schriften, Leben und Bildung* (стр. 74—111). Со временъ Шрекка и Кюльба въ западной научной литературѣ не было обработокъ сочиненій Іосифа Вріеннія, и самое изданіе ихъ (Евгенія Вулгариса) оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Этотъ пробѣлъ, указанный M. Treu'емъ въ Byz. Ztschr. I. 93, пополняетъ настоящая статья. Она распадается на 2 части: въ первой дается опись и заглавія сочиненій Іосифа по изданію Вулгариса и возстановляется, главнымъ образомъ при помощи ихъ, его біографія, причемъ авторъ подробно защищаетъ мнѣніе, что дидаскалъ Владинтиръ. Іосифъ, о которомъ говоритъ Сиропулъ въ исторіи Флорентійскаго собора, и Іосифъ Вріенній—одно лицо. Во второй части дается характеристика Іосифа, какъ человѣка, и выясняется, все при помощи тѣхъ же его сочиненій, объемъ и характеръ его образованія; впрочемъ авторъ на этотъ разъ еще отклоняетъ отъ себя задачу представить полную картину богословско-философскаго міровоззрѣнія своего героя.

Μ. Ἰ. Γεδεών: Βυζαντινὰ συμβόλαια (стр. 112—117). Дается текстъ одной приданной записи и одного торговаго контракта изъ ркп. ρξ', XV вѣка, библіотеки святогробскаго метоха въ Фанарѣ, съ комментаріемъ, гдѣ указаны упоминанія въ исторіи фамильныхъ прозвищъ, встрѣчающихся въ печатаемыхъ документахъ.

F. C. Conybeare, *On some Armenian Notitiae* (стр. 118—136). См. ниже.

W. Fischer, *Zu «Leo und Alexander als Mitkaiser von Byzanz»* (стр. 137—139). Въ письмѣ папы Іоанна VIII къ Василію I отъ 16 авг. 879 г. какъ въ подлинномъ, такъ и въ греческомъ, искаженномъ текстѣ, императоромъ, наряду съ Василіемъ, названъ уже Александръ. Такъ какъ заглавіе προχείρου νόμου (879 г.) еще не имѣетъ этого имени, а въ надписаніи почти всѣхъ рукописей эпанагоги (884—886 г.) оно встрѣчается, то, надо полагать, Александръ былъ объявленъ соправителемъ въ 879 г.

J. Strzygowski, *Nea Moni auf Chios* (стр. 140—157). Описываемый храмъ построенъ императорскими зодчими въ 1042/56 годахъ и интересенъ особенно потому, что въ самой столицѣ совсѣмъ не сохранилось памятниковъ второй эпохи расцвѣта византійской архитектуры. Онъ сильно пострадалъ въ 1881 г. отъ землетрясенія, и ранѣе, въ 1821—27 годахъ, отъ военныхъ грабежей; поэтому Стржиговскій, осматривавшій монастырь въ 1889 г., въ значительной мѣрѣ руководится въ своемъ описаніи, кромѣ самого зданія въ его теперешнемъ видѣ, проскинитаріемъ монастыря (1-е изданіе, іеродидаскала Никифора 1804 г., второе игумена Григорія Фотина 1864 г.). Къ описанію приложены на 3 фототипическихъ таблицахъ 5 снимковъ: общій видъ храма (съ сѣверозапада), инкрустація и мозаика главнаго купола (сѣверная часть и югозападный уголъ) и двѣ мозаичныя иконы (распятіе и сошествіе въ адъ).

B. Paluka, *Die Säule Konstantins VII Porphyrogennetos auf dem Hippodrom zu Constantinopel* (158—159). Замѣтки о техникѣ столба, сохранившагося на ипподромѣ Септимія Севера отъ времени Константина VII, сдѣланныя авторомъ при ремонтѣ колонны послѣ послѣдняго землетрясенія. Интересно его указаніе, что складка и скрѣпка камней мечети султана Ахмеда (тоже въ настоящее время ремонтируемой), совершенно таже, что въ колоннѣ X вѣка.

J. B. Chabot, *Inscription byzantine de Césarée de Palestine* (стр. 159—162). См. ниже.

E. Kuhn, *Zu Byz. Zeitschr. IV, 241 ff. (163—164).* Нѣсколько мелкихъ дополненій къ статьѣ того же автора: Zur byzantinischen Erzählungslitteratur (см. нашу замѣтку о ней въ Виз. Врем., т. II, вып. 3, стр. 480).

Второй отдѣлъ (стр. 165—195) состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

Rob. Crampe, *Philopatris. Ein heidnisches Konventikel des VII Jahrhunderts zu Konstantinopel.* Halle, Niemeyer 1894. 62 стр. 8°. Рец. C. Neumann (стр. 165—168).

Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, τόμ. VII. ἐπιστ. Κ. Ν. Σάθα. Ἀνωνύμου Σύνοψις χρονική. Ἐν Βενετίᾳ и ἐν Παρισίοις 1894. Рец. Aug. Heisenberg (стр. 168—185).

Rügamer, Wilh. P., *Dr. theol., Leontius von Byzanz, ein Polemiker aus der Zeit Justinians.* Würzburg, 1894. Рец. Friedrich Loofs (стр. 185—191).

N. Kondakoff, *Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures,* t. I и II. Paris 1886 и 1891. Рец. C. Bayet (стр. 191—195).

Въ отдѣлѣ III (стр. 196—256) обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія указанныя редакціей книги и статьи:

По литературѣ, библіологіи и фольклору:

Th. Mommsen, *Die armenischen Handschriften der Chronik des Eusebius.* Hermes 30 (1895), 321—328. — Единственно важною рукописью оказывается эчміадзинская № 1724.

Anonymi Christiani Hermippus *de astrologia dialogus ed.* **Guil. Kroll et Paul Viereck.** Leipzig, Teubner 1895. XIV + 87 стр. — Первое удовлетворяющее научнымъ требованіямъ изданіе интереснаго памятника христіанской астрологіи V—VI вѣка.

R. Förster, *Anecdota Choriciana nova.* Philologus 54 (1895), 93—123. Изданіе содержитъ новую рѣчь Хорикія изъ Cod. Matrit. N—101, восемь его Διαλέξεις (т. е. введеній къ рѣчамъ) и Θεωρία къ рѣчи къ актерамъ, изданной Ch. Graux. «Монодія на смерть брата», изданная Маи и Буассонадомъ, какъ оказывается по codd. Pal. gr. 18 и Escur. Y—II—10, принадлежитъ не Хорикію, а Никифору Василаки.

H. van Herwerden, *Ad duas Choricii orationes recens repertas.* Mnemosyne N. S. 23 (1895) 166—174. — Нѣсколько эмендацій къ 2 μελέται и къ

«Πραξιτέλης» Хорикія, изд. Фёрстеромъ въ 1894 г. въ Rhein. Mus. и Jahrb. d. deutsch. archäol. Instituts.

J. Haury, *Über Procophandschriften.* Sitzungsber. d. philos.-philolog. & hist. Classe der k. bayersch. Akad. 1895, 125—176. О рукописяхъ сочиненій: «о войнахъ» и «о постройкахъ». О рукописяхъ «Тайной Исторіи» авторъ обѣщаетъ трактовать впослѣдствіи.

V. Ryssel, *Die syrische Übersetzung der Sextussentenzen.* Zeitschr. f. wissensch. Theologie 38 (1895) 617—630. Въ противность мнѣнію Gildemeister'а Риссель находитъ, что ошибки перевода зависятъ отъ непониманія лишь отдѣльныхъ словъ, а не смысла. Самый переводъ еще не напечатанъ.

A. Sonny, *Zur Überlieferungsgeschichte von M. Aurelius* Εἰς ἑαυτόν. Philologus 54 (1895) 181 и сл.

Erich Bethe, *Die Überlieferung des Onomastikon des Julius Pollux.* Nachrichten der k. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Gött., philol.-histor. Classe 1895 S. 322—348.

Первая работа доказываетъ, что въ библіотекѣ Ареѳы кесарійскаго находился экземпляръ сочиненія εἰς ἑαυτόν; вторая — что всѣ извѣстныя рукописи Ономастикона пошли отъ экземпляра той же библіотеки.

Carl Kraus, *Das gotische Weihnachtsspiel.* Beiträge zur Gesch. d. deutsch. Sprache & Litteratur 20 (1895) 224—257. — Доказывается, что въ «Γοτθικόν'ѣ, описанномъ въ de cerim. I 83, нѣтъ ни германскихъ словъ, ни боговъ, и весь гимнъ носитъ чисто византійскій характеръ.

Geoponica *sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae.* Rec. **Henr. Beckh.** Leipzig, Teubner 1895. Хорошее критическое изданіе, стоившее издателю болѣе 10 лѣтъ труда; кромѣ греческихъ рукописей издатель воспользовался и сирійскимъ переводомъ (опубликованнымъ и изслѣдованнымъ Лагардомъ и Баумштаркомъ).

Georg. Wentzel, *Die griechische Uebersetzung der Viri inlustres des Hieronymus.* Leipzig, J. C. Hinrichs 1895. Авторъ доказываетъ, что Фотій и Свида пользовались такъ называемымъ Софроніевымъ переводомъ Іеронима при посредствѣ одной и той же рукописи анонимной ἐπιτομή IX вѣка (сост. между 829 и 857 годами), представлявшей особую редакцію Πίναξ Исихія милетскаго (въ алфавитномъ порядкѣ и съ присоединеніемъ христіанскихъ житій).

Carl Albrecht Bernulli, *Zur griechischen Übersetzung von Hieronymus* De viris inlustribus. Theol. Litteraturzeit. 1895, 475—6. Указывается 1) рукопись, считавшаяся потерянной, по которой сдѣлано изданіе Эразма, — Ms. C. 11 s. XIII, цюрихской городской библіотеки; 2) что Софронію переводъ приписанъ самимъ Эразмомъ, а прямого свидѣтельства этому въ рукописи нѣтъ.

Georg. Wentzel, *Beiträge zur Geschichte der griechischen Lexicographen.* Sitzungsber. d. k. preuss. Akad. d. Wiss. 1895. 477—487. — Тезисы и извлеченіе изъ премированной работы автора—объ источникахъ Свиды.

K. Krumbacher. *Michael Glykas.* Sitzungsber. der philos.-philol.-hist. Classe d. k. bayer. Akad. der Wissensch. 1894. 391—460. Характеристика личности Глики и очеркъ его жизни и дѣятельности, сдѣланный отчасти на основаніи неизданныхъ источниковъ — его писемъ и стихотворнаго пролога къ сборнику пословицъ. См. выше. Dräseke. Zu Michael Glykas; E. Kurtz въ Neue philol. Rundschau 1895. 14; M. Treu, Berl. philol. Wochenschrift 1895. 51.

По языку:

Albert Thumb. *Handbuch der neugriechischen Volkssprache.* Grammatik. Texte. Glossar. Strassburg. K. J. Trübner 1895. По сужденію проф. Крумбахера, этотъ трудъ въ общемъ очень удачно выполненъ и отвѣчаетъ живѣйшей потребности времени, такъ какъ представляетъ собою первую и единственную систематическую обработку правильнаго, живого новогреческаго языка.

Musici scriptores graeci. Recognovit prooemiis et indice instruxit **Carolus Jan.** Leipzig. Teubner 1895. Обѣщана подробная рецензія.

По богословію:

Sancti Apollonii Romani acta (**ed. S. van den Gheyn S. I.**). Analecta Bollandiana 14 (1895) 284—294. Греческій текстъ отысканъ болландистами въ Paris. 1219; онъ представляетъ собою позднѣйшую обработку, а не оригиналъ, что умаляетъ (хотя и не уничтожаетъ) его значеніе.

S. R. Asmus. *Eine Encyklika Julians des Abtrünnigen und ihre* Vorläufer. Zeitschr. f. Kirchengeschichte. 16 (1895). 220—252. Окончаніе статьи, отмѣченной нами въ Виз. Врем. II, 4 стр. 705. Рѣчь здѣсь идетъ о письмѣ къ Арсакію и (отчасти) о Миѳопогонѣ.

Johannes Dräseke. *Athanasius pseudepigraphus.* Zeitschr. für wissensch. Theologie 38 (1895) 517—537. Тутъ Дразеке защищаетъ свое мнѣніе о подложности сочиненій «противъ эллиновъ» и «о вочеловѣченіи Слова» противъ Губерта. Референтъ Byz. Zeitschr. C. W(eyman) объявляетъ себя тоже на сторонѣ неубѣжденныхъ доводами Дразеке.

Procli Lycii *carminum reliquiae ab* **Arthuro Ludwich** *editae.* Index lectionum in regia academia Albertina per hiemem anni 1895—96 habendarum. Regimontii (1895), стр. 3—31. Первое удовлетворительное критическое изданіе гимновъ Прокла.

Joh. Jos. Hoeveler, *Die Excerpta latina Barbari.* Festschrift der 43-ten Versammlung d. Philol. und Schulmänner. Bonn 1895. 193—214. Объ отношеніи гамбургской копіи къ изданіямъ Скалигера. Работа не окончена.

Stephani Bostreni *nova de sacris imaginibus fragmenta e libro deperdito* κατὰ Ἰουδαίων. *Edidit* **I. M. Mercati.** Theol. Quartalschr. 77 (1895) 663—668. — Издатель выбралъ и напечаталъ изъ Ambros. A 84 sup. нѣсколько отрывковъ называемаго сочиненія объ иконопочитаніи и даетъ сличеніе ихъ съ цитатами у I. Дамаскина въ концѣ рѣчей περὶ εἰκόνων.

Vita sancti Nicephori episcopi Milesii saeculo X (*ед.* **H. Delahaye** *S. J.*). Analecta Bollandiana 14 (1895) 125—166. Изданіе сдѣлано по единственной извѣстной рукописи Paris. 1181 (s. XII); въ установкѣ текста дѣятельное участіе принималъ Э. Курцъ. Никифоръ былъ епископомъ при Никифорѣ Фокѣ и Цимисхіи, умеръ отшельникомъ на горѣ Латрѣ.

По исторіи (церковной и политической):

Bruno Meissner, *Eine syrische Liste antiochenischer Patriarchen.* Wiener Zeitschrift f. die Kunde d. Morgenlandes 8 (1894), 295—317.

H. Gelzer, *Die Anfänge der armenischen Kirche.* Berichte der k. sächs. Gesellschaft d. Wissensch. 1895, стр. 109—174. Важны трактаты о Фавстѣ византійскомъ, Агаѳангелѣ и пр. армянскихъ хронистахъ.

Wilh. Barth, *Kaiser Zeno.* Basel. 1894. 124 стр.

Abicht, *Der Angriff der Bulgaren auf Constantinopel im Jahre 896 n. Chr.* Arch. f. slav. Philol. 17 (1895) 477—482. Объ одной фразѣ въ разсказѣ Табари о названномъ событіи.

Ludwig von Thallóczy, *Bruchstücke aus der Geschichte der nordwestlichen Balkanländer.* Wissensch. Mittheil. aus Bosnien & der Hercegovina 3 (1895) 289—371. Важна 5 глава: «Beiträge zur Kenntniss der Bogomilenlehre», дающая 2 новыхъ и очень интересныхъ греческихъ текста, м. пр. наставленіе о чинѣ присоединенія отъ богомильства къ православію.

По исторіи искусства:

Franz Xaver Kraus, *Christliche Archäologie* 1893—94. Repertorium der Kunstwissenschaft 18 (1895), Heft 1. — Подробный рефератъ о трудахъ по христіанской и отчасти византійской археологіи за 1893—4 г.

По исторіи права:

Funk, *Das achte Buch der apostolischen Konstitutionen und die verwandten Schriften. III. Die aegyptische Kirchenordnung und die Kanones Hippolyts.* Hist. Jahrb. d. Görresgesellsch. 16 (1895) 473—509.

Corpus iuris civilis. Editio stereotypa. Fasciculus XV (Vol. III fasc. VI), Novellae CXXXIV—CLXVIII, Appendices. Recognovit **Rud. Schoell.** *Opus Schoellii morte interceptum absolvit* **Guilelmus Kroll.** Berolini apud Weidmannos 1895. — Съ этимъ выпускомъ окончено изданіе новеллъ, начатое покойнымъ Шёллемъ въ 1880 г.

Paul Meyer, *Der römische Konkubinat.* Leipzig, Teubner 1895. Исторія учрежденія доведена до полнаго уничтоженія его императоромъ Василіемъ I и Львомъ Философомъ, такъ что вся 2-я часть этого изслѣдованія относится къ византиновѣдѣнію.

W. Fischer, даетъ въ Zeitschr. f. Rechtsgeschichte Röm. Abth. 16 (1895) стр. 320—332 полный списокъ трудовъ покойнаго К. Цахаріэ-фонъ-Лингенталя.

Обращаемъ вниманіе читателя на некрологъ Іосифа Мюллера († 1/13 іюля 1895 г.), принадлежащій C. O. Zuretti (стр. 256).

Изъ изслѣдованій и рецензій въ нѣмецкой литературѣ по византиновѣдѣнію, не вошедшихъ пока въ библіографическій отдѣлъ Byz. Zeitschr., отмѣчаемъ:

Johannes Kunze. *Marcus Eremita. Ein neuer Zeuge für das altkirchliche Taufbekenntnis.* Leipzig. 1895. См. рец. *Friedrich Loofs'a*, Deutsche Litteraturzeitung, 1895, № 50, стр. 1577—1581.

Die neuplatonische, fälschlich dem Galen zugeschriebene Schrift: Πρὸς Γαῦρον περὶ τοῦ πῶς ἐμψυχοῦται τὰ ἔμβρυα, *herausgeg.* von **K. Kalbfleisch.** (Рец. E. Wellmann въ D. L. Z. 1896. № 3, стр. 67—68.)

Б. Меліоранскій.

25 февраля 1896 г.

ФРАНЦІЯ.

Dom. Fern. Cabrol, prieur de Solesmes. *Étude sur la Peregrinatio Silviae. Les églises de Jérusalem, la discipline et la liturgie au IV-e siècle.* Paris (Oudin). 1895. VIII—206 p. in-8.—Открытый десять лѣтъ тому назадъ Гамуррини (Gamurrini) текстъ Peregrinatio ad loca sancta, приписываемый имъ святой Сильвіи, сестрѣ Руфина Аквитанскаго, содержитъ въ себѣ двѣ части. Въ одной изъ нихъ неизвѣстная странница разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ на Синай, въ Палестину, Месопотамію и Малую Азію; въ другой части она описываетъ подробно богослужебныя церемоніи, которыя она видѣла въ Іерусалимѣ. Авторъ изслѣдованія Каброль занялся преимущественно второю частью: онъ устанавливаетъ въ своей работѣ топографію Іерусалима, подробно говоритъ о богослужебныхъ обрядахъ и церемоніяхъ. Надо замѣтить, что авторъ, раздѣляя общее мнѣніе ученыхъ, относитъ Peregrinatio ad loca sancta къ концу IV-го вѣка.—См. рецензію въ Revue Critique, t. 39 (1895), p. 467—468.

M. J. P. Desroches. *Le Labarum. Étude critique et archéologique.* Paris. 1894. in-8. XXVII—520 стр. Какъ извѣстно, вопросъ объ обращеніи Константина Великаго въ христіанство есть вопросъ трудный и запутанный. Книга Іеронима Desroches может служить прекраснымъ дополненіемъ къ напечатанному въ октябрской книжкѣ «Revue des questions historiques» за 1894 годъ труду Альяра (Allard) «Le Paganisme au milieu du IV-me siècle». Іеронимъ задался доказать въ своемъ капитальномъ трудѣ два положенія: 1) что появленіе блестящаго креста и повелѣніе свыше Константину суть факты историческіе; 2) что это чудо произошло не въ Италіи на Мильвійскомъ мосту, а во Франціи близъ Шалона на Сонѣ.—См. рецензію въ Revue des questions historiques за 1895 годъ 1-я книжка, p. 304.

G. Dodu. *Histoire des institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem* (1099—1291). Paris. 1894. XIV—381 p. — Можно было-бы предполагать, что въ покоренной странѣ, какою являлось въ самомъ началѣ XII вѣка Іерусалимское королевство, должны были установиться прочныя монархическія начала съ королемъ, стоявшимъ во главѣ войска

мени и цѣли написанія пресловутаго псевдолукіановскаго діалога. Авторъ отказывается отъ раздѣлявшагося имъ прежде мнѣнія Гутшмида (недавно подробно развитаго у Крампе), что Φιλόπατρις относится къ эпохѣ Иракліл. Рѣзня на о. Критѣ, о которой говорится тамъ въ 9 главѣ, изображается, несомнѣнно, какъ торжество византійцевъ, и поэтому не можетъ быть пріурочена къ славянскому набѣгу 623 г.; на Египетъ авторъ діалога смотритъ какъ на совершенно отчужденную, иноплеменную страну, и говоритъ о глубокомъ недовольствѣ народа правительствомъ, особенно его финансовой политикой (с. 20), о козняхъ и заговорахъ, при большихъ внѣшнихъ успѣхахъ на Востокѣ. Въ такомъ положеніи дѣла Византіи были не при Ираклін, а въ X вѣкѣ, именно при импер. Никифорѣ Фокѣ, къ эпохѣ котораго правильно и относили діалогъ еще Нибуръ и Газе. Относить его къ 974 г., какъ дѣлаетъ Анингеръ, не позволяютъ сс. 29 и 17, говорящія объ грозящихъ имперіи Σκυθῶν ἐπιδρομαί, тогда какъ именно въ 974 г., послѣ побѣдъ Цимисхія надъ Святославомъ, о нихъ меньше всего можетъ быть рѣчь. Что касается предсказанія о низверженіи императора, то ихъ много найдется и за время Никифора Фоки, такъ что нѣтъ нужды видѣть тутъ намеки на патр. Василія. Относительно полемики христіанства съ «еллинствомъ» (главы 4—11) авторъ полагаетъ, что она ни въ VII, ни въ X в. не имѣла бы положительнаго смысла, ведена совершенно несерьезно и объясняется желаніемъ автора діалога—впрочемъ, нестрого выдержаннымъ — перенести дѣйствіе его въ отдаленную древность имперіи (его Тріефонтъ обращенъ самимъ ап. Павломъ). — См. въ той же книжкѣ Byz. Ztschr. (стр. 165—168) рецензію Neumann'a на книгу Крампе: «Philopatris» и Виз. Врем. 1895, вып. 1—2, стр. 195—205, рец. П. Тихомирова на ту же книгу.

C. de Boor, *Zur kirchenhistorischen Litteratur* (стр. 16—23). Авторъ приводитъ текстуально и затѣмъ разбираетъ исторіографическую замѣтку рукописи Barocc. 142 fol. 240/1. Тутъ говорится объ авторѣ двухтомной церковной исторіи по 1000 главъ въ томѣ, — отъ сотворенія міра до воплощенія І. Христа и отъ І. Христа до Константина VII, — съ особо подробнымъ изложеніемъ исторіи патр. Фотія, съ противофотіанской точки зрѣнія. Имени автора въ замѣткѣ недостаетъ и соотвѣтствующаго сочиненія изъ X в. намъ неизвѣстно; 2-я часть можетъ быть идентична съ Патмосскою рукописью νη' по каталогу 1355 г. (Mai, Nova bibl. patrum. Tom. VI, p. 539). Зато полное соотвѣтствіе съ нашей замѣткой (планъ и порядокъ всего сочиненія, цѣль его, источники, отношеніе объема отдѣловъ и проч.) представляютъ 18 книгъ церковной исторіи Никифора Каллиста и его планъ 5 слѣдующихъ книгъ (до 911 г.), такъ что C. de Boor склоненъ видѣть въ Н. Каллистѣ простого плагіатора изъ неизвѣстнаго намъ по имени автора X вѣка.

E. Patzig, *Über einige Quellen des Zonaras* (стр. 24—53). Авторъ излагаетъ исторію вопроса объ источникахъ Зонары и изслѣдуетъ затѣмъ наименѣе разработанный въ этомъ отношеніи отдѣлъ: кн. 12, гл. 15—

кн. 23, который Шмидтъ глухо приписалъ вообще продолжателю Діона (т. е. Петру Патрикію). Оказывается, что Σύνοψις χρονική, изд. К. Саѳой въ VII т. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, изъ рукоп. Marc., 407, содержитъ почти всѣ тѣ уклоненія и дополненія, которыя представляетъ тутъ хроника Зонары сравнительно съ Кедриномъ, Львомъ Грамматикомъ, и прочими писателями, относимыми Патцигомъ къ «Leosippe», такъ что, выдѣливъ эти извѣстія (и еще нѣкоторыя, взятыя изъ Синкелла), онъ надѣется получить, для указаннаго отдѣла, текстъ проблематической ἐπιτομή. — Затѣмъ, указавъ источники самой Σύνοψις χρονική, то есть, источники, которыми ἐπιτομή дополнена у Зонары, авторъ подробно разбираетъ біографіи императоровъ Зонары, отъ Александра Севера до Проба (такъ какъ далѣе появляется у Зонары еще какой то новый источникъ)—пытаясь такимъ образомъ возстановить Ἐπιτομή. — Какъ видятъ читатели, эта работа Патцига тѣсно связана съ прежними, особенно съ «Leo Grammaticus und seine Sippe», и слѣдовательно ея взгляды и выводы, послѣ изслѣдованія акад. Васильевскаго о хроникѣ Логоѳета, нуждаются въ оговоркахъ и модификаціяхъ.

J. Dräseke, *Zu Michael Glykas* (стр. 54—62). Статья написана по поводу реферата Крумбахера въ Sitzungsber. d. k. bayer. Akademie 1894, стр. 391—460. — Авторъ исправляетъ тутъ двѣ даты изъ біографіи Глики: годъ осужденія Глики императоромъ Мануиломъ Комниномъ — 1158—1159 годъ (вмѣсто 1156) и, соотвѣтственно тому, годъ написанія Гликой поздравительнаго стихотворенія императору (5 лѣтъ спустя, то есть 1164 г.). Къ первой датѣ приводятъ какъ разсказъ Киннама и λόγος ἐπινίκιος Николая Меѳонскаго, такъ и самыя дѣянія собора, которыми руководилъ самъ Мануилъ по возвращеніи изъ Киликіи (Mai, Spicilegium Romanum X, p. 1—63); вторая дата косвенно подтверждается исторіей венгерско-византійскихъ отношеній при имп. Мануилѣ (см. Kap-Herr, Regesten zur Geschichte Manuels, стр. 78—85).

Spyr. P. Lambros, *Mazaris und seine Werke* (63—73). Авторъ считаетъ имя Мазариса въ заглавіи извѣстнаго подражателя Лукіану: Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἅιδου истиннымъ именемъ автора и пытается разборомъ другихъ сочиненій, надписываемыхъ всегда или иногда этимъ именемъ, опредѣлить его личность и время жизни. Paris. 2958 даетъ на 2621 листѣ собственноручную подпись автора; рукописи: Иверскаго Аѳонскаго монастыря № 90, Barb. Graec. № I, 15, Mutinensis II — A — 2 и рукопись евангелической школы въ Смирнѣ № B 42 даютъ 3 его канона (можетъ быть это плагіатъ Мазариса изъ Ѳеодора Птохопродрома, именемъ котораго эти каноны надписаны въ другихъ рукописяхъ). Въ несомнѣнно подлинномъ канонѣ Мазариса [Athous 3753 (Dionysiu) 219, XV в., f. 156 r — 173 r] встрѣчается злорадное упоминаніе о пораженіи Сербовъ, которое Ламбросъ пріурочиваетъ къ Коссовской битвѣ въ связи съ исторіей Маріи Кантакузины и ея мужа и брата—деспотовъ: Никифора II Эпирскаго и Мануила Морейскаго. Съ инокомъ Максимомъ Мазарисомъ, какъ онъ названъ

АНГЛІЯ.

W. R. Lethaby and Harold Swainson, *The Church of Sancta Sophia, Constantinople*: a Study of Byzantine Building. London & Hew-Jork, 1894. VIII—307.—Книга двухъ англійскихъ ученыхъ, изъ которыхъ Swainson уже умеръ, представляетъ изъ себя довольно цѣнный вкладъ въ литературу. Описаніе «самаго интереснаго, по выраженію авторовъ, зданія на земной поверхности» нѣсколько является въ упомянутой книгѣ неяснымъ по отсутствію иллюстрацій, по встрѣчающимся необъясненнымъ техническимъ терминамъ; тѣмъ не менѣе описаніе какъ самого храма, такъ и близъ лежащихъ построекъ отличается достаточною полнотою. Къ разсказу о сокровищахъ храма приложенъ даже переводъ цѣннаго разсказа епископа Новгородскаго Антонія. Заслуживаютъ вниманія описаніе до-Юстиніановской св. Софіи и тѣхъ дополненій и измѣненій въ постройкѣ, которыя Юстиніанъ предпринялъ въ концѣ своего царствованія. Къ труду названныхъ авторовъ приложенъ переводъ поэмы писателя VI вѣка Павла Силенціарія и описанія «Анонима Бандури».— См. рецензію въ «The Athenaeum» 1895 г. № 3534, p. 103—104; см. подробную оцѣнку въ «Byzantinische Zeitschrift» IV (1895) 3—4 книга, стр. 607—614.

B. T. A. Evetts, *Anecdota Oxoniensia.*—The Churches and Monasteries of Egypt. Attributed to Abû-Sâlih the Armenian. Edited and translated by B. T. A. Evetts, M. A., with added Notes by A. I. Butler, M. A., F. S. A. Oxford 1895.—Трудъ англійскаго ученаго Эветтса (Evetts) является прекраснымъ подспорьемъ для изученія исторіи Коптскихъ церквей и монастырей Египта. Изданный и переведенный имъ текстъ Абу-Салиха, родомъ, вѣроятно, Армянина, жившаго въ первой половинѣ XIV вѣка и окончившаго свою исторію 1208-мъ годомъ, имѣетъ громадное значеніе для названной выше исторіи. Абу-Салихъ, если не считать аппендикса къ сочиненію Макризи «Хитатъ», которое говоритъ о томъ же предметѣ, является единственнымъ, дошедшимъ до насъ, историкомъ коптскихъ церквей; мало того, у Салиха разсѣяны выдержки изъ потерянныхъ, извѣстныхъ только по имени арабскихъ писателей, какъ напр. изъ «Біографій патріарховъ» епископа Севера и другихъ. — Рецензію см. въ «The Athenaeum» 1895 г. № 3537, p. 196—197; также въ «Literarisches Centralblatt» 1895 г. № 38.

W. Budge, *The Discourses of Philoxenus bishop of Mabbôg, A. D. 485—519,* edited from syriac manuscripts of the VI-th and VII-th centuries in the British Museum by E. A. Wallis Budge. Published under the direction of the Royal Society of literature of the United Kingdom. Vol. II: Introduction, Translation, etc... London. 1894, in. 8°, CXCVII 597. — Самую интересную часть второго тома весьма цѣннаго изданія Budge составляетъ его введеніе, гдѣ идетъ рѣчь о жизни, доктринѣ и сочиненіяхъ Филоксена,

извѣстнаго монофизитскаго дѣятеля V-го и VI-го вѣковъ. Глава объ ученіи Филоксена написана на основаніи его сочиненій, которыя даютъ ясное понятіе объ изложеніи монофизитской вѣры. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ 80 произведеній Филоксена, полную оцѣнку ихъ рукописей и подробный анализъ каждаго произведенія. — См. рец. въ Revue Critique, 1895, № 31—32, стр. 82—83. Рецензію на первый томъ изданія Budge см. въ Revue Critique, 1894, № 37—38, стр. 121—123. См. также Византійскій Временникъ, т. II, вып. 1 и 2 (1895), стр. 279.

A. L. Frothingham, *Notes on Byzantine art and culture in Italy and especially in Rome.* Напечатано въ «American Journal of Archaeology and of the history of the fines certs». 1895 г., стр. 152—208. — Авторъ вышеназваннаго изслѣдованія является защитникомъ византійскаго вліянія въ Италіи и особенно въ Римѣ. Онъ изслѣдуетъ особенности иконографіи и стилистики въ Италіи и изучаетъ византійскіе элементы въ Равеннѣ, Венеціи, Южной Италіи и въ особенности въ Римѣ. Находящіеся здѣсь византійскіе монастыри и церкви даютъ автору возможность доказать значительность византійскаго вліянія.—См. Byzantinische Zeitschrift. 1896, т. V, ч. I, стр. 241—242.

F. Conybeare, *On some Armenian Notitiae.* Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. V (1896), стр. 118 — 136. — Въ одномъ армянскомъ кодексѣ Ватиканской библіотеки встрѣчается перечень различныхъ епископскихъ епархій. Перечень этотъ, представляющій изъ себя переводъ съ греческаго, сдѣланный не позже 1180 года, въ своемъ греческомъ подлинномъ видѣ частью вошелъ въ труды Parthey (Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatuum. Berol. 1866) и Гельцера (Gelzer, Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Lipsiae. 1890). Остальная часть армянскаго перевода, не вошедшая въ труды вышеназванныхъ ученыхъ, напечатана теперь въ византійскомъ журналѣ Крумбахера.

W. M. Ramsay, *The cities and bishoprics of Phrygia, being an essay of the local history of Phrygia from the earliest times to the Turkish conquest.* Vol. I. The Lycos Valley and South-western Phrygia. Oxford, at the Clarendon-Press. 1895. XXII, 352 стр. 8°(съ картой и планомъ).—Рамзай, извѣстный путешественникъ по Малой Азіи и авторъ ея Исторической географіи, задался цѣлью прослѣдить мѣстную исторію Фригіи съ древнѣйшихъ временъ до турецкаго завоеванія. Въ вышедшемъ теперь первомъ томѣ Рамзай занимается долиною рѣки Ликоса (Lycus, Λύκος) и юго-западною частью Фригіи. Всѣмъ извѣстно, насколько важно для полнѣйшаго изученія византійской исторіи детальное изслѣдованіе отдѣльныхъ областей, и особенно областей малоазіатскихъ. Первая глава посвящена долинѣ р. Ликоса, вторая городу Лаодикеѣ, третья Гіераполису, четвертая городамъ, лежащимъ въ долинѣ средняго теченія р. Меандра, въ который впадаетъ и вышеназванная рѣка Ликосъ, — пятая нижней долинѣ Меандра и области карійской и лидійской границы, шестая городу Колоссамъ (византійскимъ Хонамъ) и дорогамъ на Востокъ, седьмая горо-

дамъ Lunda, Peltai и Athanassos, восьмая долинѣ Kazanes, девятая городамъ на Писидійской границѣ. Очень цѣнно въ этой прекрасной книгѣ также перечисленіе епископовъ отдѣльныхъ городовъ. Кромѣ солидныхъ ученыхъ достоинствъ эта книга содержитъ въ себѣ не мало страницъ, написанныхъ живымъ языкомъ человѣка, знающаго прекрасно мѣстность, обычаи и людей тѣхъ странъ, которыя онъ взялся описывать какъ очевидецъ.—См. Byz. Zeitschrift. V (1896), стр. 239—240.

J. B. Bury, *The great palace of Constantinople.* Напечатано въ Scottish Review, № 36, апрѣль 1894.—Сочиненіе это неизвѣстно.

C. E. Clarke, *Constantinople, the City of the Sultans.* London. 1895.— Эта книга извѣстна только по объявленію въ журналѣ The Athenaeum 1895. № 3553 стр. 754.

F. M. Crawford, *Constantinople.* Illustrated by Edward L. Weeks. 1895. London. Macmillan & Co.—Вышеназванная книжка даетъ рядъ живыхъ картинокъ современнаго Константинополя, но научнаго значенія она не имѣетъ. См. The Athenaeum. 1895. № 3555, стр. 827.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

Petri Tacchi-Venturi, S. I., *Commentariolum de Ioanne Geometra ejusque in S. Gregorium Nazianzenum inedita laudatione* in cod. Vaticano Palatino 402 adservata. Romae, ex typographia polyglotta s. c. de propaganda fide, 1893. (Напечатано въ «Studi e documenti di storia e diritto» XIV 1893. См. рецензію въ «Revue Critique», т. 39 за 1895 годъ, стр. 222—223. Byzant. Zeitschr. III (1894) 211 ff.).—Время, когда жилъ Іоаннъ Геометръ, главные черты его біографіи и важное значеніе нѣкоторыхъ его сочиненій для характеристики эпохи—все это было разъяснено впервые въ статьѣ проф. Васильевскаго: «Къ исторіи 976—989 годовъ» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 мартъ). Открытый итальянцемъ Такки-Вентури ватиканскій манускриптъ содержитъ въ себѣ похвальное слово Григорію Назіянзину; его стиль напоминаетъ слогъ отцевъ церкви и самого Григорія. Такки-Вентури издалъ только отрывки найденной имъ рѣчи; въ началѣ своего изслѣдованія онъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Іоанна Геометра и о его изданныхъ и неизданныхъ произведеніяхъ. Съ русскою статьею проф. Васильевскаго онъ познакомился уже послѣ окончанія своей работы, но пришелъ, какъ замѣчаетъ самъ, къ одинаковымъ результатамъ.

D. Comparetti, *La guerra Gotica di Procopio di Cesarea, testo greco emendato su manoscritti con traduzione italiana.* Vol. Primo. Roma, 1895.—Уже давно чувствовалась необходимость новаго изданія сочиненій знаменитаго византійскаго историка славной эпохи Юстиніана Великаго Прокопія Кесарійскаго. Прежнія изданія Гешеля (Hoeschel, 1607 г.), Мальтрета (1662—1663) и Диндорфа въ извѣстномъ Боннскомъ изданіи византійскихъ историковъ не удовлетворяли современнымъ требованіямъ исто-

рической науки. Крумбахеръ въ своей «Исторіи Византійской литературы» считаетъ новое изданіе сочиненій Прокопія одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей византійской филологіи (стр. 45). Вышедшее изданіе Компаретти содержитъ въ себѣ предисловіе издателя, текстъ и итальянскій переводъ первой книги Готской войны Прокопія. Кромѣ прежнихъ рукописей сочиненій Прокопія, которыя легли въ основаніе прежнихъ изданій его, Мюнхенской и Парижской, Компаретти привлекъ къ своему изданію интереснѣйшую Ватиканскую рукопись и нѣсколько другихъ второстепенныхъ итальянскихъ. Вышло новое изданіе въ коллекціи Fonti per la Storia d'Italia Историческаго Итальянскаго Института (Instituto storico Italiano). Scrittori del secolo VI. Въ видахъ того значенія, какое должно имѣть въ наукѣ новое критическое изданіе сочиненій Прокопія, нужно пожелать этому изданію полнаго успѣха и скорѣйшаго его окончанія. Рецензіи появились въ Revue Critique. 1895. № 52 стр. 502—503; въ Literarisches Centralblatt. 1895. № 28; въ Byz. Zeitschrift. V (1896), стр. 197—198; въ Rivista di filologia. 1895, стр. 401—408; въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 ноябрь (М. Н. Крашенинникова).

Giov. Mercati, *Alcune note sul cronico del Franza.* Напечатано въ Atti della Reale Academia delle scienze di Torino. vol. 30 (1895). — Эта небольшая статья Меркати даетъ подробныя сообщенія объ Амброзіанскомъ кодексѣ (Codex Ambrosianus) хроники византійскаго писателя XV вѣка Георгія Франдзи, который содержитъ въ себѣ болѣе первоначальный текстъ, чѣмъ рукописи, легшія въ основаніе боннскаго изданія этого историка. Интересны также въ этомъ кодексѣ схоліи какого-то Пахомія, котораго Меркати съ большею вѣроятностью отожествляетъ съ извѣстнымъ Пахоміемъ Русаномъ (Pachomios Rhusanos). См. Byz. Zeitschrift. V (1896), стр. 213.

C. Castellani, *Pacomio Russano, grammatico greco del secolo XVI e i manoscritti autografi delle sue opere.* Напеч. въ Atti del Reale Instituto Veneto di Scienze, lettere ed arti s. VII, tomo 6 (1894—1895) 903—910. — Въ этой статьѣ авторъ послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о жизни и трудахъ ученаго монаха-грамматика Пахомія Русана съ острова Занте († 1553) приводитъ интересный нотаріальный актъ по поводу возникшаго послѣ смерти Пахомія спора о его наслѣдствѣ. См. Byz. Zeitschrift. V (1896), с. 213.

F. Paletta, *Argirobulla di Tommaso Paleologo ed altri documenti per la storia degli Italiani in Oriente.* Nuovo Archivio Veneto 8 (1894) 251—271.— Палетта издаетъ нѣсколько важныхъ документовъ отъ 1387—1454 гг., содержащихъ въ себѣ договоры купли, обмѣна и др.; въ ихъ числѣ находится греческая серебряная булла Ѳомы Палеолога, брата послѣдняго византійскаго императора и послѣдняго князя Ахайи. Булла эта относится къ 1454 году, и на основаніи этой буллы венеціанецъ Джіакомо Теста получилъ въ даръ одно имѣніе. См. Byz. Zeitschrift. V (1896) 245.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

М[ильтіадъ] К[аравокиросъ], Τινὰ περὶ ἐθίμων ἐν τῇ νήσῳ Καρπάθῳ [Νεολόγος, 1895, № 7673—74, стр. 3]. — Составитель этой статьи, Мильтіадъ Каравокиръ, желаетъ предотвратить тѣ вредныя послѣдствія, которыя причиняетъ жителямъ острова Карпаѳа обычай, практикующійся у нихъ при раздѣлѣ наслѣдства. Этотъ обычай жителей о. Карпаѳа, за уничтоженіе котораго энергично ратуетъ г. Каравокиръ, состоитъ въ томъ, что по смерти родителей все наслѣдство переходитъ первенцамъ изъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, остальныя же дѣти не получаютъ изъ него ничего. Все имущество раздѣляется на двѣ части и переходитъ къ старшимъ по лѣтамъ сыну и дочери. Любопытно, что, сообразно съ этимъ обычаемъ, старшій сынъ именуется единороднымъ, единымъ [κανακάρης], а дочь — единородною, единою [κανακάρισσα]. Объ этомъ обычаѣ, который подробно описываетъ авторъ статьи, много находимъ и въ книгѣ Мануила Манолакаки: Δωρικὸν ψήφισμα Καρπάθου ὑπὸ C. Wescher, μεταφρασθὲν ἐκ τῆς γαλλικῆς, μετὰ γενικῆς περιγραφῆς τῆς νήσου. Ἀθήνησιν 1878, стр. 60—62, но авторъ кажется не пользовался ею.

И. Мелидисъ, Ἡ ἱστορία τῆς ἐν Ὑψωμαθείοις ἐκπαιδεύσεως [Νεολόγος, 1895, № 7635—36, стр. 4—5]. — Авторъ этой статьи И. Мелидисъ взялъ на себя трудъ написать исторію греческой школы, находящейся въ одномъ изъ константинопольскихъ кварталовъ и называемой по гречески Ψωμαθιά, а по турецки — Псаматія. По изслѣдованіямъ г. Мелидиса эта школа основана въ 1763 г. Начиная съ этого времени, авторъ повѣствуетъ о всѣхъ стараніяхъ для пріобрѣтенія средствъ на содержаніе этой школы, указывая при этомъ фамиліи бывшихъ въ ней учителей.

Д. И. Панаіотидисъ, Τοπογραφικαὶ σελίδες· τὰ Ἰωάννινα [Νεολόγος, 1895, № 7631—32, стр. 3]. — Въ этой статьѣ описывается Эпирскій городъ Іоаннина въ своемъ настоящемъ положеніи. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ этой статьѣ, для насъ болѣе интересны данныя, касающіяся іоаннинскаго озера, монастырей, одной церкви, извѣстной подъ именемъ «Архимандріосъ» [Ἀρχιμανδρειός], равно какъ и нѣкоторыхъ обычаевъ жителей города. Упомянутая церковь Ἀρχιμανδρειός нѣкогда принадлежала монастырю, не уцѣлѣвшему до настоящаго времени. Объ этомъ см. письмо константинопольскаго патріарха Іереміи II (1572), изданное мною года 4 тому назадъ [Δελτίον τῆς ἱστ. καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας, т. II, стр. 456—459].

Θ. Венечаносъ, Ἐντυπώσεις ἐκ Πάτμου [Ἀμάλθεια, 1894, № 5562, 5563, 5605, 5609, 5615, 5621, 5623, 5625]. — Авторъ этой статьи описываетъ, главнымъ образомъ, нѣкоторые обычаи, которыхъ держатся жители острова Патмоса въ своемъ внутреннемъ самоуправленіи. Но кромѣ этого, онъ даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о восточныхъ патріархахъ, уроженцахъ этого острова, и о древностяхъ, сохраняемыхъ какъ въ частныхъ домахъ островитянъ, такъ и въ скевофилакіи тамошняго монастыря.

Христодулъ Мелиссинос, Συριακαὶ [illegible] ἐκ Δαμασκοῦ εἰς τὰς μονὰς Σεϊδαναγίας καὶ Μααλούλας (Νεολόγος 1894, № 7593, 7597).— Составитель этой статьи, архимандритъ Мелиссинъ, поставилъ себѣ задачею описать настоящее положеніе двухъ древнихъ монастырей въ Сиріи «Сейданагія» и «Маалула». Опредѣливъ мѣстоположеніе перваго изъ нихъ, именно «Сейданагія», авторъ старается установить и время его построенія, но для установленія этой хронологической даты арх. Мелиссину недостаетъ знакомства съ свидѣтельствомъ объ этомъ монастырѣ древнихъ писателей. Сейданагія — женскій монастырь. Арх. Мелиссинъ даетъ обстоятельное описаніе его церкви и сохраняемыхъ въ его скевофилакіи вещей. Изъ этого описанія, между прочимъ, оказывается, что Сейданагія обладаетъ и библіотекою изъ 200 книгъ религіознаго содержанія. Но авторомъ не указывается, находятся ли въ библіотекѣ рукописи; въ этомъ отношеніи онъ замѣчаетъ только, что въ скевофилакіи монастыря сохраняется рукописное Евангеліе на арабскомъ языкѣ 1443 г. Кромѣ главной церкви, въ монастырѣ есть и [illegible], описаніе которыхъ авторъ также предлагаетъ въ своей статьѣ вмѣстѣ съ описаніемъ ущелій пещеры, въ которой, по мѣстному преданію, обитала св. Ѳекла. Описавъ монастырь Сейданагія, авторъ переходитъ къ описанію другого монастыря «Маалула». Маалула — названіе селенія въ 1200 жителей, извѣстнаго въ древности подъ именемъ Селевкія. Отъ имени этого селенія, по всей вѣроятности, получилъ свое наименованіе и монастырь Маалула. Монастырь окруженъ пещерами и развалинами. Въ немъ самомъ есть мѣсто, служащее предметомъ религіознаго почитанія; это такъ называемый «кровать св. Ѳеклы». Противъ монастыря Маалула, на горѣ, расположенъ другой монастырь, св. Сергія и Вакха, находящійся въ настоящее время во владѣніи арабовъ-уніатовъ. Этотъ послѣдній монастырь, съ исторіею котораго арх. Мелиссинъ, кажется, незнакомъ, есть тотъ знаменитый монастырь, о которомъ многократно упоминаютъ историческіе памятники среднихъ вѣковъ, какъ греческіе, такъ и латинскіе, арабскіе и сирійскіе. Статья арх. Мелиссина заслуживаетъ вниманія, какъ уже было сказано, въ томъ отношеніи, что онъ сообщаетъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи двухъ упомянутыхъ монастырей и тѣмъ, [illegible], побуждаетъ къ болѣе научному изслѣдованію ихъ какъ съ исторической, такъ и съ топографической и археологической точки зрѣнія.

*. Σύντομος ἱστορία τῆς ἐν τῷ [illegible] Βερμίου [illegible] ἱερᾶς [illegible] μονῆς τῆς [illegible] Ἐλευθεροτρίας? ἡ [illegible] ἐκδοθεῖσα [illegible] Ἀθανασίου [illegible] Γ. [illegible]. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1894. 8°. стр. 1—[illegible].— Эта брошюра слѣдующаго содержанія. Въ предисловіи (1 стр.) опредѣляется мѣстоположеніе греческаго монастыря [illegible] въ Македоніи, описывается самый монастырь, приводится преданіе о постро-

ніи монастыря, указываются заботы константинопольской церкви объ этомъ монастырѣ и, наконецъ, сообщаются статьи и книги, относящіяся къ исторіи монастыря и изданныя до настоящаго времени. Съ 16-ой страницы до 20-ой въ этой брошюрѣ излагается канонъ ᾀσματικοί, который составленъ по поводу чудеснаго событія, совершившагося при чудесной иконѣ Божіей Матери, находящейся въ упомянутомъ монастырѣ. Наконецъ, съ 20-й до 36-ой стр. приводится служба неизвѣстнаго автора св. Діонисію I патріарху константинопольскому, почившему въ монастырѣ Кошиницѣ. Составитель названной брошюры, содержаніе которой мы только что изложили, намъ неизвѣстенъ. Но его произведеніе по своему содержанію изобличаетъ въ немъ человѣка не только мало развитаго, но и весьма сомнительнаго характера въ смыслѣ литературной добросовѣстности: почерпая весь историческій матеріалъ составленной имъ брошюрки изъ изданной нами въ 1885 году статьи объ этомъ монастырѣ [Ἔκθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θρᾴκῃ καὶ Μακεδονίᾳ. Ἐν Κ/πόλει 1885, стр. 13—39], онъ однако не только ни однимъ словомъ о ней не упоминаетъ, но какъ бы нарочно о ней умалчиваетъ.

И И. X. Αἱ ἐν Χαλδείᾳ μοναί [Κωνσταντινούπολις 1894, № 259]. — Небольшая замѣтка, сообщающая нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о монастыряхъ Хутура, Халинара, Богоматери въ Цитѣ, св. Георгія Ліармухо въ Аридѣ, св. Іоанна въ Имерѣ. Всѣ эти монастыри находятся въ области митрополіи Халдіи.

С., Ἀνὰ τὸν νόμον Ἰκονίου [Ἀμάλθεια, 1894, № 5638]. — Это описаніе Малоазійскаго города Силли. Въ этомъ описаніи встрѣчаются и любопытныя мѣстныя преданія. Таковы напримѣръ слѣдующія преданія: ущелье горы, находящейся вблизи города, чудесно образовалось для того, чтобы скрыть св. Θеклу отъ гоненій; существующія до сихъ поръ въ скалахъ, недалеко отъ города Силли, древнія келліи и небольшіе храмы построены были подвижниками; благодаря этимъ же подвижникамъ, обратившимся къ св. Еленѣ, проходившей чрезъ г. Силли во Іерусалимъ, съ просьбою построить храмъ въ Силли, былъ сооруженъ ею дѣйствительно существующій здѣсь до настоящаго времени храмъ во имя свв. архангеловъ Михаила и Гавріила.

И. Пападопулосъ, Ἡ νῆσος Νίσυρος [Ἀμάλθεια, 1894, № 5699].— Очень небольшая статья, въ которой авторъ говоритъ кое-что о положеніи острова Нисира и его исторіи. Въ своей статьѣ авторъ сообщаетъ и новыя свѣдѣнія, куда должно быть отнесено сообщеніе о томъ, что островъ Нисиръ съ 1868 г. находится въ административномъ отношеніи подъ властью турецкаго вицегубернатора, имѣющаго свое мѣстопребываніе на островѣ Косъ.

⁂ Πλήμμυραι ἐν Χαλκιδικῇ [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 55].—Корреспонденція изъ мѣстечка Лангада на полуостровѣ Халкидикѣ. Авторъ замѣтки разсказываетъ, что онъ видѣлъ дѣтей этого селенія, кото-

рые 1-го марта ходили по улицамъ, держа въ рукахъ деревянную ласточку, украшенную цвѣтами и вертѣвшуюся вокругъ толстой тростниковой палки, и пѣли скорымъ тактомъ народную пѣсню передъ домами грековъ на греческомъ языкѣ, а передъ домами турокъ на турецкомъ.

Вотъ подлинный текстъ этой пѣсни:

Χελιδόνα ἔρχεται
'πὸ τὴ Μαύρη Θάλασσα·
θάλασσαν ἐπέρασε,
πύργον ἐθεμέλιωσε,
ἔκατσε καὶ 'λάλησε·
«Μάρτι, Μάρτι μου καλέ,
καὶ Φλεβάρι φοβερέ,
τίναν ἐφοβέρισες»; —
«Τὸ 'Ροδάνι ποταμό». —
«Εἶναι, εἶναι δάσκαλος»; —
«εἶναι καὶ πρωτόσκολος». —
«Τί γυρεύ' ὁ δάσκαλος»; —
«Ὄρνιθα καὶ πέντ' αὐγά». —
«Δόσε μας τὰ πέντ' αὐγά·
πάρε σὺ τὴν ὄρνιθα
νὰ γεννᾷ καὶ νὰ κλωσσᾷ
καὶ νὰ παίρνῃ τὰ πουλλιά».
Μάρτις μᾶς ἦλθε·
καλῶς μᾶς ἦλθε·
τἄνθ' αἰωνίσαι
καὶ γῆς μυρίσαι.
Ἔξω ψύλλ' καὶ πόντικας·
μέσα γάμος καὶ χαρὰ
καὶ καλὴ νοικοκυρά.
Σήκου, Μπόζιου,
ἀπ' τὴ γωνιά
νὰ μᾶς δώσης
'πὸ κανέναν παρᾶ
κιἀπὸ κανὲν αὐγό,
καὶ τοῦ χρόνου μὲ 'γειά. Ἀμήν.

Переводъ: «Ласточка прилетаетъ | съ Чернаго моря. | Она пролетѣла море | и башню построила, | посидѣла и запѣла: | «Мартъ, Мартъ мой добрый | и ты Февраль страшный, | кого ты напугалъ»? | «Рѣку Родани».—«Есть есть учитель»; | «Есть и старшій учитель». | «Чего ищетъ учитель»? | «Курицу и пять яицъ». | «Дай намъ эти пять яицъ | и возьми ты курицу,—чтобы она сидѣла и носила | и цыплятъ завела». | Мартъ пришелъ намъ, | добро онъ пришелъ намъ, | цвѣты произвести, чтобы земля заблагоухала. | Вонъ блохи и мыши! внутри свобода и веселье | и добрая хозяйка. | Вставай, Божію, съ угла, | дай намъ по пара ($1^1/_2$ копѣйки) | и по яицу | и съ новымъ годомъ, и съ здоровьемъ. Аминь». Этотъ обычай имѣетъ очень древнее происхожденіе. Аѳиней сохранилъ намъ древнюю народную пѣсню, имѣющую поразительное сходство какъ съ приведенною выше, такъ и съ другими варіаціями ея, которыя поютъ въ другихъ мѣстахъ Греціи. 13 изъ этихъ варіацій издалъ г. Политисъ [Νεοελληνικὰ ἀνάλεκτα. Ἐν Ἀθήναις 1870, т. I, стр. 354—368].

⁂ Ἀνὰ τὴν Μικρὰν Ἀσίαν. Ἡ Λυκία [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 226].—Въ этой статьѣ представляетъ интересъ описаніе мѣстечка въ Малой Азіи «Макри». Объ этомъ мѣстечкѣ написана статья еще въ 1882 г. Фертеклисомъ подъ заглавіемъ «Мѣстечко Макри» [въ газетѣ Ἁρμονία 1882, № 618].

В. М. Мистакидисъ, Ὁ τάφος τοῦ ἁγίου Θεοφάνους τῆς Σιγριανῆς ἐν Σαμοθράκῃ [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1894, т. XIV, стр. 242—243].— Корреспонденція съ острова Самоѳраки врача Н. Фардиса. Корреспон-

дентъ проводитъ мысль, что гробъ преподобнаго Өеофана слѣдуетъ искать въ Самоөракѣ (!), въ церкви св Георгія (Стриверосъ), которая расположена на равнинѣ Мегала названнаго острова. Н. Фардисъ въ этой мѣстности нашелъ памятникъ, на которомъ уцѣлѣла часть христіанской надписи, состоящая изъ слѣдующихъ словъ: Ψυχρὸς οἶμος, ἐκ γήρας ἄθλιος, σαπρία, πρεσβύτης.

М. И. Г., Ἱερόθεος Φλωρίδης [Νεολόγος, 24 мая 1894, № 7428]. — Некрологъ Іероөея Флоридиса съ острова Патмоса. Іероөей Флоридисъ занималъ должность библіотекаря при библіотекѣ монастыря Іоанна Богослова на отровѣ Патмосѣ, гдѣ и умеръ 1-го мая 1894 г. Флоридисъ получилъ образованіе въ школѣ на своей родинѣ и по окончаніи ея оставленъ былъ въ ней учителемъ. При игуменѣ патмосскаго монастыря Веніаминѣ Гримани, Флоридисъ, пріобрѣвъ навыкъ въ чтеніи рукописей, былъ поставленъ библіотекаремъ при упомянутой выше библіотекѣ. Подъ его руководствомъ упражнялся въ чтеніи рукописей и Іоаннъ Саккеліонъ, пріѣхавшій въ Патмосъ въ 1841 году. Іероөеемъ Флоридисомъ изданы краткое описаніе сохраняемыхъ въ монастырѣ Патмосѣ документовъ [Πανδώρα, т. XX], въ родѣ хрисовулловъ, сигилліевъ и т. п. и біографія Никифора хартофилакса Патмоса [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, т. IV, стр. 418—421. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογ. ἑταιρίας, т. II, стр. 65—81]. Онъ еще составилъ и описаніе 235 кодексовъ патмійской библіотеки. [И. Саккеліона, Πατμιακὴ βιβλιοθήκη. Ἀθήνησιν 1890, стр, 211—278].

⁂ Τὰ Κιούπλια [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 68].— Въ этой статьѣ описывается мѣстечко Кюплія въ Виөиніи. По мнѣнію неизвѣстнаго автора этой статьи мѣстечко Кюплія, расположенное въ богатой растительностью узкой долинѣ, по началу своего существованія восходитъ къ первымъ годамъ XVI-го вѣка, когда нѣсколько семействъ изъ Траллъ (Айдинъ) переселились сюда. Въ настоящее время число жителей въ немъ простирается до 5000, изъ коихъ 500 турокъ, остальные же греки, содержащіе церковь во имя великомученика Георгія и школу.

⁂ Αὐτοκράτορος Θεοδώρου [Δούκα τοῦ Λασκάρεως] λόγος εἰς τὴν ὑπεραγίαν δέσποιναν Θεοτόκον, ὀφείλων ἀναγινώσκεσθαι ἐν τῇ ἑορτῇ τῆς Ἀκαθίστου [Σωτήρ, т. XVI, 1894, стр. 186—192]. — Въ греческомъ журналѣ Σωτήρ помѣщено неизданное до сихъ поръ слово императора Өеодора Ласкариса. Это слово списано г. Ад. Адамандиди съ рукописи XIV в., хранящейся въ аөинской публичной библіотекѣ. Оно издано довольно небрежно и безъ всякихъ критическихъ комментарій. Впрочемъ, не смотря на это, изданіе этого слова имѣетъ нѣкоторое научное значеніе: съ одной стороны, оно даетъ намъ знать, что императоръ Өеодоръ Ласкари былъ хорошимъ знатокомъ древнегреческаго языка, съ другой стороны, любопытно то, что вмѣсто Аваровъ и Славянъ (Скиөовъ) онъ прямо говоритъ о *Руси*, какъ о врагахъ, угрожавшихъ Константинополю, спасенному заступленіемъ Богоматери (626 г.). Вотъ относящееся

сюда мѣсто: Σήμερον ὁ οὐρανὸς χορεύει, τὰ περὶ αὐτὸν δὲ σύστοιχα συνευφραίνεται, κυκλικῶς οὐ φυσικευόμενα, ἀλλ' ὑπερφυῶς θαυμαζόμενα· ἑωράκει γὰρ τὸ πολυσύνθετον ἄθροισμα τῆς κοσμοθεσίας τῆς Θεοτόκου τὰ θαύματα· ἀπεπνίγη ὁ Ῥῶς ἐκ τοῦ παραυτα, ὁ τὸν ῥοῦν κατὰ τῆς Βυζαντίδος κινήσας ποτέ, ὁ τῇ ναυμαχίᾳ τὰς ἐλπίδας διατεινάμενος, καὶ σέσωσται τὸ τῶν εὐσεβῶν ἀσθενὲς τῇ βριαρᾷ χειρὶ τοῦ Θεοῦ· ἡ μήτηρ γὰρ τούτου φύλαξ.

Н. И. Яннопулосъ, Συμβολαὶ εἰς τοὺς ἐπισκοπικοὺς καταλόγους [Νεολογου Ἑβδομαδιαία Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 1033—1034].— Авторъ этой замѣтки даетъ перечень Ларисскихъ епископовъ отъ 525 до 1895 г., упоминая между прочимъ и 4 епископовъ Стаги [Σταγῶν] Недостатокъ замѣтки заключается въ томъ, что, за исключеніемъ 4 стагскихъ епископовъ, авторъ не указываетъ на источники, откуда онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія.

Д. А. Панаіотидисъ, Διάδοχος ἐπίσκοπος Φωτικῆς [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ., 1894, т. IV, стр. 7—8].— Свѣдѣнія о Фотійскомъ епископѣ Діадохѣ, собранныя г. Панаіотиди изъ новогреческихъ сочиненій. По мнѣнію автора, упомянутый епископъ жилъ въ 516 г.

Д. А. Панаіотидисъ, Περὶ τῆς Φωτικῆς [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ., 1894, т. III, стр. 735—36]. — Основываясь на одной надписи, г. Панаіотиди старается опредѣлить мѣстоположеніе древняго города Фотики въ Эпирѣ. По его мнѣнію, г. Фотика находился тамъ, гдѣ въ настоящее время расположена деревня Лимбони. Въ своей замѣткѣ г. Панаіотиди ссылается кромѣ того и на предыдущую свою статью объ этомъ предметѣ, которую намъ не приходилось встрѣчать.

М. И. Зака (Ζιάκας), Θεσπρωτικά. Ἀρχαιλογήματα παρὰ τὴν Τσουρίλαν [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 866—868].— Въ Эпирѣ, къ с. отъ г. Парамиѳіи, въ трехчасовомъ разстояніи отъ него, находится деревня, подъ названіемъ Цурила. Недалеко отъ этой деревни помѣщается монастырь подъ названіемъ Панагіи. Г. Зака даетъ намъ описаніе упомянутой деревни, монастыря и окрестностей, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя замѣчанія археологическаго характера о тамошнихъ развалинахъ и сдѣланныхъ имъ небольшихъ археологическихъ находкахъ.

Е. Д., Περὶ τοῦ γάμου τῶν ποιμένων τῆς Ὄθρυος [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 938—39, 948, 965—68]. — Авторъ этой статьи описываетъ обычаи пастуховъ на горѣ Оѳрисъ, въ Фтіотидѣ, при заключеніи браковъ и сообщаетъ пѣсни, которыя поютъ при такихъ случаяхъ.

Г. Визіиносъ, Ἀνὰ τὸν Ἑλικῶνα. Βαλλίσματα [Εἰκονογραφημένη Ἑστία, 1894, I, стр. 1—5, 26—28, 43—44, 54—55, 66—69, 89—92, 120—123, 155—158, 170—172, 188—191, 202—204].— Изслѣдованіе о средневѣковыхъ балладахъ европейскихъ народовъ съ переводомъ ихъ на греческій языкъ. Авторъ изслѣдованія присоединяетъ сюда и ново-

греческія баллады, собранныя имъ во Ѳракіи. Статья эта обнаруживаетъ въ авторѣ ея большую начитанность и критическое чутье.

Г. Хаджидакисъ, Νεοελληνικὰ ποικίλα [Παρνασσός, 1894, XV, 5, стр. 335—351]. — Въ этой статьѣ профессоръ аѳинскаго университета, г. Г. Хаджидакисъ, старается доказать важность изслѣдованія исторической судьбы словъ новогреческаго языка, т. е. происхожденія ихъ и измѣненія въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ какъ ихъ значенія, такъ и внѣшней формы. Многочисленные примѣры такого изслѣдованія даетъ самъ авторъ статьи. Но это послѣднее его изслѣдованіе нельзя считать удовлетворительнымъ, потому что авторъ въ однихъ случаяхъ для обоснованія своихъ соображеній беретъ примѣры изъ древней письменности и стихотвореній, хотя они и не всегда удовлетворительны, въ другихъ же, за недостаткомъ примѣровъ, основывается на простыхъ предположеніяхъ. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить употребляемое въ новогреческомъ языкѣ слово ἀπαντοχή, которое значитъ ожиданіе, надежда. Объясняя происхожденіе этого слова г. Хаджидакисъ предполагаетъ, что существовало слово ὑπαντοχή, которое, измѣнивъ свое коренное значеніе, измѣнило затѣмъ и свою внѣшнюю форму. Затѣмъ, новогреческое слово μαργώνω, которое обозначаетъ околѣвать, окоченѣть, главнымъ образомъ, отъ мороза или страха, г. Хаджидакисъ производитъ отъ глагола μαργόω, употребляемаго у Пиндара и обозначающаго: сходить съ ума, ругаться или приходить въ энтузіазмъ. Но какимъ образомъ этотъ глаголъ такъ измѣнилъ свое значеніе, авторъ изслѣдованія не показываетъ, потому что не приводитъ никакихъ примѣровъ инаго употребленія этого глагола въ позднѣйшемъ эллинизмѣ. Насколько мы знаемъ, есть примѣръ употребленія глагола μαργώνω въ смыслѣ — «околѣвать» у Дюканжа. Этотъ примѣръ μαργομένος взятъ у него изъ средневѣковаго стихотворенія, гдѣ этотъ глаголъ обозначаетъ — околѣвать, собственно, по поводу головокруженія. Но несмотря на этотъ примѣръ, мы склонны думать, что новогреческое μαργώνω есть не что иное, какъ тоже самое древнее ναρκόω, околѣвать, измѣнившее внѣшнюю форму въ устахъ народа. Ναρκόω, затѣмъ ναρκώνω, μαρκώνω и изъ корня μαρκ = μαργώνω. Такихъ измѣненій можно встрѣтить много въ новогреческомъ языкѣ.

М. І. Гедеонъ, Τοῦ γραικορωμαϊκοῦ νομίμου τὰ παραλειπόμενα [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ., 1894, т. IV, стр. 15—17, 33—35]. — Г. Гедеонъ подъ этимъ заглавіемъ издалъ слѣдующія неизданные тексты и документы: 1) Аѳанасія Парскаго, писателя XIX ст., статью о крещеніи, совершаемомъ по нуждѣ свѣтскими лицами, мужчинами или женщинами; 2) статью Спандонаки, хартофилакса Великой церкви въ XVIII в., о томъ, что въ засѣданіяхъ внѣ алтаря хартофилаксу принадлежитъ первое мѣсто передъ архіереями; 3) прошеніе Критія, экклизіарха Великой церкви, у воеводы Александра Гики объ оставленіи его въ этой должности; 4) письмо Іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа (1722) къ синай-

скому архіепископу Іоанникію о томъ, что на будущее время изъ титула Іерусалимскаго патріарха будетъ выпущено прибавленіе о горѣ Синаѣ, которое прибавилъ къ этому титулу самъ Хрисанѳъ.

Н. И. Яннопулосъ, Χρονικὰ σημειώματα τῆς ἐπαρχίας Ἁλμυροῦ [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 915—917]. — Въ этой статьѣ содержатся историческія свѣдѣнія о ѳессалійскомъ городѣ Алмирѣ и нѣкоторыя надписи византійской эпохи.

Н. И. Яннопулосъ, Βίος ἁγίου Νικολάου τοῦ Νέου καὶ ἡ Βουνένη τῆς Θεσσαλίας [Νεολόγου Ἑβδομαδιαία Ἐπιθεώρησις, 1894, т. III, стр. 698—700, 715—717, 738—740, 746]. — Жизнеописаніе св. Николая Новаго, который, по мнѣнію автора статьи, жилъ во времена императора Михаила Палеолога, какъ онъ доказываетъ на основаніи надписи, найденной въ Ѳессалійскомъ селѣ Баклали.

Д. А. Панаіотидисъ, Χρονικὰ σημειώματα ἐν μοναῖς καὶ ἐκκλησίαις τῆς Θεσπρωτίας [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ., 1894, т. III, стр. 804—808]. — Авторъ сообщаетъ нѣсколько христіанскихъ греческихъ надписей XVII, XVIII и XIX вѣковъ, находящихся въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ провинціи Ѳеспротіи въ Эпирѣ.

М. И. Зака (Ζιάκας), Ἀπὸ Παραμυθίας εἰς Διχοῦνι [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ., 1894, т. III, стр. 825—828]. — Путевыя замѣтки изъ г. Парамиѳіи къ Дихуни; авторъ сообщаетъ и нѣсколько греческихъ надписей XVIII вѣка.

Хр. Василакаки, Τὸ Ἀξάριον [Ἀμάλθεια, 1895, № 5810, сент. 4/16]. — Аксаріонъ — городъ въ Малой Азіи, въ Айдинскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ древняго города Ѳлатиры. Оставляя въ своей статьѣ въ сторонѣ древности города, г. Василакаки ограничивается краткимъ описаніемъ нынѣшняго его состоянія. Населеніе Аксаріона, по его словамъ, въ настоящее время состоитъ изъ 8,500 грековъ, 13,000 турокъ и 2,500 армянъ и евреевъ.

N. A. K., Ἀνὰ τὸν Εὔξεινον [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 112, 190, 192, 198]. — Эта статья состоитъ изъ путевыхъ замѣтокъ во время проѣзда изъ Константинополя до г. Хилы и оттуда до г. Синопа. Изъ этихъ замѣтокъ для насъ интересно описаніе празднествъ въ день памяти св. Евѳимія, Сардійскаго епископа (25 декабря), жившаго въ VIII вѣкѣ. Здѣсь сообщается, что халкидонскій митрополитъ въ 1852 г. издалъ въ особой брошюрѣ жизнеописаніе и службу св. Евѳимія, св. мощи котораго хранятся въ храмѣ Успенія Богородицы въ Хилѣ. Исторію этихъ мощей передаетъ и авторъ настоящей статьи.

Хрисостомъ Пападопуло, Τὸ ἐν Μαδύτῳ ἁγίασμα τοῦ ἁγίου Εὐθυμίου [Νεολόγος, 1895, № 7844—45, стр. 3]. — Русскимъ ученымъ архимандритомъ Арсеніемъ издано жизнеописаніе на греческомъ языкѣ св. Евѳимія Мадитскаго епископа [Москва 1889]. Болѣе исправно текстъ этого памятника изданъ потомъ г. В. Антоніади [Δελτίον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθν. ἑταιρίας, т. IV, стр. 387—422]. Послѣ этихъ двухъ изданій жизнеописанія св. Евѳимія, епископа ладійскаго, интересно было бы знать, сохранились ли какіе

либо памятники объ этомъ епископѣ. И вотъ г. Пападопуло, родомъ изъ Мадита, и извѣщаетъ насъ, что по правому берегу города, въ мѣстности Скала, подъ холмовиднымъ возвышеніемъ земли, находятся развалины храма этого святаго, о которомъ упоминаетъ и Пселлъ [Σάθα, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, т. IV, стр. 373—374].

N. I. T., Νέα Φώκαια [Ἀμάλθεια, 1895, № 578]. Городъ Новая Фокея, находящійся на послѣднемъ пунктѣ линіи, служащей границею между древнею Эолидою и Іоніею, былъ очень извѣстенъ въ средніе вѣка производствомъ квасцовъ. Краткая историческая замѣтка, помѣщаемая теперь въ смирнской газетѣ «Амалѳія», даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія какъ о нынѣшнемъ состояніи города, такъ и о сохранившихся развалинахъ старой крѣпости его.

Георгій Пападопуло, Ἡ νῆσος Νίσυρος [Ἀμάλθεια, 1895, № 5699 и 5734]. Островъ Нисиръ принадлежитъ къ группѣ Спорадъ въ Эгейскомъ морѣ. Г. І. Пападопуло, родомъ изъ этого острова, въ своей статьѣ описываетъ его и сообщаетъ много свѣдѣній какъ о главномъ городѣ этого острова, такъ и о селахъ, находящихся въ нихъ храмахъ и монастыряхъ. Эти свѣдѣнія могутъ быть полезными тому, кто пожелаетъ изучить состояніе этихъ островоъ въ византійскую эпоху.

П. А. Пантелидисъ, Τοπογραφικὰ Νισύρου [Ἀμάλθεια, 1895, № 5793].— Авторъ этихъ замѣтокъ, врачъ изъ о. Нисира, указываетъ съ желчью нѣкоторые недостатки въ описаніи этого острова, сдѣланномъ г. Г. Пападопуло. Между прочимъ, г. Пантелиди опровергаетъ, какъ совершенно неосновательное, утвержденіе г. Пападопуло, по которому находящіяся въ селѣ Мандракіи воды, принадлежащія въ настоящее время автору этихъ замѣтокъ, тѣже самыя вооы, о которыхъ упоминаетъ Страбонъ [p. 488]. Г. Пантелиди на томъ основаніи, что указываемыя г. Пападопуло воды не имѣютъ около себя никакихъ развалинъ, принадлежащихъ древности, между тѣмъ какъ другія подобныя имъ, находящіяся въ мѣстности Палѣ, окружены развалинами, какъ напр. древними портиками, такъ и другими зданіями, старается доказать, что именно о послѣднихъ идетъ рѣчь у Страбона.

А. С., Ἡ Σπάρτη τῆς Πισσιδείας (sic) [Κωνσταντινούπολις, 1895 № 102].—Это замѣтка о нынѣшнемъ состояніи малоазійскаго города Спарта [по тур. Избарта] съ точки зрѣнія топографіи, статистики и земледѣлія.

К., Ἡ ἀρχαία Ἀμφίπολις [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 102].—Здѣсь содержится только небольшое замѣчаніе о томъ, что Perdrizet несправедливо приписываетъ себѣ открытіе надписей въ развалинахъ, находящихся около г. Амфиполя, такъ какъ эти надписи найдены были раньше его и напечатаны въ газ. Κωνσταντινούπολις 7-го августа 1891 г.

Гонніосъ, Φιλολογήματα [Νεολόγος, 1895 № 7758—59, стр. 3]. Небольшая статья г. Гонніа состоитъ изъ трехъ параграфовъ. Въ первомъ изъ нихъ говорится объ насыпныхъ курганахъ [tumuli], лежащихъ

недалеко отъ г. Филиппы, въ Македоніи, и о древнемъ оракулѣ τῶν Βησσῶν [Иерод. VII. 111], который по его мнѣнію лежалъ въ мѣстности Μαχαρὰ недалеко отъ горы Бозъ-Дагъ. Во второмъ указывается положеніе притока р. Стримона Ангиты или Гангита и описывается мѣстность, по которой онъ протекаетъ. Наконецъ, въ третьемъ параграфѣ употребляемый въ новогреческомъ языкѣ глаголъ κολῶ (въ частномъ его употребленіи на островѣ Фасѣ въ фразѣ κολῶ τὴν ἀγὴ μου = βόσκω) производится отъ неупотреблявшагося классиками гл. κολέω, lat. colo, корень котораго встрѣчается и въ словѣ βουκόλος.

К. Флегель, Ἡ νῆσος Κάλυμνος [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 106, 108, 186, 230, 231, 235, 237, 238, 243]. — Г. Флегель въ своей статьѣ, написанной на греческомъ языкѣ, предлагаетъ намъ, собственно греческой публикѣ, описаніе острова Калимна, отличающееся большою точностью. Онъ говоритъ въ ней съ подробностью объ этомъ островѣ, который разсматриваетъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Говоритъ, между прочимъ, о сохранившихся на немъ развалинахъ какъ древней, такъ и византійской эпохи.

*** Τινὰ περὶ τῆς μητροπόλεως Λέρου καὶ Καλύμνου καὶ περὶ Καλύμνου [Νεολόγος, 1895, № 7670, 7677—78, 7681—82, 7685—86, 7689—90, 7699—7700]. — Въ этой довольно пространной статьѣ, авторъ которой скрываетъ свое имя и въ которой, къ нашему сожалѣнію, недостаетъ у насъ двухъ листовъ, перваго и послѣдняго, содержатся очень подробныя свѣдѣнія объ о. Калимнѣ. Статья раздѣляется на три главы. Въ первой разсматривается островъ съ топографической и климатической точки зрѣнія. Во второй излагается исторія острова, а въ третьей—настоящее его состояніе. Авторъ этой статьи особенно старался представить полныя и точныя свѣдѣнія о числѣ заливовъ, селъ, деревень и храмовъ, находящихся на этомъ островѣ.

Д. Г. Саккеларіу, Καλύδνα-Κάλυμνα [Νεολόγος, 1895, № 7689—90, стр. 4]. — Г. Сакелларіу въ своей замѣточкѣ пытается воспроизвести древнее наименованіе нынѣшняго о. Калимна, Калидна отъ καλὰ-ὕδνα. Ὕδνα [tuber] подъ этимъ самимъ именемъ извѣстное и нынѣшнимъ жителямъ этого острова растеніе растетъ и теперь въ мѣстности о. Калимна, извѣстной подъ именемъ Ваөисъ.

Георгій Папазоглу, Ἀρχαιολογικὰ ἐν Βιθυνίᾳ [Κωνσταντινούπολις, 1895 № 140 и 152]. — Авторъ этой статьи, самъ находящійся въ Виөиніи, описываетъ мѣстечко Кюплія, въ которомъ онъ и живетъ. Кромѣ описанія сохранившихся здѣсь древностей, г. Папазоглу воспроизводитъ и 10 древнихъ надписей, въ одной изъ коихъ содержится именованіе κώμης Κάπρων. Послѣдняя надпись найдена среди развалинъ недалеко отъ виөинійской деревни Куртъ-кіой.

А. М. Левидисъ, Ἡ ἀρχαία Ἀριαράθεια [Νεολόγος, 1895, № 7805—7806, стр. 4]. — Мѣстоположеніе этого древняго города Кападокіи, очень извѣстнаго какъ во времена македонскаго и римскаго владычества, такъ и

нiи монастыря, указываются заботы константинопольской церкви объ этомъ монастырѣ и, наконецъ, сообщаются статьи и книги, относящiяся къ исторiи монастыря и изданныя до настоящаго времени. Съ 16-ой страницы до 20-ой въ этой брошюрѣ излагается канонъ ᾀσματικοί, который составленъ по поводу чудеснаго событiя, совершившагося при чудесной иконѣ Божiей Матери, находящейся въ упомянутомъ монастырѣ. Наконецъ, съ 20-й до 36-ой стр. приводится служба неизвѣстнаго автора св. Дiонисiю I патрiарху константинопольскому, почившему въ монастырѣ Кошиницѣ. Составитель названной брошюры, содержанiе которой мы только что изложили, намъ неизвѣстенъ. Но его произведенiе по своему содержанiю изобличаетъ въ немъ человѣка не только мало развитаго, но и весьма сомнительнаго характера въ смыслѣ литературной добросовѣстности: почерпая весь историческiй матерiалъ составленной имъ брошюрки изъ изданной нами въ 1885 году статьи объ этомъ монастырѣ [Ἔκθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θρᾴκῃ καὶ Μακεδονίᾳ. Ἐν Κ/πόλει 1885, стр. 13—39], онъ однако не только ни однимъ словомъ о ней не упоминаетъ, но какъ бы нарочно о ней умалчиваетъ.

И И. Х. Αἱ ἐν Χαλδείᾳ μοναί [Κωνσταντινούπολις 1894, № 259]. — Небольшая замѣтка, сообщающая нѣкоторыя историческiя свѣдѣнiя о монастыряхъ Хутура, Халинара, Богоматери въ Цитѣ, св. Георгiя Лiярмухо въ Аридѣ, св. Iоанна въ Имерѣ. Всѣ эти монастыри находятся въ области митрополiи Халдiи.

С., Ἀνὰ τὸν νόμον Ἰκονίου [Ἀμάλθεια, 1894, № 5638]. — Это описанiе Малоазiйскаго города Силли. Въ этомъ описанiи встрѣчаются и любопытныя мѣстныя преданiя. Таковы напримѣръ слѣдующiя преданiя: ущелье горы, находящейся вблизи города, чудесно образовалось для того, чтобы скрыть св. Ѳеклу отъ гоненiй; существующiя до сихъ поръ въ скалахъ, недалеко отъ города Силли, древнiя келлiи и небольшiе храмы построены были подвижниками; благодаря этимъ же подвижникамъ, обратившимся къ св. Еленѣ, проходившей чрезъ г. Силли во Iерусалимъ, съ просьбою построить храмъ въ Силли, былъ сооруженъ ею дѣйствительно существующiй здѣсь до настоящаго времени храмъ во имя свв. архангеловъ Михаила и Гаврiила.

И. Пападопулосъ, Ἡ νῆσος Νίσυρος [Ἀμάλθεια, 1894, № 5699].— Очень небольшая статья, въ которой авторъ говоритъ кое-что о положенiи острова Нисира и его исторiи. Въ своей статьѣ авторъ сообщаетъ и новыя свѣдѣнiя, куда должно быть отнесено сообщенiе о томъ, что островъ Нисиръ съ 1868 г. находится въ административномъ отношенiи подъ властью турецкаго вицегубернатора, имѣющаго свое мѣстопребыванiе на островѣ Косъ.

⁂ Πλήμμυραι ἐν Χαλκιδικῇ [Κωνσταντινούπολις, 1895, № 55].—Корреспонденцiя изъ мѣстечка Лангада на полуостровѣ Халкидикѣ. Авторъ замѣтки разсказываетъ, что онъ видѣлъ дѣтей этого селенiя, кото-

рые 1-го марта ходили по улицамъ, держа въ рукахъ деревянную ласточку, украшенную цвѣтами и вертѣвшуюся вокругъ толстой тростниковой палки, и пѣли скорымъ тактомъ народную пѣсню передъ домами грековъ на греческомъ языкѣ, а передъ домами турокъ на турецкомъ.

Вотъ подлинный текстъ этой пѣсни:

Χελιδόνα ἔρχεται
'πὸ τὴ Μαύρη Θάλασσα·
θάλασσαν ἐπέρχσε,
πύργον ἐθεμέλιωσε,
ἔκατσε καὶ 'λάλησε·
«Μάρτι, Μάρτι μου καλέ,
καὶ Φλεβάρι φοβερέ,
τίναν ἐφοβέρισες»; —
«Τὸ 'Ροδάνι ποταμό». —
«Εἶναι, εἶναι δάσκαλος»; —
«εἶναι καὶ πρωτόσχολος». —
«Τί γυρεύ' ὁ δάσκαλος»; —
«Ὄρνιθα καὶ πέντ' αὐγά». —
«Δόσε μας τὰ πέντ' αὐγά·
πάρε σὺ τὴν ὄρνιθα
νὰ γεννᾷ καὶ νὰ κλωσσᾷ
καὶ νὰ παίρνῃ τὰ πουλλιά».
Μάρτις μᾶς ἦλθε·
καλῶς μᾶς ἦλθε·
τᾶνθ' αἰωνίσαι
καὶ γῆς μυρίσαι.
Ἔξω ψύλλ' καὶ πόντικας·
μέσα γάμος καὶ χαρὰ
καὶ καλὴ νοικοκυρά.
Σήκου, Μπόζιου,
ἀπ' τὴ γωνιά
νὰ μᾶς δώσῃς
'πὸ κανέναν παρᾶ
κιἀπὸ κανὲν αὐγό,
καὶ τοῦ χρόνου μὲ 'γειά. Ἀμήν.

Переводъ: «Ласточка прилетаетъ | съ Чернаго моря. | Она пролетѣла море | и башню построила, | посидѣла и запѣла: | «Мартъ, Мартъ мой добрый | и ты Февраль страшный, | кого ты напугалъ»? | «Рѣку Родани».—«Есть есть учитель»; | «Есть и старшій учитель». | «Чего ищетъ учитель»? | «Курицу и пять яицъ». | «Дай намъ эти пять яицъ | и возьми ты курицу,—чтобы она сидѣла и носила | и цыплятъ завела». | Мартъ пришелъ намъ, | добро онъ пришелъ намъ, | цвѣты произвести, чтобы земля заблагоухала. | Вонъ блохи и мыши! внутри свобода и веселье | и добрая хозяйка. | Вставай, Божію, съ угла, | дай намъ по пара ($1^1/_2$ копѣйки) | и по яицу | и съ новымъ годомъ, и съ здоровьемъ. Аминь». Этотъ обычай имѣетъ очень древнее происхожденіе. Аѳиней сохранилъ намъ древнюю народную пѣсню, имѣющую поразительное сходство какъ съ приведенною выше, такъ и съ другими варіаціями ея, которыя поютъ въ другихъ мѣстахъ Греціи. 13 изъ этихъ варіацій издалъ г. Политисъ [Νεοελληνικὰ ἀνάλεκτα. Ἐν Ἀθήναις 1870, т. I, стр. 354—368].

⁂ Ἀνὰ τὴν Μικρὰν Ἀσίαν. Ἡ Λυκία [Κωνσταντινούπολις, 1894, № 226].—Въ этой статьѣ представляетъ интересъ описаніе мѣстечка въ Малой Азіи «Макри». Объ этомъ мѣстечкѣ написана статья еще въ 1882 г. Фертеклисомъ подъ заглавіемъ «Мѣстечко Макри» [въ газетѣ Ἁρμονία 1882, № 618].

В. М. Мистакидисъ, Ὁ τάφος τοῦ ἁγίου Θεοφάνους τῆς Σιγριανῆς ἐν Σαμοθράκῃ [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1894, т. XIV, стр. 242—243]. — Корреспонденція съ острова Самоѳраки врача Н. Фардиса. Корреспон-

въ Лондонѣ въ 1797 г. 3) Солнечная карта по сѣверной широтѣ Константинополя, составленная Николаемъ Кефала въ 1840 г. За этимъ описаніемъ въ статьѣ слѣдуетъ перечисленіе греческихъ книгъ, изданныхъ въ Венеціи съ 1551—1593 г. Изъ послѣднихъ о двухъ [ϑ′ и ια′] уже упомянулъ Legrand [Bibliogr. Hell.]. Остальныя не упомянутыя слѣдующія: 1) Минеи октября 1551 г. 2) Минеи сентября 1581 г. 3) Минеи октября 1581 г. 4) Минеи ноября 1581 г. 5) Минеи апрѣля 1587 г. и 6) Тріодій 1589 г.

Матвѣй К. Параникасъ, Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Πατριαρχικῆς Σχολῆς 1621—1691 [Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλλ. Φιλ. Σύλλ. т. XXV, стр. 49—56]— Авторъ этой статьи проф. Параника исправляетъ многочисленные промахи, встрѣчающіеся въ исторіи этой школы, составленной г. М. Гедеономъ, хотя послѣднее сочиненіе у него и не упоминается. Поправки съ документальными ссылками автора касаются, между прочимъ, установленія датъ о времени преподаванія въ этой школѣ Θеофила Коридалевса, Іо. Каріофилиса и другихъ бывшихъ въ ней преподавателей. Авторъ статьи говоритъ затѣмъ объ учрежденной Манолаки Касторіевсомъ въ 1661 г. въ Константинополѣ школѣ, въ которой проходился, между прочимъ, и полный курсъ философскихъ наукъ.

Мануилъ Гедеонъ, Πατριαρχικὴ Ἀκαδημία Κωνσταντινουπόλεως [Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλλ. Φιλ. Σύλλ., т. XXV, стр. 56—61].—Это есть филиппика, написанная г. Гедеономъ противъ проф. Параники. Въ ней авторъ старается, не приводя почти никакого убѣдительнаго доказательства, защищать свои промахи въ исторіи патріаршей школы [Академіи]. Было бы излишнимъ приводить здѣсь много примѣровъ для того, чтобы стало яснымъ, насколько не основательны утвержденія г. Гедеона, которыя онъ съ такими усердными усиліями старается защищать. Достаточно сказать, что, по его мнѣнію [стр. 57], константинопольскій патріархъ Ген. Схоларій возведенъ былъ на патріаршую каθедру въ 1454 г., а не въ 1553 г., несмотря на вполнѣ ясное свидѣтельство Критовула о противномъ. Затѣмъ онъ настаиваетъ на томъ, что написалъ въ Πατριαρχικοὶ Πίνακες [стр. 547 и 550] о патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ, именно, что первое его патріаршество относится къ 1612 г., а второе къ 1620 г., тогда какъ изъ многихъ источниковъ извѣстно, что патріархъ Кириллъ Лукарисъ въ 1612 г. былъ только мѣстоблюстителемъ вдовствующаго патріаршаго престола, при чемъ продолжалъ быть законнымъ патріархомъ александрійскаго престола. Кириллъ Лукарисъ впервые возведенъ на константинопольскій престолъ лишь въ 1620 г., а не въ 1621 г., какъ ошибочно показано въ Пинакахъ [стр. 550]. А что это такъ, видно изъ акта избранія [Димитракопулосъ Προσθῆκαι καὶ διορθώσεις. Ἐν Λειψίᾳ 1871, стр. 39]. Наконецъ, Гедеонъ настаиваетъ [стр. 58] на томъ, что Димитрій Кастриносъ былъ директоромъ патріаршей школы, несмотря на вѣскія доказательства г. Параники [Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλ., т. XIX, стр. 3] о противномъ и вполнѣ справедливое замѣчаніе, сдѣланное ему по этому поводу въ 1885 г. Леграномъ: «Manuel Gédéon... s'est demandé s'il ne pouvait

pas en faire un Directeur de la Grande École Nationale de C/ple. Sa réponse est affirmative; malheureusement, il n'apporte pas même l'ombre d'une preuve à l'appui de son assertion [Bibl. Hell. I, стр. CLXIV]. Патріаршая школа, по представленію г. Гедеона, въ XVI в. раздѣлялась на университетское отдѣленіе — факультетъ богословія и филологіи, и на приготовительную часть; между тѣмъ, по свидѣтельствамъ современнымъ ['Ελλ. Φιλ. Σύλλ., т. XX, стр. 2 — 5] патріархія въ это время содержала только приготовительную школу.

Матвѣй К. Параникасъ, Περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχικῆς Σχολῆς ['Ο ἐν Κ/πόλει 'Ελλ. Φιλ. Σύλλ., т. XXV, стр. 61 — 66].—Эта статья проф. Париники есть продолженіе предыдущей его статьи о той же школѣ. Вполнѣ основательно доказывая и въ этой статьѣ полную несостоятельность книги г. Гедеона, имѣющей своимъ предметомъ изслѣдованіе исторіи этой школы, проф. Пираника сообщаетъ намъ все то, что только извѣстно изъ исторіи этой школы съ 1453 до 1621 г.

Димосѳенъ Хавіарасъ, 'Η ὀρθόδοξος κοινότης τῆς νήσου Σύμης ['Ο ἐν Κ/πόλει 'Ελλην. Φιλολογ. Σύλλογος, т. XXV, стр. 155 — 161]. — Въ этой статьѣ сообщаются свѣдѣнія о греческихъ жителяхъ остр. Сими съ точки зрѣнія исторической и бытовой. Между прочимъ, говорится и о внутреннемъ управленіи острова подъ владычествомъ турокъ въ предшествующую эпоху и приводятся памятники прошлаго столѣтія (1707—1785 г.) въ родѣ духовныхъ завѣщаній и другихъ договорныхъ актовъ.

Михаилъ Кефаласъ, Ξενισμοὶ ἐν τῇ Ἁγίᾳ Γραφῇ ['Ο ἐν Κ/πόλει 'Ελλ. Φιλολογ. Σύλλογος, т. XXV, стр. 131—135]. — На основаніи изслѣдованій Winer'а и другихъ г. Кефала въ публичномъ засѣданіи Греческаго Силлога въ Константинополѣ прочиталъ лекцію объ элементахъ еврейскомъ, латинскомъ и арамейскомъ, встрѣчающихся въ языкѣ Ново-Завѣтнаго текста. Это сообщеніе г. Кефала помѣщено въ вышеуказанномъ томѣ того же Силлога.

М. К. Параникасъ, Περὶ τοῦ ἀκαθίστου ὕμνου ['Ο ἐν Κ/πόλει 'Ελλ. Φιλολ. Σύλλ., т. XXV, стр. 136—150].—Это изслѣдованіе акаѳиста со всѣхъ точекъ зрѣнія. Что касается до происхожденія его, то авторъ раздѣляетъ обычное мнѣніе, для подтвержденія котораго онъ прибѣгаетъ къ самому содержанію его. Авторъ изслѣдуетъ языкъ акаѳиста; что касается до его риѳма, то онъ считаетъ послѣдній παιωνικὸν ἀναπαιστικὸν μέτρον.

Александръ Евморфопулосъ, монахъ лавріотъ, 'Επίσημα βυζαντινὰ ἔγγραφα ['Ο ἐν Κ/πόλει 'Ελλ. Φιλ. Σύλλ., т. XXV, стр. 161—168].—Продолжая неутомимо свои розыски въ аѳонскомъ монастырѣ св. Лавры, этотъ выдающійся изъ монастырской братіи монахъ Александръ съ каждымъ днемъ сообщаетъ свѣту о результатахъ своихъ немаловажныхъ трудовъ. Намъ еще раньше приходилось вести рѣчь о многихъ статьяхъ іером. Александра, писанныхъ имъ на основаніи неизвѣстныхъ дотолѣ византійскихъ памятниковъ. Теперь же въ новой своей статьѣ іером. Александръ сообщаетъ новые документы византійской эпохи, именно:

1) Указъ императора Мануила [1405 г.] относительно освобожденія владѣній монастыря Лавры на остр. Лимнѣ отъ подати, называемой καπηλιώτου, наложенной имъ по поводу войны съ Андреемъ Асѣнемъ, и обязательства Лавры съ другой стороны доставлять извѣстное количество хлѣба, въ случаѣ недостатка въ послѣднемъ въ Константинополѣ. 2) Подробная вѣдомость относительно владѣній монастыря Лавры на о. Лимнѣ, сдѣланная графомъ Константиномъ Дзирапи [1414]. 3) Двѣ сдѣланныя тѣмъ же графомъ и чиновникомъ Василіемъ [1419] вѣдомости относительно колонистовъ въ этихъ владѣніяхъ Лавры. 4) Еще одна роспись владѣній того же монастыря въ г. Кассандріи сдѣланная Константиномъ Пергаминомъ и Георгіемъ Фарисеемъ чиновниками ѳемы Ѳессалоники [1421 г.]. 5) Наконецъ, одна вѣдомость о владѣніяхъ этого монастыря, расположенныхъ около г. Рентини. Вѣдомость эта сдѣлана Стефаномъ Дукою Радиномъ, Іоанномъ Радиномъ и Константиномъ Палеологомъ Малотомъ [1420 г.]. Всѣ эти документы представляютъ весьма большой интересъ какъ съ исторической, такъ и съ точки зрѣнія ономатологіи и географіи.

М. Афтентопулосъ, *Рецензія литературной коммиссіи о представленныхъ на зографскую премію памятникахъ современной греческой рѣчи* (Κρίσις τῆς φιλολογικῆς ἐπιτροπῆς ἐπὶ τῶν ὑποβληθέντων εἰς τὸν Ζωγράφειον ἀγῶνα ζώντων μνημείων τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης) [Ἑλλ. Φιλολ. Σύλλ., т. XXIV, стр. 86—92]. — **Дим. Мостратосъ**, *Рецензія* и т. д. [тамъ же, т. XXV, стр. 102—108].—Грекъ, банкиръ въ Парижѣ, г. Христаки Зографъ, ежегодно посылаетъ въ правленіе греческаго литературнаго Силлога въ Константинополѣ сто тур. лиръ [=850 р.] для того, чтобы эта сумма употреблялась въ качествѣ награды за десять лучшихъ изъ собраній матеріаловъ по греческому языку и быту греческаго народа, посылаемыхъ туда изъ разныхъ мѣстъ какъ турецкой Имперіи, такъ и свободной Греціи. Коммиссія нарочито избираемая для этого дѣла изучаетъ собранный ежегодно матеріалъ и черезъ одного изъ своихъ членовъ въ торжественномъ собраніи дня акта Силлога читаетъ отзывъ о немъ. Эта работа продолжается уже нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ собралось въ архивѣ Силлога множество подобнаго матеріала, изъ котораго, однако, къ сожалѣнію, очень мало до сихъ поръ выпущено въ свѣтъ. Сначала этотъ матеріалъ помѣщался въ издаваемомъ ежегодно отчетѣ Силлога. Потомъ тотъ же Зографъ взялъ на себя также издержки по печатанію по крайней мѣрѣ наилучшаго изъ собраннаго матеріала, именно собраній, которыя коммиссіи удостоивали наградъ. Въ 1891 году явился первый томъ этого труда [1]). Но съ тѣхъ поръ продолженія его, къ сожалѣнію, не послѣдовало. И такъ, мы лишаемся возможности познакомиться съ этимъ весьма интереснымъ и поучительнымъ матеріаломъ,

---

1) Ζωγράφειος ἀγών, ἤτοι μνημεῖα τῆς ἑλληνικῆς ἀρχαιότητος ζῶντα ἐν τῷ νῦν ἑλληνικῷ λαῷ. Τόμος Α'. Ἐν Κ/πόλει 1891, 4°, 484 стр.

накопившимся въ Силлогѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ. Очень желательно, чтобы щедрый жертвователь, г. Зографъ, продолжалъ начатое печатаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ число наградъ, такъ какъ вслѣдствіе ограниченныхъ средствъ послѣднихъ коммиссій приходится оставлять много весьма важныхъ трудовъ, осуждаемыхъ такимъ образомъ остаться на всегда въ неизвѣстности. Мы говоримъ это по собственному опыту, такъ какъ, состоя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ членомъ и секретаремъ рецензіонной коммиссіи при Силлогѣ, мы имѣли возможность убѣдиться, что въ распоряженіи послѣдней находится много достойнаго вниманія матеріала какъ по языку, такъ и по быту современныхъ грековъ. Насколько важенъ собираемый матеріалъ вышеуказаннаго рода читатель можетъ видѣть изъ простого пересмотра 32 сборниковъ, представленныхъ коммиссіи въ 1893 и 1894 гг. Рецензіи о нихъ читаны въ собраніи Силлога упомянутыми гг. Афтентопуломъ и Мостратомъ. Мы укажемъ только ихъ заглавія. Въ 1893 г. поступили слѣдующіе сборники: 1) Съ острова Карпаѳа лексическій матеріалъ, собранный Георгіемъ Хрисосу 2) Новый глоссарій острова Хіоса, составленный Константиномъ Канеллаки. 3) Собраніе народныхъ пѣсень изъ ѳракійскаго городка Малгара, сдѣланное Николаемъ Константиниди. 4) Собраніе 371 слова, употребляемаго только въ аѳонскихъ монастыряхъ, сдѣланное монахомъ Александромъ Лавріотомъ. 5) Глоссарій, поговорки и свѣдѣнія о бытѣ жителей городовъ Козани и Адріанополя, собранные Лаперіемъ Зику. 6) Лексическій матеріалъ, относящійся къ языку обитателей ѳракійскаго полуострова; поговорки, загадки, пѣсни, обычаи жителей городовъ Мадита, Каллиполя и другихъ деревень того же полуострова, собранные Апостоломъ Икономиди. 7) Лексическій матеріалъ, относящійся къ языку жителей острова Карпаѳа въ области пчеловодства, садоводства, винодѣлія, кораблестроенія, рыболовства, естественной исторіи, собранный священникомъ Іоанномъ Манолакаки. 8) Лексилогіонъ, относящійся къ области антропологіи, кораблестроенія, топографіи, составленный на основаніи языка жителей о. Карпаѳа Е. Таполакаки, братомъ вышеупомянутаго священника. 9) Басни и лексилогіонъ языка обитателей деревни Карагацъ, находящейся недалеко отъ Адріанополя, составленный Георгіемъ Константиниди. 10) Описаніе быта жителей острова Симы, сдѣланное Димосѳеномъ Хавіара. 11) Пѣсни изъ Каппадокіи и, въ особенности, изъ мѣстечка Апака иконійской епархіи, собранныя Хр. Н. Тургути и записанныя на мѣстномъ нарѣчіи. 12) Собраніе 800 словъ изъ языка жителей г. Гіюмусхане въ Малой Азіи, въ халдійской епархіи, сдѣланное Григоріемъ Пападопуло Зунтури. 13) Собраніе словъ изъ города Амиса въ Малой Азіи съ сопоставленіемъ ихъ съ языкомъ Гомера, сдѣланное анонимнымъ авторомъ. 14) Собраніе словъ и изрѣченій, употребляемыхъ въ халдійской епархіи Малой Азіи, отъ буквы А—К, сдѣланное К. Иліу. 15) Описаніе обычныхъ на островѣ Кастелоризѣ игръ, сдѣланное Ахиллеемъ Діамандара. 16) Собраніе народныхъ пѣсень, гаданій и словъ, употре-

бляемыхъ жителями о. Нисира, сдѣланное Георгіемъ Пападопуло. 17) Собраніе словъ и нѣсколькихъ басень изъ деревень кизикской епархіи, сдѣланное Панаіотомъ Макри. 18) Описаніе быта жителей эпирскаго города Парамиѳіи, сдѣланное Д. А. Панаіотиди.— Въ 1894 г. поступили слѣдующіе сборники 1) Глоссарій съ оборотами рѣчи жителей малоазійской епархіи Халдіи отъ буквы А до Л, составленный К. Иліу. 2) Разныя свѣдѣнія изъ области быта и обороты рѣчи жителей Понта, собранные А. Космиди. 3) Глоссарій городовъ Триполи и Амиса въ Малой Азіи неизвѣстнаго автора. 4) Глоссарій и обороты рѣчи Виѳиніи, собранные Панаіотомъ Макри. 5) Глоссарій и пословицы, употребляемыя жителями кизикскаго полуострова, собранныя Менелаемъ Филанѳиди. 6) Басни и глоссарій языка обитателей города Адріанополя, составленные Георгіемъ Константиниди. 7) Описаніе ѳракійскаго мѣстечка Скопа и свѣдѣнія о бытѣ жителей его, собранныя А. Христиди. 8) Образованіе словъ и оборотовъ ѳракійскаго говора съ поясненіями Константина Куртиди. 9) Глоссарій языка жителей г. Мадита, пословицы и загадки употребляемыя въ г. Дарданеллахъ (Турецк. Цанакале), собранныя Апостоломъ Икономиди. 10) Глоссарій, пѣсни и загадки, употребляемыя на островѣ Тиллѣ, собранныя Георгіемъ Антонія. 11) Глоссарій, пословицы, употребляемыя на островѣ Калимнѣ, собранныя Михаиломъ Калавру. 12) Пѣсни и народныя литературныя произведенія, существующія на о. Карпаѳѣ, собранныя священникомъ Іоанномъ Манолакаки. 13) Нравы и обычаи жителей о. Карпаѳа, описанные Е. Манолакаки. 14) Свѣдѣнія о бытѣ, пѣсни, пословицы и т. п. эпирскаго города Ѳеспротіи, собранныя Д. А. Панаіотиди. Оканчивая перечисленіе присланныхъ въ 1893 и 1894 гг. Греческому Силлогу трудовъ, мы повторяемъ тоже пожеланіе о приведеніи всего этого драгоцѣннаго матеріала въ извѣстность посредствомъ печати. Только въ такомъ случаѣ возможно будетъ между прочимъ и составленіе полнаго по возможности словаря византійскаго языка съ указаніемъ разныхъ мѣстныхъ словоупотребленій.

Эпаминондъ К. Метаксасъ, Ἱστορία τῆς οἰκογενείας Μεταξᾶ ἀπὸ τοῦ 1081 μέχρι τοῦ 1864 ἔτους. Ἐν Ἀθήναις 1893, 8°, стр. δ'+276.— Эта книга очень важна при ознакомленіи съ новѣйшею исторіею Греціи, въ виду той большой роли, которую игралъ въ ней родъ Метакса. Самъ составитель книги г. Э. Метакса, принадлежащій къ этому историческому роду, постарался собрать и привести въ порядокъ всѣ извѣстныя свѣдѣнія, имѣющія соприкосновеніе съ его задачею. Относительно происхожденія фамиліи Метакса авторъ предполагаетъ, что она явилась во время Юстиніана и что ею, въ видѣ царской милости, послѣднимъ наименована семья, изъ которой происходили монахи, вводившіе въ Византію шелководство, или что названъ такъ какой нибудь купеческій домъ, занимавшійся торговлею шелкомъ. Въ 1081 г. впервые встрѣчается представитель этой фамиліи въ лицѣ важнаго при византійскомъ дворцѣ духовнаго

лица. Въ другой разъ встрѣчается эта фамилія въ XV в., именно, упоминается Маркъ Антоній Метакса, который сражался вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ VII Палеологомъ при взятіи турками Константинополя, и который по паденіи города съ своимъ семействомъ убѣжалъ на о. Критъ, откуда потомъ переѣхалъ на островъ іонійскаго архипелага Кефаллинію. Здѣсь онъ поселился и пріобрѣлъ мѣсто, на которомъ впослѣдствіи образовалось село, нынѣ называемое Метаксата. Авторомъ перечисляются всѣ наслѣдники Антонія Метакса и говорится, что о нихъ извѣстно. Около конца XVI вѣка Никодимъ Метакса, принадлежащій къ этому роду, сдѣлался кефаллинскимъ епископомъ [1591—1601 г.], а другимъ, соименнымъ ему — монахомъ, открыта въ Лондонѣ греческая типографія, которая потомъ въ 1627 г. перенесена была въ Константинополь Эта типографія, впервые явившаяся тогда въ этомъ городѣ, покровительствуемая Англіей, просуществовала очень недолго — до 1628 г., когда она была закрыта турецкою властью, побуждаемою іезуитами. Типографія монаха Никодима Метакса оставила по себѣ слѣды въ исторіи изданіемъ книгъ на греческомъ языкѣ противъ Латинянъ. Константинопольская патріархія въ вознагражденіе усердія монаха Никодима, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и очень хорошимъ проповѣдникомъ, возвела его въ санъ архіепископа о. Кефаллиніи, гдѣ онъ прожилъ до 1646 г. Другіе члены, принадлежавшіе тому же роду, играли въ исторіи очень видную роль во время венеціанскаго владычества надъ іонійскими островами, какъ въ политикѣ такъ и въ военномъ дѣлѣ во время возстанія грековъ. Повторяемъ, что занимающіеся новѣйшею исторіею Греціи найдутъ въ книгѣ г. Э. Метакса много очень полезныхъ свѣдѣній и документовъ.

Фридерикъ Албанасъ, Περὶ τῶν ἐν Κερκύρᾳ τίτλων εὐγενείας καὶ περὶ τῶν τιμαρίων. Ἐν Κερκύρα, τυπογραφεῖον «Ἑρμῆς», 1894.— Съ этою новою книгою я знакомъ только по заглавію ея, прочитанному мною въ одной греческой газетѣ. Судя по заглавію, авторъ этого сочиненія излагаетъ исторію феодъ и титуловъ благородства на островѣ Керкирѣ.

Андрей К. Франгидисъ, Ἡ νῆσος Σῦρος ὑπὸ τοπογραφικὴν, κλιματολογικὴν καὶ ἰατρικὴν ἔποψιν. Ἐν Ἑρμουπόλει. Ἐκ τοῦ τυπογραφείου καὶ βιβλιοπωλείου Ε. Βελλοπούλου, 1894.— И эта книга также мнѣ извѣстна только изъ одной греческой газеты.

Іоаннъ Чикопулосъ, Σκέψεις περὶ τῆς σπουδῆς τῆς καθ' ἡμᾶς δημώδους γλώσσης [Νεολόγος, 1895, № 7615—16, стр. 3].— Сообщаетъ общія свѣдѣнія относительно существующихъ до сихъ поръ собраній новогреческихъ словъ и указываетъ на необходимость составленія на основаніи этихъ собраній словаря живаго новогреческаго языка.

Анастасій И. Зака, Περὶ τῆς ἀρχῆς τῆς λέξεως τράχωμα [Νεολόγος, 1895, № 7606, стр. 5].— Приводитъ новогреческое слово τράχωμα, означающее приданое деньгами, которое невѣста даетъ жениху. Д. Камбуроглу [Ἑβδομάς, 1894, стр. 161—167] высказывалъ мнѣніе, что это

бляемыхъ жителями о. Нисира, сдѣланное Георгіемъ Пападопуло. 17) Собраніе словъ и нѣсколькихъ басень изъ деревень кизикской епархіи, сдѣланное Панаіотомъ Макри. 18) Описаніе быта жителей эпирскаго города Парамиѳіи, сдѣланное Д. А. Панаіотиди.— Въ 1894 г. поступили слѣдующіе сборники 1) Глоссарій съ оборотами рѣчи жителей малоазійской епархіи Халдіи отъ буквы А до Л, составленный К. Иліу. 2) Разныя свѣдѣнія изъ области быта и обороты рѣчи жителей Понта, собранные А. Космиди. 3) Глоссарій городовъ Триполи и Амиса въ Малой Азіи неизвѣстнаго автора. 4) Глоссарій и обороты рѣчи Виѳиніи, собранные Панаіотомъ Макри. 5) Глоссарій и пословицы, употребляемыя жителями кизикскаго полуострова, собранныя Менелаемъ Филанѳиди. 6) Басни и глоссарій языка обитателей города Адріанополя, составленные Георгіемъ Константиниди. 7) Описаніе ѳракійскаго мѣстечка Скопа и свѣдѣнія о бытѣ жителей его, собранныя А. Христиди. 8) Образованіе словъ и оборотовъ ѳракійскаго говора съ поясненіями Константина Куртиди. 9) Глоссарій языка жителей г. Мадита, пословицы и загадки употребляемыя въ г. Дарданеллахъ (Турецк. Цанакале), собранныя Апостоломъ Икономиди. 10) Глоссарій, пѣсни и загадки, употребляемыя на островѣ Тиллѣ, собранныя Георгіемъ Антонія. 11) Глоссарій, пословицы, употребляемыя на островѣ Калимнѣ, собранныя Михаиломъ Калавру. 12) Пѣсни и народныя литературныя произведенія, существующія на о. Карпаѳѣ, собранныя священникомъ Іоанномъ Манолакаки. 13) Нравы и обычаи жителей о. Карпаѳа, описанные Е. Манолакаки. 14) Свѣдѣнія о бытѣ, пѣсни, пословицы и т. п. эпирскаго города Ѳеспротіи, собранныя Д. А. Панаіотиди. Оканчивая перечисленіе присланныхъ въ 1893 и 1894 гг. Греческому Силлогу трудовъ, мы повторяемъ тоже пожеланіе о приведеніи всего этого драгоцѣннаго матеріала въ извѣстность посредствомъ печати. Только въ такомъ случаѣ возможно будетъ между прочимъ и составленіе полнаго по возможности словаря византійскаго языка съ указаніемъ разныхъ мѣстныхъ словоупотребленій.

Эпаминондъ К. Метаксасъ, Ἱστορία τῆς οἰκογενείας Μεταξᾶ ἀπὸ τοῦ 1081 μέχρι τοῦ 1864 ἔτους. Ἐν Ἀθήναις 1893, 8°, стр. δ'+276.— Эта книга очень важна при ознакомленіи съ новѣйшею исторіею Греціи въ виду той большой роли, которую игралъ въ ней родъ Метакса. Самъ составитель книги г. Э. Метакса, принадлежащій къ этому историческому роду, постарался собрать и привести въ порядокъ всѣ извѣстныя свѣдѣнія, имѣющія соприкосновеніе съ его задачею. Относительно происхожденія фамиліи Метакса авторъ предполагаетъ, что она явилась во время Юстиніана и что ею, въ видѣ царской милости, послѣднимъ наименована семья, изъ которой происходили монахи, вводившіе въ Византію шелководство, или что названъ такъ какой нибудь купеческій домъ, занимавшійся торговлею шелкомъ. Въ 1081 г. впервые встрѣчается представитель этой фамиліи въ лицѣ важнаго при византійскомъ дворцѣ духовнаго

лица. Въ другой разъ встрѣчается эта фамилія въ XV в., именно, упоминается Маркъ Антоній Метакса, который сражался вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ VII Палеологомъ при взятіи турками Константинополя, и который по паденіи города съ своимъ семействомъ убѣжалъ на о. Критъ, откуда потомъ переѣхалъ на островъ іонійскаго архипелага Кефаллинію. Здѣсь онъ поселился и пріобрѣлъ мѣсто, на которомъ впослѣдствіи образовалось село, нынѣ называемое Метаксата. Авторомъ перечисляются всѣ наслѣдники Антонія Метакса и говорится, что о нихъ извѣстно. Около конца XVI вѣка Никодимъ Метакса, принадлежащій къ этому роду, сдѣлался кефаллинскимъ епископомъ [1591—1601 г.], а другимъ, соименнымъ ему — монахомъ, открыта въ Лондонѣ греческая типографія, которая потомъ въ 1627 г. перенесена была въ Константинополь Эта типографія, впервые явившаяся тогда въ этомъ городѣ, покровительствуемая Англіей, просуществовала очень недолго — до 1628 г., когда она была закрыта турецкою властью, побуждаемою іезуитами. Типографія монаха Никодима Метакса оставила по себѣ слѣды въ исторіи изданіемъ книгъ на греческомъ языкѣ противъ Латинянъ. Константинопольская патріархія въ вознагражденіе усердія монаха Никодима, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и очень хорошимъ проповѣдникомъ, возвела его въ санъ архіепископа о. Кефаллиніи, гдѣ онъ прожилъ до 1646 г. Другіе члены, принадлежавшіе тому же роду, играли въ исторіи очень видную роль во время венеціанскаго владычества надъ іонійскими островами, какъ въ политикѣ такъ и въ военномъ дѣлѣ во время возстанія грековъ. Повторяемъ, что занимающіеся новѣйшею исторіею Греціи найдутъ въ книгѣ г. Э. Метакса много очень полезныхъ свѣдѣній и документовъ.

Фридерикъ Албанасъ, Περὶ τῶν ἐν Κερκύρᾳ τίτλων εὐγενείας καὶ περὶ τῶν τιμαρίων. Ἐν Κερκύρα, τυπογραφεῖον «Ἑρμῆς», 1894.— Съ этою новою книгою я знакомъ только по заглавію ея, прочитанному мною въ одной греческой газетѣ. Судя по заглавію, авторъ этого сочиненія излагаетъ исторію феодъ и титуловъ благородства на островѣ Керкирѣ.

Андрей К. Франгидисъ, Ἡ νῆσος Σῦρος ὑπὸ τοπογραφικὴν, κλιματολογικὴν καὶ ἰατρικὴν ἔποψιν. Ἐν Ἑρμουπόλει. Ἐκ τοῦ τυπογραφείου καὶ βιβλιοπωλείου Ε. Βελλοπούλου, 1894.— И эта книга также мнѣ извѣстна только изъ одной греческой газеты.

Іоаннъ Чикопулосъ, Σκέψεις περὶ τῆς σπουδῆς τῆς καθ' ἡμᾶς δημώδους γλώσσης [Νεολόγος, 1895, № 7615—16, стр. 3].— Сообщаетъ общія свѣдѣнія относительно существующихъ до сихъ поръ собраній новогреческихъ словъ и указываетъ на необходимость составленія на основаніи этихъ собраній словаря живаго новогреческаго языка.

Анастасій И. Зака, Περὶ τῆς ἀρχῆς τῆς λέξεως τράχωμα [Νεολόγος, 1895, № 7606, стр. 5].— Приводитъ новогреческое слово τράχωμα, означающее приданое деньгами, которое невѣста даетъ жениху. Д. Камбуроглу [Ἑβδομάς, 1894, стр. 161—167] высказывалъ мнѣніе, что это

слово происходитъ отъ латинскаго traho. По мнѣнію же автора настоящей замѣтки, τράχωμα происходитъ отъ слова τάρχος, встрѣчающагося у Исихія и означающаго похоронную церемонію. Какъ древнегреческое ὀψίκιον измѣнилось въ новогреческое ψίκι и получило значеніе свадебнаго празднества, такъ, по мнѣнію г. Зака, и τάρχος, измѣнившись со временемъ въ τάρχωμα или τράχωμα, должно было вмѣсто первоначальнаго своего значенія въ древнегреческомъ языкѣ получить новое значеніе въ новогреческомъ. **А. И. Пападопуло-Керамевсъ.**

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Д. Страшимировъ, До Света Гора (Въ Святую Гору, т. е. На Аѳонъ), въ «Библиотека», кн. VII—IX. Пловдивъ (Филиппополь). 1895.

Статья г. Страшимирова помѣщена въ 3-хъ книжкахъ болгарскаго журнала «Библіотека», издающагося въ Константинополѣ и Филиппополѣ, какъ безплатное приложеніе къ Константинопольской болгарской газетѣ «Новинич». Она не представляетъ цѣльнаго очерка объ Аѳонской горѣ въ одномъ какомъ-либо отношеніи; это скорѣе замѣтки туриста, тѣмъ не менѣе представляющія очень много интереснаго по географіи и исторіи Аѳона и по даннымъ относительно народнаго взгляда на Святую гору. Г. Страшимировъ совершилъ свой путь на Аѳонъ по суху изъ Сереза, или, иначе говоря, по дорогѣ, мало изслѣдованной, хотя давно извѣстной отчасти и нашимъ старымъ путешественникамъ на Святую гору; до нея онъ проѣхалъ чрезъ городокъ Нигриту, мимо селъ Бони, извѣстнаго Суха, населеніе котораго сохраняетъ до сего времени носовые звуки, чрезъ Маслалъ, мимо стариннаго монастыря св. Николая, церкви св. Марины, основаніе которой связано съ чудомъ о чинарѣ росшемъ на мѣстѣ церкви, чрезъ озеро Бешикъ или Тахиносъ, сельцо Моди, находящееся уже на Халкидскомъ полуостровѣ, мѣстечко Варвара, городокъ Изворъ, извѣстный какъ и въ средніе вѣка, такъ и нынѣ разработкою желѣзной руды, и наконецъ послѣдній предъ святогорскими монастырями городокъ Ерисо, средневѣковый Іерисосъ, который почему-то г. Страшимировъ называетъ Херсономъ. Не отъ Херисосъ ли? Но есть ли такая форма этого названія? По дорогѣ онъ отмѣчаетъ составъ населенія пройденныхъ имъ населенныхъ пунктовъ, а также и близъ лежащихъ и отчасти окрестныхъ, и указываетъ на неточность лучшей современной карты Болгаріи и сопредѣльныхъ краевъ, изданной болгарскимъ филиппопольскимъ книгопродавцемъ Хр. Дановымъ, а слѣдовательно и карты австрійскаго генеральнаго штаба, по которой указанныя мѣста нанесены на болгарскую карту. Кромѣ этого, онъ помѣчаетъ и нѣкоторые мѣстные обычаи и иногда и преданія.

Первый посѣщенный г. Страшимировымъ монашескій пунктъ на Аѳонѣ былъ метохъ или подворье Хиландарскаго монастыря, нѣкогда сербскаго,

а нынѣ болгарскаго, и потому въ метохѣ встрѣтили нашего путешественника болгары-монахи. Г. Страшимировъ, видно, не особенно хорошо знакомъ съ исторіею аѳонскихъ монастырей, и потому думаетъ, что Хиландарь съ самаго начала былъ болгарскимъ. За то тутъ онъ даетъ намъ, хотя краткое, но рельефное описаніе формы аѳонскаго метоха, сохранившейся на Аѳонѣ, несомнѣнно, съ самыхъ старыхъ временъ. Нужно здѣсь отмѣтить и то, что онъ съ самаго вступленія своего на аѳонскую территорію весьма усердно живописуетъ аѳонскую природу и на каждомъ шагу аѳонскіе обычаи, иногда не безъ подробностей, но и не безъ ошибокъ. Такъ онъ въ разсказѣ о Хиландарскомъ метохѣ говоритъ, что всѣ молодые монахи, какъ только поступаютъ въ монастырь, первымъ дѣломъ должны учиться по гречески въ Кареѣ. Очевидно, онъ здѣсь разумѣетъ аѳонскіе славянскіе монастыри. О молодыхъ монахахъ онъ говоритъ не точно. Далеко не всѣхъ ихъ славянскіе монастыри посылаютъ учиться по гречески, а только нѣкоторыхъ, и не тотчасъ по поступленіи въ монастырь, а по постриженіи. Съ полнымъ увлеченіемъ восхищаясь аѳонскою природою, онъ не безъ основанія говоритъ: «Ясный здоровый воздухъ и густой иглистый (т. е. хвойный) лѣсъ образовали свою царственную природу, уединеніе стало святынею».

Первые отъ метоха славянскіе монастыри суть Зографъ и Хиландарь; изъ нихъ г. Страшимировъ посѣтилъ сперва послѣдній, а потомъ первый. Здѣсь между прочимъ бросается въ глаза рядъ интересныхъ свѣдѣній о современныхъ старцахъ и другихъ лицахъ монастырей. Говоря о зографцахъ, онъ отмѣчаетъ, что одинъ изъ нихъ, о. Каллистратъ, перевелъ на церковнославянскій языкъ службы свв. Климента и Наума, и при этомъ г. Страшимировъ припоминаетъ, что онъ видѣлъ въ г. Стругѣ на берегу Охридскаго озера старославянскій переводъ службы св. Клименту, — фактъ, до сего времени неизвѣстный. Изъ Зографа нашъ путешественникъ поѣхалъ въ аѳонскій городокъ Карею и здѣсь описываетъ нѣкоторые его нравы; изъ Кареи же въ русскій Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ и кончается его путешествіе по Аѳону.

ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Fr. Radić, Hrvatsko-bizantinske nadstupine Prvoga muzeja hrvatskih spomenika (Фр. Радичъ, Хорватско-византійскіе капители на столбахъ въ первомъ музеѣ хорватскихъ памятниковъ) въ Starohrvatska Prosvjeta, годъ I, вып. 4. U Kninu. 1895.

Въ этомъ очеркѣ, еще неоконченномъ, г. Радичъ, учитель на о. Корчулѣ (Curzola) и секретарь молодаго «Перваго музея хорватскихъ памятниковъ» въ Книнѣ (въ Далмаціи), описываетъ рядъ капительныхъ остатковъ отъ колоннъ, найденныхъ въ мѣстности «Бискупія» недалеко отъ Книна, носящей такое названіе отъ того, что здѣсь была стольная церковь католическаго хорватскаго архіепископа. По рисунку и стилю г. Радичъ считаетъ капители византійско-хорватскими. **П. Сырку.**

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Г. Халатьянцъ, Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Часть I. Изслѣдованія. Часть II. Матеріалы. Москва, 1896. 8°. Цѣна 3 руб.

Епископъ Арсеній, Святаго Григорія Паламы, митрополита солунскаго, три творенія, доселѣ не бывшія изданными: а) Посланіе къ монахамъ Іоанну и Θеодору; б) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ пятую недѣлю, на слово Лук. 16, 19; в) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ шестую недѣлю, на слово Лук. 8, 27. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ, 1895.

Епископъ Арсеній, Георгія Схоларія сочненіе. Новый мыслитель. Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ, 1896.

Православный Палестинскій Сборникъ. 43-й выпускъ. Спб. 1895. Н. Каптеревъ. Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія.

Палестинскій Патерикъ. Вып. 8. Житіе иже во святыхъ отца нашего Аввы Θеодосія Киновіарха. Перев. И. Помяловскаго.

В. Рѣдинъ, Мозаики IV и V вѣковъ. Д. В. Айналовъ. (Отд. отт. изъ Археол. Изв. и замѣт. 1895 г., №№ 9—10).

J. J. Tikkanen, Die Psalterillustration in Mittelalter. Bd. I. H. 1. Byzantinische Psalterillustration. Mönchisch-theologische Redaction. Mit 6 Tafeln und 87 Textillustrationen. Helsingfors. 1895. 4°.

Lic. Dr. Johannces Kunze, Marcus Eremita. Ein neuer Zeuge für das altkirchliche Taufbekentniss. Eine Monographie zur Geschichte des Apostolikums. Mit einer kürzlich entdeckten Schrift des Marcus. Leipzig, Dörffling und Francke. 1895. 8°.

Georg Wentzel, Die Griechische Uebersetzung der viri inlustres des Hieronymus. Leipzig, J. C. Hinrichs 1895. 8°. Цѣна 2 марки.

Anton Seitz, Dr. theol., Die Apologie des Christenthums bei den Griechen des IV. und V. Jahrhunderts in historisch-systematischer Darstellung. Von der theologischen Facultät in Würzburg gekrönte Preisschrift. Würzburg. 1895. 8°.

J. Van den Gheyn, Le Synaxaire de Sirmond. Bruxelles 1895. (Отд. отт. изъ Analecta Bollandiana XIV).

A. Lapôtre, S. I., L'Europe et le Saint-Siège à l'époque Carolingienne. Première partie. Le pape Jean VIII (872—882). Paris, Alphonse Picard et fils. 1895. 8°.

Gabriel Millet, Mosaîque de Daphni. Adoration des mages—Anastasis. Paris, Ernest Leroux 1896. 4°. (Отд. отт. изъ Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscr. et Belles-Lettres. 1896, fasc. 1).

Gabriel Millet, Quelques représentations byzantines de la salutation angélique. (Оттиски изъ Bulletin de correspondance hellénique 1895).

Ів. Франко, Варлаам і Йоасаф. Старохристияньский духовный роман і его літературна історія. Додаток: Рисунки и пробы тексту із крехівського рукопису XVI в. У Львові 1895. (Записки Наукового Товариищества імени Шевченка, т. VII).

Архимандрита Нићифора Dучића Књижевни Радови. Книги 4. Биоград. 1895. Цијена $2^1/_2$ дин. 1. Моногафија Хиландара. 2. Хронограф житомишљићски. 3. Крмчија морачка. 4. Посланица Генадија II, патријарха цариградског синајским калуђерима. 5. Три листине.

Νικόλαος Γεωργιάδης, Θεσσαλία. Ἐν Βώλῳ. 1894. 8°.

Γεωργίου Ν. Χατζιδάκι, Περὶ τοῦ ἑλληνισμοῦ τῶν ἀρχαίων Μακεδόνων. Ἀθήνησιν. 1896. 8°. (Отд. отт. изъ Ἀθηνᾶ, т. VIII).

Ioan Bogdan, Cronice inedite atingătoare de istoria Romînilor. Bucureștĭ, libr. Socecŭ & Comp. 1895. Цѣна 4 фр.

ОТДѢЛЪ III.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. 26 февраля Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ отпраздновалъ первую годовщину своего существованія торжественнымъ засѣданіемъ, которое было открыто почетнымъ попечителемъ Института, нашимъ посломъ при Портѣ А. И. Нелидовымъ. Въ краткой привѣтственной рѣчи предсѣдательствующій выразилъ признательность ученому руководителю Института, съумѣвшему скоро и твердо поставить на ноги новое учрежденіе, такъ что оно теперь же можетъ быть признано достойнымъ членомъ въ ряду болѣе раннихъ подобныхъ учрежденій другихъ націй и уже представило хорошія ручательства будущей плодотворной дѣятельности въ области археологическихъ изслѣдованій и преимущественно изученія Византіи; вмѣстѣ съ тѣмъ Институтъ внесъ замѣтное оживленіе въ сферу умственныхъ интересовъ мѣстной русской колоніи, сдѣлался какъ бы ея духовнымъ центромъ. Затѣмъ послѣдовала рѣчь директора Института, проф. Ѳ. И. Успенскаго, продолжавшаяся болѣе часу и выслушанная съ неослабѣвающимъ вниманіемъ всѣми присутствующими. Содержаніемъ ея служитъ вопросъ о внутреннихъ основаніяхъ раздѣленія Римской имперіи на двѣ половины — Восточную и Западную и вмѣстѣ съ тѣмъ о причинахъ различной судьбы той и другой — скораго разрушенія Западной имперіи и тысячелѣтняго существованія послѣ того Восточной. Нужно надѣяться, что рѣчь въ скоромъ времени будетъ напечатана и что въ слѣдующей книжкѣ Временника мы будемъ имѣть возможность познакомить съ нею ближе нашихъ читателей. Далѣе послѣдовалъ отчетъ о дѣятельности Института за первый годъ его существованія, прочитанный секретаремъ Института Погодинымъ. Главный трудъ состоялъ въ организаціи новаго учрежденія. Институтъ въ настоящее время обладаетъ обширною библіотекой, состоящею изъ сочиненій, касающихся исторіи Византіи, частью принесенныхъ въ даръ, частью купленныхъ. Русскій Отдѣлъ представляетъ кромѣ того богатое собраніе разныхъ научныхъ сочиненій, въ которыхъ въ Константинополѣ вообще ощущался недостатокъ. Библіотека состояла къ 1 января 1896 г. изъ

6112 томовъ, стоимость которыхъ достигаетъ 17,000 руб., изъ нихъ 7847 руб. 81 коп. покрыты изъ средствъ Института. Отвлекаемый другими работами, Институтъ пока довольствуется основаніемъ археологическаго кабинета, а не настоящаго музея. Главный интересъ здѣсь заключается въ собраніи монетъ и византійскихъ свинцовыхъ буллъ, которое уже теперь довольно значительно. Въ общемъ коллекція состоитъ изъ 2292 предметовъ, изъ нихъ 1522 монеты и 380 свинцовыхъ буллъ. Въ теченіе перваго года предприняты были три научныхъ экскурсіи. Весною 1895 г. Директоръ Института предпринялъ путешествіе вдоль южнаго берега Чернаго моря для осмотра археологически интересныхъ мѣстностей, какъ напр. Синопа и Трапезунта, и для изслѣдованія мѣстныхъ монастырей и ихъ библіотекъ. Для сношеній съ другими археологическими Институтами въ Аѳинахъ и для ознакомленія съ послѣдними раскопками туда и въ Дельфы былъ командированъ секретарь Института Погодинъ. Осенью Директоръ Института, въ сопровожденіи прикомандированныхъ къ нему Б. А. Панченко и О. Ф. Вульфа, посѣтилъ Аѳонъ, гдѣ пробылъ шесть недѣль. Тамъ имъ посчастливилось сдѣлать нѣсколько литературныхъ находокъ, которыя будутъ напечатаны въ предстоящихъ изданіяхъ Института. Въ первомъ выпускѣ появится поэтическое описаніе Константинополя, принадлежащее священнику Константину Родіосу въ X вѣкѣ. Изученіе библіотекъ монастырей сопровождалось археологическимъ изслѣдованіемъ художественныхъ памятниковъ Св. Горы, гдѣ Институту открылось большое поле дѣятельности. Въ разныхъ другихъ направленіяхъ были завязаны отношенія во всѣхъ частяхъ турецкой имперіи при помощи русскихъ консуловъ, отъ которыхъ получено не мало полезныхъ свѣдѣній. Они оказали поддержку также и члену Института Я. И. Смирнову въ его путешествіяхъ по Македоніи, Эпиру, Малой Азіи и на Кипръ. Зимою въ Институтѣ были собранія каждыя 2—3 недѣли. — По окончаніи Отчета, Директоръ Института сообщилъ имена вновь избранныхъ членовъ, послѣ чего почетный попечитель объявилъ собраніе закрытымъ.

Эллинскій Филологическій силлогъ въ Константинополѣ. Январь—Іюнь 1895 года (по газетѣ Κωνσταντινούπολις).

3 февраля Анонимныя нападки неизвѣстнаго на рѣчь, произнесенную въ Силлогѣ (по поводу исторіи обряда врученія посоха вновь избраннымъ вселенскимъ патріархамъ) М. Гедеономъ. Рѣчь эта заключала будто бы намеки на высокопоставленную церковную особу (нынѣшняго, тогда вновь избраннаго, патріарха Аѳима VII ?). Здѣсь же письмо М. Гедеона къ Николаиду, отрицающее всякіе намеки въ рѣчи на современниковъ.

4 февр. Новое письмо М. Гедеона въ редакцію противъ порицателя. Авторъ утверждаетъ, что его сообщеніе было чисто историческаго характера и ссылается на присутствовавшихъ въ собраніи Паритса и Караванкела, съ которымъ у него произошелъ послѣ чтенія нѣкоторый споръ, причемъ послѣдній указывалъ на правило 2-го Вселенскаго со-

бора о томъ, что избраніе и нареченіе Константинопольскаго патріарха производитъ митрополитъ Ираклеи, а Гедеонъ публично предлагалъ ему 10 лиръ, если онъ укажетъ ему такое правило.

7 февраля. Опроверженіе отъ лица Силлога, что въ засѣданіи 29 января произносились какіе-либо намеки на современныхъ лицъ и событія. Тема доклада Гедеона была: историческія свидѣтельства объ избраніяхъ патріарховъ Константинопольскихъ отъ 325 до 1845 г. по Р. Хр.—Тутъ же длинная историческая справка архим. Караванкела по тому же вопросу. Она написана въ дружественномъ Гедеону тонѣ, но тѣмъ не менѣе упрекаетъ его въ извращеніи и невѣрномъ изложеніи сущности ихъ спора послѣ доклада. Караванкелъ доказывалъ, что до 2-го вселенскаго собора (381 г. по Р. Хр.) Константинополь былъ простою епископіею, зависѣвшею отъ митрополита Ираклеи (Перинѳа) и постановленіемъ 2-го собора, которое было авторомъ дословно приведено въ засѣданіи, былъ отдѣленъ отъ Ираклеи и сдѣланъ второю по старшинству послѣ Рима каѳедрою. Это авторъ справки доказываетъ рядомъ ссылокъ на источники. Это то отрицалъ, по его словамъ, Гедеонъ и за одно указаніе на первоначальную зависимость Византіи отъ Ираклеи въ церковномъ отношеніи предлагалъ 10 лиръ. Авторъ не желаетъ пользоваться своею побѣдою и съ своей стороны готовъ сжечь свой дипломъ доктора Богословія, если Гедеонъ представитъ хоть одно, хоть позднее свидѣтельство, говорящее, что Византія не была нѣкогда простою епископіею, зависившею отъ Ираклеи. Отъ этой-то первоначальной зависимости и идетъ обычай, что именно митрополитъ Ираклеи вручаетъ вновь избранному патріарху Константинопольскому патріаршій жезлъ. Всѣ приведенные Гедеономъ примѣры противнаго, Караванкелъ подробно разсматриваетъ и доказываетъ, что они суть исключенія. Во всѣ эти моменты обрядъ врученія жезла совершалъ какой либо другой митрополитъ, потому что митрополитъ Ираклеи либо былъ боленъ, либо въ императорской немилости, либо недавно умеръ и т. п. (Оказывается, что и вновь избранному патріарху Анѳиму VII жезлъ долженъ былъ быть переданъ не митрополитомъ Ираклеи за старостью и болѣзнью его, а митрополитомъ Кесаріи. Такимъ образомъ ясно о какихъ намекахъ говорилось въ предшествующихъ письмахъ).

На 16-е число объявлены въ Силлогѣ рефераты: Автентопуло «Обученіе языку изъ устъ матери и въ школѣ». Онъ же: «Языкъ и школа». На 19-е—Пантазиди: «О бракѣ».

4 марта. Извѣстіе изъ Аѳинъ относительно обращенія вниманія со стороны археологическаго общества на византійскія стѣнописи въ Мистрѣ близъ Спарты (см. ниже отчетъ г. Милле).

13—18 марта. К. Метакса: «Изъ Бомбея въ Константинополь». Рефератъ, читанный въ Силлогѣ 9 марта. Не содержитъ ничего касающагося Византіи.

На 9-е апрѣля въ Силлогѣ назначенъ рефератъ Валсамакиса «о градѣ (физич. явл.).

На 10-е число А. Лавріота «о Мануилѣ Мосхопулѣ».

20-го апрѣля. Рефератъ проф. падуанскаго университета Де-Джованни «о нервныхъ страданіяхъ».

На 23-е Г. Пахтика «о древнегреческой музыкѣ». (Напечатанъ въ № отъ 26-го. Относится къ античной эпохѣ.).

На 24-е. «Къ исторіи Ѳеспротіи въ средніе вѣка, рефератъ, присланный Д. Панаіотиды, врачемъ въ Парамиѳіи.

На 8-е мая назначено въ Силлогѣ чтеніе реферата, присланнаго изъ С.-Петербурга А. И. Пападопуло-Керамевсомъ «о Никитѣ, митрополитѣ Халкидонскомъ».

На 18 мая рефератъ Ю. Скалцуни «О душѣ и согласованіи христіанской религіи съ наукой».

На 21 мая назначено торжественное собраніе по случаю 34-й годовщины Силлога. Будетъ прочитанъ отчетъ за минувшій годъ, а новый предсѣдатель Силлога Ан. Христидисъ прочтетъ «О значеніи греческой литературы въ эпоху Возрожденія». Этотъ праздникъ съ внѣшней стороны описывается въ № 23 мая газеты Κωνσταντινούπολις.

29 мая рефератъ д-ра филологіи Иліи Диссарита «О городѣ Корицѣ (Κορυτσᾶ), правописаніи его имени и исторіи его церковнаго управленія». Корица съ эпохи Ѳеодосія В. составляла часть Новаго Эпира, а не Македоніи, какъ ошибочно думали и думаютъ нѣкоторые. Въ доказательство своего положенія референтъ ссылался на авторитетнѣйшихъ картографовъ и, между прочимъ, Киперта. Писать имя города надо черезъ I, а не Υ. Корица принадлежитъ Эпиру такимъ же точно образомъ, какъ Авлонъ, Вератій и всѣ мѣстечки до рѣки Генуса. Эордаикъ или Деволъ, протекающій у Корицы впадаетъ въ Адріатическое море, въ которое текутъ вообще всѣ воды стараго и новаго Эпировъ, тогда какъ воды Македоніи текутъ въ Средиземное и Эгейское моря. Горы, находящіяся въ окрестностяхъ Корицы: Иллирійскій Томоръ и Кандаонія принадлежатъ къ системѣ иллирійской. Лежащій на Востокъ отъ города Войонъ и Граммъ отдѣляютъ долину Корицы, и вообще весь новый Эпиръ отъ Македоніи, сообщающейся съ ними однимъ только ущельемъ. Далѣе референтъ пытался подтвердить доказательство принадлежности Корицы Эпиру, а не Македоніи, сказаніями, обычаями, пѣснями и, наконецъ, ея церковной исторіей. Между прочимъ былъ прочтенъ полный списокъ ея митрополитовъ, начиная съ 1490 г., когда учреждена каѳедра, до настоящаго времени.

Отчетъ Эллинскаго Филологическаго силлога за 34-й годъ существованія (1894—95), читанный въ торжественномъ засѣданіи 21 мая 1895 г. (К-πολις. 2 іюня) предсѣдательствовавшимъ въ Силлогѣ въ теченіе отчетнаго года Д. Маліадомъ. Вначалѣ упоминаются умершіе члены силлога: С. Зафиропулъ, Ах. Парасхи, Джонъ Стюартъ Блэнки, проф.

въ двѣ колонны, выш. 0,30 и ширины 0,24 метра. Четвероевангеліе. Переплетена въ деревянныя доски, покрытыя красною потемнѣвшею отъ времени кожею. Снаружи переплетъ былъ украшенъ серебряными досками съ изображеніями Воскресенія и Евангелистовъ, и драгоцѣнными камнями. «Τὸ κείμενον φέρει ἐν πολλοῖς ἐρυθρᾷ σημαδόφωνα τῆς ἀρχαίας ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς· ἡ μελάνη τῆς ταχυγραφίας τοῦ κειμένου τυγχάνει χρώματος μαύρου κλίνοντος πρὸς τὸ ξανθόν· ἑκάστη στήλη τοῦ κειμένου σύγκειται ἐκ γραμμῶν 24· τὸ μῆκος ἑκάστης τυγχάνει 0,08· ἐν τοῖς περιθωρίοις καθ' ἅπαν τὸ κείμενον φαίνονται αἱ σημειώσεις τῶν ἀφιερωμάτων τοῦ Ἀμμωνίου καὶ ἐπὶ κεφαλῆς εἰσιν οἱ κανόνες τοῦ Εὐσεβίου. ἡ ταχυγραφία ὅλου τοῦ τεύχους ὑπὸ μιᾶς χειρὸς συντελεσθεῖσα φαίνεται ν' ἀνάγηται εἰς τὴν ἐποχὴν μεταξὺ τοῦ ΙΑ' ἕως τοῦ ΙΒ' αἰῶνος». *Вторая рукопись.* Кодексъ изъ 278 листовъ бѣлаго пергамена, в. 0,33, ш. 0,30. Четвероевангеліе, писанное скорописью X—XI вв. въ два столбца шириною въ 0,08. Каждый столбецъ имѣетъ 22 строки «Ἡ ἀρχὴ ἑκάστης περικοπῆς τοῦ Εὐ. κοσμεῖται διὰ κεφαλαίων γραμμάτων ἄνθεσι πεποικιλμένων καὶ καλλιτεχνικῶς ὑπεξειργασμένων διὰ διαφόρων χρωμάτων». Переплетъ — двѣ простыя необтянутыя доски. *Третья рукопись.* Пергаменный кодексъ изъ 174 листовъ. В. 0,28, ш. 0,22. Въ двѣ колонны шириной по 0,07. Въ каждомъ столбцѣ по 20 строкъ. Переплетенъ въ двѣ обтянутыя красной потемнѣвшей кожей доски. «Ἐν ἀρχῇ τοῦ κώδηκος καὶ τοῦ κειμένου τοῦ ἱεροῦ Ματθαίου προτέτακται ἡ εἰκὼν τοῦ Εὐαγγελιστοῦ τούτου ὕψους 0,20, καὶ πλ. 0,16. Ὁ Εὐαγγελιστὴς καθήμενος ἐπὶ ἕδρας τετραπόδου ἐν σχήματι καὶ διασκευῇ θρόνου ἐκτείνει τοὺς πόδας του ἐπιστηριζομένους ἐπὶ τοῦ ἐνώπιον αὐτοῦ κειμένου ὑποποδίου· κατέχει δὲ θέσιν ἐπὶ τῆς ἕδρας παρουσιάζουσαν αὐτὸν ἐστραμμένον πρὸς τὰ δεξιὰ τῷ ὁρῶντι, ἐνώπιον δ' αὐτοῦ κεῖται ἀναλόγιον μετὰ μελανοδοχείου, ἐν ᾧ ἐμβάπτει κάλαμον, ὃν φέρει ἐν τῇ δεξιᾷ του χειρί. Τὸ ἐμβαδὸν τῆς εἰκόνος ἐστι κεχρυσωμένον καὶ ἀποτελεῖ τετράγωνον κοσμούμενον τετραγωνικῶς ἐκ ταινίας, σχηματιζομένης ἐναρμονίως ἐκ κρίκκων, πλησίον ἀλλήλων ταξιθετημένων καὶ ὄντων κεκοσμεμένων διὰ διαφόρων χρωμάτων». *Четвертая рукопись.* Пергаменный кодексъ изъ 142 листовъ, в. 0,24, ш. 0,17. Въ двѣ колонны по 26 строкъ, каждая шириною въ 0,06. Четвероевангеліе, писанное скорописью съ обычнымъ раздѣленіемъ на зачала. «Ἀλλ' ὅμως ἐπὶ τῆς μεμβράνης ὅλου τοῦ τεύχους τούτου πρότερον ἦν γεγραμμένον ἕτερον κείμενον ἐν κεφαλαίοις γράμμασι, ὕλης ἀγνώστου μοι, ἅ τε μὴ δυνηθέντι χρήσασθαι τῷ χημικῆς σκευασίας ὑγρῷ,..... τὸ τεῦχος τοῦτο δύναται κατὰ μὲν τὴν ἀρχαιοτέραν αὐτοῦ γραφὴν ἐν κεφαλαίοις γράμμασιν ν' ἀναχθῇ καθ' ἡλικίαν εἰς τὸν Η' ἕως Θ', κατὰ δὲ τὴν μεταγενεστέραν αὐτοῦ ταχυγραφίαν εἰς τὸν ΙΑ', ἕως ΙΒ' αἰῶνα. *Пятая рукопись.* Кодексъ бѣлаго пергамена в. 0,32, ш. 0,24. Писанъ въ двѣ колонны по 20 строкъ, каждая 0,07 ширины. Переплетъ изъ двухъ досокъ съ серебряной пластиной съ обычными изображеніями и камнями на лицевой сторонѣ и съ кожанной потемнѣвшей обтяжкой на корешкѣ и обратной сторонѣ. «Ἐν ἀρχῇ τοῦ τεύχους τούτου προτέτακται ἐπὶ ἐδάφους χρυσωμένου ἡ εἰκὼν τοῦ Ἰ. Χ. ἐντὸς χώρου ᾠοειδοῦς, ἐν δὲ ταῖς τέσσαρσι γωνίαις φαίνονται

ἁγιογραφημένοι οἱ τέσσαρες Εὐαγγελισταὶ καὶ τὰ συμβολικὰ πρόσωπα τοῦ Π. Πνεύματος, ἐνώπιον δ' ἑκάστου Εὐαγγελιστοῦ κεῖται βίβλος, οὗτοι δὲ φέρουσιν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν εἱλητά. Ἀπέναντι τοῦ φέροντος τὴν εἰκόνα τοῦ Ι. Χ. πίνακος ἄρχεται τὸ κείμενον τοῦ Εὐαγγελίου τῆς Κυριακῆς τοῦ Πάσχα, τούτου προτέτακται τετράγωνον ἐπίμηκες, κοσμούμενον διὰ ποικίλων ἀνθέων ἐκ διαφόρων χρωμάτων ταξιτεθειμένων καταλλήλως καθ' ὃν τρόπον ἡ καλαισθησία ὑπηγόρευσε τοῦτο εἰς τὸν γράψαντα, ὅστις πρὸς πλείονα καλλωπισμὸν τῆς προμετωπίδος ταύτης οὐκ ὤκνησε νὰ χαράξῃ καὶ δὺο νήσσας ἔνθεν καὶ ἔνθεν ἐπὶ τῶν ἄνω δύο γωνιῶν ἱσταμένας καὶ χαριέντως πτερυγιζούσας ἐπὶ τῶν ὑπὸ τὰς ὄψεις καὶ τοὺς πόδας αὐτῶν κεχαραγμένων ἄνθεων τῆς φύσεως, πρὸς ἣν φαίνονται καὶ τὰ πτηνὰ ταῦτα χαριέντως ἁμιλλώμενα». **А. Щукаревъ.**

Отчетъ о работахъ Милле въ Мистрѣ. Въ недавно вышедшемъ номерѣ Bulletin de Correspondance Hellénique за январь—октябрь 1895 г. (!) на стр. 286—272 помѣщенъ сжатый, но очень обстоятельный отчетъ молодого французскаго византиниста *Габріэля Милле* о его работахъ въ Мистрѣ съ мая по октябрь 1895 года. Милле имѣлъ сотрудниками архитектора Эсташъ, русскаго архитектора Брайловскаго, пенсіонера Имп. Академіи художествъ, случайно посѣтившаго Мистру и работавшаго 3 недѣли вмѣстѣ съ Милле и, наконецъ, инженера Шаффнера. Въ Мистрѣ 8 церквей. *Соборъ св. Димитрія* построенъ въ 1302 г. архіеп. Никифоромъ и реставрированъ въ сравнительно позднее время архіеп. Матѳеемъ. *Т. наз.* Ἀφεντικό, соборъ монастыря посвященнаго Богоматери (Παναγία Ὁδηγήτρια τοῦ Βροντοχείου), построенъ въ 1315 г. протосинкеломъ Пахоміемъ. Церковь эта недавно ради строительныхъ матеріаловъ отчасти разрушена жителями Спарты. Παντάνασσα — немного ранѣе 1445 года. И понынѣ женскій монастырь. Три эти церкви довольно большихъ размѣровъ и были роскошно украшены. Колокольня Пантанассы напоминаетъ романскіе образцы. Меньшихъ размѣровъ церкви *Благовѣщенія* начала XIV ст., *св. Софіи* середины XIV ст. и т. наз. Περίβλεπτος, современная Пантанассѣ. Наконецъ *ц. свв. Ѳеодоровъ*, основанная упомянутымъ выше Пахоміемъ въ концѣ XIII ст., представляетъ копію св. Луки, Дафни или св. Никодима въ Аѳинахъ и ц. *св. Николая*, повидимому, новѣйшая. Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились скульптуры. Въ особенности любопытны фрагменты иконостаса собора и рельефъ съ изображеніемъ Христа въ Перивлептѣ. Остатки фресковой живописи сохранились во многихъ изъ этихъ церквей, но значительное количество сюжетовъ заключается только въ Пантанассѣ и Перивлептѣ. Во второй изъ нихъ фрески очень пострадали отъ времени. Здѣсь земная жизнь Спасителя, Страсти, Литургія, Жизнь Богородицы. Въ Пантанассѣ фрески лучше сохранились. Особенно цѣненъ въ нижней части циклъ изображеній на темы изъ послѣдованія «Несѣдальнаго». Фрески эти Милле сравниваетъ съ итальянскими тре- и кваттрочентистами. Всѣ надписи Мистры также скопированы. Наконецъ произведены небольшія раскопки на мѣстѣ древняго монастыря Вронтохіонъ. Милле раскрылъ нѣкоторыя гробницы, въ томъ

числѣ деспота Θеодора Палеолога въ ц. свв. Θеодоровъ, но находки въ нихъ были ничтожныя. По желанію греческаго министерства гг. Милле и Эсташъ составили подробный списокъ реставрацій, которыя необходимо произвести въ церквахъ Мистры. Эти реставраціи, должно быть, теперь уже произведены. Изъ фрагментовъ скульптуръ, орнаментовъ, надписей и т. п. составлена небольшая коллекція (около 300 №№), помѣщенная въ Спартѣ въ архіерейскомъ домѣ [1]).

А. Щукаревъ.

† **Іосифъ Мюллеръ.** Онъ родился въ 1825 г. въ Брюннѣ въ Моравіи, по окончаніи университета служилъ въ Вѣнѣ при библіотекѣ и политехнической школѣ, а въ 1852 г. переселился въ Италію, гдѣ былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Миланѣ, при гимназіи и университетахъ въ Павіи и Падуѣ, впослѣдствіи служилъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія во Флоренціи и наконецъ былъ назначенъ профессоромъ греческаго языка при университетахъ въ Палермѣ и Туринѣ. Онъ скончался въ Туринѣ 1/13 іюля 1895 г. — Мюллеръ имѣлъ большія заслуги по распространенію въ Италіи греческой филологіи, и кромѣ цѣлаго ряда трудовъ по греческой грамматикѣ и литературѣ основалъ періодическій журналъ Rivista di Filologia, редакторомъ котораго состоялъ 23 года. — Рядомъ съ классической филологіей Мюллеръ спеціально занимался изученіемъ византійской исторіи и филологіи. Наиболѣе выдающійся и капитальный трудъ его по этой части, изданный имъ совмѣстно съ Миклошичемъ при Вѣнской академіи наукъ:

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta ediderunt Fr. Miklosich et Jos. Müller. vol. I—VI. Vindobonae 1860—1890.— Седьмой томъ приготовленъ къ печатанію.

Назовемъ также:

Historische Denkmäler in den Klöstern des Athos, въ Slavische Bibliothek, hrsg. v. Fr. Miklosich, Bd. I (1851), S. 123—258.

Urkundliche Beiträge zur Geschichte des sinkenden Romäerreiches, въ Sitzungsberichte d. philos.-histor. Classe d. k. Akademie d. Wiss. in Wien. Bd. VIII, 1851, S. 323—354.

Byzantinische Analecten aus Handschriften der St. Markus-Bibliothek zu Venedig und der k. k. Hofbibliothek zu Wien, тамъ же Bd. IX, 1852, S. 336—419.

G. Heyd, Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo. Recate in italiano dal Prof. Giuseppe Müller. vol. I — II. Venezia e Torino 1866—1868.

1) Дополнительныя данныя къ своему отчету Милле помѣстилъ въ Bulletin critique 1895 г. 36 (25-го дек.), въ Chronique de Grèce (стр. 715—18). Отсюда заимствованы нами данныя для церквей.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ἑκάστου τούτων ἀποτελουμένου ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Πᾶσα αἴτησις περὶ ἐκδόσεως, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

C. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsberger Strasse 20, Leipzig.

Ἐν Ἀνατολῇ προμηθεύεται τὸ περιοδικὸν διὰ τῶν ἑξῆς βιβλιοπωλῶν:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης-ἐκδότης, Γαλατᾶ.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης-ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ ὄπισθεν σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ
ΤΕΥΧΟΣ Β'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ III.

ВЫП. 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. K. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. K. L. Ricker, Königstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

Стр.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТДѢЛЪ I.

Epirotica saeculi XIII.

Изъ переписки Іоанна Навпактскаго.

Издаваемые нами въ этой книжкѣ Византійскаго Временника греческіе документы ближайшимъ образомъ относятся къ исторіи второго Епирскаго деспота Θеодора, который усвоилъ себѣ также титулъ Ромейскаго (Римскаго) императора; они пока замыкаются въ предѣлахъ одного десятилѣтія отъ 1218-го по 1228-й годъ и по содержанію сосредоточиваются около двухъ главныхъ пунктовъ: 1) борьба съ Франками Латинской имперіи, которая за эти годы въ подробностяхъ до сихъ поръ намъ была мало извѣстна, а отсюда получаетъ новое и живое освѣщеніе, чтò въ свою очередь сообщаетъ самымъ документамъ общее и важное значеніе; 2) соперничество и антагонизмъ Епира съ Никеей, гдѣ еще ранѣе возникъ другой центръ греческаго національнаго сопротивленія — съ царемъ, наслѣдникомъ Византійскихъ императоровъ, и съ патріархомъ, который сохранялъ названіе и права Константинопольскаго. При этомъ наши документы особенно ярко выставляютъ на видъ руководящую роль греческой образованной высшей духовной іерархіи, остававшейся въ европейскихъ частяхъ бывшей Византійской имперіи и естественно возлагавшей свои національныя надежды и чаянія лучшаго будущаго, а также и разсчеты личнаго возвышенія для себя и своихъ на ближайшаго энергическаго дѣятеля, Θеодора, а не на отдаленнаго и безсильнаго въ Европѣ Никейскаго самодержца, отрѣзаннаго отъ Греціи европейской промежуточными латинскими владѣніями. Документы заимствованы главнымъ образомъ изъ переписки современнаго Навпактскаго (Лепанто) митрополита Іоанна, являющагося въ роли несомнѣннаго

вождя патріотически настроенной части православнаго греческаго духовенства какъ въ непорабощенномъ Епирѣ, такъ и въ областяхъ временно завоеванныхъ, а, пожалуй, и въ роли руководителя или поощрителя политическихъ стремленій Епирскихъ деспотовъ, наконецъ ихъ опоры въ столкновеніяхъ съ высшимъ церковнымъ авторитетомъ патріарха, за которымъ стоялъ соперничествующій императоръ въ Никеѣ. Образовавшіяся на означенной почвѣ отношенія, близкія къ церковному — наравнѣ съ политическимъ — разрыву въ нѣдрахъ самой греческой національности, тоже въ высшей степени любопытны, и только изъ нашихъ документовъ получается полное и отчетливое представленіе о мотивахъ и напряженности раздора. Въ частности: первыя четыре письма Іоанна, адресованныя — одно къ женѣ Θеодора Комнина, Маріи (имя до сихъ поръ не было извѣстно), а другія къ самому «державному» Комнину (таковъ наиболѣе обычный способъ его титулованія до принятія императорскаго сана) — говорятъ объ успѣхахъ Θеодора въ борьбѣ съ *Италіанцами*, то есть, съ обладателями Солунскаго королевства, основаннаго Бонифаціомъ Монферратскимъ: взятіе городовъ—Новой Патры, Просѣка, Платамона особо въ наличныхъ доселѣ источникахъ нигдѣ не упомянуто. За тѣмъ цѣлый рядъ писемъ Іоанна и его корреспондентовъ, — въ числѣ ихъ знаменитаго митрополита Аθинскаго, Михаила Акомината, его любимаго ученика Георгія Вардана и самаго *державнаго* Комнина, относится къ вопросу о замѣщеніи митрополичьей каθедры на островѣ Корфу, входившемъ въ составъ владѣній Епирскаго деспота (№№ 5—13); политическое значеніе каθедры съ національно-религіозной точки зрѣнія отмѣчается въ посланіи деспота Θеодора (№ 7), а соборное дѣяніе (№ 13) оправдываетъ неканоничный способъ избранія и поставленія Георгія Вардана безъ содѣйствія патріарха и обнаруживаетъ съ полною опредѣленностью основанія церковнаго раздора между Никейскимъ и Епирскимъ центрами. Ихъ антагонизмъ рѣзко выставляется и въ двухъ за тѣмъ слѣдующихъ документахъ (№№ 14 и 15): въ приглашеніи отъ патріарха Мануила къ Іоанну Навпактскому принять вмѣстѣ съ другими *западными* (по отношенію къ Малой Азіи) епископами участіе въ предполагаемомъ вселенскомъ соборѣ для соединенія церквей греческой и латинской и для устраненія обоюдной народной вражды, и въ отвѣтномъ письмѣ Іоанна, который вмѣсто того приглашаетъ Никейскихъ грековъ къ дружной борьбѣ противъ жестокаго и непримиримаго врага вмѣстѣ съ Θеодоромъ Ду-

кой Комниномъ, уже успѣвшимъ нанесть Латинамъ рядъ тяжелыхъ ударовъ и поколебавшимъ ихъ могущество. Тотъ же патріархъ черезъ нѣсколько времени, обращаясь къ Іоанну, грозитъ (№ 16) церковнымъ отлученіемъ неправильно поставляемымъ въ области Θеодора епископамъ и всѣмъ соучастникамъ въ такомъ дѣлѣ, на что̀ получаетъ замѣчательную длинную и рѣзкую отповѣдь, составленную Іоанномъ (№ 17), въ которой кстати прославляются заслуги Θеодора дѣлу православія и сообщаются мимоходомъ новые факты, важные и для политической исторіи. Далѣе (начиная съ № 18 по 23) идутъ письма Іоанна съ различными указаніями на обстоятельства, предшествовавшія давно желанному и давно предсказанному взятію Солуня, и на подготовляемое вслѣдъ затѣмъ вѣнчаніе Θеодора царскою короною, на столкновеніе съ возстановленнымъ Солунскимъ митрополитомъ и т. д. Актъ, исходящій отъ лица всѣхъ западныхъ епископовъ, но составленный, очевидно, Іоанномъ (№ 24), свидѣтельствуетъ, что провозглашеніе и вѣнчаніе Θеодора было прежде всего дѣломъ церковнымъ, въ которомъ іерархія прямо шла навстрѣчу естественному честолюбію энергическаго Епирота, вовсе неспособнаго увлекаться одними идеальными цѣлями. Изъ другихъ недавно изданныхъ источниковъ (собраніе писемъ Димитрія Хоматіана, Охридскаго митрополита, который и вѣнчалъ Θеодора за отказомъ Солунскаго) уже извѣстно, что въ Никеѣ вѣнчаніе Θеодора было принято какъ актъ прямого возмущенія противъ вѣры и закона; негодованіе, соединенное съ угрозами, которыя, впрочемъ, заранѣе были осуждены на безсиліе, выражено было въ посланіяхъ патріарха Германа II: къ числу двухъ извѣстныхъ апологій присоединяется теперь третья, написанная отъ лица всего западнаго высшаго духовенства Іоанномъ Навпактскимъ и настаивающая на необходимости для *запада* автономіи церковной и свѣтской (№ 26). Въ ней есть совсѣмъ неожиданныя новыя точки зрѣнія, объясняющія права Θеодора на императорскій титулъ, и содержатся важныя указанія на судьбу западно-европейскаго ополченія, собраннаго въ Италіи подъ эгидою папы Гонорія для спасенія Солунскаго королевства. То, что есть рѣзкаго въ общей отвѣтной грамотѣ, смягчается въ личномъ письмѣ Іоанна къ Герману (№ 27), начинающемся воспоминаніями стараго знакомства и пріязни еще въ свободномъ отъ порабощенія Константинополѣ. Наше собраніе заключается (№ 29) *хрисовуломъ*, золотою *царскою* дарственною записью Θеодора Комнина Дуки въ пользу Навпактской

церкви, въ которомъ, конечно, можно усматривать актъ признательности новопомазаннаго императора къ заслугамъ самаго предстоятеля этой церкви. Мы знаемъ, что и Георгій Варданъ, авторъ другаго отвѣтнаго посланія къ патріарху, въ томъ же самомъ 1228 году получилъ хрисовулъ въ пользу Керкирской митрополіи..

Болѣе подробное разъясненіе смысла и значенія издаваемыхъ нами документовъ мы постараемся дать въ слѣдующей за ними статьѣ, посвященной связному изложенію первоначальной исторіи Епирскихъ деспотовъ до провозглашенія Θеодора царемъ и вѣнчанія въ Солунѣ.

Наибольшая часть матеріала заимствована изъ переписки Іоанна Навпактскаго, заключающейся въ греческомъ сборникѣ XIII или XIV вѣка, который находится теперь въ С.-Петербургѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ (Греческ. рукоп. № 250), а нѣкогда принадлежалъ къ числу книгъ монастыря Св. Екатерины на горѣ Синайской. Описаніе и подробное оглавленіе сборника было напечатано въ отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1885 годъ. («Описаніе Порфирьевскаго сборника византійскихъ документовъ. Греч. № CCL»).

Мы уже указали тамъ на плачевное положеніе, въ которомъ дошелъ до насъ драгоцѣнный все-таки кодексъ; вслѣдствіе потери или же намѣренной вырѣзки листковъ прежде заключенія ихъ въ переплетъ, очевидно позднѣйшій, вырѣзки, сдѣланной не сподрядъ гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ пунктахъ, постоянно повторяется такое явленіе, что письмо или документъ либо не имѣетъ конца, либо начинается въ серединѣ рѣчи. При такомъ положеніи дѣла издавать письма подъ рядъ, какъ они идутъ въ сборникѣ, представлялось намъ и неудобнымъ и ненужнымъ, тѣмъ болѣе, что и хронологическая послѣдовательность замѣчается развѣ только спорадически въ отдѣльныхъ группахъ писемъ, а не вездѣ съ начала до конца. При ближайшемъ изученіи содержанія писемъ мы сверхъ того убѣдились, что тетради и листы не только были растерзаны посредствомъ вырѣзокъ, но еще послѣ того—при переплетѣ или ранѣе—перепутаны съ нарушеніемъ первоначальнаго порядка. Въ двухъ случаяхъ единство содержанія, логическая и грамматическая послѣдовательность рѣчи въ раздѣленныхъ большими промежутками листкахъ стали для насъ столь очевидными, что мы сочли себя въ правѣ при изданіи соединить разъединенное. Такъ составилось цѣльное письмо № 3—по поводу взятія Просѣка, такимъ же образомъ возстановлена цѣльность письма къ

Іоанну Георгія Вардана подъ № 11. Въ сущности, мы еще не издаемъ полнаго собранія переписки Іоанна Навпактскаго, а дѣлаемъ только выборку изъ нея, руководясь ближайшими задачами историческаго изученія и держась хронологической нити, на сколько она дается прямыми отмѣтками въ документахъ или же родственностію содержанія.

Ради возстановленія однородной цѣльности мы привлекли въ видѣ пособія и другой греческій сборникъ Императорской Публичной библіотеки—подъ № 251—принадлежавшій подобно предыдущему къ числу порфирьевскихъ и, какъ показываетъ запись въ концѣ, происходящій—если не вполнѣ, то въ интересующей насъ части—тоже съ Синая. Сборникъ описанъ въ «Краткомъ обзорѣ собранія рукописей, принадлежавшаго преосвященному Епископу Порфирію, а нынѣ хранящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ». С.-Петербургъ, 1885. Извлечено изъ отчета Императорской Публичной библіотеки за 1883 г. См. стр. 101. Онъ составленъ изъ двухъ случайно и внѣшне соединенныхъ неравныхъ половинъ. Въ первой находится извѣстная, изданная у насъ покойнымъ Г. С. Дестунисомъ *Епирская хроника* въ рукописи XVII вѣка, имѣющая отношеніе только къ позднѣйшей исторіи Епира, и сказаніе о скитѣ Богородицы въ Метеорахъ. Вторая половина писана на бумагѣ строчнымъ письмомъ XIV вѣка въ 8 долю листа, но къ сожалѣнію эта часть отъ ветхости уже пострадала, особенно въ концѣ, гдѣ листы сильно крошатся и сами собою разрушаются. Отсюда мы заимствовали посланіе патріарха Мануила къ митрополиту Навпактскому Іоанну (№ 16) и отвѣтъ на это посланіе митрополита Іоанна Апокавка (№ 17): нѣтъ никакихъ слѣдовъ и указаній на то, чтобы эти двѣ статьи находились когда-нибудь и въ составѣ сборника № 250; но сверхъ того въ сборникѣ 251 читается не отмѣченное особымъ заглавіемъ (и потому пропущенное въ обзорѣ) Соборное дѣяніе о поставленіи митрополита Керкирскаго (№ 13), сохранившееся въ 250 въ далеко неоконченномъ видѣ, почти только своимъ началомъ. Именно: здѣсь оно оканчивается по серединѣ письма Ѳеодора Комнина (№ 7) и совсѣмъ не захватываетъ письма Михаила Аѳинскаго (№ 9): оба эти документа, выдѣленные, впрочемъ, нами ради ясности изъ состава соборнаго дѣянія въ отдѣльныя статьи и поставленные выше дѣянія, напечатаны по тексту № 251. Ничего относящагося къ Іоанну Навпактскому болѣе нѣтъ въ сборникѣ 251, да и весь онъ теперь не великъ—всего 36 листовъ, а одна вторая часть—13. Нужно, однако, замѣтить, что важная для насъ эта вто-

рая часть нѣкогда входила въ составъ какого-то другаго, болѣе обширнаго цѣлаго, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся на верху страницъ (помимо новѣйшей) старая пагинація греческими буквенными цифрами. На листѣ 12 значится помѣтка υνζ, то есть 457, на послѣднемъ тринадцатомъ листѣ такая отмѣтка заклеена, но ясно, что всѣхъ листковъ было 458. Въ концѣ читается слѣдующая запись: Τὸ παρὸν βιβλίον ἐστὶν τοῦ ἁγίου καὶ θεοβαδήστου ὄρους Σινᾶ καὶ ὅστις ὑστερήσῃ αὐτὸ τῆς ἁγίας μονῆς νὰ ἔχῃ τὰς ἀρὰς τῶν ἁγίων τριακοσίων καὶ θεοφόρων ὀκτὼ καὶ τῆς ἁγίας βάτου[1]).

Если бы кто взялъ на себя задачу полнаго изданія писемъ Іоанна Навпактскаго, чего они, конечно, заслуживаютъ, то кромѣ Петербургскихъ сборниковъ могли бы служить еще слѣдующіе два, намъ извѣстные по описаніямъ. *Тридцать два* письма Іоанна Апокавка, разумѣя тутъ и разнаго рода акты епископской юрисдикціи, находятся въ сборникѣ *Оксфордской библіотеки*, XIV вѣка на бумагѣ. См. *Coxe*, Catalogi codicum manuscript. bibliothecae Bodlejanae. Pars prima, recensionem codicum graecorum continens (Oxonii, 1853). Codic Baroccian. № 131. По количеству статей этотъ сборникъ, конечно, не идетъ въ сравненіе С.-Петербургскимъ 250, гдѣ всѣхъ нумеровъ переписки насчитывается до *двухсотъ*, изъ коихъ наибольшая доля принадлежитъ непосредственно Іоанну, да и по цѣнности отдѣльныхъ нумеровъ Оксфордскій списокъ не представляетъ особыхъ выдающихся достоинствъ, такъ какъ документы имѣютъ по преимуществу частный характеръ. Изъ 29 нумеровъ, выбранныхъ нами изъ Петербургскаго 250 съ дополненіемъ изъ 251 и ниже печатаемыхъ, только одно посланіе къ *Дукенѣ* (супругѣ деспота Θеодора: см. № 1) встрѣчается въ Оксфордскомъ сборникѣ. За тѣмъ, есть еще письмо Іоанна къ Θеодору Комнину—Дукѣ, писанное ранѣе его вѣнчанія на царство, но нами пропущенное, хотя оно встрѣчается въ нашемъ 250 (Fol. 32 r.), а за тѣмъ и еще одно письмо отъ того же къ тому же, начинающееся словами:—Σχηματίζων τὸν λόγον (Fol. 326), довольно любопытное, но отсутствующее въ Петербургскомъ сборникѣ и намъ знакомое по копіи, сдѣланной В. Э. Регелемъ—при занятіяхъ въ Оксфордѣ. Сверхъ трехъ сейчасъ отмѣченныхъ В. Э. Регель нашелъ въ перепискѣ Іоанна (по означенному сейчасъ манускрипту) интереснымъ для себя еще

1) Эта книга принадлежитъ святой и богошественной горѣ Синаю и кто лишитъ ея святой монастырь, пусть имѣетъ на себѣ проклятіе святыхъ и богоносныхъ 308 (то есть отцевъ Никейскаго собора) и Святой Купины.

только посланіе Іоанна, обращенное (по надписи) тоже къ Комнину, однакоже не къ Θеодору, а, какъ видно изъ содержанія, къ Константину, его брату, притѣснителю Навпактской церкви и ея митрополита. Четыре пьесы, скопированныя В. Э. Регелемъ, въ самомъ дѣлѣ, повидимому, исчерпываютъ все наиболѣе интересное и важное въ Оксфордскомъ (Barocc.) 131.

Довольно значительное количество писемъ Іоанна и относящихся къ его іерархической судебной дѣятельности актовъ находится въ сборникѣ Іерусалимской *патріаршей* библіотеки, описанномъ въ каталогѣ *Пападопуло-Керамевса* (изданіе Православнаго Палестинскаго общества) подъ № 276. Этотъ сборникъ, впрочемъ, очень поздняго происхожденія (XVII и начала XVIII в.), многое въ немъ писано рукою извѣстнаго патріарха Іерусалимскаго Досиθея. Не только по древности, но и по количеству актовъ, не превышающему 60 нумеровъ, Іерусалимское собраніе писемъ Іоанна тоже не идетъ въ сравненіе съ Петербургскимъ 250. Изъ 29 нумеровъ, здѣсь печатаемыхъ и заимствованныхъ почти исключительно изъ послѣдняго, только *четыре* (или, пожалуй, *шесть*, если считать отдѣльно два письма, приведенныя въ Соборномъ дѣяніи о поставленіи Георгія Керкирскаго) находимъ мы въ оглавленіи А. И. Пападопуло-Керамевса (См. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρουπόλει 1891. Τόμος Α΄. σσ. 339—344). Соборное дѣяніе, нужно полагать, находится тамъ въ полномъ объемѣ, подобно *Хрисовулу* Θеодора 1228-го года, заключеніе котораго (и дата) у насъ заимствовано изъ копіи, любезно сообщенной намъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, такъ какъ въ Петербургскомъ спискѣ оно утрачено (см. № 29). Но, кажется, это исключительный счастливый случай: другія извлеченія Пападопуло-Керамевса напротивъ показываютъ, что въ Іерусалимскомъ собраніи отдѣльныя письма Іоанна вносились переписчикомъ не въ полномъ и цѣлостномъ видѣ. Такъ, письмо Іоанна къ Димитрію, архіепископу Болгарскому, о пожарѣ въ Охридѣ, неимѣющее конца въ Петербургскомъ 250, еще ближе отъ начала прерывается въ Іерусалимскомъ (письмо это пока оставлено нами въ сторонѣ). Вообще бо̀льшая часть содержанія Іерусалимскаго собранія есть повтореніе того, что находится у насъ подъ рукою въ кодексѣ Публичной библіотеки, но есть нѣкоторое число и такихъ писемъ, какихъ по крайней мѣрѣ нынѣшній составъ Петербургскаго 250 не представляетъ, а между тѣмъ именно тутъ попадаются многообѣщающія оглавленія и адресы.

Нѣкоторыя произведенія Іоанна Навпактскаго появляются въ описаніяхъ и каталогахъ библіотекъ одиночно. Намъ нѣтъ нужды слѣдить и заниматься перечисленіемъ такихъ случаевъ; отмѣтимъ только довольно обширное и стоящее особнякомъ посланіе къ Аѳанасію, епископу города Короны (въ Пелопоннисѣ), въ видѣ отвѣта на вопросъ его о догматическихъ разногласіяхъ съ Латинами; статья указывается въ описаніяхъ Московской Синодальной библіотеки какъ принадлежность двухъ сборниковъ №№ 240 и 250 (по систематическому описанію архим. Владимира, по *accurata Notitia* Маттеи № CCLV и CCVIII). Въ хорошей копіи она имѣется у проф. И. Е. Троицкаго.

Здѣсь же будетъ умѣстно выразить нашу сердечную благодарность лицамъ, помогавшихъ намъ при подготовкѣ греческаго текста къ печати, то есть Х. М. Лопареву, Б. А. Панченку и Г. Ф. Церетели, изъ коихъ послѣдній провѣрилъ—только отчасти при нашемъ внѣшнемъ содѣйствіи—списанное для насъ другими съ подлинникомъ, а за тѣмъ въ особенности нашему академическому товарищу, П. В. Никитину, который далъ себѣ трудъ, оказавшійся очень нужнымъ и полезнымъ, прочитать отпечатанные листы греческаго текста и сдѣлать все по обстоятельствамъ возможное для приведенія его въ исправнѣйшій видъ. Выставивъ по обычаю свои знаки препинанія и введя подписную *іоту*, которой нѣтъ въ подлинникахъ, мы въ остальномъ не отступали безъ крайней нужды отъ ихъ правописанія.

[Ἰωάννου τοῦ Ναυπάκτου].

1.

Πρὸς τὴν κραταιὰν Δούκαιναν.

Πολλῶν ἀπολαύσας ἀπὸ σοῦ χαρίτων, ἁγία καὶ κραταιὰ κυρία μου 250 F. 8 v.
Δούκαινα, διαθέσεως, ἀντιλήψεως, λόγων ἐλευθέρων, ἀσπασμῶν χαριέντων, τῶν ἄλλων ἁπάντων, ὅσα κοσμεῖ τὴν σὴν εὐγενεστάτην ψυχήν, τοῦτο λογίζομαι τῶν ἀγαθῶν τὸ κεφάλαιον τὸ διαπέμπεσθαί μοι τὰ χαροπὰ καὶ κοινωφελῆ κατορθώματα τοῦ μεγαλουργοῦ καὶ κραταιοῦ Κομνηνοῦ ἐκ γῆς μακρὰν παρὰ τῆς σῆς ὑψηλότητος· ἕτερον εὐεργέτημα τὸ ἰδικῶς καὶ μονοπροσώπως διαπορθμεύεσθαί μοι ταυτὶ καὶ μὴ κατὰ κοινὴν ἀκοήν· ἄλλο πρὸς τούτοις τὸ μὴ μόνην καθ' ἑαυτὴν ἰδιοῦσθαί σε τὰ τοῦ κοινοῦ εὐεργέτου τροπαιουχήματα, ἀλλὰ καὶ τοῖς φίλοις κατὰ μετάδοσιν αὐτῶν κοινωνεῖν, ὡς εἴ τις μεγάλῳ περιτυχὼν θησαυρῷ οὐχ ἑαυτὸν μόνον ἐκ τούτου ὀλβίσει, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἀγαπωμένους πλουτίσει ἐκ διαδόσεως· τὸ δὲ πᾶν εἰπεῖν, ὥσπερ οὐ θέλεις μόνη καὶ ζῆν καὶ ἐνδύεσθαι, ἀλλὰ τὴν χεῖρα ἔχεις ἐπὶ πολλοῖς δεομένοις ὑπηρετοῦσαν τῇ προαιρέσει, οὕτως οὐδ' ἐν τοῖς κοινοτερπέσιν ἀκούσμασι ἀνέχῃ μόνη καὶ ἀκοὴν ἡδύνεσθαι καὶ ψυχήν, ἀλλὰ καὶ τοὺς πρὸς σοὺς εὐνοϊκῶς ἔχεις κατὰ λογικὴν μετάδοσιν ἀγαθύνεις. Καὶ τὰ μὲν ἀπὸ σοῦ πρὸς ἡμᾶς ταῦτα καὶ οὕτως ἔχοντα. Ἡμεῖς δὲ τί σοι ὑπὲρ πάντων τούτων ἀνταποδώσομεν ἢ τὰς πρὸς Θεὸν ἱκεσίας, ὡς ἔχῃς ἡ καθαρὰ σελήνη καὶ φωταυγὴς εἰς χρόνους συλλάμποντά σοι μακροὺς τὸν ἥλιον Κομνηνόν, οὗ καὶ ἔργα καὶ ὁμιλία καὶ πρόσωπον τηλαυγῆ πάντα καὶ σελασφόρα τυγχάνουσι; Καὶ ἐπαιανίσαμεν κατὰ τὸ εἰκὸς καὶ ἐκροτήσαμεν χεῖρας καὶ τῷ Θεῷ ἀνθωμολογησάμεθα τὰ εὐχάριστα. Τὸ δὲ παρόν, τοῦ μεγαλουργοῦ Κομ-

νηνοῦ, ὃν εἰς ἥλιον ὁ λόγος ἐτροπολόγησε, λάμποντος εἰς τὰ πρὸς ἡμᾶς ἀνωτερικὰ καὶ φλέγοντος μὲν τοὺς φρυγανώδεις καὶ ὑβριστὰς Ἰταλοὺς καὶ Θεοῦ καὶ τῆς πίστεως, φωτίζοντος δὲ τοὺς ἀδελφοὺς ἡμᾶς αὐτοῦ καὶ συγγενεῖς κατὰ σάρκα—ταῦτα δὴ τὰ τοῦ ἀποστόλου—ὑπὲρ ὧν καὶ προκινδυνεύει καὶ πᾶσαν ὑπομένει δυσχέρειαν, φόβος ἐνταῦθα, μὴ νέφος βαρβαρικόν ποθεν ἐπελθὸν ζοφώσῃ [1]) τὰ καθ' ἡμᾶς ἢ ἀχλὺς ἐκ θαλάσσης ὁμοία παχεῖα καὶ δυσδιάλυτος καὶ τοιούτου φωτοφανοῦς ἡλίου δεομένη πρὸς σκεδασμόν. Ἀκούομεν γὰρ ὡς ὁ Μάσος, συνελθὼν τῷ Ἐφραὶμ καὶ παχυνθεὶς ὑπ' αὐτοῦ, τὸ δὲ προσθεὶς καὶ ἀφ' ἑαυτοῦ σύνθημα καὶ σκαιώρημα, μετὰ τειχομαχικῶν ὀργάνων κατὰ τῶν ἐν ἡμῖν παραλίων κάστρων συνέθετο, καθά ποτε καὶ ὁ γραφικὸς ἐκεῖνος Ἐφραὶμ καὶ ὁ τοῦ Ῥομελίου υἱὸς κατὰ τῆς παλαιᾶς Ἱερουσαλὴμ συνεσκέψαντό τε καὶ συνετέλεσαν [2]). Ἐντεῦθεν τὰ μὲν παρ' ἡμῖν ἀτείχιστα πάντα, ὅσα τὰς αἰγιαλίους ἀκτὰς στεφανοῖ καὶ τὰ τούτων ἀνώτερα. Νυκτὸς μὲν ἀναρριχῶνται σὺν ὑπάρξει πάσῃ πρὸς τοὺς βουνούς, ἡμέρας δὲ πρὸς τὰ πεδία κατολισθαίνουσι καὶ μιμοῦνται δρόμον μυρμήκων, ἀγεληδὸν ἀλλήλοις ὑπαντῶντες καὶ ὑπαντώμενοι. Ὁ θερισμὸς δὲ πολὺς μέν, οἱ δ' ἐργάται ὀλίγοι· ἄγροικοι γὰρ ὄντες καὶ ἄοπλοι, ἔνιοι δὲ τούτων τῷ ἄρρενι ἀντιδιαιρούμενοι· ὁποίας γυναῖκας ἔργων ἀνδρικῶν τελεσιουργοὺς καὶ χειεργάτιδας πάσας ἡ καθ' ἡμᾶς χώρα τρέφει· καὶ καθ' ὥραν ἐλπίζοντες τὴν ἐπέλευσιν, ἄλλος ἄλλῃ σκορπίζονται. Αἱ πόλεις δὲ τοῖς τείχεσι μὲν θαρροῦσι, οὖσαι δὲ κένανδροι τὴν περὶ ψυχῆς φόβον ἔχουσιν· οὐδὲ γὰρ οὐδ' εἰ Σεράμεια [3]) τείχη περιεῖχον αὐτάς, ὅπλων δὲ ἐστέροντο καὶ ἀνδρῶν, τὸ μὴ ἁλώσεσθαι ἔφυγον. Καὶ μή μοι λέγε, ὡς ἔστιν ἐνταῦθα ὁ σὸς ἀνδράδελφος καὶ ὑπ' αὐτὸν στρατιά· καὶ οὗτος γὰρ ἢ ἑκὼν ἢ κατὰ σκῆψιν πρὸς τοὺς περὶ τὴν Νέαν Πάτραν ἀνῆλθε βουνούς, ὀφθαλμοῖς καὶ μόνοις τὴν πόλιν ταύτην ἐπερχόμενος καὶ τούτοις ἐλπίζων τὸ φρούριον λήψεσθαι· καὶ τὰ πλησίον παραδραμὼν τὰ μακρὰν διώκει, καὶ ἀπολύσας τὰ ἐν χερσὶ τὰ ἄγρια ἢ ἐν οἷς κατοικοῦσι ἄγριοι θῆρες οἱ Ἰταλοί, ὡς νοσσιάν, χαραδοκεῖ καταλήψεσθαι. Καὶ σπεῦσον, κυρία μου, ἢ τὸν ἥλιον Κομνηνὸν ἐπανατεῖλαι τούτοις ἐν μέρεσιν ἢ ἀκτῖνα γοῦν στρατιωτικὴν ἀποδισκεῦσαι τοῖς καθ' ἡμᾶς· εἰ μὴ γὰρ τοῦτο ἢ τοῦτο, καὶ δίχα τῶν ἐλπιζομένων τούτων πραγμάτων μόνῃ τῇ προσδοκίᾳ πάντες συναποψύξομεν.

---

1) Cod. ζοφώσει.
2) IV Reg., 16, 5: Φάκεε υἱὸς Ῥομελιοῦ βασιλεὺς Ἰσραήλ. Cf. Paralip. II, 28, 6—7.
3) Σεμιράμεια? Cf. Σεμιράμεια τείχη ap. Suidam.

2.

[Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν].

. . . . καὶ φρείατα μακρὰ κατὰ τὸν περιηγη- F. 10 r.
τὴν Διονύσιον. Πέφυκε δέ πως τὸ μέρος πρὸς τὸ ὅλον χωρεῖν· καὶ πῶς [1]) ἑαυτοῦ πλεὸν ἔσται τὸ ὅλον τὸ παρ' ἑαυτοῦ εἰσδεχόμενον. Καὶ τὴν φυσιολογίαν ταύτην ἐκλάβοιτό τις καθ' ἑτέραν τὴν ἔννοιαν καὶ κατ' ἄλλην λόγου ὑπόθεσιν πρὸς τὴν σὴν κραταιότητα. Θάλασσα γάρ καὶ σὺ παντὸς ἀγαθοῦ καὶ εὐποιίας καὶ δωρεῶν πολυχανδὲς πέλαγος· καὶ χείμαρροι μὲν πρὸς σὲ οὐκ εἰσρέουσι, πάντες δὲ πάντως ὁπόσους τῆς ἐνδείας χείμαρροι κατασύρουσιν, οἷς καὶ δωρούμενος καὶ εὐεργετῶν αὐτοὺς οὐκ ἐμπίπλασαι. Εἷς τούτων καὶ ὁ παρὼν πανυπερεντιμότατος ἄνθρωπος, πάλαι μὲν βίου ἔχων ἀρκούντως καὶ τιμῆς καὶ περιφανείας ἔν τε βασιλείοις αὐλαῖς ἔν τε ταῖς τοῦ πατριάρχου ἀναστροφαῖς· ἀλλὰ καὶ τούτῳ ῥαγδαῖος ἐπιρρεύσας τῶν ἀριστερῶν πραγμάτων ὁ χείμαρρος πρὸς τὴν σῆς φιλοτιμίας ἀπέπτυσε θάλασσαν. Καὶ νῦν πρὸς σὲ ἔρχεται ἐκεῖνα ζητῶν, ἃ σοὶ μὲν ῥᾴδιον δοῦναι, αὐτῷ δὲ μέγα λαβεῖν. Ζητεῖ δὲ εἰς οἰκονομίαν, εἰς διεξαγωγήν, εἰς κυβέρνησιν τὴν ἐκκλησίαν Νέων Πατρῶν, ἣν ἡ σὴ κραταιὰ χεὶρ Ἰταλικῆς χειρὸς ἠλευθέρωσε· καὶ ζητεῖ δῶρον τοῦτο τῷ οἰκείῳ τρόπῳ κατάλληλον, ἱερὸς ἀνὴρ δηλαδὴ διοίκησιν ἱεράν. Εἰ δὲ καὶ ἄλλως πρέπει ἐπιχειρεῖν, ἐκεῖνα αἰτεῖ, ἅπερ ὁ πρὸς μητρὸς τούτου θεῖος ἐβελτιώσατό τε καὶ συνεστήσατο, κατήγαγον δὲ πρὸς μηδὲν χρόνος ὁ πανδαμάστωρ καὶ ἀπληστία λατινική· ἱερατεύων ἐκεῖνος παρὰ ταύτῃ τῇ Πάτρᾳ καὶ τιμῶν τὸ λάχος ἢ ὑπὸ τούτου τιμώμενος — τῷ κάλλει τοῦ λόγου καὶ τῷ ὕψει τοῦ βίου τὸν λαχόντα τοῦτον κλῆρον τιμῶν. Εἰ γοῦν ἀντὶ πατέρων γεννῶνται υἱοί, οὐδὲν καινὸν εἰ καὶ ἀντὶ θείων ἀνεψιοί. Ἅμα δὲ καὶ μεγαλυνθήσῃ ἀπὸ ταύτης τῆς πράξεως, τὰ ἱερὰ ταῦτα λάφυρα τῶν πολεμικῶν σου κατορθωμάτων ἀνδράσιν ἱεροῖς χαριζόμενος καὶ τοῖς ποτε τροφίμοις τῆς ἐκκλησίας καὶ διαπρεπέσι βίῳ καὶ λόγῳ δωρούμενος. Ταύτης τῆς ἐκκλησίας καὶ σύ, μεγαλουργὲ Κομνηνέ, παῖς γνήσιος, ἀναγεννηθεὶς ὑπ' ἐκείνης διὰ τοῦ θείου βαπτίσματος καὶ φθάσας εἰς μέτρον ὑπὸ ταύτῃ τροφῷ τῆς ἀνδρικῆς τελειότητος. Καὶ δίδου τοῖς ἀδελφοῖς καὶ τέκνοις ταύτης τῆς ἐκκλησίας τὴν ἀδελφικὴν φιλοστοργίαν καὶ περιποίησιν. Τὸ δὲ ἔργον τοῦτο καὶ οἱ τῆς Ἀσίας ὑποθαυμάζονται, ὡς μὴ μόνον τοῦ βασιλέως ἐκείνης τῶν ἱερωμένων προνοουμένου, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐμοῦ μεγαλουργοῦ Κομνηνοῦ τοὺς αὐτοὺς καὶ τιμῶντος καὶ τρέφοντος καὶ διοικήσεις ἱερὰς ἀπονέμοντος. Ἐγὼ

1) Καί πως?

δὲ ὁ ταῦτα γράφων διχόθεν, οἶδα, τὸν ἔπαινον λήψομαι· ὅτι τε ὑπὲρ ἀδελφοῦ πρεσβεύω τοιούτου καὶ ὅτι τὰ μεγαλύνοντά σε καὶ θέλω καὶ πραγματεύομαι. Τί δὲ χρὴ τὸν αὐτοκίνητόν σε πρὸς τὰ καλὰ ἑτεροκίνητον γίνεσθαι καὶ μὴ μόνον εἶναι σοῦ τὸ μεταδοτικὸν καὶ τὸ συμπαθὲς, ἀλλὰ κἀμὲ τούτου γίνεσθαι συνεργάτην, δέον ὂν μηδενὶ παραχωρεῖν σε πρεσβείων ἐν φιλοτιμίαις ἐν εὐποιΐαις ἐν δωρεαῖς ἐν χρηστότησι; Καὶ γένοιτό σοι πολλὰ τὰ καλὰ τῷ ἐμῷ μεγαλουργῷ Κομνηνῷ, πληροῦντι προθύμως ἅπερ ὁ σὸς εὐχέτης ἐγὼ μετὰ θερμότητος ἐξαιτῶ.

3.

F. 26 v. Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν.

Μεγαλουργὲ Κομνηνὲ καὶ προφανῶς θεοφρούρητε ὅτι καὶ τὴν ἐξουσίαν ταύτην καὶ τὸν ἑξῆς πλατυσμὸν ἀπόνως εἴληφας καὶ χωρὶς αἵματος, συστρατηγοῦντός σοι τοῦ Θεοῦ καὶ συναρήγοντος ἐν ταῖς πράξεσιν. Ὥσπερ δὴ καὶ εἰς τὴν Προσάκου ὑποταγήν· δι' ὃν βασιλεῖς ποτε ἐκστρατεύσαντες καὶ τὴν οἰκουμένην σαλεύσαντες ἤνυσαν πλέον οὐδὲν, εἰ μὴ ὅτι μόνον εἰδότες [1]) καὶ περιελθόντες τὸ φρούριον τὴν προσεδρίαν κατέλυσαν· τὰ σὰ τίνα; Θαύματος γέμοντα ὡς θείας ἐξηρτημένα πάντως δυνάμεως. Καὶ ἄλλοι μὲν τῶν ῥητορευόντων περὶ πολίσματος τούτου τὰ δοκοῦντα τούτοις κομψεύσονται· ἐγὼ δὲ τὴν πόλιν μὲν οὐκ ἰδὼν, προφυλακὴν δὲ ταύτην εἶναι μανθάνων καὶ σκέπην, ὡς εἴπη τις, τῶν ἐκ Θεοῦ πολισμάτων σου, σάκος ἂν τούτων εἴποιμι ταύτην καὶ τοῦ Αἰαντείου ἐκείνου ὀχυρώτερόν τε καὶ κραταιότερον, ὡς προβεβλημένην δὲ τῶν λοιπῶν, ἀκολούθως πάντως καὶ πρόσακος, προφυλακὴν δηλαδὴ καὶ ἰσχυρὰν προασφάλειαν. Εἰ δὲ καὶ σάκη μὲν τοῖς ἐντὸς τὰ πολίσματα, ὡς τὰ τῶν ἐναντίων βέλη ἀποκρουόμενα, τοῦτο δὲ τῶν λοιπῶν διὰ θέσιν ὑπέρκειται, δι' ὀχύρωσιν· εἰκότως πρὸς τὰ ἄλλα τοιαῦτα σάκη ὠνόμασται πρόσακος, τῆς προθέσεως ταύτης διδούσης αὐτῷ τὴν πρὸς τὰ ἄλλα ταῦτα ὑπεροχὴν, ὡς τὸ προτρέχειν καὶ προλαμβάνειν καὶ προκαθίζεσθαι. Καὶ ἡμῖν μὲν ἔσται τοῦτο, διδόντος Θεοῦ,
F. 13 r. φυλακὴ κατὰ τούτους τοὺς λόγους καὶ ἀσφαλεστάτη συντήρησις, || Θεσσαλονικεῦσι δὲ μέγα τραῦμα καὶ ἀπευκταῖον συνάντημα. Ἀλλὰ Θεὸς ὁ μέγας καὶ ἰσχυρὸς καὶ τῶν παρὰ σοῦ ἐνεργουμένων ὁ ἀρχιστράτηγος καὶ σὺ ὁ τοῦ Θεοῦ ὑποστράτηγος καὶ τὴν μεγάλην ταύτην πόλιν ὑμετέραν ποιήσεται, καὶ ὁ καθήμερος σκόλοψ οὗτος ὁ Πρόσακος καὶ Θεσσαλονικεῖς ἀναγκάσει τῇ σῇ ἀρχῇ προστεθήσεσθαι. Ἐγὼ δὲ ἤδη τῇ διανοίᾳ καὶ παρὰ τῷ Προσάκῳ

1) ἰδόντες?

εἰμί, καὶ τῆς τοῦ μύρου ἀποφορᾶς τοῦ ἐν μάρτυσι περιβοήτου Δημητρίου αἰσθάνομαι καὶ καραδοκῶ κεφαλὴν καὶ χεῖρας καὶ ὄμματα ὅσον ὅσον ἀπὸ τούτου χρισθήσεσθαι, τόν τε Πρόσακον αὐτῷ τῷ λογισμῷ περιερχόμενος καὶ κοιλαίνω χεῖρας καὶ πίνω τοῦ ὑπορρέοντος Ἀξειοῦ, ὃν δὴ Βαρδάριον ἡ ἀγελαία γλῶσσα καλεῖ καὶ παλαιὰ τῶν ποταμῶν ἠγνοηκυῖα ὀνόματα· ποσὶ δὲ γηραιοῖς περὶ ὄχθας τούτου ὀρχοῦμαι τῷ λογισμῷ, ὡς παρὰ τῷ Ἡσιόδῳ νύμφαι ποτὲ ποσὶν ἁπαλοῖς περὶ κρήνην τινὰ βαθεῖαν, ἣν ἐκεῖνος ποιητικεύεται [1]), καὶ ταῖς ἀληθείαις θαυμάσιον, ὡς ἀναρριχᾶται φρούριον τοῦτο πρὸς ὕψος καὶ ἀναφέρεται, ποταμὸς δὲ τὴν βάσιν τούτου κάτω κυκλοῖ καὶ περιλορδίζει ταύτην καὶ περισύρεται· ὅθεν ὑδρεύονται μὲν οἱ πολῖται καὶ ἀσφαλῶς βιοῦσι τῇ δαψιλείᾳ τοῦ ὕδατος. Τὰ μὲν δὴ ταῦτα τοιαῦτα καὶ πᾶσαν γλῶσσαν εἰς εὐφημίαν σὴν προκαλούμενα· τὰ [δὲ] νῦν ἢ μελετώμενα ἢ τελούμενα νυμφοστολήματα τῶν ἡλιοειδῶν θυγατέρων σου πόσους σοι πλέξουσι τοὺς στεφάνους, ὡς ὑπὲρ ἡμῶν, τοῦ σοῦ κλήρου, πραττόμενά τε καὶ συντελούμενα καὶ ὡς προδίδως [2]) ὑπὲρ ἡμῶν καὶ τὴν οἰκείαν ψυχήν· ὃ δὴ καὶ Παῦλος ὁ μέγας ποτὲ ἐκαυχήσατο [3])· ψυχὴ γάρ σοι καὶ σπλάγχνα αἱ κόραι αὗται διὰ τὴν βίαν τῆς φύσεως. Ἀλλὰ καὶ ταῦτα τελέσει Θεὸς πρὸς τὸ χρηστότερόν τε καὶ πρεπωδέστερον. Σὺ δὲ πολλοῖς ἐπιλάμψας τόποις καὶ κατὰ τὰς τοῦ ἡλίου κινήσεις πρὸς βορρᾶν ἐλθὼν καὶ πρὸς νότον καὶ κυκλεύσας ὡς φωσφόρος οὗτος πολύπλεθρον γῆν, ἐλθέ ποτε πρὸς τὸν τόπον σου τοῦτον δῆτον περὶ ἡμᾶς καὶ ὑμέτερον, ὡς καὶ ἡμεῖς τῶν φωτοβολημάτων σου ἀπολαύσαιμεν καὶ πεφωτισμένον μέρος ἐσοίμεθα· καὶ μεγαλυνεῖ σὲ Θεὸς καὶ κραταιώσοι σε ἐπὶ πλέον, καὶ τὸ βασιλικὸν καὶ πάτριον ὑποδήσοι σε πέδιλον. Ἀλλὰ ταῦτα μὲν οὕτω μοι ηὔχθω. Μετάγοντι δὲ τὸ τοῦ νοὸς ἐξεταστικὸν ἀπὸ τῶν καθ' ἡμέραν στρατιωτικῶν ἀριστουργημάτων σου πρὸς τὰς ἐπικρίσεις τῶν ἐπισκόπων, ὅπως τοὺς βίῳ καὶ τῷ λόγῳ τῶν λοιπῶν διαφέροντας ἀποδιαστέλλεις τῶν ἄλλων καὶ καθίζεις ἐπὶ θρόνων ἐπισκοπικῶν, δοκεῖς μοι μιμεῖσθαι τοὺς τοῦ χρυσίου μεταλλευτάς, οἳ πολλὴν ἀνορύττοντες γῆν καὶ χοῦν τοσοῦτον ἀνερευνώμενοι, οὐ πρότερον τὸ σκαφεῖον ἀποχειρίζονται, πρὶν ἂν τὴν χρυσῖτιν εὕρωσι φλέβαν καὶ τὸν τιμαλφῆ χρυσὸν ἀναλέξωνται. Ἢ τρόπον μελίσσης περιίπτασαι μὲν λειμῶνας τοὺς ἱερατικούς, ἀνθολογεῖς δ' ἐκεῖθεν τὰ χρησιμώτατα καί, σίμβλοις ὥσπερ, τοῖς θρόνοις τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν ἐναποτίθης εἰς μελιτουργίαν πνευματικὴν οὓς καὶ βίος καὶ λόγος τὴν ἀρίστην ταύτην καὶ γλυκεῖαν γεωργικὴν ἐξεπαίδευσεν. Ὁποῖος ὁ μακαριώτατος Βουλγαρίας καὶ ὁ νῦν Κερκύρων χειροτονούμενος· ἄνδρε τούτω οὐμενοῦν οὐδαμῶς εἰς βίον, εἰς

1) Hesiod. Theog. 3. 2) Cod. προδήλος. 3) I Thess. 2, 8.

λόγον τινὸς δευτερεύοντες. Ἐκ τούτου καὶ προσφυῶς ἀποκαλῶ σε θυμόσοφον, ὅτι στρατιώτης ἀνὴρ καὶ περὶ μάχας ἐπτοημένος καὶ ἀναδεδημένος ὁσημέραι τὰ τρόπαια καὶ τὴν κανονικὴν ἐν τοῖς τοιούτοις ἐπιγιγνώσκεις διαταγὴν καὶ ὡς ἐκεῖνοι παρακελεύονται τὰ περὶ ἐπισκόπων διενεργεῖν κἀμὲ χειροτονητὴν καθίζεις τῶν ἀξίων ἀνάξιον. Ἀλλὰ καὶ ταῦτα ἄριστά τε καὶ τελεώτατα ἔχονται. Ἐγὼ δὲ νόσῳ μὲν καὶ γήρᾳ παλαίων οὐχ ἧττον δὲ καὶ κατὰ τοὺς ὄφεις ὁπόσα καὶ φωλεῷ τῇ κέλλῃ μου ἐνειργόμενος[1]) καὶ ὡς ἐκεῖνοι πρὸς κύκλον τῷ χρόνῳ καμπτόμενος, ἀλλὰ δῆτα καὶ τῷ καιρῷ· χειμῶνος[2]) γὰρ καὶ ὁ γέρων τροχοῦται, καί, τὸ τῆς κωμῳδιάς εἰπεῖν, πέντε σισύραις[3]) διὰ τὸ ψῦχος ἐγκεκορδυλημένος, ὅμως, ὥς τινος ἀκτῖνος ἐπιλαμψάσης μοι τῆς ἀκοῆς τῆς σῆς πλησιότητος, τοῦ ἐμοῦ ἐξείρπυσα χηραμοῦ καὶ γένωμαι σοῦ ἐχόμενα, τοῦ κοσμολαμποῦς ἡλίου ἡμῶν, καὶ τῇ συνουσίᾳ πλέον θαλπήσομαι καὶ ἀνακινήσω καὶ ἀναζήσω. Ἀλλ' ἔοικεν, ὡς εὐτυχέστεροι οἱ Ἰλλύριοι, τὴν σὴν θέρμην εἰς ἑαυτοὺς μεθελκίσαντες, ὅθεν καὶ ἐπὶ τῆς αὐτῆς ψυχρίας πάλιν ἡμεῖς, πρὸς τὰ δυτικώτερα μεταβάντος σου. Τί γοῦν κελεύεις; μένειν ἡμᾶς ἐνταυθοῖ καὶ τὴν σὴν ἐπίλαμψιν καρτερεῖν ἢ συρῆναι πρὸς τὴν ἐξ ἔθους ἡμετέραν κατάδυσιν, ἕως ἂν ἀποκάμψῃς κἀκεῖσε καὶ ἐπιλάμπων ἐπιλάμψῃς καὶ πρὸς ἡμᾶς; Ἀχθήσομαι γὰρ τῷ κελεύσματί σου καὶ μενῶ ἐν Ἰωαννίνοις καὶ Ἄρτῃ ψυχραινόμενος πλέον διὰ τὸ τῶν τόπων τούτων δυσχείμερον ἢ τὴν ἐμὴν εἰσδύσω κατάδυσιν, πρεπωδεστέραν οὖσαν, ὡς θερμοτέραν, τοῖς γέρουσι.

4.

Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν, ὅτε τὸν Πλατάμονα παρέλαβε καὶ ὑπέστρεψεν.

Ἐπανῆκες, ὡς ἔμαθον, μεγαλουργὲ Κομνηνέ, καὶ οὐ κεναῖς ταῖς χερσὶν οὐδὲ τὴν ἐκστρατείαν ποιησάμενος ἄπρακτον, ἀλλὰ καὶ μεγάλα πάλιν κατωρθωκὼς καὶ νίκας αὖθις ἀναδησάμενος. Ὅδ' αὐτὸς νῦν μὲν ἀπάγεις
F. 28 r. καὶ || ἀπόλλεις[4]), τὸ τῆς γραφῆς[5]), τοὺς ὅσοι μᾶλλον τοῖς Ἰταλοῖς ἢ σοὶ δουλεύειν ἐγνώκασι, νῦν δὲ πᾶν ἄρσεν αἴρεις αὐτῶν, ἀπὸ τοῦ κόσμου δηλονότι καὶ τῆς ζωῆς, ὅσον ὁπλομάχον καὶ ὅσον ἀντίξουν σοι, καὶ τὰ κῶλα τούτων καταστρωννύεις εἰς γῆν, καθά που καὶ Θεὸς ἐν ἐρήμῳ ποτὲ τὰ τοῦ ἀγνώμονος Ισραήλ. Πόλεις δέ, ὅσας αὐτοὶ ἐπολίσαντο πρὸς τὴν σφετέραν ἀσφάλειαν, τίθεις εἰς χῶμα καὶ ἀναμοχλεύεις αὐτῶν τὰ θεμέλια· αἳ δέ,

---

1) Cod. ἐνειργώμενος. 2) Cod. χειμών. 3) Cod. σίσυρες Cf. Aristoph. Nubes. 10.
4) Cod. ἀπόλεις. 5) Es. 26. 14.

οὐδὲ τὴν ἔφοδον καὶ μόνην ὑπενεγκεῖν σου δυνάμεναι, ζυγὸν δουλείας ὑπέρχονται καὶ τὸ δεσπόσυνόν σου ἐπαυχενίζονται· ἄλλοι δὲ τῶν θεομισῶν Ἰταλῶν ἐν τούτῳ μέρει μιμοῦνται τοὺς ὄρνιθας· τῶν γὰρ οἰκείων φωλεῶν γινόμενοι ἐκπετήσιμοι, ἀπονητὶ πρὸς τοὺς πόνους αὐτῶν εἰσέρχεσθαί σε πρεσβεύουσιν, ὡς ἐν αὐτοῖς ἢ τοὺς ὑπὸ τὴν σὴν δραστήριον χεῖρα οἰκεῖν καὶ καθάπερ στρουθοὺς τὰ ἐκ θελήματος σαρκὸς καὶ γεννᾶν καὶ τρέφειν καὶ αὔξειν ἢ μετὰ τῶν πολισμάτων τούτων καθαίρεσιν τὰ τοῦ ἀγροῦ στρουθία τούτοις ἔχειν ἐννοσσιεύεσθαι. Τὸ δέ γε νῦν τελεσθὲν ἢ κατορθωθὲν ἢ πραχθὲν πρὸς ἑαυτὸ τὴν γλῶσσαν μετάγει μου, ὁ ὑπερνεφὴς δηλαδὴ Πλαταμὼν καὶ τὸ κατὰ κύκλον τοῦτο περιγεγραμμένον πολίχνιον· ὅπως καὶ κυκλωθὲν καὶ πολεμηθὲν ἑάλω καὶ τοῦτο καὶ γέγονεν ὑποχείριον, ὡς λέγειν καὶ τοῦτο μετὰ τοῦ θείου Δαυίδ· κυκλώσαντες ἐκύκλωσάν με, κἂν οὐκ ἠμύναντο τοὺς κυκλώσαντας· οὐδὲ γὰρ ἐν ὀνόματι Κυρίου [1]) ᾠκεῖτο τοῦτο τὸ πόλισμα, ᾧ σὺ θαρρῶν καὶ ᾧ ὀνόματι στρατηγούμενος, ἠμύνω μᾶλλον τοὺς κυκλουμένους τούτους ἀλάστορας. Ἅμα δὲ καὶ εἰς πλατυσμὸν τῶν ἔμπροσθεν ἀπὸ Θεοῦ σχοινισμάτων σου τὸν Πλαταμόνα τοῦτον ἔχω ὑπολογίζεσθαι· πλατύνων γὰρ πλατυνῶ, καὶ πρὸς σὲ φησὶν ὁ Θεός, τὰ σχοινίσματά σου καὶ τὴν κληρονομίαν σου· μή ποτε ὁ Θεὸς ὁ πάντα ποιῶν, ὁ πάντα δυνάμενος καὶ τὸ τῶν μαρτύρων στέφος, ὁ μέγας Δημήτριος, τὴν γείτονα τῆς Θεσσαλῶν παραδόντες σοι, καὶ τὴν ἐντὸς τῆς γειτονουμένης μεγαλοπόλεως εἰσέλευσίν σου προγράφουσιν, ὡς ἔχειν σε λέγειν τῆς τοῦ ἐκεῖθεν μύρου ἀποφορᾶς καὶ ἀπὸ ταύτης αἰσθόμενον· πότε καὶ εἰς πραγματικὴν ὀσμὴν δραμοῦμαι, μάκαρ, τῶν μύρων σου καὶ εἰσελεύσομαι πρὸς τὸ θυσιαστήριόν σου καὶ ἐξελεύσομαι καὶ περικυκλώσω τὸν τάφον σου καὶ ἅψομαι φῶτα καὶ ᾄσομαι ᾄσματα καὶ τῷ θείῳ μύρῳ χρισθήσομαι, ὡς καὶ χρῖσμα ἕτερον παρυψώσεως θαρρούντως χαραδοχεῖν ἐκ ταύτης τῆς χρίσεως. Ἐγὼ τέως ταύτης τῆς πόλεως ἀκούσας τὴν ἅλωσιν, εὐθὺς πρὸς τὴν ἁλιευτικὴν μετήνεγκά μου τὸ λογιζόμενον· ὅπως ὁ ἁλιεὺς πέτρας μὲν ὑπερκάθηται, ἄγκυστρον δὲ χαλᾷ εἰς βυθὸν λεπτῇ μηρίνθῳ παρηρτημένον καὶ τὸν ἐγχάναντα τούτῳ ἰχθὺν ἀμείβων χεῖρα χειρὸς ἀνέλκει καὶ ἐγκολπίζεται. Τροπολογείσθω μοι πρὸς πέτραν οὗτος ὁ Πλαταμών, ὅτι καὶ πετρώδης ὁ χῶρος καὶ ἐπὶ πέτρας οὗτος ἀνῳκοδόμηται· εἰς ἁλιέα δὲ ὁ μεγαλουργὸς ἐμὸς Κομνηνός, τῆς πέτρας ταύτης ὑπερκαθήμενος· θάλασσα δὲ ἥ τε πόλις Θεσσαλονίκη, πόλις πρὸς πλάτος ἐξηπλωμένη, καθά που δὴ καὶ ἡ θάλασσα, πόλις εὐγενὴς εὐγενεῖ πρέπουσα, πόλις Θετταλίας κολωνία·

1) Psal. 117, 10. 11.

τοῦτο δὴ τὸ παρὰ τοῦ Λουκᾶ ἐν ταῖς Πράξεσιν εἰς σέμνωμα τῆς τῶν Φιλιππησίων ἐκφωνηθέν [1])· ἢ αὐτὰ τὰ μύρα τοῦ μάρτυρος, θάλασσα καὶ ταῦτα ὄντα μυρίπνοος καὶ κόσμον ὅλον κυκλοῦντα, ὡς τὸν ὠκεανὸν ἀναγράφουσιν· εἰς μήρινθον δὲ ἡ τῶν σῶν μεγαλοφυῶν βουλευμάτων παρὰ τῆς Θεσσαλῶν ἐμπλοκή· ἄγκιστρον δὲ ὁ πόθος, ὃν σε ποθοῦσιν οἱ ἐν αὐτῇ ἐπιχώριοι, ὅσοι τῆς ἡμετέρας θρησκείας, ὅσοι τοῦ ἑλληνίζοντος, ὃν ἐκ καλοκαγαθίας αὐτοῖς ἐνεχάλασας. Ἄγκιστρον δὲ καὶ τὸν διάπυρον ἔρωτα τοῦ καλοῦ κατωνομάζουσιν αἱ γραφαί, καθά που καὶ τὰ ἐν Βαβυλῶνι παιδία τὰ ἱερά, τῷ θείῳ πόθῳ ἀγκιστρευόμενα, φλογὸς κατετόλμησαν, ἐπὶ πήχεις ἡρμένης ἐννέα καὶ τεσσαράκοντα. Ἰχθῦς δὲ τίνας εἴποιμι ἂν ἢ αὐτοὺς τοὺς πολιτευομένους ἐν Θετταλῇ, εἴ καὶ καταπιόντες τὸν πόθον τοῦτον ὡς ἄγκιστρον καὶ ἀναχθείησάν σοι καὶ ἐντεθείησαν ἐν τῷ κόλπῳ σου, τῇ συν-
F. 28 v. οχῇ δηλονότι καὶ τῇ || παρὰ σοῦ φυλακῇ [2]), ἐν αἷς σωθήσονταί τε καὶ ζήσονται. Ταῦτά σοι πλέκει ἐκ τοῦ παρέργου ὁ σοφιστής· προσκυνήσει δέ σε καὶ ὁ τοῦ λόγου πατὴρ καὶ σοὺς νικοποιοὺς βραχίονας κατασπάσεται.

5.

Τοῦ χαρτοφύλακος Ἀθηνῶν κῦρ Γεωργίου Βαρδάνη ὄντος ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Γρεβενῶν καὶ προσκληθέντος παρὰ τοῦ Ναυπάκτου ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Βονδίτζης.

F. 29 v. Παναγιώτατε δέσποτα καὶ καθηγητὰ μετὰ τὸν ἕνα καὶ πρῶτον καθηγητὴν Χριστόν· οὐ γὰρ ἀποστερῶ σε τῶν προσόντων ὀνομασμῶν, οὓς ὁ βίος, ὁ λόγος εὖ ποιοῦντες σοὶ ἐχαρίσαντο. Ἐγὼ καὶ πρὶν μὲν ἔχαιρον, εἰς ἐμὰς χεῖρας πιπτούσης τιμίας σου καὶ πανσόφου ἐπιστολῆς, χρῆμά τι θεῖον νομίζων εὑρίσκειν καὶ ὡς μαργάρους ἐκλεκτοὺς κόλποις διανοίας ἐνθησαυρίζων τὰ σὰ θεοχαρίτωτα λόγια· οὔποτε δὲ τοσαύτης ἐπεφόρημαι χαρμονῆς, ὁπόσης εἰς τὸ παρόν, οὐχ ὅτι θυμήρη τινά μοι γέγραφας καὶ ἀναπαύσεως οὐ τῆς τυχούσης προσκλητικά, ἀλλ' ὅτι καὶ περί που τὴν τῷ μεγαλοκήρυκι Παύλῳ ἀβάτην [3]) Ἰλλυρίδα διάγοντί μοι τῶν χρυσακτίνων σου ῥημάτων ὁ φωτισμὸς ἐνήστραψε, τελεώτατε. Καὶ πέποιθα λέγειν ὡς τὸ ὑστέρημα τοῦ σκεύους τῆς ἐκλογῆς αὐτὸς ἀνεπλήρωσας, ἰσαπόστολε, κἂν μὴ κοινῇ πρὸς Βουλγάρους, ἀλλ' ἰδίᾳ καὶ πρὸς ἡμᾶς ὁ τῆς ἐπιστολῆς φθόγγος ἐξεφωνήθη. Καὶ ὡς αὐτὸς οὗτος ὁ κορυφαῖός ποτε τοὺς τῶν Ἀθηναίων σοφωτέρους ἐζώγρει πρὸς πίστιν τῷ ἐπιβωμίῳ τούτων χρησάμενος ἐπιγράμματι· κατὰ ταὐτὸν δὲ καὶ σύ, τὸ μετὰ Παῦλον στόμα Χρι-

1) Acta 16, 12. 2) Cod. φυσικῇ. 3) Cod. ἰνατὴν ν secunda manu in rasura.

στοῦ, παρὰ τῶν ἀνὰ χεῖρας ἐμοὶ πραγμάτων, ὁποῖα διενεργεῖν ἐπιτέτραμμαι καὶ οἷς σπουδὴν, εἰ καὶ ἐμοὶ [1]) ἐκουσίαν, ὅμως χαρίζομαι, προσάγεις οἷον ἄγκιστρόν μοι γλυκὺ, ὅτι καὶ Βόνδιτζα τοῦτο τῇ Βουλγάρων γλώσσῃ διασημαίνεται. Οὕτω σοφῶς λίαν καὶ φιλανθρώπως ᾠήθης ἑλεῖν καὶ μεθελκύσαι περὶ τὰς σάς με μακαρίας καὶ ἡμέρους σκηνάς. καὶ ὥσπερ τις ἐπαγωγὸς νυμφοστόλος, ἑτέραν ὡραιοτέραν ἀντιπαραδεικνὺς, πείθεις με τῆς προμνηστευμένης [2]) ἀφροντιστεῖν, ὅλον δὲ τὸν ὀφθαλμὸν διδόναι τῇ παρὰ σοῦ νυμφαγωγουμένῃ καὶ κάλλους αὐτῆς ἐλευθεριότατος [3]) ἑτοίμως ἄγαν ἁλίσκεσθαι. Εἰμὶ μὲν οὖν οὐκ ἀνέραστος· ἢ πῶς; μνηστῆς καὶ ταύτης θεοπέμπτου διὰ σοῦ μοι προσαγομένης καὶ μακαριστόν με ποιήσειν κατεπ- || F. 30 r. αγγελλομένης, ὡς ἱκανῆς σὺν τῷ σώματι κλείσαι καὶ τὴν ψυχήν. Οὔπω δὲ θαρρεῖν ἔχω τὸν πνευματικὸν τοῦτον γάμον, πρὸς τὸ τοῦ ἀξιώματος μέγεθος ἀφορῶν καὶ πεφοβημένος, μὴ οὐ καλῶς τὸ καλὸν διοικήσαιμι, μᾶλλον μέντοι καὶ ἐπαισχύναιμι τὴν ἱερωσύνην, ὡς εἴ τις, νῆα παραλαβὼν πλήρη πολλῶν ἀγωγίμων καὶ ἀγαθῶν, εἶτα δι' ἀπειρίαν κύμασι καὶ ῥαχίαις αὐτὴν πιστεύσει καὶ ὑποβρύχιον ἀπεργάσεται. Τοῦτο δὴ τὸ τῆς εὐλογωτέρας αἰτίας, ὦ θεοείκελε. Εἰ δέ με δέχῃ κἀκ τῶν ἄλλων συγκροτοῦντα τὸ τῆς καρδίας μου δειλαινόμενον, καὶ οὐδὲ τούτων ἀξίων ὑπ' ἐμοῦ κατολιγωρεῖσθαι· οὔτε τὸ τῶν καιρῶν ἀνώμαλον οἷόν τέ ἐστιν εἰς τοὔργόν με διεγεῖραι καὶ ὁ τὰ πάντα ἐμοὶ ἐκ Θεοῦ καὶ μετὰ Θεὸν γενόμενος ὁ βίῳ καὶ λόγῳ πανυπέροχος Ἀθηνῶν ἀναδύεταί πως χάρτην ἀπολύσιμον πρὸς ἱερωσύνης ἐπίβασιν ἐγχαράξαι μοι. Καὶ δῆλον ἐκεῖθεν, οἷς μικρῷ πρόσθεν δι' ἀνθρώπου καὶ γράμματος παρέστησα κατὰ μέρος τῇ αὐτοῦ ἁγιότητι τὰ περὶ ἐμὲ τὸν ἀχρεῖον εὐεργετήματα τοῦ μυριονίκου καὶ κραταιοῦ κυρίου ἡμῶν, τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ, τὴν προτέραν τὴν ὑστέραν εὐμένειαν, καὶ ὅπως ἀπὸ ἀχρήμονος καὶ πεζοῦ κέρμασιν ἀργυρέοις καὶ μετρίοις ἵπποις με διεκόμισε καὶ ἐκκλησίᾳ ἐντέταχεν, οὐ μόνον τῆς παλαιᾶς εὐεστηρίας αὐτάρκη τὰ ἴχνη περισωζούσῃ, ἔν τε σπορίμῃ καὶ ἀμπελουργουμένῃ γῇ, πολυανθρώπῳ παροικίᾳ, εἰς μηδὲν ἑλκομένῃ παρὰ τῶν ἐκλεγόντων δημόσια φορολογήματα, ἀλλὰ καὶ ναῷ κομώσῃ, οὗ τὸ κάλλος ὡς ἄφραστον καὶ ὁ κλῆρος εὐπαίδευτος, ὡς εἶναι τὴν ἀρραβωνιζομένην ἐλλείπουσαν οὐδενὸς τῶν θέλξαι ψυχὴν ἀνθρώπου δεδυνημένων, ἄνευ μόνης τῆς ἑλληνικῆς εὐομιλίας καὶ περιττότητος, δι' ἥνπερ ἄρα κἀγὼ ἀσχάλλοντι ἔοικα. Οὐ περὶ πολλοῦ δ' ἂν καὶ ταύτην ἐποιησάμην, τοῦ ἐμοῦ ἀρχιερέως ὑπανιέντος με· ὡς νῦν γε πάντως ἐν ἀμηχάνῳ καθέστηκα, καὶ τὸ προσόν μοι ἀνάξιον κωλύμην γίνεσθαι φανερῶς καὶ ἔβλεψα καὶ πεπίστευκα. Δέδοικα

1) εἰ καὶ μή? 2) προμεμνηστευμένης? 3) ἐλευθεριωτάτου?

δὲ, μὴ καὶ τὸ πρὸς ἡμᾶς ἱλαρὸν καὶ γαλήνιον τῶν κρατούντων, καθάπερ ὀστράκου μεταπεσόντος, ἐναλλαγήν τινα πάθοι καὶ ὑπαμβλύνοι τὸν ἔλεον. Ἀλλὰ τοῦτο μὲν ἀγαγέσθω, ὅπως ἂν καὶ ἄγοι Θεός· ἴσως γὰρ ἂν καὶ λύπην ἐνέγκοιμεν, ἔνθα μὴ μῶμος ἅπτεται τῆς ψυχῆς, καὶ εἰ τῷ σώματι προσέρποι τις στένωσις· σὺ δ', ὁ θεόσδοτος ἐμοὶ κηδεμὼν ὁ καταφρονῶν οὐδενὸς τῶν κατ' ἐμὲ μικρῶν τε καὶ ἐλαχίστων, ἐπὶ μνήμης ἔχεις δή που τὸ τοῦ ἁγίου Ἀθηνῶν ἀδελφικὸν ἀξίωμα, τοῦ μὴ ἐπισκοπικῇ σφραγῖδι καθυπαχθῆναι με, ὅπερ, ὡς εἶπον, καὶ εἰς αὖθις τηρεῖν με βεβούληται, ἀλλ' ἑτέραν οἰκονομίαν πορίσασθαί ποθεν ζωαρκῆ. Εἴπερ οὖν καὶ ὁ δεσπότης μου, ὁ μέγας Ναυπάκτιος, πρὸς ταύτην ἐπιρρεπὴς, ἂν τὴν ὀρφανισθεῖσαν καταγωγὴν ἱερὰν εἰς δῶρον ἀπονέμῃ ἐμπρόθεσμον, οὐ βραδυνῶ πρὸς τὴν ἔνθεν αὐτόθι μετάκλησιν, ἀλλὰ τὸ κατ' ἐμὲ πρὸς τὸ εὖ διαθέμενος, μεταβήσομαι, κελεύσει μὲν τοῦ θεοφρουρήτου Κομνηνοῦ, θελήσει δὲ καὶ πρὸς τὴν δηλωθεῖσαν μοι ἐκκλησίαν εἰσαγωγὴν παρὰ τῆς μεγαλοδώρου ἁγιωσύνης σου. Ἧς καὶ γράμμα σοφὸν ἐλπίζω δέξασθαι διὰ τοῦ παρόντος, τί τὸ ποιητέον ἐλευθέρως ἀναδιδάσκον με, τὸν γλῶσσαν διαπαντὸς ὑπὲρ τοῦ σοῦ ὀνόματος κινοῦντα εὐχάριστον· ἐγὼ λέγω, καὶ ὁ Θεὸς ἐπιμαρτυρεῖ ὁ τῇ ἁγιωσύνῃ σου χαριούμενος γῆρας λιπαρὸν καὶ μακρόβιον. Βαθύ σοι καὶ δουλικώτερον ποιοῦμαι προσκύνημα· ὁμοίως καὶ ὁ τῶν ἀδελφῶν ὑστερότοκος, ὁ τῆς σῆς εὐποιίας καὶ τῶν χαρίτων ἐν ἀπολαύσει πρῴην γενόμενος.

6.

Ἀντίγραμμα πρὸς αὐτὸν τοῦ Ναυπάκτου.

Ἃ μὲν σὺ γράφεις πρὸς τὸν κοινὸν ἡμῶν πατέρα καὶ δεσπότην τὸν Ἀθηνῶν καὶ ἅπερ οὗτος ἀντιφωνεῖ πρὸς τὴν σὴν τιμιότητα, οἴδατε ἄμφω. Ἐγὼ δὲ οὕτως ἐξέχομαί σου κατάκρας ὡς ἕρμαιον ἡγήσασθαι τὴν τῆς
F. 30 v. Βονδίτζης χηρείαν· ἅμα τε || γὰρ εἰσέπεσέ μου τὰς ἀκοὰς τοῦ ἱεροῦ νυμφίου ταύτης ὁ χωρισμὸς, καὶ τὸ πρῶτον κίνημα τοῦ νοὸς ὁ Βαρδάνης ἦν νυμφίος ἄλλος ὡραῖος ἀντεισαγόμενος, λόγον καὶ βίον, ἕδνα τὰ πάντα κάλλιστα χαριούμενος τῇ νυμφευομένῃ, τῷ δέ γε πατρὶ καὶ νυμφοστόλῳ ἐμοὶ νέον σθένος, ἤδη γεγηρακότι καὶ δεομένῳ τοῦ ὑπερείδοντος. Ἀλλὰ τῆς ἄγρας ἀπέτυχον, τὸ ἄγκιστρον τοῦτο, κατὰ τὴν Βουλγάρων, ὡς γράφεις, φωνήν, οὐκ ἐπὶ τῷ ῥήματι τοῦ Χριστοῦ χαλάσας, ὡς ἔοικεν· οὔτε γὰρ χανὼν εὐθὺς αὐτὸ κατεδέξω, καὶ αὐτὸς οὐκ ἔσχον ὡς ἐκ βάθους τοῦ Βουλγαρικοῦ κλίματος ἀνελκύσαι σε πρὸς ἐμὲ, ὁπόσα καὶ λεπτῇ μηρίνθῳ, τῷ γράμματι. Κατὰ τοὺς φρονιμωτέρους ἰχθῦς, τὸ μὲν ἐσθίεις κατέχων

δέλεαρ, ὁποῖα τὰ τοῦ βίου καὶ οἷς ἀπατώμεθα· ἑτέρῳ δὲ δεικνυμένῳ ἐπιχαίνεις μακρότερον, ὡς ἂν τὸ ἄγκιστρον δεδιττόμενος. Καλῶς δὲ ποιεῖς καὶ τὴν ἐξουσίαν ὑποστελλόμενος καὶ συμμορφαζόμενος τῷ καιρῷ, καὶ βλέπων ἐφ' οἷς μετέρχῃ, κατὰ τοὺς ἐν φρονήσει τελείᾳ, ἅμα πρόσω καὶ ὀπισθεν. εἶεν· πεῖραν δὲ λαβὼν σου τῆς λογιότητος ἐξ ὧν ἐμοὶ γράφεις καὶ τῆς ἀρετῆς ἐξ ὧν τῷ Ἀθηνῶν ἐμαθήτευσας, ἄξιον μὲν ἐπισκοπῶν κρίνω σε, ἀλλ' οὐ ταύτης ἢ ἐκείνης τῶν χαμερπῶν καὶ ὑπὸ ἀρχὰς, ἀλλ' ἀρχικωτέρας ὁποιασοῦν καὶ ἰσαξίου λυχνίας τοῦ ἐνόντος σοι διπλοῦ λυχναίου φωτὸς, ἐκ λόγων ἐκ πράξεων. Ἀλλὰ διὰ τὴν περίστασιν τοῦ καιροῦ καὶ τὸ τύχην εἶναι μᾶλλον τὰ πράγματα τῶν θνητῶν ἢ εὐβουλίας, ὥς τις γράφει τῶν τραγῳδῶν[1]), καὶ τὸ πιέζειν ἕκαστον τὸ οἰκεῖον, ὡς ἔλεξε Πίνδαρος[2]), ὥσπερ κἀμὲ ἡ τῆς ἐμῆς Βονδίτζης φροντίς, τὴν σὴν μετεκαλεσάμην εἰς ἑαυτὸν ἐντιμότητα. Καὶ οὐκ ἂν μωμηθείην ἕλκων εἰς ἐμαυτὸν τὸ καλὸν, κἂν ὅπως ἄρα καὶ ἕλξαιμι· οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἡ Ῥεβέκκα μεμπτέα διὰ τὸ πλέον φιλεῖν τὸν ὑστερότοκον Ἰακὼβ παραλογισαμένην τὸν Ἰσαὰκ καὶ τὴν εὐλογίαν τὴν πατρικὴν τῷ τοῦ πρωτοτόκου περιβολαίῳ λωποδυτήσασα. Ἐπεὶ δὲ τὰ προγραφέντα τά τε νῦν χαρασσόμενα φιλίας ἐνδεικτικά, φίλου δὲ τὸ μὴ τὸν φίλον παραλογίζεσθαι ὁπωσοῦν, οὐκ ἀρνήσομαι, δέσποτα, ὡς τῶν ἐπισκοπῶν αἱ Βουλγαρικαὶ πολλῶν μητροπόλεων, εἰ μὴ καὶ λέγω πασῶν, ἐν ἀφθονίαις πραγματικαῖς, ἐν τοπικαῖς ταῖς χάρισιν ὑπερέκειντο, καὶ ἦσαν αἱ ὑψηλωνυμούμεναι πρὸς αὐτὰς ἢ ὡς σκιὰ πρὸς σῶμα ἢ ὡς πρὸς πράγματα ὄνειρος, εἰ δὲ βούλει, καὶ ὡς φωναὶ ἔναρθροι μὲν, ἀσήμαντοι δὲ, ὥσγε κατ' οὐδενὸς ὑποκειμένου λεγόμενα, ὁποῖα φασὶ τὸ βλίτυρι[3]) καὶ τὸ κνὰξ οἱ τῶν φιλοσόφων λόγων ἐξηγηταί. Ἐγὼ δὲ καὶ πάλαι καὶ νῦν, πρὸς τὰ ὀνόματα καὶ τὰς εἰσφορὰς τινων ἀποσκοπῶν μητροπόλεων καὶ μᾶλλον τῶν ὑψηλοθρόνων καὶ ἀνατολικῶν, κἀκεῖνο εἶχον ὑπολογίζεσθαι, ὅτι, καθάπερ τὰ κατὰ συνθήκην ὀνόματα συγκείμενα μὲν οὐσίαν σημαίνουσιν ἰδικῶς, ῥήμασι δὲ προστιθέμενα μετὰ οὐσίας ἐνέργειαν, τοῖς δὲ κατὰ λέξιν συγχωριζόμενα οὐδὲν οὐδενὸς ὑπάρχει σημαντικὸν, οὕτω καὶ τῶν μητροπόλεων αἱ πολλαί. Καὶ ἄν τις καὶ ἐπὶ ταύταις κλῆσιν διεῖλε καὶ ὕπαρξιν, ἢ οὐδὲ εὗρε δηλοῦν ἑκάτερον τῶν μερῶν ἢ κλῆσιν μόνην πραγμάτων ἔρημον. Οὕτως ἦσαν εἰς τὸν ἀνόπιν χρόνον καὶ μέχρι ἡμῶν οἱ τῶν ἐπισκόπων ἐπιφανέστεροι θρόνοι, αἱ δὲ κατὰ Βουλγαρίαν ἐπισκοπαὶ κατά τε προσόδους κατά τε τοπικὰς θέσεις καὶ ὑψηλολογούμεναι καὶ μεγαλιζόμεναι, ὡς καὶ πολλοὺς τῶν τῆς μεγάλης ἐκκλη-

1) Chaerem. fr. 2 p. 782 Nauck.
2) Pind. Nem. 1,53.
3) cod. βλίτιρι.

σίας τροφίμων καὶ σὺν ἐκείνοις κἀμὲ, εἰ μὴ τὸ φιλοδοξεῖν διεκώλυσεν, ἐρᾶν ἐπιβῆναι θρόνου Βουλγαρικοῦ. Καὶ κἂν πάσας καὶ ταύτας πάντως ἡ καιρικὴ ἀνωμαλία ἠχρείωσεν, ἀλλ' εἰ προσήκει τὴν ἀλήθειαν λέγειν, ὑπερφέρειν νομίζω καὶ εἰς τὰ ἔσχατα ταῦτα τὴν τῶν Γρεβενῶν τῆς Βονδίτζης, τοῦτο μόνον ταύτης ὑπερτερούσης αὐτῆς, τὸν πάντα ἑλληνισμὸν καὶ τὸ μέσον κεῖσθαι Γραικῶν. Ἄν τε γοῦν ἐπισκοπῆσαι θελήσεις ἄν τε κατέχειν ἀνεπισκόπως ἐπισκοπὴν, ἡ τῶν Γρεβενῶν ὑπερτέρα, ἴστω φίλιος κύριος, ἴστωσαν φιλάνθρωποι ἄγγελοι, ὡς οὐ. . . .

7.

Τοῦ Κομνηνοῦ πρὸς τὸν Ναυπάκτου.

251 F. 1 v. 250 F. 6 v. Οὐκ οἶδα τίσι τρόποις[1]) προήρπασεν ἡμῖν[2]) ὁ Θεὸς τὴν πανολβίαν ἐκείνην ψυχὴν, τὸν θαυμαστὸν Κερκύρων, τὸν Πεδιαδίτην κῦρ Βασίλειον, οὐκ οἶδα τοῦτο καὶ[3]) διηπόρημαι. Ἄνθρωπος γὰρ ἐκεῖνος οὐχ ὅπως θεωριῶν ὄντως ἀνὴρ, ἀλλὰ καὶ τῆς πρακτικῆς σοφίας οὐκ ἀμοιρῶν. Μεγάλην οὖν ἡμῖν ἐξ ἡμῶν ἐκεῖνος γενόμενος τὴν δυσθυμίαν ἐνέσταξε καὶ μέγα πένθος ἐγκαταλέλοιπε. Ἐκεῖνος μὲν οὖν προαπῆλθε βίου τοῦ ἀνθρωπίνου, θρόνον δὲ τὸν αὐτοῦ ἕτερος διεδέξατο· δόξας δὲ καὶ αὐτὸς ὡς ἐν ὀνείροις ἱερατεῦσαι, συναπῴχετο καὶ αὐτός· κρίματα δὴ ταῦτα ἅπερ ἀπέκρυψεν ἀφ' ἡμῶν[4]) ὁ Θεός. Κεῖται γοῦν ἐς δεῦρο ἡ τῶν Κερκυραίων ἱερὰ καθέδρα χηρεύουσα καὶ φροντὶς ἡμῖν οὐκ ἐλαχίστη καὶ περὶ τούτου· μεριμνῶμεν γὰρ μετὰ τῶν ἄλλων καὶ περὶ αὐτῶν[5]), καὶ τὸ πνεῦμα ἡμῶν[6]) σκάλλει[7]) παρ' ἑαυτοῖς καὶ μέμηλεν ἀκατάπαυστα. Τὸν γοῦν ἱερὸν ὑμᾶς μελισσῶνα ἕκαστον παρὰ τῇ ἑαυτοῦ καταδύσει τὸ μέλι σιμβλουργοῦντα τῆς ἀρετῆς ὑπαναστῆναι διερεθίζομεν καὶ τὴν πνευματικὴν ταύτην κεναγγίαν δι' ἱερᾶς ψήφου ἀναπλη- 251 F. 12 r. ρώσειν ὑμᾶς προκαλούμεθα. Σύνελθε οὖν, || ὦ σεβασμία μοι κεφαλὴ, μετὰ τῶν ὑπὸ σὲ ἀδελφῶν εἰς τὴν ὑφ' ὑμᾶς[8]) χώραν τὴν Ἄρταν, κατὰ τὴν ιε' τοῦ μέλλοντος ὀκτωβρίου μηνός, καὶ καθίσαντες τὸν οὐκ ἀδόκιμον προχειρίσασθε σὺν Θεῷ[9]), || ἂν δὲ καὶ τὸ ἐμὸν οὐκ ἀπόβλητον παρ' ὑμῖν, εἰ δὲ καὶ τὰ κοσμικὰ τοῖς ἱεροῖς παραμιγνύειν οὐκ ἀπηγόρευται, συνεισφέρω βουλὴν παρ' ὑμῖν, ἀλλ' οὐ τυραννικὴν, ὅτι τέως ἐμοὶ πρόσφορος παρὰ τῇ τοιαύτῃ ψήφῳ λελόγισται ὁ ἐντιμότατος χαρτοφύλαξ Ἀθηνῶν καὶ ἡμῖν ἀγαπώμενος ὁ Βαρδάνης· ἄνθρωπος γὰρ ὁ τοιοῦτος οὐ παντοδαπῷ λόγῳ

1) προσώποις 250. 2) ἡμῶν 250. 3) om. 250. 4) ἐξ ἡμων 250. 5) αὐτοῦ 250. 6) om. 250. 7) Psal. 76,7. 8) ἡμᾶς 250. 9) Reliqua des. in cod. 250.

μόνον ἐνσεμνυνόμενος, ἀλλὰ καὶ βίῳ τὸν λόγον προσεπικοσμεῖν, καὶ τῷ ὄντι πρὸς ἱερατείαν, κατὰ τὴν ἐμὴν δόξαν, ἁρμόδιος· οἶμαι δὲ ὅτι προσήκων φανήσεται καὶ ὑμῖν. ὅμως, ἀλλὰ τρακταίσατε τὰ τοῦ πράγματος σὺν Θεῷ. Καὶ ἐκεῖνος, ὃς ἐν γλώτταις πυρίναις—δήλωσις δέ, οἶμαι, τοῦτο τῶν μετὰ μέθεξιν πνευματικῶν διαβάσεων — τοῖς ἑαυτοῦ θεράπουσι τὴν χάριν διένειμε, χορηγήσαι τὸ ἀπλανὲς καὶ λυχναυγῆσαι τοῖς ἀγνοοῦσι τὸν ἄξιον ὑφ' ὑμῖν χειραγωγηταῖς. ἡ ἁγία εὐχή σου εἴη μετ' ἐμοῦ. μην. σεπτεμβρ. ἰνδ. η'.

Ὑπογραφή· Θεόδωρος ὁ Δούκας. ὄπισθεν δὲ ἐπιγραφή· τῷ παναγιωτάτῳ δεσπότῃ καὶ ἐν Κυρίῳ πατρί μου, τῷ μητροπολίτῃ Ναυπάκτου, Θεόδωρος Κομνηνὸς ὁ Δούκας.

8.

Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν.

Ἔδει, κράτιστε Κομνηνέ, μὴ τοὺς νεκροὺς ἐρωτᾶσθαι περὶ τῶν ζώντων· 250 F. 18v.
μικροῦ γὰρ εἰς νέκρωσιν ἡμᾶς ἡ νόσος κατήγαγε· μηδὲ τοὺς τῷ πλείονι μέρει τῶν πνευματικῶν παρακρουσθέντας ἐνεργημάτων περὶ ἐπισκοπικῶν καταστάσεων. ἐπεὶ δὲ Χριστὸς τὰ πρῶτα ἔτι τὸ ἐπισκοπικὸν ἡμῖν ἀποχαρίζεται ὄνομα καὶ ἡ σὴ μεγαλειότης τὸ αὐτὸ φρονεῖ ἐν ἡμῖν, ἀπενείμαμεν διὰ τῆς κεφαλικῆς ἐπικλίσεως τὸ προσῆκον σέβας τῷ σῷ ἐγγράφῳ κελεύσματι, δικαίῳ τε ὄντι καὶ καίριον αἴτιον ἐγκείμενον ἔχοντι, τὴν τοῦ Κερκυρόθι λαοῦ ἐπισκοπικὴν καὶ διεξαγωγὴν καὶ κυβέρνησιν. Ἀλλὰ καὶ ὁ τῆς συνελεύσεως ὅρος καὶ λίαν ἥμερος καὶ φιλάνθρωπος· ἡμῖν τε γὰρ τοῖς κατακλίτοις ἀνακωχεύσει τὴν νόσον τὸ τεθὲν τοῦ χρόνου μέσον διάστημα καὶ τοῖς ἀδελφοῖς μου πάντως τὸν ἐκ μακρόθεν βάδον πρὸς τὸν ὁρισθέντα τόπον τῆς συνενώσεως. Οὕτω τὰ σὰ καὶ φιλάνθρωπα καὶ μετὰ συνέσεως διεσκοπούμενα. Εἰ μὲν οὖν Θεὸς ὀλιγώσει μοι τὴν ἀπὸ τοῦδε κατάκλισιν, καὶ τὸ τῆς γραφῆς ἐγκαίρως εἰπεῖν, ὅλην τὴν κοίτην μου στρέψει ἐν τῇ ἀρρωστίᾳ μου ταύτῃ[1]). καὶ προπηδήσω τῶν ἀδελφῶν, καὶ δρόμον ὄψεσθε χωλῶν, τὸ τῆς παροιμίας. Εἰ δὲ σκληρύνων σκληρυνεῖ καὶ παιδεύων παιδεύσει καὶ ἐν ἐλέει ἐλέγξει με· οὕτω γὰρ πείθομαι παιδεύειν Θεόν, μαστιγοῖ γὰρ πάντα ὃν παραδέχεται· σώματι μὲν οὐ παρέσομαι, γράμματι δὲ πάντως καὶ γνώμῃ κοινωνήσω τοῖς ἀδελφοῖς. Οἷον δέ μοι κοινὸν πικρίας

1) Psal. 40, 3.

ἔμελλεν ὁ χρόνος οὗτος κιρνᾶν, ὅτι καὶ θάνατον ἤκουσα τοῦ μεγάλου Κερκύρων καὶ διάδοχον ἐκείνου προβαλέσθαι μετακαλοῦμαι.

ὦ γαῖα μῆτερ ἡλίου τ' ἀναπτυχαί,
οἵων λόγων ἄρρητον εἰσήκουσ' ὄπα![1]).

ποῖον δυστύχημα μεῖζον ταύτης τῆς ἀκοῆς! ποίαν τῶν συμφορῶν οὐχ ὑπερβάλλει τοῦτο τὸ πάθος! φεῦ, ὁ τῆς σοφίας ἥλιος ὑπὸ γῆν, ἡ τοῦ λόγου λαμπὰς ἐσβέσθη, ἡ τρανὴ καὶ περιττὴ σεσίγηκε γλῶττα. ἴσασι τὰς ἐκείνης προσβολὰς ἱερεῖς ὑψαύχενες Ἰταλῶν, ὅπως ὡς ἀπὸ σφενδόνης τὰς διαλέξεις πέμπουσα ἅπαν ὕψωμα δογμάτων καθῄρει ἀντίθετον, καὶ ὡς εἰς χοῦν ἐλέπτυνε τὰς ἐκείνων οἰκοδομάς· ἐκείνην τὴν γλῶσσαν ἐχάλκευσε μὲν ἡ χάρις τοῦ πνεύματος, ἐστόμωσε δὲ τὸ πῦρ τῆς σοφιστικῆς, καὶ ὡσεὶ βέλος ἐν χειρὶ δυνατοῦ κατὰ τῶν ἀντίων τούτων ἐκεῖνος ταύτην ἀπετοξάζετο· τρὶς μὲν οὖν σεισθῆναι τὴν οἰκουμένην τὰ ἱερὰ διδάσκουσι λόγια[2]) καὶ τέταρτον τοῦτο· τοῦ Βασιλείου πεσόντος. Τοῦτον θρηνείτωσαν μὲν ἐπίσκοποι, ὡς ἀπολελωκότες τὸν πρόβολον, οἱ ἐν ἐξουσίᾳ τὸν στηριγμόν, οἱ στρατιῶται τὸν ταῖς εὐχαῖς αὐτοὺς ὁπλίζοντα καὶ κρατύνοντα, οἱ βοηθείας ἐπιδεεῖς τὸν ἱλαρὸν μεσίτην καὶ τὸν ταχύν, οἱ πάντες τὸν πάντα πᾶσι γενόμενον ἀποστολικῶς. Ἀλλ' ὦ θάνατε ὀλοθρευτὰ τῶν καλῶν, ἀφανιστὰ τῶν κρειττόνων! καὶ τοῦτο πλέον δεκάσας τὰς ψήφους...

9.

Τοῦ παναγιωτάτου Ἀθηνῶν πρὸς τὸν Ναυπάκτου.

251 F. 12 r. Καιρὸς τοῦ σιγᾶν καὶ καιρὸς τοῦ εἰπεῖν λόγον· ἐγὼ τοίνυν, ὦ θεσπέσιε δέσποτα, ὑπὸ τῆς νόσου καταποθείς, ἐκωφώθην καὶ ἐσίγησα ἐξ ἀγαθῶν καὶ εἶπον ὡς οὐκ ἀνοίξω τὸ στόμα οὐδὲ λαλήσω παιδικὰ βατταρίσματα, μᾶλλον δὲ ἀσύνετα. καὶ τοῦτο ἦν τὸ αἴτιον τοῦ μὴ προσφθέγξασθαι τὴν σὴν σοφίαν ἐπὶ τοσούτοις ἔτεσι. μὴ γὰρ ὑπολαβέτω ἡ ἁγιότης σου ὡς ἄλλο τι ἦν τὸ κατέχον τὴν ἐμὴν φωνήν. ἀλλὰ νῦν λόγον φθέγξομαι, ὃν ἡ φύσις ἀναγκάζει με καὶ ἡ διάθεσις τοῦ πνευματικοῦ μου υἱοῦ κῦρ Γεωργίου τοῦ χαρτοφύλακος, ὅστις ἐμὸς γέγονε ταῖς κατα λόγον καὶ μαθημάτων ἀνεμάξατο ὅσα εἰκός· καὶ νῦν, ἐπεὶ τὸν μακαρίτην Κερκύρας ὁ Θεὸς προσελάβετο, καὶ ἔδει τὸν τούτου θρόνον διαδέξασθαι ἕτερον, ἐποιήσασθε, ὡς ἔμαθον, ψῆφον, καὶ ἐμνήσθης τοῦ κῦρ Γεωργίου, ὡς ἤκουσα, [καὶ] προέκρινας. ἀξιῶ γοῦν καὶ αὐτὸς τὴν ἁγιωσύνην σου, ὡς ἂν ἐμὴν χάριν καὶ διὰ τὴν τοῦ μεγαλουργοῦ Δοῦκα θέλησιν· ἀγαθὸν γὰρ θέλημα ἔχει εἰς τὸν τοιοῦ-

1) Eurip. Hippolyt. 601. 2) Prov. 24,56.

τον· κατ[α]νεύσῃς ὁλοσχερῶς εἰς τὴν αὐτοῦ χειροθεσίαν. καὶ οὕτως οὐ παύσομαι || ὑπερεύχεσθαι τῆς ἁγιωσύνης σου· ἣν διατηροίη ὁ Θεὸς ἀνωτέραν παντὸς κακοῦ πολυχρόνιον. F. 12 v.

Καὶ ὄπισθεν ἐπιγραφὴν ταύτην· τῷ ἁγιωτάτῳ μ[ου δεσπότῃ καὶ ἐν Κυρίῳ ἀγαπητῷ ἀδελφῷ, τῷ ὑπερτίμῳ κῦρ Ἰωάννῃ τῷ Ναυπάκτου ὁ Ἀθηνῶν Μιχαήλ: ||

10.

Ἀντίγραμμα πρὸς τὴν τοιαύτην γραφήν.

Τὰ μὲν τῆς σῆς ἐμοὶ μακρᾶς ἀποσιωπήσεως οὕτως ἐχέτω, τιμία καὶ ἱερὰ 250 F. 9 r. κεφαλή, καὶ πείθομαι· βαρὺ γὰρ λόγους ἐξωριάζειν τοιούτου πατρός [1]). Ἀλλ' ἐγὼ τὴν ἐπὶ τοσοῦτον σιγὴν τῆς σῆς σοφῆς γλώσσης καὶ κατὰ τοὺς ἀεννάους ῥεούσης τῶν ποταμῶν ἄντικρυς ἀποστροφὴν ἡγούμην Θεοῦ καὶ βαρυτέραν τῆς ἐνάτης τῶν Αἰγυπτίων πληγῆς. Ἐπεὶ δὲ ἐπεσκέψατο ἡμᾶς ὁ Θεὸς καὶ ἐφθέγξω, ἀντιλαβῶ καὶ αὐτὸς ὀλίγα πάντῃ καὶ τὸ ὅλον λακωνικά, οὕτω με βιαζομένων ἀρρωστημάτων, ὑφ' ὧν καὶ ἐκτέτηκα. τό τε γάρ μοι εὐώνυμον οὖς ἔτος ἤδη δεύτερον παρελθὸν ἀδιάκοπον ἦχον ἠχεῖ καὶ βαρύν, καὶ τῷ αἰσθητήρῳ τούτῳ βαρέως ἀκούω, καὶ ἠγανάκτησα κατηχούμενος· καὶ ἄν που χειρὶ ἐπιπωματίσω τὸ δεξιὸν ἢ ἐπιφράξω δακτύλῳ, ὡς Ὀδυσσεύς ποτε κηρῷ τὰς ἀκοὰς τῶν ἑταίρων, ὅτε σειρῆνας παρέπλεε, μένω κατὰ τοὺς ἀνδριάντας οὐκέτι μὲν δύσκωφος, τὸ δὲ σύμπαν, ὡς ἐκεῖνοι, κωφοί. Ἀλλὰ διὰ τὴν τῶν παθημάτων ἀπαγγελίαν τῆς βραχυλογίας τὴν ὑπόσχεσιν ἐψευσάμην. Πάσχω δὲ καὶ ὡδί· χρόνιος περὶ τοὺς νεφροὺς ἐγένετό μοι λιθιασμὸς καὶ ἐκπέμπονται διὰ τῆς βαλάνου λίθοι ποτὲ μεγάλοι, ἐρεβίνθῳ ἴσοι τὸ μέγεθος, καὶ—τὸ βαρύτερον—ἑτερόσχημοι· εἰσὶ γὰρ πολύγωνα καὶ τρίγωνα καὶ τετράγωνα. καὶ τὸ πολύσχημον τοῦτο τῷ τοῦ φαλλοῦ αὐλῶνι ἐμπίπτον καὶ ταῖς ἀγωνίαις θλῖβον τὸν πόρον, ἀφόρητον ποιεῖ μοι τῆς ὀδύνης τὴν αἴσθησιν· ἐνίοτε δὲ διὰ τὸ μέγεθος ὁ τὴν τῆς οὐρήθρας ἐπιφράσσων ὀπήν, τό τε ὑγρὸν συνόλως ἐπέχει· καὶ τοῦτο δριμύσσον τὸν πόρον ῥίπτει τε αὐτίκα εἰς γῆν καὶ πρὸ ὀφθαλμῶν ἱστᾷ μοι τὸν θάνατον, καὶ ἀζώτιοι μὲν τὰς ἕδρας ἐπλήγησαν, || ἐγὼ δὲ τοῦτο τὸ μέρος εἰμὶ ἑλκεσίβρωτος καὶ ζῶν ὄζω καὶ γίνομαι φὰ κλίνης μισούμενος. Ποδαλγίας δὲ πέρι πάρεργον λέγειν, πλὴν ὅτι ἐ πτουσά μοι καὶ αὐτὴ καιρικῶς ἐλαφρότερον εἰς ἀλγηδόνα δεικνύει κ σωματικὸν μελισμόν. Ἐν τούτοις ὄντι μοι, δέσποτα, ὥς τι ἀφίκετο ὀ δυνον φάρμακον τὸ τίμιον γράμμα σου, καὶ ἐπέρρωσεν ὥσπερ

1) Aesch. Prom. 17.

προκειμένην ὁδὸν καὶ τὴν τοῦ σοῦ κατὰ λόγον υἱοῦ εἰς ἱερωσύνην προβίβασιν. οὗ κλέος μὲν οἷον, ἀκούω, ὄψιν δὲ οὐκ ἀνελεξάμην· φίλω δὲ ὅμως τὸν ἄνδρα ἐξόχως καὶ τῆς αὐτοῦ ἐξέχομαι σεμνοπρεποῦς βιοτῆς· οὐδὲ γὰρ ψεύδεται τὸν σὸν μαθητήν, ἀλλ᾽ ἐξ ὧν ἐμοὶ ἐπιστέλλει σός τε γενέσθαι ὁμιλιτὴς παριστᾷ καὶ τῆς ἀρετῆς ἀπόζει πόρρω καὶ τῆς σεμνότητος. Καὶ οὐκ οἶδα, πότερον ἢ αὐτὸς δραμοῦμαι πρὸς τὴν ὀσμὴν τῆς εὐώδους τούτου ἀποφορᾶς, ἢ αὐτὸς πρὸς ἡμᾶς διὰ χρῖσιν μύρου τοῦ νοητοῦ. Αὐτὰ μὲν ὡδήγησαν καὶ ἤγαγόν με πρὸς τὴν αὐτοῦ ἐπιπόθησιν· καὶ πρὸ τοῦ μὲν ἐν ψήφῳ τῆς τῶν Κερκύρων αὐτοῦ ἐπεμνήσθην σήν τε χάριν καὶ τῷ δικαίῳ τιθέμενος, νῦν δὲ καὶ χειροθεσίᾳ τελείᾳ σαῖς εὐχαῖς τελεσθήσεται· οὐ γὰρ ὅλως πρέπει τὸν τοιούτου τοιοῦτον δεύτερον τῶν ἄλλων ἐλθεῖν εἰς τὴν πνευματικὴν προκοπήν. ὅπου γε καὶ θαρρῶ ἐκ τῆς αὐτοῦ κεφαλῆς χριομένης μᾶλλον ἁγιασθήσεσθαι. Ἐπίπεμπέ μοι εὐχὰς τῶν σωματικῶν ἐλαφρυνούσας ἀρρωστιῶν καὶ ῥωννυούσας πρὸς ἐργασίαν τῶν δικαιωμάτων Θεοῦ. Πιστεύω δὲ γὰρ θεῖον εἶναι δικαίωμα καὶ τὴν τοῦ σεμνοβίου Βαρδάνου ἐπιλογὴν εἰς προχείρισιν καὶ τῆς ἐπισκοπικῆς ἀψῖδος ἐπίβασιν.

11.

Τοῦ χαρτοφύλακος Ἀθηνῶν κυροῦ Γεωργίου τοῦ Βαρδάνη [πρὸς τὸν Ναυπάκτου].

250 F. 9 v. Ἰλλυρίοθεν τὸ γράμμα, εἰ καὶ μὴ πρὸς Ἰλλύριον, ἀλλ᾽ ὃν ἑλληνίζοντες πάντες τοῦ τῆς γλώττης ἄνθους καὶ τῆς σὺν ἐπιστήμῃ μελιχύμου λαλιᾶς ἐξόχως ἀποθαυμάζομεν καὶ μακαρίζομεν τὴν πηγήν· πηγὴ δὲ λόγου διάνοια, ἐξ ἧς τοσοῦτοι πακτωλοὶ τὸ καθ᾽ ἡμέραν, ὡς εἰπεῖν, ἑτοίμως ἀπορρυίσκονται. Καὶ ἔνδοθεν μὲν ὁ νοῦς διὰ χειλέων ὀχετηγεῖ, πολλαὶ δὲ τῶν ἀκροαμάτων δεξάμεναι, τοῦ γλεύκους τούτου πιμπλάμεναι, τὸ ἐκ τοῦ κόρου ταῖς ἀκοαῖς πολέμιον οὐ πεπόνθασιν. Ἔδει γὰρ ἐνταῦθα μόνον περιφρονηθῆναι τὴν πλησμονήν, ὅπου τῆς Ναυπακτίων ὁ μεγαποίμην τὰ τῆς καλλιεπείας ῥεῖθρα συλλείβει καὶ βάθη κατάρδει τῶν καρδιῶν. ἢ πῶς ἦν ἄρα καὶ διαπεσεῖν τὸ ἱερολογηθὲν ἐκεῖνο πρὶν ἐπὶ σοί, ὥσπερ ἀκούομεν, χρησμοδότημα· πίετε, φάσκον, ἐξ αὐτοῦ πάντες, ὅτι καὶ τὸ θεόρρυτον αἷμα τῆς σωτηρίου πλευρᾶς ἀεὶ τὴν ἐκκλησίαν φωτίζον, ἀεὶ κενοῦται ἀκενώτως καὶ τὴν ζωογόνον οὐχ ἵστησι χύσιν[1]). Ἀλλ᾽ ὁ μέγας σὺ τῆς διδασκαλίας ὠκεανός, ὅθεν ποταμῶν συρμάδες πολλαὶ καὶ φρέατα τόσα διανέῳγαται, οἴμοι, πῶς ἠνέσχου δύο μόνας ἐπιστολῶν λιβάδας ἐνστάξαι μοι, χρόνου μακροῦ πα-

1) Cod. δύσιν.

ραρρεύσαντος; Οὐκ οἶδας τῆς ἐμῆς ψυχῆς τὸ δίψος πηλίκον περὶ τοὺς σοὺς ἰυγγώδεις λόγους, πανυπέρσοφε δέσποτα; ἀγνοεῖς τὴν ἐνταυθοῖ με καμινεύουσαν τῆς βαρβαρότητος φλεγμονήν; καὶ οὐ καινὸν εἰ τοῦτο ὅλως ἠγνόηκας, ἐπεὶ Θεοῦ καὶ μόνου τὸ εἰς καρδίαν βλέπειν καὶ ἀνετάζειν φρένας ἀνθρωπικάς, καὶ οἱ διατειχίζοντες ἡμᾶς παρασάναι (? παρασάγγαι) τῆς ἀλλήλων διαγωγῆς παντοδαπὴν κατασκευάζουσιν ἄγνοιαν. Ἀλλ᾽ εἰς δεῦρο μὲν οὕτως, καὶ τὸν σὸν Γεώργιον δριμύ τι βέλος λύπης εἰσήργετο, τὴν σὴν ἀνασκοποῦντι πάντοτε ὁμιλίαν, ἧς ἐκπεσεῖν εἰς τέλος ἀφόρητόν μοι πένθος ἐδόκει καὶ ζωῆς αὐτόχρημα στέρησις. Νῦν δέ, ἀλλ᾽ ἀνασκιρτῶμεν καὶ παιωνίζομεν ἀτεχνῶς, ἐπιθεωροῦντες, ὥς γε εἰκός, τὸ προσέρπον τῆς καθ᾽ ἕνωσιν ἡμῶν θυμηδίας ἐν πνεύματι. Συνωθούμεθα γὰρ καὶ ἄκοντες μεταφυτεύεσθαι τῶν ἐνταῦθα καὶ ὡς ἐξ ἀγριελαίου εἰς καλλιέλαιον ἐγκεντρίζεσθαι, ἴσον δὲ εἰπεῖν, ὅτι ἀπὸ βαρβαροφώνων ἐπὶ τοὺς καθαρῶς μετιέντας τὴν εὐγενῆ καὶ ἑλληνίδα φθογγήν. Ἐρεῖς δὲ τάχα πρὸς ἀνάμνησιν ἄγων τὴν ἡμετέραν βραδυτῆτα· [ποῦ] οὗτοι οἱ λόγοι οὓς πρώην διελάλησα ἐπιστέλλων σοι χρῆναι μένειν ἐπὶ σχήματος διακονικοῦ μηδ᾽ ἐπισπεύδειν εἰς ἔργον μεταμελείας ἀνονήτου || παραίτιον; Μεμένηκα F. 26 r. δὴ οὖν καθάπερ εἶχον βαθμοῦ, τῆς μεγάλης βουλῆς σου τὴν εὐάγγελον νουθεσίαν δεξάμενος. Καὶ οὐκ ἂν ἀρνησαίμην, ὡς ἐπὶ χεῖρας ἔτι φέρων τὰ σὰ θεόπνευστα ῥήματα· καρτερικώτερον δέ τι ποιῶν, ἀνεβαλλόμην ἐξ ἡμερῶν εἰς ἡμέρας, οὐχ ἵνα τό γε παρὸν τιμιωτέρου θρόνου κληρονομήσω καὶ ὡς ἐν μεταρσίῳ βάθρῳ ἐπαναβήσομαι· μαρτυρεῖ μοι Θεὸς καὶ τὸ τοῦ συνειδότος ἀπλανὲς δικαστήριον· ἀλλὰ τὴν ἐροθυνομένην ἐκ τῶν πραγμάτων τέως ζάλην καὶ τὸν βρασμόν, Θεοῦ συνεπαρήγοντος, κουφότερον διεκνήξομαι. Ἀλλ᾽ ἐπειδὴ τὸ τοῦ κρατοῦντος θέλημα κραταιὸν καὶ πᾶσαν ὑπερταῖον ἡμεδαπὴν ἐνθύμησιν, καὶ μάλιστα εἰς αὐτὸς βουλεύομαι τούτοις ἁλίσκομαι εἰς τὸ ἀναπόδραστον· οὐκ ἀπειθῶ τοῦ λοιποῦ οὐδὲ ἀντιλέγω, μόνη δὲ τῇ πανσόφῳ τῇ κεφαλῇ δέομαί τινα μικρὰν σκέμματος ἀφορμήν, καὶ τοσαύτην δήπου τῶν ἄλλων ἁπάντων, καὶ ἐννοίας διαπράξῃ, τὸν ἐξ ἀφροσύνης ἴσως ἐμοῦ δισταγμὸν ὑφαιρῶν καὶ ὑπερείδων κατὰ τὸ ἀρέσκον Θεῷ· δέσποτά μου, δήλου μοι, — εἰ δὲ καὶ ἄλλως, οὐκ οἶδα. — μὴ ἄρα βασάνου κακοτεχνῆς τὴν τοῦ κατακρινομένου ἐκείνου Σαμψὼν πλεονεκτηθῆναι τρίχα μηδὲ παραιρεθῆναι τέλεον τὸ κρατῆσαν ἱερὸν ἔθος ἐν ταῖς τοιαύταις πνευματικαῖς οἰκονομίαις. ἀλλὰ καὶ πρὸς τοὺς ἑτέρως λέγειν ἐθέλοντας διαλέγομαι, ὅτι μετὰ λόγου καὶ ἐν κρίσει πέπρακται τὸ παρελθόν. τῆς τε κυριωτέρας ἀρχῆς ἐξῆπται τὰ παρὰ τοῦ μεγάλου πατρὸς Χαριάτου πεπραγμένα, καὶ οὐδὲν ἐναντίον ἐγεγόνει παρ᾽ αὐτοῦ, εἰ μὴ ἡ ἐνδεδομένη ἄνωθεν. ὅθεν καὶ δέομαι τῶν εὐχῶν·

σιῶν κατ' εὐταξίαν καὶ πίστεως ὑπακοὴν ἅμα καὶ μετοχὴν τὸ χρῖσμα καὶ τὸ πνεῦμα θεαρέστως εἰσδέχονται. Τούτου με τοῦ λογισμοῦ συνέχοντος καὶ μεθέλκοντος, τῷ Κομνηνικῷ θεσπίσματι καθυπάγομαι καὶ πρὸς τὴν σὴν δεξιὰν ἄτρομόν τι βλέπω καὶ γαληνόν. Εὐθαρσέστερον δέ με πολλῷ ποιήσεις, τὸν ἐπιστολιμαῖον τοῦ κρατίστου ὁρισμὸν ἐπελθών, καὶ πατρικῶς ἀντιδηλώσεις ἡμῖν τὸ πρεπωδῶς γενησόμενον ἐπ' εὐχαριστίᾳ μὲν τοῦ ὀνόματός σου, τιμῇ δὲ τοῦ κοινοῦ εὐεργέτου, λέγω δὴ τοῦ Μεγαλοκομνηνοδούκα, καὶ πρὸ τῶν ἄλλων αὐτοῦ τοῦ τελεσιουργοῦ τῶν βελτιόνων Θεοῦ, ὃς καὶ ταῖς ἰδίαις ἐκκλησίαις χαρίζοιτο τὴν παναγιότητά σου μακροχρονοῦσαν καὶ ὑγιαίνουσαν. Εἰ μέντοι δεήσει πορευθῆναι τὸν παρόντα καὶ ἐπὶ τὴν τοῦ Προδρόμου σεβασμίαν μονήν, συνεργηθῆναι παραιτῶ, ὡς θάρρος ἔχων υἱϊκὸν πρὸς τὴν μεγάλην ἁγιωσύνην σου. ἣν καὶ βαθυπροσκυνῶν αἰτοῦμαι γράμμα παρ' αὐτῆς ἀντιδέξασθαι, τὸν τόπον καὶ τὴν ἡμέραν ὁροθετοῦν τῆς μετ' ἀλλήλων ἑνώσεως.

12.

Ἀντίγραμμα τοῦ Ναυπάκτου πρὸς τὴν τοιαύτην γραφήν.

Ἐγὼ δὲ οὔτε τι μάντις ἐὼν οὔτ' οἰωνῶν σάφα εἰδὼς[1]), καλῶς δὲ ἴσως εἰκάζων· μάντις δὲ ἄριστος ὃς εἰκάζει καλῶς[2])· ἐν διακόνοις μένειν σε ὑπεθέμην. Οὐδὲ γὰρ ἔκρινα δίκαιον τὸν λύχνον εἶναι ὑπὸ τὸν μόδιον, ἀλλ' ἐπὶ τὴν λυχνίαν τεθῆναι, ὡς ἰσοτίμως πάντας αὐγάζειν ἔχῃ, οὓς ἄνδρας ἔνδον οἶκος ἐμπεριγράφει. Τίς δὲ οὐ πιστεύσειε τὸ τοῦ φωτὸς ἔξαλμα μὴ καὶ αὐτὸ φωτεινὸν εἶναι, ὁποῖος ὁ τοῦ λόγου ἥλιος, Ἀθηνῶν, καὶ σὺ αὐτὸς ἡ τούτου ἀκτίς; Παρατιθέσθω δέ μοι εἰς μόδιον Ἰλλυρὶς ἡ σκοτόεσσα, λυχνία δὲ ἡ τῶν Κερκυραίων μητρόπολις, καθότι νῆσός τέ ἐστιν ἀμφιρρύτη· αἱ νῆσοι δὲ οὐκ ἄλλως νῆσοί εἰσιν, εἰ μὴ τοῦ θαλασσίου κήτους ὑπέρκεινται. Καὶ παρεάσθω τό γε παρὸν θέσις τῶν στοιχείων ἡ φυσική· καὶ ὡς ἐπάνω τῆς γῆς τὰ ὕδατα ἐπιφέρεται, καὶ τὸ συνέχον τὸ ἐπισκοπεῖον τοῦτο πολίχνιον τῆς ὅλης νήσου ἀναρριχᾶται δὴ καὶ ὑπέρκειται, καὶ ἔοικε πρὸς τὰ ὑποκείμενα ἢ κεφαλὴ ὡς πρὸς σῶμα, ἢ τὸ ἀνὰ χεῖράς F. 26 v. τινι λυχνία ὡς πρὸς ἐπίπεδον. ἐν ᾗ τεθήσεται || μὲν ὁ ἐμὸς Γεώργιος ὅσον ὅσον, τὰς δὲ περικύκλῳ ἀποδιασκεύσει ἀκτινοβολήσεις βίῳ καὶ λόγῳ. Ἀλλὰ ταῦτα τελοίη Θεὸς καὶ τὴν προβολὴν ἐργάσοιτο δεξιὰν καὶ τὰ μετ' αὐτὴν δεξιώτερα. Ἡμᾶς δὲ μήθ' ὑπολάβῃς ἀρχαίους ὡς τὰ παρ' ἀξίαν φαν-

---

1) Homer. Od. 1, 202.

2) Eurip. Fr. 973 Nauck.

τάζεσθαι καὶ τὸ ἐκβαῖνον ἤδη πρὸς σὲ προφητείαν τοῦ ἐσομένου λογίζεσθαι, κατὰ τὴν ὑποθημοσύνην ἐκείνην, ἀλλ' ἡ μὲν παραίφασις ἡμῶν ἀγαθή[1])· ἑταίρου γὰρ ἦν· ἠληθεύκει[2]) δέ, ὅτι τόδε ἀπέβη. καὶ πειστέον τῷ Σταγειρόθεν, μὴ τόδ' ἐκβαίνειν φιλοσοφοῦντι, ὅτι τυχὸν κατεφάνθη, ἢ μὴ ἐκβαίνειν, ὅτι δὴ ἀπεφάνθη[3])· μηδὲ γὰρ τὰς θέσεις ταύτας καὶ ἄρσεις αἰτίας εἶναι τοῦ γενέσθαι τόδε καὶ μή· τῶν πραγμάτων δὲ τὰς ὑπάρξεις καὶ τὰς αὐτῶν ἀποτεύξεις τὸ ἀληθεύειν αὐταῖς παρέχειν καὶ ψεύδεσθαι. Ἀλλὰ τὰ περὶ τούτων ἐάσθω· καὶ συντυχόντες ἀλλήλοις φιλοσοφώτερον συνεσόμεθα. Τὸ γράμμα σου δέ μοι ἀφίκετο, κομψείας γέμον σοφιστικῆς καὶ ἀληθῶς ἑλληνιζούσης διαλεγῆς· ζητῆσαν δέ με ὁρίσασθαί σοι τὸν τόπον καὶ τὴν ἡμέραν, ὅπου καὶ καθ' ἣν ἐντευξόμεθα, ἀδύνατα ἔδοξέ μοι ζητεῖν, εἴ γε κλίνει μὲν ὡς ἡμέρα τἀνθρώπινα καὶ πάλιν ἐνάγει[4]), καὶ μὴ ὅτι τὸ ἐς αὔριον οὐκ ἔχομεν ἀσφαλές, ἀλλ' οὐδὲ ὅλον τὸ σήμερον, τόπον δ' ἐπὶ τόπον γινόμενοι μεταβατικοὶ καὶ οὐ κατὰ λόγον ἐνίοτε, ἀλλὰ καὶ τυχόντως φερόμενοι, ὡς τῶν τοῦ οὐρανοῦ πετεινῶν αἱ πτήσεις καὶ μεταπτήσεις, οὐδὲ τούτου ὅρον δυνάμεθα. πλὴν ὅτι καίπερ νοσοῦντες τῶν ἡμετέρων ἐξήλθομεν, οὕτω τοῦ Κομνηνικοῦ κελεύοντος γράμματος. καὶ τάχα τοῦτό ἐστι τὸ ἄλλους ἡμᾶς ζωννύειν, ὅταν γηράσωμεν, εἴτουν τῷ οἰκείῳ περισφίγγειν κελεύσματι καὶ ἄγειν ὅπου μὴ θέλομεν. συνεκέλευσε δέ μοι τὴν ἔξοδον καὶ ὁ θεσπέσιος Ἀθηνῶν, εἰς τὴν τελεσιουργίαν ἐπιταχύνων καὶ προσευχὰς ὑπὲρ ταύτης ἡμῖν εὐχόμενος. καὶ σὺ γοῦν ἀπάρας τῶν Γρεβενῶν, καὶ δύο θέμενος ἄκρα, Ἄρταν καὶ Δρυινούπολιν, ἢ ἐν ἑνὶ τῶν ἄκρων τούτων ἐντεύξῃ ἡμῖν, ἢ περί που τὴν τούτων μεσότητα συνόντας μέντοι τῇ κυρίᾳ Δουκαίνῃ καὶ τῶν ἀπ' αὐτῆς ἐπιμελειῶν ἀπολαύοντας· νοσοῦμεν καὶ γάρ. Εἰ δὲ καὶ πρὸ τῆς ψήφου εἰς ἱερέα προέβης καὶ τὰς νενομισμένας ἱερουργίας ἐπλήρωσας, ἀπήντησεν ἂν εἰς καλὸν ἐμοὶ τὸ μὴ μακρύνειν τὴν προσεδρίαν τοῖς ἀδελφοῖς, τὸ μὴ χρονοτριβεῖν ἐν τοῖς ξένοις, καὶ σοὶ τὸ τάχιον τελεσθῆναι. Καὶ εἴης μοι ἐρρωμένος Θεῷ καὶ ταῖς εὐχαῖς τοῦ μεγαποίμενος Ἀθηνῶν φρουρούμενός τε καὶ ποδηγούμενος. Τὰ δὲ περὶ τὸν Σαμψὼν ἐκεῖνον, ὅπως ἐγράφη σοι, σάφα οὐκ οἶδα, οὐδ' εἴ πως εἰσὶ τὴν πρᾶξιν ταύτην κακίζοντες.

---

1) Homer. Iliad. XI, 793 et alibi. ἀγαθὴ δὲ παραίφασίς ἐστιν ἑταίρου.

2) Cod. ἠληθεύχη.

3) Aristotel. Περὶ ἑρμην. c. 9 Becker. p. 18b. Οὐδὲ γὰρ διὰ τὸ καταφαθῆναι ἢ ἀποφαθῆναι ἔσται ἢ οὐκ ἔσται (var. ἀποφανθῆναι, καταφανθῆναι).

4) Cf. Sophocl. Aiac. 13 sq.: ὡς ἡμέρα κλίνει τε κἀνάγει πάλιν ἅπαντα τἀνθρώπεια.

13.

[Συνοδικὸν ἐπὶ προβολῇ τοῦ Βαρδάνου χαρτοφύλακος Ἀθηνῶν εἰς ἀρχιερέα Κερκυραίων].

250 F. 6 r. Ὁ τῆς ἐπισκοπῆς λόγος, δι' ὃν οἱ ἑκασταχοῦ ἐπίσκοποι προβαλλόμεθα, 251 F. 11 r. τέως προηγουμένην ἔχει αἰτίαν τὴν κατὰ πνεῦμα ποιμαντικὴν καὶ τὴν τοῦ λαοῦ διὰ διδασκαλίας πρὸς τὰ βελτίονα ὁδὸν καὶ[1]) ἐπάνοδον ἡνίκα δηλονότι τοῦ κατ' εὐθὺ[2]) πορεύεσθαι τῶν ἐντολῶν τοῦ Θεοῦ παρατραπεὶς ὁ λαὸς ἐπισκοπικαῖς ὀρθοτομίαις τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας πρὸς τὴν σωτήριον εὐθυτηρίαν ἐπαναφέροιτό τε καὶ ἐπανάγοιτο[3]). Οὗτος δὴ πρῶτος λόγος ποιμαντικῆς ὡς ὁ ἡμέτερος λόγος. ἧς δὴ καὶ τῷ μεγάλῳ ποιμένι τῶν προβάτων Χριστῷ τοσοῦτον ἐμέλησεν, ὡς μὴ ἐφ' ἅπαξ, ἀλλὰ καὶ τρὶς προσερωτῆσαι τὸν κορυφαῖον τῶν ἀποστόλων Πέτρον περὶ αὐτῆς, καὶ ὅπως ἐστὶ τῷ βουλο- 250 F. 6 v. μένῳ ἐξὸν ἐκ τῆς εὐαγγελικῆς πτυκτῆς || ἀναλέγεσθαι, ὅτι· Εἰ φιλεῖς με, Πέτρε, ποίμαινε τὰ πρόβατά μου, βόσκε τὰ ἀρνία μου[4]), ὡς ἄν τις εἴποι, τοὺς μικροὺς μετὰ τῶν μεγάλων· καὶ τοῦτο κατὰ κυριακὴν ἐντολήν, κελεύουσαν μὴ καταφρονεῖν μηδὲ τῶν μικρῶν· ἢ μετὰ τῶν τελείων καὶ φθασάντων εἰς μέτρον ἡλικίας τοῦ πληρώματος τοῦ Χριστοῦ καὶ μηρυκισμὸν ἀναγόντων τῶν ἐκ τοῦ λόγου τροφῶν καὶ τοὺς ἔτι νηπίους τὴν πνευματικὴν προκοπὴν καὶ τὸ τῆς διδασκαλίας γάλα ποτιζομένους, οὓς καὶ ὁ μέγας ἀπόστολος ἐνιαχοῦ τῶν ἰδίων ἐπιστολῶν γάλα τοῦτο ποτίζων εὑρίσκεται. Οὗτος δὴ πρῶτος λόγος ἐπισκοπῆς, καὶ οὕτως ἐπιμελητέον τοὺς φιλοῦντας τὸν Κύριον, ὡς μηδὲ πόλιν μηδὲ πολίχνην, μὴ παροικίαν μηδὲ μονοίκιον καταλιμπάνειν ἀνεπισκόπητον. Τρόπον δὲ ἄλλον ἐπιπρεπεῖς ταῖς πόλεσιν οἱ ἐπίσκοποι, ὅτι τὸ τῶν ἱερουργῶν ἐλλεῖπον ἀναπληροῦσι διὰ τῆς χρίσεως καὶ τὸ τῆς οἰκονομίας ἐντεῦθεν ἱερουργεῖται μυστήριον καὶ δοξολογεῖται Θεὸς καὶ ὁ γεννηθεὶς ἀναγεννᾶται διὰ βαπτίσματος καὶ τὰ κρύφια τῆς καρδίας ἐξαγορεύονται ἄνθρωποι, καὶ τἆλλα πάντα τελεῖται διὰ τῆς ἐπισκοπικῆς τελειότητος, ὁπόσα ο ἱερὸς θεσμὸς παραδέδωκε[5]) καὶ ἡμέτερος. Εἰ δὲ χρὴ τῶν πνευματικῶν ἀφεμένους ἐπὶ τὰ πολιτικὰ μεταβῆναι, ὅσα τε τοῦ κοινοῦ καὶ ὅσα τοῦ ἰδιάζοντος, ὅσα ἐν δίκαις ὅσα ἐν ἔρισιν, εὑρήσομεν[6]) κἀν τούτοις πολυωφελῆ τὸν ὄντως ὄντα ἐπίσκοπον· συνέξει γὰρ

1) ἢ 250.
2) κατευθὺ 250.
3) ἐπαναγάγοιτο 250.
4) Βόσκε ἀρνία μου, ποίμανε τὰ πρώβατά μου 250. Cf. Ioann. 21, 15.
5) παρέδωκε 250.
6) εὑρήσωμεν 251.

τὸ κοινόν, παραμυθήσεται τὸ λυπούμενον, διατήσει δικαίως, κρινεῖ οὐ 251 F. 11 v.
κατὰ τὸν μικρόν, οὐ κατὰ τὸν μέγαν, οὐδὲ λήψεται πρό- ‖ σωπον ἐν κρίσει, τὰ τῆς γραφῆς[1]), τό τε φιλονεικοῦν εἰρηνεύσει καὶ τὸ στασιάζον καταστελεῖ, καὶ ὡς ἡ τοῦ μάννα φύσις ποτὲ μιᾷ [μὲν] ἐκρατεῖτο ποιότητι, πρὸς δὲ τὴν τῶν γευομένων ὄρεξιν μετεβάλλετο καὶ τῷ μὲν ἄρτος ἦν, τούτῳ δὲ κρέας, ἄλλῳ δὲ ἄλλο τι τῶν ἐδεστῶν, καὶ ὡς ἡ ἑκάστου βούλησις ἤθελε· τοῦτο οἶμαι εἶναι καὶ τὸν ἐπίσκοπον, τοῖς πᾶσι τὰ πάντα γινόμενον, ἵνα πάντας κερδήσῃ κατὰ τὴν ἀληθεστάτην ἀποστολικὴν καὶ ἐνδιδάσκαλον καύχησιν[2]). ‖ Εἰ τοίνυν τοσούτων μὲν ἐπωφελῶν αἴτιοι ταῖς πόλεσιν οἱ 250.
ἐπίσκοποι, τὸ δὲ τούτων ἀνεπισκόπητον τῆς τῶν ἀπηριθμημένων πάντως ἐναντιότητος, οὐκ ἄν τις ἡμᾶς αἰτιάσαιτο πρὸς τὴν ὑποτεταγμένην πρᾶξιν συννεύσαντας τὸ μὲν καὶ ἀφ' ἑαυτῶν, τὸ δὲ καὶ ἀπὸ ἐγγράφου ἐπιτροπῆς τοῦ παρ' ἡμῖν κρατοῦντος μεγάλου Κομνηνοῦ κῦρ Θεοδώρου τοῦ Δούκα καὶ ὅτι[illegible], καὶ ἀπὸ γραφῆς τοῦ πανιερωτάτου Ἀθηνῶν, ἀδελφοῦ ἡμῶν καὶ συλλειτουργοῦ κῦρ Μιχαὴλ τοῦ Χωνιάτου. ἃ δὴ καὶ ταῦτα τό τε προσκυνητὸν Κομνηνικὸν γράμμα καὶ ἡ τοῦ Ἀθηνῶν τιμία γραφὴ διεξίασιν οὕτως ἐπὶ τῶν λέξεων. Οἶα οἶδα, τίσι et ceter. Vid. № 7. Εἶχε δὲ καὶ ἡ τοῦ ἱερωτάτου Ἀθηνῶν γραφὴ οὑτωσί· Καιρὸς σιγᾶν et ceter. Vid. № 9.

Τούτων οὕτως ἐχόντων καὶ τοῦ πατρὸς καὶ συναδελφοῦ Ἀθηνῶν συν- 251 F. 12 v.
αινοῦντος ὥσπερ ἡμῖν καὶ ὁμογνωμονοῦντος ἐπὶ τῇ πράξει, συνήλθομεν ἐν τῇ Ἄρτῃ, ἐν Δεκεμβρίῳ μηνὶ ἰνδικτιῶνος γ΄. καὶ τὸν περὶ οὗ ὁ λόγος διὰ ψηφηφορήματος ἱεροῦ καὶ τοῦ συνήθους μηνύματος παραστησάμενοι [illegible], εὕρομεν τὰς περὶ αὐτοῦ μαρτυρίας πεπληρωμένας ἐπὶ τῶν ἔργων. Βίον τε γὰρ σεμνὸν ὁ ἀνὴρ ἐξασκεῖ καὶ λόγον πλουτεῖ, τῷ βίῳ συντρέχοντα, ὅτι τε ἡ θύραθεν σοφία τελείως ἐφιλοσόφησε καὶ ὅτι ἡ καθ' ἡμᾶς ἱερὰ [illegible] ἐξέθετο καὶ τελεστικῶς, καὶ τῷ [illegible] τῶν δύο θάτερον θατέρῳ κοσμεῖ, καὶ οὐ κατὰ τοὺς [illegible] τῶν [illegible] πρὸς μόνον τὸν βίον ἢ τὸν λόγον ἀπέκλινεν, ἀλλὰ κατὰ τὰς [illegible] [illegible] ἑκάστῃ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] τε καὶ [illegible].

Τοῦτον δὴ τοιοῦτον εὑρόντες καὶ τοιοῦτον [illegible] καὶ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] καὶ [illegible] καὶ λόγοις. ὧν [illegible] Ἀθηνῶν, καὶ [illegible] ἐν Θεῷ διὰ τὸν βίον, διὰ τὸν λόγον [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] τῆς Κεφαλληνίας διὰ τοῦ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], ἀλλὰ τῷ [illegible] [illegible] καὶ τῇ τῶν [illegible] [illegible] [illegible]. ἀλλὰ δὲ καὶ τῇ

1) Sir. [illegible]
2) I Cor. [illegible]

νήσῳ ταύτῃ πρόσφορον τὸν ἄνδρα τοῦτον καὶ συντελῆ ἐπιλογισάμενοι· σταθμὸς γὰρ αὕτη τοῦ Ἀδρίου ἐστὶ καὶ καταίρουσιν ἐν αὐτῇ οἱ ἐξ Ἰταλιῶν καὶ μάλιστα ἀναπλέοντες ἐμπορικοί τε καὶ περὶ λόγους τὸ δύσερι τοῦτο γένος καὶ δυσπειθὲς καὶ φιλόνεικον καὶ ταῖς σοφιστικαῖς ἐρωτήσεσι τὴν γλῶσσαν πλέον ἠκονηκὸς καὶ μεγάλην [ἐν]τ[ε]ῦθεν ἔχον τὴν κόρυζαν ἐν οἷς κενολογοῦσι περὶ ἀζύμων καὶ περὶ Πνεῦμα. Ἀλλ' ὁ μεγαλουργὸς Κομνηνὸς καὶ ἡ καθ' ἡμᾶς ἱερατικὴ ἑλέπολιν ἱκανὴν τὸν [ἄ]νδρα τοῦτον πρὸς τὰς αὐτῶν σοφιστικὰς οἰκοδομὰς συνεστήσαντο, ὡς πλήττῃ τούτους ἐγκάρδια καὶ τοῖς ἀληθέσι συλλογισμοῖς τὰς αὐτῶν διαλύῃ σοφισματώδεις ἐπιπλοκάς. Ταῦθ' οὕτω καὶ πεποίθαμεν, οὕτω καὶ Θεὸς
251 F. 13 r. ἐπιτε||[λ]οίη τὰ ἐλπιζόμενα. Εἰ δέ τις ἡμῖν ἐνσταίη ὡς κ[αι]νοτομ[ικ]ῶς τ[οῖς] ὑπὲρ ἑαυ[τῶν] ἐνεργήσασιν, ἀλλ' ἀντιπαρασταίημεν καὶ αὐτοὶ καὶ τὸν τῆς οἰκονομίας λόγον εἰς ἀπολογίαν προφέροιμεν, ὡς εἴ γε δὴ οὐκ [ἐν]ῆν, ἀλλά γε διὰ ταύτην ⟨οὐκ⟩ ἐξῆν. καὶ πολλὰ τῆς οἰκονομίας εὕροι τις ὑποδείγματα, καὶ παλαιὰς ἐκκλησιαστικὰς ἱστορίας καὶ ἱερὰς πυξίδας ἀναλεγόμενος. ἐξ ὧν μιᾶς ἢ δύο ἐπιμνησθέντες ἐκ τοῦ καθ' ἡμᾶς καὶ τοῦ [τῆς εὐσεβείας λόγου] ἱεροῦ, ἀρκέσαι δοκοῦμεν εἰς ἀπολογίαν τοῖς κρίνουσι. τὰς πράξεις [τῶν ἀποστόλ]ων ὁ Λουκᾶς συγγραφόμενος καὶ τὴν τοῦ Παύλου ἀνέλευσιν πρὸς τὰ Ἱεροσόλυ[μα] ἱστορῶν οὕτω φησί· «τῇ δὲ ἐπιούσῃ εἰσῆλθεν ὁ Παῦλος σὺν [ἡμῖν] πρὸς Ἰάκωβον, πάντες τε παρεγένοντο οἱ πρεσβύτεροι, καὶ ἀσπ[ασάμενος] αὐτούς, ἐξηγεῖτο καθ' ἓν ἕκαστον ὧν ἐποίησεν ὁ Θεὸς ἐν τοῖς ἔθνεσι διὰ τῆς διακονίας αὐτοῦ» [1])· καὶ ὡς τὴν ὑφὴν τοῦ βιβλίου ἐν ὀλίγῳ περιλαβεῖν· διὰ τοὺς πεπιστευκότας μὲν Ἰουδαίους, ἔτι δὲ τὰς νομικὰς παρατηρήσεις φυλάσσοντας, τὴν κατὰ Παύλου ἐπισύστασιν αὐτῶν οἱ μαθηταὶ ὑφορώμενοι, ὑπέθεντο τῷ διδασκάλῳ τούτῳ τῆς οἰκουμένης ἁγνισθῆναι καὶ δαπανῆσαι μετὰ τῶν ἐχόντων εὐχὴν καὶ ξυρήσασθαι [2]). Καὶ ὁ τῆς Ἰουδαϊκῆς αἱρέσεως καθαιρέτης καὶ τῆς ἀκροβυστίας ἀπόστολος αὐτά τε ταῦτα ἐποίησεν οἰκονομικῶς καὶ ἐκ τοῦ πλείονος καὶ τὸν Τιμόθεον περιέτεμεν. Οὗτος οὖν ὁ Παῦλος Γαλάταις γράφων εἰς ὕστερον καὶ ταῦτα ἄλλην οἰκονομίαν τῆς τῶν ἀποστόλων κορυφαίας ἀκρότητος ἡμῖν παραδέδωκεν, ἐν οἷς δηλαδὴ ἐξηγεῖται τὰ περὶ Πέτρον καὶ ὅπως, ὡς τοῖς ἀποστολικοῖς προσχρησώμεθα ῥήμασι, «πρὸ τοῦ ἐλθεῖν τινας ἀπὸ Ἰακώβου, μετὰ τῶν ἐθνῶν ὁ Πέτρος συνήσθιεν, ὅτε δὲ ἦλθον, ὑπέστελλε καὶ ἀφώριζεν ἑαυτόν, φοβούμενος τοὺς ἐκ περιτομῆς» [3]), δηλονότι πεπιστευκότας μὲν τῷ εὐαγγελίῳ, ἔτι δὲ τῶν νομικῶν ἀντεχομένους παρατηρήσεων, ἵνα μὴ διὰ τὴν μετὰ τῶν ἐθνῶν συνεστίασιν [οἱ ἐκ τῆς] περιτομῆς σκανδαλι-

1) Acta 21,18—20. 2) ibid. 24. 3) Galat. 2,12.

σθῶσιν οὗτοι πιστοὶ καὶ πρὸς τὸ γράμμα [π]άλ[ιν] καὶ τὴν σκιὰν ὁλοτελῶς ἀπονεύσωσι, δι' ἃ καὶ κατεγνωσμένον [ὁ Παῦλος] τὸν Πέτρον φησί, οὐ τῷ Θεῷ καὶ αὐτῷ τοῖς εἰδόσι τὴν τῆς ὑποστολῆς [αἰτίαν τοιαύ]την καὶ τοῦ ἀφορισμοῦ, ἀλλὰ τοῖς ἀγνοοῦσι πάντως τὸ τῆς οἰκονομίας [ἱερὸν] μυστήριον. εἰ δὲ [μ]ὴ γραφῆναι ψεύδους ἐμέλλομεν, ὡς τὴν ὑπόσχεσιν τῶν διττῶν ὑποδειγμάτων τούτων παρατιτρώσκοντες, παρεθέμεθα ἂν || καὶ ὅπως F. 18 v. ὁ Παῦλος παρὰ [τῷ] τότε χιλιάρχῳ κρινόμενος καὶ Σαδουκαίων καὶ Φαρισαίων ἐπ[ισ]υστάντων αὐτῷ, καὶ περὶ κεφαλαίων ἄλλων καὶ ἄλλων κ[ατα]τιώμενος, ὡς ἡ βί[βλος γε] τοῦτο τῶν πράξεων ἱστορεῖ[1]), οἰκονομικῶς τὰ μέρ[η] ἔσχισε, Φαρισαῖ[ον] [ἑ]αυτὸν ἐπειπὼν καὶ περὶ νεκρῶν κρινόμενον ἀναστάσεως, ἣν τὸ γέν[ος] τοῦτο ἐπρέσβευε, τὸ δὲ τῶν Σαδουκαίων ἠθέτει, καὶ ὡς ἐ[γένετο στάσ]ις τῶν Φαρισαίων καὶ Σαδουκαίων, καὶ ἐσχίσθη τὸ πλῆθος, καὶ ὁ [χιλίαρχος τὸν Παῦλον ἐξείλατο]· ἀπειρόκαλον δὲ καὶ τοῦτο δεῦρο εἰσενεγκεῖν, ὡς [ὁ Παῦλος κ]ρινόμενος παρὰ [Φ]ήστῳ καὶ συσκευὴν καθ' ἑαυτοῦ ἐγνωκὼς ἐπεκά[λεσατο] Καίσαρα[2]). Οὕτως ὁ τῆς οἰκουμενικῆς σωτηρίας δε[ξ]ιὸς οἰκονόμος καὶ τὰ κα[τ' αὐ]τὸν δεξιώτατα καὶ οἰκονομικώτατα δι[ηύθυνε]. ἀλλὰ τούτων ἅλις, καὶ ἀπόχρη τὰ εἰρημένα καὶ πρὸς τὴν τῆς οἰκονομίας ταύτης ἀπολογίαν. Ἡμεῖς δὲ ἕνα καὶ πρῶτον εἰδότες σκοπὸν ἐπισκοπικῆς προχειρίσεως τὴν διεξαγωγὴν τοῦ λαοῦ καὶ τὴν διδασκαλίαν καὶ τὴν κυβέρνησιν, τὸν ἄνδρα τοῦτον, ὡς τὸν ἀπὸ μυριάδων ἐκλελοχισμένον ἀπολεξάμενοι, εἰς τὴν τῶν Κερκυραίων προὐβαλλόμεθα, οὕτω τῶν πραγμάτων, οὕτω τοῦ καιροῦ καὶ τῆς οἰκονομίας οὕτως ἀπαιτησάντων. Καὶ ὁ τὰ κατὰ τὴν πρᾶξιν ταύτην καὶ τὰ κατὰ τοῦτον φιλοκριβῶν[3]) τὸν λίθον ἀγέτω ποτὶ τὰν σπάρταν καὶ τὸν ξυρὸν πρὸς ἀκό[νη]ν, καὶ τὴν τούτου γνῶσιν δοκιμαζέτω καὶ σεμνοπρέπειαν, ταῦτα δὴ τὰ κοσμοῦντα τὸν ἐπίσκοπον ἐνώτια χρύσεα, ὡς καὶ ταῖς τῶν πολλῶν ἀκοαῖς ἐνωτιζόμενά τε καὶ θαυμαζόμενα καὶ ὡς τὸ τοῦ Πιλάτου—μετὰ προσθήκης εἰπεῖν — εἰς κρίσιν ἐξαγαγόντος τὸν ἐμὸν Ἰησοῦν· ἴδε, ἀναφωνοῦμεν, ὁ ἄνθρωπος, ἀλλὰ καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ. Τοῦτον δὴ καὶ τελέσαντες καὶ παραθέμενοι τῷ Κυρίῳ, καθὰ καὶ Παῦλος τοὺς Ἐφεσίων πρεσβυτέρους ποτέ, ἀπολελύκαμεν ἐν εἰρήνῃ ἐργάτην ἐν Θεῷ ἐσόμενον τοῦ ἀμπελῶνος Χριστοῦ καὶ τὸ τῆς ἡμέρας βάρος βαστάσοντα καὶ τὸ πνευματικὸν αὐξήσοντα τάλαντον ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν. ᾧ ἡ [δόξα] εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν.

1) Acta 23. 2) Acta 25,11
3) Cod. φιλοκρινῶν.

14.

250 F. 45 r. Μανουὴλ ἐλέῳ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Ναυπάκτου ἐν Κυρίῳ ἀγαπητῷ ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ τῆς ἡμῶν μετριότητος. +

Ἱερώτατε μητροπολῖτα Ναυπάκτου ἐν Κυρίῳ ἀγαπητὲ ἀδελφὲ καὶ συλλειτουργὲ τῆς ἡμῶν μετριότητος. οὐκ ἔστιν ὅτε ἡ μετριότης ἡμῶν οὐκ ἀπομνημονεύει τῆς σῆς ἱερότητος, οὐ μόνον ἄρτι, ἡνίκα δηλαδὴ ἀδιάλειπτον ἔχω τὴν μέριμναν τῆς ἐν Χριστῷ ὁμονοίας πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν διὰ τὸ ἐκ τοῦ θρόνου καὶ τῆς ἱεραρχίας τοιοῦτο χρεώστημα, ἀλλὰ καὶ πρῴην, ὅτε ποτὲ μὴ ὑπῆν τὸ συναναγκάζον ἡμᾶς πρὸς τοῦτο ἐλευθέρως κατ᾽ ἐξουσίαν διάγοντας· ἀναλογιζόμεθα γὰρ ἀεὶ τὸ σεμνόν σου τοῦ ἤθους, τοῦ τρόπου χρηστόν, τοῦ βίου τὸ ἀνεπίληπτον, ἁπλῶς εἰπεῖν, τὸν λόγον, τὴν ἀρετήν, καί σου τὴν ὁμιλίαν ἐπιποθοῦμεν καὶ φανταζόμεθα. Σὺ δ᾽ ἀλλὰ πῶς ἠνέσχου
F. 45 v. μέχρι καὶ νῦν σιγῆσαι τὰ πρὸς ἡμᾶς, οὐκ ἔχω κατανοεῖν. || πλὴν κἂν ὅπως ἄρα καὶ ἐστέργετό[1]) σοι ἕως δεῦρο τὸ σιωπᾶν, ἀλλ᾽ ἐπειδὴ ὁ κράτιστος καὶ ἅγιος αὐτοκράτωρ μου [πρὸς εὐ]κίνητον ἦλθε βουλὴν τοῦ συναγαγεῖν εἰς Νίκαιαν τοὺς ἁπανταχόθι ἀρχιερεῖς τούς τε τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ τοὺς ὑπὸ τὸν Ἀλεξανδρείας τὸν Ἀντιοχείας καὶ τὸν Ἱεροσολύμων, ἐφ᾽ ᾧ κοινῇ βουλῇ καὶ ψήφῳ πρέσβεις πρὸς τὸν πάπαν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης σταλῆναι χάριν τοῦ λυθῆναι τὰ σκάνδαλα καὶ πρὸς ἀλλήλας εἰρηνεῦσαι τὰς ἐκκλησίας καὶ ὁμοφρονῆσαι τοῦ λοιποῦ πάντας χριστιανούς· καὶ διὰ τοῦτο καὶ τὸ κράτος τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἀπέστειλε πρὸς τοὺς εἰρημένους ἀρχιερεῖς καὶ καιρὸν τῆς συνελεύσεως ὥρισε τὸ ἐνιστάμενον πάσχα· καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν ὡσαύτως ἔγραψε περὶ τούτου μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τῷ πανευγενεστάτῳ Δούκᾳ καὶ υἱῷ αὐτῆς κατὰ πνεῦμα τῷ κυρῷ Θεοδόρῳ· καιρὸς λοιπὸν τοῦ καὶ τὴν σὴν ἱερότητα παντοίως ἐπαγωνίσασθαι εἰς τὴν τοιαύτην θεοφιλῆ δουλείαν καὶ πάντας τοὺς ἄλλους ἀρχιερεῖς πρὸς τοῦτο προθύμους γενέσθαι παρασκευάσαι καὶ πρὸ πάντων τὸν εὐγενέστατον Δούκα καὶ περιπόθητον υἱὸν τοῦ κρατίστου μου αὐτοκράτορος καὶ οἰκονομῆσαι ἵνα εἷς ἢ καὶ δύο τῶν αὐτόθι ἀρχιερέων παραγένωνται προθύμως μετὰ συναινέσεως καὶ τῶν ἄλλων εἰς τὴν προκειμένην συνέλευσιν. Εἰ δὲ καὶ αὐτόστατος σὺ οὐκ ἐν χάρτῃ καὶ μέλανι προσομιλήσεις ἡμῖν, ἀλλ᾽ αὐτοψεὶ θεαθῆναι καὶ ἐν Κυρίῳ προσλαλήσεις τὰ φίλια, οὐκ ἔστιν εἰπεῖν, ὁπόσα τοῦτο ἀποδεξόμεθα. Ἔρρωσο ἐν κυρίῳ. μηνὶ Δεκεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος η΄. +

1) cod. στέγετο.

15.

Ἀντίγραμμα τοῦ Ναυπάκτου πρὸς τὸν πατριάρχην.

Ἀφίκετό μοι τίμιον γράμμα σου, θεία καὶ ἱερὰ κεφαλή, καὶ ἐδεξάμην αὐτὸ μετὰ τῆς προσηκούσης αἰδοῦς καὶ τοῦ κατὰ πνεῦμα σεβάσματος καὶ μᾶλλον ὅτι καὶ πρῴην καὶ νῦν, ὡς ἐδήλου τὸ γράμμα, οὐκ ἐπελάθετο τοῦ πρὸς τὴν ἡμετέραν ἐλαχιστότητα φιλικοῦ καθήκοντος ἡ ἁγιωσύνη σου. Καὶ χάρις αὐτῇ καὶ εὐχαριστία ὀφείλεται παρ' ἡμῶν ἕνεκα τῆς ἀγαθῆς μνημοσύνης καὶ τῆς κατὰ Θεὸν ἀγαπητικῆς διαθέσεως. Τοῦτο καὶ ἡμεῖς ποιοῦμεν, καὶ οὕτως ἔχομεν ἐπὶ σοί, ὡς καὶ δοκεῖν ἐντὸς τῶν τῆς καρδίας πυλῶν περιφέρειν σε καὶ συνεῖναί σοι καθ' ἡμέραν καὶ συνομιλεῖν τὰ ἀδελφικά, μεμνημένοι μὲν καὶ πολλῶν ἑτέρων συνουσιῶν μετὰ τῆς σῆς ἁγιότητος, ἀλλὰ δὴ καὶ τῆς κοινωνίας τῶν αὐτῶν παιδευμάτων, ὅτε τῆς Κωνσταντινουπόλεως ηὔγει ὁ λύχνος, καὶ σὺ καὶ ἡμεῖς τῷ φιλοσόφῳ ἐκείνῳ ἐμαθητεύομεν τῷ Ψελλῷ. Καὶ ποίει οὕτως, μᾶλλον δὲ ὥς τι χρέος πνευματικὸν ἐπικείσθω καὶ ἀμφοτέροις τὸ ἀντιμνημονεύειν ἀλλήλων καὶ ὑπὲρ ἀλλήλων προσεύχεσθαι. ἕως δὲ καὶ δεῦρο ἐσιωπήσαμεν τὰ πρὸς σέ, ἀπὸ σοῦ τὰς ἀρχὰς λαβόντες τοῦ μὴ λαλεῖν· δέον γὰρ ὂν[1]) γνωρίσαι τῷ φίλῳ τὴν σὴν ἐπὶ μέγαν θρόνον τῆς ἱερατείας ἀνάβασιν, ὡς καὶ προσδραμεῖν ἡμᾶς τῷ λογισμῷ καὶ περιχαρίσασθαι· σωματικῶς γὰρ εἴργει τὸ μεταξὺ χάσμα, ὅπερ ἰταλικὴ τυραννὶς ἡμῖν ἐπεβόθρευσεν· ἀλλ' αὐτὸς ἐν ὑψηλοῖς κατοικῶν καὶ θρόνου καὶ τοπικῆς θέσεως· ὑψηλότερα γὰρ τὰ ἑῷα τῶν δυτικῶν· ἐπὶ τοὺς ταπεινοὺς ἡμᾶς ἰδεῖν διὰ γραφῶν οὐκ ἠξίωσας, ἢ ὡς ῥάκος ἀποκαθημένον ἡμᾶς λογισάμενος ἢ ὡς ἄχρηστον σκεῦος, ἐν γωνίᾳ ταύτῃ παρερριμμένους τῇ δυτικῇ. Οἶδας δέ, σοφώτατε, ὡς καὶ βέλος ἐν ἀέρι πεμφθὲν τὸν παρακείμενον ἀέρα κινεῖ, ὃ δὲ τὸν ἐγγύς, καὶ οὗτος τὸν ἔμπροσθεν, καὶ οὐ πρότερον ἡ κίνησις ἵσταται, πρὶν ἢ τὸ βέλος ἀτονῆσαν αὐτὸ μὲν αὐτοφυῶς ὡς βάρος ἐπὶ τὸ κέντρον ὁρμήσει, ἑαυτῷ δὲ συμπαύσει καὶ τὰς κινήσεις. Σοῦ τοίνυν μηδεμίαν γραφὴν πρὸς ἡμᾶς ἐκτοξεύσαντος καὶ πρὸς τὸ γράφειν πρώτως κινήσαντος, πῶς ἐμέλλομεν κινηθῆναι δεύτερον, μὴ γενομένης πρώτης κινήσεως; Εἰ γοῦν ἀπάρτι κινεῖς καὶ γράφων προσφθεγγόμενος, ὄψει καὶ τὴν ἡμετέραν εὐτέλειαν οὐκ ἀκίνητον πρὸς τὸ γράφειν ἢ καὶ δυσκίνητον, ἀλλ' εὐκίνητον μᾶλλον, ὁ πρῶτος αὐτὸς ἀφορμὰς αὐτῇ παρέξεις κινήσεως. Προσεδήλου ἡ ἱερὰ

1) cod. ὂν.

γραφὴ καὶ τὴν περὶ κοινῆς πρεσβείας πρὸς τὸν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης πάπαν ἀποστολήν, ὥστε λυθῆναι τὰ σκάνδαλα καὶ πρὸς ἀλλήλας εἰρηνεῦ- F. 46 r. σαι τὰς ἐκκλησίας καὶ ὁ|μοφρονῆσαι τοῦ λοιποῦ πάντας χριστιανούς, ἵνα τοῖς σοῖς προσχρήσωμεν ῥήμασι. καὶ ἐθαύμασα, ο[ὕ]τως ὑμῶν διὰ τοῦ μετὰ τῶν Λατίνων κήδους προστεθέντων αὐτοῖς καὶ σπονδὰς πρὸς αὐτοὺς ποιησαμένων εἰρηνικὰς καὶ τὸ σύμπνουν ἐχόντων, ὡς ἀποθαρρῆσαι αὐτοὺς τοῦ λοιποῦ καὶ κλεῖσαι μὲν τὰς ἡμετέρας ἐκκλησίας, ἔνθα καὶ ἄρχουσι, μυρία δὲ τὰ δεινὰ κατὰ τῶν ὑπὸ χεῖρα χριστιανῶν διαπράττεσθαι, νῦν ἐθέλειν πρεσβείαν στείλασθαι πρὸς τὸν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης ἐξάρχοντα. ὑπὲρ ὧν καὶ αὐτὸς μὲν οἴκοθεν δι' ἐθελοκακίαν τὴν καθ' ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ παρ' ὑμῶν προσθήκην τῆς μανίας ταύτης εἰλήφει καὶ τῆς παντοδαπῆς κατὰ τῶν ἡμετέρων ὁμοφύλων κακώσεως. Καὶ οὐκ ἄν τις εἴποι, ἄλλα μὲν τοὺς ἐν ταῖς ὑπὸ τὴν Ῥωμανίαν ποτὲ χώραις ἐπικρατοῦντας Λατίνους ἐθέλειν ποιεῖν, ἕτερα δὲ τὸν πάπαν ἢ νῦν ἢ διὰ τῆς ζητουμένης πρεσβείας. Εἰ δὲ αἱ πρὸς Θεὸν ἐντεύξεις τῆς σῆς ἁγιότητος καὶ τῶν ἑτέρων συναδελφῶν τοιοῦτό τι μέγα ἰσχύσουσι καταπράξασθαι, τῷ Θεῷ τὰ πρῶτα καὶ ὑμῖν δευτέραν ὁμολογήσομεν χάριν, δυνατοῖς ἐσομένοις πρᾶγμα τελέσαι τοιοῦτον, ὅπερ οὐκ ἴσχυσαν οἱ παλαιοὶ βασιλεῖς ἐκεῖνοι καὶ πλὴν ὀλίγου μέρους τῆς Ῥωμανίας πάσης ταύτης ἐπικρατεῖς, ὅτε καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας λόγιον ἤνθει καὶ πολύχουν ἐφαίνετο καὶ μονασταὶ καὶ μιγάδες ἀρετῇ καὶ λόγῳ διέλαμπον. Εἰ τοῦτο νῦν τελεσθῇ καὶ λυθῇ τὰ σκάνδαλα αἱ τ' ἐκκλησίαι ὁμοφρονήσουσιν, ἵνα τῶν σῶν καὶ πάλιν ἐπιμνησθῶ, μέγα μὲν καὶ τῶν ὑμετέρων προσευχῶν ὄντως ἄξιον, ἐμοὶ δὲ τῷ ἐλαχιστοτέρῳ πάντων ἀνθρώπων τέως ταῦτα δυσέλπιστα. Ἀλλ' ἐπεὶ τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ ἐν ἀσθενείᾳ διδασκόμεθα τελειοῦσθαι καὶ τὸν Θεὸν μὴ ἐν τοῖς πλείοσιν εὐδοκεῖν, ἐπιβλητέον τῷ ἔργῳ. Καὶ πάντως, ἐπεὶ διὰ τὰ ἐν μέσῳ καὶ κατὰ χέρσον καὶ θάλασσαν ἐκ τῆς λατινικῆς ἐπηρείας σκῶλά τε καὶ ἐμπόδια δυσχερὴς ἡμῖν ἡ πρὸς τὴν Νίκαιαν ἄνοδος, ὑμῖν δὲ ἔνδρομος καὶ ἀπρόσκοπος διὰ τῶν λατινικῶν χωρῶν ἕως Ῥώμης ὁδός, ἔνοδος δὲ καὶ ἡ τοῦ μεγαλουργοῦ ἡμετέρου Κομνηνοῦ ἐπικράτεια· ἐνταῦθα μᾶλλον τοῖς ὑμετέροις ἀποστόλοις καὶ ὁ ἡμέτερος ἐνωθήσεται, ἐπελθόντων ἡμῶν δηλονότι τὴν δύναμιν τῆς πρεσβείας καὶ κατὰ τὸ εἰκὸς συναινεσάντων τῷ κοινωφελεῖ καὶ δικαίῳ τούτῳ ζητήματι. Ταῦτα καὶ περὶ τούτων. Εἰ δέ με φίλον ὑπολαμβάνεις καὶ πάλαι καὶ νῦν, φίλου δὲ καὶ ἀδελφοῦ κατὰ πνεῦμα τὸ μηδὲν ἀποκρύπτειν τῷ φιλουμένῳ· γίνωσκε, δέσποτα, ὡς μεγάλην πάσαις ψυχαῖς τῶν ἐνταῦθα χριστιανῶν τὴν θυμηδίαν ἐνεποιήσατε τοῖς Λατίνοις κηδεύσαντες καὶ παρὰ τοῦτο τὴν κατ' αὐτῶν ὁρμὴν παρεάσαντες· δέον ὂν καὶ τὴν σὴν ἁγιότητα καὶ τοὺς αὐτόθι συναδέλφους καὶ ἐπισκοπικαῖς ὑποθή-

καις καὶ διδασκαλίαις κανονικαῖς τὴν πρᾶξιν ταύτην ἐπικωλῦσαι, ὡς μήτε τὴν ἀρχὴν γενέσθαι ἢ γενομένην διὰ περίστασιν καιρικὴν πάλιν ὑμετέραις ὑποθήκαις ἀπογενέσθαι· οὐ γὰρ αἰσχύνη φορτίον ἀποθέσθαι βαρὺ καὶ κοινοβλαβὲς ἀποποιήσασθαι ἔργον. Εἰς τό γε παρὸν τοῦ πράγματος μένοντος, ἢ ὅλως ὑμῶν[1]) ἀποστήσασθαι, ὁ μὴ δῴη Κύριος, κινδυνεύομεν ἢ ἀμυδρῶς καὶ ἐπιπόλαιον συνεσόμεθα· καὶ ταῦτα, ὅσον μὴ σχισθῆναι τὴν ἐκκλησίαν, ὑπὲρ ἧς Χριστὸς τὸ οἰκεῖον αἷμα ἐξέχεεν, καὶ τὸ ταύτης σῶμα διαιρεθῆναι, ὅπερ ὁ ἀκρογωνιαῖος οὗτος λίθος καλῶς συνέδησε καὶ συνέσφιγξεν. Ὑπὲρ τούτων πᾶσαν εἰσένεγκε τὴν σπουδήν, ὑπὲρ τούτου πρόες σῶμα, πρόες ψυχήν. Τί δέ ἐστιν ἀναιρεῖσθαι παρὰ Λατίνων καὶ πρὸς Λατίνους πρεσβεύειν καὶ δυσωπεῖν τοὺς φονεῖς καὶ τοὺς κοινοὺς διώκτας καὶ τῶν τῆς τριάδος αὐτῆς πιστῶν καὶ τῆς πίστεως μαλάσσειν ἐθέλειν καὶ ὑποκλίνειν ἐπιχειρεῖν, ἅπερ ὁ ἀνόπιν χρόνος ἴσχυσεν οὐδαμῶς, ὅτε καὶ μᾶλλον οἱ κοινοὶ πολέμιοι οὗτοι τοῖς ἰδίοις ὅροις συνεστέλλοντο καὶ συνείχοντο, καὶ οὐκ ἐξῆλθον οὔπω εἰς πλατυσμόν, ὃν ἡμεῖς τῷ πλατυσμῷ τῶν ἁμαρτημάτων αὐτοῖς ἐξηπλώσαμεν; πῶς οὖν οὐ πληθύνωμεν τὰς εὐχάς; πῶς οὐ πρὸς τὸν ὕψιστον νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἐπάρωμεν χεῖρας ὑπὲρ F. 46 v.
τοῦ παρ' ἡμῖν κρατοῦντος μεγαλουργοῦ Κομνηνοῦ, ὅ[τ]ι οὐ κῆδος παρὰ Λατίνων ἐπισπευδόμενον, οὐ δώσεις χωρῶν, οὐ χρημάτων καταβολαί, τῆς κατὰ τῶν κοινῶν ἐχθρῶν τού[των ἀναγ]καίας ὁρμῆς ἀπέκοψε; Οὐ πλῆθος ἁρμάτων, οὐχ ἵππος ἀνάριθμος εὐγενής, οὐ χρυσός, οὐκ ἄργυρος ἐκ λαφύρων πολεμικῶν ἅπαξ προστεθεὶς ἢ εἰς ὄγκον ἐπῆρεν ἢ συνθέσθαι τοῖς ἀλιτηρίοις τούτοις συνέπεισεν· ἀλλὰ νυκτὸς καὶ ἡμέρας Θεῷ θαρρῶν, Θεῷ τὸ πᾶν ἀναθείς, ἐμπόρως κατ' αὐτῶν ἐξορμᾷ, καὶ ὡς εὐθέως καὶ καλῶς βουλευόμενος, ὡς ὁ κοινὸς ἀνακτῶν τυράννους καὶ τάχα διὰ Θεοῦ διακόπτων τὰς αὐτῶν κεφαλάς, εἰ καὶ μὴ πάντα τὸν φθαρτικὸν λεγεῶνα, τέως τὴν κατὰ μικρὸν παρακμάσαι εἰς ἐσχάτην συνελάσαι[2]) τούτων καὶ συστολήν, ὡς ἢ μηδ' ὅλως ἐκτρέχειν ἢ μετὰ συστολῆς καὶ τεταπεινωμένης ὁρμῆς. Εἰ δὲ εἰς ταῦτα καὶ ὅσα τῆς τῶν πολλῶν ἐπιτηδεύσεων ἡμᾶς, τί δ' ἂν εἰργάσατο δίκ[illegible], ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Θεοῦ, συνόντας ἀλλήλοις καὶ συναγωνιζόντας; Γένοιτο ταῦτα ταῖς ἱκεσίαις τοῦ καλοῦ ποιμένος, τοῦ φροντιστοῦ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ὁμονοίας, τοῦ τὰ πάντα παραινέσαι πατρικῶς καὶ φιλοστόργως συνάζοντος ἐν αὐτῷ Χριστῷ τῷ Θεῷ, ᾧ χαρίσαιτο ταῖς αὐτοῦ ἐκκλησίαις τὸ [illegible]. —

1) Cod. ἡμῶν.

2) Cod. συνελάσει.

16.

Ἐπιστολὴ τοῦ παναγιωτάτου πατριάρχου κῦρ Μανουὴλ πρὸς τὸν μητροπολίτην Ναυπάκτου καὶ τὸν ἀρχιεπίσκοπον Γαρδικίου.

251 F. 4 v. Πανιερώτατε μητροπολῖτα Ναυπάκτου καὶ σύ, ἱερώτατε ἀρχιεπίσκοπε Γαρδικίου, ἐν Κυρίῳ ἀγαπητοὶ ἀδελφοὶ καὶ συλλειτουργοί! Οὐκ ἀγνοεῖν ἔχει πάντως ἡ ἱερότης ὑμῶν, ὅτι διὰ τὴν πάλαι φθάσασαν γενέσθαι ἐν τοῖς αὐτόθι παρὰ τοὺς ἱεροὺς τῆς ἐκκλησίας τύπους καὶ θείους θεσμοὺς χειροτονίαν τοῦ τε Δοκειανοῦ καὶ τοῦ Καλοσπήτου, ὧν ὁ μὲν τῷ Δυρραχίῳ, ἅτερος δέ, ὁ Καλοσπήτης, τῇ Λαρισσαίων ἐπεκηρύχθη, καὶ ἐν μεταμέλῳ γεγόνατε, ὅσοι κανονικῶς προΐστασθε τῶν δυτικωτέρων ἐκκλησιῶν, καὶ τῆς διορθώσεως ὑμῖν ἐμέλησε τοῦ ἀτόπου τούτου ἐπιχειρήματος· ἔνθεν τοι καὶ ἀναφορὰν ἔθεσθε διὰ τοῦ μακαρίτου ἐκείνου Κομνηνοῦ κῦρ Μιχαήλ, δεόμενοι συγγνώμης ἐπὶ τοῖς φθάσασι τέως τυχεῖν καὶ δεχθῆναι καὶ τούς, ὡς εἴρηται, ἀκανονίστως χειροτονηκότας δύο ἀρχιερεῖς. Ἔμενε δὲ ἡ τοιαύτη
F. 5 r. ἀναφορὰ τὸ ἐξ ἐ||κείνου καὶ μέχρις ἡμῶν μηδεμιᾶς ἀξιουμένη τῆς ἀποκρίσεως, οἷα δὴ ἐκείνου καὶ τῶν μετ᾽ ἐκεῖνον[1]) πατριαρχῶν δυσχερανάντων, οἶμαι, πρὸς τὸ τοῦ πράγματος τολμηρόν. Ἀλλ᾽ ἡ μετριότης ἡμῶν, σπλάγχνοις ὑπὲρ ὑμῶν ἀδελφικοῖς κινουμένη καὶ μηδαμῶς ἀνεχομένη τὸ καλὸν καὶ ἄμωμον σῶμα τῆς ἐκκλησίας ὁπωσοῦν διασπώμενον παρορᾶν, οὐκ ὀλίγους καὶ ἄλλους συναγαγοῦσα τῶν ἀδελφῶν καὶ τὰ τῆς ὑμετέρας αἰτήσεως αὐτοῖς κοινολογησαμένη, συνοδικὴν ἐξέθετο πρᾶξιν, συγγινώσκουσαν μὲν τοῖς, ὡς διείληπται, γεγονόσι καὶ τὰς δύο ταύτας χειροτονίας κυροῦσαν, πλὴν ἀσφαλιζομένην τὸ μετὰ ταῦτα καὶ μηκέτι χώραν διδοῦσαν τὸ τοιοῦτόν τι τοῦ λοιποῦ ἐν τοῖς αὐτόθι ἐνεργηθῆναι, εἰ μὴ ἄρα βούλοιντο καὶ οἱ χειροτονήσαντες καὶ αὐτοὶ οἱ χειροτονηθέντες ὑπόδικοι εἶναι τοῖς ἐκ τῶν κανόνων ἐπιτιμίοις. Καὶ τὴν τοιαύτην πρᾶξιν συνοδικὴν οἶδας πάντως αὐτός, ἱερώτατε ἀδελφὲ Ναυπάκτου, καὶ ἐγχειρισθεὶς διὰ τοῦ θεοφιλεστάτου ῥαιφενδαρίου ἡμῶν Κωνσταντίνου τοῦ Αὐληνοῦ καὶ ἐνώπιον τούτου ὑπαναγνοὺς ἔνδον τοῦ θείου ναοῦ τῆς ἐπισκοπῆς Βονδίτζης, τὰς πρὸς τὸν μεγαλογενέστατον υἱὸν ἐν ἁγίῳ πνεύματι τῆς ἡμῶν μετριότητος τὸν Κομνηνὸν κῦρ Θεόδωρον ἡμετέρας ἀποκρίσεις ποιουμένου τὸ τηνικαῦτα. Ἄρτι γοῦν πάλιν ἐμεμαθήκαμεν, ὡς τοῦ Λαρίσσης τοῦ Καλοσπήτου τὸν τῆδε

1) Cod. ἐκείνων.

βίον μετηλλαχότος, ἕτερος ἐν τῇ αὐτῇ μητροπόλει κεχειροτόνηται. Καὶ τοῦτο διὰ θαύματος ὅτι πολλοῦ πεποιήμεθα, μὴ δυνάμενοι συνιδεῖν, ὅπως καὶ παρὰ τίνων τὰ τοιαῦτα τετόλμηται, τὸν ἐπηρτημένον αὐτοῖς ἐντεῦθεν κίνδυνον μὴ προβλεπομένων. Ὅσον γὰρ τὸ ἐφ' ὑμῖν, οὐδὲ παραδεκτέον ὅλως τὸ πρᾶγμα ἡγούμεθα· πῶς γὰρ ἂν καὶ ἐδεξάμεθα ἀλλοτρίαις κοινωνεῖν ἁμαρτίαις, ἵνα μὴ λέγω ὅτι καὶ τὴν φιλόχριστον τοῦ τὰ πάντα εὐτυχεστάτου μεγαλογενοῦς ἀνθρώπου, τοῦ Κομνηνοῦ, ψυχὴν εἰς Θεὸν προσκρούειν ποιεῖν, ἄνδρες τῆς ἐκκλησίας τρόφιμοι καὶ τῶν ἱερῶν ταύτης νόμων οὐκ ἀδαεῖς; Εἰ δ', ὅπερ καὶ ἐνηχήμεθα, τοῦ τῆς τῶν Βουλγάρων ἐπειλημμένου ταῦτά εἰσι διατάγματά τε καὶ ἐνεργήματα, θαυμάζω μὲν εἰ μὴ καὶ πρὸς πολλῷ χείρονα τούτων οὗτος ἐκκυλισθῇ, ἄνθρωπος ὢν ἐξωτερικός, ὡς οὕτως εἰπεῖν, καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀγωγῆς καὶ παιδεύσεως ἄγευστος τὰ πολλά· τάχα γὰρ ἂν αὐτὸς ἐξουσίας λαβόμενος δόξειε, μετὰ τὸν εἰπόντα, καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν προσαράσσειν τῇ || κορυφῇ· πλὴν ἴστω F. 5 v.
μηδὲ τὰ ἐν ποσὶν εἰδὼς ἀσφαλῶς, ὥσπερ δὴ μηδὲ τὰ ἐν χερσὶν βεβαίως πάντῃ κρατῶν διὰ τὸ τὴν ἱεραρχικὴν αὐτοῦ κατάστασιν πολλοῦ ἐνδέειν ἔτι τῆς ἀνέκαθεν συνηθείας. Ἀλλ' οὗτος μὲν οὕτως. Ὑμεῖς δέ, ἱερώτατοι ἀδελφοί, μὴ βουληθείητε δεύτερα φανῆναι τὰ καθ' ὑμᾶς[1]) καὶ αὐτῶν τῶν παρὰ βαρβάροις χριστιανῶν, οἵτινες συχνοὶ πανταχόθεν τὸ καθ' ἡμέραν ὡς ἡμᾶς παραγίνονται σχεδὸν τοῦτο μὲν προσάρκτιοι, τοῦτο δὲ ὑπερβόρειοι καὶ ἔτι τῶν πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον, ἀρχιερεῖς γνησίους ἐννόμους ἐπιζητοῦντες καὶ λαμβάνοντες. Ἡ γὰρ μετριότης ἡμῶν, ἐπισκεψαμένη τῷ τέως τὰ πρὸς ὑμᾶς τοὺς ἐν τοῖς αὐτόθι ἀρχιερατεύοντας μέρεσι καὶ πρὸς τὰς ἀκανονίστους ταύτας μὴ δυσανασχετοῦντας χειροτονίας μηδὲ τὸ λυμαντικὸν τοῦτο τῆς ἐκκλησίας τόλμημα ἀναστέλλοντας, ἔγνω δεῖν τῇ παρούσῃ καὶ μόνῃ εἰδήσει χρήσασθαι, δι' ὑμῶν καὶ τοῖς ἄλλοις τρόπον ἐπεχούσῃ προδιαλαλιᾶς τινος καὶ ἐπιφωνήσεως πρὸς διόρθωσιν. Ἔρρωσθε. μηνὶ φεβρουαρίῳ, ἰνδικτιῶνος ι'.

Ἡ ὑπογραφή· || Μανουήλ, ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. εἶχε καὶ διὰ κηροῦ σφραγῖδα, τυποῦσαν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Ἐμμανουήλ. ὁ δὲ κηρὸς πράσινος καὶ κάτωθεν ἀπηωρημένην μολυβδίνην βούλλαν[2]), ἧς ἐν μὲν τῷ ἑτέρῳ μέρει ἡ Θεοτόκος ἐγκάρδιος φέρουσα τὸν δεσπότην Χριστὸν καὶ ἐπὶ θρόνου καθημένη, ἐν δὲ τῷ ἑτέρῳ γράμματα ταῦτα· || Μανουὴλ ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης. τὸ δὲ σχοινίον ἦν γερακίου λευκοῦ.

---

1) Cod. ἡμᾶς 2) Cod. βόλλαν.

17.

Πρὸς ταῦτα ἀντιγραφὴ τοῦ παναγιωτάτου μητροπολίτου Ναυπάκτου, κῦρ Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου.

Ὅτε ὁ ῥαιφενδάριος τῆς σῆς ἁγιότητος τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐνεδήμει, νόσῳ συνεχόμην βαρείᾳ, ὑφ' ἧς καὶ ἔτι συνέχομαι. καὶ τοσοῦτον ἔστι μοι τὸ ἀπὸ ταύτης ἀδρανές τε καὶ μαλθακόν, ὡς βραχὺ μὲν πνέειν, βραχὺ δ' ἀναστένειν, κατὰ τὸν Εὐριπίδου Ὀρέστην[1]). Ἀμέλει καὶ πρὸς ἰσχύος οὐκ ἔσχον πρὸς τὰ—πράως εἰπεῖν καὶ ἀδελφικῶς—ἐπενεχθέντα μοι αἰτιάματα παρὰ τῆς σῆς τιμίας γραφῆς ὀλίγον ἔμπροσθεν τῆς τοῦ ῥεφερενδαρίου ἐπιδημίας ἕως καὶ δεῦρο ἀπολογήσασθαι, τοῦτο μὲν ὑπὸ τῆς ἀρρωστίας τῆς μακρᾶς καὶ ἐπικινδύνου ἀσχοληθείς, τοῦτο δὲ ὑπὸ τῆς ἀπορίας τῶν F. 6 r. διακονουμένων· ὀλίγοι γὰρ παρ' ἡμῖν || καὶ ὁδοῦ ἔμπειροι καὶ παρεσκευασμένοι πρὸς τὰς τοιαύτας ὑπηρεσίας· ὥστε μαθὼν τὰς τοιαύτας αἰτίας τῆς βραδυτῆτος δὸς ἡμῖν τὴν συγγνώμην. Ἄρτι δὲ τῷ παρόντι περιτυχὼν ἐκ τῶν κατωτέρων τούτων καὶ ἡμετέρων πρὸς τὰ αὐτόθι ἀνωτερικὰ ἀνατρέχοντι, δέον ᾠήθην καὶ ἐγγραμμάτως ὑποκλῖναι σοι κεφαλὴν καὶ περὶ ἐκείνων ἀπολογήσασθαι. Οἶδας δὲ πάντως, τιμία μοι καὶ ἱερὰ κεφαλὴ καὶ πάλαι καὶ νῦν, ὡς περὶ ψήφων καὶ χειροτονιῶν ᾐτιᾶτο με. Καὶ ἴσθι ὡς πρόθυμος οὐκ εἰμὶ χειροτονητής, βραδὺς δὲ μᾶλλον περὶ τὰ τοιαῦτα καὶ πρὸς τοὺς τῶν ἔξωθεν καρτερικὸς γογγυσμούς, κἂν οἱ πάντες ὑπ' ἐμοῦ τελεῖσθαι βιάζωνται, τὴν τῆς ἐμῆς ἱερατικῆς καταστάσεως ἐκ τῆς μεγαλοπόλεως ἀρχαιότητα καὶ τὸ παρὰ τοῖς ἐν Νικαίᾳ πατριαρχοῦσι τάχα γνωστὸν εἰς ἑαυτῶν δικαίωσιν ὑπολογιζόμενοι. Ἀλλὰ καὶ τούτων οὕτω θελόντων, τὸν μὲν Δυρραχίου, ἐνναετηρίδος ἤδη παρῳχηκυίας ἀφ' οὗ ἐπεσκόπησεν, ἅπαξ εἶδον ἐν Ἄρτῃ, χειροτονηθέντα ἐκ θελήματος τοῦ ἀοιδίμου κῦρ Μιχαὴλ τοῦ Κομνηνοῦ παρὰ τῶν ὑπ' αὐτὸν ἐπισκόπων. Ἐργάτης δὲ οὗτός ἐστι τῆς πράτης σοφίας καὶ μαρτυρίας ἔχει ἐκ τῶν ἔξωθεν. Ὁ Λαρίσσης δὲ ὁμοίῳ τῷ λόγῳ παρὰ τοῦ τετελευτηκότος Λευκάδος κεχειροτόνηται. Οὐκ ἂν δὲ καὶ εἰς τοῦ σήμερον Κερκύρων τὴν χειροτονίαν ἐπένευσα, εἰ μὴ τὸν ἄνδρα τοῦτον λόγῳ καὶ βίῳ κατανοήσας κοσμούμενον καὶ παρὰ τοῦ Βουλγαρίας ὑποψήφιον γεγονότα τῆς τῶν Γρεβενῶν ἐκκλησίας τοῦ χοροῦ τῶν Βουλγαρικῶν ἐπισκόπων ἐξενεγκών, τῇ ἡμετέρᾳ συνόδῳ προσήρμοσα, ἅτε τοιοῦτον ἄνδρα ζημιωθῆναι ἡμᾶς οὐκ εἰς καλὸν ἡγησάμενος. Καὶ τὰ μὲν τῆς ἐμῆς ἀπολογίας ἐν τούτοις. ἀλλ' ἔτι ταῦτα ἐγράφετο καὶ

---

1) Eur. Or. 155: ἔτι μὲν ἐμπνέει, βραχὺ δ' ἀναστενάζει.

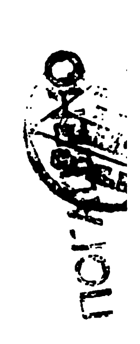
ἡ διαπομπὴ ἐμελετᾶτο τοῦ γράμματος καὶ με βαλανεῖον εἶχεν καὶ τὰ ἀποψήματα μετὰ τὴν λοῦσιν, αὐτοῖς ἐπαναπαυόμενον, καί τις τῶν ὑπὸ τὸν πανευτυχέστατον αὐτάδελφον τοῦ τῶν ἡμετέρων κράτορος καὶ νικητοῦ Κομνηνοῦ, κῦρ Κωνσταντῖνον τὸν Δούκαν, γράμμα μοι σὸν ἐνεφάνισε, σταλὲν παρὰ τοῦ ἱερωτάτου ἀρχιεπισκόπου Γαρδικίων ἐκείνου[1]). Ἦν δὲ τὸ γράμμα καὶ σῇ τιμίᾳ ὑποσεσημασμένον ὑπογραφῇ—ἀσυνήθει μέν τοι καὶ ἀγνώστῳ τέως ἐμοί· οὐδεὶς γὰρ ἕως καὶ δεῦρο τῶν ἐν Κωνσταντίνου πόλει ἐπισκοπησάντων τὸ «καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης» ταῖς οἰκείαις ὑποσημασίαις προσέθετο, ὅσα τέως γινώσκειν ἐμέ, ἀφ' οὗ καὶ || πατριάρχας ἐγνώρισα καὶ ὑπὸ τῶν πατριαρχῶν ἐγνωρίσθην, κἂν ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτοὺς ἐν εὐφημίαις, ἐν γράμμασιν οἰκουμενικοὶ πατριάρχαι ἀνακηρύττονται· ἀλλ' ἔοικεν ὡς οἱ περί τι ἐρωτικῶς διακείμενοι ἡδέως συνεῖναι καὶ τοῖς ὀνόμασι θέλουσι, καί περὶ τούτων διαγορεύει Πέτρος πατριάρχης Ἀντιοχείας, παλαιγενὴς ἀνὴρ λογιώτατος, ἐν οἷς γράφει πρὸς τὸν τότε Ἀκυλίας Δομίνικον, πατριάρχην ἀξιοῦντα καὶ εἶναι καὶ ὀνομάζεσθαι — καὶ σφραγῖσι κατησφαλισμένον δυσίν, ἐκ μολύβδου δὲ αἱ σφραγῖδες καὶ ἐκ κηροῦ, ὑποδηλοῦσαι ὡσανεὶ τῷ θέλοντι περὶ ταύτας κομψεύεσθαι ἡ μὲν μολυβδίνη τὸ βαρύτερον τῆς περὶ τοῦ μὴ χειροτονεῖν ἐνταῦθα ἐπιχειρήσεως, ἡ κηρίνη δὲ τὸ τῆς διαλογῆς ἁπαλώτερον καὶ τὸ τῆς γράμματος ἐκείνου ἐκθέσεως γλυκύτερόν τε καὶ ἡμερώτερον, ἢ καθ' ἡμετέραν ἴσως ἐπιβολήν, τὸ ἐκ τῆς τῶν σφραγίδων διπλότητος δῆθεν ἰσχυρόν τε καὶ πάγιον τῆς περὶ τὰς χειροτονίας κωλύμης. Ἀλλ' ἐπὶ τούτοις ἢ παρὰ θύρας ἡμεῖς ἀπαντῶμεν ἢ τοῦ ἀληθοῦς καταστοχαζόμεθα· τὰ πλείω μέντοι ἐκείνου τοῦ γράμματος ἐξ οὐκ ἀληθοῦς ἀκοῆς ἐκτεθειμένα ἐφαίνετο εἶναι. Ὅτι γὰρ Αὐλωνὸς ἐπολιόρκησεν ἐν Βονδίτζῃ καὶ διὰ λειμμάτων τῷ μεγαλογενεῖ καὶ ἡμετέρῳ περιέτυχε Κομνηνῷ καὶ εἶπε καὶ ἤκουσε ἅ τε εἰπεῖν ἐπετράπη καὶ ὅσα ἔδει ἀκοῦσαι[2]), καὶ ἐγὼ αὐτίκα ἐνόσουν ἔν τινι τῶν ὑπὸ τὴν ἡμετέραν ἐκκλησίαν ἀγρῶν, ἀπέχοντι τῆς Βονδίτζης ὅλων ἡμερῶν τριῶν τῷ βάδην πορευομένῳ καὶ σχολαίως, ὡς τότε διὰ τὴν νόσον ἐγώ. Ἀλλὰ καὶ μετὰ τὸ ἐνδημῆσαί με τῇ Βονδίτζῃ, ὅτε συνεκάλεσέ με ὁ ῥαφερενδάριος, ὡς τὸ γράμμα σου βούλεται, καὶ τῆς ἐμοῦ ἐνδημίας καὶ τῆς τούτου ὑποχωρήσεως ἡμέρα μία ἐγένετο μεσολάβημα. Ὅτι καὶ συνταττόμενός [μ]οι τὰ ἔσχατα, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] ἐνεχείρισε, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Καὶ διὰ τὴν νόσον ὅτε τὸ γράμμα [illegible] ὅτε τὰ [illegible] [illegible], [illegible] ὅτι [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] καὶ

1) Cod. [illegible] 2) Cod. [illegible]

F. 7 r. ἤκουσεν, ὡς ἡ Λευκὰς ἰδοὺ κεχήρευκε πρὸ καιροῦ, καὶ χει-||ροτονησάτω ἐκεῖθεν ὁ δεσπότης ἀρχιεπίσκοπος, καὶ ἴδωμεν εἴ που παρὰ τῆς ἐνταῦθα ἐξουσίας δεχθῇ. Καὶ ἕως τούτων τὴν πρὸς ἀλλήλους ὁμιλίαν διαλυσάμενοι, ἐμὲ μὲν πάλιν εἶχεν ἡ κλίνη, ὃ δὲ πρὸς τὸν αἰγιαλὸν καταβὰς αὐτίκα ἀνήγετο. Καὶ ἐπὶ τούτοις ψεῦδος ὁ ραιφερενδάριος οὐκ ἐρεῖ, μάλα γὰρ πεπνυμένος ἐστίν. Εἰ δέ, ὡς ἔγραψας, ἀνέγνων τὸ γράμμα καὶ τῷ κρατοῦντι τῶν ἡμετέρων τὴν αὐτοῦ ἐγνώρισα δύναμιν, διὰ χρόνου ἂν παρέστη τῇ ἁγιωσύνῃ σου ὁ ραιφερενδάριος. τότε καὶ τῷ ἡμετέρῳ ὑπογραφεῖ ἐγχειρίσας τὸ βιβλίον ἀπραγμόνως ἐκεῖνο ταμιεύειν ἐνετειλάμην τοῖς πρὸς οὓς καὶ ἀπέσταλται. Καὶ τὰ μὲν τοῦ κεφαλαίου τούτου ἔσχεν οὕτω, καὶ γέγονέ σοι οὐκ εὐθεῖα ἡ τούτου τέως ἐξήγησις. Ὁ Λαρίσσης δὲ ἅπαξ ἀλγήσας τοὺς πόδας καὶ ζῇ καὶ τὰ κατὰ τὴν οἰκείαν ἐκκλησίαν διενεργεῖ καὶ ὑγιέστερός ἐστι Κρότωνος. Καὶ ὁ μακαριώτατος Βουλγαρίας, ὃν ὑπερθαυμάζω τέως ἐγὼ τοῦ βίου, τῆς λογιότητος, τοσοῦτον ἀπέχει τοῦ τὰ ποιητέα ἡμῖν διατάσσεσθαι ἐπὶ ταῖς ὁτεδήποτε ἱεροπραξίαις, ὁπόσον καὶ οἱ νεκροὶ πραγμάτων τῶν ἐν ἡμῖν· ἀλλὰ τοῖς ἰδίοις προνομίοις ἀρκεῖται καὶ τοὺς ἀρχαίους ὅρους οὐχ ὑπεράλλεται. Τοῦτον ἐγὼ τῶν ἑκάστοτε Βουλγαρίας ἀποκρίσεις παρὰ τοῖς πατριάρχαις ποιούμενον ἐγνώρισα ἐκ μακροῦ, ὅτι σου γενῆφι πρότερος, καὶ εὐσυνέτως ἀπολογούμενον καὶ θαυμαζόμενον ὑπ' ἐκείνων. καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος θαυμαζόμενος τοῖς πολλοῖς καὶ αἰδέσιμος διὰ τὸ μέτριον ἦθος, διὰ τὸν ἥσυχον λόγον, διὰ τὸ ἐν ταῖς ὁμιλίαις ἀπρόσκοπον, κἂν σὺ καλεῖς αὐτὸν ἐξωτερικὸν καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀγωγῆς καὶ παιδεύσεως ἄγευστον, τὸν ὑπερλίαν ταύτης εἰδήμονα. Οὕτως δὲ θαρρῶ ἐπὶ τῇ τοῦ ἀνδρὸς σεμνότητι καὶ τῇ γνώσει, καὶ μᾶλλον τῇ καθ' ἡμᾶς ἱερᾷ, ὡς εἴ γε βασιλεὺς ἦν καὶ πόλις ἦν ἥ ποτε πόλις καὶ περὶ τοῦ ἐπισκοπήσοντος ἐν Βουλγαρίᾳ λόγος προέκειτο, ἦν ἂν καὶ αὐτὸς τῶν μαρτυρουμένων αὐτίκα εἷς ἐπὶ τούτῳ τῷ ἀξιώματι. Καὶ περὶ ὧν ἀκριβῶς οὐκ οἶδας, οὕτω μὴ ἀποφαίνου. Τὴν ἀρχιερατικὴν αὐτῶν κατάστασιν ἐν τίνι γράφεις ἐνδέειν τῆς ἀνέκαθεν συνηθείας, σάφα οὐκ οἶδα· ἐπιλέλεκται δὲ παρὰ τοῦ κρατοῦντος
F. 7 v. τῶν ἡμετέρων, ὃν ἡμεῖς θεόθεν ἀπεστάλθαι φρονοῦμεν || καὶ βασιλέα τῶν ἡμετέρων ἐπιγραφόμεθα. Καὶ τὸν Θεὸν ὁρῶμεν πυκναῖς ταῖς κατὰ τῶν ἐναντίων νίκαις αὐτὸν καταστέφοντα, τὰ ὅριά τε τούτου ὑπερεκτείνοντα καὶ τῆς αὐτοῦ ἐξουσίας πλατύνοντα τὰ σχοινίσματα· ὃ δὲ ἐπὶ τοῖς τοιούτοις ὑψώμασιν φρονεῖ ταπεινὰ καὶ τὸ μέλαν ὑποδέδεται πέδιλον καὶ ἕνα[1]) τῶν ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ μαχομένων καταλογίζεται ἑαυτόν. Ἐπιλέλεκται μὲν οὖν ὑπὸ τῆς τούτου ἐξουσίας ὁ Βουλγαρίας, κεχειροτόνηται δὲ παρὰ

1) Cod. ἵνα.

τῆς ὑπ' αὐτὸν συνόδου κατὰ τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν, τοῖς ἰδίοις προνομίοις ἀρκεῖται, τὰ οἰκεῖα οὐχ ὑπερβαίνει, ἀλλοτρίαις διοικήσεσιν οὐκ ἐπιστατεῖ. Καὶ βούλομαί σε μηδὲν περὶ τῆς αὐτοῦ προσεξεργάζεσθαι ἀρχιερατικῆς καταστάσεως. Εἰ δὲ διὰ τὸ βασιλικὴν μὴ δέξασθαι προβολὴν, κατὰ τοῦτο πολλοῦ τὴν ἀρχιερατικὴν αὐτοῦ ἐνδέειν λέγεις κατάστασιν, ἐγὼ μὲν οὐδὲν ἀποκρινοῦμαί σοι ἕτερον, ἴσως δέ τις ἀνθυποκρούσεται καὶ μείζονας εἶναι ἄλλας καταστάσεις ἀρχιερατικὰς προβολὴν μὴ δεξαμένας βασιλικήν. Καὶ ποῖος βασιλεὺς τέως τὸν κατὰ καιροὺς Ἀλεξανδρείας προεχειρίζετο, εἰ μὴ ὅτι οἱ ὑπ' αὐτοὺς ἐπίσκοποι συνερχόμενοι ἐπελέγοντο καὶ ἐχειροτόνουν ἐκείνους; καὶ ἡ ἐκκλησία ἐδέχετο καὶ κοινωνικοὺς αὐτοὺς εἶχε. Τὸν δὲ σήμερον Ἀντιοχείας καὶ τὸν Ἱεροσολύμων ποῖος βασιλεὺς προεβάλετο; ἵνα μή τι λέγω ἐγγύτερον. Σφαιρικοῦ δέ τινος ἤκουσα λέγοντος, ὡς τῶν ἴσων μεγεθῶν ἐν διαστήματι κειμένων τὰ ἔγγιον κείμενα ἀκριβέστερον ὁρᾶται. τὸ δ' αὐτὸ καὶ ἐπὶ πραγμάτων ἄν τις ἐκλάβοιτο. Ἔστι δὲ ἡ ἐκ βασιλέως προχείρισις, ὡς εἰκάζω τέως ἐγὼ, μόνον γνωριστικὴ τῆς τῶν προσώπων ἐπιλογῆς, οὐδὲν δέ τι πλέον συμβαλλομένη πρὸς τὴν ἐπισκοπικὴν τελειότητα· ἴσον δέ μοι φαίνεται καὶ ἡ ἀπόβλητος ἐπιλογὴ καὶ αὕτη ἡ προβολή. Εἰ δὲ μὴ ἴσον, σκοπητέον ἐστὶ, μήποτε οἷς ἐπιμεμφόμεθα, τούτοις καὶ ἐμπεσούμεθα. Χωρὶς δὲ τούτων παρακαλῶ τὴν ἱεράν σου ψυχὴν ὁ πλέον τῶν ἄλλων καὶ ποθῶν σε ἐγὼ καὶ τὴν σὴν ἱεραρχίαν ἀποδεχόμενος, μὴ πολυπραγμονεῖν τὰ ἀλλότρια καὶ τὰ καθεστηκότα καλῶς κινεῖν ὡσανεὶ διὰ μόνον τὸ βούλεσθαι· ἰδοὺ γὰρ ἔχεις μαθὼν, εἰ τέως ἀξιόπιστοί σοι κρινόμεθα, ὡς ἐκ ψευδῶν εἰσηγήσεων ἐγράφη τὰ πρὸς ἡμᾶς. Εἰ δὲ καὶ οἰκουμενικόν σε ὀφθαλμὸν ὁ λόγος || βούλεται εἶναι, καλῶς ποιεῖς ἐπεντρανίζων F. 8 r. καὶ τοῖς μακράν· δύναμις δὲ ὅμως ἡ ὀπτικὴ τοῖς ὁρατοῖς προσβάλλουσα, εἰ μὴ συσχηματισθῇ τούτοις καὶ, ὡς οὕτως εἰπεῖν, συγχρωσθῇ, ἑτέρως διακρῖναι οὐ δύναται τὰς τῶν ὁρωμένων ποιότητας μεγέθη τε καὶ τὰ σχήματα καὶ κατὰ εἰσπομπὴν τῇ κοινῇ αἰσθήσει παραδοῦναι ταῦτα τὰ ὁρατά. Καὶ λέγω ἀδελφικῶς, ὡς ἐχρῆν οὕτω καὶ τὴν σὴν ἐπὶ τῷ Βουλγαρίας διατεθῆναι διάκρισιν καὶ πρῶτον τὰ κατ' αὐτὸν ἀκριβώσασθαι, εἶτα μέμψασθαι, μὴ οὕτω δὲ ἀνακρίβως ἀνδρὸς τιμίου καθάψασθαι καὶ σεμνυνομένου γνώσει καὶ ἀρετῇ. Ἐγὼ δέ σε καὶ νοῦν ἱερὸν δικαίως ἂν ὀνομάσαιμι ἐπεκτεινόμενον καὶ τοῖς πόρρω καὶ περιαθροῦντα τὰ ἐν τοῖς τοπικοῖς διαστήμασιν. Ἀλλὰ καὶ ὅ [1]τε γῆν ἐπερχόμενος ὅλην τυχὸν καὶ πλέθρα ταύτης διαμετρούμενος καὶ τὰ ὧδε κἀκεῖσε περισκοπῶν τε καὶ φανταζόμενος, ὅμως πρὸς ἑαυτὸν ἀναστρέφει καὶ τὰ οἰκεῖα μᾶλλον ὁρᾷ καὶ περισκοπεῖ, καὶ ἔστιν, ὡς οὕτω φάναι, ἡ τοιαύτη ἐνέργεια τοῦ νοὸς μὴ κινουμένη κίνησις καὶ ὁρμή

1) οὔτε Cod.

τις ὥσπερ ἀσώματος, πρὸς ἑαυτὴν ἐπανακυκλουμένη καὶ ἀναστρέφουσα. Ταῦτα καὶ περὶ τούτων ὅσα ἡμῖν τῇ ἀρχαίᾳ κατακολουθοῦσι φιλίᾳ ἀδελφικῶς ἐπῆλθε καὶ φιλικῶς θαρρῆσαι καὶ γράψαι πρὸς τὴν σὴν τελειότητα. ὤκνουν δὲ προσβῆναι καὶ τὰ ἑξῆς, τό τε μέτρον τηρῶν τῆς ἐπιστολῆς καὶ τὴν τῆς ἀδολεσχίας φυγὴν ὑπιδόμενος, τῇ δὲ σῇ θαρρήσας μακροθυμίᾳ καὶ τῇ χρηστότητι καὶ προσβαίνω ἰδοὺ καὶ περὶ τῶν ἐνταῦθα καὶ ψήφων καὶ χειροτονιῶν μικρά τινα διαλέγομαι, ὡς ἔδει τὴν σὴν ἀκριβεστάτην διάκρισιν διδόναι τὰ πράγματα τοῖς καιροῖς καὶ τούτοις μᾶλλον ἢ τῷ ἀκριβεῖ κατακολουθεῖν, ὅτι καὶ σωφρονούντων ἐστὶ τὸ τοῖς καιροῖς εἰδέναι ἀκολουθεῖν[1]), οὓς καὶ ψυχὰς τῶν πραγμάτων ἀκούομεν λέγεσθαι. Καὶ πείθει με οὕτω ἀεὶ φρονεῖν καὶ λέγειν ὁ τῶν Ἀλεξανδρέων ἁγιώτατος Κύριλλος, μᾶλλον δὲ τῆς οἰκουμένης ἁπάσης καὶ φωστὴρ καὶ διδάσκαλος. Οὗτος γάρ, Γενναδίῳ γράφων πρεσβυτέρῳ καὶ ἀρχιμανδρίτῃ, τάδε πρὸς ἔπος φησί· «Τὸ μὲν εὔτονον εἰς εὐσέβειαν τῆς σῆς θεοσεβείας οὐ νῦν ἔγνων, ἀλλ' ᾔδειν ἔκπαλαι καὶ ἐπαινῶ γε σφόδρα μετὰ τοιαύτης ἀκριβείας θέλουσαν ζῆν.
F. 8 v. ἀλλ' οἰκονομία πραγμάτων ἔσθ' ὅτε παραβιάζεται || βραχὺ τοῦ δέοντος ἔξω φέρεσθαί τινας, ἵνα τι μεῖζον κερδάνωσιν, ὥσπερ οἱ τὴν θάλατταν ναυτιλλόμενοι, χειμῶνος ἐπικειμένου καὶ κινδυνευούσης τῆς νηός, ἀλύοντες ἀποφορτίζονταί τινα τοῦ σῶσαι τὸ πλοῖον· οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐν τοῖς πράγμασιν, ὅταν μὴ ἐξῇ τὸ λίαν ἀκριβὲς ἀποσώζειν, παρορῶμέν τινα, ἵνα μὴ τοῦ παντὸς πάθωμεν ζημίαν». Ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὁ ἐν ἁγίοις πατήρ. καὶ κατὰ τούτους, οἶμαι, τοὺς λόγους καὶ ἐπὶ τῷ Ποντικῷ Κερασοῦντος ἕως καὶ δεῦρο φιλανθρωπεύεται ἡ ἁγιωσύνη σου, χειροτονίας ποιουμένῳ καὶ ψήφους, ὥσπερ ἀκούομεν, τῶν ἐν τῷ Πόντῳ ἐκκλησιῶν καὶ τῇ Λαζικῇ, αἵ εἰσι Τραπεζοῦς καὶ Νεοκαισάρεια, καὶ ὅσας ἑτέρας ἐν ἐκείνοις τοῖς μέρεσιν ἱδρύσατο ἡ εὐσέβεια· οὐ μόνον δέ, ἀλλὰ καὶ ἐπισκόπους διαφόρων θρόνων χειροτονεῖ, καὶ τὸ αὐτό σοι καὶ πάλιν μακρόθυμον. Καὶ ὁ Ἀδριανουπόλεως δὲ διαφόρων ἀρχιερέων ἐπὶ τῶν πρὸ τῆς σῆς ἁγιότητος ἐν Νικαίᾳ πατριαρχησάντων ποιησάμενος καὶ ψήφους καὶ χειροτονίας ὑπ' ἐκείνων οὐκ ᾐτιάθη· ᾔδεσαν γάρ, ὡς οὐχὶ γνώμῃ οἰκείᾳ, τῷ δὲ καιρῷ καταναγκαζόμενος τὰ τοιαῦτα ἐποίησε. Καὶ τοῦτο πάντως ἐπὶ τοῖς τοιούτοις εἶναι λογίζομαι, τὸ ὑπενδιδόναι τῆς ἀκριβείας κατὰ τὴν τοῦ πατρὸς ὑποθήκην καὶ τὸ δι' οἰκονομίαν φέρεσθαί τινας ἔξω τοῦ δέοντος, ἵνα μεῖζον κερδάνωσιν, ὡς κἀνταῦθα καθισταμένων ἐπισκόπων ἡ μὲν ἀκρίβεια διὰ τὸν καιρὸν κατατέμνεται, μεῖζον δέ τι κέρδος ταῖς πόλεσι ἐπιγίνεται, ἡ τῶν ἱερέων δηλονότι τελείωσις, ἡ τῶν ψυχῶν ἐπιμέλεια, ἡ τῶν ὑπὸ τὰ ἐπισκοπεῖα καὶ φροντὶς

1) ἀκολουθῶν Cod.

καὶ συντήρησις, καὶ τἄλλ' ὁπόσα καὶ ἐπίσκοποι ἐνεργοῦσι καὶ ἡ τῶν καιρῶν κατάστασις ἀπαιτεῖ. Καί, ὡς ἐγὼ οἶμαι, οὔτε σχίσμα τὸ τοιοῦτον οὔτε παρασυναγωγή. Ὅπου γὰρ καὶ ὁ χειροτονῶν αὐτὸς καὶ ὁ χειροτονούμενος τὸ πατριαρχικὸν ἐν ταῖς ἱεραῖς ἁγιστείαις ἀναφέρουσιν ὄνομα καὶ ἐν ταῖς εὐφημίαις τοῦτο προλέγουσιν, ἐκεῖ χρηστότης μεσιτεύει καὶ ἐπιείκεια. ὅτι τοῦτο μόνον ἴσως ἡμάρτηται διὰ τὸν καιρόν, ἡ τῶν ἐπισκόπων δηλονότι αὐτόθεν ἐπιλογὴ καὶ προχείρισις, ὡς ἀδύνατον ὂν ἀνατρέχειν τοὺς ψηφιζομένους πρὸς Νίκαιαν· τὸ μὲν πρόχειρον, διὰ τὰ ἐν μέσῳ σκῶλά τε καὶ ἐμπόδια, τὸ δὲ καὶ || τούτου ἐντός, συλλογισάσθω ἡ τελειότης σου, F. 9 r. ὡς γὰρ κνῖζον τὴν ἀκοὴν σιωπητέον μοι κρίνεται. χωρὶς δὲ τούτων εἰς ἀπώμοτον κρίνεται τῷ παρ' ἡμῖν θεόθεν κρατοῦντι μεγαλουργῷ Κομνηνῷ ἡ τῶν αὐτόθι πρὸς τὰς ἐνταῦθα χηρευούσας ἐκκλησίας τῶν ἐπισκόπων καταπομπή. οὐδεὶς γάρ, φησίν, ἑτέρῳ πονεῖ, καὶ τὰ ἐφ' οἷς πάσχει πολλὰ καὶ τοσαῦτα μογεῖ εἰς ὑπερορίους ἀπολύει ἀργάς, ἀλλὰ θέλει ὅσας πόλεις νόμῳ πολέμου ἑαυτῷ παριστᾷ καὶ κόποις μακροῖς χειρὸς ἀποσπᾷ τῆς λατινικῆς, τῇ τῶν Ῥωμαίων δὲ ἐξουσίᾳ προστίθησιν, ὑφ' ὧν αὐτὸς δοκιμάζει καὶ οἷς ἐθάρρησε πρὸ μακροῦ· οὐκ ὀλίγοι δὲ ἐν τῇ τούτου αὐλῇ καὶ λόγου μέτοχοι καὶ ἀρετῆς ἐπιμεληταὶ ἐπισκοπικῶς διεξάγεσθαι. Καὶ ταῦτα μὲν οὕτω θέλει.

Κωλύμη δὲ τῆς σῆς ἀναφορᾶς οὐδεὶς νοῦν ἐβάλλετο πώποτε, ἀλλὰ καὶ τοῦτο ποεῖ, καὶ τὸ ἕτερον ἀπαναίνεται καὶ λείπεται κατ' ἐντολὴν τέως τῆς μεγάλης ἁγιωσύνης σου τὰς τῶν ἐπισκόπων καταστάσεις ἐνταῦθα προβαίνειν, ἵνα μὴ αἱ τῶν αὐτόθι χειροτονουμένων καταπομπαὶ ἀναπομπαὶ τούτων γίνονται, ὥς τινων ὀδωτῶν παλίρροιαι, καὶ τὸ τῆς ἀρχιερωσύνης σεμνὸν ἐντεῦθεν ὑβρίζοιτο, καθάπερ καὶ ἐπί τισι τῶν χειροτονηθέντων καὶ σταλέντων ἐν τοῖς μέρεσι Βοσπόρου Χερσῶνος καὶ Σουγδαιοφούλλων, ὡς ἡμῖν ἠκούσθη, ἐγένετο, μὴ καταδεξαμένων πάντως τῶν ἐκεῖσε κρατούντων τὰς τῶν ἐπισκόπων τούτων ἀποστολάς. Ὁ δὲ Κομνηνὸς ἐκεῖνος κῦρ Δαυὶδ οὐ μάστιξιν ᾐκίσατο καὶ ἀπεπέμψατο τὸν τῆς ἐκκλησίας διάκονον ἐκεῖνον τὸν Παμμακαριστὴν, ὅτι ψηφισθεὶς ἐν Ἀμάστριδι ἀνέπλευσεν ἐν αὐτῇ, ὡς περισκοπῆσαι τὰ κατ' αὐτήν; οὐ καλῶς μὲν ποιήσας οὐδὲ δικαίως, ὅμως παρεστήσατο ἐκεῖνος τὸ μὴ θέλειν παρὰ τῇ ἰδίᾳ ἀρχῇ ἀφ' ἑτέρας ἐξουσίας καταστῆναι ἐπίσκοπον. Ἔστι δὲ καὶ τὸ κατὰ σὴν προτροπὴν τὰς χειροτονίας ἐνταῦθα προβαίνειν εἰς μεγαλοσύνην, ὡς οἶμαι, τῆς σῆς ἁγιότητος, εἴγε καὶ αὐτὸ καταδέξονται οἱ παρ' ἡμῖν βασιλεύοντες. Ἀπέστω σοι δὲ ἡ τοῦ δοκεῖν περὶ ἐμοῦ εἰρῆσθαι τὰ τοιαῦτα ὑπόληψις· ἐγὼ γὰρ καὶ γήρᾳ βαρούμενος καὶ ἀρρωστίαις ἐκπιεζόμενος ὀλίγου δεῖν τὸ μεταβατικὸν ἠρνησάμην· ἀλλ' ὥστε μὴ τὸν λαὸν Κυρίου μένειν || ἀποίμαντον καὶ τὰ F. 9 v.

τῶν ἐκκλησιῶν καταφθείρεσθαι, ὁποῖον καὶ ἐπὶ τῇ Λευκάδι ἐγένετο, χηρευσάσῃ μὲν καὶ πρὸ τῆς ἐνταῦθα ἐπιδημίας τοῦ ῥαιφερενδαρίου, μενούσῃ δὲ ἀποιμάντῳ ἕως καὶ δεῦρο. Νῦν δὲ τοῦ παρ' ἡμῖν κρατοῦντος ἀριστουργοῦ Κομνηνοῦ καὶ Σέρρας καὶ Νέας Πάτρας τῆς λατινικῆς λυτρωσαμένου χειρός, ἐν μὲν τῇ Νέᾳ Πάτρᾳ ὁ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας διάκονος πατριαρχικὸς νοτάριος καὶ διδάσκαλος τῆς χώρας ὁ Κοστομύρης προκέκριται, ὃν καὶ ἡ μεγάλη ἁγιωσύνη σου διὰ γράμματος ἱεροῦ εἰς λογοθέτην ἐτίμησε, εἰς δὲ τὰς Σέρρας ὁ ἐκ Θετταλίας Γοριανίτης, ἄνθρωπος οὗτος μέτοχος καὶ εὐλαβείας καὶ λόγου καὶ τῆς ἐκείνης μητροπόλεως κληρικός, τὸ ἦθος μέτριος, νοήμων τε καὶ καλλιγραφῶν καὶ τὰ νοούμενα οὐκ ἐπίψογα ἐκτιθέμενος· εἰς Λευκάδα δὲ ἀνὴρ ἱερεύς, εὐλαβὴς καὶ αὐτὸς καὶ ἀδιαβλήτου διαγωγῆς. Εἶτα σὺ οὐ θαυμάζεις καὶ δι' ἐπαίνου τίθεις πολλοῦ τὸν ἀριστοεργὸν ἡμέτερον Κομνηνόν· ὡς τὴν περὶ τὴν τῶν ἐκκλησιῶν ὁρμὴν τοῦ λόγου αὖθις ἀναλαβεῖν· ὅπως νύκτας ἀΰπνους ἰαύει καὶ ἤματα διαπερᾷ αἱματόεντα [1]· οὐδεὶς γὰρ πόλεμός ἐστι αἱμάτων ἄνευ ἐκχύσεων καὶ ὡς ἅρματά τε καὶ ἵππους καὶ στρατιωτικὴν ἰσχὺν ἔστιν ἐν τοῖς πολέμοις ὅπου ἀποβαλλόμενος· ὅτι καὶ φύσει ἅπας πόλεμος ἑτεροκλινὴς καὶ ἑτεραλκὴς ἡ νίκη, ὡς γνωματεύεται τὸ ῥαψῴδημα [2]· καὶ τῇ ῥωμαϊκῇ κληρουχίᾳ πόνοις τοσούτοις τὰς πόλεις ταύτας αὖθις ἐπικληρούμενος, οὐκ ἀφορᾷ πρὸς χρηματισμὸν οὐδὲ θέλει τὰ τῶν ἐκκλησιῶν παρατρώγειν καὶ τὰ ἐν τοῖς πολέμοις οἰκεῖα κενώματα καὶ δαπανήματα κἀκ τῶν ἐκκλησιαστικῶν προσόδων ἐν μέρει ἀναπληροῦν· ἀλλ' ἅμα τέ τις ἥλω πόλις αὐτῷ, καὶ ἅμα ἐπίσκοπον ἐν ταύτῃ θέλει καθίστασθαι καὶ τὴν λατινικὴν μιαρίαν διὰ τῆς ἡμετέρας ἀρρύπου καὶ θρησκείας καὶ ἁγιστείας ὥσπερ ἀνακαθαίρεσθαι; Οὐ ταῦτα γοῦν ἀποθαυμάζεις καὶ ἐπαινεῖς· ἀλλ' εἰς τοὺς ἀλλοτρίους κόπους, ὡς λέγεις, ἑτέρους σπεύδεις εἰσάγεσθαι, οὓς οὐκ ἔγνω οὗτος, οἷς οὐκ ἐθάρρησε; Καὶ τὸ μὲν δίκαιον οὐκ ἀρνήσομαι, ὡς ἐχρῆν καὶ μίαν εἶναι
F. 10 r. βασιλείαν τὰ κοσμικὰ δι||ευθύνουσαν καὶ πρῶτον ἕνα ποιμένα τὰ ἱερατικὰ διοικονομούμενον. Ἐπεὶ δὲ αὕτη [μὲν], ἐφ' ἑαυτὴν μερισθεῖσα διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν, οὐκέτι συνίσταται, ὁ δὲ εἷς καὶ πρῶτος ποιμὴν ἱερὸς καὶ αὐτὸς ἔξω τῆς οἰκείας πλάζεται μάνδρας καὶ ἡμεῖς τὰ πρόβατα ἄλλος ἀλλαχοῦ διεσπάρημεν καὶ ὑπὸ διαφόρους ἐξουσίας κατέστημεν, ἀναγκαίως ὑποκεῖσθαι ταύταις, ὡς τοῦ Θεοῦ κελεύοντος, τὴν ὄντως ὑποταγήν. Καὶ πῶς τῶν κρατούντων μὴ συνερχομένων ἀλλήλοις, ἀλλὰ τοὺς ἰδίους πόνους καὶ τὰ οἰκεῖα λάχη ἰδιουμένου ἑκάστου καὶ κατὰ μόνην τὴν χριστιανικὴν κλῆσιν καὶ πολιτείαν συνερχομένων, τὰ δ' ἄλλα διεστηκότων, ὅσα

1) Homer. Iliad. 9,325. 2) Homer. Iliad. 7,26 8,171.

περὶ στρατηγίαν, ὅσα περὶ πολέμους, ὅσα περὶ πολιτικὰς διεξαγωγάς τε καὶ διοικήσεις· ἔνθα ταῦτα, ἐκεῖ εὔλογον οἶμαι ἐνοῦν ἐπιχειρεῖν τὰ μὴ συνερχόμενα καὶ ὑπὸ ταύτην βιάζειν ταύτῃ ὥς φασι τιθέναι ἀρχὴν, διὰ τῆς δῆθεν εὐλογοφανοῦς τῶν ἐπισκόπων προφάσεως; τὸ δὲ μὴ βιάζεσθαι ῥοῦν ποταμοῦ καὶ ἡ παροιμία διδάσκει. καὶ ἕως, οἶμαι, τίμιε δέσποτα, αἱ κοσμικαὶ ἀρχαὶ διεστήκασιν, ἀνάγκη ⟨μὴ⟩ διεστηκέναι καὶ τὰ καθ' ἡμᾶς ἱερατικὰ ὅσον τέως ἐφ' οἷς αὐτὸς ἐθέλεις καὶ περὶ ὧν γράφεις καὶ ἀγωνίζῃ. τὴν δὲ πίστιν τῇ χάριτι τοῦ Θεοῦ, τὴν ἁγιστείαν, τὴν ἐν πνεύματι ἕνωσιν καὶ τἆλλ', ὁπόσα τοὺς ὁμοθρήσκους γνωρίζουσι, καὶ ἡνωμένοι ἐσμὲν καὶ ἕως θανάτου συνημμένοι ἐσοίμεθα. Καὶ σκόπησον, εἰ κείσεταί σοι πρὸς καλοῦ ἐκ Θεοῦ τὸ παρὰ τὴν τῶν πραγμάτων κατάστασιν καὶ ἀκλινὲς καὶ μονότονον, ὡς τὰ ἐξ ἁμαρτίας ἡμετέρας πλακέντα θέλοντός σου δίχα Θεοῦ καὶ διαστεῖλαι καὶ διαλύσασθαι, ἢ μᾶλλον τὰ διαστάντα οὕτως ἑνῶσαι καὶ δίχα δηλονότι θείας κελεύσεως. Ἐπιλογισάσθω δέ σου ἡ τιμία ψυχὴ, ὡς πολύτροπον ταῖς ἐκκλησίαις ἐπά[γεις] τὴν ταλαιπωρίαν τε καὶ τὸ σύντριμμα, τῶν ἐπισκοπείων αὐτῶν καὶ τῶν ὑπ' αὐτά, τῶν μὲν ἀμελουμένων, τῶν δὲ ταλαιπορουμένων, τῶν ἀνθρώπων μὴ ποιμαινομένων κἀντεῦθεν τὰ ποικίλα πάθη νοσούντων· τὸ γὰρ ἀνεπισκόπητον ἀθεράπευτον· ἱερέων δὲ ἐκλιπόντων καὶ μὴ καθισταμένων ἑτέρων κατ' ὀλίγον σχολάσαι πάντως τὰ ἱερατικά, ἅ εἰσιν ἁγιστείας τελείωσις, βρεφῶν διὰ βαπτίσματος ἀναγέννησις, ψαλμῳδίαι, ὕμνοι, πάννυχοι στάσεις, ἱλασμὸς εἰς Θεόν, ἁγίων μνημόσυνα καὶ τἆλλα πάντα, ὅσα ὁ ἐπακτὸς χριστιανισμὸς || παραδέδωκε καὶ ἡ ἐκκλησία παρέλαβε. Εἰ δὲ καὶ αὐθεντικώτερα ἐπιτάξει ἡ παρ' ἡμῖν ἐξουσία καὶ χειροτονηθῆναι κελεύσει ἐπὶ ταῖς χηρευούσαις ἐκκλησίαις, τοὺς ψηφισθέντας ἆρα καθαιρήσεις, ὡς γράφεις, καὶ τὸν χειροτονηθησόμενον καὶ τὸν χειροτονήσαντα, τοσούτων πρεσβευομένων αἰτιῶν καὶ τόσων σκύλων καὶ ἐμποδίων εἰς τὸ ἀναφέρειν τοὺς ἀπὸ τῶν ἐνταῦθα εἰς Νίκαιαν; Οὐ ποιεῖς δὲ ὡς ἄρα ζητῶν μεῖζον τὸ σχίσμα ποιῆσαι, καὶ ἡ εἰρηνικὴ μερὶς καὶ καθιερωμένη Θεῷ στασιάσει καθ' ἑαυτῆς. καὶ πόλεμον ἀναρριπίσεις τὸν ἱερόν· λεγέσθω γὰρ καὶ πόλεμος ἱερός, ὥσπερ καὶ στρατιωτικός. Εἰ ταῦθ' οὕτως ἔσται, ποῦ δὴ ὁ τῆς ἑνώσεως καὶ τῆς εἰρήνης Θεός, τίς ἔσεται ὁ τῶν τοιούτων διαλλακτὴς καὶ συνάπτων αὖθις τὴν οὕτω διάστασιν; ἔσται δὲ οἱ καθαιρεθέντες ὡς πρὶν ἰχθύες τὸ τῆς καθαιρέσεως καταπιόντες ἄγκιστρον, εἶτα σπαίροντες ἢ κατὰ τὰς ἀμφιβόλους [illegible] ἐπιζητοῦντα καὶ ὡς οἱ [illegible] [illegible] ἐκμαλάξειν [illegible] ἑαυτῇ[1] καὶ τῆς καθαιρέσεως [illegible]

F. 10 v.

1) Oppian. Halieut. I. 135

τὴν αὐτὴν ἐπάγοντα καταδίκην· αἱ γὰρ βαρύτεραι καὶ τῶν αὐτόθι ἐξουσιῶν οὐδένα τῶν καθ' ὑμᾶς ἀφῆκαν, ὡς συνορῶ, ἐλεύθερον κανονικῆς πλήξεως. Ἀλλ' ἐγὼ μέν, τίμιε δέσποτα, καὶ γήρᾳ, ὡς προανεταξάμην, βαρούμενος καὶ νόσῳ θάνατον ἀπειλούσῃ περιπεσών, εἰ μὴ Θεῷ καὶ μόνῳ θεραπευτῇ, τέως ἀθεραπεύτῳ τοῖς ἰατροῖς, καὶ γωνίαν μόνην ἐπιποθῶ καὶ ἀπραξίαν ἄγω ἐπισκοπικοῦ παντὸς ἐνεργήματος καὶ καθ' ἡμέραν ἐκδέχομαι τὸν λυτῆρα θάνατον τοῦ ἐμοῦ ἐκ τῶν ἐναντίων συνδέσμου. Ἃ δὲ περιεσκόπησα καὶ ὧν κατεστοχασάμην ἐπὶ τῶν τόπων ὧν, καὶ ὅσα ταῖς ἐκκλησίαις ἐπισυμβήσεται καὶ ὅσα μέσον ἡμῶν ἀναφανήσεται σκάνδαλα, τῇ αἰδεσίμῳ σοῦ ἐγνώρισα κεφαλῇ, εἰ μή που λογίσῃ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα καί με διὰ ταῦτα κατὰ τὸν Ἡρακλείτειον λόγον κοπρίων νομιεῖς ἐκβλητότερον. Σὺ δὲ ὁ τῆς εἰρήνης πατήρ, ὁ τῆς ὁμονοίας διδάσκαλος, ὁ τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιμελητής, ὁ τῆς διακρίσεως λύχνος, ὁ τῶν αἰσθήσεων[1]) θρόνος, ὁ τῆς φρονήσεως ὅρος, τὸ καθαρὸν δοχεῖον τοῦ πνεύματος, τῇ τοῦ νοὸς τρυτάνῃ ζυγοστατήσας τὰ γεγραμμένα, δώσεις πάντως τῇ κρείττονι ῥοπῇ τὰ πράγματα καὶ ποιήσεις τὸ καὶ Θεῷ καὶ ἀνθρώποις ἀρεστὸν καὶ ἀπρόσκοπον, ἐμοὶ δέ, εἰ μὲν ἔτι ἐπιβιῴην, τὸ εὐμενὲς καὶ φιλάδελφον, εἰ δὲ μετασταίην τῶν F. 11 r. τῇδε, || τὰς σὰς ἐφόδους καὶ ἱλασμὸν ἐπὶ τοῦ δικαίου κριτοῦ.

18.

[Τῷ Χωνιάτῃ].

250 F. 75 r. ...... Εἶχον εὐρώστως καὶ μηδὲ ἐδεόμην ἔτι τοῦ ἑκατέρωθεν ὑπανέχοντος, νῦν δὲ δυσκινήτως ἔχων καὶ ἀσθενῶς, ἐγὼ μὲν καὶ ἄκων ἀναμενῶ καὶ ζέσιν ἡλίου καὶ μεταβολὴν καταστήματος, σὺ δὲ καὶ ἔτι μακροθύμησον ἐπ' ἐμοί, ἔχοντι μὲν τὸ πνεῦμα πρόθυμον, ἀσθενῆ δὲ τὴν σάρκα. Μαρτύρομαί σοι τὸν φίλιον, ὡς ἐξέχομαί σου καὶ τῆς προκοπῆς καὶ τῆς παρυψώσεως, ἀλλὰ τὰ ἐμπόδια δῆλα· αὐτώπτησε γὰρ ἡμᾶς καὶ ὁ σὸς Ἰωάννης ὑπὸ δύο ἀνεχομένους ἐν ταῖς ὀλιγοδιστάτοις ἡμῶν μεταβάσεσι. Καὶ χάρισαί μοι τὴν τεσσαρακοντάδα τῶν νηστειῶν ἐφεστηκυῖαν ἤδη καὶ τὰς τῶν ἀνθρώπων κόπτουσαν θύρας, εἰς ἄνεσιν ψυχῆς, εἰς ἀνάπαυλαν σώματος. Ἐπιστάσης δὲ καὶ τῆς κυρίας τῶν ἡμερῶν καὶ ἐπιλάμψαντος ἔαρος, ἄσμενος ὀφθήσομαί σοι ἀσμένῳ, εἰ ἄρα ἐπιβιῴην, ἢ ἐν Ἑλλάδι ἢ ἐν Λαρίσσῃ, τάχα δὲ καὶ τὴν εἰς Θεσσαλονίκην ὁδὸν τὸ ἐπισκοπικὸν ἡμεῖς ἐγκαινίσομεν καὶ τῷ μεγαλομάρτυρι Δημητρίῳ καὶ τῷ νικητῇ Κομνηνῷ ἱερατικὴν

---

1) cod. ἰσθήσεων.

προσκύνησιν ἀφοσιωσόμεθα, ἔχοντες τὸν καλὸν Λαρίσσης, ὡς Θετταλόν, καὶ ὁδοῦ προηγὸν καὶ καταλύματος εὑρετήν. Καὶ συλλόγισαι, ὁπόσα κατ' αὐτὸ ἀπαντήσει χρηστά· ἔαρος ἐπίλαμψις, ἀδελφῶν ἕνωσις, σὴ τελείωσις, ὁδοῦ κοινωνία, προσκυνήσεως ἀφοσίωσις. Καὶ τοῦτο καλὸν καὶ τοῦτο τερπνὸν ἀδελφοὺς ἡμᾶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ συγκοινωνῆσαι τῷ ἀνωτέρῳ. Ἔστι δέ μοι καὶ ἄλλως οὐ μετρητὴ τερπωλὴ τῷ θαυμαστῷ συνόντι Λαρίσσης καὶ συνοδεύοντι, ἀνδρὶ πάλαι μὲν φίλῳ, νῦν δὲ φιλτέρῳ καὶ κατὰ προσθήκην ἱερῶν ἐνεργημάτων συμπράκτορι. Γένοιτο τούτῳ πολλὰ τὰ καλὰ καὶ ὁ βίος μακρός, ὅτι με ἀπὸ χαρδίας φιλεῖ, τὸν τοῦ φιλεῖσθαι ἀνάξιον. Καὶ σὺ δέ μοι νίκα φερωνύμως ἐν πολλοῖς ἀγαθοῖς, καὶ μέμνησό μου ὡς πάλαι γνωρίμου καὶ ἐγκαρδίως ποθοῦντός σε. Εἶεν. Ὁ δὲ σὸς Ἰωάννης σοὶ μὲν δουλεύει, ἀλλὰ καὶ τῶν κοσμικῶν καλῶν συμβαμάτων ἐξηγητής ἐστιν ἀκριβέστατος. Ἐξέθετο γάρ μοι τὰ περὶ Θεσσαλονίκην, τὰ περὶ Χριστούπολιν, ὡς ἂν ἢ παρῆν ἢ συνέπραττε τοῖς ἐπαινουμένοις κλέπταις τῆς πόλεως. Ὡς δὲ ἐξηγεῖτο, ὡς δὲ καὶ ἀττικὰς τῇ ἀφηγήσει λέξεις συνέπλεκε καὶ τὰ κατὰ Θεσσαλονίκην φρεάτια ὕδατα ψυχρὰ ὡς τὴν Πεντέλην εἶναι προσέθετο, πλέον τέ με ἠγάθυνε καὶ παρεκίνησεν εἰς μειδίαμα πολυμερῶς ὀδυνώμενον. Καὶ χάριν ὡμολόγησά σοι διπλῆν, τὴν ἐκ τῆς ἀφηγήσεως τοῦ παρόντος, τὴν ἐκ τῆς ἀποστολῆς τῶν ὀρνίθων, κἂν διὰ τὸν ἐνοχλοῦντά μοι χυμὸν μελαγχολικὸν οὐδὲν τὸν ἐμὸν οἰσοφάγον διέρχεται μελανόκρεων. Ὁ δέ γε Αἰλιανὸς τὸ βιβλίον μικρόν τι φανὲν ἡμῖν ἀπεκρύψατο, ἢ σοῦ πάντως ὄντος φιλοαιλιανοῦ ἢ ἡμᾶς τοῦ ἡμετέρου κρίνοντος ἀναξίους. Ἀποστερητὴν δέ σε τῶν τοῖς φίλοις προσόντων οὐκ ἂν εἴποιμι, ἐπαινέσαιμι δὲ τὸ φιλόβιβλόν σου, ὡς φιλολόγου, ὡς μὴ ψεύδη τὴν τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀθηνῶν ἀνεψιότητα, τοῦ πρώτου τῶν λογίων, τοῦ πρώτου τῶν φιλολόγων, οὗ αἱ εὐχαὶ καὶ σὲ καὶ ἡμᾶς ἕως ἀναλύσεως συντηρήσαιεν.

19.

[Τῷ Λαρίσσης].

Ἵνα τί, κεφαλὴ τιμία καὶ σεβασμία ἐμοί, ἀπο[μ]άχῃ πρὸς τὴν ἐνέργειαν καὶ κατ' ὀφθαλμοὺς παραθεωρεῖς καὶ ἀντιλέγεις || τοῖς χωρογράφοις, F. 77 r. καὶ τὴν Φθίαν—γῆ δὲ αὕτη τὸ σὸν λάχος καὶ τὰ Φάρσαλα περιγράφουσα καὶ ὅσας πόλεις ἑτέρας τὸ πλάτος τοῦτο τὸ ὁμαλὲς ἐντὸς ἔχει — τραχὺ ἀποκαλεῖς καὶ δυσπόρευτον, καίτοι ἱππήλατον ὅλον ἐστὶ καὶ ἁμαξήλατον καὶ παιδίοις ἀρτιπαγέσιν εὐπόρευτον; Οὕτω χαρίζειν θέλεις, ὡς οὐ πρὸς εἰδότας ὂν εἰπὼν τὸ μὴ ὂν καὶ τὸ λεῖον τραχὺ καὶ τὸ ὁμαλὲς

ἄναντες καὶ τὸ μηδεμίαν ἐμποιοῦν ἀηδίαν τοῖς ὁδοιπόροις ἀργαλέον ἀποκαλεῖς διὰ τὴν σκληρότητα. Ἀλλὰ ταῦτα ὅπως ἂν ἐθέλῃς ἐχέτωσαν, καὶ ἂν τῷ θελήματί σου ἐθέμην, εἰ μὴ προέφθανον ὀφθαλμοῖς τὸν τόπον παραλαβεῖν. Περὶ δὲ τοῦ Θεσσαλονίκης ὀλίγα μοι ἔγραψας· ὁ γὰρ πανευτυχέστατος κύριός μου ὁ Δούκας ἐκεῖθεν ἐπανελθὼν μείζονα τῶν ὑπὸ σοῦ γραφέντων ἐξηγήσατο καὶ βαρύτερα· ἀλλὰ καὶ ὁ κραταιὸς Κομνηνὸς ἐν ἰδίᾳ γραφῇ ἔτι καὶ τούτων δριμύτερα, δι' ἧς καὶ μετακαλεῖταί με κατὰ τὸ παρὸν εἰς τὰ Σκόπια. Ἐγὼ δὲ τὸ γῆρας καὶ τὴν ποδαλγίαν καὶ τὸν χειμῶνα ἔχειν ἐμπόδιον παρῃτησάμην τὴν ἐν τῷ παρόντι ἀπέλευσιν, μετὰ δὲ τὸ ἅγιον Πάσχα παρεδήλωσα τῷ κράτει αὐτοῦ ἀνελθεῖν εἰς Θεσσαλονίκην. Καὶ ἐπεί, ἐὰν ἐπιζήσω, μέλλω καὶ τὴν σὴν διελθεῖν Λάρισσαν· ἐντεύξομαί σοι πάντως καὶ πρὸς τὴν πατρίδα σου πορευσόμεθα. Κατ' ἐπιταγὴν δὲ τοῦ αὐθέντου μου τοῦ Δούκα ἐποίησα καὶ πρὸς τὸν Θεσσαλονίκης γραφήν, καὶ ἔστιν ἀβούλλωτος, ἵνα ἐμφανισθῇ τῷ κράτει τῆς αὐτοῦ ἀντιλήψεως, καί, ἂν δόξῃ αὐτῷ, ἵνα σταλῇ πρὸς αὐτόν. Καὶ ζητήσας ἀνάγνωθι ταύτην, οὐκ εἰσὶ γὰρ ἔξω οἰκονομίας, ὡς εἰκάζω, καὶ τέχνης τὰ γεγραμμένα. Καὶ ἑτοίμαζέ μοι ξενίαν μετὰ τὴν καινὴν κυριακήν· οὗτος γὰρ ὅρος ἐτέθη τῆς ἐμῆς ἐκ τῶν ἐμῶν ἐξελεύσεως. Ὁ ἁγιώτατος συνάδελφος ἡμῶν ὁ ἀρχιεπίσκοπος ἦλθεν εἰς ἡμᾶς καὶ μεθ' ἡμῶν διάγει καὶ τὰ παρὰ σοῦ δοθέντα διεκομίσατο. καὶ ἐγὼ τὸ ἐλάχιστον πρὸς ἑκατὸν πήχεις ἤμην ἁλμυριωτικοῦ λινείου ὑφάσματος, οὐ μὴν πρὸς ἔνδυμα κτενοσακούλη. Καὶ ὁ τὴν προαίρεσιν πλούσιος οὐκ οἶδα πῶς περὶ τὰς δόσεις σμικρολογῇ. Χαρίζου μοι ἀπὸ Θεοῦ πολυχρόνιος.

20.

F. 76 r. Θεσσαλονίκης δεσπότῃ Θετταλίας
ἐξ ἀσεβάστου τῶν θυτῶν οὗτος λόγος.

Ἀναστάσεως ἡμέρα· καὶ ἡ ἀρχὴ δεξιά. Ἡ δὲ πρότασις αὕτη κατὰ κῶλον μεριζομένη ἐμοὶ καὶ σοὶ πρέπει. Σύ τε γὰρ διὰ καιρικὴν περιπέτειαν ὁπωσοῦν ἐκπέπτωκας τῆς λαχούσης σε, πάλιν δὲ διὰ τῆς ἐπανελεύσεως ἀνέστης, ὥσπερ καὶ ἀνορθώτης, καὶ ἔστης ἄπο τοῦ θρόνου σου· καὶ τῇ ἀρχῇ ταύτῃ τῶν πρός σέ μου γραμμάτων γένοιτο καὶ τὸ τέλος ἀκολουθῆσαι τὸ τῷ εὐωνύμῳ ἀντίθετον. Καὶ τὰ μὲν τοῦ προοιμίου ἐς τόσον. Χάριν δὲ καὶ εὐχαριστίαν τὴν δι' εὐχῶν ἀναπέμπειν ὑπὲρ τούτων τῷ κραταιῷ Κομνηνῷ καὶ σὲ καὶ ἡμᾶς τὸ δίκαιον ἀπαιτεῖ. Σὲ μέν, ὡς δι' αὐτοῦ τῇ πόλει σου ἐπανασωθέντα, ἡμᾶς δέ, ὡς οὕτω λαβόντας τὸν δεσπότην,

τὸν συνάδελφον, τὴν εὐφυΐαν, τὴν εὐστομίαν, τὴν λογιότητα, τὴν παράκλησιν, τὴν σύναρσιν, τὴν συγκρότησιν, ἐν οἷς πάντως ἡ χρεία καὶ ὁ καιρὸς ἀπαιτεῖ. Τὰ μὲν οὖν ἐλπιζόμενα τοιαῦτα. Σὺ δ' ὅτι δώσεις οἶδα καὶ πλείονα τῷ μὲν διὰ Θεοῦ κυβερνῶντι δεξιῶς τὰ ἡμέτερα μεγαλουργῷ Κομνηνῷ τὰς διὰ λόγων εὐχαριστίας, τὰς διηνεκεῖς πρὸς Θεὸν ὑπὲρ αὐτοῦ προσευχάς, ὡς κυβερνῷτο διὰ Κυρίου, ὡς κατορθοίη τῶν προκατορθωθέντων ἀριστευμάτων ἄλλα μείζω καὶ τελεώτερα, ἡμῖν δὲ τὴν ἐνδιάθετον σχέσιν καὶ ὅσα ἐπισκόποις ἐξ ἐπισκόπων εἰς συναντίληψιν ἐποφείλεται. Εἰ δὲ καὶ ἐν τοῖς καιροῖς ἡμῶν τῶν οὐδαμινῶν καὶ ἐλαχίστων τὰ εἰς Θεὸν κατώρθωσεν ἐν Κυρίῳ ἃ καὶ κατώρθωσε· λέγω θαρρούντως, ὡς ἐπὶ τῷ ποδὶ τοῦ μεγάλου τὴν ἀρετήν, τὸν λόγον, τὴν σύνεσιν καὶ τἄλλα, ὁπόσα κοσμεῖ τὸν κατὰ Θεόν, ἡρωϊκὰ κατωρθώσει πάντως καὶ ἀνδρικά, ὑπὸ τοιούτου ποιμένος καὶ συγκροτούμενος καὶ συνασπιζόμενος· προσεθέμην δ' ἂν καὶ τὴν πραγματικήν σου οἰκονομίαν καὶ τὴν ὡς νοῆμον τοῦ κόσμου διακυβέρνησιν, εἰ μὴ μεγάλοις μικρὰ ἐδόκουν συγκρίνειν καὶ τοῖς ὑψηλοῖς ταπεινὰ καὶ τοῖς ἐκκρίτοις τὰ κάτω πάντως καὶ ὑποχείρια. Ἀλλ' ὁ Σταγειρόθεν σοφός, ἐν οἷς τὴν οἰκονομικὴν φιλοσοφίαν συντίθησιν, οὐδὲ ταῦτα τὰ κατὰ γῆν καὶ ἀνθρώπινα ἐπιστήμης δίχα καὶ χωρὶς ἐμπεριστρόφου τῆς δεξιότητος κατορθοῦσθαι δύνασθαι λέγει, ὧν ἀμφοτέρων οὐκ οἶδα εἴ τις ἀνθρώπων τοῦ ἐμοῦ Θεσσαλονίκης τὸ πλέον ἔχειν καυχήσεται. Ἵνα γὰρ μὴ χωλεύῃς ἐν οὐδενὶ τῶν καλῶν, προκατωρθώσω μὲν ἀρετήν, λόγον δὲ προησκήσω, γλῶτταν δὲ ἐξήκόνησας, καλλιρρημοσύνην δὲ ἐμελέτησας, καὶ ὡς εὐγενεῖς θεμελίους τῇ ψυχῇ σου ταῦτα ὑποβαλὼν καὶ τὴν ἀνθρωπικὴν σοφίαν οὐκ εἴασας ἀτημέλητον, ἀλλὰ καὶ ταύτην προσαρμόσας κατὰ συνθήκην τοῖς σοῖς παντοδαποῖς προτερήμασι· μέγα γὰρ οὕτως ἐπιστήμης τε καὶ συνέσεως ἐπῆξω θεατὸν κατὰ Πίνδαρον [1]). Ὁ γοῦν εἰς γνῶσιν τοσαύτην τούτων ἐλθὼν ἀεὶ καὶ πάντα καὶ ἐν παντὶ τοῦ μὲν καθήκοντος οὐ διαπεσεῖται, τὰ καίρια φθέγγεται, καὶ ζυγοστατήσει ἑκάστῳ τὸ τοῖς καιροῖς ἐπιπρεπὲς καὶ τοῖς πράγμασιν. Ταύτας μου τὰς περὶ σὲ ὑπολήψεις οὐκ ἐπαινεταὶ ἀγγελίαι παρεσάλευσαν μικροῦ καὶ παρέκλιναν, ἐξ ὧν ἐξήγγειλέ μοι τῶν ἀκουσμάτων καὶ ὁ πανευτυχέστατος κύριός μου κῦρ Κωνσταντῖνος ὁ Δούκας, ᾧ καὶ μᾶλλον ἐθέμην, τῷ ἀξιωματικῷ τοῦ προσώπου πρὸς τὴν τῶν λαληθέντων πίστιν καθυπαχθείς· οὐδὲ γὰρ ἐκ τῶν δοκούντων προσφερόμενος λόγος ταὐτὸν ἰσχύσῃ τῷ προϊόντι ἐξ ἀδοξούντων. Καὶ οὐκ ἔχω μὲν εἰπεῖν ὡς παρεφθέγξα[το] οὗτος· ἐγγὺς δὲ ὅμως ἦλθον τοῦ ἀπειθεῖν, ὡς ᾧ ἐπι- || F. 76 v. μαρτύρομαι τὰ καλά, εἰς τόσον ἦλθε τῆς τῶν ἐπισκόπων περιφρονήσεως,

1) In editionibus non invenitur.

ὡς πάντας μὲν ἡμᾶς ἀνεπισκόπους καλεῖν, ἑαυτῷ δὲ μόνῳ καὶ τὸ ἐπισκοπικὸν ἀξίωμα προσκληροῦν, καὶ οὐ μόνον, ἀλλὰ καὶ τὴν Κομνηνικὴν μεγάλην ἐξουσίαν ὥς τινα φαύλην ἡγεῖσθαι καὶ εὐτελῆ καὶ ἀποτοξεύειν ταύτην τὰ δάκνοντα. Καὶ ἀμαθίαν μὲν θρασεῖς ποιεῖν, τὸ πεπαιδευμένον δὲ ὀκνηρούς, τὸ Θουκυδίδειον ἀποφθέγγεται[1]. Καὶ ὁ τῆς δευτέρας μερίδος, οὐκ οἶδα, πῶς συνιδεῖν οὐκ ἔχω, εἰ μὴ κατὰ κρίσιν τοὺς οἰκείους λόγους οἰκονομιῶν. Τὰ μὲν οὖν ἀκούσματα ταῦτα, ἀκοῦσαι δὲ τὰ συμφέροντα· γλῶσσαν μὲν γὰρ ἀρκοῦσαν ὡς πρὸς τὴν σὴν οὐχ ἕξομεν σύνεσιν, ὦτα δὲ ἴσως. Ἀλλ' ὁ βασιλεὺς τῶν δυνάμεων τοῦ ἀγαπητοῦ συμβιβάσοι τὰ καθ' ἡμᾶς. Κἂν ἀποφώλιοι λελογίσμεθα, ὀνειδίσω ἀδελφικῶς, ὡς μὴ τὰ προσρητικὰ ἡμῖν ἐγχαράξαντα, ἵν' ἐκ σοῦ μᾶλλον, καὶ μὴ ἐξ ἑτέρων τῶν ἀγγειλάντων τὴν εἰς τὴν τῶν Θετταλῶν ἐνδημίαν σου, τὰ χαρμόσυνα καρπωσώμεθα. Ἀγαπητὸν ὅμως τὸ ἀγαθόν, κἂν ὅθεν ἂν ἀπαγγέλληται. Ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ διατηροίη σε πολυχρόνιον, μεμνημένον, κἂν ἀναξίου, καὶ τῆς ἡμῶν οὐθενότητος.

21.

F. 53 v. Πρὸς τὴν δέσποιναν κυρὰν Μαρίαν.

Δέσποινά μου ἁγία καὶ κραταιά! εὔχομαι ὑγιαίνειν τὸν κραταιὸν καὶ ἅγιον μου αὐθέντην καὶ βασιλέα καὶ τὴν βασιλείαν σου καὶ τὰ ἐκ Θεοῦ δοθέντα σοι τέκνα βασίλεια. Ζῶ καὶ αὐτός, μέχρι καὶ τῆς τρισκαιδεκάτης τοῦ Μαρτίου ἀναμείνας ἐν τῇ Ἄρτῃ διὰ τὴν ἀρρωστίαν καὶ τὸν χειμῶνα· παρέμεινα δὲ τὸν τοσοῦτον καιρὸν πάντοθεν ἀπαράκλητος, ἀπὸ μόνης δὲ τῆς βασιλείας σου διὰ τῶν προσκυνητῶν γραμμάτων σου καὶ τοῦ καλοῦ Μονομάχου παρακληθείς. Οὗτος γὰρ πάσης ἐγένετό μοι παρηγορίας καὶ παρακλήσεως αἴτιος, ψωμίζων, ποτίζων καὶ ἀπὸ πάντων παρηγορούμενος. Ἄλλον δέ τινα οὐδὲ παρακαλοῦντα εὗρον οὔτε συλλυπούμενον. Ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ πολλὰ κακὰ παθὼν ὑπ' ἐμοῦ Ἄρτης, ἵνα μὴ καινοτομηθῇ εἰς τὸν μητροπολίτην ἀσταφίδας καὶ κάρυα, μόνον με καταλιπών, εἰς τὸν Ἀχελῷον καὶ ἀλλαχοῦ ὑπεχώρησε, τῷ μὲν φαινομένῳ ἰατρείας χάριν ἔλεγε, τῷ δ' ἀληθεῖ, ἵνα μὴ τὰ πράσα αὐτοῦ εἰς τὸν μητροπολίτην καινοτομήσῃ. Χάρις οὖν τῷ Θεῷ καὶ τῇ ἁγίᾳ σου βασιλείᾳ, ὅτι αὐτὸς μὲν ἐλέησέ με, σὺ δὲ διὰ γραμμάτων οὐκ ἐπαύσω παρηγοροῦσά με. Καὶ ἀξίωσαί με ὁ Θεὸς καὶ ἐν Θεσσαλονίκῃ προσκυνῆσαι τὴν βασιλείαν ὑμῶν καὶ τῆς ἐν τῇ βασιλικῇ στεφηφορίᾳ μὴ στερηθῆναι λαμπρότητος. Ἡ ἀντίληψις τῆς βασιλείας σου χαρισθείη μοι πολυχρόνιος. Τὴν κυρὰν Εἰρήνην μου ἀπὸ καρδίας ἀσπάζομαι.

1) Thuc. II. 40: ἀμαθία μὲν θράσος, λογισμὸς δὲ ὄκνον φέρει.

22.

Πρὸς τὸν κραταιὸν βασιλέα.

Ὡς εὐτυχές μοι τὸ γράμμα τοῦτο, κράτιστε βασιλεῦ, καὶ τῶν πρὸς σέ μου γραμμάτων πάντων εὐδαιμονέστερον. εἰ δὲ καὶ τοῦτο κἀκεῖνα περὶ σὲ τὰ γράμματα ἣν καὶ μίαν πάντα εἶχον ὑπόθεσιν, τὸν ἐμὸν καὶ τότε καὶ νῦν βασιλέα, κἂν εἰς ἐκφανέστερον ἄρτι ἐξήπλωταί σοι ὄνομα τὸ ὑπὲρ πᾶν ἀξιωματικὸν ἀνθρώπινον ὄνομα· ἀλλ' ὅσον τοῦ ἄρχειν ἁπλῶς καὶ τοῦ βασιλεύειν ἐστὶ τὸ διάφορον, τόσον, οἶμαι, καὶ τὰ πρὸς βασιλεῖς πεμπόμενα γράμματα ἀξιωματικώτερα πάντως τῶν πρὸς τοὺς δίχα βασιλικοῦ ὀνόματος χωρῶν καὶ πόλεων ἄρχοντας. Οὕτως ἐξηυγενισμένον μοι τοῦτο τὸ γράμμα, οὕτω μακάριον, οὕτως εὔδαιμον! κἂν ὁ πατὴρ αὐτοῦ δυστυχῇ, μήπω κράτει τῷ σῷ γενόμενος ἐμφανὴς μηδὲ τὴν συνήθη ἀφοσιωσάμενος τούτῳ εὐνοϊκὴν καὶ ὑποπεπτωκυῖαν προσέλευσιν. Ἔχει δὲ τὸ μὲν πρόθυμον ἡ ψυχή, τὸ δὲ βαρὺ καὶ γεῶδες αὐτῆς ἐφόλκιον ἀσθενεῖ, καὶ δεσμεῖται τούτῳ δούλῳ δεσπότης καὶ τῶν οἰκείων θελητῶν οὐκ ἔχει ἐντέλειαν. Ὦ βίας ταύτης καὶ ἀναρμόστου συναρμογῆς! ὅτι δούλῳ τυραννεῖται δεσπότης καὶ τὸ συνέχειν ταχθὲν συνεχόμενον γίνεται, καὶ τὸ κινοῦν ὑπὸ τοῦ κινουμένου ἐπέχεται καὶ ἀργοῦσιν ἐντεῦθεν τὰ βουλητὰ τῇ ψυχῇ, καὶ αὕτη ὥσπερ οἰκετικῶς τῷ δούλῳ πρόσπολος γίνεται. Εἰ μὴ γὰρ ταῦτα ἦν καὶ τὸ ἀκόλουθον δίκαιον ἐν ψυχῇ καὶ σώματι ἦν, εἶδεν ἂν πρὸ πολλοῦ καὶ γῆ Θετταλῶν καὶ τὰ ἐπέκεινα ὄρη καὶ δρόμον ἡμῶν τῶν χωλῶν καὶ ὡς ἐλάφους ἀλλομένους τοὺς γέροντας. Νῦν δὲ ἀκουσιάζοντος μὲν τοῦ σώματος, ἐκουσιάζοντος δὲ τῆς ψυχῆς, δυσὶν ἐγὼ μερίζομαι πάθεσιν, καὶ ὁρμῶ μέν· πάθος γὰρ ψυχῆς ἡ ὁρμή· ἐπέχομαι δὲ τῇ ἀρρωστίᾳ τοῦ σώματος, καὶ ἀπροσκύνητος ἐς δεῦρο τὰ εἰς ἐμὲ ὁ κραταιός, ὁ δυνάστης, ὁ ἰσχυρός, ὁ ἀήττητος. Εἰ δέ τι δεῖ με προσπολογῆσαι καινότερον, τίς ἐκεῖνος ὁ ἀμπελών; ποία δὲ ἡ ἐπὶ τούτῳ φυλάκισσαν τίθησιν ἡ νύμφη τοῦ ᾄσματος[1]; μήποτε φυλάκισσα μὲν τοῦ σώματος ἡ ψυχή, τοῦτο δὲ ἀμπελών, ὅτι τὸν μὲν ἐκ τῆς ψυχῆς φραγμὸν περιτίθεται, κείρεται δὲ παρὰ τῶν νοῦν ἐχόντων τῷ κρατικῷ τοῦ λογιστικοῦ τὰς ἀκάρπους ἐπιθυμίας ὡς κληματίδας [ἀ]κάρπους, σκάπτεται δὲ σκαφείῳ τοῦ λογισμοῦ, || λογιζομένου F. 77 v. πάντως ὀρθά, καὶ τὸ σκάμμα τοῦτο βαθύ, ὡς καὶ τὸν καρπὸν ἐνέγκῃ καὶ πέπειρον καὶ ἁδρὸν τὸν βότρυν, λέγω τῆς ἀρετῆς, καὶ τῷ τούτου ἀποθλιμμῷ Θεὸν εὐφράνῃ τὰ πρῶτα καὶ καρδίας τῶν ἀνθρώπων τὰ δεύτερα. Ναί, ταῦτα καὶ οὕτως ἔδει ποιεῖν καὶ οὕτω τὸν ἀμπελῶνα τοῦτον ἐργά-

F. 77 r. (margin beside the first line)

1) Cant. cant. 1, 6.

ζεσθαι, ἀλλὰ παθαινομένη πάλιν ἐν ἑτέρῳ τόπῳ τοῦ ᾄσματος ἡ τροπολογουμένη αὕτη φυλάκισσα—«ἀμπελῶνα» φησὶν «ἐμὸν οὐκ ἐφύλαξα»[1]), ὡς καὶ ἡ ἐμὴ ψυχὴ τὸ σῶμα τὸ ἑαυτῆς, καὶ παρὰ τοῦτο ἄκανθαν μὲν καὶ τρίβολον ἀνατέλλει, τὴν κεντρίζουσαν ἁμαρτίαν, καὶ ταῖς ἀρρωστίαις ὥσπερ χερσομανεῖ καὶ δι' αὐτῶν κλινοπετεῖ καὶ παθαίνεται. Ὅθεν καὶ σήμερον μὲν ποδάγραν ἔχει πιέζουσαν, ἐσαύριον δὲ χειραλγίαν φέρει πικραίνουσαν· ἡ δεξιά μοι καὶ γὰρ τὴν ἐνεργητικὴν ἠρνήσατο δύναμιν. καὶ τούτῳ χλωρῷ ξηρῷ ξηρὰ τὰ δηλωθέντα πρέμνα συνήρτηται. Ἀλλ' ἡ μὲν ἐμὴ οὕτως ἔχει, ἡ δὲ σή, ὦ δέσποτα καὶ βασιλεῦ ἡμέτερε, ἔθνη ἐξολοθρεύσει—λεγέτω μετ' ἐμοῦ καὶ Δαυίδ — καὶ πολεμίους ἐκβαλεῖται λαοὺς καὶ τοὺς ὁμογενεῖς καταφυτεύσει[2]), καὶ ἔμπνους σοι καὶ ῥιζωθήσεται καὶ αὐξηθήσεται ἡ φυτεία σου, ἵνα καὶ ὁ φυτεύσας χαίρῃ, καὶ τὴν εὐχαριστίαν τῷ φυτευτῇ προσάγῃ τὸ φύτευμα. Ἐγὼ δ', εἰ μὲν ἐπιβιῶ, καὶ ὀφθήσομαι τῷ προσώπῳ σου καὶ ἐν τῷ ὀφθῆναί μοι τὴν δόξαν σου χορτασθήσομαι· εἰ δὲ τῆς ζωῆς ἀνακλωσθῇ μοι ὁ μίτος, ἀλλὰ καὶ τότε οὐκ ἐπιλήσομαί σου, οὐδ' ἄνευκτά σοι τὰ ἐξ ἡμῶν, ἀλλὰ τελευταίαν φιλοφροσύνην ἀποπληρώσω σοι τὰς εὐχάς. Τὸ δὲ παρὸν τὸ συμπαθὲς χαρίζου μοι καὶ τὸ σύνηθες ἀντιληπτικόν, ἵνα παράκλησιν ἔχω ταῦτα καὶ τῶν ἐμῶν ἀρρωστιῶν καὶ τῶν ἐμῶν κατακλίσεων.

23.

Τῷ κραταιῷ βασιλεῖ.

F. 60 r. Ἡ φωνή σου ἠκούσθη, μέγιστε βασιλεῦ καὶ ὅσον ὅσον κύριε χριστέ, πρὸς τὰ κατώτερα μέρη τῆς γῆς· τοιαῦτα γὰρ ἡ Ναύπακτος πρὸς τὰ ἀνωτερικώτερα ταῦτα καὶ ὑψηλότερα· καὶ ὡς ἐκέλευσας, ἤγειράς με Λάζαρον ἄλλον, ὡς ἀπὸ τάφου, τῆς κλίνης· ἐνεθαπτόμην γὰρ ὡσανεὶ τῷ κραββάτῳ διὰ τὴν ὁλοσώματον πάρεσιν ὅλα δὲ τὰ τοῦ τότε θαύματος πληρῶν ἐν ἐμοὶ «λύσατε αὐτὸν» προσεῖπας «καὶ ἄφετε ὑπάγειν», καὶ κατὰ τὸ πρόσταγμά σου τῶν ἐνταφίων ἀπελύθην δεσμῶν. Τίνων τούτων; τῆς ἀκηδίας, τῆς ἐκ τοῦ γήρως ταλαιπωρίας, τῆς τῶν ποδῶν ἀσθενείας· καὶ ἐβάδισεν ὁ νεκρὸς ἄχρι καὶ τοῦ Κίτρους αὐτοῦ. ἕνα δὲ ἀπὸ τῶν ἐμῶν πρὸς τὴν βασιλείαν σου στείλας, ἐρωτῶ, ποῦ ἐστι τὸ κατάλυμα, ὅπου τὸ πάσχα μετὰ τῶν μαθητῶν μου φάγω. Ἐμοὶ δὲ πάντως εἰσὶ μαθηταὶ οἱ παρ' ἐμοῦ τραφέντες καὶ παιδευθέντες, πάσχα δὲ ἡ ἀπὸ τῆς μακρᾶς ὁδοιπορίας διάβασις πρὸς τὴν ἐν Θεσσαλονίκῃ ἐλπιζομένην ἀνάπαυσιν ὑπὸ σοῦ. Μήτε γοῦν

1) Cantic. cant. 1, 6.
2) Psal. 43, 3.

ἀνώγεων ἐστρωμένον καὶ μέγα τῷ ἀποστόλῳ μου δείξῃς μήτε διωρόφους οἰκίας καὶ τριωρόφους, τόπον δέ τινα ἀέρι καταπνεόμενον καὶ τὴν ἐξ ὕδατος γλυκεροῦ παράκλησιν ἔχοντα. Καὶ χαῖρε, κράτιστε θαυματουργὲ βασιλεῦ, ὅτι καὶ νεκροὺς μόνῳ λόγῳ διανιστᾷς || καὶ μέλη παρειμένα ῥήματι τῷ σῷ ἀρτιεῖς καὶ πλέον ὧδε τοῦ Λαζάρου τερατουργεῖς· ἐκεῖνος μὲν γὰρ ἐκ τοῦ τάφου πρὸς τὴν ἑαυτοῦ οἰκίαν ἐβάδισεν, ὀλίγον δὲ τὸ ἀπ' ἐκείνου πρὸς τὴν Βηθανίαν διάστημα· ἐγὼ δὲ ὁ μεταχρόνιος Λάζαρος εἰς Θεσσαλονίκην ἀπὸ Ναύπακτον, ὁδὸν δολιχὴν ἀργαλέην τε[1]).

24.

[Πρᾶξις συνοδικὴ περὶ τῆς τοῦ δεσπότου Θεοδώρου εἰς βασιλέα ἀναγορεύσεως]. F. 58 r.

Παῦλος ὁ θεῖος ἀπόστολος περὶ τῆς εἰς Χριστὸν διαλεγόμενος πίστεως, καρδίᾳ μέν, φησι, πιστεύεται εἰς δικαιοσύνην, στόματι δὲ ὁμολογεῖται εἰς σωτηρίαν[2]). Τοῦτο τὸ ἀποστολικὸν οἰκειούμενοι καὶ ἡμεῖς οἱ κατὰ μοῖραν ταύτην τὴν δυτικὴν ἐπίσκοποι πάντες, ὅσοι θρόνων ὑψηλοτέρων καὶ ταπεινοτέρων ὑπάρχομεν πρόεδροι, ὅπερ ἐπιστεύσαμεν εἰς δικαιοσύνην καρδίας, τὴν ἀναγόρευσιν δηλαδὴ καὶ στεμματοφορίαν καὶ χρῖσιν τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως κῦρ Θεοδώρου τοῦ Δούκα, τοῦτο καὶ στόματι ὁμολογοῦμεν καὶ χειρὶ γράφομεν. Αὐτὸς γὰρ ἐγένετο ῥύστης μετὰ Θεὸν καὶ σωτὴρ ἡμέτερος καὶ αὐτοτελὴς σωτηρία, πολλοὺς μὲν πόνους ὑπομείνας ἕνεκα τῶν ἐνταῦθα χριστιανῶν, πολλοὺς δὲ ἱδρῶτας κενώσας ὑπὲρ ἡμῶν, καί, τὸ τοῦ ποιητοῦ ἐγκαίρως εἰπεῖν, νύκτας ἀΰπνους ἰαύων καὶ ἤματα διαμετρῶν αἱματόεντα[3]) ἐκ τῶν πολεμικῶν ἀγώνων καὶ συμπλοκῶν ὑπὲρ ἀφανισμοῦ μὲν τελείου τῶν καταπολεμησάντων ἡμᾶς ἀθέων Λατίνων, ἔτι δὲ καὶ τῶν ἐκ τοῦ Αἵμου Σκυθῶν· Ζυγὸν αὐτὸν ἡ κοινὴ συνήθεια ὀνομάζει. Ἐκ τούτων τῶν κόπων, ἐκ τούτων τῶν ἱδρώτων, ἐκ τούτων τῶν ἀγώνων, καὶ ἐκ τόῦ (?) πάντα τὰ καθ' ἡμᾶς μέρη ταῦτα τὰ δυτικὰ ἱδρῶσιν ἀμέτροις καὶ πόνων ὑπερβολαῖς ἀπαξάπαντα αἰχμαλωτισθέντα τε καὶ ἀφανισθέντα εἰς τὴν ἀρχαίαν χριστιανικὴν ἀποκαταστήσας διαγωγὴν καὶ κατάστασιν καὶ πολλοὺς μὲν καὶ δυσαρίθμους ἀνακαθάρας ὄχθους Λατινικούς τε καὶ Σκυθικούς, πολλὰ δὲ ἐπισκοπεῖα Θεοῦ καὶ ἱερὰ μοναστήρια τῆς Λατινικῆς καὶ Σκυθικῆς λυτρωσάμενος μιαρίας, ἐν τούτοις μὲν τοὺς φυγάδας τοῦ Κυρίου ἀρχιερεῖς ἐμπρέπειν ταῖς σφετέ-

1) Odyss. 4,393.
2) Rom. 10, 10.
3) Iliad. 9, 325.

ραις ἐπισκοπαῖς ᾠκονόμησεν, ἐν τούτοις δὲ τοὺς ἡγουμένους αὖθις ἀπεκατέστησεν, ὡς καὶ τούτους κἀκείνους τῶν οἰκείων προβάτων αὖθις ἀγελαρχεῖν. Τὸ δὲ μεῖζον εἰπεῖν καὶ ὃ παρὰ παντὸς ὡμολόγηται στόματος, ὡς διαφόρων βασιλέων ἀπόγονος καὶ εἰς τὴν βασιλικὴν ἀναγωγὴν δικαιούμενος, ὡς στρατιώτης ἔμπυρος, ὡς ἄγρυπνος φύλαξ, τὴν τῆς βασιλείας ἀντιμισθίαν ἀντέλαβεν ἐπισκοπικαῖς ὁμολογίαις καὶ λοιπῶν ἱερέων καὶ μοναχῶν καὶ στρατιωτῶν ἐπικρίσεσι καὶ πάντων τῶν ἐνταῦθα χριστιανῶν, καὶ εἰς τὸ τῆς βασιλείας οὕτως ἀναβεβήκει ἀξίωμα. Καὶ τοῦτον μόνον βασιλέα ὁμολογοῦμεν καὶ τοῦτον στέφομεν καὶ τοῦτον χρίομεν καὶ τὰ πιστευθέντα παρ' ἡμῶν καὶ ὁμολογηθέντα εἰς δικαιοσύνην, εἰς σωτηρίαν καὶ ταῖς οἰκείαις ὑπογραφαῖς βεβαιούμεθα. Ἀμήν.

25.

Τῷ βασιλεῖ.

F. 58 r. Ἅγιέ μου δέσποτα καὶ βασιλεῦ θεόσωστε, θεοφρούρητε! Πολλά με τὰ πείθοντα ἐκτενέστερον τῆς βασιλείας σου ὑπερεύχεσθαι· τὸ πρᾶον, τὸ ἥμερον, τὸ χάριεν, τὸ ἐλεύθερον, ἡ πρὸς πάντας ἐκ ταπεινώσεως μία καὶ ἡ αὐτὴ συγκατάβασις. Καὶ ἄλλος μὲν τυχὸν βασιλεὺς καὶ τὴν ὀφρὺν ἴσως
F. 58 v. ἄρῃ καὶ διὰ λειμμάτων τὰς ὁμιλίας ποιήσεται καὶ ἀγνοήσει || τὴν φύσιν, ὡς βασιλέως καὶ ἰδιώτου μία καὶ ἡ αὐτή, ἐντεῦθεν ἀποστρέψει τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτοῦ τοῦ μὴ βλέπειν εἰς τέλος, ἢ καί ποτε καὶ βύσει πρὸς τὰς ἀναφορὰς ἀκοήν, ὡς μὴ φωνῆς ἀκοῦσαι τῶν δεομένων, συνάξει τε τὰς ὀφρῦς καὶ χαλάσει τὸ ἐπισκύνιον, ἀξίωμα τὸ βασιλικὸν οἰόμενος παραδεικνύειν ἐκ βλοσυρότητος καὶ τῷ σχήματι τῷ τοιούτῳ τὰς πρὸς αὐτὸν ἐντεύξεις ἐναποκρούεσθαι, καὶ τὴν βασιλείαν ἡγήσεται οὐκ ἀρχὴν ὑπερέχουσαν, ὅπερ ἐστίν, ἀλλὰ διαστολὴν τὴν πρὸς τοὺς ἄλλους καὶ ἀποχώρησιν καὶ τῆς φυσικῆς ταυτότητος ἀποξένωσιν. Ἀλλ' οὐ βασιλικῶς ποιήσει οὗτος ὁ βασιλεὺς οὐδὲ Χριστοῦ μιμήσεται συγκατάβασιν. Τὸ γὰρ ἀλλογενές, ὡς ἔοικε, καὶ τὸ κόκκινον ἥ τε καταμάργαρος ἐσθὴς καὶ ὁ στέφανος τοῦ τοιούτου βασιλέως ὑπεκκρούοντα ἄλλον εἶναι τοῦτον παρὰ τοὺς ἄλλους ὑπόθωνται καὶ φύσιν ἐξηλλαγμένην τε καὶ ἀλλόκοτον. Ὁ δὲ τοιοῦτος καὶ ὀργιεῖται ταχέως καὶ ἐν σποδιᾷ, τῇ ψυχῇ, παραφυλάξεται τὴν ὀργὴν καὶ ὑπανάψει ταύτην μετόπισθεν καὶ τὸν κότον ἐκεῖνον θήσεται εἰς συντέλειαν καὶ τοῖς ὀργισθεῖσι τὸ ἀνταπόδομα ἀνταποδώσεται. Καὶ πῶς ὁ τοιοῦτος ἐτυμολογηθήσεται βάσις εἶναι λαοῦ καὶ ἕδρα καὶ στήριγμα, τῷ ὑπηκόῳ μὴ προσφερόμενος εὐμενῶς μηδὲ διαλύων ὀργήν, ἀλλ' ὡς ἐν μοχλίῳ τῇ ὀργίλῳ ψυχῇ ὑποσαλεύων οἷον καὶ ὑποσπῶν τοὺς θε-

μελίους τῆς εἰς αὐτὸν ἀγάπης τῶν ὑπηκόων παρακινῶν τε τούτους καὶ παρασαλεύων ἐντεῦθεν τῆς πρὸς αὐτὸν εὐνοϊκῆς διαθέσεως; Ἀλλ' οὐ σὺ τοιοῦτος· ἐξ ἱλαρότητος δὲ, ἐξ ἐλευθέρου τοῦ ἤθους, ἐξ ἁπλότητος ψυχικῆς ἕνα τῶν πολλῶν ἡγῇ σεαυτὸν καὶ πάντας ἕλκεις εἰς τὴν σὴν ἐπιπόθησιν. Καὶ πῶς ἀξίως ἐπαινέσομαί σου τὰ μέτρα τῆς πρὸς ἡμᾶς χριστομιμήτου συγκαταβάσεως; Εὖ γὰρ εἰδὼς, ὡς πηλὸς οὐ διαφέρει πηλοῦ, κἂν ἔξωθεν χρυσῷ περιχρώζηται, τὴν μὲν βασίλειον ἀμπεχόνην φορεῖς, τὴν δ' ἔνδον φύσιν οὐκ ἀγνοεῖς, καὶ γίνεταί σοι ἡ γνῶσις αὕτη ἀρχὴ καὶ μέση καὶ τελευτὴ ταπεινώσεως. Εἰ δὲ βούλει, καὶ ὥσπερ χρυσῆ σφραγῖδες καὶ ἀργυρᾶ σιδηρέα τε καὶ χαλκῆ ἐκτυποῦσαι κηρὸν τὴν μὲν ὕλην διάφορον ἔχουσι, τὸ δ' ἐκτύπωμα οὐ διάφορον· οὕτω βασιλεὺς καὶ ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα καὶ ὁ καθ' ἕκαστα· ἔξωθεν μὲν ἁλουργὶς πορφύρα καὶ μάργαροι, ἔσωθεν δὲ διάπλασις ἡ αὐτὴ καὶ τὸ φυσικὸν ἐκσφράγισμα ἀπαράλλατον. Ταῦτα καὶ τὰ πλείω τῶν σῶν, ὁπόσα τὸν τοιοῦτον βασιλέα κοσμοῦσι, καὶ τὰς ὑπὲρ σοῦ εὐχὰς προκαλοῦνταί μου, καὶ σιωπῶσα καὶ φθεγγομένη ἔντευξις γίνομαί σοι τὰ εἰς Θεόν. Καὶ ἄλλος μὲν ἢ εἶδεν ἢ ἤκουσε τῶν τινα βασιλέων τῷ στήθει θαλαμεύοντα τὴν ὀργήν· σὺ δὲ οὐκ αὐτῆμαρ καταπέττεις τὸν χόλον, ὡς Ὁμήρῳ δοκεῖ[1]), οὐδὲ κοτέεις ἐς χρονικὰ διαστήματα, εὐθύωρον δὲ καὶ ὀργίζῃ καὶ εὐθύωρον συγχωρεῖς. Οἶδεν ὃ λέγω ἡ ἐν Ἄρτῃ κατὰ τοῦ Θεσσαλονίκης ὀργή, ἥτις ἀνήφθη μὲν, ὡς πυρσός, ἐκ τοῦ παραυτὰ δ' ἀπέσβη, ὥσπερ σπινθήρ. Καὶ ὁ περὶ τῶν θαλασσίων κυμάτων φησὶν ὁ Δαυΐδ· ἀναβαίνουσιν ἕως τῶν οὐρανῶν καὶ καταβαίνουσιν ἕως τῶν ἀβύσσων, ἢ ἀναβαίνουσιν ὡς ὄρη καὶ καταβαίνουσιν ὡς πεδίον[2])· τοῦτο καὶ τότε ἦν ἰδεῖν ἐνεργούμενον· ἄναψιν ὀργῆς ἐκφανῆ καὶ σβέσιν ταύτης ἀκόλουθον, ὡς συναφθῆναι ἀλλήλοις κατὰ τὰ ἐν σώμασιν ἀλληλένδετα καὶ τὴν ἀγανάκτησιν καὶ τὸν οἶκτον. Βαβαὶ τῆς συντόμου σβέσεως τοῦ τότε θυμοῦ καὶ τοῦ κατὰ ψυχὴν τὴν σὴν κλυδωνίου καὶ τῆς συντρόχου γαλήνης. Οὕτω βασίλευε, βασιλεῦ, οὕτως ὀργίζου, οὕτως συγχώρει, ὡς μήτε τὸν κότον παραμένειν ἐν τῇ ψυχῇ καὶ τοῦτ' αὐτὸ κότον ἐκ τοῦ κεῖσθαι παρανομάζεσθαι καὶ τὸν οἶκτον τοῦ τοιούτου πάθους μὴ διαζεύγνυσθαι· ὁποῖα ταῦτα ἐν τῷ ἐμῷ σοι βασιλεῖ κατεῖδον ἐγώ, ἐν τοιούτοις καιροῖς πολλάκις παρατυχών. Καὶ σὺ μὲν οὕτω ποίει, καὶ Κυρίου ὀργὴν οὐ φοβηθήσῃ ποτέ, οὐδ' ἐκ τοῦ κατὰ φύσιν ἀοργήτου ἴδῃς τοῦτον εἰς τὸ παρὰ φύσιν κινούμενον, τὴν ὀργήν, ἀλλ' ὅλον ἵλεων, ὅλον συμπαθῆ, ὅλον ἀόργητον || τὰ εἰς σέ. Καὶ τὰ μὲν σὰ οὕτως ἔχοι F. 59 r. καὶ ἔξοι. Ἐμὲ δὲ καὶ ἡ τοῦ Μαρτίου τρισκαιδεκάτη εἶδε κατὰ τὴν Ἄρταν

1) Iliad. I, 81.
2) Psal. 103, 8.

τῇ κλίνῃ προσηλωμένον· τὰ γόνατά μου γὰρ ἠσθένησαν, οὐκ ἀπὸ νηστείας, ὡς ψάλλει Δαυίδ[1]), ἀλλ' ἐκ μοχθηροτέρας τῆς ὕλης καὶ τῆς ἐξ ἁμαρτημάτων κακώσεως, καὶ καθ' ἑαυτὴν μὲν τὴν ποδοκάκην ἐμίσησα, ἠγάπησα δὲ ἄλλως, ὅτι τῶν κατὰ Ναύπακτον ὀδυνῶν ἐπὶ καιρὸν ἐλυτρώσατο, καὶ τὸ φευκτὸν καθ' αὐτὸ ἐγένετό μοι δι' ἕτερον αἱρετόν. Καὶ ἀξιωθείην καὶ ἐπιζῆσαι καὶ τοῦ ἐμοῦ σου βασιλέως αὖθις κατατρυφῆσαι, μηδ' ἐς τοσοῦτον ἐλάσαι με τὸ δυστύχημα, ὡς τῆς σῆς στεφηφορίας ἀπολειφθῆναί με καὶ τῆς χρίσεως, ὦ καλὲ βασιλεῦ, ὦ τὰ πάντα χρηστὲ, ὦ τὰ εἰς ἐμὲ συμπαθέστατε. Καὶ ὡς τοῦ εὐχὴν ἐπαναλαβεῖν, δῴη σοι Κύριος πάντα τὰ αἰτήματα τῆς καρδίας σου καὶ πᾶσαν τὴν βουλήν σου πληρῶσαι· ἅ εἰσιν, ὡς ἐγὼ εὐστόχως ὑπολογίζομαι, πάντα συμπατῆσαι ἐχθρὸν καὶ γῆν πατῆσαι τῆς Κωνσταντίνου καὶ τὴν ἐν τοῖς ἐκεῖσε βασιλείοις αὐλήν. Ἀκόλουθον δὲ τῷ πατήματι τούτῳ καὶ ἡ ἐπὶ θρόνου τοῦ βασιλικοῦ κάθισις καὶ ὅσα τῇ καταστάσει ταύτῃ ἑπόμενα. Ἐμοὶ δὲ γίνου κατά τε τὸ παρὸν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς προνοητικὸς καὶ φιλεύσπλαγχνος· τὸ γὰρ γῆρας τοῦτο τὸ βαθὺ καὶ λυπρὸν καὶ προνοίας χρῄζει βασιλικῆς καὶ τῆς ἐνδεχομένης περιποιήσεως.

26.

Πρὸς τὸν πατριάρχην πιττάκιον τῶν ὅλων ἀρχιερέων σχεδιασθὲν παρὰ τοῦ Ναυπάκτου.

F. 68 v. Χρόνιον ἡμῖν τοῖς ὑπὸ τὸν πατριαρχικὸν τῆς Κωνσταντίνου πόλεως θρόνον δυτικοῖς μητροπολίταις καὶ ἀρχιεπισκόποις καὶ τοῖς ὑφ' ἡμᾶς ἐπισκόποις, ἔτι δὲ καὶ τῇ κατὰ Βουλγαρίαν αὐτοκεφάλῃ ἀρχιερατικῇ ἐξουσίᾳ καὶ τοῖς ὑπ' αὐτὴν ἐπισκόποις· ἠθέλησε γὰρ καὶ αὕτη τῷ ἀξιωματικῷ τοῦ σφετέρου θρόνου τὴν παροῦσαν ἡμετέραν ἀναφορὰν καὶ δι' ἑαυτῆς συγκροτῆσαι· τὸ πρὸς τὴν μεγάλην ἁγιωσύνην σου γράμμα τοῦτο καὶ τὴν ἱερὰν τῶν ἀνατολικῶν ἀρχιερέων ὁμήγυριν, παναγιώτατε ἡμῶν δέσποτα καὶ οἰκουμενικὲ πατριάρχα, καίτοι ἐχρῆν κατὰ τὴν ἐν πνεύματι ἕνωσιν οὕτω καὶ γράμμασιν ἑνοῦσθαι τὴν ἀνατολικὴν ἱεραρχίαν καὶ δυτικήν, καὶ ἡμᾶς μὲν μετὰ τῆς ἐνδεχομένης πνευματικῆς ταπεινώσεως πρὸς τὸ σὸν ὕψος ἐγγραμμάτως διομιλεῖσθαι, σὲ δὲ πάλιν τοῖς αὐτοῖς τὰ καθ' ἡμᾶς ἐποπτεύειν καὶ καταφωτίζειν τὰ δυτικὰ λαμπάσι σῶν ἀρετῶν, φωταυγείαις ἐπιστολῶν. Ἔπρεπε ταῦτα καὶ μὴ τὴν παλαμναίαν τῶν πραγμάτων φορὰν καὶ τὸν κατασχόντα τὴν καθ' ἡμᾶς οἰκουμένην βίαιον κλύδωνα ἐπὶ

1) Psal. 108, 24.

τοσοῦτον ἰσχῦσαι, ὡς καὶ τὸν ἐν ἡμῖν πνευματικὸν σύνδεσμον διαλύσασθαι καὶ σῶμα διελεῖν ἐκκλησίας τῆς ἡνωμένης ἐν πνεύματι. Ὅπερ ἡμεῖς ἐκ τῶν κατωτέρω δηλωθησομένων τεκμηριούμενοι γεγόναμεν ἐν κοινοβουλίῳ κατὰ τὴν Ἄρταν, ἐνδημοῦντος ἐν ταύτῃ τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως, καὶ κοινὴν πρεσβείαν ἐποιησάμεθα πρὸς τὴν ἁγίαν αὐτοῦ βασιλείαν ἐκχωρηθῆναι παρ' αὐτοῦ τῇ καθ' ἡμᾶς τῶν ἐπισκόπων ὁλότητι ἀνενεγκεῖν πρὸς τὸ τῆς μεγάλης ἁγιωσύνης σου ὕψος περὶ ἐκκλησιαστικῶν ζητημάτων· ἅπερ, ὡς οἰόμεθα, τέλος λαβόντα χρηστόν, πλέον καὶ σὲ μεγαλυνοῦσιν ἐνταῦθα καὶ τὴν ἀναφορὰν καὶ τὸ μνημόσυνόν σου ἐπιστηρίξουσι καὶ ἡμᾶς ἀπαλλάξουσι διχονοίας ἁπάσης καὶ πίστιν ἐμφυτεύσουσι ταῖς ἡμετέραις ψυχαῖς τοῦ πατριάρχην ἔχειν ἡμᾶς κοινὸν φροντιστὴν καὶ μὴ διαιροῦντα τὸ σῶμα τῆς ἐκκλησίας, ἀλλ' ἐνοῦντα μᾶλλον καὶ συμβιβάζοντα. Ὁ δὲ, ὁποῖος οὗτος εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος καὶ περὶ τὴν πίστιν θερμότατος καὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἀταραξίας ἐπιθυμῶν, εὐθὺς ἐκέλευσε καὶ τὸ γράμμα πρὸς τὴν σὴν μεγάλην ἁγιωσύνην σχεδιασθῆναι καὶ τὴν ἀναφορὰν τῶν αἰτουμένων γενέσθαι· ἃ καὶ ἐπὶ κεφαλαίων ἔχουσιν οὕτως. Πληροφοροῦμεν τὴν μεγάλην ἁγιωσύνην σου ἐν ἀδόλῳ συνειδήσει καρδίας, ἐν γνώμαις ἐλευθέραις, ἐν γλώσσαις ἀληθευούσαις, ὡς ἀθέλητόν ἐστι τῷ ἡμετέρῳ κραταιῷ βασιλεῖ ἀρχιερεῖς ἐξ ἀνατολῶν πρὸς τὰς ἐν δύσει χηρευούσας ἐκκλησίας καὶ χειροτονεῖσθαι καὶ καταπέμπεσθαι· καὶ οὐ βαθὺ τὸ δι' ὅ, πρόχειρον δὲ καὶ τῇ διακρίσει τῆς μεγάλης ἁγιωσύνης σου πρόδηλον, κἂν ἡμεῖς μὴ λέγωμεν. Ἐκ δὲ τοῦ ἐναντίου διαφωτίζομεν, ὥσπερ τὸ δοκοῦν σκοτεινόν· εἴ τινα τῶν ἐνταῦθα καὶ παρ' ἡμῖν ἀνθρώπων — πολλοὶ δὲ καὶ λόγου καὶ ἀρετῆς εἰσι μέτοχοι — ἡ καθ' ἡμᾶς ἁγία ἐπιλέξεται βασιλεία καὶ τοῦτον αὐτόθι ἀποστελεῖ, ἐφ' ᾧ προστατῆσαι ἀνατολικῆς ἐκκλησίας, ἆρα καὶ εὐκόλως δεχθήσεται ὁ τοιοῦτος καὶ δίχα τινὸς ἐξετάσεως χειροτονηθήσεται, καὶ τὰ πιστὰ ἔχειν δόξει πρὸς τὴν αὐτόθι ἀρχὴν, καὶ οὐ παρέξει μᾶλλον ἐννοίας τοῦ ἔχειν ἐπικλινῶς πρὸς τὸν εὖ ποιήσαντα τούτῳ καὶ ἀποστείλαντα καὶ τὸν δεξάμενον καὶ εἰσοικισάμενον; Χωρὶς δὲ τούτων, τίς, δέσποτα ἡμῶν παναγιώτατε καὶ ὑμεῖς, ἡ ἀνατολικὴ ἀδελφικὴ ἀρχιερατικὴ κοσμιότης, τὰ πόνῳ προσκτηθέντα τούτῳ μακρῷ ἑτέρῳ χαρίσεται, καὶ πιστεύσει πόλεις πολυανθρώπους, ἐφ' αἷς πολλοὺς πολεμικοὺς ἱδρῶτας ἐκένωσε καὶ χρήματα κατεβάλετο καὶ δύναμιν ἀπεβάλλετο στρατιωτικὴν, ταύτας δὴ ταύτας ἀγνῶσι πιστεύσει, ὧν τὸ πιστὸν οὐκ ἔνδηλον πρὸς αὐτὸν, ἀλλ' οὐδὲ ὡς οὐ χρόνιον; Τούτων οὖν ἐν πληροφορίᾳ κειμένων, παρακαλοῦμεν τὴν ἱεράν σου ψυχὴν θεραπευθῆναι τὸ πρᾶγμα κατὰ τὸν δεύτερον λόγον, ὥστε κατ' ἐπιτροπὴν καθολικὴν || τῆς μεγάλης ἁγιωσύνης σου F. 61 r.
καὶ καθάπαξ καὶ ἀπροσώπως ὁρισθῆναι ὀφείλουσαν, τὰ ἐνταῦθα χειροτονίας

καὶ ψήφους προβαίνειν τῶν χηρευουσῶν ἁγιωτάτων ἐκκλησιῶν, ἵνα μὴ καὶ τὰ πρόβατα τοῦ Χριστοῦ ἐπὶ μακρ[ὸν] ἀποίμαντα διαμείνωσιν καὶ καταφθείρωνται τὰ ὑπὸ τὰς ἐκκλησίας καὶ αὐτὰ τὰ θεῖα τεμένη διὰ τὸ ἀπεριποίητον καταπίπτωσιν αἵ τε χειροτονίαι τῶν θελόντων ἱερᾶσθαι μὴ γίνωνται, καὶ τὰ λοιπὰ πνευματικὰ ἐνεργήματα κωλύμην ἕξει τὴν παντελῆ. Ἐπιτραπέντος δὲ τοῦ ζητήματος, πάντως ὁ προστάσσων τόδε γενέσθαι ἐκεῖνος τοῦτο ποιεῖ, καὶ τῷ προστάγματι ἐπακολουθήσει ἅπαν χρηστόν· τῆς πατριαρχικῆς μεγαλειότητος ἡ ἐλευθέρα ἐν τοῖς ὧδε ἀναφορά, ὥσπερ δὴ καὶ ἔστιν ἡμῶν αἰτήσει καὶ κελεύσει τοῦ κραταιοῦ καὶ ἁγίου βασιλέως ἡμῶν, τὸ καθ' ἡμέραν ἐν πάσαις ταῖς ἐκκλησίαις καὶ τοῖς μοναστηρίοις μνημόσυνον, ἡ τῶν ἐκκλησιῶν περιποίησις, ἡ τοῦ λαοῦ ποίμανσις, καὶ ὅσα ἄλλα ποιμένες πνευματικοὶ πρὸς τὰς ποιμαινομένας ψυχὰς ὀφείλουσι διαπράττεσθαι. Ὡς τῷ γε μὴ ταῦτα ἐπιτραπῆναι οὐ μόνον τῷ τοπικῷ χάσματι διαστήσονται ἴσως δυτικοὶ καὶ ἑῷοι συνάδελφοι, ἀλλὰ καὶ τῇ πνευματικῇ διαστάσει, ὃ μὴ γένοιτο, ἀλλήλοις οὐ συναφθήσονται. Οὐ μόνον δὲ περὶ τῆς ἐπιτροπῆς τῶν χειροτονιῶν οἱ πάντες πρεσβεύομεν, ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ δεχθῆναι τοὺς προχειροτονηθέντας ἀρχιερεῖς, τὸν λογιώτατον δηλονότι Κερκύρων, τὸν Λευκάδος, καὶ τὸν Φαρσάλων· φθάνει γὰρ ἡ μεγάλη ἁγιωσύνη σου διὰ σπλάγχνα χρηστότητος καὶ τοὺς παρὰ τοῦ Γαγγρῶν τοῦ Καληγοπούλου ἔν τε Ποντοηρακλείᾳ χειροτονηθέντας καὶ τῇ Ἀμάστριδι καὶ δέξασθαι καὶ τὴν κοινωνίαν αὐτῶν καταδέξασθαι, καὶ ἄλλα παριδεῖν οὐκ ὀλίγα ἐν τοῖς αὐτόθι μέρεσι καὶ ἀρχὴν λαβόντα καὶ τέλος παρά τε τοῦ Κερασοῦντος, ὥσπερ ἀκούομεν, καί τινων ἑτέρων. Ἡ γὰρ καιρικὴ τῶν πραγμάτων περιφορὰ καὶ καθολικὴ σύγχυσις ἄδειαν παραλόγου καινοτομίας καὶ ἐπὶ τοῖς ἐπισκοπικοῖς εἰσήνεγκεν ἐνεργήμασι. Καὶ ἂν τινων ἐπεμνήσθημεν, εἰ μή σε ᾔδειμεν, ὡς λύχνον ἀρετῆς, οὕτω δὴ καὶ λύχνον διακρίσεως ὄντα καὶ τὰς τοῦ καιροῦ συγχυτικὰς ἐνεργείας ἐν παροράσει τιθέμενον· δίδως γὰρ ταύτας οὐ τῇ προαιρέσει τῶν ἐνεργούντων, τῇ δὲ φορᾷ τοῦ καιροῦ, ἣ πάντα ὅσα τῆς κοσμικῆς ἀρχῆς, ὅσα τῆς ἱερατικῆς διοικήσεως συνέχεέ τε καὶ συνετάραξε. Τοῦτο γοῦν αὐτό, θεία καὶ ἱερὰ κεφαλή, τὸ ἐκ τῆς σῆς μεγάλης ἱεραρχίας πρὸς τὰς κατὰ δύσιν ἐκκλησίας ἐπὶ μακροῖς ἡλίοις ἀνάσχολον καὶ τὸ πρὸς ἡμᾶς τοὺς ὑπὸ τὴν σὴν ποιμαντικὴν χεῖρα ἐκ σιγῆς μακρᾶς ἀπροσαύδητον ἠνάγκασεν ἅπαντας εἰς τὴν παροῦσαν κατανεῦσαι ἀναφοράν, ἄντικρυς χωρισμὸν ἀπ' ἀλλήλων ἡγησαμένου σύμπαντος τοῦ καθ' ἡμᾶς ἱερατικοῦ τήν τε μακρὰν ἀφροντιστίαν τῶν χηρευουσῶν ἁγιωτάτων ἐκκλησιῶν καὶ τὸ τοὺς σοὺς ἡμᾶς ἐπισκόπους γραμμάτων μὴ καταξιοῦσθαι δεσποτικῶν. Καὶ τί χρή, τῶν κατὰ τὴν ἑῴαν μοῖραν καὶ δυτικὴν πραγμάτων διαιρεθέντων, συνδιαιρεῖσθαι τούτοις καὶ τὰ καθ' ἡμᾶς

ἱερατικά; καὶ ταῦτα τοιούτου παρὰ Θεοῦ δοθέντος συνδέτου, τοῦ γνώσει καὶ πράξει καὶ διακρίσει παρὰ τοὺς πρῴην πατριάρχας ἐκλάμψαντος. Εἰ δέ σε καὶ οἰκουμενικὸν ὀφθαλμὸν ὁμολογεῖν ἡ ἀλήθεια βούλεται, τί τὸ πεῖθον ἐν τοῖς ἑῴοις μόνοις ἐκτείνειν τὴν ὅρασιν, ἐν δὲ τοῖς ἡμετέροις καὶ δυτικοῖς μὴ θέλειν διαχέειν αὐτήν, ὡς εἰσαγγέλλεσθαί σοι καὶ τὰ ἡμέτερα; καθά που καὶ ὀφθαλμὸς, τὸ τῆς ὁράσεως ὄργανον, τὰς χρόας καὶ τὰ πολυειδῆ αἰσθητὰ τῇ κοινῇ αἰσθήσει ἀντιπέμπει κατὰ ἀνάκλασιν, καὶ αὕτη καὶ διαχωρίζει καὶ διακρίνει τὰ οὕτω πρὸς αὐτὴν εἰσπεμπόμενα. Μή ποτε δὲ τοῖς ὑπὸ σελήνην καὶ κατωτέρω ταὐτὸ πάθοῦμεν κατὰ δόξαν Ἑλλήνιον· ἅπερ ἀπρονόητα ἐφαντάσθησαν Ἕλληνες, ὡς τῆς προνοίας τάχα ἀδυνατούσης καὶ αὐτὰ διακυβερνᾶν, ἀλλ' ἱσταμένης ἐπὶ τὰ ἀνωτέρω καὶ μόνα τοῦ περὶ σφαῖραν τὴν ἑβδόμην σεληνιακοῦ σώματος. Ἀλλὰ μὴ σύ γε, ὦ οἰκουμενικὲ ὀφθαλμὲ, ὦ κοινὴ τῶν καθ' ἡμᾶς ἱερατικῶν αἴσθησις, ἀλλ' ἔκπεμψόν σού ποτε τὸ βλέμμα καὶ πρὸς ἡμᾶς καὶ τὴν κατωτέρω μοῖραν ταύτην καὶ δυτικὴν προνοίας τῆς ἐνδεχομένης ἀξίωσον· ἧς καὶ εἰσέτι μεινάσης ἀργῆς, φόβος ἐστὶ, μή ποτε ἐξ ἀνάγκης ὁ κραταιὸς ἡμῶν βασιλεὺς, ὅπερ ἔχει διὰ μελέτης καὶ εἰς ἔργον ἐντελὲς ἐξαγάγῃ, τὸ καταστῆσαι δηλονότι τὴν ἱερατικὴν ἐποπτείαν τοῦ πάπα τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης καὶ εἰς τὸ κλίμα || τοῦτο τὸ καθ' ἡμᾶς. Ὅπερ ἡ ἡμετέρα ἐλαχιστότης ἐὰν γνῷ λαμ- F. 61 v.
βάνον ἀρχὴν, ἀνάγκην ἕξει πάντως, παναγιώτατε δέσποτα, τὸ τοιοῦτον μὲν ἐπιχείρημα διὰ τῆς πρὸς τὸν κραταιὸν ἡμῶν βασιλέα πρεσβεύσεως ἐναρτῆσαι, αὐτὴν δὲ οὐ κατὰ γνώμην μέντοι ἑκούσιον, ἐξ ἀνάγκης δὲ, εἰς τὰς ἀναγεγραμμένας ἀπονεῦσαι πάλιν καινοτομίας. Καὶ σόν ἐστι τοῦ λοιποῦ τὸ σκοπιμώτατον ἅμα καὶ ὠφελιμώτατον διορίσασθαι. Καὶ ἐτέθη ὅρος τῇ πρὸς τὰ γραφέντα ταῦτα ἡμετέρᾳ ἀπολογίᾳ τριμηναῖον διάστημα, ἀρχὴν καὶ τέλος ὀφεῖλον ἔχειν τῶν ἐκ τῶν ἐνθάδε πρὸς τὰ ἑῷα ἀνάπλουν καὶ τέλος τῶν ἐκ τῶν ἑῴων κατάπλουν πρὸς τὰ ἡμέτερα δυσμικά. Τὰ μὲν οὖν τῆς ἀναφορᾶς εἰς τόδε καὶ τὰ αἰτήματα ἔγνωσται. Ἐναγόμεθα δὲ εἰς τὸ καὶ περί τινος ἑτέρου τῇ μεγάλῃ ἁγιωσύνῃ σου γράψαι, πληρωτικοῦ καὶ μάλιστα τῆς πατριαρχικῆς ὁλοκλήρου τιμῆς ἐνταῦθα καὶ παρ' ἡμῖν. Θαυμάζομεν γάρ, πῶς ἡ μεγάλη ἁγιωσύνη σου ἐν ταῖς ἱεραῖς σου γραφαῖς οὐ κατονομάζει βασιλέα τὸν ἡμέτερον ἐκ Θεοῦ δεσπότην καὶ αὐτοκράτορα, καίτοι πολλὰ καὶ ἐκ πολλῶν ἔχοντα τὰ δικαιοῦντα τοῦτον εἰς βασιλείαν καὶ κλῆσιν βασιλικήν· τὸ τοῦ γένους ἐπισημότατον, τὸ ἐκ βασιλικῶν αἱμάτων κατάγεσθαι καὶ ἀπόγονον εἶναι βασιλέων μεγάλων τε καὶ πολλῶν, καὶ κατὰ τὸν ἐνδεχόμενον λόγον κληρονόμον τῆς βασιλείας. Εἰ δὲ καὶ πρὸς τὰ παρὰ τούτου κατορθώματα ἀπίδῃ τις, ἐξ ὅτου θεόθεν παρέλαβε τὴν τῶν ἐνταῦθα τόπων διακυβέρνησιν, ἀλλ' οὐδὲ ταῦτα, εἰ μή τι

ἄλλο εἴχομεν εἰς προτίμησιν, οὐκ εἰκαίως τούτῳ ἀποβραβεύσει τὸ τῆς βασιλείας ἀξίωμα. Ἦν Πέτρος ἐκεῖνος ὁ τῆς Λατινικῆς φυλῆς βασιλεύς, Σηὼν μὲν ἄλλος βασιλεὺς Ἀμμοραίων τῇ τῆς ψυχῆς ἐπάρσει καὶ τῷ φρονήματι, Σεναχηρεὶμ δὲ δεύτερος τῷ πλήθει τῶν στρατευμάτων, ὃν καὶ τοὺς ὑπ' ἐκεῖνον ἰδών τις τῷ τότε εἶπεν ἂν ἐγκαίρως τὸ ψαλμικόν· οὗτοι ἐν ἅρμασι καὶ οὗτοι ἐν ἵπποις, ἡμεῖς δὲ ἐν ὀνόματι Κυρίου [1]· μέντοιγε καὶ καθεῖλεν ἐκεῖνον ὁ νέος οὗτος Δαυὶδ αὐτοῖς ἵπποισι καὶ ὄχεσφιν, ὡς καὶ τῇ ῥαψῳδίᾳ προσχρήσασθαι [2]), καὶ νόμου τακτικοῦ κειμένου, ὥσπερ ἀκούομεν, τὸν καθελόντα βασιλέα πολέμιον τὴν αὐτοῦ δικαιοῦσθαι περιβαλέσθαι ἀμπεχόνην καὶ τῷ τοῦ καθαιρεθέντος ἐρυθροβαφεῖ ὑποδήματι ἐναρμόζειν πόδα τὸν ἑαυτοῦ· ἀλλ' οὗτος τότε οὐ τῇ νίκῃ ἐπήρθη, οὐ τοῖς κατορθώμασιν ἐθρασύνθη, οὐκ ἐπεγράψατο ἑαυτῷ τὸ κατόρθωμα, ἀλλὰ τὴν βοήθειαν ταύτην ἐν ὀνόματι Κυρίου εἶναι εἰπών, οὕτω τοὺς ἄλλους τῆς Ῥωμανίας ἐχθροὺς πολέμῳ πάντας ἀνάλωσεν. Οἴδασιν οἱ πάντες τὸν ἀγέρωχον ἐκεῖνον Μαρκέσιον, τὴν ἄλλην καὶ μεγάλην τῆς καθ' ἡμᾶς οἰκουμένης πληγήν, τὸν πολύξυλον στόλον ἐκεῖνον, τὸν χθές που καὶ πρὸ τρίτης τῷ Ἁλμυρῷ προσοκείλαντα καὶ πληρώσαντα καὶ γῆν ὁμοῦ καὶ τὴν θάλασσαν τὴν μὲν μυριοφόρων τῶν πλοίων, τὴν δὲ γῆν ἵππων καὶ ἁρμάτων καὶ στρατευμάτων, τῶν πάντων μεγαλαυχούντων καταλήψεσθαι τὴν ἡμετέραν, ὡς νοσσιάν, καὶ ὡς καταλελειμμένα ἆραι ᾠά. Ἀλλ' ὁ Θεὸς ὁ μὴ ἐν τοῖς πλείοσιν εὐδοκῶν καὶ τὰς ὑπερηφάνους ψυχὰς ταπεινῶν ὑπέταξε καὶ τούτους ὑπὸ τοὺς πόδας τοῦ βασιλέως ἡμῶν καὶ συνέτριψεν, ὡς ψάλλει Δαυίδ, τὰ κράτη τῶν τόξων ἐκείνων, ὅπλον καὶ ῥομφαίαν καὶ πόλεμον [3]), οὓς ἐμπεσὼν ἀνάλωσε καὶ ἠφάνισεν, ὡς πῦρ ἀκάνθας, ἢ ὡς ὕδωρ πολὺ σῦρον πέτρας, τὰς πόλεις ἀνεσώσατο τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ, τὰ ἐπισκοπεῖα Θεοῦ Λατινικῆς μιαρίας ἀπελυτρώσατο, τοὺς αἰχμαλώτους συνήγαγε, μοναδικὴν πολιτείαν εἰς τὸ ἀρχαῖον ἀπεκατέστησε, πᾶν χρηστόν, πᾶν σωτήριον τῷ κλήρῳ τοῦ Χριστοῦ ἐχαρίσατο. Τὸν γοῦν τοιοῦτον καὶ ἐν τοιούτοις διαλάμψαντα κατορθώμασι, τὸν ἀριστέα, τὸν νικητὴν εἰ μή τις τοῦ τῆς βασιλείας ὀνόματος ἀξιοῖ, σχολῇ γ' ἂν ἕτερον. Καὶ δικαιούσθω λοιπὸν ὁ μόνῃ τῇ Κωνσταντινουπόλει τὸν βασιλικὸν περιγραψάμενος πλατυσμόν, ὁ ἀ[ζ]υμίτης, ὁ περὶ τὴν πίστιν σφαλλόμενος, βασιλεὺς ὀνομάζεσθαι, ἔτι δὲ καὶ ὁ τοῦ Αἵμου κατάρχων Σκύθης Ἀσᾶν καὶ βασιλεὺς ὑψηλότατος ἀκουέτω καὶ μεγαλυνέσθω ἐν γράμμασι, παροράσθω δὲ ὁ τὸ δικαίωμα τῆς βασιλείας ἐκ προγόνων λαβὼν καὶ εἰς αὐτὴν δικαίως καλού-

1) Psal. 19,8.
2) Iliad. IV, 297.
3) Psal. 75,4.

μενος. Θεὸς δὲ, οὗ ἐν τῇ χειρὶ τὰ σὰ κινήματα καὶ βουλεύματα, ὃν ἡ ἀλήθεια στέφει, ὃν κοσμεῖ ἡ διάκρισις, κινήσει τὴν ἱεράν σου || ψυχὴν εἰς τὴν F. 62 r. τῶν παρ' ἡμῶν αἰτουμένων ἁπάντων παραδοχήν τε καὶ [π]λήρωσιν.

27.

Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτὸν πατριάρχην ἰδικῶς πιττάκιον.

Μωσῆς ἐλάλει, φησὶν ἡ γραφὴ, ὁ δὲ Θεὸς ἀπεκρίνατο αὐτῷ φωνῇ [1]· ἡμεῖς δὲ καθάπαξ πρὸς τὸ σὸν λαλήσαντες μεγαλεῖον, οὐδεμιᾶς τῆς ἀντιλαλιᾶς ἠξιώθημεν, καίτοι τὸ γράμμα ἐκεῖνο θεόν σε κατὰ μέθεξιν ὡμολόγησε διὰ τὴν ἐξ ἀρετῆς τελειότητα. Μή ποτε δὲ, ὅτι κατὰ Μωσέα ἡμεῖς, ἀλλ' οὐδὲ ἴχνος τῆς ἀρετῆς ἐκείνου παρ' ἑαυτοῖς ἐτυπώσαμεν, παρὰ τοῦτο ἱερὸν ἡμῖν οὐκ ἐξήχηται ἀντιφώνημα; Εἰ μὲν οὖν τοῦτο, καλὴ ἡ κρίσις, ἐπαινετὴ ἡ σιγή, ἀλλὰ μή τι, κύριέ μου, ἐὰν λαλήσω, ὅτι τὸν οἰκέτην καὶ τὸν ἀδελφὸν παρελύπησας· Θεοῦ δὲ ἔργον τὸ ἐν ὑψηλοῖς κατοικεῖν καὶ τὰ ταπεινὰ ἐφορᾶν, καὶ τῶν μιμητῶν τοῦ Θεοῦ τὸ τὰ ἐκείνου ἔργα ἐν ἑαυτοῖς ἀπομάττεσθαι. Εἰ μὲν οὖν ὁ πρέσβις ἐκεῖνος ἢ ἑκὼν ἢ λαθόμενος ἢ τὸ τρίτον κατὰ περίστασιν τὴν ἐμὴν οἰκτρὰν λαλιὰν ταῖς σαῖς ἁγίαις καὶ καθαραῖς χερσὶν οὐ παρέθετο, Ἡράκλεις τῆς ἀποτυχίας τοῦ ἀγαθοῦ, Ἡράκλεις τοῦ ἐμοῦ δυστυχήματος. Εἰ δὲ παραθεμένου τοῦ κομιστοῦ, καὶ ἀπερρίφη καὶ ἐβδελύχθη διὰ τὸ τοῦ γεγραφότος ἐπίρρυπον, καταδέχομαι τὴν ἀποστροφὴν, ὡς αἴτιος τῆς ἀποπομπῆς. Πλὴν ὅτι τὸ ἀπ' ἐκείνου πᾶσα μοι συνέπεσεν ἀνωμαλία καὶ σύγχυσις, καὶ πλέον ὅτι γῆρας τὸ λυπρόν, συνεχεῖς ἀρρωστίαι, χειρῶν, ποδῶν ἄλγημα καὶ τὰ τοῦ βίου περιστατικὰ συσσεσαθρώκασί με· καὶ ἂν ἐς τὸ παντελὲς ἀπωλόμην, εἰ μὴ ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν αὐθέντης καὶ βασιλεὺς διὰ τῆς περὶ ἡμᾶς ἐλεημονητικῆς αὐτοῦ παρακλήσεως τὰ ἐκ τοῦ γήρως καὶ τῆς ἀσθενείας κακὰ πολυτρόποις ταῖς ἀντιλήψεσι παρεμυθεῖτο καθ' ἡμέραν καὶ ἀνεκτᾶτό με. Τοῦτον τὸν ἐμὸν καὶ βασιλέα καὶ παρακλήτορα ἐγνώρισεν ἡ καθ' ἡμᾶς γενεὰ καὶ τὸ κλίμα τοῦτο τὸ δυσμικὸν δῶρον μὲν ἀναμφιλόγως Θεοῦ, σωτήριον δὲ τῶν ἐνταῦθα χριστιανῶν, ἀνακλήτορα πόλεων, συναγωγέα τῶν σκορπισθέντων, συνδέτην τῶν διεστώτων. Δι' αὐτοῦ καὶ τῶν ἐκκλησιῶν οἱ προστάται καὶ τῶν μονῶν οἱ ἡγούμενοι καὶ ποιμαίνουσιν αὖθις καὶ προστατοῦσι καὶ ἄρχουσιν, ὡς τοὺς μὲν ἐπαγάλλεσθαι τῇ προτέρᾳ τούτων ποιμαντικῇ, τὰ πρόβατα δὲ τῆς φωνῆς ἀκούειν αὐτῶν, καὶ ποίμνην γενέσθαι διὰ μέσου τοῦ ἐμοῦ βασιλέως πεπληθυσμένην καὶ αὔξουσαν.

1) Exod. 19,19.

Τίς τὰς ἀβάτους ὁδοὺς βασίμους ἔθετο, εἰ μὴ ὁ ἐμὸς βασιλεύς; τίς τὰ σκολιὰ εἰς εὐθεῖαν εἰ μὴ οὗτος μετήγαγε; καὶ γεγόναμεν οἱ τῶν διαφόρων πόλεων κάτοικοι ὁδὸν μυρμήκων ἀπομιμούμενοι, καὶ ἀντιπεριπατοῦμεν εἰς τὰς πόλεις πάσας καὶ ἀντιβαίνομεν, τῶν κωλυόντων λίθων διαρριφέντων ἐκ τῶν ὁδῶν καὶ τῶν προσκομμάτων ἀρθέντων τῇ φιλοπονίᾳ τοῦ βασιλέως, ἐν αἷς καὶ πλούσιος πένητι συναντᾷ καὶ τῷ δυσγενεῖ ὁ ἐπίσημος, ἀμφοτέροις δὲ τὸ ἀπρόσκοπον ὁ τοῦ ἐμοῦ βασιλέως πόνος ἀπεχαρίσατο, καὶ βλέπομεν ἐλευθέρως ἕκαστος τὴν ἑκάστου· ὡς καὶ νῦν ὁ σαθρὸς ἐγὼ καὶ δυσκίνητος Θεσσαλονίκην τὴν περιλάλητον καὶ τῶν ἐν ταύτῃ θεαμάτων καταπολαύω καὶ περὶ τὸν μυροφόρον τάφον στροφῶμαι τοῦ μεγάλου ἐν μάρτυσι, τοῦ περιβοήτου ἐν θαύμασι. Καὶ γένοιτο πολλὰ καλὰ καὶ ὁ βίος μακρὸς καὶ τῷ ἐμῷ βασιλεῖ καὶ τῷ ἐμῷ ἀρχιποίμενι, ὅτι ὃ μὲν διὰ Θεοῦ κατορθοῖ, ὁ δὲ ἐμὸς μεγαποίμην ταῖς σφετέραις προσευχαῖς αὐτὸν δυναμοῖ, κραταιοῖ δὲ καὶ εὐοδοῖ. Καὶ τί χρὴ καταλέγειν τὴν δι' αὐτοῦ κατάστασιν τῶν ἑκασταχοῦ πόλεων; τὴν δίωξιν τῶν ἐχθρῶν, τὴν σφαγήν, τὴν ἀναίρεσιν, τὸν ἀσύνακτον αὐτῶν σκορπισμόν, τὴν ἡμετέραν συναγωγήν· ἃ καὶ ἔφαγον ἐξήμεσαν, καὶ ἃ κατεῖχον ἀπώλεσαν, καὶ γέγονεν αὐτοῖς εἰς χολὴν ἡ ἡμετέρα κατάποσις. Καὶ πεσόντες ἀνέστημεν, καὶ ᾄδομεν Θεῷ καὶ τῷ βασιλεῖ ἡμῶν τὰ εὐχάριστα, ὅτι Θεὸς μὲν ἄνωθεν εὐδοκεῖ, τοῦ δὲ βασιλέως ἡ μάχαιρα τὰ κρέα τῶν ἀλαστόρων ἐσθίει, αἱ δὲ σαὶ θεοπειθεῖς προσευχαὶ καὶ εὐοδοῦσι τὸν βασιλέα καὶ τὰς νίκας τούτῳ καταχαρίζονται. Καὶ τὰ μὲν τοῦ ἐμοῦ βασιλέως || F. 62 v. διὰ Θεοῦ τοσαῦτα καὶ τούτων πλείονα καὶ δῆ[λα] τοῖς πᾶσι, κἂν κατὰ μέρος οὐκ ἐπεξήγηται, πλὴν ὅτι ὥριμος ταῦτα καρπὸς τῶν σῶν προσευχῶν καὶ τελεσφόρημα ἔγκαιρον, καὶ πρὸς τοὺς κόπους τούτου καὶ σοῦ ἡμεῖς οἱ πάντες εἰσήλθομεν καὶ τῆς γλυκύτητος ἀπολαύομεν. Καὶ εὐξαίμην ἂν ἔγωγε, ὁ τῶν ἐπισκόπων πάντων ἐλαχιστότερος, καὶ τὴν ἀνατολικὴν ἐξουσίαν τῇ δυτικῇ συνελθεῖν καὶ συνασπίζειν ἀλλήλαις καὶ εἰρηνικὰ φρονῆσαι καὶ ἀδελφὰ καὶ κοινὴν πανοπλίαν περιβαλέσθαι κατὰ τῶν παλαμναίων ἡμετέρων ἐχθρῶν, κἀκ τῆς ἀλλήλων ἀδελφικῆς ἀντιβοηθείας καὶ συγκροτήσεως ὡς πόλιν ὀχυρὰν αὐτὰς γενέσθαι, τὸ τῆς γραφῆς[1]), καὶ τεθεμελιωμένον βασίλειον. Ὡς δὲ πρὸς τὰ καθ' ἡμᾶς ἐπαναδραμεῖν, γένοιτο καταβῆναί μοι ὡς δρόσον τὰ ῥήματά σου καὶ ὡσεὶ νιφετὸν ἐπὶ χόρτον με, καὶ τοῦτο ἐξηραμένον ἐκ πολυχρονίου τοῦ γήρως, ἐξ ἰσομέτρου τῆς ἀρρωστίας, ὡς ἀναθηλῆσαι μὲν τὰ ὀστᾶ μου καὶ ἀνατεῖλαι ὡς βοτάνην τὰς σάρκας μου καὶ γενέσθαι με τρόπον ἄλλον νέον ἡβώοντα, καὶ γνωσθῆναι τῷ σῷ οἰκέτῃ Ναυπάκτου, εἰ τῆς συνηθείας

1) Prov. 18,19.

τῆς ἀρχαίας ἐκείνης μνήμην ἔχεις ὁποιανοῦν, ὅτε σὺ μὲν ἐνέαζες καὶ σημεῖα τοῖς πᾶσιν ἐδίδως καὶ τῷ ἐσχάτῳ ἐμοὶ τῆς εἰς τὸ μέλλον πνευματικῆς καταστάσεως καὶ προχαράγματα καὶ γνωρίσματα, ὡς τοῦτο τὸ φυτὸν καὶ καρπὸν ἐνέγκῃ ποτὲ πνευματικῆς ἀναβάσεως· καὶ ὡς οὐ διημάρτομεν οἱ στοχασταὶ τοῦ τότε καιροῦ, ἡ σήμερον ἐπὶ σοὶ κατάστασις παραστᾷ· ἡνίκα σὺ μὲν, ὡς εἶπον, ἐνέαζες, ἐγὼ δὲ εἰς ἡλικίαν προέβαινον καὶ τὴν πολιὰν ἠρξάμην ἀνθεῖν καὶ ἀγαπητικῶς εἰς ἄκρον προσεφερόμην σοι· εἰ μή γε ὁ χρόνος παρείλετό μου τὸ μνημονευτικὸν, ῥυτιδώσας πάντως τὸ τῆς μνήμης πινάκιον καὶ ἀπαλείψας ἐντεῦθεν τὰ ἐν τούτῳ γεγραμμένα μνημονευτά· σὺ δὲ ἀντεδίδως ἐμοὶ τὸ ἐν τοῖς ἀσπασμοῖς ταπεινὸν καὶ τὴν ἐξ ἤθους ἡμέρου κεχαριτωμένην προσομιλίαν καὶ ἔντευξιν. Μνήσθητι τούτων, ἐγχάραξόν μοι θεῖα ἐντάλματα, ὡς ἐν πλαξὶ μὲν, τῷ χάρτῃ, σῷ δὲ γεγραμμένα δακτύλῳ, τοῦ κατὰ μετοχὴν ἑτέρου Θεοῦ, ὡς δὲ δεκάλογον ἄλλην, τὴν ἐντελῆ πληροφορίαν τῆς πρὸς ἡμᾶς πνευματικῆς διαθέσεως· καὶ σεβάσομαι ταύτην, ἀλλ' οὐ συντρίψω, καὶ συνταφήσομαι ταύτῃ, ἀλλ' οὐκ ἀπολείψομαι ἄθαπτον, καὶ τὸ τῆς πρὸς ἡμᾶς συγκαταβάσεώς σου χειρόγραφον εἰς γνώρισμα κείσεται τοῖς παρ' ἡμῖν καὶ τοῖς πόρρωθεν τοῦ πρὸς ἡμᾶς ἐπικλινοῦς τῆς σῆς ἁγιότητος. Καὶ κέλευσόν μοι τὸ ἀπὸ τοῦδε πρὸς σὲ διὰ γραμμάτων ἐπὶ τὰ ὕδατα ἔρχεσθαι, τὴν ἀνὰ μέσον ἀμφοτέρων λέγω ὑγρὰν, τῷ κλυδωνιζομένῳ ἐν ἀρρωστήμασι. Θεὸς δὲ, οὗπερ ἡ χεὶρ ὕψωσέ σε καὶ ἐκ νεότητος ἡ δεξιὰ αὐτοῦ ἀντελάβετο, μνησθείη μὲν πάσης θυσίας σου, καὶ τὸ ὁλοκαύτωμά σου πιανάτω, χαρίσαιτο δέ σε καὶ ταῖς ἁγίαις ἐκκλησίαις αὐτοῦ καὶ εὐθυμοῦντα καὶ πολυχρόνιον καὶ τῷ κρατίστῳ μου βασιλεῖ συγκατορθοῦντα ἐκ προσευχῶν καὶ διὰ τούτων αὐτῶν συμπολεμοῦντα τούτῳ καὶ συναρήγοντα.

28.

Τῷ βασιλεῖ.

Ἡμέρα μία, μέγιστε βασιλεῦ, βίος ὅλος τοῖς πόθῳ κάμνουσιν· ἐγὼ δὲ F. 92 v. λέγω καὶ τὸ βραχὺ διάστημα [illegible] ψυχὴν τοῦ σώματος ἀπαλλάττειν τῶν οὕτω διακειμένων. Εἰ γοῦν ἔτι καὶ ζῆν τινα καὶ τὴν ψυχὴν [illegible] γεσθαι, τοῦτο νόμιζε πάσχειν καὶ τὸν [illegible] ἀπολαστέντα τῆς βασιλείας σου. [illegible] μὲν γὰρ [illegible] σοι καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς [illegible] τῇ θεωρίᾳ τῆς βασιλείας σου, [illegible] δὲ [illegible] χάρτας [illegible] βασιλικὰς καὶ τὴν ἐγκάρδιον [illegible] οὕτω ταῦτα [illegible]. οὕτω καὶ ζῶ καὶ τελευτῶ διὰ σέ. Ὅτε μὲν γὰρ [illegible] ἔχω σε [illegible], τελευτῶ ὅτε

δέ σε φαντάζομαι, καὶ πνεῦμα συλλέγω καὶ μετὰ τῶν ζώντων εἰμὶ καὶ τάχα παρέοικα τοῖς ἐν ὀνείρῳ πλουτοῦσι καὶ τοῖς δραττομένοις σκιᾶς. Γένοιτο δέ μοι διὰ βραχέος αὖθις προσκυνῆσαι τῷ βασιλεῖ μου καὶ τῶν ὀνείρων ἀπαλλαγῆναι καὶ τῶν φαντασμάτων ἀπολυθῆναι· ὅπου γὰρ ἥλιος, οὐ συνίσταται νέφος, καὶ ἔνθα συνουσία ἐμπράγματος, σκιαὶ καὶ ὄνειροι διαλύονται. Γένοιντό μοι ταῦτα τὰ εὐτυχήματα, πολυχρονούσης τῆς βασιλείας σου.

29.

Χρυσόβουλλον.

F. 67 r. Τὰ καλά, εἰ μὲν εἰς Θεὸν ἀφορῶσι καὶ περιποίησιν τῶν ἱερῶν ἐκκλησιαστηρίων αὐτοῦ, εὐσεβοῦς ἐστι βασιλέως ἡ τούτων φυλακὴ[1]) καὶ συντήρησις· εἰ δὲ ἰδιωτικά εἰσι τὰ καλά, ἡ ἐπ' αὐτοῖς προνοητικὴ ἐπιθήκη φιλοδώρου βασιλέως ἔργον καὶ φιλοτίμου. Φιλοτιμία δὲ καὶ φιλοδωρία βασιλικὴ οὐκ ἄν ποτε καὶ εἰς τὴν τῶν ἰδιωτικῶν συντήρησιν καταβαίη, εἰ μὴ τὴν εὐσέβειαν ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ἔχει πλουσίαν ἐν τῇ ψυχῇ καὶ θέμεθλον στερρὸν ὡσανεὶ τῆς φιλοδώρου γνώμης καὶ τῆς φιλοτίμου χειρός· εἰ μὴ γὰρ εὐσεβήσει, οὐκ ἐλεήσει, οὐδὲ φιλοτιμήσεται πάντως, εἰ μὴ ἄρα πρότερον ἐλεήσει· καὶ συνάγεται τοῦ λοιποῦ τὴν εἰς Θεὸν εὐσέβειαν εἶναι φιλοδωρίας καὶ φιλοτιμίας μητέρα. Ἡ γοῦν ἐκ Θεοῦ βασιλεία μου, εἴ γε καὶ δέοι ταύτην καυχήσασθαι, εὐσεβοῦσα τὰ εἰς Θεόν, πολλοῖς ἐκκλησιαστηρίοις αὐτοῦ ἐπεφιλοτιμήσατο τὰ ὠφέλιμα· αὐτὰ ταῦτα ἐπιβραβεύει διὰ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου λόγου αὐτῆς καὶ τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει Ναυπάκτου. Κατέμαθε γὰρ αὐτὴν ἐκ τῶν προσόντων ταύτῃ δικαιωμάτων, πολυ[κ]τήμονα μὲν τὸ πάλαι καὶ πολυπρόσοδον οὖσαν, εἶτα γενομένην ὀλιγοκτήμονά τε καὶ βραχυπρόσοδον ἐκ τοῦ τὸν ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ ἀοιδίμου προπάππου τῆς βασιλείας μου κῦρ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ ἐν Ναυπάκτῳ ἱερατεύσαντα προσελθεῖν ἐκείνῳ τῷ τότε καὶ πολλὰ τῶν τῆς ἐκκλησίας ταύτης κτημάτων ἐπικληρῶσαι τῷ δημοσίῳ εἰς ἱκάνωσιν ὧν εἶχε τελῶν καὶ βαρῶν ἡ εἰρημένη μητρόπολις, ἑαυτῷ δὲ περιποιήσασθαι τὴν ἐκ τούτων ἀπαλλαγὴν καὶ τὴν ἐκ τῆς τῶν δημοσιακῶν συζητήσεων ὀχληρίας ἐλευθερίαν καὶ ἄνεσιν καὶ τὰ ὀλίγα μετὰ ἀνέσεως τῶν μετὰ κακωτικῆς τῆς περιφορᾶς καὶ τῆς ἐντεῦθεν ὀδυνηρᾶς ζωῆς προτιμήσασθαι. Ἀλλ' ὑπορρέων ὁ χρόνος καὶ καταβαίνων εἰς τὰ φαυλότερα τὴν μὲν Ναύπακτον πειρατικῆς χειρὸς ἐποίησεν ἔργον καὶ τὰς ἐκεῖσε τῆς ἐκκλη-

1) Cod. φυσική.

σίας συνεισφορᾶς συνεξώρισέ τε καὶ συνωλίγωσε τὰ κατὰ τόπους ἑτέρους ταύτης κτησείδια. Ἀλλὰ καὶ ταῦτα ἡ πολυποίκιλος περιφορὰ τοῦ καιροῦ ἐκ πολυανθρωπίας καὶ τῆς ἐγγεγραμμένης τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς δικαιώμασι παροικικῆς ποσότητος εἰς ὀλιγανθρωπίαν καὶ στενὸν τὸ ποσὸν σὺν ταῖς ἐκ τούτων συνεισφοραῖς συνέστειλέ τε καὶ περιέκλεισε, καὶ γέγονεν ἐκ τούτων τῶν περιστάσεων ἡ πρῴην εὐδαίμων αὕτη μητρόπολις δυσδαίμων ἅμα καὶ δυστυχὴς, ἔχουσά τε τὸ ὑποτεταγμένον ὀλίγον καὶ τὸ ἐκ τούτου προσαγόμενον ὀλιγόποσον· ὁ ἱερὸς αὐτῆς κλῆρος, εἰς ἑκατὸν ἀριθμούμενος, οὐδὲ εἰς δέκα κατήντησε, καὶ ἂν καὶ οὗτοι ἐξέλιπον, εἰ μὴ ὁ σήμερον αὐτῆς προστατῶν φιλοτιμούμενος ἐν ἱεροῖς ἐνεργήμασι τόν τε κλῆρον ἐπηύξησε καὶ διαρίοις ἐκκλησιαστικοῖς φιλοτιμοτέροις τῶν πάλαι τούτους τοὺς κληρικοὺς καὶ δεξιοῦται καὶ πρὸς ὑμνῳδιάν ἐντεῦθεν τοῦ Θεοῦ διανίστησι. Τὸ μεῖζον ταύτης τῆς ἐκκλησίας καὶ περιστατικὸν καὶ ἐπώδυνον ἡ σήμερον ἐπικρατοῦσα σύγχυσις τοῦ καιροῦ καὶ τῆς ἐντεῦθεν ἀνάγκης, εἰς δημοσιακὰς ἐπηρείας ταύτης συνελκυσμὸς, ἥτις καὶ τὴν βασιλείαν μου εἵλκησε πλωΐμους ἐπιθεῖναι αὐτῇ διὰ τὴν προκειμένην ναυτικὴν ἐκστρατείαν. Ἀλλὰ δυσωπηθεῖσα τὸ δίκαιον καὶ ἐπελθοῦσα τὰ προσόντα τῇ μητροπόλει ταύτῃ διάφορα δικαιώματα, τὰ παντὸς δημοσιακοῦ καὶ τέλους καὶ βάρους καὶ λειτουργήματος ἐλευθεροῦντα ταύτην τὴν ἐκκλησίαν καὶ αὐτῆς ἐν μέρει τῆς ἐξοπλίσεως τῶν πλωΐμων, συγκαταδέχεται μὲν τῷ προπάππῳ || F. 67 v. ἐκείνῳ τῆς βασιλείας μου τῷ Κομνηνῷ κῦρ Ἀλεξίῳ τὴν πρὸς τὸν δημόσιον ἀπόλυσιν τῶν κτημάτων αὐτῆς ὑπὲρ ἐλευθερίας καὶ ἀτελείας καὶ πάσης ἄλλης ἀπαλλαγῆς δημοσιακῶν ζητήσεων, συνεισφέρει δὲ τῇ μητροπόλει ταύτῃ καὶ δι' αὐτῆς τῇ τιμωμένῃ ἐν ταύτῃ πανυμνήτῳ τοῦ Κυρίου μητρὶ, δι' ἣν ἔχει πάντως πρὸς τὸ θεῖον εὐσέβειαν, τὸ ἐπικυρωτικὸν καὶ τὸ βεβαιωτικὸν τῶν προσόντων ταύτῃ διαφόρων δικαιωμάτων παλαιγενῶν, ὑστερογενῶν βασιλικῶν προσταγμάτων, διαθηκῶν, δωρεῶν, σιγιλλίων πρακτορικῶν, συνηθειῶν ἐγγράφων τε καὶ ἀγράφων, καὶ παντὸς ἑτέρου μερικοῦ καὶ καθολικοῦ δικαιοδοτήματος, ἕως ἄρτι προσόντος τῇ μητροπόλει, καὶ διορίζεται τὸ κῦρος ἔχειν αὐτὰ καὶ τὸ βέβαιον καὶ τὸ ἀσφαλὲς, ὡς εἰ καὶ παρὰ τῆς βασιλείας μου ἄρτι πρώτως ἐγένοντο, καὶ προστάσσει ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς μήτε εἰς πλωΐμων δόσιν ἕλκεσθαι τὴν ἁγιωτάτην ταύτην μητρόπολιν μήτε εἰς σιταρκισμὸν κάστρου τινὸς μήτε δόσιν οἰκομοδίων ἢ χοιροδεκατίαν ἢ ἀπαίτησιν νομισμάτων, ἐν τῇ χώρᾳ κατὰ κέλευσιν τῆς βασιλείας μου γινομένην, ἢ εἰς ἄλλην τινὰ ἐπήρειαν καὶ ζημίαν καὶ ἀγγαρείαν καὶ συζήτησιν δημοσιακὴν, ὁποίῳ ἂν καὶ καλεῖτο αὕτη ὀνόματι, νῦν τε οὖσα καὶ ἐπινοηθησομένη ἐσύστερον. Εἰ δέ ποτε ἡ βασιλεία μου τυχὸν διορίσεται ἀπαίτησίν τινα

γενέσθαι καὶ ἐν τοῖς τῆς μητροπόλεως κτήμασιν ἢ γενήματος δόσιν ἢ πλωΐμων ἐξέλασιν ἢ ἕτερον ὁποιονδήτι ζήτημα ἐπιζήμιον, ὡς κατὰ λήθην ἐκτεθειμένη λογισθῆναι ὀφείλει ἡ τοιαύτη τῆς βασιλείας μου πρόσταξις, κἂν καὶ ῥητῶς ἐγκείμενον ἔχῃ τὸ «καὶ αὐτὰ τὰ χρυσόβουλλα τῆς βασιλείας μου ἀπρακτεῖν ἐπὶ τῇ συζητήσει ἐκείνῃ»· ὅσον δὲ ἐπὶ τῷ παρόντι χρυσοβούλλῳ λόγῳ αὐτῆς ἐκείνη μᾶλλον ἀπρακτήσει καὶ τὸ ἀνίσχυρον ἕξει ἡ καταψηφιζομένη ἀνισχυρότητα τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου λόγου τῆς βασιλείας μου. Καὶ ταῦτα μὲν ἐπὶ τοῖς ἔξω τῆς χειρὸς τοῦ πανευτυχεστάτου δεσπότου καὶ περιποθήτου αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου κῦρ Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα διακειμένοις τῆς μητροπόλεως κτήμασι καὶ τηρηθήσεται καὶ γενήσεται. Ἵνα δὲ μὴ τὸ τῆς βασιλείας μου ἐπὶ τῇ μητροπόλει φιλότιμον τὴν ἐκ μέρους ἔχῃ τοῦ ἐπ' αὐτῇ φιλοτίμου παρακοπὴν καὶ παραίρεσιν, προστάσσει καὶ διορίζεται μηδὲ ἐν τοῖς κατὰ Ναύπακτον δικαίοις αὐτῆς ὑφίστασθαί τι κακωτικὸν καὶ ἐπιζήμιον παρὰ τοῦ ἐκεῖσε αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου, ἀλλ' ὡς ἡ βασιλεία μου ἐξήπλωσε τὸ ταύτης φιλότιμον ἐπὶ τοῖς ἐκτὸς τῆς Ναυπάκτου καὶ ἐν διαφόροις κατατομαῖς θεωρουμένοις τῆς μητροπόλεως κτήμασι, τὴν αὐτὴν φιλοτιμίαν καὶ ἐπὶ τοῖς ὑπ' αὐτὴν καὶ διαχέει καὶ ἐφαπλοῖ, καὶ προστάσσει κατὰ τὴν δοθεῖσαν αὐτῇ βασιλικὴν ἐξουσίαν ἀπὸ Θεοῦ μηδὲ τοὺς ἐν τῇ περιχώρῳ τῆς Ναυπάκτου παροίκους αὐτῆς ἢ ἀγγαρείαν ἢ ζημίαν ἢ ὁποιονδήτινα ἑλκυσμὸν παρὰ τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου ὑπομένειν, μὴ τοὺς κληρικούς, μὴ τὰ ὑποζύγια τούτων, μὴ τοὺς ἐνοίκους, μὴ τὰ βοσκήματα τούτων, μηδὲ εἰς πλωϊμολογίαν ἕλκεσθαι τοὺς ἁλιεῖς αὐτῆς καὶ τοὺς ἑτέρως αὐτῇ διαφέροντας, μηδὲ τῆς εἰς θάλασσαν τῶν ἰχθύων ἄγρας κωλύειν αὐτούς, μὴ τοὺς ὑπὸ τὴν μητρόπολιν χειροτέχνας τῶν ὑφασμάτων, μὴ τοὺς σκυτεῖς, μὴ τοὺς ῥάπτας, μὴ τοὺς ἀτέχνους ἐνοίκους παρὰ τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου ἀγγαρεύεσθαι ἢ μερικῶς ἢ καθόλου, καθόλου κακοῦσθαι παρ' αὐτοῦ καὶ ἕλκεσθαι ἡ βασιλεία μου διορίζεται. Ἀλλ' ὥσπερ αὐτῆς τε ὁ τῆς βασιλείας μου αὐτάδελφος περιπόθητος καὶ οἱ ὑπ' αὐτὸν τεταγμένοι τὰ μακρὰν οὐχ ὁρῶσιν οὐδὲ τὰ πόρρω τῆς Ναυπάκτου διακείμενα βλέπουσιν· οὕτως οὐδὲ τοῖς ἐν αὐτῇ τῆς μητροπόλεως ἅπασιν εἰς ἀγγαρείαν, εἰς ζημίαν, εἰς ἑλκυσμόν, εἰς ἀναισχυντίαν, εἰς κάκωσιν συνόλως ἐπεντρανήσουσιν· ἀλλ' ὡς μακρὰν καὶ ταῦτα καὶ ὄντα καὶ διακείμενα οὐδέποτε οὑμενοῦν ὑπὸ τοῦ μέρους τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου λιχνευθήσεται. ἃ γὰρ καὶ οἱ πρὸ τοῦ βασιλεῖς καὶ ὁ μακρὸς διετήρησε χρόνος ἀζημίωτά τε καὶ ἀναγγάρευτα καὶ τῆς τοῦ δημοσίου χειρὸς τὸ καθόλου διέστησε, ταῦτα κἂν καὶ ὦσιν ἐγγύς, ἀλλὰ διὰ τὸ ἐκ τοῦ δημοσίου ἐλεύθερον ἰσοτυποῦσι καὶ τοῖς μακρὰν καὶ τοῖς πόρρωθεν.

Καὶ ταῦτα ἡ βασιλεία μου διορίζεται, οὐ παρακόπτουσά τι τῶν ἀνηκόντων δικαίων τῷ αὐταδέλφῳ αὐτῆς οὐδὲ ζημιοῦσα τοῦτον εἰς ὁτιοῦν, ἀλλὰ τὸ εὐσεβὲς φυλάττουσα εἰς Θεόν, τὸ ὑποπεπτωκὸς καὶ τὸ ταπεινὸν εἰς τὴν ἀγνῶς τεκοῦσαν αὐτόν, καὶ τὴν τοῦ αὐταδέλφου ταύτης ψυχὴν θεϊκῆς καὶ ἀνθρωπίνης ἐλευθεροῦσα τῆς κατακρίσεως καὶ βοηθεῖ τῷ ἀδελφῷ ἀρίστην ταύτην βοήθειαν, τὴν ἀποχὴν δηλονότι τῶν τῆς ἐκκλησίας δικαίων καὶ τὴν ἐλευθερίαν τοῦ ἐντεῦθεν χριματισμοῦ, ὡς αὐτὸς μὲν ταῦτα καὶ βοηθούμενος καὶ φυλάσσων, ὡς πόλις ὀχυρὰ λογισθήσεται, αὐτὸς δὲ πάλιν ἀντιβοηθῶν τῇ βασιλείᾳ μου ἐξ ὑπακοῆς, ἐκ τῆς φυλακῆς τῶν προσταγμάτων αὐτῆς, ἀνταποδείξει ταύτην τεθεμελιωμένον βασίλειον[1]). Καὶ προσέσται τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει Ναυπάκτῳ εἰς διη(νεκῆ) τὴν ἀσφάλειαν τὸ παρὸν τῆς βασιλείας μου χρυσόβουλλον, ἐν ᾧ καὶ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημήνατο [κράτος]. Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδικτιῶνος α' ἔτους ‚ςβλς'.

Ἡ ὑπογραφὴ διὰ κινναβάρεως· Θεόδωρος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Δούκας.

1) Prov. 18, 19.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О Тайной Исторіи Прокопія.

(Продолженіе) [1].

Извѣстія Тайной Исторіи о внутренней и внѣшней политикѣ Юстиніана [2]) сводятся къ тремъ главнымъ группамъ: στάσεις партій цирка, στάσεις, вызванныя церковной политикой правительства, и φθόρος ἀνθρώπων, результатъ внѣшней политики Юстиніана. Все это подводится авторомъ Тайной Исторіи подъ одну категорію: φόνος, и объясняется изъ личной жестокости (ἀπανθρωπία) Юстиніана. Таково, въ схематическомъ видѣ, общее представленіе Прокопія о внѣшней и внутренней политикѣ современнаго ему правительства.

Прежде всего обратимся къ цѣнной группѣ извѣстій объ отношеніи Юстиніана, Θеодоры и ихъ правительства къ высшимъ классамъ общества, въ частности къ сенаторскому сословію. Эта область фактовъ представляется важной не только для исторіи VI вѣка. Отношенія Юстиніана къ βουλὴ σύγκλητος навѣрное составили бы одну изъ важнѣйшихъ страницъ въ исторіи этого сословія въ Восточной имперіи, будь они лучше изучены. Приходитъ на мысль, что борьба Юстиніана съ аристократіей, опиравшейся прежде всего на землевладѣніе, имѣетъ важность, выходящую за предѣлы мѣстной исторіи эпохи, объясняя многое въ позднѣйшихъ судьбахъ Византійской имперіи. Къ сожалѣнію, повторяемъ, эти отношенія достаточно не изучены [3]). Въ этомъ виновата недостаточность источниковъ. Хроники даютъ скудныя и отрывочныя извѣстія, притомъ

---

1) См. Визант. Врем. II, стр. 24 сл., 340 сл.; III, стр. 96 сл.

2) An. p. 106—112. 45—46. 53—54. 57—58. 70 sqq.

3) Ellissen. Der Senat im oströmischen Reich. Göttingen. 1883. Lécrivain. Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. Paris, 1888. См. стр. 217 и далѣе.

обыкновенно съ ложной окраской фактовъ, Тайная Исторія была въ подозрѣніи. Для оцѣнки или объясненія ея извѣстій изложимъ нашъ недостаточный матеріалъ.

Во-первыхъ, слѣдуетъ искать слѣды политической борьбы съ аристократіей въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ[1]). Мы видѣли выше, что процессу Амантія былъ приданъ именно такой характеръ. Тайная Исторія содержитъ еще одно подобное указаніе[2]): личные враги Θеодоры, Прасины изъ сословія сенаторовъ были судимы за ἀρρενοφθορία. Не слѣдуетъ ли также видѣть въ «великихъ гоненіяхъ», направленныхъ противъ «Эллиновъ», явленія съ той же политической подкладкой, обращая вниманіе на имена осужденныхъ лицъ[3])?

Во-вторыхъ, политическій характеръ былъ приданъ самимъ правительствомъ борьбѣ казеннаго и частнаго землевладѣнія, происходившей подъ формой процессовъ изъ-за tituli или σανίδες, о чемъ въ слѣдующей главѣ. Далѣе, въ царствованіе Юстиніана были часты процессы laesae majestatis. Таково было дѣло родственника Анастасія, Проба, давшее Малалѣ поводъ прославлять милосердіе Юстиніана[4]). Чаще были процессы по поводу оскорбленія Θеодоры, какъ напр. дѣло comes excubiorum Приска[5]). Изъ числа заговоровъ на жизнь Юстиніана, о которыхъ дошли извѣстія, заговоръ Артабана 548 г. родился въ средѣ высшей аристократіи[6]). Вѣроятно, это дѣло дало «Постройкамъ» поводъ прославить милосердіе Юстиніана къ его личнымъ врагамъ[7]). Іоаннъ Каппадокъ погибъ за вражду къ Θеодорѣ; предлогъ его смѣщенія былъ найденъ въ разстройствѣ дѣлъ, но его обвиняли въ умыслѣ противъ Юстиніана[8]).

Велисарій постоянно подозрѣвался въ умыслахъ противъ Юстиніана. Послѣ опалы 542 г. всѣ ожидали, что онъ отомститъ своимъ «обидчикамъ»[9]). Его богатство тяготило Юстиніана и при случаѣ было

1) Ср. An. 113_{20}—114.
2) An. p. 94—100.
3) Malal. 449. Theoph. a. a. 6022.
4) Mal. p. 438. Ср. An. 114_3 ἢ ἐς τοῦτον ὑβρίζειν (ἐπαναστάντων).
5) Hermes VI S. 376: ὡς ὑβρίσαντά τε καὶ λοιδορήσαντα τὴν βασίλισσαν Θεοδώραν.
6) Goth. 409.
7) Aedif. 171_{20}, 172_{16}.
8) Ср. Hermes VI 377: ὡς τῷ ἐπιβουλεῦσαι τῷ βασιλεῖ Ἰουστινιανῷ и разсказъ Persica.
9) An. p. 35_{14}: καί τι γεννικὸν καὶ—ἐνδεῖν τρέπον ἐπὶ τῇ γυναικὶ καὶ τοῖς βιασαμένοις φρονῆσαι.

конфисковано[1]), его громадная свита (οἰκία) была распущена[2]). Правительство неоднократно и настойчиво запрещало частнымъ лицамъ окружать себя дорифорами[3]). Наконецъ само существованіе подобнаго памфлета, или мемуара съ характеромъ памфлета, какъ Тайная Исторія, извѣстія о тиранніи, о шпіонахъ, объ ужасѣ передъ Θеодорой, исходящія отъ современника, тоже, конечно, равноправный историческій фактъ, указывающій на существованіе въ то время враждебныхъ отношеній высшихъ классовъ общества къ правительству. Можно сказать, что доказательства современности Тайной Исторіи эпохѣ Юстиніана на половину подтверждаютъ ея обвиненія.

Источники указываютъ на связь борьбы такъ называемыхъ партій цирка съ оппозиціей сенаторскаго класса. Передъ мятежемъ «Ника» правительство должно было устранить «корыстолюбивыхъ» министровъ и замѣнить ихъ лицами, по поводу которыхъ источники отмѣчаютъ ихъ родство[4]). Побѣда Юстиніана была большимъ пораженіемъ сенаторской партіи и сопровождалось для большинства конфискаціями, ссылкой или добровольнымъ бѣгствомъ и «φόβος βασιλικὸς πολύς»[5]). Тайная Исторія упоминаетъ объ этомъ фактѣ, какъ объ удобномъ случаѣ общей конфискаціей присвоить всѣ имущества сенаторскаго сословія: до того приходилось отбирать имущество у отдѣльныхъ лицъ, какъ мнимое наслѣдство или даръ, и какъ штрафъ по ложному обвиненію[6]). Въ этихъ случаяхъ Прокопій разумѣетъ факты, которые получаютъ другое объясненіе и поэтому должны изучаться въ иной связи. Но общее представленіе Прокопія о системѣ правительства, направленной къ раззоренію всѣхъ достаточныхъ классовъ общества и, въ частности, сенаторскаго сословія, имѣетъ политическое значеніе, имѣетъ важность для политической исторіи эпохи, указывая на отношеніе къ правительству Юстиніана высшихъ круговъ общества. Проко-

---

1) An. 34_{10}.

2) An. 31_{12}. Cp. Goth. III p. 280—283.

3) Zach. N. J. XXI ιζ′, XLIV ζ′ § 1 extr. Cp. p. 268. CXXXVIII.

Cp. Lécrivain. Etudes sur le Bas-Empire. Mélanges d'archéol. d'Ecole de Rome, t. X, p. 267 s.

4) Chr. Pasch. p. 621. Pers. 123. О Фокѣ Lydus de mag. III c. 72 sqq. Онъ пострадалъ впослѣдствіи при гоненіи на язычниковъ: Malal. 449. См. выше.

5) Pers. 129. Zon. XIV c. 6, p. 273 Dind. — Chronicon Paschale, p. 628: τὰ δὲ διαφέροντα αὐτοῖς πάντα ἐδημεύθη· καὶ οἱ λοιποὶ πατρίκιοι οἱ ἅμα αὐτοῖς εὑρεθέντες ἔφυγον, οἱ μὲν εἰς μοναστήρια, οἱ δὲ εἰς εὐκτηρίους οἴκους, καὶ ἐσφραγίσθησαν οἱ οἶκοι αὐτῶν. φανεροὶ δὲ καὶ ἐδημεύθησαν καὶ ἐξωρίσθησαν. καὶ γέγονε φόβος βασιλικὸς πολύς.

6) An. 79. Cf. 114 (Cp. съ Pers. 129 An. 113—114. 77 sqq. 58. 112. Cf. 82).

пій случайно обронилъ извѣстіе, что въ то время зарывали сокровища въ землю, «чтобы они не сдѣлались извѣстными императору» [1]). Алеманнъ привелъ сходный анекдотъ о патриціѣ Юліанѣ, которая съ этой цѣлью тратила свое богатство на постройку церквей [2]).

Извѣстія Тайной Исторіи, имѣющія своимъ предметомъ политическую борьбу такъ называемыхъ партій цирка Прасиновъ и Венетовъ, касаются фактовъ, болѣе, чѣмъ другіе современные, обращавшихъ на себя вниманіе, благодаря ихъ драматическому интересу. Статьи Фридлендера, Вилькена, Рамбо, Успенскаго, Адольфа Шмидта и Каллигаса [3]) представили эти факты въ болѣе или менѣе искусномъ изложеніи. Извѣстія Тайной Исторіи не раскрываютъ ни внутренняго устройства партій [4]), какъ книга De caerimoniis, не перечисляютъ отдѣльные мятежи, какъ лѣтописи, и не касаются главнаго факта изъ этой области—мятежа 532 г. Авторъ считаетъ, повидимому, достаточнымъ разсказъ «Персидскихъ Войнъ» [5]), исправляя только извѣстіе о конфискаціяхъ [6]), приведенное выше. Давая много интересныхъ бытовыхъ подробностей [7]), сохранивъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ [8]), Тайная Исторія съ преувеличеніемъ говоритъ о размѣрахъ бѣдствія [9]). Посвященная стасіотамъ глава также носитъ слѣды знакомства съ Θукидидомъ, какъ и описаніе болѣзни 542 г. въ Persica [10]). Что касается отдѣльныхъ фактовъ, сообщенныхъ Тайной Исторіей, то судьба pr. Urbi Θеодора ὁ Κολοκύνθιος [11]) и Каллиника [12]) извѣстна изъ Малалы и Евагрія, которые подтверждаютъ и дополняютъ неясныя извѣстія Тайной Исторіи.

1) An. p. 15, ὡς μὴ ἐς βασιλέα ἔκπυστα γένηται.

2) Gregor. Turon. De gloria martyrum c. 103. О Юліанѣ см. Montfaucon, Palaeographia Graeca. 208 sqq. (Lambecius, Bibliotheca Caesarea Vindobonensis, l. II c. 6).

3) Adolf. Schmidt. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian I. Zürich, 1854.

Καλλιγᾶς, Μελέται καὶ λόγοι, 1882, σ. 320—358: περὶ τῆς στάσεως τοῦ Νίκα.

Wilken: Raumers Historisches Taschenbuch, I.

Friedländer. Die Circusparteien in Rom in der Kaiserzeit. Jahns Jahrb. 1870, 745—750.

Rambaud. De Byzantino Hippodromo et circensibus factionibus. Paris 1870.

Успенскій. Партіи цирка и димы въ Константинополѣ. Виз. Врем., т. I, стр. 1—16.

4) Ср. перечень An. 59.

5) См. Виз. Врем. т. II, стр. 36, прим. 5.

6) An. p. 79. Pers. I, p. 129.

7) An. p. 47 sqq. 59.

8) An. p. 64—65. 99—100. 71, 146. 32.

9) An. p. 110.

10) An. p. 57—58. Ср. Evagr. IV c. 32.

11) An. p. 64—65. Ср. Mal. p. 414.

12) An. p. 101. Ср. Evagr. IV c. 32.

δέ σε φαντάζομαι, καὶ πνεῦμα συλλέγω καὶ μετὰ τῶν ζώντων εἰμὶ καὶ τάχα παρέοικα τοῖς ἐν ὀνείρῳ πλουτοῦσι καὶ τοῖς δραττομένοις σκιᾶς. Γένοιτο δέ μοι διὰ βραχέος αὖθις προσκυνῆσαι τῷ βασιλεῖ μου καὶ τῶν ὀνείρων ἀπαλλαγῆναι καὶ τῶν φαντασμάτων ἀπολυθῆναι· ὅπου γὰρ ἥλιος, οὐ συνίσταται νέφος, καὶ ἔνθα συνουσία ἐμπράγματος, σκιαὶ καὶ ὄνειροι διαλύονται. Γένοιντό μοι ταῦτα τὰ εὐτυχήματα, πολυχρονούσης τῆς βασιλείας σου.

29.

Χρυσόβουλλον.

F. 67 r. Τὰ καλά, εἰ μὲν εἰς Θεὸν ἀφορῶσι καὶ περιποίησιν τῶν ἱερῶν ἐκκλησιαστηρίων αὐτοῦ, εὐσεβοῦς ἐστι βασιλέως ἡ τούτων φυλακὴ[1]) καὶ συντήρησις· εἰ δὲ ἰδιωτικά εἰσι τὰ καλά, ἡ ἐπ᾽ αὐτοῖς προνοητικὴ ἐπιθήκη φιλοδώρου βασιλέως ἔργον καὶ φιλοτίμου. Φιλοτιμία δὲ καὶ φιλοδωρία βασιλικὴ οὐκ ἄν ποτε καὶ εἰς τὴν τῶν ἰδιωτικῶν συντήρησιν καταβαίη, εἰ μὴ τὴν εὐσέβειαν ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ἔχει πλουσίαν ἐν τῇ ψυχῇ καὶ θέμεθλον στερρὸν ὡσανεὶ τῆς φιλοδώρου γνώμης καὶ τῆς φιλοτίμου χειρός· εἰ μὴ γὰρ εὐσεβήσει, οὐκ ἐλεήσει, οὐδὲ φιλοτιμήσεται πάντως, εἰ μὴ ἄρα πρότερον ἐλεήσει· καὶ συνάγεται τοῦ λοιποῦ τὴν εἰς Θεὸν εὐσέβειαν εἶναι φιλοδωρίας καὶ φιλοτιμίας μητέρα. Ἡ γοῦν ἐκ Θεοῦ βασιλεία μου, εἴ γε καὶ δέοι ταύτην καυχήσασθαι, εὐσεβοῦσα τὰ εἰς Θεόν, πολλοῖς ἐκκλησιαστηρίοις αὐτοῦ ἐπεφιλοτιμήσατο τὰ ὠφέλιμα· αὐτὰ ταῦτα ἐπιβραβεύει διὰ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου λόγου αὐτῆς καὶ τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει Ναυπάκτου. Κατέμαθε γὰρ αὐτὴν ἐκ τῶν προσόντων ταύτῃ δικαιωμάτων, πολυ[κ]τήμονα μὲν τὸ πάλαι καὶ πολυπρόσοδον οὖσαν, εἶτα γενομένην ὀλιγοκτήμονά τε καὶ βραχυπρόσοδον ἐκ τοῦ τὸν ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ ἀοιδίμου προπάππου τῆς βασιλείας μου κῦρ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ ἐν Ναυπάκτῳ ἱερατεύσαντα προσελθεῖν ἐκείνῳ τῷ τότε καὶ πολλὰ τῶν τῆς ἐκκλησίας ταύτης κτημάτων ἐπικληρῶσαι τῷ δημοσίῳ εἰς ἱκάνωσιν ὧν εἶχε τελῶν καὶ βαρῶν ἡ εἰρημένη μητρόπολις, ἑαυτῷ δὲ περιποιήσασθαι τὴν ἐκ τούτων ἀπαλλαγὴν καὶ τὴν ἐκ τῆς τῶν δημοσιακῶν συζητήσεων ὀχληρίας ἐλευθερίαν καὶ ἄνεσιν καὶ τὰ ὀλίγα μετὰ ἀνέσεως τῶν μετὰ κακωτικῆς τῆς περιφορᾶς καὶ τῆς ἐντεῦθεν ὀδυνηρᾶς ζωῆς προτιμήσασθαι. Ἀλλ᾽ ὑπορρέων ὁ χρόνος καὶ καταβαίνων εἰς τὰ φαυλότερα τὴν μὲν Ναύπακτον πειρατικῆς χειρὸς ἐποίησεν ἔργον καὶ τὰς ἐκεῖσε τῆς ἐκκλη-

1) Cod. φυσική.

σίας συνεισφορὰς συνεξώρισέ τε καὶ συνωλίγωσε τὰ κατὰ τόπους ἑτέρους ταύτης κτησείδια. Ἀλλὰ καὶ ταῦτα ἡ πολυποίκιλος περιφορὰ τοῦ καιροῦ ἐκ πολυανθρωπίας καὶ τῆς ἐγγεγραμμένης τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς δικαιώμασι παροικικῆς ποσότητος εἰς ὀλιγανθρωπίαν καὶ στενὸν τὸ ποσὸν σὺν ταῖς ἐκ τούτων συνεισφοραῖς συνέστειλέ τε καὶ περιέκλεισε, καὶ γέγονεν ἐκ τούτων τῶν περιστάσεων ἡ πρῴην εὐδαίμων αὕτη μητρόπολις δυσδαίμων ἅμα καὶ δυστυχής, ἔχουσά τε τὸ ὑποτεταγμένον ὀλίγον καὶ τὸ ἐκ τούτου προσαγόμενον ὀλιγόποσον· ὁ ἱερὸς αὐτῆς κλῆρος, εἰς ἑκατὸν ἀριθμούμενος, οὐδὲ εἰς δέκα κατήντησε, καὶ ἂν καὶ οὗτοι ἐξέλιπον, εἰ μὴ ὁ σήμερον αὐτῆς προστατῶν φιλοτιμούμενος ἐν ἱεροῖς ἐνεργήμασι τόν τε κλῆρον ἐπηύξησε καὶ διαρίοις ἐκκλησιαστικοῖς φιλοτιμοτέροις τῶν πάλαι τούτους τοὺς κληρικοὺς καὶ δεξιοῦται καὶ πρὸς ὑμνῳδιάν ἐντεῦθεν τοῦ Θεοῦ διανίστησι. Τὸ μεῖζον ταύτης τῆς ἐκκλησίας καὶ περιστατικὸν καὶ ἐπώδυνον ἡ σήμερον ἐπικρατοῦσα σύγχυσις τοῦ καιροῦ καὶ τῆς ἐντεῦθεν ἀνάγκης, εἰς δημοσιακὰς ἐπηρείας ταύτης συνελκυσμός, ἥτις καὶ τὴν βασιλείαν μου εἵλκησε πλωΐμους ἐπιθεῖναι αὐτῇ διὰ τὴν προκειμένην ναυτικὴν ἐκστρατείαν. Ἀλλὰ δυσωπηθεῖσα τὸ δίκαιον καὶ ἐπελθοῦσα τὰ προσόντα τῇ μητροπόλει ταύτῃ διάφορα δικαιώματα, τὰ παντὸς δημοσιακοῦ καὶ τέλους καὶ βάρους καὶ λειτουργήματος ἐλευθεροῦντα ταύτην τὴν ἐκκλησίαν καὶ αὐτῆς ἐν μέρει τῆς ἐξοπλίσεως τῶν πλωΐμων, συγκαταδέχεται μὲν τῷ προπάππῳ || ἐκείνῳ τῆς βασιλείας μου τῷ Κομνηνῷ κῦρ Ἀλεξίῳ τὴν F. 67 v. πρὸς τὸν δημόσιον ἀπόλυσιν τῶν κτημάτων αὐτῆς ὑπὲρ ἐλευθερίας καὶ ἀτελείας καὶ πάσης ἄλλης ἀπαλλαγῆς δημοσιακῶν ζητήσεων, συνεισφέρει δὲ τῇ μητροπόλει ταύτῃ καὶ δι' αὐτῆς τῇ τιμωμένῃ ἐν ταύτῃ πανυμνήτῳ τοῦ Κυρίου μητρί, δι' ἣν ἔχει πάντως πρὸς τὸ θεῖον εὐσέβειαν, τὸ ἐπικυρωτικὸν καὶ τὸ βεβαιωτικὸν τῶν προσόντων ταύτῃ διαφόρων δικαιωμάτων παλαιγενῶν, ὑστερογενῶν βασιλικῶν προσταγμάτων, διαθηκῶν, δωρεῶν, σιγιλλίων πρακτορικῶν, συνηθειῶν ἐγγράφων τε καὶ ἀγράφων, καὶ παντὸς ἑτέρου μερικοῦ καὶ καθολικοῦ δικαιοδοτήματος, ἕως ἄρτι προσόντος τῇ μητροπόλει, καὶ διορίζεται τὸ κῦρος ἔχειν αὐτὰ καὶ τὸ βέβαιον καὶ τὸ ἀσφαλές, ὡς εἰ καὶ παρὰ τῆς βασιλείας μου ἄρτι πρώτως ἐγένοντο, καὶ προστάσσει ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς μήτε εἰς πλωΐμων δόσιν ἕλκεσθαι τὴν ἁγιωτάτην ταύτην μητρόπολιν μήτε εἰς σιταρκισμὸν κάστρου τινὸς μήτε δόσιν οἰκομοδίων ἢ χοιροδεκατίαν ἢ ἀπαίτησιν νομισμάτων, ἐν τῇ χώρᾳ κατὰ κέλευσιν τῆς βασιλείας μου γινομένην, ἢ εἰς ἄλλην τινὰ ἐπήρειαν καὶ ζημίαν καὶ ἀγγαρείαν καὶ συζήτησιν δημοσιακήν, ὁποίῳ ἂν καὶ καλεῖτο αὕτη ὀνόματι, νῦν τε οὖσα καὶ ἐπινοηθησομένη ἐσύστερον. Εἰ δέ ποτε ἡ βασιλεία μου τυχὸν διορίσεται ἀπαίτησίν τινα

γενέσθαι καὶ ἐν τοῖς τῆς μητροπόλεως κτήμασιν ἢ γενήματος δόσιν ἢ πλωΐμων ἐξέλασιν ἢ ἕτερον ὁποιονδήτι ζήτημα ἐπιζήμιον, ὡς κατὰ λήθην ἐκτεθειμένη λογισθῆναι ὀφείλει ἡ τοιαύτη τῆς βασιλείας μου πρόσταξις, κἂν καὶ ῥητῶς ἐγκείμενον ἔχῃ τὸ «καὶ αὐτὰ τὰ χρυσόβουλλα τῆς βασιλείας μου ἀπρακτεῖν ἐπὶ τῇ συζητήσει ἐκείνῃ»· ὅσον δὲ ἐπὶ τῷ παρόντι χρυσοβούλλῳ λόγῳ αὐτῆς ἐκείνη μᾶλλον ἀπρακτήσει καὶ τὸ ἀνίσχυρον ἕξει ἡ καταψηφιζομένη ἀνισχυρότητα τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου λόγου τῆς βασιλείας μου. Καὶ ταῦτα μὲν ἐπὶ τοῖς ἔξω τῆς χειρὸς τοῦ πανευτυχεστάτου δεσπότου καὶ περιποθήτου αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου κῦρ Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα διακειμένοις τῆς μητροπόλεως κτήμασι καὶ τηρηθήσεται καὶ γενήσεται. Ἵνα δὲ μὴ τὸ τῆς βασιλείας μου ἐπὶ τῇ μητροπόλει φιλότιμον τὴν ἐκ μέρους ἔχῃ τοῦ ἐπ' αὐτῇ φιλοτίμου παρακοπὴν καὶ παραίρεσιν, προστάσσει καὶ διορίζεται μηδὲ ἐν τοῖς κατὰ Ναύπακτον δικαίοις αὐτῆς ὑφίστασθαί τι κακωτικὸν καὶ ἐπιζήμιον παρὰ τοῦ ἐκεῖσε αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου, ἀλλ' ὡς ἡ βασιλεία μου ἐξήπλωσε τὸ ταύτης φιλότιμον ἐπὶ τοῖς ἐκτὸς τῆς Ναυπάκτου καὶ ἐν διαφόροις κατατομαῖς θεωρουμένοις τῆς μητροπόλεως κτήμασι, τὴν αὐτὴν φιλοτιμίαν καὶ ἐπὶ τοῖς ὑπ' αὐτὴν καὶ διαχέει καὶ ἐφαπλοῖ, καὶ προστάσσει κατὰ τὴν δοθεῖσαν αὐτῇ βασιλικὴν ἐξουσίαν ἀπὸ Θεοῦ μηδὲ τοὺς ἐν τῇ περιχώρῳ τῆς Ναυπάκτου παροίκους αὐτῆς ἢ ἀγγαρείαν ἢ ζημίαν ἢ ὁποιονδήτινα ἑλκυσμὸν παρὰ τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου ὑπομένειν, μὴ τοὺς κληρικούς, μὴ τὰ ὑποζύγια τούτων, μὴ τοὺς ἐνοίκους, μὴ τὰ βοσκήματα τούτων, μηδὲ εἰς πλωϊμολογίαν ἕλκεσθαι τοὺς ἁλιεῖς αὐτῆς καὶ τοὺς ἑτέρως αὐτῇ διαφέροντας, μηδὲ τῆς εἰς θάλασσαν τῶν ἰχθύων ἄγρας κωλύειν αὐτούς, μὴ τοὺς ὑπὸ τὴν μητρόπολιν χειροτέχνας τῶν ὑφασμάτων, μὴ τοὺς σκυτεῖς, μὴ τοὺς ῥάπτας, μὴ τοὺς ἀτέχνους ἐνοίκους παρὰ τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου ἀγγαρεύεσθαι ἢ μερικῶς ἢ καθόλου, καθόλου κακοῦσθαι παρ' αὐτοῦ καὶ ἕλκεσθαι ἡ βασιλεία μου διορίζεται. Ἀλλ' ὥσπερ αὐτῆς τε ὁ τῆς βασιλείας μου αὐτάδελφος περιπόθητος καὶ οἱ ὑπ' αὐτὸν τεταγμένοι τὰ μακρὰν οὐχ ὁρῶσιν οὐδὲ τὰ πόρρω τῆς Ναυπάκτου διακείμενα βλέπουσιν· οὕτως οὐδὲ τοῖς ἐν αὐτῇ τῆς μητροπόλεως ἅπασιν εἰς ἀγγαρείαν, εἰς ζημίαν, εἰς ἑλκυσμόν, εἰς ἀναισχυντίαν, εἰς κάκωσιν συνόλως ἐπεντρανήσουσιν· ἀλλ' ὡς μακρὰν καὶ ταῦτα καὶ ὄντα καὶ διακείμενα οὐδέποτε οὐμενοῦν ὑπὸ τοῦ μέρους τοῦ αὐταδέλφου τῆς βασιλείας μου λιχνευθήσεται. ἃ γὰρ καὶ οἱ πρὸ τοῦ βασιλεῖς καὶ ὁ μακρὸς διετήρησε χρόνος ἀζημιωτά τε καὶ ἀναγγάρευτα καὶ τῆς τοῦ δημοσίου χειρὸς τὸ καθόλου διέστησε, ταῦτα κἂν καὶ ὦσιν ἐγγύς, ἀλλὰ διὰ τὸ ἐκ τοῦ δημοσίου ἐλεύθερον ἰσοτυποῦσι καὶ τοῖς μακρὰν καὶ τοῖς πόρρωθεν.

Καὶ ταῦτα ἡ βασιλεία μου διορίζεται, οὐ παρακόπτουσά τι τῶν ἀνηκόντων δικαίων τῷ αὐταδέλφῳ αὐτῆς οὐδὲ ζημιοῦσα τοῦτον εἰς ὁτιοῦν, ἀλλὰ τὸ εὐσεβὲς φυλάττουσα εἰς Θεόν, τὸ ὑποπεπτωκὸς καὶ τὸ ταπεινὸν εἰς τὴν ἁγνῶς τεκοῦσαν αὐτόν, καὶ τὴν τοῦ αὐταδέλφου ταύτης ψυχὴν θεϊκῆς καὶ ἀνθρωπίνης ἐλευθεροῦσα τῆς κατακρίσεως καὶ βοηθεῖ τῷ ἀδελφῷ ἀρίστην ταύτην βοήθειαν, τὴν ἀποχὴν δηλονότι τῶν τῆς ἐκκλησίας δικαίων καὶ τὴν ἐλευθερίαν τοῦ ἐντεῦθεν χριματισμοῦ, ὡς αὐτὸς μὲν ταῦτα καὶ βοηθούμενος καὶ φυλάσσων, ὡς πόλις ὀχυρὰ λογισθήσεται, αὐτὸς δὲ πάλιν ἀντιβοηθῶν τῇ βασιλείᾳ μου ἐξ ὑπακοῆς, ἐκ τῆς φυλακῆς τῶν προσταγμάτων αὐτῆς, ἀνταποδείξει ταύτην τεθεμελιωμένον βασίλειον[1]). Καὶ προσέσται τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει Ναυπάκτῳ εἰς διη(νεκῆ) τὴν ἀσφάλειαν τὸ παρὸν τῆς βασιλείας μου χρυσόβουλλον, ἐν ᾧ καὶ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημήνατο [κράτος]. Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδικτιῶνος α' ἔτους ,ςβλς'.

Ἡ ὑπογραφὴ διὰ κινναβάρεως· Θεόδωρος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Δούκας.

1) Prov. 18, 19.

В. Васильевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

руководителемъ и иниціаторомъ вторичной ссылки Сильверія, дѣйствуя черезъ Ѳеодору и Велисарія. Свѣтская власть передала Сильверія, по словамъ Либерата, «defensoribus et servis» Вигилія, которые отвезли Сильверія на о. Пальмарію и тамъ уморили голодомъ. На словѣ *μίασμα* нельзя основывать доказательства противъ только что приведеннаго показанія Либерата. Другое крупное *σκάνδαλον* изъ области церковныхъ дѣлъ при Юстиніанѣ — исторія епископа Павла Александрійскаго, передается Тайной Исторіей съ большой подробностью[1]). Фактическая сторона этого эпизода подтверждается и дополняется въ первой своей половинѣ — исторіи Арсенія — житіемъ Саввы[2]), а далѣе — Либератомъ, привлеченными еще Алеманномъ. О двуличномъ поведеніи Юстиніана тѣ источники не говорятъ ни слова. Отсылая своего читателя въ вопросѣ о монофизитахъ къ послѣдующему изложенію, Прокопій все-таки не могъ не коснуться церковной политики правительства. Со своей общечеловѣческой точки зрѣнія онъ видитъ въ этой политикѣ причину кровопролитія и возмущеній[3]). По его словамъ, преслѣдованіе «Самаритовъ и другихъ еретиковъ» наполнило всю имперію сценами убійства[4]).

Значеніе этихъ страницъ Тайной Исторіи состоитъ не въ томъ, чтобы онѣ передавали новые факты (кромѣ, кажется, извѣстія о самосожженіяхъ Монтанъ во Фригіи). Кромѣ того, онѣ передаютъ факты преслѣдованія не точно. Извѣстіе Тайной Исторіи, что послѣ мятежа Палестинскихъ Самаритовъ разоренные землевладѣльцы должны были вносить ту же ежегодную подать, какъ и прежде, во всякомъ случаѣ исправляется данными житія св. Саввы[5]). Для примиренія Алеманнъ предлагаетъ понимать извѣстіе житія о прощеніи 13 кент. золота съ тѣмъ ограниченіемъ, что льгота касалась только земельныхъ имуществъ духовенства. Противъ этого говоритъ слово *ἑκάστῳ*, кромѣ общаго впечатлѣнія отъ всего контекста. Можно ука зать, что, по словамъ Прокопія, правительство не убавило постоянной

1) An. p. 150—152.

2) Vita s. Sabae p. 398, 408, 482 (изд. Помяловскаго).

3) An. p. 78_{18}, 399.

4) An. p. 75_2, 110 extr. Cp. Aed. V p. 326.

5) Cyr. Scyth. Vita s. Sabae p. 400: δεηθῆναι τοῦ βασιλέως συγχώρησιν φιλοτιμήσασθαι δημοσίων πρώτης καὶ δευτέρας Παλαιστίνης διὰ τοὺς γεγονότας ὑπὸ τῶν Σαμαρευτῶν φόνους τε καὶ ἀφανισμούς. p. 416: συγχωρῆσαι ἀπὸ τῶν δημοσίων (τῶν τῆς προτέρας καὶ δευτέρας Παλαιστίνης) ἐνάτης καὶ δεκάτης τῶν ἐπινεμήσεων ἀναλόγως τῇ γενομένῃ ἑκάστῳ βλάβῃ χρυσίου κεντηνάρια δεκατρία.

цифры податей[1]), а св. Савва выхлопоталъ единовременное прощеніе казенной недоимки за 9 и 10 индиктъ. Нѣкоторое недоумѣніе возбуждаютъ слова Тайной Исторіи, что до Юстиніана ни одинъ изъ прежнихъ императоровъ не трогалъ еретическихъ церквей и ихъ имуществъ. Провѣрить это возможно, объяснивъ, какія именно секты разумѣетъ Прокопій въ словахъ: такъ называемые еретики и особенно послѣдователи Арія[2]). Имени Аріанъ въ законахъ Юстиніана намъ не удалось встрѣтить. Упоминаются, во-первыхъ, Манихеи, которые были лишены гражданскихъ правъ еще Аркадіемъ и Феодосіемъ Младшимъ[3]). Они преслѣдовались съ особеннымъ ожесточеніемъ. Противъ Аріанъ и другихъ еретиковъ сначала были приняты предупредительныя мѣры (запрещеніе собраній и пр.). Въ 455 г. въ разгаръ волненій по поводу Халкидонскаго собора вышелъ указъ[4]), примѣнявшій къ Евтихіанамъ карательныя мѣры въ видѣ исключенія изъ государственной службы, лишенія особыхъ правъ и привилегій и наконецъ, конфискаціи ихъ церковныхъ имуществъ въ пользу православной церкви[5]). Эта мѣра была примѣнена Юстиніаномъ, тотчасъ по воцареніи, ко всѣмъ другимъ еретикамъ и прежде всего къ язычникамъ, Іудеямъ и Самаритянамъ[6]). Законъ 527 г. не говоритъ о конфискаціи имуществъ еретическихъ церквей, но, подтверждая прежніе законы о Манихеяхъ[7]), точно опредѣляетъ лишеніе всякихъ еретиковъ особыхъ правъ, т. е. примѣняетъ къ нимъ то же наказаніе, какое было установлено для Евтихіанъ указомъ 455 года. Нужно предполагать, что законъ 527 г. тѣмъ самымъ разрѣшалъ отобраніе церковныхъ имуществъ всѣхъ другихъ еретиковъ. Объ этомъ фактѣ, кромѣ Тайной Исторіи, упоминаетъ Малала[8]). Этимъ правительство не ограничилось. Скоро послѣдовалъ указъ, которымъ Самариты были лишены права завѣщанія и наслѣдства[9]). Слѣдующій указъ распространялъ эту кару на Монтановъ и близкія къ нимъ секты[10]).

1) An. 75_{24} φόρον τὸν ἐπέτειον ἀθρόον τινὰ ὄντα.

2) An. 74_{3}.

3) Cod. J. I 5 de haereticis et Manichaeis et Samaritis. ll. 4. 5. 11. 12. 15. 16.

4) Ibid. l. 8.

5) § 4: domus vel possessio in qua convenerint fisco sine dilatione societur, monasterium vero eius civitatis orthodoxae ecclesiae, in cuius territorio est, iubemus addici.

6) l. 12.

7) Ibid. § 4.

8) Mal. p. 426 Bonn. An. 74. Cp. Theoph. s. a. 6020.

9) Ibid. l. 17.

10) Ibid. l. 18.

Въ 530 году противъ нихъ были направлены спеціальныя распоряженія. Были запрещены ихъ общія вечери, въѣздъ въ столицу, входъ за черту церковной земли, «чтобы нечестивымъ не стали извѣстны таинства православной вѣры»[1]). Преслѣдовалась ихъ іерархія.

Этими указами были вызваны упоминаемые Тайной Исторіей[2]) случаи самосожиганія Монтановъ въ ихъ церквахъ. Посланные Юстиніана, по словамъ Прокопія, вынуждали провинціаловъ перемѣнять вѣру отцовъ. Можетъ быть, подъ этими посланными слѣдуетъ разумѣть миссіонеровъ вродѣ Іоанна Ефесскаго, который за 30 лѣтъ успѣлъ, по его словамъ, обратить въ христіанство 80000 язычниковъ и Іудеевъ, жившихъ въ провинціяхъ Лидіи, Фригіи, Каріи и Азіи[3]). Крестьяне (ἀγροῖκοι = rustici) оказывали открытое сопротивленіе, и вся имперія наполнилась сценами убійствъ и бѣгства изъ родины. Съ распространеніемъ закона на Самаритовъ, говоритъ Прокопій[4]), Палестину охватило волненіе. Болѣе богатые и умные, говоритъ Прокопій со своимъ обычнымъ индифферентизмомъ, предпочли отказаться отъ «неразумнаго догмата»[5]), но потомъ, оскорбленные насиліемъ, уклонились въ манихейство и язычество. Простой народъ поднялъ возстаніе подъ предводительствомъ Юліана. Этотъ мятежъ хорошо извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, и Тайная Исторія не вноситъ новаго[6]). Прокопій опредѣляетъ число убитыхъ, «по слухамъ», цифрой 100000 чел. Въ этихъ извѣстіяхъ Тайной Исторіи о преслѣдованіи еретиковъ не слѣдуетъ искать точности. Прокопій путаетъ законы: судя по его словамъ[7]), Юстиніанъ съ самаго начала лишилъ всѣхъ еретиковъ права наслѣдства, тогда какъ этотъ законъ вышелъ въ 531 г.[8]). Не слѣдуетъ ли его приводить въ соотношеніе съ поѣздкой Саввы? Во вторыхъ, Прокопій полагаетъ, что законъ о Монтанахъ былъ распространенъ на Самаритовъ, въ дѣйствительности было наоборотъ.

1) Ibid. l. 20.
2) An. p. 74—75.
3) Ioann. Eph. p. 150.
4) An. p. 75.
5) Примѣръ—Арсеній p. 150.
6) Hermes, VI 376 (Cf. Mal. 445—447 Bonn.). Chron. Pasch. p. 619. Theoph. s. a. 6021. Cramer, II 110. Müller, V: Ioann. Ant. fr. 217 a. Cf. Aedif. Vc. 7 p. 326. Ѳеофанъ упоминаетъ подъ 528 г., Chr. Pasch. подъ 530. Точную дату даетъ житіе Саввы: лѣто 531 г. Vita s. Sabae, 394—6.
7) An. 74.
8) Cp. Cod. J. I 5_{22} съ Vita s. Sabae p. 406.

Перейдемъ къ послѣднему вопросу—къ разбору извѣстій о внѣшнихъ отношеніяхъ государства въ правленіе Юстиніана. Тайная Исторія даетъ, во-первыхъ, общее впечатлѣніе отъ внѣшней политики Юстиніана, сложившееся у автора «Исторіи Войнъ», и нѣсколько извѣстій объ отдѣльныхъ фактахъ, пріуроченныхъ къ исторіи Велисарія. Сообразно съ этимъ, нашей задачей является провѣрить или объяснить это общее впечатлѣніе, сопоставить его съ главными событіями военной и дипломатической исторіи царствованія, и затѣмъ обратиться къ изученію фактическихъ извѣстій Тайной Исторіи со стороны ихъ содержанія и цѣнности. «Исторіи Войнъ» Прокопія являются главнѣйшимъ источникомъ и доставляютъ такой обильный матерьялъ, что приводить его всею полностью представляется лишнимъ.

Казалось бы, что чрезвычайные успѣхи политики Юстиніана именно въ этой области являются неблагодарной почвой для обвиненій Тайной Исторіи. По оффиціальному взгляду Вандальская и Готскія войны имѣли значеніе изгнанія варваровъ изъ Римской имперіи и возвращеніе древнихъ провинцій государства[1]). Авторъ Тайной Исторіи смотритъ на нихъ съ иной точки зрѣнія, видя въ политикѣ завоеваній проявленіе демонической и разрушительной природы Юстиніана[2]). «Скорѣе можно сосчитать песокъ, чѣмъ погубленныхъ имъ людей». Прокопій измѣряетъ число ихъ самой большой цифрой, которая существуетъ въ его воображеніи[3]). Юстиніанъ предпринялъ завоеваніе Италіи и Ливіи съ тою цѣлью, чтобы истребить ихъ населеніе[4]). Опустошеніе Ливіи Прокопій описываетъ, какъ очевидецъ[5]). Число истребленныхъ Вандаловъ, способныхъ носить оружіе, простиралось до 80000 человѣкъ[6]). Соображая прежнюю населенность провинціи Африки и религіозныя, солдатскія, крестьянскія волненія, вызванныя дурнымъ управленіемъ послѣ Велисарія, авторъ Тайной Исторіи считаетъ возможнымъ опредѣлить число убитыхъ круглой цифрой 5000000 человѣкъ, которая кажется невѣроятной, но не можетъ быть, повидимому, провѣрена по отсутствію данныхъ[7]). Для

1) Aedif. I p. 171_5: ἐξελάσας ἐνθένδε τοὺς ἐκ παλαιοῦ βιασαμένους αὐτὴν βαρβάρους. Zach. N. J. XVI ι′ § 1. XLIV ια′ § 2.

2) An. p. 106_8: ὧν εἰς τοὺς ἀνθρώπους κακῶν ἔδρασεν.

3) μυριάδας μυριάδων μυρίας φημὶ ἀπολωλέναι, ibid.

4) An. 46_9.

5) An. 106_{22}: ὅπερ μοι αὐτόπτῃ ἐπὶ πλεῖστον γεγονέναι τετύχηκε.

6) An. 106_{18}. Ср. Vand. I 34 и примѣч. Дестуниса къ русскому переводу.

7) An. p. 107. Ср. Vand. II p. 512: γέγονε δὲ τότε ἀνθρώπων ἔρημος ἐπὶ πλεῖστον

Итали авторъ хотѣлъ дать въ три раза большую цифру, скрытую лакуной въ текстѣ. Такое впечатлѣніе сложилось у автора Тайной Исторіи. Вмѣсто прославленія побѣдъ онъ считаетъ убитыхъ. Что въ «Исторіи Войнъ» Прокопій былъ далекъ отъ оффиціальнаго взгляда на завоеванія Юстиніана, давно было замѣчено. Это доказываютъ скудость похвалъ и количество болѣе или менѣе явныхъ порицаній, вложенныхъ Прокопіемъ въ фиктивныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ его историческаго повѣствованія. Эти рѣчи даютъ ключъ къ дѣйствительнымъ взглядамъ Прокопія на внѣшнюю политику Юстиніана [1]). Однимъ изъ замѣчательныхъ примѣровъ является рѣчь возмутившихся армянъ Хозрою, которая не уступаетъ въ рѣзкости и характерѣ обвиненій ни одному пассажу Тайной Исторіи. Послы указывали на безпокойную и жадную политику Юстиніана, пренебрегавшую всѣми божескими и человѣческими правами. «Чего запретнаго онъ только не совершилъ! Какой добрый обычай онъ не нарушилъ?... Вся земля не вмѣщаетъ этого человѣка: ему мало власти надъ всѣми людьми» [2]). По мнѣнію автора Тайной Исторіи, хищная политика Юстиніана была лишена осторожности и такта. Если состоялось перемиріе, то Юстиніанъ искалъ случая его нарушить; наоборотъ, послѣ разрыва велъ войну вяло, увлеченный своею корыстью или богословскими занятіями, «ὑπὸ σμικρολογίας» [3]). Напримѣръ, своими вѣроломными сношеніями съ Аламундаромъ Юстиніанъ вызвалъ знаменитое нашествіе Хозроя [4]). Имъ былъ доставленъ поводъ къ войнѣ [5]). Того же мнѣнія Прокопій держится во второй книгѣ «Персидскихъ Войнъ», осуждая политику Юстиніана обинякамн, но достаточно ясно, не скрывая самыхъ непріятныхъ фактовъ [6]), не отступая передъ ядовитой насмѣшкой [7]). О нерѣшительности Юстиніана въ веденіи войнъ, вредно отражавшейся на

ἡ χώρα. Ibid., p. 534: οὕτω δὲ Λιβύων τοῖς περιγενομένοις, ὀλίγοις τε καὶ λίαν πτωχοῖς οὖσιν, ὀψὲ καὶ μόλις ἡσυχίαν τινὰ ξυνηνέχθη γενέσθαι—въ 548 году.

1) Pers. I 157 (Готскіе послы Хозрою): ὁ μὲν γὰρ νεωτεροποιός τε ὢν φύσει καὶ τῶν οὐδ' ὁπωστιοῦν αὐτῷ προσηκόντων ἐρῶν, μένειν τε οὐ δυνάμενος ἐν τοῖς καθεστῶσι, γῆν μὲν ἅπασαν ξυλλαβεῖν ἐπεθύμησεν, ἑκάστην δὲ ἀρχὴν περιβαλέσθαι ἐν σπουδῇ ἔσχεν.... οὔτε τὸ τῆς φιλίας ἐννοῶν ὄνομα, οὔτε τι τῶν ὁμωμοσμένων ἐρυθριῶν. Ср. далѣе.

2) Pers. I 163—165.

3) An. p. 110_{12}.—Ср. Goth. 409. 429.

4) An. p. 73. Cf. p. 109 и 130.

5) An. 109_{19} αἰτίας αὐτῷ (Χοσρόῃ) τοῦ πολέμου ὅδε παρείχετο πάσας.

6) Pers. l. II p. 115. 168 inf. 175—6. 177. 178. 179. 192. 193. 197. Cf. 202. Malal. p. 466—467. Pers. 241. 295.

7 Pers. 180.

ходѣ военныхъ дѣйствій, говорятъ и Persica и Gothica[1]). При чтеніи «Исторій» поражаетъ беззащитность имперіи передъ нападеніями варваровъ Сарацинъ, Гунновъ, Славянъ и Антовъ, Гепидовъ и другихъ Германцевъ[2]). Это главный пунктъ обвиненій Тайной Исторіей политики Юстиніана[3]). Многимъ мѣстностямъ, по словамъ Прокопія, пришлось пять разъ переносить нашествіе варваровъ. Объ ужасахъ этихъ нашествій можно судить по подробному описанію одного изъ нихъ (Забергана въ 559 г.)[4]). Ропотъ общества, возбуждавшійся постыдными для римскаго національнаго чувства договорами съ Персами и другими варварами, передается «Исторіей Войнъ», Агаѳіемъ, Менандромъ[5]). Юстиніанъ откупался ежегодными подарками. Тайная Исторія видитъ въ нихъ главную причину растраты римскаго народнаго богатства. По ея извѣстіямъ Юстиніанъ дарилъ деньги всякимъ варварамъ[6]): восточнымъ и западнымъ, сѣвернымъ и южнымъ, жившимъ на краю земли до самой Британіи. Варвары, о которыхъ въ Византіи до того не было слышно, имя которыхъ только тогда становилось извѣстнымъ, когда они являлись въ Византію за деньгами, сходились со всей земли, услышавъ о его щедрости. При другомъ случаѣ Прокопій говоритъ, что въ Византіи жило до 70000 варваровъ[7]). Подъ ними, кажется, слѣдуетъ разумѣть федератовъ (см. слѣд. гл.). Что Прокопій имѣлъ право считать одною изъ главныхъ причинъ римскаго разоренія ежегодные подарки варварамъ, видно изъ извѣстія Агаѳіи. Одному изъ гуннскихъ племенъ, жившихъ за Кавказомъ, римскій посолъ везъ 28800 солидовъ «ἐν νομίσμασιν εὐτελέσι τε καὶ ἀκιβδήλοις»[8]). То же самое расхищеніе національнаго богатства Прокопій видитъ въ грабежахъ варваровъ-федератовъ. Раздраженіе Римлянъ усиливалось вслѣдствіе односторонняго вмѣшательства правительства. Руководясь задачами высшей политики, правительство при-

1) Pers. 113. Goth. 432. 440.

2) Славянскіе набѣги: Aedif. 292—3. 304. Goth. 330. 331. 332—337. 397. 441. 449. 454—457. 591—592. Lydus de mag. III c. 56: τὴν Θρᾳκικὴν μυρίων ὅσων θηρίων ἐνοχλούντων. О Гепидахъ и Лангобардахъ ср. An. 108 съ Goth. III c. 33 и 34 и съ интересными данными житія Давида Солунскаго. *Rose*, Leben des h. David von Thessalonik, 13. 17.

3) An. p. 73. 108—109. 129—130. Ср. Lydus III c. 54—56.

4) Agath. p. 299 sqq. Ioann. Ant. fr. 218 Mull. Theoph. s. a.

5) Agath. p. 330—335. Menandri exc. de leg. (Müller IV 203). Pers. 111. 85 Goth. IV 536 sqq. Alem. ad p. 114 Bonn. Ср. Дестуниса къ Vand. I c. 9.

6) An. p. 114. Cf. 53.

7) An. p. 132.

8) Ср. Agath. p. 173 съ 250.

нимало сторону варваровъ и жертвовало безопасностью и имуществомъ римскаго населенія[1]). Политика подарковъ и поддержанія раздоровъ между варварами, на которую такъ нападаетъ Тайная Исторія[2]), была, видимо, популярна въ то время: самъ Прокопій, Агаѳій, Менандръ, Іоаннъ Антіохіецъ видятъ въ ней актъ политической мудрости Юстиніана[3]). Такого образа дѣйствій держался старѣющій императоръ, слѣдуя примѣру Анастасія[4]).

Мы воздержимся отъ подробнаго изученія извѣстій объ отдѣльныхъ фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи внѣшней политики царствованія. Всѣ они распадаются на три группы: относящіяся къ Велисарію и разыгравшейся вокругъ него интригѣ, затѣмъ, къ Сергію и Соломону Младшему, и особо стоитъ извѣстіе объ убійствѣ Амалазунты Петромъ Магистромъ. Общая черта ихъ содержанія— разоблаченіе недосказаннаго въ «Исторіяхъ», они носятъ характеръ анекдота. Ограничимся ихъ перечисленіемъ и приведемъ соотвѣтствующія страницы «Исторіи Войнъ». О первомъ персидскомъ походѣ Велисарія и о Вандальской экспедиціи Тайная Исторія не содержитъ извѣстій[5]). Интрига, центромъ которой была Антонина, стала, по извѣстіямъ Тайной Исторіи, оказывать вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ со времени Готскаго похода. Къ этому времени относится исторія казни Константина, причины которой разоблачены Тайной Исторіей[6]). Дѣйствующими лицами интриги являются Ѳеодосій, ὁ ἐφεστῶς τῆς οἰκίας Велисарія[7]) и сынъ Антонины отъ перваго брака, Фотій, имена которыхъ встрѣчаются въ «Исторіи Войнъ»[8]). Судя по Тайной Исторіи, этой интригой объясняются нерѣшительныя дѣйствія Велисарія въ походѣ на Хозроя. Въ этихъ страницахъ Тайной Исторіи разсказъ, сохраняя детали анекдота, сообщаетъ рядъ второстепенныхъ фактовъ военной исторіи въ новомъ освѣщеніи[9]). Не противорѣча изложенію «Исторіи Войнъ», Тайная Исторія дополняетъ ихъ, представляя факты политической исторіи на фонѣ домаш-

1) An. p. 122. Cp. Zach. Nov. J. CL περὶ παρόδου στρατιωτῶν, η'.

2) An. p. 72 и 54.

3) Goth. IV 552 sqq. Ioann. Ant. fragm. 217. Menander, exc. de leg. s. c. Agathias, V extr., p. 335.

4) Cp. Valesius ad Evagr. III c. 42.

5) Cp. p. 14_3 съ Vand. 362_{22}. Cp. 34_{12} съ 17_4.

6) An. p. 15—16. Goth. II c. 8.

7) Goth. II p. 261_{16}.

8) Goth. I 26. 50. 89_{13}. An. 19_{16}. Cramer II 111.

9) An. 21—24. 29. 78. 73. 109. Cp. Pers. 247—8. Pers. 197 и др. Malal. 466.

ней интриги [1]). Пренебрегать ея извѣстіями нѣтъ достаточнаго основанія, хотя мѣстами разсказъ носитъ легендарный характеръ (о хитрости Хозроя въ Лазикѣ) [2]). О второмъ походѣ Велисарія противъ Готовъ встрѣчаемъ болѣе другихъ цѣнное извѣстіе, что Велисарій былъ отправленъ подъ условіемъ вести войну на собственныя средства [3]), сообщается его новое званіе [4]), объясняется скудость средствъ и поборы съ жителей Италіи, объясняется образъ дѣйствій Геродіана [5]) и Іоанна, сына Виталіана [6]). Передавая печальный и постыдный исходъ экспедиціи, Тайная Исторія доходитъ до буквальнаго повторенія словъ третьей книги «Готскихъ Войнъ» [7]). Дополняя вторую книгу «Vandalica», Тайная Исторія передаетъ преступленія преемниковъ Велисарія и Соломона Старшаго [8]), объясняя, въ другомъ мѣстѣ, постоянные безпорядки и возмущенія въ Африкѣ, какъ слѣдствія дурного управленія [9]). Не противорѣча, насколько удалось замѣтить, извѣстіямъ «Исторіи Войнъ», но дополняя и одностороннимъ образомъ ихъ объясняя, эти данныя Тайной Исторіи не представляются имѣющими большую важность. Цѣннымъ кажется общее впечатлѣніе вліянія интриги на ходъ политическихъ событій эпохи, возникающее при чтеніи Тайной Исторіи и остающееся несмотря на ея очевидную тенденцію. — Что касается до самаго замѣтнаго изъ этой группы извѣстій Тайной Исторіи — обвиняющаго Петра Магистра въ убійствѣ Амалазунты, подъ вліяніемъ интриги Ѳеодоры, у которой было особое основаніе не желать пріѣзда Амалазунты въ Константинополь, — то этому извѣстію [10]) не довѣряютъ, не входя, впрочемъ, въ подробный разборъ, Гизо, Нибуръ и Ранке [11]). Гизо ссылается на оставшееся намъ [illegible] изслѣдованіе Сентъ-Круа о причинахъ смерти Амалазунты, доказывавшее хронолог-

1) Ср. An. 21_{16} съ Pers. 23[illegible]—[illegible].

2) Ср. Pers. 232 съ An. 23—24.

3) An. 35_3. Ср. Goth. 325. Ср. An. [illegible]

4) An. 35_3 [illegible]

5) An. 37. Ср. Goth. III [illegible]

6) Ibid.

7) An. 36. Ср. Goth. 427

8) An. p. 41—42. Ср. Vand. [illegible]

9) An. p. 107.

10) An. 96—97; 134 [illegible] гистрѣ ср. Lydus de magistratibus [illegible]

11) Гизо въ примѣчаніяхъ [illegible] Praefatio къ Боннскому изданію [illegible] о Прокопіи. Manso, Geschichte [illegible] саются извѣстія Тайной Исторіи.

чески неправдоподобность извѣстія Тайной Исторіи[1]). Чтобы повѣрить это извѣстіе о причастности Ѳеодоры и Петра Патриція къ вѣроломному убійству Амалазунты, слѣдуетъ обратиться къ «Исторіи Готскихъ войнъ» и къ письмамъ Ѳеодагада, собраннымъ въ десятой книгѣ «Varia» Кассіодора. Въ первомъ источникѣ обстоятельно и точно изложены событія, вызвавшія и сопровождавшія посольство Петра въ Италію. Прокопій говоритъ, что убійство заключенной Амалазунты ея личными врагами Готами произошло скоро по пріѣздѣ Петра, будучи вызвано вмѣшательствомъ посла Юстиніана въ ея пользу[2]). Въ этомъ сочиненіи Прокопій не упоминаетъ о Ѳеодорѣ по поводу судьбы Амалазунты. Между тѣмъ, изъ писемъ Ѳеодагада къ ней видно, что Ѳеодора принимала дѣятельное и самостоятельное участіе въ переговорахъ, была посредницей между Ѳеодагадомъ и Юстиніаномъ, при чемъ Петръ былъ ея агентомъ и получалъ отъ Ѳеодоры инструкціи и какія-то порученія къ Ѳеодагаду. Въ этихъ письмахъ встрѣчаются темные намеки на «извѣстную особу», съ которой Ѳеодагадъ поступилъ такъ, какъ считалъ для Ѳеодоры пріятнымъ, увѣряя Ѳеодору, будто его желаніемъ было, чтобы она могла распоряжаться въ Италіи точно такъ, какъ у себя въ имперіи[3]). Въ другомъ письмѣ отъ 535 г. онъ выражаетъ увѣренность, что Ѳеодорѣ должны быть угодны послѣднія событія въ Готскомъ государствѣ[4]). Еще Алеманнъ сопоставилъ эти обвинительные документы съ извѣстіемъ Тайной Исторіи, замѣтивъ, впрочемъ, съ осторожностью: «de quo autem nihil statuo».

1) Vandebourg. Archives littéraires, № 50, t. XVII p. 216.

2) Goth. I c. 4, p. 24—25.

3) Cassiod. Var. X 20, ed. Mommsen: Litteras pietatis vestrae... accepi et colloquia oris vestri.. promerui... Hortamini enim ut quidquid expetendum a triumphali principe domno iugali vestro credimus, vestris ante sensibus ingeramus. quis iam dubitet ad effectum pervenire, quod talis potestas dignabitur allegare? ante quidem de causarum nostrarum aequitate praesumpsimus, sed nunc amplius de vestra promissione laetamur... nunc implete promissa, ut rem tenere faciatis, cui spem certissimam contulistis. Additum est etiam gaudio meo, quod talem virum vestra serenitas destinavit, qualem et tanta gloria debuit mittere et vestra decet obsequia retinere...... Nam et de illa persona de qua ad nos aliquid verbo titillante pervenit, hoc ordinatum esse cognoscite, quod vestris credidimus animis convenire. desiderium enim nostrum tale est, ut interveniente gratia non minus in regno nostro quam in vestro iubeatis imperio......

4) Ibid. X 23: suscipientes legatum vestrum virum eloquentissimum Petrum et, quod est ipsis dignitatibus honorabilius, vestris obsequiis inhaerentem, optata nobis Augustae gratiae monimenta fulserunt, ut per eum disceremus acceptum vobis esse quod in hac republica constat evenire.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Надгробіе св. Аверкія и древне-христіанскій символизмъ.

Метрическая епитафія св. Аверкія сдѣлалась извѣстною еще въ XVII в., и большинство ея изслѣдователей видѣло въ ней памятникъ въ высшей степени важный для знакомства съ воззрѣніями и способомъ выраженій древняго христіанства. Только въ недавнее время были сдѣланы попытки отнять у этого памятника его христіанское значеніе и высказать предположеніе о томъ, что св. Аверкій былъ не христіанскій епископъ, а или язычникъ, или синкретистъ, во взглядахъ и убѣжденіяхъ котораго христіанство сливалось съ язычествомъ. Предположеніе это вызвало полемику, и вопросъ объ епитафіи св. Аверкія въ послѣднее время оживился вновь. Посему мы рѣшаемся предложить вниманію читателей Византійскаго Временника обозрѣніе виднѣйшихъ трудовъ, которые такъ или иначе касаются этого не лишеннаго интереса памятника.

До открытія, сдѣланнаго англійскимъ путешественникомъ Рамзеемъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, надгробіе св. Аверкія было извѣстно изъ житія этого святаго, которое приписывается Симеону Метафрасту [1]). Въ общемъ, содержаніе этого житія слѣдующее:

Въ царствованіе Марка Антонина и Луція Вера издано было повелѣніе, приказывавшее совершить жертвоприношеніе государственнымъ богамъ, и послано было къ Публію, начальствовавшему надъ Малой Фригіей. Сенатъ и народъ Іерапольскій исполнили это повелѣніе. Видя это, Аверкій, которому ввѣрено было епископство Іерапольское, обратился съ молитвою къ Богу, прося Его просвѣтить заблудшихъ. Послѣ этой молитвы, во снѣ увидалъ онъ прекраснаго

---

1) Въ латинскомъ переводѣ у Surius Historiae seu vitae sanctorum 22 октября; въ подлинникѣ у Migne Patrol. Gr. CXV p. 1211.

юношу, вручившаго ему жезлъ на сокрушеніе виновниковъ заблужденія, и, пробудившись, пошелъ въ святилище Аполлона, гдѣ совершались жертвоприношенія и сокрушилъ палкою изображенія боговъ. Когда объ этомъ было донесено мѣстнымъ властямъ, то онѣ рѣшили призвать епископа и его сообщниковъ и потребовать отъ нихъ удовлетворенія за оскорбленіе боговъ. Простой же народъ хотѣлъ подожечь жилище епископа и, когда тотъ вышелъ на городскую площадь, проповѣдуя слово истины, окружилъ его и былъ готовъ растерзать. Возбужденіе толпы было успокоено чудеснымъ исцѣленіемъ, по молитвѣ епископа, трехъ бѣсноватыхъ, и толпа увѣровала въ истиннаго Бога и восприяла крещеніе въ количествѣ 500 человѣкъ. Немного времени спустя святый исцѣлилъ отъ слѣпоты нѣкую Фригеллу, богатую женщину, мать нѣкоего Евксиніана Попліона, котораго почиталъ царь и весь городъ, и которая увѣровала въ Господа Іисуса; вслѣдъ за нею прозрѣли, по молитвѣ святаго, и еще три старицы. Вскорѣ послѣ этого, святый, въ сопровожденіи братій, обходилъ окрестныя селенія и исцѣлялъ недужныхъ. Увидя мѣсто, пригодное для цѣлебныхъ купаній, возлѣ рѣки Агра, онъ, помолившись, извелъ изъ земли горячіе ключи, и приказалъ сопровождавшимъ его ископать бассейны для устройства въ нихъ цѣлительныхъ купаленъ. Тутъ одинъ изъ бѣсовъ, которыхъ Аверкій изгонялъ изъ болящихъ, предсказалъ ему предстоящее путешествіе въ Римъ. Тоже изрекъ ему, послѣ его семидневной молитвы, Господь, явившійся ему въ сновидѣніи.

У императора Антонина и Фаустины была шестнадцатилѣтняя дочь, Луцилла, просватанная за Луція Вера. Въ нее вселился бѣсъ, и предположенная свадьба не могла состояться. Веръ отправился на Востокъ для того, чтобы вести войну съ Вологезомъ, и условился съ Антониномъ, чтобы въ опредѣленный день имъ свидѣться въ Ефесѣ и совершить брачную церемонію въ храмѣ Діаны. И онъ, дѣйствительно отправился туда, но по дорогѣ получилъ письмо Антонина, извѣщавшаго, что внезапное нападеніе перешедшихъ черезъ Рейнъ германцевъ, принуждаетъ его опоздать въ Ефесъ — на самомъ же дѣлѣ причиной опозданія была болѣзнь Луциллы, — и возвратился въ Антіохію. Между тѣмъ въ Римѣ демона заклинали римскіе и италійскіе жрецы и этрусскіе птицегадатели, но онъ устами дѣвушки заявилъ, что можетъ быть изгнанъ только молитвою Іерапольскаго епископа Аверкія. Тогда императоръ послалъ за нимъ магистріановъ

Валерія и Бассіана, которые прибыли во Фригійскую митрополію Синаду и, получивъ проводниковъ отъ правителя Спиноира, достигли Іераполя, и передали святому повелѣніе императора ѣхать въ Римъ. Пустивъ ихъ въ обратный путь впередъ, онъ, въ сопровожденіи нѣкоего винноградаря Трофиміона, прибылъ въ Атталію, городъ Памфиліи, и оттуда на кораблѣ приплылъ въ Римъ. Тамъ его встрѣтилъ префектъ преторія Корнеліанъ и представилъ императрицѣ Фаустинѣ. Императора въ то время не было въ Римѣ, такъ какъ онъ отправился на войну съ варварами, перешедшими Рейнъ и грабившими римскія владѣнія. Императрица приняла его благосклонно и молила объ исцѣленіи ея дочери. Святый приказалъ вывести ее на свѣжій воздухъ, и ее привели въ циркъ, гдѣ и совершилось, по молитвѣ святаго исцѣленіе Луциллы. Оставившему ее бѣсу Аверкій приказалъ перенести въ Іераполь и поставить у южныхъ воротъ находившійся въ циркѣ большой каменный жертвенникъ, что бѣсъ и исполнилъ. Фаустина предлагала святому большія деньги за оказанное ей благодѣяніе, но онъ отказался, принявъ только три тысячи модіевъ пшеницы для раздачи нищимъ въ городѣ и попросивъ выстроить у себя на родинѣ купальню на томъ мѣстѣ, гдѣ текли горячіе ключи. Императрица исполнила эту просьбу, купальня была выстроена и получила названіе Ἀγρὸς θερμῶν, и вплоть до Іуліана іерапольскимъ нищимъ раздавалось ежегодно по 3000 модіевъ пшеницы. Св. Аверкій, пробывъ въ Римѣ долгое время, и «передавъ Христіанскимъ церквамъ здравое слово вѣры», увидалъ во снѣ Господа, повелѣвавшаго ему возвратиться въ Сирію и озаботиться жившими тамъ своими единовѣрцами. Будучи отпущенъ императрицей, онъ прибылъ въ Антіохію, а затѣмъ въ Апамію; потомъ посѣтилъ остальные города, примиряя бывшія въ несогласіи другъ съ другомъ церкви, которыя раздѣляла ересь Маркіона. Переплывъ Евфратъ, онъ прибылъ къ церквамъ, бывшимъ у Нисивіи и во всей Месопотаміи, и устроилъ ихъ такимъ же образомъ. Во время этой поѣздки святый получилъ прозваніе равноапостольнаго, потому что никто другой не прошелъ такія пространства моря и суши, пекясь о своихъ братіяхъ и равняясь въ этомъ съ первоверховными учениками Христа, которымъ слѣдовалъ. Посѣтивъ на обратномъ пути обѣ Киликіи, Ликаонію, Писидію, побывавъ въ Синадѣ, митрополіи Малой Фригіи, онъ вернулся въ Іераполь, гдѣ совершилъ много чудесъ. Онъ составилъ также весьма полезную учительную книгу, оставивъ ее какъ бы въ наслѣдіе послѣ себя пресви-

терамъ и діаконамъ для того, чтобы бесѣдовать съ ними и послѣ смерти и никогда не переставать приносить имъ пользу.

Кончина его была предсказана ему Господомъ, явившимся ему въ сонномъ видѣніи. Тогда онъ соорудилъ себѣ гробницу изъ нѣкоего четырехугольнаго камня, одинаковаго въ длину и ширину, и поставилъ на камнѣ жертвенникъ, который, по его приказанію, былъ перенесенъ бѣсомъ изъ Римскаго цирка, на жертвенникѣ этомъ онъ начерталъ слѣдующую надпись:

Ἐκλεκτῆς πόλεως πολίτης τόδ' ἐποίησα ζῶν, ἵν' ἔχω καιρῷ σώματος ἐνθάδε θέσιν, τοὔνομα Ἀβέρκιος ὁ ὢν μαθητὴς ποιμένος ἁγνοῦ ὃς βόσκει προβάτων ἀγέλας ὄρεσι πεδίοις τε, ὀφθαλμοὺς ὃς ἔχει μεγάλους πάντα καθορῶντας. Οὗτος γάρ με ἐδίδαξε γράμματα πιστά, εἰς Ῥώμην ὃς ἔπεμψεν ἐμὲ βασιλείαν ἀθρῆσαι, καὶ βασίλισσαν ἰδεῖν χρυσόστολον, χρυσοπέδιλον. Λαὸν δ' εἶδον ἐκεῖ λαμπρὰν σφραγῖδα ἔχοντα· καὶ Συρίης πέδον χώρας εἶδον καὶ ἄστεα πάντα Νίσιβιν Εὐφράτην διαβάς. Πάντας δ' ἔσχον συνηγόρους, Παῦλον ἔσωθεν. Πίστις δὲ παντὶ προῆγε καὶ παρέθηκε τροφὴν ἰχθὺν ἀπὸ πηγῆς παμμεγέθη καθαρὸν, ὃν ἐδράξατο παρθένος ἁγνὴ, καὶ τοῦτον ἐπέδωκε φίλοις ἐσθίειν διαπαντός, οἶνον χρηστὸν ἔχουσα, κέρασμα διδοῦσα μετ' ἄρτου. Ταῦτα παρεστὼς εἶπεν Ἀβέρκιος ὧδε γραφῆναι, ἑβδομηκοστὸν ἔτος καὶ δεύτερον ἄγων ἀληθῶς. Τοῦ θ' ὁ νοῶν εὔξαιτο ὑπὲρ Ἀβερκίου πᾶς ὁ συνῳδός. Οὐ μέντοι τύμβον ἕτερόν τις ἀπ' ἐμοῦ ἐπάνω θήσει εἰδ' οὖν Ῥωμαίων ταμείῳ θήσει δισχίλια χρυσᾶ καὶ χρηστῇ πατρίδι Ἱεραπόλει χίλια χρυσᾶ. Приведя эту епитафію, житіе прибавляетъ: «содержаніе надгробія было дословно приблизительно такое, за тѣмъ исключеніемъ, что время немного повредило его точность и сдѣлало то, что надписаніе сдѣлалось ошибочнымъ». Созвавъ свою паству и благословивъ своего избраннаго ею преемника Аверкія же, святый скончался.

При всемъ обиліи чудеснаго элемента, которымъ наполнено это житіе, намъ думается, что приговоръ, произнесенный относительно его Тиллемономъ[1]), признающимъ его позднѣйшею выдумкою, врядъ ли будетъ справедливъ: въ житіи есть нѣкоторыя черты, которыя могутъ быть отнесены къ чисто историческимъ фактамъ, хотя объ нихъ изъ другихъ источниковъ намъ и неизвѣстно. Лебланъ въ своемъ превосходномъ мемуарѣ Les actes des martyrs (Mémoires de l'Acad. des inscriptions. Paris. v. XXX) доказалъ, что многіе изъ докумен-

1) Mémoires p. servir a' l'hist. ecclesiast. Bruxelles 1732, II, p. 298.

товъ древне-христіанской исторіи, считавшіеся прежде сомнительными, по внимательномъ и безпристрастномъ ихъ разборѣ, содержатъ не мало чертъ вполнѣ достовѣрныхъ, заимствованныхъ изъ источниковъ, сомнѣнію не подлежащихъ. Къ такимъ несомнительнымъ фактамъ мы относимъ въ житіи св. Аверкія его путешествіе въ Римъ, вызванное отчаянною болѣзнію Луциллы. Хотя о болѣзни этой историки и не упоминаютъ, однако извѣстно, что между просватаніемъ Луциллы и выходомъ ея замужъ, прошелъ довольно значительный промежутокъ времени (Capitol. in Marco 7, 9, id. in Vero 2, 7) [1], въ который могъ имѣть мѣсто описанный въ житіи припадокъ и отсрочка свиданія жениха и невѣсты въ Ефесѣ. Также несомнительно, по нашему мнѣнію, и путешествіе св. Аверкія въ Нисивію и Месопотамію, предпринятое для устроенія мѣстныхъ церквей, которыя волновала ересь Маркіона, появившаяся какъ разъ на Востокѣ въ царствованіе М. Аврелія. Что касается, въ частности, надгробія св. Аверкія, то, по мнѣнію Тиллемона, подлинность его тоже возбуждаетъ сомнѣніе: представляется довольно страннымъ, что святый епископъ, 72 лѣтъ отъ роду, думая о приближающейся смерти, разсказываетъ въ своей епитафіи о томъ, что онъ ѣздилъ въ Римъ, гдѣ видѣлъ украшенную золотомъ царицу, что онъ запрещаетъ хоронить кого-либо надъ своимъ тѣломъ, и, въ случаѣ неослушанія, приказываетъ преступившему внести штрафъ въ государственное казначейство и въ казну города Іераполя. Все это, прибавляетъ Тиллемонъ, не суть мысли, которыя обыкновенно занимаютъ святыхъ въ то время, когда они готовятся къ смерти.

Послѣ Тиллемона противъ подлинности надгробія св. Аверкія высказался Гарруччи [2], который признавалъ, что надпись интерполирована и носитъ слѣды позднѣйшей редакціи. [illegible] однако, голоса Тиллемона и Гарруччи не находили [illegible] среди археологовъ, занимавшихся христіанскими древностями, и [illegible] они единогласно признавали важное значеніе, которое имѣетъ надгробіе св. Аверкія въ вопросѣ о древне-христіанскомъ символизмѣ. [illegible] особенною [illegible] [illegible] вопросъ [illegible] недавно скончавшійся кардиналъ Питра [illegible] монографіи ΙΧΘΥΣ [illegible]

1) Рейнаръ ad [illegible] влена въ 161 г., а бракъ [illegible]

2) Mélanges d'archéologie [illegible]

gium Solesmense III p. 499. Текстъ епитафіи по 9 парижскимъ рукописямъ на стр. 533). Новому времени суждено было рѣшить вопросъ объ интересующемъ насъ надгробіи окончательно и притомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ октябрѣ 1881 г. англійскій путешественникъ по Малой Азіи Рамзей (Ramsay) нашелъ во Фригіи Salutaris, близъ города Іерополя (у Метафраста ошибочно читается Іераполь, который находился въ другой Фригіи, Pacatiana, на сліяніи рѣкъ Лика и Меандра) надгробную стелу съ слѣдующею надписью:

ἐκ]ΛЄΚΤΗϹ ΠΟ
λε]ΩϹΟΠΟΛЄΙ[της
τ]ΟΥΤЄΠΟΙΙ[ησα
ζῶν ἵ]ΝЄΧΩΦΑΝЄΙ[ρῶς?
ϹΩΜΑΤΟϹЄΝΘΑ
ΘЄϹΙΝΟΥΝΟΜΑ
Ἀ]ΛЄΞΑΝΔΡΟϹΑΝΤ[ω
ΝΙΟΥΜΑΘΗΤΗϹ
ΠΟΙΜЄΝΟϹ ΑΓΝΟΥ
ΟΥΜЄΝ ΤΟΙ ΤΥΜΒ[ω
ΤΙϹ ΕΜΩ ϹΤΕΡΟΝ Τ[ι
ΝΑΘΗϹΕΙΕΙΔΟΥΝΡΩ
ΜΑΙΩΝΤΑ[μ]ΕΙΩΘΗϹ
ΔΙϹ[χ]ΕΙΛΙΑ [χ]ΡΥϹΑ
ΚΑΙ[χ]ΡΗϹΤΗ ΠΑΤΡΙΔ[ι
ΙΕΡΟΠΟΛΕΙ [χ]ΕΙΛΙ[α
χ]ΡΥϹΑΕΓΡΑΦΗΕΤΕΙ
Τ ϛΜΗΝ. G. ΖΟΝΤΟϹ
ΕΙΡΗΝΗ ΠΑΡΑΓΟΥϹΙΝΚΑ[ὶ
ΜΝ[ησ]ΚΟΜΕΝΟΙϹΠΕΡΙΗ[μ]ΩΝ [1]).

Надпись эта датирована 300 годомъ Фригійской эры (стр. 17 ἐγράφη ἔτει Τ μηνὶ ϛΤ ζόντος), что соотвѣтствуетъ 216 г. по Р. Х. Уже де Росси и Дюшень[2]) отмѣтили, что епитафія эта въ начальныхъ своихъ фразахъ представляетъ буквальное сходство съ надгробіемъ св. Аверкія, и такъ какъ трудно предположить, чтобы эта по-

1) de Rossi Bullett. crist. IV, 1, 1882, p. 77, фототипія въ Mélanges d'archéol. et d'hist. 1895. Pl. 1.

2) Bullet. critique 1882, 15 août p. 185, 186.

слѣдняя представляла распространеніе надгробія Александра, пришли къ выводу, что текстъ сохраненной Метафрастомъ копіи послужилъ оригиналомъ надгробія Александра и, слѣдовательно, существовалъ и былъ извѣстенъ въ первой четверти III вѣка. Но удачи Рамзея не ограничились указанной находкой: во второе свое путешествіе по Фригіи въ 1883 году, въ 2 англійскихъ миляхъ къ югу отъ развалинъ древняго Іерополя, въ проходѣ, который ведетъ къ горячимъ ключамъ, упоминаемымъ въ житіи, онъ нашелъ обломокъ епитафіи св. Аверкія и этимъ безповоротно рѣшилъ вопросъ объ ея подлинности. Обломокъ этотъ поступилъ въ собственность турецкаго правительства, и султаномъ подаренъ папѣ Льву XIII, по поводу юбилея его священства. Нынѣ онъ составляетъ одно изъ главныхъ украшеній Латеранскаго музея, въ которомъ находится собраніе древнихъ христіанскихъ надписей. Обломокъ этотъ изданъ въ факсимиле въ журналѣ de Waal Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte. Rom. 1894, p. 329. Taf. VI, а вся надпись у De Rossi въ его Inscriptiones christianae v. II. p. 1. pag. XVII; ср. Marucchi въ Nuovo bullettino di archeologia cristiana I. 1895. p. 22 и I. Wilpert. Fractio panis. 1895. p. 126. Мы воспроизводимъ надпись по изданію Марукки, отмѣчая то, что находится на камнѣ, прописными буквами:

1 Ἐκλεκτῆς πόλεως ὁ πολεί-
της τοῦτ' εποίησα
2 ζῶν ἵν ἔχω καιρῷ
σώματος ἔνθα θέσιν
3 οὔνομ' Ἀβέρκιος ὢν ὁ
μαθητὴς ποιμένος ἁγνοῦ
4 ὅς βόσκει προβάτων ἀγέλας
ὄρεσιν πεδίοις τε
5 ὀφθαλμοὺς ὅς ἔχει μεγάλους
πάντη καθορῶντας
6 οὗτος γὰρ μ' ἐδίδαξε
(τὰ ζωῆς) γράμματα πιστὰ
7 ΕΙΣ ΡΩΜΗν ὃς ἔπεμψεν
ΕΜΕΝΒΑΣΙΛειαν ἀθρῆσαι
8 ΚΑΙΒΑΣΙΛΙΣσαν ἰδεῖν χρυσόσ-
ΤΟΛΟΝ ΧΡυσοπέδιλον
9 ΛΑΟΝΔΕΙΔΟΝ ἐκεῖ λαμπρὰν

ΣΦΡΑΓΕΙΔΑΝΕ χοντα
10 ΚΑΙΣΥΡΙΗΣΠΕδον εἶδα
ΚΑΙΑΣΤΕΑ ΠΑντα Νίσιβιν
11 ΕΥΦΡΑΤΗΝΔΙΑβὰς πάν-
ΤΗΔΕΣΧΟΝΣΥΝΟ μίλους
12 ΠΑΥΛΟΝεΧΟΝΕΠΟ
ΠΙΣΤΙΣ πάντη δὲ προῆγε
13 ΚΑΙΠΑΡΗΘΗΚΕ τροφὴν
ΠΑΝΤΗΙΧΘΥΝΑ πὸ πηγῆς
14 ΠΑΝΜΕΓΕΘΗΚΑΘαρὸν ὃν
ΕΔΡΑΞΑΤΟ ΠΑΡΘενος ἁγνὴ
15 ΚΑΙΤΟΥΤΟΝΕΠΕδωκε φί-
ΛΟΙΣΕΣΘίειν διὰ παντὸς
16 οἶνον χρηστὸν ἔχουσα
κέρασμα διδοῦσα μετ' ἄρτου.
17 Ταῦτα παρεστὼς εἶπον
Ἀβέρκιος ὧδε γραφῆναι
18 ἑβδομηκοστὸν ἔτος καὶ
δεύτερον ἦγον ἀληθῶς
19 ταῦθ' ὁ νοῶν εὔξαιτο ὑπὲρ
Ἀβερκίου πᾶς ὁ συνωδὸς
20 οὐ μέντοι τύμβῳ τις ἐμῷ
ἕτερόν τινα θήσει
21 εἰ δ' οὖν Ῥωμαίων ταμείῳ
θήσει δισχίλια χρυσᾶ
22 καὶ χρηστῇ πατρίδι Ἱερο-
πόλει χίλια χρυσᾶ.

т. е. «Гражданинъ избраннаго града, я при жизни сдѣлалъ это для того, чтобы въ свое время имѣть здѣсь покоище своего тѣла. Мое имя Аверкій, я ученикъ чистаго пастыря, который пасетъ стада овецъ на горахъ и равнинахъ, который имѣетъ большія очи, зрящія всюду; онъ научилъ меня вѣрнымъ писаніемъ (жизни), онъ послалъ меня въ Римъ, дабы взглянуть на царскій городъ и увидѣть царицу, одѣтую въ златую одежду и въ златую обувь. Тамъ видѣлъ я народъ, имѣвшій свѣтлую печать, видѣлъ равнину Сиріи и всѣ города, Нисивію, перешедши Евфратъ; вездѣ были у меня сопутники; имѣя... Павла, вѣра всюду предводила и всюду предлагала въ пищу весьма большую

и чистую ΙΧΘΥΣ, отъ источника, которую захватила непорочная дѣва и давала ее въ пищу постоянно друзьямъ; у нея есть прекрасное вино, и она даетъ смѣшеніе вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Это я, Аверкій, сказалъ, чтобы написали въ моемъ присутствіи, я по истинѣ провелъ семьдесятъ второй годъ. Думая объ этомъ, пусть всякій единомысленный молится объ Аверкіи. Никто пусть не кладетъ въ мою могилу когонибудь другого, если же кто это сдѣлаетъ, тотъ внесетъ въ Римское казначейство двѣ тысячи золотыхъ и милому отечеству Іерополю тысячу золотыхъ».

Находка Рамзея, помимо подтвержденія подлинности надгробія св. Аверкія, важна еще и тѣмъ, что даетъ намъ возможность отожествить этого святаго, о которомъ, кромѣ его житія, мы не знали ничего, съ личностью, извѣстною намъ изъ другихъ источниковъ, именно изъ Евсевія. Этотъ послѣдній[1]), говоря о ереси Монтана и его послѣдователей, упоминаетъ о трехъ христіанскихъ пастыряхъ, жившихъ въ послѣдней трети II в. въ мѣстностяхъ Синадской Фригіи, въ которой находился Іерополь: одинъ изъ этихъ пастырей былъ Зотикъ Отрійскій (Ζωτικὸς ὁ Ὀτρηνός), а другой Авиркій Маркеллъ (Ἀουήρκιος Μάρκελλος) Этотъ Авиркій поручилъ третьему своему товарищу, оставшемуся безыменнымъ, написать сочиненіе противъ ереси Мильтіада, и отрывки изъ этого трактата, заключавшагося въ трехъ книгахъ, приводятся Евсевіемъ. Такимъ образомъ, время, мѣсто и тема сочиненія (припомнимъ сообщеніе житія о томъ, что мотивомъ путешествія св. Аверкія въ Нисивію и Месопотамію было упорядоченіе мѣстныхъ церквей, которыя волновала ересь Маркіона) ведутъ къ тому, что мы въ правѣ отожествить нашего Аверкія съ Авиркіемъ Маркелломъ.

Возвращаясь къ надгробію святаго, мы должны замѣтить, что по своему содержанію и по выраженіямъ, оно представляется памятникомъ капитальной важности для знакомства съ древнимъ христіанскимъ символизмомъ, и, съ этой точки зрѣнія, уже давно обратило на себя вниманіе ученыхъ, изъ которыхъ слѣдуетъ въ особенности упомянуть кардинала Питру, который особенно интересовался христіанской символикой.

Св. Аверкій называетъ себя гражданиномъ избраннаго града. Христіане обыкновенно разсматривали себя какъ избранниковъ, которыхъ

1) H. Eccl. V, 16 cf. Nic. Call. IV, 23.

пріуготовалъ Богъ для вѣчнаго оправданія и спасенія; они суть родъ избранный, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія[1]), и этимъ отличаются отъ массы язычниковъ, которые коснѣютъ въ невѣдѣніи истиннаго Свѣта.

Далѣе, св. Аверкій зоветъ себя ученикомъ чистаго пастыря, который всюду — на горахъ и равнинахъ — пасетъ своихъ овецъ, и зорко слѣдитъ за ними, такъ какъ имѣетъ большія, всюду прозирающія очи. Образъ «добраго Пастыря» указанъ еще самимъ Христомъ, и въ разъясненіяхъ не нуждается. Пастырь этотъ научилъ Аверкія вѣрнымъ письменамъ жизни, преподалъ ему ученіе вѣры, ведущее къ жизни вѣчной, потому что, по исповѣданію Апостола Петра, Господь Іисусъ глаголы живота вѣчнаго имать[2]). Господь послалъ Аверкія въ Римъ для того, чтобы тотъ увидѣлъ царствующій градъ и царицу. Поводъ къ этому путешествію разсказанъ въ житіи, и мы, какъ замѣчено выше, не видимъ никакой причины не довѣрять этому разсказу. Что Аверкій видѣлъ лишь царицу, а не самаго Марка Аврелія, это объясняется довольно правдоподобно житіемъ, которое говоритъ, что какъ разъ во время пріѣзда святаго въ Римъ, императоръ отсутствовалъ, будучи принужденъ принять участіе въ отраженіи варваровъ, перешедшихъ Рейнъ и грабившихъ римскія владѣнія. Хотя о поѣздкѣ этой другіе источники и не упоминаютъ, но невозможною она не представляется.

Въ Римѣ святый увидалъ народъ, т. е. вѣрующихъ, просвѣтленныхъ печатію крещенія. Затѣмъ изъ столицы онъ опять вернулся въ Азію, проникнувъ до ея отдаленныхъ предѣловъ, перейдя Евфратъ и достигнувъ Нисивіи. Слѣдующее за симъ мѣсто на камнѣ представляется плохо сохранившимся. Что порча эта идетъ изъ древности, явствуетъ изъ того, что уже и въ житіи слова эти тоже имѣютъ видъ испорченныхъ. Судя по всему, въ нихъ Св. Аверкій сопоставлялъ свои странствованія со странствованіями апостола Павла (срвн. поводъ, по которому Св. Аверкію было дано прозваніе равноапостольнаго) и говорилъ, что всюду и всегда имъ водительствовала вѣра въ Христа. Вѣра эта заботилась объ его духовной пищѣ и вездѣ, въ собраніяхъ вѣрующихъ, предлагала ему плоть Христову, которую Аверкій обозначаетъ образомъ ΙΧΘΥС, который, какъ глава церкви, от-

1) I Петр. 2. 9.
2) Іоанн. VI, 68.

личается своею величиною (παμμεγέθη). Точно также и Тертулліанъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, въ которомъ онъ пользуется тѣмъ же образомъ (nos pisciculi, secundum ΙΧΘΥΝ nostrum Iesum Christum, in aqua nascimur)[1]) послѣдователей Христа, возрождающихся въ крещеніи, зоветъ рыбками (pisciculi), въ сравненіи съ (большой) рыбой; это же отношеніе видимъ мы и на изображеніяхъ, въ которыхъ, вслѣдъ за большой рыбой плывутъ маленькія, нерѣдко съ евхаристическимъ хлѣбомъ во рту. Рыба эта является изъ источника (ἀπὸ πηγῆς), при чемъ, очевидно, подъ этимъ источникомъ разумѣется вода крещенія, животные источники водъ[2]), текущіе въ жизнь вѣчную[3]). Рыбу эту схватила чистая дѣва, т. е. Христосъ воплотился отъ непорочной Дѣвы Маріи; вѣра, далѣе, предлагаетъ своимъ друзьямъ, т. е. поклонникамъ въ пищу тѣло Христово и кровь Его, подъ видомъ хлѣба и смѣшенія вина съ водою, что, какъ извѣстно, составляло неизбѣжную принадлежность всякой евхаристической трапезы.

Таково простое и совершенно естественное объясненіе надгробія св. Аверкія. Оно до того согласуется во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно о древнѣйшемъ символизмѣ первоначальныхъ христіанъ, что всѣ выдающіеся археологи единогласно видѣли въ разсмотрѣнной епитафіи важнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ этого символизма.

Въ февралѣ 1893 г. лиценціатъ богословія въ Галле, д-ръ Гергардъ Фикеръ (Ficker) представилъ въ Берлинскую Академію наукъ, черезъ посредство и съ рекомендаціей для напечатанія академика Гарнака (Harnack), мемуаръ подъ заглавіемъ: Der heidnische Charakter der Abercius-Inschrift, помѣщенный въ Протоколахъ Академіи за 1894 г. стр. 87. Въ мемуарѣ этомъ Фикеръ отрицаетъ возможность видѣть въ св. Аверкіи христіанина, думая, что даже при поверхностномъ пониманіи надгробія, какъ памятника христіанскаго, мы наталкиваемся на затрудненія: во всей епитафіи нѣтъ ни единаго слова, которое открыто и опредѣленно носило бы на себѣ христіанскій отпечатокъ; всѣ мысли облечены въ такія слова, которые могли быть поняты только посвященными. По мнѣнію Фикера, въ началѣ III в. христіанство еще не настолько погрузилось въ таинственность, чтобы при содержательности надгробія, въ немъ могло отсутствовать имя

1) De bapt. 1. p. 201 Reiff.
2) Апок. VII, 17.
3) Іоанн. IV, 14.

Іисуса Христа. Наши воззрѣнія на готовность христіанъ къ исповѣдничеству въ первые два вѣка должны совершенно измѣниться, если мы будемъ принуждены считать за христіанскую ту тщательность, съ которой боязливо прикрывается въ надгробіи опасеніе выдать что либо непосвященному.

Далѣе, возможно ли, чтобы въ длинной надписи, подобной этому надгробію, не было ни малѣйшаго указанія на надежду христіанъ по смерти, на *σαρκὸς ἀνάστασις*? Таинственный характеръ надгробія ведетъ къ предположенію, что въ немъ рѣчь идетъ не о христіанской, а объ языческой вѣрѣ въ таинства и, въ частности, въ мистеріи Аттиса и Кивелы, которые были фригійскими національными божествами, т. е. божествами той мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Аверкій и гдѣ находилась его могила. Въ заключеніе своего обширнаго мемуара Фикеръ (стр. 111) говоритъ, что объясненіе надписи Аверкія, какъ памятника языческаго, возможно, и даже предпочтительнѣе общепринятому, потому что при немъ исчезаютъ всѣ загадки.

Мемуаръ этотъ не прошелъ незамѣченнымъ христіанскими археологами, и всѣ они единогласно сочли его за болѣе или менѣе легкомысленную погоню за «новымъ словомъ» въ наукѣ и изумлялись тому, что такой авторитетъ въ области изученія древняго христіанства, какъ Гарнакъ, рѣшился рекомендовать статью Фикера для помѣщенія въ изданіи Берлинской Академіи. Въ отвѣтъ на это изумленіе самъ Гарнакъ въ 1894/5 г. въ XII—т. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur v. O. von Gebhardt und A. Harnack помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: Zur Abercius-Inschrift, въ которой старается доказать, что Аверкій былъ или чистымъ язычникомъ, или, что вѣроятнѣе, приверженцемъ язычески-гностическаго религіознаго общества, въ которомъ христіанская тайна была соединена съ языческими мистеріями. И это мнѣніе Гарнака не осталось безъ возраженій. Изъ наиболѣе обстоятельныхъ мы упомянемъ: I. Wilpert. Fractio panis. Die älteste Darstellung des eucharistischen Opfers in der Cappella Greca. Freiburg i/в. 1895 и L. Duchesne въ Mélanges d'archéologie et d' histoire Rome 1895. p. 155 и сл. Ознакомить читателей, хотя бы вкратцѣ, съ этой полемикой представляется намъ неизлишнимъ.

Прежде всего, и Фикеръ и Гарнакъ указываютъ на то, что самая внѣшность надгробія говоритъ скорѣе въ пользу того, что это есть епитафія язычника, а не христіанина, и Гарнакъ ставитъ вопросъ, су-

ществуютъ ли примѣры того, чтобы христіанскія надписи вырѣзались, въ пору около 200 г., на жертвенникахъ или камняхъ, имѣющихъ видъ жертвенника? Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что датированныхъ надписей столь ранней поры очень немного и онѣ встрѣчаются лишь въ Римѣ и во Фригіи. Въ Римѣ онѣ идутъ по большей части изъ подземныхъ сооруженій, гдѣ вообще форма надписи въ видѣ стелы или жертвенника необычна, хотя отдѣльные примѣры встрѣчаются и тамъ; но гораздо больше ихъ во Фригіи и въ Малой Азіи вообще: такъ, надгробіе Александра, сына Антонія, тоже высѣчено на жертвенникѣ, на стелѣ начертано надгробіе Фригійскаго діакона Авиркія, сына Порфиріева (С. I. Gr. 9266), на стелѣ же читается еще одно фригійское надгробіе христіанское, начертанное нѣкіимъ Авреліемъ Александромъ. Всѣ эти памятники несомнѣнно относятся ко времени, отмѣченному Гарнакомъ [1]). Переходя къ выраженіямъ и содержанію надписи, Гарнакъ отмѣчаетъ стихи 12—16, которые, по его мнѣнію, могутъ принадлежать христіанину, и стихи 1—11 и 17—22, которые не содержатъ въ себѣ ничего христіанскаго. Прежде всего, онъ останавливается на томъ, что Аверкій, упоминая о своей родинѣ, называетъ ее ἐκλεκτὴ πόλις, а о своемъ отечествѣ—χρηστὴ πατρίς. Но прежде всего, нельзя опускать изъ виду то обстоятельство, что надгробіе Аверкія облечено въ метрическую форму, въ которой присутствіе epitheta ornantia не представляетъ собою ничего необычнаго; затѣмъ, оба эти епитета очень обычны въ христіанской терминологіи, и, наконецъ, христіанинъ Александръ Антоніевъ не смущался ни тѣмъ ни другимъ изъ этихъ епитетовъ, и ввелъ ихъ въ свое подражаніе, чего бы, очевидно, не сдѣлалъ, если бы оригиналъ представлялся ему языческимъ.

Далѣе, Гарнака поражаетъ то обстоятельство (отмѣченное уже Тиллемономъ), что Аверкій угрожаетъ нарушителю его могилы денежною пеней, которую преступникъ долженъ внести въ Римское казначейство и въ Іеропольское. Въ данномъ случаѣ, Гарнакъ обнаружилъ свое малое знакомство съ греческою христіанскою епиграфикою, изъ которой можно привести не малое количество угрозъ, совершенно аналогичныхъ съ тою, которая находится на интересующей насъ епитафіи; нерѣдко угрозы эти видоизмѣняются въ томъ смыслѣ, что

---

1) См. Cumont, Les inscriptions chrétiennes de l' Asie Mineure въ Mélanges d' archéol. et d'histoire 1895. p. 245 сл.

вмѣсто денежнаго штрафа говорится о Божескомъ наказаніи, которое ожидаетъ осквернителя святости и ненарушимости могилы. Приводить какіе-либо примѣры считаемъ излишнимъ; замѣтимъ лишь то, что во Фригіи и въ Малой Азіи они очень разнообразны и характерны[1]).

Переходя къ началу надгробія, въ которомъ Аверкій зоветъ себя ученикомъ чистаго пастыря, пасущаго свои овцы повсюду, зорко блюдущаго ихъ, Гарнакъ замѣчаетъ: древне-христіанская проповѣдь и символика знаетъ, насколько мнѣ извѣстно, добраго пастыря, лишь какъ заботящагося о своихъ овцахъ и обрѣтающаго погибшее овча. Въ надгробіи же Аверкія упомянуты три обстоятельства: пастырь пасетъ овецъ на горахъ и въ долинахъ, у него большія все зрящія очи, онъ научилъ своихъ учениковъ вѣрному знанію. Пока, заключаетъ Гарнакъ, не будетъ доказано, что такъ говорится про Христа, какъ пастыря, и что христіане обозначаютъ себя, какъ ученики пастыря, до тѣхъ поръ мы обязаны думать объ богѣ языческомъ, быть можетъ объ Геліосѣ. Противники Гарнака возражаютъ ему на это, что древне-христіанское искусство знаетъ добраго пастыря: а) какъ несущаго на раменахъ заблудшую овцу и б) какъ пасущаго свои овцы. Что касается епитета ἁγνός, придаваемаго въ надгробіи пастырю, то онъ является совершенно тождественнымъ съ евангельскимъ епитетомъ καλός, съ тою разницею, что въ послѣднемъ выраженіи центръ тяжести лежитъ на вниманіи и заботливости пастыря, не оставляющаго безъ надзора и заботы ни одну овцу, а въ первомъ—на чистотѣ и непорочности его ученія; что у него большія и всюду зрящія очи, не представляется удивительнымъ при той заботливости, съ которой Христосъ относится къ своему стаду. Аверкій зоветъ себя въ надгробіи его ученикомъ, согласно съ выраженіемъ самаго Христа: иже не носитъ креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, не можетъ быти мой ученикъ (Лук. XIV, 27).

Слѣдующее за симъ выраженіе надгробія о путешествіи Аверкія въ Римъ возбуждаетъ недоумѣніе Гарнака, потому что невозможно, по его мнѣнію, предположить, чтобы Христосъ, пастырь добрый, послалъ святаго въ Римъ для того, чтобы видѣть царя и царицу. Что человѣческій поступокъ, почему-либо имѣющій для жизни особенное значеніе, приписывается внушенію божества, это не представляется

1) См. Vidal-Lablache, Commentatio de titulis funebribus graecis in Asia Minore. Par. .1872.

нѣсколько удивительнымъ. Но, разсуждаетъ далѣе Гарнакъ, страннымъ представляется сопоставленіе царя и царицы: или это императоръ и императрица римскіе, или царь и царица небесные, божественная сизигія, вовсе не мирящаяся съ христіанствомъ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ замѣчаніи Гарнакъ основывался на невѣрномъ чтеніи: вмѣсто ΒΑΣΙΛΗΕΙΑΝ ἀθρῆσαι, онъ читалъ: ΒΑΣΙΛΗ ἀναθρῆσαι. Съ исчезновеніемъ «царя», исчезаетъ и божественная сизигія, и мотивомъ для путешествія Аверкія въ Римъ остается желаніе видѣть царствующій градъ — βασιλίς, названіе, нерѣдко прилагаемое къ Риму. Въ Римѣ, сверхъ того, онъ видѣлъ царицу (по житію, М. Аврелій отсутствовалъ, будучи занятъ войною съ германцами), украшенную всею роскошью своего сана: золотою одеждою и обувью; видѣлъ онъ и народъ, имѣющій свѣтлую печать. Λαός въ древне-христіанской терминологіи очень не рѣдко обозначаетъ членовъ христіанской общины, а свѣтлая печать есть не что иное, какъ печать крещенія, налагаемая на каждаго вѣрующаго во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Только тѣ, которые получаютъ печать эту, могутъ войти въ царствіе Божіе, только тѣ, которые сохранятъ эту печать нетлѣнною, будутъ причастниками вѣчной жизни. Какъ же смотритъ на это Гарнакъ? Онъ утверждаетъ, что если σφραγίς обозначаетъ крещеніе, то эпитетъ λαμπρά къ нему совершенно не подходитъ. Это дѣло вкуса, и, думается, что если христіанинъ обозначаетъ крещеніе, какъ свѣтлое знаменіе, то этимъ онъ нисколько не вноситъ чего-нибудь неестественнаго и неподходящаго. Гарнакъ, отказываясь отъ этого пониманія, ставитъ такую дилемму: или Λαός обозначаетъ римскій народъ, имѣвшій какой-то аттрибутъ (σφραγίς), намъ ближайшимъ образомъ неизвѣстный, или же эта σφραγίς есть то же, нѣчто неизвѣстное, находившееся въ храмѣ Юноны царицы—Iuno regina, Ἥρα χρυσόθρονος. Искусственность этой дилеммы очевидна. На помощь Гарнаку выступилъ О. Гиршфельдъ, предложившій читать λᾶον отъ λᾶας камень и ставившій это чтеніе въ связь съ священнымъ камнемъ Кивелы, перевезеннымъ въ 550 г. (отъ осн. гор.) въ Римъ, на Палатинъ, изъ Фригійскаго Пессинунта. Возможно, что камень этотъ былъ обдѣланъ въ серебряный ковчегъ, украшенный сверкающимъ бриллiантомъ [1]). Область возможности весьма широка, но въ данномъ случаѣ возможность эта не доказана. Слѣдующее за симъ мѣсто надгробія, гдѣ рѣчь идетъ о Павлѣ, не

---

1) O. Hirschfeld въ Sitzungsberichte d. Berliner Akademie 1894. 1. p. 218.

полно, и посему лучше воздержаться отъ его объясненія. Мѣсто же, гдѣ говорится о πίστις, до того отпечатлѣно чисто христіанскими воззрѣніями и выраженіями, что это признаетъ и самъ Гарнакъ, хотя не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ: прежде всего, по его мнѣнію, конструкція фразы не ясна: къ ἐπέδωκε надобно признавать другое подлежащее, нежели къ ἐδράξατο; самое выраженіе παρθένος ἁγνή для обозначенія Дѣвы Маріи въ высшей степени странно; πηγή, ἀπὸ πηγῆς представляется празднымъ украшеніемъ рѣчи; упоминаніе объ οἶνος χρηστός рядомъ съ κέρασμα, отсутствіе епитета у хлѣба — все это представляется Гарнаку мало вразумительнымъ. Далѣе, онъ видитъ странность въ томъ, что изъ надписи въ 22 строки, 17 (18) строкъ совершенно безразличны или, очевидно, языческія, и только 5 (4) христіанскія. Возможно ли, говоритъ Гарнакъ, чтобы надпись начиналась съ упоминанія объ языческихъ божествахъ, о Геліосѣ, Зевсѣ, Герѣ, оканчивалась угрозами осквернителю гробницъ въ видѣ штрафа, который долженъ быть внесенъ въ римское казначейство и кассу родного города, обращалась къ сообщникамъ культа, какъ къ посвященнымъ въ мистеріи, и въ то же время говорила о Христѣ—ΙΧΘΥΣ и о Дѣвѣ Маріи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ у Гарнака длинная выписка изъ позднѣйшей апокрифической повѣсти объ Афродитіанѣ и о событіяхъ въ Персидѣ[1]), въ основѣ которой лежитъ «Христіанская исторія» Филиппа изъ Сиде, современника Іоанна Златоустаго. Изъ приводимаго Гарнакомъ отрывка видно, что царь Киръ выстроилъ великолѣпный храмъ Геры, украсивъ его роскошными статуями боговъ изъ серебра и золота; разъ царь вошелъ во храмъ и статуи пришли въ движеніе: одна изъ богинь, Гера, зачала во чревѣ отъ великаго Солнца; другія богини переименовываютъ её въ Πηγή, и дитя, которое должно родиться изъ нея, есть Искупитель. Отдать предпочтеніе тексту, въ которомъ, по выраженію самаго Гарнака, лежитъ «необузданный синкретизмъ, ein wüster Synkretismus, передъ многими, общепонятными выраженіями надгробія отзывается предвзятою мыслью, которая старается доказать желаемое во что бы то ни стало.

Переходя къ частностямъ, Гарнакъ заявляетъ, что выраженіе φίλοι представляется для христіанъ необычнымъ, не смотря на то, что оно употребляется и разъясняется самимъ Христомъ: вы друзи мои

1) Vassiliev, Anecdota Graeco-Byzantina 1. 1893. p. 77.

есте, аще творите, елико азъ заповѣдаю вамъ. и: васъ же рекохъ други (Іоанна XV, 14. 15). Въ дальнѣйшихъ словахъ надписи, въ которыхъ рѣчь идетъ о хлѣбѣ и винѣ, объясненіе ихъ въ евхаристическомъ смыслѣ представляется Гарнаку не особенно благопріятнымъ: зачѣмъ дважды упомянуто про вино? зачѣмъ вино стоитъ ранѣе хлѣба? почему вино зовется χρηστός, а не хлѣбъ? На первый вопросъ можно отвѣтить, что οἶνος и κέρασμα не суть тавтологическія выраженія. Κέρασμα есть спеціальное обозначеніе вина съ водою, которое было предписано еще въ Ветхомъ Завѣтѣ при праздникѣ Пасхи и которое обязательно для таинства Евхаристіи [1]). Остальные вопросы находятъ для себя совершенно естественные и удовлетворительные отвѣты, если мы примемъ во вниманіе поэтическую форму надгробія, при которой однимъ изъ существенныхъ условій является требованіе размѣра. Наконецъ языческій и синкретическій характеръ надгробія Гарнакъ усматриваетъ въ просьбѣ, съ которой Аверкій обращается къ своимъ единомысленникамъ о томъ, чтобы они молились за него. Просьба эта не представляется Гарнаку специфически христіанскою, ибо встрѣчается и на языческихъ епитафіяхъ; сверхъ того, обозначеніе христіанина, какъ συνῳδός, является страннымъ, ибо гдѣ существуетъ доказательство тому, что древній христіанинъ обозначалъ ученіе Христа, какъ ученіе тайное, прикровенное? Относительно перваго возраженія необходимо замѣтить, что, хотя просьба о молитвѣ за умершаго и встрѣчается на языческихъ епитафіяхъ [2]), но только какъ исключеніе, и одной епитафіи языческой можно противопоставить сотни завѣдомо и безспорно христіанскихъ, гдѣ эта молитва есть нѣчто весьма распространенное. Что же касается второго замѣчанія Гарнака, то мы имѣемъ категорическія указанія на то, что около 200 г. существовала disciplina arcani и прилагалась, между прочимъ, къ таинству евхаристіи, т. е. къ тому, о чемъ говоритъ Аверкій [3]). Поэтому не удивительно, что, употребляя прикровенныя символами выраженія, и представляя ученіе Христа, какъ ученіе таинственное, онъ говоритъ такъ, какъ обыкновенно говорили въ его время всѣ христіане.

Надпись св. Аверкія не есть единственный памятникъ древнехристіанской епиграфики, въ которомъ такъ подробно и обстоятельно

1) Clem. Alex. Strom. 1, 19.
2) Фикеръ приводитъ № 3962 C. J. Gr. изъ Apamea Cibotos.
3) Origen. in Levitic. hom. 9. n. 10.

говорится о божественной ΙΧΘΥC. По значенію и интересу параллельно съ этимъ Фригійскимъ надгробіемъ стоитъ другое, найденное въ настоящемъ столѣтіи въ Галліи, въ городѣ Отенѣ (древній Augustodunum); это есть также греческая надпись нѣкоего Пекторія, о которой считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Мѣсто, гдѣ найденъ этотъ памятникъ, особенно интересный по тому, что почти современенъ надгробію Аверкія, относясь къ II или III вѣку, находится въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ Отена, по дорогѣ, ведущей изъ этого города въ Безансонъ (Vesontio). Тутъ находится обширное древнее кладбище, извѣстное подъ названіемъ поліандрія Saint-Pierre-l'Estrier, давшее нѣсколько древнихъ христіанскихъ надгробій и свидѣтельствующее о томъ, что тутъ была древняя христіанская община[1]), стоявшая въ связи съ общиною Ліонскою (ecclesia Lugdunensis). Въ 1839 г. тамъ была найдена небольшая мраморная досчечка, разбитая на нѣсколько кусковъ съ слѣдующею надписью:

Ἰχθύος ο[ὐρανίοιο θε]ῖον γένος, ἤτορι σεμνῷ
Χρῆσε, λαβὼ[ν πηγὴ]ν ἄμβροτον ἐν βροτέοις
Θεσπεσίων ὑδάτ[ω]ν. τὴν σήν, φίλε, θάλπεο ψυχ[ὴν
Ὕδασι ἀενάοις πλουτοδότου σοφίης.
Σωτῆρος ἁγίων μελιηδέα λάμβαν[ε βρῶσιν
Ἔσθιε πινάων, ἰχθὺν ἔχων παλάμαις.
Ἰχθύϊ χό[ρταζ'] ἄρα, λιλαίω, δέσποτα σῶτερ.
Εὖ εὕδοι μ[ή]τηρ, σὲ λιτάζομε, φῶς τὸ θανόντων.
Ἀσχάνδιε [πάτ]ερ, τὠμῷ κε[χα]ρισμένε θυμῷ,
Σὺν μ[ητρὶ γλυκερῇ καὶ ἀδελφει]οῖσιν ἐμοῖσιν,
Ἰ[χθύος εἰρήνῃ σέο] μνήσεο πεκτορίουο [2]),

т. е. «Божественное рожденіе небесной ἰχθύος, имѣй святое сердце, получивъ безсмертный въ смертныхъ источникъ божественныхъ водъ; согрѣвай, друже, свою душу вѣчно текущими водами дающей богатство мудрости. Прими медвяно-сладкую пищу Спасителя святыхъ, вкушай алкая и держа въ рукахъ ἰχθύν. Насыть же ἰχθύϊ, молю тебя, Владыка Спаситель. Пусть добрѣ почиваетъ мать, прошу тебя, свѣтъ умершихъ. Аскандій, отецъ милый моему духу, съ сладкою

1) G. Bulliot, Essai historique sur l'abbaye de St. Martin d'Autun I p. 48, 393, 401, 413.

2) Заимствуемъ текстъ изъ диссертаціи O. Pohl, Das Jchthys-Monument von Autun. Brl. 1880, изъ котораго беремъ и объясненіе.

матерью и моими братьями. въ мирѣ ἰχθύος, вспомни о своемъ Пекторіи».

Надпись представляется состоящею изъ трехъ частей: первая, въ 6 стиховъ, имѣетъ форму акростиха и представляетъ похвалу Іисусу Христу, подъ символомъ рыбы. Вторая, изъ двухъ стиховъ, содержитъ молитву объ упокоеніи матери Пекторія, а третья, изъ трехъ стиховъ, воззваніе къ отцу его, Аскандію, также умершему, съ молитвою помнить о своемъ сынѣ; та же молитва обращена и къ матери и къ братьямъ Пекторія.

Хронологическихъ указаній на время составленія этой епитафіи въ ней не находится, но большинство изслѣдователей относятъ ее къ концу II или началу III в. (де Росси, П. Секки, Питра), т. е. ко времени, близкому къ эпохѣ составленія надписи Аверкія.

Извѣстно, что въ эту пору (около 177 г.) переселился въ Галлію изъ Малой Азіи св. Ириней, ученикъ св. Поликарпа Смирнскаго, сдѣлавшійся епископомъ ліонскимъ. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ его переселенія въ Галлію считаютъ большую опасность, въ которой, по его убѣжденію, находилась Галльская церковь вслѣдствіе того, что въ ней очень рано и очень широко развился и распространился гностицизмъ. Многіе учители гносиса дѣйствовали въ Галліи, преимущественно въ бассейнѣ Роны, вводя въ пагубное заблужденіе не подозрѣвавшія ничего злаго души и стараясь привлечь на свою сторону недавно просвѣщенныхъ христіанъ. Ополчиться противъ гностиковъ и, въ частности, противъ Валентиніанъ, и поставилъ своей задачей св. Ириней. Онъ дѣйствовалъ въ этой области и словомъ и дѣломъ и оставилъ обширное, сохранившееся частію въ отрывкахъ, частію въ латинскомъ переводѣ полемическое сочиненіе: Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως, въ которомъ Ириней старался ознакомить свою галльскую паству съ практически-религіозными воззрѣніями церквей Малоазійскихъ.

Какъ извѣстно, гностицизмъ отвергалъ вѣру въ возстаніе нашихъ тѣлъ, и св. Ириней ополчился противъ этого лжеученія, доказывая какъ безсмертіе духовной стороны человѣка, такъ и воскресеніе его тѣла. Догматъ о воскресеніи онъ ставитъ въ непосредственную связь съ ученіемъ объ евхаристіи: какъ хлѣбъ отъ земли, получающій воззваніе Бога, есть уже не обыкновенный хлѣбъ, но евхаристія, состоящая изъ друхъ частей: земной и небесной, такъ и наши тѣла, причащающіяся евхаристіи, уже не смертны, но имѣютъ надежду на

воскресеніе въ вѣки[1]). Эта же непосредственная связь явствуетъ и въ надписи Пекторія. Начинается она воззваніемъ къ вѣрующимъ (ἰχθύος οὐρανίου θεῖον γένος) о томъ, чтобы они проводили богоугодную жизнь (ἤτορι σεμνῷ χρῆσε), какъ подобаетъ тѣмъ, которые пріяли крещеніе (λαβὼν πηγὴν ἄμβροτον ἐν βροτέοις θεσπεσίων ὑδάτων). Для сего вѣрующіе должны питать свою душу Божіимъ словомъ (τὴν σὴν, φίλε, θάλπεο ψυχὴν ὕδασιν ἀενάοις πλουτοδότου σοφίης) и пріобщаться Божественной трапезы (σωτῆρος ἁγίων μελιηδέα λάμβανε βρῶσιν, ἔσθιε πινάων, ἰχθὺν ἔχων πολάμαις). Затѣмъ Пекторій обращается къ Господу Спасу съ молитвою насытить его Божественною евхаристіей (ἰχθύϊ χόρταζ' ἄρα, λιλαίω, δέσποτα σῶτερ). Въ то же время онъ умоляетъ Христа, просвѣщающаго умершихъ, даровать мирное упокоеніе его скончавшейся матери (εὖ εὕδοι μήτηρ, σε λιτάζομε, φῶς τὸ θανόντων). Въ заключительныхъ стихахъ онъ обращается къ своему почившему отцу, Аскандію, вмѣстѣ съ своими братьями, которые уже находятся въ мирѣ Христа, прося ихъ помнить объ немъ, еще находящемся въ живыхъ.

1) adv. haer. IV, 18, 5.

И. Помяловскій.

Замѣтки по древностямъ Константинополя.

1.

По вопросу о первоначальномъ типѣ иконъ Богоматери «Живописный Источникъ» и Влахернской.

Проф. Кондаковъ, разсуждая о типѣ иконы Богоматери, по всѣмъ соображеніямъ общей храмамъ Влахернскому и Живоноснаго Источника, говоритъ между прочимъ: «.... Икона Богородицы въ видѣ молящейся (оранты), съ подъятыми руками, но съ медальономъ Христа на груди или на лонѣ, поддерживаемымъ краями гиматія. По всей вѣроятности,—изображеніе иконы такъ наз. Богородицы *Источника* (Πηγή), хотя ни на одной изъ множества буллъ этого имени не указано. Извѣстный рѣзной камень (явно, очень поздняго времени, и не ранѣе XVIII стол.) съ надписью ἡ Πηγή, изображающій Богородицу съ Младенцемъ въ купели, даетъ лишь позднѣйшую символизацію сохранившагося преданія о древней иконѣ. Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить, была ли икона надъ источникомъ Влахернскимъ или икона въ храмѣ Богородицы Святаго Источника именно этого перевода, но можемъ легко догадаться, что данный переводъ прибавилъ купель и замѣнилъ медальонъ изображеніемъ самаго Младенца»[1]). Если, какъ это мнѣ кажется, я правильно понялъ мысль уважаемаго ученаго, то полнѣйшее подтвержденіе своей гипотезѣ онъ можетъ найти въ такой трущобѣ, что съ перваго раза это покажется невѣроятнымъ. Въ г. Кѣльцахъ, у преподавателя женской гимназіи Н. В. Бодаревскаго сохраняется древняя фамильная икона Богоматери «Живоноснаго Источника», доставшаяся его женѣ отъ

1) Визант. церкви и памят. К-ля, стр. 26 и 27.

ея предковъ, уроженцевъ острова Іоса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ списокъ именно съ иконы Богоматери «Живоносный Источникъ», такъ какъ, кромѣ надписи, мы имѣемъ тутъ и стѣны, и чашу, и рыбокъ и проч., но Богоматерь представлена (въ отличіе отъ общеизвѣстнаго типа) *съ подъятыми къ небу руками, какъ Знаменье-Новгородская.*

Что касается до большой (во весь ростъ) иконы Богоматери «Влахернской», хранящейся въ соборѣ св. Марка въ Венеціи, то о ней у Кондакова непосредственно ничего не говорится[1]). Не смѣя спорить съ глубокимъ знатокомъ искусства, я позволю себѣ только замѣтить, что если не подлинность, то *сходство* этой иконы съ Влахернской доказывается не только сходствомъ ея съ Кіево-Печерской[2]), но и сходствомъ съ другими иконами на Кавказѣ, которыя весьма похожи на Кіево-Печерскую, а называются на мѣстѣ Влахернскими[3]).

Замѣчу еще, что уже много послѣ выхода въ свѣтъ труда проф. Кондакова появился въ печати памятникъ — до сихъ поръ, однако, малоизвѣстный —, который даетъ возможность хотя нѣсколько уяснить себѣ устройство Влахернскаго храма. Въ 26 вып. «Палестинскаго Сборника», въ трудѣ безыменнаго паломника XIV вѣка, про Виѳлеемскій храмъ говорится: «Красивый и великолѣпный храмъ, видомъ продольный, *подобный погорѣвшему храму Влахернскому*, длиной въ 20 ортій, а въ ширину 11, имѣетъ 44 колонны».

2.

О мѣстоположеніи Преторіи.

По свидѣтельству Пасхальной хроники (стр. 695), при Фокѣ «сгорѣла Средняя улица отъ Лавза и *Преторіи* до арки, стоявшей противъ форума Константина». Слѣдовательно, Преторія находилась недалеко отъ Большого дворца, но *по другую сторону улицы*, около Лавза, а поэтому, какъ и послѣдній, между Августеономъ и форумомъ Константина, у портика Милія (Бѣляевъ, Храмъ Богородицы Халкопратійской въ К-лѣ, въ «Лѣтописи ист.-фил. общества при Новороссійскомъ университетѣ, т. II, стр. 103; ср. Ѳеофана, стр. 239

1) Если только не къ ней относятся нѣсколько отрицательныхъ строкъ (стр. 28).

2) А. Н. Муравьевъ, Римскія письма, т. III, стр. 28 и 29.

3) А. Н. Муравьевъ, Грузія и Арменія, т. II, стр. 323 и 324; ср. Русск. Древн. въ памят. искусства, гр. Толстого и Кондакова, вып. IV, стр. 75 и выше.

изд. Боора). Съ такимъ положеніемъ Преторіи вполнѣ согласно и указаніе Θеофана о томъ, что Аркадій въ 395 году построилъ «Большой портикъ» противъ Преторіи (стр. 74 Боора): «τὸν μέγαν ἔμβολον ἄντικρυς τοῦ Πραιτωρίου ἔκτισεν» (въ русскомъ переводѣ здѣсь ошибка). Этотъ «Большой портикъ» — несомнѣнно «Мавръ». «Черный Великій Убологъ»[1]). Дѣйствительно, идя отъ Софійской или Юліановой гавани (Кадрига-лимани) и мимо св. Анастасьи, онъ долженъ былъ выходить противъ Преторіи. Тюрьмой эта преторія является впервые во время провозглашенія Леонтія (Θеоф. стр. 369 изд. Боора). При такихъ свидѣтельствахъ не можетъ быть принято мнѣніе Паспати, будто за Преторію можно принять круглое зданіе, слѣды котораго сохранились около бывшаго храма св. Анастасіи и названнаго на Аусбургскомъ планѣ «Colossus» (Кондаковъ, стр. 131).

«Старая Преторія» находилась на Средней же улицѣ, но гораздо западнѣе, у бронзоваго тетрапила (Конд., стр. 45). Но это зданіе, построенное, очевидно, на скорую руку, какъ и многія другія зданія Константина, скоро пришло въ негодность (какъ видно изъ вышеизложеннаго задолго до 395 г.), а позже на мѣстѣ ея Тиверій заложилъ прекрасный храмъ въ честь Сорока мучениковъ Севастійскихъ, оконченный Маврикіемъ (Θеоф., стр. 267 изд. Боора). Приблизительно на мѣстѣ этой церкви теперь стоитъ мечеть Лалели (Конд., стр. 138).

3.

Объ иконѣ Спаса Милостиваго (Филантропа).

Описывая извѣстный источникъ «агіазму Спаса» (у Инджили кіоска, между Топъ-капу и Ахоръ-капу), который до 1821 г. какъ бы игралъ у грековъ роль Соломоновой стѣны («стѣны плача»), Кондаковъ (стр. 81 и 82) сближаетъ совершенно справедливо этого «Спаса» съ «Спасомъ *Филантропомъ*». «Одна видѣнная нами икона греческаго аѳонскаго письма», говоритъ нашъ ученый, «даетъ замѣчательную иллюстрацію текста нашихъ паломниковъ: подъ стѣнами города, за которыми виденъ храмъ, стоитъ Христосъ благословляя. Къ нему идутъ двѣ процессіи: одна съ крестомъ, другая съ иконой Одигитріи:

---

1) Кондаковъ, стр. 131 и 132.

ни же Христа купель, а подъ нею морской берегъ, на которомъ сидятъ немощные, пришедшіе получить исцѣленіе».

Кромѣ этой иконы, укажу еще другую, весьма сходную и уже въ Россіи. Въ Новгородѣ, надъ Водяными воротами «еще сохранилась», какъ писалъ въ 1846 г. А. Н. Муравьевъ[1]), «весьма замѣчательная икона: *происхожденіе честныхъ древъ и всемилостиваго Спаса*[2])... Внизу представлена весьма хорошею византійскою кистью купель Овчая въ Іерусалимѣ съ чающими вокругъ нея движенія воды при явленіи Ангела, а надъ купелью самый Ангелъ, высоко воздвизающій крестъ для возмущенія воды.... Святители Новгородскіе стоятъ по обѣимъ сторонамъ Ангела, какъ имѣющіе повторять надъ водами его предобразовательное дѣйствіе, а поверхъ ихъ самъ виновникъ исцѣленій Всемилостивый Спасъ, окруженный молитвенными ликами Своей Пречистой Матери, Предтечи и святыхъ[3]).

---

1) Путеш. по св. мѣстамъ русскимъ, т. I, стр. 472 и 473.

2) Эти слова оставляю на отвѣтственности А. Н.

3) Я слишкомъ мало знаю искусство, чтобы разсуждать, но позволю себѣ замѣтить, что Христосъ, исцѣляющій больныхъ, и икона Спаса, просіявшая въ 1164 году во время похода въ Болгарію, что, какъ принято считать, поминается у насъ 1-го августа, будто бы не одно и то же изображеніе: въ походы брали Нерукотворный Образъ.

Гавріилъ Ласкинъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Ph. Meyer. *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster* grösstentheils zum ersten Male herausgegeben und mit Einleitungen versehen von *Ph. Meyer*, Studiendirector des Predigerseminars auf der Erichsburg. Leipzig. 1894. I—VIII + 1—303.

На страницахъ «Византійскаго Временника» мы имѣли уже случай отмѣтить, весьма замѣтно усилившійся, интересъ къ изученію современнаго монашества на св. горѣ Аѳонской и его историческаго прошлаго не только въ средѣ ученыхъ грековъ и русскихъ, но даже нѣмцевъ и французовъ. Книга г. Филиппа Мейера, полное заглавіе которой мы выписали выше, является несомнѣннымъ доказательствомъ существованія въ средѣ этихъ послѣднихъ указаннаго интереса. Авторъ названной книги, увлекшійся въ послѣднее время изученіемъ источниковъ византійской исторіи, въ бытность свою пасторомъ протестанской общины въ Смирнѣ (въ Турціи), неоднократно посѣщалъ Аѳонскую гору, заинтересовался историческимъ прошлымъ святогорскаго иночества и постарался, на сколько это было для него возможно, изучить «главнѣйшіе документы», относящіеся къ этому любопытному прошлому, разыскивая эти «документы» въ многочисленныхъ книгохранилищахъ Аѳона. Причину своего интереса къ аѳонскому монашеству г. Мейеръ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Аѳонъ со временъ Комниновъ считается [illegible] греческаго монашества. Правда, говоритъ авторъ, были также и другія монастырскія общины, каковы на горѣ Латросѣ въ Милетѣ, Олимпъ въ Малой Азіи, [illegible] на Пропонтидѣ (der [illegible] an der Propontis), существующіе досихъ монастыри метеорскіе въ Ѳессаліи и по большей части монастыри [illegible], [illegible] многіе изъ нихъ, какъ напр. [illegible] на Патмосѣ, святогробскій монастырь [illegible] Синайскій пользовались большимъ вліяніемъ [illegible] монастырскія общины [illegible]

все же далеко выше пхъ. Но пзъ нихъ, кромѣ Аѳона и Метеора, всѣ снесены на половину бурями времени. Послѣдніе никогда не имѣли обширнаго значенія. Итакъ, остается только община 20 аѳонскихъ монастырей, которая имѣла громадное вліяніе на греческую монашескую жизнь; ея православіе лишь изрѣдка омрачалось (?); она выработала въ отшельничествѣ мистику до высшей степени; *она создала въ идіоритмѣ новую форму монашеской жизни;* она сохранила всѣ другія формы ея — киновіальную, келліотскую, скитскую и отшельническую (der Eremiten). Ея богослужебный уставъ слыветъ за совершенство. Такимъ образомъ, исторія аѳонскихъ монастырей можетъ служить примѣромъ въ исторіи греческаго монашества вообще, и сама считается образцемъ. Тотъ, кто знаетъ исторію монастырей Святой горы, знаетъ исторію греческаго монашества въ его *совершеннѣйшей формѣ*» (S. 3—4). Къ сожалѣнію, авторъ «совершеннѣйшею формою» святогорскаго монашества считаетъ «новую форму иноческой жизни — *идіоритмъ*», которую и превозноситъ восторженными похвалами, характеризуя, въ противовѣсъ ей, весьма не симпатичными чертами «старый идеалъ» греческаго восточнаго монашества, такъ какъ этимъ идеаломъ требовалось будто-бы лишь «выполнять заповѣди Христа «внѣ свѣта», посредствомъ отреченія отъ всѣхъ натуральныхъ и этическихъ общинныхъ формъ со всѣми ихъ отношеніями». «Всякая нравственная дѣятельность (alle sittliche Bethätigung) для греческаго инока, разсуждаетъ г. Мейеръ, принадлежитъ «свѣту»; одно религіозное, съ исключеніемъ моральнаго, должно наполнять его жизнь. Онъ хочетъ жить аскетизмомъ, мистикою, въ неземномъ; быть соединеннымъ съ Божіимъ естествомъ и посредствомъ этого пріобщиться уже на землѣ вѣчной жизни» (S. 1). Приговоренное «къ неизмѣнности» въ своемъ стремленіи къ указанному идеалу, осуществлять который православная церковь не только не препятствуетъ, такъ какъ она, по словамъ г. Мейера, не знаетъ «никакого другого идеала», но даже всячески поощряетъ, восточное монашество для большаго уничиженія противопоставляется монашеству западному, которое, по словамъ автора, преслѣдуетъ «задачи культуры въ обширнѣйшемъ смыслѣ» (тамъ же). Крайне несимпатичный и совершенно непонятный автору-протестанту идеалъ православнаго иночества глубоко печалитъ его, и онъ, навѣрное, отказался бы совершенно отъ изученія его прошлаго и настоящаго, если бы въ исторіи этого монашества онъ не встрѣтилъ для себя симпатичнаго явленія, заключающагося въ стремленіи аѳонскихъ греческихъ иноковъ къ идіоритму, которое началось на Аѳонѣ съ 1400 года. Нашего автора ни мало не смущаетъ то хорошо извѣстное ему обстоятельство, что восточная «церковь, вѣрная своимъ преданіямъ, выступаетъ рѣзко противъ идіоритмическихъ монастырей» (S. 2), которые, и по его сознанію, «грѣшили многократно упадкомъ иноческой жизни» вообще, способствовали «упадку общинной жизни» въ частности, открывали доступъ въ нихъ личному имущественному владѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ «роскоши и свѣтской жизни»

(S. 2—3). Г. Мейеръ не отрицаетъ всѣхъ указанныхъ анормальныхъ явленій въ иночествѣ идіоритмовъ, но въ защиту «этой совершеннѣйшей формы иноческой жизни» онъ дѣлаетъ оговорку, что всѣ указанные недостатки — явленія неизбѣжныя въ переходное время отъ одного порядка къ другому, отъ суровой дисциплины къ полной свободѣ, когда «монахи не были еще подготовлены, чтобы усвоить и переработать нравственно высшую ступень» (S. 3), и къ тому же они съ избыткомъ вознаграждаются неизвѣстными прежнему идеалу восточнаго монашества весьма симпатичными явленіями. «Вмѣстѣ съ имуществомъ, по словамъ Мейера, вступаетъ въ монастырь нравственная жизнь «свѣта», «культура». «Владѣющій имуществомъ не только въ интересахъ монастыря, какъ было доселѣ, но и по своимъ собственнымъ вступаетъ въ сношенія «съ внѣшнимъ міромъ». Въ монастыри-идіоритмы проникаетъ «интересъ къ образованію и знанію, къ задачамъ культуры, къ національности» (S. 2). Въ главнѣйшихъ представителяхъ этой новой системы монашества на Аѳонѣ, какъ напр., въ Лаврѣ, Ватопедѣ и Иверѣ г. Мейеръ наблюдалъ, во время своего путешествія по Аѳону, что «тамъ монахи суть личности, тамъ интересуются знаніемъ, тамъ занимаются отечественною политикою, тамъ встрѣчается деликатное полное достоинства обхожденіе» (S. 3), и вообще нынѣ монастыри идіоритмовъ будто-бы «отличаются высокимъ нравственнымъ отпечаткомъ» (Edend.). Въ своемъ увлеченіи идіоритмами, какъ «новою и *совершеннѣйшею* формою монашеской жизни», авторъ доходитъ до того, что начинаетъ вѣрить, что рано или поздно греческій народъ «въ лучшихъ своихъ силахъ» выведетъ восточную православную церковь изъ «пассивности» и «отстраненія отъ свѣта», и даже увѣряетъ, что она «въ сущности какъ бы находится на пути» уже къ этому. «Тогда идіоритмическіе монастыри займутъ мѣсто въ церкви и жизни народа» (S. 3) то самое, какое имъ принадлежитъ по праву. «Вотъ какія мысли, на сколько онѣ относятся къ монашеству, руководили авторомъ въ его работѣ». (Ebend.). Съ точки зрѣнія этихъ мыслей и всю исторію аѳонскаго монашества г. Мейеръ подѣлилъ на два періода — *киновіальный* и *идіоритмію*.

Мы нарочито сдѣлали довольно подробный анализъ предисловія разбираемой нами книги г. Мейера, чтобы познакомить нашихъ читателей съ тѣми «мыслями» и «надеждами», съ которыми онъ приступилъ къ изученію историческаго прошлаго святогорскаго монашества и «главныхъ документовъ» для него. Изъ этого анализа видно, что авторъ, во-первыхъ, совершенно не понимаетъ идеала восточнаго монашества, а во-вторыхъ, въ сужденіяхъ о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ этомъ монашествѣ онъ довольствуется своими личными *случайными* впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства лишь съ весьма немногими монастырями Аѳонской горы. По откровенному признанію автора, онъ знаетъ аѳонскіе монастыри: Лавру, Ватопедъ и Иверъ (S. 3); для ученыхъ разысканій онъ посѣтилъ Троицкую келлію близъ Кареи (S. 273) и Ксиропотамскій мо-

настырь (S. 278), т. е. лишь нѣкоторые аѳонскіе монастыри и при томъ всѣ съ внутреннимъ устройствомъ по излюбленной имъ системѣ *idіоритма*. Изъ книги мы не видимъ, чтобы г. Мейеръ заглянулъ хотя бы въ одинъ аѳонскій монастырь съ инымъ устройствомъ — по системѣ *киновіатской*, которая такъ не нравится ему. Не удивительно поэтому, что въ его сужденіи о современныхъ аѳонскихъ идіоритмахъ много субъективнаго, пристрастнаго и односторонняго.

И въ киновіальныхъ святогорскихъ монастыряхъ, какъ мы знаемъ, встрѣчаются личности, интересующіяся «знаніемъ» и не безъизвѣстныя даже въ литературѣ (см. нашу книгу: «Русскіе на Аѳонѣ Спб. 1895 г. стр. 326 — 331; Ср. Исторію Аѳона пр. Порфирія ч. III, стр. 528—534, Спб. 1892 г.). Монахи этихъ монастырей внимательны, вѣжливы и предупредительны въ обхожденіи съ посѣтителями ихъ обителей и служатъ послѣднимъ безкорыстно, не зная себѣ покоя ни днемъ ни ночью, единственно ради подвига послушанія. Архондаричный идіоритмовъ и его помощникъ безъ «бакшиша» весьма скупы на угощеніе, и не особенно радушны въ пріемѣ посѣтителей. Кто посѣщалъ св. Аѳонскую гору съ цѣлями научными, тотъ хорошо знаетъ, что несравненно легче и скорѣе можно получить доступъ для занятій въ библіотекахъ киновіальныхъ монастырей, чѣмъ идіоритмовъ, гдѣ библіотечный ключъ находится въ безконтрольномъ распоряженіи библіотекаря, весьма часто по своимъ дѣламъ и по разнымъ предлогамъ отсутствующаго изъ монастыря. Что касается интереса къ «національной политикѣ», то онъ въ одинаковой мѣрѣ присущъ и тѣмъ и другимъ монастырямъ. Доказательствомъ этого можетъ служить глава разбираемой нами книги подъ заглавіемъ: «Der Kampf der Nationalitäten auf dem Athos» (S. 88—99), въ которой дѣйствующими лицами являются представители тѣхъ и другихъ монастырей. При отсутствіи интереса къ «національной политикѣ», не могло бы быть тѣхъ печальныхъ явленій, какія видѣла у себя св. Аѳонская гора, и о какихъ кратко лишь повѣствуетъ указанная глава настоящей книги. Аттестуя нравственную жизнь иноковъ монастырей-идіоритмовъ нашего времени превосходными похвалами, г. Мейеръ самъ говоритъ, что эти монастыри въ прежнее время грѣшили «*многократно* упадкомъ иноческой жизни», что въ нихъ проникала страсть «къ роскоши и свѣтской жизни», необходимыми спутниками которой являются чуждые истинному монашеству пороки — корыстолюбіе, подкупы, неправда и тяжкія обиды невинныхъ бѣдняковъ. Напрасно г. Мейеръ не присмотрѣлся повнимательнѣе къ повседневной сибаритской жизни нынѣшнихъ проэстосовъ аѳонскихъ идіоритмовъ, услаждаемой юными безбородыми докимами, къ комфортабельной обстановкѣ ихъ келлій. Напрасно онъ не заглянулъ въ кинотскія рѣшенія, направлявшіяся неоднократно къ устраненію всѣми хорошо сознаваемаго зла и всякій разъ безуспѣшно, это къ удаленію съ Аѳона безбородыхъ юношей, свѣтскихъ купцовъ и т. п. прежде чѣмъ рѣшился аттестовать, что монастыри идіоритмовъ нынѣ «отличаются вы-

сокимъ нравственнымъ отпечаткомъ». А какъ и чѣмъ объяснитъ авторъ тотъ знаменательный фактъ въ жизни святогорскаго иночества, что киновіи, бѣдно обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, процвѣтаютъ на Аѳонѣ, даже изъ пепла возраждаются (напр., Симоно-Петрскій монастырь), тогда какъ богатые и знаменитые монастыри-идіоритмы приходятъ въ запущеніе и ветхость (напр., Хиландарь), а иногда бываютъ близки къ закрытію (какъ напр. въ недавнее время патріаршій Ставро-Никитскій монастырь)? Все это факты, надъ которыми нелишне поразмыслить восторженному поклоннику аѳонскихъ монастырей-идіоритмовъ...

Вся книга, кромѣ предисловія, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Содержаніе перваго, можно сказать, вводнаго отдѣла составляютъ только три главы общаго характера. Въ первой главѣ авторъ группируетъ правила иноческой жизни св. Василія Великаго, котораго онъ считаетъ «основателемъ греческаго монашества въ киновіатской формѣ» (S. 6); во второй обозрѣваетъ законодательство относительно монашества византійскаго императора Юстиніана I, признавшаго за «киновіальною формою» его государственное значеніе (S. 11), нисколько не касаясь, за исключеніемъ постановленій императора Льва Мудраго (886—911), позднѣйшаго законодательства относительно того же предмета и ограничиваясь однимъ простымъ заявленіемъ, что «законодательство позднѣйшихъ императоровъ не отступало отъ путей Юстиніана» (S. 14), и въ третьей выясняетъ «значеніе Студійскаго монастыря для греческаго монашества въ средніе вѣка» (S. 15). Наибольшій интересъ для читателя представляетъ эта послѣдняя третья глава, въ которой авторъ знакомитъ съ историческою судьбою студійскаго устава на востокѣ [1]) и даже въ предѣлахъ нашего отечества. Правда, новаго и оригинальнаго въ этой главѣ ничего нѣтъ, авторъ повторяетъ большею частію вещи знакомыя. Онъ говоритъ, напр., что Ѳеодоръ Студитъ разработалъ правила киновіальной монашеской жизни до мелочей (тамъ же), его «Διαθήκη» считаетъ онъ совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ», а «Ὑποτύπωσις» лишь «съ большею вѣроятностію» приписываетъ сему отцу и то только въ его «основѣ» (in ihrer Grundlage) (S. 16), утверждаетъ, что св. Аѳанасій Аѳонскій первый(?) воспользовался правилами пр. Ѳеодора Студита въ своемъ «Ὑποτύπωσις'ѣ» и даже въ «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικόν'ѣ» и т. п. Новою и оригинальною можно считать лишь его мысль о томъ, что правила пр. Аѳанасія Аѳонскаго «сдѣлались мѣриломъ для другихъ аѳонскихъ монастырей вообще» (тамъ же), но согласиться съ этою мыслію едва ли возможно, такъ какъ данныхъ у насъ для такого утвержденія не имѣется. Мы лично, напротивъ, имѣемъ

1) Напрасно г. Мейеръ включаетъ въ число лицъ, которымъ хорошо былъ извѣстенъ студійскій уставъ, и св. Христодула основателя Іоанно-Богословскаго монастыря на Патмосѣ (S. 18), такъ какъ послѣдній въ своемъ «Ὑποτύπωσις'ѣ» всюду говоритъ объ *іерусалимскомъ уставѣ* и ничѣмъ не даетъ знать, что ему была извѣстна хорошо и практика Студійскаго монастыря. Miklos. et Müll. Acta et diplomat. monasteriorum et ecclesiarum orientis. Vindob. 1890. t. III, pag. 71, 88.

нѣкоторыя основанія думать, что, напр., въ Хиландарскомъ аѳонскомъ монастырѣ въ богослужебной и монастырской практикѣ пользовались своимъ уставомъ, который далъ ему его основатель Савва Сербскій, позаимствовавъ его изъ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря [1]). Существуютъ нѣкоторыя и другія данныя, на основаніи которыхъ можно полагать, что правила пр. Аѳанасія Аѳонскаго въ аѳонскихъ монастыряхъ, кромѣ лавры, не имѣли значенія; они руководились своими особыми самостоятельными уставами. Можно, пожалуй, допустить, что названныя правила имѣли практическое значеніе въ Иверѣ, какъ монастырѣ, который находился въ постоянномъ и живомъ духовномъ общеніи съ лаврою пр. Аѳанасія Аѳонскаго.

Доказывая зависимость «Ὑποτύπωσις'а» пр. Аѳанасія Аѳонскаго отъ Ὑποτύπωσις'а пр. Ѳеодора Студита путемъ сопоставленій однородныхъ правилъ въ томъ и другомъ памятникахъ (S. 17—18), г. Мейеръ нисколько не обращаетъ вниманія на крупные недостатки [2]) въ текстѣ Ὑποτύπωσις'а пр. Ѳеодора Студита, изданномъ кардиналомъ Анджеломъ *Маи* (Novae patrum bibliothecae t. V, 1849. pag. 111—125) и перепечатанномъ *Минемъ* въ 99 томѣ его «Patrolog. curs. complet.». Эти недостатки такъ значительны, что по мѣстамъ самая зависимость одного памятника отъ другого становится весьма сомнительною.

Второй отдѣлъ книги г. Мейера посвященъ «развитію святогорскаго монашества до введенія идіоритмической системы» (S. 22—56). Содержаніе этого отдѣла составляютъ слѣдующія главы: a) жизнь св. Аѳанасія Аѳонскаго и основаніе имъ лавры на Аѳонѣ, b) внутреннее устройство быта въ этомъ монастырѣ и c) въ другихъ святогорскихъ обителяхъ, d) упорядоченіе ихъ жизни, при помощи Типикона императора Константина Мономаха, e) время Комниновъ въ исторіи аѳонскаго монашества, f) время крестоносцевъ, g) время подчиненія св. Горы константинопольскому патріарху и h) замѣчаніе о келліи пр. Саввы Сербскаго близъ Кареи и объ его Типиконѣ.

Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ обозрѣваетъ исторію аѳонскаго монашества «отъ появленія въ монастыряхъ идіоритма до нашего времени» (S. 57—99). Сюда входятъ главы: a) введеніе на Аѳонѣ идіоритмической системы монашеской жизни, b) время упадка аѳонскаго монашества, c) начало возрожденія его, d) богословскіе споры въ XVIII столѣтіи: о поминовеніи усопшихъ, о причащеніи св. Таинъ, e) новый строй монашеской жизни на св. Горѣ—идіоритмическій и f) борьба національностей на Аѳонѣ.

Изъ краткаго обозрѣнія содержанія настоящей книги ясно видно, что обстоятельности, полноты, всесторонняго изученія всѣхъ затронутыхъ въ ней вопросовъ *на семидесяти девяти страницахъ* нельзя требовать отъ автора, и мы вполнѣ были бы удовлетворены, еслибы нашли здѣсь же-

1) См. нашу книгу «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока». Кіев. 1895 г. т. I, ч. I, стр. XLV—XLIX.

2) Тамъ-же стр. XIV—XIX.

лательныя въ подобныхъ изданіяхъ точность, ясность изложенія и настоящую историческую правду. Къ глубокому сожалѣнію, указанныя качества не составляютъ достоянія книги г. Мейера въ надлежащей мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что онъ взялся за изученіе исторіи Аѳона безъ необходимой подготовки, не ознакомившись предварительно съ богатою литературою избраннаго имъ предмета на языкахъ русскомъ, французскомъ и даже греческомъ. Руководствомъ при отысканіи въ библіотекахъ письменныхъ источниковъ для исторіи Аѳона автору, по его словамъ, главнымъ образомъ служилъ «ненапечатанный еще (нынѣ уже появившійся въ свѣтъ на англійскомъ языкѣ) [1]) каталогъ аѳонскихъ рукописей профессора Аѳинскаго университета *Ламброса*, обработанный, по словамъ г. Мейера, съ большою точностію» (mit grosser Genauigkeit) (S. 5), хотя въ дѣйствительности, сколько можно судить по изданной тѣмъ же профессоромъ первой части этого каталога на греческомъ языкѣ [2]), онъ весьма далекъ отъ приписываемыхъ ему совершенствъ. Въ сущности же пособіями были: 1) поверхностно и съ большими ошибками составленная константинопольскимъ ученымъ Мануиломъ Гедеономъ книжка: «Ὁ Ἄθως», называемая почему-то г. Мейеромъ «превосходною» (тамъ же) и 2) еще болѣе сомнительнаго достоинства источники—греческія константинопольскія газеты, аѳонскіе путеводители, извѣстная книга «любителя истины», написанная по поводу процесса въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ и др. Не удивительно поэтому нисколько, что подъ вліяніемъ указанныхъ источниковъ и пособій въ разбираемую нами книгу попали свѣдѣнія не только ошибочныя, но положительныя небылицы, выдуманныя въ пылу газетной страстной полемики. Такъ напр., въ главѣ: «борьба національностей» есть строки, очевидно написанныя со словъ константинопольскихъ публицистовъ 1877 года, весьма враждебно относившихся къ русскимъ инокамъ на Аѳонѣ. О покойномъ игуменѣ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря архимандритѣ Макаріѣ (Сушкинѣ), уроженцѣ города Тулы, г. Мейеръ выражается, что онъ «былъ другъ русскихъ, если не настоящій русскій» (ein Russenfreund, wenn nicht ein Russe selbst) (S. 95): слова во всякомъ случаѣ неточныя.

Что касается отмѣченной выше краткости въ исторіи Аѳона г. Мейера, то мы предъявлять къ нему требованій на этотъ счетъ и не имѣемъ права, такъ какъ онъ сдѣлалъ по этому поводу нужную оговорку. «Иное извѣстное, пишетъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, я обошелъ, относительно иного я могъ сослаться на мою статью въ періодическомъ изданіи по церковной исторіи, другое, чего документы не касаются, или чего они касаются бѣгло, я долженъ былъ изложить пространнѣе. Я старался также указать на главныя линіи соединенія (Hauptverbindungslinien)

1) Spyr. P. Lambros. Catalogue of the Greek manuscript on mount Athos. vol. 1, Cambridge. 1895.

2) Σ. Π. Λάμπρος. Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγίου ὄρους ἑλληνικῶν κωδίκων. τ. α. μ. α'. ἐν Ἀθήν. 1888.

съ общею исторіею греческаго монашества» (S. 4—5). Однимъ словомъ, цѣль изданія въ свѣтъ разбираемой нами книги — обнародованіе «главныхъ документовъ для исторіи Аѳона», а его историческіе очерки, распредѣленные по перечисленнымъ выше главамъ, суть только краткіе комментаріи къ издаваемымъ документамъ. Рекомендуя свой трудъ съ этой стороны и выражая надежду, что онъ именно въ этомъ отношеніи окажется удовлетворительнымъ, авторъ тѣмъ самымъ обязываетъ критику оцѣнивать его работу только съ соотвѣтственной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, XXIV номера «важнѣйшихъ документовъ для исторіи Аѳона», обнародованныхъ г. Мейеромъ и занимающихъ въ его книгѣ болѣе половины (S. 102—269) всего ея объема, и безъ всякихъ комментаріевъ къ нимъ могутъ считаться цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую науку. И нисколько поэтому не удивительно, что за границею и даже у насъ въ Россіи [1]) появленіе настоящей книги встрѣчено весьма сочувственно. Мы, однакоже, не можемъ раздѣлять расточаемыхъ по адресу г. Мейера восторговъ, такъ какъ обнародованные имъ документы, за немногими исключеніями, или не представляютъ новизны и въ исторической литературѣ извѣстны по другимъ трудамъ, или же сами по себѣ малоцѣнны въ научномъ отношеніи. Такъ напр., документъ № 1 «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ» извѣстенъ уже былъ по книгѣ г. Мануила Гедеона, который напечаталъ его по Иверской рукописи въ книгѣ: «Ὁ Ἄθως» 1884 ἐν Κωνσταντ., а документы № 2 и № 3, происхожденіе которыхъ связывается съ именемъ того же преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго, въ нашей литературѣ были обнародованы въ русскомъ переводѣ [2]), правда, съ нѣкоторыми пропусками, покойнымъ настоятелемъ нашей миссіи въ Іерусалимѣ архимандритомъ Антониномъ [3]); документы № 4, № 5 и № 6 напечатаны пр. Порфиріемъ Успенскимъ въ его «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I, Кіев. 1877, стр. 265—271, 277—289 и 355—377; въ «Ἀθωνιάς» Δ. Πίστη «Περιγραφικὴ ἱστορία τοῦ ἁγίου ὄρους Ἄθω». Ἐν Θεσσαλον. 1870. σελ. 32—42 и въ «Ὁ Ἄθως» Гедеона Мануила σελ. 101—106; документъ № 7, содержащій въ себѣ переводъ на греческій языкъ устава пр. Саввы Сербскаго для карейской келліи, печатался въ оригиналѣ многократно [4]);

---

1) Такіе отзывы напечатаны въ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. Новороссійскомъ Университетѣ. IV. Византійское отдѣленіе II, Одесса. 1894 г. стр. 123—127 и въ Христіан. Чтеніи за 1895 г. № 11—12 стр. 579, гдѣ настоящая книга приписывается даже *Эриху Мейеру*, «первому въ Европѣ знатоку новѣйшей греческой литературы и исторіи». Изъ хвалебныхъ отзывовъ за границей мы читали отзывы въ «Byzantinische Zeitschrift» и въ «Theologische Literaturzeitung».

2) Въ греческомъ подлинникѣ были извѣстны у насъ лишь небольшіе отрывки изъ документовъ № 1 и № 2, напечатанные пр. Порфиріемъ въ «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I, стр. 335 и ч. III. отд. II, стр. 1081—1082.

3) Замѣтки поклоника св. Горы. Кіев. 1864, стр. 173—182; 199—212.

4) Арх. *Леонидъ*. Чтен. въ истор. общ. истор. и древн. Россійск. 1867 г. кн. IV, стр. 133—136.

документы №№ 8, 9, 10, 11, 12, 15 и 20 изданы уже въ свѣтъ пр. Порфиріемъ Успенскимъ въ продолженіи «Исторіи Аѳона» (изданіе Академіи Наукъ) ч. III, отд. II, Спб. 1892 г. подъ № 3 (стр. 619—620), № 10 (стр. 650—654), № 22 [1]) (стр. 673), № 22 (стр. 667—673), № 24 (стр. 675—685), № 90 (стр. 1058—1061) и № 92 [2]) (стр. 1062—1067), документы подъ № 19 обнародованы тѣмъ же издателемъ въ его «Второмъ путешествіи по св. Аѳонской горѣ» М. 1880 г. стр. 482—485, но съ тою разницею противъ изданія г. Мейера, что первая грамата (A) напечатана сокращенно, вторая (B) цѣликомъ и четвертая (D) съ пропускомъ, (по Мейеру S. 237), въ 30 строкъ, граматы же третья (C) и пятая (E) пр. Порфиріемъ совсѣмъ опущены. Относительно граматы 1875 г. патріарха Константинопольскаго Іоакима № 24, которою покойный архимандритъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря Макарій (Сушкинъ) былъ утвержденъ игуменомъ названной обители, г. Мейеръ прямо заявилъ, что она переписана имъ съ печатнаго оригинала (aus dem Druck abgeschrieben) константинопольскаго изданія (S. 279). Такимъ образомъ, новыми, неизданными въ свѣтъ, если только мы не ошибаемся, документами въ книгѣ г. Мейера являются 1) грамата Константинопольскаго патріарха Іоакима I (1498—1502, 1505—1506) 1498 года относительно рукоположенія прота Св. Горы и игумена лавры патріархомъ вселенскаго престола и относительно недопущенія на св. Гору безбородыхъ юношей подъ № 13, 2) выдержки изъ Иверской рукописи XVI в. № 595, заключающія въ себѣ наставленія монаха Пахомія касательно монашескихъ общежитій на Аѳонѣ, подъ № 14, 3) письмо нѣкоего іеромонаха Діонисія въ карейскій протатъ съ обличеніями противъ роскошной не монашеской жизни иноковъ св. Горы, которая вызывала потребность въ большихъ средствахъ и необходимость чрезъ это кредитоваться за большіе проценты у иноковъ той же Горы, подъ № 16, 4) извлеченія изъ рукописи XVII в. № 208 Иверской библіотеки съ наставленіями относительно жизни, поведенія и духовныхъ упражненій для иноковъ-келліотовъ подъ № 17, 5) достовѣрные разсказы старцевъ объ откровеніяхъ и чудесахъ, бывшихъ на Аѳонѣ, изъ Ксиропотамскаго кодекса XVIII в. № 97 подъ № 18, 6) грамата Константинопольскаго патріарха Ѳеодосія II (1769—1773 г.) къ монахамъ св. Горы съ убѣжденіемъ прекратить споры о поминовеніяхъ и грамата патріарха Константинопольскаго Гавріила IV (1780—1784), датированная 1781 годомъ, разрѣшающая священнослуженіе іеромонаху Аѳанасію (Ἀθανάσιος ὁ Πάριος), подъ № 19, 7) уставъ для скита Предтечи, составленный Иверскимъ киріархическимъ монастыремъ въ 1788 году, подъ № 21, 8) грамата Константинопольскаго патріарха Софронія II (нынѣ здравствующаго александрійскаго патріарха) 1864 г.,

1) Отрывокъ изъ этого документа напечатанъ у Гедеона въ его «Ὁ Ἄθως» σελ. 116—118 и въ цѣломъ видѣ у Δ. Πίστη, «Περιγραφική ἱστορία» σελ. 86—92.

2) Съ пропусками эта грамата раньше была напечатана пр. Порфиріемъ во «Второмъ путешествіи по св. Аѳонской горѣ» стр. 496—498.

направленная къ тому, чтобы урегулировать отношенія келліотовъ къ монастырямъ, на земляхъ которыхъ они, по извѣстному договору, селились подъ № 22, и 9) образцы «омологій», или договорныхъ граматъ, заключаемыхъ на извѣстныхъ условіяхъ и нынѣ между монастырями и ихъ келліотами и кавіотами или каливитами, подъ № 28. Всѣ указанные нами девять номеровъ вновь изданныхъ г. Мейеромъ документовъ, какъ это видно изъ краткаго обозрѣнія ихъ содержанія, могутъ быть не безполезнымъ матеріаломъ для полной исторіи святогорскаго монашества, но всѣ они, за исключеніемъ, пожалуй, граматъ Константинопольскихъ патріарховъ Іоакима I, Софронія II и отчасти Θеодосія II, ни въ какомъ случаѣ уже не могутъ претендовать на названіе «главныхъ документовъ» его (die Haupturkunden). Безъ этихъ документовъ эта исторія мало потеряла бы въ цѣльности и даже обстоятельности. Это съ одной стороны. Съ другой, въ нашей русской исторической наукѣ образчики «омологій», характерные примѣры видѣній и чудесъ, совершившихся на Аѳонѣ, извѣстны давнымъ давно изъ «Перваго путешествія въ Аѳонск. монастыри и скиты» Кіев. 1877 г., ч. I, отд. I, стр. 266—269 и изъ «Исторіи Аѳона» ч. III, отд. I, стр. 166, 167 и др. Преосвященнаго Порфирія Успенскаго.

Параллельныя, однако, изданія однихъ и тѣхъ же документовъ возможны не только въ двухъ совершенно различныхъ литературахъ, изъ коихъ одна, т. е. нѣмецкая, не хочетъ признавать другую, но даже и въ одной и той же литературѣ. Научная критика въ этомъ случаѣ отдаетъ предпочтеніе обыкновенно тому изданію, которое сдѣлано съ большею затратою энергіи въ дѣлѣ собиранія лучшихъ оригиналовъ для издаваемыхъ памятниковъ, если, конечно, нельзя отыскать самыхъ автографовъ ихъ, и если найденные издателемъ тексты подвергнуты прежде своего появленія на свѣтъ Божій всестороннему строго-критическому изученію. Разсматривая разбираемую книгу г. Мейера въ первомъ отношеніи, мы должны сказать, что она стоитъ немногимъ выше другихъ подобныхъ изданій въ литературахъ нашей русской и греческой. Какъ не разхваливаетъ г. Мейеръ гостепріимство аѳонскихъ монастырей-идіоритмовъ и ихъ «деликатное полное достоинства обхожденіе», тѣмъ не менѣе изъ его книги не видно, чтобы иноки этихъ монастырей отнеслись къ нему съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ прочимъ путешественникамъ-иностранцамъ по св. Горѣ, и настежь растворили передъ нимъ двери своихъ завѣтныхъ скевофилакій и библіотекъ. Напротивъ, изъ книги г. Мейера мы видимъ ясно, что и ему, какъ и другимъ ученымъ, не было доступно *главнѣйшее хранилище важнѣйшихъ документовъ святогорскаго иночества* — архивъ Карейскаго протата, а изъ монастырскихъ библіотекъ онъ хорошо ознакомился съ ихъ сокровищами лишь въ Иверѣ, въ лаврѣ пр. Аѳанасія Аѳонскаго и отчасти въ Ксиропотамѣ, издавъ изъ рукописей послѣдняго одинъ документъ № 18. Главнымъ же источникомъ, изъ котораго онъ извлекъ важнѣйшіе документы для исторіи аѳонскаго монашества, послужила рукопись весьма не древняго происхожденія (уставъ, напр., импера-

тора Іоанна Цимисхія списанъ сюда съ подлинника (ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου) только *въ 1784 году 14 октября*), найденная издателемъ въ келліи св. Троицы близъ Кареи (S. 273). Въ силу этого, весьма понятно, у г. Мейера оказалось немного документовъ, обнародованныхъ по подлинникамъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ хрисовулъ императора Андроника подъ № 9, хрисовулъ императора Мануила подъ № 12, грамата Константинопольскаго патріарха Іереміи II [1]) подъ № 15, уставъ Иверскаго скита Предтечи подъ № 21 и образцы «омологій» подъ № 23; сюда же можно относить первые три документа и выдержки изъ рукописей подъ №№ 14, 17 и 18, а всѣ прочіе документы заимствованы изъ разновременныхъ и не отличающихся особенною древностію своего происхожденія рукописей Ивера, лавры пр. Аѳанасія и келліи св. Троицы близъ Кареи.

Но и относительно перечисленныхъ нами сейчасъ документовъ, изданныхъ по оригиналамъ, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Во-первыхъ, хрисовулы императоровъ Андроника и Мануила были обнародованы преосв. Порфиріемъ Успенскимъ по тѣмъ же самымъ оригиналамъ, какими воспользовался для своей книги и г. Мейеръ, но безъ точнаго указанія на это немаловажное обстоятельство. Во-вторыхъ, г. Мейеръ не всегда точенъ, какъ это можно было ожидать отъ него, въ опредѣленіи хронологіи рукописей, по которымъ онъ издаетъ документы, и иногда отдаетъ предпочтеніе предъ рукописями древнѣйшими и съ точными датами позднѣйшимъ, довольно сомнительнаго происхожденія. Такъ, напр., документъ подъ № 6 «Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως καὶ Νικολάου πατριάρχου, γινομένη κατὰ διαφόρους καιρούς» изданъ г. Мейеромъ (S. 163—184 Слич. пр. Порфирія Истор. Аѳона ч. III, отд. I, стр. 355—377) по иверской рукописи, которую онъ считаетъ по происхожденію не ранѣе, какъ *около XV столѣтія* (nicht vor dem 15 Jahrhundert geschrieben) (S. 274). Но такъ какъ языкъ этого документа по своимъ особенностямъ приближается, по его мнѣнію, «къ народному греческому», то онъ отдаетъ предпочтеніе «лучшему образцу текста», отысканному имъ въ извѣстномъ уже намъ кодексѣ *1784 года* Свято-троицкой келліи близъ Кареи (S. 274). Иначе совершенно поступилъ пр. Порфирій, отыскавъ въ Иверскомъ сборникѣ, который онъ называетъ «малымъ Пандектомъ» (Πανδέκτης) въ отличіе отъ другого сборника той же библіотеки—«Большого Пандекта»,—точную хронологическую дату—*3 февраля 1514 года*. (Первое путешествіе въ Аѳонск. мон. и скиты ч. I, отд. II, стр. 204 сн. 286). Нашъ ученый отдалъ всецѣло предпочтеніе сборнику 1514 года и напечаталъ текстъ этого любопытнаго документа по нему. Отсюда и яви-

---

1) Грамата патріарха Іереміи II издана преосв. Порфиріемъ Успенскимъ по копіи, неисправной въ текстуальномъ отношеніи. Такъ напр., кромѣ небольшой разницы въ текстѣ самой граматы, мы не видимъ среди подписей имени митрополита Ираклійскаго Герасима и замѣчаемъ неточную передачу въ подписи тамъ же патріарха александрійскаго Сильвестра (Слич. S. 215—218 и Исторію Аѳона ч. III, отд. II, стр. 1058—1061).

лась разница въ распорядкѣ составныхъ частей одного и того же документа въ изданіяхъ г. Мейера и пр. Порфирія. Совершенно сходный съ Иверскимъ — Порфирьевскимъ текстъ даннаго документа мы нашли въ рукописи *XV вѣка* Московской Синодальной библіотеки № 421 (Арх. Владиміръ. Систематич. описаніе ркп. Московской синодальной библіотеки М. 1894 г. ч. I, стр. 634—635), а также у предшественниковъ г. Мейера въ «Ἀθωνιάς» Δ. Πίστη σελ. 32—42 и въ «Ὁ Ἄθως» Мануила Гедеона σελ. 101—106. Въ виду столь почтенной древности рукописей, въ которыхъ встрѣчается текстъ документа № 6, изданнаго г. Мейеромъ по единственной рукописи 1784 года Свято-троицкой келліи, мы, пока не будутъ отысканы *автографы* его, не осмѣливаемся послѣдовать за г. Мейеромъ и не рѣшаемся признавать изданный имъ текстъ «за лучшій». Насъ, признаемся, нимало не увлекаетъ приписка въ рукописи Свято-троицкой келліи: «ἀντιγραφὲν ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου ἀπαραλλάκτως» (S. 273), которую мы непрочь даже считать за стереотипъ, или простую механическую приписку писца.

Такимъ образомъ, за новою книгою г. Мейера въ концѣ концовъ мы признаемъ сравнительно съ однородными изданіями то лишь преимущество, что въ ней въ первый разъ въ цѣльномъ видѣ и послѣ тщательной провѣрки текстовъ, если не съ автографами, то по рукописямъ, весьма близкимъ ко времени происхожденія ихъ, издаются творенія основателя лавры и организатора аѳонскаго иночества пр. Аѳанасія Аѳонскаго.

Съ именемъ пр. Аѳанасія извѣстны въ наукѣ три произведенія, напечатанныя нынѣ въ книгѣ г. Мейера подъ первыми тремя номерами съ слѣдующими заглавіями: а) Τυπικὸν ἤτοι Κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, b) Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου и c) (Ὑποτύπωσις καταστάσεως τῆς λαύρας τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου). Послѣдняя статья въ рукописяхъ надписанія не имѣетъ; оно составлено издателемъ искусственно въ подражаніе 'Ὑποτύπωσις' у пр. Ѳеодора Студита, съ которымъ эта статья имѣетъ большое сходство и въ содержаніи и даже изложеніи. Г. Мейеръ въ основу своего изданія произведеній пр. Аѳанасія Аѳонскаго положилъ текстъ Иверской рукописи XVI в. № 754, какую имѣлъ подъ руками, какъ мы знаемъ, и г. Мануилъ Гедеонъ, впервые обнародовавшій Типиконъ этого отца, но сличивъ его предварительно съ текстами болѣе древнѣйшаго времени въ лаврѣ пр. Аѳанасія. Такъ, первый документъ «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικόν» г. Мейеръ сличилъ съ спискомъ «Канониконa» 1814 года, который онъ именуетъ «офиціальнымъ спискомъ» (officielle Abschrift des Kanonikon) (S. 271) за то именно, что подъ текстомъ его онъ отыскалъ многоговорящую ему приписку: «Ἴσον ἀπαράλλακτον τῆς ἱερᾶς διαθήκης τοῦ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν ἁγίου Ἀθανασίου.... ἥτις διὰ τὴν παλαιότητα τῆς γραφῆς ἤδη σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπείγετο, ὅθεν διὰ προτροπῆς τινὸς μοναχοῦ, τοῦ διδασκάλου λέγω τὴν κλῆσιν Προκοπίου ἐγράφη» κ. τ. λ. (тамъ же). Затѣмъ, при помощи «друга своего», секретаря карей-

скаго протата, iеромонаха лавры пр. Аѳанасiя о. Хрисостома, какъ первый документъ, такъ и два остальные, онъ провѣрилъ по двумъ *старымъ кодексамъ* [1]) XI столѣтiя, которые обыкновенно «никому не показываются» и ревниво оберегаются отцами лавры отъ взоровъ любопытныхъ въ завѣтной скевофилакiи (S. 272). Результатомъ послѣдней провѣрки было полное убѣжденiе г. Мейера въ томъ, что Иверскiй текстъ находится въ зависимости отъ перваго кодекса XI столѣтiя, а лаврскiй 1814 года — отъ второго кодекса начала XI столѣтiя, или автографа пр. Аѳанасiя. Что же касается Ὑποτύπωσις'а, то текстъ его въ рукописи Иверскую и Лаврскую 1814 года былъ заимствованъ изъ перваго кодекса XI столѣтiя (S. 272—273). Выборъ текста для трехъ произведенiй пр. Аѳанасiя былъ, такимъ образомъ, ясенъ для г. Мейера, и онъ, ни мало не колеблясь, напечаталъ его по Лаврской рукописи 1814 года, отмѣтивъ въ подстрочныхъ примѣчанiяхъ варiанты и по Иверской рукописи, какъ она воспроизведена г. Мануиломъ Гедеономъ, съ опущенiемъ лишь нѣкоторыхъ примѣчанiй на поляхъ ея и дѣленiй на главы. Держаться текста Лаврской рукописи 1814 года побуждало г. Мейера и то еще обстоятельство, что текстъ, напр., «Канони̂кона» пр. Аѳанасiя въ этой рукописи ближе къ тексту Ὑποτύπωσις'а пр. Ѳеодора Студита по изданiю Миня, чѣмъ въ Иверской рукописи XVI в. (S. 271).

Прiемъ г. Мейера, при изданiи текстовъ творенiй пр. Аѳанасiя Аѳонскаго, мы могли бы признать вполнѣ научнымъ и серьезнымъ, если бы онъ устранилъ тѣ недоразумѣнiя, какiя возникаютъ у читателя, при чтенiи страницъ, посвященныхъ этимъ важнѣйшимъ документамъ изъ исторiи святогорскаго иночества. Во-первыхъ, для насъ, лично знакомыхъ съ о. Хрисостомомъ, компетентность его въ палеографiи представляется весьма сомнительною, такъ какъ въ наукѣ онъ ничѣмъ еще не заявилъ себя, а между тѣмъ г. Мейеръ не только съ полнымъ довѣрiемъ относится къ сдѣланному «его другомъ» описанiю двухъ древнѣйшихъ кодексовъ лаврской скевофилакiи, но потомъ, какъ увидимъ ниже, основываетъ на немъ и свои соображенiя относительно времени происхожденiя этихъ произведенiй изъ рукъ пр. Аѳанасiя (S. 273). Во-вторыхъ, о. Хрисостомъ не обратилъ должнаго вниманiя на сохранность древнѣйшаго кодекса скевофилакiи, начала XI столѣтiя, признаваемаго имъ за автографъ пр. Аѳанасiя, а самъ г. Мейеръ не указалъ намъ, какъ это слѣдовало бы сдѣлать, въ какомъ отношенiи стоитъ этотъ кодексъ ске-

1) Г. Мейеръ, со словъ о. Хрисостома, даетъ теперь въ своей книгѣ и подробное описанiе этихъ «завѣтныхъ» кодексовъ лаврской скевофилакiи. Въ одномъ изъ этихъ кодексовъ содержится текстъ древнѣйшаго житiя пр. Аѳанасiя, изданный нынѣ проф. И. В. Помяловскимъ (Житiе пр. Аѳанасiя Аѳонскаго. Спб. 1895 г.), похвальное слово (ἐγκώμιον) въ честь преподобнаго и полный текстъ всѣхъ трехъ произведенiй его, въ другомъ же, который, по времени написанiя, можетъ относиться «къ самому началу XI в., ко времени самого Аѳанасiя, и *можетъ считаться автографомъ*»(?) (S. 273), имѣются лишь два первыя произведенiя сего отца и совершенно отсутствуетъ третье, называемое г. Мейеромъ «Ὑποτύπωσις'омъ». (S. 271—273).

вофилакіи къ тому оригиналу, съ котораго сдѣланъ «офиціальный» списокъ Каноникона или Типикона и о которомъ подпись 1814 года говоритъ, что Διαθήκη пр. Аѳанасія «διὰ τὴν παλαιότητα τῆς γραφῆς ἤδη σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπείγετο (S. 271). Не выяснено, въ-третьихъ, издателемъ съ достаточною полнотою и обстоятельностію и то, почему г. Мейеръ рѣшился лаврскій списокъ «Каноникона» 1814 года считать «офиціальнымъ». Вышеприведенная подъ этимъ спискомъ подпись (Ἴσον ἀπαράλλακτον τῆς ἱερᾶς διαθήκης κ. τ. λ.) и сходство его съ текстомъ Ὑποτύπωσις'а пр. Ѳеодора Студита въ изданіи Миня—основанія для сего недостаточныя и малоубѣдительныя. Наконецъ, въ виду неполноты описанія всѣхъ списковъ, содержащихъ въ себѣ сочиненія пр. Аѳанасія Аѳонскаго, въ книгѣ г. Мейера для насъ такъ и остался совершенно невыясненнымъ весьма важный вопросъ о подписяхъ подъ автографами, или «офиціальными» списками завѣщаній пр. Аѳанасія. Объ этихъ подписяхъ совершенно не упоминаютъ, при описаніи лаврскихъ рукописей, ни г. Мейеръ, ни «его другъ» о. Хрисостомъ, но покойный о. архимандритъ Антонинъ [1]) и Мануилъ Гедеонъ [2]) неоднократно говорятъ о нихъ, и присутствіе ихъ въ спискахъ завѣщаній, по нашему мнѣнію, придаетъ характеръ подлинности документу и было вполнѣ умѣстно и естественно.

Отлично понимая важное значеніе «завѣщаній» пр. Аѳанасія Аѳонскаго для исторіи святогорскаго иночества, г. Мейеръ остановился съ большимъ вниманіемъ и на вопросѣ о времени происхожденія или написанія св. отцемъ трехъ его произведеній и сдѣлалъ попытку дать болѣе или менѣе точное опредѣленіе его, хотя, какъ увидимъ сейчасъ, не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. Документъ № 1 «Τυπικὸν ἤτοι Κανονικόν» г. Мейеръ считаетъ написаннымъ въ началѣ 970 года, потому что въ немъ объ Іоаннѣ Цимисхіѣ (969—975), вступившемъ на византійскій престолъ, послѣ убіенія въ 969 году 16 декабря императора Никифора Фоки, говорится, какъ уже о царствующемъ императорѣ (S. 119, 273), — и даже не прочь считать смерть послѣдняго поводомъ къ написанію Типикона. Διατύπωσις, напечатанный подъ № 2, написанъ, по его мнѣнію, уже послѣ смерти императоровъ Никифора и Іоанна, при ихъ преемникѣ Василіѣ II (975—1025) Порфирородномъ, который подтвердилъ золотыя граматы своихъ предшественниковъ, т. е. близко ко времени смерти организатора аѳонскаго монашества пр. Аѳанасія, скончавшагося, по Мейеру, между 997 и 1011 годами. Документъ № 3, названный издателемъ Ὑποτύπωσις'омъ, онъ оставляетъ безъ точнаго опредѣленія времени его происхожденія и высказываетъ по поводу его сомнѣніе: вышелъ ли этотъ документъ изъ рукъ преп. Аѳанасія въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его читаемъ въ «офиціальномъ спискѣ» 1814 года, или онъ потерпѣлъ позднѣйшія измѣненія и наслоенія? Издателя смущаетъ то, по его мнѣ-

1) Замѣтки поклонника св. Горы стр. 173, 181, прим. 1, 2; 182, прим. 1—2.

2) Ὁ Ἄθως σελ. 245 σημ. *.

нію, важное обстоятельство, что Ὑποτύπωσις совершенно отсутствуетъ въ древнѣйшемъ кодексѣ лаврской скевофилакіи, признанномъ о. Хрисостомомъ за автографъ пр. Аѳанасія (S. 273).

Соглашаясь въ общемъ съ заключеніемъ г. Мейера по вопросу о времени происхожденія двухъ первыхъ документовъ, мы, однакоже, не находимъ никакихъ основаній для того, чтобы первый изъ этихъ документовъ можно было пріурочивать къ смерти императора Никифора Фоки, или видѣть въ смерти его поводъ къ написанію Канониконa, а второй считать, такъ сказать, предсмертнымъ [1]) завѣщаніемъ пр. Аѳанасія Аѳонскаго. Кончина послѣдняго, какъ извѣстно, была неожиданною. Онъ умеръ подъ сводами упавшей на него и его спутниковъ, вновь строившейся, соборной монастырской церкви. Въ частности, относительно побужденій къ составленію «τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ὑπόμνησιν, διαθήκης ἐπέχουσαν τύπον, μᾶλλον δὲ μυστικὴν οὖσαν διατύπωσιν ἔγγραφόν τε καὶ ἐνυπόγραφον» (S. 123), въ началѣ Διατύπωσις'а пр. Аѳанасій прямо заявляетъ, что для него послужили «помышленія о безвѣстномъ часѣ смерти» (τὸ τοῦ θανάτου ἄδηλον τέλος), «преимущественно же въ путешествіи моремъ, ради бывающихъ частовременно, по непостижимымъ судьбамъ Божіимъ, кораблекрушеній» (тамъ же). Отсюда, слѣдовательно, ясно, что составитель его, хотя и находился уже въ старости маститой (συγγηράσαντα) (S. 124), но былъ еще бодръ тѣломъ (ἔτι ζῶντος ἐμοῦ) (S. 123) и готовился къ новымъ плаваніямъ по морю, которое ему хорошо было знакомо, благодаря неоднократнымъ путешествіямъ по дѣламъ своей лавры въ Константинополь. Слѣдовательно, о Διατύπωσις'ѣ пр. Аѳанасія достаточно сказать, что оно написано имъ *послѣ 975 года*, когда занималъ византійскій престолъ уже Василій II Порфирородный, прозванный Болгаробойцею. Что касается третьяго документа, именуемаго Мейеромъ «Ὑποτύπωσις'омъ», то онъ написанъ пр. Аѳанасіемъ несомнѣнно раньше первыхъ двухъ. Объ Ὑποτύπωσις'ѣ ясно и опредѣленно, по нашему мнѣнію, говорится и въ «Канониконѣ» или Типиконѣ и въ Διατύπωσις'ѣ. Слѣдующія слова Типикона: «Κοινῶς ἐσθίειν παρεγγυόμεθα τοὺς οὕτως ἡνωμένους, κοινὴν τὴν πᾶσαν ἀκολουθίαν ἐπιτελεῖν ἐν τῇ ἁγίᾳ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ τήν τε νυκτερινὴν καὶ ἡμερινήν, καθὼς ἔργῳ αὐτοῖς ὑποδείξαμεν καὶ ἐγγράφως ἐντειλάμεθα καὶ παραδεδώκαμεν» (S. 116) мы безъ колебанія относимъ къ Ὑποτύπωσις'у, такъ какъ ими вполнѣ и обстоятельно характеризуется содержаніе этого памятника. Еще яснѣе и опредѣленнѣе говорится о немъ, съ указаніемъ даже на характеръ происхожденія, въ Διατύπωσις'ѣ. «Завѣщеваю, читаемъ мы здѣсь, соблюдать и въ св. церкви Божіей и въ трапезѣ и во всѣхъ другихъ службахъ уставы, какъ *письменно изложенные*, такъ и неписанно преданные (διαφυλαχθῆναί τε τοὺς τύπους, τούς τε ἐγγράφως ἐκτεθέντας καὶ ἀγράφως παραδοθέντας ἔν τε τῇ ἁγίᾳ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ, καὶ ἐν τῷ ἀριστηρίῳ, καὶ ἐν πάσαις

---

1) Въ житіи пр. Аѳанасія Διατύπωσις это завѣщаніе хотя и называется «τὴν τελευταίαν ἐντολὴν» (Помяловъ. И. В. Житіе св. Аѳанасія стр. 95), но въ томъ смыслѣ, что другихъ предсмертныхъ завѣщаній послѣ этого св. отецъ уже не писалъ болѣе.

ταῖς ἄλλαις διακονίαις), которые уложили святые и богоносные отцы, *а мы недостойные, изъ ихъ писанія и преданія по частямъ заимствовали и предали въ правило и образецъ* (ἐκ τῆς ἐκείνων γραφῆς καὶ παραδόσεως μερικῶς ἐξειλήφαμεν καὶ παρεδεδώκαμεν εἰς κανόνα καὶ τύπον τῆς καθ' ἡμᾶς λαύρας) нашей лаврѣ (S. 124). Ὑποτύπωσις пр. Аѳанасія Аѳонскаго, какъ весьма убѣдительно доказалъ г. Мейеръ цѣлымъ рядомъ сопоставленій въ первой части своей книги (S. 17 — 18), написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Ὑποτύπωσις'а, приписываемаго пр. Ѳеодору Студиту, и по содержанію представляетъ изъ себя именно уставъ (τοὺς τύπους) или сборникъ правилъ относительно порядка «богослуженія въ св. церкви», поведенія монаховъ «за трапезою» (ἐν τῷ ἀριστηρίῳ) и во время исполненія ими разнаго рода послушаній (ἐν πάσαις ταῖς ἄλλαις διακονίαις), т. е. обнимаетъ все то, что составляетъ нынѣ содержаніе документа № 3. Что же касается существующихъ разностей и несогласій въ обоихъ извѣстныхъ намъ Ὑποτύπωσις'ахъ, то ихъ нужно относить на долю того «преданія» (παραδόσεως), изъ котораго, помимо «писаній», черпалъ пр. Аѳанасій правила для устава основанной имъ лавры.

Думается намъ, что третій документъ, происхожденіе котораго связывается съ пр. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ и который въ рукописяхъ не имѣетъ прямого надписанія или заглавія, слѣдуетъ называть не «Ὑποτύπωσις'омъ, какъ это сдѣлалъ г. Мейеръ, позаимствовавъ названіе изъ однородной съ нимъ статьи пр. Ѳеодора Студита, а гораздо правильнѣе и ближе къ истинѣ: «Κανὼν καὶ τύπος». Такое наименованіе даютъ этой статьѣ и притомъ неоднократно (S. 124, 123, 113) самъ составитель пр. Аѳанасій Аѳонскій и достовѣрный его біографъ [1]), ученикъ старца Антонія (S. 129), бывшаго, въ свою очередь, преданнѣйшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ преподобнаго основателя лавры (τῷ διαδόχῳ αὐτοῦ (т. е. пр. Аѳанасія) τούτῳ δὴ τῷ νῦν ἐμῷ διδασκάλῳ, ὃς Ἀντώνιος κέκληται) [2]). Такое наименованіе памятнику, который долженъ былъ, по мысли составителя, регулировать въ основанной имъ лаврѣ строй богослужебный и внутренній монастырскій, вполнѣ подходящее и приличное. «Τύπος'омъ» называется извѣстное «завѣщаніе» пр. Саввы Освященнаго (см. наше «Путешествіе по востоку и его научные результаты». Кіев. 1890, стр. 179), по содержанію весьма сходное съ разсматриваемымъ документомъ. «Κανὼν περὶ βρώσεως καὶ πόσεως» даетъ въ 1161 году Николо-Казулянскому монастырю (въ Отранто) игуменъ его монахъ Николай (Описаніе литург. ркп., хранящихся на прав. востокѣ, т. I, ч. 1, стр. 818). Словомъ: Κανὼν или Κανονάριον несомнѣнно назывался уставъ церковной службы Константинопольской великой церкви (тамъ же стр. 110, 172, 193). Однимъ

1) Τὸ πρακτικὸν τῷ ἐρημικῷ, читаемъ мы въ житіи пр. Аѳанасія, οὐχ ὑφ' ἑτέρου, ἀλλ' ὑπὸ τῆς ἐκείνου χειρὸς τυπούμενα, ὑφ' ἧς καὶ αὐτοὶ πάντες ἦγοντο· αὐτὸς γὰρ αὐτοῖς τὰ πάντα καὶ νόμος καὶ νομοθέτης καὶ θεῖος τύπος ἐδόκει (Проф. И. В. Помяловскій. Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго стр. 52).

2) Тамъ же стр. 107 и 93.

словомъ, установляемое нами наименованіе третьему документу, съ точки зрѣнія литургической терминологіи, ни мало не должно смущать насъ, такъ какъ оно было хорошо извѣстно въ древне-византійской письменности и ничего необычнаго не представляетъ.

Когда же вышелъ изъ рукъ преп. Аѳанасія Аѳонскаго этотъ «Κανών» или «τύπος», или, какъ именуетъ его г. Мейеръ, «Ὑποτύπωσις?» Покойный пр. Порфирій Успенскій [1]) полагаетъ, что время его составленія можно относить или къ *964 году, или къ 965 г.*, когда пр. Аѳанасій, желая упрочить благосостояніе своей лавры, представилъ царю Никифору Фокѣ записку съ изложеніемъ въ ней, между прочимъ, *и полнаго устава* (καθόλον διάταξιν) ея, и когда этотъ царь не только утвердилъ данный уставъ (ἐπιβεβαιῶν), но даже издалъ особый хрисовулъ (χρυσοβούλλιον), которымъ пожертвовалъ лаврѣ 244 златицы (νομίσματα) съ доходовъ острова Лимноса (S. 114—115, 107, 109, 113). Достовѣрный біографъ пр. Аѳанасія, не довѣрять которому нѣтъ у насъ достаточныхъ основаній [2]), относитъ время составленія Κανών'а, или точнѣе полученія указанныхъ 244 златицъ для лавры къ 961 = 6469 году [3]), т. е. къ еще болѣе раннему времени. Дѣло, какъ намъ кажется, вполнѣ естественное организатору иноческой жизни на св. Горѣ, желавшему устроить ее во всѣхъ отношеніяхъ на иныхъ началахъ, чѣмъ какія практиковались до него,— начать свои реформы съ точной регламентаціи до мелочей правилъ (κανών) относительно богослужебнаго порядка въ лаврѣ, внутреннихъ взаимныхъ отношеній между игуменомъ и его помощниками, выборными должностными лицами и простыми рядовыми монахами, рѣшившимися жить по правиламъ строгаго общежитія (κοινοβία), и относительно ихъ повседневной обычной жизни, чѣмъ и является теперь передъ нами третій документъ по изданію г. Мейера. То обстоятельство, смущающее издателя, что «Κανών» или «τύπος» не находится въ древнѣйшемъ кодексѣ начала XI столѣтія лаврской скевофилакіи, признаваемомъ имъ, со словъ о. Хрисостома, за автографъ преподобнаго, если даже и полагаться на свидѣтельство «друга» г. Мейера, по нашему мнѣнію, говоритъ также за то, что это произведеніе пр. Аѳанасія вышло изъ его рукъ гораздо раньше остальныхъ, а посему естественно и не нашло себѣ мѣста въ названномъ кодексѣ. Въ лаврской

---

1) Исторія Аѳона ч. III, отд. I, Кіев. 1877, стр. 74—75.

2) Пр. Порфирій (Истор. Аѳон. ч. III, отд. I, стр. 75, прим.) не довѣряетъ датѣ, указываемой въ жизнеописаніи пр. Аѳанасія на томъ лишь основаніи, что въ 961 году Никифоръ Фока не былъ еще императоромъ и, слѣдовательно, не могъ давать пр. Аѳанасію *хрисовула*, но въ житіи говорится о граматѣ, скрѣпленной подписью и печатью (ἐπισφραγίσουσα), каковую могъ всегда дать преподобному знатный вельможа-монахолюбецъ, управлявшій престоломъ вмѣсто малолѣтняго императора Василія. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ своемъ «Канониконѣ», написанномъ, какъ уже мы сказали, когда императоръ Фока скончался, пр. Аѳанасій имѣлъ право его простую грамату именовать *и хрисовуломъ* (S. 115), императорскимъ документомъ, и едвали онъ погрѣшалъ въ этомъ случаѣ противъ исторической правды.

3) И. В. Помяловскій. Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго стр. 30.

скевофилакіи лежатъ два послѣднія произведенія пр. Аѳанасія, выражающія оба волю ктитора лавры на случай смерти и весьма нерѣдко называемыя прямо его «завѣщаніемъ» (διαθήκη), а въ жизнеописаніи даже и прямо «послѣднимъ завѣщаніемъ», и какъ таковыя, естественно, могли быть переплетены въ одинъ сборникъ и крѣпко на крѣпко, какъ безцѣнныя сокровища, всегда хранились именно въ секретѣ, вдали отъ взоровъ празднаго любопытства. Иное совершенно назначеніе имѣлъ его «Κανών или τύπος», данный въ руководство игумену и братіи: имъ руководились они въ церкви, въ трапезѣ, въ келліи и въ каждомъ затруднительномъ случаѣ; его они обязаны были знать почти наизусть, и для сего вмѣнялось въ обязанность его «*всегда читать* (πάντοτε ἐν τῇ συνοδίᾳ ἀναγινώσκεσθαι) *въ собраніи*, чтобы никто изъ братій не отговаривался невѣдѣніемъ» (S. 140). Слѣдовательно, «Κανών», или, какъ выражается въ данномъ случаѣ пр. Аѳанасій, «πάντα τὰ παρ' ἡμῶν κανονισθέντα» (тамъ же), долженъ былъ не лежать въ скевофилакіи, а всегда находиться на виду, передъ глазами всѣхъ. Ничего не можетъ быть удивительнаго, если данный памятникъ, имѣвшій столь широкое практическое употребленіе въ лаврѣ въ теченіе столькихъ вѣковъ, въ автографѣ и не сохранился до нашего времени, или, какъ выражается лаврскій списокъ его 1814 года, «σχεδὸν εἰς τὸ φθαρῆναι ἐπείγετο».

Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ дошелъ до насъ «Κανών или τύπος» пр. Аѳанасія, рѣшается, по нашему мнѣнію, легко и въ положительномъ смыслѣ. Мы не сомнѣваемся, что его мы имѣемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера своего автора. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить обнародованное недавно проф. С.-Петербургскаго Университета И. В. Помяловскимъ «Житіе пр. Аѳанасія Аѳонскаго» по рукописи XI вѣка. Житіе это принадлежитъ, какъ мы сказали, лицу, которое имѣло полную возможность собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о ктиторѣ лавры отъ своего старца и наставника Антонія, друга пр. Аѳанасія, и которому всѣ важнѣйшіе документы лавры были доступны и хорошо извѣстны. Мы считаемъ излишнимъ въ данномъ случаѣ дѣлать сопоставленія текстовъ изъ «Κανών'а» и вновь изданнаго житія преподобнаго, но не можемъ не указать нашимъ читателямъ на стр. 34—36 этого житія для примѣра, чтобы они лично могли убѣдиться, что сдѣланный составителемъ житія подробный анализъ «Κανών'а» и по мѣстамъ даже буквальными словами подлинника вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ представленіемъ объ этомъ документѣ, какъ онъ является теперь передъ нами въ разбираемой книгѣ г. Мейера. Знакомство автора жизнеописанія пр. Аѳанасія съ его «Κανών'омъ» и другими произведеніями сего отца сказывается весьма часто и на другихъ страницахъ его точнаго и тщательнаго труда (тамъ же, стр. 95 и др.). Потерпѣть большихъ измѣненій и добавленій «Κανών» пр. Аѳанасія не могъ уже потому, что онъ находился, какъ мы сказали, на глазахъ у всѣхъ, слѣдовательно, подъ строгимъ контролемъ братства. Здѣсь, если и можно вести рѣчь объ из-

мѣненіи въ «Κανών'ѣ», то нужно имѣть въ виду измѣненія качественныя, со стороны переписчиковъ, а не количественныя въ смыслѣ добавленій или сокращеній его.

Но книгу г. Мейера отличаетъ изъ ряда однородныхъ изданій не столько тщательные поиски за автографами для издаваемыхъ имъ документовъ, такъ какъ для этого онъ, какъ и его коллеги, не находился въ счастливыхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, во время своего путешествія по св. Горѣ, сколько серьезная критическая работа его надъ текстомъ этихъ документовъ. Его, такъ называемыя, «тексто-критическія примѣчанія» къ документамъ (S.270—279) показываютъ, что на эту сторону своей работы онъ направилъ главное свое вниманіе, обнаружилъ въ ней основательную филологическую подготовку и достаточно правильное пониманіе и умѣнье обращаться съ греческими текстами различныхъ эпохъ. Сознавая хорошо, что «корректуры средне-вѣкового текста въ древне-греческій были бы искусственными анахронизмами», г. Мейеръ, при изданіи своихъ документовъ, старался «по возможности оставлять найденный въ рукописи текстъ такимъ, гдѣ онъ представляется наилучшимъ, по сравненію оныхъ» (S. 270). Но, при самомъ выборѣ текстовъ, онъ, къ сожалѣнію, не всегда былъ строго послѣдователенъ. Для примѣра укажемъ на документъ № 4, содержащій въ себѣ Типиконъ императора Іоанна Цимисхія. Текстъ его г. Мейеръ заимствуетъ изъ Иверской рукописи XVI в. № 754 и изъ рукописи Свято-троицкой келліи близъ Кареи 1784 года съ припискою въ концѣ: «ἀντιγραφὲν (Τυπικόν) ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου ἀπαραλλάκτως», такъ какъ въ обоихъ этихъ кодексахъ текстъ, по мнѣнію его, равнозначущъ (ziemlich gleichwerthig), оставляя въ то же время почти безъ всякаго вниманія «сомнительный» текстъ этого документа въ плохой книжкѣ [1]) «Ἀθωνιάς» (S. 273—274). Иначе совершенно поступаетъ г. Мейеръ по отношенію къ документу № 5, въ которомъ содержится Типиконъ императора Константина Мономаха. Найдя его въ тѣхъ же рукописяхъ и въ той же книжкѣ «Ἀθωνιάς», что и предыдущій документъ, и всюду «съ испорченнымъ языкомъ» хотя и въ одинаковой редакціи, онъ считаетъ заключеніе (ἐπίλογος) въ «Ἀθωνιάς» лучше, чѣмъ въ рукописяхъ, списанныхъ, по его мнѣнію, *съ подлинниковъ*, такъ какъ это заключеніе здѣсь не укорочено. «Der Schluss in der Athonias, пишетъ Мейеръ, ist sogar besser, er ist nicht gekürzt, wie in den Handschriften (S. 274). Издается документъ, однако, по рукописямъ, и разночтенія «Ἀθωνιάς» не попали даже и въ варіанты. Въ такомъ родѣ продолжаетъ свою критическую работу надъ текстомъ г. Мейеръ и дальше, при изданіи прочихъ документовъ.

Конечно, можно не соглашаться съ издателемъ въ предпочтеніи одного текста передъ другимъ, спорить о сравнительномъ достоинствѣ

---

1) Объ этой книжкѣ Мануилъ Гедеонъ замѣтилъ: «ἀγράμματον ἔργον, πλῆρες σολοικισμῶν ἀνορθογραφιῶν» (Ὁ Ἄθως σελ. 69, σημ. 10).

ихъ по языку, а истому завзятому филологу критиковать вкусъ издателя и его филологическую помпетенцію, но отказать въ серьезномъ отношеніи къ задуманной имъ работѣ—изданія важнѣйшихъ документовъ для исторіи святогорскаго иночества никогда нельзя. Трудъ этотъ добросовѣстный и выполненъ старательно. Если мы сопоставимъ изданіе г. Мейера въ этомъ отношеніи съ изданіемъ нашего почтеннаго «доктора еллинской словесности» покойнаго пр. Порфирія Успенскаго, то всѣ преимущества падаютъ на долю перваго. У нашего историка-филолога въ изданіи документовъ замѣчается поразительная небрежность, отчасти, конечно, извиняемая поспѣшностію, съ какою онъ былъ вынужденъ работать. Пр. Порфирій списываніе документовъ съ рукописей отдавалъ иногда на волю случайныхъ переписчиковъ [1]), не заботясь о томъ, чтобы свѣрить потомъ копію съ оригиналомъ. Правда, въ этомъ своемъ излишнемъ довѣріи онъ иной разъ откровенно каялся [2]) и сожалѣлъ послѣ, но въ силу этого въ издаваемые имъ весьма важные документы проникли досадливые пропуски, грубыя описки, орфографическія ошибки и тому подобные весьма нежелательные въ ученыхъ изданіяхъ недочеты. Сопоставляя теперь капитальные труды по изученію святогорскаго иночества нашего почтеннаго историка пр. Порфирія съ разбираемою нами небольшою книжкою г. Мейера, составленною имъ съ меньшимъ въ нѣсколько разъ напряженіемъ энергіи, въ сравнительно короткій срокъ времени, но при обстоятельствахъ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ когда начиналъ свои ученыя разысканія нашъ историкъ, и съ большею тщательностію и осторожностію въ дѣлѣ оцѣнки текстовъ, мы чувствуемъ, что невольно всѣ симпатіи наши склоняются на сторону этой новой книги. И мы вполнѣ увѣрены, что ниодинъ историкъ св. Горы теперь не можетъ игнорировать разбираемаго нами труда Мейера, а за границей, судя по тѣмъ восторженно-сочувственнымъ отзывамъ критики, какими было встрѣчено ея появленіе, книга эта надолго сдѣлается руководящею по данному предмету.

Путемъ внимательнаго изученія документовъ, изданныхъ г. Мейеромъ, а отчасти при помощи сопоставленія ихъ съ подобными документами въ рукописи М. Синодальной библіотеки XV в. № 421, мы замѣтили, что въ нихъ проскользнули нѣкоторыя ошибки и даже неправильности, на которыя считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Напр., стр. 131, строк. 18 и 32 г. Мейеръ читаетъ: ἐξάψαλμον вм. ἑξάψαλμον; 132, 15 ψάλλομεν δώδεκα вм. ψαλμοὺς δώδεκα 132, 33

1) «Что напечатано здѣсь разгонисто, пишетъ пр. Порфирій Успенскій по поводу текста Типикона императора Іоанна Цимисхія, того нѣтъ въ спискѣ Аѳоно-Павловскаго монастыря, переписанномъ съ подлинника въ 1784 году. Значитъ всѣ эти слова изгладились въ семъ подлинникѣ *или не разобралъ ихъ переписчикъ*» (Исторія Аѳона ч. III, отд. I, стр. 265, прим. *).

2) «*Теперь жалѣю*, пишетъ онъ относительно подписей игуменовъ подъ уставомъ того же императора I. Цимисхія, что я не списалъ дальнѣйшихъ подписей» (тамъ же стр. 275, прим. *).

и др. Πεντεκοστῆς вм. Πεντηκοστῆς: 133.5 μετὰ τὸ προκείμενον[1]) εὐθέως τὸ Κύριε ἐκέκραξα вм. μετὰ τὸ προοίμιον κ. τ. λ.: 133.14 ἰσοταχῶς вм. ἰσοταχῶς; 134,23 ἀπαντὴν вм. Ὑπαπαντὴν τοῦ Κυρίου: 133.34 διαρκούσης вм. διαρκεσκούσης; 135,3 ἐν ταύτῃ τῇ τεσσαρακοστῇ вм. ἐν ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ; 135,10,12 λιτὰς вм. λιτῶς; 136,1 εἰ ἐπιμένοιεν τῇ κρίσει вм. εἰ ἐπιμένοι ἐν τῇ κρίσει: 136,10 οἱ δὲ μηδ' ἐν τούτοις вм. οἱ δὲ μηδὲν τούτοις: 136.32 τῶν παραψίδων вм. παροψίδων; 138,3 τὴν ἀκάθιστον вм. τὸν ἀκάθιστον: 139,6 τίθεται αὐτοῖς вм. τίθεται αὐτοῖς οἶνον; 143.1 καθ' ἑνὸν вм. κατὰ τὸ ἕνον; 143,13 ἡμῖν вм. ὑμῖν, 143,28 πρὸς ἡμᾶς вм. πρὸς ὑμᾶς; 143,33 προσμείνοντες вм. προσμείνοντας; 145,2 ἐν ᾧ βούλεται вм. ἐν ᾧ ἂν βούληται: 145.22 ἐπὶ τῷ συμφέροντι вм. ἐπὶ τὰ συμφέροντα; 146,26 συμποσιαζέτων вм. συμποσιαζέτωσαν; 148,15 εὑρεθείη ἀφεῖχθαι καὶ βοηθῆσαί τισι вм. αἱρεθείη ἀφεῖχθαι καὶ βοηθῆσαί τινι; 149,28 τὸν ἐξ ἀρχῆς παρακολουθήσαντα вм. τὸν ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν παρακολουθήσαντα; 150,19 μεγίστης вм. μεγάλης; 150.24 Ἀρσένιος ἡγούμενος вм. Ἀρσένιος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος; 151,7 Συμεὼν μοναχός вм. Σέργιος μοναχός; 151,9 Νικόλαος ἡγούμενος вм. Νικόλαος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος; 152,17 ἐν καλῷ τούτῳ σπόρῳ вм. ἐν καλῷ τούτων σπόρῳ; 158,15 ἀμετακίνηται вм. ἀμετακίνητοι; 160,1 εὐλαβέστατος Νεόφυτος вм. εὐλαβέστατος μοναχὸς Νεόφυτος; 160,29 πρώτου προκαθεζομένου вм. πρώτου προκαθεζομένου καὶ συγκαθεζομένου и т. д.

Изъ этихъ отмѣтокъ, по нашему мнѣнію, ясно видно, во-первыхъ, что г. Мейеръ далеко не всегда умѣлъ выбрать текстъ для издаваемыхъ имъ документовъ лучшій въ орѳографическомъ отношеніи и не всегда достаточно ясно выразумилъ характерныя особенности документа, а во-вторыхъ, что издаваемые въ книгѣ г. Мейера документы едвали вполнѣ близки къ своимъ автографамъ. По нашему мнѣнію, разбираемая нами книга г. Мейера является нагляднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того, что единичная работа въ аѳонскихъ книгохранилищахъ, при ихъ малодоступности, какъ-бы она ни была ведена энергично и старательно, никогда не увѣнчается желательнымъ успѣхомъ—видѣть дѣйствительную историческую правду. Только коллективная совмѣстная работа научно-подготовленныхъ людей, цѣлой ученой экспедиціи, снабженной всѣми средствами и рекомендаціями, можетъ разсчитывать на то, что передъ ней отворятся завѣтныя двери архива Карейскаго протата и скевофилакій главнѣйшихъ аѳонскихъ монастырей, какъ хранилищъ важнѣйшихъ документовъ для исторіи святогорскаго иночества. Поэтому нельзя не привѣтствовать уже созрѣвшую мысль нашей Академіи Наукъ снарядить на Аѳонъ съ указанною цѣлью ученую экспедицію изъ лицъ, заявившихъ себя въ литературѣ по изученію византійской письменности. Желательно было бы, чтобы эта мысль нашла осуществленіе на

---

1) Г. Мейеръ дѣлаетъ странную поправку этого слова и даже дважды (S. 133 not., 134 not.) въ такомъ видѣ: προκείμενον *oder* προοιμιακόν. Какъ будто бы эти слова равнозначущи!

практикѣ, и благое намѣреніе не откладывалось бы въ долгій ящикъ, такъ какъ настоящее время, въ виду мирнаго настроенія умовъ на Аѳонѣ, нужно считать для русской ученой экспедиціи туда самымъ благопріятнымъ. Само собою разумѣется, что этой экспедиціи необходимо запастись и средствами, и всевозможнаго рода рекомендаціями отъ правительствъ духовнаго и свѣтскаго, нашего русскаго и константинопольскаго.

А. Дмитріевскій.

Іеромонахъ Іоаннъ. *Обрядникъ Византійскаго двора (de ceremoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ.* Москва, 1895. II + 198.

Въ числѣ придворныхъ византійскихъ обрядовъ весьма видное мѣсто занимали выходы въ храмы, крестные ходы, разныя молебствія и другія богослужебныя дѣйствія, такъ какъ свѣтская жизнь была тогда тѣснѣе связана съ религіозной и несравненно болѣе наполнялась богослужебными дѣйствіями, чѣмъ въ наше время у людей высшаго класса.

Этотъ религіозный характеръ средневѣковой жизни со всею полнотою, какъ въ зеркалѣ, отразился на Придворномъ уставѣ, или Обрядникѣ, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Константина Багрянороднаго. Какъ извѣстно, первое мѣсто въ немъ занимаетъ сборникъ богомольныхъ выходовъ въ храмы и составляетъ значительную часть 1 книги. Другіе отдѣлы Придворнаго устава частью заключаютъ въ себѣ также описаніе богомольныхъ выходовъ, не вошедшихъ въ составъ стараго сборника, помѣщеннаго въ началѣ первой книги, частію переплетены и переполнены изложеніемъ разныхъ богослужебныхъ обрядовъ и молебствій и указаніями на нихъ, такъ какъ почти каждое значительное событіе въ жизни царей и саповниковъ освящалось религіознымъ актомъ благодаренія и моленія, выражавшемся въ богослужебномъ дѣйствіи. Потому Придворный уставъ заключаетъ въ себѣ массу матеріала, очень древняго и драгоцѣннаго, не только для свѣтской жизни византійскаго двора, но и для церковной и богослужебной жизни того времени и представляетъ собою богатый складъ данныхъ для церковной археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Несмотря на обиліе церковно-археологическаго матеріала въ Придворныхъ обрядахъ Константина Багрянороднаго, несмотря на его древность и важность, этими данными пользовались рѣдко и мало, особенно у насъ, хотя для насъ эти матеріалы представляютъ наибольшую цѣнность. Только одинъ литургистъ, покойный профессоръ московской духовной академіи Мансветовъ, воспользовался литургическими данными Придворнаго устава для церковнаго устава константинопольскихъ церквей и, за неизвѣстностію тогда другихъ литургическихъ памятниковъ, нашелъ въ Придворномъ уставѣ самыя древнія извѣстія о ходѣ церковныхъ службъ въ Константинополѣ. Другіе наши ученые пользовались

церковно-археологическими матеріалами Придворнаго устава случайно и попутно, не занимаясь имъ съ этой цѣлью специально.

Вотъ этотъ-то недостатокъ и взялся пополнить о. Іоаннъ, который поставилъ себѣ цѣлью извлечь весь церковно-археологическій матеріалъ, заключающійся въ Придворномъ уставѣ, и, обработавъ этотъ матеріалъ, въ результатѣ дать картину тѣхъ сторонъ церковной жизни въ ту эпоху, которыя затронуты въ Придворномъ уставѣ.

Сообразно съ этою задачею и собраннымъ матеріаломъ, о. Іоаннъ въ своей книгѣ трактуетъ о храмахъ и монастыряхъ Византіи, о богослуженіи Великой Церкви, которая преимущественно и чаще всѣхъ другихъ является мѣстомъ совершенія богослужебныхъ дѣйствій, о церковныхъ праздникахъ, совершавшихся въ Византіи въ теченіе года, т. е. о богослуженіи тріоднаго и синаксарнаго круга, и, наконецъ, о богослуженіи требничнаго круга, т. е. таинствахъ и молебствіяхъ по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ.

Послѣ краткаго введенія о содержаніи Придворнаго Устава и его значеніи, какъ церковно-археологическаго источника (стр. I—XIV), о. Іоаннъ въ 1 гл, посвященной храмамъ и монастырямъ Константинополя, говоритъ прежде всего о мѣстоположеніи и количествѣ храмовъ, а для уясненія топографіи храмовъ старается соединить ее съ краткою топографіею всего Константинополя и, перечисляя разныя части и мѣстности Константинополя, указываетъ и тѣ храмы и монастыри, которые здѣсь находились и которые упомянуты въ Придворномъ уставѣ. Такъ, напр., говоря о первомъ холмѣ, на которомъ находилась св. Софія, св. Ирина и Большой Дворецъ, о. Іоаннъ говоритъ о дворцовыхъ зданіяхъ и находящихся въ нихъ храмахъ и евктиріяхъ; описывая Среднюю улицу отъ Августеона до Золотыхъ воротъ, авторъ указываетъ мѣсто тѣхъ храмовъ и монастырей, которые въ Придворномъ уставѣ значатся находившимися или на этой улицѣ или бывшими близко отъ нея.

Къ сожалѣнію, въ этомъ перечисленіи храмовъ и монастырей по частямъ города ничего новаго нѣтъ, но зато попадаются нѣкоторые нежелательные промахи и неточности въ родѣ того, что «колонна (Константина «обожженная») имѣла 90 футовъ вышины и 30 футовъ въ окружности; что Новый дворецъ или дворецъ Вона (Bonus Βῶνος) находился такъ близко къ храму св. Апостоловъ, что соединенъ былъ съ катехуменами Апостольской Церкви (стр, 15), что ипподромъ находился на югъ отъ дворца (стр. 16), а не на западъ, и т. п.

Подобныхъ промаховъ и неточностей можно было легко избѣжать, потому что для исправленія ихъ не было надобности въ какихъ-нибудь усиліяхъ и поискахъ, а нужно было только относительно Ипподрома взглянуть на планъ, а относительно Новаго Дворца о. Іоаннъ, очевидно, ошибся: съ катихуменіями храма св. Апостоловъ былъ соединенъ дворецъ, бывшій при этомъ храмѣ, а Новый Дворецъ отстоялъ отъ храма св.

Апостоловъ на нѣкоторое разстояніе, которое нужно было пройти по улицѣ [1]).

Между тѣмъ изъ катихуменъ храма св. Апостоловъ былъ ходъ прямо во дворецъ, который былъ издавна при этомъ храмѣ и въ которомъ царь угощалъ патріарха, когда совершалъ богомольный выходъ въ храмъ св. Апостоловъ или смежный съ нимъ храмъ всѣхъ святыхъ, причемъ дворецъ этотъ называется «тамошнимъ» [2]).

Этотъ дворецъ былъ такъ же старъ, какъ и храмъ св. Апостоловъ, а называвшійся Новымъ дворецъ былъ, какъ говоритъ самъ о. Іоаннъ, построенъ Романомъ Лекапиномъ, слѣдовательно, при самомъ Константинѣ Багрянородномъ, составителѣ «Обрядника», въ кварталѣ Вона, или Бона (Βώνου, Boni), подлѣ цистерны того же имени. Потому этотъ дворецъ называется то Новымъ, то дворцемъ Вона, а въ обрядѣ 21 мая названъ и тѣмъ и другимъ именемъ вмѣстѣ: Ἐν τῷ νεῷ παλατίῳ τοῦ Βώνου (p. 532). Мѣсто этого квартала, названнаго по имени сановника Вона (Bonus), опредѣляли различно. Mordtmann въ своемъ планѣ Константинополя помѣщаетъ и Новый дворецъ и цистерну Вона тамъ, гдѣ теперь стоитъ громадная мечеть султана Селима, на сѣверъ отъ храма св. Апостоловъ, теперешняго мѣста мечети Махмудье.

Довольно смутныя понятія имѣетъ о. Іоаннъ о Марсовомъ полѣ, Трибуналѣ тамъ и дворцѣ. Согласно съ большинствомъ новыхъ изслѣдователей, слѣдующихъ Жиллю и Дюканжу, о. Іоаннъ помѣщаетъ ихъ около Тек-фуръ-сарая, а Евдомъ, согласно съ Унгеромъ и Кондаковымъ, на западъ отъ Константинополя на берегу Мраморнаго моря. О. Іоаннъ такимъ образомъ раздѣлилъ и помѣстилъ въ два различныя мѣста, то что нераздѣлимо и что составляетъ одинъ вопросъ. Очень жаль, что о. Іоаннъ не воспользовался тѣми данными, которыя даетъ «Обрядникъ» для рѣшенія этого вопроса: ихъ никто еще не принялъ во вниманіе и не оцѣнилъ, а между тѣмъ они очень важны и стоятъ вниманія тѣмъ болѣе, что ни Жилль, ни Дюканжъ не могли имѣть ихъ въ виду.

Точно также оставленъ безъ вниманія вопросъ о Средней улицѣ по направленію къ храму св. Апостоловъ и Адріанопольскимъ воротамъ. Почему и кто сталъ эту улицу называть Среднею, какъ и Большую улицу, ведущую къ Золотымъ воротамъ, о. Іоаннъ не старается какъ-

1) «Выйдя изъ храма Апостоловъ съ своею литіею, царь проходитъ по открытому пространству внѣ конхи, Всѣхъ Святыхъ и проходящей тамъ улицѣ», а затѣмъ уже входитъ во дворъ Новаго дворца. Cerim. II, 6,533 20.

2) Ἐν τῷ θεοφυλάκτῳ παλατίῳ, ἤγουν τῷ ὄντι ἐκεῖσε καὶ εἰσέρχεται ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτοῦ. pag. 79/4. Ср. 538/7. Дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ былъ построенъ вмѣстѣ съ храмомъ-усыпальницею царей самимъ Константиномъ, какъ объ этомъ говоритъ біографъ Константина Евсевій, при описаніи постройки Константиномъ этого храма (Vita Const. c. 59). При новой постройкѣ храма Юстиніаномъ, всѣ эти пристройки, безъ сомнѣнія, были возобновлены въ еще болѣе великолѣпномъ видѣ. Юстиніановской постройки дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ упоминается въ обрядахъ Константина Багрянороднаго.

нибудь разъяснить и разрѣшить. Да и вообще топографическіе вопросы онъ только затрогиваетъ, но не разрѣшаетъ, когда они возникаютъ: онъ, такъ сказать, скользитъ по нимъ, ограничиваясь указаніемъ того или другого топографическаго пункта. Нельзя не пожалѣть также, что о. Іоаннъ не выдѣляетъ матеріала, найденнаго въ «Обрядникѣ», отъ свѣдѣній и данныхъ, находящихся въ другихъ источникахъ. Только при такомъ тщательномъ выдѣленіи можно представить ясно цѣнность и значеніе матеріаловъ, которые даетъ «Обрядникъ», сравнительно съ прежде извѣстными источниками, тѣмъ болѣе что Дюканжу, безсмертному составителю Const. Christ., этотъ матеріалъ не было извѣстенъ. Въ виду этого изслѣдователь извѣстій «Обрядника» могъ бы не только выдѣлить новый матеріалъ, но и дополнить прежнія указанія, собранныя Дюканжемъ, новыми данными, освѣтить ихъ и представить въ болѣе ясномъ и точномъ видѣ.

Вмѣсто разъясненія и освѣщенія мы встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже затемненія и путаницу. Напр. говоря о пути изъ Влахернъ къ св. Софіи, по которому совершались крестные ходы и поѣздки царя, авторъ приходитъ къ заключенію, что путь этотъ тянулся «почти параллельно Средней улицѣ, ближе къ Золотому рогу». Какимъ образомъ путь къ Влахернамъ, лежавшимъ въ сѣверномъ углу города, могъ идти параллельно Средней улицѣ, приводившей къ юго-западной оконечности города, понять трудно, если не представить себѣ, что Средняя улица вела къ сѣвернымъ кварталамъ города.

Такимъ же характеромъ неясности и поверхностности отличается слѣдующій за топографіею храмовъ и монастырей трактатъ о церковной архитектурѣ (стр. 27 слѣд.). О. Іоаннъ повторяетъ неудачную фразу Дидрона, взятую изъ еще болѣе неудачной компиляціи Каневскаго, о томъ, что св. Софія была дворцовымъ храмомъ, молельнею императора, но почти упускаетъ изъ виду значеніе этой церкви, какъ резиденціи патріарха, и почти ничего не говоритъ о патріаршихъ, митрополичьихъ и епископскихъ храмахъ, между тѣмъ какъ объ этомъ стоило бы поговорить въ виду соборныхъ правилъ и постановленій относительно этого. Нельзя не пожалѣть также, что отецъ Іоаннъ не познакомился съ описаніями св. Софіи Павла Силенціарія и Прокопія; тогда для него многое стало бы яснѣе и понятнѣе въ «Обрядникѣ» Константина Багрянороднаго, особенно, если бы о. Іоаннъ проштудировалъ при этомъ и трудъ о св. Софіи Зальценберга или что-нибудь подобное. Вообще для яснаго пониманія и понятнаго изложенія разныхъ частей св. Софіи и другихъ храмовъ необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ Константинопольскихъ храмовъ вообще и св. Софіи въ особенности. Такъ напр., разсужденіе, неясное и непонятное, о «вестибулѣ св. Софіи» имѣло бы совершенно другой характеръ, если бы о. Іоаннъ принялъ въ соображеніе, что пропилеями (προπύλαιον) въ средневѣковыхъ греческихъ большихъ храмахъ назывались внѣшніе притворы (ἐξωνάρθηκες), состоявшіе обыкно-

Апостоловъ на нѣкоторое разстояніе, которое нужно было пройти по улицѣ [1]).

Между тѣмъ изъ катихуменъ храма св. Апостоловъ былъ ходъ прямо во дворецъ, который былъ издавна при этомъ храмѣ и въ которомъ царь угощалъ патріарха, когда совершалъ богомольный выходъ въ храмъ св. Апостоловъ или смежный съ нимъ храмъ всѣхъ святыхъ, причемъ дворецъ этотъ называется «тамошнимъ» [2]).

Этотъ дворецъ былъ такъ же старъ, какъ и храмъ св. Апостоловъ, а называвшійся Новымъ дворецъ былъ, какъ говоритъ самъ о. Іоаннъ, построенъ Романомъ Лекапиномъ, слѣдовательно, при самомъ Константинѣ Багрянородномъ, составителѣ «Обрядника», въ кварталѣ Вона, или Бона (Βώνου, Boni), подлѣ цистерны того же имени. Потому этотъ дворецъ называется то Новымъ, то дворцемъ Вона, а въ обрядѣ 21 мая названъ и тѣмъ и другимъ именемъ вмѣстѣ: Ἐν τῷ νεῷ παλατίῳ τοῦ Βώνου (p. 532). Мѣсто этого квартала, названнаго по имени сановника Вона (Bonus), опредѣляли различно. Mordtmann въ своемъ планѣ Константинополя помѣщаетъ и Новый дворецъ и цистерну Вона тамъ, гдѣ теперь стоитъ громадная мечеть султана Селима, на сѣверъ отъ храма св. Апостоловъ, теперешняго мѣста мечети Махмудье.

Довольно смутныя понятія имѣетъ о. Іоаннъ о Марсовомъ полѣ, Трибуналѣ тамъ и дворцѣ. Согласно съ большинствомъ новыхъ изслѣдователей, слѣдующихъ Жиллю и Дюканжу, о. Іоаннъ помѣщаетъ ихъ около Тек-фуръ-сарая, а Евдомъ, согласно съ Унгеромъ и Кондаковымъ, на западъ отъ Константинополя на берегу Мраморнаго моря. О. Іоаннъ такимъ образомъ раздѣлилъ и помѣстилъ въ два различныя мѣста, то что нераздѣлимо и что составляетъ одинъ вопросъ. Очень жаль, что о. Іоаннъ не воспользовался тѣми данными, которыя даетъ «Обрядникъ» для рѣшенія этого вопроса: ихъ никто еще не принялъ во вниманіе и не оцѣнилъ, а между тѣмъ они очень важны и стоятъ вниманія тѣмъ болѣе, что ни Жилль, ни Дюканжъ не могли имѣть ихъ въ виду.

Точно также оставленъ безъ вниманія вопросъ о Средней улицѣ по направленію къ храму св. Апостоловъ и Адріанопольскимъ воротамъ. Почему и кто сталъ эту улицу называть Среднею, какъ и Большую улицу, ведущую къ Золотымъ воротамъ, о. Іоаннъ не старается какъ-

1) «Выйдя изъ храма Апостоловъ съ своею литіею, царь проходитъ по открытому пространству внѣ конхи, Всѣхъ Святыхъ и проходящей тамъ улицѣ», а затѣмъ уже входитъ во дворъ Новаго дворца. Cerim. II, 6,533,20.

2) Ἐν τῷ θεοφυλάκτῳ παλατίῳ, ἤγουν τῷ ὄντι ἐκεῖσε καὶ εἰσέρχεται ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτοῦ. pag. 79/4. Cp. 538/7. Дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ былъ построенъ вмѣстѣ съ храмомъ-усыпальницею царей самимъ Константиномъ, какъ объ этомъ говоритъ біографъ Константина Евсевій, при описаніи постройки Константиномъ этого храма (Vita Const. c. 59). При новой постройкѣ храма Юстиніаномъ, всѣ эти пристройки, безъ сомнѣнія, были возобновлены въ еще болѣе великолѣпномъ видѣ. Юстиніановской постройки дворецъ при храмѣ св. Апостоловъ упоминается въ обрядахъ Константина Багрянороднаго.

нибудь разъяснить и разрѣшить. Да и вообще топографическіе вопросы онъ только затрогиваетъ, но не разрѣшаетъ, когда они возникаютъ: онъ, такъ сказать, скользитъ по нимъ, ограничиваясь указаніемъ того или другого топографическаго пункта. Нельзя не пожалѣть также, что о. Іоаннъ не выдѣляетъ матеріала, найденнаго въ «Обрядникѣ», отъ свѣдѣній и данныхъ, находящихся въ другихъ источникахъ. Только при такомъ тщательномъ выдѣленіи можно представить ясно цѣнность и значеніе матеріаловъ, которые даетъ «Обрядникъ», сравнительно съ прежде извѣстными источниками, тѣмъ болѣе что Дюканжу, безсмертному составителю Const. Christ., этотъ матеріалъ не было извѣстенъ. Въ виду этого изслѣдователь извѣстій «Обрядника» могъ бы не только выдѣлить новый матеріалъ, но и дополнить прежнія указанія, собранныя Дюканжемъ, новыми данными, освѣтить ихъ и представить въ болѣе ясномъ и точномъ видѣ.

Вмѣсто разъясненія и освѣщенія мы встрѣчаемъ, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже затемненія и путаницу. Напр. говоря о пути изъ Влахернъ къ св. Софіи, по которому совершались крестные ходы и поѣздки царя, авторъ приходитъ къ заключенію, что путь этотъ тянулся «почти параллельно Средней улицѣ, ближе къ Золотому рогу». Какимъ образомъ путь къ Влахернамъ, лежавшимъ въ сѣверномъ углу города, могъ идти параллельно Средней улицѣ, приводившей къ юго-западной оконечности города, понять трудно, если не представить себѣ, что Средняя улица вела къ сѣвернымъ кварталамъ города.

Такимъ же характеромъ неясности и поверхностности отличается слѣдующій за топографіею храмовъ и монастырей трактатъ о церковной архитектурѣ (стр. 27 слѣд.). О. Іоаннъ повторяетъ неудачную фразу Дидрона, взятую изъ еще болѣе неудачной компиляціи Каневскаго, о томъ, что св. Софія была дворцовымъ храмомъ, молельнею императора, но почти упускаетъ изъ виду значеніе этой церкви, какъ резиденціи патріарха, и почти ничего не говоритъ о патріаршихъ, митрополичьихъ и епископскихъ храмахъ, между тѣмъ какъ объ этомъ стоило бы поговорить въ виду соборныхъ правилъ и постановленій относительно этого. Нельзя не пожалѣть также, что отецъ Іоаннъ не познакомился съ описаніями св. Софіи Павла Силенціарія и Прокопія; тогда для него многое стало бы яснѣе и понятнѣе въ «Обрядникѣ» Константина Багрянороднаго, особенно, если бы о. Іоаннъ проштудировалъ при этомъ и трудъ о св. Софіи Зальценберга или что-нибудь подобное. Вообще для яснаго пониманія и понятнаго изложенія разныхъ частей св. Софіи и другихъ храмовъ необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ Константинопольскихъ храмовъ вообще и св. Софіи въ особенности. Такъ напр., разсужденіе, неясное и непонятное, о «вестибулѣ св. Софіи» имѣло бы совершенно другой характеръ, если бы о. Іоаннъ принялъ въ соображеніе, что пропилеями (προπύλαιον) въ средневѣковыхъ греческихъ большихъ храмахъ назывались внѣшніе притворы (ἐξωνάρθηκες), состоявшіе обыкно-

венно изъ колоннады или аркады, которая, образуя внѣшній нарѳикъ, въ то же время представляла собою одну изъ сторонъ окружавшей церковный дворъ четырехсторонней, обыкновенно квадратной колоннады. Такъ было въ св. Софіи, такъ было и въ другихъ большихъ храмахъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти аркады сохранились и до сихъ поръ или въ цѣлости, или только отчасти. Большею частью теперь въ церквахъ, обращенныхъ въ мечети, аркады и колоннады внѣшнихъ нарѳиковъ заложены сплошными стѣнами, среди которыхъ виднѣются древнія колонны или арки.

При этомъ та сторона колоннады церковнаго двора, которая прислонена была къ нарѳику (внутреннему) и образовывала собою внѣшній нарѳикъ (ἐξωνάρθηξ), обыкновенно имѣла среднія колонны выше и роскошнѣе остальныхъ, такъ что среднія колонны или арки представляли собою особенно украшенный входъ къ среднимъ дверямъ нарѳика и назывались потому красными вратами. Такого рода входъ велъ, безъ сомнѣнія, и къ среднимъ вратамъ нарѳика св. Софіи и такой входъ нужно разумѣть подъ ὡραία πύλη въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго. Теперь отъ прежняго атрія св. Софіи не осталось ничего, кромѣ самаго мѣста. Какъ колоннада, шедшая вокругъ двора, такъ и фонтанъ (лутиръ), бывшій посреди него, уничтожены, дворъ сдѣланъ короче и гораздо шире; западная часть двора, выходившая къ долинѣ, срыта при проведеніи конной желѣзной дороги и дворъ св. Софіи обнесенъ простою деревянною рѣшеткою съ кирпичными столбами, — рѣшеткою, или оградою, напоминающею церковныя ограды въ нашихъ городахъ и деревняхъ. Пропилей или внѣшній нарѳикъ св. Софіи также срытъ и посѣтители входятъ во внутренній нарѳикъ св. Софіи прямо со двора, который нѣсколько выше пола нарѳика, между тѣмъ какъ прежде былъ, безъ сомнѣнія, ниже, а не выше. Но какъ колоннада, такъ и фонтанъ долго еще были цѣлы при туркахъ и ихъ можно видѣть, хотя въ обезображенномъ видѣ, на старыхъ рисункахъ несчастнаго храма. Если очистить дворъ отъ новыхъ нарощеній, то мѣсто колоннады и лутира, безъ сомнѣнія, обнаружится и планъ всѣхъ этихъ, сначала обезображенныхъ, а потомъ и уничтоженныхъ по турецкому обычаю, нѣкогда великолѣпныхъ построекъ, будетъ совершенно ясенъ, такъ какъ нельзя думать, чтобъ турки уничтожили и фундаменты этихъ пристроекъ.

Обо всемъ этомъ и особенно о красной двери св. Софіи подробно сказано въ моихъ Byzant. кн. II, стр. 97 слѣд. и мнѣ остается только пожалѣть, что о. Іоаннъ не принялъ это во вниманіе, хотя ему указанная книга извѣстна. Потому мнѣ нѣтъ надобности говорить объ этомъ подробнѣе, а достаточно только сказать о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ о. Іоанна относительно ὡραία πύλη. Авторъ смущается тѣмъ, что по двумъ мѣстамъ (р. 14,440) «Обрядника» красная дверь находится въ пропилеѣ, который у о. Іоанна называется почему-то вестибуломъ, а въ обрядѣ посвященія патріарха Cerim. II, 38,636 она оказывается въ нар-

ѳикѣ. Между тѣмъ какъ, говоритъ о. Іоаннъ, (изъ 14,440) видно, что красная дверь не имѣла никакого отношенія къ притвору, на 636 стр. мы читаемъ: «въ притворѣ святѣйшей церкви (св. Софіи) въ красной двери встрѣтилъ его (императора) нареченный патріархъ»». Чинъ встрѣчи государя при поставленіи патріарха нисколько не отличался отъ встрѣчъ въ другіе торжественные дни; а въ эти дни она происходила въ царскихъ вратахъ. Такимъ образомъ, кромѣ иныхъ названій, эти двери назывались еще красными» (стр. 41). Въ этихъ словахъ заключается нѣсколько небольшихъ неточностей. Во-первыхъ, чинъ прихода въ св. Софію, на стр. 636, и встрѣчи царя не такой, какъ въ другіе торжественные дни: царь шелъ не чрезъ орологій и дворъ, а спустился въ нарѳикъ изъ верхнихъ катихуменій, куда онъ пришелъ по переходамъ прямо изъ дворца. Этотъ способъ прибытія въ храмъ принадлежитъ къ наименѣе торжественнымъ. Во-вторыхъ, патріархъ никогда не встрѣчалъ царя въ царскихъ вратахъ, а всегда въ нарѳикѣ при входѣ въ него изъ пропилея, а чрезъ царскія врата царь и патріархъ совершали вмѣстѣ «малый входъ» въ самый храмъ изъ нарѳика. Въ-третьихъ, пропилей также назывался нарѳикомъ, собственно ἐξωνάρθηξ и, быть можетъ, въ обрядѣ, представляющемъ простую запись о выходѣ Романа Лекапина въ день посвященія его сына Ѳеофилакта въ патріархи, допущена маленькая неточность, такъ что подъ красною дверью можно разумѣть ту же красную дверь, которая разумѣется и въ другихъ обрядахъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что предназначенный въ патріархи Ѳеофилактъ вышелъ въ пропилей и встрѣтилъ тамъ своего отца, царя Романа. Съ другой стороны, возможно и то, что «красною дверью» въ занимающемъ насъ обрядѣ называется средняя дверь изъ внутренняго нарѳика во внѣшній, которая въ одномъ обрядѣ называется великою дверью нарѳика (μεγάλη πύλη τοῦ νάρθηκος) и которая, какъ входная средняя дверь вообще, называлась наравнѣ съ входными средними пилонами пропилея (внѣшняго нарѳика) «красною дверью». Въ такомъ случаѣ нареченный патріархъ встрѣтилъ своего отца тамъ, гдѣ онъ обыкновенно его встрѣчалъ, когда царь входилъ чрезъ западныя врата, т. е. около среднихъ большихъ дверей изъ внѣшняго нарѳика во внутренній.

Нельзя не замѣтить, кромѣ пропилея, и относительно катихуменъ св. Софіи. О. Іоаннъ въ южныхъ катихуменахъ помѣщаетъ все то, что было внѣ ихъ и только примыкало къ нимъ или сообщалось съ ними посредствомъ дверей. На катихуменахъ онъ помѣщаетъ секреты патріарха и его мутаторій, евктиріи св. Ѳеофилакта и другія помѣщенія, находившіяся въ пристройкахъ, прилегавшихъ съ юга къ храму св. Софіи и предназначенныхъ для патріаршей резиденціи и управленія. Потому у него и вышло, что «закуска послѣ литургіи полагалась въ самомъ храмѣ. Въ недѣлю православія она совершалась въ патріаршемъ мутаторіи, а при патріархѣ Ѳеофилактѣ въ евктиріонѣ св. Ѳеофилакта». Ничего такого на самомъ дѣлѣ не было. Закуска послѣ литургіи, на которой при-

сутствовалъ царь и пріобщался, происходила внѣ храма въ царскомъ мутаторіи, а въ недѣлю православія завтракъ происходилъ въ патріаршемъ мутаторіи, который былъ внѣ храма, какъ и царскій. Въ патріаршихъ палатахъ, прилегавшихъ къ храму св. Софіи, находился и евктирій св. Θеофилакта, и десертъ во время патріаршества Θеофилакта подавался не въ самомъ евктиріи, а около него, въ той сторонѣ, гдѣ былъ этотъ евктирій. Въ обрядѣ, на который ссылается о. Іоаннъ, сказано: δούλκιον ἐποίησε ὁ κύριος Θεοφύλακτος ἐπὶ τὸ μέρος τοῦ εὐκτηρίου τοῦ ἁγ. Θεοφυλάκτου, что на лат. языкъ переведено такъ: Dominus Theophylactus patriarcha in parte oratorii sancti Theophylacti etiam convivium instruxit, но здѣсь in parte нельзя понимать: въ части или отдѣленіи самаго ораторія или евктирія, а, какъ показываетъ греческій текстъ «въ той сторонѣ, или той части патріаршихъ палатъ, гдѣ былъ евктирій св. Θеофилакта». Вообще во всемъ «Обрядникѣ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ указаній на то, что въ храмахъ ѣли или «закусывали», и приписывать X в. такіе обычаи, на основаніи «Обрядника», мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе что и другіе источники ничего не говорятъ въ пользу этого. Много и другихъ подобныхъ неточностей и промаховъ можно бы указать какъ въ описаніи св. Софіи, такъ и въ характеристикѣ тогдашнихъ храмовъ вообще на основаніи «Обрядника», но эти промахи и недосмотры слишкомъ надолго заняли бы насъ, если бы мы вздумали останавливаться на каждомъ изъ нихъ. Потому мы считаемъ достаточнымъ только отмѣтить нѣкоторые общіе вопросы, которые слѣдовало бы выяснить лучше и на которыхъ нужно было бы остановиться больше. Изъ такихъ церковно-археологическихъ вопросовъ можно назвать вопросъ объ евктиріяхъ и отношеніи ихъ къ главнымъ храмамъ, объ иконахъ въ храмахъ и количествѣ ихъ во времена, непосредственно слѣдовавшія за окончательною побѣдою надъ иконоборцами, о поклоненіи кресту, о скамьяхъ для сидѣнья въ храмахъ и между прочимъ въ св. Софіи, о крещеніи новообращенныхъ подъ извѣстные большіе праздники, о сиротахъ и участіи ихъ въ выходахъ въ большіе праздники, о церковныхъ одеждахъ, ихъ матеріалѣ и отношеніи къ одеждамъ чиновъ гражданскихъ, объ антиминсахъ и значеніи ихъ въ тѣ времена, о клирѣ придворномъ и рангѣ его, объ угощеніяхъ и обѣдахъ духовенству въ праздники и т. п.

Для рѣшенія такихъ и подобныхъ вопросовъ имѣются матеріалы и указанія въ «Обрядникѣ» и весьма интересно и важно было бы видѣть въ книгѣ, посвященной изслѣдованію церковно-археологическихъ данныхъ, находящихся въ «Обрядникѣ», не только указанія на эти матеріалы, но и выясненіе ихъ въ исторической и бытовой перспективѣ. Въ этомъ случаѣ нельзя было довольствоваться комментаріемъ Рейске и вѣрить ему, какъ непреложной истинѣ, а нужно было итти дальше Reiske и Ducange'а тѣмъ болѣе, что Дюканжъ, какъ было сказано, вовсе и не зналъ о существованіи «Обрядника», а Reiske былъ протестантъ, весьма

недвусмысленно высказывавшій свои антипатіи къ православной церковной обрядности и видѣвшій нерѣдко слѣды язычества тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Для православнаго изслѣдователя церковной византійской старины «Обрядникъ» даетъ много интересныхъ и важныхъ матеріаловъ, казавшихся не заслуживающими вниманія для протестантскаго комментатора, тѣмъ болѣе что этотъ комментаторъ хотя былъ и очень ученый человѣкъ, но, по своей подготовкѣ, научному образованію и ученой дѣятельности, не богословъ и не церковный археологъ. Потому русскому церковному археологу нужно относиться критически къ толкованіямъ церковныхъ вопросовъ западными учеными, стараться внести новый свѣтъ и дать самостоятельное толкованіе и объясненіе затронутыхъ въ «Обрядникѣ» церковно-археологическихъ вопросовъ и представляемыхъ имъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что многое изъ того, что было въ въ X в. въ Византіи, живетъ еще до сихъ поръ у насъ и объясняетъ наши церковные обычаи.

Вторая глава книги о. Іоанна посвящена богослуженію *Великой церкви*, т. е. св. Софіи, а между тѣмъ объ отличительныхъ чертахъ богослуженія св. Софіи говорится очень мало, а больше о богослуженіи вообще, такъ какъ въ св. Софіи богослуженія совершались такія же, какъ и въ другихъ, не монастырскихъ по крайней мѣрѣ, храмахъ. При этомъ по вопросу о клирѣ св. Софіи и патріаршемъ сказано очень мало и не выяснена ни численность клира св. Софіи, ни значеніе нѣкоторыхъ духовныхъ чиновъ, имѣвшихъ отличное отъ обычнаго положеніе и значеніе. Зато слишкомъ много приписано духовнаго значенія царямъ: «они дѣятельно участвовали въ немъ (богослуженіи), совершая всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются у насъ діаконами, а сверхъ того нѣчто изъ принадлежащаго священникамъ»; это не совсѣмъ вѣрное общее положеніе подтверждается ошибочными частными, что «императоръ имѣлъ право входить въ алтарь чрезъ св. двери (стр. 90), что императоръ имѣлъ право преподавать народу благословеніе», какъ священникъ (стр. 91). Это не совсѣмъ такъ. Право императора входить въ алтарь св. вратами ограничивалось извѣстными случаями и религіозными дѣйствіями, а діаконскія права царя состояли въ томъ, что онъ пріобщался св. таинъ, какъ діаконы, а не міряне, становился предъ престоломъ, когда входилъ въ алтарь св. вратами или выходилъ изъ нихъ, прикладывался къ нѣкоторымъ, лежавшимъ на престолѣ предметамъ и т. п., но принимать какого-нибудь активнаго участія въ богослуженіи въ качествѣ діакона царь не могъ. Изъ того, что царь въ извѣстныхъ случаяхъ крестить народъ или осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ, нельзя еще заключать, что онъ благословлялъ, какъ священникъ. Такъ благословлять, какъ благословлялъ царь, можетъ и дѣйствительно благословляетъ всякій христіанинъ, т. е. креститъ, когда прощается по какому-нибудь случаю съ близкими людьми; но, надо думать, византійскій царь былъ бы очень удивленъ, если бы сановники и публика стали подхо-

дить къ нему подъ благословеніе, какъ къ іерею или архіерею. Какъ царь осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ (κατασφραγίζει) народъ, собравшійся въ иподромѣ или въ фіалѣ, такъ царя благословляютъ, т. е. осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ представители партій дима (κατασφραγίζουσι) и никто, однако, благодаря этому, не приписываетъ имъ священническихъ функцій. Да и самъ царь осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ (κατασφραγίζει) не только народъ, но и вѣнецъ кесарскій и другіе знаки отличія предъ возложеніемъ ихъ на производимаго сановника; креститъ городъ Константинополь, когда, отправляясь въ походъ, покидаетъ свою резиденцію на продолжительное время. Да и самъ о. Іоаннъ, видя въ этихъ дѣйствіяхъ обычный актъ христіанина, разстающагося съ дорогимъ ему предметомъ, называетъ его крестнымъ знаменіемъ. Точно такой же актъ христіанина-мірянина совершалъ царь, «благословляя» народъ въ циркѣ или въ другомъ мѣстѣ, когда выходилъ предъ собравшимся народомъ.

Относительно состава службъ «Обрядникъ», конечно, даетъ мало матеріала, какъ справедливо замѣчаетъ о. Іоаннъ. Тѣ случайныя упоминанія разныхъ пѣснопѣній, которыя входятъ въ составъ службъ, теперь не имѣютъ уже той цѣны, которую они имѣли прежде, до открытіи церковныхъ уставовъ константинопольскихъ церквей, современныхъ Придворному уставу. Предъ нами лежитъ только что изданный А. А. Дмитріевскимъ сборникъ уставовъ, въ которомъ изданъ и древнѣйшій уставъ константинопольскихъ церквей по Патмосскому списку. Въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ находится списокъ церковнаго устава, написанной по приказанію того самаго царя Константина Багрянороднаго, который вызвалъ или издалъ въ свѣтъ Придворный Уставъ. Само собою разумѣется, что въ церковномъ уставѣ церковныя службы изложены несравненно полнѣе, чѣмъ въ Придворномъ, который потому въ этой части теперь теряетъ свое прежнее значеніе. Но въ немъ сохраняются еще нѣкоторыя обрядовыя черты, на которыхъ церковный археологъ можетъ и долженъ остановиться: я разумѣю входъ въ храмъ царя и патріарха предъ малымъ входомъ, участіе царя въ великомъ входѣ, цѣлованіе любви, причащеніе царя и закуска (κρᾶμα) послѣ литургіи. О. Іоаннъ и говоритъ объ нихъ, но только то, что имѣется въ самомъ Обрядникѣ, т. е. констатируетъ фактъ и мѣстами не совсѣмъ точно. Напр., трапезы послѣ литургіи не предлагались въ храмахъ (стр. 101), а въ пристройкахъ къ нимъ, какъ уже было замѣчено. «Для лобзанія съ вѣрными священнослужители выходили на солею». Можно подумать, что священнослужители лобзались со всѣми вѣрными, мужчинами и женщинами. Такъ ли это? А если не такъ, то слѣдовало бы выяснить этотъ вопросъ и показать, когда этотъ обычай и почему былъ оставленъ.

Всѣ эти вопросы разсматриваются и въ комментаріи Reiske и въ моей книгѣ (Byzant., кн. II), о выходахъ въ св. Софію; но о. Іоаннъ трактуетъ эти вопросы такъ, какъ будто никто ничего не писалъ о нихъ. Мнѣ

остается только предположить, что онъ писалъ свою книгу до выхода въ свѣтъ моей, и потому упомянулъ о ней, хотя и съ похвалами, только въ концѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ.

Обозрѣвая богослуженіе и обряды въ разные праздники и особенно чтимые дни, о. Іоаннъ говоритъ между прочимъ о поклоненіи копью въ великую пятницу и при этомъ выражаетъ недоумѣніе относительно того, разумѣется ли здѣсь то самое копье, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ или копье вообще, какъ орудіе страданій Христовыхъ (стр. 18). Такъ какъ копье хранилось въ храмѣ пресв. Богородицы Фара въ числѣ другихъ святынь и поклоненіе ему происходило только въ этомъ храмѣ, а не въ св. Софіи, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разумѣется то самое копье, которымъ былъ прободенъ Іисусъ Христосъ на крестѣ. Такъ оно разсматривалось византійцами, такъ разсматривалось и иностранцами, посѣщавшими Константинополь и поклонявшимися его святынямъ русскими и западно-европейскими паломниками, которые всѣ называютъ и считаютъ его истиннымъ копьемъ и какъ на мѣсто храненія его указываютъ на одинъ изъ храмовъ Большого Дворца[1]).

Третья глава книги о. Іоанна посвящена обозрѣнію праздничнаго богослуженія Византіи и распадается на слѣдующіе отдѣлы: a) календарь Великой церкви, b) богослуженіе синаксарнаго круга и c) тріоднаго круга. Здѣсь точно также новоизданный патмосскій списокъ даетъ, вмѣсто отрывочныхъ данныхъ Придворнаго устава, полную картину праздниковъ и памятей, которые тогда чтились въ Константинопольской церкви; но и здѣсь имѣются нѣкоторыя данныя, которыя проливаютъ свѣтъ на церковный уставъ и требовали потому особеннаго вниманія со стороны изслѣдователя. Память св. Константина, напр. по Придворному уставу празднуется 21 мая и связана съ евктиріемъ св. Константина во дворцѣ Вона и постановкою тамъ крестовъ. Для изслѣдователя весьма важно было выяснить, въ какой связи стоитъ позднѣйшее празднованіе памяти св. Константина и Елены съ праздникомъ обновленія евктиріевъ Константина и Елены во дворцѣ Вона или это случайное совпаденіе.

Точно также небезынтересно было бы узнать изъ книги церковнаго археолога, изслѣдующаго Придворный уставъ, объ отношеніи придворныхъ обрядовъ, касающихся поклоненія кресту, къ церковнымъ празднествамъ въ честь креста въ августѣ и на крестопоклонной недѣлѣ великаго поста. Къ сожалѣнію, о. Іоаннъ по обыкновенію, только затрогиваетъ эти вопросы и передаетъ содержаніе обрядовъ, но не выясняетъ причинъ и поводовъ этихъ празднествъ въ честь св. креста и отношенія ихъ къ церковнымъ праздникамъ и службамъ, совершавшимся и до сихъ

---

1) По словамъ Антонія Новгородскаго, копье вмѣстѣ съ другими святынями хранилось «во царскихъ златыхъ палатахъ». Изд. Савваитова, стр. 86. Ср. прим. Савваитова къ этому мѣсту. У западныхъ писателей копье значится также въ числѣ реликвій in capella imperatoris и называется et lancea, qua latus Domini perforatum est. См. Графа Ріана. Exuvia sacra. Constantinopol. II, 212, 213 etc.

поръ совершающимся въ это время. Великая суббота съ переоблаченіемъ св. престола и полупраздничною литургіею, сопровождавшеюся обѣдомъ у царя, въ виду иного характера у насъ этого дня, заслуживаетъ особеннаго вниманія и Придворный уставъ даетъ для этого нѣкоторый не лишенный интереса матеріалъ.

Не разрѣшая такихъ и подобныхъ вопросовъ, о. Іоаннъ ограничивается краткимъ изложеніямъ обрядовъ царскихъ выходовъ въ тѣ праздники, выходы въ которые изложены въ «Обрядникѣ». При этомъ иногда сообщаются такія археологическія данныя, для которыхъ въ «Обрядникѣ» нѣтъ достаточныхъ основаній. Такъ, напр., говоря о приношеніяхъ въ храмы, о. Іоаннъ сообщаетъ, что Михаилъ въ крещеніе принесъ разъ въ св. Софію драгоцѣнный потиръ и *крышку* къ нему (Cerim II, 32, 631). На основаніи этого и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ и въ обозрѣніи церковной утвари, упоминаемой въ «Обрядникѣ», о. Іоаннъ говоритъ (стр. 73), что «потиръ въ отличіе отъ нашего имѣлъ *крышку*». Можно думать, что въ обрядѣ о приношеніи Михаила, кромѣ драгоцѣнной чаши, сказано о крышкѣ; но тамъ сказано только о ποτηροκάλυμμα, а этимъ словомъ обозначается не крышка, а покровъ, воздухъ (ἀήρ). Въ другихъ мѣстахъ, на которыя ссылается о. Іоаннъ (р. 15, 65, 133 и др.) не только не упоминается никакой крышки, но даже прямо сказано, что царь разстилаетъ принесенные съ собою воздухи (ἀέρας) или покровы (εἰλητά). Впрочемъ, объ этихъ приношеніяхъ царей въ храмы уже сказано мною подробнѣе въ изложеніи выходовъ царей въ св. Софію (см Byzantina, II, стр. 155 слѣд.).

Общимъ и при томъ весьма важнымъ недостаткомъ 3-ей гл. можно считать отсутствіе всякаго историческаго освѣщенія придворно-церковныхъ обрядовъ и празднествъ, какъ будто всѣ записанные въ Придворный уставъ обряды возникли въ одно время и совершались постоянно. Между тѣмъ въ самомъ уставѣ имѣются указанія на возникновеніе и судьбу нѣкоторыхъ обрядовъ, а иные обряды становятся мало понятными, если не принять во вниманіе время ихъ возникновенія и совершенія въ томъ видѣ, въ какомъ они записаны и внесены въ «Обрядникъ». Такъ, упомянутый уже обрядъ въ праздникъ свв. Константина и Елены мало понятенъ безъ предварительнаго указанія на время и поводъ возникновенія и написанія обряда. Почему въ этомъ обрядѣ царь въ храмѣ св. Апостоловъ поклоняется гробницамъ св. Константина, а потомъ прямо Льва VI Мудраго, его жены св. Θеофано, Василія Македонянина и только. Почему царь не поклоняется праху другихъ царей, болѣе древнихъ и несравненно болѣе чтимыхъ?

Въ 4-й и послѣдней главѣ перечисляются упомянутыя въ «Обрядникѣ» требы и таинства. Изъ нихъ, конечно, заслуживали особеннаго вниманія тѣ, которыя составляли особенность того времени и того быта, какъ, молитвы при возведеніи въ какой-нибудь новый чинъ или санъ. У насъ отъ этихъ молитвъ, которыми патріархъ освящалъ и благословлялъ

знаки отличія вновь произведеннаго сановника, остался только значительно осложненный и распространенный чинъ коронаціи. Въ X в. благословеніемъ патріарха сопровождалось чинопроизводство довольно многихъ высокихъ сановниковъ, такъ что коронація царя было только во главѣ, но не была единственнымъ возведеніемъ въ свѣтскій санъ, соединеннымъ съ благословеніемъ патріарха. Разница только состояла въ томъ, что посвященіе въ высшій санъ царя (кесаря и новилиссима), совершалась или однимъ патріархомъ или совмѣстно съ царствующимъ уже великимъ царемъ, между тѣмъ какъ прочихъ чиновниковъ сначала производилъ царь во дворцѣ, а потомъ благословлялъ патріархъ въ храмѣ, послѣ чего вновь произведенный дѣлалъ денежное приношеніе по чину.

При производствѣ въ нѣкоторые низшіе придворные чины, отличительныя одежды будущаго чиновника развѣшивались предварительно на св. вратахъ храма св. Ѳеодора и потомъ вручались препозитомъ съ особымъ обращеніемъ, въ которомъ препозитъ увѣщевалъ вновь произведеннаго честно исполнять свои будущія обязанности. Эти обряды несомнѣнно имѣютъ большое сходство съ посвященіемъ въ духовныя званія и чины. О. Іоаннъ полагаетъ, что это сходство нужно объяснять взаимодѣйствіемъ придворной практики на церковную и наоборотъ, и думаетъ, что внѣшняя часть обрядовъ заимствована въ церковной практикѣ изъ придворной, а христіанскій элементъ изъ церковной. Очень жаль, что о. Іоаннъ не развиваетъ этихъ вѣрныхъ соображеній и не показалъ на нѣсколькихъ примѣрахъ вторженія придворнаго элемента въ обрядовый церковный, а показать это было бы не трудно не только на обрядахъ чинопроизводства, но и на множествѣ другихъ внѣшнихъ обрядовыхъ актахъ богослуженія.

Довольно много о. Іоаннъ нашелъ матеріаловъ въ «Обрядникѣ» для крещенія младенцевъ; но отнесъ ко всѣмъ смертнымъ все то, что говорится въ «Обрядникѣ» о рожденіи и крещеніи царскаго сына, между тѣмъ какъ многое изъ того, что дѣлалось по случаю рожденія царскаго сына, относительно простыхъ смертныхъ не дѣлалось, да и не могло дѣлаться, какъ, напр., угощеніе всѣхъ и каждаго въ теченіе 8 дней послѣ рожденія, соединеніе крещенія съ литургіею (стр. 175, 176) и т. п. Напротивъ, поздравленіе родильницы и подарки ей не составляютъ принадлежности однихъ христіанъ и не вышли изъ принесенія даровъ волхвами, а существовали испоконъ вѣка у всѣхъ народовъ, какъ, древнихъ, такъ и новыхъ, и происходили тѣмъ торжественнѣе и пышнѣе, чѣмъ знатнѣе были роженица и новорожденный.

Гораздо интереснѣе и важнѣе было бы, если бы о. Іоаннъ остановился подробнѣе на обрядѣ постриженія волосъ, происходившемъ черезъ нѣсколько дней послѣ крещенія, и на описанномъ въ «Обрядникѣ» обрѣзаніи волосъ у Льва VI, причемъ воспріемниками (ἀνάδοχοι), были всѣ военные начальники осмъ восточныхъ, такъ что ряды ихъ тянулись

чрезъ весь храмъ св. Θеодора, гдѣ происходило обрѣзаніе, и Хрисотриклинъ до орологія. Во время обряда всѣ они держали сшитые между собою ручники (ἐγχείρια) — платки или полотенца, пришитыя къ златотканному ручнику, въ который патріархъ клалъ обрѣзанные волосы и который держалъ препозитъ. Послѣ обряда всѣ платки разрывались и поступали въ собственность воспріемниковъ. (Cerim. II, 23, 620). Самъ по себѣ интересный обрядъ по участію въ немъ такой массы лицъ, которые не даромъ приглашались для участія въ немъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія со стороны русскаго изслѣдователя, что онъ перешелъ и въ древнюю Русь и практиковался у насъ при рожденіи княжескихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ онъ стоилъ того, чтобы подробнѣе изложить его и объяснить цѣль и значеніе этого интереснаго обряда и участія въ немъ столькихъ военныхъ сановниковъ.

Въ этомъ случаѣ о. Іоаннъ поступаетъ такъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, отчасти отмѣченныхъ въ нашемъ обзорѣ труда, нами разсматриваемаго. Авторъ отмѣчаетъ фактъ, но не останавливается на немъ, не объясняетъ его, а только указываетъ на упоминаніе въ его «Обрядникѣ». Такимъ характеромъ нѣкоторой поверхности отличается весь трудъ о. Іоанна. Онъ, очевидно, самостоятельно и старательно собиралъ находящійся въ «Обрядникѣ» церковно-археологическій матеріалъ, для чего прочиталъ весь обрядникъ и при томъ съ пониманіемъ содержанія обрядовъ. При этомъ онъ выписывалъ и отмѣчалъ все то, чтò казалось ему относящимся къ занимающему его предмету, и затѣмъ распредѣлилъ этотъ матеріалъ по намѣченнымъ группамъ и отдѣламъ; но подробнаго и обстоятельнаго изученія собраннаго обширнаго и разносторонняго матеріала о. Іоаннъ сдѣлать не могъ по недостатку научной подготовки и ученыхъ пособій.

Недостатокъ научныхъ пособій не подлежитъ сомнѣнію: авторъ не могъ, конечно въ с. Ардонѣ, Терской области, имѣть никакихъ научныхъ пособій, кромѣ тѣхъ, которыя онъ имѣлъ съ собою, а такихъ пособій не могло быть много. Тѣ научные капитальные труды, которые о. Іоаннъ цитуетъ въ своей книгѣ, принадлежатъ, вѣроятно, библіотекѣ той дух. академіи, въ которой о. Іоаннъ писалъ свою книгу, а въ Ардонѣ о. Іоаннъ не могъ, очевидно, достать даже многихъ русскихъ изданій и сочиненій, которыя ему были нужны.

Научная неопытность о. Іоанна видна изъ всего труда и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: разсматриваемая книга — трудъ студента и, слѣдовательно, первая научная работа. Авторъ еще не успѣлъ стать на свои ноги и относиться критически къ своимъ пособіямъ, разбираться во мнѣніяхъ и оцѣнивать ихъ надлежащимъ образомъ. Мнѣнія Дюканжа и комментаріи Reiske кажутся ему не подлежащими сомнѣнію и дополненію авторитетами, сказавшими послѣднее слово. Въ доказательство того, что «Обрядникъ» труденъ для пониманія и теменъ, о. Іоаннъ (стр. XI) считаетъ за самое лучшее указать на то обстоятельство, что коммента-

рій Рейске образуетъ томъ, который больше тома самого греческаго текста и его латинскаго перевода, изъ чего можно заключить, что о. Іоаннъ не знаетъ гораздо болѣе обширныхъ комментаріевъ къ древнимъ авторамъ, превосходящихъ въ нѣсколько разъ объемъ самыхъ авторовъ, гораздо менѣе трудныхъ, чѣмъ Константинъ Багрянородный съ своимъ «Обрядникомъ», а во-вторыхъ, что комментарій Рейске представляетъ собою первую попытку объяснить «Обрядникъ» и не только не исчерпываетъ всего материала, но и многихъ страницъ и при томъ самыхъ трудныхъ совсѣмъ почти не касается, за невозможностью дать какой-нибудь комментарій къ нимъ. Надлежащее объясненіе «Обрядника», когда это окажется возможнымъ, будетъ заключать не одинъ такой томъ, а нѣсколько, кромѣ многочисленныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ. А пока этого нѣтъ, пока не только не разработанъ, но и не собранъ заключающійся въ «Обрядникѣ» матеріалъ по разнымъ вопросамъ, нельзя считать лишними и такіе труды, какъ книга о. Іоанна. Напротивъ, такія работы очень полезны, какъ обозрѣніе матеріала, подлежащаго изслѣдованію, тѣмъ болѣе что матеріалъ собранъ добросовѣстно и старательно. Указаніе этого материала, быть можетъ, вызоветъ дальнѣйшія, болѣе детальныя работы, менѣе широкія, но болѣе глубокія, между тѣмъ какъ до книги о. Іоанна, выбравшаго и сгруппировавшаго церковно-археологическій матеріалъ, этотъ матеріалъ нужно было еще отыскивать и собирать. Въ этомъ отношеніи книга о. Іоанна была бы еще полезнѣе, если бы онъ снабдилъ ее подробнымъ греческимъ указателемъ, въ которомъ бы въ алфавитномъ порядкѣ сопоставилъ свой матеріалъ и облегчилъ пользованіе имъ для другихъ, которые, быть можетъ стали бы разсматривать и группировать его для другихъ цѣлей и въ другомъ порядкѣ. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ не порицанія, а похвалы то, что авторъ не бросилъ своей работы и не отчаялся въ ней въ такомъ далекомъ захолустьѣ, какъ Ардонъ Терской области.

Не могу умолчать и о томъ, что о. Іоаннъ, читая трудный и темный «Обрядникъ», въ общемъ понималъ его содержаніе и правильно излагаетъ обряды, не дѣлая такихъ промаховъ противъ смысла, которыми изобиловали прежнія русскія работы. Въ этомъ обстоятельствѣ виденъ уже большой шагъ, и работа о. Іоанна стоитъ несравненно выше небольшого, но полнаго ошибокъ компилятивнаго труда г. Каневскаго о выходахъ въ храмъ св. Софіи, исполненнаго имъ, когда онъ былъ студентомъ Кіевской дух. Академіи. Московскій студентъ отнесся несравненно самостоятельнѣе къ своей задачѣ и самъ изучалъ свой источникъ, прочиталъ весь памятникъ и старательно выбралъ изъ него церковно-археологическій матеріалъ, который имъ потомъ сгруппированъ по отдѣламъ. Можно пожалѣть только, что онъ сравнительно мало выписываетъ греческихъ терминовъ и текстовъ, ограничиваясь только указаніемъ страницъ. Но при такихъ выпискахъ, навѣрно, книга о. Іоанна была бы переполнена массою опечатокъ въ греческомъ текстѣ, которыхъ много и въ тѣхъ

сравнительно немногихъ греческихъ текстахъ и словахъ, которые приводятся въ книгѣ: вм. Σοφία, напримѣръ, нѣсколько разъ напечатанъ Εοφία (стр. 29), вм. ϑύρα—δύρα, στήδεια вм. στήϑεα (стр. 30, 31), τὸ πεξούλιον вм. πεζούλιον, δεζιόν вм. δεξιὸν, ἀναδευσράδιον вм. ἀναδενδράδιον (52), τῆς πηλῆς вм. τῆς πηγῆς (53) и т. п. Такія и тому подобныя опечатки, конечно, пестрятъ и портятъ книгу, но у насъ это явленіе обычное и трудно устранимое. Автору и та правильность, которой онъ достигъ въ напечатаніи греческихъ словъ, вѣроятно, стоила не мало труда и времени, если въ типографіи греческіе слова и тексты печатались рѣдко и мало, какъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ типографій.

8 декабря 1895.
Казань.

Д. Бѣляевъ.

Житіе *иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита по рукописи Московской Синодальной библіотеки издалъ И. Помяловскій.* Санктпетербургъ. 1894. VI+64 стр. 8.

Профессоръ И. В. Помяловскій въ послѣдніе годы обогатилъ греческую агіографическую литературу тремя важными текстами. Въ 1892 г. имъ было издано житіе св. Θеодора Эдесскаго, въ 1894 г.—житіе св. Григорія Синаита, а въ прошломъ году—житіе св. Аθанасія Аθонскаго. Всѣ три изданія весьма интересны и прекрасно исполнены издателемъ. Наша задача—ближе ознакомить читателей Византійскаго Временника со вторымъ изъ этихъ изданій, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ.

Житіе св. Григорія Синаита извѣстно было доселѣ лишь въ пересказѣ позднѣйшаго времени, помѣщенномъ въ книгѣ, вышедшей въ 1803 г. въ Венеціи, подъ заглавіемъ: Νέον ἐκλόγιον περιέχον βίους ἀξιολόγους διαφόρων ἁγίων (p. 327—341). Подлинный его текстъ теперь впервые изданъ г. Помяловскимъ по московской рукописи № 281, XVI вѣка. При этомъ издатель могъ уже пользоваться однимъ южно-славянскимъ переводомъ этого житія, который П. А. Сырку въ настоящее время подготовляетъ къ печати. Изъ этого перевода (XIV вѣка) издатель греческаго подлинника въ двухъ мѣстахъ дополнилъ пропуски московскаго списка.

Св. Григорій Синаитъ, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, прославился аскетическимъ подвижничествомъ. При этомъ онъ не ограничился практическимъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на аскета и исихаста, но ревностно старался вникнуть и въ тайны теоріи, образовавшейся по отношенію къ этой особой формѣ монашеской жизни. Это его усердіе къ болѣе глубокому созерцанію Божію и пылкая его душа были и причиною того, что онъ не выдерживалъ долго на одномъ мѣстѣ, но неугомонно переходилъ изъ одной страны въ другую, вездѣ стараясь лично знакомиться съ тѣми изъ отшельниковъ, которые имѣли репутацію знать болѣе другихъ о вожделѣнной его теоріи (ϑεωρία τῆς

ἡσυχαστικῆς ζωῆς). Итакъ, путь жизни св. Григорія Синаита—весьма разнообразенъ и наполненъ необыкновенными судьбами. Онъ родился сыномъ знатныхъ и богатыхъ людей въ Кукулѣ близъ Клазоменъ. Когда, въ царствованіе императора Андроника II (1282—1328), турки нагрянули на Византійскую имперію и отъ набѣговъ ихъ страдала и родина св. Григорія, при одномъ нашествіи ихъ, кромѣ многихъ другихъ христіанъ, и св. Григорій, вмѣстѣ съ родителями и братьями, былъ уведенъ въ плѣнъ въ Лаодикію. Но, выкупленный тамошними единовѣрцами, онъ отправился въ Кипръ, къ одному отшельнику, а затѣмъ на Синайскую гору, гдѣ постригся. На Синаѣ онъ подвизался болѣе трехъ лѣтъ, въ теченіе коихъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе кротостью, воздержаніемъ, благочестіемъ и ученостью. Узнавши однако, что нѣкоторые завидуютъ ему, онъ рѣшился оставить братію и, сопровождаемый инокомъ Герасимомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался неразлучнымъ его товарищемъ, посѣтилъ Святой Гробъ въ Іерусалимѣ и другія святыя мѣста въ Палестинѣ. Оттуда онъ переправился въ Критъ и поселился съ Герасимомъ въ одной пещерѣ. Здѣсь онъ и познакомился съ исихастомъ Арсеніемъ, назидательныя и поучительныя бесѣды котораго весьма пригодились ему къ лучшему познанію теоріи аскетической жизни. Изъ Крита св. Григорій пришелъ на Аѳонскую гору. Посѣтивъ тамъ всѣ монастыри и всѣхъ отшельниковъ, онъ, наконецъ, недалеко отъ монастыря св. Филоѳея, нашелъ то, чего искалъ: въ скитѣ Μαγουλᾶς жили три монаха, занимавшіеся и теоріей. У нихъ-то св. Григорій остался, и слава его въ скоромъ времени распространилась такъ, что монахи стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы обучаться у него. Но тревога, причиняемая частыми нападеніями турокъ на Аѳонскую гору, принудила св. Григорія бѣжать оттуда и искать себѣ другого пріюта, болѣе удобнаго для исихаста. Послѣ разныхъ странствованій, онъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ зимній холодъ въ продолженіи полугода препятствовалъ дальнѣйшему его путешествію. Весною же св. Григорій, несмотря на всѣ старанія императора Андроника привлечь его къ себѣ, черезъ море отправился въ Созополь. Уединенная пустыня (τὰ Παρόρια), находившаяся близъ Созополя, оказалась угоднику весьма удобною, и спутники-монахи построили тамъ кельи. Въ той же пустынѣ уже до нихъ поселился съ своими учениками нѣкій монахъ Амиралъ (Ἀμηράλης). Этотъ сперва любезно принялъ ихъ, но вскорѣ, изъ-за ревности, повернулъ въ другую сторону и сталъ грозить св. Григорію смертью, если не оставитъ этого мѣста. Святой уступилъ ему и удалился съ своими учениками на другую гору, называемую Καταχεχρυσωμένη. Амиралъ однако не усмирился и побудилъ разбойничью шайку напасть ночью на св. Григорія и его товарищей. Поэтому св. Григорій, сообразивъ, что имъ здѣсь долѣе нельзя оставаться, возвратился черезъ Константинополь на Аѳонъ. Но сожительство съ другими иноками въ монастырѣ лишь недостаточно доставляло угоднику желанную тишину и уединенность. По этой причинѣ

онъ, не сообщивъ никому о своемъ намѣреніи, отправился на кораблѣ въ Адріанополь и оттуда сухимъ путемъ опять въ упомянутую уже пустыню южной Болгаріи Παρόρια. На этотъ разъ его не тревожилъ завистливый сосѣдъ, и, съ помощью стекающихся въ большомъ количествѣ иноковъ, онъ въ скоромъ времени устроилъ четыре монастыря. Щедрымъ благодѣтелемъ этихъ скитовъ и усерднымъ ихъ защитникомъ противъ разбойниковъ, по просьбѣ св. Григорія, сдѣлался болгарскій царь Александръ.

О кончинѣ св. Григорія греческій текстъ ничего не сообщаетъ, но изъ славянскаго перевода, дополняющаго въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ московской рукописи, мы узнаемъ, что св. Григорій, въ предчувствіи смерти, съ однимъ лишь инокомъ отправился въ ту келью, гдѣ обыкновенно скрывался, когда желалъ въ безмятежной тишинѣ предаваться созерцанію Божію. Здѣсь, въ теченіе трехъ дней ничего не ѣвши и Богомъ поддержанный въ борьбѣ противъ смущающихъ его лукавыхъ духовъ, онъ тихо скончалъ тревожную жизнь. Годъ, въ которомъ скончался святой, въ жизнеописаніи его не обозначенъ, и, вообще, недостаетъ этому, впрочемъ весьма обстоятельному, разсказу всякаго подробнаго опредѣленія разныхъ періодовъ жизни святаго. Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и г. Помяловскій, относятъ кончину св. Григорія къ 1310 г., а другіе—къ 1346 г. Память его 8-го августа, а по греческимъ мѣсяцесловамъ—27-го ноября.

Другое представленное славянскимъ переводомъ дополненіе греческаго текста житія св. Григорія—менѣе важно; оно даетъ болѣе подробный разсказъ о покаяніи инока Луки, который, возмущенный злымъ духомъ, покусился на жизнь святаго. Этому иноку, по повѣствованію житія, св. Григорій впослѣдствіи посвятилъ около 150 главъ аскетическаго содержанія (νηπτικὰ κεφάλαια, πράξεως καὶ θεωρίας ἀνάπλεα, стран. 36, 12), которыя, кажется, дошли и до насъ. Въ одной рукописи Московской Синодальной библіотеки (№ 509, л. 50—109, XVI в.) встрѣчаются подъ именемъ Григорія Синаита разныя главы (περὶ ἐντολῶν, περὶ δογμάτων, περὶ λογισμῶν и т. д), которыя, по всей вѣроятности, можно отождествить съ упомянутымъ въ житіи сочиненіемъ. Кромѣ того, св. Григорій оставилъ и нѣсколько тропарей и каноновъ.

Жаль, что издатель греческаго житія не счелъ нужнымъ перевести вышеозначенныя дополнительныя мѣста славянскаго перевода на греческій языкъ, что было бы желательно въ виду тѣхъ спеціалистовъ Запада, которые не знакомы съ славянскими языками.

Житіе св. Григорія написано Каллистомъ, который занималъ патріаршее достоинство (съ небольшимъ перерывомъ) съ 1350 г. по 1363 г. Такъ какъ онъ нѣкоторое время самъ принадлежалъ къ числу учениковъ св. Григорія, то онъ многое сообщаетъ о немъ въ качествѣ очевидца, а остальное—по разсказамъ другихъ учениковъ и друзей святаго, особенно упомянутаго выше инока Герасима. Онъ написалъ житіе въ Кон-

стантинополѣ, будучи уже патріархомъ (стр. 34, 6 τὴν εὐδαίμονα ταύτην Κωνσταντινούπολιν). Разсказъ Каллиста очень подробенъ и обстоятеленъ. Онъ не ограничивается жизнеописаніемъ и характеристикой одного св. Григорія, но распространяется также о прошломъ и о дальнѣйшихъ судьбахъ многихъ болѣе замѣчательныхъ учениковъ святаго (стр. 15—29). Онъ сообщаетъ назидательные разговоры угодника о созерцательной жизни, занимающіе цѣлыя страницы; онъ упоминаетъ не разъ о ѳаворскомъ свѣтѣ, въ столь значительной степени волновавшемъ умы того времени, и касается также полемики между Григоріемъ Паламою и Акиндиномъ, причемъ не упускаетъ случая играть словами Ἀκίνδυνος и ἐπικινδύνως (стр. 23, 11). Вообще, сочиненіе его весьма важно для познанія тогдашняго состоянія церкви и, въ особенности, аѳонскаго монашества. Далѣе, житіе даетъ много подробныхъ свѣдѣній о топографіи тѣхъ странъ, въ которыхъ прожилъ святой, и много новыхъ данныхъ о разныхъ монастыряхъ и отдѣльныхъ кельяхъ, находившихся въ то время на Аѳонской горѣ, въ южной Болгаріи и т. п.

Греческій языкъ Каллиста подражаетъ лучшимъ образцамъ классическаго времени. Слогъ его цвѣтистъ и словообиленъ и часто прикрашенъ цитатами изъ св. Писанія и твореній св. отцовъ (напр. стр. 11, 26), пословицами и пространно изложенными сравненіями. Замѣчательна и склонность автора заимствовать свои сравненія изъ жизни животныхъ, причемъ естественность, съ которою изображаются ихъ нравы, какъ напр. разлученнаго отъ самки оленя (стр. 7, 23—26), посаженнаго въ клѣтку соловья (стр 38, 30—39, 6) и пчелъ, собирающихъ поноску по всѣмъ цвѣткамъ (стр. 18, 3—10),— явно доказываетъ живое чувство и внимательное наблюденіе природы, какое рѣдко встрѣчаемъ у другихъ писателей византійской эпохи.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многимъ читателямъ житія было бы очень пріятно, если бы г. Помяловскій сообщилъ въ своемъ изданіи и подробныя историческія и топографическія примѣчанія. Въ замѣнъ того въ концѣ книги приложены два указателя, въ которыхъ составлены: 1) имена собственныя и 2) наиболѣе замѣчательныя слова и выраженія греческаго текста.

Что касается возстановленія текста, г. Помяловскій опытною и искусною рукою исправилъ много нерѣдко попадающихся мѣстъ, гдѣ переписчикъ московской рукописи ошибся въ правописаніи, въ грамматическихъ формахъ и т. п.; нѣкоторыми поправками издатель обязанъ академику В. К. Ернштедту. Въ иныхъ же случаяхъ мы не можемъ согласиться съ измѣненіями, сдѣланными издателемъ, а также, наоборотъ, иногда считаемъ нужнымъ исправленіе, гдѣ издатель оставилъ рукописное чтеніе безъ измѣненія.

Въ слѣдующихъ мѣстахъ чтенія рукописи кажутся намъ неоспоримыми и безукоризненными: на стран. 1, 8 слѣдуетъ читать съ рукописью: ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῶν κοσμικῶν τούτων καὶ προσκαίρων... δίκην καπνοῦ

καὶ τοὺς ἐπαίνους διαλυομένους ὁρῶμεν, т. е. «при этихъ свѣтскихъ и перемѣнчивыхъ вещахъ мы видимъ, что и похвала ихъ расходится какъ дымъ»; употребленіе предлога ἐπὶ въ этомъ смыслѣ часто встрѣчается у нашего автора, см. 2, 15; 18, 11; 30, 11; союзъ ἐπεί, предложенный издателемъ (вмѣсто ἐπί), требовалъ бы соотвѣтственнаго придаточнаго предложенія, котораго въ текстѣ не имѣется.—9, 8 въ рукописи читается τὴν μὲν εἰς τοῦτο φέρουσαν ἐπίπλεον τοῦ λέγειν ὁδὸν στήσας, т. е. «прекративши дальнѣйшій ходъ рѣчи, ведущій къ этому»; для этого значенія слова ἐπίπλεον, которое можно писать и отдѣльно ἐπὶ πλέον, сравни 31, 3; 40, 26; корректура издателя ἐπίπλεων (= наполненный?) намъ непонятна.— 13, 17 въ текстѣ напечатано ἡ θεία καὶ πάνυ ἐμοὶ σεβασμία ψυχή, а въ примѣчаніи сказано, что въ рукописи вмѣсто ἐμοὶ читается τέμοί; можетъ быть, тутъ находится πάν τέμοὶ (а не πάνυ τέμοὶ), но во всякомъ случаѣ поправка πάντ' ἐμοὶ не подлежитъ никакому сомнѣнію, см. 40, 11.—19, 25 ἐκεῖνος... μεθ' ὅσου τοῦ τῆς ταπεινοφροσύνης σχήματος κείμενος ἔκλαιε· это, признаться, выраженіе необыкновенное, но нѣтъ причины перемѣнять слово ὅσου въ ὅλου; восклицаніе: ὅσον τὸ τῆς ταπεινοφροσύνης σχῆμα (т. е. сколь удивителенъ образъ смиренія) можетъ быть употребляемо и въ зависимости отъ предлога: μεθ' ὅσου τοῦ... σχήματος, см. Johannis Euchaitorum metropol. opera p. 83, 7 Lagarde: δεξιὰν ἤδη δίδωμι μεθ' ὅσης τῆς προθυμίας и p. 81, 17: μετ' εὐσχήμονος οἵας καὶ εὐπρεποῦς τῆς αἰτίας.—31, 13 τίς ψάμμον θαλάσσων ἢ σταγόνας ὑετοῦ... δυνήσεται ἀναμετρεῖν; рукописное чтеніе θαλάσσων, которое издатель перемѣняетъ въ θαλάσσιον, утверждается словами Сираха (1, 2 сл.), приведенными здѣсь авторомъ; приходится только поправить удареніе: θαλασσῶν.—35, 6 издатель отвергъ форму σφοδρότατον, напечатавъ σφοδρώτατον; но первая форма—единственно правильная.—39, 18 τὸ μακρὸν ἔθος αὐτῶν, ὅπερ καὶ εἰς φυσικὴν ἄντικρυς ἕξιν τούτοις κατέστη· и здѣсь мы предпочитаемъ рукописное чтеніе принятой издателемъ поправкѣ μιαρόν; слово μακρός здѣсь тождественно съ выраженіемъ χρόνιος (= продолжительный), употребленнымъ нѣсколько ниже на стр. 43, 27: διὰ τὴν ἐν τῇ χρονίᾳ λῃστείᾳ διατριβήν; см. и Plut. Mor. 611 E μακρὰ συνήθεια и 784 B τὴν οὕτω μακρὰν καὶ συμβεβιωκυῖαν ἡσυχίαν.— На стр. 1, 19 мы измѣнили бы, на основаніи другого мѣста нашего житія (13, 25), испорченное чтеніе παριγίνονται лучше въ περιγίνονται, чѣмъ съ издателемъ въ παραγίνονται.

Въ другихъ мѣстахъ, не затронутыхъ издателемъ, нельзя, по нашему мнѣнію, обойтись безъ измѣненія текста: на стр. 5, 20 слѣдуетъ читать ἀπίθανα (вм. ἀπείθανα); 7, 15 μετὰ τοῦτον, т. е. Γρηγόριον (вм. ταὐτόν); 7, 26 στερηθεὶς (вм. στερηθεῖσα), такъ какъ говорится о самцѣ, см. ἀποτρέχων въ 25-й строкѣ; 7, 29 συμβαλλόμενον (вм. συμβαλλόμενος); это причастіе какъ и слѣдующее ἀπηλλαγμένον (строка 30-я), относится къ слову τόπον; о значеніи глагола συμβάλλεσθαι πρός τι = способствовать чему ср. 35, 13. На стр. 8, 8 нужно писать τῇ δίψῃ (вм. τῇ δίψει); 9, 31 τοῖς ἐπαποδυο-

μένοις εἰς τὸ τῆς ἀρετῆς στάδιον καὶ [εἰς] τοὺς ὑπὲρ αὐτῆς ἄθλους ἀγωνιζομένοις· предлогъ εἰς, поставленное нами въ скобкахъ, произошло лишь изъ диттографіи; слова τοὺς ἄθλους не принадлежатъ къ глаголу ἐπαποδυομένοις, а (въ видѣ внутренняго дополненія) къ глаголу ἀγωνιζομένοις. На стр. 11, 2 мы пишемъ ἀναπολεῖ τε (вм. ἀναπολεῖται); средній залогъ этого глагола не употребителенъ, см. 25, 9; 26, 30; кромѣ того, чтеніе ἀναπολεῖται представляло бы собою странное безсоюзіе предложеній; 10, 24 ἀνήγειρεν (вм. ἀνέγειρεν), см. 31, 20; 38, 22. На стр. 11, 16 слѣдуетъ писать σὺν τάχει (вм. σὺν τάχα); 11, 20 τὸν οἶκον ἐκεῖνον πεπληρωμένον εἶδε (вм. εἶναι) φωτός; 13, 15 μικράν μοι (вм. με) δυνάμενον τὴν ὠφέλειαν ἐμποιῆσαι; 18, 3 ὅποιπερ ἂν δεήσεις (вм. δεήσεις), т. е. «куда надобно», см. 43, 20. На стр. 19, 10 читается τῇ σύριγγι τῶν αὐτοῦ λόγων τὰς ἡνίας ἐγχειρίσας τῶν λογισμῶν· нельзя представить себѣ, въ какомъ смыслѣ авторъ здѣсь могъ бы употребить выраженіе σύριγξ τῶν λόγων (флейта словъ?); если же припомнить себѣ, что слово σειρήν нерѣдко встрѣчается въ переносномъ смыслѣ (= чары, прелесть, см. Plut. vita Marii cap. 44: ἡ τῶν λόγων σειρὴν καὶ χάρις), и что при итацизмѣ оба слова почти созвучны (σύριγγι = сиринги, σειρῆνι = сирини), то поправка τῇ σειρῆνι τῶν αὐτοῦ λόγων не покажется слишкомъ смѣлою, а смыслъ словъ становится затѣмъ совсѣмъ яснымъ: инокъ Николай при всѣхъ своихъ размышленіяхъ руководствовался прелестными словами св. Григорія; 22, 27 ἡνωμένοι διὰ παντὸς μένομεν ἐν ἀλλήλοις ὄντες καὶ παρ' ἀλλήλοις (вм. ἀλλήλους); 24, 14 τὴν παράβασιν, ὡς νῦν ἐλέγομεν (вм. λέγομεν); авторъ ссылается на высказанное имъ выше (23, 27). На стр. 25, 12 разсказывается о слѣпомъ инокѣ, имѣющемъ отъ Бога даръ пророчества: χαρίσματος ἀτεχνῶς ἠξιώθη, ὡς μὴ μόνον μὴ δεῖσθαι τοῦ χειραγωγοῦντος καὶ ὁδηγοῦντος, ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ κέλλῃ καθήμενον οἱονεὶ προβλέπειν καὶ λέγειν τοῖς παραβάλλουσι πρὸς ἡμᾶς μοναχοῖς· «ἐξέρχεσθε πρὸς ὑπάντησιν. . . . . . Здѣсь, во-первыхъ, слѣдуетъ исправить καθήμενον въ καθήμενος, такъ какъ въ предложеніи слѣдствія подлежащее то же самое, что и въ управляющемъ предложеніи, а во-вторыхъ, *кавычки* (передъ словомъ ἐξέρχεσθε) невѣрно поставлены; дательный п. τοῖς παραβάλλουσι, какъ уже доказываютъ слова πρὸς ἡμᾶς, не зависитъ отъ λέγειν, а представляетъ собою начало рѣчи слѣпого инока, т. е. «идите на встрѣчу монахамъ, приходящимъ къ намъ»; 27, 18 ἄσμενος οὖν δεξάμενος ὁ δίκαιος τῷ ἀσμένως ἐπένευσε πρὸς τὴν δέησιν· слово ἀσμένως, безъ сомнѣнія, испорчено писцомъ изъ ἀσμένῳ; сопоставленіе одного и того же прилагательнаго или причастія въ разныхъ падежахъ такъ, что одна форма относится къ подлежащему, а другая къ дополненію, весьма принято было у грековъ, см. Eur. Jon. 1438: ἄσμενός σ' ἰδὼν πρὸς ἀσμένης πέπτωκα σὰς παρηίδας и Hom. Od. 17, 83: δὴ τότε μοι χαίροντι φέρειν πρὸς δώματα χαίρων; 29, 15 συνειλεγμένον (вм. συνελεγμένον); 29, 14 πρὸς ἐκεῖνον (т. е. Γρηγόριον, вм. ἐκεῖνο) συνέρρεον; 29, 26 κατὰ θείαν χάριν Θεὸς [ὁ] ἄνθρωπος γίνεται· въ неправильно прибавленномъ членѣ (при именномъ сказуемомъ ἄνθρωπος) нельзя обвинить автора, хорошо знающаго это

правило грамматики, см. 23, 26; это ошибка переписчика; 33, 21 τὸ ἄθεον καὶ βαρβαρικὸν ἔθνος τῶν Ἀγαρηνῶν..... τούς.... μοναχοὺς πάντας συσχὸν καὶ συνδῆσαν ὡς ἐξ ἀνυπονοῇ τοῦ λόχου ἀνδραποδίζει. Вмѣсто этихъ непонятныхъ словъ, очевидно, нужно поставить ὡς ἐξ ἀνυπονοήτου λόχου, т. е. турки плѣнили всѣхъ иноковъ, окруживъ ихъ, какъ изъ неожиданной засады; 34, 19 ἐπεχορηγεῖτο (вм. ἐπιχορηγεῖτο); 35, 8 εἶτα μὴν ἔσται τὰ περὶ ἡμῶν μοναχῷ τινι Ἀμηράλῃ· непонятныя слова μὴν ἔσται испорчены изъ μηνύεται; 35, 28 τὸν ὑβριστὴν καὶ ἀλιτήριον ἐκείνου (т. е. Григорія), ἶσον δὲ εἰπεῖν καὶ [κατ'] αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ· предлогъ κατ' отнюдь не подходитъ къ конструкціи; родительный п. αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ зависитъ, сообразно предыдущему ἐκείνου, отъ словъ ὑβριστὴν καὶ ἀλιτήριον, а κατ' вкралось въ текстъ вслѣдствіе невнимательности писца, читавшаго вм. простого καὶ — καὶ κατ' (диттографія); смыслъ предложенія слѣдующій: монахъ, покусившійся на жизнь св. Григорія, называется обидчикомъ не только Григорія, но и самого Бога; 38, 6 ἐμοὶ δ' ἐπ' ὀλίγον προσκαρτερήσαντι καὶ μηδ' ἂν εἴ τι γένοιτο τὴν ἀπουσίαν τοῦ διδασκάλου ὑπενεγκεῖν δυναμένῳ — πάντα οὐδὲν ἐδόκει πρὸς τοῦτο· καὶ τὸν Ὁμηρικὸν ἵππον ὁ πόθος ποιεῖ καὶ σπουδή — πάλιν ἐγὼ κατέλαβον τὴν Κ—πολιν. Что значатъ слова ὁ πόθος ποιεῖ τὸν Ὁμηρικὸν ἵππον, сказать трудно; вѣроятно, ученый авторъ намекаетъ на слова Гомера (Jl. 17, 438 сл.), гдѣ поэтъ разсказываетъ, что безсмертные кони Ахиллеса, услышавъ о кончинѣ Патрокла, плакали и тосковали по погибшемъ своемъ возницѣ: δάκρυα δέ σφιν θερμὰ κατὰ βλεφάρων χαμάδις ῥέε μυρομένοισιν ἡνιόχοιο πόθῳ· Эти стихи Гомера подсказываютъ намъ растолковать темное мѣсто нашего автора — прибавленіемъ глагола κλαίειν; кромѣ того, мы должны замѣнить чтеніе σπουδὴ нарѣчіемъ σπουδῇ (= aegre, съ трудомъ) и поставить знаки препинанія нѣсколько иначе, а именно такъ: ἐμοὶ δ'. . . . δυναμένῳ πάντα οὐδὲν ἐδόκει πρὸς τοῦτο (καὶ τὸν Ὁμηρικὸν ἵππον ὁ πόθος <κλαίειν> ποιεῖ) καὶ σπουδῇ πάλιν ἐγὼ κατέλαβον κτλ. [1]). На стр. 41, 28 читается: βασιλικὰ ἔργα. . . . ἐνεργῶς παριστῶντα, ἣν ἔχει ἀγαθὴν καὶ θεοφιλῆ γνώμην. Здѣсь нужно писать ἐναργῶς (= clare, evidenter) вм. ἐνεργῶς (strenue, acriter); 42, 25 καὶ οὗτος (т. е. Γρηγόριος) μετ' ἐκείνου (т. е. Μωσέως) τὸ Σίναιον ὄρος ᾤκησε· такъ какъ св. Григорій жилъ на Синайской горѣ не съ Моисеемъ (μετὰ c. gen.), а послѣ Моисея (μετὰ c. acc.), никто, думаемъ, ничего не возразитъ противъ поправки: μετ' ἐκεῖνον; 43, 9 τοῖς μὲν πράξεως, τοῖς δ' αὖθις ἀψευδοῦς θεωρίας ἀκριβοῦς μετεδίδου· нельзя допустить, чтобы авторъ при им. существительномъ θεωρίας употребилъ два (впрочемъ, довольно однозначащихъ)

1) Во время печатанія нашей рецензіи мы нашли, что упомянутая выше фраза заимствована Каллистомъ изъ надгробнаго слова Григорія Назіанзина Εἰς τὸν μέγαν Βασίλειον. Тамъ говорится: ἀλλ' ἐπιμείναντά με ταῖς Ἀθήναις.... ποιεῖ τὸν Ὁμηρικὸν ἵππον ὁ ποθος καὶ τὰ δεσμὰ ῥήξας τῶν κατεχόντων κροαίνων κατὰ πεδίων καὶ πρὸς τὸν σύννομον ἐφερόμην. Это мѣсто доказываетъ, что въ текстѣ Каллиста слѣдуетъ прибавить только словечко με, такъ-что смыслъ — слѣдующій: тоска по учителѣ сдѣлала меня похожимъ на извѣстнаго коня, о которомъ говоритъ Гомеръ (Н. 6, 507).

типа, множество варіантовъ которыхъ приводилъ г. Соколовъ въ этомъ изслѣдованіи. Далѣе разсматриваются молитвы и заклинанія *нежита* и *гостица*, имѣющихъ самое растяжимое значеніе отъ боли головы и насморка до сифилиса включительно, греческія περὶ ῥεύματος, отъ поганицы и т. п., при чемъ перепечатаны нѣкоторые неизданные тексты напр. на стр. 21 греческій заговоръ на καιφαλονεάνος—головную боль изъ рукописи Григоровича (Моск. Публ. и Рум. Муз. 819 Евхологіонъ XVIII в.), на стр. 22—23 изъ той же рукописи заклинанія лѣса, на стр. 25 «оберегъ»—φυλακτήριον отъ злыхъ сосѣдей, злословящихъ и кленущихъ раба Даксія (имя рекъ) и т. д. Въ этомъ филактеріи упоминается, между прочимъ, и св. Сисиній, имя котораго часто встрѣчается въ заклинаніяхъ и легендахъ и ранѣе, въ статьѣ Ж. М. Н. Пр. привлеченныхъ г. Соколовымъ для объясненія амулетовъ-змѣевиковъ. Въ теперешнемъ этюдѣ вновь разбирается цѣлый рядъ легендъ и молитвъ съ именемъ этого святаго. Этотъ рядъ открывается молитвой изъ боснійской рукописи новѣйшаго письма: *«Молитва стаго Сисона, великаго многоборителя и побѣдителя духовъ нечисти дявола проклетогъ»*. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ молитвы святого Архангела Михаила — изъ того же сборника. Далѣе два неизданные южно-русскіе тексты: «Виденіе святому Созонту на горѣ» изъ сборника второй половины XVIII в. и «Сказаніе о воплощеніи индяційскіе страны епископомъ блаженнымъ и святымъ отцемъ Сисиніемъ предъстательствомъ его святаго» (XVIII в.) и другіе памятники и отрывки изъ нихъ. Всѣ подобныя молитвы и заклинанія считались имѣющими волшебную, магическую силу. Ихъ достаточно написать и носить, самый актъ произношенія ихъ отгоняетъ демоновъ и болѣзни — и этимъ онѣ разнятся отъ христіанскихъ молитвъ. Въ высшей степени важна связь этихъ и всѣхъ прочихъ древнихъ и средневѣковыхъ европейскихъ заклинаній съ древнѣйшей халдейской и ассиро-вавилонской магіей.

Въ этой связи авторъ объясняетъ и змѣевикъ. Изъ памятниковъ этого рода авторъ останавливается на трехъ, гдѣ написано имя главнаго интересующаго его демоническаго существа *Дны*. Другой рядъ амулетовъ, впервые изданный Шлумбергеромъ (Rev. des Etudes Grecques V p. 17 (1892) стр. 73—85), на которомъ всякія бѣды изгоняются именемъ Соломона, имѣетъ на ряду съ именемъ этого послѣдняго имена различныхъ ангеловъ и м. пр. на одномъ ΣΙΣΙΝΝΙΟΣ ΣΙΣΙΝΝΑΡΙΟΣ. Это даетъ поводъ автору еще разъ обратиться къ имени Сисинnія и путемъ многочисленныхъ и иногда, думаемъ, слишкомъ уже уклоняющихся отъ главной темы аналогій выставить предположеніе, что первоначально Сисинній — ангелъ. Къ этой области волшебства и гностики все такъ спутано и темно, что ничего нѣтъ въ этомъ невѣроятнаго, но доказаннымъ остроумное предположеніе г. Соколова врядъ ли можно считать, тѣмъ болѣе что самое имя Сисиннія претерпѣваетъ множество варіацій и иногда можетъ быть узнана лишь въ неразумительныхъ словахъ вродѣ: σενσεγγεν, σεσενεβφθω и т. п, лишь издали напоминающихъ форму этого

свою дѣятельность и вскорѣ подаритъ наукѣ новое изданіе неизвѣстнаго покуда агіографическаго текста.

Рига.

Э. Курцъ.

Соколовъ, М. И. *Новый матерьялъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками.* М. 1894 (изъ перваго выпуска трудовъ славянской коммиссіи при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ). 70 страницъ. 4°.

Настоящее изслѣдованіе служитъ продолженіемъ и развитіемъ положеній автора, высказанныхъ имъ въ статьѣ: «Апокрифическій матерьялъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками» въ Ж. М. Н. Пр. ч. CCLXIII отд. 2, стр. 340—368 (1889 г.). Этимъ матерьяломъ для объясненія змѣевиковъ являются главнымъ образомъ различныя заклинанія противъ демоновъ, виновниковъ разныхъ болѣзней, и легенды объ ангелахъ и святыхъ, являющихся борцами съ діаволомъ, главнымъ ихъ виновникомъ. Такъ уже въ первомъ изслѣдованіи указано на циклъ легендъ о Сисинніи, какъ наиболѣе типичномъ прогонителѣ діавола. Тамъ же указывалось, что упомянутые амулеты, какъ въ Византіи такъ и на Руси «являются отраженіемъ суевѣрія, ведущаго свое начало съ Востока изъ древней Халдеи, и всего ближе соотвѣтствуютъ тѣмъ демонологическимъ и магическимъ представленіямъ и ученіямъ, какія изложены въ извѣстномъ Testamentum Salomonis, этой іудейско-византійской перелицовкѣ древней халдейской магіи» (стр. 1). Въ интересующемъ насъ теперь изслѣдованіи авторъ соединяетъ массу новаго матерьяла. Изслѣдованіе начинается разборомъ многихъ варіантовъ греческихъ, славянскихъ, малорусскихъ, латышскихъ и болгарскихъ заговоровъ отъ болѣзни истеры-матицы, которая въ славянскихъ изводахъ этихъ заговоровъ носитъ названіе *дъна.* Тождество истеры и дны, кажется, впервые указано, или по крайней мѣрѣ подробно развито и обставлено этимологическими доказательствами авторомъ. Понятіе это чрезвычайно широко и неопредѣленно. То это дѣйствительно женская матка, или болѣзнь ея, называемая въ простонародіи «золотниками«, то вообще всякая внутренняя изводящая человѣка болѣзнь, хотя бы и у мужчинъ, или баснословное существо, живущее внутри человѣка, сходъ котораго съ мѣста производитъ болѣзнь. Типичный заговоръ, встрѣчающійся на змѣевикахъ противъ этой истеры, служащей исходною точкою г. Соколова, таковъ: «Ὑστέρα μελανή, μελανωμένη, ὡς ὄφις εἰλύεσαι καὶ ὡς δράκων συρίζεις καὶ ὡς λέων βρυχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κοιμοῦ (κοιμεῖσαι)» — по переводу Г. С. Дестиниса: «Матица (= болѣзнь матицы) черная, почернѣлая, какъ змѣй, ты вьешься, и какъ драконъ, свищешь, и, какъ левъ, рычишь, и, какъ ягненокъ, спишь (спи)». Этимъ послѣднимъ приказаніемъ, или приказаніемъ стать на свое мѣсто, сѣсть на золотое кресло и т. п. заканчиваются почти всѣ заговоры этого

оставались безъ удовлетворительнаго отвѣта, — до тѣхъ поръ, конечно, не могла быть достовѣрно выяснена литературная дѣятельность Леонтія монаха и не могло быть указано его мѣсто въ исторіи христіанской мысли. Тщательный сводъ разысканій старинныхъ издателей и изслѣдователей сдѣланъ *Фесслеромъ* (Fessler. Institutiones patrologiae II (1851), p. 934, перепеч. у Migne); статьи же въ энциклопедіяхъ: Smith and Wace, Dict. of chr. biogr., Herzog's Real-Encyclop. не достаточны и плохи. Значительный объемъ полемическихъ трудовъ Леонтія, равно какъ трудности для пониманія, представляемыя ихъ спеціальнымъ содержаніемъ и усугубленныя во многихъ мѣстахъ очевидною порчею текста, требовали весьма большой работы. Критическое изданіе сочиненій Леонтія есть дѣло будущаго: въ Патрологіи (Sc. Gr. LXXXVI, pp. 1—2) они перепечатаны — и не всегда непосредственно — съ editiones principes Леунклавія, Канизія, Комбефиза, Гретсера, Маи.

Болѣе неотложная потребность чувствовалась въ спеціальномъ критическомъ изслѣдованіи трудовъ Леонтія, которое должно было бы подготовить изданіе ихъ текста, отвѣчающее современнымъ требованіямъ, и въ то же время выяснить вопросъ о жизни и литературной дѣятельности ихъ автора или авторовъ.

Въ 1887 г. появилась книга *Лоофса* о Леонтіи: *Fr. Loofs*, Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griechischen Kirche. Erstes Buch. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, von Hebhardt und Harnack, Bd. III, H. 1—2); продолженіемъ этой работы является: *Loofs*, Studien über die dem Johannes von Damaskus zugeschriebenen Parallelen. Halle 1892. Результаты и достоинства изслѣдованія Лоофса были отмѣчены въ свое время спеціальной критикой, и его выводы составляютъ основу современныхъ свѣдѣній о Леонтіи (См. *Bardenhewer*. Patrologie. Freiburg, 1894, S. 506 ff.). Въ виду того, что его трудъ вполнѣ устраняетъ необходимость обращаться къ прежнимъ разысканіямъ, новая работа по вопросу о Леонтіи Византійскомъ можетъ найти себѣ лучшую оцѣнку именно съ той точки зрѣнія, насколько она дополняетъ изслѣдованіе Лоофса, подтверждаетъ тѣ изъ его выводовъ, которые представляются несомнѣнными, и какъ она относится къ многочисленнымъ, по скудости данныхъ, преположеніямъ Лоофса, среди которыхъ центральное мѣсто занимаетъ его гипотеза о «σχόλια Λεοντίου». И эта точка зрѣнія вполнѣ примѣняется къ работѣ Рюгамера: въ ея первой, «историко-критической» части «на первомъ планѣ стоятъ предложенныя Лоофсомъ гипотезы».

Рюгамеръ справедливо указываетъ, что рѣшеніе многихъ частныхъ вопросовъ возможно лишь при непосредственномъ знакомствѣ съ рукописями, извѣстными обоимъ изслѣдователямъ лишь по описямъ. Оно имѣетъ возможность сослаться на необходимость изученія Генуэзскаго сборника XI в., изъ котораго Питра (годомъ позже выхода книги Лоофса) напечаталъ имѣющіе важность варіанты (Analecta sacra et classica, V), и

имени[1]). Но мы боимся высказаться въ какія бы то ни было утвержденія на этой волшебной почвѣ, гдѣ все такъ легко превращается и мѣняетъ свои формы. Имя Соломона, встрѣчающееся на амулетахъ второго рода, даетъ поводъ автору сдѣлать экскурсъ въ область легенды о Соломонѣ, прогонителѣ бѣсовъ, какъ они являются напр. въ Testamentum Salomonis. Особенное вниманіе здѣсь обращено на типы различныхъ демоновъ. Въ видѣ параллелей сопоставлены эпитеты демоновъ въ «заклинаніяхъ Василія Великаго», въ египетскихъ папирусахъ и эпизодъ о Веліарѣ въ апокрифическихъ «Вопросахъ ап. Варѳоломея къ Христу и Богородицѣ». Въ заключеніе приводятся еще дополнительныя соображенія и значеніе оленя и оленьей головы и аспида въ молитвахъ отъ Дны и Нексита.

Любопытнѣйшее какъ по массѣ новаго незатронутаго матерьяла такъ и по сравнительной новизнѣ, неразработанности и трудности предмета изслѣдованіе г. Соколова должно возбудить несомнѣнный интересъ въ спеціалистахъ. Не надо только забывать, что въ области, въ которой вращаются его изслѣдованія, все можетъ быть объяснено лишь приблизительно и приложеніе обычныхъ правилъ критики чрезвычайно затруднительно.

А. Щукаревъ.

P. Wilh. Rügamer, *Dr. theol., O. S. A. Leontius von Byzanz. Ein Polemiker aus dem Zeitalter Justinians.* Preisgekrönte Schrift. Würzburg, Göbel. 1894. VIII + 176 стр.

Несмотря на безспорную важность въ исторіи христіанства многочисленныхъ трудовъ, приписываемыхъ рукописями то «аввѣ» или «схоластику» Леонтію Византійскому, то «пустыннику», «великому подвижнику», «премудрому монаху» Леонтію Іерусалимскому,— критическое изученіе ихъ до послѣдняго времени было такъ недостаточно, что оставался загадочнымъ даже тотъ вопросъ, принадлежатъ ли они дѣйствительно одному лицу или нѣсколькимъ. При отсутствіи рѣшающихъ постороннихъ данныхъ (въ источникахъ VI—VII вв. упоминается болѣе 20 Леонтіевъ, изъ которыхъ нѣкоторые вполнѣ свободно могутъ быть отожествлены съ авторомъ всѣхъ или части сочиненій, носящихъ имя монаха Леонтія), вопросъ о принадлежности каждаго изъ этихъ трудовъ предполагаемому общему автору могъ быть рѣшенъ не иначе, какъ путемъ тщательнаго изученія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и въ сравненіи съ другими. Пока первые вопросы критическаго изученія: о взаимномъ отношеніи приписанныхъ Леонтію произведеній, объ ихъ составѣ, редакціяхъ, заимствованіяхъ, связи съ предшествующей и позднѣйшей литературой,

---

[1]) Съ такимъ же правомъ, пожалуй, можно было бы предположить, что Сисинній первоначальный — одинъ изъ эпитетовъ божества. См. текстъ егип. папируса на стр. 45 ὁ σίσας (= σείσας?) καὶ σίων τὴν οἰκουμένην и т. д. и видѣть напр. на Абраксосѣ, на стр. 54, намекъ на этотъ эпитетъ, подобно Абраксосу на стр. 45.

оставались безъ удовлетворительнаго отвѣта, — до тѣхъ поръ, конечно, не могла быть достовѣрно выяснена литературная дѣятельность Леонтія монаха и не могло быть указано его мѣсто въ исторіи христіанской мысли. Тщательный сводъ разысканій старинныхъ издателей и изслѣдователей сдѣланъ *Фесслеромъ* (Fessler. Institutiones patrologiae II (1851), p. 934, перепеч. у Migne); статьи же въ энциклопедіяхъ: Smith and Wace, Dict. of chr. biogr., Herzog's Real-Encyclop. не достаточны и плохи. Значительный объемъ полемическихъ трудовъ Леонтія, равно какъ трудности для пониманія, представляемыя ихъ специальнымъ содержаніемъ и усугубленныя во многихъ мѣстахъ очевидною порчею текста, требовали весьма большой работы. Критическое изданіе сочиненій Леонтія есть дѣло будущаго: въ Патрологіи (Sc. Gr. LXXXVI. pp. 1—2) они перепечатаны — и не всегда непосредственно — съ editiones principes Леунклавія, Канизія, Комбефиза, Гретсера, Маи.

Болѣе неотложная потребность чувствовалась въ специальномъ критическомъ изслѣдованіи трудовъ Леонтія, которое должно было бы подготовить изданіе ихъ текста, отвѣчающее современнымъ требованіямъ, и въ то же время выяснить вопросъ о жизни и литературной дѣятельности ихъ автора или авторовъ.

Въ 1887 г. появилась книга *Лоофса* о Леонтіи: *Fr. Loofs.* Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griechischen Kirche. Erstes Buch. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, von Gebhardt und Harnack. Bd. III. H. 1—2) продолженіемъ этой работы является: *Loofs.* Studien über die dem Johannes von Damaskus zugeschriebenen Parallelen. Halle 1892. Результаты и достоинства изслѣдованія Лоофса были отмѣчены въ свое время специальной критикой, и его выводы [illegible] *Bardenhewer.* Patrol. [illegible] трудъ вполнѣ [illegible] сканіямъ. [illegible] Леонтія [illegible] найти [illegible] дополняетъ изслѣдованіе Лоофса [illegible] торые [illegible] численныхъ [illegible] рыхъ центральное [illegible] эта [illegible] Лоофсомъ [illegible]

[illegible] вопросамъ [illegible] лемами. [illegible] имѣетъ [illegible] сборника [illegible] напечатать [illegible]

самъ указываетъ, по каталогу аѳонскихъ библіотекъ Ламброса (I, 138—139), на списокъ находящагося между сочиненіями Леонтія фрагмента «κεφάλαια περὶ διαφόρων αἱρετικῶν». (Другіе списки указаны у Лоофса, стр. 134, по каталогамъ Coxe, I, 580 sq. Miller, 433 и Nessel, I 270). Что касается до обѣихъ проповѣдей, напечатанныхъ въ Патрологіи между сочиненіями Леонтія Византійскаго, то давно уже было замѣчено, что по сходству языка и литературныхъ пріемовъ онѣ походятъ на проповѣди Леонтія Кипрскаго и что въ рукописныхъ сборникахъ произведенія одного изъ этихъ двухъ Леонтіевъ часто приписываются другому. См. *Sartorius*, Leontii Constantinopolitani homilia in Jobum adhuc inedita, Dorpat 1827. Дѣйствительно въ каталогѣ А. И. Пападопуло-Керамевса (Ἱεροσ. βιβλ. I, 22) Рюгамеръ находитъ указаніе, что Λόγος εἰς τὴν μεσοπεντηκοστήν, напечатанное въ Патрологіи между сочиненіями Леонтія Византійскаго, носитъ имя Леонтія Кипрскаго въ одномъ изъ сборниковъ Іерусалимской патріаршей библіотеки.

Начиная свой разборъ трудовъ Леонтія съ «Трехъ книгъ противъ Евтихіанъ и Несторіанъ», Рюгамеръ не согласенъ съ выводомъ Лоофса, что это полемическое произведеніе дошло до насъ (у Лоофса сказано «im Wesentlichen») безъ измѣненій. Рюгамеръ указываетъ на двѣ цитаты изъ Ефрема, находящіяся въ текстѣ contra Eut. Nest. между выдержками изъ отцовъ церкви. Если слѣдовать мнѣнію Маи, впрочемъ, имъ не доказанному, будто эти цитаты принадлежатъ патріарху антіохійскому Ефрему, бывшему въ живыхъ еще въ 544—5 годахъ, то получится по мнѣнію Рюгамера, что Леонтій называетъ отцомъ церкви лицо, бывшее въ живыхъ въ тотъ годъ, когда contra Eut. Nest. было уже написано. Но вѣдь онъ самъ же замѣчаетъ, что между этими χρήσεις легко могли явиться позднѣйшія вставки, которыя, конечно, не опровергаютъ вывода Лоофса объ единствѣ редакціи contra Eut. Nest. Нѣсколько ниже (стр. 13) Рюгамеръ пользуется тѣмъ же самымъ выводомъ объ отсутствіи измѣненій въ текстѣ contra Eut. Nest. по поводу псевдо-діонисіевскихъ цитатъ, заподозрѣнныхъ на диспутѣ 531 г. противъ Севера, и считаетъ возможнымъ относить все сочиненіе къ 529—531 гг. на основаніи того факта, что Леонтій считаетъ эти цитаты исходящими отъ Діонисія Ареопагита. Впрочемъ, Рюгамеръ самъ замѣчаетъ слабость этого довода и подкрѣпляетъ его подобнымъ же объ одномъ изъ подложныхъ писемъ папы Юлія, признавая, впрочемъ, что и это письмо могло быть вставлено позже (стр. 16), но въ такомъ предположеніи нѣтъ и надобности, такъ какъ Леонтій, повидимому, переписалъ это письмо въ ряду другихъ χρήσεις изъ Кирилла Алекс. и могъ не обратить вниманія на его подозрительность въ глазахъ нѣкоторыхъ своихъ современниковъ (ср. Loofs, 91). Эти документы, приписываемые Юлію, собраны у *Lagarde*, Titi Bostrensis quae.. in codice Hamburgensi servata sunt. Berol. 1859. Appendix. Большій интересъ представляютъ замѣчанія Рюгамера объ «adversus fraudes Apollonistarum». Признается, что аргументы этого критическаго изслѣдованія

Леонтія не утратили своей цѣны и до сихъ поръ. (См. *Caspari*, Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Christiania 1879, стр. 65—124). «Въ противоположность Лоофсу» Рюгамеръ считаетъ весьма вѣроятной принадлежность adv. fr. Apoll. Леонтію Виз.; но и Лоофсъ оставилъ этотъ вопросъ in suspenso по недостатку данныхъ (Loofs, 82—92). Дѣйствительно, выводъ Лоофса о датѣ этого трактата (по Лоофсу 511—520) представляется довольно слабо обоснованнымъ и, будучи употребленъ въ качествѣ аргумента противъ принадлежности сочиненія Леонтію, не можетъ спорить съ рукописной традиціей, со сходствомъ писательскихъ пріемовъ и съ выдающейся начитанностью въ патристической литературѣ, склоняющими къ отожествленію автора adv. fr. Apoll. съ Леонтіемъ. Это признаетъ и самъ Лоофсъ (стр. 89—90). Замѣчанія Рюгамера въ этомъ вопросѣ представляются убѣдительными, и предполагаемая имъ связь между adv. fr. Apoll. и полемикой 531 г. кажется возможной. — Діалогъ «ἐπίλυσις τῶν ὑπὸ Σευήρου προβεβλημένων συλλογισμῶν» содержитъ (col. 1936 C.)ссылку на «первую главу» разсужденія автора о двухъ природахъ. Лоофсъ видѣлъ въ этой ссылкѣ указаніе на первую главу предполагаемыхъ имъ «σχόλια», частью которыхъ, въ переработанномъ видѣ, является «ἐπίλυσις». Рюгамеръ указываетъ, что начало этого самаго діалога также подходитъ по своему содержанію подъ эту ссылку; а то возраженіе, что epilysis не дѣлится на главы, Рюгамеръ находитъ возможнымъ устранить (стр. 19). Въ такъ называемой «τριάκοντα κεφάλαια κατὰ Σευήρου» Рюгамеръ также не находитъ слѣдовъ первоначальной редакціи, настаивая на томъ, что литературная форма этого небольшого произведенія не допускаетъ мысли, будто и оно нѣкогда входило въ составъ «σχόλια».

Основаніемъ для главной гипотезы Лоофса о существованіи для большинства сочиненій Леонтія общей первоначальной редакціи въ формѣ единаго и законченнаго большого полемическаго сочиненія «σχόλια» служитъ его анализъ двухъ (дошедшей и первоначальной) редакцій «σχόλια Λεοντίου σχολαστικοῦ Βυζαντίου ἀπὸ φωνῆς Θεοδώρου κτλ.» или такъ называемаго de sectis. Рюгамеръ согласенъ, что это сочиненіе является исполненною Θеодоромъ (въ концѣ VI в.) переработкой принадлежащаго Леонтію законченнаго труда «σχόλια» (тогда какъ одинъ изъ критиковъ книги Лоофса, Möller въ Theol. Literaturzeit. her. v. Harnack und Schürer 1887, S. 338, напрасно, по замѣчанію Рюгамера, затрудняется самымъ именемъ σχόλια, означающимъ и законченное со стороны литературной формы произведеніе, напр. «scholia de incarnatione» Кирилла Ал.); Рюгамеръ согласенъ съ Лоофсомъ также въ томъ, что цитаты изъ «σχόλια Λεοντίου», находящіяся въ текстѣ компиляціи VII в. «antiquorum patrum doctrina de verbi incarnatione» (Mai, Scriptt. vet. nova coll. VII) и въ «Panoplia» Евѳимія Зигавина являются фрагментами нѣкотораго первоначальнаго текста, для котораго de sectis можетъ быть лишь позднѣйшей редакціей. Но онъ дѣлаетъ возраженіе противъ предполагаемой Лоофсомъ даты этихъ первона-

чальныхъ σχόλια, именно 538—543 гг. Ср. Loofs, 220 (а не 229). Имѣются слѣдующія данныя. Достовѣрно извѣстно, что о соборѣ 553 г. не упоминается въ текстѣ de sectis (1); но въ немъ говорится объ осужденіи Θеодорита и Ивы, состоявшемся, какъ извѣстно, еще до собора 553 г. путемъ императорскаго эдикта 544 г. (2); но въ то же время перечисляются александрійскіе патріархи до самаго VII вѣка, къ имени Юстина прибавлено «ὁ πρῶτος» и, наконецъ читается такая фраза: ἄλλη ἀπορία ἡμῖν ἀνεφύη ἀπὸ τῶν χρόνων Ἰουστινιανοῦ (3). Какимъ образомъ выйти изъ такого противорѣчія? Лоофсъ предполагаетъ, что извѣстія второй и третьей группы исходятъ отъ позднѣйшаго редактора — Θеодора; а первоначальный текстъ существовалъ до 544 г. Рюгамеръ выводитъ изъ тѣхъ же данныхъ другое заключеніе: естественнѣе допустить, что извѣстія второй группы исходятъ отъ Леонтія, а слѣдовательно первоначальный текстъ былъ написанъ позже 544 г. (Rüg. 23—25). Положимъ, такое заключеніе возможно; но напрасно Рюгамеръ не указываетъ здѣсь же на отсутствіе извѣстій объ осужденіи Θеодорита и Ивы въ фрагментахъ «Доктрины» и Евθимія — что само по себѣ говоритъ за объясненіе Лоофса, — а тамъ, гдѣ Рюгамеръ упоминаетъ объ этомъ фактѣ, пишетъ: «es wurde zudem bereits gezeigt, dass dieser (Theodor) sie aus seiner Vorlage herübernam», S. 27. Мало того, отсюда же онъ извлекаетъ аргументъ противъ гипотезы Лоофса о тожествѣ Леонтія В. съ Леонтіемъ житія Саввы (о чемъ ниже). Ср. Rüg., стр. 24. Но если обратиться къ основаніямъ, на которыхъ покоится увѣренность Рюгамера въ томъ, что извѣстія объ осужденіи Θеодорита и Ивы (de sectis col. 1237 C.) исходятъ отъ Леонтія, то окажется, что оно, пожалуй, менѣе вѣроятно, чѣмъ противоположное мнѣніе Лоофса. Не говоря о томъ, что этимъ извѣстіямъ въ текстѣ de sectis предпослана фраза: τούτων οὕτως ἐχόντων ἄλλη ἀπορία ἡμῖν ἀνεφύη ἀπὸ τῶν χρόνων Ἰουστινιανοῦ, принадлежащая, очевидно, Θеодору, заключеніе Рюгамера основано на довольно произвольной посылкѣ: эти извѣстія подразумѣваютъ не клятвы собора 553 г., но указъ 544 г., потому что соборъ нигдѣ въ de sectis не упомянутъ. Вѣдь если соборъ не былъ извѣстенъ автору основного текста — Леонтію, то это не исключаетъ возможности упоминанія объ одномъ изъ главныхъ актовъ пятаго вселенскаго собора въ эпизодической вставкѣ позднѣйшаго редактора. Отрицая эту возможность, Рюгамеръ едва ли не впадаетъ въ ту ошибку, которая вскрывается приведеніемъ къ формулѣ заколдованнаго круга: col. 1237 C. не принадлежитъ Θеодору, такъ какъ соборъ 553 г. не могъ имѣться въ виду — 1) потому что онъ не упомянутъ въ остальномъ текстѣ de sectis; но это хотя и дѣйствительный, все-таки не категорическій аргументъ; 2) потому что Θеодоръ непремѣнно упомянулъ бы о соборѣ. Какъ разъ на этомъ послѣднемъ соображеніи Рюгамеръ и настаиваетъ (стр. 24). По поводу того мѣста de sectis (col. 1229 C.), изъ котораго приходится заключить, будто бы, по мнѣнію автора, Юстиніанъ вступилъ на престолъ черезъ $1^1/_2$ года послѣ Юстина,

и удаленіе Севера въ Александрію случилось при Юстиніанѣ, оба изслѣдователя приходятъ въ большое затрудненіе, исправляютъ слова ἕνα ἥμισυ на ἐννέα ἥμισυ; но «это мало помогло бы дѣлу», признаетъ самъ Лоофсъ. Текстъ Леонтія не допускаетъ возможности иного толкованія. Рюгамеръ придумываетъ весьма натянутыя конъектуры, ссылаясь даже на словарь Пассова, такъ какъ онъ не въ состояніи допустить, чтобы ученый Феодоръ, не говоря уже о Леонтіи, могъ «не знать, сколько лѣтъ причитается на царствованія Юстина и Юстиніана». Кажется, что изслѣдователи XIX в. грѣшатъ сами въ томъ, отъ чего защищаютъ писателей VI-го: нѣкоторыя извѣстія Прокопія, преимущественно «Тайной Исторіи», сопоставленныя съ данными другихъ источниковъ, наводятъ на мысль, что многіе изъ современниковъ Юстиніана считали за время его царствованія годы его фактическаго управленія государствомъ при жизни Юстина. См. Loofs 146—147, Rüg. 25—26. Что касается до разницы между фрагментами «Доктрины» и соотвѣтственнымъ текстомъ de sectis, то она можетъ быть объяснена, по мнѣнію Рюгамера, сокращеніями составителя названной компиляціи. Однако онъ допускаетъ возможность того, что въ вопросахъ историко-критическихъ Феодоръ вносилъ отъ себя измѣненія и вставки въ первоначальный текстъ Леонтія. Этимъ онъ объясняетъ безспорные факты: различное отношеніе de sectis и, съ другой стороны, adv. fr. Apoll. и contra Monoph. къ вопросу о подлинности всѣхъ писемъ, приписываемыхъ Юлію, равно какъ и различное отношеніе къ знаменитой формулѣ Кирилла: «μία φύσις τοῦ Θεοῦ λόγου σεσαρκωμένη». Все-таки, нельзя допустить, чтобы Феодоръ вносилъ отъ себя чуждые Леонтію догматическіе взгляды, и по мнѣнію Рюгамера, для каждаго положенія de sectis можно отыскать параллели въ сочиненіяхъ Леонтія, не подвергшихся переработкѣ. Гипотеза Лоофса о тожествѣ Леонтія Византійскаго съ іерусалимскимъ монахомъ, сторонникомъ ученія Оригена, приводитъ Лоофса къ необходимости отнести всѣ мѣста de sectis, направленныя противъ Оригена, на счетъ Феодора. Рюгамеръ предпочитаетъ видѣть въ этихъ нападеніяхъ на Оригена отголоски борьбы 536—543 гг.; но онъ далеко не сосчитался съ многочисленными аргументами Лоофса (Ср. Rüg. 30 съ Loofs 274—297). — Изъ довольно отрывочныхъ замѣчаній Рюгамера о редакціяхъ de sectis можно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Онъ, въ общемъ, соглашается съ вполнѣ обоснованнымъ выводомъ Лоофса, что de sectis является переработкою первоначальнаго труда Леонтія, подъ заглавіемъ σχόλια, исполненною аввой Феодоромъ (заинтересованнымъ, по предположенію Рюгамера, ученіемъ Леонтія объ ἕνωσις Христа); согласенъ съ тѣмъ, что отрывки этого первоначальнаго текста дошли до насъ въ эксцерптахъ «Доктрины» и у Евфимія Зигавина, присоединяя даже отъ себя замѣчаніе въ пользу последняго вывода (Rüg. 23). Онъ ограничиваетъ свое согласіе указаніемъ на необходимость знакомства съ рукописями и также замѣчаніями противъ болѣе категорическихъ выводовъ Лоофса. Дату σχόλια онъ отодви-

гаетъ на 544—553 г. Въ общемъ выводъ Лоофса о σχόλια остается непоколебленнымъ относительно сочиненія de sectis.

Этого нельзя сказать о соединенныхъ вмѣстѣ въ рукописяхъ (Hardt, I 411, Zanetti, 46, Stevenson n⁰. CCCXLII. См. Loofs 163 f.) и поражающихъ богатствомъ полемическаго матеріала сочиненіяхъ противъ Несторіанъ и Монофизитовъ. Лоофсъ предполагаетъ, что оба труда дошли въ позднѣйшей переработкѣ, а въ первоначальномъ видѣ входили въ составъ все тѣхъ же «схолій». Эта часть центральной гипотезы Лоофса обоснована слабѣе, особенно для adv. Nestor. Это признаетъ и самъ ея авторъ (Loofs 174—175). Относительно adv. Monophys. онъ высказывается болѣе рѣшительно. Изданы два списка этого сочиненія: одинъ (не вполнѣ) по cod. Marc. (Mansi VII, Gallandi Bibl. XII), другой по болѣе позднему cod. Palat. (Mai-Migne). Замѣчательно, что эти списки, давая въ разночтеніяхъ весьма сходный текстъ, обнаруживаютъ совершенно различный порядокъ въ размѣщеніи отдѣльныхъ частей трактата. Лоофсъ возстановляетъ первоначальный порядокъ изложенія и этимъ путемъ приходитъ къ выводу о первоначальной редакціи для этихъ двухъ списковъ adv. Monoph. Допустимъ, что его выводы не только вѣроятны, какъ онъ самъ думаетъ (S. 181), но даже достовѣрны; все-таки развѣ имѣется основаніе заключать отсюда объ отношеніи «des vorliegenden Textes der Schrift contra Monoph. zum ursprünglichen» (ibid.)? Въ рукахъ изслѣдователя имѣются лишь двѣ редакціи одного и того же текста. И Лоофсъ хочетъ доказать, что текстъ архетипа для codd. Marc. и Palat. ведетъ свое происхожденіе не отъ Леонтія, но отъ предполагаемаго позднѣйшаго редактора. Онъ предлагаетъ два доказательства: 1) о различіи языка въ сочиненіяхъ contra Nest. и contra Monoph., отъ котораго сейчасъ же отступается, не желая развивать его и не будучи увѣреннымъ въ его убѣдительности; 2) рѣшающимъ доказательствомъ онъ считаетъ свой выводъ, что дошедшая редакція contra Monoph. могла появиться не раньше 580 г. или около того. Правда, давно было замѣчено, что авторъ contra Monoph. не знаетъ о соборѣ 553 г.; но онъ упоминаетъ объ ереси яковитовъ и о самомъ епископѣ Яковѣ Барадеѣ (543—578), говоритъ о Франкахъ и Лангобардахъ, называетъ будто бы Севера въ числѣ παλαιότεροι αἱρεσιάρχαι. Вотъ на этотъ аргументъ Лоофса — главную опору его предположенія о первичной редакціи contra Monoph. — Рюгамеръ дѣлаетъ справедливыя замѣчанія. Относительно Севера Лоофсъ допускаетъ очевидную натяжку («τῷ μηδὲ Διοσκόρῳ μηδὲ Σευήρῳ μηδὲ τοῖς παλαιοτέροις τῆς δε τῆς ἀσεβείας αἱρεσιάρχαις», col. 1868 D.); упоминаніе объ Яковѣ Барадеѣ и о его ереси мыслимо и до его смерти, какъ допускаетъ самъ Лоофсъ въ аналогичномъ случаѣ о другомъ учителѣ Гайанѣ (Loofs 182—183, Rüg. 34). Къ сожалѣнію, мы не можемъ долѣе останавливаться на аргументаціи Лоофса и замѣчаніяхъ на нее Рюгамера по вопросу о связи contra Monophys. и предполагаемыхъ «схолій». Повидимому, эта часть гипотезы Лоофса, на которую онъ затратилъ столько силъ и

искусства, остается недостаточно обоснованной. Еще легче было Рюгамеру отмѣтить недоказанность связи семи книгъ contra Nestorianos со «схоліями».

Объ обстоятельствахъ личной жизни Леонтія Византійскаго возможны почти одни предположенія. Рюгамеръ считаетъ сомнительнымъ, чтобы Леонтій принадлежалъ къ той школѣ, которая связывается съ именемъ Іоанна Максентія и извѣстна подъ именемъ «скиѳскихъ монаховъ». Противъ этого предположенія Лоофса Рюгамеръ выставилъ 8 тезисовъ, изъ которыхъ безспорнымъ представляется лишь тотъ, что въ сочиненіяхъ Леонтія не встрѣчается *прямыхъ* указаній на его принадлежность къ «Scythae monachi», подозрительнымъ въ глазахъ римскихъ богослововъ. Зато косвенныхъ указаній на близость Леонтія къ Максентію, извлекаемыхъ прежде всего изъ сходства нѣкоторыхъ догматическихъ взглядовъ (ἕνα τῆς τριάδος πεπονθέναι σαρκί) имѣется достаточно, и съ доводами Лоофса Рюгамеръ далеко не сосчитался. Онъ вполнѣ присоединяется къ другому предположенію Лоофса — о тожествѣ нашего Леонтія съ депутатомъ отъ палестинскихъ монаховъ на диспутѣ 531 г. въ Константинополѣ (Ср. Loofs 263). Но чтобы Леонтій Византійскій былъ одно и то же лицо съ оригенистомъ, о которомъ такъ много говоритъ житіе Саввы, написанное Кирилломъ, — этого Рюгамеръ не можетъ допустить. Такая гипотеза, доказываетъ онъ, предполагаетъ прямую клевету на православнаго писателя со стороны того Кирилла, труды котораго отличаются такими историческими достоинствами (ссылка на Узенера); уваженіе, которое питало потомство къ памяти «блаженнаго» Леонтія, не вяжется съ представленіемъ объ еретикѣ-оригенистѣ; замѣтное молчаніе Іоанна Дамаскина объ Леонтіи, его предшественникѣ и источникѣ, на которое ссылается Лоофсъ, объясняется, по мнѣнію Рюгамера тогдашними литературными обычаями (Рюгамеръ могъ бы съ большимъ правомъ сослаться на агностизмъ Леонтія); въ сочиненіяхъ Леонтія есть мѣста, направленныя противъ Оригена (но ср. Loofs 293 ff. и вообще весь § 19). Послѣдній аргументъ Рюгамера, основанный на мнѣніи, что de sectis 1237 D, написанное послѣ 544 г., принадлежитъ самому Леонтію,— тогда какъ извѣстно изъ житія Саввы, что оригенистъ не дожилъ до указа 544 г. (ср. Loofs 286),—основанъ на спорномъ положеніи, какъ уже можно было замѣтить выше. Повидимому, трудно въ этомъ частномъ, но не безынтересномъ вопросѣ придти къ опредѣленному заключенію по отсутствію рѣшающихъ данныхъ.

Вторая половина работы Рюгамера содержитъ систематическій обзоръ положительнаго ученія Леонтія. Это полезно; но историческая роль нашего писателя въ исторіи христіанства можетъ получить надлежащую оцѣнку лишь путемъ выясненія литературнаго вліянія, которое онъ испыталъ и оказалъ въ свою очередь, т. е. послѣ завершенія тѣхъ утомительныхъ критическихъ разысканій, которыя были предприняты Лекіеномъ въ его введеніи къ изданію сочиненій І. Дамаскина, въ новыхъ

работахъ Каспари, Гарнака, Лоофса. Было бы особенно пріятно привѣтствовать отвѣчающее этой потребности изслѣдованіе въ русской научной литературѣ.

Б. П.

V. Ermoni, *C. M., De Leontio Byzantino et de eius doctrina Christologica.* Parisiis, 1895. Стр. IV + 223. 8°. Ц. 6 фр.

Послѣ книги Рюгамера (см. выше, стр. 386) тезисъ Эрмони является второю работой, посвященной предмету изслѣдованій Лоофса. Впрочемъ, задачи второй работы гораздо проще, чѣмъ задачи первой. Рюгамеръ подвергаетъ изслѣдованіе Лоофса критическому разбору по существу, и дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ колеблетъ его аргументацію; Эрмони излагаетъ вопросъ въ его настоящемъ положеніи, основываясь, естественно, на новомъ капитальномъ трудѣ Лоофса. По крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ своего тезиса, трактующихъ о личности и сочиненіяхъ Леонтія, Эрмони широко пользуется матеріаломъ (см. напр. *Ermoni*, pp. 57, 68, 77, 83), ссылками, доказательствами и выводами Лоофса, разъ вообще оговоривши въ предисловіи свою зависимость отъ его изслѣдованія. Но въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи работа Эрмони является сжатымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обстоятельнымъ изложеніемъ ряда сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ произведеніями Леонтія. Съ такой точки зрѣнія она принесетъ свою пользу.

Б. П.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Епископъ Арсеній, *Георгія Схоларія сочиненіе «Новой мыслитель». Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1896. Стр. I+53.* Сочиненіе «Новый мыслитель — Νεόφρων ἤ Ἀερομυθία» принадлежитъ къ числу произведеній Георгія Схоларія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго Геннадія II (1454—1456 гг.), и издается епископомъ Арсеніемъ въ первый разъ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 253 каталога архимандрита Владиміра. Сочиненіе написано въ формѣ діалога между двумя лицами: Неофрономъ и Палетимомъ. Первый (Νεόφρων) является представителемъ новаго умственнаго направленія въ современномъ писателю константинопольскомъ обществѣ и олицетворяетъ константинопольскаго патріарха Григорія III Мамму (1445—1451 гг.), а второй (Παλαίτιμος) держится старины и скрываетъ за собою самого автора. Предметомъ разговора служитъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа, причемъ «новый мыслитель» защищаетъ латинское воззрѣніе по этому вопросу, а «почитатель старины» опровергаетъ его и доказываетъ правильность ученія восточной церкви. Настоящее сочиненіе написано Схоларіемъ

послѣ его публичныхъ собесѣдованій по поводу Флорентійской уніи съ присланнымъ папою кротонскимъ епископомъ Варѳоломеемъ, происходившихъ въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора Іоанна VII Палеолога (1425—1448 гг.) и брата его деспота Ѳеодора, папскаго уполномоченнаго кардинала и многихъ латинянъ и православныхъ (стр. 8, 13). Раскрывая главный предметъ содержанія, діалогъ заключаетъ данныя и для характеристики «новыхъ мыслителей» современнаго византійскаго общества, а также — автобіографическаго свойства. Вообще новый памятникъ византійской полемической противъ латинянъ литературы является цѣннымъ въ научномъ отношеніи. Преосвященный Арсеній, издавши греческій текстъ сочиненія, снабдилъ его русскимъ переводомъ, небольшимъ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями. Почтенный ученый настоящимъ трудомъ удачно пополнилъ рядъ своихъ работъ по опубликованію новыхъ памятниковъ византійской литературы.

Н. Каптеревъ. *Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 43). Спб. 1895. Стр. I + 394.* — Въ предисловіи къ своему труду проф. Каптеревъ заявляетъ, что настоящій очеркъ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ XVI—XVII вѣкахъ составленъ имъ главнымъ образомъ на основаніи такъ называемыхъ *Греческихъ и Турецкихъ дѣлъ и статейныхъ списковъ*, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При написаніи очерка авторъ имѣлъ въ виду объективно и строго документально излагать [illegible] указанныхъ сношеній, [illegible] почти исключительно словами самыхъ документовъ, не вдаваясь въ критику и въ какія-либо особые выводы и обобщенія, почему на этотъ очеркъ слѣдуетъ, по словамъ г. Каптерева, смотрѣть почти какъ на сборникъ по данному предмету рукописныхъ документовъ, [illegible] или совсѣмъ еще неизвѣстныхъ. [illegible] Въ первой главѣ [illegible] мана и Софронія съ русскимъ правительствомъ [illegible]

[illegible]

ними усобицами князей. Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, когда Палестиной овладѣли турки и вслѣдъ за тѣмъ іерусалимская патріаршая каѳедра стала замѣщаться греками, а съ другой стороны—когда Русь при Іоаннѣ III окончательно низвергла татарское иго и сдѣлалась сильнымъ православнымъ царствомъ. Первый іерусалимскій патріархъ изъ грековъ Германъ впервые и завязалъ прямыя сношенія іерусалимской патріархіи съ московскимъ правительствомъ. Но и сношенія Германа, состоявшія въ испрашиваніи у московскаго правительства милостыни, носили еще случайный характеръ. Объ установленіи болѣе правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ нашимъ правительствомъ позаботился преемникъ Германа—Софроній. Онъ хорошо понялъ и оцѣнилъ важное значеніе Россіи, какъ усердной благотворительницы св. мѣстамъ, всячески старался войти въ болѣе близкія сношенія съ московскими царями Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и Борисомъ Годуновымъ и даже поспѣшилъ еще въ Польшѣ привѣтствовать Лже-Димитрія, какъ истиннаго царевича, въ надеждѣ пріобрѣсти его особое расположеніе, когда онъ возсядетъ на московскомъ престолѣ. Однако особенно близкія и частыя сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ (1608—1644 гг.) начались только съ патріаршества Ѳеофана, о чемъ рѣчь идетъ во *второй* главѣ книги г. Каптерева (стр. 27—115). Въ лицѣ Ѳеофана іерусалимскіе патріархи впервые знакомятся съ русскою церковною жизнію и оказываютъ на нее нѣкоторое вліяніе въ смыслѣ сближенія съ тогдашнею греческою церковною жизнію (исправленіе книгъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обычаевъ), успѣваютъ укрѣпить въ московскомъ правительствѣ убѣжденіе, что оно обязано оказывать матеріальную помощь и поддержку св. мѣстамъ Палестины въ виду упорной борьбы изъ-за нихъ между православными съ одной стороны, католиками и армянами — съ другой, и, наконецъ, сами патріархи поступаютъ на службу къ русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи, обязанныхъ сообщать въ Москву о положеніи на Востокѣ политическихъ дѣлъ. Въ *третьей* главѣ (стр. 116—186) сообщается о сношеніяхъ патріарха Паисія съ русскимъ правительствомъ (1645—1661 гг.). И Паисій оказалъ очень замѣтное вліяніе на русскую церковную жизнь. Во время своего пребыванія въ Москвѣ онъ велъ переговоры по церковнымъ вопросамъ съ государемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, учинялъ соглашеніе съ патріархомъ Іосифомъ, а главное—велъ бесѣды съ Никономъ, впослѣдствіи патріархомъ, убѣждая его произвести церковныя исправленія въ широкихъ размѣрахъ, въ видахъ согласованія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими, такъ что извѣстная и богатая своими послѣдствіями для дальнѣйшей нашей церковной жизни дѣятельность Никона во многомъ обязана и своимъ началомъ, и своимъ общимъ направленіемъ именно патріарху Паисію. Въ данномъ случаѣ Паисій руководился интересами и вселенскаго православія, и національно-греческими, во избѣжаніе будущаго разрыва русской церкви съ вселен-

скою греческою и окончательной потери всякаго вліянія и значенія грековъ у русскихъ. Въ то же время Паисій усиленно заботился поддерживать близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ для того, чтобы пользоваться его милостынею въ интересахъ борьбы изъ-за св. мѣстъ съ католиками и армянами. Съ этою цѣлью онъ даже путешествовалъ въ Москву. Наконецъ, онъ входилъ въ близкія сношенія съ гетманомъ Хмельницкимъ и господарями Молдавіи и Валахіи и былъ посредникомъ между ними и московскимъ правительствомъ, стремясь примирить ихъ и направить ихъ соединенныя силы противъ турецкаго владычества на Востокѣ. Инымъ характеромъ отличаются сношенія съ русскимъ правительствомъ патріарха Нектарія, преемника Паисія по іерусалимской каѳедрѣ (1661—1669 гг.), о которыхъ разсказывается въ *четвертой* главѣ (стр. 187—221). Если его предшественники употребляли всѣ усилія пріобрѣсти особое расположеніе русскаго правительства, чтобы извлечь возможно большія выгоды для бѣдствующей іерусалимской патріаршей каѳедры, то Нектарій не употреблялъ къ тому ни малѣйшихъ усилій и даже ни разу не обратился къ русскому правительству съ спеціальною просьбою о милостынѣ на уплату долговъ св. Гроба, хотя эти долги при немъ возрастали съ каждымъ годомъ и хотя его усиленно приглашали въ Москву для участія въ дѣлѣ патріарха Никона; впрочемъ, онъ былъ смѣлымъ защитникомъ послѣдняго. И въ другомъ отношеніи патріархъ Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ предшественниками. Несмотря на приглашеніе московскаго правительства служить ему «въ государевыхъ дѣлехъ», Нектарій уклонился отъ этого и не сообщалъ русскимъ властямъ никакихъ извѣстій «о турецкихъ поведеніяхъ». Въ слѣдующихъ двухъ главахъ сообщается о сношеніяхъ патріарха Досиѳея (1669—1707 гг.) съ русскимъ правительствомъ, въ *пятой* главѣ (стр. 222—270)—при Алексѣѣ Михаиловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и царевнѣ Софьѣ, а въ *шестой* (стр. 271—373) — при Петрѣ Великомъ. Патріархъ Досиѳей почти сорокъ лѣтъ находился въ постоянныхъ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Россіей и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ ея церковной, государственной и общественной жизни. Прежде всего, онъ былъ тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи и въ то же время русскимъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ не просто сообщалъ въ Москву политическія вѣсти, какъ прежніе агенты, но и давалъ нашему правительству свои совѣты, указанія и разъясненія и иногда очень настойчиво и рѣшительно стремился направить внѣшнюю политику русскаго правительства по тому пути, который онъ считалъ лучшимъ сравнительно съ планами московской власти. Досиѳей служилъ русскому правительству изъ интересовъ религіозныхъ и національныхъ, такъ какъ видѣлъ въ русскомъ царѣ единственнаго въ мірѣ защитника и поборника вселенскаго православія, а въ русскомъ государствѣ—единственное орудіе для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига. И въ Москвѣ пре-

красно понимали Досиѳея и оказывали его политической дѣятельности полное вниманіе и довѣріе. Но эта дѣятельность не заслоняла въ Досиѳеѣ собою верховнаго іерарха церкви. Онъ постоянно стоялъ и на стражѣ всего вселенскаго православія, вездѣ и всюду наблюдая за его состояніемъ и стремясь оградить отъ грозящихъ ему напастей и бѣдъ. Почти всѣ помѣстныя православныя церкви испытали на себѣ архипастырскую заботливость Досиѳея, но русская церковь — больше всѣхъ. Почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ и замѣтныхъ явленіяхъ русской церковной жизни послѣдней четверти XVII столѣтія и первыхъ годовъ XVIII-го (возвращеніе патріаршаго достоинства Никону, подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху, споры о времени пресуществленія св. даровъ, появленіе раскола и пр.) Досиѳей принималъ болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе. Словомъ, въ отношеніи къ русской церкви Досиѳей явился заботливымъ отцомъ, ревниво оберегающимъ свое любимое дѣтище отъ малѣйшей опасности. Наконецъ, характерная сторона въ отношеніяхъ патріарха Досиѳея къ Россіи состояла въ томъ, что онъ всѣми силами старался преградить доступъ на Руси западной наукѣ, западному образованію, нравамъ и обычаямъ, такъ какъ считалъ латинянъ, съ которыми боролся все время своего патріаршества, злѣйшими и опаснѣйшими врагами православія и греческой культуры. Въ этомъ смыслѣ онъ и стремился воздѣйствовать на русское правительство и въ частности на Петра Великаго, но безуспѣшно. Такимъ образомъ, патріархъ Досиѳей былъ самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ слугою русскаго правительства, воплотившимъ въ себѣ всѣ лучшія стороны и черты преданнаго интересамъ Россіи политическаго агента-грека. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и послѣднимъ такого рода агентомъ. Его преемникъ на іерусалимской каѳедрѣ и племянникъ—Хрисанѳъ (1707—1730 гг.) сталъ къ русскому правительству въ иныя отношенія (глава *седьмая*, стр. 374—417). Въ лицѣ Хрисанѳа іерусалимскіе патріархи навсегда отказались отъ дальнѣйшихъ политическихъ услугъ Россіи. Это обстоятельство зависѣло не отъ того только, что наше правительство заподозрило искренность преданности патріарха Хрисанѳа интересамъ Россіи, но главнымъ образомъ — вслѣдствіе учрежденія, съ начала XVIII вѣка, постояннаго русскаго посольства при турецкомъ дворѣ. Прекративъ въ 1713 году службу русскому правительству въ качествѣ политическаго агента въ Турціи, Хрисанѳъ въ концѣ своего патріаршества долженъ былъ въ отношеніи Россіи низойти на ступень обычнаго просителя милостыни, причемъ обращался къ верховной русской власти чрезъ посредство Св. Синода, въ рукахъ котораго съ этого времени и сосредоточились всѣ сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей. Этотъ измѣнившійся характеръ сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, низведшій ихъ въ ряды обычныхъ просителей милостыни, начавшись съ послѣднихъ годовъ патріаршества Хрисанѳа, неизмѣнно продолжался и при преемникахъ его — Мелетіи, Парѳе-

ніи и Авраамія (1731—1766 и 1775—1787 г.), почти до конца XVIII столѣтія (глава *восьмая*, стр. 418—474).

Итакъ, сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, начавшись въ первый разъ въ половинѣ XVI вѣка при первомъ іерусалимскомъ патріархѣ изъ грековъ—Германѣ, были продолжены его преемниками и въ XVII вѣкѣ получили постоянный и прочный характеръ. Эта тѣсная и прочная связь между іерусалимской патріархіей и русскою властью образовалась на основѣ сознанія съ одной стороны (патріарховъ), что Россія, усилившись, освободитъ грековъ отъ турецкаго ига, съ другой (нашего правительства), что патріархи могутъ быть полезными Россіи въ качествѣ политическихъ агентовъ въ Турціи, и что посылаемая имъ изъ Москвы милостыня есть актъ не религіозной только благотворительности, но, въ извѣстной степени, и актъ государственной мудрости. На указанной главной основѣ и въ связи съ нею развились и другія стороны сношеній іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, а именно: ихъ дѣятельное участіе въ русской церковной жизни, вліяніе на характеръ нашего просвѣщенія и отклоненіе отъ сближенія съ западной Европой. Но въ самомъ началѣ XVIII столѣтія прочныя и разнообразныя связи іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ неожиданно прерываются и сводятся только на обычныя и заурядныя просьбы со стороны патріарховъ о милостынѣ Св. Гробу. Причина указаннаго явленія заключается въ томъ, что съ начала XVIII вѣка русское правительство перестало нуждаться въ политическихъ услугахъ іерусалимскихъ патріарховъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, перестали видѣть въ Россіи единственную силу, готовую служить на православномъ востокѣ исключительно греческимъ національнымъ интересамъ. Кромѣ того, въ XVIII вѣкѣ русская церковь, вмѣстѣ съ развитіемъ просвѣщенія, стала справляться съ возникавшими въ ней вопросами своими собственными силами и средствами и перестала нуждаться въ опекѣ греческихъ іерарховъ. Іерусалимскимъ патріархамъ оставалось въ XVIII вѣкѣ продолжать сношенія съ русскимъ правительствомъ лишь на почвѣ испрашиванія милостыни Св. Гробу.

Таковы выводы, къ которымъ пришелъ г. Каптеревъ въ своей книгѣ на основаніи изученія подлинныхъ документовъ (грамотъ, писемъ, записокъ и т. п.) по вопросу о сношеніи іерусалимскихъ патріарховъ XVI—XVIII вѣка съ русскимъ правительствомъ. Заключенія эти отличаются новизною и вполнѣ согласны съ предложенными въ книгѣ архивными источниками. Въ послѣднихъ, конечно, и заключается вся цѣнность труда г. Каптерева, и нѣтъ нужды распространяться о весьма важномъ значеніи для исторіи Россіи и іерусалимскаго патріархата литературной работы, заключающей въ себѣ подлинные историческіе акты съ необходимыми научными комментаріями.

Архіепископъ Сергій, *Преподобный Михаилъ Малеинъ и трехсотлѣтіе рожденія Благочестивѣйшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя*

Михаила Θеодоровича. 12 іюля 1596—1896 г. Вязники. 1896. Стр. II+32+12. Въ настоящей брошюрѣ, написанной по случаю трехсотлѣтія рожденія государя Михаила Θеодоровича, помѣщено между прочимъ (стр. 1—22) житіе византійскаго аскета Михаила Малеина, имя котораго носилъ воспоминаемый русскій государь. Михаилъ Малеинъ (894—962 гг.) происходилъ изъ знатной византійской фамиліи, родственной императору Никифору Фокѣ, подвизался на горѣ Киминской въ Виθиніи, гдѣ основалъ монастырь въ честь Пресвятой Богородицы, былъ учителемъ знаменитаго Аθанасія Аθонскаго и вообще принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей византійскаго иночества. Изданное архіепископомъ владимірскимъ Сергіемъ въ русскомъ переводѣ его житіе заимствовано изъ книги инока Агапія — Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή... (Венеція, 1865) и дополнено другими источниками. Въ концѣ брошюры предложены примѣчанія къ тексту. Брошюра можетъ имѣть и научное примѣненіе.

Іеромонахъ Θеодосій Олтаржевскій, *Палестинское монашество съ IV до VI вѣка (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 44). Спб. 1896. Стр. XVIII+345.* — Сочиненіе іеромонаха Θеодосія Олтаржевскаго состоитъ изъ предисловія и десяти главъ. Въ *предисловіи*, выставивъ на видъ малоразработанность въ наукѣ вопроса о грековосточномъ монашествѣ первыхъ вѣковъ, за исключеніемъ иночества египетскаго, авторъ заявляетъ, что его изслѣдованіе по исторіи монашеской общины въ Палестинѣ должно представить постепенный ея ростъ, совершившійся подъ непосредственнымъ руководствомъ великихъ палестинскихъ подвижниковъ IV, V, и VI вѣковъ и состоявшій въ ясно наблюдаемомъ переходѣ отъ простыхъ формъ монашеской жизни къ болѣе сложнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, какое положеніе занимала палестинская монашеская община по отношенію къ церковно-историческимъ событіямъ въ означенные вѣка. Матеріалъ для своего изслѣдованія авторъ почерпалъ преимущественно изъ житій палестинскихъ подвижниковъ: препод. Иларіона Великаго, Харитона Исповѣдника, свв. Евθимія, Саввы, Іоанна Молчальника, Киріака Отшельника, Θеодосія Киновіарха и др. Кромѣ того, авторъ воспользовался церковно-историческими трудами Сократа, Созомена, блаж. Θеодорита, Евагрія и Никифора Каллиста, а изъ новой литературы—работами Гарнака, Неандера, Шрекка, Герцога, А. А. Олесницкаго, Тоблера, Диксона и многими другими. Заимствованный изъ указанныхъ источниковъ и пособій матеріалъ авторъ расположилъ по очень простому плану. Сначала онъ изображаетъ возникновеніе и постепенный ростъ монашеской жизни въ Палестинѣ въ IV—VI вѣкахъ, затѣмъ описываетъ ея внѣшній и внутренній строй и, наконецъ, представляетъ участіе палестинскаго монашества въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Въ частности въ *первой* главѣ книги о. Θеодосія Олтаржевскаго (стр. 1—49) сообщается о началѣ монашества въ Палестинѣ и дѣятельности Иларіона Великаго и Харитона Исповѣдника. Монашество возникло въ Палестинѣ еще въ первые вѣка хри-

стіанства и первоначально выразилось въ формѣ отшельничества. Опредѣленныхъ правилъ для жизни палестинскихъ отшельниковъ до IV вѣка не было: аскеты въ своемъ подвижничествѣ руководились примѣрами или первенствующей, или ветхозавѣтной церкви. Но въ концѣ III-го и въ началѣ IV-го вѣковъ, когда въ христіанскомъ обществѣ возникло необычайное стремленіе къ пустынному подвижничеству и когда міру извѣстны стали высокіе образцы египетскаго иночества, и въ Палестинѣ начали появляться попытки къ устраненію неустройствъ внутренней жизни отшельничества. Первую попытку организовать жизнь палестинскихъ подвижниковъ и подчинить ее извѣстнымъ правиламъ сдѣлалъ Иларіонъ Великій (291—371 г. гг.), ученикъ св. Антонія Великаго и основатель первой общежительно-пустынной монашеской обители въ Палестинѣ. Заслуга Иларіона Великаго въ исторіи палестинскаго монашества состоитъ въ томъ, что онъ первый возбудилъ общее стремленіе къ подвижничеству и первый указалъ необходимость и преимущество совмѣстной жизни иноковъ предъ отшельнической, учредивъ въ 328 году въ Газѣ киновію. Но первые монастыри не отличались совершенствомъ въ своемъ внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ, а были лишь начальною и переходною формою въ жизни палестинскаго монашества, первыми опытами общежительнаго устройства въ палестинскомъ иночествѣ. Въ первыхъ монастыряхъ не было точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о власти настоятеля, о жизни братіи, о взаимныхъ отношеніяхъ и пр. Поэтому, по смерти преп. Иларіона, первые монастыри пришли въ упадокъ и уступили первенство другимъ, болѣе совершеннымъ по своему устройству, монастырямъ. Таковыми были учрежденные св. Харитономъ Исповѣдникомъ (IV в.), продолжателемъ дѣла пр. Иларіона по благоустройству палестинскаго монашества. Онъ основалъ въ Палестинѣ три лавры: Фаранскую, Іерихонскую и Сука или Ветхую, въ которыхъ внутренній строй былъ совершеннѣе, чѣмъ въ первыхъ монастыряхъ. Лавры св. Харитона составляли какъ бы посредствующую ступень между отшельничествомъ и строгимъ общежитіемъ и болѣе соотвѣтствовали условіямъ монашеской жизни въ Палестинѣ, чѣмъ монастыри пр. Иларіона, организованные по образцу египетскихъ монастырей. Поэтому истинными основателями и устроителями монашеской общины въ Палестинѣ слѣдуетъ, по мнѣнію нашего автора, считать св. Харитона Исповѣдника. Благодаря дѣятельности пр. Иларіона и Харитона иночество широко развилось въ Палестинѣ въ концѣ IV-го вѣка, какъ свидѣтельствуетъ [illegible] — [illegible] распространеніе [illegible] [illegible] [illegible] IV-го вѣка [illegible] строгимъ отшельникамъ [illegible] подвижничества. Во *второй* главѣ книги [illegible] дѣятельность св. Евфимія Великаго [illegible] св. Евфимія [illegible]

гимъ послѣдователемъ Харитона Исповѣдника по своимъ аскетическимъ воззрѣніямъ и жизни. Онъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ общинной организаціи монашества и считалъ *лавру* наиболѣе удобною и умѣстною формою монашеской жизни, такъ какъ видѣлъ въ ней переходную ступень отъ жизни отшельнической къ киновіальной, соединяющую въ себѣ выгодныя стороны прежней жизни анахоретовъ съ началами новой общинной организаціи монашества. Поэтому и своей лаврѣ, основанной въ пустынномъ мѣстѣ близъ Іерусалимско-іерихонской дороги (нынѣ мѣстечко хāн-ес-Сахль), онъ далъ внутреннюю организацію по образцу лавръ св. Харитона. Но разумѣется, лавра св. Евѳимія была совершеннѣе въ своемъ внутреннемъ устройствѣ: подчиненіе иноковъ аввѣ въ ней было сильнѣе, чѣмъ въ лаврахъ Харитона, а власть самаго аввы опредѣленнѣе и шире и пр. Заслуги Евѳимія Великаго въ исторіи палестинскаго монашества заключаются и въ томъ, что онъ отличался рѣдкою нравственно-аскетическою высотою и имѣлъ громадное вліяніе не только въ Палестинѣ, но и во всей византійской имперіи. Послѣ смерти св. Евѳимія его лавра была превращена (въ 484 году) въ строго-общежительный киновіальный монастырь и существовала до конца VIII-го вѣка. *Третья* глава разсматриваемой книги (стр. 83—115) обозрѣваетъ жизнь и дѣятельность св. Саввы Освященнаго (439—532 гг.), одного изъ величайшихъ аскетовъ Палестины, населившаго иноками палестинскую пустыню подобно городу. Въ исторіи палестинскаго монашества Савва Освященный выступаетъ преимущественно устроителемъ лавръ и сторонникомъ жизни келліотской, но въ то же время онъ сочувствовалъ и жизни киновіальной. На киновію св. Савва смотрѣлъ какъ на предварительную школу, приготовлявшую келліотовъ для лавръ: «какъ цвѣтъ предваряетъ плодъ, такъ жизнь въ киновіи предваряетъ отшельническую». Заслуга св. Саввы состоитъ и въ томъ, что онъ стремился установить правильныя взаимоотношенія лавръ и киновій, отдавая предпочтеніе жизни келліотской, изъ-за принциповъ которой онъ долго боролся съ анахоретами. Свои аскетическія воззрѣнія св. Савва прекрасно осуществилъ въ жизни и устройствѣ основанныхъ имъ семи монастырей: трехъ лавръ—Великой, Новой и Семиустной (Гептастомъ) и четырехъ киновій—Кастеллійской, Пещерной, Занновой и Схоларіевой. Изъ киновій однѣ служили для новоначальныхъ иноковъ, а другія (Кастеллійская) — для опытныхъ въ аскетической жизни отшельниковъ, но достигшихъ преклоннаго возраста и нуждавшихся въ помощи другихъ. Въ заключеніи главы сообщается о религіозно-нравственномъ значеніи св. Саввы для современнаго общества. Инымъ характеромъ отличалась дѣятельность св. Ѳеодосія Киновіарха (424—529 гг.), о которой разсказывается въ *четвертой* главѣ книги (стр. 115—131). Онъ былъ первымъ устроителемъ *пустынной киновіи*, имѣвшей самостоятельное, вполнѣ независимое отъ лавры положеніе. Такая киновія была учреждена имъ близъ Іерусалима, въ нынѣшней мѣстности дēр-Дōси, и первоначальна находилась

въ зависимости отъ Великой лавры Саввы Освященнаго, т. е. подготовляла для нея иноковъ, а потомъ, когда св. Феодосій былъ назначенъ архимандритомъ общежительнаго иноческаго сословія, стала въ отношеніи къ ней во взаимообщеніе. Киновія св. Феодосія въ своей внутренней организаціи была до нѣкоторой степени самобытна и стояла особнякомъ въ ряду другихъ монастырей Іудейской пустыни. Общинная жизнь палестинскаго монашества впервые получила въ ней правильный и законченный видъ. Въ *пятой* главѣ книги о. Олтаржевскаго (стр. 131—139) рѣчь идетъ объ образованія палестинскаго монашескаго устава. Оказывается, что палестинское монашество не выработало самостоятельнаго общаго для всѣхъ палестинскихъ монастырей устава. Великіе палестинскіе подвижники пользовались готовыми уставами египетскими и св. Василія и лишь старались приспособить указанныя въ нихъ начала подвижнической жизни къ палестинскимъ монастырскимъ обычаямъ. Отсюда палестинскій монашескій уставъ представляетъ, съ одной стороны, подражаніе выработаннымъ въ другихъ мѣстахъ началамъ монастырской жизни и съ другой — измѣненіе этихъ началъ, приспособительно къ требованіямъ быта и жизни палестинскихъ подвижниковъ. Слѣдовательно нельзя говорить о палестинскихъ монашескихъ уставахъ, какъ о [illegible]

іудеевъ и язычниковъ, учреждали при монастыряхъ школы для христіанскихъ дѣтей и сами усердно занимались наукою; монастыри IV—VI вѣковъ были центромъ умственнаго и религіознаго движенія во всей Палестинѣ.

Вторая половина книги іеромонаха Ѳеодосія отвѣчаетъ на другой, намѣченный въ опредѣленіи задачи изслѣдованія, вопросъ—объ участіи палестинскаго монашества IV—VI вѣковъ въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Палестинскіе монахи не остались равнодушными къ богословскому движенію, сильно волновавшему восточную церковь въ теченіе IV—VI столѣтій, но приняли въ немъ дѣятельное участіе. Они побѣдоносно ограждали чистоту православія противъ еретиковъ и въ стремленіи защитить истины вѣры обнаружили не меньшую настойчивость, чѣмъ монахи другихъ восточныхъ странъ. Были, впрочемъ, и среди нихъ печальные примѣры противодѣйствія истинному ученію, вытекавшіе изъ ложнаго проявленія религіозной ревности по вѣрѣ. Раскрытію этой стороны въ жизни палестинскаго монашества и посвящены послѣднія три главы настоящей книги. Въ частности, *восьмая* глава (стр. 186—195) разсказываетъ о борьбѣ палестинскихъ иноковъ съ несторіанствомъ, которую велъ Евѳимій Великій и отчасти Савва Освященный. Но борьба эта производилась въ ограниченныхъ размѣрахъ. Гораздо значительнѣе было участіе палестинскихъ монаховъ въ борьбѣ съ монофизитами, о чемъ весьма обстоятельно сообщается въ *девятой* главѣ (стр. 196—290). Монофизитская ересь встрѣтила противодѣйствіе главнымъ образомъ со стороны Евѳимія Великаго, Саввы Освященнаго и Ѳеодосія Киновіарха, во главѣ съ которыми иноки защищали православіе не только въ Палестинѣ, но и внѣ ея предѣловъ. Но на ряду съ правильнымъ пониманіемъ вопроса о соединеніи двухъ естествъ во второмъ лицѣ Пресвятой Троицы, среди палестинскаго монашества были многочисленные случаи уклоненія отъ вселенской истины. Несомнѣнный фактъ, что монашество вообще и палестинское въ частности доставило самый значительный контингентъ для монофизитской партіи. Причину послѣдняго явленія нашъ авторъ видитъ въ излишней ревности монаховъ по вѣрѣ и подтверждаетъ свой взглядъ историческими данными. Изложивъ постепенный ходъ монашескаго движенія въ пользу монофизитства и въ противовѣсъ ему, авторъ между прочимъ анализируетъ каноны IV-го вселенскаго собора, которыми опредѣлялось правовое положеніе монашества въ Византіи (стр. 220—225). Наконецъ, въ послѣдней — *десятой* главѣ книги Олтаржевскаго (стр. 290—323) раскрывается борьба палестинскихъ монаховъ съ оригенистами. Въ ней принимали участіе тѣ же великіе аскеты Св. Земли; они боролись съ сторонниками ученія Оригена какъ изъ свѣтскаго общества, такъ и изъ монашеской среды, въ частности палестинской.

Такимъ образомъ, книга іеромонаха Ѳеодосія довольно интересна по содержанію. Авторъ отчетливо представилъ въ ней постепенный ростъ палестинской монашеской общины, начиная съ элементарной формы под-

вижничества—анахоретства и кончая высшей стадіей его развитія—киновіей. Онъ правильно опредѣляетъ функціи административной власти палестинскаго монашества и обстоятельно раскрываетъ внутреннюю жизнь монастырей. Любопытна и та часть книги, гдѣ весьма подробно авторъ выясняетъ степень и характеръ участія палестинскихъ иноковъ въ современныхъ церковно-историческихъ событіяхъ. Здѣсь авторъ тщательно собралъ почти все, что заключала въ себѣ доступная ему литература предмета. Да и вообще авторъ хорошо проанализировалъ источники и пособія своего вопроса и извлеченныя изъ нихъ данныя изложилъ большею частію хорошимъ литературнымъ языкомъ. Словомъ, разсматривая трудъ о. іеромонаха Θеодосія съ точки зрѣнія намѣченной имъ задачи, нельзя не признать его удовлетворительнымъ. Но при этомъ естественно является мысль, что авторъ взялъ на себя, въ сущности, весьма простую задачу и выполнилъ ее довольно легкимъ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще того, какъ подробно излагать житія палестинскихъ подвижниковъ, большею частью существующія въ русскомъ переводѣ, дѣлать изъ нихъ выборку подходящихъ мѣстъ по стереотипнымъ рубрикамъ—«администрація» и «внутренній бытъ» и извлекать изъ многочисленныхъ сочиненій по исторіи христіанскихъ ересей всѣ тѣ сообщенія, которыя касаются палестинскихъ монаховъ?.. Правда, все это можетъ быть исполнено хорошо, но въ научномъ отношеніи такая работа невысока. Дѣло въ томъ, что здѣсь изслѣдуется только поверхность предмета, разсматривается лишь *внѣшняя* сторона жизни палестинскаго монашества. Что же касается его *внутренней* стороны, существенныхъ и основныхъ вопросовъ о палестинскомъ монашествѣ, то они оставлены безъ вниманія. Такъ, о. Θеодосій Олтаржевскій ничего не говоритъ о содержаніи, развитіи и характерѣ аскетическаго идеала палестинскаго монашества, объ особенностяхъ его нравственно-аскетическаго міровоззрѣнія, о монастырскомъ богослуженіи и пр. Весьма недостаточно и то, что высказывается нашимъ авторомъ о палестинскомъ уставѣ. Вопросъ о монашескихъ уставахъ Востока, ихъ образованіи и характерѣ настолько серьезенъ и въ то же время малоразработанъ, что глава о немъ въ книгѣ о. Олтаржевскаго никого не можетъ удовлетворить, по своей краткости и бездоказательности. Нельзя не пожалѣть, что іеромонахъ Θеодосій оставилъ безъ изслѣдованія указанные нами вопросы и тѣмъ не устранилъ научной необходимости опять и опять работать по вопросу о судьбахъ палестинскаго монашества. Рѣшеніе означенныхъ вопросовъ много содѣйствовало бы пониманію и усвоенію аскетическихъ идеаловъ всего греко-восточнаго монашества и облегчило бы проникновеніе въ духъ и особенности его религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Имѣются и другіе недостатки въ разсматриваемой книгѣ. Такъ, въ ней нѣтъ критическаго обзора новѣйшей литературы по исторіи палестинскаго монашества, а въ числѣ пособій не находится весьма полезное въ научномъ отношеніи «Житіе и подвизаніе иже во святыхъ

отца нашего Порфирія, епископа Газскаго», изданное проф. И. В. Помяловскимъ.

Н. В. Покровскій, *Чинъ коронованія Государей въ его исторіи* (Церковный Вѣстникъ, 1896, № 17, стр. 539—544, № 18, стр. 571—576, № 19, стр. 602—608). — Высокая важность коронованія государей, какъ особаго религіознаго акта, сознана была уже въ глубокой христіанской древности, поэтому въ церкви очень рано явился самостоятельный чинъ коронованія. Особый актъ царскаго посвященія существовалъ и у многихъ культурныхъ народовъ до-христіанскаго міра, выражаясь въ жертвоприношеніяхъ, омовеніи, возложеніи царскихъ одеждъ и короны и пр.; наибольшаго развитія этотъ актъ достигъ у народа еврейскаго, но христіанскій чинъ коронованія стоитъ выше его въ отношеніи полноты и качества сообщаемыхъ имъ даровъ. Онъ сложился въ Византіи въ теченіе многихъ вѣковъ. Первыя положительныя извѣстія о византійскомъ чинѣ коронованія сообщаются императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ въ сочиненіи «О церемоніяхъ византійскаго двора», гдѣ описаны обряды коронованія императоровъ Льва Великаго (457 г.), Льва Малаго (474 г.), Анастасія Диррахита (491 г.), Іустина I (518 г.), Юстиніана (527 г.) и Никифора Фоки (963 г.). Первоначально въ чинѣ коронованія преобладалъ свѣтскій элементъ. Коронованіе Льва происходило на Марсовомъ полѣ (ἐν τῷ κάμπῳ). Церемонія состояла въ поднятіи знаменъ, въ возложеніи на голову императора цѣпей, въ облаченіи въ царскія одежды и пр. Дѣйствовали здѣсь лишь свѣтскія лица, константинопольскій патріархъ былъ только зрителемъ. При коронованіи императора Анастасія, происходившемъ на ипподромѣ и заключавшемся въ поднятіи императора на щитѣ, въ церемоніи участвовалъ и патріархъ Евѳимій, который сотворилъ молитву и возложилъ на императора царскую хламиду и корону, при чемъ потребовалъ, чтобы Анастасій торжественно произнесъ символъ вѣры, въ виду подозрѣнія его въ сочувствіи манихейству (Евагрій). Это былъ первый случай введенія религіознаго элемента въ коронованіе. Послѣ этого свѣтскій элементъ уступаетъ первенство религіозному: съ ипподрома дѣйствіе переносится въ храмъ, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является патріархъ. Къ X-му столѣтію коронованіе, въ смыслѣ церковнаго обряда, представляло собою уже нѣчто цѣлое, какъ это видно изъ его описанія у Константина Порфироднаго и изъ чина, изданнаго Гоаромъ; не было только мѵропомазанія. Но изъ исторіи Кантакузина (I, 41, p. 196) и сочиненія Кодина (De offic., c. XVII) видно, что въ XIV вѣкѣ чинъ коронованія сопровождался и мѵропомазаніемъ и состоялъ изъ двухъ церемоній—гражданской и церковной. Гражданская церемонія происходила въ триклиніи и состояла въ поднятіи государя на щитѣ и торжественномъ провозглашеніи его императоромъ, а церковная совершалась въ храмѣ св. Софіи и носила сложный характеръ. Императоръ облачался въ царскія одежды, входилъ въ храмъ, передавалъ патріарху собственноручно написанное исповѣданіе вѣры, возсѣдалъ на

тронѣ, принималъ отъ патріарха мѵропомазаніе, совершалъ вмѣстѣ съ духовенствомъ великій входъ, кадилъ въ алтарѣ и пріобщался подобно священнослужителямъ, затѣмъ принималъ поздравленія. Во время поздравленія къ императору подходилъ кто-либо изъ народа и показывалъ ему въ одной рукѣ сосудъ, наполненный человѣческими костями, а въ другой—клочекъ льна, который тотчасъ и сжигался; кромѣ того, императору предлагались куски мрамора. Обряды эти напоминали ему о бренности человѣческой жизни. Таковы главнѣйшія черты коронованія и мѵропомазанія государей въ Византіи. Изъ Византіи этотъ чинъ перенесенъ и въ Россію. Въ періодъ удѣльный русское коронованіе было тождественно съ простымъ поставленіемъ князей на княженіе и лишь въ періодъ московскаго самодержавія въ Россіи явилось полное византійское коронованіе. Первымъ русскимъ государемъ, короновавшимся по образцу императоровъ византійскихъ, былъ Іоаннъ Грозный, который получилъ отъ константинопольскаго патріарха и книгу съ полнымъ чиномъ царскаго коронованія. Эта книга послужила образцомъ для коронованія русскихъ государей, какъ преемниковъ византійскихъ императоровъ и главныхъ защитниковъ православія. Во время исправленія церковныхъ книгъ чинъ коронованія и мѵропомазанія окончательно приблизился къ византійскому. Съ того времени измѣнялись лишь детали коронованія. Первымъ царемъ, короновавшимся съ мѵропомазаніемъ, былъ Θеодоръ Іоанновичъ. Петръ Великій первый короновалъ свою супругу. Императрицы Анна Іоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина II пріобщались въ алтарѣ по образу священнослужителей.

Н. Θ. Красносельцевъ, *Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоуста. Выпускъ 2-й. Уставы: патріарха константинопольскаго Филоѳея и протонотарія великой церкви Димитрія Гемиста по рукописямъ XIV вѣка* (Православный Собесѣдникъ, 1896, январь, приложеніе 1, стр. 1—8). — Профессоръ Красносельцевъ нашелъ въ библіотекѣ Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря первоначальный, по его мнѣнію, текстъ устава литургіи св. Іоанна Златоуста, составленнаго константинопольскимъ патріархомъ XIV вѣка Филоѳеемъ. Для исторіи нашего литургійнаго устава онъ долженъ имѣть первостепенную важность, такъ какъ нынѣ дѣйствующій уставъ литургіи есть именно уставъ Филоѳея, только разнообразнымъ способомъ измѣненный и дополненный. Вновь открытый списокъ и дастъ возможность опредѣлить количество и качество дополненій и перемѣнъ, привнесенныхъ въ разное время и по требованію различныхъ обстоятельствъ въ подлинный уставъ патріарха Филоѳея, что весьма важно въ научномъ отношеніи. Списокъ составленъ, какъ видно изъ заглавія, однимъ клирикомъ ираклійской митрополіи въ то время, когда Филоѳей былъ ираклійскимъ митрополитомъ (1347—1354). Самый же уставъ былъ составленъ Филоѳеемъ во время его игуменства въ лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ, т. е. ранѣе 1347 года; значитъ, уставъ Филоѳея имѣетъ аѳонское происхожденіе. Рукопись, по которой проф.

Красносельцевъ издаетъ списокъ устава Филоѳея, относится къ XIV в., писана на бомбицинѣ (№ 49) и содержитъ разныя церковныя творенія. Въ отмѣченной книжкѣ журнала помѣщена въ греческомъ оригиналѣ лишь небольшая часть интереснаго памятника.

А. Радонежскій, *Церковь священномученика Климента въ Римѣ—мѣсто погребенія святаго равноапостольнаго Кирилла* (Церковныя Вѣдомости, 1896, № 7, прибавленія, стр. 241—256). — Кратко сказавши о дѣятельности св. Климента, епископа Римскаго, и о перенесеніи свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ его мощей изъ Херсонеса въ Римъ, авторъ описываетъ современныя архитектурныя и иконографическія особенности церкви св. Климента въ Римѣ, гдѣ былъ погребенъ и св. Кириллъ.

Пантократорскій константинопольскій монастырь *XII вѣка и его Типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комниномъ* (Тамъ же, № 12—13, стр. 475—482).—Статья составлена на основаніи очерка исторіи Пантократорскаго монастыря, написаннаго А. А. Дмитріевскимъ (Труды Кіевской духовной Академіи, 1895, № 8).

Неизданныя главы *исторіи іерусалимскихъ патріарховъ патріарха Досиѳея Нотары* (Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества, 1896, февраль, стр. 23—42).—Статья представляетъ переводъ изъ труда А. И. Пападопуло-Керамевса «Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας», τ. I, σ. 231—247. Здѣсь собщается о похищеніи венеціанами изъ Мисери (въ Египтѣ) мощей св. Марка, о возобновленіи купола храма св. Гроба при патріархѣ Ѳомѣ († послѣ 820 г.), о разрушеніи этого храма агарянами въ разное время и возобновленіи его православными, о ключахъ св. Гроба, посланныхъ іерусалимскимъ патріархомъ Іоанномъ Карлу Великому и о патріархахъ іерусалимскихъ съ начала VII вѣка.

Сношенія *іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей* (тамъ же, стр. 52—86).— Статья составлена на основаніи разсмотрѣнной выше книги профессора Каптерева.

Г. Муркосъ, *Хожденіе въ Іерусалимъ антіохійскаго патріарха Макарія въ 1642 году* (Сообщенія И. Прав. Палестин. Общества, 1896, февраль, стр. 91—94). — Предложенъ въ русскомъ переводѣ разсказъ о паломничествѣ въ Іерусалимъ патріарха Макарія, взятый изъ арабской рукописи путешествія этого патріарха въ Россію, находящейся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Хожденіе по святымъ мѣстамъ *августинскаго монаха Іакова Веронскаго въ 1335 году* (тамъ же, стр. 94—115). — Описаніе св. мѣстъ Іакова Веронскаго лишь недавно появилось въ полномъ видѣ — въ изданіи Р. Рёрихта (Revue de l'Orient Latin, 1895, № 2), будучи дотолѣ извѣстно только въ двухъ рукописяхъ и въ печатномъ извлеченіи изъ нихъ. Между тѣмъ описаніе это представляетъ выдающееся явленіе среди паломнической средневѣковой литературы. Іаковъ Веронскій посѣтилъ многія святыни Палестины, Синая и Египта и сообщаетъ о нихъ любо-

пытныя свѣдѣнія. Разсматриваемая статья и представляетъ извлеченіе изъ его труда, изданнаго Рёрихтомъ.

Армянское описаніе *святыхъ мѣстъ VII-го вѣка* (тамъ же, стр. 120—123).— Рѣчь идетъ объ армянскомъ описаніи св. мѣстъ, помѣщенномъ въ видѣ приложенія въ изданной В. Г. Васильевскимъ «Повѣсти Епифанія о Іерусалимѣ и сущихъ въ немъ мѣстъ» (Прав. Пал. Сборн., в. 11),— по поводу англійскаго перевода этого описанія и нѣкоторыхъ о немъ соображеній, сдѣланныхъ Е. В. Бруксомъ (English historical review, 1896, january). Бруксъ находитъ, что означенное описаніе принадлежитъ отшельнику Іосифу, который совершилъ свое паломничество въ Палестину между 659 и 663 годами и вѣроятнѣе всего — въ 660 году. Значитъ, описаніе Іосифа является первымъ послѣ разоренія іерусалимскихъ святынь персами въ 614 году и составлено, вѣроятно, на двадцать лѣтъ раньше описанія Аркульфа.

П. Цвѣтковъ, *1) Пѣснь на входъ Господа въ Іерусалимъ. Св. Романа Сладкопѣвца* (Радость Христіанина, 1896, кн. IV, стр. 248—254).—Переводъ съ греческаго подлинника, помѣщеннаго въ изданіи Питры — Analecta sacra) t. I, p. 61 squ.). *2) Пѣснь объ увѣреніи апостола Ѳомы Воскресшимъ Господомъ. Св. Романа Сладкопѣвца* (тамъ же, кн. V, стр. 18—25). Переводъ изъ того же изданія Питры (p. 140 squ.) съ небольшимъ предисловіемъ. *3) Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца на Вознесеніе Господне* (тамъ же, кн. VI, стр. 121—130). Переводъ съ краткимъ предисловіемъ съ греческаго текста въ Analecta sacra Питры (t. I, p. 148 sq.).

А. Голубцовъ, *Древне-христіанская символика воскресенія* (Радость Христіанина, 1896, кн. V, стр. 25—36). — Указывается происхожденіе и значеніе сюжетовъ древне-христіанскаго искусства, выражавшихъ вѣрованіе церкви въ воскресеніе тѣлъ по смерти. Таковыми служили изображенія павлина, феникса, пророковъ Іоны, Даніила, трехъ отроковъ, Лазаря и др.

Отчетъ *командированнаго за границу привать-доцента Московскаго университета* **Василія Истрина** *за вторую половину 1894 года.* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, апрѣль, отд. 2, стр. 47—78).—Сообщая результаты своихъ занятій въ области византійско-славянской литературы, г. Истринъ описываетъ въ отчетѣ слѣдующіе ея памятники: 1) сборникъ сербскаго письма XII—XIII вѣка въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, № 24; 2) Толковую Палею въ библіотекѣ того же монастыря, № 516; 3) болгарскій списокъ стослова константинопольскаго патріарха Геннадія отъ XVI вѣка въ Хиландарскомъ сборникѣ № 33; 4) большой сборникъ въ Хиландарѣ отъ XV вѣка, № 118, съ апокрифическимъ видѣніемъ пророка Исаіи; 5) Хиландарскій сборникъ безъ нумера, XVIII вѣка, съ вопросо-отвѣтами и аналогичные съ нимъ сборники: а) аѳонскаго Иверскаго монастыря, № 215, XVI вѣка, б) аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря отъ XIV вѣка, № 153, в) аѳонскаго монастыря Филоѳея № 107, отъ XVI вѣка; 6) Διήγησις καὶ ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου въ Зографскомъ монастырѣ № 360—34

по каталогу Ламброса; 7) болгарскій сборникъ житій и поученій въ Зографскомъ монастырѣ, отъ конца XV вѣка, и аналогическій сборникъ въ Хиландарѣ № 333; 8) греческій сборникъ въ Зографской библіотекѣ отъ XIX вѣка (№ 335—9 по каталогу Лампроса) съ статьею подъ заглавіемъ: Περὶ τῆς τοῦ Πιλάτου ἀποφάσεως κατὰ τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ εὑρεθίεσης κατὰ τούτους τοὺς χρόνους ἐν αὐτῇ γεγραμμένα. — Отчетъ не оконченъ.

Г. Муркосъ, *Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1896, февраль, стр. 706—753, мартъ, стр. 299—344).

Антіохійскій патріархъ Макарій дважды пріѣзжалъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ первый разъ для сбора пожертвованій, а во второй—для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первый разъ вмѣстѣ съ нимъ былъ его сынъ, архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который и составилъ подробное и чрезвычайно любопытное описаніе трехлѣтняго путешествія своего отца. Сочиненіе Павла до послѣдняго времени было извѣстно лишь въ арабскихъ рукописяхъ (Виз. Врем., т. II, в. 4, стр. 685—686), и профессору Муркосу принадлежитъ первый опытъ изданія его въ русскомъ переводѣ. Сочиненіе весьма полезно въ научномъ отношеніи, такъ какъ авторъ касается въ немъ всего, что видѣлъ и слышалъ во время своего продолжительнаго путешествія. Онъ описываетъ страну, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, особенно церкви и монастыри, торжественныя церковныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и даетъ яркую характеристику государей, политическихъ и церковныхъ дѣятелей. Восьмимѣсячное пребываніе нашего писателя въ Молдавіи совпало съ паденіемъ господаря Василія Лупула, сопровождавшимся междоусобною войной, — и этотъ интереснѣйшій эпизодъ въ исторіи страны нашелъ въ Павлѣ Алеппскомъ живого разсказчика. Въ Россію восточные путники прибыли въ самую цвѣтущую пору царствованія Алексѣя Михайловича, когда онъ велъ счастливую войну съ Польшей и когда патріархъ Никонъ приступилъ къ устроенію церковныхъ дѣлъ. Большая часть сочиненія Павла Алеппскаго и занята разсказомъ о событіяхъ, происходившихъ тогда въ Россіи. По полнотѣ и разнообразію содержанія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи въ половинѣ XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки современныхъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Въ сочиненіи, послѣ краткаго введенія, описывается путь отъ Алеппо до Молдавіи, совершенный чрезъ Бруссу и Константинополь, причемъ писатель съ особою обстоятельностью сообщаетъ о многихъ достопримѣчательностяхъ бывшей столицы Византіи (книга пер-

вая). Во второй книгѣ разсказывается о пребываніи въ Молдавіи, гдѣ Павелъ успѣлъ ознакомиться съ нравами и обычаями жителей, жизнью при дворѣ и церковными событіями, гдѣ посѣтилъ многіе храмы и монастыри.—Продолженіе статьи будетъ.

П. Георгіевскій, *Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви (Преимущественно по его письмамъ).* [Продолженіе. Странникъ, 1896, февраль, стр. 185—204]. Описывая пастырскую дѣятельность Василія Великаго, авторъ говоритъ о борьбѣ св. отца съ аріанствомъ и изображаетъ его попеченія о внутреннемъ благоустройствѣ кесарійской паствы, въ частности—въ отношеніи къ клиру, монашеству и міряшамъ.

М. Соколовъ, *Вѣнчаніе и помазаніе царей на царство въ древнегреческой церкви* (Руководство для сельскихъ пастырей. 1896, № 19 стр. 37—42).— Популярное изложеніе чина вѣнчанія и помазанія царей на царство въ Византіи, главнымъ образомъ — на основанія творенія архіепископа солунскаго Симеона (конца XIV и начала XV вѣка—«De sacro templo, ejusque consecratione».

Юліанъ Кулаковскій, *Замѣтки по исторіи и топографіи Крыма. III. Гурзуфъ или Карасанъ (Харасанъ) помянутъ въ житіи Іоанна Готскаго* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, № 1, стр. 5—6)? Въ восьмой главѣ житія Іоанна Готскаго сообщается о чудѣ, которое было совершено этимъ святымъ надъ ученикомъ его Василіемъ, при чемъ текстъ гласитъ такъ: Ἐν Κουρασαίτοις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαυόμενος εἰς ἐκκλησίαν ἣν ὁ ὅσιος, ἐν ᾗ ἔνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλεῖστα. Ὁ δὲ ταῖς νυξὶν ἀναστάμενος καὶ εὐχόμενος τούτοις ὥσπερ ζῶσιν διελέγετο. Ученый изслѣдователь житія проф. В. Г. Васильевскій (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1878, ч. CXCV) призналъ въ Курасаитахъ Гурзуфъ, основываясь на извѣстіи Прокопія о сооруженіяхъ Юстиніана въ Крыму (De aed. III) и данныхъ въ «Крымскомъ Сборникѣ» Кеппена. Г. Кулаковскій находитъ, что гораздо ближе къ имени Κουρασαῖται названіе мѣста, которое звучитъ Карасанъ или Харасанъ. Это—урочище, лежащее на берегу моря между Партенитомъ, родиной св. Іоанна Готскаго и Ламбатомъ; приморскимъ положеніемъ этого мѣста оправдывается и его названіе Ἐμπόριον—торжище. Несправедливо, по мнѣнію г. Кулаковскаго, и отожествленіе торжища Курасаитовъ съ Карасубазаромъ при потокѣ Карасу, сдѣланное г. Мурзакевичемъ (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIII), такъ какъ эти названія — татарскаго происхожденія, а татары появились въ Крыму позднѣе VIII вѣка, когда жилъ Іоаннъ Готскій; притомъ Карасубазаръ находится внѣ предѣловъ древней готской епархіи, гдѣ находился святой. Затѣмъ, мѣстомъ ночлега св. Іоанна Готскаго нужно, по словамъ нашего автора, считать не «одну изъ пещерныхъ церквей Крыма», которыхъ не найдено ни въ Гурзуфѣ, ни въ Карсанѣ, а церковь какъ надземное сооруженіе.

Андрей Петровъ, *Къ вопросу о проповѣднически-просвѣтительной дѣятельности св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія у хозаръ (по по-*

вымъ даннымъ) [Странникъ, 1896, май, стр. 145—153). — На основаніи анализа отрывковъ изъ письма Анастасія библіотекаря къ веллитрійскому епископу Гаудериху, изданнаго мюнхенскимъ профессоромъ Фридрихомъ въ 1892 году, и изъ житія св. Меѳодія авторъ доказываетъ, что пребываніе и дѣятельность св. Кирилла Философа въ Крыму имѣли значеніе самостоятельной миссіи, которая должна занять и самостоятельное мѣсто въ біографіи первоучителя, въ ряду остальныхъ его миссій — сарацынской, хазарской и славянской.

К. Поповъ, *Чинъ священнаго коронованія. Историческій очеркъ образованія чина* (Богословскій Вѣстникъ, 1896, апрѣль, стр. 59—72, май). — Статья состоитъ изъ двухъ главъ, въ первой изъ которыхъ излагается исторія коронаціоннаго чина въ Византіи, а во второй — его судьба въ Россіи. Работа г. Попова—научнаго характера.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

А. Спасскій, Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ очеркомъ его жизни. Изслѣдованіе. Сергіевъ Посадъ. 1895. Рецензія г. **Н. Г.** въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1896, № 14, стр. 456—457.

Ѳ. Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности. С.-Петербургъ. 1892. Рецензія г. **М. Соловьева** въ Русскомъ Обозрѣніи, 1895, январь, стр. 467—477.

А. Лебедевъ, Очерки исторіи Византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. Москва, 1892. Рецензія г. **Соловьева** тамъ же.

Ioseph Wilpert, Fractio panis. Die älteste Darstellung des eucharistischen Opfers in der «Capella Greca» entdeckt nnd erläutert. Mit 17 Tafeln und 20 Abbildungen im Text. Freiburg im Breisgau. 1895. Рецензія **И. В. Помяловскаго** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, мартъ, стр. 153—170.

Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. 1893. Рецензія г. **А. Прѣснякова** въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1895, февраль, стр. 446—450.

Иванъ Андреевъ, Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности свв. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1895. Рецензія **И. Византійскаго** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, мартъ, стр. 1007—1009.

Памятники древно-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй. Славяно-русскій прологъ. Часть первая: сентябрь-декабрь. Изданіе журнала «Странникъ» подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896. Рецензія **Александра Бронзова** тамъ же, стр. 1001—1003.

А. А. Дмитрiевскiй, Богослуженiе страстной и пасхальной седмицъ во св. Iерусалимѣ IX—X в. Казань. 1894. Рецензiя **проф. П. Лашкарева** въ Трудахъ кiевской духовной Академiи, 1896, мартъ, приложенiе, IX, стр. 73—78.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kunstgeschichte, 4 Heft. 1895. Рецензiя г. **Е. Рѣдина** въ Археологическихъ Извѣстiяхъ и Замѣткахъ, 1896, № 1, стр. 22—23.

Byzantinische Zeitschrift. IV Band, III—IV Heft. Leipzig. 1895. Рецензiя г. **Е. Рѣдина** тамъ же, стр. 23—24.

Лугъ Духовный. Творенiе блаженнаго Iоанна Мосха. Переводъ съ греческаго съ подробными объяснительными примѣчанiями священника М. Хитрова. Изданiе Свято-Троицкой Сергiевой Лавры. 1896. Рецензiя г. **К.** въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1896, № 7, прибавленiя, стр. 397—398; библiографическая замѣтка въ Русскомъ Обозрѣнiи, 1896, май, стр. 431—432.

Чтенiе по Патрологiи. Выпускъ первый: введенiе въ Патрологiю и вѣкъ мужей апостольскихъ. Посмертное изданiе «чтенiй» Димитрiя Гусева, экстраординарнаго профессора Казанской духовной академiи. Казань. 1896. Рецензiя г. **Л. П-ва** тамъ же, № 16, стр. 599—600.

A. Lapôtre, L' Europe et le Saint-Siège à l'époque carolingienne. Première partie. Le pape Jean VIII (872—882). 1895. Рецензiя г. **Н. Я.** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя, 1896, май, стр. 163—195, въ статьѣ: «Новое сочиненiе по Кирилло-Меѳодiевскому вопросу».

Iеромонахъ Ѳеодосiй Олтаржевскiй, Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. Православный Палестинскiй Сборникъ, выпускъ 44. Изданiе Императорскаго Палестинскаго Общества. Спб. 1896. Рецензiя **И. С.** въ Странникѣ, 1896, апрѣль, стр. 714—721.

Ѳеодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми египетскими епископами. По рукописи десятаго столѣтiя издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. Спб. 1895. Рецензiя г. **Г.** въ Христiанскомъ Чтенiи, 1896, мартъ—апрѣль, стр. 544.

Описанiе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библiотекахъ православнаго востока. Томъ I. Τυπικά. Часть I. Памятники патрiаршихъ уставовъ и ктиторскiе монастырскiе типиконы. Доцента Кiевской духовной Академiи Ал. Дмитрiевскаго. Кiевъ. 1895. Рецензiя **С. I. К.** въ Богословскомъ Библiографическомъ Листкѣ, 1896, мартъ (выпускъ 3), стр. 54—57. **Н. Соколовъ.**

ГЕРМАНIЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» *herausgeg. von K. Krumbacher.* Band. V, Heft 2.

Въ отдѣлѣ I-мъ («Изслѣдованiя») помѣщены слѣдующiя статьи:

Karl Schenk, *Kaiser Leons III Walten im Innern* (стр. 257—301).

Статья непосредственно примыкаетъ къ диссертацiи автора: Kaiser

Leo III. 1 Theil (Halle a. S., 1880) и содержитъ обозрѣніе внутренней политики императора Льва III, главнымъ образомъ—изложеніе и историческій или біографо-психологическій комментарій къ его законодательнымъ работамъ (Эклогѣ, Тактикѣ и Морскому и земледѣльческому уставу), а также къ его церковной политикѣ. Авторъ горячій поклонникъ императора Льва и его оцѣнка ближе всего подходитъ къ извѣстной оцѣнкѣ проф. Папарригопуло въ III-мъ томѣ его Ἱστορία τ. ἑλλην. ἔθνους; не мало мѣста отведено имъ полемикѣ съ Шварцлозе (см. его изслѣдованіе: «Der Bilderstreit» Gotha, 1890), но, по нашему убѣжденію, авторъ дѣлаетъ здѣсь въ пониманіи явленій внутренней жизни греческой церкви большой шагъ *назадъ* сравнительно съ своимъ предшественникомъ и противникомъ, и повторяетъ сто разъ читанные нами у прежнихъ протестанскихъ писателей отзывы, что иконопочитаніе — плодъ суевѣрія и выдумка алчныхъ монаховъ (293), что das Christentum mit Bilderdienst überhaupt gar kein Christentum ist и т. д. (стр. 278—279); указаніе его на русскій расколъ (280) показываетъ только, что и это явленіе онъ понимаетъ столь же плохо, какъ и иконопочитаніе.

Въ трехъ интересныхъ «добавленіяхъ» авторъ: 1) доказываетъ, что Левъ III былъ родомъ не исавръ, а сиріецъ изъ восточной Киликіи, 2) устраняетъ нѣкоторыя, указанныя, но не разрѣшенныя Цахаріэ затрудненія по вопросу и принадлежности Льву III «Тактики», 3) устанавливаетъ хронологію 1-го иконоборческаго эдикта Льва — конецъ 725-го или начало 726-го года.

J. B. Bury, *Date of the Battle of Singara* (стр. 302—305). См. ниже.

C. de Boor, *Zur Vision des Taxaotes* (стр. 306—310). Замѣтка по поводу болгарскаго текста «видѣнія карѳагенянина Таксаота», опубликованнаго Калужняцкимъ въ Arch. f. slav. Philologie XVI, 42 и сл. Указывается, во-первыхъ, что Таксаотъ — не собственное имя, а непонятое переводчикомъ нарицательное ταξεώτης; затѣмъ, что версіи «видѣнія» русскихъ хронографовъ имѣютъ источникомъ Георгія Мниха; что весь разсказъ принадлежитъ къ эсхатологической литературѣ перой половины VII вѣка на ряду съ легендами объ императорѣ Маврикіи и разсказами въ житіи Іоанна Милостиваго; наконецъ διήγησις о видѣніи карѳагенскаго оффиціала (греч. текстъ у Combef. Auct. Nov. II, 324) сличается съ извѣстнымъ псевдокирилловымъ «словомъ на исходъ души» (Migne Patr. graeca, 77, col. 1072 и слѣд.). Изъ этихъ несомнѣнно родственныхъ текстовъ C. de Boor первичнымъ считаетъ διήγησις, изъ котораго (а также изъ изреченій св. Ѳеофила Александрійскаго въ Apophthegmata Patrum) авторъ «слова» взялъ свой матеріалъ и способъ выраженія.

C. Fr. Müller, *Zu der handschriftlichen Ueberlieferung der Tetrasticha des Ignatius* (стр. 310—318). Въ первой части замѣтки описываются и оцѣниваются тексты Игнатія въ 2 кембриджскихъ (№№ 680, Dd. XI 54 и 1920 Li VI 41), патмосской (№ 428 по каталогу Саккеліона), и парижской regia (№ 2408 по каталогу 1740 г.), — изъ нихъ нѣкоторое значеніе

для установки текста имѣетъ лишь послѣдняя (U). Во второй половинѣ рѣчь идетъ о Marc. 31 ed. XI (M.). Laurent. plut. V, c. 10 (= F) и Marc. 19 (cl. IX). Первая и есть рукопись типа парижской S (Byz. Ztschr. I. 424), но древнѣе послѣдней, хотя, вѣроятно, обѣ происходятъ отъ неизвѣстной третьей; послѣдняя, сколько можно заключить изъ данныхъ, сообщенныхъ автору проф. Гауссратомъ, легла въ основу editio princeps Альда Мануція (Venet. 1505).

Spyr. P. Lambros. *Ein Codex des Joel* (стр. 318). Списокъ этотъ, значительно отличающійся отъ текста боннскаго изданія, находится въ вѣнской (Lambec. XXXVII) cod. Theol. graecus CCCIV. Приводятся только нѣкоторые варіанты.

J. Dräseke. *Zu Eustratios von Nikäa* (стр. 319—336).

Авторъ обозрѣваетъ три отдѣла сочиненій Евстратія (изд. Димитракопуломъ)—о иконопочитаніи, противъ латинянъ о опрѣснокахъ и исхожденіи св. Духа, и о 2-хъ естествахъ въ Христѣ противъ армянъ, пытается опредѣлить ихъ хронологію, и по ней время жизни автора, ихъ отношеніе къ церковному ученію и конечную судьбу. Первый отдѣлъ относится къ 1083 г., къ спору митр. Льва Халкидонскаго съ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ по поводу взятія послѣднимъ части церковныхъ сокровищъ на государственную надобность — для войны съ Робертомъ Гвискаромъ; второй — къ 1112 г., къ миссіи миланскаго епископа Гросолана: онъ имѣетъ большое сходство съ сочиненіями Николая Меѳонскаго, но еще нѣсколько превосходитъ ихъ въ литературномъ и научномъ отношеніи. Въ третьемъ [illegible] 1117 г. Евстратій является богословомъ платоновской школы, возобновленной Пселломъ, и съ точки зрѣнія патріарха Келзилина вольнодумцемъ, почему въ [illegible] г. ему пришлось въ особой Ἐξομολόγησις къ патріарху и императору отречься отъ всего, что нашлось бы въ его сочиненіяхъ противнаго церкви. Это сближаетъ судьбу его въ [illegible] съ судьбой Пселла и Итала, его учителей. [illegible] 1050, такъ какъ въ [illegible] [illegible] время смерти [illegible] году опроверженіе [illegible] автору кажутся [illegible]

C. E. Gleye. [illegible] вастъ: [illegible] стр. 370. [illegible]

M. Frei. [illegible] шутки [illegible] S. 130. [illegible] Planudesbriefe. [illegible] изъ нихъ [illegible]

Spyr. Lambros [illegible]

dones (стр. 339—340). Сообщаемый текстъ находится въ рукописи Британскаго Музея Burn. 75; хрисовуллъ, къ которому онъ относится, принадлежалъ, кажется, Іоанну Палеологу и говорилъ объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ.

G. N. Hatzidakis, Ὁ Μορέας oder τὸ Μόρεον? (стр. 341). Проф. Ламбросъ въ Δελτ. τ. ἐθνολογικῆς ἑταιρίας IV, 634 выразилъ мнѣніе, что форма Genitivi Μορέου заставляетъ предполагать Nomin. Μόρεον, т. к. Μορέας въ хроникѣ Мореи всегда имѣетъ Gen. Μορέως. Авторъ, впервые убѣдительно доказавшій происхожденіе этого географическаго термина отъ μορέα, доказываетъ, что Μορέας вполнѣ можетъ имѣть 2 формы Genitivi, такъ что предполагать нигдѣ не встрѣченную μόρεον нѣтъ нужды, тѣмъ болѣе, что такая форма не вмѣщается въ рамки найденныхъ имъ 11 формъ образованія географическихъ названій изъ ботаническихъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ рецензій на книги:

Victor Schultze, *Archäologie der altchristlichen Kunst.* München, 1895. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 347—350).

Anton Rüger, *Studien zu Malalas.* Kissingen 1895. Рец. *Edwin Patzig* (стр. 350—355).

Въ отдѣлѣ III обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующіе указанныя редакціей книги и статьи:

По литературѣ, книговѣдѣнію и фольклору.

E. Oder, *De Hippiatricorum codice Cantabrigiensi* (Rhein. Mus. 51 (1896), 52—69). — Рукопись (Cambridge 3, 19) даетъ много новыхъ главъ и отрывковъ и трактатъ Σίμωνος Ἀθηναίου περὶ εἴδους καὶ ἐπιλογῆς ἵππων.

K. Fuhr, *Zwei Hermogeneskommentatoren.* Rhein. Mus. 51 (1896) 45—51, 164.—По сообщеніямъ г. Омона, въ 2-хъ парижскихъ рукописяхъ X—XI вѣка упоминается комментаторъ на ораторовъ Евстаѳій — отличный отъ извѣстнаго схоліаста на Гомера, — котораго и цитуетъ Іоаннъ Доксопатръ.

Ludw. Stein. *Die Continuität der griech. Philosophie in der Gedankenwelt der Byzantiner.* Arch. f. Gesch. der Philosophie, 9 (1895), 225—246.

Aug. Heisenberg, *Die byzantinischen Quellen von Gryphius «Leo Armenius».* Ztschr. f. vergleichende Litteraturgesch. Neue Folge 8 (1895) 439—448.

По языку:

G. Meyer, *Etymologisches aus den Balkansprachen.* Indogerm. Forschungen 6 (1894) 104—123.

По богословію:

J. A. Heikel, *Über die Handschriften von Eusebius Vita Constantini, Laus Constantini und Constantini Oratio ad sanctum coetum.* Nachrichten d. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen Philol.-hist. Classe, 1895, 434—441.

V. Ryssel, *Der Einfluss der syrischen Litteratur auf das Abendland.* Ein Vortrag. Theol. Zeitschr. aus der Schweiz 13 (1896) 43—66. Главный предметъ этого сообщенія—легенды о 7 спящихъ отрокахъ, о обрѣтеніи креста Еленой и крещеніи Константина папой Сильвестромъ.

Hagiographi Bollandiani et Henricus Omont, *Catalogus codicum hagiographicorum bibliothecae nationalis Parisiensis.* Bruxelles-Paris, Leroux, 1896.

Johannes Dräseke, *Zu Gregorios Thaumaturgos.* Ztsch. f. wissensch. Theologie 39 (1896), 166—169.

M. Faulhaber, *Die griechischen Apologeten der klassischen Väterzeit. I Buch: Eusebius v. Cäsarea.* Würzburg, Göbel 1896.

Funk, *Die pseudojustinische Expositio rectae fidei.* Theol. Quartalschr. 78 1896) 116—147.—Полемизируетъ съ Дрэзеке, приписывающимъ спорное сочиненіе Аполлинарію Лаодикійскому. Статья не окончена.

Jos. Stiglmayr, *Der Neuplatoniker Proclus als Vorlage des sogen. Dionysius Areopagita in der Lehre vom Übel.* Histor. Jahrbuch der Görresgesellsch. 16 (1895) 721—748. Окончаніе статьи, отмѣченной въ Виз. Врем. т. II, вып. 4, стр. 705.

A. Berendts, *Studien über Zacharias-Apokryphen und Zacharias-Legenden.* Leipzig, Deichert 1895.

Passio antiquior SS. Sergii et Bacchi graece nunc primum edita. Analecta Bollandiana 14 (1895) 373—395.

Ernst Spreitzenhofer, *Die historischen Voraussetzungen der Regel des hl. Benedict v. Nursia.* Wien 1895. (Jahresber. d. k. k Obergymnasiums zu den Schotten).

Epistulae imperatorum, pontificum, aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad a. DLIII datae. Avellana quae dicitur collectio, recens. **Otto Günther.** Pars I. Prolegomena, Epistulae I—CIV. Vindobonae. Tempsky. 1895.

Philipp Meyer, *Joseph Bryennios als Theolog.* Theol. Studien und Kritiken 1896, 282—319. — Примыкаетъ къ статьѣ автора, отмѣченной въ Виз. Врем. III. 1. стр. 1[illegible].

Albert Ehrhard, *Die theologische Litteratur der griechischen Kirche vom Johannes von Damaskus bis zum Falle Konstantinopels.* Theologisch-praktische Monatsschrift 6 (1896) 1—15, [illegible]—1[illegible].

Из[illegible]

A. Mordtmann. *Eine [illegible] in K-pel [illegible]* [illegible] 1895. О посольствѣ [illegible]

F. Hirsch. *Byzantinisches Reich.* Berliner [illegible] für [illegible] wissenschaft 17 (1894) III 2[illegible]—2[illegible]. Обозрѣніе работъ по византиновѣдѣнію за 1894 г.

По исторіи [illegible]

Diophanti Alexandrini opera [illegible] **Paul Tannery**. Vol. II. Leipzig, Teubner [illegible]

На страницахъ [illegible]

Rhodokanakis, Etude critique de bibliographie et d'histoire littéraire, содержащей разоблаченіе богатой всякаго рода подлогами и подтасовками литературной дѣятельности Димитрія Родоканаки.

Страницы 383—484 занимаетъ некрологъ извѣстнаго всякому византинисту Э. Муральта († въ январѣ 1895 г.), составленный Э. Курцемъ.

Изъ изслѣдованій и рецензій, не вошедшихъ еще въ библіографію Byz. Ztschr., отмѣчаемъ:

E. Amélineau, *Histoire des monastères de la basse Egypte.* Paris, E. Leroux 1894 (Рец. *Erwin Preuschen*, D. L. Ztg. 1896, 12, стр. 353—358).

Paulini Nolani opera, pars I et II, rec. **Wilhelm Hartel** (Рец. G. Schepss, тамъ же, стр. 363—365).

Ulrich Stutz, *Geschichte des kirchlichen Benefizialwesens von seinen Anfängen bis auf die Zeit Alexanders III.* Band I, 1 Häfte. Berlin 1895. (Рец. Paul Hinschius, тамъ-же, № 15, стр. 1. 470—475).

Theodori Prisciani Euporiston libri III cum physicorum fragmento et additamentis Pseudotheodoreis editi a **Valentino Rose.** Leipzig, Teubner, 1894. (Рец. *Iwan von Müller*, тамъ-же, № 16, стр. 487—489).

Histoire de Mar-Jabalaha, de trois autres patriarches, d'un prêtre et de deux laïques nestoriens, и

Histoire de Mar-Jabalaha, Patriarche et de Raban Sauma. Edité par **Paul Bedjan.** Paris und Leipzig, O. Harassowitz, 1895. (Рец. *Friedrich Bäthgen*, тамъ-же, № 17, стр. 513—516).

Б. Меліоранскій.

28 мая 1896 г.

ФРАНЦІЯ.

Georges Radet, *En Phrygie. Rapport sur une mission scientifique en Asie Mineure (août — septembre 1893).* Extrait des Nouvelles archives des missions scientifiques, t. VI. Paris, Imprimerie nationale, 1895. 174 стр. in 8, съ 11 гравюрами и 2 картинами.—Отчетъ объ ученой поѣздкѣ по Малой Азіи француза Раде, уже ранѣе сдѣлавшагося извѣстнымъ благодаря своей прекрасной работѣ La Lydie et le monde grec au temps des Mermnades (изд. въ Парижѣ въ 1892 г.), обладаетъ тѣми-же достоинствами оригинальности, основательнаго знанія древней географіи и ясности изложенія. Первая часть работы, озаглавленная Journal de voyage, даетъ точное описаніе пути французскаго ученаго отъ прежняго Дорилеума (теперь Chéhir-Euîuk) черезъ Леонтокефалонъ (теперь Afioum-Kara-Hissar) до Апамеи (теперь Dinéir). Здѣсь дается рядъ самыхъ разнообразныхъ замѣчаній автора, могущихъ заинтересовать географа, историка и археолога, относительно высоты горъ, античныхъ и византійскихъ развалинъ и т. д. Вторая часть работы заключаетъ въ себѣ вопросъ о топографіи Дорилеума; вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ при помощи детальнаго знакомства его какъ съ эпиграфическими памятниками, такъ и греческими,

римскими и византійскими историками. Третья и самая обширная часть работы занимается вопросомъ о положеніи многихъ древнихъ мѣстностей, лежащихъ въ юго-западной части Фригіи; причемъ здѣсь Раде не всегда соглашается съ мнѣніемъ извѣстнаго англійскаго ученаго изслѣдователя Малой Азіи Рамзая. Приложенія къ этому труду заключаютъ въ себѣ таблицу высотъ нѣкоторыхъ мѣстностей и опытъ всесторонняго изученія древностей Дорилеума. — См. рецензію въ Revue Critique 1896 г. № 10 стр. 185—189 и № 11 стр. 205—210.

Hipp. Delehaye, *Le synaxaire de Sirmond.* Напечатано въ Analecta Bollandina, 14 (1895) стр. 396—434.—Авторъ этой статьи точно опредѣляетъ разницу между тремя довольно часто смѣшиваемыми понятіями, а именно: между минеей, менологіемъ и синаксаремъ.—См. Byz. Zeitschrift V (1896) стр. 361—362.

Pierre Batiffol, *Notes d'ancienne littérature chrétienne.* L'auteur véritable de l'epistula ad Zenam et Serenum. Напечатано въ Revue biblique 5 (1896) стр. 114—122. — Въ своей статьѣ авторъ считаетъ константинопольскаго епископа Сисинія, современника Іоанна Златоуста, составителемъ письма ad Zenam et Serenum, которое въ рукописяхъ неправильно приписывается Юстину Мученику.

A. Carrière, *La légende d'Abgar dans l'histoire d'Arménie de Moïse de Khoren.* Напечатано въ Centenaire de l'Ecole des langues orientales vivantes. Paris 1895, стр. 357—414.—Рецензія обѣщана въ Byz. Zeitschrift, V (1798) стр. 366.

Max Bonnet, *La passion de S. Barthélemy en quelle langue a-t-elle été écrite?* Напечатано въ Analecta Bollandiana 14 (1895) 353—366.—Бонне неопровержимо доказываетъ, что «страсти св. Варѳоломея» были переведены съ латинскаго языка на греческій, а не съ греческаго на латинскій. — См. Byz. Zeitschrift V (1896) стр. 367—368.

Gabriel Millet, *Mosaïques des Daphni. Adoration des Mages. Anastasis.* Extrait des Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Incriptions et Belles-Lettres. Premier fascicule 1896. Paris, E. Leroux. 18 стр. съ двумя изображеніями. — Мозаики монастыря Дафни около Аѳинъ сдѣлались недавно доступными для изученія послѣ реставраціи ихъ, которую аѳинское археологическое общество поручило г. Ново. Millet въ своей публикаціи занимается двумя мозаиками, представляющими изъ себя Поклоненіе волхвовъ и Воскресеніе и относящимися, по предположенію автора, къ XI вѣку. Мозаика Воскресенія представляетъ моментъ пребыванія Іисуса Христа въ аду и воскресенія заключенныхъ здѣсь умершихъ.

G. Millet, *Rapport sur une mission à Mistra.* Напечатано въ Bulletin de correspondance hellénique 19 (1895) стр. 268—272. — Millet въ видѣ письма къ директору французской школы въ Аѳинахъ дѣлаетъ краткое сообщеніе о сохранившихся въ Мистрѣ близъ Спарты византійскихъ церквахъ и другихъ остаткахъ старины. Между прочимъ Millet собралъ 54 надписи. См. Виз. Врем. III, 1, стр. 231.

G. Millet, *Quelques représentations byzantines de la salutation angélique.* Extrait du Bulletin de correspondance hellénique. — Авторъ вышеназванной статьи занимается нѣкоторыми видами изображеній Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Сюда входятъ двѣ мозаики изъ церкви Дафни около Аѳинъ и Ватопеда на горѣ Аѳонѣ и три миніатюра, извлеченные: изъ псалтыря Аѳинской національной библіотеки, изъ псалтыря Аѳонскаго монастыря Пантократоръ и изъ евангелія Аѳонскаго Ивирскаго монастыря.

Franz Cumont, *Les inscriptions chrétiennes de l'Asie Mineure.* Напечатано въ Mélanges d'archéologie et d'histoire publiés par l'Ecole française de Rome 15 (1895) 245—299. — Кюмонъ даетъ прекрасное изслѣдованіе о культурномъ и церковно-историческомъ значеніи, характерѣ и отличительныхъ признакахъ христіанскихъ надписей, присоединивъ къ своему труду инвентарь обнародованныхъ до сихъ поръ христіанскихъ греческихъ надписей изъ Малой Азіи. Работа Кюмона служитъ какъ-бы объясняющимъ введеніемъ къ задуманному французской археологической школой въ Аѳинахъ изданію Corpus'а греческихъ христіанскихъ надписей. См. Byz. Zeitschrift V (1896) стр. 374—375.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

C. O. Zuretti, *Indice de' mss. Greci Torinesi non contenuti nel catalogo del Pasini.* Напечатано въ Studi italiani di filologia classica 4 (1896) стр. 201—223.—Zuretti даетъ въ вышеназванномъ трудѣ точное описаніе тридцати двухъ греческихъ рукописей, хранящихся въ Туринской Національной библіотекѣ, которыя не вошли въ составъ прекраснаго каталога Пасини (Pasini).—См. Byz. Zeitschrift V (1896), стр. 359.

E. Martini, *Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane.* Opera premiata dalla R. Academia di archeologia, lettere e belle arti di Napoli. Vol. I, parte 2. Milano, U. Hoepli 1896, стр. 219—430. 8°. — Эта книга мнѣ неизвѣстна. Рецензія обѣщана въ Byz. Zeitschrift B V (1896) S. 358—359.

Franc. Gnecchi, Monete Romane. Milano, U. Hoepli 1896. XV, 182 стр. съ 12 таблицами. — Эту небольшую книжку можно здѣсь упомянуть потому, что составитель ея имѣлъ въ виду также позднѣйшія римскія и византійскія монеты. — См. Byz. Zeitschrift V (1896) стр. 375.

C. Ferrini, *Contributo alla reintegrazione dei Basilici.* Estratto dai Rendiconti del R. Instituto Lombardo di scienze e lettere, serie II, vol. 29 (1896). 4 стр.—Эта замѣтка есть не что иное, какъ предварительное сообщеніе о найденномъ итальянцемъ Меркати въ Амврозіанской библіотекѣ палимпсестѣ, нижній текстъ котораго содержитъ относящіяся къ X вѣку части Василикъ и представляетъ изъ себя древнѣйшую рукопись этого законодательства. Феррини обѣщаетъ въ теченіе года издать греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ. См. Byz. Zeitschrift V (1896) стр. 375.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

J. B. Bury, *Date of the Battle of Singara*. Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. B. V (1896) 2 Heft S. 302—305.—Въ своей маленькой статейкѣ англійскій ученый старается точнѣе опредѣлить годъ битвы при Сингарѣ. Извѣстно, что въ половинѣ IV вѣка по Р. Хр. между императоромъ Констанціемъ и персидскимъ царемъ Сапоромъ вспыхнула война, во время которой и произошло большое сраженіе въ Месопотаміи при гор. Сингара, окончившееся полнымъ пораженіемъ римскаго войска. Большая часть ученыхъ относитъ эту битву къ 348 году. Но Bury на основаніи одного мѣста въ первомъ похвальномъ словѣ Юліана въ честь Констанція и на основаніи нѣкоторыхъ другихъ соображеній относитъ это сраженіе къ лѣту 344 года.

А. Васильевъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Т. III. Годы 1846, 1847, 1849 и часть 1850-го. Изданіе Имп. Академіи Наукъ на иждивеніи Имп. Православнаго Палестинскаго Общества подъ редакціею П. А. Сырку. СПБ. 1896. 8°.

П. А. Сырку. Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика. СПБ. 1896. Отд. оттискъ изъ Извѣстій Отд. русск. языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. I, кн. 1—2.

Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky. V. Iernstedt. Accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli. 1896. 8°. Отд. оттискъ изъ Записокъ Ист.-Филол. Факультета Имп. СПБ. Университета. Ч. XXXVIII.

С. Д. Пападимитріу. Стефанъ Сахликисъ и его стихотвореніе «ΑΦΗΓΗΣΙΣ ΠΑΡΑΞΕΝΟΣ». Съ приложеніемъ греко-русскаго глоссарія, двухъ фотографическихъ таблицъ и критическихъ ΠΑΡΕΡΓΑ. Одесса. 1896. Цѣна 2 руб.

Г. П. Беглери. Храмъ святыхъ апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Одесса. 1896. 8°.

Православный Палестинскій Сборникъ.

Вып. 44. Іеромонахъ Θеодосій Олтаржевскій. Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. СПБ. 1896 г.

Вып. 46. Три греческіе безъимянные проклинитарія XVI вѣка изданные съ предисловіемъ Аѳ. Ив. Пападопуло-Керамевскомъ и переведенные Г. Сп. Дестунисомъ. СПБ. 1896.

Вып. 47. Житіе Петра Ивера царевича-подвижника и епископа Майумскаго V вѣка. Грузинскій подлинникъ издалъ, перевелъ и предисловіемъ снабдилъ Н. Марръ.

Nicephori Blemmidae curriculum vitae et carmina nunc primum ed. Aug. Heisenberg. Lipsiae, Teubner. 1896. 8°. Ц. 4 марки.

Marci Diaconi Vita Porphyrii episcopi Gazensis. Ediderunt societatis philologae Bonnensis sodales. Lipsiae, Teubner. 1895. 8°.

Franz Xaver Kraus, Geschichte der christlichen Kunst. Bd. I. Die hellenistisch-römische Kunst der alten Christen. Die byzantinische Kunst. Anfänge der Kunst bei den Völkern des Nordens. Ц. 16 марокъ.

D. H. C. Muller, Beiträge zur Lehre der Wortzusammensetzung im Griechischen, mit Excursen über Wortzusammenstellung im Indogermanischen, und in verschiedenen anderen Sprachfamilien. Leiden, A. W. Sitjoff.

Emile Legrand, Description des oeuvres d' art et de l'église des Saints Apôtres de Constantinople. Poème en vers jambiques par Constantin le Rhodien. T. R., Commentaire archéologique sur le poème de Constantin le Rhodien. Paris 1896. Отд. отт. изъ Revue des études grecques IX.

Eduard Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire, edited in seven volumes with introduction, notes, appendices and index by I. B. Bury, M. A. Vol. I. London, Methuen & C°. 1896.

Relazione del I Congresso internazionale degli archeologi cristiani tenuto a Spalato-Salona nei giorni 20—22 Agosto 1894 del Prof. Dr. G. A. Neumann. Spalato 1895. 8°. Отд. отт. изъ Bulletino di arch. e storia dalmata 1894. fasc. 8—12.

Γεωργίου τοῦ Αἰτωλοῦ, Μῦθοι καὶ ἀποσπάσματα τοῦ Σπανέα ἐξάγιορειτικῶν κωδίκων νῦν τὸ πρῶτον ἐκδιδόμενα ὑπὸ Σπυρ. Π. Λάμπρου. Ἀθήνησιν 1896. Отд. отт. изъ Δελτίον τῆς ἱστ. καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. V.

Τρύφωνος Ἐ. Εὐαγγελίδου, Γεννάδιος ὁ Σχολάριος πρῶτος μετὰ τὴν ἅλωσιν οἰκουμενικὸς πατριάρχης. Ἱστορικὴ καὶ κριτικὴ μελέτη. Ἐν Ἀθήναις 1896. Ц. 5 драхмъ.

Γεωργίου Λαμπάκη, Χριστιανικὴ ἁγιογραφία τῶν ἐννέα πρώτων αἰώνων (1—842) ἤτοι ἀπὸ τῶν ἀρχῶν τοῦ χριστιανισμοῦ μέχρι τῆς ἀναστάσεως τῶν ἁγίων εἰκόνων. Ἐν Ἀθήναις, Ἀνέστης Κωνσταντινίδης. 1896. Ц. 4 фр.

Н. А. Начовъ, За побратимството. Срѣдецъ. 1896. Отд. отт. изъ Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ, кн. XLIX—L, LI, LII—LIII.

Dr. Jan Fijałek, Średniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi i Litwie na podstawie zródeł greckich. We Lwowie 1896. Kwartalnik historyczny. 1896. III.

A. Papadopol-Calimach. Sofia Paleolog, nepóta Impĕratuluĭ Constantin XII Paleolog, şi Domniţa Olena, fiica Domnuluĭ Moldoveĭ Ştefan-cel-Mare, 1472—1509. Bucuresci 1895. Изъ Analele Academiei Romane. Seria II. Tomul. XVII.

ОТДѢЛЪ III.

Эллинскій филологическій силлогъ въ Константинополѣ. Послѣ лѣтнихъ вакацій силлогъ заявилъ о началѣ своей дѣятельности въ наступающемъ 1895—96 году объявленіемъ въ газетахъ (отъ 26-го августа) о томъ, что срокъ представленія сочиненій на премію Карапаноса (руководство по физикѣ) продолжается до конца декабря 1895 года.

На 7, 9 и 11 сентября назначены три публичныя лекціи Скалцуниса «О критическихъ эпохахъ исторіи христіанства». Лекцій на самомъ дѣлѣ состоялось всего двѣ и содержаніе ихъ передано въ №№ отъ 9 и 11 сентября газеты К/πολις. Рѣчи эти ничего историческаго не содержатъ, какъ можно было бы ожидать, судя по ихъ заглавію. Это состоящая изъ общихъ мѣстъ аналогія церковнаго ученія отъ матеріализма, нигилизма, физіократизма (!?) и т. д. Авторъ, между прочимъ, распространяется о пагубномъ вліяніи на нравственность романовъ, которые будто бы въ Европѣ изгнаны не только изъ всѣхъ общественныхъ, но даже домашнихъ библіотекъ. Устрашающимъ примѣромъ государства, погрязающаго въ безбожіи, для автора является, конечно, Франція, изгнавшая Законъ Божій изъ школы и замѣнившая его этикою. Впрочемъ, утѣшается авторъ, всѣ великіе безбожники, въ томъ числѣ Робеспьеръ, Дарвинъ и даже самъ Ренанъ, либо проговаривались о необходимости о силѣ вѣры, либо кончали тѣмъ, что возвращались въ лоно церкви.

Первое собраніе силлога назначено было на 23 октября и на повѣсткѣ, опубликованной въ газетахъ, намѣчены предметами занятій: обзоръ накопившейся за лѣто переписки, объявленіе о пожертвованныхъ книгахъ и избраніе библіотекаря вмѣсто Мистакидиса, назначеннаго завѣдующимъ гимназіею въ Θессаликѣ. На этомъ засѣданіи между прочимъ измѣнены были, согласно волѣ жертвователя, условія Зографской преміи. Ежегодное пожертвованіе его (100 турецкихъ лиръ) должно распредѣляться теперь такимъ образомъ, что одинъ годъ оно идетъ цѣликомъ на вознагражденіе собирателей матеріала по нарѣчіямъ и говорамъ, а слѣдующій годъ на изданіе собраннаго въ предшествующій годъ матеріала. Библіотекаремъ избранъ Икономидисъ.

На 6-е ноября въ собраніи силлога назначено сообщеніе М. Параника «О метрикѣ византійцевъ и въ особенности церковныхъ гимнографовъ».

На 9-е ноября назначено въ силлогѣ публичное чтеніе барнабита Цезаря Тондини де Гваренги, члена Болонской Академіи, «О перемѣнѣ юліанскаго календаря въ Россіи» (? περὶ τῆς ἐν Ῥ. μεταρρυθμίσεως τοῦ Ἰουλ. Ἡμερολογίου). Очевидно наши газетные толки по этому поводу были приняты за серьезное намѣреніе перемѣны календаря.

На 27 ноября въ засѣданіи силлога—сообщеніе М. Гедеона «О мѣстоположеніи Акрита (Τοῦζλα) и его окрестностей».

На 30-е ноября публичное чтеніе врача Кл. Х. Кокколата: «Пастеръ; его жизнь и дѣятельность».

На воскресенье, 3-го декабря, публичное чтеніе Ил. Диссариша: «Объ естетикѣ въ гимназіяхъ».

На понедѣльникъ, 4-го декабря въ засѣданіи силлога — сообщеніе аббата Тондини де Гваренги «Объ объединеніи празднованія Пасхи и научномъ опредѣленіи времени его», но оно не состоялось и вмѣсто него секретарь читалъ сообщеніе, сочиненное митрополитомъ Амасіи Анѳимомъ Алексудомъ «О статуѣ, найденной въ мѣстечкѣ св. Параскевы въ окрестностяхъ Синопы».

На 7-е декабря назначено публичное чтеніе I. А. Аристокла подъ заглавіемъ: «Какой законъ выше всего на свѣтѣ»? (Τίς ὁ ὑπέρτατος τοῦ Σύμπαντος Νόμος).

На 10 и 11 декабря назначены либо повторенія, либо продолженія докладовъ Кокколати «о Пастерѣ» и Параника «о метрикѣ византійцевъ».

На 14-е декабря повтореніе или продолженіе чтенія I. А. Аристокла «О наивысшемъ законѣ».

А. Щукаревъ.

Общество изученія среднихъ вѣковъ въ Константинополѣ. Общество открыло для пользованія членовъ и всѣхъ желающихъ свою библіотеку, находящуюся въ помѣщеніи клуба «Μνημοσύνη». Завѣдующій библіотекою снабжаетъ такихъ лицъ личнымъ входнымъ билетомъ.

Обелискъ въ Константинополѣ. Пострадавшій отъ землетрясенія обелискъ на константинопольскомъ ипподромѣ реставрированъ.

Византійская иконографія. Въ № 177. К/πολις (отъ 11 августа 1895 г.) напечатаны жалобы на охладѣніе вкуса публики къ иконографіи византійскаго пошиба, результатомъ чего является сидѣніе безъ дѣла и безъ хлѣба многихъ иконописцевъ (одному изъ которыхъ, по всей вѣроятности и принадлежатъ эти строки). Авторъ обрушивается на иконы, привозимыя изъ Россіи и распространяемыя въ народѣ «нѣмцами Моисеева закона», квалифицируя ихъ чудовищными и безобразными («ὧν ἡ τερατώδης ἔκφρασις καὶ ἡ ἄκοσμος παράστασις παρασάγγας(!) ἀπέχουσι τοῦ ἐκφραστικοῦ καὶ σεμνοῦ ἁγιογραφικοῦ τύπου τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς»). Можно предположить, не смѣшиваетъ ли неизвѣстный авторъ русскихъ иконъ

съ австрійскими, которыя, во-первыхъ, скорѣе будутъ распространяться упомянутыми «нѣмцами», какъ ихъ собственная фабрикація и во всякомъ случаѣ болѣе дешевый и массами производимый товаръ и, во-вторыхъ, дѣйствительно могутъ казаться отталкивающими православному религіозному чутью, какъ изображающія всякіе католическіе, бьющіе на нервы, а иногда прямо претящіе сюжеты. Впрочемъ современные греческіе иконописцы, услуги которыхъ «за сравнительно недорогую цѣну» предлагаются въ этой же замѣткѣ, суть ремесленники низшаго разбора, и если они считаютъ себя продолжателями византійскихъ традицій, то это надо отнести на счетъ ихъ ни на чемъ, кромѣ невѣжества, не основаннаго самомнѣнія.

Музей оружія въ Константинополѣ. Музей оружія, находящійся въ церкви св. Ирины и публикѣ недоступный, предполагается перенести въ новое зданіе, спеціально для него воздвигаемое по проекту архитектора Зисмунда.

Погребальная пещера. Въ Анкирѣ, на 550-мъ километрѣ «малоазіатской желѣзной дороги», при постройкѣ ея рабочіе натолкнулись на любопытную пещеру, повидимому древне-христіанской эпохи и несомнѣнно погребальнаго назначенія. Изъ крайне неяснаго газетнаго сообщенія (К/πολις 27 сент. 1895 г.) заимствуемъ слѣдующее. Пещера выдолблена въ скалѣ. Въ нее ведетъ корридорообразный проходъ въ 10 метровъ длины и 4 ширины, также выдолбленный въ скалѣ. Налѣво отъ прохода ниша съ окнами. Около нея устроенъ алтарь съ преградой, украшенной колоннами. Налѣво отъ алтарныхъ вратъ рельефъ (?) изображающій ангела съ распростертыми крыльями, грубой работы. Впрочемъ, по словамъ автора замѣтки, въ грубости этой скорѣе виновата неудобообрабатываемая порода камня, чѣмъ неумѣлость мастера. Все остальное пространство пещеры наполняютъ loculi. Архитектурныя части обличаютъ подражаніе іонійскому стилю. Интересно было бы узнать что-либо болѣе положительное объ этой пещерѣ.

Отдѣленіе византійской иконографіи и зодчества. По слухамъ при аѳинскомъ Политехникумѣ предполагается открытіе отдѣленія византійской иконографіи и зодчества, такъ какъ на практикѣ оказывалось до сихъ поръ, что архитекторы и живописцы, кончающіе курсъ въ этомъ учебномъ заведеніи, совершенно неопытны въ этихъ двухъ отрасляхъ, тогда какъ на практикѣ постоянно требуются и иконописцы и церковные зодчіе, для которыхъ знаніе византійскаго стиля обязательно. По этому предмету началась переписка между министромъ культа и христіанской археологической етэріей.

Мозаика въ Дафни. При реставраціи мозаикъ Дафни, исполняемой итальянскимъ мозаичистомъ Ново, въ южной стѣнѣ нарѳика найдена подъ штукатуркою новая мозаика весьма плохо сохранившаяся. Судя по остаткамъ и по сличенію съ подобными же сюжетами въ «Перивлептосъ» въ Мистрѣ и съ описаніемъ аѳонскаго подлинника—это одна изъ апо-

крифическихъ сценъ дѣтства Богоматери, заимствованныхъ изъ протоевангелія Іакова, а именно сцена благословенія Младенца Маріи іереями. Трактовка ея проще чѣмъ въ болѣе позднихъ стѣнописяхъ Мистры и Аѳона. Сохранились фигуры Іоакима, держащаго на рукахъ Младенца Богоматерь, и Анны стоящей за нимъ, держащей одну руку подъ одеждою, а другую подымающей. Малая часть мозаики, гдѣ должны были быть изображены 3 іерея, сидящіе за столомъ, высыпалась.

А. Щ.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΩΝ ΤΟΥ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α΄.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

ΜΕΡΟΣ Β΄.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

ΜΕΡΟΣ Γ΄.

[illegible]

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ἑκάστου τούτων ἀποτελουμένου ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ $12^1/_2$ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Πᾶσα αἴτησις περὶ ἐκδόσεως, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsstrasse 20, Leipzig.

Ἐν Ἀνατολῇ προμηθεύεται τὸ περιοδικὸν διὰ τῶν ἑξῆς βιβλιοπωλῶν:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶ.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ ὄπισθεν σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = $12^1/_2$ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΡΙΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Γ' καὶ Δ'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ III.

ВЫП. 3 и 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig. K. L. Ricker, Königsstr. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО И ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

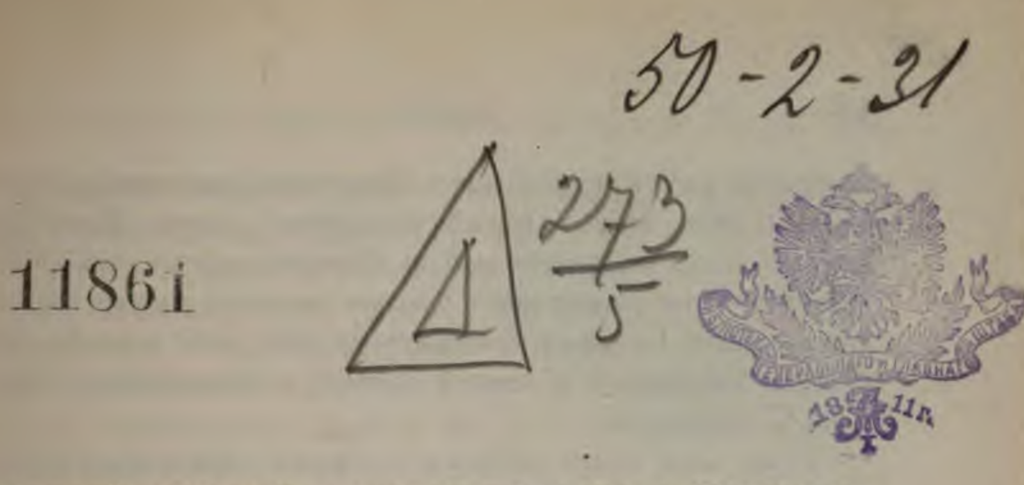
ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и $12^1/_2$ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

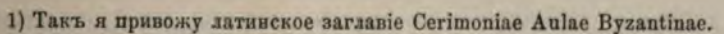
Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

Новый списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей.

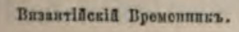
Еще недавно для исторіи церковныхъ празднествъ и богослуженія въ Константинопольскихъ церквахъ въ древнее время самымъ важнымъ и древнимъ памятникомъ считался Придворный Уставъ [1]) Константина Багрянороднаго съ его обрядами царскихъ выходовъ въ праздничные дни. Другихъ, болѣе полныхъ и древнихъ памятниковъ, въ которыхъ можно было бы найти перечень и картину церковныхъ празднествъ въ Константинополѣ, не было извѣстно. Потому покойный профессоръ Московской Духовной Академіи И. Д. Мансветовъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о церковномъ уставѣ, для изложенія церковныхъ празднествъ въ Константинополѣ, долженъ былъ, какъ главнымъ источникомъ, пользоваться Придворнымъ уставомъ [2]). А между тѣмъ Придворный уставъ, уже по самому своему назначенію и характеру, не могъ представлять полной и обстоятельной картины церковныхъ празднествъ даже одной Великой Церкви (св. Софіи), не говоря уже о другихъ столичныхъ храмахъ. Придворный уставъ, сообразно съ своимъ назначеніемъ служить руководствомъ для придворныхъ церемоній, царскихъ выходовъ и пріемовъ, заключаетъ въ себѣ естественно указанія только на тѣ церковные праздники, въ которые совершались царскіе выходы въ какой-нибудь храмъ въ сопровожденіи чиновъ синклита, т. е. выходы, болѣе или менѣе торжественные. А такіе выходы совершались только въ большіе Господскіе и Богородичные праздники, да въ нѣкоторые другіе дни, отмѣченные какимъ-нибудь важнымъ государственнымъ или придвор-

1) Такъ я привожу латинское заглавіе Cerimoniae Aulae Byzantinae.

2) *Мансветовъ*, Церковный уставъ, его образованіе и судьба. Москва, 1885, стр. 228 слѣд.

нымъ событіемъ, и ограничивались сравнительно немногими храмами. Хотя, на нашъ взглядъ, царскіе праздничные выходы совершались довольно часто, но, сравнительно съ цѣльнымъ кругомъ церковныхъ празднествъ, эти выходы даютъ указанія на весьма немногіе церковные праздники. Громадное большинство другихъ, менѣе важныхъ церковныхъ праздниковъ и памятей святыхъ въ Придворномъ уставѣ вовсе не упоминается.

То же самое нужно сказать и о церквахъ: Придворный уставъ упоминаетъ только тѣ храмы, въ которые царь съ синклитомъ дѣлалъ богомольные выходы или выѣзды. А такихъ храмовъ, кромѣ св. Софіи и дворцовыхъ церквей и евктиріевъ, было сравнительно очень немного, особенно, если не считать тѣхъ, которые упоминаются, какъ попутные, лежавшіе на пути царя въ тотъ или другой болѣе или менѣе отдаленный отъ Большого дворца храмъ. Множество другихъ церквей, евктиріевъ и монастырей, существовавшихъ во время составленія Придворнаго устава въ самомъ Константинополѣ и его предмѣстьяхъ, вовсе Придворнымъ уставомъ не упоминается.

Наконецъ, Придворный уставъ, имѣя въ виду дѣйствія царя и чиновъ во время выходовъ, очень скупо и сравнительно рѣдко даетъ указанія на дѣйствія патріарха и духовенства, т. е. мало говоритъ о ходѣ церковной службы, о ея порядкѣ и составѣ церковныхъ пѣснопѣній и чтеній въ тотъ или другой праздникъ. Эта уставная сторона, по понятнымъ причинамъ, всего менѣе затронута въ Придворномъ уставѣ и всего болѣе нуждается въ пополненіи и разъясненіи не только для общей картины богослуженія въ то время, но и даже для яснаго пониманія тѣхъ обрядовъ, которые мы находимъ въ Придворномъ уставѣ. Придворный уставъ нерѣдко говоритъ только, что, во время шествія царя и синклита, въ тотъ или другой праздникъ поется тропарь на гласъ такой-то, но тропаря не приводитъ, потому что онъ предполагается извѣстнымъ изъ церковнаго устава. Иногда приводятся начальныя слова тропаря или другого гимна, а не весь гимнъ, продолженіе котораго изъ другихъ дошедшихъ до насъ источниковъ неизвѣстно. Точно въ такомъ же положеніи часто оставляетъ насъ Придворный уставъ относительно разнаго рода богослуженій. Большею частью онъ ограничивается названіемъ того или другого богослуженія, литургіи, утрени, часовъ, водоосвященія, литіи, но ничего, или очень мало говоритъ о составѣ этихъ формъ богослуженія. А между тѣмъ для исторіи развитія церковнаго богослуженія и разно-

[о]бразныхъ его формъ это было бы очень нужно, такъ какъ извѣстный [н]амъ по позднѣйшимъ богослужебнымъ книгамъ составъ многихъ богослужебныхъ формъ во многомъ значительно отличается отъ состава ихъ [в]ъ Константинополѣ въ IX—X вв. по историческимъ и мѣстнымъ причинамъ, какъ отличается церковный календарь отъ современныхъ [н]амъ православныхъ календарей и отличался тогда отъ календарей [д]ругихъ православныхъ церквей. Историческія и мѣстныя Константинопольскія причины и обстоятельства создавали мѣстные праздники, [а] мѣстные пѣснопѣвцы составляли тропари и гимны на разные праздники; но многіе изъ этихъ праздниковъ и гимновъ, какъ имѣвшіе [и]сключительно мѣстный и притомъ временный интересъ, не вошли [п]отомъ въ общіе православные церковные календари, уставы и богослужебныя книги и потому до насъ не дошли и намъ остались неизвѣстны.

Такимъ образомъ, ни Придворный уставъ, ни другіе памятники не [д]аютъ болѣе или менѣе полнаго понятія о той степени развитія богослужебныхъ формъ, которой они достигли въ Византіи въ IX—X вв., [п]ослѣ иконоборческихъ волненій, въ эпоху новаго расцвѣта византійскаго царства и всѣхъ его элементовъ, въ эпоху частыхъ столкновеній [с]ъ Русью, а потомъ — мирныхъ религіозныхъ и культурныхъ воздѣйствій Византіи на Русь. А между тѣмъ для исторіи богослуженія вообще и для русскаго въ особенности полная и точная картина богослуженія въ Константинополѣ, какъ центрѣ не только политической, но и церковной жизни византійскаго царства, существенно необходима. Весьма [в]ажны точныя и ясныя литургическія и церковныя указанія какъ для [а]рхеолога вообще, такъ особенно для археолога, занимающагося изученіемъ придворнаго быта, участія царя и всего его синклита въ церковныхъ празднествахъ и торжествахъ, составлявшихъ, по условіямъ [и] характеру того времени, весьма видную сторону жизни царя и чиновъ и потому съ такою подробностью изложенныхъ въ Придворномъ [у]ставѣ.

Въ виду всего этого неудивительно, что наши литургисты и церковные археологи очень были обрадованы, когда нашелся на островѣ [П]атмѣ списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей, составленный въ первой половинѣ IX вѣка, и одинъ изъ нихъ, проф. [А]. Ѳ. Красносельцевъ, поспѣшилъ дать обстоятельный рефератъ объ [э]томъ типикѣ въ Византійскомъ отдѣленіи Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, вып. II,

1*

нымъ событіемъ, и ограничивались сравнительно немногими храмами. Хотя, на нашъ взглядъ, царскіе праздничные выходы совершались довольно часто, но, сравнительно съ цѣльнымъ кругомъ церковныхъ празднествъ, эти выходы даютъ указанія на весьма немногіе церковные праздники. Громадное большинство другихъ, менѣе важныхъ церковныхъ праздниковъ и памятей святыхъ въ Придворномъ уставѣ вовсе не упоминается.

То же самое нужно сказать и о церквахъ: Придворный уставъ упоминаетъ только тѣ храмы, въ которые царь съ синклитомъ дѣлалъ богомольные выходы или выѣзды. А такихъ храмовъ, кромѣ св. Софіи и дворцовыхъ церквей и евктиріевъ, было сравнительно очень немного, особенно, если не считать тѣхъ, которые упоминаются, какъ попутные, лежавшіе на пути царя въ тотъ или другой болѣе или менѣе отдаленный отъ Большого дворца храмъ. Множество другихъ церквей, евктиріевъ и монастырей, существовавшихъ во время составленія Придворнаго устава въ самомъ Константинополѣ и его предмѣстьяхъ, вовсе Придворнымъ уставомъ не упоминается.

Наконецъ, Придворный уставъ, имѣя въ виду дѣйствія царя и чиновъ во время выходовъ, очень скупо и сравнительно рѣдко даетъ указанія на дѣйствія патріарха и духовенства, т. е. мало говоритъ о ходѣ церковной службы, о ея порядкѣ и составѣ церковныхъ пѣснопѣній и чтеній въ тотъ или другой праздникъ. Эта уставная сторона, по понятнымъ причинамъ, всего менѣе затронута въ Придворномъ уставѣ и всего болѣе нуждается въ пополненіи и разъясненіи не только для общей картины богослуженія въ то время, но и даже для яснаго пониманія тѣхъ обрядовъ, которые мы находимъ въ Придворномъ уставѣ. Придворный уставъ нерѣдко говоритъ только, что, во время шествія царя и синклита, въ тотъ или другой праздникъ поется тропарь на гласъ такой-то, но тропаря не приводитъ, потому что онъ предполагается извѣстнымъ изъ церковнаго устава. Иногда приводятся начальныя слова тропаря или другого гимна, а не весь гимнъ, продолженіе котораго изъ другихъ дошедшихъ до насъ источниковъ неизвѣстно. Точно въ такомъ же положеніи часто оставляетъ насъ Придворный уставъ относительно разнаго рода богослуженій. Большею частью онъ ограничивается названіемъ того или другого богослуженія, литургіи, утрени, часовъ, водоосвященія, литіи, но ничего, или очень мало говоритъ о составѣ этихъ формъ богослуженія. А между тѣмъ для исторіи развитія церковнаго богослуженія и разно-

образныхъ его формъ это было бы очень нужно, такъ какъ извѣстный намъ по позднѣйшимъ богослужебнымъ книгамъ составъ многихъ богослужебныхъ формъ во многомъ значительно отличается отъ состава ихъ въ Константинополѣ въ IX—X вв. по историческимъ и мѣстнымъ причинамъ, какъ отличается церковный календарь отъ современныхъ намъ православныхъ календарей и отличался тогда отъ календарей другихъ православныхъ церквей. Историческія и мѣстныя Константинопольскія причины и обстоятельства создавали мѣстные праздники, а мѣстные пѣснопѣвцы составляли тропари и гимны на разные праздники; но многіе изъ этихъ праздниковъ и гимновъ, какъ имѣвшіе исключительно мѣстный и притомъ временный интересъ, не вошли потомъ въ общіе православные церковные календари, уставы и богослужебныя книги и потому до насъ не дошли и намъ остались неизвѣстны.

Такимъ образомъ, ни Придворный уставъ, ни другіе памятники не даютъ болѣе или менѣе полнаго понятія о той степени развитія богослужебныхъ формъ, которой они достигли въ Византіи въ IX—X вв., послѣ иконоборческихъ волненій, въ эпоху новаго расцвѣта византійскаго царства и всѣхъ его элементовъ, въ эпоху частыхъ столкновеній съ Русью, а потомъ — мирныхъ религіозныхъ и культурныхъ воздѣйствій Византіи на Русь. А между тѣмъ для исторіи богослуженія вообще и для русскаго въ особенности полная и точная картина богослуженія въ Константинополѣ, какъ центрѣ не только политической, но и церковной жизни византійскаго царства, существенно необходима. Весьма важны точныя и ясныя литургическія и церковныя указанія какъ для археолога вообще, такъ особенно для археолога, занимающагося изученіемъ придворнаго быта, участія царя и всего его синклита въ церковныхъ празднествахъ и торжествахъ, составлявшихъ, по условіямъ и характеру того времени, весьма видную сторону жизни царя и чиновъ и потому съ такою подробностью изложенныхъ въ Придворномъ уставѣ.

Въ виду всего этого неудивительно, что наши литургисты и церковные археологи очень были обрадованы, когда нашелся на островѣ Патмѣ списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей, составленный въ первой половинѣ IX вѣка, и одинъ изъ нихъ, проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ, поспѣшилъ дать обстоятельный рефератъ объ этомъ типикѣ въ Византійскомъ отдѣленіи Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, вып. II,

Одесса, 1892, стр. 156—254. Изъ этого реферата видно, что Патмосскій списокъ Константинопольскаго церковнаго устава имѣетъ не только ограниченное значеніе для исторіи церковнаго устава и богослуженія, но весьма важенъ и для топографіи и статистики церквей и монастырей въ Константинополѣ въ IX в., а потому представляетъ большой интересъ не только для литургистовъ и церковныхъ археологовъ, но и для археологовъ-византинистовъ вообще [1]).

Первостепенная важность Патмосскаго литургическаго памятника побудила другого нашего литургиста, доц. Кіевской Духовной Академіи, Алекс. Аѳ. Дмитріевскаго, съ необыкновенною энергіею и настойчивостью давно изучающаго по рукописнымъ памятникамъ исторію церковнаго устава, отправиться на о. Патмосъ и сдѣлать полную и точную копію списка Константинопольскаго церковнаго устава, для изданія его во главѣ литургическихъ памятниковъ, которые были собраны и приготовлены къ печати г. Дмитріевскимъ ранѣе открытія Патмосскаго списка. Теперь древнѣйшій уставъ Константинопольскихъ церквей уже отпечатанъ г. Дмитріевскимъ и скоро будетъ изданъ въ свѣтъ въ началѣ перваго тома сборника литургическихъ памятниковъ. Благодаря любезной предупредительности г. Дмитріевскаго, приславшаго мнѣ отдѣльные листы уже отпечатанныхъ памятниковъ, я получилъ возможность ознакомиться съ Патмосскимъ спискомъ не только по реферату проф. Красносельцева, но и по полному печатному тексту устава [2]).

Знакомство съ текстомъ найденнаго на о. Патмосѣ церковнаго устава убѣждаетъ въ справедливости заключеній проф. Красносельцева относительно значенія этого списка для исторіи церковнаго устава и Византійской археологіи вообще. Вмѣсто отрывочныхъ и случайныхъ указаній на церковныя праздества, которыя даетъ намъ Придворный уставъ Константина Багрянороднаго, мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе полную картину церковныхъ празднествъ въ Константинополѣ въ IX в. съ указаніемъ хода и состава церковныхъ службъ, съ довольно частыми указаніями на мѣсто празднества.

---

1) Статья проф. Красносельцева носитъ заглавіе: Типикъ св. Софіи въ IX в. Ср. о ней мою рецензію въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, октябрь, стр. 363—379.

2) Статья эта была написана осенью прошлаго года; теперь первая часть перваго тома издаваемыхъ памятниковъ вышла уже въ свѣтъ и составляетъ большую книгу и такую интересную и важную по содержанію, какія выходятъ у насъ рѣдко и какія, содержа массу матеріаловъ для разныхъ изслѣдованій, долго не забываются.

Царскіе выходы въ храмы въ разные праздники, описанные въ Придворномъ уставѣ, получаютъ объясненіе и оказываются очень незначительными, сравнительно съ числомъ празднествъ и крестныхъ ходовъ, совершавшихся въ Константинополѣ въ то время, когда такъ называемые «соборы» въ честь святыхъ (συνάξεις) соединялись нерѣдко съ крестными ходами, въ которыхъ участвовалъ даже патріархъ, и когда существовали многія другія особенности въ богослуженіи. Наши литургисты, безъ сомнѣнія, обратятъ вниманіе на эти особенности богослуженія въ Константинополѣ и объяснятъ ихъ надлежащимъ образомъ.

Предоставляя спеціалистамъ рѣшеніе чисто литургическихъ вопросовъ, обыкновенный читатель не можетъ однакожъ не замѣтить при чтеніи устава Константинопольскихъ церквей, что небольшіе евктиріи и придѣльные храмы въ честь святыхъ въ Константинополѣ далеко не имѣли того значенія, какое имѣли большіе храмы въ честь Спасителя, пресв. Богородицы и нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ святыхъ, въ честь которыхъ построены были большіе храмы, церкви (Ἐκκλησίαι). Въ маленькихъ евктиріяхъ и придѣльныхъ храмахъ, пристроенныхъ къ другимъ храмамъ или въ нихъ устроенныхъ, богослуженіе совершалось, очевидно, сравнительно очень рѣдко, а въ нѣкоторыхъ, быть можетъ, случаяхъ, ограничивалось днемъ памяти святыхъ, въ честь которыхъ храмъ построенъ, и днемъ ихъ освященія.

Тогда еще ясно различались молитвенные дома въ честь святыхъ мучениковъ (μαρτύρια), пророковъ (προφητεῖα), апостоловъ (ἀποστολεῖα) отъ общихъ храмовъ (αἱ καθολικαὶ ἐκκλησίαι) и монастырскихъ церквей (μοναί), и только въ послѣднихъ двухъ видахъ церквей были свои собственные клиры и богослуженіе совершалось или каждый день, или довольно часто, между тѣмъ какъ въ молитвенныхъ домахъ богослуженіе ограничивалось днями «соборовъ», или какими другими особенными обстоятельствами. Потому, при рѣшеніи вопроса о числѣ церквей въ Константинополѣ, это обстоятельство нужно всегда имѣть въ виду и не переносить понятій о церквахъ вообще, которыя имѣемъ мы, на ту эпоху, когда церкви въ нашемъ смыслѣ, приходскія и соборныя, иногда называвшіяся въ Константинополѣ и другихъ городахъ всеобщими (καθολικαί) [1]), отличались отъ молитвенныхъ домовъ

1) Объ отличіи приходскихъ, епископскихъ, монастырскихъ церквей отъ евктиріевъ, см. Дюканжъ, Gloss. Gr. s. v. καθολικός.

(εὐκτήρια) разныхъ наименованій. Не говоря о домовыхъ и дворцовыхъ евктиріяхъ, которыхъ было, по всей вѣроятности, много и которые были невелики по своей вмѣстимости, весьма многіе не домовые евктиріи, придѣльные и самостоятельные, были безъ сомнѣнія очень малы и съ нашей точки зрѣнія не могли быть названы церквами, а часовнями или молельнями. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы должны значительно, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ на половину, сократить число церквей въ Константинополѣ, хотя число евктиріевъ съ открытіемъ новыхъ источниковъ будетъ все увеличиваться, благодаря упоминаніямъ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ молитвенныхъ домовъ, посвященныхъ памяти тѣхъ или другихъ святыхъ [1]).

Патмосскій списокъ устава Константинопольскихъ церквей дѣлаетъ указанія на нѣсколько такихъ евктиріевъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, и нѣсколько пополняетъ ихъ списокъ, а еще больше опредѣляетъ мѣсто уже прежде извѣстныхъ по названію евктиріевъ, но неизвѣстно гдѣ находившихся [2]). Проф. Красносельцевъ воспользовался нѣкоторыми изъ этихъ новыхъ данныхъ относительно Константинопольскихъ церквей и евктиріевъ и сдѣлалъ нѣсколько очень удачныхъ и вѣрныхъ дополненій и поправокъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлись раньше. Къ сожалѣнію, Патмосскій списокъ написанъ очень плохо и заключаетъ въ себѣ массу явныхъ ошибокъ, частью легко поправимыхъ, частью не поддающихся неоспоримому исправленію безъ другихъ подобныхъ памятниковъ. Да и самый оригиналъ этого устава, представляя собою одну изъ раннихъ попытокъ систематическаго синаксаря на весь годъ, не отличался полнотою и точностью какъ относительно памятей святыхъ и жизни ихъ, такъ и относительно мѣстъ празднованія ихъ памятей. Писецъ, дѣлавшій Патмосскую копію и, быть можетъ, имѣвшій предъ собою не хорошо написанный оригиналъ, а плохую копію, весьма многія названія написалъ въ искаженномъ видѣ, не зная, очевидно, тѣхъ названій, которыя ему пришлось копировать. Проф. Красносельцевъ справедливо жалуется на эти искаженія и го-

1) О числѣ храмовъ въ Константинополѣ и разныхъ названіяхъ ихъ см. Дюканжа Const. Christ., lib. III, p. 2—3. Ср. *Кондакова* Церкви Константинополя, Одесса, 1886, стр. 4 и 5. Въ виду того, что значительная часть евктиріевъ помѣщалась или въ домахъ или въ другихъ церквахъ, собственно церквей (Ἐκκλησίαι καθολικαί) было едва ли такъ много, какъ думаетъ Дюканжъ, который число церквей называетъ immensus, ingens, ultra quam. credi potest etc.

2) См. вышеуказанную статью проф. Красносельцева, стр. 180 слѣд.

воритъ, что нѣкоторыя указанія Патмосскаго списка онъ долженъ былъ опустить вслѣдствіе ихъ неудобочитаемости. Кромѣ искаженія названій въ Патмосскомъ спискѣ встрѣчаются нерѣдко очевидные пропуски и ошибки, благодаря которымъ получаются безсмысленныя чтенія, приводящія изслѣдователя въ недоумѣніе. Нѣкоторыя изъ этихъ безсмыслицъ проф. Красносельцеву удалось понять и разъяснить правильно, нѣкоторыя такъ и остались неразъясненными и только дразнили изслѣдователя своею непонятностью, подъ которою скрывалось, быть можетъ, новое интересное указаніе.

Алекс. Аѳ. Дмитріевскій, при изданіи Константинопольскаго церковнаго устава, естественно, долженъ былъ встрѣтиться еще съ большимъ количествомъ неудобочитаемыхъ и неудобопонимаемыхъ мѣстъ Патмосскаго списка и не могъ ихъ обходить или пропускать, какъ могъ легко сдѣлать проф. Красносельцевъ въ своемъ рефератѣ; издателю необходимо было такъ или иначе исправить и прочитать все сподрядъ. Во многихъ мѣстахъ въ этомъ отношеніи помогли доц. Дмитріевскому другіе списки или цѣлыхъ уставовъ или ихъ частей; во многихъ онъ самъ поправлялъ ошибочныя и легко поправимыя чтенія Патмосскаго списка, но много мѣстъ такъ и остались не исправленными и не прочитанными, какъ слѣдуетъ, за неимѣніемъ данныхъ для надлежащаго возстановленія первоначальнаго чтенія.

Такимъ образомъ, по многимъ причинамъ, заключающимся частью въ оригиналѣ Патмосскаго списка, частью въ испорченности самаго списка и его неполнотѣ, приходилось желать открытія другого подобнаго, но лучшаго списка. И такой списокъ дѣйствительно есть въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ, въ томъ ея отдѣлѣ, который составился изъ рукописей, находившихся въ монастырѣ св. Креста и при патріархѣ Никодимѣ перенесенныхъ въ патріаршую библіотеку[1]). Приводя въ порядокъ и составляя каталогъ рукописей патріаршей библіотеки, Аѳ. Ив. Пападопуло-Керамевсъ понялъ значеніе этого списка и сдѣлалъ изъ него выписки, въ которыя вошло все то, что казалось г. Пападопуло-Керамевсу интереснымъ и важнымъ; особенно при этихъ выпискахъ обращено было вниманіе на церемоніальную, календарную и топографическую часть устава. Въ бытность свою

1) Краткую исторію собиранія этой замѣчательной библіотеки см. въ предисловіи къ I тому Каталога этой библіотеки, составленнаго г. Пападопуломъ-Керамевсомъ и на греческомъ языкѣ издаваемаго имъ же на средства Императорскаго Палестинскаго общества. Ср. мою рецензію на I томъ Каталога въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, № 5, стр. 190 слѣд.

въ Петербургѣ въ маѣ прошлаго (1894) года, изъ бесѣды съ г. Керамевсомъ я узналъ, что у него имѣется списокъ устава, подобнаго найденному на о. Патмосѣ и принадлежащаго времени Константина VII. Г. Пападопуло-Керамевсъ прочиталъ мнѣ нѣсколько страницъ изъ своего списка, которыя мнѣ показались очень интересными и важными какъ по топографическимъ, такъ и церемоніальнымъ свѣдѣніямъ, въ нихъ заключающимся, что заставило меня желать изданія этого списка. Между тѣмъ изъ Петербурга я отправился чрезъ Константинополь въ Палестину вмѣстѣ съ профессоромъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ и тамъ мы, по указанію библіотекаря архидіакона Іустина, обратили вниманіе и сдѣлали кое-какія краткія выписки изъ того самаго списка, изъ котораго сдѣлалъ свои извлеченія Пападопуло-Керамевсъ, не зная навѣрно, но догадываясь, что изъ этого именно списка взяты извлеченія г. Керамевса. Для насъ несомнѣнно было только то, что Іерусалимскій списокъ устава Константинопольской церкви имѣетъ большое сходство съ Патмосскимъ, но гораздо полнѣе его и лучше написанъ. Сравнить Іерусалимскій списокъ съ Патмосскимъ мы не могли, потому что съ нами копіи Патмосскаго списка не было. Прочитавъ Іерусалимскій кодексъ, мы убѣдились въ его важномъ значеніи и принадлежности его времени Константина Багрянороднаго.

Сходство въ описаніи тѣхъ празднествъ и выходовъ, съ которыми меня познакомилъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ по своимъ извлеченіямъ, и принадлежность ко времени Константина Багрянороднаго заставили насъ думать, что извлеченія изъ устава Константинопольскихъ церквей, сдѣланныя г. Керамевсомъ, сдѣланы именно изъ этого Іерусалимскаго списка. Сношенія относительно этого вопроса, по возвращеніи въ Россію, съ г. Керамевсомъ вполнѣ подтвердили эту догадку. Это извѣстіе было тѣмъ болѣе пріятно, что мы съ проф. Красносельцевымъ, признавая Іерусалимскій списокъ вполнѣ заслуживающимъ изданія, если не вполнѣ, то въ подробныхъ извлеченіяхъ, сами, за неимѣніемъ нужнаго для этого времени, не могли сдѣлать такихъ извлеченій, какія были нужны для того, чтобы познакомить ученый міръ со всѣмъ тѣмъ археологическимъ и литургическимъ матеріаломъ, который въ Іерусалимскомъ спискѣ заключается, такъ какъ списокъ этотъ оказался очень объемистымъ и заключающимъ въ себѣ массу интереснаго матеріала.

Въ то время, когда мы занимались просмотромъ Іерусалимскаго

списка Константинопольскаго церковнаго устава, А. И. Пападопуло-Керамевсъ печаталъ въ Петербургѣ на средства Императорскаго Русскаго Палестинскаго общества III томъ своего каталога Іерусалимской патріаршей библіотеки греческихъ рукописей. Въ этомъ томѣ, который, вѣроятно, скоро выйдетъ въ свѣтъ, будетъ заключаться описаніе части патріаршей Іерусалимской библіотеки, поступившей туда изъ монастыря св. Креста и носящей и въ составѣ патріаршей библіотеки названіе библіотеки св. Креста. Такъ какъ списокъ устава Константинопольскихъ церквей помѣченъ № 40 и описаніе его уже напечатано, то авторъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ мнѣ это описаніе, которое совершенно согласно съ моими свѣдѣніями о рукописи, за исключеніемъ времени написанія оригинала устава и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ.

Почтенный составитель каталога называетъ занимающій насъ кодексъ синаксаремъ или типикомъ Константинопольской церкви. Хотя общаго заглавія рукопись не имѣетъ, но содержаніе ея заставляетъ предполагать такое заглавіе[1]). Назвать Іерусалимскій кодексъ типикомъ Великой Церкви, т. е. св. Софіи, какъ назвалъ проф. Красносельцевъ Патмосскій списокъ, едва ли можно. И тотъ и другой списки содержатъ уставъ не одной Великой церкви, а всѣхъ вообще Константинопольскихъ храмовъ и евктиріевъ. Св. Софія, какъ главный, патріаршій храмъ, конечно, упоминается чаще и больше другихъ, какъ мѣсто «соборовъ» и какъ исходный пунктъ крестныхъ ходовъ, совершавшихся изъ нея въ какой-нибудь другой храмъ, въ которомъ бывалъ «соборъ» и богослуженіе въ честь того или другого праздника или святаго; но св. Софія является на ряду съ другими храмами и только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ ней происходило или начиналось праздничное богослуженіе. Потому, синаксарь и типикъ, представляющій собою указатель церковныхъ торжествъ и богослуженій въ Константинопольскихъ церквахъ вообще, никоимъ образомъ не можетъ считаться уставомъ одной св. Софіи, а долженъ быть на-

---

1) Въ рукописи заглавнаго листа нѣтъ, и синаксарь начинается прямо сентябремъ: Μηνὶ σεπτεμβρίῳ α′ τοῦ ἁγίου Συμεὼν τοῦ στυλίτου καὶ σύναξις τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῶν Μιασινῶν καὶ μνήμη τῶν ἁγίων μ′ γυναικῶν μαρτύρων ἀσκητριῶν καὶ τῶν μαρτύρων Ἀειθαλᾶ καὶ Ἀμμῶν. Всѣ эти слова такъ стерлись и поблѣднѣли, что могутъ быть прочитаны съ трудомъ, да и то при знакомствѣ съ именами тѣхъ святыхъ, память которыхъ празднуется 1 сентября. Вторая часть синаксаря (тріодь), также не имѣетъ начала и общаго заглавія, потому и здѣсь нельзя найти, какъ собственно оригиналъ списка назывался.

званъ уставомъ Константинопольскихъ церквей или Константинопольской церкви въ собирательномъ смыслѣ, какъ и назвалъ его г. Пападопуло-Керамевсъ. По этимъ же соображеніямъ нельзя признать правильнымъ и то заглавіе, которое далъ Патмосскому списку въ своемъ изданіи доц. А. А. Дмитріевскій, который назвалъ его Типикомъ Великой Константинопольской церкви, такъ какъ Великою Церковью (ἡ Μεγάλη ἐκκλησία) называется всегда, сколько мнѣ извѣстно, какъ въ уставахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ, когда рѣчь идетъ о Константинополѣ и его храмахъ, только храмъ св. Софіи, а не всѣ вообще и въ совокупности церкви Константинополя.

Рукопись Константинопольскаго устава состоитъ изъ 246 пергаменныхъ хорошо отдѣланныхъ листовъ 0,277 метра длины, 0,21 м. ширины. Нѣкоторыя тетради при переплетѣ перепутаны, что и отмѣчено какимъ-то позднѣйшимъ читателемъ внизу перепутанныхъ тетрадей, который тутъ же указалъ, гдѣ нужно искать слѣдующихъ по правильному порядку тетрадей. Всѣхъ тетрадей въ рукописи 31; последній листъ 27 тетради, на которомъ написанъ былъ конецъ августа и начало постной Тріоди, выпалъ давно. Вся рукопись мѣстами съ краевъ и концовъ пострадала отъ сырости, вслѣдствіе чего нѣкоторыя мѣста текста вымокли и стали неудобочитаемы. Но въ остальномъ рукопись очень хорошо сохранилась и читается весьма легко, такъ какъ написана она прекрасно, четкою и ясною скорописью, по всей вѣроятности, въ XI вѣкѣ. Подписной ι въ ней совсѣмъ нѣтъ, а въ остальномъ она написана довольно правильно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сравнительно маловажныхъ орѳографическихъ ошибокъ въ словахъ, особенно въ названіяхъ.

Эти ошибки, по большей части легко исправимыя при помощи того же устава или другихъ подобныхъ памятниковъ, особенно Патмосскаго списка, ясно показываютъ, что Іерусалимскій кодексъ списанъ съ другой рукописи, въ которой эти слова написаны были частью не ясно, частью съ сокращеніями, неразобранными переписчикомъ[1]).

1) Пропуская орѳографическія ошибки, которыхъ особенно много въ придыханіяхъ и удареніяхъ, укажу нѣсколько болѣе важныхъ, которыя мнѣ случайно попались. 2 декабря τὰ ἐγχαίνια τοῦ ναοῦ τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος ἐν ἐπιμόνιαν ἁγίων ἐκκλησιῶν. 24 декабря ὅτε φθάση ἡ Λιτὴ εἰς τὸν ἄρθηκα. 7 янв.... σύναξις ἐν τοῖς Σπαχίου (нѣсколько разъ безъ знака сокращенія вмѣсто Σπαραχίου). 4 декабря πόλεως Δασκοῦ вмѣсто Δαμασκοῦ. 26 янв.... ἀπέρχονται ἐν τῷ φόρω σμίω οἴκω τῆς ἀχρ.... θεοτόκου Μαρίας и т. п. Кромѣ того, въ Іерусалимскомъ спискѣ имѣется довольно

Но зато, съ другой стороны, Іерусалимскій списокъ, написанный вообще несравненно лучше и правильнѣе Патмосскаго, позволяетъ сдѣлать множество поправокъ въ этомъ послѣднемъ, который написанъ безграмотнымъ писцомъ и изобилуетъ ошибками, какъ въ названіяхъ мѣстъ и вообще въ написаніи собственныхъ именъ, такъ и въ текстѣ устава[1]).

Если списокъ устава сдѣланъ въ XI в., то оригиналъ его написанъ несомнѣнно въ X в., въ послѣдніе годы царствованія Константина Багрянороднаго, сына Льва VI Мудраго. Ученый составитель каталога рукописей Іерусалимской патріаршей библіотеки А. И. Пападопуло-Керамевсъ въ описаніи занимающаго насъ кодекса говоритъ, что оригиналъ устава или синаксаря написанъ между 945 и 950 г. Къ этому заключенію его приводитъ то обстоятельство, что въ синаксарѣ изъ патріарховъ, бывшихъ при Константинѣ VII, упоминается послѣднимъ Трифонъ, а памяти Θеофилакта, скончавшагося въ 956 году, еще нѣтъ. Къ сожалѣнію, г. Пападопуло-Керамевсъ упустилъ изъ виду, что, кромѣ памятей патріарховъ, для опредѣленія времени написанія устава могутъ служить и другія событія, упоминаемыя въ уставѣ. Такимъ событіемъ въ нашемъ спискѣ устава является перенесеніе мощей св. Григорія Богослова въ 950 г. Въ Іерусалимскомъ спискѣ устава подъ 25 января сказано: Μνήμη τ. ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου... Τελεῖται δὲ ἡ αὐτοῦ σύναξις ἐν τῇ ἁγιωτάτῃ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν τῷ μαρτυρείῳ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας ἐν τοῖς Δομνίνου ἐμβόλοις καὶ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῶν ἁγίων ἀποστόλων τῶν μεγάλων,

---

много мѣстъ, въ которыхъ написанное отъ времени и сырости выцвѣло до такой степени, что разобрать текстъ или довольно трудно, или совершенно невозможно, если не прибѣгнуть къ другимъ подобнымъ памятникамъ.

1) Возьмемъ для примѣра нѣсколько случаевъ на удачу: 20 мая ἐγκαίνια τοῦ εὐκτηρίου τῶν ἁγίων πάντων ἐν Βούλῳ вмѣсто ἐν τῷ Ζενῶνι τοῦ Εὐβούλου. Подъ 9 январемъ стоитъ: ἄθλησις τοῦ ἁγίου μάρτ. Πολυεύκτου καὶ τοῦ μεγ. σεισμοῦ ἐπὶ Δεκίου καὶ Οὐαλεριανοῦ βασιλέων вмѣсто ἄθλ. τ. ἁγ. μ. Πολυεύκτου ἐπὶ Δεκ. καὶ Οὐαλερ. βασιλ. καὶ μεγ. σεισμοῦ ἐν ἀρχῇ τῆς βασιλείας Βασιλείου (см. объ этомъ ниже). Довольно часто пишется ἐν τῷ Σηροκέρκῳ вмѣсто Ξηροκ.... Интересное, но непонятное въ Патмосскомъ спискѣ мѣсто относительно чтенія Евангелія въ Пасхальную утреню (въ изданіи Дмитріевскаго, стр. 136), въ Іерусалимскомъ спискѣ изложено совершенно ясно и понятно. Изъ него видно, что Евангеліе это сначала читалось діакономъ на латинскомъ языкѣ, потомъ патріархъ читалъ его на греческомъ въ алтарѣ, а архидіаконъ, стоя на амвонѣ, повторялъ громкимъ голосомъ за патріархомъ по стиху или періоду, чтобы всѣ присутствующіе слышали слова Евангелія. Подобное повтореніе Евангелія за патріархомъ бывало и во время крестныхъ ходовъ, когда патріарху приходилось читать Евангеліе на открытомъ мѣстѣ, гдѣ публика могла плохо слышать слова патріарха.

ἔνθα τὰ τίμια αὐτοῦ λείψανα Κωνσταντῖνος ὁ φιλόχριστος καὶ εὐσεβὴς βασιλεὺς ἡμῶν, κομίσας ἐξ Ἀριάνζου τῆς Καππαδοκῆς χώρας, κατέθηκεν. Изъ этого мѣста ясно видно, что 1) уставъ написанъ при жизни Константина Багрянороднаго, который называется «нашимъ царемъ», т. е. теперь царствующимъ, и 2) что уставъ написанъ послѣ перенесенія мощей Григорія Богослова царемъ Константиномъ. А такъ какъ перенесеніе мощей св. Григорія совершилось не ранѣе 950 г., то ясно, что уставъ написанъ не до, а послѣ 950 г.[1]). Отсутствіе памяти патріарха Θеофилакта, скончавшагося 956 г., можетъ указывать, что уставъ написанъ до его кончины. Такимъ образомъ, оригиналъ Іерусалимскаго списка устава былъ написанъ не между 945 и 950 г., какъ думаетъ г. Пападопуло-Керамевсъ, а между 950 и 956 г.

Такъ какъ время написанія устава, благодаря этимъ хронологическимъ даннымъ и указаніямъ на Константина VII Багрянороднаго, какъ царствующаго еще царя, не подлежитъ сомнѣнію, то, безъ всякаго риска сдѣлать ошибку, можно сказать, что предисловіе или посвященіе составителя его, приложенное къ уставу и находящееся въ концѣ Іерусалимскаго списка, обращено именно къ этому царю, котораго составитель устава восхваляетъ и прославляетъ за его любовь къ книгамъ и наукамъ и ставитъ выше другихъ царей, бывшихъ до него, за его необыкновенную дѣятельность и трудолюбіе. Составитель говоритъ въ этомъ обращеніи къ царю, что царь, быть можетъ, слишкомъ много думая о способностяхъ и познаніяхъ составителя, поручилъ ему составить краткое обозрѣніе жизни всѣхъ святыхъ, память которыхъ церковь чтитъ въ теченіе всего года. Хотя онъ и не чувствовалъ себя способнымъ къ такому важному и большому труду, тѣмъ болѣе что мало находилъ подготовительныхъ работъ, въ которыхъ бы истина была бы отдѣлена отъ заблужденій, тѣмъ не менѣе,

1) Обыкновенно это событіе относится къ 950 г., но Муральтъ въ Chron. Byz. перенесеніе мощей св. Григорія Богослова помѣщаетъ 956 г. на основаніи Симеона Магистра, у котораго объ этомъ говорится послѣ извѣстія о смерти патріарха Θеофилакта и назначеніи на его мѣсто Поліевкта. Сказавши о назначеніи Поліевкта Симеонъ Магистръ говоритъ, что тогда (τότε) перенесены были въ храмъ св. Апостоловъ апостольскія одежды καὶ τὰ λείψανα τοῦ θεολόγου Γρηγορίου, ἃ καὶ μερισθέντα τὰ μὲν ἐν τῷ σηκῷ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων ἐτέθησαν, τὰ δὲ ἐν τῷ ναῷ τῆς ἁγίας μάρτυρος Ἀναστασίας (Sym. Mag. p. 755 ed. Bonn.). Къ сожалѣнію, изъ «τότε» нельзя навѣрное заключить, совершилось ли перенесеніе мощей св. Григорія Богослова до или послѣ смерти патріарха Θеофилакта. Отсутствіе его памяти въ нашемъ синаксарѣ говоритъ, повидимому, въ пользу «до».

считая безусловно необходимымъ повиноваться приказанію царя, онъ взялся за этотъ трудъ и составилъ, на основаніи прежнихъ трудовъ, краткія жизнеописанія святыхъ, въ которыхъ онъ указалъ, кто они были, когда жили, при комъ и какъ пострадали. При этомъ составитель, по скромному его заявленію, не заботился о краснорѣчіи, да и не могъ сравнять силу своей рѣчи съ величіемъ описываемыхъ подвиговъ и страданій св. мучениковъ, а заботился только о правдѣ, ясности и понятности.

Изъ этого предисловія явствуетъ, что занимающій насъ синаксарь или уставъ константинопольскихъ церквей составленъ *по прямому приказанію царя*, который хотя и не названъ, но имя и время котораго можно опредѣлить на основаніи самаго устава, т. е. по приказанію Константина VII Багрянороднаго. Въ этомъ случаѣ хронологическія данныя и показанія устава вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что мы знаемъ о литературной и ученой дѣятельности Константина VII. Извѣстно, что этотъ царь, лучшіе годы своего царствованія не занимавшійся дѣлами управленія, вслѣдствіе узурпаціи своего тестя, Романа I Лакапина, на свободѣ усердно занимался науками и любилъ книги. Сдѣлавшись самостоятельнымъ правителемъ (автократоромъ), послѣ ссылки Романа и его сыновей, Константинъ имѣлъ возможность сдѣлать для науки еще болѣе, чѣмъ прежде, привлекая къ ученой и литературной дѣятельности способныхъ къ тому людей и поручая имъ составленіе разнообразнаго содержанія сочиненій и руководствъ. Извѣстно, что результатомъ такой дѣятельности была цѣлая масса литературныхъ трудовъ, вызванныхъ на свѣтъ иниціативою и прямыми заказами ученаго царя[1]).

Весьма вѣроятно, что къ такого рода произведеніямъ, составленнымъ по приказанію царя Константина VII, принадлежитъ и Придворный уставъ (Cerimoniae), въ которомъ собраны большею частію прежнія церемоніальныя записи и прибавлено нѣсколько новыхъ, современныхъ Константину относительно случаевъ, не записанныхъ въ прежнихъ сборникахъ и отдѣльныхъ церемоніалахъ. Въ предисловіи къ II книгѣ своихъ Byzantina я старался показать, что Придворный уставъ, по самому своему содержанію, не могъ быть дѣломъ рукъ

---

1) О литературной дѣятельности царя Константина VII Багрянороднаго и написанныхъ подъ его руководствомъ историческихъ сборникахъ и справочныхъ книгахъ см. *Rambaud*, L'Empire grec au X siècle, Paris, 1870, p. 51 слѣд. Ср. *Krumbacher*, Byzantin. Literaturgeschichte, S. 59 слѣд.

одного лица, а состоитъ изъ обрядовъ и цѣлыхъ сборниковъ, составленныхъ большею частію гораздо раньше Константина Багрянороднаго придворными церемоніймейстерами[1]). Работа самого Константина могла ограничиваться руководствомъ, редакціею и предисловіями, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы сборникъ носилъ имя царя, вызвавшаго на свѣтъ цѣльный и такой полный сборникъ, какого прежде еще не было.

Но въ этомъ сборникѣ придворныхъ церемоній первое мѣсто занимаютъ обряды царскихъ выходовъ въ храмы придворные и городскіе какъ по случаю важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, такъ и въ воспоминаніе нѣкоторыхъ историческихъ событій и лицъ, въ память которыхъ церковью установлены были торжественныя богослуженія и крестные ходы. Такимъ образомъ, для византійскихъ церемоніймейстеровъ (ὁ τῆς καταστάσεως) и препозитовъ необходимо было имѣть справочную книгу съ указаніемъ, когда церковь празднуетъ то или другое событіе, чтобы доложить объ этомъ царю и испросить его разрѣшеніе на торжественный выходъ и повѣстить объ этомъ сановникамъ и чиновникамъ, имѣющимъ участвовать въ церемоніи[2]). При докладѣ препозиту, вѣроятно, приходилось объяснять и причины, вызвавшія торжественное богослуженіе и выходъ, такъ что препозиту и другимъ чинамъ нужно было знать и поводы, послужившіе къ установленію праздника.

Кромѣ торжественныхъ выходовъ, благочестивые византійскіе цари, безъ сомнѣнія, весьма часто и въ будни ходили въ придворные храмы и естественно желали имѣть хотя бы краткія свѣдѣнія о жизни тѣхъ святыхъ, память которыхъ чтилась въ извѣстный день. Такія свѣдѣнія нужны были всѣмъ благочестивымъ христіанамъ и особенно духовнымъ лицамъ, а между тѣмъ полныхъ сборниковъ съ систематическимъ обзоромъ жизни святыхъ и разныхъ событій, вызвавшихъ установленіе празднества, еще не было, по крайней мѣрѣ такихъ, какіе могли бы быть признаны удовлетворительными. Существовавшіе тогда синаксари, какъ дошедшій до насъ Патмосскій списокъ, были слишкомъ кратки и не полны особенно въ агіографической части и, очевидно, не удовлетворяли царя Константина, который хотѣлъ при-

1) Соображенія о происхожденіи обрядовъ и составленіи сборника ихъ подъ руководствомъ Константина VII см. въ Предисловіи къ II книгѣ моихъ Byzantina, стр. 26 и слѣд.

2) Объ этихъ докладахъ и разрѣшеніяхъ см. мои Byzantina, кн. II, стр. 22.

вести въ ясность не только придворныя церемоніи, но и церковныя службы, такъ тѣсно связанныя со многими придворными торжествами. Результатомъ этого стремленія царя, вызвавшаго на свѣтъ много разныхъ руководствъ и книжныхъ пособій, и было, очевидно, порученіе составить полный и точный синаксарь, который дошелъ до насъ въ Іерусалимскомъ спискѣ.

Что же новаго даетъ Іерусалимскій списокъ устава Константинопольскихъ церквей и въ чемъ заключается его значеніе сравнительно съ Патмосскимъ спискомъ, который, какъ было замѣчено, вышелъ въ свѣтъ подъ редакціею А. И. Дмитріевскаго?

По справедливому мнѣнію проф. Н. Ѳ. Красносельцева, наши уставы вышли изъ указателей евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на разные господскіе и богородичные праздники и памяти святыхъ, празднованіе и чествованіе которыхъ мало-по-малу вводилось и устанавливалось въ христіанской церкви. Такой указатель лежитъ въ основѣ Патмосскаго списка устава Константинопольскихъ церквей, но онъ значительно распространенъ указаніями на другія особенности богослуженія того или другого праздника; къ этимъ особенностямъ, явившимся постепенно въ теченіе долгаго періода времени, принадлежатъ: чтенія изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, прокимны, антифоны, тропари и т. п. чтенія и пѣснопѣнія, составлявшія въ концѣ концовъ отличительныя прибавленія того или другого праздника. Здѣсь же указано мѣсто богослуженія и направленіе крестнаго хода, если такой полагался въ тотъ или другой праздникъ, а такихъ дней праздничныхъ, въ которые совершались крестные ходы, называвшіеся литіями (λιτή), въ Константинополѣ было не мало. Вотъ эти-то послѣднія указанія даютъ много топографическихъ указаній и цѣнны не только для литургиста, но и для археолога вообще.

Календарная часть первоначальныхъ указателей въ свою очередь распространена краткими біографическими и историческими свѣдѣніями и сообщеніями, объясняющими причины установленія празднества. Въ этой части имѣется не мало такихъ прибавленій, которыя имѣютъ интересъ и значеніе только для Константинополя и указываютъ на событія, происшедшія въ этомъ городѣ. Эти указанія, понятно, имѣютъ цѣну не только для литургиста, но и для историка и археолога и для послѣднихъ иногда большую, чѣмъ для перваго.

Несмотря на то, что уставъ Константинопольскихъ церквей въ Патмосскомъ спискѣ далеко ушелъ отъ простого перечня евангель-

скихъ и апостольскихъ чтеній, тѣмъ не менѣе его еще никоимъ образомъ нельзя считать полнымъ и законченнымъ уставомъ. По словамъ проф. Красносельцева, Патмосскій списокъ является представителемъ одной изъ первыхъ ступеней въ процессѣ образованія типика изъ первоначальнаго простого и краткаго указателя евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Свѣдѣнія его не полны: онъ не даетъ многихъ такихъ подробностей и частностей, которыя для насъ желательны, и оставляетъ во всѣхъ своихъ частяхъ много неяснаго и неизвѣстнаго [1]).

Іерусалимскій списокъ того же устава представляетъ дальнѣйшую и притомъ значительную ступень въ развитіи типика Константинопольскихъ церквей. На первомъ планѣ составитель этого синаксаря поставилъ, какъ онъ самъ говоритъ, агіографическую часть и, вмѣсто краткихъ замѣтокъ о жизни святыхъ, далъ систематическое, хотя и краткое обозрѣніе жизни святыхъ и довольно обстоятельное изложеніе тѣхъ событій, которыя воспоминались особымъ празднествомъ или крестнымъ ходомъ. Затѣмъ составитель значительно пополнилъ календарную часть, внесъ тѣхъ святыхъ, которые въ Патмосскомъ спискѣ еще не упоминаются. Наконецъ, составитель значительно больше, точнѣе и обстоятельнѣе указалъ мѣста богослуженія и крестныхъ ходовъ, вслѣдствіе чего далъ гораздо больше топографическихъ указаній, чѣмъ Патмосскій списокъ устава, и разъяснилъ многіе топографическіе пункты, не разъясненные ни Патмосскимъ спискомъ, ни прежними данными, извѣстными Дюканжу, Бандури и другимъ изслѣдователямъ топографіи Константинополя.

Собственно литургическая часть также пополнена указаніемъ богослужебныхъ особенностей въ тѣ дни, въ которые Патмосскій списокъ не даетъ указаній, но въ общемъ она остается такою же, какъ и въ Патмосскомъ спискѣ, и уставная сторона многихъ большихъ праздниковъ изложена почти буквально тожественно съ Патмосскимъ спискомъ. Уставную, литургическую часть составитель, очевидно, взялъ изъ того же устава, съ котораго сдѣланъ Патмосскій списокъ. Спеціалисты-литургисты, конечно, найдутъ и въ этой части не мало интересныхъ варіантовъ и дополненій, но мы не станемъ останавливаться на этой составной части Константинопольскаго устава вре-

1) См. вышеназванную статью проф. Красносельцева въ Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, т. II, стр. 170 слѣд.

менъ Константина Багрянороднаго, а обратимся къ другимъ его частямъ, важнымъ не только для спеціалистовъ по литургикѣ, но для византологовъ вообще, тѣмъ болѣе, что при составленіи настоящаго обозрѣнія свойствъ и содержанія Іерусалимскаго списка мы, за неимѣніемъ самаго списка или точной копіи съ него, пользуемся извлеченіями г. Пападопуло-Керамевса, который былъ такъ любезенъ, что прислалъ намъ свои извлеченія чрезъ редакцію Византійскаго Временника, за что считаемъ долгомъ выразить ему искреннюю благодарность.

Такъ какъ въ церковномъ уставѣ рѣчь естественно идетъ о церквахъ, то приходится говорить главнымъ образомъ объ этихъ зданіяхъ. Собственно церквей, т. е. большихъ храмовъ, въ Константинополѣ въ IX—X вв. было не особенно много и онѣ болѣе или менѣе извѣстны по другимъ источникамъ и вошли въ перечень Дюканжа. Гораздо болѣе было небольшихъ, а часто и совсѣмъ маленькихъ евктиріевъ. Изъ нихъ многіе были неизвѣстны и не упоминаются въ тѣхъ памятникахъ, которыми располагалъ въ свое время знаменитый византологъ. Такіе евктиріи въ Іерусалимскомъ спискѣ Константинопольскаго церковнаго устава являются въ большомъ количествѣ и въ томъ числѣ около 80 неизвѣстныхъ Дюканжу и не вошедшихъ въ его перечни.

Сюда относятся евктиріи и частью храмы подъ названіями апостоліевъ, профитіевъ (ἀποστολεῖα, προφητεῖα) и мартиріевъ:

1. Свв. Анны, Елизаветы, Ѳеодоры и Гликеріи, возлѣ храма св. Георгія въ Кипариссіи (ἐν τῷ Κυπαρισσίῳ)[1]) 22 окт.

2. Свв. Аникиты и Фотія въ Стратигіи (12 авг.).

3. Свв. Архиппа и Филимона за Золотымъ рогомъ въ Елеѣ (πέραν ἐν τῇ Ἐλαίᾳ). 6 іюля. Въ Патм. спискѣ: πέραν ἐν τῷ Πτωχίῳ (т. е. πτωχείῳ, пріютѣ для нищихъ).

4. Св. Василиска близъ квартала Стровилія (о Стров. см. Дюканжа, p. 103). 22 мая.

5. Свв. Виктора, Стефаниды и Викентія ἐν τοῖς Γαϊτανῶ(οῦ?) 10 ноября. Ср. ниже подъ № 10, гдѣ упоминается та же мѣстность.

6. Свв. Гурія, Симона и Авива близъ Фора. 16 ноября.

1) Объ евктиріи св. Георгія въ Кипариссіи см. Παπαδόπουλος, Μελέται, 387. Этотъ маленькій храмъ не прельстилъ турокъ и остался до сихъ поръ во владѣніи грековъ.

7. Свв. Димитрія, Доната и др. въ Девтерѣ. 6 мая.

8. Пророка Елисея 3 и 28 ноября.

9. Св. Епифанія Кипрскаго близъ св. Филимона въ Стратигіи. 14 іюля и 21 октября. Подъ 11 мая сказано, что храмъ въ честь св. Епифанія Кипрскаго находится не только близъ (πλησίον), но даже въ самомъ храмѣ (ἔνδον τοῦ ἁγίου Φιλήμονος), изъ чего можно заключить, что евктирій, мартирій или св. домъ св. Епифанія примыкалъ къ храму св. Филимона въ Стратигіи и представлялъ собою пристройку къ какой-нибудь изъ его частей.

10. Епихарія и Гаяны въ Гаитанѣ (ἐν τῷ Γαϊτάνῳ). 27 сент. Ср. выше подъ № 5 ἐν τοῖς Γαϊτανῶ(οῦ?).

11. Св. Ерміоны, дочери апостола Филиппа, близъ храма св. Романа. 4 сентября. Этотъ мартирій св. Ерміоны, можетъ быть, тожественъ съ монастыремъ ея, настоятель котораго участвовалъ въ одномъ соборѣ (Дюканжъ, Const. Christ., l. IV, p. 102). Въ пользу тожества говоритъ то обстоятельство, что монастырь Ерміоны находился ἐν τοῖς Ἐλεβίχου, а мартирій св. Ерміоны былъ возлѣ св. Романа, мартирій котораго находился также ἐν τοῖς Ἐλεβίχου, какъ значится въ Іерусалимскомъ спискѣ подъ 18 ноября. А такъ какъ храмъ св. Романа находился у воротъ того же имени, то можно думать, что и кварталъ Ἐλεβίχου, не упомянутый въ числѣ Константинопольскихъ кварталовъ у Дюканжа, находился около воротъ св. Романа, игравшихъ такую видную роль во время послѣдней осады турками Константинополя и разрушенныхъ ими (теперь *Top-кари*, пушечныя ворота). Дюканжъ, Const. Chr. lib. I, p. 46.

12. Свв. Евлампія и Евлампіи ἐν τοῖς Ἀδδᾶ[1]). 10 окт.

13. Свв. Евстратія и Ѳеоктисты въ Девтерѣ. 20 сент.

14. Св. Евфиміи въ кварталѣ Антіоха (ἐν τοῖς Ἀντιόχου) близъ Лавза. Оба названные пункта указываютъ, что мартирій св. Евѳиміи, въ которомъ праздновалась ея память 16 сентября, находился неда-

1) Кварталъ Адда, не значащійся въ числѣ кварталовъ у Дюканжа, нѣсколько разъ названъ въ Іерусалимскомъ спискѣ церковнаго устава по поводу находящихся въ немъ храмовъ. Очень можетъ быть, что кварталъ получилъ свое имя отъ Ἀδδαῖος, сановника временъ Юстиніана Великаго, а не отъ миѳическаго магистра Адама или Ада, упоминаемаго у Анонима-Кодина. Во всякомъ случаѣ кварталъ Адда не имѣетъ ничего общаго съ «Ἄδειν (пѣніе)», Адиномъ, — мѣстомъ на Аѳонѣ, гдѣ «открыта» пѣснь: Честнѣйшую херувимъ и проч.» какъ предполагаетъ архим. Сергій въ Полномъ мѣсяцесловѣ Востока II, стр. 156 и 326 подъ 11 іюня и 10 декабря. Ср. Banduri, imper. orient., Anon. Antiquet. Const., № 8, и косимент. p. 856. Ср. Cadini de origin. p. 20 ed. Bonn.

леко отъ ипподрома, Большого дворца и храма св. Софіи, такъ какъ кварталъ и палаццо Антіоха-перса, воспитателя Θеодосія Младшаго, находились у ипподрома, а дворецъ Лавза стоялъ на Большой улицѣ, между миліемъ и форомъ Константина.

15. Св. пророка Захаріи ἐν τοῖς Ἀριοβίνδου. 15 мая.

16. Свв. Θалелея и Артемидора. Мартирій ихъ находился внутри храма

17. Св. Θеодора въ Космидіи 20 сент. (ἔνδον τοῦ ἁγίου Θεοδώρου ἐν τῷ Κοσμιδίῳ), т. е. около монастыря Космы и Даміана, находившагося за городомъ около Влахернъ (Дюканжъ. Const. Christ. lib. IV, p. 127.

18. Св. Θеодора близъ τοῦ Χαλκοῦ Τετραπύλου. 1 ноября, 30 сентября. О бронзовомъ тетрапилѣ см. Дюканжа C. Chr. lib. II, p. 139.

19. Св. Θеодоры ἐν τῷ Ξηροκήρκῳ (ἐν τῷ Ξυλοκέρκῳ?) 22 авг.

20. Св. Θерапонта πλησίον τῆς Ἐλαίας. Объ «Оливахъ» см. Дюканжъ, Const. Christ. lib. I, p. 57 и IV, p. 115.

21. Храмъ Богородицы (Θεοτόκου) τῶν Καλλιστράτου. 18 іюля память освященія его.

22. Храмъ Богородицы πλησίον τῶν Προμούντων (τῶν Προμότου. Ср. Дюканжа C. Chr. p. 130). 29 іюля освященіе его.

23. Храмъ Богородицы (οἶκος) ἐν τῇ Παλαιᾷ Πέτρᾳ. Въ среду послѣ недѣли всѣхъ святыхъ.

24. Храмъ Богородицы πλησίον τῆς Χρυσῆς πόρτης, въ которомъ или при которомъ (ἔνδον τ. σεβ. οἴκου)

25. находился мартирій св. Діомида. 16 и 18 авг. [1]).

26. Храмъ Богородицы ἐν τοῖς Μαρινακίου

27. съ апостоліемъ св. Іоанна Богослова внутри храма Богородицы. 8 августа.

28. Св. Кодрата и его синода ἐν τῆς Ξηροκίρκῳ (τῷ Ξυλοκίρκῳ). 9 мая.

29. Леонтія и сущихъ съ нимъ ἔγγιστα τῆς πόρτης τῆς Πηγῆς. 18 іюня.

30. Св. Лонгина πλησίον τῆς Ἰουστινιανοῦ Γεφύρας. 16 окт.

---

1) Храмъ Богородицы, въ которомъ былъ евктирій св. Діомида, назывался Іерусалимъ или Новый Іерусалимъ и находился около Золотыхъ воротъ *внутри стѣнъ*, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

31. Лукелліана, Павлы и отроковъ, возлѣ храма Архангела Михаила ἐν τῇ Ὀξείᾳ. 3 іюня.

32. Св. Лукіана, епископа Антіохійскаго ἔνδον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μωκίου.

33. Свв. Маккавеевъ ἐν τοῖς Δομνίνου Ἐμβόλοις. 1 авг.

34. Св. Мамелхѳы πέραν ἐν τῷ Κέρατι. 4 октября.

35. Архангела Михаила и Гавріила въ Новомъ дворцѣ. Въ среду послѣ Пятидесятницы.

36. Архангела Михаила πέραν ἐν τῷ Λιθοσρώτῳ. 1 окт.

37. Архангела Михаила (по Патм. списку Гавріила) πέραν ἐν Χάλαις. 26 іюля.

38. Св. Пелагіи πέραν πλησίον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Κόνωνος. 8 окт. (о храмѣ Конона см. Дюканжа, C. Chr. lib. IV, p. 127).

49. Помпіана, Сатурнина, Галактіона и Іуліаны близъ св. Евѳиміи въ Петріи (ἐν τῷ Πετρίῳ). О храмѣ Евфиміи въ Петріи, очень древнемъ и чтимомъ, см. Дюканжъ, C. Chr. p. 101.

40. Апостолій Петра и Павла ἐν τῷ Περιτειχίῳ. 8 авг. освященіе дома.

41. Апостолій Петра и Павла ἐν τῷ Τρικόγχῳ. 6 ноября (воспоминаніе праха, падшаго отъ воздуха, 472 г., послѣ изверженія Везувія) [1]).

42. Поліевкта, Ѳеодора, Киріака, Елеазара, πλησίον τοῦ Χαλκοῦ τετραπύλου, ἐν τοῖς Βιγλεντίου. 1 авг.

43. Св. Трифона близъ св. Ирины Старой и Новой. 12 іюля. Ср. 1 дек. освященіе св. Трифона и Хрисостома.

44. Саввы Освященнаго. Соборъ въ его мартиріи близъ св. мучен. Анастасія, ἔνδον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Φιλήμονος ἐν τῷ Στρατηγίῳ. 5 декабря.

45. Св. Стефана εἰς τὰ Κώνστα. 28 ноября.

46. Св. Стратоника. 9 мая.

47. Флора и Лавра, близъ апостолія апостола Филиппа. 18 авг.

48. Апостолій апостола Филиппа ἐν τοῖς Μιλτιάδου. 15 ноября.

59. Св. Христины соборъ въ ея мартиріи въ Новомъ дворцѣ, ἐν ταῖς Νύμφαις ταῖς μεγάλαις и въ мартиріи св. Трифона близъ св. Ирины Старой и Новой.

---

1) Ср. Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, II, 296; Muralt, Chronographie Byzantine, подъ 472 г., p. 86.

50. Св. Прокопія мартирій ἔνδον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μηνᾶ, который находился πλησίον τῆς Ἀκροπόλεως. 6 сент. и 1 ноября. Ср. Дюканжъ, C. Chr. l. IV, p. 88.

51. Мануила, Савела и Исмаила мартирій близъ пророка Елисея. 16 іюня.

52. Св. великомуч. Димитрія мартирій ἐν τῷ Δευτέρῳ 26 октября. Св. Димитрію Солунскому посвященъ былъ храмъ, стоявшій на самомъ крайнемъ углу, при сліяніи Золотого рога съ Мраморнымъ моремъ около Акрополя, и затѣмъ въ Большомъ дворцѣ, гдѣ происходилъ выходъ царя, описанный въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго, Cerim. I, 21, 121[1]). Храмъ св. Димитрія въ Девтерѣ, такимъ образомъ оказывается третьимъ по счету. Дюканжъ, C. Chr. p. 84, указываетъ еще монастырь, построенный или возобновленный однимъ изъ Палеологовъ, Андроникомъ Младшимъ, куда совершался крестный ходъ въ день памяти св. Димитрія. Къ сожалѣнію, у Кодина, у котораго Дюканжъ взялъ извѣстіе объ этомъ монастырѣ, не указано, гдѣ находился этотъ монастырь, и потому нельзя сказать опредѣленно, находился ли онъ при одномъ изъ названныхъ храмовъ или въ немъ былъ особый, четвертый храмъ св. Димитрія.

Кромѣ этихъ евктиріевъ и храмовъ, названныхъ прямо, упоминается не мало другихъ, но они не называются прямо, а упоминается только кварталъ или мѣстность, гдѣ эти мартиріи находятся. Очевидно, что церковнослужителямъ и жителямъ Константинополя было понятно и безъ названія мартирія, что соборъ въ честь того или другого святаго совершается въ его мартиріи и достаточно было обозначить только мѣсто его нахожденія. Предполагать, что въ этихъ случаяхъ соборъ совершался не въ собственномъ мартиріи тѣхъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ извѣстный день, едвали возможно, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда память того или другого святаго праздновалась въ какомъ-нибудь храмѣ, посвященномъ другому святому, этотъ храмъ всегда обозначался точно. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ такомъ случаѣ недостаточно было назвать кварталъ или мѣстность, такъ какъ въ этомъ кварталѣ или мѣстѣ могло быть нѣсколько евктиріевъ и храмовъ. Потому едвали можно сомнѣваться, что нужно разумѣть собственные мартиріи тѣхъ святыхъ, память которыхъ празднуется въ извѣстный день, и въ тѣхъ слу-

1) Храмъ св. Димитрія прилегалъ къ площадкѣ Хрисотриклина и, слѣд. находился возлѣ храма св. Богородицы Фара.

чаяхъ, когда самый мартирій не названъ, а названа только мѣстность, въ которой совершался соборъ въ честь того или другого святаго[1]).

Сюда относятся не вошедшіе въ перечни Дюканжа храмы и евктиріи, въ которыхъ совершались соборы (συνάξεις).

1. Соборъ арх. Михаила πέραν ἐν τῷ Σωσθενίῳ. 8 іюня.

2. Соборъ Приска, Мартина и Николая ἐν Βλαχέρναις, 21 сент.

3. Соборъ Лаврентія, Діомида и 40 мучениковъ ἐν τῷ Νέῳ Παλατίῳ 24 авг.

4. Соборъ Вавилы, Антіохійскаго патріарха, и отроковъ (ἐν τοῖς Αλουσίου) въ Алусіяхъ возлѣ Евдома и монастырѣ, называемомъ Χώρας. 4 сентября.

5. Соборъ Прокопія и Николая πλησίον τοῦ τείχους τῶν Βλαχερνῶν, 7 декабря.

6. Соборъ Сергія и Вакха πέραν ἐν Ῥουφινιαναῖς. 27 мая. У Сергія въ Мѣсяцесловѣ подъ этимъ числомъ значится память Сергія и Вакха въ Перѣ въ Руфиніанахъ. Но кварталъ Руфиніаны былъ не въ Перѣ, а на азіатскомъ берегу, въ Халкидонѣ.

7. Соборъ муч. Харитона ἐν τῷ Δευτέρῳ 9 сентября.

8. Соборъ Богородицы πέραν ἐν Πιννουλόφῳ. 28 августа.

9. Соборъ Богородицы πέραν ἐν τοῖς (?) Χρυσοπόλει 24 сентября.

10. Соборъ св. Θомы ἐν τῷ (τοῖς ?) Κύρου πλησίον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Μωκίου. 20 ноября.

11. Память пресв. Богородицы ἐν Σοφιαναῖς. 23 мая.

12. Память св. Богородицы ἐν τῷ Σωσθενίῳ. 7 іюня.

13. Память св. Богородицы ἐν τῷ Παραδεισίῳ πλησίον τοῦ ἁγιόυ μάρτυρος Μωκίου. 9 і.

14. Евстаѳія, Поликарпа и Евангела ἐν Σιβωνίᾳ 7 іюля.

15. св. Θеодоты и Сократа ἐν τῷ Ξυλοκίρκων (ἐν τῷ Ξυλοκίρκῳ). 23 октября.

16. св. Евменія епископа, муч. Кастора и св. Θеодоры πλησίον τῆς Ἰουστινιανοῦ γεφύρας. 18 сент.

1) Это соображеніе можно подтвердить и фактами. Такъ, напр., въ Іерусалимскомъ спискѣ подъ 3 сентября сказано: Память священномученика Анѳима Никомидійскаго. Σύναξις πέραν εἰς τὸ Κέρας. Изъ Прокопія (de aedif. I, 6) извѣстно, что мартирій въ честь Анѳима былъ построенъ Юстиніаномъ ἐπὶ θάτερα τοῦ Κόλπου. Въ этомъ мартиріи и совершался, очевидно, соборъ 3 сентября. Дюканжъ (C. Chr. l. IV, p. 125) говоритъ, что греки и латины празднуютъ память этого святаго 27 апрѣля, но относительно грековъ это сообщеніе оказывается не вѣрнымъ. Ср. Сергія Мѣсяцесловъ Востока подъ 27 апрѣля и 3 сентября.

17 св. Даніила Столпника ἐν τῷ Ἀνάπλῳ. 11 декабря.

18. свв. Африкана, Пуплія и Теренція. ἐν τῷ Πετρίῳ. 13 марта.

19. Память Андрея воина. Соборъ въ Триконхѣ близъ Капитолія (ἐν τῷ Τρικόγχῳ πλησίον τοῦ Καπετωλίου) 10 августа.

20. Папермуѳія, Копрія и Александра въ монастырѣ τοῦ Ἄνθου πλησίον τοῦ Ξηροκίρκου (τοῦ Ξυλοκίρκου). 9 іюля.

21. св. Анѳусы Ἐν Ἱπποίχοις. 22 августа.

22. св. Ѳеодора соборъ совершается ἐν τῷ γηροκωμείῳ τοῦ Μελοβίου (?) 15 апрѣля.

23. Аполлонія, Александра, Епимаха и Онисима εἰς τὸν Ἐξακιόνιον. 6 іюля.

24. св. 12 апостоловъ въ орфонотрофіи. 30 іюня. Весьма возможно, что 30 іюня память св. 12 апостоловъ совершалась не въ храмѣ, всѣмъ имъ посвященномъ, а въ апостоліи св. Павла, который несомнѣнно былъ тамъ и который упоминается въ Іерусалимскомъ спискѣ устава еще подъ 29 іюня, когда бывалъ туда крестный ходъ изъ храма св. Петра, находившагося при св. Софіи, 31 декабря, 29 октября, 19 сентября и въ пятницу Пасхальной недѣли. Исторію храма и орфонотрафія см. Дюканжа, lib. IV, p. 78.

Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, Іерусалимскій списокъ разъясняетъ не мало недоразумѣній и сомнѣній, возбуждаемыхъ не совсѣмъ точными и ясными указаніями Патмосскаго списка.

Такъ подъ 6 сент. въ Патм. спискѣ мы читаемъ: τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ σύναξις τοῦ ἀρχιστρατήγου ἐν τῷ Ἀ..... Проф. Красносельцевъ предполагаетъ, что это Ἀ.. означаетъ ἐν τῷ Ἀνάπλῳ, гдѣ былъ храмъ архистратига Михаила. Въ Іерусалимскомъ подъ 6 сент. стоитъ дѣйствительно: соборъ архистратига Михаила въ Анаплѣ (ἐν τῷ Ἀνάπλῳ). Догадка проф. Красносельцева, которую онъ высказалъ съ сомнѣніемъ, такимъ образомъ вполнѣ подтвердилась несомнѣннымъ и яснымъ указаніемъ Іерусалимскаго списка (Н. Ѳ. Красносельцевъ, Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ (IX в.) стр. 186 — 187 въ Лѣтописи историко-филол. общества при Новоросс. университетѣ).

Не такъ легко разрѣшается второй вопросъ, относительно храма пресв. Богородицы Іерусалимской возлѣ Золотыхъ воротъ, съ храмомъ которой связана память св. Діомида и крестный ходъ 16 августа. Проф. Красносельцевъ (стр. 188 слѣд.) склоненъ считать этотъ храмъ Богородицы близъ Золотыхъ воротъ за одинъ и тотъ же ея храмъ пресв. Богородицы Живоноснаго источника, τῆς Πηγῆς, мѣсто кото-

раго и теперь чтится, къ которому ведутъ другія ворота, находящіяся сѣвернѣе Золотыхъ, такъ называемыя Балыклы. Съ этимъ предположеніемъ Іерусалимскій списокъ устава не позволяетъ согласиться. Между тѣмъ какъ въ Патмосскомъ спискѣ храмъ τῆς Πηγῆς вовсе не названъ, въ Іерусалимскомъ онъ названъ особо два раза: 8 янв., когда тамъ бываетъ соборъ Богородицы, и 9 іюля, когда праздновалось освященіе (ἐγκαίνια) храма τῆς Πηγῆς, съ крестнымъ ходомъ отъ храма св Мокія. При этомъ ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ храмъ Богородицы Источника не называется Іерусалимскимъ или Іерусалимомъ Новымъ, между тѣмъ храмъ Богородицы у Золотыхъ воротъ называется въ Патмосскомъ спискѣ Новымъ Іерусалимомъ, а въ Іерусалимскомъ спискѣ просто Іерусалимомъ. Въ числѣ монастырей у Дюканжа упоминается «Іерусалимъ» и можно думать, что при храмѣ Богородицы и былъ монастырь, упомянутый у Дюканжа въ числѣ загородныхъ монастырей и называвшійся Іерусалимомъ Можно, было потому еще думать что этотъ монастырь — тотъ самый, который въ другихъ свѣтскихъ извѣстіяхъ называется монастыремъ Аврамитовъ съ храмомъ въ честь «нерукотворной» (ἀχειροποιήτου) Богоматери, т. е. явленнаго образа. Этотъ монастырь также былъ около Золотыхъ воротъ, и въ него заходили или заѣзжали византійскіе цари, когда дѣлали торжественный, тріумфальный въѣздъ въ столицу послѣ побѣдоноснаго похода, частію для молитвы въ храмѣ Богоматери, частью для переоблаченія[1]). Но въ самое послѣднее время нашлось совершенно ясное и несомнѣнное извѣстіе о томъ, что такъ называемый «Іерусалимъ» находился не внѣ Золотыхъ воротъ, а внутри ихъ, не за стѣнами, какъ монастырь Аврамитовъ или «Нерукотвореннаго образа», а въ стѣнахъ, въ предѣлахъ теперешняго Семибашеннаго замка. Храмъ Богородицы «Новый Іерусалимъ» или просто Іерусалимъ былъ такимъ образомъ отличенъ отъ вышеназванныхъ дру-

---

1) Сюда заѣзжали Василій съ сыномъ Константиномъ и Никифоръ Фока предъ въѣздомъ въ Константинополь чрезъ Золотыя ворота, причемъ при описаніи въѣзда Никифора сказано: Εἰσῆλθεν εἰς τὴν μονὴν τῆς λεγομένην ἀχειροποίητον τῆς Θεοτόκου (Cerim. I, 95, p. 438. Ср. описаніе въѣзда Василія, ibid. p. 499 и Дюканжа, Const. Christ., гдѣ приведено извѣстіе Льва Діакона о въѣздѣ Никифора съ упоминаніемъ монастыря Аврамитовъ предъ Золотыми воротами. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго показываютъ, что Дюканжъ неправильно отдѣляетъ храмъ Богородицы Нерукотворной отъ монастыря Аврамитовъ, какъ справедливо замѣтилъ Reiske въ комментаріи къ вышеуказанному мѣсту Cerim., въ которомъ говорится о въѣздѣ Никифора Фоки.

гихъ [1]). Въ этомъ храмѣ «Іерусалимъ» въ качествѣ придѣла былъ построенъ храмъ муч. Діомида, и здѣсь совершался соборъ «въ честь этого мученика 16 и 19 августа. Въ Іерусалимскомъ спискѣ подъ 19 августа значится, что въ этотъ день, когда праздновалась память св. Діомида, чтилась память и другихъ святыхъ, и что соборъ ихъ совершался въ храмѣ Богородицы, называемой «Іерусалимъ» καὶ εἰς τὸν λευκὸν ποταμόν, между тѣмъ какъ въ Патмосскомъ спискѣ сказано, послѣ перечисленія другихъ святыхъ: καὶ ἁγίου Διομήδους εἰς Λευκὸν ποταμόν. Такое написаніе Патмосскаго списка и подало поводъ проф. Красносельцеву думать, что Λευκὸς ποταμός и есть источникъ, по которому названъ храмъ Богородицы τῆς Πηγῆς. Какъ видно изъ болѣе точнаго обозначенія въ Іерусалимскомъ спискѣ, память св. Діомида и стоящаго рядомъ съ нимъ Максима Исповѣдника праздновалась въ двухъ мѣстахъ: въ мартиріи св. Діомида, находящемся въ храмѣ Богородицы Іерусалимской и «на Бѣлой рѣкѣ», чѣмъ во всякомъ случаѣ обозначаются два различныя мѣста, а не одно и то же. Что касается до названія «Іерусалимъ» или «Новый Іерусалимъ», то мнѣ неизвѣстны причины, вызвавшія такое названіе, но можно предположить, что въ монастырѣ находился или образъ, привезенный изъ Іерусалима или въ храмѣ было устроено что-нибудь на подобіе Іерусалимскаго храма Воскресенія или гроба Господня. Новый Іерусалимъ имѣется и у насъ въ Россіи и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что монастырь съ такимъ названіемъ существовалъ и въ Константинополѣ, куда много святынь въ разное время доставлялось изъ Іерусалима, начиная со временъ Елены, матери Константина.

Проще и положительнѣе разъясняются дальнѣйшія недоразумѣнія и сомнѣнія проф. Красносельцева относительно храмовъ Богородицы, находящихся возлѣ Великой церкви, т. е. св. Софіи, и апостолія св. Іакова, брата Господня. Этотъ послѣдній несомнѣнно находился въ Халкопратійскомъ храмѣ и составлялъ его придѣлъ, какъ это видно изъ неоднократныхъ и ясныхъ указаній Іерусалимскаго списка, вполнѣ подтверждающаго другія извѣстія. Такъ, подъ 30 апрѣля въ Іерусалимскомъ спискѣ сказано: Страданія апостола Іакова, брата Господня. Соборъ его совершается въ его апостоліи, τῷ ὄντι ἔνδον τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ἐν τοῖς Χαλκοπρατείοις.

---

1) Хр. Лопаревъ, Церк. слово о русск. походѣ, Визант. Времен. т. II, вып. 4, стр. 594:... Ἐν τῷ ναῷ τῆς Θεοτόκου, ὃς Ἱερουσαλὴμ ὀνομάζεται, ἔνδον δὲ τῆς πύλης κεῖται, ἣν Χρυσῆν καλοῦσιν ...

Подъ 26 декабря тамъ же читаемъ: въ воскресеніе послѣ Рождества Христова память праведнаго Іосифа, τοῦ χρηματίσαντος κατὰ σάρκα πατρὸς τοῦ Κυρίου, Іакова, брата Господня, и пророка Давида. Соборъ ихъ бываетъ въ Великой церкви и въ апостоліи апостола Іакова, ἔνδον τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῶν Χαλκοπρατείων. Ср. субботу Пасхальной недѣли.

Кромѣ дней памяти св. Іакова, въ его апостоліи въ Халкопратійскомъ храмѣ совершались соборы въ дни памятей: Симеона и Анны (3 февраля), Іоакима и Анны (9 сентября), гдѣ сказано, что соборъ ихъ совершается ἐν τῷ ἐξαέρῳ οἴκῳ τῆς Θεοτόκου, πλησίον ταυτῆς τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, ἐν τοῖς Χαλκοπρατείοις. Этимъ точнымъ указаніемъ ясно и опредѣленно разрѣшается вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ ἐξάερος οἶκος во дни памяти Іоакима и Анны. Подъ ἐξάερος οἶκος разумѣется въ уставѣ, очевидно, храмъ, лежащій не только во дворѣ другого храма, но вообще вблизи, въ окрестностяхъ, какъ Халкопратійскій храмъ относительно храма св. Софіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаются недоразумѣнія проф. Красносельцева относительно совершенія литургіи въ день памяти свв. Іоакима и Анны: она совершалась не на дворѣ, не въ атріи св. Софіи, а въ Халкопратійскомъ храмѣ. 23 окт., въ день памяти свв. Іакова, Захаріи и Симеона Праведнаго, соборъ совершался ἐν τῷ ἐπωνύμῳ οἴκῳ αὐτοῦ, τῷ ὄντι ἔνδον τοῦ σεβασμίου ναοῦ τῆς παναγίας Θεοτόκου ἐν τοῖς Χαλκοπρατείοις. Здѣсь опять-таки точно указано мѣсто храма св. Іакова, между тѣмъ какъ въ Патмосскомъ спискѣ сказано только, что память св. Іакова совершается πλησίον τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας, что и подало поводъ проф. Красносельцеву вести довольно пространное разсужденіе о храмахъ Богородицы, находившихся возлѣ св. Софіи, и доказывать, что храмъ св. Іакова находился въ Халкопратійскомъ храмѣ, а не въ другомъ какомъ-нибудь храмѣ пресв. Богородицы, лежавшемъ близъ св. Софіи. Халкопратійскій храмъ разумѣется, очевидно, и въ извѣстіи о похищеніи мощей св. Симеона венеціанцами изъ храма, лежащаго близъ св. Софіи (Дюканжъ, C. Chr. lib. IV, p. 57) и храмъ Богородицы подъ № 11 несомнѣнно тотъ же самый, что № 9, т. е. Халкопратійскій, какъ справедливо замѣтилъ проф. Красносельцевъ.

Кромѣ этой поправки, не мало и другихъ недоразумѣній и промаховъ знаменитаго византолога можно поправить на основаніи Іерусалимскаго списка церковнаго Константинопольскаго устава. Въ источникахъ, которые были доступны великому французу, было не мало

ошибокъ и неточностей, которыя часто ставили въ тупикъ или вводили въ заблужденіе автора Constantinopolis Christiana. Хотя этотъ классическій трудъ навсегда останется справочною книгою всякаго византолога, тѣмъ не менѣе, съ открытіемъ новыхъ источниковъ, онъ все болѣе и болѣе, какъ и Glossar Gr., требуетъ поправокъ и переработки. Не считая возможнымъ указывать здѣсь всѣ случаи такихъ поправокъ, позволю себѣ однакожъ указать на два-три примѣра.

Такъ напр., у Дюканжа (C. Chr. lib. IV, p. 70) въ числѣ храмовъ въ честь Іоанна Крестителя значится храмъ πλησίον τοῦ Τάφου. А такъ какъ такого названія мѣстности или квартала не было въ Константинополѣ, то знаменитый византологъ предполагалъ, что, быть можетъ, храмъ такой находился возлѣ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Іерусалимскій списокъ Константинопольскаго устава разъясняетъ это недоумѣніе очень просто. Подъ тѣмъ же числомъ, подъ которымъ въ источникахъ Дюканжа упоминается храмъ Іоанна Крестителя πλησίον τοῦ Τάφου, въ Іерусалимскомъ спискѣ стоитъ τοῦ Ταύρου, — названіе очень извѣстной площади въ Константинополѣ, находившейся на Средней или Большой улицѣ, на западъ отъ Фора Константина Великаго. Эта площадь называется и Θеодосіевскою, такъ какъ на ней находилась бронзовая статуя Θеодосія Великаго. Недоразумѣніе Дюканжа происходило такимъ образомъ отъ ошибочнаго написанія (о Forum Tauri seu Theodosii см. Дюканжъ, C. Chr. lib. I, p. 65).

Въ числѣ храмовъ въ честь апостоловъ у Дюканжа подъ № II (p. 75, lib. IV) значится храмъ св. Апостоловъ въ Триконхѣ, гдѣ бываетъ соборъ 6 ноября въ память пепла (μνήμη τῆς κόνεως). Такъ какъ Дюканжу былъ извѣстенъ только Триконхъ въ Большомъ дворцѣ, а мѣсто Триконха, въ которомъ находился храмъ св. Апостоловъ, не обозначено въ его источникахъ, то Дюканжъ и полагалъ, что храмъ этотъ находился въ Большомъ Дворцѣ. Въ Іерусалимскомъ спискѣ мѣсто Триконха также не обозначено подъ 6 ноября точнѣе: Соборъ бываетъ (6 ноября) ἐν τῷ ἀποστολείῳ Петра и Павла, τῷ ὄντι ἐν τῷ Τριχόγχῳ, но подъ 10 авг. сказано, что въ этотъ день въ память Андрея Воина соборъ бываетъ въ Триконхѣ πλησίον τοῦ Καπετολίου. Изъ этого видно, что Триконхъ былъ не только во дворцѣ, но, кромѣ дворцоваго, существовалъ другой, близъ Капитолія. А такъ какъ въ Большомъ дворцѣ Триконхъ былъ построенъ Θеофиломъ[1]), а храмъ

1) О Триконхѣ Θеофила см. мою книгу о Большомъ дворцѣ, Byzantina, книга I, слѣд. и др.

св. Апостоловъ (собственно только Петра и Павла) былъ построенъ гораздо раньше (онъ уже сгорѣлъ при Зинонѣ и вновь былъ построенъ Юстиномъ Младшимъ), то, очевидно, въ уставахъ церковныхъ и минеяхъ разумѣется не дворцовый триконхъ, а другой, существовавшій гораздо раньше Θеофила возлѣ Капитолія. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какая постройка разумѣется подъ Триконхомъ, какой-нибудь портикъ или зданіе съ тремя конхами въ немъ, но, очевидно, это зданіе было очень важно и хорошо извѣстно, такъ какъ оно дало имя той мѣстности, гдѣ оно находилось, и имъ обозначается въ уставахъ мѣсто соборовъ церковныхъ въ извѣстные праздники. Въ пользу того, что въ уставахъ разумѣется не дворцовый Триконхъ, говоритъ косвенно и то обстоятельство, что о храмѣ св. Апостоловъ въ дворцовомъ Θеофиловскомъ Триконхѣ, когда о немъ идетъ рѣчь въ византійскихъ извѣстіяхъ, не упоминается.

Наконецъ вопросъ о положеніи Евдома, помѣщеннаго основателемъ Константинопольской научной топографіи, Жиллемъ въ сѣверно-западной части Константинополя, знаменитый Дюканжъ едва ли сталъ бы поддерживать въ смыслѣ рѣшенія его Жиллемъ и оспаривать справедливыя возраженія Валезія, если бы глубоко-ученый французскій византологъ имѣлъ въ виду тотъ путь, которымъ шли къ Евдому и отъ него цари и патріархи въ разныхъ торжественныхъ процессіяхъ. Я уже имѣлъ случай упомянуть о положеніи Евдома и новѣйшихъ взглядахъ на этотъ вопросъ[1]). Мною было замѣчено также, что указанія, данныя въ Обрядахъ (Cerimoniae) Константина Багрянороднаго, не допускаютъ рѣшенія вопроса о положеніи Евдома въ смыслѣ Жилля и Дюканжа. Теперь являются новыя указанія на это въ Іерусалимскомъ спискѣ Церковнаго устава Константинопольскихъ церквей, при описаніи крестныхъ ходовъ отъ св. Софіи къ Евдому. Направленіе и путь крестнаго хода ясно показываютъ, что Евдомъ лежалъ на юго-западъ отъ Константинополя, а не на сѣверъ, за Золотыми воротами, а не у Влахернскаго дворца Золотаго рога.

Такихъ литій упоминается нѣсколько. Болѣе подробно описывается литія по случаю продолжительнаго (3 мѣс.) землетрясенія, бывшаго при Θеодосіи II (447 г.). Въ память этого землетрясенія совершались литіи въ Евдомъ 25 сентября и Эксакіоній 26 января, т. е. въ началѣ и въ концѣ этого страшнаго землетрясенія, оставив-

1) Ср. статью проф. Красносельцева, стр. 212.

шаго по себѣ долгую память, тѣмъ болѣе что съ нимъ соединено въ церкви извѣстное воспоминаніе о трисвятой пѣсни (τρισάγιον). Это событіе, какъ извѣстно, картинно изображено въ минологіи Василія II Болгаробойцы, гдѣ представлена церковная процессія, въ которой царь босикомъ, въ знакъ раскаянія и смиренія, идетъ рядомъ съ патріархомъ. Въ Патмосскомъ уставѣ память этого труса 25 сентября почему-то не отмѣчена[3]), между тѣмъ какъ въ Іерусалимскомъ она описана довольно обстоятельно.

По Іерусалимскому списку, 26 сентября литія, по обыкновенію, начиналась въ св. Софіи послѣ утрени и кончалась литургіею въ храмѣ св. апостола Іоанна Богослова близъ Евдома. Съ прибытіемъ патріарха въ алтарь св. Софія, во время пѣнія антифоновъ, пѣвчіе входятъ на амвонъ и начинаютъ пѣть трисвятое, и съ пѣніемъ этой пѣсни крестный ходъ направляется къ фору Константина, гдѣ служится молебенъ, послѣ котораго, съ пѣніемъ трисвятаго, крестный ходъ направляется къ Золотымъ воротамъ, гдѣ также служится молебенъ, послѣ котораго крестный ходъ съ пѣніемъ того же трисвятаго доходитъ до Марсова поля (μέχρι τοῦ Κάμπου) и здѣсь у Трибунала служатъ молебенъ (εἰς τὸ Τριβουνάλων πάλιν δοξάζουσι). Послѣ молебна одинъ изъ діаконовъ объявляетъ народу: «объявляемъ вашей любви, что намъ слѣдуетъ по прежде установленному обычаю отправиться въ апостолій св. апостола и евангелиста Іоанна, находящійся возлѣ Евдома, и совершить тамъ божественную литургію». Послѣ этого заявленія патріархъ съ духовенствомъ уходилъ въ храмъ Іоанна Богослова и совершалъ тамъ литургію. Подъ 26 января въ Іерусалимскомъ спискѣ значится: память великаго землетрясенія, бывшаго въ концѣ царствованія Младшаго Ѳеодосія (τοῦ νέου Θεοδοσίου), сына Аркадія и Евдоксіи, въ мѣсяцѣ январѣ, 26 числа, въ воскресенье, въ 9 час. дня упали и стѣны города и значительная часть домовъ (μέρος πολὺ τῶν οἰκημάτων), особенно же отъ Троадисіевыхъ портиковъ (ἀπὸ τῶν Τρωαδησίων ἐμβόλων) до Бронзоваго тетрапила (ἕως τοῦ Χαλκοῦ Τετραπύλου), вслѣдствіе чего царь, совершая со всѣмъ народомъ крестный ходъ, говорилъ: «Избави насъ, Господи, отъ праведнаго гнѣва Твоего» и пр.

Литія, начинаясь въ св. Софіи, направлялась чрезъ форъ Константина въ Эксакіоній и входила въ храмъ пресв. Богородицы возлѣ Еленинскаго дворца (πλησίον τῶν Ἑλενιανῶν), гдѣ и совершалась литургія.

Изъ этого свидѣтельства Іерусалимскаго списка видно ясно, что крестный ходъ 26 января не только можно считать установленнымъ въ память землетрясенія при Θеодосіи Младшемъ, но и должно. Точно указано въ немъ и мѣсто, наиболѣе пострадавшее отъ землетрясенія, а равно и храмъ, къ которому направлялся крестный ходъ и который находился въ мѣстности наибольшаго развитія землетрясенія. Іерусалимскій списокъ совершенно точно обозначаетъ время и мѣсто, между тѣмъ какъ Патмосскій списокъ на время только намекаетъ, такъ что проф. Красносельцевъ (стр. 215) только догадывается о немъ на основаніи другихъ историческихъ свидѣтельствъ и сообщеній.

Другія землетрясенія, упомянутыя въ Патмосскомъ спискѣ, отмѣчены и въ Іерусалимскомъ, при чемъ въ послѣднемъ обозначеніе точнѣе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Іерусалимскій списокъ даетъ возможность точно исправить невѣрныя и явно ошибочныя чтенія Патмосскаго. Такъ, напр., 9 января въ Патмосскомъ спискѣ имѣется явная безсмыслица, которая заставила проф. Красносельцева задуматься и вызвала вѣрную догадку, вполнѣ подтвердившуюся Іерусалимскимъ спискомъ. Подъ 9 января въ Патмосскомъ спискѣ указана память св. мученика Поліевкта и великаго землетрясенія при царяхъ Декіи и Валеріанѣ. Мѣсто это проф. Красносельцевъ справедливо призналъ неяснымъ и неправильно написаннымъ (стр. 167 слѣд.). Возбуждаемыя имъ недоразумѣнія онъ разрѣшилъ тѣмъ, что землетрясеніе 9 января, на основаніи собранныхъ Муральтомъ извѣстій, отнесъ къ царствованію Василія Македонянина (869 г.), совершенно правильно признавъ, что императоры названы въ Патмосскомъ спискѣ ошибочно для обозначенія времени землетрясенія: ихъ нужно отнести къ муч. Поліевкту, который жилъ и пострадалъ при нихъ. Въ Іерусалимскомъ спискѣ, въ которомъ это мѣсто изложено подробнѣе, ошибки Патмосскаго списка нѣтъ, а относительно землетрясенія сказано, что оно произошло въ началѣ царствованія Василія, когда обрушились храмъ пресв. Богородицы въ Сигмѣ, многія другія церкви и частные дома.

Кромѣ землетрясеній и нашествій варваровъ, отмѣченныхъ какъ въ Патмосскомъ, такъ и въ Іерусалимскомъ спискахъ Константинопольскаго синаксаря, въ Іерусалимскомъ спискѣ отмѣчено нѣсколько другихъ бѣдствій и поразительныхъ явленій природы. Такъ подъ 1 сентября значится большой пожаръ, бывшій въ царствующемъ градѣ при Львѣ I Великомъ; подъ 8 августа отмѣчено солнечное затменіе, бывшее при царяхъ Львѣ IV и Александрѣ 891 г., при чемъ

точно обозначены часы и продолжительность затменія, которое длилось отъ 6-го до 9 часа и было такъ полно, что видны были звѣзды [1]).

Этой отмѣтки нѣтъ въ Патмосскомъ спискѣ, такъ какъ оригиналъ его написанъ раньше этого событія, но оно занесено въ синаксарь, составленный позднѣе, при сынѣ того царя, при которомъ это событіе случилось.

Въ виду высокихъ качествъ Іерусалимскаго списка церковнаго устава Константинопольскихъ церквей было бы весьма желательно, чтобы наши спеціалисты по литургикѣ достали съ него копію и напечатали весь списокъ цѣликомъ, чтобы сдѣлать его достояніемъ всѣхъ византологовъ и предоставить имъ возможность брать изъ него то, что каждому нужно по занимающему его отдѣлу византологіи.

Къ сожалѣнію, ожидать этого въ скоромъ времени едва ли можно, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появится въ свѣтъ сборникъ неизданныхъ типиковъ, подъ редакціею А. А. Дмитріевскаго, а въ этомъ сборникѣ Іерусалимскаго нѣтъ; ожидать же въ скоромъ времени другого такого сборника весьма трудно. По этимъ причинамъ можно ограничиться пока тѣми извлеченіями, которыя сдѣланы были г. Пападопуло-Керамевсомъ, понявшимъ значеніе Іерусалимскаго списка и сдѣлавшимъ изъ него подробныя извлеченія.

Эти извлеченія, какъ было замѣчено выше, заключаютъ въ себѣ календарную, церемоніальную и значительную часть уставнаго элемента, входящаго въ синаксарь, между тѣмъ какъ агіографическій элементъ, составляющій главное содержаніе синаксаря и бывшій предметомъ особеннаго вниманія составителя, почти совсѣмъ опущенъ г. Керамевсомъ, очевидно, по той причинѣ, что синаксарь даетъ краткія жизнеописанія, представляющія мало новаго. Г. А. И. Пападопуло-Керамевсъ извлекалъ то, что ему казалось важнымъ и интереснымъ въ археологическомъ отношеніи, а такова, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ церемоніальная часть, т. е. указанія, когда и гдѣ праздновалась память того или другого святаго или событія, и какъ и откуда шелъ крестный ходъ, если таковой былъ, указанія, послужившія главнымъ основаніемъ и матеріаломъ Дюканжу для составленія указателя Константинопольскихъ церквей и монастырей въ его Constantinopolis Christiana.

---

1) 8 августа. Ἐγένετο ἡ τοῦ ἡλίου ἔκλειψις ἀπὸ ὥρας ἕκτης ἕως ὥρας θ' ὥστε καὶ τοὺς ἀστέρας φανῆναι ἔτους ,ςτϟθ' (6399), ἐν ἡλίου κύκλῳ ιέ καὶ σελήνης κύκλῳ ιέ, ἰνδ. θ', ἡμέρᾳ κυριακῇ, ἐπὶ τῆς βασιλείας Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου τῶν εὐσεβῶν βασιλέων.

Но такъ какъ въ каждомъ подобномъ выборѣ всегда большую роль играетъ субъективность воззрѣній выбирающаго, то, понятно, и въ выборѣ г. Керамевса много субъективнаго. Весьма возможно и вѣроятно, что многіе не найдутъ въ его извлеченіи того, что ихъ наиболѣе интересуетъ и что скрывается подъ таинственнымъ κτλ. Въ такомъ положеніи особенно часто окажутся литургисты, которые будутъ искать въ извлеченіи г. Керамевса отличительныхъ чертъ богослуженія того или другого дня: г. Пападопуло-Керамевсъ ограничился извлеченіемъ службы только самыхъ большихъ и важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ.

Къ счастію, служба въ эти дни большею частію изложена въ Іерусалимскомъ спискѣ почти тожественно съ Патмосскимъ спискомъ и составитель синаксаря, писавшій въ X в. по порученію ученаго царя, очевидно, пользовался тѣмъ же церковнымъ уставомъ, съ котораго списанъ Патмосскій списокъ, такъ какъ порядокъ богослуженія былъ уже установленъ и впослѣдствіи прибавлялись только подробности и разныя вставки, не измѣнившія послѣдовательности и главныхъ чертъ богослуженія. Это обстоятельство до нѣкоторой степени можетъ служить утѣшеніемъ для литургистовъ, хотя литургистъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что подъ «и прочее» (κτλ) не скрывается чего-нибудь важнаго и весьма интереснаго, могущаго разъяснить тотъ или другой вопросъ о мѣстѣ и времени возникновенія той или другой особенности богослуженія, появленія того или другого тропаря, кондака и другихъ молитвъ и пѣснопѣній.

Точно также и занимающійся агіографіею можетъ найти въ краткихъ жизнеописаніяхъ святыхъ Іерусалимскаго списка не мало интересныхъ данныхъ если не для жизни отдѣльныхъ мучениковъ, то для исторіи агіографіи, тѣмъ болѣе, что составитель, по его словамъ, главною своею задачею считалъ составленіе систематическаго и полнаго сборника жизнеописаній святыхъ, до него, повидимому, не существовавшаго въ такой полнотѣ и порядкѣ, въ какихъ мы находимъ въ Іерусалимскомъ спискѣ. Г. Пападопуло-Керамевсъ ограничился весьма немногими извлеченіями изъ этой части устава, казавшимися ему интересными и важными, но не спеціалисту-агіографу, который можетъ найти много интереснаго для себя и въ томъ, что не спеціалисту кажется не заслуживающимъ вниманія.

Но церемоніальная часть устава, заключающая въ себѣ наиболѣе археологическаго (топографическаго) матеріала, выписана г. Папа-

допуло-Керамевсомъ, повидимому, вся. Все, болѣе или менѣе важное и для археолога интересное, имъ, повидимому, извлечено. По крайней мѣрѣ мои выписки, сдѣланныя въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ по интересовавшимъ меня вопросамъ, нашлись всѣ и въ извлеченіи г. Керамевса. Въ немъ я нашелъ и одно мѣсто, интересное для меня по спеціально меня занимавшему частному вопросу о мѣстѣ храма св. Константина, невѣрно опредѣленномъ въ перечнѣ храмовъ у Дюканжа. Дѣло въ томъ, что, занимаясь вопросомъ о чествованіи Константина Великаго въ Константинополѣ, какъ христіанскаго святаго, и говоря о храмахъ и евктиріяхъ въ честь его, я долженъ былъ упомянуть и объ его храмѣ, находившемся при дворцѣ Бона (Boni, Βώνου), куда 21 мая совершался крестный ходъ изъ храма св. Софіи чрезъ храмъ св. Апостоловъ при участіи царя и патріарха[1]).

Между тѣмъ въ перечнѣ Константинопольскихъ храмовъ въ Constantinop. Christiana Дюканжа мѣсто храма св. Константина, въ который совершалась процессія 21 мая, опредѣлено такъ: ναὸς ἐν τῇ κινστέρνῃ τῆς μονῆς. Такое непонятное и неясное опредѣленіе, естественно, обратило вниманіе знаменитаго византолога и онъ высказалъ предположеніе, что къ слову κινστέρνῃ нужно прибавить какое-нибудь названіе, которое бы опредѣляло мѣсто цистерны, Μωκεσίᾳ aut quod simile, ita ut hoc monasterium situm fuerit versus cisternam Mocesiam, т. е. у св. Мокія,— храма очень извѣстнаго въ Константинополѣ. Такую поправку Дюканжъ придумалъ, по всей вѣроятности, отъ того, что онъ не могъ знать вышеназваннаго обряда Константина Багрянороднаго, у котораго мѣсто собора 21 мая, т. е. храмъ св. Константина, точно указано и ясно показано, что храмъ этотъ находился при дворцѣ Вона.

Если бы Дюканжъ зналъ этотъ обрядъ, онъ, вѣроятно, не усомнился бы въ тожествѣ этихъ храмовъ, названныхъ въ источникѣ Дюканжа и у Константина Багрянороднаго.

Для меня, по крайней мѣрѣ, такое тожество показалось очень вѣроятнымъ, и я предположилъ, что въ Минеяхъ, изъ которыхъ Дюканжъ заимствовалъ непонятную вышеприведенную цитату, мы имѣемъ дѣло съ ошибкою и что τῆς μονῆς написано вмѣсто собственнаго имени,

1) См. мою статью: «Евктирій св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды», помѣщенную въ Лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, Визант. отдѣлъ, т. II, стр. 1 и слѣд.

которымъ опредѣлялось мѣсто цистерны и храма. А такъ какъ храмъ, въ которомъ совершалась литургія 21 мая, находился во дворцѣ Бона или Вона, то я предположилъ, что вмѣсто τῆς μονῆς нужно читать τοῦ Βώνου, тѣмъ болѣе что βώνου легко могло измѣниться въ μόνου, а потомъ въ μονῆς, чему, быть можетъ, способствовала неправильная форма члена τῆς (стр. 5, примѣч.).

Просматривая Іерусалимскій списокъ церковнаго устава Константинопольскихъ церквей въ патріаршей Іерусалимской библіотекѣ, я, естественно, обратилъ особое вниманіе на 21 мая и, къ своему удовольствію, нашелъ полное подтвержденіе своей догадки. Подъ 21 мая въ Іерусалимскомъ спискѣ между прочимъ написано: Ἡ σύναξις τελεῖται ἐν τῇ Μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν τοῖς ἁγίοις Ἀποστόλοις καὶ ἐν τῷ θείῳ αὐτοῦ (т. е. Константина) ναῷ ἐν τῇ κινστέρνῃ τῆς(?) Βώνου, τοῦ πατριάρχου ἅμα τοῦ βασιλέως καὶ τῆς συγκλήτου μετὰ τῆς λιτῆς ἐκεῖσε παραγινομένου καὶ τὴν θείαν λιτουργίαν ἐπιτελοῦντος.

Цистерна Бона извѣстна изъ другихъ источниковъ (Кодинъ) и въ Іерусалимскомъ спискѣ устава является общеизвѣстнымъ пунктомъ, по которому опредѣляется мѣсто храма. Она находилась въ кварталѣ Бона, возлѣ дворца, называвшагося также по имени Бона[1]). Выписанное изъ Іерусалимскаго списка мѣсто не представляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что храмъ, названный въ Обрядахъ Константина Багрянороднаго и упомянутый въ перечнѣ Дюканжа, тожественны и что память св. Константина 21 мая праздновалась именно въ немъ.

Это мѣсто въ извлеченіи г. Пападопуло-Керамевса, къ счастію, имѣется и присутствіе этой подробности доказываетъ, что извлеченіе, повидимому, содержитъ въ себѣ все, достойное вниманія археолога вообще, особенно все, касающееся топографическаго матеріала. Потому напечатаніе этого извлеченія я считаю очень желательнымъ и многіе съ удовольствіемъ увидѣли бы его въ печати, тѣмъ болѣе, что Іерусалимскій списокъ, представляя собою дальнѣйшее развитіе Константинопольскаго церковнаго устава, и въ извлеченіи г. Пападопуло-Керамевса, служитъ существеннымъ дополненіемъ Патмосскаго списка и даетъ много поправокъ къ нему и другимъ источникамъ по топографіи Константинополя.

1) См. Codin. de Signis, p. 32; de aedific. p. 99; ср. Дюканжа Const. Chr. p. 81.

Д. Бѣляевъ.

Казань,
15 авг. 1895.

О Тайной Исторіи Прокопія.

(Продолженіе) [1].

Переходимъ къ разбору извѣстій Тайной Исторіи о государственномъ управленіи, финансахъ и судѣ въ царствованіе Юстиніана. Темныя стороны дѣятельности правительства и государственной жизни въ этой области имѣютъ на языкѣ автора Тайной Исторіи одно общее наименованіе ληστεία, подобно тому какъ политическія, внѣшнія и внутреннія, отношенія ненавистнаго автору царствованія кратко характеризуются у него однимъ словомъ φόνος. «Грабежи» правительства были вызваны разстройствомъ государственнаго хозяйства.

По свѣдѣніямъ Іоанна Лидійца [2]), оскудѣніе казны Восточной имперіи началось еще съ несчастнаго похода Василиска. Эта морская экспедиція стоила 65000 фунтовъ золота, 700000 фунтовъ серебра и несчетное количество военныхъ припасовъ. Съ этихъ поръ, по выраженію Іоанна Лидійца, началось крушеніе государства. Истощены были какъ государственныя, такъ и императорскія средства [3]), т. е. издержки на эту неудачную экспедицію не могли быть покрыты изъ средствъ вѣдомства praefectus praetorio и фиска, управлявшагося своимъ comes sacrarum largitionum. Со времени этого «краха» казна римскаго государства не была въ состояніи своевременно уплачивать даже обычные расходы, и деньги тратились досрочно, когда ожидаемыя поступленія еще находились въ карманахъ плательщиковъ, — образовался постоянный дефицитъ [4]). По словамъ Іоанна Лидійца,

---

1) См. Виз. Врем. II, стр. 24 сл., 340 сл.; III, стр. 96 сл., 300 сл.

2) Lydus de mag. III c. 43—44.

3) Οὐ γὰρ ἀρκέσαντος τοῦ δημοσίου χρήματος [illegible] τῇ βασιλείᾳ.

4) Ἐξ ἐκείνου τοῦ συμπτώματος οὐκέτι [illegible], ἀλλὰ προσδαπανᾷ τοῖς πράγμασι πρὸ καιροῦ τὰ μήπω [illegible] τον εἶναι τὴν ἀπορίαν τοῦ δημοσίου.

бѣдствія государства въ правленіе Льва I едва не положили конецъ великой имперіи. По смерти Льва власть перешла къ его зятю Зинону. По словамъ того же самаго автора[1]), новый императоръ былъ такъ трусливъ, что боялся войны даже на картинѣ, и покупалъ миръ за деньги. Для пополненія казны Зинонъ не отступалъ передъ конфискаціей имущества первыхъ сановниковъ государства. По смерти его, насмѣшливая[2]) судьба отдала власть въ руки Анастасія. Онъ управлялъ государствомъ, какъ отецъ и хорошій хозяинъ, но корыстолюбіе было его слабостью. Пользуясь этимъ, Маринъ раззорилъ населеніе своими реформами финансовой системы[3]). Далѣе, Юстинъ не былъ, по мнѣнію Іоанна Лидійца, способенъ къ управленію государствомъ[4]). Благодаря этому, упомянутый Маринъ и другіе сановники времени Анастасія расхитили все накопленное предыдущимъ императоромъ богатство, состоявшее изъ «несмѣтныхъ миріадъ фунтовъ золота». Такъ какъ (послѣ реформъ Марина) сановники не имѣли болѣе прежняго содержанія изъ государственныхъ доходовъ, то они возмѣстили это лишеніе упомянутымъ путемъ — разграбленіемъ собранной Анастасіемъ казны[5]). Далѣе, постоянныя и раззорительныя войны Юстиніана, вызвавшія вторженіе Персовъ, довершили истощеніе силъ государства[6]). Потеряны были доходы съ раззоренной Сиріи, требовалась помощь населенію разрушенныхъ Хозроемъ городовъ. Тогда какъ государство изнемогало въ борьбѣ съ этими бѣдствіями, «волею Божіею поставленный во главѣ его неутомимый императоръ, не ограничиваясь своей имперіей, погибшей по винѣ предковъ (т. е. возвращеніемъ завоеванныхъ варварами провинцій), считалъ своей жизненной задачей присоединять чужія земли». Когда онъ собирался воевать съ Сигамбрами, Хозрой внезапно вторгся въ Сирію[7]), а римскія арміи были далеко. Ѳракію и Кавказъ опустошали безчисленные варвары. Императоръ «одинъ держался противъ всѣхъ», но главному органу государственнаго управленія — вѣдомству префекта — приходилось бороться съ крайними затрудненіями. Подданные отказывались отъ

---

1) Ibid. c. 45.

2) ἡ τύχη βραχύ τι, γνήσιον δὲ γελῶσα.

3) Ibid. c. 46 sqq.

4) Ibid. c. 51.

5) οὐκ ὄντων δὲ τὸ λοιπὸν τοῖς κρατοῦσι κερδῶν, ὥσπερ τὸ πρότερον, καὶ γὰρ ἀπεστρέφοντο τὰς κατὰ τῶν ὑπηκόων ἐπηρείας, ἅπας μὲν ὁ πλοῦτος ’Αναστασίου εἰς ἀπείρους μυριάδας χρυσίου λιτρῶν συναγόμενος διεῤῥύη.

6) Ibid. c. 54.

7) Ibid. c. 56.

своихъ недвижимыхъ имуществъ, чтобы не платить налоговъ; сборщики не могли исполнять свое дѣло за отсутствіемъ исправныхъ плательщиковъ. Въ другомъ случаѣ, описывая безпорядки въ управленіи при Юстиніанѣ[1]), тотъ же Іоаннъ Лидіецъ замѣчаетъ: «нашъ тишайшій (ἡμερώτατος) императоръ, по своей любви къ подданнымъ, печется о нашихъ нуждахъ, хотя и занятъ по большей части дѣлами внѣшней политики. Развѣ допустилъ бы нашъ неутомимый императоръ такіе безпорядки, если бы самъ народъ своими богопротивными раздорами не создавалъ постоянной неустойчивости мира внутри государства, ради чего казна несетъ тяжелыя издержки для охраны мира, равно какъ для обузданія непріятелей. Отсюда поводъ къ такъ называемымъ *новымъ расходамъ* и вздорожаніе предметовъ потребленія[2])».

Такимъ образомъ Іоаннъ Лидіецъ признаетъ фактъ разстройства государственныхъ финансовъ и ставитъ его въ связь съ внѣшней политикой правительства; но, какъ видно, онъ не рѣшается открыто осуждать завоевательныя наклонности Юстиніана. Тайная Исторія[3]) обвиняетъ одного его. По словамъ ея автора, Анастасій, благодаря своей бережливости[4]), успѣлъ за 27 лѣтъ своего царствованія собрать 3200 кентенаріевъ золота. Такъ увѣряли автора казначеи фиска, rei privatae и другихъ царскихъ кассъ. Но Юстиніанъ, получивъ власть еще въ царствованіе Юстина Старшаго[5]), тотчасъ же растратилъ всѣ сокровища Анастасія на варваровъ и на береговыя сооруженія, «споря съ волнами и съ морскимъ приливомъ». Тогда Юстиніанъ обратился къ грабежу своихъ подданныхъ. Что касается подарковъ варварамъ, то о нихъ уже была рѣчь выше[6]); о постройкахъ Тайная Исторія говоритъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать[7]). Нашъ источникъ указываетъ именно на безполезныя, хотя и грандіозныя приморскія сооруженія и на многочисленные дворцы Юстиніана, страннымъ образомъ умалчивая о расходахъ на постройку и украшеніе великолѣпныхъ храмовъ. Между тѣмъ въ своемъ офиціозномъ описаніи императорскихъ построекъ Прокопій долженъ былъ отвести главное мѣсто подробному обзору воздвигнутыхъ Юстиніаномъ храмо

1) Ibid. c. 15.
2) ἔνθα ἡ τῶν λεγομένων νόβων ἀναλωμάτων ἀφορμὴ καὶ στε
3) An. p. 112—113.
4) προνοητικώτατός τε ἅμα καὶ οἰκονομητικώτατος κτ.
5) An. p. 53.
6) Визант. Врем. т. III, стр. 313.
7) An. p. 54, 146.

чѣмъ объясняется такое умолчаніе автора Тайной Исторіи; впрочемъ, въ сочиненіи «О постройкахъ» содержится также много данныхъ о дворцахъ и прибрежныхъ сооруженіяхъ[1]); сверхъ того, и тамъ авторъ позволилъ себѣ насмѣшку: «все, замѣчаетъ онъ, было принято во вниманіе, кромѣ денегъ[2])».

Широкіе планы внѣшней политики Юстиніана не были соразмѣрны съ платежными средствами населенія. Принимая всѣ возможныя мѣры для повышенія государственнаго дохода — это мы увидимъ ниже — и указывая населенію на необходимость новыхъ жертвъ[3]), правительство должно было обратиться къ сокращенію расходовъ на содержаніе войска. Судя по извѣстіямъ источниковъ и прежде всего Тайной Исторіи, средствами для того являлись: сокращеніе численности арміи, экономія въ ея содержаніи, наконецъ возложеніе расходовъ на мѣстныя и даже на частныя средства. Близко знакомый съ дѣломъ, Прокопій не обошелъ молчаніемъ «поступковъ Юстиніана съ солдатами», его «нововведеній въ устройствѣ арміи[4])». Онъ считаетъ Юстиніана виновнымъ въ ослабленіи римскаго войска, въ упадкѣ дисциплины и въ военныхъ неудачахъ Римлянъ[5]). Разсматривая правительственныя мѣропріятія съ точки зрѣнія вреда, принесеннаго Юстиніаномъ военному классу, авторъ Тайной Исторіи приходитъ къ выводу, что «такимъ образомъ этотъ тираннъ раздѣлался со служащими[6])». Несмотря на односторонность взгляда, извѣстія Тайной Исторіи важны. Иллюстрируя недостатки организаціи римско-византійскаго войска въ VI в., они прибавляютъ нѣсколько фактовъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ. Разстройство военнаго управленія и вредныя мѣропріятія правительства въ этой области ставятся Прокопіемъ въ связь прежде всего съ дѣятельностью логоѳетовъ.

Въ исторіи Агаѳія читаемъ жалобы на дурное содержаніе арміи при Юстиніанѣ. Покоривъ Италію и Ливію, пишетъ этотъ историкъ[7]), Юстиніанъ въ старости отказался отъ трудовъ и предпочелъ ссорить варваровъ между собой или угождать имъ подарками. Не нуждаясь такимъ образомъ въ арміи, онъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на ея

---

1) Aedif. 193. 194. 198. 207—208. 202—203. Ср. 197_{18}.
2) Aedif. 207: οὐδενὸς ἀπεριόπτου ὅτι μὴ χρημάτων.
3) Novell. Iust. ed. Zachariae, XVI ι′ § 2, XLIV ιχ′ § 2.
4) Ср. An. 71_{15}.
5) An. 134_{18}. Ср. p. 37, 109_{23}, 107_{17}.
6) An. 138_{12}.
7) Agath. V c. 14 p. 306 Bonn.

раззореніе. Пользуясь этимъ, ближайшія къ престолу вѣдомства, на обязанности которыхъ лежитъ сборъ податей и раздача войску содержанія[1]), въ одномъ открыто отказывали солдатамъ, другое выдавали гораздо позже, чѣмъ слѣдовало. Когда же должное, хотя и поздно, бывало выдано, тотчасъ же къ войскамъ пріѣзжали новые начальники, «οἱ τὴν πανοῦργον ταύτην καὶ δημώδη λογιστικὴν ἠσκημένοι» и требовали выданное обратно[2]). Въ томъ именно и заключалась ихъ почетная должность (γέρας τε καὶ ἀξίωμα), чтобы взводить на солдатъ различныя обвиненія и лишать ихъ пропитанія. И подобно отливу, продолжаетъ Агаѳій, вся сумма переданнаго полкамъ жалованья — неизвѣстно, какимъ образомъ — снова перекачивалась (μετωχετεύετο) туда, откуда притекла. Благодаря тому боевая сила (τὸ ὑπερμάχουν καὶ παραταττόμενον) находилась въ пренебреженіи, и ветераны изъ-за недостатка пропитанія покидали службу, къ которой привыкли съ юности, уходя кто куда, чтобы только перемѣнить образъ жизни».

Такимъ образомъ Агаѳій жалуется, во-первыхъ, на вѣдомства, которыя названы у него «οἱ τὴν δευτέραν ἀρχὴν τῶν σκήπτρων διέποντες» и на обязанности которыхъ лежало erogatio, т. е. прежде всего на префектуру[3]); во-вторыхъ, на особыхъ уполномоченныхъ, пріѣзжавшихъ къ войскамъ и производившихъ вычеты изъ выданнаго жалованья. Эти лица названы у него описательно: «οἱ τὴν πανοῦργον ταύτην καὶ δημώδη λογιστικὴν ἠσκημένοι». Тайная Исторія называетъ ихъ логоѳетами, употребляя это слово въ постоянномъ и опредѣленномъ значеніи. Логоѳеты опредѣляются, прежде всего, тѣмъ, что присылаются къ войску, а не служатъ при немъ постоянно[4]). Далѣе, ихъ дѣломъ было, по словамъ автора Тайной Исторіи, «собирать со всѣхъ какъ можно больше денегъ». «Имъ было извѣстно, что для нихъ будетъ оставлена $^1/_{12}$ всего, что ими будетъ добыто»[5]). Наконецъ, по мнѣнію автора, логоѳеты были учреждены Юстиніаномъ[6]). Въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующее предложеніе: «онъ имъ далъ имя логоѳетовъ»[7]). Изъ этого же предложенія видно, что λογοθέτης

1) οἱ τὴν δευτέραν ἀρχὴν τῶν σκήπτρων διέποντες, οἷς δὴ φορολογεῖν τὴν ὑπήκοον καὶ εἶτα διανέμειν τοῖς στρατιώταις τὰ ἐπιτήδεια ἐκπεφρόντισται.

2) ἐφίσταντο τοῖς καταλόγοις καὶ ἀνεκαλοῦντο τὰ πεπορισμένα, p. 307.

3) Cp. Novellae imperatorum post Iustinianum, ed. Zachariae. Coll. I, nov. 1, α′.

4) An. 108_3. 134_{19}. Cf. 146. 132_{22}.

5) An. 132.

6) An. 132_{22} οἷς (στρατιώταις) δὴ τούτους ἐπέστησεν. Cp. Agath. l. c. ἐφίσταντο τοῖς καταλόγοις.

7) ὄνομα δὲ λογοθέτας αὐτοῖς ἔθετο.

имѣетъ въ Тайной Исторіи значеніе термина. Въ томъ еще болѣе убѣждаемся изъ выраженія οἱ λογοθέται καλούμενοι[1]): согласно словоупотребленію нашего источника подобное выраженіе должно заключать въ себѣ терминъ. Въ этомъ можно убѣдиться, пересмотрѣвъ мѣста, гдѣ встрѣчается выраженіе καλούμενος въ соединеніи съ именемъ должности, званія или какого-либо установленія[2]). Логоѳеты не смѣшиваются авторомъ Тайной Исторіи съ «τινὲς τῶν ἐν παλατίῳ φυλάκων», посылавшимися для ревизіи личнаго состава регулярныхъ полковъ (κατάλογοι, numeri) со стороны пригодности къ несенію службы[3]). Подъ этими «дворцовыми стражами» слѣдуетъ разумѣть excubitores, согласно другому мѣсту Тайной Исторіи, гдѣ въ словахъ ἄρχων τῶν ἐν παλατίῳ φυλάκων» несомнѣнно разумѣется comes excubitorum[4]). Менѣе вѣроятности имѣетъ за собою пониманіе словъ οἱ ἐν παλατίῳ φύλακες въ смыслѣ οἱ ἐν παλατίῳ στρατευόμενοι или scholarii[5]). Въ другомъ случаѣ логоѳеты не смѣшиваются авторомъ Тайной Исторіи съ τιμηταί τῆς γῆς или censitores[6]). Тамъ говорится сначала объ этихъ послѣднихъ, наложившихъ на населеніе возвращенной Африки тяжелыя подати. Изъ «Исторіи Вандальскихъ войнъ» извѣстны имена этихъ τιμηταί[7]); что касается ихъ точнаго званія и полномочій, то они не могутъ быть отожествлены съ логоѳетами[8]). Во всякомъ случаѣ ясно, что самъ авторъ Тайной Исторіи ихъ различаетъ: переходя отъ Африки къ Италіи (въ текстѣ лакуна), Прокопій замѣчаетъ[9]), что и тамъ были допущены такіе же безпорядки, какъ въ Африкѣ;

---

1) An. 108_2. 133_{13}.

2) τοῦ καλουμένον κοιαίστωρος An. 44_{16}. 65_8. 117_7; τοῖς δὲ ἀσεκρῆτις καλουμένοις 88_5; ῥαιφερενδαρίους καλουμένους 89_{15}; τὰ καλούμενα (λεγόμενα) μονοπώλια 115_{20} 140_{18} 145_{15}, τὸ καλούμενον μονοπώλιον 148_9; τοῦ μαγίστρου καλουμένου 134_{23} 136_{18}; τὰ πριβάτα καλούμενα 125_1; καλουμέναις ἐπιβολαῖς 130_{11}; (λιμιτανaίους ἐκάλουν 135_9; σχολαρίους καλοῦσιν 135_{21}; σχολαρίους, οὕσπερ ὑπεραρίθμους ἐκάλουν 136_7; δομέστικοι καὶ προτήκτορες ἐπικαλοῦνται 137_2); σιλεντιάριοι καλούμενοι καὶ δομέστικοι καὶ σχολάριοι 147_2.

3) An. 134.

4) An. 44_7, cf. 43_9 и примѣч. Гартманна къ Gregor. M. epist. I 31 (Mon. Germ.).

5) An. 146_{23}. 33_5. Ср. Notitia Orientis, de primicerio notariorum: scholas etiam et numeros tractat и прим. Boecking, p. 268 sqq. Gothofr. ad Cod. Theod. VI 10 de primicerio et notariis, 2.

6) An. 107_{14}.

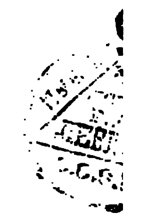
7) Vand. II c. 8 extr.

8) Hartmann, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien, 108, осторожно высказывается, что положеніе ихъ было аналогично съ положеніемъ Александра и другихъ упоминаемыхъ у Прокопія логоѳестовъ.

9) An. 108_2.

сверхъ того Юстиніанъ прислалъ[1]) такъ называемыхъ логоѳетовъ, которые уже окончательно раззорили населеніе[2]). Такимъ образомъ, въ текстѣ Тайной Исторіи слово λογοθέτης употребляется въ опредѣленномъ значеніи.

Мы не можемъ передавать въ подробностяхъ интересныя извѣстія Тайной Исторіи о злоупотребленіяхъ логоѳетовъ[3]). Они не пополняли ослабѣвшій составъ регулярныхъ полковъ, удерживали заслуженныхъ солдатъ на меньшемъ пайкѣ, не переводя ихъ на свободные бо́льшіе пайки, «раздѣляя съ Юстиніаномъ солдатскія деньги». Многихъ выключали изъ списковъ: однихъ, какъ грековъ, «какъ будто изъ этой страны совсѣмъ не можетъ быть порядочнаго солдата»[4]); другихъ логоѳеты исключали, какъ не имѣющихъ разрѣшенія служить въ войскѣ, не затрудняясь даже отвергать царскія грамоты, предъявляемыя обвиненными въ свое оправданіе; третьихъ исключали за то, что они на нѣсколько дней оставили своихъ товарищей, т. е. за злоупотребленіе правомъ отпуска (commeatus). Даже «служащіе у всѣхъ высшихъ начальниковъ (οἱ πᾶσιν ὑπηρετοῦντες τοῖς στρατηγοῖς), т. е. составлявшіе ихъ οἰκία дориѳоры и гипасписты, «прежде бывшіе многочисленными и извѣстными по своему большому благосостоянію», впали въ бѣдность отъ притѣсненій логоѳетовъ. Дѣятельность одного изъ нихъ — Александра Псалидія, — особенно была памятна; о немъ встрѣчаются взаимно дополняющія извѣстія во всѣхъ сочиненіяхъ Прокопія[5]). Особенно интересно, что въ «Исторіи Готскихъ войнъ» Прокопій даетъ его званію и обязанностямъ опредѣленіе: «былъ въ Византіи нѣкто Александръ, начальникъ государственныхъ финансовъ[6]); римляне (т. е. ромеи, византійцы) называютъ эту высокую должность по-гречески логоѳетомъ[7]). Его постояннымъ дѣломъ было взысканіе съ солдатъ нанесеннаго ими казнѣ ущерба[8])». Черезъ это

---

1) προσεπιπέμψας.

2) Извѣстіе An. 129 о «сикофантахъ», притѣснявшихъ землевладѣльцевъ, относится Гартманномъ (въ томъ же мѣстѣ) къ извѣстіямъ о логоѳетахъ, но тамъ дѣло идетъ, какъ видно изъ 129_4, о φορόλογοι, exactores.

3) An. c. 24, p. 132_{22} — 135_3.

4) Вегецій совѣтуетъ выбирать новобранцевъ изъ сѣверныхъ провинцій, «слѣдуя авторитету многихъ писателей», хотя самъ замѣчаетъ: constat quidem in omnibus locis et ignavos et strenuos nasci. Veget. de re milit. I c. 2.

5) Goth. III c. 1, p. 284—285. An. 147—148. Aedif. IV c. 2, p. 271.

6) τοῖς δημοσίοις ἐφεστὼς λογισμοῖς.

7) λογοθέτην ἑλληνίζοντες τὴν τιμὴν ταύτην καλοῦσι Ῥωμαῖοι.

8) οὗτος ἀεὶ τοῖς στρατιώταις τὴν εἰς τὸ δημόσιον ἐπεκάλει ζημίαν.

онъ изъ бѣднаго сталъ богатымъ, доставилъ императору дохода больше всѣхъ, но сдѣлался главнымъ виновникомъ раззоренія солдатъ и неудачъ римлянъ въ Италіи.

Изъ приведенныхъ словъ Прокопія слѣдуетъ, что λογοθέτης—употребляемое византійцами греческое названіе для должности, опредѣляемой имъ словами ὁ τοῖς δημοσίοις ἐφεστὼς λογισμοῖς. Но въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ. Судя по извѣстіямъ Агаѳія, Тайной Исторіи и самихъ «Готскихъ войнъ» [1]), логоѳетовъ было нѣсколько, а только что приведенныя слова указываютъ на одного начальника δημοσίων λογισμῶν. По однимъ извѣстіямъ логоѳеты были уполномоченные, присылаемые въ армію для ревизіи, а изъ этого мѣста оказывается, что существуетъ постоянная [2]) должность логоѳета въ Византіи. И что это за должность ἐφεστὼς τῶν δημοσίων λογισμῶν? Къ какому параграфу Notitia Dignitatum его пріурочить, намъ не ясно. Можетъ быть, изученіе круга обязанностей и правъ логоѳетовъ, насколько о нихъ можно судить прежде всего по даннымъ Прокопія и Агаѳія, нѣсколько облегчитъ затрудненіе.

Ихъ обязанностями и дѣломъ являются λογισμοί по Прокопію и λογιστική по Агаѳію [3]). Слово λογισμοί обыкновенно переводится черезъ rationes [4]). У Іоанна Лидійца читаемъ: κατ᾽ αὐτοὺς (Ῥωμαίους) ῥατίωνες οἱ λογισμοὶ λέγονται [5]). Какіе же счеты разумѣются въ извѣстіяхъ Прокопія и Агаѳія? Александръ названъ ὁ ἐν Βυζαντίῳ τοῖς δημοσίοις ἐφεστὼς λογισμοῖς. Въ уже привлеченной главѣ Іоанна Лаврентія Лидійца δημόσιοι λογισμοί отожествляются съ обязанностями тѣхъ, кто завѣдуетъ всѣми лицами, пожалованными содержаніемъ отъ государства [6]). Слѣдовательно, вѣдѣнію Александра должно было подлежать прежде всего наблюденіе за выдачею войску анноны и другихъ статей солдатскаго жалованья. Наши авторы и говорятъ вполнѣ согласно, что обязанностью логоѳетовъ являлось возмѣщеніе казнѣ убытковъ, нанесенныхъ ей солдатами. Это, конечно, слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ преслѣдованія грабежей провинціаловъ солдатами, но въ смыслѣ возвращенія казнѣ выданныхъ солдатамъ денегъ, которыя могли быть сочтены за лишнія. Не входимъ въ подробности,

1) Goth. 368: πρὸς τῶν καλουμένων λογοθετῶν.

2) ἀεὶ ἐπεκάλει.

3) Agath. l. c. Proc. Goth. p. $284_{5\cdot 19}$ 285_4 368_7.

4) См. тексты въ Thesaurus linguae Graecae s. v.

5) Laur. Lydus de mag. III c. 7.

6) πᾶσι τοῖς ὁπωσοῦν σίτησιν δημοσίαν ἔχειν ἠξιωμένοις ὑπακούουσι (operam dant).

какимъ образомъ возможны были такіе переборы съ одной стороны и взысканія съ другой [1]). Этимъ, однако, не ограничивался кругъ дѣятельности логоѳетовъ и, въ частности, Александра Псалидія. Ихъ «счеты» распространялись и на провинціаловъ, при томъ, по словамъ Прокопія [2]), даже на тѣхъ, которые не имѣли никакого отношенія къ имуществу казны или императора (логоѳеты контролировали не только расходы по содержанію). Кромѣ того, Александръ и другіе логоѳеты взыскивали съ провинціаловъ Италіи все, что ими не было уплачено готскому правительству [3]). Это вполнѣ понятно, такъ какъ правительство Юстиніана, относясь къ Тотилѣ, какъ къ тиранну и отвергая всѣ его распоряженія, въ то же время вступило во всѣ права Теодериха и его законныхъ преемниковъ [4]). Такимъ образомъ логоѳеты имѣли отношеніе не только къ войску. Это подтверждается извѣстіями объ Александрѣ. Онъ отнялъ аннону у нищихъ при храмѣ ап. Петра, въ Греціи распустилъ ѳермопильскую милицію и возложилъ издержки по содержанію гарнизона на города Ахеи, распоряжаясь средствами послѣднихъ. Впрочемъ, не извѣстно, собственной ли властью онъ предпринималъ всѣ эти мѣры; равно какъ не служитъ къ опредѣленію обязанностей логоѳетовъ его операціи съ вѣсомъ солида, доставившія ему прозвище ψαλίδιος [5]).

Историки Прокопій и Агаѳій не опредѣляютъ положенія логоѳета Александра. Между тѣмъ, въ виду особой важности логоѳетовъ въ позднѣйшей организаціи византійскаго управленія, нужны были бы возможно точныя свѣдѣнія. Обращаемся къ археологическому трактату Іоанна Лидійца, но и тамъ не оказывается точнаго отвѣта на

1) Ср. Cod. Iust. XII 37 de erogatione militaris annonae и Cujacius ad tit. (Opera, ed. Fabroti, t. II). Ср. также Vegetius Renatus, de re milit. II c. 19 и комментарій Stewechius (Antverpiae, 1585). Много данныхъ въ письмахъ Григорія В. Ср. коммент. Гартманна и его же Untersuchungen zur Gesch. byz. Verwalt. in Italien, стр 173 и др.

2) Goth. p. 284_{20}.

3) Ibid. и p. 368. An. 134_{21}.

4) См. указъ pro petitione Vigilii (т. н. Pragmatica Sanctio).

5) An. 128_{13}. Выраженіе λογισμοὶ τῶν πεπολιτευμένων, Goth. 368_{4}, должно быть, повидимому, понято въ смыслѣ взысканія долговъ готскому правительству; вѣроятно, въ томъ же смыслѣ Прокопіемъ употреблено выраженіе λογισμοὶ τῶν βεβιωμένων въ извѣстіяхъ о вымогательствахъ Велисарія. Goth. 326_{20}, An. 37_{7}. Латинскій переводъ: anteactae vitae cogitationum poenas exegit, anteactae vitae rationem repetiturus; но слѣдовало бы перевести: rationes gestorum. Ср. Dio Cass. LIII 17: ἐκ δὲ δὴ τοῦ τιμητεύειν τούς τε βίους καὶ τοὺς τρόπους ἡμῶν ἐξετάζουσι καὶ ἀπογραφὰς ποιοῦνται у Hirschfeld, Untersuch. auf. dem Gebiete der rom. Verwaltungsgeschichte, I (Berlin, 1877), стр. 17, пр. 4.

вопросъ, какое положеніе въ государственной системѣ VI в. было отведено логоѳетамъ и откуда ведетъ начало это учрежденіе. Впрочемъ, извѣстія сочиненія «De magistratibus» имѣютъ цѣнность. Оказывается прежде всего, что знаменитый префектъ Іоаннъ Каппадокіецъ былъ прежде логоѳетомъ[1]). Онъ началъ свою службу въ рядахъ скриніаріевъ вѣдомства magister militum, затѣмъ поступилъ въ число логоѳетовъ[2]), войдя въ расположеніе императора и «обѣщавъ ему сдѣлать нѣчто невѣроятное». Далѣе, онъ достигъ званія illustris и сразу послѣ того былъ назначенъ praefectus praetorio. Отсюда прежде всего видно, что логоѳетовъ было нѣсколько. Это была высокая должность. Ступенью къ рангу illustris была spectabilitas, врядъ ли логоѳеты имѣли такое высокое званіе. Все-таки изъ логоѳетовъ можно было достигнуть самаго высокаго положенія въ государствѣ: praefectus praetorio, какъ въ данномъ случаѣ, и praefectus urbi[3]). Въ одинаковыхъ выраженіяхъ говорится у Іоанна Лидійца о возвышеніи другого извѣстнаго администратора того времени — Марина Сирійца. Онъ вышелъ изъ числа скриніаріевъ dioecesis Orientis. Достигнувъ довѣрія Анастасія, Маринъ убѣдилъ его, по словамъ Іоанна Лидійца, отдать ему, Марину, въ распоряженіе все податное дѣло[4]), обѣщавъ повышеніе дохода. Этимъ былъ нанесенъ новый ударъ вѣдомству префекта, судьбы котораго такъ близки автору De magistratibus. Іоаннъ Лидіецъ не называетъ Марина логоѳетомъ, но что Маринъ дѣйствительно занималъ должность логооета, убѣждаетъ сравненіе извѣстій другихъ источниковъ. Во время мятежа по поводу Τρισάγιος, при Анастасіи, на амвонъ къ народу вышли логоѳетъ и епархъ по извѣстію Кедрина и excerpta Valesiana[5]). Хроника Марцеллина даетъ ихъ имена: Маринъ и Платонъ. Но послѣдній былъ praefectus urbi, или епархъ, какъ видно изъ хроники Виктора Тоннонскаго. Слѣдовательно, Маринъ былъ логоѳетомъ, по извѣстіямъ, впрочемъ, позднѣйшихъ источниковъ.

Къ счастью, хроника Малалы сохранила извѣстіе, разъясняющее

1) Lyd. de mag. III c. 57.

2) εἰς λογοθέτας προῆλθεν.

3) Theoph. s. a. 6055 p. 239 Boor: διεδέχθη Προκόπιος ὁ ἔπαρχος τῆς πόλεως καὶ γέγονεν ἀντ 'αὐτοῦ Ἀνδρέας ὁ ἀπὸ λογοθετῶν. cf. ibid. p. 237_{26}.

4) Lyd. de mag. III c. 46: πᾶσαν αὐτῷ τὴν πολιτείαν διαψηφίσα(ο)ντι τοὺς φόρους καταπιστεῦσαι.

5) Cedren. p. 631_{11} Bonn. = 360 Paris. Cramer, Anecdota Oxoniensia II p. 316_{12}. Marcellinus Comes, Victor Tonnon. (Mommsen, Chronica minora), Malal. p. 395_{4}.

положеніе Марина[1]). Царь, читаемъ въ хроникѣ, уволивъ Іоанна Пафлагонянина отъ завѣдыванія отчетами префектовъ преторія, далъ ему званіе ἀπὸ ὑπάτων, назначивъ вмѣсто него завѣдующимъ и логоөетомъ Марина Сирійца. Слѣдовательно, къ Марину вполнѣ примѣнимо опредѣленіе, данное Прокопіемъ логоөету Александру: ὁ τοῖς δημοσίοις ἐφεστὼς λογισμοῖς. Въ самомъ дѣлѣ, согласно вышеприведенному разъясненію Іоанна Лидійца, δημόσιοι λογισμοί означаетъ завѣдываніе отчетностью по выдачѣ всѣмъ служащимъ жалованья; это дѣло, какъ извѣстно, находилось въ вѣдѣніи[2]) префектуры, а въ нашемъ мѣстѣ Малалы находимъ подтверждающее и разъясняющее этотъ выводъ извѣстіе. Въ 519 г. при Юстинѣ Маринъ является уже въ должности praefectus praetorio.

Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что должность и терминъ логоөетовъ существовали въ VI в. Обозначился въ общихъ чертахъ кругъ ихъ дѣятельности — взысканіе въ казну различныхъ недоимокъ, прежде всего тѣхъ суммъ, которыя шли на содержаніе войска и могли быть сочтены излишними, взысканіе долговъ казнѣ со всѣхъ лицъ, имѣвшихъ съ нею какіе-либо счеты. Логоөеты занимаютъ видное мѣсто въ системѣ управленія, судя по извѣстіямъ современныхъ литературныхъ источниковъ.

Между тѣмъ, въ многочисленныхъ памятникахъ законодательства времени Юстиніана и его ближайшихъ преемниковъ слово λογοθέτης встрѣчается крайне рѣдко. Можно думать, что оно только начинало входить въ употребленіе въ офиціальныхъ памятникахъ. Правда, въ VI в. греческій языкъ еще борется съ латинскимъ въ памятникахъ законодательства, и греческая терминологія не могла еще получить устойчивость. Все-таки ближайшіе по значенію термины вродѣ ἐκβιβασταί, πράκτορες, ἐπόπται, ἐξισωταί попадаются въ новеллахъ постоянно, тогда какъ для терминовъ λογοθέτης, λογοθέσιον существуетъ весьма ограниченное число случаевъ употребленія въ юридическихъ памятникахъ времени Юстиніана. Они встрѣчаются почти исключительно въ текстахъ позднѣйшей редакціи.

Сюда относится прежде всего указъ 8 іюля 530 г., дошедшій въ

1) Malal. p. 400 Bonn. κουφίσας Ἰωάννην τὸν Παφλαγόνα ἐκ τοῦ τρακτεύειν τὰ δημόσια χαρτία τοῦ πραιτωρίου τῶνἐπάρχων ἐποίησεν αὐτὸν ἀπὸ ὑπάτων, ἀντ 'αὐτοῦ ποιήσας τρακτευτὴν καὶ λογοθέτην Μαρῖνον τὸν Σύρον.

2) Cod. Iust. V 27, II 7_{25}. О вліяніи Марина при Анастасіи см. любопытное извѣстіе у Cyrill. Scythop. vita S. Sabae, изд. Помяловскаго, p. 290 extr.

отрывочномъ видѣ: онъ возстановляется при помощи нѣсколькихъ мѣстъ Свода Юстиніана и Василикъ[1]). Одинъ изъ фрагментовъ этого указа, дошедшій именно въ редакціи IX в. (Bas. LVI 10 5), содержитъ рядъ постановленій о discussores operum publicorum, называемыхъ въ текстѣ Василикъ логоѳетами. Чтобы опредѣлить, стоялъ ли этотъ послѣдній терминъ въ подлинной редакціи 530 г., обращаемся къ другому отрывку того же самаго закона, дошедшему въ рукописяхъ Свода Юстиніана безъ позднѣйшихъ перемѣнъ. Онъ помѣщенъ въ титулѣ De episcopali audientia и содержитъ узаконенія о надзорѣ епископовъ за производствомъ общественныхъ работъ и за расходованіемъ на общеполезныя дѣла казенныхъ и императорскихъ суммъ. Законодатель требуетъ, чтобы ежегодно составлялась комиссія изъ епископа и трехъ лучшихъ гражданъ для надзора за производствомъ работъ и для пріема отъ завѣдывающихъ работами счетовъ и отчетовъ[2]). Комиссія составляла за своими подписями актъ, удостовѣрявшій, что работы дѣйствительно были выполнены и деньги израсходованы. Этотъ актъ освобождалъ производителей работъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, перенося ее на членовъ городской комиссіи и на ихъ наслѣдниковъ. «Ибо мы пошлемъ», говоритъ законодатель: «когда мы пожелаемъ, кого намъ будетъ угодно (послать), чтобы разсмотрѣть ихъ отчеты[3])... и избавить ихъ... отъ всякихъ дальнѣйшихъ отчетовъ и исковъ[4])». Самое интересное для насъ мѣсто указа слѣдующее: «мы отнимаемъ у нашихъ сановниковъ (т. е. центральныхъ вѣдомствъ, главнымъ образомъ, praefectus praetorio) всякое полномочіе посылать по провинціямъ discussores или логоѳетовъ или peraequatores для разбора общественныхъ отчетовъ»[5]). Такимъ образомъ, въ этомъ § указа 530 г. сопоставлены рядомъ три термина: discussoras ἢ λογοθέτας ἢ ἐξισωτάς. Первый изъ нихъ латин-

---

1) Basil. LVI 10_5 (Cod. Iust. X 30 de discussoribus, 4).
C. I. I 4 de episcopali audientia, 26.
Bas. VII 6_{20} (C. I. III 2 de sportulis, 4).
Bas. VII_{67}, cf. C. I. XII 63 publicae laetitiae и Krüger ad l.
Bas. LVII 5_{12} (C. I. XII 40 de metatis et epidemeticis, 12).
Theophilus Paraphras. IV 6_{24} (C. I. III 2 de sportulis, 4, cp. Krüger ad l.).

2) ἐποπτεύειν τε τὰ γενόμενα ἔργα καὶ παρασκευάζειν μετρεῖσθαι καὶ λογοθετεῖν τοὺς ταῦτα διοικοῦντας ἢ διοικήσαντας.

3) ὅς ἐποπτεύσει τὰ παρ' αὐτῶν γενόμενα λογοθέσια.

4) λόγων ἢ ζητήσεων.

5) § 4 πᾶσαν δὲ ἄδειαν ἀναιροῦμεν τοῖς ἡμετέροις ἄρχουσι πέμπειν ἐν ταῖς χώραις discussoras ἢ λογοθέτας ἢ ἐξισωτὰς ἐπὶ ταῖς τῶν δημοσίων λογισμῶν ἐξετάσεσιν.

скій съ греческимъ падежнымъ окончаніемъ, т. е. техническій офиціальный; оба слѣдующіе греческіе, повидимому, новаго образованія— переводъ латинскихъ rationales и peraequatores. Въ какомъ же отношеніи другъ къ другу находятся эти три термина для редактора указа 530 г.? Если бы онъ имѣлъ въ виду три точныхъ названія для трехъ имъ различаемыхъ должностей, то къ его услугамъ были бы три латинскихъ термина: discussores, rationales, peraequatores. Особенно удобно онъ могъ это сдѣлать съ терминомъ rationalis, который въ греческомъ языкѣ гораздо болѣе поздней эпохи встрѣчается, какъ укоренившійся техническій терминъ[1]). Если бы законодатель пожелалъ употребить слово λογοθέτης какъ точный переводъ rationalis, то оно въ нашемъ текстѣ было бы не умѣстно. Во всемъ указѣ дѣло идетъ объ уполномоченныхъ, посылавшихся центральными вѣдомствами extra ordinem, снабженныхъ каждый разъ особыми полномочіями и документами. Такими уполномоченными extra ordinem могли быть discussores и peraequatores; но лица, носившія въ то время званіе rationalis никакъ не могутъ быть обозначаемы подобнымъ образомъ. Rationales summarum и summae rei, privatarum или rei privatae это были постоянныя должности, занимающія свое мѣсто въ штатахъ и отмѣченныя въ Notitia dignitatum; rationales являются также мѣстными органами финансовыхъ вѣдомствъ, во главѣ которыхъ стояли comites соотвѣтствующаго званія. Съ другой стороны, нельзя предполагать, чтобы законодатель желалъ лишь разъяснить терминъ discussoras» двумя послѣдующими: между discussores и peraequatores есть разница[2]). Одни провѣряли расходы, другіе правильность раскладки податей. Кромѣ того, въ дальнѣйшемъ текстѣ закона говорилось о всякаго рода уполномоченныхъ, пріѣзжавшихъ хотя бы въ качествѣ курьеровъ[3]). Въ виду всего этого, совершенно не ясно, какъ понималъ законодатель отношеніе между терминомъ λογοθέτης и двумя прочими. Слѣдуетъ замѣтить, что языкъ новеллъ Юстиніана далекъ отъ идеала точности въ области терминологіи: часто наблюдается соединеніе близкихъ по значенію терминовъ, производящее впечатлѣніе нагромождающей синонимы реторики.

Такимъ образомъ, терминъ λογοθέτης встрѣчается и въ подлин-

1) См. Du Cange s. v. ῥατιωνάλιοι, Böcking Notitia imperii II 342—343.

2) «Toto caelo distant», Gothofredus ad Cod. Theod. XI 26, 1. См. Du Cange s. vv. discussores, peraequatores, inspectores, ἐξισωταί, ἐπόπται.

3) § 6. 7=C. I. XII 63 publicae laetitiae, ult.

номъ отрывкѣ указа 530 г. Обращаясь теперь къ другому отрывку, l. 4 de discussoribus, можно уже не затрудняться соображеніемъ, что этотъ послѣдній дошелъ въ редакціи Василикъ: извѣстно, что терминъ λογοθέτης былъ употребленъ въ указѣ 530 г.

Если поставить вопросъ: возможно ли отожествить этихъ discussores съ логоѳетами писателей VI в., то прямымъ путемъ къ его разрѣшенію было бы сравненіе полномочій и обязанностей. Къ сожалѣнію, этотъ путь закрытъ. Въ извѣстіяхъ Прокопія и другихъ авторовъ рѣчь идетъ преимущественно о контролѣ по содержанію арміи, а въ дошедшихъ частяхъ указа 530 г.—о discussores operum publicorum, контролерахъ надъ производствомъ общественныхъ работъ и надъ расходованіемъ такъ называемыхъ πολιτικά. Впрочемъ, нельзя оставить безъ вниманія, что въ четвертой статьѣ титула de discussoribus говорится о disc. operum publicorum, въ третьей — о discussio iugorum, во второй о discussores по взысканію податей[1]). Является вопросъ: насколько можно отожествлять всѣхъ этихъ дискуссоровъ между собою, такъ чтобы было возможно переносить признаки одного вида на другой? Этимъ косвеннымъ путемъ возможно выяснить, могли ли въ VI в. называться логоѳетами всякіе discussores, или же только тѣ, которые болѣе или менѣе случайно являются одни отожествленными, какъ discussores operum publicorum. Если эти послѣдніе названы логоѳетами въ юридическихъ памятникахъ, то discussores militaris annonae имѣютъ названіе логоѳетовъ въ памятникахъ литературныхъ, тогда какъ въ юридическихъ, повидимому, нѣтъ подходящаго примѣра. Въ epitome второй половины VI в. упоминаются логоѳеты, но какого рода — не ясно[2]). Благодаря извѣстію Тайной Исторіи, можно установить, что discussores operum publicorum и discussores annonae вознаграждались одинаково — одной двѣнадцатой долей доставленныхъ ими казнѣ сбереженій или 6 солидами съ каждаго фунта золота[3]). Кромѣ того, указомъ 530 г. имъ было положено достаточное содержаніе.

---

1) Cassiod. Var. IX 10: discussores census novi. Iuvencus, Hist. Evang. I v. 144: novi capitum discussio census. (Gothofr. paratitl. ad Cod. Theod. XI 26, 1).

2) Athanas. epit. XX 5 (Zachariae Nov. Iust. CXLII): μηδεὶς τῶν ἀρχόντων ἢ λογοθετῶν ἢ τῶν ἄλλων τῶν τὰ δημόσια πραττόντων μητευέτω (in possessionem mittat) οἶκόν τινος προφάσει τῶν δημοσίων ὀφλημάτων. Cp. Lyd. de mag. III c. 59—61, C. I. X 30 $_{1}$—$_{3}$. Cod. Iust. XII 37 de erogatione militaris annonae, 19=Basil. LVII, 4_{19}: λογοθετουμένων.

3) An. 132. C. I. X 30, 4 § 6.

Такъ какъ указъ Юстиніана опредѣлялъ способъ вознагражденія логоѳетовъ и, кромѣ того, вводилъ коренную реформу въ ихъ положеніи среди финансовой администраціи, установляя, что ихъ полномочія впредь могутъ исходить только отъ императорской власти, — то авторъ Тайной Исторіи все-таки имѣлъ нѣкоторое фактическое основаніе, утверждая, будто логоѳеты обязаны своимъ существованіемъ Юстиніану. Если же дѣйствительно указъ 530 г. опредѣлялъ способъ вознагражденія и discussores annonae, то это говорило бы въ пользу того, что discussio operum и discussio annonae являлись, въ сущности, двумя функціями одного и того же учрежденія [1]. Въ указѣ 553 г. о сложеніи недоимокъ законодателемъ перечисляются, какъ исключенія изъ даруемой льготы, долги за сборщиками податей, во-вторыхъ, discussiones съ солдатъ и федератовъ, и въ-третьихъ, discussiones operum publicorum, — рядомъ, на одинаковомъ основаніи [2]. — Въ настоящемъ мѣстѣ намъ нельзя останавливаться на происхожденіи и судьбахъ этого учрежденія: оно первоначально было munus extra ordinem, падавшее на куріаловъ, затѣмъ, въ періодъ развитія бюрократической системы, порученіе, дававшееся центральными вѣдомствами своимъ чиновникамъ, наконецъ, послѣ указа Юстиніана въ 530 г., спеціальная миссія, исходившая отъ одного императора. Сводъ Ѳеодосія II, первыя новеллы, письма Симмаха, Кассіодора и другіе источники доставляютъ для изученія discussio потребный матерьялъ, давно уже привлеченный Готофредомъ, Дюканжемъ, Куяціемъ въ ихъ комментаріяхъ. Остается также выяснить отношеніе логоѳетовъ къ rationales summae rei, *καθολικοί*. Происхожденіе и первоначальныя судьбы этого послѣдняго установленія изучены прежде всего по эпиграфическимъ даннымъ въ изслѣдованіи Гиршфельда [3]. Позднѣйшіе юридическіе памятники, Василики и Арменопулъ смѣшиваютъ *καθολικοί* съ логоѳетами.

---

1) Не содержалъ ли слѣдующій 31 титулъ 10 книги Свода—отъ котораго, какъ извѣстно, не сохранилось даже названія — узаконеній о discussores annonae? Для послѣднихъ трехъ книгъ Свода рукописное преданіе сравнительно менѣе надежно. Ср. *Krüger*, Kritik des Iustinianischen Codex, стр. 106—7, 130.

2) Nov. Iust. ed. Zach. CLXIII. a. 553: τὰ ὁμολογηθέντα τυχὸν ἢ καὶ ἀντιπεφωνημένα τῷ δημοσίῳ παρὰ πρακτευτῶν ἢ σκρινιαρίων ἢ ἀρκαρίων ... τάς τε στρατιωτικὰς καὶ φοιδερατικὰς δισκουσσίονας... τὰς τῶν πολιτικῶν χρημάτων ζητήσεις καὶ πρός γε τὰς τῶν ἔργων δισκουσσίονας.

3) *O. Hirschfeld*, Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte, I. (Berlin, 1877), стр. 33—36, 39—40.

Вредной дѣятельности логоѳетовъ какъ Прокопій, такъ и Агаѳій приписываютъ прежде всего ослабленіе численности римско-византійской арміи при Юстиніанѣ. Трудно сказать, насколько могутъ быть преувеличены ихъ извѣстія объ этомъ послѣднемъ фактѣ. Цифры численности отдѣльныхъ отрядовъ, которыя встрѣчаются на страницахъ «Исторіи Войнъ», представляются для повѣрки не пригодными. Нельзя, конечно, приписывать слабый сравнительно съ нормой составъ одной дѣятельности логоѳетовъ. Что эти цифры имѣютъ сомнительную цѣнность для всякихъ выводовъ о нормальной или средней численности, указываетъ хотя тотъ случай, когда, по извѣстію Vandalica, въ распоряженіи начальника регулярнаго коннаго полка оказалось только 50 человѣкъ, т. е. въ 10 разъ меньше полнаго состава[1]). Онъ могъ взять съ собой часть своихъ людей. Потому не извѣстно, насколько основательны выводы, основанные на цифрахъ «Исторіи Войнъ» Прокопія, имѣющихъ болѣе или менѣе случайный характеръ; врядъ ли возможно приходить къ точному заключенію, что всѣ numeri въ среднемъ были ослаблены на $^1/_5$ состава и приписывать это послѣдствіямъ ruinae militaris[2]). Какъ бы то ни было, упадокъ численности арміи въ царствованіе Юстиніана былъ великъ. Агаѳій, пораженный безпомощностью имперіи передъ гуннами въ 559 г., жалуется, что «Римская армія не осталась тою, какою была при прежнихъ царяхъ, но сократилась до самой малой части», «по винѣ правительства», и даетъ цифру 150000 ч. вмѣсто прежнихъ 645000. И тѣ, прибавляетъ онъ, были разбросаны по всѣмъ границамъ имперіи[3]).

Сокращеніе численности постигло не одни регулярныя войска. Тайная Исторія содержитъ мало вѣроятное, на первый взглядъ, извѣстіе о распущеніи Юстиніаномъ пограничныхъ войскъ, limitanei. Прежніе цари, говоритъ Прокопій[4]), поселили большое число солдатъ особенно на персидской границѣ. Юстиніанъ сначала задерживалъ жалованье по 4—5 лѣтъ, а по заключеніи мира съ персами отказался платить имъ жалованье и затѣмъ отнялъ у нихъ военное званіе[5]). Спрашивается, что понимать подъ послѣднимъ извѣстіемъ? Моммсенъ

1) Vand. II p. 509_{17}. Ср. *Mommsen*, Das römische Militärwesen seit Diocletian, 256.

2) *Benjamin*, De Iustiniani aetate quaestiones militares, 12.

3) Agath. V c. 13, p. 305. Ioann. Antioch., Müller, fr. hist. Gr. IV № 218. Цифра 645000 допустима, ср. таблицу Моммсена, Militärwesen, стр. 257.

4) An. p. 135.

5) ὕστερον δὲ καὶ αὐτὸ τῆς στρατείας ὄνομα αὐτοὺς ἀφείλετο οὐδενὶ λόγῳ.

не даетъ точнаго объясненія[1]). Если онъ считаетъ возможнымъ обратить вниманіе на земельный надѣлъ лимитановъ, то это слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что Юстиніанъ отнялъ у лимитановъ ихъ надѣлъ (это противорѣчило бы общей тенденціи правительства къ прикрѣпленію населенія къ землѣ; не въ выгодахъ правительства было сгонять съ пограничной полосы ея обитателей), но слѣдуетъ разумѣть распространеніе на ихъ земли общихъ тяготъ и повинностей. Въ этомъ извѣстіи Тайной Исторіи Моммзенъ видитъ указаніе на конецъ вѣкового упадка этого рода войскъ. Ведущее свое начало съ Діоклетіана раздѣленіе римскаго войска на comitatenses, palatini и на limitanei или ripenses привело къ постепенному упадку послѣднихъ. Зосимъ осуждаетъ Константина В. за усиленіе comitatenses на счетъ limitanei, въ ущербъ, будто бы, безопасности провинцій. Разбросанныя по границамъ, limitanei имѣли всѣ недостатки гарнизонныхъ войскъ, и усиленіе comitatenses, лучшей боевой арміи, устранило крупный пробѣлъ въ старой военной организаціи императорской эпохи[2]). При поступленіи въ limitanei стали предъявляться меньшія требованія, и зато при отставкѣ они получали худшее вознагражденіе. Такимъ образомъ, приписываемое Юстиніану уничтоженіе limitanei не явилось бы неожиданною мѣрой, но довершило бы вѣковой процессъ въ исторіи римскаго войска.

Тѣмъ не менѣе это извѣстіе Тайной Исторіи должно быть возможно болѣе ограничено. Юстиніанъ не былъ врагомъ этого рода военнаго устройства. Наоборотъ, въ завоеванныхъ имъ провинціяхъ расположеніе войскъ по пограничнымъ castella и распространеніе въ нихъ милиціонной организаціи является необходимымъ началомъ военнаго устройства. Въ Кодексѣ приняты старые указы объ отобраніи захваченныхъ частными лицами agri limitrophi[3]). Въ указѣ, данномъ Велисарію, объ охранѣ завоеванной имъ Африки[4]), законодатель говоритъ о необходимости введенія limitanei, при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы въ каждой пограничной мѣстности завоеванной провинціи они могли бы подавить возникшее волненіе и охранять безопасность страны. Съ этой цѣлью онъ посылаетъ Велисарію та-

1) Mommsen, 199 и пр. 5: den Charakter und die Emolumente der Soldaten entzog. Vielleicht ist dabei ihr Landbesitz in Betracht gekommen.

2) Mommsen, 228.

3) Cod. XI 60 $_{2.\ 3}$.

4) Cod. I 27, 2 § 8, 9a: .. necessarium nobis esse videtur, ut extra comitatenses milites per castra milites limitanei constituantur.

бель для одного полка лимитановъ, приказывая формировать полки изъ провинціаловъ и изъ старыхъ солдатъ. Онъ угрожаетъ[1]) военнымъ властямъ штрафомъ и лишеніемъ званія за всякое притѣсненіе лимитановъ, за всякіе поборы и вычеты съ ихъ жалованья (stipendiis, emolumentis). Этотъ документъ рѣшаетъ вопросъ по отношенію къ Африкѣ и указываетъ, какого взгляда на пригодность лимитановъ правительство держалось въ началѣ царствованія, въ 534 году. Для Италіи подобнаго документа, къ сожалѣнію, не дошло. Существуютъ отрывочныя указанія, позволяющія только косвенные и ненадежные выводы. Поэтому, если говорить объ учрежденіи въ Италіи лимитановъ[2]), то аргументомъ для такого взгляда послужитъ, главнымъ образомъ, аналогія — шаткій видъ историческаго доказательства. Это признаетъ и самъ Гартманнъ. На извѣстія Регестъ о стоянкахъ войска Нарзеса мелкими отрядами, въ разныхъ концахъ Италіи, нельзя опираться какъ на доказательство присутствія тамъ лимитановъ. То же слѣдуетъ сказать о присутствіи на границахъ военныхъ duces: слѣдуетъ прежде доказать, что duces limitaneorum, о которыхъ говорится въ указѣ Велисарію и въ другихъ документахъ[3]), тожественны съ duces или военными губернаторами италійскихъ областей. Остается пожалѣть вмѣстѣ съ Гартманномъ о скудости данныхъ Агаѳія и Регестъ для того времени. Прежнія limites въ Норикѣ, Панноніи были отданы или захвачены варварами[4]), когда война съ Тотилой приняла для римлянъ неблагопріятный оборотъ. Въ Истріи упоминается dux, имѣвшій въ своемъ распоряженіи войска съ постоянной стоянкой, но подъ 599 годомъ[5]). Несомнѣнно, что въ castra, castella и въ городахъ императорскія войска имѣли постоянное расположеніе, уже въ силу политическихъ обстоятельствъ; но учрежденіе спеціальнаго войска limitanei, подобнаго сформированнымъ въ Африкѣ указомъ 534 г., остается недоказаннымъ. Когда писалась Тайная Исторія, Италія еще не была замирена и поэтому не могла еще получить устойчивой военной организаціи.

---

1) ut nullum etiam dispendium a ducibus vel ducianis praedicti limitanei sustineant, nec aliquas sibi consuetudines (9a: commeatalem) de eorum stipendiis per fraudem ad suum lucrum convertant.

2) Hartmann, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien. 1889. S. 52—3. Cp. 58.

3) Ср. δοὺξ λιβυκοῦ λιμιτοῦ и др.

4) Ср. An. 108 и Goth. III c. 33 и 34.

5) Regesta Gregorii M., Iaffé-Ewald, n. 1687.

Для повѣрки разбираемаго извѣстія Тайной Исторіи гораздо важнѣе извѣстія о лимитанахъ восточной границы. Въ началѣ царствованія Юстиніанъ возобновилъ Пальмиру и расположилъ въ ней гарнизономъ отрядъ лимитановъ, вмѣстѣ съ полкомъ регулярныхъ войскъ [1]).

Лимитаны существовали при Юстиніанѣ на Дунаѣ, или даже за Дунаемъ [2]), были въ распоряженіи квестора пяти провинцій (вѣроятно, тамъ же, въ Скиѳіи и Мезіи) [3]); на югѣ: подъ начальствомъ dux въ Палестинѣ, гдѣ они упомянуты [4]), и въ Аравіи, гдѣ ихъ нужно подразумѣвать (съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ въ Италіи) [5]).

Итакъ, извѣстія постороннихъ источниковъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ указъ Велисарію 534 г., не позволяютъ заключить о недовѣріи правительства Юстиніана къ лимитанамъ. Правда, всѣ эти извѣстія не доходятъ до 545 г., въ которомъ случилось перемиріе римлянъ съ персами, которое могло имѣться въ виду въ нашемъ мѣстѣ Тайной Исторіи. Правда, лимитаны не оправдали въ Африкѣ надеждъ правительства [6]). Тѣмъ не менѣе никакъ нельзя видѣть въ фактѣ, о которомъ говоритъ Тайная Исторія, общей мѣры, коренной реформы оборонительной системы имперіи. Пограничная милиція была необходима въ государствѣ, поставленномъ въ тѣ историческія условія, въ какихъ находилась Восточная имперія. Требовалось постоянное присутствіе на границахъ государства вооруженныхъ массъ. Limitanei, хотя получали жалованье, но были обезпечены главнымъ образомъ землею. Это былъ самый дешевый родъ военной силы. Много общаго съ limites имѣли στρατιωτικὰ κτήματα позднѣйшаго времени [7]). Земля находилась одинаково въ условномъ пользованіи, опредѣляемомъ военной службой, участки не могли отчуждаться въ руки постороннихъ лицъ и выходить изъ состава castra, являвшагося юридическимъ лицомъ [8]), но были наслѣдственны подъ условіемъ военной службы и освобождены отъ поземельнаго налога [9]). Слѣдуетъ предположить

1) Malal. 426: κελεύσας καὶ ἀριθμὸν στρατιωτῶν μετὰ τῶν λιμιτανέων καθέζεσθαι.

2) Zach. Nov. J. XCVI νόμος περὶ τῶν Ἀλεξανδρέων καὶ τῶν Αἰγυπτιακῶν ἐπαρχιῶν, ια′ § α′ extr.

3) Lex ut Bonus... ibid. LII p. 354.

4) Ibid. LIV γ′ § 1 и LIII, обѣ въ іюнѣ 536 г.

5) Ibid. XCVI ιη′ δοὺξ λιβυκοῦ λιμιτοῦ.

6) Vand. II 444: ἔτι ἀπαράσκευοι ὄντες.

7) Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 мартъ, стр. 171 и далѣе; H. Monnier, Etudes sur le droit byzantin, Nouvelle revue hist. du droit français et étranger 1892, стр. 532 и далѣе.

8) Mommsen, Das römische Militärwesen seit Diocletian, 200.

9) Лимитаны ab omni munere, C. Iust. XI 60,3.

вмѣстѣ съ Гартманномъ[1]), что Тайная Исторія указываетъ на распущеніе лимитановъ восточной границы — мѣропріятіе частнаго характера, вызванное возможностью сокращенія расходовъ послѣ мира съ персами въ 531 или въ 545 г.[2]).

Сюда же относится второй подобный фактъ. Өермопилы были охраняемы милиціей изъ мѣстныхъ жителей (колоновъ, по Прокопію). Небольшіе расходы покрывались изъ средствъ городовъ провинціи Ахеи. По словамъ Тайной Исторіи, логоөетъ Александръ распустилъ эту милицію и поставилъ вмѣсто нея отрядъ императорскихъ войскъ, возложивъ расходы на греческіе города. Интересно сравнить передачу этого факта въ Тайной Исторіи и въ сочиненіи «О постройкахъ»[3]).

Къ мѣропріятіямъ той же категоріи относятся извѣстія Тайной Исторіи о сокращеніи расходовъ по содержанію государственныхъ почтовыхъ дорогъ на Востокѣ, о распущеніи лазутчиковъ, о пользѣ которыхъ говоритъ Исторія Войнъ[4]), объ уничтоженіи постояннаго обоза. Скорая почта имѣла первостепенную важность для нуждъ управленія и для успѣха военныхъ дѣйствій. Сокращеніе расходовъ по этой статьѣ является, по мнѣнію Прокопія, образцомъ пренебреженія къ нуждамъ государства[5]). О важности государственной почты говорятъ многочисленныя распоряженія правительства, включая и царствованіе Юстиніана[6]). Въ то же время показаніе Тайной Исторіи имѣетъ точный характеръ: по ея извѣстію, Юстиніанъ отмѣнилъ содержаніе почты на пути изъ Халкидона въ Дакибизу и сократилъ издержки на дорогѣ въ Египетъ. О сооруженіяхъ на большой Никейской дорогѣ, продолжавшихся еще въ 559 году, говоритъ сочиненіе «О постройкахъ»[7]); тѣмъ не менѣе извѣстія Тайной Исторіи вполнѣ

1) Hartmann, Untersuch. zur Geschichte der byz. Verwaltung in Italien, 151.

2) Cp. Agath. V c. 3: ἐκάθηντο ὀλίγοι (послѣ перемирія 545 г.) καὶ πρὸς τὰ ἑῷα τῶν Περσῶν ὅρια. An. 135_{12} καὶ ἐπειδὰν Ρωμαίοις τε καὶ Πέρσαις εἰρήνη γένοιτο, ἠναγκάζοντο οἱ ταλαίπωροι οὗτοι.. συντάξεις τῷ δημοσίῳ χαρίζεσθαι. Судя по употребленію Прокопіемъ формы γένοιτο, указывающей, что Юстиніанъ нѣсколько разъ, заключивъ перемиріе съ персами, отказывался платить лимитанамъ жалованье, слѣдуетъ предпочесть вторую дату. Въ такомъ случаѣ lin. 12 εἰρήνη употреблено вмѣсто σπονδαί.

3) Aedif. IV p. 271 и An. 147.

4) Pers. I 158—159.

5) τοῦ τῆς πολιτείας ξυμφόρου. An. 161_{6}.

6) Cod. Just. XII 50 de cursu publico. XII 51 un. de tractoribus et stativis. XII 22 de curiosis. Cp. Lydus de mag. p. 112 Hase. Pers. II p. 241. Nov. Just. ed. Zach. XLIV γ' § 3: ἀλλὰ καὶ τοῦ τῶν δημοσίων ἵππων δρόμον ἀνεπηρέαστον φυλάξει.

7) Aedif. V p. 310 sqq. Cp. Isambert, Ἀνέκδοτα, p. 532.

подтверждаются Іоанномъ Лидійцемъ, который приписываетъ эту мѣру родственнику префекта Іоанна Каппадока, присланному въ Лидію и весь діоцезъ Ἀσιανῆς для ревизіи расходованія общественныхъ суммъ и для взысканія недоимокъ. Это состоялось безъ вѣдома императора, замѣчаетъ Лидъ, потому что «кто бы могъ допустить такое общественное несчастье?» Любопытно, что Лидъ указываетъ на тѣ же дурныя послѣдствія мѣры Каппадока, какъ и Прокопій, приписывающій ее Юстиніану: тотъ же фактъ, то же осужденіе факта общимъ голосомъ, но разныя тенденціи. По извѣстію Лида[1]), «несчастье» охватило весь діоцезъ Ἀσιανῆς. Эта группа фактовъ должна быть связана съ распущеніемъ лимитановъ восточной границы, доказывая, что правительство Юстиніана относилось нерадиво къ насущнымъ потребностямъ восточныхъ провинцій, въ погонѣ за дальними предпріятіями.

Сокращеніе расходовъ, коснувшееся, какъ мы видѣли, регулярныхъ полковъ (numeri), лимитановъ, вспомогательныхъ военныхъ учрежденій, не миновало и схоларіевъ. Съ нихъ оно и началось. Еще при жизни Юстина, въ 527 году, вышелъ указъ Татіану mag. officorum[2]), запрещавшій поступать въ ряды схоларіевъ лицамъ, не представившимъ именного царскаго рескрипта, подъ угрозой штрафа въ 20 ф. золота, и требовавшій отъ mag. off., въ вѣдѣніи котораго находились схоларіи, предъявленія черезъ каждые 4 мѣсяца списковъ[3]), которые препровождались въ scrinium sacri laterculi, «чтобы число схоларіевъ было опредѣленнымъ и государство не несло убытка». Это распоряженіе было вызвано увеличеніемъ числа схоларіевъ сверхъ мѣры. Другой указъ 528—9 гг.[4]) запрещалъ всѣмъ промышленнымъ и торговымъ людямъ служить въ войскахъ, исключая привиллегированной коллегіи банкировъ (distractores argenti, ἀργυροπρᾶται). Для послѣднихъ закрыта была только militia armata. Негоціанты, состоявшіе до объявленія закона на военной службѣ, и банкиры, служившіе уже въ militia armata, приглашались покинуть свои постороннія занятія. Эти указы объясняются извѣстіями «Тайной Исторіи». По ея словамъ[5]), корпусъ схоларіевъ при прежнихъ царяхъ набирался изъ отборныхъ Армянъ, а со времени Зинона, доступъ былъ

1) Lydus, de mag. III c. 61.
2) Cod. J. I 31 de officio mag. off., l. 5.
3) quadrimenstruos breves. Cp. Cod. J. I. 42.
4) Cod. J. XII 34 un. negotiatores ne militent.
5) An. p. 135—7.

открытъ для всѣхъ желающихъ. По извѣстію Агаѳія[1]), Зинонъ принималъ своихъ единоплеменниковъ Исавровъ. Оба писателя согласны въ томъ, что въ списки схоларіевъ заносились за деньги всѣ желающіе, не привыкшіе къ войнѣ столичные щеголи, даже рабы[2]). Схоларіи, равно какъ и высшіе ихъ разряды—доместики и протикторы, были негодны къ войнѣ, но получали усиленное жалованье[3]). Въ царствованіе своего дяди Юстиніанъ, по словамъ Тайной Исторіи многихъ помѣстилъ въ списки за большія деньги и даже учредилъ добавочный корпусъ ὑπεραρίθμους — сверхкомплектныхъ — въ 2000 чел. Когда же онъ самъ вступилъ на престолъ, то уничтожилъ ихъ сразу[4]), «не отдавъ имъ денегъ». Въ этомъ случаѣ лишній разъ подтверждается, что слова вродѣ αὐτίκα, αὐτίκα μάλα, εὐθύς, не имѣютъ въ стилѣ Тайной Исторіи строго временного значенія. Уничтоженіе ὑπεράριθμοι состоялось не ранѣе 530 года. Изъ указа, который теперь относится къ этому году[5]), Моммсенъ привелъ слова: milites.. qui.. in undecim devotissimis scholis taxati sunt. Между тѣмъ, Notitia Dignitatum[6]) считаетъ всего 7 схолъ. Сопоставляя эти числа съ цифрами численности схоларіевъ по извѣстіямъ Тайной Исторіи—основного корпуса въ 3500 челов. и добавочнаго въ 200, Моммсенъ отсюда вывелъ, что полный составъ схолы доходитъ до 500 чел., то есть, равнялся численности коннаго полка или пѣшей когорты. Цифры Тайной Исторіи пригодились Моммсену[7]). Что касается ея извѣстія о распущеніи добавочныхъ, то оно должно было случиться позже 530 года. Отсюда слѣдуетъ, что, кромѣ указа Татіану отъ 527 г. и Минѣ 528—9 гг., были другія распоряженія о схоларіяхъ.

Сюда же относится распоряженіе логоѳета Александра о прекращеніи жалованья схоларіямъ въ Римѣ. Ѳеодерихъ, по словамъ Прокопія[8]), оставилъ ихъ въ прежнемъ положеніи, «чтобы сохранить

---

1) Agath. p. 310.

2) An. 136_3 ἀνδράποδα. Agath. 310_2 ἀστικοὶ καὶ φαιδροείμονες. 311_2 ἐς ἐμπορίαν μετέστη τὸ χρῆμα. 137_3: ἀνέκαθεν ἀμελέτητοί εἰσι πολεμίων ἔργων. τάξεως γὰρ καὶ προσώπου ἕνεκα μόνον ἐν παλατίῳ εἰώθασι καταλέγεσθαι. Ср. Agath. p. 310: μόνον, οἶμαι, ὄγκου τοῦ βασιλείου ἕνεκα.

3) An. 135_{22}. 136_{24}. Доместики и протикторы въ Понтѣ: Zach. N. J. CLVIII α'. Схоларіи и доместики въ Каппадокіи: Zach. N. J. XLIV 3' § 2.

4) An. 136_9 αὐτίκα μάλα.

5) Cod. J. IV 65_{35}.

6) Not. Dign. in partibus orientis, cap. X de magistri officiorum officio.

7) Mommsen, Das römische Mititärwesen 224 пр. 1. Ср. таблицу на стр. 257.

8) An. p. 146—7.

слѣды древняго государства», оставивъ имъ и ихъ потомству скудное жалованье. Ихъ было много, въ томъ числѣ силентіаріи и доместики. Въ указѣ pro petitione Vigilii дѣйствительно нѣтъ упоминанія о сохраненіи за ними жалованья, какъ это сдѣлано относительно медиковъ, риторовъ и адвокатовъ[1]).

Помимо сокращенія численности, уменьшеніе расходовъ могло бы достигаться пониженіемъ жалованья, σίτησις. Прибѣгнуть къ этому, однако, правительство не могло при своей завоевательной политикѣ. Правда, Юстиніанъ пересталъ давать пятилѣтніе подарки, на что жалуется Тайная Исторія[2]). Уменьшить жалованье было невозможно: начиная съ федератовъ, лучшей части арміи, и кончая солдатами пѣшихъ καταλόγοι — всѣ служили изъ-за прибылей. Въ случаѣ побѣды, съ арміей слѣдовалъ обозъ; въ случаѣ пораженія солдаты раззорялись и падали духомъ. Для экономіи правительству оставалось обратиться къ тѣмъ пріемамъ, о которыхъ Агаѳій говоритъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ Прокопія: «всѣ деньги, отпускавшіяся на содержаніе войскъ, неизвѣстно какимъ путемъ, отливали обратно туда, откуда притекали»[3]). Онъ приписываетъ этотъ фактъ дѣятельности «плутовъ и разбойниковъ логоѳетовъ».

Менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, Тайная Исторія говоритъ о постоянныхъ задержкахъ жалованья, вредныхъ для военныхъ успѣховъ арміи Юстиніана[4]). «Исторіи Войнъ» не молчатъ объ этомъ предметѣ[5]). (Говоря о бунтѣ στρατευόμενοι въ Константинополѣ, которымъ префектъ Варсимъ не выдавалъ жалованья, Прокопій[6]) разумѣетъ служащихъ, т. е. оффиціаловъ). Но Прокопій передаетъ о лишеніи «служащихъ у стратеговъ» прежнихъ доходовъ логоѳетами[7]). Неясность выраженій не позволяетъ разобрать, о чемъ и о комъ идетъ рѣчь. Моммсенъ, полагая (какъ естественно слѣдуетъ изъ контекста), что подъ служащими разумѣются дорифоры и гипасписты, видитъ въ данномъ мѣстѣ указаніе на то, что логоѳеты отрѣзали имъ, своими сокращеніями численности, возможность выгоднаго перехода съ част-

1) Zach. N. I. CLXIV c. 22.

2) An. p. 137.

3) Agath. p. 307.

4) Agath. V c. 14: τὰ μὲν περιφανῶς ἀπεστέρουν, τὰ δὲ καὶ πολλῷ ὕστερον ἢ ὁπηνίκα ἐχρῆν ἀπεδίδοσαν.... περιεώρα ('Ιουστινιανὸς) τὰς τάξεις διαφθειρομένας.

5) Vand. II p. 482, 483, 491 extr., 520.— Goth. II p. 149, 285. III 324—5, 320, 433. Pers. II p. 186. 292. Ср. въ регестахъ Григорія о полкѣ Theodoriaci.

6) An. 124_5.

7) An. 134_{23}.

ной службы на государственную[1]). Кажется, нѣтъ нужды придавать этимъ словамъ такое узкое значеніе: служба въ *οἰκία* была выгоднѣе службы въ строю, такъ что правительство должно было бороться съ переходомъ *στρατιῶται* и *φοιδεράτοι* на частную службу. По другому мнѣнію, подъ служащими разумѣются чиновники оффиціалы, на томъ недостаточномъ основаніи, что только у однихъ стратеговъ или высшихъ начальниковъ (magistri militum, duces) служили оффиціалы; тогда какъ дорифоры и гипасписты сопровождали и трибуновъ[2]). Lécrivain[3]) видитъ въ нашемъ мѣстѣ указаніе, что дорифоры и гипасписты получали, кромѣ «la solde» отъ ихъ патрона, сверхъ того «une indemnité» отъ императора. Кажется, новелла *περὶ τῶν στρατιωτῶν*[4]) болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ на нее обращаютъ[5]). Во-первыхъ, изъ нея видно, что *οἰκία* составлялась изъ *στρατιῶται* и *φοιδεράτοι*, откомандированныхъ изъ своихъ частей. Во-вторыхъ, изъ того, что законодатель предписываетъ имъ вернуться въ ихъ части, видно, что они продолжали тамъ числиться[6]). Если они числились въ рядахъ, то на нихъ шла ихъ *σίτησις*. Правда, эта новелла говоритъ не объ *οἰκίαι* полководцевъ въ частности, но о всякихъ *οἶκοι*. Но въ случаѣ *οἰκία* полководцевъ разница будетъ та, что они, «отрывая» солдатъ отъ ихъ частей, не допустили бы, чтобы они потеряли свой паекъ. Дорифоры и гипасписты должны были получать свою *σίτησις*, будучи, вѣроятно, на содержаніи своего патрона. Вѣроятно, это болѣе всего привлекало на частную службу и дѣлало причисленіе къ *οἰκία* болѣе выгоднымъ. Въ нашемъ мѣстѣ Тайной Исторіи Прокопій, вѣроятно, говоритъ о томъ, что логоѳеты отняли у дорифоровъ ихъ *σίτησις*.

Наконецъ, третьимъ путемъ для сбереженія государственной казны было возложеніе расходовъ по содержанію войскъ на постороннія средства. Какъ было упомянуто выше, логоѳетъ Александръ возложилъ содержаніе ѳермопильскаго гарнизона на средства городовъ

1) S. 238: «Man wird verstehen, was gemeint ist».

2) Benjamin, Quaestiones, p. 28.

3) Lécrivain, Etudes sur le Bas-Empire, Mélanges d'arch. et d'histoire 1890. P. 281.

4) Cp. Lécrivain, p. 271.

5) Zach. N. J. CXXXVIII: μηδένα τολμῆσαι στρατιώτην ἐν οἵῳ δήποτε ἀναφερόμενον ἀριθμῷ ἢ φοιδεράτον ὑποσύρειν ἢ εἰς τὸν ἑαυτοῦ ἔχειν οἶκον ἢ εἰς τὰς ἰδίας ἔχειν κτήσεις.

6) α'. εἰ μὴ... τοὺς μὲν στρατιώτας εἰς τοὺς ἀριθμοὺς ἐκπέμψωσιν ἐν οἷς στρατεύονται, τοὺς δὲ φοιδεράτους πρὸς τοὺς ἰδίους ὀπτίονας...

провинціи Ахеи[1]). Въ Ливіи (въ Пентаполѣ) войско должно было получать аннону изъ мѣстныхъ средствъ, и подати для этого собирались мѣстными властями οἰκείῳ κινδύνῳ[2]). Въ одномъ случаѣ правительство возложило издержки даже на частныя средства: по слухамъ, передаваемымъ Тайной Исторіей[3]), Велисарій долженъ былъ предпринять вторую итальянскую экспедицію на собственный счетъ; но несмотря на свое богатство, «достойное императорскаго двора»[4]), Велисарій долженъ былъ принимать тѣ же мѣры, какъ и логоѳеты правительства, и наконецъ просить помощи у императора[5]).

Слѣдуетъ заключить, что 24-я глава Тайной Исторіи, въ связи съ нѣсколькими попутными замѣчаніями въ другихъ мѣстахъ, раскрываетъ одностороннюю, но интересную картину безпорядковъ въ управленіи римскаго войска при Юстиніанѣ. Эти извѣстія мало даютъ для организаціи военнаго управленія, хотя здѣсь важны цифры численности схолъ. Предметомъ жалобъ Прокопія служитъ матеріальная необезпеченность солдатъ, и въ этой области Тайная Исторія дополняетъ и объясняетъ извѣстія «Исторіи Войнъ» и Агаѳія, ставя безпорядки въ связь съ дѣйствіями логоѳетовъ. Противъ нихъ направлены главныя обвиненія Прокопія, хотя онъ видитъ въ нихъ исполнителей воли Юстиніана. О пріемахъ логоѳетовъ Тайная Исторія даетъ болѣе детальныя извѣстія, чѣмъ Агаѳій. Далѣе, Тайная Исторія даетъ рядъ фактическихъ извѣстій о сокращеніи расходовъ на оборонѣ восточныхъ провинцій, въ томъ числѣ о распущеніи лимитановъ и объ экономіи въ содержаніи cursus publicus на Востокѣ. Эти извѣстія цѣнны потому, что по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ вполнѣ подтверждается Іоанномъ Лидійцемъ. О схоларіяхъ разъясняются данныя законодательства и Агаѳія. Кромѣ того, Тайная Исторія содержитъ еще извѣстія о нѣсколькихъ фактахъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ (распоряженія Александра логоѳета). Нѣкоторыя извѣстія этой группы характеризуютъ тенденцію Тайной Исторіи и ея качества, какъ источника.

Экономія въ необходимомъ и дурное содержаніе арміи представляютъ первый рядъ неизбѣжныхъ послѣдствій завоевательной поли-

---

1) An. p.147.
2) Nov. Just. XCVI ιη′ § α′.
3) Anecd. 35_7 ὥς φασι.
4) An. p. 34.
5) An. 37_6: Λογισμοὺς τῶν βεβιωμένων καταπραττόμενος. Cp. Goth. III c. 12.

тики Юстиніана, несоразмѣрной съ силами государства. Другимъ и болѣе важнымъ результатомъ явилось крайнее обремененіе провинцій жертвами, которыя требовались прежде всего во имя этой политики завоеваній [1]). Остановимся сначала на натуральныхъ повинностяхъ населенія и на извѣстіяхъ Тайной Исторіи объ этомъ предметѣ.

Что касается основной натуральной повинности, annona, то не противъ нея собственно направлены жалобы «Тайной Исторіи». Онѣ обращены на форму отбыванія этой повинности — принудительную закупку или συνωνή. Это была не нормальная, а чрезвычайная и добавочная форма отбыванія annonae. Когда поступленіе хлѣба превышало спросъ со стороны государства, то лишній хлѣбъ обращался въ деньги. Обращаясь къ источникамъ, ближайшимъ по времени къ эпохѣ Юстиніана, видимъ [2]), что расчетливый Анастасій имѣлъ возможность замѣнить поставку натурой денежнымъ взносомъ и получилъ такимъ образомъ новую подать χρυσοτέλεια, на которую жалуется Евагрій [3]). Наоборотъ, если спросъ на хлѣбъ со стороны арміи — въ пограничныхъ, напримѣръ, провинціяхъ — превышалъ предложенные въ счетъ annona хлѣбные запасы, то правительство было принуждаемо прибѣгнуть къ обязательной скупкѣ и поставкѣ хлѣба на армію. Приведемъ условія, которыми обставилъ эту тяжелую для населенія операцію Анастасій [4]), который, очевидно, не могъ обойтись безъ нея несмотря на свою мирную политику. Συνωνή можетъ быть объявляема [5]) только въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, большой нужды и притомъ только по царскому указу. Къ ней должны быть привлекаемы [6])

1) Zach. Nov. Just. XVI ι' § 2: εἰδότων ὑμῶν τῶν ἡμετέρων ὑπηκόων ὡς αἱ στρατιωτικαὶ δαπάναι καὶ αἱ τῶν πολεμίων διώξεις πολλῆς δέονται ἐπιμελείας, καὶ οὐκ ἔστι χρημάτων χωρὶς ταῦτα πραχθῆναι τοῦ πράγματος μηδεμίαν ἀναβολὴν δεχομένου, οὔτε ἡμῶν αἱρουμένων περιορᾶν τὴν Ρωμαίων γῆν ἐλαττωθεῖσαν, ἀλλὰ Λιβύην τε πᾶσαν ἀνακτησαμένων καὶ Βανδίλους καταδουλωσάντων καὶ πολλά γε ἔτι καὶ μείζονα τούτων ἐλπιζόντων παρὰ τοῦ Θεοῦ λαβεῖν.

2) Ср. Cod. J. X 16 de annona et tributis, ll. 3. 6. 8. 9; о перевозкѣ хлѣба — XI tt. 2—4. 6.

3) Evagr. III c. 42: πέπραχε δὲ τούτων οὐκ ἄξια, τήν τε καλουμένην χρυσοτέλειαν ἐπινοήσας καὶ ἀπεμπολήσας τὴν στρατιωτικὴν δαπάνην κατὰ τῶν συντελῶν εἰς τὸ βαρύτατον.

4) Cod. X 27 ut nemini liceat.., l. 2. Cf. XII 37 de erogatione militaris annonae, l. 16—19.

5) Cod. J. X 27, 2 §§ 2, 5. Ср. XII 37 19 § 2: μηδένα συντελεστὴν ἄκοντα ἀπαιτεῖσθαι παρέχειν αὐτοῖς συνωνήν.

6) X 27, 1.

всѣ землевладѣльцы безъ исключенія, каждый сообразно количеству своей земли[1]).

Они не могутъ быть обязаны везти свой хлѣбъ въ другой городъ или въ метрополію той же области[2]). Если это требуется необходимостью, то имъ рекомендуется продать его за справедливую цѣну властямъ того города, съ тѣмъ чтобы доставка производилась за счетъ послѣднихъ[3]). Этотъ пунктъ, разумѣется, не давалъ землевладѣльцамъ большой гарантіи. Далѣе, съ нихъ можно требовать только излишекъ ихъ хлѣба, за вычетомъ потребнаго для нихъ самихъ количества[4]). За доставленный ими хлѣбъ казна вычитала стоимость изъ причитавшейся съ нихъ суммы capitatio[5]). Несмотря на эти предосторожности, принудительная закупка, будучи сама по себѣ несложной формой натуральной повинности, не могла быть успѣшной въ раззоренныхъ провинціяхъ, населеніе которыхъ не могло прокормить расположеннаго войска. Въ такихъ случаяхъ правительство прибѣгало къ услугамъ хлѣбной торговли. Этому способу Анастасій отдавалъ предпочтеніе, вводя его въ раззоренной Ѳракіи[6]). Изъ указа pro petitione Vigilii[7]) видно, что Юстиніанъ замѣнилъ землевладѣльцамъ Апуліи и Калабріи обязательную поставку возвышеніемъ capitatio (superindictitius titulus съ каждой millena) и возложилъ на дома купцовъ весь onus coemptionis, возмѣщая уронъ, понесенный земледѣліемъ послѣ Готскихъ войнъ, за счетъ торговли.

При перемѣнѣ внѣшней политики на завоевательную, съ восшествіемъ Юстиніана на престолъ, продовольствіе войска стало одной изъ первыхъ заботъ правительства[8]). Послѣ сравнительнаго отдыха населеніе почувствовало всю тяжесть coemptiones. Въ Тайной Исторіи Прокопій записалъ всеобщія жалобы[9]). Признавая, что владѣльцы участвовали въ συνωνή сообразно количеству платившейся ими подати[10]), Тайная Исторія жалуется прежде всего на неподвижность цѣнъ, назначенныхъ правительствомъ, далѣе на тягость доставки изъ

1) X 27, 2 § 8.
2) X 27, 2 prooem.
3) Ibid. § 1.
4) Ibid. § 4.
5) §§ 2 и 5.
6) Ibid. § 10, 11. «Βέλτιον».
7) Zach. Nov. J. CLXIV c. 26 ut per negotiatores coemptiones fiant.
8) Zach. Nov. J. CL περὶ παρόδου στρατιωτῶν, prooem.
9) An. 130.
10) Ср. C. J. X 27, 2 § 8: πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ζευγῶν ἤτοι ζυγοκεφάλων

другихъ мѣстъ и на злоупотребленія при пріемѣ. При такихъ условіяхъ, συνωνή удесятеряло платимую населеніемъ подать. Συνωναί, по выраженію Тайной Исторіи, выжали всѣ соки изъ землевладѣльцевъ[1]). Но слѣдуетъ замѣтить, что и при Юстиніанѣ правительствомъ было обращено вниманіе на раззорительность coemptiones. Юстиніанъ объявлялъ[2]), что одинаково заботится и о продовольствіи войскъ и о положеніи плательщиковъ. Онъ запрещалъ незаконные поборы съ поставляющихъ хлѣбъ[3]). Онъ, или его ипархъ, Петръ Варсимъ, точно установилъ порядокъ составленія смѣтъ о потребномъ количествѣ хлѣба[4]), возложивъ это дѣло на губернаторовъ, опредѣлилъ отвѣтственность послѣднихъ за небрежное отношеніе къ дѣлу, обезпечивающему какъ продовольствіе войска, такъ и спокойствіе провинціи, подтвердилъ обязательность выдачи оптіонами и делегаторами росписокъ[5]) и установилъ отвѣтственность получающихъ за невыдачу квитанцій[6]), равно какъ и порядокъ жалобъ со стороны обиженныхъ плательщиковъ[7]), точно указавъ, какимъ путемъ засчитывается принятый хлѣбъ[8]) и изъ какихъ средствъ вознаграждаются поставившіе, въ случаѣ перевѣса стоимости поставленнаго хлѣба надъ причитающейся съ нихъ суммою государственной подати. Правительство знало и запрещало поставку хлѣба изъ отдаленныхъ мѣстностей и за большое разстояніе, на что Тайная Исторія жалуется въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ. Оно напоминало[9]), что къ поставкѣ могутъ требоваться только тѣ запасы (εἴδη, species), которые находятся въ изобиліи въ данной мѣстности, приказывало платить по той цѣнѣ, которая стояла въ ту минуту на рынкѣ[10]), разрѣшило въ Италіи совершать раскладку епископамъ и городскимъ нотаблямъ, называя въ оффиціальномъ документѣ чиновничество корыстнымъ[11]). Наконецъ, что

1) πᾶσιν.... ἐχνενευρίσθαι ξυνέβη.
2) Nov. CLII pr.
3) Nov. CL περὶ παρόδου στρατιωτῶν, α′ extr. εἴτε προφάσει τοῦ μὴ γίνεσθαι ὡς εἰκὸς ἑτοιμασίαν, εἴτε introitων ὀνόματι ὧν καὶ αὐτὴν τὴν προσηγορίαν παντελῶς ἀναιροῦμεν. δ′. μηδένα... προφάσει παρόδου ἐπ' ἀπαργυριασμῷ τι λαμβάνειν. Cf. CLII ϑ′ τὰ λεγόμενα παραπομπικά. Cp. Gregorii M. ep. I. 44.
4) Nov. CL ζ′ Zach.
5) Zach. Nov. Just. CL α′.
6) Ibid. α′. ε′. ς′.
7) Ibid. ε′.
8) Ibid. γ′.
9) Ibid. β′. Cf. CLXIV c. 18: ne per comparationes specierum collatores graventur.
10) Ibid.
11) Officiorum avaritia. Ibid.

касается злоупотребленій при пріемѣ хлѣба, то правительство разрѣшило плательщикамъ получать засвидѣтельствованныя мѣры и вѣсы изъ Византіи и мѣрить ими при поставкѣ [1]). Свидѣтельствуя объ извѣстной заботливости правительства, эти распоряженія, съ другой стороны, подтверждаютъ существованіе того зла, на которое указываетъ Тайная Исторія. Уничтожить его было трудно. Григорію Великому приходилось бороться съ такими же злоупотребленіями.

Натуральная повинность annona и соединенныя съ нею συνωναί существовали не только для нуждъ арміи [2]). Неоднократно [3]), не только при Варсимѣ, но и при предшественникѣ его и при преемникахъ его по префектурѣ были объявляемы συνωναί для прокормленія столицы, вѣроятно, въ видѣ чрезвычайной мѣры въ тѣ года, въ которые обычный хлѣбный караванъ (ὁ σιταγωγὸς στόλος) не могъ удовлетворить потребности громадной столицы, гдѣ при томъ существовало много злоупотребленій въ операціяхъ по annona [4]). Примѣръ такой συνωνή для пропитанія столицы приведенъ авторомъ Тайной Исторіи въ числѣ операцій съ хлѣбомъ извѣстнаго pr. praet. Петра Варсима [5]). Прокопій передаетъ, что при накопленіи въ столичныхъ амбарахъ лишнихъ хлѣбныхъ запасовъ, Варсимъ не затруднялся сбывать свой гнилой хлѣбъ восточнымъ городамъ, по раскладкѣ [6]), за высокую цѣну, или въ голодный годъ продавать свой лишній хлѣбъ нуждающимся городамъ, съ большимъ барышомъ для казны. На слѣдующій годъ, продолжаетъ Тайная Исторія, подвозъ изъ Египта былъ не великъ и была объявлена συνωνή въ ближайшихъ къ столицѣ областяхъ: Виѳиніи, Фригіи и Ѳракіи. Провинціалы должны были доставлять свой хлѣбъ въ Константинополь сами и на собственныя средства (стало быть, прежнія запрещенія потеряли силу), и терпѣли при этомъ такіе убытки, что рады были бы подарить этотъ хлѣбъ казнѣ и отдать ей еще столько, сколько онъ стоитъ, — только бы ихъ избавили отъ доставки. Таковы были συνωναί, по извѣстіямъ Тайной Исторіи, несмотря на изложенныя выше предосторожности правительства. Прокопій называетъ συνωναί тяготою и мерзкимъ дѣломъ [7]). Онъ не сомнѣ-

1) Nov. CLII ιϛ'. CLXIV c. 12.
2) An. p. 131_4—$_8$.
3) πολλάκις, l. 5.
4) Nov. CX, β' περὶ ἀναρτήσεως χορηγίας ἄρτων.
5) An. p. 125_8 sqq.
6) ἐπεβάλλετο, l. 11.
7) An. p. 126. Cf. 131_5.

вается въ обязанности населенія доставлять хлѣбъ для арміи и столицы — это древнее установленіе. Онъ осуждаетъ принудительную и тягостную для провинціаловъ форму отбыванія этой повинности въ видѣ *συνωναί*. — Мѣры Варсима, продолжаетъ Тайная Исторія [1]), не привели къ удешевленію хлѣба, и въ столицѣ разыгрался бунтъ [2]), окончившійся тѣмъ, что Варсимъ перемѣнилъ [3]) постъ praef. praetorio на comitiva sacr. largitionum. Отсюда видно, что факты, сообщаемые Тайной Исторіей, случились раньше мая 546 г., къ которому относится послѣдній изъ указовъ съ надписью Petro praefecto. Это были самые тяжелые годы царствованія, когда физическія бѣдствія — голодъ и повальныя болѣзни — чередовались съ политическими, упадокъ промышленности сопровождался подъемомъ цѣнъ на продукты первой необходимости [4]).

Кромѣ annona, существовали другія натуральныя повинности: *στρατιωτικὴ δαπάνη* (въ узкомъ смыслѣ), т. е. поставка одежды, припасовъ, кромѣ хлѣба [5]); 2) ямская, или обозная повинность (*ἀγγαρεῖαι*); 3) квартирная (*μιτάτα*). Что касается второй изъ нихъ, то неоднократныя запрещенія правительства обременять населеніе поставкою подводъ скорѣе говорятъ за существованіе зла, чѣмъ за его уничтоженіе [6]). О тяжести этой повинности при Юстиніанѣ можно судить по постояннымъ передвиженіямъ войскъ, вызывавшимися его войнами. Изъ Тайной Исторіи можно видѣть, что частное распоряженіе въ этой области — уничтоженіе постояннаго обоза на персидской границѣ [7]) — тяжело отозвалось на населеніи [8]). Больше жалуется Тайная Исторія на тяжесть квартирной повинности. Объ отбываніи ея былъ установленъ рядъ точныхъ правилъ еще прежними императорами [9]). При непрерывныхъ войнахъ въ царствованіе Юстиніана, какъ говоритъ Тайная Исторія, постой раззорялъ окончательно землевладѣльцевъ, которымъ приходилось отдавать лучшія части своихъ домовъ. Однако въ 545 г. состоялось распоряженіе [10]), чтобы помѣщенія, занятыя

1) An. 126_7: ἄχθος. 131_6 τὸ τοιοῦτο ἄγος.
2) An. p. 126—127.
3) An. 127_{20} οὐ πολλῷ ὕστερον.
4) Cp. Nov. CXLVI, CXXXVII.
5) Cp. Valesius ad Evagr. III c. 42.
6) Nov. XXI ϑ'. CLXVI α' extr. Cod. Iust. tit. de angariis et parangariis.
7) An. p. 163_{15}.
8) Cod. J. XII. 40 de metatis et epidemeticis.
9) An. p. 132_8.
10) Nov. CL περὶ παρόδου στρατιωτῶν, ϑ'.

хозяевами, оставались свободными отъ постоя; но правительство не указало, какимъ путемъ частныя лица могли быть ограждены отъ насилія. Столичному населенію, по словамъ Тайной Исторіи, приходилось помѣстить 70,000 варваровъ. Подъ ними, вѣроятно, нужно разумѣть федератовъ и столичный гарнизонъ, состоявшій, дѣйствительно, изъ варваровъ. Много также жило пріѣзжихъ варваровъ по дѣламъ посольства, какъ напр. свита Издигуны, посла Хозроя [1]). Для чужестранцевъ Юстиніанъ строилъ громадныя гостинницы. Цифра, данная Тайной Исторіей, многимъ кажется преувеличенной; впрочемъ, не видно, чѣмъ можно было бы ее повѣрить [2]).

Выше было изложено, какъ слѣдствіе широкой политики Юстиніана, во 1-хъ, необходимость сокращеній по главной статьѣ государственныхъ расходовъ — по содержанію арміи, и во 2-хъ, обремененіе населенія натуральными повинностями. Переходя къ извѣстіямъ Тайной Исторіи о другихъ сторонахъ финансовой системы правительства Юстиніана, являющихся для Прокопія слѣдствіями личнаго ненасытнаго корыстолюбія Юстиніана, поставимъ на первое мѣсто извѣстія Тайной Исторіи о тяжести прямого обложенія. Нужно замѣтить, что особенностью источника является пріурочиваніе отдѣльнаго вида обложенія, напримѣръ capitatio, къ извѣстному классу общества, служившему непосредственнымъ субъектомъ подати, какъ будто этотъ классъ одинъ былъ заинтересованъ въ подати. Первой заботой правительства въ завоеванныхъ провинціяхъ Ливіи и Италіи была перепись населенія и раскладка податей [3]). Исправное поступленіе въ казну capitatio, прямого налога, было предметомъ особой заботливости правительства. Оно не признавало за своими должниками права убѣжища въ церквахъ [4]). Провинціальной администраціи ставилось на видъ, что исправное поступленіе податей [5]) является ея высшей заслугой, достойной «πά-

1) Pers. II, 285.

2) Aedif. I, p. 208. Новелла Маврикія περὶ τοῦ ἀναιρεῖσθαι τὰς μετατορικὰς οἰκήσεις до насъ не дошла. Zach. Coll. I, nov. 19.

3) Anecd. p. 107_{14}. Cp. Vand. 445: Τρύφων τε καὶ Εὐστράτιος πρὸς βασιλέως ἐστάλησαν, ἐφ' ᾧ τοὺς φόρους αὐτοῖς τάξουσι κατὰ λόγον ἑκάστῳ. οἱ δὴ οὐ μετρίοι Λίβυσιν οὐδὲ φορητοὶ ἔδοξαν εἶναι.— Cp. Cod. I 27, 1, § 15, 16: licet enim per omnes provincias nostras deo iuvante festinemus, ut illaesos habeant collatores, maxime tamen tributariis dioeceses Africae consulimus, qui post tantorum temporum captivitatem meruerunt deo iuvante per nos lumen libertatis adspicere. Cp. Pers. II p. 160. An. 31, 108. Cp. Goth. 284—285 и др.

4) Zach. Nov. J. VI, XXI ζ'.

5) XVI η' τοὺς δὲ... παραλαμβάνοντας τὰς ἀρχὰς πρῶτον ἁπάντων σπούδασμα ἔχειν

σης εὐφημίας». Населенію внушалось, что высокія политическія задачи правительства требуютъ тяжелыхъ жертвъ и безропотнаго, аккуратнаго взноса податей[1]). Съ этой цѣлью всѣ одинаково подчинены власти губернатора[2]). Въ наказахъ губернаторамъ и въ указѣ de mandatis principis требуется, чтобы взиманіе податей было для губернаторовъ на первомъ планѣ[3]). Если въ провинціи имѣлись земли фиска и особенно (πολλῷ μᾶλλον) частной собственности императора или Августы, то о нихъ законодатель упоминаетъ раньше, чѣмъ о δημόσια (publicus ager, въ вѣдѣніи praefectus praetorio)[4]). За царскими доходами слѣдили также схолы палатиновъ[5]).

Авторъ Тайной Исторіи много разъ жалуется на это неуклонное требованіе правительства, обращенное къ населенію, силы котораго были подорваны, между прочимъ, физическими бѣдствіями. Раззоренію землевладѣльцевъ непосильными поборами посвящена 23-я глава. Три группы фактовъ вызвали это раззореніе: 1) злоупотребленія при взиманіи, 2) безпощадное требованіе недоимокъ съ неимущихъ и 3) примѣненіе круговой поруки и дополнительнаго обложенія къ остальнымъ плательщикамъ.

На злоупотребленіяхъ при взиманіи Тайная Исторія не останавливается; изъ ея словъ[6]) можно видѣть, что «сикофанты», неопредѣленное и бранное названіе, означающее здѣсь упоминаемыхъ выше φορόλογοι, сборщиковъ податей, — обвинялись въ томъ, что взыскивали подати съ тѣхъ, кто не считалъ себя должнымъ государству, пользуясь тѣмъ, что общаго прощенія недоимокъ при Юстиніанѣ не было, или требовали съ «достаточныхъ» (ἐπιεικέστεροι) людей большей суммы, чѣмъ они привыкли платить.

Между тѣмъ правительство, не понижая своихъ требованій[7]), старалось облегчить участь плательщиковъ. Съ этой цѣлью оно издало рядъ распоряженій, которыя увѣнчались спеціальной новеллой «О взы-

---

χρὴ τὸ τοῖς δημοσίοις ἀγρύπνως ἔχειν καὶ τοὺς μὲν ἀγνωμονοῦντας καὶ δεομένους ἀνάγκης μετὰ πάσης εἰσπράττειν τῆς σφοδρότητος κτε.

1) Ibid., ι'.

2) Ibid., ιβ'.

3) Zach. N. J., XXI α'. XLIV ζ'. XLV α' § 2. LIII β' γ'. LIV β'. LV β' § 1. XCVI, XXII—XXVI, XXXI, XXXII β'.

4) Указъ о проконсулѣ Каппадокіи Zach. XLIV ϛ'. Ср. XCVI ια' и κ'.

5) О нихъ см. Cod. J. XII 23 de palatinis s. largitionum et rerum privatarum.

6) An. p. 129_2—$_{10}$.

7) Ср., впрочемъ, Malal. p. 437: ἐδωρήσατο τὸ Γοτθικὸν ξυλέλαιον κουφίσας τοὺς ὑποτελεῖς ἐκ τοῦ βάρους.

скапіи и платежѣ государственныхъ податей», данной въ 545 г. при Петрѣ Варсимѣ [1]). Незаконные поборы при взиманіи преслѣдовались правительствомъ (не извѣстно, съ какимъ успѣхомъ) [2]); нѣкоторыя должности податной администраціи, наиболѣе ненавистныя для населенія, были уничтожены [3]); намѣреніемъ правительства было сосредоточить весь сборъ податей въ рукахъ мѣстной администраціи [4]), избѣгая услугъ чиновниковъ, присылавшихся изъ Византіи разными вѣдомствами; было подтверждено и разъяснено съ точностью [5]), чтобы ежегодная смѣта податей, которыя должны были быть внесены населеніемъ за одинъ индиктъ (ἐπινέμησις), составлялась и разсылалась въ указанный срокъ, и каждому желающему было предоставлено закономъ право требовать себѣ изъ префектуры копію съ этой смѣты; въ провинціи всякій платящій подать могъ, въ случаѣ сомнѣнія, требовать черезъ губернатора или епископа предъявленія ему податныхъ книгъ (τῶν δημοσίων ἀπογραφῶν) [6]), которыя должны были составляться на основаніи τύποι τοῦ μακαριωτάτου Νικητοῦ [7]). Сборщики (πράκτορες) были обязаны [8]), подъ угрозой лишенія руки, выдавать росписки съ точнымъ указаніемъ суммы взысканныхъ податей и податныхъ единицъ [9]), съ которыхъ взыскано, даже и тамъ, гдѣ сборщики привыкли брать по обычаю, отговариваясь невозможностью вычислить количество податныхъ единицъ. (Можетъ быть, это распоряженіе 535 г. усилило тѣ столкновенія, о которыхъ говоритъ Тайная Исторія). Если провинціалы считали себя обиженными губернаторомъ, то имъ было разрѣшено [10]) подавать на него жалобы отъ имени епископа и лучшихъ людей (οἱ ἐν ὑπολήψει), что разрѣшалось имъ только въ случаѣ претензій денежнаго свойства (κλοπῆς) [11]), и императоръ присылалъ на мѣсто слѣдственную комиссію. Наконецъ, правительство

1) Περὶ τῆς τῶν δημοσίων ἀνύσεως καὶ καταβολῆς καὶ ἑτέρων κεφαλαίων, Zach. CLII.

2) ἀσπαστικά и τρακτευτικά XLIV γ'; παραπομπικά CLII ϑ'.

3) CLII ϛ'· ἐξπελλευτής (о немъ ср. Cod. X 19_9 Анастасія). XLIV β', ἐπίτροποι и τρακτευταί.

4) Nov. J. XLIV β'; CLII.

5) Nov. Just. CLII α'.

6) Ibid. δ'.

7) Nov. XLIV γ'.

8) Cod. J. X 22_5. Nov. XXI η', CLII γ'.

9) Къ вопросу о значеніи caput, впрочемъ, уже разъясненному, ср. Nov. XCVI γ'.- τὴν παραψυχὴν ἣν μέχρι νῦν ὁ περίβλεπτος αὐγουστάλιος ἔχει, τὰς πεντήκοντα μὲν ἀννώνας καὶ τὰ πεντήκοντα κάπιτα.

10) Nov. XVI η' § 1.

11) Ibid. ι'.

придавало большое значеніе указу Зинона[1]), которымъ было запрещено губернатору, оставляя должность, уѣзжать изъ провинціи ранѣе 50 дней, чтобы обиженные могли предъявить на него свои жалобы. Выше было упомянуто, что ius asyli не было признаваемо за церквами по отношенію къ должникамъ государства. Чтобы не осквернять святыни, правительство взыскивало недоимку съ имущества духовныхъ лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось священное мѣсто, въ чертѣ котораго должникъ нашелъ себѣ убѣжище[2]). Что касается до частныхъ жилищъ, то правительство Юстиніана разослало гуманное распоряженіе, не дошедшее въ подлинномъ видѣ[3]), которымъ запрещалось описывать въ казну[4]) домъ недоимочнаго плательщика; если въ немъ скрывался самъ должникъ, то арестъ его долженъ былъ производиться δημοσίοις προσώποις, не причиняя дому ущерба, и если требовалась вооруженная сила, то разрѣшалось брать только опытныхъ солдатъ. Правительство ограждало отъ поборовъ и взятокъ даже еретиковъ[5]), къ которымъ Юстиніанъ не чувствовалъ сострадания; правительство ясно понимало свои выгоды[6]). Оно, казалось, было полно сочувствія къ «нашимъ» «несчастнымъ плательщикамъ[7]). Читая введеніе къ XVI новеллѣ, можно удивляться силѣ чувства или краснорѣчія, съ которой законодатель описываетъ жалкое положеніе подданныхъ, оказывавшихся не въ состояніи платить «благочестивыя» подати[8]) и спасавшихся отъ притѣсненій бѣгствомъ, изображаетъ развитіе преступленій, какъ гибельное слѣдствіе «корысти, матери всѣхъ золъ». Все это правительство приписываетъ плутовству своихъ чиновниковъ.

Тайная Исторія стоитъ на иной точкѣ зрѣнія. Признавая необходимымъ убавить тяжесть налоговъ, позднѣйшее законодательство отчасти подтверждаетъ ея обвиненія[9]). Обращаясь къ указаннымъ

---

1) Cod. Just. I 49 un. Nov. XVI ϑ'. CLII κγ'. Nov. Tiberii Zach. Coll. I.

2) Nov. VI, XXI ζ'. Архонты (губернаторы) не должны давать λόγον ἀσυλίας ἐπὶ δημοσίαις προφάσεσιν. Nov. V.

3) Athanasii epit. Nov. XX, 5 (Zach. CXLII).

4) μιττεύεσθαι—грецизированное mittere in rem. Греческое выраженіе στέλλεσθαι ἐπὶ νομῆς.

5) Nov. V α'. Ср. XXI ια'.

6) Nov. XXI α' extr.

7) ἀθλίοις.. συντελέσιν XLIV β'.

8) Zach., p. 94: ταῖς ἀληθείαις εὐσεβῶν φόρων.

9) Nov. Tiberii περὶ κουφισμῶν δημοσίων, a. 575 (Zachariae Coll. I nov. 11): ἴσμεν τοίνυν τὰς ἐπαλλήλους τε καὶ πολυτρόπους τῶν ἀνθρώπων φθορὰς εἰς τοσοῦτον τὰς κτήσεις

ею фактамъ, остановимся на первомъ изъ нихъ — на безпощадномъ взысканіи недоимокъ. Тогда какъ каждый изъ прежнихъ царей издревле, по обычаю, прощалъ подданнымъ недоимки, притомъ за одинъ разъ, «этотъ за 32 года своего правленія не сдѣлалъ для своихъ подданныхъ ничего подобнаго». Это привело къ безнадежному задолжанію неимущихъ и къ бѣгству безъ возврата; многіе предпочитали уступить свои земли «сикофантамъ»[1]) или казнѣ. Что касается до результатовъ, описываемыхъ Тайной Исторіей, то они могутъ быть вѣрными (хотя «сикофантамъ», если подъ ними разумѣть чиновниковъ, было позволено пріобрѣтать или получать въ даръ недвижимость только въ исключительныхъ случаяхъ)[2]), но точность самаго факта возбуждаетъ сомнѣніе. Въ указѣ 553 года, данномъ Ареобинду, Юстиніанъ прощаетъ подданнымъ всѣ недоимки до 554 года включительно. Положимъ, что Тайная Исторія не могла знать этого факта, будучи написана раньше, но въ немъ упоминается о прежнемъ сложеніи недоимокъ «до перваго индикта предыдущаго цикла включительно», т. е. до сентября 522 года[3]). Такимъ образомъ слѣдуетъ заключить, что извѣстіе Тайной Исторіи невѣрно, на основаніи точнаго свидѣтельства оффиціальнаго документа[4]). Изъ этого извѣстія Тайной Исторіи можно извлечь развѣ только тотъ выводъ, что первое сложеніе недоимокъ не осталось въ памяти подданныхъ Юстиніана, такъ какъ слагало съ нихъ, быть можетъ, тѣ недоимки, которыя уже считались безнадежными. Въ другомъ случаѣ[5]) Прокопій даетъ уже знакомое намъ извѣстіе о томъ, что землевладѣльцы провинціи Палестины были раззорены безпощаднымъ взысканіемъ податей съ ихъ земель, запустѣвшихъ послѣ религіознаго волненія 530—531 гг. «Имъ пришлось вносить ежегодную подать цѣлостью». Выше мы видѣли, что житіе Саввы говоритъ о единовременномъ прощеніи 13 кент. недоимки на 2 года, а Тайная Исторія жалуется на то, что землевладѣльцы были принуждены платить ежегодную подать и за запустѣвшія земли. Все-таки извѣстіе Тайной Исторія небрежно до неточности. Прокопій не отрицаетъ, что

καταγαγεῖν ἀπορίας, ὡς μηδὲ [illegible] Cf. An. 128_{16}.

1) An. p. 129.

2) Cod. I 53 an. a. 528. Cf. Cod. Theod. VIII 15.

3) Zach. Nov. J. CLXIII π'.

4) Cp. Malal. p. 423: ὁ δὲ αὐτὸς Ἰουστινιανὸς [illegible] τῆς Ῥωμαϊκῆς πολιτείας.

5) An. p. 75_{22}—76.

раззореннымъ областямъ были даваемы льготы. По его словамъ, при всеобщемъ раззореніи азіатскихъ и европейскихъ провинцій варварами, Юстиніанъ освобождалъ только взятые непріятелемъ, т. е. разграбленные города, и то на 1 годъ. Если бы, продолжаетъ Прокопій, Юстиніанъ освобождалъ бы ихъ и на 7 лѣтъ, какъ Анастасій[1]), и то было бы мало. По выраженію Тайной Исторіи, это была смѣшная льгота[2]). Въ то же время Pragmatica Sanctio требуетъ взноса податей на прежнемъ основаніи съ жителей Италіи, раззоренныхъ войною, «nulla innovatione per hostilem adventum solutioni tributorum penitus inferenda».

Слѣдующая группа фактовъ, указывающихъ на истощеніе платежныхъ средствъ населенія и на характеръ пріемовъ, къ которымъ правительство было вынуждено прибѣгать, не желая или не будучи въ состояніи понизить свои требованія, относится къ такъ называемымъ ἐπιβολή и διαγραφή, или формамъ дополнительнаго обложенія достаточныхъ плательщиковъ и болѣе доходныхъ земель, вмѣсто тѣхъ плательщиковъ и земель, съ которыхъ правительство не могло взыскать причитающіяся подати.

Извѣстія Тайной Исторіи объ ἐπιβολή[3]) указываютъ, лишь на то, что примѣненіе ея очень усилилось въ правленіе Юстиніана[4]), что она была тяжела для землевладѣльцевъ[5]), о которыхъ Тайная Исторія говоритъ въ настоящей 23-й главѣ, и въ-третьихъ, что примѣненіе ἐπιβολή являлось совершенно неожиданнымъ[6]). Что касается до происхожденія, исторіи ἐπιβολή и подробностей ея примѣненія, то намъ возможно, ограничиваясь немногимъ, сослаться въ прочемъ на новое изданіе «Исторіи Греко-Римскаго права» Цахаріэ, и на обширную статью Анри Монье, посвященную спеціально ἐπιβολή и связаннымъ съ нею явленіямъ[7]). Объ ἐπιβολή высказывались и такіе Μουσαγέται, какъ Куяцій, Дюканжъ, Готофредъ и Савиньи.

---

1) Pers. I p. 39. Cp. Cod. X 16 de annona et tributis, l. 13. a. 496.

2) An. 130_5 τὸ γελοιῶδες τοῦτο.

3) An. 131.

4) ἐπιπολάσαν ὡς τὸ εἰκὸς ἐπὶ τὸν χρόνον μάλιστα τοῦτον.

5) ὄλεθρος.. τοῖς τὰ χωρία κεκτημένοις ἐπιγενόμενος πρόῤῥιζον τε αὐτοῖς ἐκτρίβων τὴν τοῦ βίου ἐλπίδα.

6) ἀπρόοπτος.. ἐξαπιναίως.

7) 1892. S. 228 ff.

8) Monnier. Etudes sur le droit byzantin. I. Ἐπιβολή. Nouv. rev. hist. du droit français et étranger. 1892. Стр. 125 и далѣе, 331 и д., 407 и д., 637 и далѣе.

О примѣненіи ἐπιβολή дошли отъ времени Юстиніана, Юстина и Анастасія официальные документы. Первый изъ нихъ, эдиктъ praef. praet. Зотика 512 г., сохраненъ въ Базиликахъ не вполнѣ, а въ отрывкѣ, откуда былъ извлеченъ Куяціемъ, и затѣмъ вошелъ въ собраніе 168 новеллъ подъ № 168. Кромѣ того, сохранилось сокращеніе этого эдикта въ собраніи 30 эдиктовъ praefectorum praetorio, и, можетъ быть, къ нему должно отнести отрывокъ, приписанный въ концѣ Болонскаго списка 168 новеллъ. Все это издано Zachariae[1]). Въ этомъ указѣ Зотикъ запрещаетъ (или подтверждаетъ запрещеніе) прилагать ἐπιβολή къ домамъ, къ ἄρτοι πολιτικοί — annona publica, и ко всему, что не включено въ цензъ[2]). Этотъ указъ обрушивалъ всю тяжесть ἐπιβολή на землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что законъ того же Анастасія исключаетъ отъ привлеченія къ ἐπιβολή частныя имущества императора, rem privatam[3]); а церковныя имущества еще съ 412 г. были освобождены отъ всякаго дополнительнаго и чрезвычайнаго обложенія[4]). Второй эдиктъ, префекта Демосѳена, (521—3 г.), περὶ ἐπιβολῶν, данный губернатору Лидіи, дошелъ и въ подлинникѣ (nov. 166) и въ epitome, въ собраніи 30 эдиктовъ или formae pr. pr. Указъ мотивируется[5]) необходимостью разъясненія плательщикамъ порядка и предѣловъ привлеченія къ ἐπιβολή, въ виду разногласія между юристами. Именно наиболѣе умѣренные изъ нихъ считали законнымъ привлекать только владѣльцевъ частей того же имѣнія въ порядкѣ близости. Другіе привлекали тѣ земли, которыя въ прежнее время составляли съ недоимочнымъ одно цѣлое[6]). Третьи считали возможнымъ привлекать къ ἐπιβολή всѣхъ, когда-либо владѣвшихъ имѣніемъ, часть котораго составляетъ недоимочная и приписываемая земля[7]). Сопоставляя съ этимъ приведенный выше эдиктъ Зотика, Цахаріэ вывелъ[8]), что были попытки привлечь все имущество прежнихъ и настоящихъ владѣльцевъ, не вписанное въ цензъ, какъ-то: дома, ἄρτοι πολιτικοί, — что и запретилъ эдиктъ 512 г., являю-

1) Zachariae, Anecdota. 1843.

2) Ἴδικτον Ζωτικοῦ περὶ τῶν ὁμοδούλων Zach. An. p. 275: παντελῶς οὐδὲν, ᾧ μή τι γεϊκὸν τέλος ἢ ψυχικὸν προσγέγραπται.

3) Cod. J. I 34_2.

4) Cod. J. I 2_5 nihil extraordinarium ab hac superiudictitiumve flagitetur.

5) Zach. Anecdota p. 250: τῶν μὲν τοῖς ἐκ τῆς αὐτῆς περιουσίας εὔπορα κτησαμένοις ἐγγύτεροις καὶ προσεχέσι ταύτας (scil. ἀπορων ἐπιβολάς) ἐπάγεσθαι δικαιούντων.

6) τῶν δὲ πρὸς τὰ ἀνωτέρῳ καὶ παλαιοτέρας ὁμοδούλους κτήσεις ἀναβαίνειν βιαζομένων.

7) τῶν δὲ ἐφ' ἅπαντας ἅμα τοὺς πρὶν κτησαμένους ἀδιακρίτως χωρούντων.

8) Geschichte des griechisch römischen Rechts, 3 Aufl., 231.

щійся, такимъ образомъ, законодательнымъ ограниченіемъ въ примѣненіи ἐπιβολή. Демосѳенъ разъясняетъ въ своемъ эдиктѣ: если владѣлецъ недвижимой собственности, начиная отъ отдѣльнаго участка до massa[1]), оставитъ ее нѣсколькимъ наслѣдникамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, передадутъ ее въ третьи руки, и если изъ числа получившихся послѣ всего этого частей одна сдѣлается бездоходной, то sterilium adiectio (или ἐπιβολή ἀπόρων) распространяется въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) на остальное недвижимое имущество владѣльца sterilium, 2) въ случаѣ его несостоятельности на тѣхъ, отъ кого онъ получилъ законнымъ путемъ недоимочное имѣніе, 3) послѣ нихъ къ ἐπιβολή привлекается первый владѣлецъ и его недвижимая собственность, и наконецъ 4) на всякаго, пріобрѣвшаго отъ него какимъ бы то ни было законнымъ путемъ[2]) землю, поле или имѣніе. Въ этомъ строгомъ порядкѣ должны были быть приписываемы бездоходныя земли и налагаемы слѣдующія съ нихъ подати; и на это правительство обращаетъ вниманіе губернатора, угрожая штрафомъ и посылая на мѣсто, для наблюденія, чиновника. Таково существенное содержаніе эдикта Демосѳена. Изъ него можно видѣть, что относительно привлеченія къ ἐπιβολή существовала неопредѣленность, которую поспѣшило разрѣшить правительство при началѣ фактическаго управленія государствомъ Юстиніана. Этотъ актъ касается исключительно тѣхъ земель, которыя состоятъ между собою въ отношеніяхъ, формулируемыхъ закономъ черезъ терминъ ὁμόδουλα[3]). Въ 545 году при Петрѣ Варсимѣ были изданы новыя разъясненія о примѣненіи ἐπιβολή[4]). Слѣдуетъ замѣтить, что они относятся одинаково къ ὁμόδουλα и ὁμόκηνσα (о послѣднихъ Тайная Исторія не упоминаетъ, если принимать объясненіе терминовъ, предложенное Цахаріэ[5]). Повидимому, въ этомъ актѣ второй терминъ не означаетъ совокупности участковъ свободныхъ крестьянъ (μητροκώμια), какъ понимаетъ Цахаріэ[6]). Указъ 545 г. повидимому предполагаетъ, что sterilia какъ ὁμόδουλα такъ и ὁμόκηνσα имѣютъ при себѣ колоновъ[7]). Съ другой

1) ἀγρὸν ἢ χωρίον ἢ γήδια ἢ σύγκτησιν ὅλην.

2) καθ' οἱανδήποτε νόμιμον αἰτίαν παρειληφότα.

3) См. Zachariae, Gesch., Anm. 744.

4) Zach. Nov. J. CLII, ζ', η'.

5) Cf. An. 131_{13}: γεωργοί=coloni.

6) Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl., 229.

7) Nov. CLII η'. κελεύομεν παραχρῆμα ταύτην παραδίδοσθαι τοῖς ὁμόδουλα ἢ ὁμόκηνσα χωρία κεκτημένοις μετὰ πάντων τῶν ἐν αὐτῇ εὑρισκομένων γεωργῶν καὶ πεκου-

стороны, epitome эдикта Зотика говоритъ въ пользу различія ὁμόδουλα отъ ὁμόκηνσα: τινῶν μὲν ἀπὸ τῶν ὁμοκήνσων ἡ ζήτησις ἐπὶ τὰ ὁμόδουλα φέρεται καὶ οὕτως ἐπάγεται τοῖς ταῦτα κεκτημένοις, τινὰ δὲ ἀρχὴν περὶ τῶν ὁμοδούλων λαμβάνει καὶ φέρεται ἐπὶ τὰ ὁμόκηνσα[1]). Намъ не ясно различіе между ἐπιφορά (по Цахаріэ относится къ ὁμόκηνσα или участкамъ Gemeindeflur = metrocomiae) и между ἐπιβολή въ узкомъ смыслѣ слова, прилагавшейся, по мнѣнію Цахаріэ, къ κτήσεις. По крайней мѣрѣ изъ того мѣста, на которые онъ ссылается, разницы не видно[2]). Что ἐπιβολή и ἐπιφορά были по существу (а не по примѣненію) одно и то же, Цахаріэ, впрочемъ, признаетъ[3]).—Правила 545 года подтверждаютъ, что ἐπιβολή обязываетъ ко взносу податей, причитающихся со времени ея объявленія, т. е. старыя недоимки не взыскиваются[4]). Ἐπιβολή объявляется губернаторомъ, при чемъ его оффиціалами производится разслѣдованіе о ея необходимости, которое закрѣпляется письменнымъ актомъ; тогда отъ имени губернатора посылается офиціальное распоряженіе, на которое допускается апелляція суду praef. praet., который рѣшаетъ дѣло уже окончательно; послѣ назначенія ἐπιβολή, если найдется ближайшій владѣлецъ (степени близости были опредѣлены указомъ Демосѳена), то недоимочное имѣніе передается ему со всѣми угодьями и инвентаремъ, скотомъ и рабами—со всѣмъ наличнымъ instructum и instrumentum; если же ближайшее лицо не найдется, или если передача должна почему-либо быть отложена, то имѣніе описывается, опись доставляется губернатору и въ управленіе имѣніемъ вступаютъ чиновники мѣстной администраціи или податныхъ учрежденій, до того времени, когда будетъ найдено лицо, обязанное принять на себя sterilia[5]).

Изученіе этихъ памятниковъ законодательства, въ связи съ нѣсколькими данными литературныхъ источниковъ, даетъ нужный матеріалъ для повѣрки взгляда автора Тайной Исторіи на ἐπιβολή.

λίων αὐτῶν. καὶ ἐνθηκῶν καὶ καρπῶν καὶ ζώων καὶ παντὸς ἄλλου ἰνστρούκτου καὶ instrument ου τοῦ ἐκεῖσε εὑρισκομένου.

1) Collectio XXX edictorum Praefectorum praetorio e cod. Bodlejano 264, № 24. Zachariae Anecdota p. 274.

2) Gesch., Anm. 741. Cp. Ejusdem edicti excerptum e Basilicis depromptum s. no. 168, Zach. An. 256: προστάττομεν κήνσῳ ἤγουν ἀπογραφῇ χωρία φέρεσθαι μόνον, οὐ μὲν οἰκίας ἢ ἄλλα πράγματα. ἡ δὲ ἐπιφορὰ ὁμοκήνσοις γίνεται.

3) Zachariae, Anecdota, nota 73: Hombergk recte notat: ἐπιφορὰν puto idem esse, quod ἐπιβολή.

4) Nov. CLII ζ'.

5) Zach. Nov. Just. CLII.

Появленіе указовъ, регулирующихъ предѣлы и порядокъ примѣненія ἐπιβολή указываетъ, что явленіе получило важность и примѣнялось часто. Это объясняется упадкомъ платежныхъ средствъ населенія вслѣдствіе физическихъ, политическихъ и иныхъ (упадокъ доходности земли) бѣдствій, хотя сравнительно съ послѣдующимъ временемъ правленіе Анастасія и Юстина (при которыхъ были изданы эдикты 512 и 521—3 гг.) было временемъ благополучнымъ. Современная Анастасію сирійская хроника Іисуса Столпника въ числѣ льготъ, дарованныхъ Анастасіемъ раззоренному голодомъ населенію, упоминаетъ о сложеніи ἐπιβολή[1]). По другому извѣстію, при томъ же императорѣ Анастасіи въ провинціи Палестинѣ случился недоборъ въ 100 ф. зол., который предполагалось покрыть посредствомъ περισσοπρακτία[2]). Далѣе изъ изложеннаго видно, что вся тяжесть ἐπιβολή падала на землевладѣльцевъ, такъ какъ отъ нея были освобождены не всѣ недвижимыя имущества, не внесенныя въ цензъ, но только тѣ, къ которымъ была приписана glebalis или animalis functio. Отъ нея, какъ уже приходилось упоминать, были освобождены частныя имущества императора. Церковныя получили эту льготу еще въ 412 году[3]). Своды Θеодосія и Юстиніана подтвердили эту льготу. Однако при Анастасіи правительство пыталось привлечь къ ἐπιβολή (такъ понимаютъ соотвѣтствующее извѣстіе со времени Алеманна) и церковныя имущества: въ Палестинѣ былъ «записанъ» даже Іерусалимскій соборъ Воскресенія, пользовавшійся всегда особыми привилегіями[4]). Сохранившее этотъ фактъ житіе св. Саввы, составленное Кирилломъ, приписываетъ привлеченіе церковныхъ имуществъ вліянію (логоθета) Марина Сирійца[5]). Далѣе житіе передаетъ, что отчасти Юстинъ, частью Юстиніанъ сняли съ церковныхъ земель эту тяготу[6]). Такимъ образомъ вся тяжесть ἐπιβολή лежала на частномъ землевладѣніи. Можно повѣрить словамъ Тайной Исторіи, что для собственниковъ ἐπιβολή являлась «погибелью, отнимающей всякую надежду на жизнь». Что касается до неожиданности привлеченія къ этой повин-

1) Zachariae, Gesch., p. 229. Anm. 740.

2) Cyrillus Scythopolitanus, Vita S. Sabae p. 288.

3) Ex coll. Sirmondi edictum 11 Honorii et Theodosii: a quibus oneribus ecclesiae habeantur immunes (Haenel, Novellae Theodosii II etc. 1844, p. 463): nihil extraordinarium ab hac vel superindictitium flagitetur. Cod. Just. I 2, l. 5.

4) Vita S. Sabae l. c.

5) Ibid. p. 292.

6) Ibid., p. 294.

ности — обстоятельства, усугублявшаго ея тяжесть, — то правила о порядкѣ привлеченія къ ἐπιβολή были даны, но они допускали привлеченіе лицъ и имуществъ, имѣвшихъ весьма далекое отношеніе къ землѣ, являвшейся предметомъ ἐπιβολή. На насильственность примѣненія adjectionis sterilium, равно какъ и на ея тяжесть, указываетъ тотъ фактъ, что правительство рекомендовало ее въ качествѣ тяжкаго наказанія для лицъ, державшихъ у себя чужихъ колоновъ [1]. Что касается того, примѣнялось ли уже во время Юстиніана менѣе законное начало привлеченія по сосѣдству, вмѣсто юридической близости по праву владѣнія, то круговая порука сосѣдей развилась впослѣдствіи [2]). Алеманнъ привелъ текстъ Симеона Метафраста [3]), изъ котораго можно заключить 1) о примѣненіи дополнительнаго обложенія на основаніи сосѣдства и 2) о раззорительности этого обложенія. Въ упомянутомъ выше извѣстіи житія Саввы можно было бы видѣть указаніе на приложеніе ἐπιβολή по принципу сосѣдства [4]), если бы было основаніе придавать словамъ небрежной фразы точный смыслъ. Кромѣ того, ни изъ содержанія, ни изъ словъ текста Кирилла не видно, чтобы въ данномъ случаѣ дѣло шло объ ἐπιβολή. Терминомъ для Кирилла является περισσοπρακτία: недоимки ἐκ τῶν ἀπόρων καὶ δυσπράκτων προσώπων налагаются на Ἁγία Ἀνάστασις и другія «священныя мѣста», равно какъ на οἱ κατὰ Ἱεροσόλυμα συντελεσταί; послѣднее выраженіе разъясняется словами κτήτορες и οἰκήτορες (cives и incolae). Не видно, чтобы здѣсь дѣло шло о привлеченіи однихъ землевладѣльцевъ вмѣсто другихъ. Хотя церковь владѣла землею, и хотя поссессоры проводили большую часть года въ городахъ, все-таки не ясно, почему нельзя было бы въ нашемъ извѣстіи предположить обложеніе городскихъ недвижимыхъ имуществъ церкви и частныхъ лицъ и примѣнить къ акту περισσοπρακτία терминъ descriptio или διαγραφή.

Объ этомъ способѣ обложенія сохранилось интересное извѣстіе Тайной Исторіи; къ сожалѣнію, ея текстъ въ этомъ мѣстѣ содержитъ

---

1) Zach. Nov. I. XXI ιβ'. ἀλλὰ καὶ τοὺς εἰσδεχομένους τοὺς ἀλλοτρίους γεωργοὺς οὕτω μισήσεις, οὕτως ἀναγκάσεις θᾶττον ἀποδοῦναι τοὺς ληφθέντας κακῶς, ὡς εἰ μέχρι πολλοῦ μείναιεν ἀπειθοῦντες, ὅταν ἴσον ἄπορον τῆς ἐπαρχίας ἔσται, τοῦτο ταῖς ἐκείνων κτήσεσιν ἐπιθήσεις.

2) Zachariae. Geschichte des griech.-röm. Rechts. 235. 242. Novellae post Iustinianum, ed. Zachariae. Coll. III. nov. 2.

3) Procopii Caesariensis arcana historia, ed. N. Alemannus. Lugduni 1623. p. 100.

4) ἠναγκάσθησαν ἐπιῤῥῖψαι τὴν τούτων εἴσπραξιν τοῖς κατὰ Ἱεροσόλυμα συντελεσταῖς κατ' ἀναλογίαν τῆς ἑκάστου δυνάμεως. p. 255—90 изд. Помяловскаго.

очевидную лакуну[1]). Хотя авторъ, въ видахъ краткости, оставляетъ въ сторонѣ условія привлеченія (ἀφορμάς) и формы отбыванія (τρόπους) этой тяготы, особенно раззорительной для землевладѣльцевъ при Юстиніанѣ, и падавшей на нихъ вслѣдъ за уходомъ грабившихъ имперію варваровъ[2]), все-таки изъ словъ Тайной Исторіи возможно вывести для διαγραφαί нѣкоторыя опредѣленія. Эта повинность имѣла цѣлью возобновленіе или поддержку городского благоустройства[3]). Она падала, судя по словамъ Прокопія, впрочемъ, нѣсколько небрежнымъ, не на куріаловъ, βουλευταί, но на всѣхъ possessores[4]). Раскладка производилась сообразно съ суммой платившейся capitatio, т. е. съ количествомъ земли[5]).

Эта повинность раззоряла землевладѣльцевъ задолго до Юстиніана. Еще въ 410 г., при Θеодосіи II, вышелъ по этому поводу спеціальный указъ[6]). Онъ былъ изданъ для обезпеченія менѣе богатыхъ и менѣе сильныхъ декуріоновъ отъ притѣсненій сильныхъ и богатыхъ[7]), освобождавшихъ свое имущество отъ повинности descriptio и возлагавшихъ всю ея тяжесть на первыхъ, доводя ихъ до «гибели»[8]). Это было возможно въ виду того, что descriptiones назначались и приводились въ исполненіе самими куріями[9]). Законъ 410 г. устанавливаетъ контроль правительства надъ этой функціей городского самоуправленія. Надзоръ поручается префекту преторія, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ дѣла по управленію и самоуправленію городовъ (ограниченіе его власти въ этой области началось позже, при префектѣ Кирѣ). Къ префекту и обращенъ указъ, ему поручается и наказаніе ослушниковъ. Надзоръ долженъ состоять: во-первыхъ, изъ того, что всякое назначеніе descriptio должно быть записано въ acta provinciae и утверждено провинціальной администраціей, praeses или

---

1) An. 131 $_{18-23}$ ὡς συντομώτατα φράσαντι ἀπηλλάχθαι.

2) An. 130_{11} καὶ διαγραφαῖς οἱ τῶν χωρίων κύριοι τῶν πολεμίων ἀνακεχωρηκότων αὐτίκα μάλα ἡλίσκοντο.

3) ζημίαις πολλαῖς.. περιβαλέσθαι τὰς πόλεις ἦν ἀνάγκη... ταύτας (ἀπεσείοντο, con. Reiske).

4) An. 131_{22} οἱ τὰ χωρία ἔχοντες. 130_{11} οἱ τῶν χωρίων κύριοι.

5) κατὰ λόγον τῆς ἐγκειμένης ἑκάστῳ φορᾶς.

6) Cod. Theodos. XII, 1, de decurionibus, l. 173.

7) ad inferiorum curialium relevandas fortunas et impressionem potentium cohibendam.

8) ad relevationem locupletum atque inopum perniciem.

9) descriptiones, quae per singulos ordines agitantur. cf. ibid. leg. 123: publicis (scil. curiae) descriptionibus.

же высшаго званія iudex[1]); во-вторыхъ, изъ того, что статья о descriptiones должна быть включаемой въ quadrimenstrui breves или въ оффиціальные отчеты, представляемые префекту каждую треть года[2]). Такимъ образомъ, указъ устанавливалъ двойной контроль: предварительный, со стороны провинціальной администраціи, и post factum, со стороны центральнаго вѣдомства. Въ-третьихъ, требовалось, чтобы сборщикъ (susceptor aurarius) по полученіи денегъ (такъ какъ повинность descriptio была денежная)[3]) обозначалъ на выдаваемой роспискѣ (securitas или apocha) имя плательщика, день, имя консула, мѣсяцъ, назначеніе и количество взимаемыхъ по раскладкѣ денегъ[4]). Наконецъ, указъ 410 г. распространяетъ тѣ же предохранительныя мѣры на привлеченіе къ descriptio такъ называемыхъ lucrativae facultates. Что значитъ lucrativa и на какихъ основаніяхъ эти имущества привлекались къ descriptio, можно видѣть изъ новеллы Θеодосія II (442 г.) объ имуществахъ куріаловъ[5]). Здѣсь рѣчь идетъ о наложеніи descriptio quattuor siliquarum на имущество куріаловъ при переходѣ его въ другія руки. Исключаются и освобождаются отъ descriptio имущества, переходящія по наслѣдству или по дару къ потомству по прямой линіи и отходящія на основаніи наслѣдованія ex intestato, такъ какъ въ этихъ случаяхъ имущество переходитъ скорѣе въ видѣ debiti solutio, чѣмъ muneris oblatio; въ-третьихъ, освобождаются dotes и donationes propter nuptias, что мотивируется гуманностью законодателя. Въ остальныхъ случаяхъ перехода считается, что res lucro cedit[6]), и потому называется lucrativa, слѣдовательно, подлежитъ обложенію. Очевидно, descriptio этого рода не представляетъ ничего общаго съ διαγραφαί Прокопія, кромѣ общаго имени, указывающаго, можетъ быть, на то, что подъ именемъ descriptio разумѣлись обложенія, налагавшіяся куріями въ свою пользу. Указъ 410 г., распространенный и на descriptio lucrativorum, имѣетъ своимъ предметомъ descriptiones другого рода. Онъ говоритъ объ обложеніяхъ

1) (descriptiones) non sument ante principium, quam apud acta provinciarum rectoribus intimentur et ex eorum fuerint auctoritate firmatae.

2) ut quadrimenstruis quoque brevibus qui ab excellentiae tuae officio sollemniter diriguntur celebratae descriptionis dispunctio socictur.

3) Cf. Cod. Iust. X, 72 de susceptoribus.

4) Cf. Cod. Theod. XII, 1 de decurionibus, 107: pecuniariis descriptionibus.

5) Cf. Cod. Iust. X, 22 de apochis publicis et de descriptionibus curialium, гдѣ lex 1 взятъ изъ разбираемаго Cod. Theod. XII, 1, 173.

6) Cod. Iust. X 36 de imponenda lucrativis descriptione, un.

7) Ср. ibid. § 2: cui res lucro cesserit и § 6.

экстраординарныхъ (cogentibus diversis negotiis), къ которымъ привлекались всѣ куріалы, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бы къ общему налогу, contributio. Куяцій думалъ, судя по словамъ Готофреда (къ сожалѣнію, мы не могли провѣрить послѣдняго, такъ какъ онъ не дѣлаетъ ссылки), объ oblatio auri coronarii, очевидно, не вѣрно; Готофредъ, отвергнувъ это объясненіе, самъ въ сущности не даетъ своего[1]). Дюканжъ толкуетъ словами indictio, contributio (на основаніи выраженій того же Cod. Theod. XII, 1,173).

Терминъ διαγραφή или descriptio понятенъ. Онъ обозначаетъ собственно форму отбыванія повинности, но затѣмъ былъ присвоенъ и самой повинности. Разумѣется подъ нимъ опись недвижимаго имущества, такъ какъ публично описывать домашнюю обстановку куріаловъ по закону считалось неудобнымъ[2]). И descriptio lucrativorum распространялось только на недвижимое имущество. Слѣдовательно, наше обложеніе распространялось только на землевладѣльцевъ-куріаловъ, сообразно съ ихъ поземельнымъ цензомъ. Это подтверждается указомъ Анастасія о сложеніи chysargyrum, падавшимъ на промышленный классъ: тотъ указъ запрещалъ привлекать ихъ къ διαγραφαί[3]). Далѣе, изъ всѣхъ текстовъ видно, что descriptiones были куріальными, земскими сборами, налагались куріями на куріаловъ, только подъ контролемъ правительства[4]). Этому не противорѣчитъ позднѣйшій указъ 545 г., гдѣ говорится о правѣ губернаторовъ назначать διαγραφαί, такъ какъ этотъ указъ уже относится ко времени полнаго упадка городского самоуправленія и хозяйства[5]). Впрочемъ, къ тому же времени относится извѣстіе Тайной Исторіи. Наконецъ, терминъ διαγραφή не указываетъ, имѣло ли отбываніе этой повинности регулярный или экстраординарный характеръ. Съ этой стороны онъ является безразличнымъ, и для точности появились его опредѣленія: extraordinaríαι διαγραφαί и lucrativων διαγραφαί въ новеллахъ Юстиніана. Съ

1) Gothofredi Paratitlon ad Cod. Theod. X, 1, 173: est scilicet haec lex de contribuione quam ipsimet ordines i. e. curiae seu curiales facere debebant seu de illatione quae ab iis exigebatur.

2) См. Cod. Iust. X, 35 quando et quibus debetur quarta pars ex bonis decurionum, 2.

3) Cod. Iust. XI, 1 de tollenda lustralis auri collatione, 2.

4) Ср. διαγραφή.

5) Nov. Iust., ed. Zachariae, CLII περὶ τῆς τῶν δημοσίων ἀνύσεως καὶ καταβολῆς, κβ'. Πρὸς τούτοις κελεύομεν τοὺς τῶν ἐπαρχιῶν ἄρχοντας καὶ τὰς αὐτῶν τάξεις εἴποτε ἐκ πόλεως εἰς πόλεις παραγένωνται, μηδὲ ἀγγαρείαις μηδὲ διαγραφαῖς ἢ ἄλλοις δαπανήμασι τοὺς ὑποτελεῖς βαρύνειν.

обложеніемъ второго рода, которое имѣло правильное, опредѣленное закономъ примѣненіе, но падало на имущество отдѣльныхъ лицъ[1]), нельзя смѣшивать διαγραφαί нашей Тайной Исторіи, примѣнявшіяся въ экстраординарныхъ случаяхъ, падавшія на имущество всей куріи, которая дѣлала раскладку между своими членами. Новелла 545 г. о церковныхъ привилегіяхъ сопоставляетъ рядомъ оба вида διαγραφαί[2]). Тамъ опредѣляется, что церковныя имущества не подлежатъ ни такъ называемымъ sordida munera, ни extraordinariae descriptiones. Если же случится нужда въ проведеніи дорогъ или постройкѣ мостовъ, то церковныя учрежденія, имѣющія земли при томъ городѣ, «при которомъ состоитъ» дорога или мостъ, несутъ эту повинность сообразно съ прочими владѣльцами. Если же, говорится далѣе, куріальное имущество перешло или перейдетъ, сообразно съ законами, къ церкви или къ богоугодному дому, то оно будетъ свободно отъ уплаты descriptio lucrativorum. Такимъ образомъ, церковное имущество получало льготу отъ extraordinaria descriptio, участвуя только въ постройкѣ мостовъ и въ поддержаніи дорогъ. Эту льготу повторяютъ и западные капитуляріи. Тою же привилегіей пользовались императорскія владѣнія, patrimonium, свободныя отъ всякихъ sordida и extraordinaria muneras, пока Тиберій Константинъ не отмѣнилъ всѣхъ этихъ льготъ[3]). Наконецъ, земли сенаторовъ были также свободными отъ descriptiones, по крайней мѣрѣ, отъ изучаемыхъ нами экстраординарныхъ[4]).

Назначеніе descriptiones при Юстиніанѣ перешло, по крайней мѣрѣ, фактически, къ провинціальной администраціи, благодаря упадку городского самоуправленія и тенденціи законодательства возложить на indices заботу о городскомъ благоустройствѣ. Еще отрывокъ указа 530 г., на послѣдней страницѣ Свода[5]), ясно говоритъ о правѣ куріаловъ назначать descriptiones или просить императора произвести таковыя[6]), при чемъ подвергающіеся обложенію могутъ вступать въ

1) *F. Thibault*, La lucrativa descriptio, Impôt sur les successions dans l'ordre des Décurions. Nouv. revue historique du droit français et étranger 1893, p. 172—191. Въ Галліи lucr. descriptio не было извѣстно. Другого мнѣнія *Tailliar*, Essai sur l'histoire du régime municipal romain dans le nord de la Gaule, 206 (цит. Тибо).

2) Nov. Iust., ed. Zach., CLI ε'.

3) Zachariae, Novellae post Iustinianum Coll. I, nov. 12 ς'. τὸ τῶν συνωνῶν τε καὶ μιτάτων καὶ ἀγγαρειῶν καὶ ὁδοστρωσιῶν καὶ γεφυρῶν καὶ διαγραφῶν καὶ ἐπιβολῶν.

4) Cod. Iust. XII, 1 de dignitatibus, 7.

5) Cod. Iust. XII, 63 publicae laetitiae, 2.

6) Ibid., § 4.

пререканія въ случаѣ неправильной раскладки[1]). Относительно διαγραφαί по поводу пріема императорскихъ уполномоченныхъ прямо сказано, что не желающіе могутъ не платить, а взыскивающіе противъ воли уплачиваютъ вчетверо[2]). Но уже въ указѣ 545 г. читается запрещеніе губернаторамъ объявлять descriptiones при переѣздахъ изъ города въ городъ[3]). Паденіе городского самоуправленія объясняетъ возможность такого вмѣшательства губернаторовъ; изъ закона 361 г. о привилегіяхъ сенаторскихъ имуществъ нельзя заключать о правѣ губернаторовъ назначать descriptiones[4]).

Что касается случаевъ ихъ примѣненія, то изъ упомянутаго выше указа о привилегіяхъ церковныхъ имуществъ видно, что descriptiones назначались для общеполезныхъ сооруженій, постройки и ремонта мостовъ, дорогъ, также для пріема губернаторовъ и царскихъ гонцовъ, при случаяхъ publicae laetitiae[5]). Частыя опустошенія провинцій варварами при Юстиніанѣ дѣлали descriptiones обыкновенными и разорительными для землевладѣльцевъ поборами, судя по извѣстію Тайной Исторіи. Повидимому, кромѣ случаевъ чрезвычайной надобности, существовали подъ именемъ descriptiones постоянные сборы въ пользу городскихъ капиталовъ, носившихъ имя θεωρητικά и πολιτικά[6]). Но при Юстиніанѣ, когда πολιτικά стали считаться суммами, которыя отпускаются отъ правительства для поддержанія благоустройства въ городахъ, было строго запрещено смѣшивать эти суммы съ получаемыми путемъ διαγραφή[7]). Другими словами, выбирая съ населенія πολιτικά, правительство не щадило обывателей, требуя съ нихъ путемъ διαγραφή тѣ суммы, которыя были необходимы для общественныхъ потребностей и составляли прежнія πολιτικά[8]).

По аналогіи съ descriptio lucrativorum слѣдуетъ думать, что и къ

---

1) Ibid., § 5.

2) Ibid., § 3.

3) Nov. Iust., ed. Zach., CLII κβ'.

4) Cod. Iust. XII 1, 7. Что законъ имѣетъ въ виду descriptiones, видно изъ позднѣйшей редакціи Basil. VI, 1, κδ'.

5) Cod. Just. XII, 1, 7; Nov. Just. CLII κβ'; Cod. Just. XII, 63, 2 § 3.

6) Cod. Iust. X, 56 un., quibus muneribus excusantur ii qui post impletam militiam per provincias vacantes commorantur: .. μήτε διαγραφὰς παρεχέτωσαν προφάσει συνηθειῶν ἢ θεωρητικῶν. Ibid., XI, 1 de tollenda lustralis auri collatione, 2: μηδεὶς διαγραφέσθω εἰς θεωρητικὰ ἢ ἄλλα τινὰ προφάσει τοῦ κουφισθῆναι τὴν συντέλειαν τοῦ χρυσαργύρου.

7) Cp. Nouv. Revue de droit fr. et. étr. 1894, p. 485—6, гдѣ Monnier высказываетъ повидимому, совершенно недопустимыя предположенія о происхожденіи πολιτικοὶ φοροί, о которыхъ говорится у Theoph. I, 475 (изд. de Boor.).

8) Nov. Just., ed. Zaeh., CLII ις'.

чрезвычайнымъ обложеніямъ привлекались не только куріалы, но и прочіе possessores. Извѣстны усилія правительства возложить на всѣхъ собственниковъ тяготы, непосильныя для членовъ рѣдѣющихъ и падающихъ курій; въ только что названномъ постановленіи о запрещеніи прикасаться къ πολιτικά употреблена старинная формула κτήτορας καὶ οἰκήτορας, т. е. cives et incolae. О способѣ раскладки διαγραφή можно было бы судить по Кедрину, если бы несомнѣнно въ его позднѣйшемъ извѣстіи рѣчь шла о descriptio временъ Юстиніана[1]). Тамъ сказано, что Левъ Иконоборецъ при видѣ разрушенныхъ стѣнъ Рима объявилъ «управителямъ города»[2]), что вслѣдствіе ихъ безсилія собственными средствами возстановить разрушившіяся стѣны, онъ приказалъ «управителямъ ѳемъ» требовать при взиманіи канона съ каждой номисмы добавочный одинъ миліарисій, обращать эту прибавку въ царскій доходъ и выстроить стѣны. Раскладка новаго обложенія производилась, такимъ образомъ, сообразно съ суммою поземельной подати, и это совпадаетъ со словами Тайной Исторіи: κατὰ λόγον τῆς ἐγκειμένης ἑκάστῳ φορᾶς. Новое обложеніе носитъ характеръ прибавки, superindictio, къ канону, предназначенной для сооруженія стѣнъ. Съ этимъ мѣстомъ Кедрина слѣдуетъ сопоставить извѣстіе Liber Pontificalis. Источникъ враждебнаго иконоборцамъ лагеря называетъ «diagrapha» въ числѣ тяготъ, возложенныхъ на Италію императоромъ Константиномъ II[3]).

Въ качествѣ добавочнаго обложенія при взиманіи основной поземельной подати, δημόσιοι φόροι, является у Прокопія и ἀερικόν. Его происхожденіе и сущность — вопросъ не столько, можетъ быть, важный, сколько трудный и загадочный, надъ которымъ останавливались со временъ Куяція и предлагали различныя объясненія. Въ послѣднее время Monnier[4]) высказывается въ томъ смыслѣ, что подъ ἀερικὸν слѣдуетъ разумѣть налоги на городскую недвижимость, на дома. Каллигасъ отожествляетъ ἀερικόν съ καπνικόν[5]). На основаніи уже привлеченныхъ данныхъ и въ качествѣ предположенія, я предлагаю другое объясненіе. Первой трудностью въ вопросѣ является непонятный терминъ ἀερικόν. Его традиціонное объясненіе отъ ἀήρ, воздухъ, которое впервые встрѣчается въ текстѣ Тайной Исторіи, ничего не разъ-

1) Cedren. ed. Bonn. I p. paenult.
2) οἱ τῆς πόλεως διοικηταί.
3) Vita Vitaliani, c. 6 (y Ducange s. v. diagraphum).
4) Nouv. revue de droit franç. et étr., 1892, p. 508—512.
5) Καλλιγᾶς, Μελέται καὶ λόγοι, 279.

ясняетъ въ происхожденіи и сущности налога[1]). Терминъ ἀήρ, который не разъ попадается въ грамотахъ болѣе поздняго времени, не можетъ подтверждать подобное толкованіе, пока не будетъ доказано, что онъ не является самъ упрощенной, вульгарной формой термина ἀερικόν, во всякомъ случаѣ болѣе ранняго. Но и этотъ послѣдній проникъ въ офиціальные памятники позже Юстиніана и не встрѣчается въ законодательствѣ его времени. Упоминаніе ἀερικόν въ Тайной Исторіи, характернымъ свойствомъ которой является употребленіе вульгарныхъ терминовъ, и молчаніе другихъ современныхъ источниковъ, не исключая I. Лидійца, говоритъ за неоффиціальное происхожденіе термина ἀερικόν. Не слѣдуетъ, конечно, затрудняться тѣмъ, что авторъ Тайной Исторіи приписываетъ введеніе этого термина Юстиніану: иногда авторъ приписываетъ императору то, чего послѣдній никакъ не могъ совершить, потому что фактъ случился раньше. Подобное извѣстіе Прокопій даетъ, какъ мы видѣли, и о логоѳетахъ: они существовали до Юстиніана, но въ Тайной Исторіи имъ присвоенъ терминъ неоффиціальнаго происхожденія, проникшій въ законодательство позже. Въ виду неясности термина ἀερικόν и его темнаго происхожденія, мы оставимъ его пока въ сторонѣ и обратимся къ разбору того, что подъ нимъ разумѣется въ болѣе раннихъ источникахъ.

Извѣстіе нашей Тайной Исторіи является первымъ. Авторъ говоритъ о хищеніяхъ префектовъ преторія при Юстиніанѣ и по его волѣ. «Ежегодно, продолжаетъ онъ, префектомъ преторія взыскивалось болѣе 30 кентенаріевъ сверхъ государственныхъ податей»[2]). Въ этой фразѣ цѣнно каждое слово: сборъ производился вѣдомствомъ префекта; ἀερικόν отличается отъ δημόσιοι φόροι, т. е. capitatio terrena[3]), но собиралось, судя по слову πρός, при взиманіи capitatio, сверхъ capitatio. Однако о такомъ отдѣльномъ налогѣ ничего не извѣстно, повидимому, въ памятникахъ законодательства, хотя онъ, судя по Тайной Исторіи, давалъ 3000 фунтовъ ежегоднаго дохода. Ἀερικόν, читаемъ далѣе[4]), былъ необычнымъ и для плательщиковъ неожидан-

1) «Pour le contribuable un impôt tombe toujours des nues», Monnier 509. Самъ онъ предлагаетъ не лучшее объясненіе: «Je trouve plus simple d'admettre que l'ἀερικόν tirait son nom du procédé employé pour en établir la quotité. On comptait les ouvertures des maisons, comme on fait aujourd'hui pour l'impôt des portes et fenêtres».

2) Πρὸς δὲ τοῦ τῶν πραιτωρίων ἐπάρχου ἀνὰ πᾶν ἔτος πλέον ἢ τριάκοντα κεντηνάρια πρὸς τοῖς δημοσίοις ἐπράσσετο φόροις.

3) Ср. An. 143_{17}.

4) οὐ τεταγμένη τις οὐδὲ ξυνειθισμένη οὖσα ἡ φορὰ ἐτύγχανεν αὕτη, ἀλλὰ τύχῃ τινὶ ὥσπερ ἐξ ἀέρος ἀεὶ αὐτὴν φερομένην ἐλάμβανε.

нымъ налогомъ. Не слѣдуетъ настаивать на словахъ Прокопія о неожиданности ἀερικόν: то же самое говорится Прокопіемъ объ ἐπιβολή, хотя объ ея примѣненіи существовали правила. Изъ словъ οὐ τεταγμένη заключаемъ, что ἀερικόν не было установленнымъ обложеніемъ, не имѣло за собой той формальной законности, которой обладали δημόσιοι φόροι, хотя взималось ежегодно: тѣ вызываютъ осужденіе Прокопія не по своему существу, но по поводу ихъ безпощаднаго взысканія агентами Юстиніана. Наоборотъ, ἀερικόν является «неустановленнымъ и неправильнымъ налогомъ». Далѣе читаемъ, что вѣдомство префекта позволяло себѣ всякія поборы «подъ именемъ ἀερικόν»[1]). Сопоставляя со словами οὐ τεταγμένη это извѣстіе, видимъ, что ἀερικόν по своей неопредѣленности вызывало поборы незаконнаго свойства; и изъ словъ ὧν τῷ ὀνόματι можно выводить, что подъ ἀερικόν разумѣлось нѣсколько обложеній. Наконецъ, Тайная Исторія говоритъ, что доходъ отъ ἀερικόν вносился въ кассу императора, то-есть, въ вѣдомство comes sacrarum largitionum, а оно «присвоивало себѣ царское богатство безо всякаго труда»[2]), т. е. вознаграждало себя жалованьемъ, получаемымъ отъ императора. Прокопій прибавляетъ, что Юстиніанъ «не обращалъ никакого вниманія» на такія дѣйствія вѣдомства префекта преторія[3]). Такимъ образомъ, въ показаніяхъ Тайной Исторіи, исключая извѣстіе о присвоеніи Юстиніаномъ имени ἀερικόν описываемой статьѣ доходовъ, ничто не обнаруживаетъ, чтобы эти сборы не существовали до этого императора. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что контекстъ говоритъ о болѣе или менѣе законныхъ поборахъ различныхъ вѣдомствъ, другими словами, о различныхъ формахъ вознагражденія или содержанія администраціи. О податяхъ и финансахъ Тайная Исторія говоритъ нѣсколько ниже.

За разъясненіемъ и подтвержденіемъ извѣстій Тайной Исторіи обращаемся къ позднѣйшимъ источникамъ. Сопоставимъ, во-первыхъ, слѣдующія, уже привлеченныя литературой, извѣстія. Первый текстъ[4]) говоритъ о томъ, что стратіоты должны были уплачивать со своихъ участковъ только государственныя подати и наложенныя на нихъ

---

1) ὧν δὲ τῷ ὀνόματι οἱ ἐπὶ τῆς ἀρχῆς τεταγμένοι... ἀδεέστερον... ληστείαις ἐχρῶντο.

2) καὶ ταῦτα μὲν τῷ αὐτοκράτορι ἀποφέρειν ἠξίουν, αὐτοὶ δὲ πλοῦτον βασιλικὸν περιεβάλλοντο οὐδενὶ πόνῳ.

3) ὧνπερ Ἰουστινιανὸς ἐπιστροφὴν οὐδεμίαν ἐδικαίου ποιεῖσθαι.

4) Leon. Phil. Tact., Const. XX, § 71: ἀρκεῖ γὰρ αὐτοὺς (στρατιώτας) τελεῖν τούς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπικείμενα αὐτοῖς ἀερικὰ καὶ μηδὲν πλείω καταβαρεῖσθαι.

ἀερικά, но ничего болѣе. Затѣмъ есть извѣстіе[1]) объ императорѣ Михаилѣ Пафлагонцѣ, по которому Михаилъ «изобрѣлъ» взиманіе ἀερικόν, «будучи самымъ изобрѣтательнымъ человѣкомъ въ беззаконіяхъ всякаго рода». Онъ выдумалъ набавить, «помимо государственныхъ платежей», на каждую земельную единицу, соображаясь съ ея качествомъ и платежной силой, отъ 4-хъ до 20 номисмъ, въ счетъ ἀερικόν, ὑπὲρ ἀερικοῦ. Кромѣ того, онъ выдумалъ и другіе поборы, «которые и перечислять стыдно».

Въ этихъ извѣстіяхъ подъ ἀερικόν разумѣется подать, отличаемая отъ δημόσιοι φόροι, регулируемая въ законодательномъ порядкѣ, стоящая рядомъ съ поземельной податью и, повидимому, въ связи съ нею. Объ этой подати ἀερικόν (или ἀήρ) встрѣчаются многократныя упоминанія въ дарственныхъ грамотахъ, въ привилегіяхъ монастырей, и эти извѣстія позднихъ документовъ еще не собраны.

Возьмемъ другіе тексты. Въ инструкціи (ἔνταλμα πραχτικόν) назначаемому катапану ему поручается разбирать дѣла въ присутствіи обвинителя и обвиняемаго, и найденнаго виновнымъ наказывать (штрафовать) сообразно съ дѣломъ, виновностью и благосостояніемъ виновнаго, и слѣдующее катапану ὑπὲρ ἀέρος δίκαιον по взысканіи вносить каждый мѣсяцъ въ императорскую кассу подъ роспиську[2]). Этотъ текстъ, поздній, хотя составленный, вѣроятно, по старому шаблону, хорошо освѣщаетъ извѣстія Прокопія. Подъ именемъ ἀερικόν (ὑπὲρ ἀέρος = ὑπὲρ ἀερικοῦ у Кедрина) здѣсь разумѣется судебная пошлина, взыскиваемая катапаномъ, помимо наказанія или пени, съ виновнаго въ свою пользу, но вносимая по волѣ законодателя въ царскую казну. Сюда же относится давно извѣстный титулъ передъ одной изъ статей Арменопула. Правда, титулъ этотъ не имѣется въ обоихъ лучшихъ спискахъ «Шестикнижія», допустимъ даже, что онъ появился въ нѣкоторыхъ спискахъ въ видѣ схоліи: онъ и въ этомъ случаѣ имѣетъ цѣнность. Геймбахъ не привелъ его даже въ примѣчаніи, Алеманнъ тщетно искалъ этотъ титулъ въ своихъ ватиканскихъ рукописяхъ, заинтересованный свидѣтельствомъ издателя Арменопула, Мерцера, о существованіи такого титула.

1) Cedren. II p. 521 Bonn., s. a. 1039: πᾶσαν ἐφεῦρεν ὁδὸν ἀδικίας προσθεὶς ἐπέκεινα δημοσίων τελεσμάτων διδόναι ἕκαστον τῶν χωρίων ὑπὲρ ἀερικοῦ κατὰ τὴν ποιότητα καὶ ἰσχὺν αὐτῶν τῷ μὲν νομίσματα τέσσαρα, τῷ δὲ ἕξ, ἄχρι εἴκοσι...

2) Sathas Bibl. Graeca, VI 641 (=Anonym. MS. de arte notaria у Дюканжа): καὶ ἀναλαμβάνεσθαι τὸ διαφέρον σοι ὑπὲρ ἀέρος δίκαιον καὶ εἰςκομίζειν τοῦτο πρός με ἐφ' ἑκάστῳ μηνὶ καὶ λαμβάνειν ἀπόδειξιν.

Приведемъ его по изданію: Harmenopuli Prochiron. Editio Dionysii Gothofredi interprete I. Mercero (1587). Передъ Proch. I tit. 4, cap. 47 читаемъ: περὶ τῶν ζητουμένων ἀερικῶν ὡς (μὴ) χρὴ[1]). Мы видимъ, что это заглавіе стоитъ передъ статьей: οἱ μέχρι εὐπορίας καταδικαζόμενοι οὐκ ἀπαιτοῦνται πᾶν ὅσον ἔχουσιν ἵνα μὴ πτωχούσωσιν. Такъ какъ эта статья ограничиваетъ размѣры судебныхъ взысканій, то inscriptio вполнѣ умѣстно и имѣетъ важность при сравненіи съ приведенной выше инструкціей катапану. Тотъ же терминъ и, повидимому, съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчается и въ церковномъ судѣ. Новелла Алексѣя Комнина[2]), говоря о доходахъ епископа съ καπνικόν (гл. 1), съ хиротоній (гл. 2), съ συνοικέσια (брачной, гл. 3), переходитъ къ доходамъ архіерея съ судопроизводства. Она разбираетъ вопросъ, кому принадлежитъ взысканіе и наказаніе, если дѣло возбуждается между духовными и свѣтскими лицами, и озаглавлена: ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ ἀερικοῦ.

Такимъ образомъ, у насъ получилось для ἀερικόν два значенія: 1) подати или добавочнаго обложенія, взимавшагося сверхъ основного поземельнаго налога или κανών и не смѣшиваемаго съ этими δημόσιοι φόροι; 2) судебной пошлины или взысканія при свѣтскомъ и церковномъ судопроизводствѣ. Данныя ἔνταλμα πρακτικόν и Прокопія подтверждаютъ и объясняютъ другъ друга. Префектъ или его вѣдомство въ одномъ случаѣ и катапанъ въ другомъ взыскиваютъ ἀερικόν номинально въ свою пользу, но сдаютъ въ казну, получая оттуда свое жалованье. Связь ἀερικόν какъ судебной пошлины и какъ добавочнаго налога при взысканіи поземельной подати намъ не ясна, причина единства термина и его значеніе не опредѣлены. Можетъ быть, ἀερικόν, или ἀερικά, означаетъ сборъ, шедшій въ пользу чиновниковъ при взиманіи податей или при разборѣ судебныхъ дѣлъ, такъ что относится къ обширной области sportulae или συνήθειαι. Юстиніанъ высказывалъ пожеланіе освободить имперію отъ раззорительныхъ поборовъ при взысканіи податей[3]); вмѣсто того, правительство, повидимому, присвоило себѣ доходы чиновниковъ, взявъ на себя ихъ обезпеченіе, какъ оно поступило съ доходами городовъ.

Мы перейдемъ къ изученію извѣстій Тайной Исторіи объ осталь-

---

1) Gothofredus: lego ὡς μὴ χρή apertissimo sensu, неправильно сближая далѣе съ ἀερικοί въ значеніи obaerati.

2) Novell. post Iustin., ed. Zach., Coll. III, nov. XXVII δ'.

3) Nov. Iust, ed. Zach., XVI.

ныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ правительства Юстиніана. Они относятся ко взиманію рыночныхъ и таможенныхъ пошлинъ, къ частнымъ и казеннымъ монополіямъ и къ реформѣ размѣнной монеты.

Не ясно, какого рода обложеніе нужно видѣть въ извѣстіи о сборѣ съ купцовъ[1]) столичнаго города. Изъ словъ Тайной Исторіи можно заключить, что онъ собирался епархомъ ежегодно, распространялся на торговлю съѣстными припасами и, вѣроятно, былъ значителенъ. Въ преувеличенныхъ выраженіяхъ Тайной Исторіи слышны жалобы населенія на дороговизну и поддѣлку предметовъ первой необходимости. Извѣстно, что противъ искусственнаго подъема цѣнъ были направлены заботы правительства императорскаго времени, а также и Карла Великаго. Такъ и отъ Юстиніана дошелъ любопытный для изучающихъ это время эдиктъ[2]) императора жителямъ столицы. «Мы узнали, что послѣ урока, даннаго намъ милостію Божьею (законодатель намекаетъ на язву) всякіе дѣльцы и хитрецы и разные ремесленники и земледѣльцы, равно какъ и моряки,— имъ всѣмъ слѣдовало бы исправиться—ударились въ корысть и требуютъ двойныя, тройныя цѣны или плату, противъ прежняго обычая». Простымъ запрещеніемъ и угрозами закона правительство Юстиніана думало устранить подъемъ цѣнъ на рабочія руки и на предметы первой необходимости. Кризисъ случился вслѣдствіе естественныхъ причинъ и политическихъ обстоятельствъ. Императоръ видѣлъ преступную жажду наживы, подданные обвиняли правительство въ поборахъ. Прокопій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и законодатель эдикта 544 г., объясняя подъемъ цѣнъ корыстолюбіемъ продавцевъ. Іоаннъ Лидіецъ объясняетъ необходимостью новыхъ расходовъ, вызванныхъ поддержаніемъ внутренняго и внѣшняго мира[3]).

Вопросу о таможенныхъ пошлинахъ и въ частности о мѣропріятіяхъ правительства по отношенію къ торговлѣ шелкомъ посвящена одна изъ статей Цахаріэ въ Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ[4]). Таможенныя пошлины (τέλη, vectigalia) въ Восточной имперіи были очень велики, въ эту эпоху $12^1/_2$, позже 10% стоимости товара[5]). Таможенъ было ограниченное число (на восточной границѣ

1) τοῖς τὰ πωλητήρια ἔχουσι. An. 115. Cf. 140.
2) Nov. Iust., ed. Zachariae, CXLVI, a. 544. Ср. Cod. Iust. IV, 59.
3) Lydus de mag. II c. 15.
4) Mémoires de l'Académie de S.-Pétersbourg, VII série, t. IX (1866), n. 6.
5) Cod. J. IV, 61 de vectigalibus et commissis, 7, 8. Zachariae, op. cit., p. 6.

всего три). Главнымъ рынкомъ была столица, но если при въѣздѣ въ Мраморное море и была таможня, вѣроятно, значительная часть товаровъ ускользала отъ обложенія. Существовали[1]) наблюдательные пункты въ Абидосѣ и у ῾Ιερόν, гдѣ слѣдили, чтобы не ввозилось и не вывозилось запрещенное[2]), и осматривали свидѣтельства на право выѣзда изъ столицы. По извѣстіямъ Тайной Исторіи[3]), въ этихъ пунктахъ были учреждены таможни, существовавшія долго послѣ Юстиніана[4]). Сверхъ того, корабли, прибывавшіе въ Константинополь, были обложены особымъ сборомъ[5]). Правительство не остановилось передъ мѣрами, которыя должны были возвысить фрахтъ и вредно отозваться на торговлѣ. Хотя показанія Тайной Исторіи, видимо, преувеличены и случаи, когда моряки предпочитали жечь свои корабли, вѣроятно, были единичными, но фактическія подробности извѣстій современника цѣнны. Сиріецъ Аддей, которому было поручено, по словамъ Прокопія, собирать пошлину съ кораблей, имѣлъ званіе, вѣроятно, comes commerciorum[6]). О торговлѣ шелкомъ Тайная Исторія[7]) передаетъ, что до Юстиніана правительство не вмѣшивалось въ эту область. Эти слова могутъ относиться только къ торговлѣ произведеніями шелковой мануфактуры внутри государства, потому что ввозъ сырого шелка былъ закономъ сосредоточенъ въ рукахъ commerciarii (приблизительно то же, что казенные маклеры), жившихъ въ таможенныхъ пунктахъ[8]). Однако и розничная продажа

---

1) Anecd. 138—140. Malal. 432. Мордтманномъ изданъ фрагментъ Абидосской надписи (изъ музея Чинили-Кіоскъ въ Стамбулѣ), опредѣляющей поборы, которые взимались мѣстными classici съ проходящихъ судовъ. Mittheilungen des deutschen arhäologischen Instituts, B. IV (1879), стр. 307—312. Цахаріэ относитъ фрагментъ ко времени Анастасія, съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Мордтманнъ ко времени Юстиніана. Ibid., 312—315.

2) Cp. Cod. I. IV 41 quae res exportari non debeant, 1, 2.

3) An. 139_{10}. Cp. 141_4: πλείω δὲ νῦν τὰ δεκατευτήρια εἶναι.

4) Zach. Coll. III nov. 27. Theoph. a. 6293: Εἰρήνη ἡ εὐσεβὴς Βυζαντίοις τοὺς πολιτικοὺς ἐχαρίσατο φόρους, τῆς τε Ἀβύδου καὶ τοῦ Ἱεροῦ τὰ λεγόμενα κωμέρκια ἐκούφισεν, μεγάλως ἐπὶ τούτοις σὺν ἄλλοις πολλοῖς εὐχαρισθεῖσα εὐεργετήμασιν. Cp. ad a. 6032, p. 487_{11} Boor. Впослѣдствіи венеціанцы уплачивали отъ 2 до 30 солидовъ съ корабля при проходѣ черезъ Абидосъ. См. *Heyd*, Histoire du commerce de Levant (trad. de Raynaud), I, 114.

5) τοῖς τιμήμασιν... νηῶν, An. 139_{22}.

6) An. 139_{20}. *Zachariae*, Mémoires de l'Acad. de S.-Pétersb. s. c., p. 6 sqq. o comites commerciorum. Объ Аддеѣ ср. Evagr. V c. 3 и Zach. Nov. Just. CLI: Addaeo pr. pr. Orientis, a. 551. Свинцовая печать 7—8 ст. изъ коллекціи Мордтманна: Μιχαὴλ σπαθαροκανδιδᾶτος κόμης τοῦ Ἱεροῦ καὶ τοῦ Πόντου. *Mordtmann*, l. l.

7) An. p. 140—142.

8) Cod. J. IV 40 quae res venire non possunt, 2: comparandi serici a barbaris facul-

мануфактуры была до извѣстной степени стѣсняема прежними императорами, запретившими носить пурпуръ, ограничивавшими употребленіе шелка (противъ роскоши) и установившими maximum его продажной цѣны[1]). Съ давнихъ поръ, продолжаетъ Прокопій, обработка китайскаго сырого шелка сосредоточивалась въ Бейрутѣ и Тирѣ, доставляя заработокъ ихъ промышленному населенію. Послѣ гибельныхъ мѣръ правительства Юстиніана шелковая торговля, которая велась и моремъ и сухимъ путемъ, имѣла рынки и въ столицѣ и въ другихъ городахъ, — пришла въ разстройство[2]); населеніе названныхъ центровъ шелковой мануфактуры внезапно потеряло средства къ существованію, и многіе жители бѣжали въ Персію. Такъ говоритъ Тайная Исторія; дѣйствительно, въ торговлѣ шелкомъ съ начала VI в. длился кризисъ вслѣдствіе войнъ съ Персіей; но 1) онъ не убилъ промышленности финикійскихъ городовъ: около 570 года въ Тирѣ можно было видѣть gynaecea publica et oloѕericum et diversa genera telarum[3]). Во-вторыхъ, кризисъ былъ вызванъ не мѣрами правительства, но перерывомъ торговыхъ сношеній съ Персіей, единственной въ то время посредницей между Византіей и Китаемъ. Наоборотъ, мѣры правительства были вызваны повышеніемъ цѣнъ. Кризисъ, который Тайная Исторія имѣетъ въ виду, длился съ тѣхъ поръ, какъ Юстиніану не удались его попытки найти другіе торговые пути въ Индію и завязать самостоятельныя сношенія[4]), и продолжался до развитія собственной культуры шелка въ Византіи (съ 552 г.)[5]). Къ этому промежутку и относятся извѣстія Тайной Исторіи[6]). Они позволяютъ различить слѣдующіе факты: жалуясь на повышеніе персами стоимости сырого шелка и на таможенныя стѣсненія, купцы подняли цѣну на шелковыя ткани[7]). Главный потребитель шелка, правительство

---

tatem omnibus, sicut jam praeceptum est propter comitem commerciorum etiamnum iubemus auferri (Valentin. Theod. Arc.).

1) C. J. IV 40, XI, 9 de vestibus holoveris et auratis et de intinctione sacri muricis. Zach. l. l. p. 2.

2) An. p. 142.

3) Tobler et Molinier. Itineraria Hierosolymitana I, 92 y *Heyd*, Histoire du commerce de Levant, trad. Furcy Reynaud, I 19.

4) Pers. I, 106. Nonnosi fragmentum, Müller IV, p. 179.

5) Goth. IV, 546—547.

6) An. p. 141.

7) Словами τὴν ἐσθῆτα ταύτην Прокопій обозначаетъ не только ткани, но вообще шелкъ. Ср. 141_4: ὑπὲρ αὐτῆς καταβάλλεσθαι τὸ τίμημα Πέρσαις, хотя изъ Персіи вывозился шелкъ сырой, μετάξη.

(для казенныхъ мастерскихъ), отвѣтило установленіемъ максимальной цѣны въ 8 статеровъ за фунтъ τῆς τοιαύτης ἐσθῆτος, т. е. сырого шелка[1]). Торговля приняла контрабандный характеръ, вызвавшій репрессивныя мѣры правительства (или со стороны Θеодоры). Когда же Петръ Варсимъ былъ назначенъ com. sacr. larg., въ вѣдѣніи котораго находилась торговля шелкомъ, то онъ «немного спустя» получилъ разрѣшеніе ввести казенную монополію, при чемъ казна, не въ примѣръ прочимъ, брала за одну унцію min. 6 статеровъ, т. е. продавала обыкновенную шелковую ткань на вѣсъ золота; ткань царскаго цвѣта ὁλόβηρος шла даже за 24 статера за каждую унцію. Казна, въ лицѣ com. sacr. larg., являлась единственнымъ продавцемъ шелка и оптомъ и въ розницу[2]). Въ такомъ положеніи дѣло стояло въ тотъ годъ, когда была написана Тайная Исторія. Шелковая монополія доставляла правительству большой доходъ, но частная предпріимчивость (въ торговлѣ) была убита. Такъ какъ Варсимъ былъ отрѣшенъ отъ префектуры и назначенъ comes s. larg. въ 546—547 году[3]), то введеніе монополіи должно было послѣдовать въ 547—548 гг., но до смерти Θеодоры[4]). Съ развитіемъ шелководства въ Византіи, тяжесть монополіи должна была ослабѣть. Въ 570 году турки встрѣтились въ Византіи съ развитымъ мѣстнымъ производствомъ[5]).

До введенія монополіи шла борьба съ контрабандной торговлей, вызванная указомъ о максимальной цѣнѣ. Въ сборникахъ новеллъ этотъ указъ не встрѣчается; но въ рукописи (Bodl. 3398) Epitome ad Prochiron mutata[6]) сохранилось epitome неизвѣстнаго указа Юстиніана «о сыромъ шелкѣ», περὶ μετάξης. Изданное Цахаріэ[7]), это epitome послужило предметомъ его вышеупомянутаго мемуара въ Запискахъ Академіи наукъ. Онъ отожествляетъ найденный указъ περὶ μετάξης съ закономъ о maximum продажной цѣны, упоминаемымъ Тайною Исторіей. Видно, что указъ, послужившій подлинникомъ для epitome, былъ данъ до развитія мѣстнаго шелководства, такъ какъ онъ исключительно говоритъ о ввозѣ сырого шелка отъ варваровъ и не упоми-

1) An. 141_7.
2) ἔμπορος... καὶ κάπηλος.
3) An. 127. Inscriptiones nov. CLV. CLVI, ed. Zach.
4) An. p. 141_{22} καταστησάμενοι... ἐπεχώρουν.
5) Theophanis Byz. fragm., Müller IV 270—271.
6) Zachariae, Gesch., 25.
7) Anecdota, 1848 и Nov. J. CLIV.

наетъ другого средства для выполненія требованій рынка; и не позже 547 г., потому что говоритъ о частной торговлѣ. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на 4-ый пунктъ указа[1]), гдѣ отъ negotiatores требуется епархомъ поручительство въ томъ, что они весь свой товаръ продаютъ открыто. Цахаріэ считаетъ возможнымъ разумѣть здѣсь только мѣру противъ ввозной контрабанды; но противъ послѣдней обращенъ 2-ой пунктъ, а въ 4-мъ говорится о πραγματευταί, а не о κομμερκιάριοι, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ ввозную торговлю. Поручительство беретъ πολιαρχία, т. е. praefectus Urbi (Цахаріэ сравниваетъ съ «das verwandte πολιταρχία») — и поэтому въ epitome рѣчь должна итти о торгующихъ въ Константинополѣ negotiatores. Далѣе, о наказаніи виновныхъ въ преступленіи 4-го пункта, сказано просто τιμωροῦνται, тогда какъ за *ввозъ* контрабандой полагалось строгое наказаніе — ссылка и конфискація, о чемъ сказано въ п. 2. Вѣроятнѣе, слѣдовательно, полагать, что въ п. 4-мъ правительство борется съ тайной продажей шелка, вызванной тѣмъ указомъ о максимальной цѣнѣ, о которомъ упоминаетъ Прокопій. Чтобы отожествить epitome περὶ μετάξης съ тѣмъ указомъ, имѣются слѣдующія основанія: оба они установляютъ максимальную цѣну для сырого шелка (μέταξα) — если принимать, что выраженіе Прокопія «ἐσθῆτα» не точно — и, во-2-хъ, свидѣтельствуютъ о подъемѣ цѣнъ. Противъ отожествленія («Vermuthung» называетъ его Цахаріэ) говоритъ, кромѣ п. 4-го, разница въ цифрахъ для максимальной цѣны: Прокопій говоритъ о 8-ми, epitome о 15 золотыхъ, что заставляетъ Цахаріэ прибѣгнуть къ ultimum remedium — предположить цифры испорченными. Слѣдуетъ думать, что гипотеза Цахаріэ недостаточно обоснована. Кромѣ того, въ этомъ мемуарѣ есть другія неточности, вытекающія изъ невѣрной даты Тайной Исторіи, изъ толкованія словъ οὐ πολλῷ ὕστερον, какъ относящихся къ факту назначенія Варсима на должность comes larg., а не къ факту введенія монополіи, откуда произвольнымъ является отнесеніе epitome приблизительно къ 545 г.

Въ мѣрахъ по поводу торговли шелкомъ мы имѣемъ образецъ отношенія правительства къ финансовымъ и торговымъ затрудненіямъ. Они вызывались — противъ мнѣнія автора Тайной Исторіи — въ значительной мѣрѣ посторонними для финансовой политики прави-

1) Χρὴ δὲ τοῖς πραγματευταῖς τῶν τοιούτων ἐγγύας διδόναι τῇ πολιαρχίᾳ, ὡς οὐ πωλοῦσι κρυφᾷ ἀλλὰ δημοσίᾳ πᾶσαν ἣν ἔχουσιν πραγματείαν· ἐπεὶ τιμωροῦνται.

тельства причинами, въ родѣ войны и физическихъ бѣдствій. Бороться съ такими стихійными силами правительство думало путемъ регламентаціи и законодательныхъ мѣръ противъ мошенничества. Нѣтъ пока наличныхъ данныхъ, чтобы обрисовать экономическое состояніе имперіи въ VI вѣкѣ; нужно полагать, что оно было тяжело. Свободный трудъ, не укрывшійся за привилегіями церкви или императорскаго дома, несъ всѣ тяжести[1]). На паденіе кредита указываютъ новеллы, даровавшія большія льготы коллегіи банкировъ[2]). Эта сильная корпорація видимо умѣла получать привилегіи, но и въ этихъ льготахъ, признавая финансовыя обороты главнымъ источникомъ народнаго богатства, правительство не могло исцѣлить бѣдствіе. Слѣдовало обезпечить миръ и сократить широкія замашки, чтобы дать оправиться трудящимся классамъ. Не многаго можно было достигнуть[3]), ограждая общественный кредитъ отъ своихъ собственныхъ чиновниковъ.

Кромѣ шелковой монополіи, установленной, судя по даннымъ Тайной Исторіи, около 547 г., съ 539 года была введена казенная оружейная монополія, о которой нашъ источникъ не упоминаетъ[4]); сюда же до извѣстной степени относится и res annonaria[5]). Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь не можетъ идти, конечно, о монополіи въ полномъ смыслѣ слова. Громадныя и сложныя операціи правительства по прокормленію столицъ и, главнымъ образомъ, войска тѣсно связаны съ натуральной повинностью annona, о которой упоминалось выше. Эти запасы хлѣба, назначенные для столицъ и арміи, не могли продаваться на сторону[6]), подъ страхомъ смертной казни за продажу и покупку, замѣненной для honestiores, въ родѣ викаріевъ и другихъ правителей, проскрипціей и ссылкой. Въ качествѣ агентовъ при хлѣбныхъ операціяхъ правительства допускались mancipes, подрядчики, которые и пекли хлѣбъ[7]). Зерно доставлялось въ Константинополь преимуще-

1) Ср. Nov. Just., ed. Zach., LX.

2) Zach. Nov. Just. XLIX. LIX. CXXXVII. Ср. Zachariae, Gesch. 319 и далѣе.

3) Ср. Nov. CXXXVII ξ' inf. σπουδάζομεν τοὺς ὑπηκόους ἅπαντας ὀρθῶς καὶ ἀρραδιουργήτως τοῖς πράγμασι προσιέναι καὶ τοὺς ὑφείλοντας διὰ τὸ τοῖς τῆς πολιτείας πράγμασιν ὑπουργεῖν ἡσύχου ἀπολαύειν βίου, μὴ διὰ τὰς τῶν ἀγνωμονούντων μηχανὰς δικαστηρίοις καὶ ταῖς ἐξ αὐτῶν προσομιλεῖν δυσχερείαις τε καὶ ζημίαις.

4) Zach. Nov. J. CVIII.

5) Ср. Krakauer, Das Verpflegungswesen der Stadt Rom. Leipzig, 1894. H. Monnier. Etudes sur l'ἐπιβολή. Nouv. revue hist. du droit fr. et etr. 1892, p. 347, n. 1.

6) Cod. J. IV 40_3. $_4$; XI 23_3.

7) Cod. Iust. XI 24 de frumento urbis Constantinopolitanae, 1. Lydus III c. 7: μάγκιπες οἱ τοῦ δημώδους καὶ ἀνδραποδώδους ἄρτου δημιουργοί· ὑφ' οἷς ἀρτοποιοί κτλ. Theoph. s. a. 6053: μαγκιπίων. Отсюда μάγκιψ монастыря. Vita S. Sabae, p. 24 (изд. Помяловск.).

ἀερικά, но ничего болѣе. Затѣмъ есть извѣстіе[1]) объ императорѣ Михаилѣ Пафлагонцѣ, по которому Михаилъ «изобрѣлъ» взиманіе ἀερικόν, «будучи самымъ изобрѣтательнымъ человѣкомъ въ беззаконіяхъ всякаго рода». Онъ выдумалъ набавить, «помимо государственныхъ платежей», на каждую земельную единицу, сообразуясь съ ея качествомъ и платежной силой, отъ 4-хъ до 20 номисмъ, въ счетъ ἀερικόν, ὑπὲρ ἀερικοῦ. Кромѣ того, онъ выдумалъ и другіе поборы, «которые и перечислять стыдно».

Въ этихъ извѣстіяхъ подъ ἀερικόν разумѣется подать, отличаемая отъ δημόσιοι φόροι, регулируемая въ законодательномъ порядкѣ, стоящая рядомъ съ поземельной податью и, повидимому, въ связи съ нею. Объ этой подати ἀερικὸν (или ἀήρ) встрѣчаются многократныя упоминанія въ дарственныхъ грамотахъ, въ привилегіяхъ монастырей, и эти извѣстія позднихъ документовъ еще не собраны.

Возьмемъ другіе тексты. Въ инструкціи (ἔνταλμα πρακτικόν) назначаемому катапану ему поручается разбирать дѣла въ присутствіи обвинителя и обвиняемаго, и найденнаго виновнымъ наказывать (штрафовать) сообразно съ дѣломъ, виновностью и благосостояніемъ виновнаго, и слѣдующее катапану ὑπὲρ ἀέρος δίκαιον по взысканіи вносить каждый мѣсяцъ въ императорскую кассу подъ росписку[2]). Этотъ текстъ, поздній, хотя составленный, вѣроятно, по старому шаблону, хорошо освѣщаетъ извѣстія Прокопія. Подъ именемъ ἀερικόν (ὑπὲρ ἀέρος = ὑπὲρ ἀερικοῦ у Кедрина) здѣсь разумѣется судебная пошлина, взыскиваемая катапаномъ, помимо наказанія или пени, съ виновнаго въ свою пользу, но вносимая по волѣ законодателя въ царскую казну. Сюда же относится давно извѣстный титулъ передъ одной изъ статей Арменопула. Правда, титулъ этотъ не имѣется въ обоихъ лучшихъ спискахъ «Шестикнижія», допустимъ даже, что онъ появился въ нѣкоторыхъ спискахъ въ видѣ схоліи: онъ и въ этомъ случаѣ имѣетъ цѣнность. Геймбахъ не привелъ его даже въ примѣчаніи, Алеманнъ тщетно искалъ этотъ титулъ въ своихъ ватиканскихъ рукописяхъ, заинтересованный свидѣтельствомъ издателя Арменопула, Мерцера, о существованіи такого титула.

1) Cedren. II p. 521 Bonn., s. a. 1039: πᾶσαν ἐφεῦρεν ὁδὸν ἀδικίας προσθεὶς ἐπέκεινα δημοσίων τελεσμάτων διδόναι ἕκαστον τῶν χωρίων ὑπὲρ ἀερικοῦ κατὰ τὴν ποιότητα καὶ ἰσχὺν αὐτῶν τῷ μὲν νομίσματα τέσσαρα, τῷ δὲ ἕξ, ἄχρι εἴκοσι...

2) Sathas Bibl. Graeca, VI 641 (=Anonym. MS. de arte notaria у Дюканжа): καὶ ἀναλαμβάνεσθαι τὸ διαφέρον σοι ὑπὲρ ἀέρος δίκαιον καὶ εἰςκομίζειν τοῦτο πρός με ἐφ' ἑκάστῳ μηνὶ καὶ λαμβάνειν ἀπόδειξιν.

Приведемъ его по изданію: Harmenopuli Prochiron. Editio Dionysii Gothofredi interprete I. Mercero (1587). Передъ Proch. I tit. 4, cap. 47 читаемъ: περὶ τῶν ζητουμένων ἀερικῶν ὡς (μὴ) χρὴ[1]). Мы видимъ, что это заглавіе стоитъ передъ статьей: οἱ μέχρι εὐπορίας καταδικαζόμενοι οὐκ ἀπαιτοῦνται πᾶν ὅσον ἔχουσιν ἵνα μὴ πτωχεύσωσιν. Такъ какъ эта статья ограничиваетъ размѣры судебныхъ взысканій, то inscriptio вполнѣ умѣстно и имѣетъ важность при сравненіи съ приведенной выше инструкціей катапану. Тотъ же терминъ и, повидимому, съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчается и въ церковномъ судѣ. Новелла Алексѣя Комнина[2]), говоря о доходахъ епископа съ καπνικόν (гл. 1), съ хиротоній (гл. 2), съ συνοικέσια (брачной, гл. 3), переходитъ къ доходамъ архіерея съ судопроизводства. Она разбираетъ вопросъ, кому принадлежитъ взысканіе и наказаніе, если дѣло возбуждается между духовными и свѣтскими лицами, и озаглавлена: ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ ἀερικοῦ.

Такимъ образомъ, у насъ получилось для ἀερικόν два значенія: 1) подати или добавочнаго обложенія, взимавшагося сверхъ основного поземельнаго налога или κανών и не смѣшиваемаго съ этими δημόσιοι φόροι; 2) судебной пошлины или взысканія при свѣтскомъ и церковномъ судопроизводствѣ. Данныя ἔνταλμα πρακτικόν и Прокопія подтверждаютъ и объясняютъ другъ друга. Префектъ или его вѣдомство въ одномъ случаѣ и катапанъ въ другомъ взыскиваютъ ἀερικόν номинально въ свою пользу, но сдаютъ въ казну, получая оттуда свое жалованье. Связь ἀερικόν какъ судебной пошлины и какъ добавочнаго налога при взысканіи поземельной подати намъ не ясна, причина единства термина и его значеніе не опредѣлены. Можетъ быть, ἀερικόν, или ἀερικά, означаетъ сборъ, шедшій въ пользу чиновниковъ при взиманіи податей или при разборѣ судебныхъ дѣлъ, такъ что относится къ обширной области sportulae или συνήθειαι. Юстиніанъ высказывалъ пожеланіе освободить имперію отъ раззорительныхъ поборовъ при взысканіи податей[3]); вмѣсто того, правительство, повидимому, присвоило себѣ доходы чиновниковъ, взявъ на себя ихъ обезпеченіе, какъ оно поступило съ доходами городовъ.

Мы перейдемъ къ изученію извѣстій Тайной Исторіи объ осталь-

1) Gothofredus: lego ὡς μὴ χρή apertissimo sensu, неправильно сближая далѣе съ ἀερικοί въ значеніи obaerati.

2) Novell. post Iustin., ed. Zach., Coll. III, nov. XXVII δ'.

3) Nov. Iust, ed. Zach., XVI.

ныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ правительства Юстиніана. Они относятся ко взиманію рыночныхъ и таможенныхъ пошлинъ, къ частнымъ и казеннымъ монополіямъ и къ реформѣ размѣнной монеты.

Не ясно, какого рода обложеніе нужно видѣть въ извѣстіи о сборѣ съ купцовъ[1]) столичнаго города. Изъ словъ Тайной Исторіи можно заключить, что онъ собирался епархомъ ежегодно, распространялся на торговлю съѣстными припасами и, вѣроятно, былъ значителенъ. Въ преувеличенныхъ выраженіяхъ Тайной Исторіи слышны жалобы населенія на дороговизну и поддѣлку предметовъ первой необходимости. Извѣстно, что противъ искусственнаго подъема цѣнъ были направлены заботы правительства императорскаго времени, а также и Карла Великаго. Такъ и отъ Юстиніана дошелъ любопытный для изучающихъ это время эдиктъ[2]) императора жителямъ столицы. «Мы узнали, что послѣ урока, даннаго намъ милостію Божьею (законодатель намекаетъ на язву) всякіе дѣльцы и хитрецы и разные ремесленники и земледѣльцы, равно какъ и моряки,— имъ всѣмъ слѣдовало бы исправиться—ударились въ корысть и требуютъ двойныя, тройныя цѣны или плату, противъ прежняго обычая». Простымъ запрещеніемъ и угрозами закона правительство Юстиніана думало устранить подъемъ цѣнъ на рабочія руки и на предметы первой необходимости. Кризисъ случился вслѣдствіе естественныхъ причинъ и политическихъ обстоятельствъ. Императоръ видѣлъ преступную жажду наживы, подданные обвиняли правительство въ поборахъ. Прокопій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и законодатель эдикта 544 г., объясняя подъемъ цѣнъ корыстолюбіемъ продавцевъ. Іоаннъ Лидіецъ объясняетъ необходимостью новыхъ расходовъ, вызванныхъ поддержаніемъ внутренняго и внѣшняго мира[3]).

Вопросу о таможенныхъ пошлинахъ и въ частности о мѣропріятіяхъ правительства по отношенію къ торговлѣ шелкомъ посвящена одна изъ статей Цахаріэ въ Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ[4]). Таможенныя пошлины (τέλη, vectigalia) въ Восточной имперіи были очень велики, въ эту эпоху $12^1/_2$, позже 10% стоимости товара[5]). Таможень было ограниченное число (на восточной границѣ

1) τοῖς τὰ πωλητήρια ἔχουσι. An. 115. Cf. 140.
2) Nov. Iust., ed. Zachariae, CXLVI, a. 544. Ср. Cod. Iust. IV, 59.
3) Lydus de mag. II c. 15.
4) Mémoires de l'Académie de S.-Pétersbourg, VII série, t. IX (1866), n. 6.
5) Cod. J. IV, 61 de vectigalibus et commissis, 7, 8. Zachariae, op. cit., p. 6.

всего три). Главнымъ рынкомъ была столица, но если при въѣздѣ въ Мраморное море и была таможня, вѣроятно, значительная часть товаровъ ускользала отъ обложенія. Существовали[1]) наблюдательные пункты въ Абидосѣ и у Ἱερόν, гдѣ слѣдили, чтобы не ввозилось и не вывозилось запрещенное[2]), и осматривали свидѣтельства на право выѣзда изъ столицы. По извѣстіямъ Тайной Исторіи[3]), въ этихъ пунктахъ были учреждены таможни, существовавшія долго послѣ Юстиніана[4]). Сверхъ того, корабли, прибывавшіе въ Константинополь, были обложены особымъ сборомъ[5]). Правительство не остановилось передъ мѣрами, которыя должны были возвысить фрахтъ и вредно отозваться на торговлѣ. Хотя показанія Тайной Исторіи, видимо, преувеличены и случаи, когда моряки предпочитали жечь свои корабли, вѣроятно, были единичными, но фактическія подробности извѣстій современника цѣнны. Сиріецъ Аддей, которому было поручено, по словамъ Прокопія, собирать пошлину съ кораблей, имѣлъ званіе, вѣроятно, comes commerciorum[6]). О торговлѣ шелкомъ Тайная Исторія[7]) передаетъ, что до Юстиніана правительство не вмѣшивалось въ эту область. Эти слова могутъ относиться только къ торговлѣ произведеніями шелковой мануфактуры внутри государства, потому что ввозъ сырого шелка былъ закономъ сосредоточенъ въ рукахъ commerciarii (приблизительно то же, что казенные маклеры), жившихъ въ таможенныхъ пунктахъ[8]). Однако и розничная продажа

---

1) Anecd. 138—140. Malal. 432. Мордтманномъ изданъ фрагментъ Абидосской надписи (изъ музея Чинили-Кіоскъ въ Стамбулѣ), опредѣляющей поборы, которые взимались мѣстными classici съ проходящихъ судовъ. Mittheilungen des deutschen arhäologischen Instituts, B. IV (1879), стр. 307—312. Цахаріэ относитъ фрагментъ ко времени Анастасія, съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Мордтманнъ ко времени Юстиніана. Ibid., 312—815.

2) Ср. Cod. I. IV 41 quae res exportari non debeant, 1, 2.

3) An. 139_{10}. Ср. 141_4: πλείω δὲ νῦν τὰ δεκατευτήρια εἶναι.

4) Zach. Coll. III nov. 27. Theoph. a. 6293: Εἰρήνη ἡ εὐσεβὴς Βυζαντίοις τοὺς πολιτικοὺς ἐχαρίσατο φόρους, τῆς τε Ἀβύδου καὶ τοῦ Ἱεροῦ τὰ λεγόμενα κωμέρκια ἐκούφισεν, μεγάλως ἐπὶ τούτοις σὺν ἄλλοις πολλοῖς εὐχαρισθεῖσα εὐεργετήμασιν. Ср. ad a. 6032, p. 487_{11} Boor. Впослѣдствіи венеціанцы уплачивали отъ 2 до 30 солидовъ съ корабля при проходѣ черезъ Абидосъ. См. *Heyd*, Histoire du commerce de Levant (trad. de Raynaud), I, 114.

5) τοῖς τιμήμασιν... νηῶν, An. 139_{22}.

6) An. 139_{20}. *Zachariae*, Mémoires de l'Acad. de S.-Pétersb. s. c., p. 6 sqq. o comites commerciorum. Объ Аддеѣ ср. Evagr. V c. 3 и Zach. Nov. Just. CLI: Addaeo pr. pr. Orientis, a. 551. Свинцовая печать 7—8 ст. изъ коллекціи Мордтманна: Μιχαὴλ σπαθαροκανδιδᾶτος κόμης τοῦ Ἱεροῦ καὶ του Πόντου. *Mordtmann*, l. l.

7) An. p. 140—142.

8) Cod. J. IV 40 quae res venire non possunt, 2: comparandi serici a barbaris facul-

вамъ, сборъ податей былъ отнятъ у курій и порученъ виндикамъ, что повело къ уменьшенію казеннаго дохода (?) и къ упадку «процвѣтанія» городовъ [1]). Къ дѣятельности этихъ виндиковъ слѣдуетъ, можетъ быть, относить отзывъ Евагрія о жадности Юстиніана, продававшаго своихъ подданныхъ сборщикамъ податей [2]). Но въ своихъ новеллахъ Юстиніанъ отзывается о виндикахъ съ презрѣніемъ [3]), хотя виндику Александріи предоставляетъ большія права [4]). Не ясно, что слѣдуетъ видить въ виндикахъ: казенныхъ ли чиновниковъ, покупавшихъ свою должность, внося suffragium, или частныхъ лицъ, откупщиковъ податей, въ родѣ арендаторовъ городскихъ земель mancipes и conductores. Судя по слову μισθωτάς, вѣроятнѣе первое предположеніе. Но такъ какъ они во всякомъ случаѣ завѣдывали только сборомъ податей въ казну, то объ отношеніяхъ ихъ къ городскимъ доходамъ, кажется, не извѣстно. Конечно, для куріи не было безразлично передать сборъ податей въ постороннія руки, и этотъ фактъ отразился на состояніи городскихъ финансовъ. Такъ какъ правительство Юстиніана предпочитало возложить сборъ податей на мѣстную администрацію, то, вѣроятно, виндики скоро или исчезли, или утратили прежнюю власть. Скудость извѣстій о нихъ здѣсь находитъ свое объясненіе [5]).

Вопросъ о контролѣ городского хозяйства путемъ посылки особыхъ ревизоровъ изъ центральныхъ вѣдомствъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о логоѳетахъ или discussores. Въ настоящемъ мѣстѣ мы постараемся изучить, насколько правительство допускало свое вмѣшательство въ завѣдываніе городскими средствами, назначенными для общеполезныхъ сооруженій и для городского благоустройства (πολιτικά и θεωρητικά), и какой путь оно предпочитало, желая ввести свой контроль въ городское хозяйство. Матеріаломъ являются, во-первыхъ, четыре спеціальныхъ законодательныхъ акта. Первый изъ нихъ относится ко времени Анастасія [6]). По этому закону императоръ оставляетъ за собою право выбирать и посылать ревизора, въ случаѣ хо-

---

1) Evagr. III c. 42: περιεῖλε δὲ (Ἀναστάσιος) καὶ τὴν τῶν φόρων ἔςπραξιν ἐκ τῶν βουλευτηρίων, τοὺς καλουμένους βίνδικας ἐν ἑκάστῃ πόλει προβαλλόμενος, ἐσηγήσει, φασὶ, Μαρίνου... ὅθεν κατὰ πολὺ οἵ τε φόροι διεῤῥύησαν, τὰ δὲ ἄνθη τῶν πόλεων διέπεσεν.

2) Evagr. IV c. 3: καὶ τοῖς τοὺς φόρους ἐκλέγουσιν.

3) Zach. Nov. J. XLI prooem. τοὺς ὀλεθρίους μισθωτὰς οὓς δὲ βίνδικας καλοῦσιν.

4) Ibid. XCVI.

5) Собрано нѣсколько извѣстій Валезіемъ ad Evagr. III c. 42. Cotelerius ad Vitam S. Sabae приводитъ еще ep. S. Nili 282 и 326: Μαρτυρίῳ βίνδικι, Δρακοντίῳ βίνδικι.

6) Cod. X 16 de annona et tributis, 13, a. 496.

датайства провинціи[1]). Всякое распоряженіе о постоянномъ или временномъ уменьшеніи податей, надзорѣ за общественными работами, распредѣленіе податей можетъ исходить только отъ того, кто снабженъ письменнымъ царскимъ указомъ. Praefectus praetorio, къ которому обращенъ указъ, не имѣетъ права признавать распоряженія какого-либо уполномоченнаго, если онъ не предъявитъ θεῖος τύπος. Сами префекты лишались права отпускать по своему усмотрѣнію казенныя суммы и безъ царскаго приказанія обращать на другія надобности πολιτικά, которыя шли въ казну или отпускались городамъ. Судя по этому мѣсту, куріалы, подъ надзоромъ администраціи (виндиковъ еще не было), собирали πολιτικά, часть которыхъ поступала въ казну, часть шла городу[2]). (О городскихъ суммахъ, предназначенныхъ спеціально для пропитанія арміи есть упоминаніе въ указѣ приблизительно того же времени)[3]). Въ іюнѣ 530 года вышелъ большой указъ Юстиніана о городскомъ благоустройствѣ, о которомъ упоминалось выше по поводу логоѳетовъ[4]). Въ этомъ указѣ Юстиніанъ дѣлаетъ попытку возложить контроль надъ общественными работами на мѣстнаго епископа и лучшихъ людей (οἱ ἐν ὑπολήψει). Они должны были провѣрять счеты и выдавать квитанціи производителямъ работъ въ томъ, что они свободны отъ претензій со стороны казны. Компетенція ихъ простиралась на общественныя работы, завѣдываніе анноной, водопроводами и отопленіемъ городскихъ термъ (βαλανεῖα), на сооруженіе и починку гаваней, городскихъ стѣнъ, общественныхъ зданій, мостовъ и дорогъ. Все это должно было производиться на счетъ πολιτικά, которыя шли частью отъ казны, частью отъ жертвователей — слѣдовательно, собственными средствами города πολιτικά уже не считаются. Вѣроятно казна, собирая вмѣстѣ со своими податями и πολιτικά, черезъ виндиковъ или другимъ путемъ, стала считать πολιτικά казенной суммой, отпускавшейся на содержаніе городовъ. Она сочла πολιτικά вмѣстѣ съ государственными податями. Объ этомъ говоритъ Тайная Исторія[5]).

---

1) ἐπόπτην ἢ ἐξισωτήν.

2) § 3: μήτε δὲ τὰ πολιτικὰ χρήματα ὅσα ἢ τῷ δημοσίῳ εἰσφέρεται ἢ ταῖς πόλεσιν ἀφόρισται εἰς ἑτέρας μεταφέρεσθαι χρείας.

3) Cod. Just. X 27, 2 § 12, a. 491—505.

4) Cod. J. X 30 de discussoribus, 4. Изъ Базиликъ—I 4 de episcopali audientia, 26.,— XII 63 publicae laetitiae, 2. Basil. III 2 de sportulis, 4. См. Krüger ad. l. VIII 12 de ratiociniis operum publicorum, un. (Zenonis, a. 485 — 63).

5) An. p. 143 $_{15}$.

Кромѣ мѣстныхъ лучшихъ людей, которые имѣли право на законную поддержку со стороны провинціальной администраціи[1]), ревизія городскихъ расходовъ могла производиться черезъ посылку императоромъ, и только имъ однимъ, особыхъ уполномоченныхъ. Царскіе ревизоры могли производить пересмотръ счетовъ лучшихъ людей[2]) и выдавать имъ удостовѣренія, что казна не имѣетъ претензій ни на нихъ, ни на ихъ наслѣдниковъ. Уполномоченные императора[3]), снабженные его τύπος, называемые въ Базиликахъ логоѳетами[4]), наблюдали за расходами и выдавали росписки (ἀμεριμνίαι), которыя имѣли окончательную силу. Счеты самихъ логоѳетовъ повѣрялись только императоромъ[5]), и разъ утвержденные, не могли служить предметомъ пересмотра[6]). Жалобы на логоѳетовъ шли прямо къ императору. Они получали кромѣ жалованья (δαπάναι) 6 солидовъ съ каждаго фунта экономіи, поступающей εἰς τὸ θεῖον ornamentum[7]). Обладая широкими полномочіями по части контроля, логоѳеты не имѣли права дѣлать свои распоряженія относительно городского благоустройства[8]). Указъ категорически запрещалъ или повторялъ прежнее запрещеніе всѣмъ вѣдомствамъ, въ томъ числѣ и префекту, посылать своею властью логоѳетовъ подъ угрозой 20 ф. зол. штрафа[9]). Логоѳетъ долженъ былъ имѣть при себѣ[10]) императорскій приказъ (κέλευσις) или τύπος (формальный, офиціальный указъ), гдѣ его званіе должно было быть точно означено. «Мы отнимаемъ всякое право у нашихъ сановниковъ посылать въ провинцію discussoras ἢ λογοθέτας ἢ ἐξισωτάς для повѣрки казенныхъ счетовъ»[11]). Мало того, никакое распоряженіе центральныхъ учрежденій не должно было имѣть законную силу, ради ихъ никто не смѣлъ тратить ни одного обола[12]). За этимъ долженъ былъ слѣдить епископъ подъ страхомъ Божьяго и царскаго

1) Cod. J. I 4, 26 § 3.
2) Ibid., § 1.
3) Cod. Just. X 30 $_4$, ed. Krüger.
4) Ibid., §§ 1. 5. 10. 13.
5) Ibid., § 8.
6) Ibid, § 9.
7) Ibid., § 3, 6.
8) Ibid., § 11.
9) Cod. J. X 30 $_4$: μηδεὶς γινέσθω λογοθέτης χωρὶς βασιλικῆς καλέυσεως ἰδικῶς μεμνημένης τῆς αὐτοῦ προσηγορίας· (in fine: χωρὶς βασιλικοῦ τύπου) μήτε κατὰ κέλευσιν τῶν ἐπάρχων μήτε ἐκ προστάξεως ἄλλου οἱουδήποτε δικαστηρίου.
10) Ibid., § 10.
11) Cod. J. I 4, 26 § 4. См. выше, о логоѳетахъ.
12) Ibid., §§ 5, 8.

гнѣва. Эти предостереженія были направлены противъ интересовъ префектуры, которой прежде принадлежалъ контроль за городскими суммами. Эти мѣры были причиной упадка префектуры, обратившейся, по словамъ Іоанна Лидійца, въ учрежденіе исключительно судебное, разбиравшее частныя тяжбы какъ какой-нибудь iudex pedaneus[1]). По извѣстіямъ этого писателя тенденція императоровъ взять изъ рукъ префекта управленіе городскими доходами появилась впервые въ бытность префектомъ поэта Кира (при Θеодосіи II). Въ такомъ случаѣ мѣры Юстиніана имѣли за собой большое прошлое. Тѣмъ не менѣе могущественное вѣдомство не могло сразу отречься отъ своихъ правъ и выгодъ. Почти въ каждомъ наказѣ губернаторамъ Юстиніанъ требовалъ отъ нихъ строгаго наблюденія, чтобы никакіе «чиновники какого бы то ни было вѣдомства не обижали» его подданныхъ, предъявляя приказаніе (πρόσταξις) своихъ вѣдомствъ насчетъ общественныхъ работъ[2]). Одинъ изъ подобныхъ фактовъ дошелъ до насъ въ эдиктѣ 535 г.[3]). «Мы узнали, пишетъ императоръ, что на Геллеспонтѣ появился скриніарій Іоаннъ, предъявляя какіе-то τύποι по поводу контроля (λογοθέσια) городскихъ доходовъ и т. п. sollemnia (накладные расходы по перевозкѣ и пр.), и появившись въ той области, позволилъ себѣ расхитить все до послѣдняго, грабя города, и вернулся въ этотъ благословенный городъ, набравъ денегъ вволю и оставивъ по себѣ всеобщую бѣдность въ области Геллеспонта»[4]). По этому случаю Юстиніанъ подтверждаетъ общимъ закономъ, чтобы провинціалы только допускали къ себѣ уполномоченныхъ съ такого рода порученіями

1) Lyd. de mag. III c. 49: τὸ λοιπὸν τῆς ἐπαρχότητος τρόπῳ χαμαιζήλου δικαστοῦ μόναις ταῖς ἰδιωτικαῖς διαδικασίαις σχολαζούσης.

2) Zach. Nov. J. XXI δ', XXIII γ', XXIV δ', XXV δ', XLIV η'.

3) Ibid., XXXVII περὶ Ἑλλησπόντου.

4) Можетъ быть, этотъ указъ 535 г. имѣетъ въ виду Іоанна, родственника знаменитаго префекта Іоанна Каппадокійца. О его грабежахъ читаемъ живой разсказъ въ послѣднихъ главахъ De magistratibus (Lyd. de mag. c. 58 — 61): «Этотъ оглашенный, сущій адскій демонъ... ведя за собою толпу звѣрскихъ людей (θηρίων) и войско Каппадокійцевъ, вторгся въ страну (Лидію), разыгрывая изъ себя не что-либо обыкновенное и среднее, но самого эпарха». Онъ не щадилъ ни имущества гражданъ, ни женской чести (гл. 58), подвергалъ обывателей истязаніямъ (гл. 59), доводившимъ ихъ до самоубійства (гл. 60), распространивъ свою дѣятельность на весь діоцезъ Ἀσιανῆς. Такую же точно картину вымогательствъ со стороны discussores — этому термину соотвѣтствуютъ греческіе логоθеты, — разъѣзжавшихъ съ толпой офиціаловъ и собиравшихъ недоимки и всякіе долги казнѣ, даетъ посланіе Валентиніана III къ римскимъ властямъ, сенату и народу (450 г.). Nov. Valent. III, tit. I, const. 3 § 2. (Novellae imperatorum Theodosii II, Valent. III etc., ed. Haenel. Lipsiae, 1844).

ніемъ[1]), когда онъ предъявитъ θεῖον πραγματικὸν τύπον. Даже въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность губернатору, а за нимъ епископу, предварительно снестись съ Византіей и получить оттуда подтвержденіе. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ въ указѣ 545 г. о взиманіи податей, при Варсимѣ [2]). Этой новеллой было запрещено принимать логоѳета изъ вѣдомства pr. praet. даже и въ томъ случаѣ, если онъ предъявитъ θεῖος τύπος. Законъ опредѣленно называетъ «σκρινιαρίους τῶν ἔργων τοὺς ὑπὸ τοὺς ἐπάρχους τῶν ἱερῶν πραιτωρίων» [3]).

Устраняя вѣдомство префекта, Юстиніанъ ввѣрялъ наблюденіе за городскимъ хозяйствомъ, кромѣ лучшихъ людей и присланныхъ имъ довѣренныхъ лицъ[4]), общей провинціальной администраціи, т. е. губернатору. До него законъ запрещалъ всякое вмѣшательство губернатора въ завѣдываніе городскими суммами «utpote patribus civitatium et curae eorum deputatis»[5]). Юстиніанъ сталъ требовать отъ губернаторовъ надзора за благоустройствомъ городовъ и ввѣрялъ имъ не только контроль, но и распоряженіе городскими суммами[6]). Указъ 545 г. о податяхъ требуетъ охраненія денегъ, которыя были ассигнованы (ἀφορίσθησαν) на городскіе расходы[7]). Казна повидимому не признаетъ за городами собственныхъ капиталовъ. Быть можетъ, они исчезли благодаря тяжелому экономическому положенію имперіи; но вѣроятнѣе другое объясненіе. Правительство смотритъ на πολιτικά, какъ на казенныя суммы. Онѣ были въ рукахъ администраціи, судя по тому, что правительство считаетъ нужнымъ оградить πολιτικά отъ злоупотребленій администраціи. Отсюда можно вывести, что въ это время городскіе расходы покрывались изъ общей суммы казенныхъ податей, взимавшихся съ провинціи. Этотъ указъ 545 года уже не упоминаетъ о πολιτικά, тогда какъ приведенное выше мѣсто изъ указа 536-го года говоритъ еще о πολιτικά и ταμειακά, отпускавшихся на

---

1) προφάσεις τοιαύτης τινὸς ζητήσεως.

2) Zach. N. J. CLII ιξ′, ις′.

3) Ibid., ιη′.

4) Ibid., ιη′: ἄνδρα εὐυπόληπτον κτέ.

5) Cod. VIII 12 un., a. 485 — 6.

6) Zach. Nov. J. XXI δ′ § 1: εἴ τι ὅλως ἐστὶ τῷ δημοσίῳ καὶ ταῖς πόλεσι συμφέρον βουλεύσῃ τε καὶ πράξεις καὶ μηνύσεις... παρασκευάζων ἐκ τῶν πολιτικῶν χρημάτων τοὺς πατέρας τὰ ἀναγκαιότατα τῶν ἔργων ποιεῖν. — XLIV η′: φροντιεῖ δὲ καὶ τῆς πόλεως καὶ τῶν καλουμένων σιτωνικῶν καὶ τῶν ἔργων τῶν αὐτῆς καὶ παρασκευάσει κατὰ τὸν ἡμέτερον νόμον (I 4 $_{26}$) συγγράφεσθαι τοὺς λογισμοὺς καὶ δαπανᾶσθαι καὶ τὰ ταμειακὰ καὶ τὰ πολιτικά.

7) Ibid., CLII ις′.

городскіе расходы. Изъ сопоставленія обоихъ извѣстій не слѣдуетъ заключать, что городскіе доходы исчезли сами собою: мы знаемъ, что правительсто взяло ихъ сборъ въ свои руки. Послѣ этого уничтоженіе πολιτικά могло быть достигнуто путемъ бухгалтерскихъ расчетовъ и замѣны имени. Ко времени составленія Тайной Исторіи благосостояніе городовъ было вполнѣ въ рукахъ правительства. Правда, отпустивъ суммы на городскіе расходы, правительство ограждало ихъ сохранность и отъ чиновниковъ, и отъ самихъ горожанъ, сосредоточивая распоряженіе ими въ рукахъ губернатора и лучшихъ людей съ епископомъ во главѣ. Все-таки при отсутствіи собственныхъ доходовъ и средствъ, благосостояніе городовъ могло уцѣлѣть только до перваго экономическаго кризиса, въ родѣ случившагося въ 540-ыхъ годахъ. Благодаря извѣстію Зонары можно видѣть, что паденіе городскаго благоустройства случилось раньше и было вызвано расходами на постройку св. Софіи и другихъ церквей[1]).

Такъ объясняются извѣстія Тайной Исторіи объ отобраніи Юстиніаномъ городскихъ доходовъ. Послѣдствіями обѣдненія городовъ источникъ называетъ паденіе прежняго ихъ благоустройства, и потерю прежняго содержанія врачами и учителями[2]). О потерѣ лицами свободныхъ профессій, именно учителями, казеннаго содержанія говоритъ и Зонара[3]); въ Италіи указомъ pro petitione Vigilii врачамъ, юристамъ и грамматикамъ была сохранена прежняя annona[4]). У адвокатовъ, какъ увидимъ ниже, были причины жаловаться на упадокъ ихъ профессіи. Что касается до того, что Юстиніанъ закрылъ театры, не желая платить жалованья актерамъ[5]), то ограничивая или запрещая зрѣлища, правительство, повидимому, преслѣдовало политическую цѣль, имѣя въ виду Прасиновъ и Венетовъ[6]).

---

1) Zonaras XIV c. 6 p. 273 Dind. οὐ μόνον δὲ τοῦ ἱεροῦ τούτου δόμου τῆς δομήσεως ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ἀπήρξατο, ἀλλὰ καὶ ἑτέρων πλειόνων, ἐν οἷς ἀπείρων χρημάτων δεόμενος τὰς τυπωθείσας ἀνέκαθεν ἐν ἑκάστῃ τῶν πόλεων δίδοσθαι σιτήσεις τοῖς ἐν αὐταῖς διδασκάλοις τῶν λογικῶν τεχνῶν ὑποθήκαις τοῦ ἐπάρχου ἐξέκοψε.

2) An. 143 $_{15}$. Cp. 147 $_{22}$.

3) Zon. l. c. καὶ οὕτω τῶν ἐν ταῖς πόλεσι διδασκαλείων ἐσχολακότων ἀγροικία τῶν ἐν αὐταῖς κατεκράτησε.

4) C. 22 ut annona ministretur medicis et diversis: quatenus iuvenes liberalibus studiis eruditi per nostram rem publicam floreant. (Zachariae, Nov. Just. CLXIV).

5) An. 144 $_{1}$ πολλοῖς τε καὶ σχεδόν τι ἀναρίθμοις οὖσιν.

6) Malal. p. 448, 416.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Б. Панченко.

Критическія замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου по тексту Вагнера.

(Carmina graeca medii aevi p. 112—123).

Стихотворный памятникъ византійскаго животнаго эпоса, носящій нѣсколько ироническое заглавіе «Синаксарь почтеннаго осла», изданъ Вагнеромъ по Вѣнской рукописи (Vind. 244), изобилующей тѣми-же ошибками, какими отличаются въ большей или меньшей степени всѣ списки произведеній средне-греческаго народнаго или полународнаго творчества: искаженіемъ непонятыхъ словъ, пропускомъ полустишій, а иногда — и цѣлыхъ стиховъ, въ особенности же замѣной формъ устарѣлыхъ или діалектическихъ такими, къ какимъ привыкъ переписчикъ. Неисправности первыхъ двухъ родовъ, какъ наиболѣе бросающіяся въ глаза, Вагнеръ старался устранить, но погрѣшности противъ языка автора онъ оставилъ безо всякаго вниманія. На такую ошибку мы наталкиваемся уже въ 4-мъ стихѣ, гдѣ описывается положеніе осла у жестокаго и скупого хозяина:

ποτὲ του δὲν ἐχόρτασεν, ποτὲ του οὐκ ἀναπαύτη.

Чтобы одинъ и тотъ-же человѣкъ, выражаясь обычнымъ своимъ языкомъ, какъ здѣсь, употреблялъ рядомъ новое δὲν и древнее οὐκ, просто невѣроятно. Та-же позднѣйшая форма отрицанія въ ст. 23:

εἰς τὸ κορμί μου δὲν ἔχω κρέας ἀλλ' οὐδὲ αἷμα.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ автору поэмы служатъ отрицаніемъ либо οὐκ, либо οὐδὲν (ст. 26, 161, 167, 187, 203, 231, 236, 276, 327, 335, 358, 387, не считая ст. 279 на древнемъ языкѣ). Итакъ несомнѣнно, что въ ст. 4 и 23 слѣдуетъ возстановить οὐδὲν, раздѣливъ слова такъ: τ' οὐδὲν, μ' οὐδὲν (еще лучше μ' οὐδὲν съ энклитическимъ ἔχω, о чемъ ниже).

Ст. 12: καλῶς σ' ηὕραμεν, γάδαρε αὐθέντη. καλῶς κάμνεις;
καλῶς ποιεῖς καὶ χαίρεσαι; καλῶς τὸ ἀμπουκόνεις;

Опять позднѣйшая форма вмѣсто болѣе старой: въ ст. 229 и 230 ἐμπουκονόμην — ит. imboccare «брать въ ротъ» съ замѣной романскаго in греческимъ ἐν. Неправильно поставлены здѣсь Вагнеромъ и знаки вопроса: посредствомъ нарѣчія καλῶς со 2-мъ лицомъ настоящаго времени выражается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ доброе пожеланіе, смыслъ котораго приблизительно таковъ: да будетъ тебѣ во благо то, что̀ ты въ настоящее время дѣлаешь (см. мои «Способы относительнаго подчиненія», стр. 87 примѣч. k). Καὶ χαίρεσαι значитъ «такъ, чтобы ты наслаждался», т. е. тѣмъ, что дѣлаешь (см. тамъ-же стр. 60—63).

Ст. 19—21: Καὶ τὸ φαγὶν ἐστάθηχεν, καχὰ ἀναστενάζει,
ἀπηλογεῖται πρὸς αὐτοὺς μετὰ πολλῶν τῶν ἄλλων,
καὶ τοῦτο τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλῶν τοὺς εἶπεν.

Услышавъ коварное привѣтствіе лисицы и волка, оселъ пересталъ ѣсть—ἐστάθηχε τοῦ φαγεῖν. Чтеніе рукописи (=«стала ѣда»?) едва-ли хорошо во фразеологическомъ отношеніи, а въ синтактическомъ совсѣмъ неловко: подлежащее и выше и ниже — все тотъ-же оселъ. Повтореніе μετὰ πολλῶν странно; но въ такомъ видѣ оно принадлежитъ Вагнеру, а въ рукописи ст. 21 читается такъ: καὶ τούτου (на подскобленномъ мѣстѣ) τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν, гдѣ не только повторено некстати то-же понятіе, но и размѣръ нарушенъ. Μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν очень похоже на прозаическую передачу того, что сказано въ ст. 20. Весьма вѣроятно, что этими словами вытѣснена или, по крайней мѣрѣ, замѣнена вторая половина ст. 21, содержавшая въ себѣ, конечно, нѣчто иное,—но что именно? Въ риѳмованномъ изводѣ того-же разсказа, озаглавленномъ Γαδάρου, λύχου κι ἀλουποῦς διήγησις ὡραία (у Вагнера стр. 124—140), въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ разбираемому здѣсь, между прочимъ говорится (ст. 45 и 46):

στέχει, διαλογίζεται, πῶς νὰ τοὺς ταπεινώσῃ,
καὶ λέγει τότε μέσα του, τώρα νὰ παίζῃ γνῶσι.

Новое сравнительно съ «Синаксаремъ» даютъ здѣсь вторыя половины обоихъ стиховъ. Изъ нихъ послѣдній не важенъ, такъ какъ въ виршахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которые «Синаксарь» переложенъ не-

извѣстнымъ риѳмоплетомъ, строй второго стиха каждой пары не только по формѣ, но и по мысли обусловливается первымъ стихомъ, особенно концемъ его. Но потому-то и заслуживаетъ вниманія конецъ ст. 45: быть можетъ, пропавшая вторая половина ст. 21 въ нашемъ памятникѣ была именно διὰ νὰ τοὺς ταπεινώσῃ. Запятая послѣ ἄλλων излишня во всякомъ случаѣ.

Ст. 48: ἡ δ' ἀλουποῦ εὐθὺς (σοφῶς) τὸν γάδαρον ἐλάλει.

Слово σοφῶς вставлено Вагнеромъ для пополненія стиха, но едва-ли удачно. Кажется, лучше было бы Ἡ δὲ ἀλώπηξ παρευθὺς. Ср. начало ст. 44: Ἡ δὲ ἀλώπηξ... и ст. 287: παρευθὺς τὸν σύντεχνόν της λέγει. Форма ἀλώπηξ встрѣчается и въ ст. 265.

Ст. 51—54: ὄντως πρέπει σε, γάδαρε, γάδαρον νὰ σὲ λέγουν·
φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν
τὴν ἔχεις εἰς τὰ ἄλλα σου ἐπάνω εἰς τὸ κορμί σου·
ὅλα 'ναι παρασουλικὰ μετὰ τῆς θεωρίας.

Вагнеръ въ Appendix observationum замѣчаетъ, во-первыхъ, что это мѣсто было испорчено и въ той рукописи, на которой основана риѳмованная διήγησις, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего, ему соотвѣтствующаго; во-вторыхъ,— что здѣсь есть пропускъ. То и другое замѣчаніе вполнѣ основательно, только неправъ Вагнеръ въ томъ, что предполагаетъ пропускъ послѣ ст. 53 (т. е. на самомъ дѣлѣ, 52), пополняя его «ludendi causa» такъ:

τὸ ὄνομά σου ἔθηκε καὶ γάδαρόν σε κράζει.

По акцентуаціи того времени слѣдовало написать γάδαρον σὲ. Но это мелочь, а важно то, что обычное соотношеніе между синтаксисомъ и размѣромъ въ политическомъ стихѣ заставляетъ искать утраченной части текста послѣ первой половины ст. 52, напр. въ такомъ видѣ:

φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος [ὁποῦ σὲ εἶπεν οὕτως·
πρεπόντως σ' ἐπωνόμασεν] καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν,

т. е. сообразно съ внѣшностью. Въ ст. 53 и 54 ἄλλα и ὅλα помѣнялись мѣстами, при чемъ первое утратило членъ (τἄλλα или τ' ἄλλα «прочее», т. е. духовная сторона). Что касается Вагнерова примѣчанія подъ текстомъ: «παρασουλικὰ quid sit nescio» и другого, въ Appendix: «si hariolari liceat dixerim sensum vocis παρασουλικὸς esse

conveniens», то, къ моему крайнему сожалѣнію, я могу дополнить ихъ только согласіемъ.

Ст. 72—73: ἂν τὸ ’χῃ καὶ ἡ φύσις σου καὶ παίδευσιν νὰ μάθῃς,
χαρὰ ’ς ἐσὲν, χαρὰ ’ς ἐμᾶς διὰ τὸν μαθητήν μας.

Предлогомъ διὰ замѣнилъ помогавшій Вагнеру Викела рукописное καὶ μὲ. Сравни однако διήγησις 127—128:

ἂν ἔν καὶ σὺ μαθητευθῇς, νᾆσαι διὰ τιμή μας,
χαρὰ σὲ σὲ, χαρὰ σὲ μᾶς καὶ σὲ τὸν μαθητή μας

и примѣчаніе Вагнера къ этому мѣсту, въ такой формѣ совершенно безсмысленному: «σὲ B (» т. е. венеціанское изданіе 1871 г. «), μὲ A (» т. е. изданіе Якова Гримма «)». Хотя изъ этого слишкомъ лаконическаго указанія не видно, на мѣстѣ котораго изъ трехъ σὲ у Гримма читается μὲ, однако уже аналогія соотвѣтствующихъ стиховъ Синаксаря заставляетъ отнести помѣту Вагнера къ третьему σὲ. Правда, такое совпаденіе значитъ лишь то, что μὲ находилось и въ той рукописи Синаксаря, которой пользовался авторъ риѳмованнаго извода, а эта рукопись, какъ мы видѣли выше, была испорчена, какъ и Вѣнская; но все же согласіе двухъ списковъ въ такомъ чтеніи, которое несомнѣнно даетъ извѣстный смыслъ, должно быть признано заслуживающимъ вниманія. А смыслъ этого мѣста ясенъ тому, кто ужь пересталъ удивляться невзыскательности византійскихъ стихослагателей по отношенію къ логикѣ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и знаетъ чисто-народное плеонастическое употребленіе καὶ при μὲ. Такъ и мы можемъ сказать: «Благо тебѣ, благо намъ *и* съ нашимъ ученикомъ»! Тотъ-же оборотъ встрѣчается и въ ст. 342 риѳмованной διήγησις, который, вмѣстѣ съ предшествующимъ, читается у Вагнера такъ:

ἀλλ’ ὅμως ἐγροικήσατε τὰ ἁμαρτήματά μου
καὶ συγχωρήσετέ μού τα καὶ μὲ τὰ κρίματά μου.

Но какъ ни малы были требованія византійскихъ читателей такихъ нехитрыхъ поэтическихъ произведеній, все же и въ нихъ трудно было предположить такое равнодушіе къ логикѣ и стилистикѣ, чтобы позволить себѣ соединеніе двухъ такихъ полныхъ синонимовъ, какъ ἁμαρτήματα и κρίματα, посредствомъ καὶ μὲ. Къ тому-же τα послѣ μου въ ст. 142 находится только въ изданіи Якова Гримма, а въ Венеціанскомъ этого мѣстоименія нѣтъ. Не случайность, можетъ быть,

и то, что не только въ διήγησις (ст. 210, 308, 314), но и въ «Синаксарѣ» (ст. 137, 211, 220) глаголъ συγχωρῶ относится къ согрѣшившему, а не ко грѣху. Потому можно предположить: καὶ συγχωρήσετέ μ' ἐμέν.

Ст. 90—92: προβλέπων δὲ τὸν θάνατον αὐτοῦ τὸν καθ' ἡμέραν
καὶ διαλογιζόμενος τί μηχανὴν ποιῆσαι
—καθάπερ καὶ ἐποίησεν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Очевидно, что послѣ ст. 91 пропущенъ стихъ приблизительно такого содержанія:

δόλον ἐνόει μέσα του ὅπως τοὺς τιμωρήσῃ

или — μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' ἄυτους (съ превращеніемъ ῃ = ι въ j передъ гласной, какъ напр. въ ст. 160: ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατούς, νὰ μὴ μὲ θανατώσουν). Ср. 268:

Ο γάδαρος δὲ θεωρῶν αὐτῶν τὰς πανουργίας,
τὰς ἀδικίας τὰς αὐτῶν καὶ τὰς διαβολίας,
εἰς ἑαυτὸν ἐνόησε ποιῆσαι πρᾶγμα ξένον,
ἐπαινετὸν καὶ ἀκουστόν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Ст. 80: νὰ γένῃς σύντροφος ἡμῶν, 'ς ἀξιά σου καὶ τιμή σου.

Въ рукописи 'ς нѣтъ: оно вставлено Викелой. Но въ «Синаксарѣ», какъ и обыкновенно въ дошедшихъ до насъ спискахъ византійскихъ стихотвореній простонароднаго склада, сокращенная форма 'ς встрѣчается или послѣ гласной, гдѣ она во всякомъ случаѣ не подтверждается размѣромъ, такъ какъ для стиха все равно, будемъ ли мы читать напр. καὶ 'ς или κ' εἰς, или же передъ членомъ, т. е. извѣстной частью рѣчи, имѣющей въ новогреческомъ языкѣ свои фонетическія и синтактическія особенности, а именно 1) передъ членомъ подвергается сокращенію не только εἰς, но и ἀπό, напр. ἀπὸ τὴν χώραν звучитъ въ естественной рѣчи *аф ти хóра*, 2) въ средне-греческомъ просторѣчіи членъ употреблялся далеко не такъ часто, какъ теперь; напр., онъ былъ, повидимому, необязателенъ передъ существительнымъ съ родительнымъ опредѣленіемъ или съ предлогомъ, чему аналогіи находимъ у румынъ. Вотъ примѣры 'ς въ «Синаксарѣ»:

82 νὰ πᾶμεν 'ς τὴν ἀνατολὴν εἰς τὸν καλὸν τὸν τόπον.
99 ὡς τὸ 'δα ἐψὲς 'ς τὸν ὕπνον μου, βλέπω το καὶ ἐξ ὕπνου.
266 καὶ τί ἄλλον ἁμάρτημαν χειρότερον 'ς τὸν κόσμον;
301 ὁ κῶλος σου ἂς κινηθῇ 'ς τὸ πόδωμαν καὶ μόνον

(гдѣ вслѣдствіе цезуры между κινηθῇ и ’ς нельзя допустить вліянія перваго на послѣднее).

307 κι ξύλον τὸν ἐκατέστησεν ’ς τὸν πόντον ὅπου πρέπει.
313 ἔμπροστεν τὸν ἐρόντζεψεν ’ς τὴν μέσην τοῦ πελάγους.
320 ἐκρήμνησεν καὶ ἔδωκεν ’ς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.
321 ἐπῆραν τὴν τὰ κύματα, ’ς τὸν λύκον τὴν ἐπῆγαν.
330 ἐσωσάν με κ’ ἐγκρεμνίστηκα ’ς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.
361 ἡ γνῶσις ἔναι πανταχοῦ ’ς τὸν κόσμον ἐσπαρμένη.

Стоитъ только въ этихъ случаяхъ устранить членъ — и полное εἰς будетъ возстановлено. Во всякомъ случаѣ, кажется, только ст. 301 и 321 представили бы по устраненіи члена рѣзкое противорѣчіе современному греческому синтаксису. Но возможно допустить, что въ нихъ καὶ и второе τὴν были вставлены ради гладкости ритма, заботою о которой могло быть вызвано и сокращеніе предлога εἰς. Но этотъ памятникъ относится, судя по языку, къ такому позднему времени (однако не позже XV в.), что вполнѣ позволительно спросить, не была ли форма ’ς передъ членомъ свойственна языку самого автора. Что же касается ст. 80, то первоначальное чтеніе въ немъ было, можетъ быть, ἀξίως τῆς τιμῆς σου.

Ст. 100: ἐσυννεφιάσ’ ὁ οὐρανὸς, ἄνεμος θέλει ποίσει.

Вмѣсто ποίσει Викела предположилъ πιάσει, но Вагнеръ оставилъ въ текстѣ рукописное чтеніе,— и не безъ основанія, какъ видно изъ ст. 77—78 риѳмованнаго извода:

ἄστραψεν ἡ ’Ανατολὴ, ἐβρόντησε κ’ ἡ δύσι,
ὁ οὐρανὸς ἐμαύρισε, φορτοῦνα θὲ νὰ ποίση.

Ст. 139: λέγει καὶ αὐτὴ πρὸς αὐτὸν ἐν ἐξομολογήσει.

Читай αὕτη. Эту поправку я нашелъ впослѣдствіи у Спиридіона Ламбра въ Collection des romans grecs (Paris 1888), стр. LVIII, примѣч. 1, однако оставляю ее здѣсь для того, чтобы по поводу ея выразить свое сомнѣніе въ необходимости нѣкоторыхъ другихъ исправленій того-же ученаго, не относящихся къ «Синаксарю», но связанныхъ съ вопросомъ о замѣнѣ двухъ первыхъ ямбовъ въ одномъ изъ полустишій или въ обоихъ анапестомъ со слѣдующимъ за нимъ неударяемымъ слогомъ. Для возстановленія этихъ двухъ ямбовъ Ламбръ отчасти перемѣщаетъ ударенія на отдѣльныхъ словахъ, напр. θέος вмѣсто θεός, ἴνφερνου вмѣсто ἰνφέρνου (стр. VIII, примѣч. 1), отчасти

замѣняетъ переданныя въ рукописяхъ слова другими, напримѣръ, въ стихѣ

ἃς ἔστειλε Ῥοδόφιλος ὁ πατὴρ τοῦ Βελθάνδρου

онъ предлагаетъ вмѣсто πατὴρ читать κῦρις или ἀφέντης, не принимая въ расчетъ того обстоятельства, что этотъ стихъ написанъ цѣликомъ на древнемъ языкѣ. Но въ приводимыхъ имъ-же отрывкахъ изъ Διγένης Ἀκρίτας по Гротта-ферратской рукописи этотъ ритмъ встрѣчается такъ часто, что и самъ онъ уже не обращаетъ на него вниманія. Мы сейчасъ возвратимся къ этому вопросу.

Ст. 146: εἰς τὰ κρυφὰ κλεψίματα καὶ τὰς ’πιδεξιοσύνας.

Какъ мы уже видѣли и еще увидимъ дальше, авторъ «Синаксаря» еще не зналъ позднѣйшаго отпаденія начальныхъ гласныхъ. Потому, вѣроятно, и здѣсь членъ прибавленъ переписчикомъ, а въ его подлинникѣ было написано καὶ ἐπιδεξιοσύνας, т. е. по звукамъ, приблизительно *кепидексіосинес* (въ 7 слоговъ). Ср. наоборотъ, что̀ гораздо болѣе противорѣчитъ обыкновенному употребленію члена, ст. 155 и 197:

ὁ κόσμος καταρᾶταί με ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.
ὅ τι ἔποικα καὶ πολεμῶ ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.

Ст. 157—160: πλὴν ἡ εὐχὴ τῆς μάννας μου καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου
πάντοτε βοηθοῦσί με καὶ τὰ κακὰ γλυτόνω.
πόσαις φοραῖς ἐγλύτωσα ’κ τῶν ἀρχόντων τὰ σπήτια,
ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατούς, νὰ μὴ μὲ θανατώσουν.

Вагнеръ замѣчаетъ: «lenius esset ’κ τὰ σπήτια τῶν ἀρχόντων». Несомнѣнно, что онъ разумѣетъ при этомъ ритмъ. Но ср. ст. 64:

διὰ τοῦτο πρέπει σὲ λοιπὸν ὅπως ἔχῃς συγγνώμην,

хотя легко было бы придать и второму полустишію почти правильный ямбическій строй посредствомъ перестановки: ὅπως συγγνώμην ἔχῃς. То-же въ ст. 169:

ἐβλέπω, περιεργάζομαι, ἔχει κάτον ἡ γραῖα.

Такъ и въ первой половинѣ ст. 291:

ὅτι ἔχεις ἐχθροὺς πολλοὺς ὁποῦ κακὸν σοῦ θέλουν.

Въ болѣе старинныхъ памятникахъ второе полустишіе изъ двухъ анапестовъ съ неударяемымъ слогомъ въ концѣ—не рѣдкость, да и

на исходѣ XV в. Эммануилъ Георгилла позволяетъ себѣ такіе стихи, какъ напр. въ Τὸ θανατικὸν τῆς Ῥόδου:

11 ἦτον ὁ ἁγιώτατος ὁ σοφὸς Μητροφάνης.
13 ἐν τῷδε τῷ θανατικῷ καὶ αὐτὸς ἀπεβίω.
17 Γεωργιλλᾶς ἀκούεται, Λειμενίτης τ' ἐπίκλην.
29 καὶ 'φῆκέν τα ν' ἀναθραφοῦν εἰς πικριαῖς καὶ φαρμάκια.
33 καὶ δέρνεις καὶ παιδεύεις την μὲ θανάτου αἰτία.

Но было бы неправильно сослаться на стихъ того-же Георгиллы

31 νά 'τον κι αὐτὸ γραμμένον εἰς ‖ τῆς τύχης τὰ χαρτία

для оправданія цезуры послѣ предлога, такъ какъ эта вольность въ 15-сложномъ стихѣ вообще не допускается. Да и точно ли въ рукописи значится ἐγλύτωσα 'κ или хотя-бы даже безъ апострофа — ἐγλύτωσακ? Гласныя, поглощаемыя элизіей или сліяніемъ, обыкновенно выписывались византійцами сполна, потому что, конечно, они и произносили ту и другую, хотя придавали слоговое значеніе лишь одной изъ нихъ. Исключеніе изъ этого правила представляютъ собою случаи классической κρᾶσις и слитія двухъ одинаковыхъ гласныхъ, какъ ν' ἀφήσῃ, вмѣсто νὰ ἀφήσῃ, да еще, хоть не всегда, ἀφαίρεσις или κρᾶσις при энклизѣ, какъ κακά 'νε вмѣсто κακά ἐνε, τοῦπε вмѣсто τὸ εἶπε, τό εἶπε (не безъ вліянія древнихъ аналогій), т. е. очевидно, такія соединенія словъ, въ которыхъ слышалась дѣйствительно лишь одна гласная. Такъ какъ въ «Синаксарѣ» предлогъ ἐκ не измѣняетъ своего ε на α (см. ст. 78. 83, 165, 243, 325, 336, не говоря уже о древнемъ сочиненіи съ родительнымъ падежемъ), ἐγλίτωσα 'κ не подходило бы ни къ одному изъ этихъ условій, особенно при неизбѣжномъ, какъ мы видимъ, раздѣленіи этихъ словъ цезурой. Въ концѣ концовъ остается, кажется, предположить, что въ ст. 159, если рукопись на самомъ дѣлѣ даетъ ἐγλίτωσα κ, эта κ есть графическій остатокъ двойного слога κάκ или κ' ἐκ, а членъ передъ [illegible] вѣроятно [illegible] вставленъ переписчикомъ, тогда какъ авторъ воспользовался той свободой въ употребленіи члена, примѣръ которой находимъ у Алексія Комнина въ ст. 616:

[illegible]

Возможно, впрочемъ, и наоборотъ, [illegible] вѣроятнѣе, если авторъ относилъ предложеніе [illegible]

σκύλους δυνατοὺς не къ τῶν ἀρχόντων, а къ τὰ σπίτια. Но что значитъ это ὅτι? Съ точки зрѣнія палеографіи не трудно возвести это слово къ ὁπ(οῦ), которое встрѣчается въ ст. 25, 79, 84, 103, 130, 250 (307 ὅπου въ смыслѣ нарѣчія «гдѣ»). Ст. 157 переданъ, можетъ быть, вѣрно, такъ какъ γλυτώνω въ «Синаксарѣ» сочиняется не только съ ἐκ или съ ἀπὸ (ст. 251: μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' αὐτούς, τάχεν ἐν ὑποκρίσει), но и просто съ вин. пад. — ст. 331: κ' ἐγλύτωσα τὴν συμφορὰν ἐκείνην ὅσην εἶδα. Между этими двумя конструкціями есть какъ будто разница: предлогъ употребленъ при обозначеніяхъ лицъ и мѣстъ, а прямое дополненіе — при словахъ, выражающихъ самую опасность или бѣду. Теперь это различіе, повидимому, не соблюдается; ср. напр. Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CCL 12:

ἀπ' τὸ τουφέκι καὶ σπαθὶ κανεὶς νὰ μὴ γλυτώσῃ.

Ст. 161—162: καὶ μία χήρα ἄπορος καλὰ οὐκ ἐθεώρειεν·
εἶχεν δὲ ὄρνιθαν χοντρὴ καὶ λάλειε την καβάκαν.

Судя по формамъ 3-го лица ед. ч. прош. несоверш. ἐπολέμαν ст. 234 и ἐξανερώταν ст. 333, къ которымъ присоединяется ἐρώτα ст. 322 (можетъ быть, неточно вмѣсто ἐρώταν), можно было бы и здѣсь ожидать стянутыхъ ἐθεώρειν и ἐλάλειν (а не λάλειν, потому что авторъ «Синаксаря», судя по большинству примѣровъ, не опускалъ приращенія).

Ст. 168: λοιπὸν ἄκουσον τί ἔποικα..........
пропущено что-нибудь въ родѣ διὰ νὰ τὴν ἁρπάξω.
Ст. 170: χοντρὸν κατάκιν κόκκινον, τὴν τρίχα μου ὁμοιάζει.

Такъ издалъ Вагнеръ по догадкѣ Викелы, а въ рукописи κοτζάκιν, что можно сравнить со словенскимъ kočka и чешскимъ kočice «кошка» и съ болгарскимъ *кочи* «кошачій» (при *котка* «кошка» и *котакъ* «котъ»).

Ст. 174—175: ὁ κάτος κάπου ἔλειπεν κ' ἐγὼ ἀντὶς τὸν κάτον
ἔρχομαι πρὸς τὴν γραῖαν..........

Вагнеръ замѣчаетъ: «ex versione recentiori patet huiusmodi verba supplenda esse 'γὼ καὶ κάθισα κοντά της (vel κάθομαι)». Но въ соотвѣтствующемъ стихѣ риѳмованнаго извода (266) то, что показалось Вагнеру принадлежностью первоначальной редакціи, вызвано, очевидно, риѳмой:

χ' ἕνα βραδὺ στοχάζομαι πῶς ἔλειπεν ὁ γάτης,
κι ἀντὶς τὸν γάτον πῆγα 'γὼ καὶ κάθισα κοντά της.

Кромѣ того, предполагаемое Вагнеромъ въ ст. 175 'γὼ прямо невозможно послѣ предшествующаго ἐγὼ, а безъ такой прибавки не выйдетъ первое полустишіе. Но ясно, что до насъ дошло второе, а утрачено первое, приблизительно такое: ἐμβαίνω εἰς τὸ σπίτιν της χ'.

Ст. 185—187: ἐγὼ δὲ τζαγκαρόνω την ἐχείνην τὴν χαβάχα,
καὶ χείνη ἐρτερούγισεν καὶ χάχα χάχα λέγει·
σηχόνω την καὶ σύρνω την καὶ σήχωμαν οὐχ ἔχει.

Въ рукописи ἐνευτεράχισεν, что, по объясненію Вагнера, «em (endavit) Bicelas». Въ риомованномъ изводѣ (ст. 282) почти такъ-же, какъ «исправилъ» Викела, и тѣмъ не менѣе эта поправка въ высшей степени подозрительна. Чтеніе рукописи ведетъ къ глаголу, мнѣ, правда, неизвѣстному, но во всякомъ случаѣ возможному — ἀναπτεραχίζω, произведенному отъ πτεράχιον или, можетъ быть, только по аналогіи этого слова передѣланному изъ древняго ἀναπτερυγίζω «бью крыльями». Весьма вѣроятно, что въ рукописномъ ἐνευτεράχισεν неправильно только υ (вмѣсто этимологическаго φ), а оба первые ε стоятъ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ двойного приращенія — при предлогѣ и при глаголѣ —, чему въ средне-греческой письменности есть много примѣровъ. Что касается перехода начальнаго α въ ε, а не въ η, то, по крайней мѣрѣ, въ корняхъ таковъ обыкновенный видъ приращенія у византійцевъ извѣстной эпохи и, можетъ быть, извѣстныхъ мѣстностей. Ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» во 2-мъ выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества», къ ст. 829. Тамъ-же въ ст. 434 я чуть-ли не напрасно предположилъ ἀνεθρέφοντο вмѣсто рукописнаго ἐνεθρέφοντο, которое, повидимому, находило себѣ подтвержденіе въ ἐνευτεράχισεν. Но если эта форма передана правильно, можно ли признать «Синаксарь» памятникомъ XV в.? не придется ли отнести его къ XIV в.? Какъ бы то ни было, въ его языкѣ еще нѣтъ послѣдовательно проведенной ἀποχοπή начальныхъ гласныхъ, и потому кажется сомнительнымъ правописаніе καὶ χείνην (вмѣсто χ' ἐχείνην) въ ст. 186 послѣ ἐχείνη ст. 185. Вопросу подлежитъ и τὴν χαβάχα въ томъ-же стихѣ при χαβάχαν ст. 162, какъ и остальные примѣры пропуска конечнаго ν.

Въ примѣчаніи къ ст. 187 Вагнеръ спрашиваетъ: «fortasse 'σύχωμαν?». Конечно, нѣтъ—тѣмъ болѣе, что едва-ли и возможно образованіе (ἡ)σύχωμαν при ἡσυχάζω, которое вдобавокъ неупотребительно въ новогреческомъ просторѣчіи; да и по смыслу, если ужь измѣнять σήχωμαν, то развѣ только въ σηχωμόν, при чемъ вполнѣ ясно обозначилась бы такая мысль: «я поднимаю ее (говоритъ лисица о курицѣ) и тащу, а ее и поднять нельзя». Такимъ-же образомъ говорится напр. τὸ ἀσκέρι δὲν ἔχει μετρημόν «войску счету нѣтъ», а въ народной поэзіи—и μετρημούς, напр. Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CXV ст. 14:

μετράει τοὺς Τούρκους καὶ μετράει, καὶ μετρημοὺς δὲν εἶχαν,

CXXXI ст. 19:

εἶναι πολλοί, πουλάκι μου, καὶ μετρημοὺς δὲν ἔχουν

съ варіантомъ (не у Пассова) μετρημόν. Впрочемъ, Пассовъ почему-то пишетъ вездѣ μετριμούς. Однако измѣненіе σήχωμαν въ σηχωμόν отнюдь не можетъ считаться необходимымъ, какъ видно, напр., изъ сравненія ст. 224 поэмы Стефана Сахлики о тюрьмѣ по рукописямъ P(arisinus) и M(ontepessulanus) у Вагнера стр. 85 (въ исправленномъ видѣ):

διατὶ ἐν πολλὰ κι ἀρίφνητα καὶ πληρωμὸν οὐκ ἔχουν

и по Неаполитанской, изданной С. Д. Пападимитріу въ IV выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» (ст. 438):

διατὶ (ἐν) πολλὰ καὶ ἀρίφνητα καὶ πλήρωμα οὐδὲν ἔχουν.

Въ видѣ экскурса къ ст. 185 позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ о глаголѣ τζαγχαρόνω, повидимому, мало извѣстномъ у насъ. Значитъ онъ собственно «зацѣпляю крюкомъ» и употребляется теперь особенно объ остановкѣ овцы посредствомъ кирлиги, которая по ново-гречески называется χλιούχα (очевидно, славянскаго происхожденія), но кое-гдѣ, можетъ быть, до сихъ поръ еще обозначается словомъ τζαγχάρι, τζάγχαρο или другимъ, произведеннымъ отъ той-же основы. Какова бы ни была грамматическая форма этого предполагаемаго глаголомъ существительнаго, онъ восходитъ къ иранскому *чангар*-«крюкъ», откуда и τζάγχρα «крѣпостной лукъ» (т. е. метательная машина въ видѣ большого лука). Правда, въ персидскомъ языкѣ мы знаемъ только современное *чангал*, по турецкому выговору —

[illegible] I въ [illegible] «[illegible]» съ [illegible] [illegible] [illegible] I [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] въ [illegible] языковъ [illegible] нарѣчій, въ которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] должно было [illegible] въ [illegible]. Что касается [illegible] «[illegible]» [illegible] [illegible] [illegible], то оно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] окончаніе — [illegible], какъ [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] отъ котораго [illegible] [illegible] [illegible] «[illegible]» [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] золотомъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Сохранили ли [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — это другой вопросъ. [illegible] правдоподобно, что [illegible] въ Греціи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] значитъ [illegible] «[illegible]» [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Ст. 204—205 [illegible]

[illegible]

Форма [illegible] [illegible] [illegible] «[illegible]» [illegible] [illegible], какъ [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

гдѣ это слово [illegible] [illegible] предложеніе [illegible] произношеніе [illegible] послѣднемъ [illegible] [illegible] преемственность [illegible] откуда [illegible] [illegible] [illegible] какъ [illegible] только [illegible] [illegible]

совсѣмъ не требуетъ такого произношенія: хотя не такъ гладко, однако правильно чтеніе *та омáтья*, съ чѣмъ сравни выписанные выше ст. 12 и 51. Вѣрно ли 4-сложное ζαγάρια въ ст. 32, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о непосредственно слѣдующемъ βαρύσκυλους (а въ ст. 31 есть σκύλους). За то несомнѣнны 4-хъ-сложныя μαρούλια въ ст. 227 и κοντάρια въ ст. 338 (послѣднее передъ самой цезурой). Но, какъ мы уже видѣли, «Синаксарь» относится ко временамъ, предшествующимъ отпаденію начальныхъ гласныхъ; къ тому-же и форма ὀμμάτια засвидѣтельствована въ немъ дважды. Отсюда слѣдуетъ, что въ ст. 205, вѣроятно, было написано авторомъ ὀμματοφρύδια. При этомъ стихъ можетъ читаться двояко: съ усѣченіемъ гласной союза καὶ или съ συνίζησις слоговъ τὰ ὀμ—, т. е., по фонетикѣ, *та о*, такъ какъ согласныя въ новогреческомъ языкѣ не удвоиваются. Такъ и въ остальныхъ 4 случаяхъ слово ὀμμάτιν, хотя и утратило въ рукописи свой первый слогъ, находится послѣ гласной (именно α—, можетъ быть случайно), почему вездѣ возможно возстановить полную форму съ συνίζησις. Случаи эти мы находимъ въ ст. 332, 351, 354, 355:

καὶ πλεὰ μὴ ’δοῦν τὰ ’μάτια μου τοιαύτην καταδίκην.
τὰ ’μάτιά μου ἤστραψαν ὡσὰν ταῖς τζιμπυλίδες.
καὶ βλέπεις με, συντέχνισσα, μὲ, τό ’να ’μάτιν εἶμαι,
μὲ τό ’να ’μάτι σὲ θωρῶ, μὲ τἄλλο δὲν σὲ βλέπω,

вѣрнѣе: μὲ τἄλλο οὐδὲν σὲ βλέπω съ συνίζησις слоговъ -λο οὐ-, если не καὶ τἄλλο οὐδὲν σὲ βλέπει, такъ какъ μὲ есть лишь догадка Бурсіана, а въ рукописи καὶ. Во второмъ изъ этихъ стиховъ самый размѣръ требуетъ формы ὀμμάτια откуда ритмъ, уже выясненный выше, *та омáтья му и́страпсан.*

Ст. 215—220: ὁσία μου, ἁγία μου καὶ δεδικαιωμένη,
χαλότυχη, καλόμοιρη καὶ δεδικαιωμένη,
. . . . κλαδὶν τῆς παραδείσου
νὰ ἔτυχα κ’ ἐγὼ ἐκεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσίν σου.
ὄντως, κυρὰ συντέχνισσα, ἡ ἀρετή σου αὕτη
ὑπὲρ ἐμὲ ἐγένετον ἡ σεσυγχωρεμένη.

Вотъ замѣчаніе Вагнера къ этому мѣсту: «fortasse fuit λαμπάδα εἶσαι ἀναφτὴ, κλαδὶν τῆς παραδείσου, conl. versione recentiori», т. е. риѳмованный изводъ, въ которомъ обращеніе волка къ лисѣ послѣ исповѣди выражено такъ (ст. 304—310):

«ἄμε, ποῦ λέγω σήμερον, νἆσαι εὐλογημένη,
κι ἀπ' ὅλα σου τὰ κρίματα νἆσαι συγχωρεμένη».
λέγει καὶ ταῦτα πρὸς αὐτήν· «κυρία μου μεγάλη,
λαμπάδα εἶσαι ἀναφτή, μὲ δίχως μανουάλι.

Но уже изъ простого сопоставленія этихъ двухъ обработокъ того-же мѣста явствуетъ съ полной очевидностью, что ст. 310 риѳмованной редакціи принадлежитъ цѣликомъ ея автору, который здѣсь отступилъ отъ подлинника, измѣнивъ между прочимъ его порядокъ, такъ какъ его ст. 309 соотвѣтствуетъ ст. 212 подлинника:

λέγων καὶ ταῦτα πρὸς αὐτήν· «Κυρία μου ἁγία,

за которымъ слѣдуетъ то, что̀ въ риѳмованномъ пересказѣ выражено ст. 311. Можно, конечно, спросить, почему же позднѣйшій редакторъ такъ передѣлалъ эти стихи, тогда какъ въ другихъ онъ, правда, иногда прибавляетъ кое-что отъ себя, но вообще слѣдуетъ въ изложеніи порядку стиховъ подлинника. Едва-ли возможно отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, нежели предположеніемъ, что въ спискѣ, которымъ пользовался этотъ редакторъ, ст. 212—220 были перепутаны и вообще переданы въ неудовлетворительномъ видѣ, слѣдъ чего и въ Вѣнской рукописи сохранили ст. 215—217, и вмѣсто χλαδὶν значилось нѣчто похожее на κανδῆλιν (судя по λαμπάδα). Но удивительно, какъ Вагнеру не бросился въ глаза одинаковый конецъ ст. 215 и 216, который, по устраненіи неправильно повторенныхъ словъ, прямо велъ къ возстановленію стиха

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου.

Послѣ παραδείσου у Вагнера нѣтъ знака препинанія, что объясняется, вѣроятно, недосмотромъ, какъ и запятая послѣ ст. 214 вмѣсто точки. Здѣсь нужна запятая для отдѣленія звательныхъ падежей отъ послѣдующаго. А дальше уже рѣшительно курьёзъ, особенно въ виду соотвѣтствующаго мѣста риѳмованнаго извода: совершенно невозможное ἡ σεσυγχωρέμενη есть, очевидно, не что иное, какъ εἶσαι συγχωρεμένη, передъ чѣмъ, разумѣется, слѣдуетъ поставить точку или κῶλον.

Ст. 228—233: χ' ἐγὼ ἀπὸ τὴν πεῖνάν μου (ὁποῦ 'χα σὰν τὸν σκύλο)
ἐγύριζα τὸ στόμα μου χ' ἐμπουχονόμην φύλλον,
ἄλλοτε μόλις ἔσωνα χ' ἐμπουχονόμην φύλλον

καὶ ἄλλοτε οὐχ ἔσωνα καὶ ἐχοπάνιζέ με
μὲ ρέκλαν στραβοδίχωλον τὸ χωλοχούχουρόν μου,
καὶ βέργιζεν ὁ χῶλός μου χ' ἐσυχνοπορδοχόπουν.

О словахъ въ скобкахъ Вагнеръ говоритъ: «verba ὁποῦ 'χα σὰν τὸν σχύλο supplevi e vers. rec.», именно изъ ст. 331—332:

χ' ἐγὼ ἀπὸ τῆν πεῖνά μου ὁποῦ 'χα σὰν τὸ σχύλο
ἐγύριζα τὸ στόμα μου χ' ἤρπουν χομμάτι φύλλο.

Едва-ли возможно сомнѣніе въ томъ, что дополненныя Вагнеромъ слова не могутъ быть заимствованы изъ первоначальной редакціи и вставлены ради риѳмы къ находящемуся и въ подлинникѣ φύλλον. Мало этого: ὁποῦ 'χα σὰν τὸν σχύλο(ν) несогласно съ языкомъ подлинника, въ которомъ употребляется только полная форма ὡσὰν (ст. 163, 173, 182, 241, 325, 326, 346, 348, 351, 392). Вѣроятнѣе, что вторая половина ст. 228 заключала въ себѣ нѣчто близкое по значенію къ содержанію первой, напр. καὶ τὴν πολλὴν νηστείαν. Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ мы встрѣчаемъ то-же явленіе, что въ ст. 215 и 216: вторая половина ихъ одна и та-же, что подозрительно. Кромѣ того это повторяющееся полустишіе содержитъ въ себѣ форму ἐμπουχονόμην, странную въ двухъ отношеніяхъ: 1) ἐμπουχόνω есть глаголъ дѣйствительный, и въ такомъ видѣ, какъ мы уже знаемъ изъ ст. 13, онъ былъ извѣстенъ и автору «Синаксаря»; 2) если бы авторъ хотѣлъ употребить его въ формѣ средняго залога, онъ сказалъ бы, вѣроятно, или ἐμπουχώμην или ἐμπουχόνομην, если не ἐμπουχόνομουν, какъ въ ст. 239 χ' ἐβούλομουν (у Вагнера καὶ βούλομουν). Ужь не есть ли это μην остатокъ сложнаго союза μὴ νὰ, означающаго, какъ μήπως и τάχα νὰ, попытку? Дѣло въ томъ, что чуть-ли не самой подходящей второй половиной ст. 229 было бы μὴ νὰ 'μπουχώσω φύλλον. Конечно, такое объясненіе порчи, смѣлое тѣмъ болѣе, что оно предполагаетъ перестановку слоговъ, возможно только подъ условіемъ сильнаго искаженія первоначальнаго текста. Но вѣдь на значительный безпорядокъ указываетъ состояніе трехъ стиховъ подъ рядъ (228—230). Если въ подлинникѣ «Синаксаря» они были написаны такъ:

καὶ ἐγὼ ἀπὸ τὴν πεῖνάν μου ἐγύριζα τὸ στόμα ἐμπουχ... (μην) φύλλον
ἄλλοτε μόλις ἔσωνα καὶ ἐμπούχονα ἕναν φύλλον, то становится до нѣкоторой степени понятно, почему буквы μην (изъ μηνὰ) перемѣнили свое мѣсто и какъ сходныя между собою полустишія повліяли одно на

другое до полнаго отождествленія. Взаимное вліяніе сосѣднихъ словъ замѣчается и въ послѣдующихъ стихахъ: безсмысленное στραβοδίκωλον обязано своимъ происхожденіемъ отчасти словамъ κωλοκούκουρον и κῶλος. Но испорчено и ξέκλαν. Вмѣсто этого слова Викела предложилъ βέργαν, какъ и въ соотвѣтствующемъ ст. 335 риѳмованной передѣлки на мѣстѣ μὲ ρέκλαν читается μὲ βέργα; но ближе по начертанію ἄρκλαν, да и по смыслу тоже: ἄρκλα значитъ «стволъ, дубина въ толщину ствола». Едва-ли вѣрно и его исправленіе загадочнаго στραβοδίκωλον въ στραβοδίπουλον, также, кажется, не существующее: здѣсь по соображеніямъ синтактическимъ слѣдуетъ скорѣе предположить глаголъ — στραβοδίπλονεν, который, можетъ быть, нигдѣ не встрѣчается, но, если не ошибаюсь, былъ бы понятъ всякимъ грекомъ, какъ производный отъ στραβά «вкось» и δίπλα «поперекъ». Если эта догадка удачна, то придется читать μὲ ἄρκλαν ἐστραβοδίπλονεν со слитіемъ двухъ слоговъ μὲ ἄρ- въ одинъ, потому что приращеніе слоговое въ «Синаксарѣ», повидимому, не пропускается. Κωλοκούκουρον мнѣ неизвѣстно, но допускаетъ, можетъ быть, такое объясненіе: если вторая часть его восходитъ къ οὐρά «хвостъ», то въ видѣ первой позволяю себѣ предположить сложное κωλόκουκος (изъ κῶλος «задъ» и κοῦκος «кукушка»), равняющееся по значенію древнему κόκκυξ въ анатомической терминологіи — «хвостецъ» (os coccygis). Въ слѣдующемъ стихѣ βέργιζεν или, вѣрнѣе, ἐβέργιζεν приходится понимать въ смыслѣ ἐβεργίζετο, что̀ необычно, да и едва-ли допустимо по связи мыслей, которая скорѣе заставляла бы ожидать ἐρράγιζεν «разсѣдался».

Ст. 237—238: καὶ τὸ βαρὺν τὸ φόρτωμαν κι ἀπὸ τὸ δόσμαν κροῦσμαν
ἔτρεμαν τὰ ποδάρια μου, ἔτρεμεν τὸ κορμί μου.

Вагнеръ снабжаетъ этотъ стихъ такимъ примѣчаніемъ: «fortasse fuit κι ἀπ' τὸ β. τ. φ. κι ἀπ' τὸ δοσμένον κ.». Вставить слѣдуетъ не ἀπ', которое въ «Синаксарѣ» передъ согласными не встрѣчается, а ἐκ, употребительное именно передъ согласными. Затѣмъ остается прибавить ν въ концѣ слова κορμί, а другихъ измѣненій не нужно, такъ какъ δόσμαν значитъ между прочимъ «ударъ» и составляетъ съ κροῦσμαν, какъ его синонимъ, одно понятіе, подобно нашимъ «путь-дорога», «житье-бытье», «родъ-племя», и потому опредѣляется однимъ, общимъ съ κροῦσμαν, членомъ.

Ст. 258: αὐτὰ σκατὰ ποῦ λὲς εἶναι καὶ ψεματολογία.

Весьма поучительно примѣчаніе Вагнера: ποῦ λὲς Bicelas, πιλὰ». Итакъ въ рукописи πιλὰ, т. е. πηλὰ, множественное отъ πηλὸς, какъ древнія σῖτα, ταρσὰ, βάσανα, κύκλα, δρυμά, δάκτυλα, δεσμά, позднѣйшія μυαλά, καπνά (табаки). Въ Appendix Вагнеръ самъ поправилъ свою ошибку. Такимъ образомъ l'incident est clos, какъ говорятъ французы; но догадка Викелы и поспѣшность, съ которою принялъ ее Вагнеръ, любопытны въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуютъ о все еще продолжающемся существованіи предразсудка, будто греческое просторѣчіе среднихъ вѣковъ и нашихъ дней — одно и то-же за исключеніемъ кое-какой разницы въ словарѣ. Викела основывался лишь на томъ, что πηλά изъ живого говора ему не было извѣстно, а Вагнеръ ему повѣрилъ потому, что онъ грекъ. Между тѣмъ въ «Синаксарѣ» относительная частица является только въ видѣ ὁποῦ, а отъ глагола λέγω употребляются только полныя формы наст. вр., λέγω, λέγει и λέγουν. Правда, въ ст. 388 встрѣчается λέσιν, но хотя бы уже стоящая и выше (ст. 376) и ниже (ст. 392) на томъ-же мѣстѣ стиха форма λέγουν ясно опредѣляетъ грамматическое употребленіе автора. Кромѣ того, если бы авторъ могъ и захотѣлъ воспользоваться формами ποῦ и λές, онъ, вѣроятно, расположилъ бы слова въ такомъ порядкѣ: αὐτὰ ποῦ λὲς σκατά εἶναι или — εἶναι σκατὰ.

Ст. 260—264: τότε ἰδὼν ὁ γάδαρος καὶ ὅλως ἀπελπίσας
καὶ πρὸς αὐτὰς φθεγξάμενος τοιαῦτα ἀναφέρει
«καλὰ νὰ τ' ἐγνωρίσετε, ἀφένταις ἐδικοί μου,
ἀπὸ τὸ μαρουλόφυλλον ἐκεῖνον ὅσον εἶπα,
ἄλλον οὐδὲν ἐπίσταμαι, ὁ οὐρανὸς τὸ βλέπει».

Πρὸς αὐτάς, если не есть какое-нибудь неизвѣстное мнѣ обстоятельственное выраженіе, какъ ἐξ αὐτῆς (см. мои упомянутые выше «Замѣтки» къ ст. 493), что̀, впрочемъ, очень сомнительно, должно быть исправлено въ πρὸς αὐτὰ «на это» или въ πρὸς αὐτούς. Въ слѣдующемъ стихѣ обращаетъ на себя вниманіе количественное ὅσον. Если бы смыслъ мѣста былъ таковъ: «кромѣ всѣхъ тѣхъ листовъ латука, о которыхъ я сказалъ», авторъ употребилъ бы, вѣроятно, множественное число; но ослу, который произносилъ эти слова въ свое оправданіе, отнюдь не было выгодно намекать на то, что его продѣлка, описанная въ приведенныхъ выше ст. 228 и 229, повторялась неоднократно. Возможно впрочемъ, что ὅσον εἶπα значитъ здѣсь: «въ указанной мною мѣрѣ», т. е. не свыше ея; правда, такой образъ выраже-

нія былъ бы неясенъ. но съ такими сравнительно невинными недостатками въ изложеніи у византійцевъ приходится довольно часто мириться.

Ст. 292—297: ὁ λύκος δὲ ὡς ἤκουσεν τῆς ἀλουποῦς τοὺς λόγους
καὶ πῶς καὶ τὴν συγκρότησιν ἐπίστευσεν εὐθέως,
καὶ λέγει πρὸς τὸν γάδαρον «γάδαρε, δεῖξέ μέ το».
καὶ λέγει ὁ γάδαρος εὐθὺς μετὰ χαρᾶς «αὐθέντη,
ἀνέβα εἰς τὸ πόδωμα κ' ἐκεῖ νὰ σὲ τὸ δείξω,
καὶ κάτσε ἀνακούρκουδα καὶ 'ς τὰ ἐμπρός σου σκόπει.

Неизвѣстно, какъ понималъ Вагнеръ ст. 293, а понять его мудрено. Вѣроятно, слѣдуетъ читать: καὶ πῶς καὶ τί 'συγκρότησεν «какъ и что она затѣяла», — разумѣется, съ запятой послѣ глагола. Въ ст. 295 μετὰ χαρᾶς принадлежитъ уже къ отвѣту осла, что̀ Вагнеръ, если не зналъ этого обычнаго и до сихъ поръ выраженія («охотно»), могъ бы усмотрѣть изъ параллельныхъ ст. 417 и 418 риѳмованной Διήγησις:

ἐκεῖνος τ' ἀποκρίθηκε καὶ ἔπαψε νὰ κλαίγῃ
«μετὰ χαρᾶς, ἀφέντῃ μου, εἴ τι ὁρίσεις» λέγει.

Послѣ μετὰ χαρᾶς слѣдуетъ, конечно, и въ разбираемомъ мѣстѣ поставить запятую, а послѣ αὐθέντη — точку или κῶλον. Въ πόδωμα недостаетъ конечнаго ν, которымъ въ нарѣчіи автора былъ снабженъ именительный падежъ ед. ч. всѣхъ словъ средняго рода, какъ и винительный всѣхъ склоненій: χάρισμαν, πόδαν и т. п.

Вторая половина ст. 297 представляется по рукописи совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели у Вагнера, какъ явствуетъ изъ его-же свидѣтельства: «non potui refingere hunc versum, praesertim cum litterae hic admodum difficiles sint lectu: καὶ τὰ ἐνμπροσθανάσσου πο[δs]». Два послѣднія сочетанія буквъ ведутъ скорѣе къ ἐμπροσθινά σου πόδια или ἔμπροσθέν σου πόδια «твои переднія лапы». Первое выраженіе проще, но нарушаетъ размѣръ; потому предпочтительно второе. Что касается вставки предлога εἰς послѣ καί, то она нужна во всякомъ случаѣ: оселъ требуетъ, чтобы волкъ сѣлъ на корточки и на переднія лапы, т. е. такъ, чтобы его тѣло опиралось на задъ и на переднія лапы. Такимъ образомъ волкъ будетъ именно сидѣть, что̀ не позволитъ ему перемѣнить мѣсто такъ скоро, какъ если бы онъ стоялъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, и въ то-же время морда его окажется поднятой

выше, чѣмъ если бы онъ лежалъ на животѣ, вытянувъ переднія лапы впередъ. Ослу нужно такое положеніе волка для того, чтобы лягнуть его прямо въ морду.

Ст. 304—318: ταῦτα ἐκομπολόγησε ὁ γάδαρος ἐκεῖνος
τὸν λύκον, καὶ ἐποίησεν καθὼς τὸν ὀρδινιάσεν·
ἀνέβην εἰς τὸ πόδωμαν ὁ λύκος καὶ ἐκάτσεν,
κ' οὖλον τὸν ἐκατέστησεν 'ς τὸν ποῦντον ὅπου πρέπει,
γριλόνει ὁ λύκος νὰ ἰδῇ τὸ πότε νἄλθῃ χάρις,
πότε ἰδῇ τὸ πέταλον ἀντάμα μὲ τὴν χάριν·
ὁ γάδαρος *βολύσσει τον, τζιλιπουρδᾷ καὶ κροῦ τον
μὲ ὅλην του τὴν δύναμιν, ὅσον κι ἂν ἐδυνήθην,
κ' ἐκτύπησέ τον μὲ θυμὸν καὶ ἐχαρβάλωσέ τον,
ἔμπροστεν τὸν *ἐρόντζεψεν 'ς τὴν μέσην τοῦ πελάγους.
εὐθὺς βάνει τὸν φώναρον καὶ ἐξεματζουκόνει
καὶ σφυροκατουρεῖ συχνὰ καὶ συχνοπορδαλίζει.
σηκόνει τὴν οὐράκλαν του, ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα,
καὶ οὐριάζει καὶ τζηνᾷ καὶ 'ξοίκησεν τὸν κόσμον.
γυρεύει καὶ τὴν ἀλουποῦ μὴ νὰ τὸν κουκουδώσῃ.

Общій смыслъ этого отрывка вполнѣ ясенъ: оселъ, убѣдивъ волка въ какихъ-то благодатныхъ свойствахъ своей подковы, усадилъ его на палубѣ той барки, на которую заманилъ его тотъ-же волкъ съ лисицей, и, будто бы показывая ему обѣщанцую благодать, лягнулъ его нѣсколько разъ такъ ловко и сильно, что онъ, избитый, слетѣлъ въ море, послѣ чего побѣдитель ознаменовалъ свое торжество своеобразными и не совсѣмъ приличными поступками, а затѣмъ бросился на такую-же расправу съ лисой. Картина написана съ чисто византійскимъ реализмомъ, который, быть можетъ, нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ при характеристикѣ животныхъ, привлекавшихъ къ себѣ участливое вниманіе грековъ во всѣ времена. Цѣльности впечатлѣнія, которое должно производить на читателя это описаніе подвига смиреннаго осла, нѣсколько мѣшаетъ порча или неясность нѣкоторыхъ словъ. Прежде всего конецъ ст. 304 и начало ст. 305 грѣшатъ противъ правила, гласящаго, что конецъ 15-сложнаго «политическаго» стиха долженъ совпадать съ концомъ предложенія или самостоятельной части предложенія. Очень легкій способъ устраненія этой неправильности состоитъ, казалось бы, въ томъ, чтобы вмѣсто ἐκεῖνος поставить ἐκεῖνον, а τὸν λύκον καὶ измѣнить въ ὁ λύκος δὲ; но при суще-

ствительномъ ὁ γάδαρος естественнѣе ожидать существительнаго же τὸν λύκον, а въ слѣдующемъ предложеніи — мѣстоименія ἐκεῖνος δὲ. Представляется и третья возможность исправленія—измѣнить только начало ст. 305 по первому способу; но при такой поправкѣ, на первый взглядъ самой невинной изо всѣхъ трехъ, здѣсь предложенныхъ, происхожденіе ошибки далеко не такъ ясно, какъ при второмъ способѣ, который основанъ на предположеніи простой перестановки словъ и связанной съ ней замѣны δὲ посредствомъ καὶ. Кромѣ того, къ ἐχομπολόγησε слѣдуетъ прибавить νῦ ἐφελκυστικόν, согласно съ обычаемъ автора, который 3-е лице ед. ч. историческихъ временъ всѣхъ залоговъ оканчиваетъ на ν.

Въ ст. 307 κ' οὔλον невозможно уже потому, что авторъ «Синаксаря» знаетъ только ὅλος, какъ напр. тутъ-же въ ст. 311. Можно было бы подумать объ исправленіи и этого мѣста посредствомъ перестановки съ перемѣной ου на ω: τὸν κῶλον; но при такомъ чтеніи у насъ оказалось бы странное ἀσύνδετον, до котораго византійцы вообще не охотники. Еще важнѣе то, что ὁ λύκος въ слѣдующемъ стихѣ указываетъ на другое подлежащее, а именно ὁ γάδαρος, въ предшествующемъ предложеніи. Въ силу этихъ двухъ соображеній кажется болѣе вѣроятнымъ обращеніе κ' οὔλον въ κι ὄνταν. Въ ст. 308 передъ χάρις недостаетъ необходимаго здѣсь члена ἡ, который пропущенъ переписчикомъ, можетъ быть, только фонетически, т. е. онъ могъ разумѣть νἄλθ' ἡ χάρις. Объ отмѣченномъ у Вагнера звѣздочкой словѣ въ ст. 310 Спиридіонъ Ламбръ въ Collection de romans grecs на стр. L говоритъ: «ὁ γάδαρος βολύσσει corrigé (т. е., по смыслу, doit être corrigé) en βωλίσσει=βωλίζει». Если это слово значитъ то-же, что βουλίζει или βουλιάζει, иначе βουλᾷ, — «крушитъ, валитъ», то оно, конечно, можетъ подходить по смыслу къ этому мѣсту, но откуда σσ вмѣсто ζ? Эту замѣну нельзя, кажется, объяснить ни лингвистически, ни палеографически. Βωλίσσω, если оно существуетъ или существовало, не наслѣдовано изъ древняго языка, а позднѣйшій не только не образуетъ новыхъ глаголовъ на -σσω, но и перешедшимъ въ него остаткамъ этого образованія придаетъ иныя окончанія, превращая τάσσω въ τάζω, πλήσσω въ πλήκτω, μαλάσσω въ μαλακόνω и т. п. Итакъ здѣсь скрывается или древній глаголъ на -σσω, какъ πατάσσει, (δὲ) πλήσσει, или образованный иначе, только едва-ли на -ζω. Во всякомъ случаѣ догадка Ламбро нуждается въ подтвержденіи. Второй въ этомъ стихѣ глаголъ — τζιλιπουρδᾷ «ля-

гаетъ» — извѣстенъ, но, можетъ быть, неизвѣстно то, что эта форма должна считаться болѣе позднею, чѣмъ употребительная на ряду съ нею до сихъ поръ τζιλιπουρδίζει. Таковъ выводъ изъ этимологіи этого слова (кажется, объясняемой здѣсь впервые) — отъ турецкаго *челіп урмак* «пинкомъ ударить» (пишется *челіб* — дѣепричастіе отъ *челмек* «толкать ногой»), а форма, въ которой турецкіе глаголы переходятъ въ другіе языки Балканскаго полуострова, есть прошедшее время, т. е. въ данномъ случаѣ *челіп урды* (по нынѣшнему выговору—*урду*, но пишется и теперь *урды*). При τζιλιπουρδίζω образовано τζιλιπουρδῶ (т. е. τζιλιπουρδάω или τζιλιπουρδέω) по аналогіи βουλίζω—βουλῶ, βουτίζω—βουτῶ, βρουχίζω—βρουχῶ, ζεματίζω—ζεματῶ, ζουλίζω—ζουλῶ, σφαλίζω — σφαλῶ и т. п. Такимъ образомъ въ «Синаксарѣ» мы находимъ уже турецкое слово. Есть въ немъ и другое того-же происхожденія—μπουσδουγένι (ст. 335) въ видѣ синонима къ ἀπελατίκι (ст. 325 и 338). Но присутствіе какихъ-нибудь двухъ турецкихъ словъ само по себѣ еще не препятствуетъ отнесенію этого памятника къ XIV в. Третій глаголъ въ томъ-же ст. 310, κροῦ, слѣдуетъ писать κρούει (т. е., по выговору, *круй*). Въ ст. 312 находимъ ἐχαρβάλωσε вмѣсто правильнаго ἐχαλάβρωσε (отъ χαλάβρα «развалина», стоящаго въ связи съ χαλάω); но та-же перестановка засвидѣтельствована и въ ст. 370 (гдѣ вмѣсто ἀλλὰ χαρβάλωσέν μας читай ἀλλ' ἐχαρβάλωσέν μας). Къ тому-же перемѣщеніе ρ, какъ въ χλιμιντρίζω вмѣсто χρεμετίζω, χορνιαχτός изъ κονιορτός, πριχύς и πριχάδα при нормальныхъ πικρός и πικράδα, ἀφουκράζομαι изъ ἀκροάζομαι, ῥουμάνι изъ тур. *орман* «лѣсъ, σαρδιβάνι при σαδριβάνι отъ перс.-тур. *шадрван* «фонтанъ», — явленіе обыкновенное. Въ ст. 313 ἐρόντζεψεν, отмѣченное у Вагнера звѣздочкой, какъ испорченное, нуждается лишь въ орѳографической поправкѣ—ἐῤῥόντζεψεν, а впрочемъ, ῥοντζεύω представляетъ собою греческую передѣлку итальянскаго ronzare (съ z =дз) «1) жужжать, гудѣть, 2) швырять» (т. е. вѣроятно, съ такой силой, что брошенный предметъ вслѣдствіе быстроты полета гудитъ въ воздухѣ). Въ ст. 314 ἐξεματζουκόνει (отъ романскаго mazzuca «палица, дубина», какъ ξεσπαθόνω «обнажаю саблю» отъ σπαθίν), повидимому, лучше, нежели находящееся въ ст. 456 риѳмованнаго извода ἐξωματζουκόνει, такъ какъ ἐξε- есть лишь иная форма употребительнаго въ сложныхъ ξε- (вмѣсто ἐξ), а въ такихъ отъименныхъ глаголахъ гораздо обычнѣе (ἐ)ξε-, чѣмъ ἔξω, служащее для выраженія понятія «внѣ, внѣшній» въ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчіяхъ; рѣдкіе глаголы, какъ ἐξω-

βγάνω, не говоря уже о томъ, что они произведены не отъ имени, относятся къ разряду не Zusammensetzung, а Zusammenrückung и потому, если бы не одно удареніе, могли бы писаться въ два слова: ἔξω βγάνω и т. п. Въ ст. 315 σφυροκατουρεῖ едва-ли даетъ какой-нибудь смыслъ: какое отношеніе можетъ быть между σφυρίν «молотокъ» и κατουρῶ? понятно было бы σφοδροκατουρεῖ, противъ котораго нельзя, конечно, привести въ видѣ возраженія то обстоятельство, что это сложное, кажется, не встрѣчается. Глаголъ σὐριάζει, который читается въ ст. 317, значитъ «тухнетъ, воняетъ» и примѣняется обыкновенно къ испорченному яйцу, а потому, въ виду предшествующаго ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα можно предположить, что это лишь ошибка вмѣсто οὐρλιάζει «реветъ»; и странно было бы, если бы при описаніи дѣйствій расходившагося осла остался забытымъ его оглушительный ревъ. Для объясненія темнаго κουκουδώσῃ въ ст. 318 слѣдуетъ прежде всего сравнить слова самой лисицы о томъ-же поступкѣ осла въ ст. 328:

ἐγύρεψεν καὶ μὲ (читай χ' ἐμὲ) πολλὰ μὴ νὰ μὲ κουκουδώσῃ,

изъ котораго видно, что въ ст. 318 τὸν написано (или напечатано) ошибочно вмѣсто τὴν, необходимаго и при чтеніи κακοδώσῃ, предложенномъ Бурсіаномъ. Но κουκουδώσῃ, вѣроятно, правильно: иначе оно едва-ли было бы повторено писцемъ безо всякаго измѣненія, особенно при прозрачности этимологіи и значенія предполагаемаго κακοδώσῃ; къ тому-же κουκουδῶ или, можетъ быть, κουκουδόνω есть вполнѣ допустимое сложное изъ κουκοῦ ср. р. «лакомство» (въ дѣтскомъ языкѣ) и корня δο- (въ δίδω «даю») — «угощать», здѣсь въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ и по-русски: «онъ ищетъ и лисицы въ надеждѣ на то, что ее угоститъ»».

Ст. 329—330: πλὴν τῆς μητρός μου ἡ εὐχὴ καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου
ἔσωσάν με χ' ἐγκρεμνίστηκα 'ς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.

Форма страдательнаго аориста на -τηκα (или -θηκα), свойственная современному намъ языку, за исключеніемъ понтійскаго нарѣчія, не была еще извѣстна средневѣковымъ грекамъ, образовавшимъ это время посредствомъ окончанія -θην, какъ древніе, или, рѣже и, вѣроятно, не повсемѣстно, -θησα. Неумѣстность формы на -θηκα здѣсь доказывается чрезмѣрной длиною содержащаго ее въ себѣ полустишія, такъ какъ въ немъ не 8 слоговъ, а 9. Законное число слоговъ будетъ возстановлено, если изъ ст. 320 (приведеннаго выше по по-

воду ст. 80) мы заимствуемъ форму ἐκρήμνισα. Объ употребленіи κατὰ σύνεσιν множ. ч. (ἔσωσαν) ср. выше ст. 157—158.

Ст. 334—344: «'πέ μοι, κυρὰ συντέκνισσα, καὶ μὲ τὸ ἐξηγήσου
τὸ μπουσδουγένι ποῦ τὸ 'χεν, κ' ἐγὼ οὐδὲν τὸ εἶδα».
[Λέγει] ἂν τό 'χες 'δεῖν, κὺρ σύντεκνε, ἐκ τὴν κοιλιάν του ἐξέβην·
ὁμοιάζει ἡ κοιλία του, ἔχει ἀρματοθήκη,
ματζούκαις καὶ κοντάρια, χοντρὸ ἀπελατίκι,
σκλόπαις, μπουμπάρδαις, βόλια, δισσάκια γιωμάτον,
ἀνακαράδες, βούκινα, χοντρὰ ἀπελατίκια
[συρλάδες καὶ τὰ μπίφαρα, ἀνακαρὰν τὸν λέγουν,]
καὶ βούκινον ὁπῶ 'δωκεν καὶ 'ξοίκησεν τὸν κόσμον,
καὶ ἄλλα πλέα ἴδια
τὰ ὅποια ἀλησμόνησα ἀπὸ τὴν ζάλισίν μου.

Въ рукописи εἰπέ, и въ виду отсутствія примѣровъ усѣченія начальной гласной этого глагола въ «Синаксарѣ» (кромѣ случаевъ послѣ гласной, къ νὰ 'πῶ въ ст. 360) слѣдуетъ сохранить эту форму, что̀ возможно напр. при такомъ чтеніи: εἰπέ μοι (если не μου) το, συντέκνισσα безъ κυρά, какъ въ ст. 117 и 354 (съ κυρὰ ст. 219 и 345, о которомъ ниже). Конечно, еще проще было бы выкинуть μοι, но грекъ скорѣе поставитъ мѣстоименное дополненіе тамъ, гдѣ, съ точки зрѣнія ясности, безъ него можно обойтись, чѣмъ пропуститъ его въ такой связи, при которой оно само собою напрашивается. Рѣшеніе вопроса о томъ, должно ли во второмъ полустишіи μὲ быть измѣнено въ μοῦ, благоразумнѣе отложить до будущихъ изслѣдованій синтаксиса мѣстоименій въ средне-греческомъ языкѣ. Въ ст. 335 слѣдуетъ лишь прибавить конечное ν къ μπουσδουγένι; прочее исправно, такъ какъ ποῦ здѣсь не относительная частица, которая, какъ уже сказано, автору «Синаксаря» была извѣстна только въ видѣ ὁποῦ, а вопросительное нарѣчіе («гдѣ у него была палица»?), что̀ видно уже изъ слѣдующаго καί, замѣняющаго въ простонародномъ языкѣ очень часто союзъ винословный (см. мои «Способы относительнаго подчиненія» стр. 61).

Слово λέγει въ ст. 336 Вагнеръ считаетъ, очевидно, простою вставкой, которую достаточно удалить для полнаго исправленія мѣста; но это едва-ли вѣрно, потому что предувѣдомленіе о началѣ рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Синаксарѣ» (да, кажется, и въ

другихъ памятникахъ этого рода) никогда не опускается. Однакоже нельзя считать это λέγει и частью стиха по причинамъ метрическимъ. Потому весьма вѣроятно, что посредствомъ λέγει передъ ст. 336 переписчикъ замѣнилъ цѣлый стихъ, указывающій на обращеніе лисицы къ волку, какъ ст. 96:

ἡ ἀλουποῦ ἡ πονηρὰ τοιούτους λόγους λέγει

или ст. 359:

ὑπόλαβεν ἡ ἀλουποῦ, τὸν λύκον ταῦτα λέγει,

гдѣ, впрочемъ, вѣроятно, слѣдуетъ возстановить ὑπέλαβεν, судя не только вообще по наличности приращенія въ другихъ мѣстахъ «Синаксаря», но и въ частности по формѣ ὑπελάβετο въ ст. 113. Однако, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что по выдѣленіи глагола λέγει въ особый стихъ первой половиной ст. 336 окажутся слова ἄν τό 'χες 'δεῖν, κὺρ σύντεχνε, въ которыхъ очень подозрительно сокращенное 'δεῖν, неизвѣстное автору. Да и что значитъ здѣсь этотъ оборотъ? Если мы объяснимъ его въ смыслѣ давно-прошедшаго, то въ этомъ памятникѣ нѣтъ ни ἔχω, ни εἶχα для описанія прошедшихъ временъ; если же соединеніе ἔχω съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ имѣетъ обыкновенный у византійцевъ смыслъ долженствованія или возможности, т. е. представляетъ собою оборотъ древній и въ началѣ XV в. (или еще того раньше) признаваемый, вѣроятно, уже до нѣкоторой степени устарѣлымъ, то въ такомъ случаѣ форма 'δεῖν кажется еще менѣе допустимой. На основаніи этихъ соображеній становится правдоподобнымъ такой выходъ: λέγει могло принадлежать къ ст. 336, обозначая одно смѣну говорящаго лица, какъ въ ст. 323:

λέγει «καὶ τί μὲ ἐρωτᾷς καὶ τί μὲ συντυχαίνεις»;

гдѣ подлежащее при λέγει лисица въ противоположность къ ст. 395:

ὁ λύκος δὲ κατὰ λεπτὸν τὴν ἀλουποῦ ἐρώτα,

почему послѣ этого стиха слѣдовало бы поставить точку, а не запятую, стоящую въ текстѣ Вагнера; что же касается словъ ἄν τὸ 'χες 'δεῖν, то они, можетъ быть, передѣланы переписчикомъ, уже употреблявшимъ прошедшія описательныя съ ἔχω, изъ такого-же оборота, какой мы видѣли выше въ ст. 72, т. е., въ нашемъ мѣстѣ, ἄν τό 'χες νὰ ἰδῇς. Понятно само собою, что обѣ эти догадки предполагаютъ опущеніе словъ κὺρ σύντεχνε, какъ позднѣйшей вставки, послужившей,

по всей вѣроятности, причиною сокращенія первоначальной редакціи предшествующихъ словъ. Итакъ вотъ правильный и, по крайней мѣрѣ, безусловно возможный въ XIV в. видъ этого стиха:

λέγει· «ἂν τό 'χες νὰ ἰδῇς, ἐκ τὴν κοιλιάν του ἐξέβην,

т. е. она (лисица) говоритъ: «Если бы ты могъ ее (палицу) видѣть, (то ты замѣтилъ бы, что) она вышла у него изъ живота». Предложенія съ verbum sentiendi въ значеніи сказуемаго послѣ предложеній, выражающихъ условіе или цѣль, опускаются въ новѣйшемъ языкѣ съ такой-же легкостью, какъ и въ древнемъ. Для полнаго пониманія этого мѣста надобно помнить, что волкъ въ самомъ дѣлѣ не могъ видѣть того, о чемъ говоритъ лиса, такъ какъ оселъ ἐξεματζούχωσεν уже послѣ того, какъ оглушилъ его ударомъ копытъ и сбросилъ въ море. — Въ ст. 337 запятую слѣдуетъ поставить не послѣ του, какъ у Вагнера, а послѣ ὁμοιάζει: «похоже (на то, что) у него въ животѣ арсеналъ». Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ пропускомъ союза *что*, весьма употребительнымъ въ греческомъ просторѣчіи (см. «Способы относительнаго подчиненія» (стр. 68) и не чуждымъ языку «Синаксаря», напр. ст. 16:

ὁ δὲ ἰδὼν ὁ γάδαρος αὐτούς, τριγύρω στέκουν

или ст. 349: Ἐφάνη με, ὁ οὐρανὸς ἐχάλασεν ἐπάνω.—Стихамъ 338—344 соотвѣтствуютъ въ риѳмованномъ изводѣ, при всемъ его многословіи, всего два — 483—484:

βουμπάρδαις νἄχῃ μπρνύνζιναις, τουφέκια γεμισμένα,
νἄχῃ καὶ βόλι ἀρίθμητα, δισσάκια κρεμασμένα.

Такое сокращеніе объясняется всего легче тѣмъ, что позднѣйшій перескащикъ не понималъ этого мѣста подлинника отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе незнакомства съ перечисляемыми здѣсь предметами, но главнымъ образомъ потому, что по нѣкоторымъ признакамъ, напр. метрическимъ, считалъ его испорченнымъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ искажено, особенно вставками, изъ которыхъ одну (ст. 341) выдѣлилъ уже Вагнеръ. Онъ-же попытался исправить текстъ въ двухъ мѣстахъ: μπουμπάρδας вмѣсто λουμπάρδαις и δισσάκια вмѣсто δισσάνε, «quod recte emendasse me confido», замѣчаетъ онъ. Та и другая поправка заимствована, очевидно, изъ приведенныхъ выше стиховъ риѳмованной редакціи, авторъ которой, какъ мы видѣли, не зналъ, что̀ дѣлать съ подлинникомъ въ томъ видѣ, въ какомъ его нашелъ.

Поэтому на позднѣйшую версію въ этомъ случаѣ ссылаться опасно. Несомнѣнно, что λουμπάρδαις Вагнеръ измѣнилъ произвольно, такъ какъ λουμπάρδα есть извѣстное названіе особаго рода пушекъ. Возможно и то, что βουμπάρδαις есть только ошибка венеціанскаго изданія, а самъ пересказчикъ написалъ λουμπάρδαις, какъ въ изданіи Якова Гримма. Сомнительно и δισσάχια: такого оружія, кажется, не было, да и заряды едва-ли хранились или перевозились въ саквахъ. Кромѣ того, въ рукописномъ δισσάνε содержится, повидимому, глаголъ ἔνε «есть». Надѣяться на полное возстановленіе первоначальнаго текста трудно, но былъ онъ приблизительно таковъ:

ὁμοιάζει, ἡ κοιλία του ἔχει ἀρματοθήκην·
ματζούκας καὶ κοντάρια, χονδρὰ ἀπελατίκια,
σκλόπας, λουμπάρδας, βόλια, δοξάρια ἔνε γεμάτον,
ἀνακαράδες, βούκινα καὶ ἄλλα πολεμοφόδια,

или, можетъ быть, старѣйшая форма πολεμεφόδια. Впрочемъ, такъ какъ перечисленія различныхъ предметовъ часто соблазняютъ переписчиковъ или читателей къ интерполяціямъ, весьма возможно, что и въ этомъ сокращенномъ текстѣ все еще осталось нѣчто, не принадлежащее автору, а именно третій стихъ, въ которомъ упоминается огнестрѣльное оружіе.

Ст. 345: (καὶ τοῦτο) λέγω ἐγώ, κυρὰ συντέχνισσα, νὰ ἠξεύρῃς.

Слова въ скобкахъ вставлены Вагнеромъ для пополненія стиха, но неудачно, такъ какъ при этой вставкѣ цезура приходится между неотдѣлимыми другъ отъ друга κυρὰ и συντέχνισσα; ср. выше ст. 219 и также κὺρ σύντεκνε, стоящее всегда передъ самой цезурой, въ ст. 97, 288, 336 и 360. Правильно было бы

χ' ἐγώ, κυρὰ συντέχνισσα, λέγω νὰ τὸ ἠξεύρῃς,

съ чѣмъ можно сравнить ст. 97:

ἀφέντη μου, κὺρ σύντεχνε, καλὰ νὰ τὸ γνωρίσῃς.

Ст. 362—366: καὶ τί ἂν ἔνε γάδαρος καὶ περιφρονημένος;
ἴδε τὸν θάνατον αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπιβουλίαν
καὶ ἀδικίαν δόλιον καὶ τὴν συκοφαντίαν,
χωρὶς νὰ πταίσῃ τίποτες ἄξιον καταδίκης,
ἡμεῖς ἐδιεκρίναμεν αὐτὸν τοῦ θανατῶσαι.

Трудно угадать, какъ Вагнеръ понималъ эти стихи: при сохраненномъ имъ рукописномъ текстѣ и съ разставленными такимъ образомъ знаками препинанія едва-ли они даютъ удовлетворительный смыслъ, не говоря уже о конструкціи. Первому можно было помочь отчасти запятою послѣ τί («и что изъ того, если онъ оселъ и презрѣнный?»), но только отчасти, да и то лишь кажущимся образомъ. Прежде всего очевидно, что вмѣсто ἴδε слѣдуетъ написать εἶδε, а при этомъ становится ясно, что предыдущее находится къ послѣдующему въ уступительномъ отношеніи, т. е. «хоть онъ и оселъ» или, ближе къ слѣдамъ подлинной конструкціи, «на сколько онъ ни оселъ». Извѣстно употребленіе τί въ смыслѣ «какъ, какой» или «сколько, коликій», напр. въ знаменитомъ нѣкогда изреченіи:

Ὦ Ἀθήνα, πρώτη χώρα,
τί γαϊδάρους τρέφεις τώρα!

Такъ уже въ византійскомъ Ἀναχρεόντειον (39):

τί χαλόν ἐστι βαδίζειν! —

(см. «Способы относительнаго подчиненія» стр. 72). Но вопросительное мѣстоименіе возможно только въ вопросѣ и въ восклицаніи, а при подчиненіи нужно относительное ὅ τι, слѣдовательно здѣсь καί ὅ τι или κι ὅ τι съ συνίζησις=*кьёти*. Впослѣдствіи въ этой конструкціи передъ ἄν является καί (см. тамъ-же стр. 81), почему переписчикъ, считавшій этотъ союзъ существеннымъ въ такой связи, не понялъ ὅ τι ἄν ἔνε и постарался внести въ эти слова доступный ему смыслъ посредствомъ превращенія ὅ τι въ τί. Такъ какъ ст. 365—366, не завися грамматически отъ предшествующихъ, тѣмъ не менѣе содержатъ въ себѣ объясненіе словъ ἀδιχία и συχοφαντία, въ концѣ ст. 366 слѣдуетъ поставить χῶλον. Всѣ эти соображенія подтверждаются ст. 521—524 риѳмованнаго пересказа:

χαλὰ χαὶ εἶναι γάδαρος χαὶ χαταφρονεμένος,
ἄν ἔν χαὶ χαχοῤῥίζιχος χαὶ χαταδιχασμένος,
εἶδε πολλὴν τὴν ἀδιχιὰ χαὶ τὴν χαχοφαντιά μας,
τὴν ἀτοπίαν τὴν πολλὴν χαὶ τὴν συχοφαντιά μας,

гдѣ χαλὰ χαί, какъ и у византійцевъ, употреблено въ смыслѣ позднѣйшаго ἀγχαλά «хотя», а ст. 365—366 подлинника оставлены въ сторонѣ, потому что только поясняютъ предыдущее, ясное и безъ того и вдобавокъ уже нѣсколько размазанное риѳмоплетомъ.

Ст. 376—382: ἀλλὰ τὸ ὄνομα αὐτὸν ἔστησαν νὰ τὸν λέγουν,
ἀπὸ τοῦ νῦν εἰς τὸ ἑξῆς Νίκον νὰ τὸν λαλοῦσιν,
καὶ πλέον γάδαρον αὐτὸν ποσῶς μὴ τὸν εἰποῦσι,
ἀλλὰ Νίκον ἂς τὸν λαλοῦν «ὅτι ἐνίκησέν μας,
τὸν λύκον καὶ τὴν ἀλουποῦ καὶ ἐθανάτωσέ μας,
καὶ μυριοεντροπιάσεν μας
χ' ἐτύφλωσεν καὶ ποῖκε μας μυριοκινδυνεμένους.

Имя Νίκος, какъ здѣсь, такъ и въ ст. 388 Вагнеръ пишетъ съ острымъ удареніемъ — почему? Съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка это, разумѣется, безразлично, но такъ какъ и въ немъ принято держаться древняго правописанія, слѣдуетъ писать Νῖκος съ облеченнымъ удареніемъ. Странно и Νικήτα въ ст. 380 и 393 вмѣсто Νικῆτα. Ужь если отступать въ такихъ случаяхъ отъ обычныхъ правилъ, благоразумнѣе было бы ставить на προπερισπώμενα передъ энклитиками лишь одно удареніе, напр. χ' ἐποῖκε μας, а не καὶ ποῖκέ μας, какъ постоянно пишетъ Вагнеръ съ опасностью соблазна для читателей, мало знакомыхъ съ ново-греческимъ произношеніемъ. Въ ст. 380 послѣ ἀλουποῦ, очевидно, пропущена запятая. Обрывку ст. 381 Вагнеръ придалъ постановкой ударенія на предпослѣднемъ слогѣ глагола видъ перваго полустишія; но слѣдуетъ читать μυριοεντρόπιασέν μας (=*мгрьёэндрдпьясéн мас*), принимая эти слова за второе полустишіе, присочиненное переписчикомъ на основаніи ст. 382 и 373:

καὶ ἔποικέν μας ἄπρακτους καὶ ἐντροπίασέ(ν) μας.

Любопытно однако, что о стыдѣ говорится и въ соотвѣтствующемъ этому мѣсту 532 ст. риѳмованнаго извода:

ἐπῆρέ μας καὶ τὴν τιμὴν καὶ κατεντρόπιασέ μας.

Сама собою навязывается мысль, что вставка лишняго полустишія объясняется первой попыткой того-же позднѣйшаго автора къ переложенію первоначальнаго текста въ риѳмы. Сюда-же, можетъ быть, относится и полустишіе 217, если перелагатель имѣлъ въ виду слѣдующую редакцію:

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου,
νὰ ἔτυχα χ' ἐγὼ ἐκεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσί σου.

Нетрудно допустить, что ему-же мы обязаны искаженіемъ ст. 337—343 съ такимъ-же отдѣльнымъ полустишіемъ, памятникомъ его ра-

боты, при которой представлялись его воображенію различныя редакціи отдѣльныхъ мѣстъ, напр.

ἀναχαράδες, βούχινα κι ἄλλα πολλὰ παιγνίδια,
συρλάδες καὶ τὰ μπίφαρα......
καὶ βούχινον ὁπῶ᾽ ᾽δωκεν, ἀναχαρὰν τὸ λέγουν,

но окончательную отдѣлку получило только двустишіе 337—338, благодаря тому, что для введенія риѳмы достаточно было превратить множественное χονδρὰ ἀπελατίκια въ единственное.

Ст. 389—393: λοιπὸν ὅσοι τὸ ἀκούσασιν καὶ ὅσοι τὸ ἀκούγουν
διὰ τὴν τιμήν σας, γάδαρον ποσῶς μὴ τὸν εἰπῆτε,
καθὼς καὶ ἐπεκράτησεν, τινὲς καλοὶ ἀνθρῶποι
ὡσὰν τὸν ἀφέντην (γάδαρον) γάδαρον δὲν τὸν λέγουν,
ἀλλὰ Νικήτα καὶ Νικὸν ὅσοι τὴν γνῶσιν ἔχουν.

Прежде всего здѣсь надобно исправить интерпункцію, поставивъ послѣ ἀκούγουν и Νικὸν запятыя, а послѣ εἰπῆτε — κῶλον. О ст. 396 Вагнеръ говоритъ слѣдующее: «pro (γάδαρον) codex habet α.., quod Bicela auctore mutavi». Но едва-ли этотъ стихъ напечатанъ такъ, какъ хотѣлъ Вагнеръ, который, конечно, не могъ не замѣтить, что въ немъ одинъ слогъ лишній, именно τὸν, нарушающій ямбическій ритмъ перваго полустишія. Неправильныхъ стиховъ встрѣчается въ рукописяхъ не мало, но въ данномъ случаѣ, если бы τὸν дѣйствительно находилось въ рукописи, было бы непонятно, отчего Вагнеръ, исправляя этотъ стихъ весьма энергически, не выкинулъ мѣшающаго размѣру и ненужнаго по грамматикѣ словечка. Впрочемъ, оставимъ ли мы его на мѣстѣ или устранимъ, все равно — надлежащаго смысла не получимъ. Ожидать здѣсь можно утвержденія, что благомыслящіе люди, когда разумѣютъ осла, зовутъ его не такъ, не осломъ, а Никитой или Никомъ (т. е. «побѣдителемъ народа», Николаемъ). Держась по возможности ближе къ буквамъ, переданнымъ рукописью, этого смысла можно достичь такимъ измѣненіемъ текста (съ ритмомъ, выясненнымъ выше по поводу ст. 139 и 159):

ὅσ᾽ ἂν θέλουν τὸν γάδαρον, οὕτως οὐδὲν τὸν λέγουν.

Въ заключительномъ стихѣ почетное названіе осла является съ необычнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ—Νικὸν. Эта неправильность, вѣроятно, обусловлена энклизой, которой трохаическія слова

часто подвергаются въ цезурѣ 15-сложнаго стиха. Первоначальная причина ритмической слабости трохаическаго слова въ концѣ перваго полустишія коренится, повидимому, въ такихъ случаяхъ сліянія (κρᾶσις) или усѣченія (ἀφαίρεσις), каковы τήθελες или τί 'θελες, τῶχασε или τό 'χασε, ὁποῦπαθε или ὁποῦ 'παθε изъ τί ἤθελες, τὸ ἔχασε, ὁποῦ ἔπαθε, откуда, уже по аналогіи, τι θελεις вмѣсто τί θέλεις, однако не τὸ χανω: дѣло въ томъ, что для такой энклизы необходимо, чтобы предшествующій трохею слогъ имѣлъ на себѣ сильное удареніе, какое свойственно словамъ знаменательнымъ, а изъ служебныхъ почти только отрицанію οὐδέν, отличавшемуся нѣкогда отъ οὐκ приблизительно такъ-же, какъ наше «совсѣмъ не» отъ простого «не». Впослѣдствіи это различіе пропало, а сильное удареніе на οὐδέν осталось, напр. у Ѳеодора Продрома:

αὐτὸς μικρὸς οὐδέν εἶδεν τοῦ λουτροῦ τὸ κατώφλιν,

въ поэмѣ объ Аполлоніи Тирскомъ:

ἐγὼ ἄλλον ἄνδρα οὐδέν θελω εἰ μὴ τὸν δάσκαλόν μου,

въ приведенномъ выше ст. 23 «Синаксаря»:

εἰς τὸ κορμί(ν) μ' οὐδέν ἐχω κρέας ἀλλ' οὐδὲ αἷμα.

Отсюда и позднѣйшее δὲν, хотя обыкновенно произносится безъ ударенія, въ пѣсняхъ иногда превращаетъ слѣдующую за нимъ трохаическую глагольную форму въ энклитику, напр.

ἐτοῦτο ντέρντι δέν εἶναι, ὁποῦ 'χο 'ς τὴν καρδιάν μου

или, въ стихѣ другого размѣра:

τόπον δέν ηὗρα οὐδὲ χωριὸ νὰ μείνω.

Что же касается ударенія καί Νικον, то его можно сравнить развѣ только съ рѣдкими случаями неправильной энклизы, какіе встрѣчаются чуть-ли не у однихъ понтійскихъ грековъ, напр.

μηδὲ πολλά μηδὲ 'λίγα, ἐννέα χιλιάδες.
μὲ τὸ μέλιν, μὲ τὸ γάλαν, μὲ τοῦ ἀρνί τὸ κρέας,

которые допускаютъ ритмическое чтеніе или пѣніе лишь подъ условіемъ выговора *мидéлига* и *метóмелин метóгалан* (съ энклизой даже за четыре слова до цезуры).

Этимъ замѣчаніемъ объ энклизѣ, какъ имѣющимъ болѣе или менѣе общій характеръ, я охотно закончилъ бы свое изслѣдованіе, если бы могъ ожидать, что такъ называемая научная критика отне-

сется къ настоящему моему опыту иначе, нежели къ первому, объ Аполлоніи Тирскомъ, вызвавшему коротенькій отзывъ, содержаніе котораго состоитъ исключительно въ томъ, что предложенныя мною поправки отличаются смѣлостью. Эта оцѣнка, пожалуй, справедлива, въ особенности относительно нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы; но истинная цѣль какъ того изслѣдованія, такъ и этого заключается въ возстановленіи не первоначальнаго текста, которое иногда и невозможно, а языка даннаго памятника. Византійцы писали, какъ извѣстно, на языкѣ двоякаго рода: или на литературномъ, приближающемся къ древнему въ различной степени, смотря по уровню образованія и отчасти по намѣреніямъ автора, или на простонародномъ, хотя рѣдко безъ примѣси книжныхъ, т. е. тѣхъ-же древнихъ элементовъ. Переписчики, по большей части, какъ и естественно, болѣе невѣжественные, чѣмъ писатели, согласно съ этимъ условіемъ поступали со своими подлинниками того или другого склада отнюдь не одинаково: первые они списывали довольно добросовѣстно и если кое-гдѣ искажали ихъ, то лишь вслѣдствіе непониманія или поспѣшности и во всякомъ случаѣ не преднамѣренно, для чего у нихъ и не было необходимыхъ познаній; что же касается подлинниковъ, написанныхъ на просторѣчіи, которое, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, т. е. за вычетомъ кое-чего діалектическаго или устарѣлаго, было вполнѣ доступно самимъ писцамъ, то съ памятниками этой категоріи они стѣснялись мало, и особенно со стихотворными. Послѣднее обстоятельство можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но станетъ совершенно понятнымъ, какъ только мы припомнимъ, что почти вся византійская беллетристика этого рода облечена въ стихотворную форму, тогда какъ такая-же проза имѣла своимъ содержаніемъ мѣстную исторію (напр. хроника Махеры), легенды, записи, частные договоры и т. п. предметы, не представлявшіе пищи для воображенія переписчика и обуздывавшіе его произволъ самой своею сущностью. Нѣкоторые стихотворные памятники средне-греческаго просторѣчія, напр. произведенія Ѳеодора Продрома, такъ называемое поученіе Алексія Комнина (или Спанеи), сказаніе о Дигеніи Акритѣ, въ различныхъ рукописяхъ читаются съ такими варіантами, что возстановить ихъ первоначальный изводъ, по крайней мѣрѣ, при нашихъ наличныхъ средствахъ, прямо невозможно. Но это уже задачи историка литературы, а лингвисту довольно, если ему удастся освободить подлинный языкъ даннаго извода извѣстнаго памятника отъ постороннихъ при-

мѣсей, внесенныхъ въ него переписчикомъ, жившимъ обыкновенно позже автора и бывшимъ часто изъ другой мѣстности, откуда двойной характеръ примѣсей: хронологическій и діалектологическій. Пока не будетъ такимъ образомъ возстановленъ языкъ автора каждаго памятника или хоть каждаго извода, нечего и думать объ исторической грамматикѣ живого греческаго языка не только за время существованія Византійской Имперіи, но и значительно позже, такъ какъ составители печатныхъ изданій до Корая обходились съ такими текстами почти такъ-же свободно, какъ редакторы рукописныхъ изводовъ: стоитъ только припомнить состояніе текста знаменитаго «Эротокрита». Изученіе средне-греческаго языка, основанное на памятникахъ въ ихъ современномъ видѣ, опирается на весьма шаткія основанія, не говоря уже о статистикѣ грамматическихъ формъ, которая и при самомъ надежномъ матеріалѣ даетъ убѣдительные результаты только съ такими пропорціями, какъ напр. 50 : 1, а еще лучше — 50 : 0.

Ѳ. Коршъ.

Ἀνωνύμου ποίημα παραινετικὸν ἐν ἑξαμέτροις.

Α΄.

Τὸ χειρόγραφον

(Codex miscellaneus Janninanus).

Μεταξὺ δωδεκάδος χειρογράφων, ἅτινα κατὰ διαφόρους καιροὺς καὶ τόπους ἐκ βεβαίας καταστροφῆς νὰ διασώσω ηὐτύχησα καὶ ἅτινα ἐν τῇ μικρᾷ μου βιβλιοθήκῃ κατέχουσι τιμητικὴν θέσιν, συγκαταριθμεῖται καί τις μικροῦ σχήματος μικτὸς κῶδιξ — codex miscellaneus, ὡς σημειοῦνται συνήθως ἐν τοῖς τῶν βιβλιοθηκῶν καταλόγοις τὰ ποικίλην περιέχοντα ὕλην χειρόγραφα—τῆς 15-ης ἢ τῶν ἀρχῶν τῆς 16-ης ἑκατονταετηρίδος, ἐξ Ἰωαννίνων τῆς Ἠπείρου προερχόμενος, ἄνευ ἀρχῆς καὶ τέλους καὶ μετὰ πολλῶν ἀτυχῶς καὶ ἐν τῷ μέσῳ χασμάτων. Ὡς δὲ νῦν ἔχει τὸ ἠκρωτηριασμένον τοῦτο χειρόγραφον καὶ κατὰ τὴν ὑπ' ἐμοῦ γενομένην τῶν περισωθεισῶν αὐτοῦ σελίδων ἀρίθμησιν κέκτηται οὐχ ἧττον 332 τοιαύτας. Τὸ μῆκος τῶν σελίδων εἶνε 14 ἑκατοστῶν τοῦ μέτρου, τὸ δὲ πλάτος 10 ἑκατ.

Τὰ $^{2}/_{3}$ περίπου τοῦ περισωθέντος ὅλου κατέχει 1-ον τὸ τυπικὸν ἑλληνικῆς γραμματικῆς, ἧστινος ἡ ἀρχὴ καὶ τὸ τέλος παρέπεσαν ἐν ταῖς ἐξαφανισθείσαις σελίσι (σ. 1—200). Ἐν τῇ σημερινῇ τοῦ χειρογράφου καταστάσει ἡ ἐν λόγῳ γραμματικὴ προπαίδεια ἄρχεται διὰ τῶν ἑξῆς «-- καὶ δράκων, ὧν θηλυκόν ἐστι διὰ τοῦ α, λέαινα γὰρ καὶ δράκαινα καὶ θεράπαινα λέγομεν, πλὴν τοῦ Λάκων, Λάκωνος, οὗ ὅμως θηλυκόν ἐστι Λάκαινα--» (σ. 1), καὶ τελευτᾷ διὰ τῶν ἑπομένων· «-- εἰμὶ τὸ ὑπαρκτικόν, ὃ γίνεται ἀπὸ τοῦ ἕω καὶ πλεονασμῷ τοῦ ἴ, εἰμί· τὸ β-ον κοινῶς μὲν εἶς καὶ ἀποβολῇ τοῦ σ--», σελ. 200.

2-ον. Μετὰ τὴν γραμματικὴν ἕπεται ἠκρωτηριασμένη πραγματεία περὶ ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς κατ' ἐρωταπόκρισιν (σελ. 201—221), διὰ τῶν λέξεων «-- ἐπεὶ καὶ αὕτη κατιούσας φωνὰς ἔχει καὶ λέγεται νόημα»

τελευτῶσα. Καὶ αὖθις παρέπεσαν ἱκαναὶ σελίδες τοῦ χειρογράφου, ἐν αἷς ἄδηλον, ἂν ἐκτὸς τῆς ἀρχῆς τοῦ ἑπομένου ἡμετέρου ποιήματος περιείχετο καὶ ἕτερόν τι. 3-ον κείμενον εἶναι τὸ παραινετικὸν ποίημα, ὅπερ ἡμεῖς ἕνεκεν τοῦ περιεχομένου αὐτοῦ ἀποκαλοῦμεν οὕτως· ἄδηλον δ' ἂν ἐν τῇ ἀπολεσθείσῃ αὐτοῦ ἐπικεφαλίδι ἔφερεν ἕτερόν τινα τίτλον· μεθ' ὅλον ὅμως αὐτοῦ τὸν ἀκρωτηριασμὸν περιέχει οὐχ ἧττον 271 ἑξαμέτρους, οἵτινες ἀποτελοῦσι 130 περίπου γνώμας ἐν διστίχοις, ἑκάστης γνώμης ἢ παραινέσεως ἐκφερομένης διὰ δύο πάντοτε στίχων (σελ. 222—259). Ἑκάστη σελὶς περιλαμβάνει 7 ἑξαμέτρους, ἐκτὸς τῆς τελευταίας, ἥτις περιέχει 6 μόνον τοιούτους.

Ἕπονται 4-ον κεφάλαια μεταληφθέντα ἐκ τῶν βίβλων τῶν ἀποφθεγμάτων καὶ πράξεων τῶν ὁσίων πατέρων, ἧς ἡ ἐπιγραφὴ «Παράδεισος» (σελ. 260—267) καὶ ὧν ἡ ἀρχὴ ἔχει οὕτως:

Νουθεσίης παράδεισος ὁ τῶν ἁγίων χορός ἐστιν,
ὀδμῆς ἡδείης πείρατα πιπλάμενος·
πᾶς οὖν ὃς παθέεσι πεπλήγει φίλον ἦτορ
δεῦρ' ἴτω ἀμβροσίης ἄνθεα δρεψάμενος».

Καὶ αὖθις παρέπεσαν ἱκαναὶ σελίδες, ὧν τὰ ἴχνη ἔτι κατάδηλα. Ἕπεται δὲ 5-ον ἄνευ ἀρχῆς καὶ τέλους ἡ δι' ἡρωϊκῶν στίχων μετάφρασις τοῦ ψαλτῆρος τοῦ Ἀπολλιναρίου. Μετὰ δὲ τοὺς στίχους τούτους ἕπεται 6-ον τὸ νουθετικὸν ποίημα τοῦ Ψευδοφωκυλίδου (σελ. 281—316), μετ' ὀλίγων μὲν καὶ τοῦτο χασμάτων, ἀλλὰ καί τινων ἀξιολόγων γραφῶν καὶ παραλλαγῶν οὐσιωδῶν ἀπὸ τῶν προχείρων μοι ἐκδόσεων τοῦ Boissonade (Poetae graeci gnomici. Parisiis) καὶ τῆς Ἀνθολογίας τοῦ Bergk.

Οὕτω λ. χ. ἐν στίχῳ 133 ἀντὶ τοῦ «ἀνέλεγκτον» τοῦ Bergk καὶ τοῦ «ἀνάδεκτον» τῆς ἐκδόσεως τοῦ Boissonade ὁ ἡμέτερος κῶδιξ ἔχει «ἄτιτον», καὶ ἀντὶ τοῦ στίχου

πλαζόμενόν τε βοτὸν καὶ ἀλίτροπον οὐχ ὑπαλύξεις
(Bergk στίχ. 142)

τὸ ἡμέτερον χειρόγραφον γράφει:

Πλαζόμενόν τε βροτὸν καὶ ἀλίμενα μήποτ' ἀλέξῃς.

Ἀλλὰ περὶ τῶν παραλλαγῶν τούτων ἐν καταλλήλῳ χώρῳ θέλομεν διαλάβῃ διὰ πλειόνων· ἐπισφραγίσωμεν δὲ νῦν τὴν περιγραφὴν τῶν ὑπολειπομένων σελίδων τοῦ χειρογράφου. Μετὰ τὰ ψευδοφωκυλίδεια παρέπεσαν καὶ αὖθις ἱκαναὶ σελίδες, ἕπονται δὲ 7-ον δύο ὀρθογραφικὰ λεξικὰ κατ' ἀλφάβητον καὶ διὰ πολιτικῶν στίχων, ὡς συνηθίζοντο τὰ τοιαῦτα ὀρθογραφικὰ γυμνάσματα κατὰ τοὺς χρόνους τῶν Βυζαντινῶν πρὸς διδασκα-

λίαν, καὶ ὧν φέρονται διάφοροι συντάκται, ὁ Πτωχοπρόδρομος, ὁ Μιχ. Ψελλός, ὁ Μοσχόπουλος καὶ ὁ Γεώργιος ὁ Ζυγαβηνός, καὶ ἅτινα κατεχωρίσθησαν ἐν τῷ Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France (1874 καὶ 1876) ὑπὸ E. Miller. Ἐκ τοῦ πρώτου ἀλφαβητικοῦ λεξικοῦ (σελ. 307—311) φέρονται μόνον τὰ στοιχεῖα υ καὶ ω, καὶ ταῦτα ἠκρωτηριασμένα· τὸ δεύτερον ἀλφάβητον φέρεται πλῆρες (σελ. 312—332). Τὰ ἐν λόγῳ ὀρθογραφικὰ λεξικὰ [1]) παρέχουσιν οὐκ ὀλίγας παραλλαγὰς πρὸς τὰ ὑπὸ τοῦ E. Miller δημοσιευθέντα.

Β΄.

Τὸ παραινετικὸν ποίημα. Εἰσαγωγή.

Ἴδωμεν νῦν ἐκ τοῦ σύνεγγυς τὸ ἡμέτερον ποίημα καὶ εἰκοτολογήσωμεν περὶ τῆς πιθανῆς αὐτοῦ χρονολογίας καὶ τοῦ στιχουργοῦ αὐτοῦ, ἐφ' ὅσον ἡμῖν τοῦτο γλωσσικοὶ καὶ ἕτεροι ἐσωτερικοὶ λόγοι ἐπιτρέπουσιν. Ἐκ τοῦ περιεχομένου αὐτοῦ μόνον κρίνοντες ἠδυνάμεθα νὰ θεωρήσωμεν τὸ ἡμέτερον ποίημα ὡς συνέχειαν τρόπον τινὰ καὶ ἐξακολούθησιν τῆς τῶν ἀρχαίων γνωμικῆς ποιήσεως, ἧς κορυφαῖοι ἀντιπρόσωποι ὁ Θέογνις, ὁ Σόλων, ὁ Φωκυλίδης κ. ἄ., διότι αἱ πλείονες τῶν ἐν διστίχοις ἐκφερομένων γνωμῶν τοῦ παραινετικοῦ τούτου ποιήματος ὑπενθυμίζουσιν ἡμῖν τὰς ἰδέας καὶ γνώμας τῶν ἀρχαίων προτύπων, ὡς καὶ πολλὰς παραινέσεις ἐνίοτε τοῦ Ἰσοκράτους καὶ τοῦ Πλουτάρχου, ἔτι δὲ καί τινας τῶν γνωμῶν τῶν ἀρχαίων κωμικῶν, ὡς θέλομεν ἴδῃ κατωτέρω· καὶ ὅτε κατὰ πρώτην φορὰν ἀναγινώσκει τις τὸ κείμενον τοῦ ποιήματος τούτου, εἰσέρχεται εἰς τὸν πειρασμὸν νὰ κατατάξῃ αὐτὸ εἰς ἐποχὴν πολὺ προγενεστέραν ἐκείνης, εἰς ἣν ἀληθῶς ἀνήκει, καὶ περὶ τῆς βυζαντιακῆς αὐτοῦ ἐποχῆς νὰμφιβάλῃ· μετ' ἐπισταμένην ὅμως αὐτοῦ ἀνάγνωσιν καὶ φιλολογικὴν ἔρευναν τοῦ κειμένου πείθεταί τις εὐκόλως, ὅτι εὑρίσκεται πρὸ ἔργου βυζαντινοῦ στιχοπλόκου, τῆς ἀρχαίας ἑλληνικῆς τρίβωνος καὶ μύστου καὶ διεξελθόντος οὐ μόνον τοὺς γνωστοὺς ἡμῖν τῆς ἀρχαίας Ἑλληνικῆς Ἀνθολογίας θησαυρούς, ἀλλὰ πολὺ πιθανῶς ἴσως καὶ ἑτέρας ἄχρις ἡμῶν μὴ περιελθούσας τῶν ἀρχαίων γνώμας, καὶ ὑπὸ τὴν ἔποψιν ταύτην τὸ παραινετικὸν τοῦ ἡμετέρου ἀνωνύμου βυζαντινοῦ ποίημα παρέχει οὐ σμικρὸν διὰ τοὺς φιλολο-

---

1) Ἴδ. περὶ τῶν τοιουτων ὀρθογραφικῶν λεξικῶν καὶ K. Krumbacher: Byzantinische Litteraturgeschichte σελ. 336 τῆς 1-ης ἐκδόσεως.

γοῦντας ἐνδιαφέρον. Ἕτερος λόγος, ὅστις πείθει ἡμᾶς περὶ τοῦ ὅτι ὁ ἡμέτερος ἀνώνυμος ἐπωφελήθη τῶν κλασικῶν προτύπων καὶ ὑποδειγμάτων ἐστίν, ὅτι ἄρχουσιν παρ' αὐτῷ αἱ ἑλληνικαὶ καὶ ἐθνικαὶ (=heidnische) ἰδέαι (πρβλ. στίχ. 48—49—50. 80—81. 108—109. 126—127. 178—179. 218—219 κ. λ.). Οὐχ ἧττον ἔν τισι χωρίοις προδίδεται τὸ χριστιανικὸν τοῦ στιχουργοῦ συναίσθημα (πρβλ. στίχ. 40—42—60—62—90—92—98. 99. 186—187. 232—233. 234—235). Ἐκτὸς δὲ τούτων ἡ γλῶσσα τοῦ ποιήματος καὶ οἱ ἑξάμετροι, μολονότι ἐν πολλοῖς ῥέοντες, οὐχ ἧττον ἔν τισι στίχοις δὲν εὐοδοῦνται (ἴδ. στ. 180. 214. 174), ἐκτὸς ἐὰν ἀποδώσωμεν τὰ ἁμαρτήματα ταῦτα εἰς ἀπροσεξίαν καὶ ἀβλεψίαν τοῦ μεταγενεστέρου ἀντιγραφέως. Γνωστόν, ὅτι αἱ τῶν ἀρχαίων γνῶμαι ἐκφέρονται συνήθως ἐν διστίχοις, ἑνὶ ἑξαμέτρῳ καὶ ἑνὶ πενταμέτρῳ. Ὁ Βυζαντινὸς ἀνώνυμος ἐκφέρει τὰς γνώμας αὐτοῦ ἐπίσης ἐν διστίχοις, ἀλλ' ἀμφοτέροις ἑξαμέτροις καὶ ἄνευ κοσμητικῶν ἐπιθέτων, οὐδ' ἐν λόγῳ ἐπηνθισμένῳ, ἀλλ' ἁπλῷ καὶ ὅσον ἔνεστι λακωνικῷ ἐκφράσεως τρόπῳ· ἐφ' ᾧ καὶ ἐν τέλει τοῦ ἔργου αὐτοῦ οὐχὶ ἄνευ βυζαντινοῦ τινος στόμφου ὁ ἡμέτερος ἀνώνυμος στιχοπλόκος καυχᾶται (στίχ. 270—271):

θαυμάσεις ἔπεσι στιχουργήσαντά με γυμνοῖς,
τοῦτο δὲ νοῦ βραχύτης δρᾷ σύνδυο ταῦτα τιθεῖσα.

Ἐκ τοῦ λεξικολογίου τοῦ ποιήματος, ἀνήκοντος κατά τε τὴν σύνταξιν καὶ τὴν λέξιν εἰς τὸν ἀρχαῖον ποιητικὸν λόγον, οὐχ ἧττον σημειωθήτωσαν αἱ λέξεις ἐμβρίμημα = δόσιμον καὶ ὀλεσίθυμον (στ. 151), αἵτινες δὲν φέρονται ἐν τοῖς χρόνοις τῶν κλασικῶν συγγραφέων. Ἐξ ὅλων τούτων συμπεραίνομεν περὶ τῆς βυζαντινῆς τοῦ ποιήματος ἐποχῆς· ἀλλ' ὅσον ἀφορᾷ πρὸς τὸν στιχουργήσαντα φυσικῷ τῷ λόγῳ δὲν δυνάμεθα περὶ τούτου μετὰ θετικότητός τι νἀποφανθῶμεν. Τολμηρὸς δ' ἤθελεν εἶσθαι, νομίζομεν, ὁ ἰσχυρισμός, ὅτι, ἐπειδὴ ἐν τέλει τοῦ χειρογράφου φέρονται τὰ δύο ὀρθογραφικὰ λεξικά, ὧν πιθανοὶ στιχουργοί εἰσιν ὁ Πρόδρομος, ὁ Ψελλὸς ἢ ὁ Ζηγαβηνός, εἷς τούτων τυγχάνει καὶ ὁ τῶν παραινετικῶν τούτων γνωμῶν πιθανὸς στιχοπλόκος. Πρὶν ἢ κλείσωμεν τὴν μικρὰν ταύτην εἰσαγωγήν, ἐπισυνάπτομεν ἐνταῦθα καί τινας συγκρίσεις τῶν γνωμῶν τοῦ ἡμετέρου ἀνωνύμου πρός τινα χωρία τῶν ἀρχαίων κλασικῶν, ὑφ' ὧν, ὡς φαίνεται, ὁ ὑμέτερος στιχουργὸς ἐνεπνεύσθη. Ἡ δὲ συγγένεια τῶν νοημάτων τινῶν διστίχων τοῦ ἡμετέρου ἀνωνύμου πρός τινας τῶν γνωμῶν τοῦ Ψευδοφωκυλίδου, εἰς ἃς ὑπὸ τὸ κείμενον παραπέμπομεν, ὡς καὶ πρός τινας τῶν γνωμῶν τῶν ἀρχαίων κωμικῶν, εἶναι βεβαίως προφανής. Οὕτω λ. χ. τὸ δίστιχον 260—261:

Ἂν ὠνήσῃ σαυτῷ δμῶας πρὸς θεραπείην,
σφᾶς τε καλῆς δούλους, κἀνθρώπους ὄντας ἐπίστω.

ὑπενθυμίζει ἡμῖν τοὺς στίχους τοῦ Φιλήμονος

(Boissonade ἔ. ἀ. σελ. 202):

Κἂν δοῦλος ᾖ τις, οὐδὲν ἧττον, δέσποτα,
ἄνθρωπος οὗτός ἐστιν, ...

Καὶ ὁ 41 στίχος τοῦ ἡμετέρου ποιήματος

θνητὸς ἐὼν γὰρ καὶ περὶ θνητῶν ἔσο μεριμνῶν

ὑπενθυμίζει τὴν μονόστιχον γνώμην

θνητὸς πεφυκὼς μὴ φρονῇς ὑπέρθεα

(Boissonade σελ. 219)

Καὶ ὁ στίχ. 76

μὴ πίστευε ἀεὶ τῷ ἀπαγγέλλοντί σοι ἄττας

ὑπενθυμίζει τὴν μονόστιχον γνώμην:

Μὴ πάντα πειρῶ πᾶσι πιστεύειν ἀεί.

(Boissonade σελ. 231).

Τὰ δὲ περὶ τέχνης (στίχ. 196—197) ἔχουσι μεγάλην ὁμοιότητα πρὸς τὰ ὑπὸ τοῦ Ἱππάρχου λεγόμενα

τὰ μὲν γὰρ ἄλλα καὶ πόλεμος, καὶ μεταβολαὶ
τύχης ἀνάλωσ'· ἡ τέχνη δὲ σώζεται.

(ἔνθ. ἀ. σ. 184).

Ὁ δὲ 241 στίχ.

Ἴθ' ἐν προστασίᾳ χαρίης ἵνα φίλτερος εἴης

ὑπενθυμίζει τὴν Εὐριπίδειον ῥῆσιν:

Τὰς χάριτας ὅστις εὐγενῶς χαρίζεται,
ἥδιον ἐν βροτοῖσι.

(ἐν τῷ λόγῳ Λυκούργ. κατὰ Λεωκρ.).

Τέλος ὁ στ. 122

Ὠφέλιμον θεράποντος βουλὴν μήτι παρέλθῃς

ταὐτίζεται σχεδὸν μετὰ τῆς τοῦ [Ψευδο]φωκυλίδου γνώμης:

λάμβανε καὶ βουλὴν παρὰ οἰκέτου εὐφρονέοντος

(Bergk Anthologia v. 228).

Γ'.

Τὸ κείμενον.

(Ἀνωνύμου ποίημα παραινετικόν).

. . . .

σελ. 222. δεῖ γὰρ προκρίνειν τό γε συμφέρον ἔσθ' ὅτε πλούτου·
[ἐ]μβριθὴς[1]) ἔσο καὶ πρᾶος, ὥς γε τὰ πράγματ' ἀπαιτεῖ·
πρὸς γὰρ τοὺς καιροὺς ὁ σοφὸς μεταβάλλετ' ἀμέμπτως.
*[Μ]εμφομένης ἀλόχου δούλοις προπετῶς μὴ ἀκούσῃς·
πολλάκις γὰρ ὃν πόσις φιλέει, στυγέει[2]) παράκοιτις.
[Ε]ἰ σὺ παραινεῖς μέν τινι, κεῖνος δ' οὐκ ἐπακούει
καί μιν ἄριστα μάλιστα φιλεῖς καὶ ἀφίστασο τοὔργου.
σελ. 223. [Μ]ὴ ἀνθίστασο, μηδ' ἐρίδαινε λάλοις ἀδολέσχοις,
ὅττι[2a]) λόγος πᾶσιν[2b]) δέδοται, ξύνεσις δ' ὀλιγίστοις.
[Τοὺς] ἑτέρους[2c]) φίλει, ὡς καὶ σαυτῷ φίλτατος εἶναι·
ὡς καλοῖς καλὸς ἴσθι, ὡς μὴ βλαβερόν τι σοι ἥξει.
[Θ]ρύλους φεῦγε, νέος μὴ μυθοπλάστης δόξῃς·
οὐδένα μὲν σιγῇ[3]), τὸ δ' ἐναντίον ἤκαχε πολλούς[4]).
[.]τεῦτο (;) τί σοί τις, μὴ σύ γ' αὖ ἑτέρῳ καθυπόσχῃ·
καὶ γὰρ μετριότητι φίλοι γλυκεροὶ συνέρχονται.
σελ. 224. [Μ]ὴ ὄκνει μεγάλως αἰτίζειν, τά γε μικρὰ προέσθαι,
ὅττι[5]) χάρις φιλέοντας ἐν ἀλλήλοισι συνάπτει.
[Ν]είκεα τοῖς ἑτάροισι κομίζειν πάγχυ φυλάσσου·
μῖσος γὰρ τρέφει ὀργή, ὁμοφροσύνη φιλίην δέ[5a]).
[Ε]ἴ σε πρὸς ὀργὴν ἀμπλακίη δμώων ὀροθύνει,
σαυτὸν μαλθάσσειν ὡς τῶν οἰκείων φείσῃ.
σελ. 225. [Σ]οῦ[6]) κρατέειν δύνῃ, ἐσθ' ὅτε καρτερίῃ περιγίγνου....
[Φ]ρούρει ὅττι[6a]) μάλιστα, τάπερ καμάτοις ἐπορίσσω[6b]).
ἐν[7]) ζημίῃ γὰρ κάματος πενίην ἐποφέλλει[8]).
[Ε]ὐπραγέων εὐεργετικὸς μὲν πολλάκι[8a]) γίγνου
σεῖο φίλοις, σαυτῷ δ' εὐεργετικώτατος ἀεί.

---

1) μβριμθίς. 2) στεγέει. 2a) ὅτι. 2b) πᾶσι. 2c). φετέρους. 3) σιγῇ. 4) πολους. 5) ὅτι. 5a) δὲ φιλίην. 6) οὔ. 6a) ὅτι. 6b) καμάτοισι πορίσω. 7) εἰζημ. 8) εποφέλει. 8a) πολλάκις.

*) Τὰ ἐν ἀγκύλαις [ ] ἀρχικὰ γράμματα τῶν διστίχων ἐλλείπουσιν ἐν τῷ χειρογράφῳ· ὁ ἀντιγραφεύς, ὡς εἰκάζω, ἔκ τινων ἄλλων χωρίων τοῦ χειρογράφου, ἐσκόπει νὰ γράψῃ τὰ κεφαλαῖα γράμματα δι' ἐρυθροῦ χρώματος.

[Ε]ἰ μὲν γηπονίας ἐθέλεις μανθάνειν πολυκάρπους
σελ. 226. Ἡσίοδον[9]) μέτιθι κλυτόν· εἰ[10]) δ' αὖ εἰδέναι αἱρεῖ
τὰς βοτανῶν δυνάμεις, [Ν]ίκανδρος τάς σε διδάξει·
[Ε]ἰ δὲ Φρυγῶν ποθέεις Δαναῶν τε δαῆναι ἀγῶνας,
δίζεο θεῖον Ὅμηρον, ὃς Ἄρεος ἔργ' ἀγορεύει·
[Ε]ἰ δέ γ' ἐρᾶν βούλει τοῦ τ' ἐρᾶν τέχνην ἐπιγνῶναι,
στεῖχε Θεόκριτον ἀμφὶ γυναιμανῆ ἡδυμελῆα[11]).
Σὺν σοφίῃ ζῆν κλύε μοι κείνων[12]), ἃ μαθεῖν χρή,
σελ. 227. [ὧ]ν διὰ πᾶς βίοτον παθέων δίχα πάντα διοικεῖ.
Δεῦρ' ἴθι καὶ τίπτε πέλει σοφίη σύ γε μυοῦ.
[Ε]ἰ δύνασαι, καὶ ἀλλοτρίοις ὄφελός ποτε γίγνου,
ὅττι[12a]) φίλους πεπορίσθαι κέρδιον ἢ βασιλεύειν.
[Λ]εῖπε θεῷ μυστήρια καὶ πόλον ὅστις ἐρευνᾷν,
θνητὸς ἐὼν[13]) γὰρ καὶ περὶ θνητῶν ἔσο μεριμνῶν.
[Τ]ίπτε φοβῇ[14]) θάνατον; ἀλόγιστον γὰρ διὰ παντὸς
σελ. 228. πότμον δειμαίνοντα βίου τέρψιν ἀποβάλλειν.
[Ὀ]ργισθεὶς περὶ πράγματος ἀμφιβόλου μὴ ἐρίζειν,
θυμὸς γὰρ παντὶ νόον εἴργει τἀτρεκὲς μαθεῖν.
[Τ]αῖς[15]) δαπάναις χρῶ μείζοσιν εὖτε τὰ πράγματ' ἀπαιτεῖ,
πρὸς δὲ τὸ πρᾶγμα θετὸν καιρὸν ἀνάλισκε δεόντως.
[Φ]εῦγε ἀεὶ τὸ ἄγαν, τὰ δὲ μέτρια καὶ μάλα βούλου·
βαιῷ γὰρ ποταμῷ ἀκλυστοτέρη φέρεται ναῦς.
[Π]ᾶν ὃ φίλοις σοῖς αἶσχος προστρίψει, μάλα κεῦθε,
σελ. 229. μὴ μέμψωνταί γε πλεῖστοι ὅ σε μοῦνον ἀνιᾷ[16]).
[Μ]ή τι βροτοὺς ἀλιτροὺς δόκει ἀμπλακιῶν ἀπόνασθαι,
πρὸς καιρὸν γὰρ ἔλησαν, καιρῷ δ' αὖ φανεροῦνται.
[Σ]ώματος οὐτιδανοῦ δύναμιν μὴ θῇς[17]) παρὰ φαῦλον,
βουλῇ γὰρ κρατεῖ ἔσθ' ὅτε, τὸν φύσις εἶασ' ἀκιδνόν.
[Ἐ]ννοέεις σέο μείονα· τῷ δ' ἐν καιρῷ ὑπείκειν·
πολλάκι[18]) γὰρ κρείσσων πρὸς χείρονος ἥτταν ὑπέστη.
σελ. 230. [Μ]ὴ νεικεῖν[19]), μηδ' ἀντιλέγειν θέλε σοῖσιν ἑταίροις[19a])·
ἐκ τυτθῶν γὰρ μύθων ἔρις μέγα πολλάκις αὔξει.
[Κ]ληδόσι μὴ ἴχνευε τί βούλεται εἰς σὲ τὸ θεῖον·
ὅττι γὰρ ὥρισε σοῦ πέρι, καὶ σέο νόσφι τελέσσει[19b]).
[Β]ασκανίην φυλακῇ πάσῃ τὰ μάλιστα φυλάσσου,
ἣ κῆν μὴ βλάπτῃ, φέρειν γέ μήν ἐστι βαρεῖα.

---

9) ἠσιοδον. 10) ἰδαῦ. 11) ιδομελοια. 12) κεῖν. 12a) ὅτι. 13) ἐόν. 14) φόβον. 15) ἀς. 16) ἀνιᾷς. 17) θεὶς. 18) πολλάκις. 19) νείκειν. 19a) ἑτάροις. 19b) τελέσει.

σελ. 231. [Κ]αρτερόφρων ἔσο, κἢν ἀδίκως σὺ περὶ κρίσιν ἥλως,
οὐκ εἰς μακρὰν γὰρ γελάσει νικῶν τις ἀθέσμως.
Οἰχομένης ἔριδος μὴ λοιδορίαν ἀνενέγκῃς·
σκαιὸν γὰρ μεμνῆσθαι μηνιθμοῖο μετ' ἔχθραν.
Μήθ' αὐτὸν ἐπαίνει, μήτ' αὖθις ψέγε, καὶ γὰρ
τοῦτ'[19c]) ἀνόητοι δρῶσι, κενὴ τοὺς δόξα ταράσσει.
[Ἕ]στ' ἀνάλωμα μένει, χρῶ χρήμασι σοῖς ὀλιγοστῶς·
σελ. 232. βαιῷ γὰρ χρόνῳ τὸ μακρῷ πεπορισμένον ἔρρει.
[Ἄ]φρων γίγνου, ὥς γε τὸ πρᾶγμα ὁ καιρὸς ἀπαιτεῖ·
[ἀ]φροσύνην γάρ που πλάττειν, ἄκρη φρόνησίς ἐστι[19d]).
[Φ]εῦγε ἀσωτίην καὶ σμικρολόγον κακότητα·
αἴδε γὰρ ἀντίπαλοι φήμης ἀγαθῆς τελέθουσιν.
[Μ]ὴ πίστευε ἀεὶ τῷ ἀπαγέλλοντί σοι ἅττα[19e])·
τὴν πίστιν[20]) δ' ὀλίγην νέμε, πλείστων πλεῖστ' ἐρεόντων[21]).
σελ. 233. [Γ]λεύκει οἴνου[22]) σφαλλόμενος, μὴ σαυτὸν ἀθώου·
πλημμελοίη[23]) γάρ τίς ποτε, γλεύκους τόδε ποιοῦντος[24]).
[Β]ουλὴν κοινοῦ ἀπόρρητον γνωστῷ ἐχεμύθῳ·
πιστῷ δ' ἰητρῷ πίστευε χρωτὸς θεραπεύειν[24a]).
[Μ]ὴ βαρέως φέρε μοι εὐημερίην ἀκολάστων·
εὐμενεῖ[25]) γὰρ τοῖσδε τύχῃ, ὄφρα τίσις[26]) σχοίη.
[Π]ρόβλεπε μοῖραν ἐπερχομένην, ἵνα τήνδ' ὑπομείνῃς·
σελ. 234. κουφότερον γὰρ λυπεῖ πᾶν, ὃ προείδομον ἥξειν.
*[Μ]ὴ κατάπιπτ' ἀπογινώσκων ἐν δυσπραγίῃσιν,
ἀλλ' ἔχου ἐλπίδος οὐδενὶ πότμῳ ἀνάνδρως[27]) ἐῶν σε.
[Π]ᾶν ὃ σεαυτῷ πρόσφορον οἶδας, μήτι παρέλθῃς,
ὅττι μέτωπα κομῶντα μετ' οὐ πολὺ[28]) φαλάκρη.
[Δ]έρκεό μοι τά τε ὄντα, τά τ' ἐσσόμεν'[28a]) ὕστερον αὖθις,
ζηλῶν ἐν τούτῳ θεόν, ὃς δύο ταῦτα δοκεύει.
σελ. 235. [Ἔ]σθ' ὅτε γίγνου καὶ ὀλιγαρκής, ὄφρ' ὑγιαίνῃς·
παῦρα τρυφῇ[29]) τε δίδου, τῷ δ' εὐεκτεῖν[29a]) τὰ πλείω.
[Μ]ὴ ψήφου δήμοιο μονώτατος ἐξολιγώρει·
μήποτ' οὐκ ἀρέσῃς τινὶ πολλοῖς ἀντία βάζων.
[Ἔ]στω σοι μελεδώνων πρώτη φροντὶς ὑγείας
καὶ μὴ καιροὺς αἰτιῶ, ἥν σοι νοῦσος ἐπέλθῃ**.

19c) τοῦτο. 19d) ἐστὶ φρόνησις? *Ред.* 19e) ἅττας. 20) πίστην. 21) πλε··ττεροντ. 22) λῖττες οἴνω. 23) πλημελίη. 24) πιόντος. 24a) χροὸς θεραπείην? *Ред.* 25) εὐμενη. 26) τίσὴ. 27) αν αδρ. 28) πολύ ἐστι? *Ред.* 28a) ἐσσόμενα. 29) τρουφή. 29a) εὐεκτεῖν σε? *Ред.*

*) Ὅρα Ἀνθολόγ. Στοβαίου, τομ. Α', σελ. 340.

**) Ὅρ. Émile Legrand Bibliothèque grecque vulgaire I p. v. 6. «Ὅταν σ' ἐπέλθῃ λυπηρόν, μή σε νικήσῃ ἡ θλίψις».

[Τ]ίπτε ἐνύπνια[30]; νοῦς μερόπων γὰρ ἃ βούλεται[30a]) ἀεὶ
σελ. 236. ἐγρήσσων τ' ἐλπίζει καὶ ἐν ὕπνοισι θεᾶται.
[Ὃ]ς δὴ ταῦτ' ἔπεα ξυνετῶς ποθέεις ἀναγνῶναι,
τάσδ' ὑποθημοσύνας μετιών, ὄφελος βίου οὔσας,
[Σ]όν ῥύθμιζε διδάγμασι νοῦν καὶ μή ποτε παύσῃ·
εἰκὼν γὰρ θανάτου βίος ἄμμορος ἐὼν διδαχῆς.
[Ἔ]νθεν δὴ πολὺ κέρδος ἀποίσοιο[31]), εἰ δ' ἀμελήσεις
οὐχ ἐμὲ τὸν γράψαντα, σεαυτὸν δ' ἐξαθερίσεις.
σελ. 237. [Ὀ]ρθῶς ζῆν μύθων[31a]) μὴ ἐπιστρέφου ἀφρονεόντων·
οὐδὲ γὰρ ἡμέτερον διερευνᾶν μῦθον ἑκάστου.
[Κ]ληθεὶς μάρτυς, σωζομένης πρότερον σέο τιμῆς,
*ὅσσον[31b]) ἔνεστι κάλυψον ἁμαρτάδα σοῖο φίλοιο[31c]).
Μύθους μειλιχίους τε καὶ αἱμυλίους πεφύλαξο·
νημερτὴς ἁπλότης ἀγαθή, δολίη δὴ ἐπακτή[31d]).
[Ν]ωθρείην φύγε, ἀργίην τοῦ ζωτικοῦ οὖσαν·
σελ. 238. ψυχῆς ἀδρανέος[31e]) γὰρ χαύνωσις χρόα[31f]) τήκει.
[Ἔ]σθ' ὅτε παρβολάδην σέο φροντίσι μίγνυε τέρψεις,
ὄφρα φέρειν θυμὸς φίλος ὀντιναοῦν πόνον ἴσχῃ.
[Μ]ήτε λόγου, μήτ' ἔργου ἐπιδράξῃς ἑτέροιο[31g]),
μὴ τῷ σῷ παραδείγματι καί σέ τις αὖθις γελάσσῃ[31h]).
[Κ]λῆρον, ὃν ἔσχες πατρόθεν, ἔγγραφέ μοι[32]) πινάκεσσι[32a])
καί μιν ἀέξων φρούρει, μήτι κακῶς ἐπακούσῃ.
σελ. 239. [Ἂ]ν ἄφενός τοι πλεῖστος ἔοι ποτὶ γήραος[33]) οὐδῷ,
σμικροπόρος μὴ ἴσθι, φίλοισι δὲ[34]) πλουσιόδωρος.
**[Ω]φέλιμον θεράποντος βουλήν, μήτι παρέλθῃς
μηδ' ἑτέροιό τινος γνώμην, εἰ σύμφορος εἴη.
[Ε]ἰ μὴ χρήματά σοι καὶ κτήματα ὡς πάρος εἴη,
ζῆσον τοῖσδ' ἀγαπῶν, ἃ τέως σοι ὁ καιρὸς ὀπάζει.
*** [Μ]ήποτε κουριδίην ἄλοχον ἀγάγῃς[34a]) διὰ φερνήν,
σελ. 240. ὡς μὴ ἀνάγκην[34b]) σχῇς κατέχειν μιν ἐπαχθῆ οὖσαν.

---

30) ἐνύπνοια. 30a) βουλετ. 31) ἀποίσαιε. 31a) ἐθέλων? Ред. 31b) ὅσον. 31c) φίλου. 31d) ἐπάχθης? Ред. 31e) ἀδρανέως. 31f) χρῶχ. 31g) ἑταίροιο. 31h) γελάσῃ. 32) ἔγραφε. 32a) πινάκεσι. 33) γῆρας. 34) φίλοις ἴδε. 34a) ἀγάγη. 34b) ἀνάγκη.

*) Ὅρ. Legrand ἔ. ἀ. σελ. 12 στίχ. 42—43:
Υἱέ μου, ἂν πέσῃ ὁ φίλος σου εἰς ἐντροπὴν κ' αἰσχύνην,
σύνδραμε ὅσον ἠμπορεῖς, κρύψε τὴν ἐντροπήν του.

**) Ὅρ. εἰσαγωγήν.

***) Ὅρ. ψευδοφωκυλίδ. στίχ. 200—201.

[Τ]ῷ πολλῶν παραδείγματι μάνθανε, τίπτε γ' ἔρξεις
ἢ φεύξῃ· βίοτος γὰρ τῶνδε διδάσκαλος ἄμμιν.
[Τ]οῖς δυνατοῖς ἐπιχείρει, μήποτε τοῖσδε πιεσθεὶς
μαψίδιον προλίπῃς[35]) τοὔργον, καματοισιν ἀπειπών.
[Μ]ὴ σίγα τό περ ἔγνως οὐκ ὀρθῶς διαπραχθέν,
μὴ σκαιοὺς ζηλῶν δόξης τὰ τοιαῦτα σιωπᾶν.
σελ. 241. Ἤν τι δικαίως πάσχῃς, καρτερικῷ φέρε θυμῷ,
καὶ σαυτῷ πταίσας σαυτὸν τίνυε δικαστῇ.
[Δ]ίζεο συμμαχίην κριθεὶς παρὰ θέμα δικαστοῦ·
καὐτοὶ γάρ τε νόμοι ποθέουσι δίκῃ διέπεσθαι.
[Β]ιβλία πάγχυ μετέρχεο πολλά, μετέρχεο πλεῖστα·
ποιηταὶ θαυμαστὰ γὰρ ἀλλ' οὐ πιστὰ λέγουσι.
Νουθετῶν ἑτάροις καὶ μέτριος εἰς λόγον ἴσθι,
σελ. 242. μὴ κόβαλος δόξῃς, ὅτε κόσμιος ἔμμεν ὀφείλεις.
[Σ]ῆς ὀργιζομένης ἀλόχου μὴ δείδιθι[36]) φωνάς[37])·
τῆμος γάρ σοι τεύχει ἔνεδρα[37a]) γυνή, ὅτε κλαίει.
[Χ]ρῶ σοῖς χρήμασι καὶ μὴ ἀπλήστως τοῖσδε καταχρῶ[38]).
τῶν γὰρ σῶν δαπανηθέντων, τὰ ξεῖνα ματεύσεις.
[Ἀ]σφάλισαι[39]) τεὸν ἦτορ, μὴ ταρβεῖν ποτε πότμον·
οὐχ ἂν μὴ καλὸς ᾖ, πλὴν τῶν γε κακῶν τέλος ἐστί(;)
σελ. 243. [Μ]ὴ ψυχρῇ στοργῇ σοὺς ἀμφαγάπαζε τοκῆας·
μητέρι μὴ πρόσκρουε θέλων ἀρέσαι[40]) γενετῆρι.
[Ἀ]σφαλέως ζωὴν ὅστις διάγειν ἐπιθυμεῖς *(Ред.)*[41]),
καὶ παθέων ἀμιγὲς φρουρεῖν κέαρ ὠλεσιθύμων[42]),
[τ]άσδε παραινέσεις ἀναγινώσκοις ὅσαι ὧραι·
δήεις γὰρ παρ' αὐταῖς τῷ προσέχειν σε ἄνωγα.
σελ. 244. [Π]λούτου ὑπερφρόνει, ἢν ἐθέλῃς νόον ὄλβιος εἶναι,
οὗ ὁ ἐελδόμενος[42a]) τητώμενος[42b]) αἰὲν ἐπαιτεῖ[42c]).
[Ἀ]γαθὰ τῆς φύσεως οὐχ ἄν ποτέ σοι ἐπιλείψει[42d]),
ἢν ἀγαπᾷς κείνοις ἐς ἅπερ[43]) χρεῖος κατεπείγει.
[Ἂ]ν ἀφύλακτος ἐὼν ἀλόγως[43a]) τὰ σὰ πάντα διοικῇς,
μήτι τύχην λέγε τυφλὴν μὴ τοίην περ ἐοῦσαν.
[Ἀ]ργυρίῳ χρῶ, ἀργυρίου[44]) φιλίην ἀπόειπε,
ἣν οὐδεὶς σοφός, οὐδεὶς τίμιος ἠγάσατ' ἀνήρ.

---

35) προλείπης. 36) δειδι. 37) φονας. 37a) ἔνεδραν. 38) κτχρ. 39) ἀσφάλισε. 40) ἀρέση. 41) ὁ στίχος ἐλλιπὴς καὶ ἀκατάληπτος: σφαλε ζωὴν ὅστις διάγειν ἔρϊσχεις(;). 42) ὠλεσιδομ. 42a) ἐλδόμενος. 42b) τητόμενος. 42c) ἀπαιτεῖ. 42d) ἐπιλείψη. 43) ἄπο. 43a) ἀλόχως. 44) ἀργυρίου δὲ.

σελ. 245. [Ἀ]φνειὸς γεγονὼς ὑγιῆ σέο τὸν χρόα[44a]) τήρει·
ὄλβον ἔχειν, νοσέων γὰρ πλούσιος, οὐχὶ καὶ αὐτὸν (;)[44b]).
[Π]ληγὰς ἔσθ' ὅτε μυστοπόλοιο φέρειν[45]) παρὰ χειρὸς
τλῆθι καὶ ἐμβρίμημα χολωσαμένοιο[45a]) τοκῆος.
*[Π]ρᾶττε τὰ ὠφέλιμα[46]), προσεχῶς δὲ φυλάσσεο κεῖνα,
οἷς τισιν ἀμφίβολος πέλει ἡ τοῦ κέρδεος[46a]) ἐλπίς.
[Π]ᾶν ὃ δύνῃ δοῦναι χάριν αἰτίζοντι[46b]) χαρίζου[47])·
σελ. 246. τοὺς ἀγαθοὺς γὰρ εὖ ἔρξαι ἐν μέρει ἔπλετο κέρδους.
[Π]ᾶν ὁτιοῦν ὂν[48]) ὕποπτόν σοι ταχέως ἀποσείου **[49]),
ὅττι φιλεῖ τὰ πάρος ὀλιγωρηθέντα λυμαίνειν.
[Ἀ]ν ἀκόλαστος ὄρεξις ἐνοχλοίη σε Κυθείρης[50]),
μὴ θέλε χρηστεύεσθαι λιμῷ[51]) γαστρὸς ἑτέρῳ.
[Ἄ]ν προκέηται[51a]) θηρία πάντα ἔχειν διὰ δῆμον[52]),
ἓν κέλομαι, τρομέειν σε τὸν ἄνθρωπον περὶ πάντων.
σελ. 247. [Ε]ἰ σθένος εὐπάλαμον σέο τὸν χρόα[52a]) περιφράττει,
σπεῦδε καὶ εὐφρονέειν, ὡς γὰρ δόξεις ἀνδρεῖος.
[Σ]υμμαχίην παρὰ γνωστῶν αἰτεῖν, εἴ ποτε κάμνεις·
πιστοῦ γὰρ φίλου ἰητὴρ προφερέστερος οὐδείς.
[Ε]ἰ σὺ πταίεις, τί θνήσκει σοῦ ἕκητι τὸ θῦμα;
ἀφραδὲς ἐν ἑτέρου μόρῳ ἔλπεσθαι σωθῆναι.
[Ε]ὗτ' ἂν ἑταῖρον, ἢ αὖ πιστὸν φίλον, ὦ φίλε, δίζῃ,
σελ. 248. οὐχὶ τύχῃ μερόπων ὁ βίος διιχνευτέος ἴτω.
Χρῶ τοῖς κερδηθεῖσι[52b]) φιλοκερδίας ὄνομα[52c]) φεύγων·
τίπτ' ὄφελος πλούτου, εἰ πλουτεῖς αἰὲν ἐπαιτῶν[52d]).
[Τ]ίμιον εἰ φήμην ἐθέλεις βιόων προφυλάσσειν,
σπεῦδε φυγεῖν κραδίηθεν κακὰς τέρψεις βιότοιο.
[Ἀ]ρτίφρων τελέθων νόα[52e]) μὴ χλεύαζε γηραιόν·
πάντεσι γὰρ πολιοῖς παίδων φρένες εἰσὶ νεογνῶν.
σελ. 249. [Κ]αὶ τέχνην μάθε, ὅττι[52f]), τύχης τροχαλῶς ἀπιούσης,
τέχνη μίμνει καὶ μερόπων βίον οὐχ ἀπολείπει.
[Φ]ράζεο πάντα σιωπῇ τίπτε λέγουσιν ἕκαστοι,
ἤθεα γὰρ μερόπων γυμνοῖ λόγος ἠδὲ καλύπτει.

44a) χρῶα. 44b) ὄλβον ἔχει νοσέων γὰρ πλούσιος οὐχὶ βέβαιον? *Ред.* 45) φερ. 45a) χολοομένοιο. 46) ὠφέλημα. 46a) κέρδους. 46b) αἰτίζοντί σοι. 47) ὁ ἑξάμετρος δὲν εὐοδοῦται· ἴδ. εἰσαγ. 48) ὃν. 49) ἀποσι. 50) κιθείρης. 51) λεμῶ. λαιμῷ? *Ред.* 51a) προκέκται. 52) ὁ στίχος ἀκατάληπτος. 52a) χρῶα. 52b) κέρδεσι τῆς? *Ред.* 52c) οὔνομα? *Ред.* 52d) ἀπαιτῶν. 52e) νόον. 52f) ὅτι.

*) Ὅρ. Θέογν. στίχ. 461—462 (Bergk ἔ. α. σελ. 56)
. . . . . . μηδὲ μενοίνα
χρήμασι, τῶν ἄνυσις γίνεται οὐδεμία.

**) Ὅρ. Ψευδοφωκυλίδ. στίχ. 144 «ἀρχόμενον τὸ κακὸν κόπτειν».

[῎Α]σκει σὴν τέχνην, καίπερ τήνδ' ἐκμελετήσας,
ὡς μελέτη γὰρ νῷ ταῖς χερσὶν ἐθισμὸς ἀρήγει.
[Μ]ή ποτ' ἐπερχομένης ὥρης ἐμπάζεο πότμου,
f. 250. οὐ γὰρ δείδιεν οἶτον, ὃς οἶδε βίον διαπαίζειν[53]).
[Μ]άνθανε πρῶτα[54]) πρὸς εἰδότος, αὖ δὲ σόφιζ' ἀδιδάκτως·
τῶν ἀγαθῶν διὰ γὰρ δόσιμον[55]) τελέθει τὸ δίδαγμα.
[Τ]όσσον πῖνε ὅσον δύνῃ, ἣν ἐθέλῃς ὑγιαίνειν·
πᾶσα γὰρ οὖν σπατάλη δεινῆς νόσου ἐστὶν ἀφορμή.
[Κ]ινεῖς ἀμφαδίην τι καὶ ὡς καλὸν δοκιμάζεις[55a]),
f. 251. ἄθρει μὴ τοῦτ' αὖ πάλιν εὐκολίῃ καταμέμψῃ.
Ἐν εὐημερίῃ τἀναντία πάντα φυλάσσου·
῎Εμπαλιν δυσπραγέων τὰ κρείττονα προσδόκα ἥξειν.
[Μ]άνθανε μὴ λήγων, μελέτη γὰρ σοφίην αὔξει[55b])
καὶ μακρῆσι τριβαῖς ὀλίγη σύνεσις ἐπορίσθη.
[Α]ἴνει[55c]) φειδομένως· ὃν πολλάκι[55d]) γὰρ δοκιμάζεις,
ἦμαρ ἓν ἐμφανίσει σοι ποῖός τις φίλος ἦεν.
[Μ]ὴ αἰσχυνθῇς ταῦτα μαθεῖν, ἅπερ οὐ δεδάηκας·
f. 252. αἶσχος μή τι μαθεῖν ἐθέλειν, τὸ δ' ἐναντίον αἶνος.
[Ε]ὐφροσύνη καὶ ἔρις Βάκχῳ Παφίῃ τε σύνεισι,
ὧν τὸ μὲν ἀσπάζου, φεύγειν δ' ἔριδας κέλομαί[56]) σε.
[Τ]ῷ θυμῷ μαλακοὺς καὶ σιγαλέους πεφύλαξο[57])·
Εὔχηλος ποταμὸς γὰρ ἀεὶ τάχα βένθεα κεύθει.
*[Ε]ὖτ' ἂν τῇ[58]) τῶν σῶν ἄχθη χαλεπῶν, φίλος, αἴσῃ[59]),
βλέψον ἐς ἄλλου δυστυχίην πόσον ἔπλετο χείρων[60]).
f. 253. [Τ]οῖς δυνατοῖς ἐπιχείρει, ἅπτεσθαι[61]) γὰρ ἐρετμοῖς
θῖνα βεβαιότερον, ἢ λαῖφος[61a]) εἰς ὕψος ἀείρειν.
[᾿Α]ντίον ἀνδρὶ δικαίῳ μὴ φλαύρως ποτ' ἐρίζῃς[61b])·
τὰς ἀδίκους ὀργὰς γὰρ ἀμύνεται ἶφι τὸ θεῖον.
**[Γ]υμνωθεὶς[62]) τῶν σῶν μὴ ἀνιῶ μηδ' ὀλοφύρου,
χαῖρε δὲ μᾶλλον ἐπεὶ[63]) συνέβη[63a]) σ' ἔχοντ' ἀπολαῦσαι[63b]).
[῞Ε]στι μὲν ἄλγος ἅ τις κέκτητ' ἀποβάλλειν,
f. 254. ἔμπης δ' ἐστὶν ἃ τὸν φρονέοντα φέρειν ἐπέοικε.

53) διαπέζειν. 54) πρῶτον. 55) ῞Ορ. εἰσαγωγ. 55a) δοκιμάζοις. 55b) σοφίην γὰρ ἀέξει? *Ред.* 55c) ἵνες. 55d) πολλάκις. 56) κέλλομε. 57) πεφυλαξω. 58) τη. 59) αἴση. 60) χηρ. 61) ἅπτεσθε. 61a) λέφος. 61b) ἐρίσης. 62) γυμνοθείς. 63) ἐπὶ. 63a) ἐπεί τι? *Ред.* 63b) ἀπολέσαι.

*) ῞Ορ. Boissonade Poetae graeci gnomici p. 198.
**) ῞Ορ. Legrand ἔνθ. ἀ. σελ. 13 στίχ. 51.
«Υἱέ μου, ἂν χάσῃς, μὴ θλιβῇς, μηδὲ κακοκαρδίσῃς».

*[Μ]ὴ μακροὺς σαυτῷ καιροὺς βιοτῆς καθυπισχνοῦ·
ὡς σκιὰ σώματι γὰρ μόρος ἕπεται ᾗπερ ἀφίξει.
[Ἱ]λάσκου θυέεσσι[63c]) θεόν, λίπε μόσχον ἀρότρῳ,
μηδέ μιν εὐμενίσαι δόκει αἵματι καὶ σφαγίοισι[63d]).
(;) [Δ]ὸς τόπον ἠνορέηφι τύχης καὶ ὑπεκκεκακωθείς,
ἥτε γὰρ ἔσχε λυμῆναι σχοίη καὶ ποτ' ὀνῆναι.
f. 255. [Ε]ἴποθ' ἁμαρτήσεις, παίδευε σὺ σαυτὸν ἔπειτα[64])·
τραύματα γὰρ θεραπεύομεν, ἄλγεσιν ἄλγος ἰᾶται[65]).·
[Μ]ὴ πολυχρονίοιο φίλου φιλίην ἀποσείου[66]).
**[Ἴσ]θ' ἐν προστασίᾳ χαρίεις[66a]) ἵνα φίλτερος εἴης,
Καὶ μὴ φῶσί σε τῇ ἀρχῇ ὀλετῆρα κάκιστον.
[Φ]ράζεο μή ποθ' ὕποπτος ἐὼν ἀεὶ ἄθλιος εἴης·
f. 256. πίστις[66b]) γὰρ σπανία πλείστων πλεῖστα λεγόντων.
[Ε]ὖτέ τις αἰνείῃ σε, δικαστὴς ἴσθι σεαυτοῦ,
μηδ' ἑτέροις πείθου πλέον ἢ[67]) σαυτῷ περὶ σαυτοῦ.
[Ε]ὐποιίην ἑτέροιο[67a]) διεξέρχου πολέεσσιν,
εὖ δὲ σὺ ποιήσας ἕτερον σιγῇ τόδε κεῦθε.
[Ἔ]ργα λόγους τε διηγήσῃ[68]) πολλῶν πέρι γῆρας·
[Τ]οιάδε γοῦν νέος ὢν ἔρδ' ὄφρα λέγῃς τὰ σὰ τῆμος.
f. 257. [Μ]ὴ μελέτω σοι, εἴ τινί τις κρύφα κοινολογεῖται·
πᾶς γὰρ ὑπαίτιος ὤν, αὐτοῦ πέρι πάνθ' ὑφορᾶται.
[Ε]ὖ πράττων σύ γε καὶ τἀναντία πάντα φυλάσσου·
οὐ γὰρ ἀεὶ τά γε λοίσθια τοῖς προτέροισι συνᾴδει.
[Ἀ]μφιβόλου τε καὶ ἀδρανέος βίου ἄμμι[68a]) δοθέντος,
ἐν ἑτέρου θανάτῳ μὴ ἐλπίδα σὴν ποτε θείης.
[Ε]ἴ σοι δῶρα πένης φίλος εὐτελῆ ἐγγυαλίξοι...
[69]) . . . .
f. 258. [Δ]ειλοῖς γὰρ καὶ ὑπόπτοις λωΐτερος μόρος ἢ ζῆν.
***[Ἂ]ν ὠνήσῃ σαυτῷ δμῶας πρὸς θεραπείην,
σφᾶς τε καλῆς δούλους, κἀνθρώπους ὄντας ἐπίστω.
[Ἅ]ρπασον αἶψα λαβὴν τὴν πρωτίστως ἐπιοῦσαν,
μηδὲ δίωκε παλίνδρομον, ἣν πάρος ἐξαθέρισας.

63c) θυέεσι. 63d) σφραγίοις. 63e) ἠνορέηφ. 64) ἔπιτα. 65) κατ. 66) ἀποσίου. 66a) χαρίης. 66b) ἡ πίστις. 67) ἥ. 67a) ἑτέροις. 68) διηγήσι. 68a) ἄμμιν. 69) Παρέπεσαν δύω σελίδες, ὧν τὰ ἴχνη κατάδηλα ἐν τῷ χειρογράφῳ.

*) Ὅρ. ψευδοφωκ. στίχ. 115.
**) Ἴδ. Εἰσαγωγ.
***) Ἴδ. Εἰσαγωγ.

f. 259. [Μ]ὴ ἐπίχαιρε κακῶν θανάτοις, φίλος, ἐξαπιναίοις [69a])·
ὅτι καὶ ἐσθλοὶ θνήσκουσ' ὧν βίος ἄμμορος αἴσχους.
[Π]τωχὸς ἐὼν καὶ ἔχων κάλλει περίπυστον ἄκοιτιν,
πλαττόμενον φιλίην κακὸν ἐχθρὸν πάγχυ φυλάσσου.
[Εἰ] συνέβη σε [70]) μαθεῖν μακρὸν ἐσπουδακότα πολλά,
σπεῦδε μαθεῖν καὶ πλείονα, φεῦγε [71]) τὴν ἀμέλειαν.
[Θ]αυμάζεις [72]) ἔπεσι στιχουργήσαντά με γυμνοῖς,
τοῦτο δὲ νοῦ βραχύτης δρᾷ, σύνδυο ταῦτα τιθεῖσα».

69a) ἐφαπινέοις. 70) σοι. 71) φεῦγε δὲ? *Ред.* 72) θαυμάσεις.

Ἐν Ἰασίῳ
30 Μαρτίου 1896.

Ν. Γ. ΔΟΣΙΟΣ
Δ. Φ.

I.

Два надгробныхъ стихотворенія Симеона Логоѳета.

Оба печатаемыя здѣсь стихотворенія заимствованы изъ кодекса Парижской національной библіотеки № 1277 и до сихъ поръ не были изданы. Они списаны С. П. Шестаковымъ.

Первое изъ нихъ было мнѣ давно извѣстно по оглавленію означеннаго кодекса въ каталогахъ и возбуждало мое любопытство именемъ автора, который тутъ названъ Симеономъ Логоѳетомъ. Возможно было предположеніе, что это тотъ самый (Симеонъ) Логоѳетъ, хроника котораго послужила къ продолженію и распространенію Амартола, дошла до насъ въ цѣлости на славянскомъ, а также въ греческихъ болѣе или менѣе измѣненныхъ редакціяхъ съ именами Льва Грамматика и Ѳеодосія Мелитинскаго, однимъ словомъ — тотъ Логоѳетъ, трудомъ котораго мы много занимались въ статьѣ *Византійскаго Временника* за прошлый годъ. Въ сей послѣдней мы, однако, почти не касались вопроса о времени, когда жилъ и писалъ оный Симеонъ, хотя и сознавали, что старая проблема, разъ нами нѣкогда затронутая, требуетъ пересмотра по новымъ накопившимся даннымъ, къ числу которыхъ мы предположительно относили и надгробіе царю Стефану. Теперь, благодаря обязательной любезности профессора Казанскаго университета, С. П. Шестакова, къ которому мы обратились съ соотвѣтствующею нашей потребности просьбою во время его занятій въ рукописномъ отдѣленіи Парижской національной библіотеки, стихотвореніе Симеона можетъ быть обнародовано для всеобщаго свѣдѣнія. Но, кромѣ того, С. П. Шестаковъ списалъ и другое, стоящее въ кодексѣ рядомъ стихотвореніе *«на Мелитинскаго магистра Дисинія»*, принадлежащее, очевидно, тому же автору, то есть Симеону Логоѳету. Г. Шестаковъ замѣчаетъ въ письмѣ къ намъ, что

обѣ пьесы помѣщены непосредственно одна вслѣдъ за другою и притомъ такъ, что заглавіе второй стоитъ въ строку съ послѣднимъ стихомъ первой. Поэтому С. П. Шестаковъ думаетъ, что стоящее въ заглавіи передъ первою слово ἐπιτύμβιοι (надгробные) относится какъ къ первой, такъ и ко второй. Такое мнѣніе можетъ быть принято, хотя, какъ увидимъ ниже, второе стихотвореніе и относится къ живому человѣку, только въ зломъ, ироническомъ смыслѣ выдаваемому за мертвеца, котораго не принимаетъ адъ. Текстъ, писанный въ оригиналѣ мелкимъ шрифтомъ съ частыми сокращеніями, не всегда достаточно разборчивъ; особенно три послѣднія строки второй пьесы возбуждаютъ сомнѣнія. Чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительный смыслъ, мы отступили нѣсколько въ передачѣ ихъ отъ предположеній С. П. Шестакова, но не ручаемся за вѣрность своего толкованія.

Относительно содержанія перваго стихотворенія нужно замѣтить слѣдующее:

Царь Стефанъ былъ сынъ Романа Лакапина (920—944). Отецъ его захватилъ власть и престолъ въ несовершеннолѣтіе Константина Багрянороднаго, за котораго онъ выдалъ свою дочь. Хотя Константинъ формально не лишенъ былъ сана и царскаго титула, но все-таки оттѣсненъ на второй планъ — и даже ниже того, такъ какъ Романъ вѣнчалъ на царство и собственныхъ сыновей, въ числѣ ихъ Стефана. Стефанъ оказался неблагодарнымъ сыномъ; подобно Авессалому (сравненіе принадлежитъ хроникѣ), онъ возсталъ противъ отца и былъ главнымъ виновникомъ его низложенія и ссылки на одинъ изъ острововъ Принкипо (Принцевыхъ). Стефанъ думалъ царствовать вмѣстѣ съ Константиномъ, рожденнымъ въ порфирѣ и потому наиболѣе законнымъ государемъ, но едва минуло сорокъ дней послѣ перваго переворота, какъ послѣдовалъ другой: Стефанъ съ братомъ былъ схваченъ, когда сидѣлъ за обѣдомъ, тоже отправленъ въ ссылку и постриженъ въ монахи. Возмужавшій Константинъ разсудилъ, что сынъ, не пощадившій собственнаго отца, едва ли заслуживаетъ довѣрія со стороны зятя (по сестрѣ). Та же участь постигла и другого сына Романа Лакапина, участвовавшаго въ проискахъ Стефана. Преступнымъ братьямъ позволено было, по ихъ просьбѣ, посѣтить низложеннаго ими отца; увидѣвъ его въ монашескомъ облаченіи, они были поражены «несказанною печалью», говоритъ хроника. Затѣмъ Стефанъ проживалъ въ изгнаніи сначала на островѣ Приконнисѣ, съ

Приконниса былъ переведенъ на островъ Родосъ, съ Родоса въ Митилину (Лесбосъ). Дѣлалось это, вѣроятно, не безъ причины; есть извѣстія о проискахъ въ столицѣ, имѣвшихъ цѣлью возвращеніе одного изъ сыновей Романа на царство. Судьбы Стефана при жизни тщательно отмѣчаетъ хроника Симеона Логоѳета; но о смерти Стефана въ ней не говорится. Изъ другого источника мы узнаемъ, что она послѣдовала въ 963 году (Cedren. II, 346). Отсюда позволительно вывести такое заключеніе, что Симеонъ Логоѳетъ, относившійся къ Роману Лакапину съ большимъ сочувствіемъ, а къ его дѣтямъ съ снисходительнымъ вниманіемъ и состраданіемъ, писалъ свою хронику ранѣе 963 года; иначе онъ отмѣтилъ бы въ ней событіе, которому самъ посвятилъ особое стихотвореніе; тѣмъ болѣе, что и упоминаніе о разныхъ мѣстахъ ссылки выходитъ собственно изъ предположенныхъ рамокъ его хроники, кончающейся низложеніемъ Романа въ 944 году. Если есть другія извѣстія, забѣгающія впередъ еще болѣе, чѣмъ сообщеніе о судьбѣ сыновей Романа, и касающіяся позднѣйшей участи второстепенныхъ участниковъ заговора, поведшаго къ низложенію Романа, то, по нашимъ соображеніямъ, высказаннымъ въ вышеупомянутой статьѣ (Византійск. Времен. II, 133), они составляютъ позднѣйшее дополненіе къ первоначальному тексту хроники Симеона. Въ славянскомъ переводномъ текстѣ ихъ нѣтъ. Въ тождествѣ автора надгробія съ составителемъ хроники не зачѣмъ сомнѣваться.

Стихотвореніе отъ имени покоящагося подъ памятникомъ приглашаетъ прохожаго взглянуть на гробницу царя Стефана и подивиться его многопревратной судьбѣ. «Меня родилъ Романъ, государь (новаго) Рима; онъ далъ мнѣ скипетръ и державу, но я, не боясь суда отчаго, низложилъ родителя съ престола и лишилъ его власти. И вотъ скоро постигла меня божья кара, вызванная отеческими горячими рыданіями; вмѣсто дворца я попалъ на островъ, теченіе нашей жизни повернуло вспять и излилась на насъ буря безмѣрныхъ бѣдствій. Проживъ, подобно Танталу, много горькихъ лѣтъ, какъ неподвижная скала среди волнъ, я воротился изъ Пропонтиды и въ видѣ мертвеца прихожу жить въ своемъ отечествѣ; этотъ столбъ (стила) указываетъ на мою гробницу и на превратность моей судьбы». Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ отцу, чтобы онъ склонилъ къ милосердію высшаго судію, «ибо до какихъ поръ должны продолжаться мои страданія».

Изъ второго стихотворенія, имѣющаго рѣзкій сатирическій характеръ, видно, что Симеонъ Логоѳетъ, въ хроникѣ котораго сообщаются очень отчетливыя и подробныя извѣстія о враждебныхъ и мирныхъ сношеніяхъ Византіи съ арабскими эмирами при-евфратской Мелитены (Малатіи),—интересовался ея положеніемъ и послѣ покоренія ея и обращенія въ византійскую провинцію, что у него въ хроникѣ описано въ числѣ событій 927 года (Leo Gramm. p. 318. Theodos. Meliten. p. 226). Магистръ Дисиній, которому посвящена пьеса, былъ византійскимъ воеводою Мелитены, можетъ быть, первымъ послѣ присоединенія эмирата къ христіанской имперіи. Принадлежность пьесы Симеону Логоѳету имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что этимъ самымъ устраняется возможность изъ близкаго знакомства съ мелитинскими дѣлами въ хроникѣ выводить предположеніе о какихъ-либо особыхъ правахъ на авторство Ѳеодосія *Мелитенскаго*, считаемаго нами просто компиляторомъ или даже переписчикомъ: и Симеонъ Логоѳетъ имѣлъ какія-то особыя отношенія къ Мелитенѣ.

Стихотвореніе преслѣдуетъ Дисинія рѣзкою и даже грубою саркастическою бранью, какъ человѣка низкаго происхожденія, дурного судью и безжалостно жестокаго правителя. Если все принимать буквально, то будущій магистръ и воевода былъ сначала чѣмъ-то въ родѣ фельдшерскаго помощника и кормился тѣмъ, что, переходя изъ одного богоугоднаго заведенія въ другое, изъ одной больницы въ другую, ставилъ промывательные клистиры нуждающимся въ томъ. Судьба возвысила и поставила его среди высшихъ чиновъ синклита, но этимъ только болѣе обнаружила его низкую природу. Онъ любитъ предсѣдательствовать въ судахъ, но выказываетъ при томъ полное свое невѣжество въ законахъ и возбуждаетъ смѣхъ въ средѣ законовѣдовъ. Онъ притворно почитаетъ добродѣтель, но въ сущности всѣмъ заправляетъ и все ведетъ ненависть, которая гнѣздится внутри его души, какъ госпожа. Долгія лѣта совсѣмъ изсушили его тѣло, но адъ не принимаетъ мертвенные останки, онъ отпущенъ на волю, чтобы все пожирать—не только чужія имущества, но и самыя души людей.

Codex Paris. graec. № 1277, fol. 243. Συμεῶνος τοῦ λογοθέτου ἐπιτύμβιοι.

I. Εἰς τὸν κῦριν Στέφανον τὸν βασιλέα.

Τάφον θεώρει, ἀλλὰ τὸν τρόπον βλέπε
καὶ θαύμασόν μου τὸν παλίνστροφον βίον.

αἴ, αἴ τὰ πικρὰ κέντρα τῆς δυσβουλίας·
πατήρ με γεννᾷ Ῥωμανός, Ῥώμης ἄναξ,
τιμᾷ δὲ λαμπρῶς, σκῆπτρα δοὺς καὶ τὸ κράτος.
ἐγὼ δέ, πατρὸς μὴ πτοηθεὶς τὴν δίκην,
τὸν φύντα ῥίπτω τοῦ θρόνου καὶ τοῦ κράτους.
ὁπλίζεται δὲ θᾶττον ἡ θεία δίκη
καὶ πῦρ ἀνάπτει πατρικῶν στεναγμάτων.
καὶ νῆσον εὗρον ἀντὶ τῶν ἀνακτόρων.
ἐντεῦθεν ἡμῖν ῥοῦς παλιρρύτου βίου
καὶ συμφορᾶς ἄπειρος ἐκχεῖται κλύδων.
ζήσας δὲ πικρούς, ὡς ὁ Τάνταλος, χρόνους,
ὥσπερ μέσον τῶν κυμάτων στεῤῥὰ πέτρα,
αὖθις παλιμπόρευτος ἐκ Προποντίδος
νεκρὸς κατοικεῖν στέλλομαι τὴν πατρίδα,
στήλη βοῶσα τὸν τάφον καὶ τὸν τρόπον.
ἀλλ' ἵλεων εὗρ[έ] μοι τὸν κριτήν, πάτερ,
σοῦ συμπαθοῦντος· μέχρι γὰρ τίνος πόνοι;

II. Εἰς Δισίνιον μάγιστρον τὸν Μελιτινῆς.

Κλυστῆρσι τὸ πρὶν κοπροπάγ[ος] ἐτρέφου,
ἐν τοῖς ξενῶσι πανταχοῦ διατρέχων.
ὕψωσεν ἡ τύχη σε συ<γ>κλήτου μέσον
καὶ τοῦ γένους ἔδειξε τὴν ἀκοσμίαν.
φιλεῖς δικάζειν, ἀλλ' ἐν ἀγνοίᾳ νόμου,
γελᾷ σε τὸ πλήρωμα τῶν δικασπόλων,
δοκεῖς δὲ τιμᾶν ἀρετὴν ὑποκρίσει,
ἀλλὰ στρατηγεῖ καὶ διελέγχει φθόνος,
ὃν ἔνδον οἰκουροῦντα δεσπότην ἔχεις.
καὶ νῦν παρακμάσαντα μακρῷ τῷ χρόνῳ
ᾅδου ἀποστρέφει σε [ν]εκρὸν λειψάνοις·
ψυχὰς γὰρ αὐτός, τὰς δὲ πάντων οὐσίας,
ἀφῆκεν ἐσθίειν σε, τῆς γῆς τὸν κόπρον.

II.

Надгробное стихотвореніе Өеодора Продрома на Льва Тцикандила.

Левъ Тцикандилъ, сановникъ времени Іоанна Комнина (1112—1141), управлявшій однимъ византійскимъ воеводствомъ въ Малой Азіи, до сихъ поръ былъ извѣстенъ какъ владѣлецъ сохранившагося до нашихъ дней кодекса Парижской національной библіотеки, содержащаго между прочимъ хронику, которой авторомъ считается Левъ Грамматикъ и которая носитъ названіе *хронографіи новыхъ царей*, будучи въ сущности воспроизведеніемъ второй части труда Симеона Логоөета. Въ концѣ ея Левъ сдѣлалъ собственноручно довольно любопытную, хотя невполнѣ грамотную приписку, выражающую его глубокое благочестіе и надежду на заступленіе Богородицы въ день страшнаго суда. Изслѣдователи византійской литературы успѣли отыскать на страницахъ современнаго Комнинамъ историка, Киннама, фамилію Тцикандила, но только съ именемъ Василія, а не Льва. Между тѣмъ еще въ XVII столѣтіи достопамятный организаторъ луврскаго изданія византійскихъ историковъ, *Ф. Лаббъ*, отмѣтилъ въ своемъ библіографическомъ трудѣ (Bibliotheca nova), что онъ имѣлъ случай читать епитафію Өеодора Продрома, плодовитаго стихослагателя, прославившагося въ первой половинѣ XII вѣка, на гробъ именно Льва Тцикандила. Благодаря любезной обязательности С. П. Шестакова, мы имѣемъ теперь возможность напечатать и эту пьесу на страницахъ Византійскаго Временника. Изъ стихотворенія видно, что Левъ былъ очень знатная особа и даже находился въ родственной связи съ царствующимъ домомъ, такъ какъ жена его Анна по матери принадлежала къ фамиліи Комниновъ. Основная тема епитафіи—самая простая и ходячая, суетность всѣхъ земныхъ благъ: богатство,

знатность, сила и умъ — все дѣлается достояніемъ праха и тонкой пыли. Примѣромъ служитъ лежащій здѣсь трупъ Льва Тцикандила: это былъ мужъ великій въ ратномъ дѣлѣ, страшный врагамъ, вполнѣ оправдавшій свое имя (льва), героическаго образа мыслей, прославившій многими побѣдами землю Авзоновъ (византійскихъ ромэевъ); отъ своей высокорожденной жены онъ имѣлъ троихъ дѣтей мужескаго пола, группа которыхъ изображена тутъ же рядомъ. И вотъ онъ лежитъ подъ этимъ камнемъ, увянувъ, какъ трава; бездѣйствуетъ мѣдное копье, не движутся сильныя мышцы, — молчитъ грознорыкавшій левъ... Заключается стихотвореніе мольбою разлученной супруги о скоромъ соединеніи съ мужемъ и дѣтьми въ небесной обители Едема.

Василій Тцикандилъ, упомянутый у Киннама, могъ быть однимъ изъ сыновей Льва, умершихъ ранѣе отца, или же его внукомъ, или же наконецъ братомъ.

Codex Paris. graec. № 2872 (XIII saec.) f. 122.

Κυροῦ Θεοδώρου τοῦ προδρόμου ἐπιτάφιοι στίχοι εἰς τὸν Τζιχανδήλην Λέοντα.

Ματαιότης πᾶς ὁ βροτῶν ὄντως βίος·
κἂν πλοῦτον εἴπης, κἂν ἔπαρσιν ἀξίας,
κἂν χειρὸς ἰσχύν, κἂν φρονήματος πλάτος,
εἰς χοῦν τὸ κατάντημα καὶ λεπτὴν κόνιν·
ὁ κείμενος δὲ ταῦτα πιστοῦται νέκυς,
Λέων σεβαστός, ἐκ γένους Τζιχανδήλης.
ὅσος γὰρ ἀνήρ, ἥλιε, τὴν στρατείαν,
ἄστεκτος ἐχθροῖς, κατὰ τὴν κλῆσιν λέων,
ὅσον δὲ νοῦν ἥρωα πρὸς βουλὰς φέρων,
ὅσαις δὲ νίκαις λαμπρύνας τὴν Αὐσόνων,
οἵαν δὲ καὶ δάμαρτα λαβὼν εἰς γάμον,
Ἄνναν σεβαστήν, Κομνηνὴν τὸ μητρόθεν,
καὶ στηλίσκους[1]) σχὼν ἐξ ἐκείνης τρεῖς γόνους,
οὓς ὧδε νῦν δέδορκας ἐστηλωμένους·
ὅμως ὑπῆλθε τὴν προκειμένην λίθον,
ταχὺ σκεδασθεὶς καὶ μαρανθείς, ὡς χλόη.
καὶ νῦν τοσοῦτον ἠρεμεῖ χαλκὸν δόρυ

1) l. στυλίσκους cf. Euripid. Iphigen. in Taur. 50: στῦλοι οἴκων εἰσὶ παῖδες ἄρσενες. W.

καὶ τηλικοῦτος ἀκινητεῖ βραχίων,
τόσος δὲ σιγὸς[1]) [(σιγᾷ?)] καρτεροβρύχης Λέων.
ἀλλ', ὦ τὰ πάντα σῷ κελεύσματι τρέπων,
οὓς πρὸς γάμον συνῆψας εἰς ζωὴν μίαν
καὶ νῦν μόρον διεῖλες, ὡς οἶδας λόγοις,
ἕνωσον αὖθις εἰς 'Εδὲμ σὺν τοῖς τέκνοις
ἕνωσιν, ἧς ἄρρηκτός ἐστιν ἡ δέσις.

В. Васильевскій.

1) σιγός не приводится въ существующихъ лексиконахъ (Софокла и др.), но встрѣчается σιγιός «молчаливый». Ш.

О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Вопросъ о греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ помимо своего общаго научнаго интереса особенно долженъ быть близокъ намъ, русскимъ. Между тѣмъ какъ на Западѣ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія труды кардинала Питры и нѣмецкаго ученаго Криста создали цѣлую эпоху въ развитіи этого вопроса и вызвали за границей обширную литературу и живую полемику, у насъ въ Россіи это важное научное событіе прошло какъ-то незамѣченнымъ; не появилось даже болѣе или менѣе полнаго отчета о сущности открытыхъ кардиналомъ Питрою ритмическихъ законовъ церковной поэзіи[1]). Благодаря такому молчанію объ этомъ русской ученой литературы, даже имя знаменитаго кардинала далеко не пользуется у насъ заслуженною извѣстностью. Мы какъ-бы даже забыли, что научныя рукописныя сокровища нашихъ-же городовъ, Петербурга и Москвы, дали ученому кардиналу, посѣтившему Россію въ 1859 году, первоначальный ключъ къ разгадкѣ этого труднаго и запутаннаго вопроса.

Въ своей статьѣ мы и хотимъ заняться этимъ малоизвѣстнымъ у насъ вопросомъ. Мы разсмотримъ сначала положеніе и развитіе его въ наукѣ, послѣ этого перейдемъ къ открытію кардинала Питры, затѣмъ къ главнымъ законамъ ритмической поэзіи церковныхъ пѣснопѣній и, наконецъ, познакомимся съ вопросомъ о происхожденіи выше упомянутыхъ ритмическихъ законовъ церковно-греческой поэзіи.

---

1) Въ 1876 году проф. Ловягинъ въ торжественномъ собраніи Петербургской Духовной Академіи произнесъ рѣчь «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (Христіанское Чтеніе. 1876. I стр. 431—491); но эта рѣчь, которая касалась теорій кардинала Питры и Криста, была произнесена послѣ появленія только перваго общаго труда Питры по греческой гимнографіи и до появленія его знаменитаго Spicilegium Solesmense, гдѣ кардиналъ подробно изложилъ главныя основанія своей теоріи.

I.

Историческое развитіе вопроса о формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

«Поэзіи въ собственномъ смыслѣ слова», говоритъ одинъ ученый, «византійцы не знали; она у нихъ никогда и не существовала. Всякіе слѣды поэтическаго настроенія, всякій вкусъ и пониманіе благороднаго искусства и простоты формъ отсутствовали въ греческомъ средневѣковьѣ, застывшемъ въ схоластикѣ» [1]). Такой безпощадный приговоръ одного изъ первѣйшихъ представителей классической науки можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ его время не были извѣстны тѣ произведенія, которыя составляютъ настоящую оригинальную поэзію Византіи. Византійская литература обращала на себя вниманіе ученаго міра по стольку, по скольку она имѣла отношеніе къ литературѣ древнихъ классиковъ; изъ византійской поэзіи преимущественно занимались большими стихотворными романами, поэтическими описаніями памятниковъ, эпиграммами и дидактическими стихотвореніями. Между тѣмъ тѣ роды поэзіи, которые вышли изъ тайника новой оригинальной жизни христіанско-византійскаго народа, оставались въ сторонѣ; ими совершенно не занимались и не интересовались. Дѣйствительно, эта новая поэзія не слѣдовала образцамъ классической древности, не вносила въ изученіе послѣдней какихъ-либо новыхъ разъясненій и открытій, а шла и развивалась своею особою дорогою и тѣмъ доказала неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые утверждали, будто-бы священный огонь поэзіи совершенно угасъ въ безжизненной, мертвой Византіи. Къ такимъ оригинальнымъ произведеніямъ византійской творческой силы принадлежитъ церковная и народная поэзія. Первая возникла изъ совершенно новыхъ принциповъ христіанской религіи, подъ впечатлѣніемъ ея чудодѣйственныхъ побѣдъ, геройства и стойкости мучениковъ вѣры, подъ вліяніемъ ея высокихъ тайнъ. Вторая-же выросла изъ своеобразно сложившихся условій византійской народной жизни. Отличительнымъ признакомъ этихъ двухъ новыхъ родовъ поэзіи былъ полный разрывъ по формѣ и содержанію

---

1) Bernhardy. Grundriss der Griechischen Litteratur. Dritte Bearbeitung. II 2 (1880) S. 771.

съ греческой традиціей. Оба они считали недостойнымъ подражать древнимъ образцамъ; оба облекали новый предметъ въ новыя формы; оба были тѣсно связаны живымъ чувствомъ современнаго народа; оба были кровь и духъ отъ крови и духа христіанскихъ ромеевъ [1]).

Изъ этихъ двухъ родовъ церковная поэзія далеко превосходитъ по достоинству поэзію народную. Изъ большого числа византійскихъ поэтическихъ произведеній только одна церковная поэзія представляетъ изъ себя процессъ полнаго развитія съ совершенно ясными признаками періодовъ зарожденія, расцвѣта и упадка [2]).

Занимаясь въ настоящей статьѣ вопросомъ о размѣрѣ византійской церковной поэзіи, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ размѣрахъ, которые встрѣчаются вообще въ поэтическихъ произведеніяхъ византійскаго времени.

За это время можно различать три главныхъ рода стихосложенія: 1) перешедшее изъ древности стихосложеніе на основаніи законовъ долготы и краткости слоговъ. Изъ многочисленныхъ размѣровъ классической литературы средневѣковые греки употребляли преимущественно ямбическій триметръ, рѣдко дактилическій гексаметръ, элегическій дистихонъ и анакреонтическій диметръ и триметръ. Но надо замѣтить, что эта основанная на долготѣ и краткости слоговъ поэзія была чужда живому, разговорному среднегреческому языку, гдѣ всякое различіе между долгими и краткими слогами уже исчезло. Поэтому такая поэзія всегда являлась въ Византіи чѣмъ-то механическимъ, искусственнымъ; она не могла пустить корней въ современномъ среднегреческомъ языкѣ, который выставилъ свой способъ стихосложенія, основанный на обычномъ удареніи словъ. 2) Ритмическая система. Эту систему создала церковная поэзія и почти исключительно она одна и примѣняла ее. Объ этомъ размѣрѣ, основанномъ на числѣ слоговъ и удареній, мы подробнѣе скажемъ ниже. 3) Политическая система. Политическіе стихи имѣютъ общее съ ритмическими въ томъ отношеніи, что они не подчиняются законамъ классическаго стихосложенія, основаннаго на долготѣ и краткости слоговъ, и отличительнымъ своимъ признакомъ имѣютъ непрерывное повтореніе совершенно одинаковыхъ по числу слоговъ стиховъ (ποίημα κατὰ στίχον). Политическіе стихи до X вѣка встрѣчаются въ Византіи до-

1) **Krumbacher**. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1891. S. 292—293.

2) **Krumbacher**. op. cit. S. 293.

вольно рѣдко, такъ что эта система развилась уже въ позднѣйшее время[1]).

Если бы византійская церковная поэзія слѣпо слѣдовала древнимъ образцамъ, то она, чуждая по своей формѣ греческому народу, никогда не поднялась-бы до той высоты, которой она достигла благодаря новой формѣ. «Эта послѣдняя, отвѣчая народному языку и духу», говоритъ Крумбахеръ, «какъ-бы волшебною силою снова пробудила поэтическую силу грековъ и придала уже нѣмѣющему языку его прежнюю силу»[2]).

Интересна судьба, постигшая ритмическую поэзію. Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній ускользалъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отъ вниманія европейскихъ ученыхъ, хотя на практикѣ греки въ своихъ пѣснопѣніяхъ всегда его придерживались. Эта неудача объяснить размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній объясняется тѣмъ, что ученые, стараясь разрѣшить этотъ вопросъ, подходили къ нему съ заранѣе опредѣленною цѣлью не выступать въ своихъ изслѣдованіяхъ за предѣлы греческой и римской классическихъ литературъ. Къ греческимъ пѣснопѣніямъ они хотѣли непремѣнно приложить какой-нибудь изъ классическихъ размѣровъ, которые являлись результатомъ извѣстнаго сочетанія краткихъ и долгихъ слоговъ, тогда какъ размѣръ духовной греческой поэзіи, какъ и размѣры большинства современныхъ народовъ, зависѣлъ отъ обычнаго ударенія словъ и числа слоговъ, разсматриваемыхъ независимо отъ ихъ долготы или краткости. Если-же смотрѣть на поэзію греческихъ пѣснопѣвцевъ съ точки зрѣнія классической метрики, то это свело-бы всю литургическую поэзію средневѣковыхъ грековъ къ тремъ ямбическимъ канонамъ Іоанна Дамаскина на праздники Рождества, Богоявленія и Троицы[3]).

---

1) Подробнѣе о размѣрахъ въ Византіи см. Krumbacher. G. d. B. L. S. 300—303.

2) Krumbacher op. cit. S. 307. Главные труды по вопросу о церковныхъ пѣснопѣніяхъ слѣд.: I. B. Pitra «Hymnographie de l'église grecque». Rome. 1867. W. Christ et M. Paranikas «Anthologia Graeca carminum Christianorum». Lipsiae. 1871. I. B. Pitra «Analecta Sacra spicilegio Solesmensi parata», t. I. Parisiis. 1876. Послѣ работъ Питры и Криста появились подробныя статьи объ ихъ результатахъ: Stevenson «L'hymnographie de l'église grecque» (Revue des questions historiques II (1876) 482—543). Jacobi «Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes» (Zeitschrift für Kirchengeschichte, herausgeg. v. Brieger. 5 (1882) 177—250). Kupitoris «Περὶ τοῦ ῥυθμοῦ ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ τῆς ἑλληνικῆς ἐκκλησίας». (Bulletin de Correspondance hellénique 2 (1878) 372—391). Послѣдняя статья есть собственно рефератъ по поводу статьи Стевенсона. О другихъ работахъ мы будемъ упоминать ниже при случаѣ.

3) Каноны эти см. у Migne. Patrologia Graeca. T. 96, p. 817—840. Christ et Paranikas «Anthologia graeca carminum christianorum», p. 205—217. Болѣе исправно

Большинство ученыхъ за послѣднія три столѣтія пришло къ заключенію, что всѣ церковныя греческія пѣснопѣнія написаны прозой, хотя въ словахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей и проглядываетъ иногда желаніе видѣть въ пѣснопѣніяхъ стихи, а не прозу.

Ученѣйшій грекъ своего времени Левъ Алляцій (1586—1669), начальникъ Ватиканскаго архива, префектъ Ватиканской библіотеки, казалось, былъ призванъ разрѣшить загадку размѣра церковныхъ пѣснопѣній въ своей диссертаціи «О пѣснопѣвцахъ» (De melodis), которая была имъ обѣщана, но, кажется, не написана. Если дѣйствительно она существовала, то потеря ея весьма ощутительна для науки. Фабрицій въ своей греческой библіотекѣ оплакиваетъ эту потерю[1]). Въ недавнее время кардиналъ Маи, несмотря на тщательные, долгіе поиски, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда упомянутой диссертаціи. Надо полагать, что она оставалась только въ проектѣ у знаменитаго эллениста. Въ своихъ двухъ спеціальныхъ диссертаціяхъ о греческихъ церковныхъ книгахъ[2]) Алляцій ни словомъ не упоминаетъ о размѣрѣ греческихъ пѣснопѣвцевъ и тѣмъ показываетъ, что онъ произведенія ихъ не отличалъ отъ обычной прозаической формы[3]).

Кардиналъ Бароній, повидимому, могъ нѣсколько освѣтить этотъ темный вопросъ. Приведя подъ 842 годомъ два канона на Праздникъ Православія, Бароній, или Fed. Metius, который переводилъ ему греческіе тексты, замѣчаетъ, что въ рукописи этихъ каноновъ находится пунктуація, которая иногда идетъ совершенно въ разрѣзъ со смысломъ и которая, повидимому, служитъ для сохраненія извѣстнаго размѣра[4]). Но далѣе этого замѣчанія Бароній не пошелъ.

Баварскій іезуитъ Симонъ Вагнерекъ (Simon Vagnereck или

каноны эти изданы проф. Никитинымъ по бумагамъ покойнаго академика А. К. Наука въ Mélanges gréco-romains VI, 199—223 = Bulletin de l'Académie XXXVI, p. 105—129.

1) Fabricii-Harlesii. Bibliotheca Graeca. 1808, t. XI, p. 443: desiderantur saepe promissa ab Allatio, sed nunquam edita opera... De Melodis Graecorum.

2) De rebus ecclesiasticis Graecorum. Rom. 1644. Paris. 1646.

3) Pitra «Hymnographie de l'église grecque», p. 3—4. Stevenson, op. cit. p. 489—490. О жизни и ученой дѣятельности Алляція см. Васильевскій «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Вып. I. СПБ. 1890, ст. 46—52. Legrand Bibliographie hellénique, t. III. Paris. 1895, p. 435—471. Краткій перечень ученыхъ мнѣній о формѣ церковныхъ пѣснопѣній, составленный на основаніи вышеназванной книги Питры, можно найти въ рѣчи проф. Ловягина «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (Христіанское Чтеніе. 1876. I, с. 431—491).

4) Baronii. Annales Ecclesiastici, t. IX ed. Moguntiae MDCI, p. 1054... (Hymnus) hac de causa ita est interpunctis distinctus pro servando rythmo, ut sententiae ipsae aliquando perverserentur.

Vangnereck) въ предисловіи къ своему сочиненію «Pietas Mariana»[1]) говоритъ, что при внимательномъ чтеніи Миней онъ слышалъ какъ-бы голосъ неизвѣстной музы. Но желая найти въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ политическіе стихи, онъ потерпѣлъ неудачу и сдѣлалъ заключеніе, что всѣ оды, вошедшія въ составъ Миней, состоятъ изъ чистѣйшей прозы[2]).

Товарищъ и соотечественникъ баварскаго іезуита, ингольштадтскій профессоръ Гретсеръ, жившій въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка въ своемъ сочиненіи «De Sancta Cruce», въ которое вошли многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи крестнаго древа, пришелъ къ заключенію, что главный законъ гимнографіи—это произволъ[3]). Болландистъ Папеброкъ видѣлъ въ канонахъ отсутствіе всякаго рода размѣра[4]). Въ Acta Sanctorum вопросъ о размѣрѣ греческихъ пѣснопѣній на этомъ и остановился[5]).

Ипполитъ Мараччи, составившій цѣлый томъ изъ отрывковъ пѣснопѣній св. Іосифа, и кардиналъ Кверини не сдѣлали больше своихъ предшественниковъ и видѣли въ пѣснопѣніяхъ одну лишь прозу[6]).

Два бенедиктинца Dom Toustain и Dom Tassin, занимаясь приготовленіемъ къ изданію произведеній Θеодора Студита, написали кардиналу Кверини длинное письмо, напечатанное въ 1744 году, гдѣ утверждали, что Тріодь[7]), какъ и другія церковныя греческія книги,

1) Pietas Mariana. Monachii. 1647.

2) Non ambigam Menaeorum innumeras odas, in quibus nullum jambi vestigium lucet, in suis omnibus strophis ex mera omnino prosa constare (Pietas Mariana, praef. p. 32). См. Pitra, Hymnographie de l'église grecque, p. 4. Stevenson, op. cit., p. 488. Krumbacher, op. c. s. 331.

3) Lex potissima videtur esse hymnographi voluntas, praesertim si syllabarum modulos et quantitatem spectes. См. Pitra, op. cit., p. 5. Stevenson, p. 488. Krumbacher, p. 331.

4) Certe nulli poetico metro astrictos Graecorum canones potuisse non magna contentione animi ad certas litteras, in cujusque strophae principio inveniendas, adstringi abeo, cui liberum esset strophas singulas, nullo inter se ordine connexas, a quacumque liberet voce ordiri, ipsi didicimus experiendo (*Acta Sanctorum* Aprilis, t. I, p. 268, въ предисловіи къ житію св. Іосифа Гимнографа 3 апр.).

5) См. Pitra, op. c., p. 5. Stevenson, p. 488.

6) Hipp. Maracci Mariale S. Iosephi hymnographi. Romae. 1661. C. Querini. Officium quadragesimale recognitum et castigatum. Romae. 1721. См. Pitra, op. c., p. 6—8.

7) Тріодью въ церковномъ обиходѣ называются двѣ богослужебныя книги, содержащія въ себѣ службы съ измѣняемыми молитвословіями для подвижныхъ дней годичнаго круга Богослуженія; въ числѣ молитвъ въ нихъ находятся трипѣснцы, т. е. неполные каноны, состоящіе не изъ 9 или 8 пѣсней, а изъ трехъ (трипѣснцы), изъ четырехъ (четырепѣснцы) и изъ двухъ (двупѣснцы). Отъ каноновъ-трипѣснцевъ тріодь (τριῴδιον) и получила свое названіе. Тріодей двѣ—постная и цвѣтная; первая

представляетъ изъ себя совершенно правильные классическіе стихи съ подражаніемъ древнимъ драматическимъ поэтамъ. Но авторы письма обѣщали больше, чѣмъ могли сдѣлать, и ихъ стараніе найти въ тропаряхъ размѣръ трагическихъ хоровъ и драматическихъ и лирическихъ греческихъ стиховъ осталось безуспѣшнымъ[1]). Знаменитый ученый доминиканецъ Жакъ Гоаръ (Goar, 1601—1653), близкій другъ Алляція и одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ парижскаго изданія византійцевъ, въ своемъ извѣстномъ греческомъ Молитвенникѣ (Евхологій), разсуждая о канонѣ, ирмосѣ и тропаряхъ[2]), замѣчательно вѣрно отмѣтилъ одну особенность церковныхъ пѣснопѣній, легшую впослѣдствіи въ одно изъ двухъ главныхъ основаній теоріи кардинала Питры. Гоаръ говоритъ, что греки запоминаютъ твердо общія по словамъ и напѣву пѣснопѣнія и къ послѣднимъ, какъ къ образцамъ, примѣняютъ другія пѣснопѣнія, состоящія изъ одинаковаго съ ними числа слоговъ[3]).

Ученикъ Алеманна, издателя Тайной Исторіи Прокопія, Францискъ Аркудій, извѣстный впослѣдствіи своею дѣятельностью по укрѣпленію уніи въ Литовской Руси, куда его два раза посылали изъ Рима[4]), и знаменитый Дюканжъ въ своемъ греческомъ глос-

---

заключаетъ въ себѣ службы съ молитвословіями для подвижныхъ дней трехъ приготовительныхъ недѣль къ Великому посту, начиная съ воскресенья недѣли Мытаря и Фарисея и самого Великаго поста, вторая же для подвижныхъ дней, начиная днемъ Пасхи и кончая недѣлею Всѣхъ Святыхъ.

1) Pitra, op. c., p. 6—8.

2) Канономъ называется пѣснопѣніе, составленное по извѣстному правилу (κανών—правило) и состоящее изъ нѣсколькихъ пѣсенъ (ᾠδή), именно изъ девяти или чаще восьми (вторая пѣснь обыкновенно выпускается). Каждая пѣснь содержитъ въ себѣ нѣсколько стиховъ, изъ которыхъ первый называется ирмосомъ (εἱρμός—связь); послѣдній служитъ образцомъ, или какъ бы связью для всѣхъ послѣдующихъ стиховъ. Объ ирмосѣ подробнѣе будетъ итти рѣчь ниже. Слѣдующіе стихи за ирмосомъ называются тропарями канона (τροπάριον); послѣднее слово происходитъ отъ греческаго τρόπος, которое на техническомъ музыкальномъ языкѣ древнихъ грековъ и позднѣйшихъ византійскихъ писателей означаетъ тоже, что ἦχος и εἶδος, ладъ, строй пѣнія, гласъ; τροπάριον есть уменьшительная форма отъ τρόπος.

3) Goar. Euchologium sive Rituale Graecorum... Paris. 1647; болѣе доступно венеціанское изданіе, editio secunda expurgata et accuratior. 1730, которымъ мы и пользовались. Communes ideo, et verbis et cantu, memoriae tenaciter infigunt Hymnos, ad quorum normam alios pari syllabarum numero constantes cantando inflectunt... (Euch., p. 351). Питра не отмѣтилъ этого мѣста въ своей работѣ, замѣтивъ только, что Гоаръ придерживается Алляція (Hymn., p. 8). Ср. Ловягинъ въ Христ. Чт. 1876, стр. 451—452.

4) Объ Аркудіи см. Fabricii-Harlesii. Bibliotheca Graeca. 1808, t. XI, p. 448—450. Legrand. Bibliographie hellénique, t. III, 1895, p. 232—238. У Аркудія нашего вопроса касается сочиненіе De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis. Libri VII.

саріи[1]) ничего новаго не прибавили по интересующему насъ вопросу; они придерживались мнѣнія Гоара и Алляція.

Въ XIX столѣтіи вопросъ этотъ оставался прежнею загадкой. Ученые базиліанцы итальянскаго монастыря Гроттаферрата издали въ формѣ прозы греческіе гимны на безпорочное зачатіе Дѣвы Маріи [2]). Извѣстный византологъ Тафель издалъ какъ прозаическій текстъ два канона Евстаѳія Солунскаго[3]). Кардиналъ Маи въ формѣ прозы издалъ нѣкоторые каноны Іоанна Дамаскина и Тріодь, приписанную имъ св. Софронію[4]).

Интересно, что даже послѣ появленія труда кардинала Питры, составившаго эпоху въ исторіи вопроса о размѣрѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній и доказавшаго, что послѣднія подчинялись законамъ особаго, оригинальнаго стихосложенія, были люди, которые придерживались стараго мнѣнія. Князь Гагаринъ, уѣхавшій въ половинѣ нынѣшняго столѣтія за границу и тамъ принявшій католицизмъ, думаетъ, что греческіе пѣснопѣвцы писали въ прозѣ, при чемъ иронически добавляетъ, что стихи, подобные стихамъ пѣснопѣвцевъ, можно найти и въ оффиціальной части Moniteur'a[5]). Еще въ 1879 году ученый грекъ Саѳа (Sathas) считаетъ форму церковныхъ гимновъ за неразрѣшенную загадку[6]). Въ томъ же году нашъ неутомимый па-

Paris. 1626. Подробнѣе объ этомъ сочиненіи см. у Legrand. Bibl. hell., t. I. 1894 p. 205—216. Интересное посвященіе этой книги польскому королю Сигизмунду III, гдѣ встрѣчаются неоднократныя упоминанія о польско-русскихъ отношеніяхъ того времени, приведено цѣликомъ въ латинскомъ подлинникѣ у Леграна (т. I, с. 206—211). О дѣятельности Аркудія въ Литовской Руси существуютъ и русскіе документы. См. Акты Зап. Россіи. IV, №№ 141 и 155.

1) См. его Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. 1688. Vol. I, p. 356, 706.

2) De immaculata Deiparae conceptione Hymnologia Graecorum. Romae. 1862. См. Stevenson, p. 489.

3) Eustathii Metropolitae Thessalonicensis opuscula edidit T. L. F. Tafel. Francof. 1832, p. 36 sq.; 166 sq.

4) Mai «Spicilegium Romanum», t. IX, pp. XXI—XXII и 713—739; t. IV, pp. 126—225. Кардиналъ Маи ошибся, считая авторомъ Тріоди св. Софронія. См. статью Параники (Paranikas) «Ueber das angebliche Triodium des h. Sophronius» (Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1870. II, s. 53—74), гдѣ авторъ доказываетъ, что напечатанная у кардинала Маи тріодь принадлежитъ не св. Софронію, іерусалимскому патріарху VII вѣка, а одному изъ болѣе позднихъ пѣснопѣвцевъ и вѣроятнѣе всего пѣснопѣвцу IX вѣка св. Іосифу. (Paranikas, op. c. s. 56, 73).

5) P. Gagarin. «Etudes religieuses et littéraires des pères jésuites». 1868, p. 341.

6) Sathas. Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντίνων. 1879. σελ. ρν': οὐδενὸς μέχρι τοῦδε δυνηθέντος νὰ μαντεύσῃ τὸ μέτρον ἢ τὸν παλαιὸν ῥυθμὸν αὐτῶν.

леографъ архимандритъ Амфилохій издалъ по рукописи московской синодальной библіотеки большое количество кондаковъ и икосовъ[1]), принадлежащихъ перу византійскихъ пѣснопѣвцевъ; но онъ ничего не говоритъ о размѣрахъ изданныхъ имъ пѣснопѣній и печатаетъ ихъ въ видѣ прозы[2]). Даже въ 1889 году Перчъ (Pertsch) издалъ довольно много каноновъ, считая ихъ настоящею прозою[3]).

Тѣмъ не менѣе, кромѣ Гоара, были люди, которые вѣрно угадывали главные законы греческой церковной метрики. Въ первой половинѣ нашего столѣтія грекъ Константинъ Икономосъ, разсуждая о политическихъ стихахъ, замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ греческихъ пѣснопѣніяхъ строфы состоятъ изъ стиховъ, которые различаются по ударенію и числу слоговъ[4]). Такимъ образомъ здѣсь являются отмѣченными два основныхъ элемента греческой церковной метрики. Нѣсколько позднѣе извѣстный составитель византійско-греческаго словаря Софоклисъ говоритъ, что тропари бываютъ или въ прозѣ, или въ стихахъ; послѣдніе состоятъ изъ ряда ритмическихъ, основанныхъ на удареніи стиховъ; въ древнихъ изданіяхъ, какъ и въ руко-

1) Кондакомъ называется обыкновенно краткое церковное пѣснопѣніе, заключающее въ себѣ краткое содержаніе праздника или жизни святаго. Икосъ-же представляетъ изъ себя пѣснопѣніе гораздо болѣе обширное, чѣмъ кондакъ, и заключаетъ въ себѣ продолженіе описываемаго въ кондакѣ праздника или жизни святаго. Относительно происхожденія слова кондакъ (греч. κονδάκιον, κοντάκιον) ученые расходятся. Дюканжъ производитъ его отъ слова κοντός, короткій, маленькій (Glossar. Graec. v. I, p. 706). Различныя объясненія этого слова см. у Питры. Anal. Sac. t. I, p. X—XI. Не менѣе загадочно происхожденіе слова икосъ (греч. οἶκος—домъ). Можетъ быть, это слово заимствовано съ Востока. У евреевъ, арабовъ и сирійцевъ слово *домъ* обозначаетъ строфу, стихотвореніе (Pitra, p. XI). Ср. у армянъ слово тунъ—домъ въ смыслѣ строфы (Эминъ. Шараканъ. Богослужебные каноны и пѣсни арм. вост. церкви. Москва. 1879, с. VIII), у итальянцевъ stanza (Diez. Wörterbuch der rom. Sprachen). См. объ этихъ словахъ также у Christ и Paranikas «Anthologia», p. LXVI—LXVII, гдѣ можно найти объясненія и другихъ видовъ церковныхъ пѣснопѣній (p. LIV—LXXIII).

2) Амфилохій. Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской синодальной библіотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ переводѣ. Москва. 1879. См. суровый отзывъ объ этомъ изданіи у Крумбахера въ его Исторіи Визант. литер., стр. 309 и 330. Въ русской литературѣ на трудъ Амфилохія существуетъ подробная рецензія Мансветова (Прибавл. къ твореніямъ св. Отцевъ, изд. при Моск. духов. акад. 1880, кн. II, с. 482—503 и кн. IV, с. 1055—1069).

3) Blätter für Hymnologie. 1889, № 2—4. См. Krumbacher, op. c. S. 331. О болѣе раннихъ, менѣе значительныхъ писателяхъ по этому вопросу, разсужденія которыхъ не привели ни къ какимъ результатамъ, см. у Pitra «Hymnographie de l'église grecque», p. 8—10.

4) Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Βιβλίον συνταχθὲν ὑπὸ τοῦ οἰκονόμου Κωνσταντίνου πρεσβυτέρου. Ἐν Πετροπόλει. 1830, p. 667—669.

писяхъ, ихъ отмѣчаютъ точками[1]). Конечно, эти вѣрныя замѣчанія двухъ грековъ нужно было развить, обобщить, чего они не сдѣлали.

Въ русскихъ сочиненіяхъ по греческимъ пѣснопѣніямъ Флоринскаго и Филарета для вопроса о метрикѣ этихъ пѣснопѣній ничего нельзя найти[2]). Профессоръ Ловягинъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ своей книги «Богослужебные каноны», греческій текстъ которыхъ по большей части заимствованъ изъ венеціанскаго изданія богослужебныхъ книгъ, печатаетъ ихъ въ видѣ настоящей прозы. Относительно внѣшняго вида каноновъ профессоръ Ловягинъ говоритъ, что одни изъ нихъ писаны краснорѣчивою и искусно составленною прозою, а нѣкоторые и стихами[3]), при чемъ надо замѣтить, что послѣднее относится только къ тремъ извѣстнымъ ямбическимъ канонамъ Іоанна Дамаскина.

Если громадное большинство ученыхъ считаетъ произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ чистѣйшею прозою, то интересно посмотрѣть, какъ сами средневѣковые греки смотрѣли на свои церковныя пѣснопѣнія. Извѣстный лексикографъ X вѣка Свида говоритъ объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, что среди многочисленныхъ произведеній этого знаменитаго писателя, особенно философскихъ, встрѣчаются каноны, предназначенные для пѣнія: одни, написанные ямбическимъ размѣромъ, другіе—прозою[4]). Здѣсь Свида, строго различая просодическую поэзію отъ поэзіи пѣснопѣвцевъ, сводитъ написанныя Іоанномъ Дамаскинымъ ритмическія произведенія къ тремъ вышеупомянутымъ его канонамъ на Рождество, Богоявленіе и Троицу.

XI и XII вѣка были богаты комментаторами церковныхъ произ-

---

1) Sophocles. A Glossary of later and Byzantin greek. Cambridge. 1850, praef., p. 53. Надо замѣтить, что въ слѣдующихъ изданіяхъ своего словаря въ 1870 и 1888 годахъ уже подъ заглавіемъ Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods Софоклисъ отказывается отъ своего вѣрнаго опредѣленія и называетъ тропари обыкновенною или ритмическою прозою (p. 1096, изд. 1888 г.).

2) Флоринскій. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній Православной восточной церкви. Москва. 1860. См. стр. 41—42. Филаретъ Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изд. съ дополненіями. Черниговъ. 1864.

3) Ловягинъ. Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. 1-е изд. въ 1855—1856 гг. 3-е изд. въ 1875 году. См. с. II—III и passim. Въ вышеназванной своей рѣчи Ловягинъ является ярымъ противникомъ теоріи Питры.

4) συγγράμματα αὐτοῦ πάνυ πολλὰ καὶ μάλιστα φιλόσοφα, εἴς τε θείαν γραφὴν παράλληλοι κατ' ἐκλογήν, καὶ οἱ ᾀσματικοὶ κανόνες· ἰαμβικοί τε καὶ καταλογάδην. (Suidas. Lexicon подъ словомъ Ἰωάννης Δαμασκηνός. ed. Bernhardy, t. I, pars II, p. 1028—1029; ed. Bekkeri, p. 545).

веденій болѣе раннихъ авторовъ. Извѣстно, что еще Козьма Іерусалимскій въ VIII вѣкѣ и Никита Давидъ, епископъ въ Пафлагоніи въ IX вѣкѣ, приложили свои комментаріи къ труднѣйшимъ стихотвореніямъ Григорія Назіанзина. Въ XII вѣкѣ историкъ Зонара объяснялъ Воскресные каноны (Ἀναστάσιμοι κανόνες) Іоанна Дамаскина; комментаторъ Гомера Евстаѳій Ѳессалоникскій подробно объяснялъ гимнъ на Троицу того-же Іоанна; поэтъ Ѳеодоръ Продромъ и грамматикъ Григорій Коринѳскій оставили большіе ученые комментаріи къ канонамъ двухъ знаменитыхъ подвижниковъ монастыря св. Саввы — Іоанна Дамаскина и Козьмы Іерусалимскаго[1]). Такъ, Ѳеодоръ Продромъ въ своихъ схоліяхъ на Рождественскій канонъ Іоанна Дамаскина, написанный, какъ извѣстно, древнимъ ямбическимъ размѣромъ, дѣлаетъ различіе между этимъ канономъ и канономъ Козьмы, говоря, что Іоаннъ, какъ-бы на лирѣ Орфея или киѳарѣ Димодока, воспѣваетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ ямбахъ, праздникъ Рождества Христова, который передъ тѣмъ великій и божественный Козьма воспѣлъ хотя и въ прозѣ, но съ достоинствомъ и величіемъ[2]). Григорій Коринѳскій, сравнивая два ямбическихъ канона Іоанна Дамаскина на Рождество и Богоявленіе съ соотвѣтствующими канонами Козьмы, говоритъ, что послѣдніе написаны прозою[3]).

Итакъ, изъ приведеннаго свидѣтельства трехъ писателей византійскаго средневѣковья можно заключить, что они большую часть своихъ церковныхъ пѣснопѣній считали прозою. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что произведенія, написанныя, по свидѣтельству этихъ писателей, прозою, противополагаются ими произведеніямъ, написаннымъ древнимъ размѣромъ. Можетъ быть, для нихъ все, что отступало отъ древнихъ классическихъ образцовъ, было прозою. Можетъ быть, новый размѣръ церковныхъ пѣснопѣній, какъ

---

1) Комментаріи Евстаѳія и Зонары изданы у кардинала Маи (Mai) Spicilegium Romanum V (1841) 2 p. 161—383. Комментаріи Ѳеодора Продрома у Маи S. R. V, p. 390—396; у Migne Patr. gr., t. 133, p. 1229—1236. Часть комментаріевъ Ѳеодора издана съ предисловіемъ Питры ко дню папскаго юбилея въ 1888 году Стевенсономъ. Theodori Prodromi commentarios in carmina sacra melodorum Cosmae Hierosolymitani et Ioannis Damasceni... praefatus est I. B. Pitra. ed. Stevenson. Roma. 1888. См. рецензію на послѣднюю книгу въ Revue Critique. 1889. I, p. 265—268.

2) Αὐτὴν τὴν Χριστοῦ γενεθλίων πανήγυριν, ἣν προέμελψεν ὁ μέγας καὶ θεῖος Κοσμᾶς δίχα μέτρου, ἀξιωματικὸν δὲ καὶ ὑψηλότατον, ἐμμέτρως καὶ δι' ἰάμβων, μεταμέλπεται ὁ Δαμασκηνὸς ἀπὸ λύρας ὀρφικῆς, εἶπεν ἄν τις ἢ Δημοδόκου κίθαρις. (Stevenson въ Revue des questions historiques. 11 (1876), p. 491).

3) πεζῷ λόγῳ, τῷ ἀμέτρῳ δηλαδή, γεγραμμένοι... (Stevenson, op. c. p. 491).

всѣмъ и каждому въ средніе вѣка извѣстный, по мнѣнію тогдашнихъ писателей, вовсе и не нуждался въ комментаріяхъ. Что для средневѣковыхъ писателей являлось очевиднымъ, то для послѣдующихъ ученыхъ и изслѣдователей превратилось въ долго неразрѣшенную загадку[1]). Можно привести свидѣтельства средневѣковыхъ писателей, изъ которыхъ видно, что пѣснопѣнія должны были имѣть опредѣленный размѣръ и извѣстное количество слоговъ для сохраненія мелодіи (ирмоса) даннаго пѣснопѣнія. Объ этомъ говоритъ въ своихъ комментаріяхъ Зонара[2]). Θеодосій Александрійскій грамматикъ, открытый въ 1867 г. въ одномъ изъ Барберинскихъ кодексовъ кардиналомъ Питрою, говоритъ въ своихъ схоліяхъ, по всей вѣроятности, на грамматика Діонисія Θракійскаго[3]), что желающій составить канонъ долженъ сначала написать тропари, которые бы имѣли одинаковое число слоговъ и одинаковое удареніе съ ирмосомъ[4]). Уже это одно такое значеніе ирмоса, или руководящаго мелодію пѣснопѣнія, ставитъ извѣстныя, весьма опредѣленныя границы произволу писателей. Очевидно, это не была проза, какъ ее понимаемъ мы.

Такія готовыя мелодіи сохранялись въ греческой церкви и служили образцами для послѣдующихъ пѣснопѣній до самаго позднѣйшаго времени. Въ XIII вѣкѣ, напримѣръ, былъ составленъ большой канонъ въ честь Божіей Матери императоромъ Θеодоромъ Ласкарисомъ, который буквально придерживался ирмосовъ, взятыхъ имъ у Козьмы и Іоанна Дамаскина. То же самое можно видѣть въ XIV в.

---

1) Ср. Stevenson въ Revue des Questions Hist. 11 (1876), p. 492—495.

2) См. опредѣленіе ирмоса Зонарой: ὁ μὲν εἱρμὸς ἁρμονία τίς ἐστι μέλους, ἐν συνθέσει φωνῆς, ἐνάρθρου τε καὶ σημαντικῆς, ὡρισμένῳ τινὶ μέτρῳ καὶ ποσῷ μεγέθους περιγραφομένη· ἥτις ἁρμονία προωρισμένη τε καὶ προεγνωσμένη προϋπόκειται, πρὸς ἣν τὰ λεγόμενα τροπάρια ἀναφέρεται. Этотъ текстъ напечатанъ нѣсколько иначе у Mai, Spicilegium Romanum., t. V, 2, p. 384. Migne Patr. Gr., t. 135, p. 424. Christ «Hirmos in der byzant. Poesie» (Sitzungsberichte der bayer. Akademie der Wiss. 1870, II, S. 76). Pitra. Analecta Sacra. Proleg., p. XLVII—XLVIII. У Питры приложенъ латинскій переводъ этого труднаго мѣста.

3) См. Stevenson. 504.

4) οἷον ἐάν τις θέλῃ ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἱρμόν, εἶτα ἐπαγαγεῖν τὰ τροπάρια ἰσοσυλλαβοῦντα καὶ ὁμοτονοῦντα τῷ εἱρμῷ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσώζοντα. См. Pitra. Anal. Sacra. Prol., p. XLVII. Его же Hymnographie de l'église grecque, p. 31—32. Stevenson, p. 504—505. Christ. Sitzungsber. d. bayer. Ak. d. W. 1870, II, S. 100. Питра переводитъ это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: si quelqu'un peut faire un canon, qu'il fixe d'abord le mode de l'hirmus, qu'ensuite il dispose les tropaires en conformant à l'hirmus le nombre des syllabes et le mode musical, et qu'il atteigne ainsi son but (Hym. de l'égl. gr. 31—32).

въ канонѣ патріарха Филоѳея († 1379) на службу въ честь Григорія Паламы[1]).

Наконецъ, когда въ 1869 г. греческая церковь причислила къ лику святыхъ патріарха Фотія (6 февраля) и Марка Эфесскаго (19 января), въ честь ихъ было составлено два новыхъ тропаря по образцу извѣстныхъ пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца и Сергія[2]).

Конечно, это было только инстинктивное подражаніе древнимъ пѣснопѣніямъ. И новѣйшему составителю тропарей въ честь Фотія и Марка Эфесскаго указаніемъ служилъ, по всей вѣроятности, одинъ только слухъ. Современные греки могутъ прекрасно спѣть главнѣйшія мелодіи своихъ церковныхъ пѣсенъ, но будутъ въ затрудненіи отвѣтить, подчиняются ли они какимъ-нибудь опредѣленнымъ законамъ метрики.

Разрѣшить эту многовѣковую загадку, указать на существованіе цѣлаго новаго міра невѣдомой поэзіи выпало на долю неустаннаго труженика на пользу науки, знаменитаго кардинала Питры.

Уже во время печатанія нашей работы мы имѣли возможность познакомиться съ недавно вышедшей статьей Мейера «Pitra, Mone und die byzantinische Strophik»[3]), гдѣ авторъ считаетъ первымъ изслѣдователемъ формы греческихъ церковныхъ пѣснопѣній не Питру, а Моне (Mone); послѣдній за четырнадцать лѣтъ до Питры изслѣдовалъ и разгадалъ секретъ византійскихъ пѣснопѣній. Занимаясь средневѣковою латинской поэзіей и секвенціями, Моне въ своемъ главномъ трудѣ «Lateinische Hymnen des Mittelalters» (3 тома, въ 1853, 1854 и 1855 гг.) за разрѣшеніемъ вопроса объ ихъ построеніи обратился къ греческимъ церковнымъ текстамъ и имѣлъ въ мысляхъ написать даже исторію христіанской гимнологіи, чего впрочемъ не исполнилъ. Въ своихъ же примѣчаніяхъ къ латинскимъ гимнамъ онъ заявляетъ, что до сихъ поръ секвенціи издавались въ видѣ прозы потому, что въ наукѣ не знали ни объ ихъ происхожденіи отъ греческихъ тропарей, ни о ритмѣ этихъ греческихъ пѣснопѣній, основанномъ на удареніи. Такимъ образомъ, Моне дѣйствительно нашелъ, что греческіе тропари представляютъ изъ себя не прозу и что ударе-

1) Stevenson, p. 500—501. Здѣсь приведены еще нѣкоторые примѣры.

2) Pitra. An. S. Prol., p. XLIX. Stevenson, p. 501. У Питры приведенъ текстъ обоихъ тропарей.

3) Напечатано въ Sitzungsberichte der philos.-philolog. und der hist. Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1896. Heft I, S. 49—66.

ніе играетъ главную роль въ построеніи строфъ греческихъ пѣснопѣній. Но въ своей книгѣ о латинскихъ гимнахъ онъ только попутно, кратко говоритъ объ этомъ; во всей же полнотѣ развить свое открытіе онъ хотѣлъ въ особомъ трудѣ, который, какъ мы видѣли, не былъ изданъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, за Питрой все-таки остается слава ученаго, который самостоятельно открылъ форму византійскихъ пѣснопѣній и первый подробно, систематически изложилъ результаты своихъ изслѣдованій, что хотѣлъ сдѣлать и не сдѣлалъ Моне.

II.

Питра и его открытіе.

Іоаннъ-Баптистъ Франсуа Питра родился 1 августа 1812 года въ Champforgeuil, небольшомъ приходѣ епархіи Autun, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Шалона на Сонѣ[1]). Предки Питры, эмигрировавшіе изъ Италіи во Францію, поселились въ Ліонѣ. Отецъ Питры занималъ скромное мѣсто сборщика податей. Желая дать своему сыну по возможности хорошее образованіе, родители Питры отдали мальчика на попеченіе его дяди г. Vaffier, довольно просвѣщеннаго человѣка, жившаго въ небольшомъ городѣ Cuisery. Дядя скоро замѣтилъ необыкновенныя способности своего племянника, который поступилъ въ 1825 году въ небольшую семинарію города Autun, гдѣ сталъ скоро всѣхъ удивлять своею памятью, неустаннымъ прилежаніемъ и живымъ, воспріимчивымъ умомъ. Съ переходомъ въ большую семинарію, въ библіотекѣ которой хранилось много драгоцѣнныхъ рукописей, молодой Питра началъ свои первыя занятія палеографіей, доставившія ему впослѣдствіи неувядаемую славу.

1) По случаю послѣдовавшей въ 1889 г. кончины кардинала Питры появилось нѣсколько трудовъ, посвященныхъ его памяти; изъ нихъ наиболѣе выдаются два труда: Cabrol «Histoire du Cardinal Pitra». Paris. 1893 и Battandier «Le Cardinal Jean-Baptiste Pitra, évêque de Porto, bibliothécaire de la Sainte église». Paris. 1893. Сюда же можно отнести статью вышеупомянутаго Каброля «L'Hymnographie de l'église grecque», появившуюся въ Revue des facultés catholiques de l'Ouest. 2-me année. № 3, Février. 1893, p. 334—355. Статья эта, послужившая Кабролю вступительной лекціей въ читанный имъ въ Анжерѣ курсъ исторіи церкви и патристики, цѣликомъ помѣщена въ XV и XVII-й главахъ его вышеназваннаго сочиненія о кардиналѣ Питрѣ. Этими тремя трудами мы и пользовались при составленіи біографическаго очерка кардинала Питры.

Чувствуя влеченіе къ духовной карьерѣ, онъ прошелъ степени иподіакона, діакона и, наконецъ, въ декабрѣ 1836 года принялъ посвященіе въ санъ священника. Еще въ 1835 году Питра получилъ мѣсто профессора исторіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и риторики въ семинаріи города Autun и, кромѣ того, находилъ еще время читать своимъ слушателямъ лекціи по Священной литературѣ (littérature sacrée). Занятіе Питры св. Легеріемъ, жившимъ во времена Меровинговъ, понудило его въ вакаціонное время 1838 года сдѣлать поѣздку въ Парижъ, гдѣ онъ нѣкоторое время занимался въ королевской библіотекѣ, которая произвела на молодого ученаго громадное впечатлѣніе. Но что сдѣлало имя Питры сразу извѣстнымъ, это прочтеніе имъ случайно найденной въ 1839 году недалеко отъ города Autun греческой надписи, относящейся къ III вѣку христіанской эры. Этою надписью стали заниматься не только во Франціи, но и за границей.

Въ это же время Питра задумалъ поступить въ монахи Бенедиктинскаго ордена. Съ этою цѣлью онъ обратился съ письмомъ къ Солесменскому аббату (abbé de Solesmes).

Solesmes, прежде небольшая настоятельская церковь, зависимая отъ аббатства La Couture du Mans, въ тридцатыхъ годахъ превратилась въ самостоятельное аббатство, и Проспeръ Геранже (Prosper Guéranger) назначенный аббатомъ, сталъ во главѣ бенедиктинцевъ французской конгрегаціи (supérieur général des bénédictins de la congrégation de France). Съ согласія епископа города Autun и Солесменскаго аббата, Питра оставилъ свою профессорскую дѣятельность и переѣхалъ въ Solesmes, гдѣ въ январѣ 1842 года вступилъ въ новиціатъ, а 10 февраля 1843 года, отказавшись отъ міра и всѣхъ его благъ и давъ обѣты монашества, торжественно вступилъ въ число членовъ Бенедиктинскаго ордена.

Около этого времени по совѣту парижскаго архіепископа, аббатъ Геранже пріобрѣлъ помѣщеніе въ Парижѣ въ предмѣстьѣ Сен-Жерменъ, гдѣ до французской революціи процвѣтало знаменитое аббатство S. Germain-des-Prés. Туда въ 1842 году изъ Solesmes и переселилась небольшая монашеская колонія. Въ слѣдующемъ году Питра былъ поставленъ во главѣ этого новаго, небольшого пріорства. Сдѣлавъ свое первое кратковременное путешествіе въ Англію (съ декабря 1844 по мартъ 1845 г.), онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ извѣстнаго аббата Миня (Migne), имя котораго стоитъ въ заголовкѣ двухъ извѣстныхъ патроло-

гій. Къ этому времени относится окончаніе его перваго большого труда «Histoire de Saint-Léger et de l'Eglise des Gaules au septième siècle» [1]).

Съ этихъ поръ начинаются почти безпрерывныя ученыя путешествія Питры. До 1848 года онъ былъ въ Эльзасѣ, Вогезахъ, Бельгіи, Голландіи и находилъ въ ихъ библіотекахъ и архивахъ обильную жатву неизданнаго матеріала. Послѣ февральской революціи, когда католическая церковь вздохнула свободнѣе, не чувствуя себя болѣе подъ гнетомъ правительства іюльской монархіи, Питра въ 1849 году по порученію республиканскаго правительства предпринялъ съ ученою цѣлью новое семимѣсячное путешествіе въ Англію.

Результатомъ его изслѣдованій явились вышедшіе послѣдовательно въ свѣтъ четыре тома «Spicilegium Solesmense», содержащіе въ себѣ массу новаго, неизданнаго историческаго матеріала [2]).

Въ 1858 году случилось событіе, имѣвшее громадное значеніе въ жизни Питры. Онъ былъ вызванъ папою Піемъ IX въ Римъ, при чемъ папскій нунцій только сказалъ, что работа, которую папа собирается ему поручить, можетъ быть продолжительна. Въ Римѣ въ это время былъ сильно въ ходу вопросъ о соединеніи восточныхъ церквей съ римскою. Главнымъ иниціаторомъ этого проекта былъ самъ представитель римской церкви папа Пій IX, съ первыхъ лѣтъ своего понтификата лелѣявшій мысль о такомъ соединеніи. Три статьи Питры, которыя имѣли своимъ предметомъ разсужденіе о каноническомъ правѣ греческой церкви [3]), обратили вниманіе кардинала Антонелли и самого папы, что и побудило послѣдняго вызвать Питру въ Римъ.

Здѣсь сначала папа предполагалъ дать ему религіозно-политическую миссію въ Россію, относившуюся къ вопросу о соединеніи церквей, но впослѣдствіи согласился на ходатайство Питры объ избавленіи его отъ такого труднаго и отвѣтственнаго порученія, тѣмъ болѣе, что ученый бенедиктинецъ въ то время не считалъ себя спеціалистомъ по византійскому каноническому праву, основательное знакомство съ которымъ было необходимо при исполненіи подобнаго

1) О содержаніи этого сочиненія см. у Battandier, op. c. p. 203—214.

2) I-й томъ вышелъ въ 1852 г., II и III-й въ 1855 г. и IV-й въ 1858 году. Содержаніе этихъ томовъ см. у Battandier, op. c. p. 276—288, p. 289 sq. Полный перечень трудовъ Питры см. у Cabrol, op. c. p. 389—399.

3) Эти статьи были первоначально напечатаны въ журналѣ Univers за ноябрь 1857 годъ, отдѣльно вышли въ Парижѣ въ 1858 году, перепечатаны въ новомъ изданіи «Histoire des auteurs sacrés et ecclésiastiques» Dom-Ceillier, t. XII. Paris. 1862.

порученія. Папа милостиво отнесся къ заявленію Питры и послѣ нѣсколькихъ аудіенцій, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, разрѣшилъ отправиться въ ученое путешествіе по Россіи.

Посѣтивъ богатыя римскія библіотеки, Питра въ половинѣ августа 1858 года покинулъ Римъ и, совершая свой Iter Italicum, останавливался во Флоренціи, Венеціи, Эсте, Миланѣ, Туринѣ и другихъ городахъ, гдѣ не только въ качествѣ туриста, но и вѣрнаго служителя науки слѣдовалъ по стопамъ Мабилльоновъ, Папеброковъ, Монфоконовъ[1]). Посѣщая итальянскія книгохранилища, Питра имѣлъ своею цѣлью познакомиться съ сохраняющимися въ нихъ рукописями, которыя относились къ греческому каноническому праву.

Проведя зиму съ 1858 на 1859 годъ во Франціи, Питра только въ началѣ лѣта этого года пустился въ свое дальнее путешествіе. Черезъ Кельнъ, Лейпцигъ онъ прибылъ въ Штетинъ, откуда уже на пароходѣ отправился въ Петербургъ.

Россію и теперь еще мало знаютъ на Западѣ; а во время путешествія Питры она была и совсѣмъ почти невѣдомою страной. За границей были въ ходу слухи о преслѣдованіи въ Россіи католиковъ. Поэтому само собой разумѣется, съ какимъ угнетеннымъ духомъ, съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ Питра предпринимать такое полное неизвѣстности путешествіе[2]).

Черезъ три дня Питра проѣхалъ мимо грозныхъ твердынь Кронштадтскихъ укрѣпленій. Здѣсь «грустное настроеніе охватило путешественника; ему казалось, что тяжелыя ворота Россіи затворились за нимъ, и что съ этихъ поръ онъ сталъ русскимъ плѣнникомъ»[3]).

По прибытіи 12 іюля въ Петербургъ, Питра нашелъ гостепріимство у доминиканцевъ Екатерининской церкви. Въ его распоряженіе была дана скромная келья, единственною роскошью которой для Питры была одна греческая рукопись, уже сильно попорченная сыростью и почти непригодная для чтенія, но, конечно, не для такого искуснаго палеографа, какимъ являлся французскій бенедиктинецъ. Манускриптъ, услаждавшій долгіе часы его одиночества, былъ съ Аѳон-

---

1) См. Cabrol. Histoire du cardinal Pitra, p. 225—226. Revue des facultés catholiques. 1893, p. 340. Battandier, op. c. p. 335 sq.

2) Напримѣръ, одно письмо Питры за это время кончается слѣдующими словами: Nous reverrons-nous, mon bon prieur, Dieu seul le sait. J'ai bon espoir, et pourtant je ne puis cesser d'être soucieux depuis longtemps. См. Battandier, op. c. p. 359.

3) Cabrol. Histoire du cardinal Pitra, p. 228.

ской горы. Питра сталъ разбирать его, и его глазамъ предстала поэтическая легенда.

Въ VIII-мъ вѣкѣ, когда надъ Восточной имперіей пронеслась буря иконоборческой эпохи, когда всѣ изображенія святыхъ безпощадно истреблялись, у одной бѣдной никейской вдовы была икона Божіей Матери, которую она, изъ желанія спасти отъ изувѣрства иконокластовъ, бросила въ море. Вмѣсто того, чтобы потонуть, икона, какъ бы поддерживаемая невидимою силою, осталась въ воздухѣ и въ лучахъ блестящаго свѣта скрылась изъ глазъ изумленной вдовы. Прошло много времени. Изгнанные иконоборцами и [illegible] бѣдные восточные монахи переплываютъ море и ищутъ убѣжища въ неприступныхъ горахъ Халкидскаго полуострова, изъ которыхъ одна называется Аѳономъ. На ней основалъ монастырь Евфимій, сынъ грузинскаго (иверскаго) царя Георгія. И вотъ въ это время чудесный огненный столпъ указываетъ на появленіе у Аѳона странствующей иконы. Тогда Гавріилъ, святѣйшій изъ иверійскихъ монаховъ, который изъ сновидѣнія, ниспосланнаго свыше, узналъ, что ему выпадетъ на долю честь достать икону, вышелъ во главѣ процессіи, пошелъ, по приказанію настоятеля Павла, по водѣ, достигъ иконы и съ торжествомъ перенесъ ее въ монастырь. Икона Божіей Матери, какъ главной покровительницы и владычицы монастыря, была помѣщена надъ главнымъ входомъ и названа потому Портаитиссой.

Легенда эта въ рукописи Екатерининской церкви сопровождалась канономъ, или пѣснопѣніемъ, въ честь Св. Дѣвы, который и навелъ Питру на путь къ одному изъ его важнѣйшихъ открытій [1]. Текстъ этого канона былъ помѣченъ красными точками, которыя устанавливали симметрическія подраздѣленія канона на стихи и строфы. Ключъ къ пониманію секрета греческихъ пѣснопѣній былъ найденъ и, къ счастію, достался въ руки опытнаго, талантливаго и трудолюбиваго ученаго, какимъ былъ Питра, который сталъ дѣятельно продолжать свои поиски.

Въ первой главѣ мы сказали, что ученые, стараясь отыскать въ

---

1) Cabrol, op. c. p. 229—231. Revue des facultés catholiques 1898, p. 842—848. Исторія иконы Портаитиссы находится въ рукописи патріаршей Московской библіотеки подъ № 436. См. каталогъ Маттеи, т. II, № XX, кат. Саввы 1858 г. № 430, кат. арх. Владиміра 1894 г. № 406. См. также Порф. Успенскій, Новое слово объ Аѳоноиверской иконѣ Богоматери. Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія. 1879, мартъ, стр. 380—386.

греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ какой-либо одинъ изъ классическихъ размѣровъ, не достигли положительныхъ результатовъ и остановились на томъ мнѣніи, что пѣснопѣнія эти написаны были прозою. Самъ Питра до своей поѣздки въ Россію послѣ продолжительныхъ разысканій не могъ достичь лучшихъ результатовъ; «онъ не могъ сломать печати съ этихъ таинственныхъ книгъ» [1]). Путешествіе въ Петербургъ и рукопись Екатерининской церкви дали въ руки Питры ключъ къ разрѣшенію этой загадки. Оказалось, что церковная греческая поэзія имѣетъ особый размѣръ, основанный на числѣ слоговъ и на обычномъ удареніи словъ [2]).

Питра изъ Петербурга пріѣхалъ 2 августа 1859 года въ Москву. Остановившись въ домѣ польской церкви, онъ прежде всего жаждалъ увидѣть Кремль. Видъ на Москву, на Замоскворѣчье поразилъ его; по словамъ Питры, самъ Римъ не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнія.

Самое суровое отцовское проклятіе сыну, говоритъ ученый путешественникъ въ другомъ мѣстѣ, будетъ то, если отецъ покажетъ съ горы сыну въ послѣдній разъ Москву и запретитъ ему болѣе возвращаться, чтобы хоть еще разъ взглянуть на священный городъ [3]). Но Питру сильно тревожила возможность неуспѣха его ученой миссіи въ этомъ чужомъ городѣ. Онъ слышалъ, что митрополитъ Филаретъ былъ настроенъ враждебно противъ католиковъ; пріѣздъ-же Питры могъ показаться подозрительнымъ. Къ счастью, онъ нашелъ дѣятельную поддержку во французскомъ консулѣ г. Ливіо (Livio), который представилъ его архимандриту Леониду и тогдашнему губернатору графу Строгонову, у которыхъ Питра нашелъ благосклонный пріемъ и обѣщаніе помощи его дѣлу. Наконецъ насталъ день, когда Питра долженъ былъ представиться Филарету. Митрополитъ жилъ въ отдаленной части города въ подворьѣ Троицкаго монастыря.

Питра удивлялся скромному обиталищу русскаго владыки. Первая аудіенція происходила при посредствѣ французскаго консула, служившаго имъ переводчикомъ. Филаретъ, распросивъ Питру о цѣли его путешествія, обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Дѣйствительно съ 21 сентября и до половины января Питра имѣлъ свободный доступъ въ Синодальную библіотеку, гдѣ онъ былъ обставленъ всѣми удобствами и

---

1) Pitra. Hymnographie, p. 10. Cabrol, op. c. p. 264.
2) Подробнѣе о размѣрѣ мы скажемъ ниже въ III-й главѣ.
3) Battandier, p. 369.

пользовался совѣтами и помощью русскихъ священниковъ и монаховъ. Особенно долго помнилъ Питра обязательнаго и всегда любезнаго монаха Григорія. Кромѣ того, онъ нашелъ на чужбинѣ въ лицѣ доктора Гезена (Dr. Heesen) истиннаго друга и помощника. Гезенъ все время съ нимъ вмѣстѣ работалъ; въ часы же отдыха Питра проводилъ время въ тихой и скромной семейной обстановкѣ доктора.

По приглашенію митрополита Питра присутствовалъ 5 сентября на торжественномъ богослуженіи по случаю совершеннолѣтія наслѣдника Николая Александровича и принесенія имъ присяги. Питра искренне удивлялся той силѣ и бодрости, съ какою престарѣлый митрополитъ выдерживалъ длинную службу.

Запасшись рекомендательнымъ письмомъ архимандрита Леонида, Питра совершилъ поѣздку въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ присутствовалъ на торжественной всенощной наканунѣ праздника Воздвиженія Креста Господня и за обѣдней въ самый праздникъ (14 сент.). Во время всенощной Питра отъ жары и тѣсноты почувствовалъ себя дурно. Выведенный на чистый воздухъ, онъ быстро оправился; холодный потъ, разсказываетъ вѣрный сынъ католической церкви, выступилъ при одной мысли, что онъ могъ умереть тамъ въ русской церкви[1]). Здѣсь Питра познакомился съ профессоромъ Горскимъ. По возвращеніи въ Москву съ помощью князя Оболенскаго Питра могъ даже пользоваться архивами кремлевскаго дворца. Интересны весьма частыя, регулярныя бесѣды Питры съ архимандритомъ Леонидомъ по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ относительно церковныхъ особенностей Западной церкви.

Незадолго до своего отъѣзда Питра получилъ еще аудіенцію у митрополита. Въ качествѣ переводчика былъ назначенъ митрополитомъ г. Кирьяковъ (Kiriaskoff). Пріемъ состоялся 28-го декабря.

«Экипажъ, разсказываетъ Питра, съ большимъ шумомъ въѣхалъ во дворъ нашей польской церкви къ великому удивленію всѣхъ присутствующихъ. До Троицкаго подворья доѣхали весьма быстро. Я нахожу такой-же рядъ бѣдняковъ, въ томъ-же порядкѣ и на той-же лѣстницѣ, какъ и въ первый разъ; пріемныя, которыя въ первый разъ я нашелъ пустыми, сегодня были полны посѣтителей, ожидавшихъ своей очереди. Мнѣ предлагаютъ единственный находящійся тамъ стулъ; но я отказываюсь. Въ пріемныхъ принято ожидать всегда

1) Battandier. p. 377.

стоя; и если самый знатный останется стоять, то считается неудобнымъ передъ нимъ сѣсть, будь тамъ стулья, кресла и диваны для всѣхъ. Въ разговорѣ съ Кирьяковымъ я узналъ, что митрополитъ говоритъ по латыни. Немного спустя намъ докладываютъ, что владыка насъ ждетъ. Я увидѣлъ тѣ-же большіе салоны, какъ и при первомъ пріемѣ. Я вижу старца въ дали третьей залы; тотчасъ мой спутникъ дѣлаетъ глубокій поклонъ (métanie), преклоняясь до земли, касаясь пола правою рукою и наклоняя какъ можно ниже голову въ ожиданіи знака приблизиться. Я продолжаю стоять и дѣлаю небольшой поклонъ (métanie médiocre). Во второй залѣ новые поклоны. Въ третьей залѣ третье колѣнопреклоненіе моего проводника. Владыка садится и дѣлаетъ мнѣ знакъ, чтобы и я сѣлъ. Кирьяковъ остается стоять и обмѣнивается нѣсколькими словами съ владыкой, который черезъ него спрашиваетъ меня, доволенъ-ли я своимъ пребываніемъ въ Россіи и Москвѣ. Я сразу отвѣчаю полатыни «Bene, optime et prospere res se habent» и прошу позволенія продолжать бесѣду на этомъ общемъ намъ нарѣчіи. При звукахъ языка, на которомъ можно было объясняться безъ помощи третьяго лица, владыка отвѣтилъ: «Datur libentissime et venia et copia latine loquendi». Происшедшій разговоръ буквально записанъ Питрой.

— Я считаю своимъ долгомъ, началъ онъ, поблагодарить тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя осыпали меня знаками своего расположенія; среди нихъ я долженъ особенно упомянуть о выдающемся владыкѣ, первой причинѣ такого превосходнаго пріема, и мнѣ пріятно лично выразить ему мою благодарность.

— И я самъ, отвѣчалъ митрополитъ, нарушилъ-бы всѣ обязанности гостепріимства, еслибы не принялъ со всѣмъ вниманіемъ монаха и иностранца.

— Говорятъ, Ваше Высокопреосвященство, что монахи обладаютъ превосходною памятью; это есть по крайней мѣрѣ качество, приписываемое бенедиктинцамъ; и я воспользуюсь моею памятью, чтобы никогда не забыть о всевозможныхъ благодѣяніяхъ, которыми я былъ осыпанъ въ этомъ городѣ Москвѣ. Мнѣ будетъ отрадно вспомнить о пріятномъ знакомствѣ съ извѣстными людьми, между которыми я назову Кирьякова, ученаго архимандрита Сергія, Ѳеодора и ихъ викарія Григорія. Но выше всякихъ похвалъ я ставлю глубоко любимаго и уважаемаго владыку Леонида, пріятное воспоминаніе о которомъ останется запечатлѣннымъ въ моемъ сердцѣ.

— Я постараюсь, чтобы всѣ эти слова дошли по своему назначенію. Но скажите, прошу васъ, какая была ваша главная цѣль и основаніе столь долгаго пребыванія?

— Патріаршая библіотека превзошла всѣ мои желанія. Я думаю, что по греческому отдѣлу это четвертая или пятая изъ европейскихъ библіотекъ, а что касается до литургіи и каноническаго права, то я ей опредѣлилъ-бы третье мѣсто, считая выше ея только библіотеку Ватикана и Парижа. Насколько помню, я уже сказалъ Вашему В. Пр—ву, что моею цѣлью было собрать памятники каноническаго права и литургіи.

Питра изложилъ довольно подробно митрополиту о томъ, чѣмъ онъ занимался и что нашелъ въ Москвѣ; между прочимъ Питра сказалъ, что онъ сравнивалъ изданныя книги съ древнѣйшими рукописями и нашелъ между ними большое различіе.

Владыка слушалъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Другіе замѣтили то-же самое различіе; но разница гораздо меньше между греческими рукописями и старыми славянскими переводами.

— Я поспѣшилъ присоединиться къ этому замѣчанію, не дѣлая различія между книгами старовѣровъ и книгами оффиціальной церкви. Я также, благодаря лицамъ, хорошо знакомымъ со славянскимъ языкомъ, замѣтилъ, что въ славянскихъ книгахъ можно найти то, чего уже нѣтъ теперь въ греческихъ печатныхъ литургическихъ книгахъ.

— Да, сказалъ Владыка, наши древніе переводчики были людьми безукоризненной точности и хорошо знали греческій языкъ, откуда слѣдуетъ, что греческая древность сохранилась у насъ чище и вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

— Къ тому же, поспѣшилъ я прибавить, они имѣли болѣе древнія рукописи и гораздо лучшаго письма, чѣмъ тѣ, которыя служили грекамъ для ихъ первыхъ изданій XVI вѣка. Но, если я не ошибаюсь, они имѣли подъ руками какія-то позднѣйшія рукописи, а ихъ они перепечатали неточно: очень много вещей оттуда выкинули, а другія по своему произволу вставили.

— Но, перебилъ немного живѣе Владыка, какая же цѣль этихъ вашихъ занятій?

— Все это, отвѣчалъ я, останется погребеннымъ въ моихъ картонахъ и, по всей вѣроятности, не увидитъ свѣта до тѣхъ поръ, пока Богъ не возвратитъ намъ спокойствія. Если мы дождемся мира, то я

надѣюсь съ помощью моихъ братьевъ той-же конгрегаціи св. Бенедикта сдѣлать критическое, безукоризненное изданіе каноническихъ и литургическихъ греческихъ книгъ. Но это изданіе врядъ-ли можетъ состояться безъ того, чтобы одинъ изъ членовъ нашего ордена не возвратился въ Москву съ цѣлью еще разъ пересмотрѣть рукописи, которыми я пользовался. Въ этомъ случаѣ, еслибы бенедиктинскій монахъ, болѣе дѣятельный и молодой, чѣмъ я, имѣлъ честь предстать передъ Вашею Святостью, осмѣлился-бы я просить принять его съ тою-же добротою и снисходительностью, которыя были оказаны мнѣ?

— Я весьма охотно это вамъ обѣщаю; я желалъ-бы, чтобы всѣ ваши братья знали, что я и мои преемники окажутъ имъ, насколько это будетъ зависѣть отъ насъ, всѣ желаемыя облегченія, толькобы занятія вашихъ братьевъ, какъ и ваши собственныя, происходили въ мирѣ и спокойствіи.

— Это было всегда неизмѣннымъ правиломъ нашего ордена, которое уже много вѣковъ выражается однимъ словомъ Pax.

— Золотое правило. Да будетъ угодно Богу, чтобы согласіе всѣхъ душъ состоялось въ мирѣ.

— Таково и мое самое дорогое желаніе, и я не стану скрывать отъ Васъ, уважаемый Владыка, что въ нашемъ аббатствѣ въ Solesmes мы имѣемъ уже старинный обычай молиться каждую недѣлю, въ опредѣленный день, за миръ и примиреніе всѣхъ христіанъ и всѣхъ церквей, чтобы было едино стадо и единъ Пастырь.

— Хорошо, хорошо, и продолжайте такъ, почтенные монахи; мы также молимся и не каждую недѣлю, но каждый день за миръ всей церкви.

— Наши молитвы, отвѣтилъ я, ежечасно возносятся къ Богу съ мольбою только объ одномъ, о мирѣ и единеніи всѣхъ братьевъ во Христѣ. Мы сыновья миротворцевъ и дѣтей мира.

Отцы наши, тому уже пятнадцать вѣковъ, видѣли совершенное согласіе между Восточной и Западной церковью; они были свидѣтелями церковнаго мира; мы, сыны ихъ, не хотимъ умереть, не увидавъ этого возстановленнаго во Христѣ мира. Іисусъ Христосъ есть небесный и земной миръ, и мы хотимъ пѣть съ нашими отцами: «Gloria in excelsis Deo et pax hominibus bonae voluntatis».

— Amen, amen, отвѣчалъ Владыка, отпуская Питру[1]).

1) Battandier p. 386—390. Вся эта бесѣда митрополита съ Питрою, по утвержденію послѣдняго, записана имъ почти слово въ слово.

Во время праздника Рождества Питра получилъ отъ своихъ московскихъ знакомыхъ много подарковъ. Но пора было уже уѣзжать. Распростившись и поблагодаривъ архимандрита Леонида, Гезена и другихъ, Питра 15-го января 1860 года покинулъ Москву и возвратился въ Петербургъ.

Но на прощанье Москва преподнесла ученому бенедиктинцу совершенно неожиданный и чрезвычайно интересный подарокъ. Въ концѣ своего пребыванія въ Москвѣ, когда уже близилось время отъѣзда изъ Россіи, Питра, во время одного изъ своихъ послѣднихъ посѣщеній Синодальной библіотеки, случайно натknулся на греческую рукопись съ заглавіемъ Κοντάκιον. Начала и конца рукописи не было[1]. Перелистывая ее, онъ невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ пѣснопѣніи, которое поразило его своею звучностью и поэтическимъ содержаніемъ. Это была извѣстная Рождественская пѣснь: «Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ»[2]. Охваченный прелестью этой новой поэзіи, Питра продолжалъ свое чтеніе. За пѣснопѣніемъ на Рождество слѣдовали другія пѣснопѣнія объ Іоаннѣ Крестителѣ, Св. Стефанѣ, Страшномъ Судѣ и др. Все это принадлежало вдохновенію извѣстнаго Романа Сладкопѣвца и нѣкоторыхъ другихъ пѣснопѣвцевъ. Между тѣмъ Питрѣ не было времени: ему надо было уѣхать и покинуть эту драгоцѣнную, такъ счастливо попавшую ему въ руки рукопись. Питра понялъ, что здѣсь лежитъ передъ нимъ совершенно новая книга, которую нужно списать. «Но скиѳская зима плохо согрѣвала его; руки, онѣмѣвъ отъ восьмимѣсячнаго труда, слабѣли; Питра съ глубокой грустью собралъ паруса, моля судьбу дать ему возможность въ другомъ мѣстѣ пристать къ подобнымъ хранилищамъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ»[3].

Но не скоро судьба услышала мольбу неутомимаго ученаго. Проходили годы въ безуспѣшныхъ поискахъ второй подобной рукописи. Воспоминаніе о московскомъ кодексѣ было для Питры воспомина-

---

1 Свѣдѣнія объ этомъ кодексѣ можно найти у Питры въ Analecta Sacra. T. I. p. XIII—XV. Описаніе этого кодекса можно найти и въ русской литературѣ, напр., у Филарета Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изданіе. Черниговъ 1864 г. 199—202; его-же Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Изд. 2. Т. III. Спб. 1882 г. 118—119.

2) Греч. текстъ см. у Pitr. Analect. Sacr. t. I p. 1; Christ et Paranikas. Anthologia p. 97.

3) Pitra. Analecta Sacra. T. I p. VII: Sed hiems Scythica male urebat...

ніемъ о потерянномъ раѣ [1]). И только уже во времена своего кардинальства, Питрѣ удалось найти въ библіотекѣ Корсини второй экземпляръ московской рукописи, а въ Туринѣ и третій. На основаніи двухъ этихъ рукописей были изданы имъ въ 1876 году произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ [2]). О существованіи четвертой болѣе полной рукописи на островѣ Патмосѣ Питра узналъ позднѣе, такъ что не могъ привлечь ее къ изданію своихъ пѣснопѣвцевъ [3]).

Покинувъ Петербургъ вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Москвы, Питра дѣлалъ обратный путь при двадцатиградусномъ морозѣ въ экипажѣ съ разбитыми стеклами и наконецъ на простыхъ саняхъ съ помощью двухъ крестьянъ; онъ ѣхалъ между двумя снѣжными стѣнами вышиною въ человѣческій ростъ, черезъ обширные сосновые лѣса, черезъ бѣлыя равнины, на которыхъ бушевалъ настоящій холодный сибирскій вѣтеръ [4]). Такимъ образомъ Питра добрался до Варшавы. Этимъ кончаются ученыя странствованія Питры въ невѣдомой и подчасъ страшной для него Россіи. Результаты его поѣздки были блестящи. «Да будетъ благословенно путешествіе по Россіи, которое открываетъ намъ цѣлый неизвѣстный міръ», пишетъ позднѣе въ 1867 году аббатъ Геранже (Guéranger), по прочтеніи греческой гимнографіи Питры [5]).

Изъ Варшавы Питра черезъ Прагу, Вѣну, въ которой онъ имѣлъ продолжительную остановку, прибылъ въ октябрѣ въ Парижъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Римъ, былъ ласково принятъ папою и все время продолжалъ неустанно работать въ Ватиканѣ. По пріѣздѣ Питры въ Римъ тамъ было узнано, что онъ открылъ секретъ византійскихъ пѣснопѣній. На многочисленные запросы по этому поводу Питра, до появленія своей знаменитой гимнографіи, прочелъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи католической религіи 3-го іюля 1862 года докладъ о своемъ открытіи. Семь кардиналовъ,

---

1) Cabrol. Hist. du Card. Pitra. p. 269=Revue des facultés catholiques. 1893 Fevr. p. 348.

2) Pitra. Analecta Sacra. I p. VI—VII. Cabrol. op. c. p. 269.

3) Cabrol въ Revue des fac. cath. 1893 Fevrier. p. 348. Объ изданіи Питрой на основаніи Патмосской рукописи трехъ гимновъ Романа Сладкопѣвца ко дню юбилея папы Льва XIII будетъ сказано ниже. Полное изданіе Романа на основаніи всего рукописнаго мутеріала приготовляется Крумбахеромъ. См. Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur. S. 318.

4) Battandier. p. 391.

5) Battandier. p. 528.

множество прелатовъ и весь ученый, литературный Римъ присутствовалъ на этомъ засѣданіи.

За многочисленные труды и заслуги Питры папа въ мартѣ 1863 г. возвелъ его въ санъ кардинала.

Результатомъ его занятій въ Россіи и другихъ странахъ явились два тома церковнаго греческаго права, которые содержатъ въ себѣ каноническіе памятники греческой церкви, начиная съ постановленій апостольскихъ и кончая Номоканономъ, приписываемымъ Фотію [1]). Сопровождающія изданный текстъ ученыя введенія и примѣчанія представляютъ изъ себя настоящую исторію каноническаго права византійской церкви и ея источниковъ. Въ 1867 году вышло его знаменитое сочиненіе по греческой гимнографіи, гдѣ онъ говоритъ подробно о своемъ открытіи и опредѣляетъ общіе законы этой литургической поэзіи [2]). Въ 1876 г. появился первый томъ Analecta Sacra, въ которомъ авторъ говоритъ о греческихъ пѣснопѣніяхъ и издаетъ громадное количество до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ твореній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Въ этомъ томѣ заключается болѣе двухъсотъ пѣснопѣній на годовые праздники, въ честь Святыхъ и нѣкоторыхъ лицъ Ветхаго Завѣта, Адама, Ноя и другихъ [3]).

Въ началѣ 1869 года Питра былъ назначенъ на мѣсто кардинала Тости библіотекаремъ Римской церкви. Семидесятые годы принесли Питрѣ много горя. Такія событія, какъ занятіе Рима войсками Пьемонта въ сентябрѣ 1870 г., разгромъ Франціи Пруссіей и, наконецъ, смерть его искренняго доброжелателя и покровителя папы Пія IX (7-го февраля 1878 г.), не могли не произвести на кардинала глубокаго, тяжелаго впечатлѣнія. Но составленіе каталога ватиканскихъ ученыхъ сокровищъ и открытіе доступа ученымъ въ Ватиканскую библіотеку, что случилось уже при новомъ папѣ Львѣ XIII, являлось исполненіемъ однихъ изъ самыхъ завѣтныхъ думъ и мечтаній ученаго кардинала. Въ 1879 году Питра былъ назначенъ епископомъ во Фраскатти недалеко отъ Рима, а въ 1884 г. въ Порто. Въ 1884 году появились II, III и IV томы его Analecta Sacra.

Съ 1885 г. его крѣпкое здоровье начало слабѣть. Возникшія не-

1) Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta. Roma. I T. 1864; T. II. 1868.

2) Hymnographie de l'Eglise Grecque. Rome. 1867. Еще раньше въ Analecta juris pontificii (1863 г. Т. III, 1417—1427) Питра выпустилъ въ свѣтъ хорошую статью объ этомъ своемъ открытіи; но она прошла почти незамѣченною. См. Cabrol. op. c. p. 265. Battandier p. 519.

3) Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi parata. Parisiis. 1876.

доразумѣнія съ папой и смерть любимой сестры еще болѣе подорвали и безъ того уже падавшія силы Питры.

Въ 1886 году минуло пятьдесятъ лѣтъ служенія его въ духовномъ санѣ. Весь ученый европейскій міръ отозвался на этотъ праздникъ кардинала и всячески старался выказать свою къ нему симпатію и уваженіе.

Въ 1888 году праздновался съ необычайною торжественностью пятидесятилѣтній юбилей папы Льва XIII, во время котораго Питра поднесъ юбиляру изданные имъ впервые на основаніи Патмосской рукописи три отрывка изъ твореній знаменитаго Романа Сладкопѣвца[1]). Въ 1888 году неутомимый ученый издалъ пятый томъ своихъ Analecta Sacra[2]). Болѣзнь между тѣмъ медленно, но вѣрно дѣлала свое дѣло; неустанные труды больного еще болѣе способствовали ея скорѣйшему развитію. Несмотря на это, Питра смогъ еще окончить изданіе писемъ Димитрія Хоматина, которыя закончили труды кардинала по наукѣ византійскаго каноническаго права[3]).

Утромъ 9 февраля 1889 года больной почувствовалъ себя лучше; но послѣ трехъ часовъ дня въ состояніи Питры вдругъ произошло сильное ухудшеніе. Въ семь часовъ вечера крупная слеза выкатилась изъ глазъ умирающаго, онъ слабо вздохнулъ и отдалъ Богу свою безсмертную душу[4]).

Смерть похитила Питру у науки, когда онъ собирался подарить ее своимъ большимъ сочиненіемъ о греческой поэзіи. Со смертью Питры наука понесла тяжкую, до сихъ поръ не вознаградимую потерю. Онъ является въ греческой гимнографіи, по выраженію одного біографа, вторымъ Христофоромъ Колумбомъ. Въ оставшихся послѣ смерти рукописяхъ кардинала найдется, навѣрное, матеріала еще на десять томовъ Analecta, но для пользованія ими нуженъ талантъ, любовь къ труду, обширный, тонкій умъ, чѣмъ такъ щедро былъ отъ природы одаренъ покойный кардиналъ. Драгоцѣнный камень еще

---

1) Sanctus Romanus veterum melodorum princeps. Cantica sacra ex codd. mss. mon. S. Ioannis in insula Patmo primam in lucem ed. card. Pitra. Romae. 1887.

2) Analecta Sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. T. V, 1 vol. Paris et Rome. 1888.

3) Analecta Sacra et classica. v. VII. Juris ecclesiastici graecorum selecta paralipomena. Paris. 1891. Издано уже послѣ смерти Питры Battandier. См. разборъ этой книги въ Византійскомъ Временникѣ за 1895 г. T. II. 3 с. 426—438.

4) Письмо Battandier къ аббату Lazaire отъ 11-го февраля 1889 г. См. Cabrol. op. c. p. 366. Battandier p. 397.

находится у насъ въ рукахъ, но нѣтъ искуснаго мастера. Не могли продолжать кардинала Маи; не продолжать и кардинала Питру[1]).

III.

Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

Открытая Питрою схолія грамматика Θеодосія Александрійскаго, о которой мы уже упоминали выше[2]), помогла кардиналу разгадать секретъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній.

Въ этой схоліи говорится: если кто-нибудь хочетъ составить канонъ, онъ долженъ сначала установить мелодію ирмоса, потомъ присоединять къ нему тропари, которые совершенно-бы совпадали съ ирмосомъ по числу слоговъ и ударенію и въ то же время отвѣчали-бы цѣли пѣснопѣнія (т. е. тому предмету, о которомъ было предположено говорить въ канонѣ)[3]).

Итакъ, схолія эта даетъ самое опредѣленное правило относительно составленія канона; отдѣльныя его пѣсни, или тропари, подчиняются двумъ законамъ: они должны имѣть одно и то же число слоговъ и одинаковое удареніе съ первою строфою тропаря, т. е. съ ирмосомъ. Стевенсонъ взялъ на себя трудъ провѣрить это положеніе, принятое Питрою. Просмотрѣвъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ изданныя Питрою пѣснопѣнія Романа Сладкопѣвца и самые знаменитые каноны греческой церкви, пришелъ къ тому заключенію, что эта теорія совершенно справедлива, и стихи, за немногими исключеніями, согласно выраженію Θеодосія, являются ἰσοσυλλαβοῦντα и ὁμοτονοῦντα[4]).

Относительно-же ударенія надо помнить, что къ византійскому времени разница между острымъ и облеченнымъ удареніемъ древнегреческаго языка исчезла. Явленіе это началось съ первыхъ вѣковъ

---

1) Battandier p. 525 и 755.

2) См. стр. 17.

3) Ἐάν τις θέλῃ ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἱρμόν, εἶτα ἐπαγαγεῖν τὰ τροπάρια, ἰσοσυλλαβοῦντα καὶ ὁμοτονοῦντα τῷ εἱρμῷ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσώζοντα. Pitra Hymnographie de l'église grecque. p. 31—32; его-же Analecta Sacra I p. XLVII. Переводъ этого отрывка, данный Питрою, принятый Стевенсономъ (Revue des quest. hist. II (1876) p. 504—505) и нами, нашелъ противника относительно перевода слова σκοπός черезъ французское but, русское—цѣль, въ лицѣ ученаго Криста, который слово σκοπός переводитъ «мелодія». (Sitzungsber. der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1870. S. 100).

4) Stev. p. 505—506.

христіанства. Несоблюденіе правилъ классической просодіи относительно долготы и краткости слоговъ можно встрѣтить уже въ гимнѣ Климента Александрійскаго, въ гимнахъ Синезія, Григорія Богослова и даже въ поэмѣ мученика Меѳодія συμπόσιον παρθένων, которая относится къ первымъ годамъ IV-го вѣка. Удареніе, съ теченіемъ времени одержавъ побѣду надъ долготою и краткостью слоговъ, дѣлается основнымъ элементомъ народной поэзіи всѣхъ временъ [1]).

Итакъ, въ греческихъ пѣснопѣніяхъ замѣчается два основныхъ закона: одинаковое удареніе и одинаковое число слоговъ съ ирмосомъ.

Но на первый взглядъ нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ иногда являются отступленія отъ двухъ вышеупомянутыхъ законовъ церковнаго стихосложенія. Удареніе не занимаетъ того-же мѣста во всѣхъ строфахъ, какое оно занимаетъ въ ирмосѣ; число слоговъ бываетъ въ различныхъ мѣстахъ неодинаково.

Послѣ работъ Питры, основателя науки о церковныхъ пѣснопѣніяхъ, Криста, Стевенсона, работа котораго по вопросу о разработкѣ размѣра греческихъ пѣснопѣній признается нѣкоторыми классическою [2]), августинца Буви [3]) — можно прійти къ тому выводу, что всѣ эти видимыя отступленія отъ основного закона сводятся къ тремъ легко объяснимымъ случаямъ: къ двухсложнымъ частицамъ и двухсложнымъ мѣстоименіямъ, многосложнымъ proparoxytona и oxytona и, наконецъ, къ properispomena, за которыми слѣдуетъ энклитика [4]).

Дѣйствительно, иногда удареніе въ двухсложныхъ частицахъ и двухсложныхъ мѣстоименіяхъ не согласуется съ тоническимъ размѣромъ даннаго пѣснопѣнія. Въ тропаряхъ встрѣчаются иногда нарѣчія ἀλλά, οὐδέ, μηδέ и др., предлоги — παρά, ὑπέρ, ἀπό и т. д., мѣстоименія — ἐγώ, ἐμοῦ, ἡμεῖς, αὐτός и др., — тамъ, гдѣ тоническій размѣръ требовалъ-бы ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

---

1) Stev. p. 516. Текстъ указанныхъ гимновъ и поэмы см. у Christ Anthologia. S. 37—38, 1—23, 23—32 и 33—37.

2) См. рецензію на работу Стевенсона въ Revue Critique за 1889 г. I p. 267. См. также упомянутый уже нами рефератъ на работу Стевенсона Купиториса Περὶ τοῦ ῥυθμοῦ въ Bulletin de Correspondance Hellénique. 1878 (II) p. 372—391.

3) Ed. Bouvy. Poètes et Mélodes. Etude sur les origines du rythme tonique dans l'hymnographie de l'église grecque. Nimes. 1886 p. 270—360. См. не особенно благопріятную рецензію на эту книгу Теодора Рейнака въ Revue critique. 1887 II p. 242—247.

4) Краткое изложеніе выводовъ Питры о законахъ ритмической церковной поэзіи можно найти также у Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes (Zeitschrift für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 189—190).

Но подобныя короткія слова, безпрестанно употребляясь въ обиходѣ, не всегда произносились съ яснымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Да къ тому же, это можно смѣло извинить пѣснопѣвцамъ, какъ поэтическую вольность; вѣдь и въ классической поэзіи найдется не одинъ примѣръ различныхъ поэтическихъ вольностей. Конечно, пѣснопѣвцамъ можно было-бы иногда избѣгнуть нарушенія размѣра съ помощью анастрофы, когда удареніе въ предлогахъ, напримѣръ, переходитъ на первый слогъ. Но пѣснопѣвцы анастрофы не знаютъ.

Что касается до многосложныхъ proparoxytona и oxytona, то въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся лишь съ видимымъ затрудненіемъ. Часто въ тропаряхъ извѣстной пѣсни канона стоитъ многосложное oxytonon, напримѣръ, φωτισμός, ταπεινός, тогда какъ соотвѣтствующія имъ слова въ ирмосѣ являются θάνατος, πόλεμος—proparoxytona. Повидимому, здѣсь возникаетъ вопросъ о двойномъ нарушеніи тоническаго размѣра: въ первомъ случаѣ слово имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а не имѣетъ его на первомъ,—во второмъ случаѣ имѣетъ удареніе на первомъ и не имѣетъ его на послѣднемъ слогѣ. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. Многосложное слово oxytonon въ произношеніи имѣетъ такое-же удареніе на первомъ слогѣ, какъ и на послѣднемъ, хотя первое удареніе и не пишется; наоборотъ, proparoxytonon имѣетъ такое-же не изображаемое въ письмѣ удареніе и на послѣднемъ слогѣ. Если хотѣли-бы изобразить эти слова съ полнымъ удареніемъ, то нужно было-бы писать φώτισμός, τάπεινός, а во второмъ случаѣ θάνατός, πόλεμός. Отсюда видно, что въ этомъ случаѣ нѣтъ нарушенія тоническаго размѣра. Можетъ быть, въ полномъ отожествленіи Стевенсономъ proparoxytona съ oxytona и есть нѣкоторое преувеличеніе, на что одни писатели и указываютъ[1]); но такія тонкости ударенія не могутъ все-таки вліять на тоническій размѣръ извѣстнаго пѣснопѣнія. Все вышесказанное относится ко всякому слогу съ удареніемъ, за которымъ слѣдуютъ два другіе безъ ударенія; при чемъ совершенно безразлично, будетъ-ли это одно слово, или различныя слова. Въ четвертой пѣсни канона Козьмы на праздникъ Богоявленія три первыя строфы начинаются словами ἀκήκοα, ῥυπτόμενον, ὑπέφηνεν; но, такъ какъ произносятся эти слова собственно съ двумя удареніями ἀκήκοά, ῥυπτόμενόν, ὑπέφηνέν, то Козьма четвер-

1) См. напр. Bouvy. op. c. p. 287—289.

тую строфу съ полнымъ правомъ начинаетъ двумя словами ψυχῆς τελῶν[1]). При этомъ не надо забывать, что въ византійское время разницы между острымъ и облеченнымъ ударенiемъ въ произношенiи не было. Однимъ словомъ, для византiйскаго времени дактиль и анапестъ не имѣли почти никакого различія.

Третье исключеніе, касающееся словъ proper̆ispomena, за которыми слѣдуетъ энклитика, является въ позднѣйшихъ рукописяхъ и послѣднихъ венеціанскихъ изданіяхъ. Византiйскiе-же пѣснопѣвцы, начиная съ Романа, не знали того явленія, что энклитика, если ей предшествуетъ properispomenon, должна лишаться своего ударенія и переносить его на это слово. Пѣснопѣвцы не произносили εὗρές με, πνεῦμά μου, но εὗρες με, πνεῦμα μοῦ. Стевенсонъ доказываетъ это изученiемъ рукописнаго матеріала кондаковъ Романа и каноновъ. Только съ XV вѣка въ литургическихъ книгахъ начинаютъ встрѣчаться настоящія грамматическія ударенія. Причину этого можно видѣть въ исчезновенiи съ первыхъ вѣковъ христіанства различія между долгими и краткими слогами. Въ византійское время облеченное удареніе потеряло свой смыслъ; для византiйскаго уха безразлично было произносить σῶμα или σώμα, τοῦτον или τούτον, κῆπος или κήπος и др.

Первыя венеціанскія изданія богослужебныхъ книгъ, сдѣланныя на основанiи рукописей, не лишаютъ энклитическія слова ихъ ударенія въ вышеприведенномъ случаѣ. Позднѣйшія-же изданія, строго соблюдая грамматическія правила относительно энклитикъ, внесли большія неправильности въ размѣръ пѣснопѣній. Надо сказать, что и самъ Питра въ своемъ изданiи Analecta Sacra придерживался въ данномъ случаѣ грамматики, хотя въ предисловiи и говорилъ, что односложныя энклитики послѣ proparoxytona могутъ сохранять свое удареніе, если этого требуетъ размѣръ[2]).

Соблюдая правильное чередованіе ударенiй, пѣснопѣвцы иногда нарушаютъ и другія требованія грамматики. Іоаннъ Мавропъ (Ioannes Mauropus), евхаитскій митрополитъ XI вѣка, въ своемъ канонѣ въ честь Ангела Хранителя даетъ слѣдующій примѣръ. Во второмъ тропарѣ авторъ поставилъ четыре раза союзъ ὅταν съ сослагательнымъ наклоненiемъ, которое въ данныхъ глаголахъ могло имѣть уда-

---

1) См. Christ et Par. Anthologia. p. 170.

2) Analecta Sacra. Proleg. p. XC. canon. VIII.

реніе proparoxytonon; но желая окончить и слѣдующій стихъ proparoxytonon, онъ неожиданно въ зависимости отъ ὅταν ставитъ изъявительное наклоненіе. Произошло это вслѣдствіе желанія автора сохранить тоническій размѣръ[1]).

Желаніемъ-же не нарушать чередованія удареній объясняется и то, что пѣснопѣвцы пишутъ иногда въ звательномъ падежѣ σωτὴρ и σῶτερ, πατὴρ и πάτερ, θυγάτηρ и θύγατερ. Пѣснопѣвцы въ превосходной степени именъ прилагательныхъ ставятъ иногда мужескій родъ вмѣсто женскаго; такъ, говорятъ, напримѣръ, δυσωδέστατον φθοράν, τὴν ὑπέρτατον στάσιν, τὴν ἀθεώτατον γνώμην. Впрочемъ, примѣры послѣдняго рода можно встрѣтить и въ классическихъ произведеніяхъ Гомера и Өукидида[2]).

Односложныя слова, пишутся-ли они безъ ударенія (ἄτονοι) или съ удареніемъ, могутъ произноситься въ пѣснопѣніяхъ по желанію самихъ пѣснопѣвцевъ, т. е. по требованію размѣра, или съ удареніемъ или безъ ударенія.

Иногда союзы, требующіе сослагательнаго наклоненія, напримѣръ ἄν, ἐάν, союзъ цѣли ἵνα, пѣснопѣвцами употребляются съ различными временами изъявительнаго наклоненія.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду вышеизложенныя отступленія отъ одного изъ основныхъ законовъ греческихъ средневѣковыхъ размѣровъ, можно въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ наблюдать одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній.

Это явленіе имѣетъ силу не только въ произведеніяхъ, написанныхъ тоническимъ размѣромъ, или, по выраженію Өеодора Продрома δίχα μέτρου, но и въ метрическихъ канонахъ. Разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить извѣстный ямбическій канонъ Іоанна Дамаскина на Рождество Христово; здѣсь ударенія стиховъ ирмоса буквально повторяются въ соотвѣтствующихъ стихахъ тропарей. Для примѣра приведемъ ирмосъ и слѣдующій за нимъ тропарь первой пѣсни канона[3]).

---

1) Stevenson. p. 512—513.

2) Напр. Odyss. IV, 442: φωκάων ἁλιοτρεφέων ὀλοώτατος ὀδμή. Thycydides. III, 101: ταύτη γὰρ δυσεσβολώτατος ἡ Λοχρίς; III 89: βιαιότερον τὴν ἐπίκλυσιν; V, 110: ἀπορώτερος ἡ λῆψις.

3) Christ et Par. Anthologia. p. 205. Конечно, при сравненіи нужно имѣть въ виду всѣ перечисленныя выше правила и отступленія.

Ирмосъ.	Тропарь.
Ἔσωσε λαὸν θαυματουργῶν δεσπό-της	Ἤνεγκε γαστὴρ ἡγιασμένη λόγον,
Ὑγρὸν θαλάσσης κῦμα χερσώσας πάλαι	Σαφῶς ἀφλέκτῳ ζωγραφουμένη βάτῳ,
Ἑκὼν δὲ τεχθεὶς ἐκ κόρης, τρίβον βατὴν	Μιγέντα μορφῇ τῇ βροτησίᾳ θεόν,
Πόλου τίθησιν ἡμῖν, ὃν κατ' οὐσίαν	Εὔας τάλαιναν νηδὺν ἀρᾶς τῆς πά-λαι
Ἶσόν τε πατρὶ καὶ βροτοῖς δοξάζο-μεν.	Λύοντα πικρᾶς, ὃν βροτοὶ δοξάζο-μεν.

Здѣсь мы привели только ирмосъ и одинъ тропарь первой пѣсни; но то же явленіе замѣчается во всемъ канонѣ.

Послѣ этого трудно отрицать такое послѣдовательное повтореніе удареній въ пѣснопѣніяхъ греческой церкви. Между тѣмъ ученый Христъ возстаетъ противъ этого положенія и говоритъ, что совпаденіе удареній бываетъ отнюдь не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ слогахъ[1]). Для доказательства онъ обращается къ музыкальнымъ нотамъ, которыя во многихъ рукописяхъ указываютъ мелодію ирмоса. Но выведенное изъ разсмотрѣнія этого новаго матеріала заключеніе Христа относительно того, что не всѣ ударенія стиха имѣютъ одинаковую силу, не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ самыя музыкальныя ноты того времени, на основаніи которыхъ ученый дѣлаетъ свои выводы, еще не достаточно изучены для того, чтобы на основаніи ихъ можно было строить какія-либо теоріи. Кромѣ того, развѣ вышеприведенная схолія Өеодосія Александрійскаго уже не даетъ для составленія пѣснопѣній точныхъ и опредѣленныхъ указаній?

Такимъ образомъ одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній является первымъ изъ двухъ основныхъ законовъ ритмической церковно-греческой поэзіи.

Вторымъ основнымъ закономъ ритмической поэзіи является правило, чтобы число слоговъ въ тропаряхъ было одинаково съ числомъ слоговъ въ ихъ ирмосѣ. Но иногда замѣчается увеличеніе или уменьшеніе числа слоговъ въ извѣстномъ стихѣ тропаря сравнительно съ соотвѣтствующимъ стихомъ ирмоса. Оказывается, что это явленіе можетъ быть только въ началѣ и въ концѣ стиха и съ тѣмъ только условіемъ, чтобы этимъ не нарушалось правиль-

1) Christ et Par. Proleg. p. LXXX sq.

ное чередованіе удареній. Дѣйствительно въ правильномъ текстѣ тропаря нельзя найти бо́льшаго или меньшаго числа слоговъ сравнительно съ ирмосомъ по весьма простой причинѣ: въ томъ и другомъ случаѣ былъ-бы нарушенъ правильный рядъ удареній. Если-же въ извѣстномъ стихѣ есть лишній слогъ сравнительно съ соотвѣтствующимъ стихомъ ирмоса, то обыкновенно онъ служитъ дополненіемъ того слога, котораго недостаетъ въ началѣ слѣдующаго стиха; наоборотъ, если стихъ на одинъ слогъ короче соотвѣтствующаго стиха ирмоса, то этотъ недостающій слогъ обыкновенно можно найти въ лишнемъ слогѣ слѣдующаго стиха. По правиламъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній тропарь, взятый въ цѣломъ, долженъ соотвѣтствовать по числу слоговъ своему ирмосу. Но чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ равномъ числѣ слоговъ тропаря съ ирмосомъ, нужно не всегда ихъ сравнивать стихъ за стихомъ. Это средство справедливо для опредѣленія ударенія; но для числа слоговъ иногда нужно сравнить тропарь весь цѣликомъ съ первою строфою, т. е. съ его ирмосомъ.

Иногда однако, особенно въ канонахъ, въ началѣ и концѣ стиха бываетъ однимъ слогомъ болѣе, чѣмъ въ первой строфѣ; при чемъ послѣдующій или предыдущій слогъ имѣетъ должное число слоговъ. Въ канонѣ Козьмы на Воздвиженіе Креста, во второмъ стихѣ четвертой строфы первой пѣсни, τοῦ σταυροῦ τὸ τρόπαιον послѣднее слово τρόπαιον, очевидно, имѣетъ лишній слогъ, такъ какъ послѣдующій стихъ полонъ, а остальные соотвѣтствующіе ему стихи въ первой, второй и третьей строфѣ этой пѣсни канона всѣ имѣютъ по шести слоговъ [1]). Такое же явленіе повторяется четыре раза въ очень древнемъ гимнѣ неизвѣстнаго автора, изданномъ Питрою [2]). Подобныхъ примѣровъ можно много найти среди произведеній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Это можетъ служить доказательствомъ того, что пѣснопѣвцамъ было позволено оканчивать иногда стихъ безразлично дактилемъ, или трохеемъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы этимъ не нарушался тоническій размѣръ.

Раньше мы сказали, что прибавка слога можетъ быть только въ концѣ стиха. Но въ одномъ извѣстномъ Ὁ ὑψωθεὶς ἐν τῷ σταυρῷ ἑκουσίως. во всѣхъ изданіяхъ такой лишній слогъ встрѣчается въ серединѣ четвертаго стиха, чѣмъ нарушается мелодія; въ стихѣ εὔφρανον ἐν τῇ

1) Christ. Anthologia. p. 161.

2) Pitra. Anal. Sacra. I, p. 482—484. См. р. 685, гдѣ указаны эти четыре неправильныхъ стиха.

δυνάμει σοῦ гармоническая послѣдовательность удареній нарушается интерполяціей слоговъ ἐν τῇ [1]).

Кромѣ всего этого, можно еще отмѣтить нѣсколько частностей въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ. У нихъ допускается зіяніе (hiatus); элизіей они пользуются лишь изрѣдка. Довольно часто въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ встрѣчаются сокращенія наиболѣе употребительныхъ словъ; такъ, вмѣсто Θεός, σωτήρ, Χριστός, σταυρός, ἄνθρωπος они пишутъ довольно часто Θς, σηρ, Χς, στρς ἄνος; сложныя слова, какъ Θεοτόκος, Χριστοφόρος, даже у лучшихъ пѣснопѣвцевъ считаются иногда трехсложными [2]).

Но можетъ возникнуть вопросъ, довольно-ли двухъ условій, ударенія и числа слоговъ, чтобы назвать произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ поэзіей. Можетъ быть, пѣсни канона со всѣми своими тропарями, составленными на основаніи двухъ вышеизложенныхъ законовъ, могутъ представлять изъ себя прозаическое произведеніе? Но противъ такого возраженія можно привести много доказательствъ.

Діакритическія точки, στιγμαί, какъ называютъ ихъ схоліасты, встрѣчающіяся въ рукописяхъ и въ старинныхъ изданіяхъ литургическихъ книгъ, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга различныя части (κῶλα) тропаря и которыя повторяются послѣдовательно во всѣхъ строфахъ съ одинаковыми промежутками, не могутъ имѣть иного значенія, какъ дѣленія на стихи.

Но кромѣ этого, въ церковныя греческія пѣснопѣнія входятъ такіе три элемента, которые еще болѣе даютъ возможность считать произведенія пѣснопѣвцевъ не прозаическими; это — акростихъ, риѳма и ирмосъ.

Акростихъ, явленіе очень обыкновенное въ церковной поэзіи, заключается въ томъ, что начальныя буквы строфъ или отдѣльныхъ стиховъ расположены намѣренно въ извѣстномъ порядкѣ [3]). Самымъ раннимъ въ церковной поэзіи является акростихъ, представляющій изъ себя полный алфавитъ изъ 24 греческихъ буквъ. Пѣсня Παρθένιον мученика Меѳодія (+312 г.) состоитъ изъ 24 строфъ, изъ которыхъ

1) Stevenson, p. 512.

2) Pitra. An. S. I. Proleg. p. XCI—XCII. can. XV и XVI.

3) Объ акростихѣ см. Pitra. Hymnographie de l'église gr. p. 18—21, его-же An. S. I p. LXXV—LXXVIII; Stevenson. p. 525—531; Bouvy, p. 332—342; Krumbacher S. 336—339. Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitschrift für Kirchengeschichte. V (1882) S. 194—195).

первая начинается буквою А, а послѣдняя Ω; начальныя буквы остальныхъ строфъ даютъ по порядку полный алфавитъ [1]). Такой-же акростихъ представляетъ изъ себя большой акаѳистъ Сергія, патріарха VII вѣка [2]). Въ діоди Іоанна Дамаскина на Благовѣщеніе, т. е. въ пѣснопѣніи, состоящемъ изъ двухъ пѣсенъ [3]), гдѣ передается разговоръ Богоматери съ Архангеломъ Гавріиломъ, первая пѣсня даетъ въ акростихѣ полный греческій алфавитъ съ А до Ω; вторая-же обратно: въ ней первый стихъ начинается съ Ω, а послѣдній, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ послѣднихъ, буквою А [4]).

Но акростихъ не ограничивается однимъ алфавитомъ. Иногда въ акростихѣ является имя автора пѣснопѣнія или содержаніе послѣдняго, или, наконецъ, самостоятельные стихи. Акростихъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, бываетъ и въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ канонахъ. Акростихи въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ бываютъ проще, нежели въ канонахъ. Первые представляютъ изъ себя или короткую прозаическую замѣтку объ авторѣ, или о предметѣ пѣснопѣнія, напр.: Τοῦ ταπεινοῦ Ῥωμανοῦ ὕμνος; Αἶνος Ῥωμανοῦ εἰς τὰ γενέθλια; Τοῦ ταπεινοῦ Στεφάνου и др.

Акростихъ-же канона представляетъ изъ себя иногда нѣсколько стиховъ; напр., 130 стиховъ извѣстнаго ямбическаго канона Іоанна Дамаскина на Рождество Христово изъ своихъ начальныхъ буквъ даютъ слѣдующее четверостишіе:

Εὐεπίης μελέεσσιν ἐφύμνια ταῦτα λιγαίνει
υἷα Θεοῦ, μερόπων εἵνεκα τικτόμενον
ἐν χθονὶ καὶ λύοντα πολύστονα πήματα κόσμου·
ἀλλ' ἄνα, ῥητῆρος ῥύεο τῶνδε πόνων [5]).

Интересный примѣръ акростиха даетъ канонъ Іоанна Евхаитскаго, подражавшаго пѣснопѣвцу IX вѣка Іосифу, въ честь котораго онъ составилъ восемь каноновъ. Іосифъ имѣлъ привычку скрывать

1) Пѣснь см. у Christ Anthol. p. 33—37.

2) Christ. Anthol. p. 140—147.

3) Эта діодь Іоанна Дамаскина сто лѣтъ спустя была дополнена пѣснопѣвцемъ св. Ѳеофаномъ, который прибавилъ къ ней шесть первыхъ одъ и сдѣлалъ этимъ полный канонъ. См. Stevenson. p. 525. Въ Антологіи Криста напечатанъ весь канонъ подъ именемъ Ѳеофана, хотя онъ и дѣлаетъ оговорку, что послѣднія двѣ оды принадлежатъ Іоанну Монаху. p. 236—242.

4) Christ. Anthol. p. 240—242. Нѣкоторые другіе примѣры подобнаго акростиха съ А до Ω можно найти у Стевенсона, p. 526—528 и у Bouvy, p. 336—337.

5) Christ. Anthol. p. 205—209.

свое имя въ начальныхъ буквахъ девятой пѣсни канона. Стевенсонъ приводитъ неизданную девятую пѣснь одного изъ каноновъ Іоанна со слѣдующимъ акростихомъ: акростихъ перваго тропаря даетъ имя Ιωαννου, акростихъ второго даетъ одною буквою меньше — ωαννου, акростихъ третьяго двумя буквами меньше — αννου, акростихъ четвертаго тремя буквами меньше — ννου и т. д., такъ что седьмой послѣдній тропарь начинается наконецъ одною буквою Υ [1]).

Обычай пѣснопѣвцевъ скрывать свои имена въ акростихѣ, иногда не приводить даже начальныхъ буквъ имени, а довольствоваться смиреннымъ акростихомъ въ родѣ Τοῦ πτωχοῦ, τοῦ ἀσώτου, τοῦ τυφλόνου, какъ писалъ въ своихъ произведеніяхъ Θеодоръ Студитъ, очень затемняетъ исторію пѣснопѣвцевъ. Сухія собственныя имена, получаемыя изъ акростиха, ничего не даютъ для свѣдѣній объ авторахъ; къ томуже такихъ именъ, какъ Θеодоръ, Георгій, Іоаннъ, было много среди пѣснопѣвцевъ. Стоитъ просмотрѣть первый томъ Analecta Sacra Питры, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторы очень большого числа пѣснопѣній совершенно неизвѣстны.

Въ отношеніи поэтическаго размѣра церковныхъ пѣснопѣній акростихъ можетъ замѣнить собою діакритическія точки, указывая на начало стиха; онъ можетъ принести пользу въ томъ случаѣ, если бы одинъ какой-нибудь стихъ выпалъ; неполный акростихъ сейчасъ укажетъ на исчезнувшій стихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ акростихъ, являясь вообще принадлежностью области поэзіи, еще разъ доказываетъ, что произведенія пѣснопѣвцевъ были произведенія поэтическія.

Риθма тоже довольно часто встрѣчается въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ [2]). Но въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, напримѣръ, у Меθодія († 312), Григорія Богослова († 389), мы ее не видимъ [3]), между тѣмъ какъ въ IV вѣкѣ на Западѣ въ латинской церкви риθма уже встрѣчается у Амвросія Медіоланскаго и у св. Августина. Одинаково риθмы нѣтъ въ произведеніяхъ Фотія, императора Льва Мудраго и въ средневѣковыхъ греческихъ политическихъ стихахъ; въ послѣднихъ она появляется только въ XV вѣкѣ, какъ заимствованіе изъ романской поэзіи.

1) Stevenson. p. 528—530. Pitra въ Anal. S. I привелъ только первую строфу этой пѣсни; см. с. LXXVII—LXXVIII.

2) О риθмѣ см. Stevenson, p. 531—537; Jacobi, S. 190—193; Bouvy, p. 325—332; Krumbacher, S. 339—340.

3) Единичныя риθмы изрѣдка встрѣчаются и у Григорія Богослова, но ихъ, кажется, можно объяснить случайностью. См. Jacobi, S. 192.

Но зато въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ VI, VII, VIII и даже начала IX вѣковъ можно найти много примѣровъ риѳмованныхъ стиховъ. Прекрасныя произведенія Романа Сладкопѣвца могутъ дать не одинъ примѣръ риѳмы. Въ его поэтической рождественской пѣсни риѳмы слѣдуютъ черезъ стихъ.

Ἡ παρθένος σήμερον
τὸν ὑπερούσιον τίκτει,
καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον
τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει·
ἄγγελοι μετὰ ποιμένων
δοξολογοῦσι·
μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος
ὁδοιποροῦσι·
δι' ἡμᾶς γὰρ ἐγεννήθη
παιδίον νέον,
ὁ πρὸ αἰώνων Θεός [1]).

Еще болѣе осязательный примѣръ риѳмованныхъ стиховъ Романа можно привести изъ его пѣснопѣнія объ Іудѣ Предателѣ [2]); для примѣра возьмемъ третью строфу.

Τίς ἀκούσας οὐκ ἐνάρκησε,
ἢ τίς θεωρήσας οὐκ ἐτρόμασε
τὸν Ἰησοῦν δόλῳ φιλούμενον,
τὸν Χριστὸν φθόνῳ πωλούμενον,
τὸν Θεὸν γνώμῃ κρατούμενον;
ποία γῆ ἤνεγκε τὸ τόλμημα;
ποία δὲ θάλασσα ὑπέμεινεν,
ὁρῶσα τὸ ἀνοσιούργημα;
πῶς οὐρανὸς ὑπέστη,
πῶς ὁ αἰθὴρ συνέστη,
πῶς δὲ ὁ κόσμος ἔστη,
συμφωνουμένου, πωλουμένου,
τότε προδιδομένου τοῦ κριτοῦ;
Ἵλεως, ἵλεως, ἵλεως γενοῦ ἡμῖν...

1) Pitra. Anal. S. I, p. 1. Stevenson, p. 532. Christ. Anth., p. 91.
2) Pitra. Anal. S. I, p. 92—100.

Какъ примѣръ риѳмованныхъ стиховъ VII вѣка можно привести отрывокъ изъ знаменитаго акаѳиста, приписываемаго патріарху Сергію, Τῷ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ [1]); приведемъ вторую строфу, начиная съ возгласа χαῖρε.

Χαῖρε, δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει·
χαῖρε, δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει·
χαῖρε, τοῦ πεσόντος
'Αδὰμ ἡ ἀνάκλησις·
χαῖρε, τῶν δακρύων
τῆς Εὔας ἡ λύτρωσις.
χαῖρε, ὕψος δυσανάβατον
ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς·
χαῖρε, βάθος δυσθεώρητον
καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς·
χαῖρε, ὅτι ὑπάρχεις
βασιλέως καθέδρα·

Χαῖρε, ὅτι βαστάζεις
τὸν βαστάζοντα πάντα·
χαῖρε, ἀστὴρ
ἐμφαίνων τὸν ἥλιον·
χαῖρε, γαστὴρ
ἐνθέου σαρκώσεως·
χαῖρε, δι' ἧς
νεουργεῖται ἡ κτίσις·
χαῖρε, δι' ἧς
βρεφουργεῖται ὁ κτίστης·
χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε.

Для VIII вѣка приведемъ примѣръ изъ пятой пѣсни канона Козьмы въ Великую Субботу [2]); этотъ примѣръ интересенъ тѣмъ, что въ пятой пѣсни этого канона риѳмуются два первые стиха каждаго изъ четырехъ тропарей.

Два первые стиха перваго тропаря:

συνεσχέθη,
ἀλλ' οὐ κατεσχέθη.

Два первые стиха второго тропаря:

ἀνῃρέθης,
ἀλλ' οὐ διῃρέθης.

Два первые стиха третьяго тропаря:

Βροτοκτόνον,
ἀλλ' οὐ θεοκτόνον.

Два первые стиха четвертаго тропаря:

Βασιλεύει,
ἀλλ' οὐκ αἰωνίζει.

---

1) Pitra. An. S. I, p. 250—262. Christ. Anthol., p. 140—147.
2) Christ. Anthol., p. 196—201.

Въ пѣснопѣніяхъ монахини Касіи[1]), жившей, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ IX вѣка, можно также найти примѣры риѳмъ; приведемъ начало ея самогласна (ἰδιόμελον)[2]) на Рождество Христово[3]).

Αὐγούστου μοναρχήσαντος ἐπὶ τῆς γῆς
ἡ πολυαρχία τῶν ἀνθρώπων ἐπαύσατο·
καὶ σοῦ ἐνανθρωπήσαντος ἐκ τῆς ἁγνῆς
ἡ πολυθεΐα τῶν εἰδώλων κατήργηται.

Итакъ, риѳма встрѣчается довольно часто у пѣснопѣвцевъ съ VI по начало IX вѣка. Они риѳмуютъ слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, при чемъ созвучіе является лишь въ одной послѣдней буквѣ; такъ *πιστοί* риѳмуется съ *πολλοί*, *στολή* со *στοργή*, *ὑψηλός* съ *ταπεινός*[4]). Въ словахъ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ или на третьемъ отъ конца пѣснопѣвцы риѳмуютъ иногда одинъ послѣдній слогъ, напримѣръ, *βαρβάρου* съ *βορβόρου*, *παύσασα* съ *ἀπαλλάττουσα*[5]), а иногда риѳмуютъ всю часть слова до ударенія, напримѣръ, *νικητήρια* съ *εὐχαριστήρια*, *ἐμωράνθησαν* съ *ἐμαράνθησαν*, *φθορέα* со *σπορέα*[6]). Иногда же соотвѣтствіе двухъ строкъ состоитъ только въ одинаковомъ удареніи; напримѣръ:

Ἄγγελος πρωτοστάτης
οὐρανόθεν ἐπέμφθη[7]).

Наконецъ ирмосъ является главною мелодіею пѣснопѣній. Будутъ-ли они псалмы, каноны или отдѣльныя строфы; ирмосъ управляетъ тропаремъ[8]). И дѣйствительно, если мы сравнимъ ирмосъ и

---

1) Κασία или Κασσιανή; а можетъ быть ее еще называли [illegible] Anthol., p. XLVIII—XLIX.

2) Пѣснопѣнія, называемыя у насъ самогласны, [illegible] μελα и ἰδιόμελα. [illegible] — пѣснопѣнія, [illegible] служившіяся образцами для подобныхъ имъ пѣсенъ; [illegible] только не сдѣлавшіеся образцами для другихъ.

3) Christ. Anthol., p. [illegible]

4) Pitra. An. S. I, p. [illegible] Примѣры взяты [illegible] An. S. I, p. 250—262.

5) Ibid., p. 255.

6) Ibid., p. 250. 25[illegible]—2[illegible] [illegible].

7) Ibid., p. 250.

8) См. уже упомянутое выше опредѣленіе ирмоса [illegible] ἁρμονία τίς ἐστι μέλους [illegible]

правильно составленный на основаніи этого ирмоса тропарь, то мы всегда найдемъ и одинаковое количество слоговъ, и одинаковое чередованіе удареній. Такимъ образомъ отъ ирмоса зависитъ въ тропарѣ мелодія, число слоговъ и удареніе. Кромѣ того, ирмосъ помогаетъ намъ дѣлить тропари на стихи, хотя въ рукописяхъ послѣдніе обыкновенно указываются діакритическими точками. «Мы спрашиваемъ, восклицаетъ Стевенсонъ, возможно-ли было встрѣтить послѣдовательно въ восемнадцати тропаряхъ такія правильныя, рѣзкія особенности, если-бы эти тропари были простая проза? Прибавьте, что то же самое явленіе проходитъ черезъ 700 страницъ Analecta; еще болѣе, черезъ 20 томовъ греческой гимнографіи. Пожалуй, мы припишемъ случаю такое чудесное совпаденіе? Но тогда, пожалуй, можно разсматривать, какъ дѣло случая, и стихи Иліады и Энеиды»[1]).

Собраніе такихъ ирмосовъ-мелодій составляетъ книгу, извѣстную подъ названіемъ Ирмологій (Εἱρμολόγιον). Свида не понималъ заглавія этой книги и въ своемъ словарѣ говоритъ про нее: Εἱρμολόγιον· βιβλίον τι. По указанію Guérin, автора книги «Description de l'île de Patmos», извѣстно, что рукопись ирмологія находится въ Патмосской библіотекѣ (Cod. 206). Въ нынѣшнемъ столѣтіи грекъ Іоаннъ Лампадарій въ 1856 году издалъ эту книгу уже третьимъ изданіемъ[2]). Но въ этой книгѣ, по крайней мѣрѣ, во второмъ ея изданіи, было-бы напрасно искать прекрасные ирмосы изданнаго Питрою Тропологія.

Въ книгѣ Лампадарія нужно было-бы прибавить, по крайней мѣрѣ, 400 или 500 пропущенныхъ имъ ирмосовъ. Собираніемъ матеріаловъ къ изданію по возможности полнаго ирмологія уже давно занимается не разъ упоминаемый нами августинецъ Bouvy[3]).

Очень часто въ болѣе древнихъ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ до появленія канона въ концѣ тропарей встрѣчаются припѣвы (ἐφύμνιον, ἀκροτελεύτιον, ἀκρόστιχον, ὑπακοή[4]), у Свиды ἀνακλώμενον). Эта часть тропаря, которую пѣлъ весь народъ, является, можетъ быть, зерномъ,

φέρεται... οἱονεὶ γὰρ ἀρχὴ τῶν τροπαρίων ἐστὶ καὶ κανόνων. Объ ирмосѣ: Pitra. An. S. I, p. LIV—LXVIII. Christ. Anthol., p. LX. Stevenson, p. 537—540. Jacobi, S. 183. Bouvy, p. 258 sq. Krumbacher, S. 334—335.

1) Stevenson, p. 539—540.

2) Christ. Prol., p. LXXII.

3) См. въ его книгѣ Poètes et Mélodes главу Projet d'Hirmologe (p. 342—348).

4) Позднѣе ὑπακοή потеряло это свое первоначальное значеніе и стало означать собою торжественный тропарь, во время чтенія котораго не дозволялось сидѣть. Pitra. An. S. I, p. LXXIV. См. арх. Веніамина. Новая Скрижаль. 14 изд. 1884, стр. 113.

изъ котораго выросла церковная пѣснь. Очень вѣроятно, что первоначально церковныя пѣсни были не что иное, какъ распространенныя народныя восклицанія. Припѣвы въ началѣ пѣлъ не одинъ человѣкъ, а весь слушавшій народъ, почему часто въ пѣснопѣніяхъ передъ припѣвомъ стоятъ глаголы βοᾶν, κράζειν, κραυγάζειν, ᾄδειν и др. Въ позднѣйшихъ канонахъ припѣвы встрѣчаются уже гораздо рѣже. Съ этими припѣвами можно сравнить громкія обращенія народа къ императорамъ во время ихъ оффиціальныхъ выходовъ, въ циркѣ, на ипподромѣ [1]).

Здѣсь мы изложили главнѣйшія положенія, выставленныя Питрою въ совершенно новомъ для его времени вопросѣ о размѣрѣ церковныхъ пѣснопѣній. Это была совершенно новая, невѣдомая область для изученія. «Сколько ученыхъ и критиковъ, говоритъ одинъ изъ біографовъ Питры [2]), упрекали церковь за то, что она будто бы не съумѣла сохранить правилъ античной поэзіи и допустила литературу снизойти до варварства! Питра же доказываетъ, что церковь въ данномъ случаѣ содѣйствовала той великой литературной революціи, которая поэзію просодическую смѣнила поэзіей силлабической, основанной на удареніи, написанной, можетъ быть, менѣе изысканнымъ слогомъ, но зато болѣе выразительнымъ и живымъ, — однимъ словомъ, болѣе народнымъ».

Интересенъ взглядъ самого Питры на то, почему силлабическій размѣръ одержалъ верхъ въ церковной поэзіи. Около IX вѣка большая часть церковныхъ пѣсенъ была уже составлена. Во все время до IX вѣка ересь являлась величайшею опасностью для церковнаго міра. «Не разъ, говоритъ Питра, восточный міръ съ удивленіемъ чуть не видѣлъ себя аріаниномъ или несторіаниномъ, якобитомъ или иконокластомъ». Но церковь могла побѣдоносно выйти изъ этой борьбы только послѣ послѣдней сильной ереси, — именно ереси иконоборческой. «Предположимъ, продолжаетъ Питра, что защитники вѣры собрались вмѣстѣ для совѣщанія относительно этого важнаго вопроса; они могли бы сказать: вотъ уже восемь вѣковъ, какъ новаторы размножаются, и вѣра народная колеблется. Прекратимъ эти новшества, опредѣлимъ эту вѣру общественными молитвами, но удалимъ изъ этой священной поэзіи неопредѣленные размѣры двусмысленной и измѣнчивой

---

1) Pitra. An. S. I, p. LXXII—LXXV. Krumbacher, S. 335—336.

2) Cabrol. Histoire du card. Pitra, p. 265 = Revue des facultés catholiques. Février 1893, p. 344—345.

поэзіи древнихъ. Установимъ настолько строгія и точныя границы, чтобы всѣ могли ихъ охранять, чтобы не было возможности ни прибавить, ни убавить хоть одного слога безъ того, чтобы этого не замѣтилъ даже самый послѣдній вѣрующій. Пусть не только форма, пѣніе, начальныя буквы запечатлѣваются въ памяти, но пусть всѣ слоги будутъ сосчитаны и опредѣлены. Если-бы мы должны были привести слова Божественнаго Писанія, то пусть всѣ его элементы остаются въ порядкѣ, угодномъ Богу; ни одна іота не должна быть перемѣщена». Съ помощью такихъ опредѣленныхъ и строгихъ законовъ, надѣялись воспрепятствовать внесенію въ церковную жизнь какихъ-либо еретическихъ раздоровъ. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ Питра, нужно замѣтить, что съ того момента, какъ гимнографія окончательно сформировалась, большія ереси или прекратились, или перестали быть популярными»[1]). Конечно, вышеприведенное разсужденіе почтеннаго кардинала грѣшитъ нѣсколько односторонностью и субъективизмомъ и не можетъ быть принято, какъ дѣйствительное основаніе того, почему тоническій размѣръ установился[2]).

IV.

Происхожденіе ритмической поэзіи.

Вопросъ о происхожденіи ритмической поэзіи принадлежитъ къ числу весьма темныхъ, до сихъ поръ еще неразъясненныхъ въ наукѣ вопросовъ. Ученые расходятся въ своихъ мнѣніяхъ и выставляютъ двѣ главныя гипотезы: одни выводятъ ритмическую поэзію изъ греческаго языка, такъ что считаютъ ее національнымъ греческимъ продуктомъ; другіе видятъ въ ней вліяніе семитическихъ народовъ, которые будто-бы передали ритмическій строй своей церковной поэзіи церкви греческой.

---

1) Pitra. Hymnographie de l'Eglise grecque. p. 26. Cabrol. Hist. du C. Pitra. p. 265—267 = Revue des facultés catholiques. Février. 1893. p. 345—346. Ловягинъ въ Христ. Чтеніи. 1876 стр. 463—464.

2) Еще Кристъ замѣтилъ слабую сторону этого разсужденія Питры, сказавъ: plane vero recta via Pitra aberravit, quod nimio ardore fidei catholicae defendendae inflammatus byzantinos melodos hac paris numeri syllabarum lege constituta cavisse dixit, ne verbis adjectis aut omissis sua placita interpolari et in contrariam partem detorqueri possent. Christ. Anthol. p. LXXVI.

Относительно гипотезы о происхожденіи ритмической поэзіи изъ греческаго языка ученые также придерживаются различныхъ мнѣній.

По мнѣнію однихъ, ритмическая, т. е. основанная на обычномъ удареніи словъ поэзія уже въ давнія времена существовала среди простого, необразованнаго греческаго народа параллельно съ просодической поэзіей, которая была достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ общества. Этого мнѣнія, не подтверждаемаго никакими вѣскими доказательствами, придерживается, повидимому, Стевенсонъ. По его словамъ, удареніе всегда было душою народной поэзіи; оно одно дѣйствовало на массы и вызывало восклицанія и свистки амфитеатра; поэтому въ эпоху литературнаго упадка Греціи и Рима удареніе, игравшее такую важную роль въ ритмической поэзіи, не являлось чѣмъ-либо новымъ, неожиданнымъ; этотъ принципъ, всегда жившій въ народѣ, былъ только затертъ аристократической просодіей классиковъ и теперь занялъ подобающее мѣсто, котораго онъ долгое время былъ лишенъ [1]). Но эти разсужденія, не подтвержденныя документальными данными, конечно, не могутъ имѣть силы даже приблизительной исторической истины, а потому тѣмъ менѣе могутъ служить къ разрѣшенію такого важнаго вопроса, какъ происхожденіе ритмической поэзіи. Другіе сторонники этой гипотезы приводятъ слѣдующее объясненіе. Когда различіе между долгими и краткими слогами мало-по-малу начало исчезать, и въ живомъ разговорномъ языкѣ преобладаніе получило удареніе словъ, тогда взамѣнъ прежней просодической поэзіи явилась само собой поэзія ритмическая. Но если допустить, что ритмическая поэзія заняла мѣсто поэзіи древней, просодической, то можно было-бы ожидать, что вмѣсто долгихъ и краткихъ слоговъ появятся слоги съ болѣе сильнымъ и слабымъ удареніемъ, т. е. тогда на основаніи новаго принципа ударенія стали-бы подражать древнимъ ямбическимъ, трохаическимъ и другимъ размѣрамъ. Но на самомъ дѣлѣ въ ритмической поэзіи нѣтъ и слѣда подражанія какому-либо размѣру просодической поэзіи. Дѣйствительное подражаніе классическимъ образцамъ можно видѣть въ политическихъ стихахъ; но послѣдніе появились тогда, когда ритмическая поэзія достигла уже полнаго своего расцвѣта [2]). Такимъ образомъ и вторая гипотеза, противорѣча фак-

1) Stevenson. op. c. p. 520.

2) Meyer. Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung (Abhandlungen der philos.-philolog. Classe der königl. bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884 (17) S. 371). Bouvy. p. 322. Krumbacher. S. 341—342.

тамъ, не можетъ считаться удовлетворительной. Къ выдающимся сторонникамъ этого мнѣнія принадлежитъ извѣстный ученый Кристъ[1]), а за нимъ уже Deutschmann[2]) и грекъ Купиторисъ[3]). Они, изучая произведенія византійской гимнографіи, выводятъ размѣры послѣдней изъ произведеній греческихъ лириковъ, Алкея, Пиндара и другихъ. Кавчинскій также утверждаетъ, что ритмическое стихосложеніе ясно можно вывести изъ классической поэзіи[4]).

Такимъ образомъ гипотезы, выводящія ритмическую поэзію изъ греческаго языка, не могутъ считаться рѣшающими въ вопросѣ о ея происхожденіи.

Но уже со времени кардинала Питры за рѣшеніемъ этого вопроса ученые стали обращать свои взоры на Востокъ къ семитическимъ народамъ. Сначала ученые довольствовались общими предположеніями и указаніями; но позднѣе нашлись и такіе, которые посвящали этому вопросу спеціальные труды. Выставили такое положеніе, что ритмическая церковная поэзія не есть оригинальное произведеніе эллинскаго духа; что семитическіе христіане, находясь ближе къ первоисточнику христіанства, чѣмъ греки и латиняне, передали послѣднимъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и ритмическую форму поэзіи.

Уже самъ знаменитый Питра понималъ важность изученія для даннаго вопроса гимнографіи сирійцевъ, халдеевъ, армянъ, коптовъ, которые могли быть если не предшественниками византійскихъ пѣснопѣвцевъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе надежными хранителями древнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній. Далѣе Питра считалъ важнымъ изученіе библейской гимнографіи, пѣснопѣній древняго Израиля, откуда первые византійскіе пѣснопѣвцы могли дѣлать неоднократныя заимствованія[5]). Важность изученія вышеназванныхъ семитическихъ размѣровъ признаетъ и Стевенсонъ[6]).

Слова Питры не пропали даромъ.

Профессоръ Инсбрукскаго университета оріенталистъ Биккель занялся изученіемъ библейско-еврейскихъ и сирійскихъ размѣровъ.

---

1) **Christ.** Anthol. p. 88—90, 95, 104.

2) **Deutschmann.** De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. Programm. Coblenz. 1889. p. 4, 29.

3) **Kupitoris.** Περὶ τοῦ ῥυθμοῦ (Bull. de Corresp. Hellénique 1878 (II) p. 386).

4) **M. Kawczyński.** Essai comparatif sur l'origine et l'histoire des rythmes. Paris. 1889. p. 139.

5) **Pitra.** Hymnographie de l'Eglise Grecque. p. 33—34; его же Anal. Sacra. Prol. p. LIII.

6) **Stevenson** p. 540.

Относительно еврейской метрики онъ пришелъ къ тому результату, что она подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и греческая, т. е. основывается на числѣ слоговъ, а не на ихъ долготѣ и краткости, на равномѣрномъ чередованіи слоговъ съ удареніемъ со слогами безъ ударенія, на тожествѣ метрическаго и грамматическаго ударенія и на соединеніи нѣсколькихъ стиховъ въ равномѣрно повторяющіяся строфы[1]). Занимаясь произведеніями Ефрема Сирина, Биккель уже въ своемъ изданіи сирійскаго подлинника его сочиненій съ ихъ латинскимъ переводомъ во введеніи старался опредѣлить главнѣйшіе размѣры сирійской поэзіи[2]).

Но особенно большое впечатлѣніе на ученыхъ произвело вышедшее въ 1884 году изслѣдованіе Мейера «Начало и происхожденіе латинской и греческой ритмической поэзіи»[3]).

Исходя изъ того положенія, что, пока ученые искали началъ ритмической поэзіи въ греческомъ языкѣ, они не выходили изъ круга загадокъ и противорѣчій, Мейеръ дѣлаетъ предположеніе, что она является продуктомъ не собственной страны, а есть подражаніе поэзіи чужого народа. Такой народъ жилъ на Востокѣ; это были семитическіе христіане.

На основаніи произведеній Ефрема Сирина Мейеръ дѣлаетъ заключеніе, что мелодіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній заимствованы первоначально отъ сирійцевъ. Главные элементы, изъ которыхъ состоитъ греческая ритмическая поэзія, можно найти у сирійцевъ.

1) Bickell. Metrices Biblicae regulae exemplis illustratae. Innsbruck. 1879. p. 3. См. Bouvy. p. 10. Биккель приписываетъ свое открытіе Питрѣ: rectam viam jam a. 1868 Pitra in libro Hymnographie demonstraverat. (Metr. Bibl. p. 3). Смѣлый выводъ Биккеля подвергся, конечно, строгой критикѣ. См. напр. Schlottmann. Zur semitischen Epigraphik. (Zeitsch. d. Morg. Ges. B. XXXIII. 1879. S. 278—279. Anm. 2). Отвѣтъ ему Биккеля въ томъ же томѣ того же журнала стр. 701—706. Послѣ этого Биккель новыми примѣрами подтверждалъ свою теорію. См. его Die hebräische Metrik. (Zeit. d. Morg. Ges. B. XXXIV. 1880. S. 557—563; B. XXXV. 1881. S. 415—422). Древнееврейской метрикой интересовались и въ русской ученой литературѣ. См. Олесницкій. Риѳмъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи. (Труды Кіевской Духовной Акад. 1872. III, стр. 242—294; 403—472; 501—592), гдѣ авторъ признаетъ въ еврейской поэзіи тоническое стопосложеніе, но такое, въ которомъ ударяются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова (стр. 558—560).

2) Bickell. Carmina Nisibena. Lipsiae. 1866. О метрикѣ см. стр. 31—35. О сирійскихъ размѣрахъ писали и раньше; см. напр. Zingerle. Ueber das gemischte Metrum in syrischen Gedichten. (Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. VII 1850. S. 1—24; 185—196); см. еще Zeitsch. d. Morg. Ges. B. X S. 116—126.

3) Meyer. Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung. (Abh. der philos.-philolog. Classe der kön. bayer. Akad. der Wissenschaften. B. XVII. 1884. S. 267—450).

Сирійцы пріучили грековъ и латинянъ не обращать вниманія на долготу и краткость слоговъ, изъ чего само собою вытекаетъ произношеніе по грамматическому ударенію слова, наоборотъ, обращать вниманіе на число слоговъ, составлять строфы изъ извѣстнаго количества стиховъ и соединять первыя съ помощью акростиха[1]); рифма также хорошо была извѣстна сирійцамъ. Такимъ образомъ вліяніе Ефрема Сирина сильно отражалось на церковныхъ произведеніяхъ грековъ и латинянъ; а построеніе строфъ въ его произведеніяхъ служило образцомъ для греческихъ пѣснопѣній.

Конечно, новое выставленное Мейеромъ положеніе о подражаніи греческой церковной ритмической поэзіи образцамъ семитическихъ народовъ не могло не вызвать многочисленныхъ возраженій.

Еще до появленія труда Мейера на основаніи прежнихъ изслѣдованій восточныхъ размѣровъ противъ заимствованія съ Востока и въ пользу греческаго происхожденія ритмической поэзіи высказался ученый Якоби[2]).

Древесъ въ своей рецензіи на книгу Мейера[3]), занимаясь почти исключительно вопросомъ о латинскихъ пѣснопѣніяхъ, высказывается противъ семитическаго вліянія на Западѣ. Размѣръ этихъ пѣснопѣній и рифма развились естественнымъ образомъ изъ римскаго народнаго стиха послѣднихъ временъ республики, который самъ явился результатомъ соединенія древне-латинскаго стиха съ греческимъ[4]).

Ярымъ противникомъ теоріи Мейера является Кавчинскій, который, какъ мы упоминали выше, выводитъ ритмическій размѣръ изъ классическаго языка[5]). Сирійская версификація останется всегда темнымъ вопросомъ. «Худой методъ, говоритъ Кавчинскій, желать объяснить вещь темную съ помощью другой еще болѣе темной». Мало того, на основаніи одного отрывка изъ византійскаго писателя XIV вѣка Никифора Каллиста Ксанѳопула Кавчинскій доказываетъ, что самъ знаменитый сирійскій пѣснопѣвецъ IV вѣка Ефремъ полагалъ въ основаніе своихъ пѣснопѣній черезъ посредство предшество-

1) Meyer. S. 377.

2) Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitsch. für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 196).

3) Dreves. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1886. S. 284—293.

4) Dreves. S. 293. См. также небольшую рецензію на книгу Мейера въ Deutsche Litteraturzeitung. 1885. B. VI. S. 894—896, гдѣ авторъ рецензіи высказываетъ мнѣніе аналогичное съ мнѣніемъ Древеса.

5) Kawczyński. Essai comparatif. См. особенно стр. 138—141.

вавшихъ ему сирійскихъ же поэтовъ-еретиковъ III столѣтія размѣръ, правда измѣненный, но подражавшій лирическимъ греческимъ размѣрамъ.

Такимъ же противникомъ Мейера является сторонникъ классическаго происхожденія ритмической поэзіи Deutschmann [1]).

Противъ ея заимствованія изъ чужой страны можно привести тотъ фактъ, что греческая ритмическая поэзія имѣетъ довольно длинную исторію свою развитія, переходя отъ болѣе слабыхъ, болѣе простыхъ образцовъ къ болѣе искуснымъ и сложнымъ. Если-бы вся ритмическая система была плодомъ простого заимствованія, то можно было бы ожидать сразу уже вполнѣ готовыхъ, сформировавшихся произведеній, подобно тому какъ было въ римской литературѣ, куда перешли греческіе готовые образцы. Противорѣчитъ также гипотезѣ заимствованія очень значительная разница между произведеніями греческой и латинской церковной поэзіи, чего, вѣроятно, не было-бы, если бы та и другая брала готовые образцы съ христіанскаго Востока. Можетъ быть, первоначальный и истинный источникъ происхожденія ритмической поэзіи нужно видѣть въ той ритмической прозѣ, которая встрѣчается у языческихъ свѣтскихъ авторовъ, еще болѣе у семидесяти толковниковъ и у христіанскихъ писателей. Знакомства такой прозы съ античной лирикой могло быть достаточно, чтобы привести къ ритмической поэзіи; знакомство же съ сирійско-еврейскимъ церковнымъ пѣніемъ могло содѣйствовать ускоренію этого перехода и повліять извѣстнымъ образомъ на направленіе этой поэзіи. Когда въ живомъ языкѣ исчезла разница между долготою и краткостью слоговъ, то само собой и поэзія должна была искать себѣ новую форму, которая и явилась въ видѣ ритмической прозы; послѣдняя же, получивъ дальнѣйшее развитіе, возвысилась до ритмической поэзіи [2]). Проза, по выраженію Буви, сдѣлалась поэзіей сама собою, и пѣснопѣвцы стали поэтами [3]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что мнѣніе Мейера о происхожденіи греческой ритмической поэзіи изъ сирійской произвело большое впечатлѣніе на ученыхъ и вызвало дѣятельную полемику.

Какимъ же закономъ подчиняется сирійская метрика? Имѣетъ ли

1) Deutschmann. De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. 1889. p. 3—4, 23—25.

2) Krumbacher. S. 343.

3) Bouvy. Poètes et Mélodes. p. 273.

она какіе-нибудь твердые, опредѣленные законы, на основаніи сходства которыхъ съ законами греческой ритмической метрики можно было бы сдѣлать заключеніе о несомнѣнномъ заимствованіи послѣдней изъ первой[1]).

Начиная съ прошлаго столѣтія и кончая послѣднимъ временемъ, ученые относительно сирійской метрики пришли къ слѣдующему результату, что главный ея законъ заключается въ простомъ счетѣ слоговъ въ стихѣ. Однако надо помнить, что это мнѣніе, правда, вышло отъ самихъ сирійцевъ, но въ то время, когда они уже давно потеряли свой языкъ. Но такъ какъ относительно числа слоговъ въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ мнѣнія ученыхъ совершенно расходятся, то само собою разумѣется, что выставлять простой счетъ слоговъ въ видѣ основного принципа сирійской метрики совершенно недостаточно. Тогда попытались разрѣшить это затрудненіе, предположивъ въ сирійской поэзіи поэзію ритмическую, главный законъ которой, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать никакого различія между удареніями прозы и поэзіи. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сирійскій языкъ представляетъ громадныя трудности: удареніе въ сирійскихъ словахъ въ точности неизвѣстно.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ оріенталистовъ Нёльдеке говоритъ[2]): «объ удареніи сирійскаго языка во время его процвѣтанія мы ничего не знаемъ. Несторіане теперь дѣлаютъ довольно опредѣленное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Но это есть отнюдь не первоначальное произношеніе». Итакъ, изъ этого вытекаетъ лишь то, что нынѣшніе сирійцы дѣлаютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

Но все-таки на основаніи изученія сирійскихъ поэтическихъ произведеній, преимущественно Ефрема Сирина, относительно законовъ ударенія въ сирійскихъ словахъ, можно отмѣтить слѣдующія особенности.

I) Слова изъ двухъ и болѣе слоговъ, будутъ ли эти слова произведены прямо отъ корня или съ помощью префиксовъ и суффиксовъ,

---

1) Grimme. Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre (Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. B. 47 (1893) S. 276—308); его же Der Strophenbau in den Gedichten Ephräms des Syrers. (Collectanea Friburgensia. Fasc. II 1893). Въ послѣднемъ сочиненіи можно найти многочисленные примѣры самыхъ разнообразныхъ схемъ въ строфахъ Ефрема Сирина (стр. 17—75).

2) Nöldeke. Kurzgefasste Syrische Grammatik. S. 38. Ср. Nestle. Syrische Grammatik. 2 Auflage. 1888 S. 16.

имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; многосложныя иностранныя слова также подчиняются этому закону.

II) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ односложное, то тамъ, гдѣ послѣднее слово должно разсматриваться, какъ энклитика, удареніе переносится на послѣдній слогъ многосложнаго слова.

III) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуютъ двѣ энклитики, то главное удареніе падаетъ обыкновенно на первую изъ нихъ; но, кромѣ того, предпослѣдній слогъ многосложнаго слова также можетъ имѣть въ этомъ случаѣ въ стихѣ усиленіе голоса.

IV) Въ четырехсложномъ словѣ или болѣе усиленіе голоса можетъ быть на слогѣ четвертомъ отъ конца.

Итакъ, въ болѣе древнее время, еще до появленія дошедшихъ до насъ произведеній сирійской литературы, удареніе въ словахъ было на послѣднемъ слогѣ; въ историческое-же время сирійскаго языка удареніе обыкновенно падаетъ на предпослѣдній слогъ; но иногда удареніе попрежнему бываетъ и на послѣднемъ слогѣ, именно когда непосредственно за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ тѣсно примыкающее къ нему по смыслу односложное, т. е. энклитика, о чемъ мы уже упоминали выше.

Обыкновенно сирійскія поэтическія произведенія дѣлятся на два разряда: мемре и мадреше; по крайней мѣрѣ такъ ихъ дѣлитъ самъ Ефремъ Сиринъ. Слово мемре можно перевести черезъ стихотворное поученіе (проповѣдь, надгробная рѣчь, элегія), а мадреше черезъ гимнъ (хвалебныя, дидактическія, полемическія стихотворенія). Основное различіе этихъ двухъ видовъ сирійскихъ поэтическихъ произведеній заключается въ ихъ передачѣ. Мемре предназначались для произношенія ихъ однимъ лицомъ; поэтому простота и ясность мыслей, отсутствіе длинныхъ періодовъ и различныхъ искусственныхъ украшеній въ видѣ риѳмы и акростиха составляютъ отличительные признаки этого рода поэтическихъ произведеній; само собою разумѣется, въ мемре нѣтъ и припѣва, такъ какъ при ихъ исполненіи хоръ отсутствовалъ. Мадреше-гимны предназначались для пѣнія хоромъ и обладали поэтому гораздо болѣе сложной композиціей, чѣмъ мемре. Въ мадреше часто мѣнялся размѣръ; одна строфа писалась однимъ размѣромъ, другая другимъ. Отдѣльныя строфы, состоя изъ двухъ до шести стиховъ, различались или по размѣру, или по своему содержанію, такъ какъ онѣ обыкновенно заключали въ себѣ какую-нибудь одну законченную мысль, а иногда, впрочемъ, и рядъ послѣднихъ. При-

Сирійцы пріучили грековъ и латинянъ не обращать вниманія на долготу и краткость слоговъ, изъ чего само собою вытекаетъ произношеніе по грамматическому ударенію слова, наоборотъ, обращать вниманіе на число слоговъ, составлять строфы изъ извѣстнаго количества стиховъ и соединять первыя съ помощью акростиха[1]); рифма также хорошо была извѣстна сирійцамъ. Такимъ образомъ вліяніе Ефрема Сирина сильно отражалось на церковныхъ произведеніяхъ грековъ и латинянъ; а построеніе строфъ въ его произведеніяхъ служило образцомъ для греческихъ пѣснопѣній.

Конечно, новое выставленное Мейеромъ положеніе о подражаніи греческой церковной ритмической поэзіи образцамъ семитическихъ народовъ не могло не вызвать многочисленныхъ возраженій.

Еще до появленія труда Мейера на основаніи прежнихъ изслѣдованій восточныхъ размѣровъ противъ заимствованія съ Востока и въ пользу греческаго происхожденія ритмической поэзіи высказался ученый Якоби[2]).

Древесъ въ своей рецензіи на книгу Мейера[3]), занимаясь почти исключительно вопросомъ о латинскихъ пѣснопѣніяхъ, высказывается противъ семитическаго вліянія на Западѣ. Размѣръ этихъ пѣснопѣній и рифма развились естественнымъ образомъ изъ римскаго народнаго стиха послѣднихъ временъ республики, который самъ явился результатомъ соединенія древне-латинскаго стиха съ греческимъ[4]).

Ярымъ противникомъ теоріи Мейера является Кавчинскій, который, какъ мы упоминали выше, выводитъ ритмическій размѣръ изъ классическаго языка[5]). Сирійская версификація останется всегда темнымъ вопросомъ. «Худой методъ, говоритъ Кавчинскій, желать объяснить вещь темную съ помощью другой еще болѣе темной». Мало того, на основаніи одного отрывка изъ византійскаго писателя XIV вѣка Никифора Каллиста Ксанѳопула Кавчинскій доказываетъ, что самъ знаменитый сирійскій пѣснопѣвецъ IV вѣка Ефремъ полагалъ въ основаніе своихъ пѣснопѣній черезъ посредство предшество-

1) Meyer. S. 377.

2) Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitsch. für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 196).

3) Dreves. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1886. S. 284—293.

4) Dreves. S. 293. См. также небольшую рецензію на книгу Мейера въ Deutsche Litteraturzeitung. 1885. B. VI. S. 894—896, гдѣ авторъ рецензіи высказываетъ мнѣніе аналогичное съ мнѣніемъ Древеса.

5) Kawczyński. Essai comparatif. См. особенно стр. 138—141.

вавшихъ ему сирійскихъ же поэтовъ-еретиковъ III столѣтія размѣръ, правда измѣненный, но подражавшій лирическимъ греческимъ размѣрамъ.

Такимъ же противникомъ Мейера является сторонникъ классическаго происхожденія ритмической поэзіи Deutschmann [1]).

Противъ ея заимствованія изъ чужой страны можно привести тотъ фактъ, что греческая ритмическая поэзія имѣетъ довольно длинную исторію свою развитія, переходя отъ болѣе слабыхъ, болѣе простыхъ образцовъ къ болѣе искуснымъ и сложнымъ. Если-бы вся ритмическая система была плодомъ простого заимствованія, то можно было бы ожидать сразу уже вполнѣ готовыхъ, сформировавшихся произведеній, подобно тому какъ было въ римской литературѣ, куда перешли греческіе готовые образцы. Противорѣчитъ также гипотезѣ заимствованія очень значительная разница между произведеніями греческой и латинской церковной поэзіи, чего, вѣроятно, не было-бы, если бы та и другая брала готовые образцы съ христіанскаго Востока. Можетъ быть, первоначальный и истинный источникъ происхожденія ритмической поэзіи нужно видѣть въ той ритмической прозѣ, которая встрѣчается у языческихъ свѣтскихъ авторовъ, еще болѣе у семидесяти толковниковъ и у христіанскихъ писателей. Знакомства такой прозы съ античной лирикой могло быть достаточно, чтобы привести къ ритмической поэзіи; знакомство же съ сирійско-еврейскимъ церковнымъ пѣніемъ могло содѣйствовать ускоренію этого перехода и повліять извѣстнымъ образомъ на направленіе этой поэзіи. Когда въ живомъ языкѣ исчезла разница между долготою и краткостью слоговъ, то само собой и поэзія должна была искать себѣ новую форму, которая и явилась въ видѣ ритмической прозы; послѣдняя же, получивъ дальнѣйшее развитіе, возвысилась до ритмической поэзіи [2]). Проза, по выраженію Буви, сдѣлалась поэзіей сама собою, и пѣснопѣвцы стали поэтами [3]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что мнѣніе Мейера о происхожденіи греческой ритмической поэзіи изъ сирійской произвело большое впечатлѣніе на ученыхъ и вызвало дѣятельную полемику.

Какимъ же закономъ подчиняется сирійская метрика? Имѣетъ ли

1) Deutschmann. De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. 1889. p. 3—4, 23—25.

2) Krumbacher. S. 343.

3) Bouvy. Poètes et Mélodes. p. 273.

она какіе-нибудь твердые, опредѣленные законы, на основаніи сходства которыхъ съ законами греческой ритмической метрики можно было бы сдѣлать заключеніе о несомнѣнномъ заимствованіи послѣдней изъ первой[1]).

Начиная съ прошлаго столѣтія и кончая послѣднимъ временемъ, ученые относительно сирійской метрики пришли къ слѣдующему результату, что главный ея законъ заключается въ простомъ счетѣ слоговъ въ стихѣ. Однако надо помнить, что это мнѣніе, правда, вышло отъ самихъ сирійцевъ, но въ то время, когда они уже давно потеряли свой языкъ. Но такъ какъ относительно числа слоговъ въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ мнѣнія ученыхъ совершенно расходятся, то само собою разумѣется, что выставлять простой счетъ слоговъ въ видѣ основного принципа сирійской метрики совершенно недостаточно. Тогда попытались разрѣшить это затрудненіе, предположивъ въ сирійской поэзіи поэзію ритмическую, главный законъ которой, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать никакого различія между удареніями прозы и поэзіи. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сирійскій языкъ представляетъ громадныя трудности: удареніе въ сирійскихъ словахъ въ точности неизвѣстно.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ оріенталистовъ Нёльдеке говоритъ[2]): «объ удареніи сирійскаго языка во время его процвѣтанія мы ничего не знаемъ. Несторіане теперь дѣлаютъ довольно опредѣленное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Но это есть отнюдь не первоначальное произношеніе». Итакъ, изъ этого вытекаетъ лишь то, что нынѣшніе сирійцы дѣлаютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

Но все-таки на основаніи изученія сирійскихъ поэтическихъ произведеній, преимущественно Ефрема Сирина, относительно законовъ ударенія въ сирійскихъ словахъ, можно отмѣтить слѣдующія особенности.

I) Слова изъ двухъ и болѣе слоговъ, будутъ ли эти слова произведены прямо отъ корня или съ помощью префиксовъ и суффиксовъ,

---

1) Grimme. Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre (Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. B. 47 (1893) S. 276—308); его же Der Strophenbau in den Gedichten Ephräms des Syrers. (Collectanea Friburgensia. Fasc. II 1893). Въ послѣднемъ сочиненіи можно найти многочисленные примѣры самыхъ разнообразныхъ схемъ въ строфахъ Ефрема Сирина (стр. 17—75).

2) Nöldeke. Kurzgefasste Syrische Grammatik. S. 38. Cp. Nestle. Syrische Grammatik. 2 Auflage. 1888 S. 16.

имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; многосложныя иностранныя слова также подчиняются этому закону.

II) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ односложное, то тамъ, гдѣ послѣднее слово должно разсматриваться, какъ энклитика, удареніе переносится на послѣдній слогъ многосложнаго слова.

III) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуютъ двѣ энклитики, то главное удареніе падаетъ обыкновенно на первую изъ нихъ; но, кромѣ того, предпослѣдній слогъ многосложнаго слова также можетъ имѣть въ этомъ случаѣ въ стихѣ усиленіе голоса.

IV) Въ четырехсложномъ словѣ или болѣе усиленіе голоса можетъ быть на слогѣ четвертомъ отъ конца.

Итакъ, въ болѣе древнее время, еще до появленія дошедшихъ до насъ произведеній сирійской литературы, удареніе въ словахъ было на послѣднемъ слогѣ; въ историческое-же время сирійскаго языка удареніе обыкновенно падаетъ на предпослѣдній слогъ; но иногда удареніе попрежнему бываетъ и на послѣднемъ слогѣ, именно когда непосредственно за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ тѣсно примыкающее къ нему по смыслу односложное, т. е. энклитика, о чемъ мы уже упоминали выше.

Обыкновенно сирійскія поэтическія произведенія дѣлятся на два разряда: мемре и мадреше; по крайней мѣрѣ такъ ихъ дѣлитъ самъ Ефремъ Сиринъ. Слово мемре можно перевести черезъ стихотворное поученіе (проповѣдь, надгробная рѣчь, элегія), а мадреше черезъ гимнъ (хвалебныя, дидактическія, полемическія стихотворенія). Основное различіе этихъ двухъ видовъ сирійскихъ поэтическихъ произведеній заключается въ ихъ передачѣ. Мемре предназначались для произношенія ихъ однимъ лицомъ; поэтому простота и ясность мыслей, отсутствіе длинныхъ періодовъ и различныхъ искусственныхъ украшеній въ видѣ риѳмы и акростиха составляютъ отличительные признаки этого рода поэтическихъ произведеній; само собою разумѣется, въ мемре нѣтъ и припѣва, такъ какъ при ихъ исполненіи хоръ отсутствовалъ. Мадреше-гимны предназначались для пѣнія хоромъ и обладали поэтому гораздо болѣе сложной композиціей, чѣмъ мемре. Въ мадреше часто мѣнялся размѣръ; одна строфа писалась однимъ размѣромъ, другая другимъ. Отдѣльныя строфы, состоя изъ двухъ до шести стиховъ, различались или по размѣру, или по своему содержанію, такъ какъ онѣ обыкновенно заключали въ себѣ какую-нибудь одну законченную мысль, а иногда, впрочемъ, и рядъ послѣднихъ. При-

пѣвъ являлся необходимою составною частью каждаго сирійскаго гимна. Припѣвъ бываетъ или постоянный, или мѣняющійся: первый состоитъ въ повтореніи одной и той же фразы въ концѣ каждой строфы,—второй же болѣе или менѣе мѣняется.

Однимъ изъ частыхъ искусственныхъ украшеній сирійскихъ гимновъ является акростихъ. Чаще всего онъ состоитъ изъ 22 буквъ сирійскаго алфавита, который можетъ идти и въ обратномъ порядкѣ. На ряду съ акростихомъ этого рода въ произведеніяхъ Ефрема встрѣчается неизвѣстный до того времени именной акростихъ. Двѣнадцать разъ въ произведеніяхъ Ефрема встрѣчается акростихъ съ его именемъ. Очень рѣдко встрѣчается у Ефрема заглавный акростихъ; такъ напр., въ одномъ его гимнѣ акростихъ даетъ слово мадреше [1]). Риѳма также нерѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ Ефрема.

Но теорія Мейера не осталась безъ защитниковъ и продолжателей.

Въ самое послѣднее время Гримме, занимаясь вопросомъ о связи между сирійскими и византійскими формами гимновъ, на основаніи весьма серьезнаго изученія сирійской метрики приходитъ къ любопытнымъ результатамъ. По его мнѣнію, даже Григорій Богословъ, современникъ Ефрема, въ своихъ двухъ написанныхъ не классическимъ размѣромъ произведеніяхъ, Ὕμνος ἑσπερινός и Πρὸς παρθένον παραινετικός, подражалъ формѣ мемре у Ефрема [2]). Послѣ внимательнаго сопоставленія различныхъ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній съ сирійскими схемами Гримме дѣлаетъ слѣдующее многозначительное заключеніе: «всѣ эти изслѣдованія должны только еще подтвердить тотъ результатъ, что византійская гимнологія должна разсматриваться, какъ дочь сирійской» [3]).

Конечно, всѣ перечисленныя работы внесли большое оживленіе въ науку, дали сильный толчекъ изученію любопытнаго вопроса о происхожденіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній; но, къ сожалѣнію, труды эти не привели къ его разрѣшенію. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса при настоящемъ положеніи историко-филологической науки и не представляется возможнымъ.

Отсутствіе прямыхъ, осязательныхъ доказательствъ о происхо-

1) Grimme. Collectanea Frib. II, s. 15.

2) Grimme. ibidem. S. 81. Мейеръ видѣлъ въ этихъ произведеніяхъ ритмическій гекзаметръ (op. cit. S. 314—315).

3) Grimme. ibidem. S. 95.

жденіи ритмической поэзіи изъ греческаго языка, малая разработка, а потому и весьма недостаточное знакомство съ древне-еврейскими размѣрами,—наконецъ, многія темныя, еще до сихъ поръ невыясненныя стороны столь важной и интересной для нашего вопроса сирійской метрики, — все это позволяетъ считать этотъ вопросъ открытымъ и надѣяться, что, благодаря новымъ успѣхамъ исторической науки, ученые все болѣе и болѣе станутъ приближаться къ истинѣ и кончатъ свои труды полной разгадкой этого интереснаго, но запутаннаго вопроса.

А. Васильевъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Составилъ Архимандритъ Владиміръ. Часть первая: Рукописи греческія. Москва 1894. IV+880 стр. 8°.

Тѣ изъ ученыхъ, которые хотѣли узнать, какія греческія рукописи по какому-либо занимающему ихъ предмету хранятся въ московской синодальной библіотекѣ, могли до сихъ поръ обращаться къ двумъ каталогамъ. Одинъ изъ нихъ, изданный въ 1858 г. архим. Саввою, представляетъ собою нѣчто въ родѣ популярнаго и слишкомъ краткаго алфавитнаго указателя и, поэтому, недостаточенъ для научныхъ цѣлей. Другой каталогъ, изданный на латинскомъ языкѣ уже въ 1805 г. въ Лейпцигѣ бывшимъ профессоромъ Московскаго университета Friedrich Matthaei, былъ въ свое время трудомъ вполнѣ достойнымъ уваженія, который многимъ русскимъ и иностраннымъ спеціалистамъ доставлялъ нужныя имъ свѣдѣнія о рукописныхъ богатствахъ описанной въ немъ библіотеки, но въ теченіе чуть не цѣлаго вѣка онъ устарѣлъ и, обнаруживая не мало промаховъ и пробѣловъ, теперь уже не въ состояніи удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ требованія современной науки. Кромѣ того, оба каталога уже давно распроданы и становятся библіографической рѣдкостью.

Поэтому, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, считая долгомъ сдѣлать довѣренныя ему письменныя сокровища болѣе доступными для научной разработки, возложилъ на нынѣшняго синодальнаго ризничаго, о. архимандрита Владиміра, порученіе изготовить подробное описаніе всѣхъ греческихъ рукописей, входящихъ въ составъ синодальной библіотеки. Работа ученаго архимандрита, требовавшая немалаго самоотверженія, теперь исполнена и вышла въ одномъ объемистомъ томѣ большого формата, поражающемъ изяществомъ и правильностью въ типографскомъ отношеніи. Внѣшнему виду соотвѣтствуетъ въ то же время и достоин-

ство содержанія, и составитель каталога можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ заслужилъ своимъ полезнымъ трудомъ полное одобреніе и искреннюю благодарность всѣхъ ученыхъ, заинтересованныхъ въ греческихъ рукописяхъ московской синодальной библіотеки.

Объ исторіи московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотеки и о постепенномъ ея обогащеніи составитель новѣйшаго каталога не распространяется въ предисловіи, хотя въ разныхъ записяхъ большинства описанныхъ имъ рукописей, какъ и въ другихъ источникахъ, можно найти объ этомъ не мало интересныхъ данныхъ. Онъ ограничился тѣмъ, что тщательно составилъ встрѣчающіяся въ этихъ помѣтахъ имена и помѣстилъ ихъ въ приложенномъ къ концу труда алфавитномъ указателѣ подъ словами «Имена прежнихъ владѣльцевъ и вкладчиковъ рукописей» и «Имена монастырей, упоминаемыхъ въ помѣтахъ владѣльцевъ и писцовъ рукописей». Значительная часть греческихъ рукописей московской библіотеки, а именно болѣе чѣмъ двѣ трети всего числа (не считая однако грамотъ), вывезена изъ разныхъ аѳонскихъ монастырей старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ, который, по порученію патріарха Никона, въ 1655 г. путешествовалъ на Аѳонъ, чтобы отыскивать и, по возможности, пріобрѣсти тамъ важныя греческія и славянскія рукописи. Нѣсколько рукописей пожертвовано въ Москву іерархами восточной церкви, а также и свѣтскими лицами. Такъ, напримѣръ, драгоцѣнная пергаментная рукопись XIV в. (№ 303) съ акаѳистомъ пресвятой Богородицѣ, украшенная 24-мя написанными по золоту священными изображеніями, въ 1662 г. была прислана въ даръ царю Алексію Михаиловичу отъ двухъ старостъ (ἐπίτροποι) Богородичной церкви τῆς Χρυσοπηγῆς, что въ Галатѣ въ Константинополѣ. Далѣе, семнадцать рукописей присланы въ Москву великому государю въ 1693 г. іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Маттеи въ своемъ каталогѣ 1805 г., хотя въ нынѣшнее время относящаяся къ этому запись сохранилась лишь въ шести изъ нихъ, въ остальныхъ же она утрачена, вѣроятно при перемѣнѣ переплетовъ въ началѣ XIX вѣка. Въ одной изъ этихъ рукописей встрѣчается помѣта, что принесъ ее въ Москву, по порученію Досиѳея, святогробскій архим. Хрисанѳъ, который (онъ былъ племянникъ Досиѳея) въ 1701 г. и съ своей стороны пожертвовалъ въ Москву нѣсколько іерусалимскихъ списковъ. Въ 1721 г., по учрежденіи св. Синода, патріаршая библіотека была переименована въ синодальную. По каталогу 1738 г. въ ней считалось греческихъ рукописей — 401 №, а въ 1786 г. были ей переданы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, и рукописи синодальной типографіи, такъ-что затѣмъ, по каталогу 1823 г., было въ ней 467 греческихъ списковъ. Но и въ нашемъ столѣтіи составъ синодальной библіотеки увеличивался не разъ щедростью русскихъ вкладчиковъ. Въ 1857 г. А. Н. Муравьевъ подарилъ ей двѣ рукописи, изъ которыхъ одна (№ 5) — прекрасный Псалтирь X-го вѣка, принадлежавшій когда-то лаврѣ Саввы Освященнаго, а другая (№ 409) содер-

одной изъ лавръ на горѣ Олимпѣ (гл. 8)[1]. Когда Авраамій былъ отданъ грамматику (γραμματιστῇ δίδοται)[2]), онъ своимъ успѣхомъ въ ученіи вызывалъ всеобщее удивленіе. Онъ сильно полюбилъ науку и ради нея рѣшился даже отправиться въ столицу, центръ просвѣщенія. Провиденціальный случай далъ ему возможность осуществить свое искреннее желаніе. Въ царствованіе императора Романа Старшаго[3]) въ Трапезунтъ прибылъ нѣкоторый евнухъ-практоръ, на ромейскомъ языкѣ называвшійся χομμερχιάριος[4]), человѣкъ добрый и дѣльный. Онъ замѣтилъ Авраамія и приблизилъ его къ себѣ, а когда произвелъ сборъ народныхъ податей ((μετὰ τὴν τῶν δημοσίων τελεσμάτων εἴσπραξιν) и отправлялся въ Константинополь, взялъ съ собою и своего любимца. Въ столицѣ Авраамій поселился въ домѣ той родственницы, которая была въ замужествѣ за сыномъ Зефинезера; весь домъ былъ радъ пришельцу, особенно когда узналъ о цѣли его пріѣзда въ Византію. Съ этого времени Авраамій погрузился въ самого себя и въ науку (гл. 9—11). Вскорѣ онъ для усовершенствованія въ добродѣтели и внѣшней или свѣтской мудрости (τῇ ἔξω σοφίᾳ) поступилъ въ столичную школу (παιδευτήριον)[5]), которою завѣдывалъ Аѳанасій, мужъ опытный въ духовной жизни и знаніи. Имѣя въ лицѣ наставника прекраснаго руководителя, Авраамій быстро достигъ высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія (гл. 12—13). Чрезъ короткій промежутокъ времени онъ по царскому велѣнію былъ сдѣланъ дидаскаломъ въ такомъ же училищѣ, въ какомъ ранѣе и самъ обучался[6]). Въ званіи дидаскала Авраамій ознаменовалъ себя иноческою, высоко-философскою жизнью. Вокругъ него собрались многіе ученики, даже изъ числа его товарищей по школѣ. Слухъ о мудрости и добродѣтели Авраамія достигъ до царя, «которому прозваніе отъ порфиры, въ коей онъ родился, а ревность къ добродѣтели и знанію

---

1) Разумѣется, Олимпъ виѳинскій или виѳино-мизійскій, составляющій часть горной цѣпи Антитавра и занимающій южную часть Виѳиніи. Въ византійскую эпоху эта гора была весьма виднымъ монашескимъ пунктомъ.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о поступленіи Аѳанасія въ одну изъ низшихъ школъ, въ которыхъ изучался курсъ наукъ подготовительныхъ, состоящихъ изъ грамоты (чтенія и письма) орѳографіи, грамматики, піитики и исторіи. Въ эти школы поступали дѣти отъ 8—10 лѣтъ и проходили весь курсъ въ теченіе 6—8 лѣтъ.

3) Романъ Старшій или Лакапинъ былъ соправителемъ Константина Порфирогенета въ 920—944 г.

4) Коммеркіарій (commercium) — чиновникъ, взимавшій подати за право торговли. Ducange, Glossarium ad scrip. med. et. inf. graecitatis, p. 699.

5) Παιδευτήριον относится къ разряду среднихъ византійскихъ училищъ, въ которыхъ курсъ преподаванія слагался изъ риторическаго искусства, философскаго знанія и законовѣдѣнія. Здѣсь обучались юноши отъ 16 до 25 лѣтъ.

6) ..... νεύσει βασιλικῇ ἐπὶ τὸν διδασκαλικὸν ἀνάγεται θρόνον, οὐκ ἐν τῷ αὐτῷ μέντοι, ἀλλ' ἐν ἑτέρῳ παιδευτηρίῳ (к. 14). Отсюда видно, что въ Константинополѣ было нѣсколько училищъ съ курсомъ средняго образованія, и замѣщеніе въ нихъ преподавательскихъ каѳедръ (διδασκαλικὸς θρόνος) происходило не безъ участія императора. Св. Аѳанасію было, вѣроятно, не менѣе 25 лѣтъ, когда онъ сдѣлался дидаскаломъ.

XIII вѣку — 21 рук. (изъ нихъ двѣ XIII—XV в.)
XIV » — 30 » (изъ нихъ двѣ XIV—XV в., одна XIV—XVII в.)
XV » — 87 » (изъ нихъ 6 XV—XVI в., 4 XV—XVII в.)
XVI » — 83 » (изъ нихъ три XVI—XVII в.)
XVII » — 49 »
XVIII » — 4 »

При только-что сообщенномъ перечисленіи мы не обращали вниманія на отдѣльные листы, вставленные позже, при возобновленіи рукописи, взамѣнъ утраченныхъ первоначальныхъ ея листовъ; они, большею частью, писаны въ болѣе позднее время, чѣмъ главная часть рукописи. Но есть въ числѣ такихъ вставленныхъ листовъ и нѣкоторые, принадлежащіе къ болѣе раннему времени, чѣмъ остальные листы той же рукописи, и составляющіе драгоцѣнные остатки пропавшихъ древнихъ списковъ. Такъ, напр., между многими листами рукописи № 108 приклеены пергаментные лоскутки, на которыхъ уставный почеркъ письма V—VI в. (см. и № 67); въ рукописи № 473 приклеены три пергаментныхъ листа VII—VIII в., съ отрывками изъ словъ Іоанна Златоуста; а полууставомъ VIII в. писаны: первый листъ рукописи № 69 (отрывокъ изъ одного творенія Ефрема Сирина), первые четыре листа рукоп. № 137 (отрывки изъ нѣкоторыхъ евангельскихъ притчъ), два листа рукоп. № 181 (отрывки изъ евангелія отъ Луки, см. и № 185), первые два листа рукоп. № 300 (отрывокъ изъ одного житія св. Іоанна Богослова) и т. д.

О двухъ такого рода отрывкахъ мы должны поговорить подробнѣе. Эти отрывки, которые въ каталогѣ архим. Владиміра обстоятельно описаны подъ особымъ номеромъ (№ 563), представляютъ собою одинъ развернутый листъ, составлявшій первоначально въ одной пергаментной рукописи VI вѣка два листа. Впослѣдствіи (но еще до 1218 г.) этотъ развернутый листъ былъ приклеенъ вмѣсто оболочки къ послѣднему листу рукописи № 140, при чемъ и одинъ изъ первоначальныхъ листовъ былъ сбоку обрѣзанъ. Нынѣ они хранятся въ московской библіотекѣ отдѣльно въ орѣховой рамкѣ, за стеклами съ обѣихъ сторонъ. Эти отрывки сняты въ «Палеографическихъ снимкахъ», изданныхъ архим. Саввою въ 1863 г., а въ прежнихъ каталогахъ синодальной библіотеки до архим. Владиміра вовсе не упоминается о нихъ. Они составляютъ остатки одной изъ древнѣйшихъ рукописей Новаго Завѣта, принадлежавшей когда-то лаврѣ св. Аѳанасія на Аѳонѣ. Имѣется еще немало другихъ листовъ той же рукописи (относящихся, какъ и московскіе отрывки, къ посланіямъ апостола Павла), а именно въ Парижѣ — 22 листа, на Аѳонѣ — 8 л., въ Туринѣ — 2 л.; остальные же опять-таки въ русскихъ книгохранилищахъ: въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ — 1 листъ, въ Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ — 3 л. и въ Духовной Академіи въ Кіевѣ — 3 л., всего 41 листъ. Подробное изслѣдованіе о всѣхъ этихъ остаткахъ сдѣлалъ французскій палеографъ H. Omont (Notice sur un très ancien manuscrit grec. Paris 1889).

вступилъ на великое и трудное поприще безмолвія и удалился для подвиговъ въ изолированное и уединенное мѣсто въ Киминѣ, называвшееся Κυχλήσης (гл. 23—27). На Киминъ часто имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать военачальникъ Востока Никифоръ Фока, частью побуждаемый чувствомъ родства къ Михаилу Малеину, частью для назидательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Во время своего неоднократнаго пребыванія на горѣ Никифоръ весьма сблизился съ Аѳанасіемъ, цѣня его мудрость и добродѣтели, и однажды въ порывѣ дружескихъ и признательныхъ чувствъ къ аскету даже сказалъ, что и ему уединеніе любезно и служитъ цѣлью его стремленій, весьма далекихъ отъ міра и что̀ въ мірѣ и тяготѣющихъ къ Богу... Высоко цѣнилъ Аѳанасія и братъ Никифора, магистръ, а послѣ куропалатъ Левъ, неоднократно наслаждавшійся духовною бесѣдою съ исихастомъ (гл. 28—33). Однако въ планы Аѳанасія не входило общеніе съ міромъ, хотя бы въ лицѣ лучшихъ его представителей; притомъ онъ узналъ, что игуменъ Михаилъ намѣренъ былъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, имѣя въ виду постепенный ростъ его добродѣтели, широту сердечнаго чувства, глубину вѣдѣнія и высоту богословскаго умозрѣнія; братія, надѣясь видѣть Аѳанасія своимъ начальникомъ, стали оказывать ему необычное вниманіе. Избѣгая міра и считая себя недостойнымъ власти, Аѳанасій тайно оставилъ Киминъ и прямо отправился на гору Аѳонъ.

Гора эта, пишетъ біографъ, называется и Аѳономъ и святою — послѣднимъ именемъ даже чаще; это названіе она получила или отъ многихъ великихъ подвижниковъ, здѣсь монашествующихъ, или отъ прекраснаго своего положенія, весьма удобнаго для подвижничества, ибо гора пустынна и удалена отъ міра, безопасна и пользуется благорастворенiемъ воздуха во всѣ времена года, — или, наконецъ, отъ той и другой причины вмѣстѣ. Сюда и прибылъ Аѳанасій, не взявши съ собою ничего, кромѣ ветхаго платья, въ которомъ былъ, двухъ малыхъ книгъ, написанныхъ имъ собственноручно, и кукуля священнаго и божественнаго игумена Михаила, который онъ имѣлъ при себѣ, какъ душеспасительное сокровище (гл. 34—37). «Когда Аѳанасій поднялся на гору, то обошелъ ее и осмотрѣлъ немногихъ тогдашнихъ подвижниковъ на ней; изслѣдовавъ весьма суровый образъ жизни ихъ и уединенное и мирное житіе, онъ удивлялся и радовался этому и убѣдился, что по истинѣ приблизился къ горамъ вѣчнымъ, и воздавалъ многую благодарность Богу, который путеводилъ его и привелъ на гору святую свою и въ свои селенія. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ, согласно пѣвцу [1]), все было не сѣянное и не паханное: они не пахали земли, не взрывали борозды, не имѣли ни вола, ни осла (ὑποζύγιον), ни иное какое-либо тяглое животное, ни щенка, ни собаки, но устроивъ изъ малыхъ жердей каливы и наскоро покрывши ихъ собранною травою, такъ жили лѣтомъ и зимою, подвергаясь ударамъ

1) Гомеръ, Одиссея, IX, 109.

противнаго вѣтра. Если когда и случалась нужда перенести что-нибудь изъ находившагося у нихъ, то они сами на себѣ исполняли обязанность тяглаго скота: укрѣпивши на своихъ спинахъ сѣдла, какія бываютъ у лошаковъ, они — эти подъяремныя животныя Христа — такъ переносили на себѣ тяжести. Вся тѣлесная пища ихъ, послѣ духовной, была безъискусственна, проста и всецѣло горная, если подобаетъ называть тѣлесною такую пищу, которая предлагается почти-что безплотнымъ и безкровнымъ тѣламъ. Собирая плоды дикихъ деревьевъ, они подносили себѣ эту наскоро приготовленную трапезу, кромѣ развѣ такого случая, что нѣкоторые принимали (подаяніе) изъ судна, откуда-нибудь приставшаго, благословенія ради; а у нѣкоторыхъ было издавна заведено, что, когда міряне привозили имъ пшеницу или просо, или другое зерно, промѣнивали это на овощи; но это дѣлалось не всегда и не безъ опасенія, но рѣдко, осторожно и со страхомъ, вслѣдствіе постоянныхъ въ то время набѣговъ безбожныхъ критянъ, которые, по суду Того, судьбы Коего — многая бездна (псал. XXXV, 7), совершали въ тѣхъ предѣлахъ частыя нападенія; они губили, грабили, порабощали и брали въ плѣнъ не только проходящихъ и плавающихъ мимо, но и самихъ обитателей горы, и когда не находили у нихъ ничего изъ того, ради чего они занимались разбоемъ, они на нихъ самихъ вымещали свой гнѣвъ; такимъ образомъ то что у другихъ было причиной безстрашія предъ грабителями, именно — бѣдность, у иноковъ было виною смерти. Дѣйствительно, это уже — верхъ нечестія и прямо есть изобрѣтеніе демоновъ» (гл. 38). На горѣ Аѳонѣ Аѳанасій поселился въ монастырькѣ Зигонъ (Ζυγόν)[1], гдѣ вручилъ себя руководству одного простѣйшаго и проводившаго уединенную жизнь старца. Не желая быть узнаннымъ магистромъ Львомъ, который имѣлъ власть надъ всѣмъ Западомъ, Аѳанасій назвалъ себя Варнавою и сказалъ старцу, что онъ спасся отъ кораблекрушенія на морѣ. Съ тою же цѣлью онъ скрылъ отъ старца свои добродѣтели и мудрость и обнаружилъ полнѣйшее незнаніе грамоты и неспособность къ ней, когда старецъ, по его просьбѣ, началъ учить его чтенію (гл. 39—43).

Между тѣмъ Никифоръ Фока, получившій власть надъ всѣмъ Востокомъ, узналъ объ удаленіи съ Кимина Аѳанасія и рѣшился отыскать его. Онъ вспомнилъ объ Аѳонѣ, о которомъ Аѳанасій и говорилъ, и писалъ ему раньше, и просилъ архонта-судью Ѳессалоникской области отправиться на св. Гору и отыскать тамъ его друга, примѣты коего онъ подробно описалъ судьѣ. Послѣдній отправился на Аѳонъ, явился къ проту горы Стефану и сообщилъ ему о порученіи. Протъ обѣщалъ поискать Аѳанасія во время ближайшаго собранія. По обычаю аѳонскіе старцы трижды въ годъ[2]) собирались въ Карейской лаврѣ, проводили

1) На Аѳонѣ существовали два монастыря съ именемъ Зигонъ или Зигу — большой и малый; оба возникли въ VIII вѣкѣ.

2) Именно въ праздники: Рождества Христова и Богоявленія, св. Пасхи и Успе-

всѣ вмѣстѣ праздникъ, пріобщались Св. Таинъ и имѣли общеніе въ трапезѣ. Аѳанасій ничего не зналъ о поискахъ и, когда наступило Богоявленіе—день обычнаго и всеобщаго собранія аѳонскихъ старцевъ, онъ явился въ Карею и здѣсь былъ узнанъ протомъ. Желая убѣдиться въ томъ, что простецъ Варнава есть Аѳанасій, протъ приказалъ ему читать въ надлежащій моментъ собранія священную книгу Богослова (βίβλος ἡ σεβασμία τοῦ Θεολόγου). Аѳанасій отказывался, но послѣ того какъ протъ, вставши съ каѳедры, сталъ угрожать ему епитиміей, онъ своимъ витіеватымъ чтеніемъ произвелъ на сонмъ старцевъ необычайное впечатлѣніе. Тогда же одинъ изъ первенствующихъ аскетовъ Аѳона Павелъ Ксиропотамскій [1]) предсказалъ, что Аѳанасій будетъ великъ, станетъ начальникомъ и устроителемъ горы и подчинитъ себѣ всѣхъ (гл. 44—51). Почитая удаленіе Аѳанасія лишеніемъ для горы, протъ убѣдилъ его уединиться въ одинокой анахоретской келліи, принадлежавшей Кареѣ [2]) и находившейся въ трехъ стадіяхъ разстоянія отъ лавры. Проживая здѣсь, Аѳанасій для своего пропитанія занимался перепискою рукописей. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ большого совершенства и очень быстро и красиво копировалъ рукописи. «Красота его письма, говоритъ біографъ, многимъ извѣстна, такъ какъ еще и *теперь* можно видѣть его книги; что же касается быстроты, то Аѳанасій обыкновенно въ каждую недѣлю (ἑκάστης ἑβδομάδος) изготовлялъ псалтирь». Его сожителемъ и сотрудникомъ въ письмѣ былъ благочестивый старецъ Λουκίτζης, продававшій рукописи и заботившійся о хозяйственной сторонѣ жизни. Въ этомъ уединеніи Аѳанасія посѣтилъ начальникъ Запада Левъ, прибывшій на Аѳонъ послѣ побѣды надъ кочевниками Скиѳами (κατὰ τῶν νομάδων Σκυθῶν)—вознести Богу благодареніе за успѣхъ и поискать Аѳанасія [3]). По просьбѣ Аѳанасія Левъ далъ аѳонскимъ старцамъ денегъ на возобновленіе храма въ Кареѣ, такъ какъ онъ былъ тѣсенъ и не вмѣщалъ всего собранія старцевъ. Послѣ отъѣзда съ Аѳона Льва, Аѳанасій, избѣгая славы, которая стала привлекать къ нему многихъ учениковъ, удалился на крайнюю оконечность (ἀκρωτήριον) горы, которая называлась Μελανά, построилъ себѣ здѣсь аскетическую каливу, какъ бы

нія Пресвятой Богородицы. — Епископъ Порфирій (Исторія Аѳона, III, 263) и Гедеонъ (стр. 98) издали краткіе отрывки изъ житія объ этихъ собраніяхъ.

1) Павелъ Ксиропотамскій (915 † ок. 1016 г.) былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ подвижниковъ Аѳона. Онъ происходилъ изъ знатной византійской фамиліи Рангаве, былъ основателемъ на Аѳонѣ Ксиропотамо-Срѣтенскаго, а впослѣдствіи Святопавловскаго и Вулевтирійскаго монастырей и прославилъ себя апостольскими трудами въ Болгаріи и Сербіи. Епископъ Порфирій Успенскій, Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 и 1846 годахъ, часть I, отд. 1, стр. 382—383, отд. 2, стр. 8—12. Кіевъ, 1877.

2) . . . . Πείθει τοῦτον ἐν ἀναχωρητικῷ τινι τῶν Καρεῶν ἡσυχάσαι μονοκελλίῳ (κ. 52).

3) Кого именно біографъ св. Аѳанасія разумѣетъ подъ скиѳами номадами, опредѣлительно сказать мы не можемъ.

мастерскую добродѣтели [1]), и въ теченіе цѣлаго года боролся со страстями и духомъ зла за чистоту иноческихъ идеаловъ (гл. 52—59).

Въ это время съ острова Крита отъ Никифора Фоки, военачальника всей соединенной ромейской арміи, прибылъ на Аѳонъ посолъ съ письмомъ къ старцамъ. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ агаряне, сосредоточившись на Критѣ, предавались беззаконіямъ и совершали убійства; дѣлая отсюда набѣги, они причиняли христіанамъ зло и наносили ужасныя бѣдствія, считая для себя все дозволеннымъ. Поэтому и Никифоръ, такъ какъ былъ монахолюбивъ и надѣялся на помощь свыше больше, чѣмъ на ромейскую силу [2]), просилъ молитвенной помощи у подвижниковъ разныхъ горъ—Кимина, Олимпа и другихъ, знаменитыхъ аскетизмомъ. Въ особенности онъ просилъ молитвъ о побѣдѣ у иноковъ Аѳона, какъ потому, что Аѳонъ больше другихъ подвергался разоренію отъ критянъ, которые нѣкоторыхъ иноковъ даже взяли въ плѣнъ, такъ и потому, что здѣсь находился его духовный другъ и отецъ Аѳанасій, о которомъ Никифоръ узналъ отъ своего брата Льва и котораго онъ желалъ видѣть въ своемъ лагерѣ на Критѣ (гл. 60—61). Тяжело было Аѳанасію разставаться съ уединеніемъ на горѣ, однако, уступая усиленнымъ просьбамъ всей аѳонской братіи и *считая помощь и любовь къ мірянамъ обязанностью инока*, онъ вмѣстѣ со старцемъ Ѳеодотомъ отправился на Критъ [3]). Встрѣча друзей была весьма трогательна и вызвала въ Никифорѣ сильный подъемъ и монашескихъ идей, и воинственнаго духа. Никифоръ опять высказывалъ Аѳанасію желаніе посвятить себя иноческой жизни и давалъ золота на устройство будущаго убѣжища (καταγώγιον) для него и при немъ киновіи. Но Аѳанасій отказался отъ денегъ и скоро отбылъ на Аѳонъ (гл. 62—70). Однако Никифоръ не успокоился. Спустя немного времени, онъ послалъ къ Аѳанасію съ золотомъ одного изъ ближайшихъ къ нему лицъ — Меѳодія, инока изъ братства Малеина, и настойчиво просилъ приступить къ постройкѣ монастыря. Мудрый управитель (ὁ σοφὸς οἰκονόμος) души человѣческой Аѳанасій, видя божественную ревность и страстное стремленіе Никифора къ монашеству и движимый священнымъ пламенемъ иноческаго воодушевленія и самоусовершенствованія, уступилъ просьбѣ своего друга. Къ этому склонило его также и то, что Никифоръ завоевалъ островъ Критъ въ 6469=961 году, индикта 4-го, весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, а въ іюлѣ того же года скончался ихъ общій отецъ и руководитель Михаилъ Малеинъ, нѣкогда пророчески

---

1) ...... Ἔνθα δὴ τὴν ἀσκητικὴν καλύβην ὡς ἄλλο πηξάμενος ἀρετῆς ἐργαστήριον (κ. 57).

2) ...... Οἷα φιλομόναχός τε καὶ τῇ ἄνωθεν συμμαχίᾳ μᾶλλον ἢ τῇ ῥωμαϊκῇ πεποιθὼς ῥώμῃ (κεφ. 61).

3) Аѳанасій былъ на Критѣ въ началѣ 961 года, а Никифоръ отправился изъ Византіи для завоеванія этого острова въ концѣ іюня или началѣ іюля 960 года (Muralt, Essai de chronographie byzantine. St.-Pétersb., 1855, p. 533. Schlumberger, Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris. 1890, p. 67, 96).

нарекшій Аѳанасія своимъ преемникомъ по благодати, которая и заставила Аѳанасія, немедленно послѣ смерти Михаила, приступить къ постройкѣ монастыря [1]). Аѳанасій прежде всего построилъ иноческую келлію (τὸ σεμνεῖον) для подвижничества Никифора и при ней храмъ (εὐκτήριον) во имя всеславнаго Предтечи [2]), а потомъ воздвигъ прекраснѣйшую церковь во имя Богородицы въ Мелана, на мѣстѣ своей каливы. При постройкѣ этой церкви Аѳанасій совершилъ первое чудо, обратившее строителей къ монашеской жизни, а по окончаніи ея принялъ божественную и великую схиму отъ инока Исаіи (гл. 71—79) [3]). Затѣмъ Аѳанасій построилъ келліи для иноковъ, мельницу, трапезу (ὁ τῆς ἑστιάσεως οἶκος), больницу, гостинницу и водопроводъ. Въ новую обитель быстро стали стекаться иноки изъ мѣстъ ближнихъ и дальнихъ. Аѳанасій дѣятельно началъ благоустроять братство. Онъ собственноручно написалъ для него уставъ [4]), которымъ нормировалась вся жизнь монастыря. Типикомъ устанавливался киновіальный образъ жизни. Монахи имѣли общую трапезу, общее имущество; внѣ монастырской трапезы, гдѣ точно было установлено количество пищи и питья, опредѣлены правила молчанія, чтенія, порядка сидѣнія, прислуживанія, стоянія и пр., монахи ничего не должны были вкушать; въ имуществѣ они не знали «моего» и «твоего», и если кто терялъ иглу, перо, ножъ или полотенце, это онъ не отыскивалъ по келліямъ, но шелъ въ церковь и здѣсь въ опредѣленномъ мѣстѣ находилъ свою вещь. Аѳанасій строго предписалъ инокамъ своей лавры внимательно относиться къ чужепостриженникамъ, такъ какъ всѣ принимаютъ святую схиму во имя Христово [5]). Типикъ регламентировалъ и всю остальную жизнь монаховъ, особенно касающуюся богослуженія. Аѳанасій зорко слѣдилъ за выполненіемъ устава, былъ образцомъ для всѣхъ и дѣятельно помогалъ братіи въ осуществленіи иноческихъ принциповъ: дверь его келліи была всегда открыта для сомнѣвающихся,

---

1) Ἦλω μὲν γὰρ ἐκείνη (ἡ Κρήτη) οὐ πολὺ πρότερον τῆς τοῦ μεγάλου (Μιχαὴλ Μαλεΐνου) τελευτῆς, ἐνισταμένου τοῦ ἔαρος καὶ μηνὸς ἱσταμένου Μαρτίου..., μετήλλαξε δὲ κἀκεῖνος τὸν τῇδε κατὰ πόδας βίον ἐν ἔτει τῷ αὐτῷ, μηνὸς ἱσταμένου Ἰουλίου, ὅτε καὶ ἡ χάρις τὴν τοῦ μεγάλου πρόρρησιν ἐπισφραγίζουσα τῆς οἰκοδομῆς ἅψασθαι τὸν νέον ἐπένευσεν. Εἰ δέ τινες ἰδικῶς καὶ τὸ ἔτος, ἢ μᾶλλον ἰδιωτικῶς, ἀπαιτοῦσι, καὶ γὰρ ἀπητήκασιν, ἦν μὲν ἑξηκοστὸν ἔνατον πρὸς τῷ ἑξακισχιλιοστῷ τετρακοσιοστῷ, ἦν δὲ καὶ ἰνδικτιὼν τετάρτη (κ. 72).

2) Эти постройки произведены были Аѳанасіемъ еще во время пребыванія на Аѳонѣ монаха Меѳодія, который, явившись на св. Гору вскорѣ послѣ возвращенія Никифора съ о. Крита, прожилъ у Аѳанасія около шести мѣсяцевъ (Τυπικὸν ἤτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ. Γεδεών, Ὁ Ἄθως, σ. 248).

3) На мѣстѣ подвижничества Исаіи впослѣдствіи былъ построенъ монастырекъ (φροντιστήριον). Житіе, гл. 79.

4) «Τυπικὸν ἤτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ» изданъ Мейеромъ (Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 102—122) и Гедеономъ (Ὁ Ἄθως. Ἐν Κωνσταντ. 1885, σ. 245—272).

5) Объ отношеніи лавріотовъ къ чужепостриженникамъ преп. Аѳанасій обстоятельно говоритъ въ своемъ уставѣ (Meyer, S. 111—112, Γεδεών, σ. 257—260).

рукописяхъ, почти самое главное дѣло. Архим. Владиміръ не отказался отъ этой скучной, но необходимой работы и тщательно составилъ указатель, занимающій 112 страницъ большого формата (въ два столбца). Итакъ, благодаря неутомимому усердію составителя, этотъ указатель прекрасно исполняетъ задачу помогать спеціалистамъ справиться скоро и надежно съ рукописными сокровищами московской синодальной библіотеки, и лишь въ немногихъ пунктахъ было бы возможно сдѣлать его еще болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ для пользованія. Въ нѣсколькихъ случаяхъ одинъ и тотъ же писатель или предметъ помѣщенъ въ немъ подъ разными именами, при чемъ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ обратить вниманіе читателя на это надлежащими ссылками. Такъ, напр., разныя статьи о пословицахъ, какъ и о загадкахъ, частью помѣщены подъ греческими словами «παροιμίαι» и «αἰνίγματα», частью подъ русскими ихъ названіями. При имени «Григорій II» значится: «см. Георгій Кипрскій», а при послѣднемъ недостаетъ такой ссылки на первое имя На 821-ой страницѣ (въ первомъ столбцѣ) сказано: «Николай Грамматикъ (патр. Константинопольскій) и т. д.», а нѣсколько строкъ ниже (во второмъ столбцѣ) помѣщены «Николая патр. отвѣты агіоритамъ и проч.», хотя эти въ указателѣ отдѣльно приведенныя произведенія принадлежатъ одному писателю, Николаю Мистику. На 850-ой страницѣ Христофоръ ипатъ митилинскій и Христофоръ патрикій разрознены, хотя слѣдуетъ подразумѣвать подъ обоими именами одного и того же автора. На одномъ мѣстѣ указателя встрѣчается какой-то Георгій Алакапенскій, а на другомъ Георгій Лекапинъ, но первая форма основывается лишь на ошибкѣ писца и въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ извѣстномъ Георгіѣ Лекапинѣ. Иногда данныя объ одномъ писателѣ разсѣяны въ указателѣ по тремъ и даже болѣе мѣстамъ. Произведенія Георгія Схоларія помѣщены, во-первыхъ, подъ словомъ «Архонтъ Схоларій» (безъ ссылки) и, во вторыхъ, подъ словомъ «Схоларій архонтъ философъ»; въ послѣднемъ мѣстѣ прибавлено «см. еще Георгій Схоларій», но если обратиться туда, находимъ лишь новую ссылку, «см. Геннадій II». Развѣ не было бы удобнѣе соединить эти разбросанныя данныя подъ однимъ именемъ, а при остальныхъ просто ссылаться на это главное мѣсто? То же самое приходится сказать объ именахъ «Θеодулъ Магистръ», «Θеодулъ монахъ» и «Θома магистръ Θессалійскій», которыя тождественны и поэтому, въ ущербъ пользующихся указателемъ, не соединены въ немъ въ одно.

Незначительно число тѣхъ именъ, которыя пропущены въ указателѣ, хотя упоминаются въ текстѣ описанія. Сюда относятся: Евдокія (или Аθинаида) ὁμηρόκεντρα 442, 52; Ἑρμῆς Τρισμεγίστιος 509, 63; 480, 29; Михаилъ Акоминатъ 219 и 218; Мосхіонъ ὑποθῆκαι 336, 101; Патрикій еписк. ὁμηρόκεντρα 442, 52. Многочисленнѣе тѣ случаи, гдѣ можно дополнить приведенныя въ указателѣ цифры; напр., подъ именемъ «Киръ и Іоаннъ» слѣдуетъ прибавить еще 380, 110 (похвала имъ, написанная Софроніемъ); Климентъ, еписк. римскій—384, 162 (чудо); Николай, еписк. меθонскій —

одной изъ лавръ на горѣ Олимпѣ (гл. 8) [1]). Когда Авраамій былъ отданъ грамматику (γραμματιστῇ δίδοται) [2]), онъ своимъ успѣхомъ въ ученіи вызывалъ всеобщее удивленіе. Онъ сильно полюбилъ науку и ради нея рѣшился даже отправиться въ столицу, центръ просвѣщенія. Провиденціальный случай далъ ему возможность осуществить свое искреннее желаніе. Въ царствованіе императора Романа Старшаго [3]) въ Трапезунтъ прибылъ нѣкоторый евнухъ-практоръ, на ромейскомъ языкѣ называвшійся κομμερκιάριος [4]), человѣкъ добрый и дѣльный. Онъ замѣтилъ Авраамія и приблизилъ его къ себѣ, а когда произвелъ сборъ народныхъ податей ((μετὰ τὴν τῶν δημοσίων τελεσμάτων εἴσπραξιν) и отправлялся въ Константинополь, взялъ съ собою и своего любимца. Въ столицѣ Авраамій поселился въ домѣ той родственницы, которая была въ замужествѣ за сыномъ Зефинезера; весь домъ былъ радъ пришельцу, особенно когда узналъ о цѣли его пріѣзда въ Византію. Съ этого времени Авраамій погрузился въ самого себя и въ науку (гл. 9—11). Вскорѣ онъ для усовершенствованія въ добродѣтели и внѣшней или свѣтской мудрости (τῇ ἔξω σοφίᾳ) поступилъ въ столичную школу (παιδευτήριον) [5]), которою завѣдывалъ Аѳанасій, мужъ опытный въ духовной жизни и знаніи. Имѣя въ лицѣ наставника прекраснаго руководителя, Авраамій быстро достигъ высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія (гл. 12—13). Чрезъ короткій промежутокъ времени онъ по царскому велѣнію былъ сдѣланъ дидаскаломъ въ такомъ же училищѣ, въ какомъ ранѣе и самъ обучался [6]). Въ званіи дидаскала Авраамій ознаменовалъ себя иноческою, высоко-филсофскою жизнью. Вокругъ него собрались многіе ученики, даже изъ числа его товарищей по школѣ. Слухъ о мудрости и добродѣтели Авраамія достигъ до царя, «которому прозваніе отъ порфиры, въ коей онъ родился, а ревность къ добродѣтели и знанію

---

1) Разумѣется, Олимпъ виѳинскій или виѳино-мизійскій, составляющій часть горной цѣпи Антитавра и занимающій южную часть Виѳиніи. Въ византійскую эпоху эта гора была весьма виднымъ монашескимъ пунктомъ.

2) Здѣсь идетъ рѣчь о поступленіи Аѳанасія въ одну изъ низшихъ школъ, въ которыхъ изучался курсъ наукъ подготовительныхъ, состоящихъ изъ грамоты (чтенія и письма) орѳографіи, грамматики, піитики и исторіи. Въ эти школы поступали дѣти отъ 8—10 лѣтъ и проходили весь курсъ въ теченіе 6—8 лѣтъ.

3) Романъ Старшій или Лакапинъ былъ соправителемъ Константина Порфирогенета въ 920—944 г.

4) Коммеркіарій (commercium) — чиновникъ, взимавшій подати за право торговли. Ducange, Glossarium ad scrip. med. et. inf. graecitatis, p. 699.

5) Παιδευτήριον относится къ разряду среднихъ византійскихъ училищъ, въ которыхъ курсъ преподаванія слагался изъ риторическаго искусства, философскаго знанія и законовѣдѣнія. Здѣсь обучались юноши отъ 16 до 25 лѣтъ.

6) ..... νεύσει βασιλικῇ ἐπὶ τὸν διδασκαλικὸν ἀνάγεται θρόνον, οὐκ ἐν τῷ αὐτῷ μέντοι, ἀλλ' ἐν ἑτέρῳ παιδευτηρίῳ (κ. 14). Отсюда видно, что въ Константинополѣ было нѣсколько училищъ съ курсомъ средняго образованія, и замѣщеніе въ нихъ преподавательскихъ каѳедръ (διδασκαλικὸς θρόνος) происходило не безъ участія императора. Св. Аѳанасію было, вѣроятно, не менѣе 25 лѣтъ, когда онъ сдѣлался дидаскаломъ.

въ особенности извѣстна (гл. 14—16)[1]). Но Авраамій сталъ тяготиться тою славою, которая окружала его имя и жизнь, оставилъ преподавательскую дѣятельность и удалился въ домъ своего почитателя Зефинезера, который былъ правителемъ Эгейской ѳемы, состоящей изъ острововъ Эгейскаго моря. Однажды Авраамій, по приглашенію Зефинезера, сопутствовалъ ему въ его служебной поѣздкѣ по воеводству. Выѣхавъ изъ столицы и миновавши острова въ Эгейскомъ заливѣ (κόλπος), они прибыли на о. Лемносъ. Отсюда Авраамій въ первый разъ увидѣлъ св. гору Аѳонъ и былъ плѣненъ мыслью и желаніемъ тамъ поселиться (гл. 17—18).

Между тѣмъ въ столицу, не безъ божественнаго устроенія, прибылъ съ Кимина Михаилъ Малеинъ, игуменъ (καθηγητής) этой горы, человѣкъ знатный по роду и добродѣтели[2]). Авраамій явился къ нему, раскрылъ свои помышленія и просилъ руководительства въ иноческой жизни, которой онъ искренно желалъ посвятить себя. Во время бесѣды Авраамія съ Михаиломъ къ старцу прибылъ его племянникъ, стратигъ военныхъ силъ восточныхъ (ὁ στρατηγὸς τῶν ἀνατολικῶν) Никифоръ, впослѣдствіи императоръ; узнавъ отъ дяди всю истину объ Авраамія, Никифоръ съ этого момента всегда помнилъ о немъ (гл. 19—22). Лишь только Михаилъ возвратился изъ столицы на Киминъ, къ нему явился и Авраамій, желая скорѣе сдѣлаться инокомъ. Михаилъ не откладывалъ дѣла и, совершивши по порядку всѣ обычныя въ подобныхъ случаяхъ установленія, облекъ Авраамія въ божественную и блаженную схиму (τὸ θεῖον αὐτὸν καὶ μακάριον ἀμφιέννυσι σχῆμα), назвавши его Аѳанасіемъ. Такъ началась иноческая жизнь Аѳанасія[3]). Она выразилась прежде всего въ непрерывномъ рядѣ иноческихъ подвиговъ, возведшихъ аскета на верхъ подвижничества. Чрезъ четыре года Аѳанасій, съ согласія Михаила Малеина,

1) .... τὴν περὶ τούτου πεῦσιν ἐλθεῖν (μέχρι) βασιλέως, ᾧ ἀπὸ τῆς πορφυρίδος μὲν ἐν ᾗ γεγένητο τὸ ἐπώνυμον,. ὁ ζῆλος δὲ περὶ ταῦτα μάλιστα τὸ ἐπίσημον. — Здѣсь разумѣется, конечно, Константинъ Порфирогенетъ (944—959).

2) Михаилъ Малеинъ, происходившій изъ знатной каппадокійской фамиліи Малеиновъ, родственной македонской династіи и игравшей видную роль въ византійскую эпоху, былъ однимъ изъ знаменитыхъ восточныхъ подвижниковъ X вѣка. Онъ подвизался на виѳинской горѣ Киминѣ и имѣлъ для мѣстнаго монашества почти такое же значеніе, какое принадлежало св. Аѳанасію въ исторіи монашества аѳонскаго. Михаилъ скончался 12-го іюля 961 года 65-лѣтнимъ старцемъ. Полное и оригинальное житіе препод. Михаила еще не издано; оно въ рукописномъ видѣ хранится въ библіотекахъ Лавры, Иверскаго и другихъ монастырей на Аѳонѣ; начальныя слова его — «Οὐκ ἔργοις χρὴ μόνον θαυμάζειν τὴν ἀρετὴν... Въ формѣ краткаго переложенія греческаго оригинала житіе св. Михаила издано въ книгѣ монаха Агапія Καλοκαιρινή, откуда оно перепечатано К. Дукакисомъ (Μέγας Συναξαριστής, Ἰούλιος, ἡμ. 12, σ. 195—207). Въ русскомъ переводѣ житіе Михаила читается въ Душеполезномъ Чтеніи, 1890, № 10 и 11 и въ брошюрѣ архіепископа Сергія: «Преподобный Михаилъ Малеинъ и трехсотлѣтіе Б. В. Г., Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича». Вязники, 1896, стр. 1—22, а въ славянской редакціи издано проф. Ф. Терновскимъ въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ, 1875, январь. Сравн. Νικόδημος Ἁγιορείτης Συναξαριστής, τόμ. 3, σ. 172, σημ. 2.

3) Постриженіе Аѳанасія въ монашество произошло около 950 года.

вступилъ на великое и трудное поприще безмолвія и удалился для подвиговъ въ изолированное и уединенное мѣсто въ Киминѣ, называвшееся Κυκλήσης (гл. 23—27). На Киминъ часто имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать военачальникъ Востока Никифоръ Фока, частью побуждаемый чувствомъ родства къ Михаилу Малеину, частью для назидательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Во время своего неоднократнаго пребыванія на горѣ Никифоръ весьма сблизился съ Аѳанасіемъ, цѣня его мудрость и добродѣтели, и однажды въ порывѣ дружескихъ и признательныхъ чувствъ къ аскету даже сказалъ, что и ему уединеніе любезно и служитъ цѣлью его стремленій, весьма далекихъ отъ міра и что̀ въ мірѣ и тяготѣющихъ къ Богу... Высоко цѣнилъ Аѳанасія и братъ Никифора, магистръ, а послѣ куропалатъ Левъ, неоднократно наслаждавшійся духовною бесѣдою съ исихастомъ (гл. 28—33). Однако въ планы Аѳанасія не входило общеніе съ міромъ, хотя бы въ лицѣ лучшихъ его представителей; притомъ онъ узналъ, что игуменъ Михаилъ намѣренъ былъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, имѣя въ виду постепенный ростъ его добродѣтели, широту сердечнаго чувства, глубину вѣдѣнія и высоту богословскаго умозрѣнія; братія, надѣясь видѣть Аѳанасія своимъ начальникомъ, стали оказывать ему необычное вниманіе. Избѣгая міра и считая себя недостойнымъ власти, Аѳанасій тайно оставилъ Киминъ и прямо отправился на гору Аѳонъ.

Гора эта, пишетъ біографъ, называется и Аѳономъ и святою — послѣднимъ именемъ даже чаще; это названіе она получила или отъ многихъ великихъ подвижниковъ, здѣсь монашествующихъ, или отъ прекраснаго своего положенія, весьма удобнаго для подвижничества, ибо гора пустынна и удалена отъ міра, безопасна и пользуется благорастворёніемъ воздуха во всѣ времена года, — или, наконецъ, отъ той и другой причины вмѣстѣ. Сюда и прибылъ Аѳанасій, не взявши съ собою ничего, кромѣ ветхаго платья, въ которомъ былъ, двухъ малыхъ книгъ, написанныхъ имъ собственноручно, и кукуля священнаго и божественнаго игумена Михаила, который онъ имѣлъ при себѣ, какъ душеспасительное сокровище (гл. 34—37). «Когда Аѳанасій поднялся на гору, то обошелъ ее и осмотрѣлъ немногихъ тогдашнихъ подвижниковъ на ней; изслѣдовавъ весьма суровый образъ жизни ихъ и уединенное и мирное житіе, онъ удивлялся и радовался этому и убѣдился, что по истинѣ приблизился къ горамъ вѣчнымъ, и воздавалъ многую благодарность Богу, который путеводилъ его и привелъ на гору святую свою и въ свои селенія. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ, согласно пѣвцу [1]), все было не сѣянное и не паханное: они не пахали земли, не взрывали борозды, не имѣли ни вола, ни осла (ὑποζύγιον), ни иное какое-либо тяглое животное, ни щенка, ни собаки, но устроивъ изъ малыхъ жердей каливы и наскоро покрывши ихъ собранною травою, такъ жили лѣтомъ и зимою, подвергаясь ударамъ

1) Гомеръ, Одиссея, IX, 109.

противнаго вѣтра. Если когда и случалась нужда перенести что-нибудь изъ находившагося у нихъ, то они сами на себѣ исполняли обязанность тяглаго скота: укрѣпивши на своихъ спинахъ сѣдла, какія бываютъ у лошаковъ, они — эти подъяремныя животныя Христа — такъ переносили на себѣ тяжести. Вся тѣлесная пища ихъ, послѣ духовной, была безъискусственна, проста и всецѣло горная, если подобаетъ называть тѣлесною такую пищу, которая предлагается почти-что безплотнымъ и безкровнымъ тѣламъ. Собирая плоды дикихъ деревьевъ, они подносили себѣ эту наскоро приготовленную трапезу, кромѣ развѣ такого случая, что нѣкоторые принимали (подаяніе) изъ судна, откуда-нибудь приставшаго, благословенія ради; а у нѣкоторыхъ было издавна заведено, что, когда міряне привозили имъ пшеницу или просо, или другое зерно, промѣнивали это на овощи; но это дѣлалось не всегда и не безъ опасенія, но рѣдко, осторожно и со страхомъ, вслѣдствіе постоянныхъ въ то время набѣговъ безбожныхъ критянъ, которые, по суду Того, судьбы Коего — многая бездна (псал. XXXV, 7), совершали въ тѣхъ предѣлахъ частыя нападенія; они губили, грабили, порабощали и брали въ плѣнъ не только проходящихъ и плавающихъ мимо, но и самихъ обитателей горы, и когда не находили у нихъ ничего изъ того, ради чего они занимались разбоемъ, они на нихъ самихъ вымещали свой гнѣвъ; такимъ образомъ то что у другихъ было причиной безстрашія предъ грабителями, именно — бѣдность, у иноковъ было виною смерти. Дѣйствительно, это уже — верхъ нечестія и прямо есть изобрѣтеніе демоновъ» (гл. 38). На горѣ Аѳонѣ Аѳанасій поселился въ монастырькѣ Зигонъ (Ζυγόν) [1]), гдѣ вручилъ себя руководству одного простѣйшаго и проводившаго уединенную жизнь старца. Не желая быть узнаннымъ магистромъ Львомъ, который имѣлъ власть надъ всѣмъ Западомъ, Аѳанасій назвалъ себя Варнавою и сказалъ старцу, что онъ спасся отъ кораблекрушенія на морѣ. Съ тою же цѣлью онъ скрылъ отъ старца свои добродѣтели и мудрость и обнаружилъ полнѣйшее незнаніе грамоты и неспособность къ ней, когда старецъ, по его просьбѣ, началъ учить его чтенію (гл. 39—43).

Между тѣмъ Никифоръ Фока, получившій власть надъ всѣмъ Востокомъ, узналъ объ удаленіи съ Кимина Аѳанасія и рѣшился отыскать его. Онъ вспомнилъ объ Аѳонѣ, о которомъ Аѳанасій и говорилъ, и писалъ ему раньше, и просилъ архонта-судью Ѳессалоникской области отправиться на св. Гору и отыскать тамъ его друга, примѣты коего онъ подробно описалъ судьѣ. Послѣдній отправился на Аѳонъ, явился къ проту горы Стефану и сообщилъ ему о порученіи. Протъ обѣщалъ поискать Аѳанасія во время ближайшаго собранія. По обычаю аѳонскіе старцы трижды въ годъ [2]) собирались въ Карейской лаврѣ, проводили

1) На Аѳонѣ существовали два монастыря съ именемъ Зигонъ или Зигу — большой и малый; оба возникли въ VIII вѣкѣ.

2) Именно въ праздники: Рождества Христова и Богоявленія, св. Пасхи и Успе-

вступилъ на великое и трудное поприще безмолвія и удалился для подвиговъ въ изолированное и уединенное мѣсто въ Киминѣ, называвшееся Κυκλήσης (гл. 23—27). На Киминъ часто имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать военачальникъ Востока Никифоръ Фока, частью побуждаемый чувствомъ родства къ Михаилу Малеину, частью для назидательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Во время своего неоднократнаго пребыванія на горѣ Никифоръ весьма сблизился съ Аѳанасіемъ, цѣня его мудрость и добродѣтели, и однажды въ порывѣ дружескихъ и признательныхъ чувствъ къ аскету даже сказалъ, что и ему уединеніе любезно и служитъ цѣлью его стремленій, весьма далекихъ отъ міра и что̀ въ мірѣ и тяготѣющихъ къ Богу... Высоко цѣнилъ Аѳанасія и братъ Никифора, магистръ, а послѣ куропалатъ Левъ, неоднократно наслаждавшійся духовною бесѣдою съ исихастомъ (гл. 28—33). Однако въ планы Аѳанасія не входило общеніе съ міромъ, хотя бы въ лицѣ лучшихъ его представителей; притомъ онъ узналъ, что игуменъ Михаилъ намѣренъ былъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, имѣя въ виду постепенный ростъ его добродѣтели, широту сердечнаго чувства, глубину вѣдѣнія и высоту богословскаго умозрѣнія; братія, надѣясь видѣть Аѳанасія своимъ начальникомъ, стали оказывать ему необычное вниманіе. Избѣгая міра и считая себя недостойнымъ власти, Аѳанасій тайно оставилъ Киминъ и прямо отправился на гору Аѳонъ.

Гора эта, пишетъ біографъ, называется и Аѳономъ и святою — послѣднимъ именемъ даже чаще; это названіе она получила или отъ многихъ великихъ подвижниковъ, здѣсь монашествующихъ, или отъ прекраснаго своего положенія, весьма удобнаго для подвижничества, ибо гора пустынна и удалена отъ міра, безопасна и пользуется благорастворенiемъ воздуха во всѣ времена года, — или, наконецъ, отъ той и другой причины вмѣстѣ. Сюда и прибылъ Аѳанасій, не взявши съ собою ничего, кромѣ ветхаго платья, въ которомъ былъ, двухъ малыхъ книгъ, написанныхъ имъ собственноручно, и кукуля священнаго и божественнаго игумена Михаила, который онъ имѣлъ при себѣ, какъ душеспасительное сокровище (гл. 34—37). «Когда Аѳанасій поднялся на гору, то обошелъ ее и осмотрѣлъ немногихъ тогдашнихъ подвижниковъ на ней; изслѣдовавъ весьма суровый образъ жизни ихъ и уединенное и мирное житіе, онъ удивлялся и радовался этому и убѣдился, что по истинѣ приблизился къ горамъ вѣчнымъ, и воздавалъ многую благодарность Богу, который путеводилъ его и привелъ на гору святую свою и въ свои селенія. И въ самомъ дѣлѣ, у нихъ, согласно пѣвцу [1]), все было не сѣянное и не паханное: они не пахали земли, не взрывали борозды, не имѣли ни вола, ни осла (ὑποζύγιον), ни иное какое-либо тяглое животное, ни щенка, ни собаки, но устроивъ изъ малыхъ жердей каливы и наскоро покрывши ихъ собранною травою, такъ жили лѣтомъ и зимою, подвергаясь ударамъ

1) Гомеръ, Одиссея, IX, 109.

противнаго вѣтра. Если когда и случалась нужда перенести что-нибудь изъ находившагося у нихъ, то они сами на себѣ исполняли обязанность тяглаго скота: укрѣпивши на своихъ спинахъ сѣдла, какія бываютъ у лошаковъ, они — эти подъяремныя животныя Христа — такъ переносили на себѣ тяжести. Вся тѣлесная пища ихъ, послѣ духовной, была безъискусственна, проста и всецѣло горная, если подобаетъ называть тѣлесною такую пищу, которая предлагается почти-что безплотнымъ и безкровнымъ тѣламъ. Собирая плоды дикихъ деревьевъ, они подносили себѣ эту наскоро приготовленную трапезу, кромѣ развѣ такого случая, что нѣкоторые принимали (подаяніе) изъ судна, откуда-нибудь приставшаго, благословенія ради; а у нѣкоторыхъ было издавна заведено, что, когда міряне привозили имъ пшеницу или просо, или другое зерно, промѣнивали это на овощи; но это дѣлалось не всегда и не безъ опасенія, но рѣдко, осторожно и со страхомъ, вслѣдствіе постоянныхъ въ то время набѣговъ безбожныхъ критянъ, которые, по суду Того, судьбы Коего — многая бездна (псал. XXXV, 7), совершали въ тѣхъ предѣлахъ частыя нападенія; они губили, грабили, порабощали и брали въ плѣнъ не только проходящихъ и плавающихъ мимо, но и самихъ обитателей горы, и когда не находили у нихъ ничего изъ того, ради чего они занимались разбоемъ, они на нихъ самихъ вымещали свой гнѣвъ; такимъ образомъ то что у другихъ было причиной безстрашія предъ грабителями, именно — бѣдность, у иноковъ было виною смерти. Дѣйствительно, это уже — верхъ нечестія и прямо есть изобрѣтеніе демоновъ» (гл. 38). На горѣ Аѳонѣ Аѳанасій поселился въ монастырькѣ Зигонъ (Ζυγόν) [1]), гдѣ вручилъ себя руководству одного простѣйшаго и проводившаго уединенную жизнь старца. Не желая быть узнаннымъ магистромъ Львомъ, который имѣлъ власть надъ всѣмъ Западомъ, Аѳанасій назвалъ себя Варнавою и сказалъ старцу, что онъ спасся отъ кораблекрушенія на морѣ. Съ тою же цѣлью онъ скрылъ отъ старца свои добродѣтели и мудрость и обнаружилъ полнѣйшее незнаніе грамоты и неспособность къ ней, когда старецъ, по его просьбѣ, началъ учить его чтенію (гл. 39—43).

Между тѣмъ Никифоръ Фока, получившій власть надъ всѣмъ Востокомъ, узналъ объ удаленіи съ Кимина Аѳанасія и рѣшился отыскать его. Онъ вспомнилъ объ Аѳонѣ, о которомъ Аѳанасій и говорилъ, и писалъ ему раньше, и просилъ архонта-судью Ѳессалоникской области отправиться на св. Гору и отыскать тамъ его друга, примѣты коего онъ подробно описалъ судьѣ. Послѣдній отправился на Аѳонъ, явился къ проту горы Стефану и сообщилъ ему о порученіи. Протъ обѣщалъ поискать Аѳанасія во время ближайшаго собранія. По обычаю аѳонскіе старцы трижды въ годъ [2]) собирались въ Карейской лаврѣ, проводили

1) На Аѳонѣ существовали два монастыря съ именемъ Зигонъ или Зигу — большой и малый; оба возникли въ VIII вѣкѣ.

2) Именно въ праздники: Рождества Христова и Богоявленія, св. Пасхи и Успе-

всѣ вмѣстѣ праздникъ, пріобщались Св. Таинъ и имѣли общеніе въ трапезѣ. Аѳанасій ничего не зналъ о поискахъ и, когда наступило Богоявленіе—день обычнаго и всеобщаго собранія аѳонскихъ старцевъ, онъ явился въ Карею и здѣсь былъ узнанъ протомъ. Желая убѣдиться въ томъ, что простецъ Варнава есть Аѳанасій, протъ приказалъ ему читать въ надлежащій моментъ собранія священную книгу Богослова (βίβλος ἡ σεβασμία τοῦ Θεολόγου). Аѳанасій отказывался, но послѣ того какъ протъ, вставши съ каѳедры, сталъ угрожать ему епитиміей, онъ своимъ витіеватымъ чтеніемъ произвелъ на сонмъ старцевъ необычайное впечатлѣніе. Тогда же одинъ изъ первенствующихъ аскетовъ Аѳона Павелъ Ксиропотамскій [1]) предсказалъ, что Аѳанасій будетъ великъ, станетъ начальникомъ и устроителемъ горы и подчинитъ себѣ всѣхъ (гл. 44—51). Почитая удаленіе Аѳанасія лишеніемъ для горы, протъ убѣдилъ его уединиться въ одинокой анахоретской келліи, принадлежавшей Кареѣ [2]) и находившейся въ трехъ стадіяхъ разстоянія отъ лавры. Проживая здѣсь, Аѳанасій для своего пропитанія занимался перепискою рукописей. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ большого совершенства и очень быстро и красиво копировалъ рукописи. «Красота его письма, говоритъ біографъ, многимъ извѣстна, такъ какъ еще и *теперь* можно видѣть его книги; что же касается быстроты, то Аѳанасій обыкновенно въ каждую недѣлю (ἑκάστης ἑβδομάδος) изготовлялъ псалтирь». Его сожителемъ и сотрудникомъ въ письмѣ былъ благочестивый старецъ Λουκίτζης, продававшій рукописи и заботившійся о хозяйственной сторонѣ жизни. Въ этомъ уединеніи Аѳанасія посѣтилъ начальникъ Запада Левъ, прибывшій на Аѳонъ послѣ побѣды надъ кочевниками Скиѳами (κατὰ τῶν νομάδων Σκυθῶν)—вознести Богу благодареніе за успѣхъ и поискать Аѳанасія [3]). По просьбѣ Аѳанасія Левъ далъ аѳонскимъ старцамъ денегъ на возобновленіе храма въ Кареѣ, такъ какъ онъ былъ тѣсенъ и не вмѣщалъ всего собранія старцевъ. Послѣ отъѣзда съ Аѳона Льва, Аѳанасій, избѣгая славы, которая стала привлекать къ нему многихъ учениковъ, удалился на крайнюю оконечность (ἀκρωτήριον) горы, которая называлась Μελανά, построилъ себѣ здѣсь аскетическую каливу, какъ бы

нія Пресвятой Богородицы. — Епископъ Порфирій (Исторія Аѳона, III, 263) и Гедеонъ (стр. 98) издали краткіе отрывки изъ житія объ этихъ собраніяхъ.

1) Павелъ Ксиропотамскій (915 † ок. 1016 г.) былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ подвижниковъ Аѳона. Онъ происходилъ изъ знатной византійской фамиліи Рангаве, былъ основателемъ на Аѳонѣ Ксиропотамо-Срѣтенскаго, а впослѣдствіи Святопавловскаго и Вулевтирійскаго монастырей и прославилъ себя апостольскими трудами въ Болгаріи и Сербіи. Епископъ Порфирій Успенскій, Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 и 1846 годахъ, часть I, отд. 1, стр. 382—383, отд. 2, стр. 8—12. Кіевъ, 1877.

2) .... Πείθει τοῦτον ἐν ἀναχωρητικῷ τινι τῶν Καρεῶν ἡσυχάσαι μονοκελλίῳ (κ. 52).

3) Кого именно біографъ св. Аѳанасія разумѣетъ подъ скиѳами номадами, опредѣлительно сказать мы не можемъ.

мастерскую добродѣтели[1]), и въ теченіе цѣлаго года боролся со страстями и духомъ зла за чистоту иноческихъ идеаловъ (гл. 52—59).

Въ это время съ острова Крита отъ Никифора Фоки, военачальника всей соединенной ромейской арміи, прибылъ на Аѳонъ посолъ съ письмомъ къ старцамъ. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ агаряне, сосредоточившись на Критѣ, предавались беззаконіямъ и совершали убійства; дѣлая отсюда набѣги, они причиняли христіанамъ зло и наносили ужасныя бѣдствія, считая для себя все дозволеннымъ. Поэтому и Никифоръ, такъ какъ былъ монахолюбивъ и надѣялся на помощь свыше больше, чѣмъ на ромейскую силу[2]), просилъ молитвенной помощи у подвижниковъ разныхъ горъ—Кимина, Олимпа и другихъ, знаменитыхъ аскетизмомъ. Въ особенности онъ просилъ молитвъ о побѣдѣ у иноковъ Аѳона, какъ потому, что Аѳонъ больше другихъ подвергался разоренію отъ критянъ, которые нѣкоторыхъ иноковъ даже взяли въ плѣнъ, такъ и потому, что здѣсь находился его духовный другъ и отецъ Аѳанасій, о которомъ Никифоръ узналъ отъ своего брата Льва и котораго онъ желалъ видѣть въ своемъ лагерѣ на Критѣ (гл. 60—61). Тяжело было Аѳанасію разставаться съ уединеніемъ на горѣ, однако, уступая усиленнымъ просьбамъ всей аѳонской братіи и *считая помощь и любовь къ мірянамъ обязанностью инока*, онъ вмѣстѣ со старцемъ Ѳеодотомъ отправился на Критъ[3]). Встрѣча друзей была весьма трогательна и вызвала въ Никифорѣ сильный подъемъ и монашескихъ идей, и воинственнаго духа. Никифоръ опять высказывалъ Аѳанасію желаніе посвятить себя иноческой жизни и давалъ золота на устройство будущаго убѣжища (καταγώγιον) для него и при немъ киновіи. Но Аѳанасій отказался отъ денегъ и скоро отбылъ на Аѳонъ (гл. 62—70). Однако Никифоръ не успокоился. Спустя немного времени, онъ послалъ къ Аѳанасію съ золотомъ одного изъ ближайшихъ къ нему лицъ — Меѳодія, инока изъ братства Малеина, и настойчиво просилъ приступить къ постройкѣ монастыря. Мудрый управитель (ὁ σοφὸς οἰκονόμος) души человѣческой Аѳанасій, видя божественную ревность и страстное стремленіе Никифора къ монашеству и движимый священнымъ пламенемъ иноческаго воодушевленія и самоусовершенствованія, уступилъ просьбѣ своего друга. Къ этому склонило его также и то, что Никифоръ завоевалъ островъ Критъ въ 6469=961 году, индикта 4-го, весною, въ мартѣ мѣсяцѣ, а въ іюлѣ того же года скончался ихъ общій отецъ и руководитель Михаилъ Малеинъ, нѣкогда пророчески

1) ...... Ἔνθα δὴ τὴν ἀσκητικὴν καλύβην ὡς ἄλλο πηξάμενος ἀρετῆς ἐργαστήριον (κ. 57).

2) ...... Οἷα φιλομόναχός τε καὶ τῇ ἄνωθεν συμμαχίᾳ μᾶλλον ἢ τῇ ῥωμαϊκῇ πεποιθὼς ῥώμῃ (κεφ. 61).

3) Аѳанасій былъ на Критѣ въ началѣ 961 года, а Никифоръ отправился изъ Византіи для завоеванія этого острова въ концѣ іюня или началѣ іюля 960 года (Muralt, Essai de chronographie byzantine. St.-Pétersb., 1855, p. 533. Schlumberger, Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris. 1890, p. 67, 96).

нарекшій Аѳанасія своимъ преемникомъ по благодати, которая и заставила Аѳанасія, немедленно послѣ смерти Михаила, приступить къ постройкѣ монастыря [1]). Аѳанасій прежде всего построилъ иноческую келлію (τὸ σεμνεῖον) для подвижничества Никифора и при ней храмъ (εὐκτήριον) во имя всеславнаго Предтечи [2]), а потомъ воздвигъ прекраснѣйшую церковь во имя Богородицы въ Мелана, на мѣстѣ своей каливы. При постройкѣ этой церкви Аѳанасій совершилъ первое чудо, обратившее строителей къ монашеской жизни, а по окончаніи ея принялъ божественную и великую схиму отъ инока Исаіи (гл. 71—79) [3]). Затѣмъ Аѳанасій построилъ келліи для иноковъ, мельницу, трапезу (ὁ τῆς ἑστιάσεως οἶκος), больницу, гостинницу и водопроводъ. Въ новую обитель быстро стали стекаться иноки изъ мѣстъ ближнихъ и дальнихъ. Аѳанасій дѣятельно началъ благоустроять братство. Онъ собственноручно написалъ для него уставъ [4]), которымъ нормировалась вся жизнь монастыря. Типикомъ устанавливался киновіальный образъ жизни. Монахи имѣли общую трапезу, общее имущество; внѣ монастырской трапезы, гдѣ точно было установлено количество пищи и питья, опредѣлены правила молчанія, чтенія, порядка сидѣнія, прислуживанія, стоянія и пр., монахи ничего не должны были вкушать; въ имуществѣ они не знали «моего» и «твоего», и если кто терялъ иглу, перо, ножъ или полотенце, это онъ не отыскивалъ по келліямъ, но шелъ въ церковь и здѣсь въ опредѣленномъ мѣстѣ находилъ свою вещь. Аѳанасій строго предписалъ инокамъ своей лавры внимательно относиться къ чужепостриженникамъ, такъ какъ всѣ принимаютъ святую схиму во имя Христово [5]). Типикъ регламентировалъ и всю остальную жизнь монаховъ, особенно касающуюся богослуженія. Аѳанасій зорко слѣдилъ за выполненіемъ устава, былъ образцомъ для всѣхъ и дѣятельно помогалъ братіи въ осуществленіи иноческихъ принциповъ: дверь его келліи была всегда открыта для сомнѣвающихся,

1) Ἥλω μὲν γὰρ ἐκείνη (ἡ Κρήτη) οὐ πολὺ πρότερον τῆς τοῦ μεγάλου (Μιχαὴλ Μαλεΐνου) τελευτῆς, ἐνισταμένου τοῦ ἔαρος καὶ μηνὸς ἱσταμένου Μαρτίου..., μετήλλαξε δὲ κἀκεῖνος τὸν τῇδε κατὰ πόδας βίον ἐν ἔτει τῷ αὐτῷ, μηνὸς ἱσταμένου Ἰουλίου, ὅτε καὶ ἡ χάρις τὴν τοῦ μεγάλου πρόρρησιν ἐπισφραγίζουσα τῆς οἰκοδομῆς ἅψασθαι τὸν νέον ἐπένευσεν. Εἰ δέ τινες ἰδικῶς καὶ τὸ ἔτος, ἢ μᾶλλον ἰδιωτικῶς, ἀπαιτοῦσι, καὶ γὰρ ἀπητήκασιν, ἦν μὲν ἑξηκοστὸν ἔνατον πρὸς τῷ ἑξακισχιλιοστῷ τετρακοσιοστῷ, ἦν δὲ καὶ ἰνδικτιὼν τετάρτη (κ. 72).

2) Эти постройки произведены были Аѳанасіемъ еще во время пребыванія на Аѳонѣ монаха Меѳодія, который, явившись на св. Гору вскорѣ послѣ возвращенія Никифора съ о. Крита, прожилъ у Аѳанасія около шести мѣсяцевъ (Τυπικὸν ἤτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ. Γεδεών, Ὁ Ἄθως, σ. 248).

3) На мѣстѣ подвижничества Исаіи впослѣдствіи былъ построенъ монастырекъ (φροντιστήριον). Житіе, гл. 79.

4) «Τυπικὸν ἤτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ» изданъ Мейеромъ (Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, S. 102—122) и Гедеономъ (Ὁ Ἄθως. Ἐν Κωνσταντ. 1885, σ. 245—272).

5) Объ отношеніи лавріотовъ къ чужепостриженникамъ преп. Аѳанасій обстоятельно говоритъ въ своемъ уставѣ (Meyer, S. 111—112, Γεδεών, σ. 257—260).

кающихся и ищущихъ утѣшенія. Въ устроеніи монастыря Аѳанасію помогалъ цѣлый штатъ служащихъ, среди которыхъ были: завѣдывающіе чтеніемъ, пѣніемъ и установкою иноковъ въ ряды во время богослуженія, будильщики, привратники; иные наблюдали за тѣмъ, чтобы иноки не разговаривали въ извѣстное время, не смѣялись, не переглядывались, не сгибали ногъ, не опирались на посохи, за исключеніемъ больныхъ и старыхъ и пр. (гл. 80—89) [1]).

Когда Аѳанасій былъ всецѣло занятъ благоустройствомъ своего монастыря, въ жизни Никифора Фоки, по просьбѣ коего онъ собственно и построилъ обитель, произошла крупная перемѣна: объ былъ провозглашенъ византійскимъ императоромъ [2]). Узнавши объ этомъ, Аѳанасій пришелъ въ крайнее смущеніе и рѣшился уйти изъ своей лавры. Съ тремя преданными иноками онъ сѣлъ на монастырское судно, переправился чрезъ море и прибылъ въ Абидъ (τὴν Ἄβυδον) [3]). Отсюда онъ одного изъ своихъ спутниковъ отправилъ къ царю съ письмомъ, въ которомъ дерзновенно укорялъ его въ непостоянствѣ, объявлялъ о своемъ удаленіи изъ обители и вручалъ ее Богу и императору, прося послѣдняго сдѣлать игуменомъ лавры инока Евѳимія. Другой спутникъ, Ѳеодотъ, былъ отправленъ на Аѳонъ съ цѣлью справиться о состояніи братіи, а съ третьимъ — инокомъ Антоніемъ, Аѳанасій на особомъ суднѣ и тайно отправился на островъ Кипръ. Здѣсь они прибыли въ монастырь, называемый обителью Священныхъ (μονὴ τῶν Ἱερέων) [4]), явились къ игумену и просили убѣжища, сказавши, что идутъ къ святымъ мѣстамъ и остановились изъ-за страха предъ безбожными агарянами. Игуменъ далъ имъ для обитанія уединенную въ горахъ келлію (гл. 90—93). Между тѣмъ Никифоръ, узнавши изъ письма о безвѣстномъ отсутствіи Аѳанасія, былъ сильно этимъ опечаленъ и сдѣлалъ по всей имперіи распоряженіе объ отысканіи его. Вѣсть объ этомъ дошла и до самого Аѳанасія и онъ, во избѣжаніе доноса со стороны пріютившаго бѣглецовъ игумена о его мѣстопребываніи, оставилъ Кипръ. Въ то же время и иноки аѳонской лавры пришли въ сильное замѣшательство, лишившись своего игумена. Здѣсь воцарилось безначаліе, такъ какъ намѣченный Аѳанасіемъ кандидатъ не хотѣлъ принимать игуменства, — ощущался большой недостатокъ матеріальныхъ средствъ, и монахи стали разбѣгаться изъ монастыря. Объ этомъ Аѳанасій узналъ отъ монаха Ѳеодота, съ которымъ случайно встрѣтился въ монастырѣ τοῦ Διουγγίου [5]). Притомъ Аѳанасію

1) О должностныхъ лицахъ византійскихъ монастырей подробности можно найти въ изслѣдованіи Соколова: «Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842—1204)». Казань, 1894, стр. 395—408.

2) Вѣнчаніе Никифора на царство было 16 августа 963 года. Muralt, p. 538.

3) Абидъ—городъ въ Эгейской ѳемѣ, на берегу Геллеспонта.

4) Объ этомъ монастырѣ мы *въ первый разъ* узнаемъ изъ «Житія пр. Аѳанасія». Въ XII в. монастырь съ такимъ же наименованіемъ существовалъ въ Константинополѣ (Соколовъ, Состояніе монашества..., стр. 205—452).

5) Мѣстоположеніе этого монастыря въ анализируемомъ житіи не указывается;

было видѣніе, повелѣвавшее возвратиться на Аѳонъ. По всѣмъ указаннымъ причинамъ онъ дѣйствительно вернулся въ свою лавру и былъ привѣтствованъ монахами, какъ любимый отецъ дѣтьми. Экономическая и нравственная жизнь лаврской братіи приняла опять нормальное положеніе (гл. 94—100). Чрезъ нѣсколько времени Аѳанасій нашелъ необходимымъ самъ отправиться къ боголюбезному царю. Никифоръ встрѣтилъ его съ радостью и стыдомъ, держалъ себя при встрѣчѣ не какъ царь, а какъ подчиненный аскету духовный сынъ, и относился къ нему, какъ къ человѣку необыкновенному. Онъ извинялся предъ Аѳанасіемъ въ причиненномъ ему постройкою лавры безпокойствѣ и просилъ его молитвъ. Аѳанасій со своей стороны рекомендовалъ царю дѣятельно трудиться на пользу общества. Никифоръ далъ лаврѣ Аѳанасія хрисовулъ на немалую сумму дохода (χρυσοβούλλιον οὐκ εὐαρίθμητον φέρον σολέμνιον ποσότητα) [1]) и въ качествѣ метоха—монастырь въ Ѳессалоникѣ, называвшійся великимъ [2]). Вмѣстѣ съ братомъ своимъ куропалатомъ (прежде магистромъ) Львомъ Никифоръ далъ денегъ на увеличеніе и благоустройство храма въ Кареѣ и къ прежнимъ тремъ литрамъ золота прибавилъ еще четыре (гл. 101—104). По возвращеніи Аѳанасія изъ Константинополя, число братіи его лавры постепенно стало возрастать, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и богатство ея. Аѳанасій построилъ гавань для лавры и широко благотворилъ въ пользу странниковъ и пришельцевъ. Дѣятельность его въ пользу лавры нѣсколько ослабѣла въ теченіе трехлѣтней его болѣзни, приключившейся отъ удара бревномъ въ ногу при постройкѣ гавани. Но въ это время онъ усердно занимался каллиграфіей и въ сорокъ дней, говорятъ, переписывалъ цѣлый патерикъ (τὸ γεροντικόν) (гл. 105—113).

Между тѣмъ умеръ императоръ Никифоръ [3]), и на Аѳонѣ возникли смуты. Аѳонскіе старцы, бывшіе весьма простыми во многомъ, но имѣвшіе духовную ревность и спасавшіеся по древнему обычаю, видѣли въ нововведеніяхъ Аѳанасія гибель монашеству. Постройка монастырей и храмовъ, проведеніе водопровода, стада быковъ и лошаковъ, виноградники и поля,—все это казалось имъ дѣломъ мірскимъ, отступленіемъ отъ

ничего неизвѣстно о немъ и изъ другихъ византійскихъ памятниковъ. Но въ сокращенномъ житіи св. Аѳанасія сообщается, что встрѣча Аѳанасія съ Ѳеодотомъ состоялась въ Атталіи,— приморскомъ городѣ въ ѳемѣ Кивирреотъ, лежащемъ дѣйствительно на пути изъ Кипра къ Аѳону. Вѣроятно, въ Атталіи и находился монастырь Діунгія (Δουκάκης, Μέγας Συναξαριστής, Ἰούλιος, σ. 58).

1) Изъ 116 гл. Житія узнаемъ, что эта сумма равнялась 244 номисмамъ.

2) ...... Εἶτα καὶ τὴν ἐν Θεσσαλονίκῃ μονὴν ἐπιδώσεως προσετίθει τρόπῳ, ἣ μέγα παρ' αὐτοῖς ἔστι τε καὶ ὀνομάζεται μοναστήριον. Писатель житія разумѣетъ здѣсь монастырь св. апостола Андрея на горѣ Перистера, близъ Ѳессалоники, который св. Аѳанасій дѣйствительно получилъ во владѣніе лавры по хрисовулу императора Никифора (Τυπικὸν ἤτοι κανονικόν..., Γεδεών, σ. 269).

3) Никифоръ скончался 11 декабря 969 года.

подлинной — анахоретской святости [1]). Поэтому они отправились къ императору Іоанну Цимисхію съ жалобою на Аѳанасія [2]) за то, что онъ нарушилъ древніе уставы горы и измѣнилъ ея обычаи. Цимисхій вызвалъ Аѳанасія въ Константинополь, нашелъ его дѣло правымъ и, въ знакъ расположенія къ подвижнику, подтвердилъ хрисовулъ своего предшественника Никифора на полученіе лаврою ежегодно 244 номисмъ. И въ послѣдующее время, замѣчаетъ біографъ, Іоаннъ Цимисхій весьма благосклонно относился къ лаврѣ, такъ что своею щедростію много превзошелъ своихъ предшественниковъ. Однако Аѳанасій просилъ императора умиротворить аѳонское населеніе. Это было достигнуто посредствомъ царскаго устава, составленнаго уполномоченнымъ отъ царя игуменомъ Студійскаго монастыря Евѳиміемъ. Уставомъ утверждалось на Аѳонѣ равноправіе и анахоретства и киновитства (гл. 114—123) [3]). Послѣ этого на Аѳонѣ всюду стали возникать обители и келліи (φροντιστήρια καὶ ἀσκητήρια) и, хотя были случаи недовольства Аѳанасіемъ со стороны партіи исихастовъ (τῶν ἡσυχαστῶν — гл. 127—128), но въ общемъ настроеніе было мирное: Аѳанасій своею любовью побѣждалъ враговъ. Проводя высоконравственную жизнь, онъ и другихъ поучалъ истинной философіи, сущность которой полагалъ въ дѣятельной любви къ другимъ [4]). Въ то же время онъ постоянно заставлялъ иноковъ или молиться, или работать; гдѣ бы работа ни происходила,— въ пекарнѣ, кузницѣ, виноградникѣ, пристани или квасоварнѣ,—всюду иноки совершали ее съ молитвою на устахъ и пѣніемъ псалмовъ. Самъ Аѳанасій всегда былъ впереди всѣхъ и отличался необыкновенно точнымъ и образцовымъ исполненіемъ иноческихъ обязанностей, касающихся личнаго душевнаго настроенія, отношенія къ другимъ, особенно больнымъ и бѣднымъ, пищи, питья, сна и пр. За это Господь сподобилъ его дара чудесъ (гл. 124—155). Слава Аѳанасія распространилась повсюду и къ нему собрались: весь сонмъ аѳонскихъ анахоретовъ, которые нѣкогда приняли молодого пришельца, а теперь признали его своимъ игуменомъ и передали во владѣніе лавры свои келліи и храмы; игумены киновій и епископы,— любители подвижничества изъ Рима, Италіи, Калабріи, Амальфи [4]), Иверіи и

---

1) Отрывокъ изъ житія о протестѣ исихастовъ напечатанъ Гедеономъ (Ὁ Ἄθως, σ. 99—100).

2) Это было въ 970 году.

3) Уставъ, составленный Евѳиміемъ и утвержденный Іоанномъ Цимисхіемъ въ 971 году, считается *первымъ* аѳонскимъ уставомъ, извѣстенъ подъ именемъ *трагосъ* и состоитъ изъ 28 правилъ. Онъ изданъ покойнымъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ (Исторія Аѳона, часть III, стр. 265—276) и Мейеромъ (op. cit., p. 141—151).

4) Σώφρονα μὲν τὸν ἀκόλαστον, ἐγκρατῆ δὲ τὸν μέθυσον, ἐπιεικῆ δὲ καὶ μέτριον τὸν θυμώδη καὶ ἀλαζόνα διαπλάσαι, τοῦτο σοφία πρώτη, τοῦτο φιλοσοφία, τοῦτο εἰκὼν καὶ ὁμοίωσις Θεοῦ (κ. 136). Срав. гл. 137 и 138.

5) Амальфи—городъ въ южной Италіи, у Салернскаго залива, близъ Неаполя. Выходцы изъ Амальфи въ концѣ X вѣка основали на Аѳонѣ монастырь Амальфинскій во имя Пресвятой Дѣвы Маріи.

Арменіи,—всѣ признали Аѳанасія своимъ отцомъ. Въ числѣ братіи лавры Аѳанасія находились: славный, блаженный патріархъ (впослѣдствіи) Николай [1]), знаменитый Харонитъ [2]), Андрей изъ Хрисополя, извѣстный своею ученостью и аскетизмомъ, великій подвижникъ Акакій. Были среди братіи подвижники, не заботящіеся о необходимомъ для жизни (οἱ ἄβιοι), странники (ἀνέστιοι), босые (γυμνόποδες), не моющіе ногъ (ἀνιπτόποδες), носящіе вокругъ шеи желѣзныя вериги (βάρη σιδήρων περὶ αὐχένια φέροντες) и др. Былъ, наконецъ, нагой (γυμνός) Никифоръ, подвизавшійся вмѣстѣ съ Фантиномъ [3]) въ горахъ Калабріи; имъ обоимъ было внушеніе отправиться — Фантину въ Ѳессалонику, а Никифору на Аѳонъ къ Аѳанасію; здѣсь послѣдній и продолжалъ подвизаться тѣмъ же способомъ, питался отрубями съ теплою водой, едва прикрывался рубищемъ и здѣсь скончался (гл. 156—164).

Аѳанасій для всѣхъ былъ духовнымъ отцемъ и руководителемъ и всѣхъ мудро—словомъ и дѣломъ—направлялъ ко спасенію. Особенно заботился онъ о просвѣщеніи иноковъ, такъ какъ считалъ умственное невѣжество большимъ препятствіемъ къ истинной иноческой философіи. Онъ учредилъ при лаврѣ школу, въ которой сообщались неученымъ монахамъ необходимыя знанія [4]). Въ то же время онъ установилъ ежедневныя по вечерамъ назидательныя чтенія. Что касается нравственнаго руководства, то біографъ подробно повѣствуетъ (гл. 166—174, 178—191) о многочастныхъ и многообразныхъ пріемахъ и средствахъ, полныхъ глубокаго и тонкаго пониманія человѣческой души, нормальнаго развитія воли и совѣсти и вообще всей человѣческой психики,—которыми пользовался Аѳанасій для утвержденія иноковъ въ аскетическихъ принципахъ. Преимущественнымъ его вниманіемъ пользовались иноки молодые, новоначальные (εἰσαγωγικοί или νεήλυδες—гл. 174), обитавшіе подъ руководствомъ опытнаго старца на островѣ (близъ лавры) Новомъ (νῆ-

1) Епископъ Порфирій Успенскій (Исторія Аѳона, ч. III, стр. 93) думаетъ, что это былъ Николай Мистикъ (901—925),— допуская анахронизмъ. Анахронизма не будетъ, если разумѣть здѣсь константинопольскаго патріарха Николая Хрисоверга 983—996).

2) Преосвященный Порфирій (тамъ же) считаетъ «Χαρωνίτης» эпитетомъ патріарха Николая и пишетъ о «патріархѣ Николаѣ-Харонитинѣ»... Не говоря уже о томъ, что такое мнѣніе не имѣетъ основанія въ византійскихъ источникахъ, оно прямо противорѣчитъ тексту житія: τίς γὰρ οὐκ οἶδε τὸν ἐν πατριάρχαις ἐπίσημον μακαρίτην Νικόλαον, τίς δὲ τὸν περιβόητον Χαρωνίτην καὶ τοὺς τούτοις παραπλησίους, οἷον Ἀνδρέαν,... κτλ. (κ. 158). Такимъ образомъ, Харонитъ—отдѣльное лицо. По всей вѣроятности это былъ основатель аѳонскаго монастыря Харонта или Харона (μονὴ Χάρωντος, Χάρωνος), первое извѣстіе о которомъ относится къ 1048 году (Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, Кіевъ, 1873 стр. 26. 36).

3) Житіе Фантина читается у Никодима Агіорита — Συναξαριστής, τ. 3, σ. 288 (30 августа).

4) Οἰκητήρια γὰρ διάφορα δομησάμενος (ὁ Ἀθανάσιος), ἐν τούτοις τὴν οἴκησιν αὐτοῖς (γραμμάτων ἀνεπιστήμοσιν) ἀπένειμε, κοιμητήρια τὰ αὐτὰ καὶ παιδευτήρια τάξας, οἷς καί τινας τῶν πρωτευόντων ἡγουμένους ἐπιστήσας τοῦ λόγου.. (κ. 165).

σος τῶν Νέων), получившемъ названіе потому, что служилъ мѣстомъ убѣжища и аскетическихъ упражненій для новыхъ иноковъ (гл. 208)[1]), а также исихасты или отшельники (гл. 202), подвизавшіеся, между прочимъ, въ Милопотамскомъ монастырькѣ (гл. 180). Громадное вліяніе Аѳанасія на все аѳонское монашество,— обусловливавшееся отчасти и чудесами (гл. 176—177, 192—208), вызвало новый протестъ со стороны исихастовъ, во главѣ коихъ стали нѣкоторые игумены и протъ горы Іоаннъ Факинъ[2]). Когда византійскій императоръ (Василій Болгаробойца) стоялъ со своими войсками въ Македоніи, готовясь къ походу на варваровъ[3]), протестанты отправились къ нему съ жалобою на Аѳанасія, но по дорогѣ были ограблены турками, находившимися въ зависимости отъ имперіи (ὑπόσπονδοι)[4]), и возвратились со срамомъ на Аѳонъ. Аѳанасій великодушно простилъ своихъ враговъ и тѣмъ еще разъ доказалъ свою добродѣтель, которую, по словамъ біографа, и невозможно описать, какъ нельзя измѣрить глубину Атлантическаго океана, и которая ставитъ Аѳанасія на ряду съ великими аскетами Востока: Арсеніемъ, Антоніемъ, Пахоміемъ, Саввою и др. (гл. 209—233).

Вскорѣ послѣ разсказаннаго событія произошла[5]) и смерть Аѳанасія На Аѳонѣ подвизались представители почти всѣхъ народовъ; почти вся гора была населена подвижниками, число коихъ восходило до 3000. Для столь многочисленнаго населенія главный храмъ лавры оказался тѣсенъ, и Аѳанасій предпринялъ расширеніе его. 5-го іюля онъ вмѣстѣ со строителемъ Даніиломъ и шестью братіями поднялся по лѣстницѣ на верхъ для осмотра постройки, которая внезапно рушилась и всѣхъ погребла подъ своими развалинами. Черезъ три дня тѣло Аѳанасія, оставшееся невредимымъ и нетлѣннымъ, было торжественно погребено всею аѳонскою общиною. Такимъ образомъ кончина Аѳанасія была праведная и мученическая. Онъ самъ предвидѣлъ ее, равно и архитекторъ Даніилъ узналъ о близкой смерти Аѳанасія изъ видѣнія, бывшаго ему при по-

---

1) Объ этомъ островѣ въ другихъ источникахъ для исторіи аѳонскаго монашества ничего не сообщается.

2) Въ каталогѣ протовъ св. Горы у Гедеона (Ὁ Ἄθως, σ. 321) Іоаннъ Факинъ не значится.

3) Ἐπεὶ οὖν ἡ καλλίνικος κορυφὴ καὶ θεόστεπτος, ᾧ καὶ ἡ κλῆσις ἐκ νηδύος αὐτῆς τὸν βασίλειον ὑπέγραφε χαρακτῆρα, ἐν Μακεδονίᾳ τὰς δυνάμεις ἀνέπαυεν, ὅτε τὸν πρὸς τοὺς βαρβάρους ἡτοιμάζετο πόλεμον... (κ. 210). Біографъ св. Аѳанасія, очевидно, говоритъ здѣсь о приготовленіяхъ императора Василія II Болгаробойцы (976—1025) къ войнѣ противъ Болгаръ, предпринятой въ 1001 году и тянувшейся до 1004 года. Muralt, p. 577—578. Срав. Баронъ Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Спб. 1883, стр. 42. 411.

4) Здѣсь разумѣются Турки-Вардаріоты (Βαρδαριῶται), жившіе въ Македоніи среди славянскихъ племенъ. Одна изъ ихъ колоній, основанная императоромъ Ѳеофиломъ, находилась близъ древняго Аксіоса (Axios), а другая — у Охридскаго озера. Rambaud, L'empire grec au dixième siecle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870, p. 214—215.

5) Около 1001 года.

стройкѣ келліи для каллиграфа Іоанна[1]). Богъ и послѣ кончины преподобнаго прославилъ его чудесами, изъ которыхъ одно совершилось въ городкѣ Ериссо, близъ Аѳона, гдѣ былъ монастырекъ — метохъ лавры, другое — съ эклисіархомъ лавры Косьмою и живописцемъ Пантолеонтомъ, одно даже близъ горы Ганъ[2]) и т. д. Вообще чудеса св. Аѳанасія такъ же многочисленны, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской (гл. 234—255).

Анализъ житія преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго показываетъ, что этотъ памятникъ весьма богатъ содержаніемъ церковно-историческаго характера. Онъ содержитъ очень полное, подробное и обстоятельное повѣствованіе о жизни и дѣятельности св. Аѳанасія, трудами коего было преобразовано, упрочено и усилено монашество на горѣ Аѳонѣ. Біографъ весьма внимательно слѣдитъ за всѣми обстоятельствами подвижнической жизни великаго аскета и, излагая послѣдовательный ходъ внѣшнихъ событій, раскрываетъ картину и внутренняго духовнаго роста, нравственнаго самоусовершенствованія аѳонскаго дѣятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ интересныя данныя о нѣкоторыхъ явленіяхъ византійской жизни, съ которыми соприкасалась дѣятельность св. Аѳанасія. Жизнь послѣдняго онъ изображаетъ въ приличной исторической обстановкѣ и освѣщаетъ ее хронологическими данными. Вмѣстѣ съ полнотою анализируемый памятникъ отличается новизною и оригинальностью содержанія. Получая раньше свѣдѣнія о св. Аѳанасіи изъ вторыхъ рукъ, византологи теперь имѣютъ возможность почерпать ихъ изъ первоисточника въ наилучшей его редакціи, изданной по драгоцѣнному и древнѣйшему списку, ведущему происхожденіе съ того же Аѳона. Житіе препод. Аѳанасія заключаетъ въ себѣ такія извѣстія объ аѳонскомъ монашествѣ X-го вѣка, которыхъ нѣтъ въ изданныхъ раньше аѳонскихъ документахъ, каковы: Уставъ св. Аѳанасія, Завѣщаніе его же [3]), Дополненіе къ уставу его же[4]), Уставъ императора Іоанна Цимисхія и др. Такъ, изъ житія св. Аѳанасія мы въ первый разъ узнаемъ о состояніи на Аѳонѣ монашества до преобразованія его во второй половинѣ X вѣка [5])

---

1) Въ своемъ завѣщаніи (ἡ διατύπωσις) препод. Аѳанасій высказалъ желаніе, чтобы послѣ его смерти игуменъ и монахи лавры оказывали каллиграфу Іоанну всякое вниманіе и почтеніе согласно уставу, порядку и обычаю (κατὰ τὸν τύπον καὶ τὴν τάξιν καὶ τὴν συνήθειαν). Meyer, S. 129.

2) Гора Ганъ находилась во Ѳракіи, на берегу Пропонтиды, недалеко отъ города того же наименованія. Въ византійскую эпоху Ганъ представлялъ одинъ изъ видныхъ монашескихъ пунктовъ.

3) Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου (Meyer, Die Haupturkunden für d. Gesch. d. Athoskl. S 123—130. Арх. Антонинъ, Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 173—182. Аѳонскій Патерикъ, часть II, стр. 49—58. Москва. 1890 г.).

4) Ὑποτύπωσις καταστάσεως τῆς λαύρας τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου (Meyer, S. 130—140. Архимандритъ Антонинъ, стр. 199—212) — содержитъ церковный уставъ для лавры.

5) Преосв. Порфирій Успенскій (Исторія Аѳона, ч. III, стр. 70, 262) и Гедеонъ (Ὁ Ἄθως, σ. 96—97) издали изъ житія лишь небольшіе отрывки касательно этого.

(гл. 38), — о различныхъ нововведеніяхъ во внутренней жизни аѳонскаго монашества того же времени (гл. 139, 88, 165), о вселенскомъ значеніи Аѳона (гл. 158), объ островѣ τῶν Νέων, гдѣ подвизались молодые иноки (гл. 207, 208), о различныхъ перипетіяхъ борьбы исихастовъ съ киновитами (гл. 209) и др. Нечего говорить о томъ, что житіе св. Аѳанасія служитъ необходимымъ дополненіемъ указанныхъ выше аѳонскихъ документовъ; на основаніи всѣхъ этихъ памятниковъ теперь можно нарисовать полную и безусловно достовѣрную картину состоянія монашества на Аѳонѣ во второй половинѣ X вѣка. Наконецъ, житіе преп. Аѳанасія привноситъ новыя свѣдѣнія и въ исторію византійскаго монашества вообще (гл. 8, 19, 27, 92, 99). Но насколько достовѣрны свѣдѣнія, находящіяся въ житіи? Для отвѣта на этотъ вопросъ — авторъ житія и источники его свѣдѣній о св. Аѳанасіи имѣютъ весьма важное значеніе. Разсматриваемый памятникъ, отличаясь оригинальностью и полнотою содержанія, не оставляетъ читателя въ невѣдѣніи и относительно своего автора. Изъ заключительныхъ словъ житія видно, что авторъ его носилъ имя Аѳанасія [1]). Онъ принадлежалъ къ монашескому братству [2]) и былъ ученикомъ лаврскаго инока Антонія, который, въ свою очередь, былъ ученикомъ [3]) и однимъ изъ преемниковъ по игуменству св. Аѳанасія Аѳонскаго [4]). Аѳанасій младшій былъ очень свѣдущъ въ Священномъ Писаніи и классической литературѣ, какъ можно заключать изъ написаннаго имъ житія св. Аѳанасія. Это житіе составлено имъ въ XI вѣкѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и палеографическіе признаки рукописи, и притомъ вскорѣ послѣ смерти св. Аѳанасія, въ игуменство Антонія, — значитъ, въ началѣ XI столѣтія. Авторъ взялъ на себя трудъ передать потомству исторію жизни и дѣятельности св. Аѳанасія, побуждаемый и своимъ учителемъ, и личнымъ глубокимъ благоговѣніемъ къ великому аѳонскому дѣятелю, слава котораго долго наполняла св. гору (гл. 213). Свѣдѣнія о св. Аѳанасіи авторъ получалъ отъ многихъ его современниковъ-сподвижниковъ и учениковъ и прежде всего отъ своего учителя Антонія, свидѣтеля непосредственнаго и безусловно достовѣр-

---

1) Ἀλλ' ὥσπερ τῆς σῆς παρ' ἀξίαν ἠξίωσας κλήσεως, οὕτως καὶ τῆς σὺν σοὶ καὶ τῷ σῷ γνησίῳ φοιτητῇ κἀμοῦ διδασκάλῳ στάσεως μὴ ἀπαξιώσῃς, κἂν ὑπὲρ τὴν ἀξίαν τὸ αἴτημα. Εἰ δὲ καὶ τῆς σῆς φυτείας καὶ ὁμωνυμίας ἀξίως βιώσαιμεν, τάχα ἂν σοι καὶ ὑπὲρ τούτου τὴν εὐχαριστίαν προσοίσομεν .... (κ. 255).

2) Въ гл. 63—65 житія авторъ доказываетъ мысль, что помогать мірянамъ есть обязанность монаховъ, къ которымъ относитъ и себя.

3) ... τῷ δὲ διαδόχῳ αὐτοῦ (Ἀθανασίου), τούτῳ δὴ τῷ νῦν ἐμῷ διδασκάλῳ, ὃς Ἀντώνιος κέκληται, καὶ τρανότερον παρεγύμνου (Ἀθανάσιος) δι' ἑτέρου τὸ μυστήριον τρόπου (κ. 247). Сравн. гл. 213—215. — Вѣроятно, этотъ Антоній сопутствовалъ св. Аѳанасію во время его бѣгства съ Аѳона на Кипръ, и его именно подвижникъ чудесно исцѣлилъ отъ болѣзни на обратномъ пути въ лавру. Житіе гл. 91, 95—98.

4) Первымъ преемникомъ св. Аѳанасія по игуменству въ лаврѣ былъ Евстратій (Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомуч. и цѣл. Пантелеимона, стр. 9. Meyer, Die Haupturkunden, S. 21. Δουκάκης. Μέγας Συναξαριστής, σ. 67).

стройкѣ келліи для каллиграфа Іоанна [1]). Богъ и послѣ кончины преподобнаго прославилъ его чудесами, изъ которыхъ одно совершилось въ городкѣ Ериссо, близъ Аѳона, гдѣ былъ монастырекъ — метохъ лавры, другое — съ эклиссіархомъ лавры Косьмою и живописцемъ Пантолеонтомъ, одно даже близъ горы Ганъ [2]) и т. д. Вообще чудеса св. Аѳанасія такъ же многочисленны, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской (гл. 234—255).

Анализъ житія преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго показываетъ, что этотъ памятникъ весьма богатъ содержаніемъ церковно-историческаго характера. Онъ содержитъ очень полное, подробное и обстоятельное повѣствованіе о жизни и дѣятельности св. Аѳанасія, трудами коего было преобразовано, упрочено и усилено монашество на горѣ Аѳонѣ. Біографъ весьма внимательно слѣдитъ за всѣми обстоятельствами подвижнической жизни великаго аскета и, излагая послѣдовательный ходъ внѣшнихъ событій, раскрываетъ картину и внутренняго духовнаго роста, нравственнаго самоусовершенствованія аѳонскаго дѣятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ интересныя данныя о нѣкоторыхъ явленіяхъ византійской жизни, съ которыми соприкасалась дѣятельность св. Аѳанасія. Жизнь послѣдняго онъ изображаетъ въ приличной исторической обстановкѣ и освѣщаетъ ее хронологическими данными. Вмѣстѣ съ полнотою анализируемый памятникъ отличается новизною и оригинальностью содержанія. Получая раньше свѣдѣнія о св. Аѳанасіи изъ вторыхъ рукъ, византологи теперь имѣютъ возможность почерпать ихъ изъ первоисточника въ наилучшей его редакціи, изданной по драгоцѣнному и древнѣйшему списку, ведущему происхожденіе съ того же Аѳона. Житіе препод. Аѳанасія заключаетъ въ себѣ такія извѣстія объ аѳонскомъ монашествѣ X-го вѣка, которыхъ нѣтъ въ изданныхъ раньше аѳонскихъ документахъ, каковы: Уставъ св. Аѳанасія, Завѣщаніе его же [3]), Дополненіе къ уставу его же [4]), Уставъ императора Іоанна Цимисхія и др. Такъ, изъ житія св. Аѳанасія мы въ первый разъ узнаемъ о состояніи на Аѳонѣ монашества до преобразованія его во второй половинѣ X вѣка [5])

---

1) Въ своемъ завѣщаніи (ἡ διατύπωσις) препод. Аѳанасій высказалъ желаніе, чтобы послѣ его смерти игуменъ и монахи лавры оказывали каллиграфу Іоанну всякое вниманіе и почтеніе согласно уставу, порядку и обычаю (κατὰ τὸν τύπον καὶ τὴν τάξιν καὶ τὴν συνήθειαν). Meyer, S. 129.

2) Гора Ганъ находилась во Ѳракіи, на берегу Пропонтиды, недалеко отъ города того же наименованія. Въ византійскую эпоху Ганъ представлялъ одинъ изъ видныхъ монашескихъ пунктовъ.

3) Ἡ διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου (Meyer, Die Haupt urkunden für d. Gesch. d. Athoskl. S 123—130. Арх. Антонинъ, Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 173—182. Аѳонскій Патерикъ, часть II, стр. 49—58. Москва. 1890 г.).

4) Ὑποτύπωσις καταστάσεως τῆς λαύρας τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου (Meyer, S. 130—140. Архимандритъ Антонинъ, стр. 199—212) — содержитъ церковный уставъ для лавры.

5) Преосв. Порфирій Успенскій (Исторія Аѳона, ч. III, стр. 70, 262) и Гедеонъ (Ὁ Ἄθως, σ. 96—97) издали изъ житія лишь небольшіе отрывки касательно этого.

(гл. 38), — о различныхъ нововведеніяхъ во внутренней жизни аѳонскаго монашества того же времени (гл. 139, 88, 165), о вселенскомъ значеніи Аѳона (гл. 158), объ островѣ τῶν Νέων, гдѣ подвизались молодые иноки (гл. 207, 208), о различныхъ перипетіяхъ борьбы исихастовъ съ киновитами (гл. 209) и др. Нечего говорить о томъ, что житіе св. Аѳанасія служитъ необходимымъ дополненіемъ указанныхъ выше аѳонскихъ документовъ; на основаніи всѣхъ этихъ памятниковъ теперь можно нарисовать полную и безусловно достовѣрную картину состоянія монашества на Аѳонѣ во второй половинѣ X вѣка. Наконецъ, житіе преп. Аѳанасія привноситъ новыя свѣдѣнія и въ исторію византійскаго монашества вообще (гл. 8, 19, 27, 92, 99). Но насколько достовѣрны свѣдѣнія, находящіяся въ житіи? Для отвѣта на этотъ вопросъ — авторъ житія и источники его свѣдѣній о св. Аѳанасіи имѣютъ весьма важное значеніе. Разсматриваемый памятникъ, отличаясь оригинальностью и полнотою содержанія, не оставляетъ читателя въ невѣдѣніи и относительно своего автора. Изъ заключительныхъ словъ житія видно, что авторъ его носилъ имя Аѳанасія [1]). Онъ принадлежалъ къ монашескому братству [2]) и былъ ученикомъ лаврскаго инока Антонія, который, въ свою очередь, былъ ученикомъ [3]) и однимъ изъ преемниковъ по игуменству св. Аѳанасія Аѳонскаго [4]). Аѳанасій младшій былъ очень свѣдущъ въ Священномъ Писаніи и классической литературѣ, какъ можно заключать изъ написаннаго имъ житія св. Аѳанасія. Это житіе составлено имъ въ XI вѣкѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и палеографическіе признаки рукописи, и притомъ вскорѣ послѣ смерти св. Аѳанасія, въ игуменство Антонія, — значитъ, въ началѣ XI столѣтія. Авторъ взялъ на себя трудъ передать потомству исторію жизни и дѣятельности св. Аѳанасія, побуждаемый и своимъ учителемъ, и личнымъ глубокимъ благоговѣніемъ къ великому аѳонскому дѣятелю, слава котораго долго наполняла св. гору (гл. 213). Свѣдѣнія о св. Аѳанасіи авторъ получалъ отъ многихъ его современниковъ-сподвижниковъ и учениковъ и прежде всего отъ своего учителя Антонія, свидѣтеля непосредственнаго и безусловно достовѣр-

---

1) Ἀλλ' ὥσπερ τῆς σῆς παρ' ἀξίαν ἠξίωσας κλήσεως, οὕτως καὶ τῆς σὺν σοὶ καὶ τῷ σῷ γνησίῳ φοιτητῇ κἀμοῦ διδασκάλῳ στάσεως μὴ ἀπαξιώσῃς, κἂν ὑπὲρ τὴν ἀξίαν τὸ αἴτημα. Εἰ δὲ καὶ τῆς σῆς φυτείας καὶ ὁμωνυμίας ἀξίως βιώσαιμεν, τάχα ἂν σοι καὶ ὑπὲρ τούτου τὴν εὐχαριστίαν προσοίσομεν .... (κ. 255).

2) Въ гл. 63—65 житія авторъ доказываетъ мысль, что помогать мірянамъ есть обязанность монаховъ, къ которымъ относитъ и себя.

3) ... τῷ δὲ διαδόχῳ αὐτοῦ (Ἀθανασίου), τούτῳ δὴ τῷ νῦν ἐμῷ διδασκάλῳ, ὃς Ἀντώνιος κέκληται, καὶ τρανότερον πορευόμενου (Ἀθανάσιος) δι' ἑτέρου τὸ μυστήριον τρόπου (κ. 247). Сравн. гл. 213—215. — Вѣроятно, этотъ Антоній сопутствовалъ св. Аѳанасію во время его бѣгства съ Аѳона на Кипръ, и его именно подвижникъ чудесно исцѣлилъ отъ болѣзни на обратномъ пути въ лавру. Житіе гл. 91, 95—98.

4) Первымъ преемникомъ св. Аѳанасія по игуменству въ лаврѣ былъ Евстратій (Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомуч. и цѣл. Пантелеимона, стр. 9. Meyer, Die Haupturkunden, S. 21. Δουκάκης. Μέγας Συναξαριστής, σ. 67).

наго (гл. 213, 247, 255); о дѣтствѣ Аѳанасія авторъ узналъ отъ сверстника его, игумена Іоанна Ексаптерига (гл. 8), о подвигахъ и чудесахъ — отъ многихъ современниковъ и учениковъ Аѳанасія (гл. 2, 143, 201, 203, 247); наконецъ, самъ авторъ былъ очевидцемъ (αὐτόπτης) одного чуда св. Аѳанасія, совершившагося послѣ его праведной кончины (гл. 254). Такимъ образомъ, Аѳанасій младшій имѣлъ различные и вполнѣ достовѣрные источники для своего повѣствованія. И онъ, дѣйствительно, очень заботился о достовѣрности разсказа. Повѣствуя о различныхъ событіяхъ изъ жизни св. Аѳанасія, особенно о чудесахъ, онъ неоднократно заявляетъ, что излагаемые факты могутъ подтвердить многіе свидѣтели, еще живущіе и *теперь*, т. е. во времена автора (гл. 143, 201, 203). А въ иныхъ мѣстахъ онъ прямо говоритъ, что, во избѣжаніе сомнѣній у читателей, онъ заботится о точности (ἀκρίβεια) разсказа и его достовѣрности (гл. 72, 160). Значитъ, достовѣрность излагаемаго въ житіи—внѣ всякаго сомнѣнія.

Итакъ «Житіе преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго», написанное въ началѣ XI вѣка лавріотомъ Аѳанасіемъ младшимъ, отличается полнотою, оригинальностью и безусловною достовѣрностью содержанія и принадлежитъ къ числу весьма важныхъ въ научномъ отношеніи памятниковъ византійской литературы. Профессоръ И. В. Помяловскій оказалъ большую услугу византологіи, издавши въ свѣтъ это житіе съ обычными высокоучеными достоинствами, Въ предисловіи къ изданію онъ описываетъ рукопись, по которой напечатано житіе, а въ концѣ его (стр. 113—137) помѣстилъ подробные указатели именъ собственныхъ и наиболѣе замѣчательныхъ словъ и выраженій. Самый текстъ житія изданъ весьма тщательно, правильно и нуждается лишь въ незначительныхъ поправкахъ. Для примѣра укажемъ на слѣдующіе случаи: на стр. 15,8 мы предложили бы читать — δυωνύμως; 18,29 — τῆς ἕω, а не τῆς νεώς, какъ указано въ примѣчаніи; 21,8 — ἀβουλήτως; 24,22 — τοῦ; 24,26 — ἱδρυθείσης; 30,3— ψαλμῳδόν; 35,14 — τοῦτο; 44,24 — ἐπιδόσεως; 69,23 — ἄνωθεν; 82,5 — ἐλαχίστων; 82,6 — πρὸ; 112,23 — παρ' ἀξίαν ἠξίωσας. Къ числу фразъ, заимствованныхъ писателемъ изъ св. Писанія, можно прибавить еще одну: 81, 24—26 см. Притчи Соломона VI,8.

И. Соколовъ.

I. I. Tikkanen. *Die Psalterillustration im Mittelalter*. Bd. 1. H. 1. Byzantinische Psalterillustration. Mönchisch-theologische Redaction. Mit 6, Tafeln und 87 Textillustrationen. Helsingfors 1895. 4⁰. (*Тикканенъ*. Средневѣковыя иллюстраціи Псалтыри. Томъ I. вып. 1. Византійскія иллюстраціи Псалтыри. Монашеско-богословская редакція. Съ 6 таблицами и 87 рисунками въ текстѣ).

Извѣстно, въ какія поэтическія краски религіозно-народное преданіе православнаго Востока облекло созданіе и распространеніе книги псалмовъ Давидовыхъ: поэтъ самъ не зналъ, откуда идетъ «разумъ» сочи-

няемыхъ имъ пѣсенъ. Разъ онъ велѣлъ одному вельможѣ прійти къ нему тайно вечеромъ; тотъ пришелъ и увидѣлъ свѣтлаго юношу, шептавшаго царю на ухо. Вельможа ушелъ, не желая мѣшать ихъ бесѣдѣ. То же повторилось еще два раза, и «царь уразумѣлъ, что ангелъ Господень указываетъ ему смыслъ и разумъ писать псалтырное сложеніе». По окончаніи книги, Давидъ вложилъ ее въ ковчежецъ и бросилъ въ море; черезъ 80 лѣтъ Соломонъ сѣтями уловилъ этотъ ковчежецъ, «и наполнился міръ пѣсенъ псалтырныхъ». Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выловлена была псалтырь, Христосъ велѣлъ апостоламъ забросить сѣти, и при этомъ было поймано 153 рыбы по числу псалмовъ Давидовыхъ; эти рыбы прообразовали новый завѣтъ и крещеніе Господне.

Въ этомъ сравнительно позднемъ сказаніи рельефно выражается и великое почтеніе христіанъ къ пѣснямъ Давидовымъ, и тѣсная связь послѣднихъ съ вѣроученіемъ евангельскимъ.

Извѣстно также, какое огромное, первенствующее, почти всеподавляющее мѣсто занимали псалмы Давида въ богослуженіи первыхъ вѣковъ христіанства и какого высокаго мнѣнія были о нихъ Отцы Церкви: Амвросій называетъ ихъ гласомъ церкви; они смягчаютъ гнѣвъ и печаль, они нашъ щитъ въ моментъ страха; они даютъ намъ миръ душевный, и потому должны быть всегда въ устахъ христіанина. Аѳанасій сравниваетъ Псалтырь съ раемъ, съ садомъ, содержащимъ всѣ плоды. По Василію Великому Псалтырь отгоняетъ демоновъ и доставляетъ намъ предстательство ангеловъ; псалмы — щитъ дѣтства, сокровище юности, утѣшеніе старости; они научаютъ насъ совершенной мудрости; въ нихъ вся суть богословія: предсказаніе о воплощеніи Спасителя, угроза Судомъ, надежда на воскресеніе, завершеніе таинствъ. Основной мотивъ значенія книги Давидовой для болѣе поздняго времени — это именно ея пророческое толкованіе: уже по Аѳанасію *почти* каждый псаломъ есть предсказаніе о Спасителѣ; а для Альберта Великаго — несомнѣнный фактъ что вся книга эта говоритъ о Христѣ (constat, quod totus liber iste de Christo est.).

Едва ли можно безъ оговорокъ согласиться съ г. Тикканеномъ, что такому высокому значенію Псалтыри не соотвѣтствуютъ слишкомъ незначительное количество псалтырныхъ мотивовъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ (стр. 5); довольно упомянуть имъ же названныя двѣ темы: Христа, наступающаго на льва и дракона (Пс. XCI, 13 — я цитирую по изд. библейскаго общества), и пьющаго оленя (XLII, 2), чтобы показать какъ глубоко проникли *нѣкоторые* образцы Псалтыри въ раннее искусство. Правда, число ихъ невелико; но древне-христіанская иконопись вообще не отличается богатствомъ образовъ; предназначаясь для массы, не далеко ушедшей въ тайнахъ богословія, она стремится закрѣпить частымъ повтореніемъ немногіе основные ветхозавѣтные символы и новозавѣтныя событія. А Орфей съ лирою въ рукахъ развѣ не обязанъ хоть отчасти своимъ частымъ появленіемъ образу боговдохновеннаго

псалмопѣвца? Да и самое богатство и малая измѣняемость псалтырныхъ иллюстрацій IX вѣка развѣ можетъ быть объяснена безъ допущенія долгой и основательной подготовки, для изслѣдованія исторіи которой мы, къ сожалѣнію, имѣемъ слишкомъ недостаточное количество фактовъ?

Послѣ ряда общихъ замѣчаній о великой реформѣ въ христіанскомъ искусствѣ послѣ иконоборства на востокѣ и Карла Великаго на западѣ и о значеніи псалтырнаго цикла, какъ выраженія національнаго міросозерцанія (стр. 6—7), г. Тикканенъ характеризуетъ состояніе религіозной мысли въ Византіи въ IX в. (стр. 8—10); это время консерватизма и энциклопедизма, время катэнъ и толкованій; иллюстраціи къ Псалтыри есть не что иное, какъ особая форма толкованія.

Затѣмъ г. Тикканенъ перечисляетъ и отчасти характеризуетъ тѣ 9 лицевыхъ греческихъ рукописей, которыя были въ его распоряженіи, и указываетъ рядъ русскихъ рукоп., съ которыми онъ знакомъ или непосредственно, или черезъ «Евангеліе» Н. В. Покровскаго, и которыя свидѣтельствуютъ о прочности «монашеско-богословской» редакціи, удержавшейся въ продолженіи 8 столѣтій слишкомъ. Сравнивая матеріалъ, которымъ располагаетъ новѣйшій изслѣдователь, съ тѣмъ, что̀ было подъ руками у проф. Кондакова въ 1876—1878 гг. [1]), мы видимъ, что матеріалъ этотъ увеличился больше, чѣмъ вдвое: Аѳонская рукопись Пантократора № 61 (у Кондакова № 20 стр. 116?) изслѣдована очень обстоятельно въ оригиналѣ проф. Брокгаузомъ; въ Петербургѣ (въ Публ. библ.) оказались 3 весьма любопытные фрагмента Псалтырей, одинъ X в. и два XI в. (изъ собранія Порфирія Успенскаго); привлечена къ дѣлу греко-латинская ркп. Гамильтоновской библіотеки (въ Берлинѣ, въ Кабинетѣ гравюръ) XIII в. и имѣется въ виду Ватиканскій кодексъ XII в. № 1927) [2]). Даже изъ русскихъ лицевыхъ Псалтырей г. Тикканенъ пользуется почти десяткомъ экземпляровъ, тогда какъ проф. Кондаковъ ограничивается только двумя: угличской 1485 г. и Псалтырью б. Лобкова, нынѣ Хлудова, конца XIII в., описанной арх. Амфилохіемъ въ III т. Древностей М. Арх. Общ. [3]).

Тѣмъ не менѣе работа г. Тикканена не можетъ вполнѣ замѣнить соотвѣтствующій отдѣлъ въ книгѣ проф. Кондакова даже и въ описательной его части: русскій ученый даетъ обстоятельныя характеристики пріемовъ и манеры отдѣльныхъ миніатюристовъ, что̀ далеко не такъ важно для археолога Тикканена.

1) Исторія византійск. искусства и иконографіи по миніатюрамъ греч. рукописей. Одесса 1876, стр. 119 и слѣд. Въ новѣйшемъ французскомъ изд. этой цѣнной книги, если не ошибаемся, отдѣлъ о псалтыряхъ остался не переработаннымъ, сравнительно съ тѣмъ, что авторъ прибавилъ къ нему въ своей прекрасной работѣ о Хлудовской Псалтыри (Древности VII, 1878 г.).

2) Барбер. Пс. III, 91 Кондаковъ относитъ къ XI в., а Тикканенъ къ XII, что, безъ сомнѣнія, правильнѣе.

3) Отчего не называетъ ее Тикканенъ? Ужели она оказалась принадлежащей къ другой свѣтской ред.? Увидимъ изъ 2-го выпуска его работы.

Зато послѣдній посвящаетъ рядъ очень содержательныхъ страницъ (15—27) общей характеристикѣ всего изучаемаго вида произведеній. По его убѣжденію, иллюстраціи Псалтыри болѣе всего другого осуществляютъ задачу христіанскаго искусства, такъ какъ въ нихъ все дѣло въ поучительномъ содержаніи, и крайняя простота и безпритязательность формы придаетъ имъ народный характеръ. Но эта народность и простота не мѣшаетъ проявленію здоровыхъ художественныхъ традицій, и г. Тикканенъ вполнѣ присоединяется къ мнѣнію проф. Кондакова, что въ Хлуд. Псалтыри (а также и др. раннихъ изводахъ) мы стоимъ на границѣ древней (изящной) и поздней византійской живописи: много юныхъ, безбородыхъ фигуръ; позы естественны и свободны, часто полны выраженія; душевныя движенія выражаются средствами крайне простыми, но цѣлесообразными; типы разнообразны; встрѣчаются удачныя попытки этнографическихъ характеристикъ (стр. 17). Но больше всего поразительна легкость изображенія, подвижность художественной мысли [1]).

Съ такой же наглядностью авторъ выставляетъ и отрицательныя стороны пріемовъ миніатюристовъ: лица недостаточно индивидуализированы; животныя выписаны крайне небрежно; позы сражающихся большею частію очень ненатуральны; въ изображеніи природы художники «не поднимались выше архаическаго символизма» (стр. 21 — для котораго, прибавимъ отъ себя, у нихъ не было того оправданія, какъ у скульпторовъ саркофаговъ), иногда напоминающаго, по удачному выраженію г. Тикканена, искусство краснокожихъ.

Въ заключеніе этой характеристики пріемовъ, авторъ указываетъ на нѣкоторыя заимствованія миніатюристовъ: изъ иллюстрацій Козмы Индикоплевста [2]), изъ древне-христіанскаго искусства [3]), изъ искусства античнаго, наконецъ [4]).

Обращаясь къ содержанію изображеній (стр. 27), авторъ очень недолго останавливается на иллюстраціяхъ строго историческихъ (поясняющихъ отношеніе псалма къ жизни Давида или къ событіямъ изъ исторіи народа израильскаго стр. 27—28) и затѣмъ переходитъ къ многочисленнымъ воспроизведеніямъ буквальнаго смысла фигуральныхъ выраженій

---

1) Подобно Кондакову, Тикканенъ (стр. 19) выдѣляетъ въ этомъ отношеніи въ особую подгруппу Лонд. и барб. псалтыри, въ которыхъ замѣтно паденіе древняго преданія; но онъ прибавляетъ третью еще низшую ступень въ Псалтыри Гамильтоновой.

2) стр. 22 ср. у Кондакова стр. 127.

3) Стр. 23—4: Поучителенъ рис. 22 (изъ Хлуд. Пс.), изображающій Іону *во чревѣ* китовомъ, какъ указаніе на то, въ какомъ смыслѣ иллюстраторы Пс. шли дальше своихъ предшественниковъ.

4) Къ любопытному, но уже воспроизведенному у другихъ примѣру непониманія античнаго образа коней солнца въ Хлуд. Пс. (здѣсь рис. 26) Тикканенъ присоединилъ еще болѣе курьезный примѣръ того же изъ Гамильт. рп. (Табл. VI, 1), гдѣ коровы богини оказываются прямо висящими на веревкѣ.

Псалмопѣвца[1]) (чему онъ придаетъ едва ли удачное названіе: Hypotyposе), которыя, по его вѣрному замѣчанію, иногда превращаются въ настоящіе ребусы (Bilderräthsel; см. напр. миніатюру барб. Псалтыри къ пс. XI,1—2 къ словамъ: Πῶς λέγετε εἰς τὴν ψυχήν μου, Φεῦγε εἰς τὸ ὄρος ὑμῶν, ὡς πτηνόν и т. д., гдѣ изображена птица, сидящая на вершинѣ скалы; по близости стоитъ человѣкъ, показывающій дьяволу изображеніе Христа; ниже въ него цѣлятся изъ лука).

Конечно, читатели не могутъ поставить въ вину автору, что онъ не воспользовался случаемъ, чтобы исторически прослѣдить и объяснить это любопытное явленіе; но такъ какъ нигдѣ, сколько мы знаемъ, подобныя буквальныя толкованія фигуральныхъ выраженій не встрѣчаются въ такомъ количествѣ и въ такой силѣ, какъ въ иллюстраціяхъ къ Псалтыри, такой экскурсъ былъ бы здѣсь вполнѣ умѣстенъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что параллельное замѣчается и внѣ области пластическихъ искусствъ: когда у Цезарія Гейстербахскаго (Dialogus Mir. VII, 49) мы читаемъ, что имя Дѣвы Маріи производило физическую сладость во рту, у Іоанна Мосха —, что общеніе съ послѣдователями Севера Корчемника представлялось благочестивому отшельнику, какъ грѣховное общеніе съ женою трактирщика (русск. пер. М. 1871, стр. 195 и слѣд.), мы не можемъ не признать, что имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ психологическимъ фактомъ, что и въ вышеуказанныхъ случаяхъ.

Отъ подобныхъ иллюстрацій вполнѣ естественъ переходъ къ изображеніямъ ангеловъ, демоновъ, ада, смерти, души и наконецъ лицъ св. Троицы, апостоловъ, святыхъ съ ихъ житіями и иногда чудесами, а въ противоположность имъ и къ типичнымъ изображеніямъ грѣшниковъ. Въ этомъ довольно обширномъ отдѣлѣ своей работы (стр. 31—40) г. Тикканенъ даетъ рядъ характерныхъ фактовъ и сопровождаетъ ихъ весьма цѣнными замѣчаніями между прочимъ относительно художественныхъ и литературныхъ источниковъ нѣкоторыхъ изображеній. Общій выводъ автора (стр. 39) тотъ, что художники-монахи энергично проводятъ свою тенденцію объ отреченіи отъ міра, какъ единственномъ средствѣ спасенія; особенно характерна въ этомъ отношеніи миніатюра барб. Псалтыри (Табл. V, 2) къ словамъ пс. XXVII, 10: «если отецъ мой и мать моя меня оставили, Господь мой приметъ меня къ себѣ», гдѣ отрокъ покинутый отцемъ и матерью и прилѣпившійся ко Христу, изображенъ въ монашеской мантіи.

Переходя къ рисункамъ абстрактнаго содержанія, авторъ старается показать существенное отличіе символики своихъ художниковъ отъ про-

---

1) Рѣзкій примѣръ приведенъ Тикканеномъ изъ Хлуд. Пс. (Табл. I, 2) и изъ Гамильтоновой (въ текстѣ рис. 41) къ Пс. 72, 9: Θέτουσιν εἰς τὸν οὐρανὸν τὸ στόμα αὐτῶν, καὶ ἡ γλῶσσα αὐτῶν διατρέχει τὴν γῆν: въ первомъ верхнія челюсти двухъ человѣкъ вытягиваются къ небу, а языки достигаютъ земли; во второмъ изображенъ спиной къ зрителю человѣкъ, неестественно поднявшій ротъ къ небу, тогда какъ языкъ его между ногъ опускается до земли.

стѣйшей символики древне-христіанской; по его убѣжденію, изысканный типологическій параллелизмъ Псалтыри начинается уже въ равенскомъ искусствѣ [1]). Выразивъ удивленіе относительно малочисленности олицетвореній нравственныхъ понятій, г. Тикканенъ останавливается на изображеніи св. милостыни и нѣкотор. др., на единорогѣ къ пс. CXLIII, 4 въ извѣстной притчѣ, на томъ же единорогѣ въ другомъ значеніи (къ пс. XCII, 10) и потомъ переходитъ къ мистическому олицетворенію Богородицы и Сіона, для чего псалтырныя миніатюры представляютъ особенно богатый матеріалъ. Та же идея заставляетъ художниковъ изображать Христа на *скалѣ*, изъ которой Моисей источаетъ воду (къ пс. LXXXI, 17), и прикрѣплять крестъ къ рукояткѣ жезла Моисея (къ пс. V); этотъ жезлъ есть прообразъ креста, какъ на это указываютъ церковныя пѣснопѣнія и обряды востока и запада [2]).

Моисей, источающій воду, даетъ автору поводъ перейти къ изображеніямъ библейскихъ сценъ (стр. 46 и слѣд.); онъ различаетъ между ними, во-первыхъ, тѣ, которыя пришли на память художнику по поводу буквальнаго смысла словъ псалма (напр. при словахъ пс. CXXVII, 1: «Если не Господь строитъ домъ, напрасно трудятся строящіе его» изображается построеніе Вавилонской башни, или при пс. XXXVII, 31: Ὁ νόμος τοῦ Θεοῦ αὐτοῦ ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ изображается Моисей, получающій скрижали изъ десницы Господней); во-вторыхъ, тѣ, которыя появляются вслѣдствіе типологическаго пониманія текста и «съ полной ясностью указываютъ на богословскую ученость и зависимость идей художниковъ отъ богослужебнаго значенія соотвѣтствующихъ текстовъ Псалтыри» (стр. 47). Художники настолько хорошо знаютъ св. Писаніе, что псалтырные тексты, приводимые въ Новомъ Завѣтѣ, вызываютъ иллюстрацію именно соотвѣтствующаго ново-завѣтнаго характера. Сцены изъ жизни Богородицы и Спасителя представляютъ длинную серію, расположенную въ псалтыряхъ, разумѣется, не хронологически, а соотвѣтственно тому, при какомъ праздникѣ какіе псалмы или отрывки ихъ занимаютъ выдающееся мѣсто, а такъ какъ это богослужебное значеніе пѣсенъ Давида стоитъ въ тѣсной связи съ святоотеческимъ толкованіемъ и примѣненіемъ ихъ, то изучаемое художественное объясненіе Псалтыри необходимо совпадаетъ съ святоотеческимъ (стр. 55). Сводъ этихъ новозавѣтныхъ изображеній и замѣчаній о нихъ (стр. 49—65) составляетъ важнѣйшую въ историко-художественномъ и даже въ историко-литературномъ отношеніи часть работы г. Тикканена, такъ какъ здѣсь именно мы сталкиваемся съ множествомъ интереснѣйшихъ вопросовъ относительно вліянія иллюстрацій Псалтыри на

---

1) Стр. 41. Но вѣдь и въ катакомбахъ мы встрѣчаемъ тотъ же параллелизмъ: Іона, Ной, жертвоприносящій Авраамъ и пр. изображаются тамъ, какъ прообразованіе; различіе, полагаемъ, было не въ исходной идеѣ, а въ степени ея развитія.

2) Многочисленныя и критически обставленныя указанія на связь иллюстрацій Псалтыри съ богослуженіемъ есть одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Тикканена. См. стр. 41, 43, 45 и много разъ ниже.

позднѣйшую миніатюру и иконографію. Таково присутствіе пророка Давида (или медальона съ его бюстомъ) при Благовѣщеніи; такова надпись при изображеніи цѣлованія Елисаветы и Маріи: Ἔλεος καὶ ἀλήθεια συναπήνθησαν· δικαιοσύνη καὶ εἰρήνη ἐφιλήθησαν (пс. LXXXV, 10); таково присутствіе драконовъ при крещеніи, какъ извѣстно, повліявшее на развитіе и закрѣпленіе апокрифа, и примѣненіе пс. CXIV, 3 (Ἡ θάλασσα εἶδε καὶ ἔφυγεν· ὁ Ἰορδάνης ἐστράφη εἰς τὰ ὀπίσω) къ иконописному изображенію того же событія; таково сопоставленіе Тайной Вечери (въ очень архаической формѣ, съ возлежаніемъ) и причащенія апостоловъ (см. здѣсь рис. 67 и 68); таково изображеніе Воскресенія Христова черезъ схожденіе во адъ (при пс. XVI, 10, который и въ Дѣяніяхъ Ап. II, 27 и 31 примѣняется къ тому же событію), при чемъ здѣсь встрѣчается и Воскресеніе изъ гроба (рис. 79); таково примѣненіе пс. XVIII, 10 (καὶ ἐπέβη ἐπὶ χερουβεὶμ καὶ ἐπετάσθη) къ изображенію Вознесенія, что обусловило побѣду донынѣ у насъ господствующей идеалистической формы надъ болѣе реальной восхожденія на небо и т. д. Съ другой стороны, надписи при нѣкоторыхъ пс. миніатюрахъ (напр. см. рис. 69) доказываютъ вліяніе богословскихъ толкованій на художниковъ. Наконецъ, совершенно особый интересъ представляютъ спеціально-псалтырныя композиціи, какъ напр. нападеніе на Христа (въ саду Геѳсиманскомъ) людей съ собачьими головами (къ пс. XXII, 16 — κύνες μὲ περιεκύκλωσαν и пр.; см. здѣсь рис. 71), присутствіе Моисея, Аарона и Самуила при распятіи (стр. 59) и др.; въ этомъ смыслѣ особенно важно частое появленіе самаго Псалмопѣвца, какъ свидѣтеля исполненія пророчества и замѣна имъ и другими пророками лицъ, присутствіе которыхъ обусловлено текстомъ Евангелія (стр. 64—65). Въ заключеніе этого важнаго отдѣла своей работы г. Тикканенъ указываетъ на поучительную связь иллюстрацій Псалтыри съ знаменитыми аѳонскими подлинниками: справедливо отвергаетъ предположеніе о заимствованіи и объясняетъ совпаденіе глубоко укоренившимся преданіемъ (стр. 66).

Послѣ этого почтенный авторъ на нѣсколько страницъ будто теряетъ свойственную ему ясность и стройность изложенія и дѣлаетъ нѣсколько не безынтересныхъ, но болѣе умѣстныхъ не здѣсь, замѣчаній объ употребленіи Псалтыри въ православной церкви (стр. 66—68), о праздникѣ Воздвиженія Креста и о неизмѣнности православнаго богослуженія со времени установленія «недѣли православія» (стр. 71). Возвращаясь къ иллюстраціямъ Псалтыри изъ Новаго Завѣта, онъ указываетъ на отсутствіе въ нихъ системы (стр. 72) и, указавъ на возникшую въ послѣднее время (большею частію очень плодотворную) тенденцію — видѣть въ литургіи главный источникъ церковныхъ художественныхъ представленій, онъ опредѣляетъ отношеніе псалтырныхъ иллюстрацій къ церковнымъ пѣснопѣніямъ, съ одной стороны, и къ толкованіямъ текста съ другой (стр. 73—74). Литургія, безъ сомнѣнія, важный источникъ псалтырныхъ миніатюръ, но не единственный: еще впереди ея долженъ быть поставленъ самый текстъ Нов. Завѣта, такъ широко пользующійся Псалтырью

(по вычисленію Делича, Псалтырь цитируется въ немъ до 70 разъ). Напротивъ того, толкованія, заключающіяся въ катэнахъ къ Псалтыри, имѣютъ вліяніе на иллюстраторовъ преимущественнно тамъ, гдѣ они совпадаютъ съ богослуженіемъ, такъ какъ характеръ не таковъ, чтобы вдохновлять художниковъ (стр. 76). Многое надо отнести и на счетъ свободы послѣднихъ (такъ, они не считаютъ себя связанными даже цитатою изъ Псалтыри въ Новомъ Завѣтѣ); но эта свобода, разумѣется, вращается въ предѣлахъ міросозерцанія эпохи (стр. 77—78). Время сложенія этой редакціи, какъ было сказано выше, — вскорѣ послѣ 842 г., когда страсти, возмущенныя иконоборствомъ, еще не улеглись, и въ монастыряхъ еще кипѣла ненависть къ недавнимъ гонителямъ. Соотвѣтственно этому кисть монаховъ-художниковъ, по картинному выраженію автора (стр. 79), произносила анаѳему на враговъ церкви съ такою энергіею, какъ въ разгаръ борьбы перо защитниковъ иконопочитанія. Очень удачно г. Тикканенъ сопоставляетъ полемическія иллюстраціи Псалтыри [1]) съ знаменитымъ канономъ, приписаннымъ Ѳедору Студиту, и подробно комментируетъ (стр. 79—81) пс. XXVI, 4—5, при чемъ воспроизводитъ (Табл. IV, 2) очень любопытную миніатюру барберинской Псалтыри и останавливается на видной роли грамматика Іоанна Гилилы (Hylilas), котораго имп. Ѳеофилъ сдѣлалъ патріархомъ въ 835 г. и котораго иллюстраторы позорятъ съ особенною настойчивостью, возвеличивая патр. Никифора. Но предположеніе г. Тикканена, что *вездѣ*, гдѣ въ другихъ мѣстахъ изображается епископъ-симонистъ, нужно видѣть этого Іоанна, едва ли можетъ считаться достаточно обоснованнымъ (стр. 81).

Подводя итоги историко-художественному значенію своего матеріала (стр. 84—86), авторъ указываетъ на ту пустоту, которую пополняетъ онъ собою, и дѣлаетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній объ отношеніи его къ раннимъ и позднимъ иконописнымъ типамъ [2]). Признавая иллюстраторовъ Псалтыри монашеско-богословской редакціи художниками, наиболѣе подчиненными церкви, г. Тикканенъ рельефными чертами опредѣляетъ степень самодѣятельности каждаго изъ нихъ въ отдѣльности (стр. 86 и слѣд.). Во-первыхъ, отъ воли его зависѣло, какими изъ обычныхъ средствъ воспользоваться въ каждомъ данномъ случаѣ; иначе сказать, къ какому тексту пририсовать для поясненія одну изъ обычныхъ миніатюръ (любопытный примѣръ этихъ особаго рода разночтеній представляетъ пс. XCIX, 5—6: Ὑψοῦτε κύριον τὸν Θεὸν ἡμῶν, καὶ προσκυνεῖτε.... Μωϋσῆς καὶ Ἀαρὼν μεταξὺ τῶν ἱερέων αὐτοῦ καὶ Σαμουὴλ μεταξὺ τῶν ἐπικαλουμένων τὸ

1) О нихъ у Кондакова l. c. стр. 121—2.

2) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній составлены, къ сожалѣнію, слишкомъ поспѣшно; такъ напр. на стр. 85—6 Т. фигуру ада въ Сошествіи во адъ, воскресшаго Христа при св. Гробѣ и ореолъ при Вознесеніи считаетъ спеціально псалтырными формами, тогда какъ олицетворенный адъ встрѣчается въ Ев. Публ. библ. № 21 (Кондаковъ о. с. стр. 132); Христосъ близъ св. Гроба (хотя и не непосредственно) есть уже у Равулы; ореолъ въ Вознесеніи есть въ пар. рп. Григорія № 550 (Кондаковъ 202) и т. д.

ὄνομα αὐτοῦ.... Въ Пар. отрывкѣ здѣсь только 2 креста; въ Хлуд. и Барб. Моисей, Ааронъ и Самуилъ подъ крестомъ; въ Гамильт. они же распростерлись передъ Распятіемъ; въ Пантокр. здѣсь Голгоѳа съ церковью, и въ русск. 1397 г.—воздвиженіе креста; идея вездѣ одна и та же, но формы ея выраженія разнообразны). Во-вторыхъ, два иллюстратора, избравшіе одинъ и тотъ же художественный мотивъ, разнообразятъ его, иногда упрощая и сокращая, иногда развивая и осложняя (примѣры на стр. 87), то избирая предыдущій, то послѣдующій моментъ (стр. 88). Въ-третьихъ, наконецъ, такъ какъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ художникъ относился къ своему дѣлу вполнѣ сознательно, онъ обобщалъ фигуру, ставшую ему непонятной; напр. вышеуказанный лжепатріархъ Іоаннъ замѣнялся простымъ грѣшникомъ.

Особую сокращенную подредакцію представляетъ петерб. отрывокъ № 265: онъ только намекаетъ на сюжетъ тамъ, гдѣ др. изображаютъ его обстоятельно (напр. при пс. LXXVII, 17 вм. крещенія Спасителя только 2 рѣчныя божества).

Отмѣчая увеличеніе количества рисунковъ въ позднѣйшихъ экземплярахъ (Лонд. 1066 г., греко-лат. гамильт. и русск. 1397 г.), г. Тикканенъ указываетъ на тотъ характерный фактъ, что количественное богатство не сходится съ качественнымъ: наиболѣе содержательныя и глубокомысленныя изображенія принадлежатъ древнѣйшимъ рукописямъ и прежде всего Хлудовской.

Г. Тикканенъ заканчиваетъ свою содержательную работу общимъ замѣчаніемъ, что художники, очевидно, вслѣдствіе усталости, послѣдніе псалмы (начиная съ CXIV) иллюстрировали значительно экономнѣе, и обѣщаніемъ характеризовать въ слѣд. выпускѣ ватиканскую рп. № 1927 и двѣ русскія прежде, чѣмъ перейти ко 2-ой главной группѣ византійскихъ Псалтырныхъ иллюстрацій.

Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать продолженія образцовой монографіи г. Тикканена.

А. Кирпичниковъ.

Н. Покровскаго, *Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства.* Со 150 рисунками. Спб. 1894. 8°.

Это небольшой, аккуратно изданный томикъ, заключающій болѣе 300 страницъ текста, украшеннаго 150 иллюстраціями. Обиліе рисунковъ, хотя и не всегда хорошаго исполненія, дѣлаетъ очень удобнымъ и полезнымъ пользованіе книгой, имѣющей педагогическія цѣли. «Цѣль очерковъ», какъ говоритъ самъ авторъ, «заключается въ сжатомъ изложеніи результатовъ, достигнутыхъ церковной археологіей въ области изслѣдованія памятниковъ православной иконографіи и искусства». Книга назначается для тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы ознакомиться съ христіанской археологіей, при чемъ ближайшимъ образомъ очерки посвящаются воспитанникамъ духовныхъ школъ, какъ наиболѣе нуждающимся въ та-

кого рода книгѣ и наиболѣе подготовленнымъ къ церковно-археологическимъ занятіямъ. Такимъ образомъ «Очерки» пополняютъ существенный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ, преслѣдующей цѣль не только дать понятіе о цѣлой отрасли научнаго знанія, но и помочь желающимъ предаться спеціальнымъ занятіямъ въ этой области. Книга А. фонъ-Фрикена «Римскія катакомбы» до сихъ поръ была единственнымъ сочиненіемъ на русскомъ языкѣ, къ которому отсылались всѣ интересовавшіеся древне-христіанской и византійской археологіей и искусствомъ.

«Исторія византійскаго искусства» *Байе*, переведенная на русскій языкъ съ французскаго, можетъ быть названа рядомъ съ сочиненіемъ А. фонъ-Фрикена, какъ пособіе для первоначальнаго знакомства съ византійскимъ искусствомъ. Но «Очерки» Н. В. Покровскаго, являясь позднѣе указанныхъ сочиненій, заключаютъ въ себѣ еще и изложеніе общихъ понятій объ археологіи и искусствѣ древне-русскихъ, въ чемъ и состоитъ ихъ большая заслуга и преимущество. Въ «Очеркахъ» кратко излагаются результаты, добытые какъ самимъ авторомъ въ его обширныхъ сочиненіяхъ, такъ и вообще русской церковной археологіей. Авторъ обѣщаетъ, кромѣ того, дать еще рядъ очерковъ по исторіи древне-русскаго искусства XVI — XVII вѣковъ.

Во введеніи авторъ объясняетъ важность изученія памятниковъ христіанской и византійской иконографіи вообще для занятій исторіей древне-русскаго искусства и вкратцѣ излагаетъ исторію науки христіанской и византійской археологіи. Затѣмъ послѣдовательно описываетъ древне-христіанскую живопись катакомбъ, предлагая и хорошее описаніе происхожденія и устройства римскихъ катакомбъ; древне-христіанскую скульптуру; мозаики древне-христіанскія и византійскія; византійскія лицевыя рукописи, эмаль, скульптуру. Книга заканчивается тремя главами, посвященными памятникамъ византійской живописи на русской почвѣ — мозаикамъ и фрескамъ Кіева, фрескамъ новгородскимъ и владимиро-суздальскимъ.

Въ «Очеркахъ» принятъ методъ описательный и изложеніе отличается достаточной легкостью и вразумительностью. Широкая задача, которую поставилъ себѣ авторъ и трудность уложить обширный матеріалъ въ тѣсныя рамки очерковъ, конечно, повліяли на составъ самихъ очерковъ. и на тѣ пропуски и недосмотры, которые замѣтны спеціалисту при чтеніи. Вполнѣ сочувствуя какъ появленію очерковъ, такъ и той основной цѣли ея, руководясь которой почтенный авторъ рѣшился превозмочь громадныя трудности и изложить результаты своей науки, мы рѣшаемся указать на нѣкоторыя незначительныя упущенія и недосмотры, которые, можетъ быть, будутъ устранены при будущемъ новомъ изданіи очерковъ.

1) При обозрѣніи катакомбной живописи и при обозрѣніи древне-христіанскихъ саркофаговъ не принятъ въ расчетъ результатъ работъ Эдмонда Леблана, который выяснилъ, что многія библейскія и евангельскія сцены на саркофагахъ служатъ какъ бы иллюстраціями къ отдѣльнымъ

литаніямъ молитвъ de agonisantibus и Commendatio animae quando infirmus est in extremis. Между тѣмъ это даетъ не только руководящую нить при обозрѣніи состава сценъ катакомбной живописи и саркофаговъ, но и характеризуетъ цѣлую сторону катакомбнаго искусства.

2) Точно также при обозрѣніи диптиховъ не указано, что послѣдовательность сценъ на нихъ историческая, т. е. что изображенія событій изъ жизни Богородицы и Христа располагаются соотвѣтственно вокругъ центральнаго изображенія Христа и Богородицы въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому при описаніи миланскаго диптиха допущено неправильное объясненіе двухъ сценъ. Одна, представляющая особый переводъ явленія Ангела Богородицѣ близъ дома (повторена на ящикѣ изъ слоновой кости Вердена), при чемъ Ангелъ указываетъ Маріи на звѣзду, — принята за сцену, въ которой будто бы Ангелъ показываетъ одной изъ женъ мѵроносицъ гробъ Господень[1]). Ошибка произошла оттого, что на рисункѣ, изданномъ авторомъ по рисунку Гарруччи, опущена звѣзда, которая изображена на самомъ памятникѣ, что Гарруччи и оговорилъ въ своемъ текстѣ. Другую сцену, представляющую пораженіе мудрости учителя по апокрифу авторъ считаетъ за изображеніе Христа передъ Пилатомъ, вслѣдствіе чего мальчикъ Христосъ является въ качествѣ Пилата, что не соотвѣтствуетъ его маленькой фигурѣ, равно какъ и двѣ фигуры, изображенныя за учителемъ, не могутъ быть приняты ни за воиновъ, ни за народъ, такъ какъ они одѣты въ простыя одежды и одинъ изъ нихъ сидитъ въ креслѣ и держитъ какъ ученикъ раскрытую книгу. На такое значеніе сцены уже указано въ наукѣ давно.

3) На донышкѣ сосуда, на которомъ представлена композиція Dominus legem (pacem) dat, одна фигура названа Іоанномъ Крестителемъ, а другая неизвѣстнымъ апостоломъ, въ то время какъ это апостолы Петръ и Павелъ.

4) На стр. 20 вкралась также ошибка. Тамъ сказано, что Павлинъ Ноланскій изобразилъ въ церкви св. Феликса въ Нолѣ «Христа, стоящаго на агнцѣ», чего не могло быть и не было, какъ доказано Викгофомъ.

На стр. 102 въ описаніи мозаики церкви св. Пуденціаны сказано, что крестъ изображенъ «въ облакахъ», между тѣмъ какъ онъ изображенъ стоящимъ на горѣ.

На стр. 68 — 9 въ описаніи сцены поклоненія волхвовъ во фрескѣ Марцеллина и Петра сказано, что на блюдѣ волхва изображены игрушки, между тѣмъ уже Гарруччи указалъ, что это ладанъ, шедшій въ торговлю. въ видѣ различныхъ фигурокъ, напр. птицъ.

На стр. 181 повторено объясненіе креста, изображаемаго въ Іорданѣ въ сценахъ крещенія, какъ символа освященія водъ, а не того историческаго креста, который уже въ VI вѣкѣ стоялъ въ Іорданѣ на мѣстѣ крещенія Христова.

---

1) De Waal думаетъ, что здѣсь представлено Введеніе во храмъ Богородицы. Römische Quartalschrift 1887, p. 185,6.

Отмѣтимъ и такія неточности, какъ напримѣръ, на стр. 219, гдѣ сказано, что у Богородицы въ шуйцѣ два веретена, между тѣмъ какъ въ рукѣ у нея пряжа и веретено; на непонятное выраженіе: «стилизованное небо» (стр. 259), подъ которымъ должно скрываться изображеніе круга или полукруга въ верхней части миніатюры, представляющаго небо или облако. Есть и несовсѣмъ вѣрно понятыя детали (стр. 86); такъ, солдаты Ирода являются въ еврейской куафюрѣ, тогда какъ на данной сценѣ вовсе нѣтъ солдатъ, а изображены простые іудеи въ своихъ шапкахъ и туникахъ, причемъ ихъ прически понятно не видно.

Очевидно, что при слѣдующемъ изданіи «Очерковъ» мы въ правѣ будемъ ожидать искорененія подобныхъ неточностей. Не можемъ не пожелать, чтобы въ «Очерки» проникъ также художественный анализъ стилей и композицій.. Въ «Очеркахъ» нигдѣ не затронуты такіе существенные вопросы, какъ постепенное осложненіе сценъ, или отличія въ исполненіи. Мы находимъ только похвалу или порицаніе рисунка и красокъ, что не можетъ дать читающему руководящаго положенія, необходимаго въ такой книгѣ, какъ «Очерки».

Д. Айналовъ.

G. Schlumberger. *Mélanges d'archéologie byzantine.* Paris, Leroux. 1895. 8°. 345 стр.

Книга извѣстнаго археолога и издателя византійскихъ печатей Шлумбергера не представляетъ новинки въ строгомъ смыслѣ слова; она составлена изъ статей, напечатанныхъ первоначально въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, но русскій читатель, особенно провинціальный, найдетъ въ ней не мало новаго, такъ какъ даже въ университетскихъ библіотекахъ не получаются многіе спеціальные журналы, въ которыхъ сотрудничалъ Шлумбергеръ.

Въ своей книгѣ авторъ помѣстилъ снимки и описанія монетъ, гирь, печатей, разныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ и амулетовъ.

Шлумбергеру удалось найти нѣсколько рѣдкихъ монетъ, напр. Ираклія консула, царя Фоки, Исаака Комнина съ надписью «Господи помоги *православному* владыкѣ», которыя существеннымъ образомъ дополняютъ извѣстное изданіе Сабатье. Одна монета составляла бы даже важное открытіе, если бы мы могли повѣрить объясненію автора. Въ Парижѣ хранится золотая монета съ надписью: Θεοτόκε βοήθει Ζέρμῳ στρατηλάτῃ (p. 1). Ученый другъ Шлумбергера Саѳа указалъ ему, гдѣ надо искать загадочнаго стратилата. Кедринъ разсказываетъ, что послѣ окончательнаго покоренія Болгаріи въ 1018 г. одинъ только Сермонъ, повелѣвавшій въ Сирміи (ὁ τοῦ Σιρμίου κρατῶν Σέρμων), не хотѣлъ подчиниться византійской власти. Онъ продержался нѣкоторое время въ Сирміи, затѣмъ крѣпость эта была взята стратигомъ Константиномъ Діогеномъ, и Сермонъ вѣроломно убитъ въ іюлѣ 1019 г. Принявъ тожество этихъ двухъ лицъ, Шлумбергеръ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. На основаніи

разсказа Кердина можно утверждать, что данная золотая монета была выпущена Сермономъ, бывшимъ полководцемъ болгарскихъ царей, ставшимъ вождемъ или почти независимымъ княземъ въ Сирміи. Сермонъ, бывшій нѣкоторое время независимымъ владѣтелемъ большой крѣпости Сирмія, могъ чеканить монеты отъ своего имени во время своей послѣдней попытки противиться Византіи, можетъ быть, во время осады Сирмія. Принявъ свою догадку за несомнѣнный фактъ, Шлумбергеръ утверждаетъ, что хотя въ югославянской нумизматикѣ Любича древнѣйшая монета относится къ царствованію Іоанна Асѣня I (1186—1190 г.), на основаніи монеты стратилата Сермона 1019 г. надо сказать, что чеканка монетъ въ Болгаріи началась двумя вѣками ранѣе.

Не будемъ настаивать на томъ, что на монетѣ стратилатъ названъ Зермомъ, а Кедринъ говоритъ о Сермонѣ; въ транскрипціи иностранныхъ именъ византійскіе писатели, какъ извѣстно, не отличаются точностью. Но примемъ во вниманіе, что царь Симеонъ обходился безъ собственныхъ золотыхъ, что въ долгое и мирное царствованіе его сына Петра Симеоновича также не чеканили монеты въ Болгаріи. Вѣроятно ли, что этимъ новымъ дѣломъ занялся впервые незначительный болгарскій вождь, въ рукахъ котораго находилась одна крѣпость, который едва ли нуждался въ собственной монетѣ и который занятъ былъ единственно защитой Сирмія? Если мы откажемся отъ догадки Шлумбергера, мы можемъ положительно сказать, что никакой полководецъ не имѣлъ права выпускать отъ своего имени монету, такъ какъ это всегда и вездѣ было прерогативой монарховъ. Возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли монета—кусокъ золота съ именемъ стратилата Зерма? Самъ Шлумбергеръ говоритъ въ началѣ своей статьи, что эта монета необыкновенно тонка и почти похожа на то, что принято называть полубрактеатомъ. Такимъ образомъ сомнительную монету Зерма приходится исключить изъ византійской нумизматики.

Зато нѣкоторую пользу въ этой области могутъ принести гири, на которыхъ сказано, что они равняются 18 номизмамъ ($^1/_4$ фунта) или номизмѣ. По словамъ Сабатье, хорошо сохранившаяся номизма должна вѣсить 4,49 — 4,53 грамма. Гири, снимки съ которыхъ изданы Шлумбергеромъ, даютъ для номизмы слѣдующій вѣсъ: 4,15; 4,17; 4,30; 4,40; 4,42 грамма. Можетъ быть, вѣсъ номизмы не былъ совершенно одинаковъ во всѣ вѣка византійской имперіи, но, конечно, и самыя гири пострадали отъ времени и уменьшились въ вѣсѣ.

Золотыя печати, которыми скрѣплялись важныя царскія грамоты, составляютъ, какъ извѣстно, большую рѣдкость; поэтому шесть такихъ печатей, впервые описанныя Шлумбергеромъ, представляютъ значительный археологическій интересъ; всѣ онѣ относятся къ времени Палеологовъ. Рядъ свинцовыхъ печатей дополняетъ сигиллографію того же автора, но не даетъ новаго историческаго матеріала.

Важнѣе другихъ печать Никиты, эпопта и нотарія Запада (эпохи

Ангеловъ), важнаго сановника, названнаго рабомъ (δοῦλος) державнаго и священнаго царя. Проф. Кулаковскій, объясняя спорную надпись Евпатерія, говоритъ, что г. Латышевъ оставилъ безъ объясненія одно обстоятельство, не лишенное значенія, а именно: можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ званіемъ въ имперіи, назвалъ себя на оффиціальномъ документѣ собственнымъ рабомъ своего государя? (Виз. Врем., т. III, стр. 16). Хотя на печатяхъ терминъ «рабъ» встрѣчается рѣдко, вообще подобныхъ примѣровъ можно привести не одинъ, а сколько угодно. Стоитъ только раскрыть, напр., шестой томъ Acta graeca Миклошича (тутъ все оффиціальные документы), и сейчасъ же замѣтишь, что стратигъ Самоса называется недостойнымъ рабомъ (ἀνάξιος δοῦλος) царя (p. 34, 45), что Алексѣй Комнинъ называетъ важнаго сановника Хиросфакта, протопроедра и ἐπὶ τῶν δεήσεων, οἰκεῖος ἄνθρωπος τῆς βασιλείας μου (p. 45), тотъ же эпитетъ прилагается къ пресвѣтлѣйшему протопроедру и катепану Крита Іоанну Кладику (p. 96, ср. p. 210, 216, 219, 229, 235, 258). Византійскій терминъ «рабъ царя» вполнѣ соотвѣтствуетъ «холопу» московскаго государства и нашему слову «вѣрноподданный».

Для исторіи византійскаго искусства и домашняго быта интересны снимки съ перстней, поликандила, триптиха и другихъ художественныхъ издѣлій изъ слоновой кости. Византійскія повѣрія и воззрѣнія могутъ быть изучаемы на основаніи амулетовъ. Къ сожалѣнію, Шлумбергеръ ограничилъ свою работу снимками съ амулетовъ, переводомъ надписей и кое-какими довольно поверхностными объясненіями фигуръ. Онъ издалъ нѣсколько амулетовъ, принадлежащихъ къ типу змѣевиковъ, но не сопоставилъ ихъ съ легендами и заклинаніями, какъ это сдѣлалъ М. И. Соколовъ; а потому Шлумбергеръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неправильно объясняетъ фигуры и подписи.

Такъ напр., на одномъ амулетѣ (p. 118) изображена женщина съ распущенными волосами, изъ которой исходитъ змѣй. Это несомнѣнно то самое демоническое существо, о которомъ говорится въ Сисиніевской легендѣ и заклинаніяхъ и которое представляется въ образѣ отвратительной и страшной женщины съ волосами до земли. Вокругъ амулета имѣется надпись: σφραγὶς Σολομόνος ἀποδιόξον πᾶν κακὸν ἀπὸ τοῦ φοροῦντος. Амулетъ называется печатью Соломона, конечно потому, что, по сказанію, Соломонъ имѣлъ печать, при помощи которой онъ господствовалъ надъ демономъ.

На другой сторонѣ амулета представленъ всадникъ, поражающій копьемъ лежащую женщину (тоже демоническое существо) и тутъ надпись: φεῦγε μεμισιμένι Σολομὸν σε διόκι Σισίννιος Σισιννάριος. Шлумбергеръ думаетъ, что этотъ всадникъ Соломонъ, и объясняетъ, почему Соломонъ представленъ съ нимбомъ. Но надо имѣть въ виду слѣдующія поясненія М. И. Соколова. Въ греческой, славянской и румынской письменности существуетъ цѣлый рядъ легендъ, молитвъ и заклинаній противъ демо-

ническаго существа, причиняющаго разнородный вредъ людямъ. Эти легенды, молитвы, заклинанія въ греческой и славянской письменности обыкновенно связываются съ именемъ св. Сисинія. Сисиній (или братья Сисиній и Синодоръ или Сисинидоръ) преслѣдуетъ женскаго демона, побѣждаетъ его и демонъ клянется, что, если Сисиній отпуститъ его, онъ будетъ убѣгать отъ того человѣка, который будетъ имѣть запись именъ демона или произнесетъ молитву Сисинія. Изъ легендъ и заговоровъ видно, что прогоняющимъ демона средствомъ служатъ: 1) имена демона, 2) имена ангеловъ или святыхъ, поймавшихъ демона, 3) молитва противъ діавола, содержащая разсказъ о поимкѣ его ангелами или святыми. Прогоняющую силу имѣетъ какъ чтеніе молитвы, такъ и простая запись ея и ношеніе съ собой въ качествѣ амулета». (Ж. М. Н. Пр. 1889 г. іюнь). Гораздо вѣроятнѣе, что помянутый всадникъ не Соломонъ, а Сисиній, потому что именно въ такомъ видѣ онъ изображается въ легендахъ. По мнѣнію Шлумбергера, Сисинній Сисиннарій—имя владѣльца амулета; это доказываетъ только незнакомство автора съ Сисиніевской легендой, Сисиннарій, вѣроятно, варіантъ Синодора.

Въ томъ видѣ, какъ амулеты изданы Шлумбергеромъ, они представляютъ только сырой матеріалъ, научно не разработанный.

П. Безобразовъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

А. И. Пападопуло-Керамевсъ, *Три греческіе безыменные проскинитарія XVI вѣка* (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 46). Спб. 1896, стр. I—X+153.—Среди памятниковъ греческой паломнической письменности встрѣчается немалое количество проскинитаріевъ или путеводителей по святымъ мѣстамъ Палестины и Синаю. Большая часть ихъ не носитъ имени своего составителя, или же извѣстна съ именемъ переписчика памятника. Происхожденіе проскинитаріевъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Для удобства поклонниковъ нѣкогда было составлено однимъ изъ паломниковъ или изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ болѣе или менѣе подробное описаніе св. мѣстъ палестинскихъ, которое со временемъ, соображаясь съ обстоятельствами, измѣнялось, дополнялось, сокращалось и служило руководствомъ до появленія новаго проскинитарія. Слѣды такихъ проскинитаріевъ восходятъ къ VII вѣку и ранѣе. Въ настоящемъ изданіи А. И. Пападопуло-Керамевсъ опубликовалъ три безыменные греческіе проскинитарія, которые относятся къ XVI вѣку и представляютъ по внутреннему своему содержанію, послѣдовательности разсказа и размѣщенію статей три разновидности одной редакціи. Одинъ изъ проскинитаріевъ взятъ изъ рукописи № 225 Аугсбургской публич-

Ангеловъ), важнаго сановника, названнаго рабомъ (δοῦλος) державнаго и священнаго царя. Проф. Кулаковскій, объясняя спорную надпись Евпаторія, говоритъ, что г. Латышевъ оставилъ безъ объясненія одно обстоятельство, не лишенное значенія, а именно: можно ли указать хоть одинъ примѣръ того, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ званіемъ въ имперіи, назвалъ себя на оффиціальномъ документѣ собственнымъ рабомъ своего государя? (Виз. Врем., т. III, стр. 16). Хотя на печатяхъ терминъ «рабъ» встрѣчается рѣдко, вообще подобныхъ примѣровъ можно привести не одинъ, а сколько угодно. Стоитъ только раскрыть, напр., шестой томъ Acta graeca Миклошича (тутъ все оффиціальные документы), и сейчасъ же замѣтишь, что стратигъ Самоса называется недостойнымъ рабомъ (ἀνάξιος δοῦλος) царя (p. 34, 45), что Алексѣй Комнинъ называетъ важнаго сановника Хиросфакта, протопроедра и ἐπὶ τῶν δεήσεων, οἰκεῖος ἄνθρωπος τῆς βασιλείας μου (p. 45), тотъ же эпитетъ прилагается къ пресвѣтлѣйшему протопроедру и катепану Крита Іоанну Кладику (p. 96, ср. p. 210, 216, 219, 229, 235, 258). Византійскій терминъ «рабъ царя» вполнѣ соотвѣтствуетъ «холопу» московскаго государства и нашему слову «вѣрноподданный».

Для исторіи византійскаго искусства и домашняго быта интересны снимки съ перстней, поликандила, триптиха и другихъ художественныхъ издѣлій изъ слоновой кости. Византійскія повѣрія и воззрѣнія могутъ быть изучаемы на основаніи амулетовъ. Къ сожалѣнію, Шлумбергеръ ограничилъ свою работу снимками съ амулетовъ, переводомъ надписей и кое-какими довольно поверхностными объясненіями фигуръ. Онъ издалъ нѣсколько амулетовъ, принадлежащихъ къ типу змѣевиковъ, но не сопоставилъ ихъ съ легендами и заклинаніями, какъ это сдѣлалъ М. И. Соколовъ; а потому Шлумбергеръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неправильно объясняетъ фигуры и подписи.

Такъ напр., на одномъ амулетѣ (p. 118) изображена женщина съ распущенными волосами, изъ которой исходитъ змѣй. Это несомнѣнно то самое демоническое существо, о которомъ говорится въ Сисиніевской легендѣ и заклинаніяхъ и которое представляется въ образѣ отвратительной и страшной женщины съ волосами до земли. Вокругъ амулета имѣется надпись: σφραγὶς Σολομόνος ἀποδιόξον πᾶν κακὸν ἀπὸ τοῦ φοροῦντος; Амулетъ называется печатью Соломона, конечно потому, что, по сказанію, Соломонъ имѣлъ печать, при помощи которой онъ господствовалъ надъ демономъ.

На другой сторонѣ амулета представленъ всадникъ, поражающій копьемъ лежащую женщину (тоже демоническое существо) и тутъ надпись: φεῦγε μεμισιμένι Σολομὸν σε διόκι Σισίννιος Σισιννάριος. Шлумбергеръ думаетъ, что этотъ всадникъ Соломонъ, и объясняетъ, почему Соломонъ представленъ съ нимбомъ. Но надо имѣть въ виду слѣдующія поясненія М. И. Соколова. Въ греческой, славянской и румынской письменности существуетъ цѣлый рядъ легендъ, молитвъ и заклинаній противъ демо-

Профессоръ А. П. Лебедевъ, *Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени.* Томъ первый. Сергіевъ Посадъ. 1896. Стр. 1—372.—Книга профессора Лебедева составлена изъ отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1894 — 5 г. и въ свое время обозрѣвавшихся въ нашемъ журналѣ. Въ настоящій разъ будутъ отмѣчены лишь тѣ страницы книги, которыя не вошли въ прежніе библіографическіе обзоры.

Книга состоитъ изъ введенія и трехъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на главы. *Введеніе* (стр. 1 — 25) знакомитъ читателя съ задачей, избранной авторомъ, и съ трудностями ея выполненія (Визан. Врем., т. I, в. 2, стр. 441). Отдѣлъ *первый* (стр. 26 — 84) содержитъ обзоръ источниковъ исторіи греко-восточной церкви послѣ паденія византійской имперіи — съ критическими о нихъ замѣчаніями (тамъ же, стр. 442 — 443). Во *второмъ* отдѣлѣ рѣчь идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви. Отдѣлъ дѣлится на три главы. Въ *первой* главѣ (стр. 85 — 123) раскрываются отношенія Оттоманской Порты къ греческой іерархіи (Виз. Врем., т. I, в. 2, стр. 443), во *второй* (стр. 124 — 158)—отношенія Порты къ христіанскому народу греко-восточной вѣры (тамъ же, вып. 3 — 4, стр. 737 — 738) и въ *третьей* (стр. 158 — 181)—отношенія іерархіи греко-восточной церкви и народа къ турецкому правительству (тамъ же). *Третій* и самый обширный отдѣлъ книги посвященъ исторіи константинопольской патріархіи и дѣлится на четыре главы. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о патріархіи и источникахъ ея исторіи, а также о дѣятельности Геннадія Схоларія, перваго константинопольскаго патріарха турецкаго періода (стр. 182 — 217) [Виз. Врем., т. I, в. 3 — 4, стр. 739], проф. Лебедевъ въ *первой* главѣ этого отдѣла (стр. 217 — 247) характеризуетъ константинопольскую патріархію въ ея интеллектуальной сторонѣ (тамъ же, т. II, в. 1 — 2, стр. 254). *Вторая* (стр. 247 — 301) и *третья* (стр. 301 — 340) главы описываютъ нравственный обликъ, церковно-общественную дѣятельность, нестроенія и злополучія константинопольской патріархіи (Виз. Врем., т. II, в. 1 — 2, стр. 255; в. 3, стр. 468; вып. 4, стр. 695). Наконецъ, *четвертая* глава (стр. 340 — 372) изображаетъ матеріальное состояніе константинопольской патріархіи. Въ началѣ главы проф. Лебедевъ разбираетъ мнѣніе о матеріальномъ обезпеченіи патріархіи греческаго ученаго Константина Икономоса, который утверждаетъ, что въ XVI вѣкѣ константинопольскіе патріархи содержали себя на счетъ добровольныхъ приношеній христіанъ. Находя воззрѣніе Икономоса неосновательнымъ, нашъ ученый предполагаетъ, что константинопольская патріархія въ XV—XVI вѣкахъ имѣла приблизительно тѣ же источники доходовъ, какіе существовали и въ періодъ византійскихъ императоровъ, т. е. пошлины съ архіереевъ, пасомыхъ, вступающихъ въ бракъ и пр. О средствахъ матеріальнаго обезпеченія патріархіи

въ XVII вѣка обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ греческій писатель-богословъ Христофоръ Ангелъ (De statu hodiernorum Graecorum. Lipsiae. 1655). По его свидѣтельству, константинопольскій патріархъ получалъ даръ отъ каждаго рукополагаемаго имъ митрополита и архіепископа, которые, кромѣ того, дѣлали ежегодные взносы въ пользу патріархіи отъ 20 до 30 минъ; такіе же взносы поступали и отъ священниковъ и діаконовъ константинопольской епархіи (ἐφορεία); разрѣшеніе міряниу вступать въ бракъ также было обложено пошлиной въ пользу патріарха; вѣрующіе всего патріархата одинъ разъ въ три года доставляли въ патріаршую казну чрезъ своего митрополита по 12 динаріевъ съ каждаго православнаго дома и пр. Аналогичные доходы имѣли въ своихъ епархіяхъ митрополиты, архіепископы и епископы. Съ матеріальнымъ положеніемъ патріархіи въ послѣдующее время (до 60-хъ годовъ XIX вѣка) прекрасно знакомитъ авторитетный писатель Мауреръ (Das Griechische Volk, I). Кромѣ пошлины съ архіереевъ, взимаемой при посвященіи, и ежегодной дани, патріархъ получалъ подати съ монастырей-ставропигій, съ мірянъ всего патріархата, обязанныхъ одинъ разъ въ три года дѣлать извѣстные денежные взносы въ пользу патріархіи, взималъ деньги за св. муро и антиминсы, получалъ такъ называемый каноникопъ съ каждаго священника своей епархіи и даже съ каждаго мірянина, взималъ сборы за всѣ свадьбы, похороны и крестины, совершенныя въ его епархіи, получалъ новину отъ естественныхъ произведеній его округа, наслѣдовалъ выморочныя имущества духовныхъ лицъ патріархата и т. п.; кромѣ того, иногда патріархи, для полученія денежныхъ подарковъ, перемѣщали епископовъ съ одной каѳедры на другую... Доходы митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ въ указанное время получались изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и патріаршіе, такъ что въ общемъ матеріальное положеніе и патріарховъ, и епархіальныхъ архіереевъ было въ XV—XIX вѣкахъ довольно удовлетворительное, хотя оно иногда и ложилось тяжелымъ бременемъ на паству. Но матеріальное положеніе отставныхъ патріарховъ и особенно прочихъ епископовъ было очень печально... Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ матеріальномъ положеніи константинопольской патріархіи произошла существенная перемѣна. Сначала турецкое правительство проектировало выдавать высшему духовенству казенное жалованье, но это предложеніе Порты было отвергнуто и урегулированіемъ доходовъ патріархіи занялось такъ называемое греческое церковно-народное собраніе въ Константинополѣ. Это учрежденіе выработало норму вознагражденія іерарховъ за исполненіе ими священныхъ обязанностей. Рѣшено было всѣмъ архіереямъ выдавать жалованье изъ сборовъ съ пасомыхъ каждой епархіи. Эти сборы опредѣлялись мѣстнымъ архіереемъ и его смѣшаннымъ совѣтомъ. Изъ прежнихъ случайныхъ доходовъ остались лишь весьма немногіе. Указанное постановленіе церковно-народнаго собранія получило значеніе органическаго закона въ началѣ 60-хъ годовъ и много содѣйствовало оздоровленію нравственной

атмосферы константинопольской патріархіи, но въ то же время вызвало великій финансовый ея крахъ. Въ заключеніи главы сказано нѣсколько словъ по вопросу о многочисленности архіереевъ на востокѣ и отношеніи къ нимъ народа.

Книга профессора Лебедева заслуживаетъ вниманія по одному тому, что представляетъ первый въ русской литературѣ серьезный опытъ подробнаго изученія судьбы православной греческой церкви послѣ завоеванія Византіи турками. Авторъ воспользовался для своей цѣли многочисленною иностранною литературою вопроса, весьма тщательно и критически изучилъ ее и воспроизводитъ въ своемъ изслѣдованіи эту литературу всю сполна, до мелочей включительно. При этомъ книга написана яснымъ и простымъ языкомъ и вполнѣ пригодна для популярнаго чтенія. Профессоръ Лебедевъ настоящимъ изслѣдованіемъ удачно пополнилъ цѣлую серію своихъ работъ по исторіи греко-восточной церкви.

Архимандритъ Порфирій Успенскій, *Путешествіе въ Метеорскіе и Оссоолимпійскіе монастыри въ Θессаліи въ 1859 году.* Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею П. А. Сырку. Спб. 1896 г. Настоящая книга будетъ разсмотрѣна въ особой рецензіи.

С. Д. Пападимитріу, *Стефанъ Сахликисъ и его стихотвореніе* «Ἀφήγησις παράξενος». *Изслѣдованіе съ приложеніемъ греко-русскаго глоссарія, двухъ фотографическихъ таблицъ и критическихъ* πάρεργα. Одесса. 1896. Стр. IV+256+24.—Книга г. Пападимитріу состоитъ изъ введенія, историко-литературнаго изслѣдованія о стихотвореніи Сахликиса «Ἀφήγησις παράξενος», которое помѣщено въ подлинникѣ, двухъ приложеній къ изслѣдованію, глоссарія къ произведеніямъ Сахликиса и критическихъ πάρεργα. Во введеніи (стр. 1—14) авторъ разсматриваетъ исторію научно-литературнаго изученія Стефана Сахликиса и находитъ, что сообщенія о стихотвореніяхъ этого византійскаго поэта имѣются у Дюканжа (Glossarium mediae et infimae Graecitatis), Гюета (P. D. Huetii in linguam graeco-barbaram animadversiones etc.), Адамантія Кораи (Ἄτακτα, II), Саѳы, Леграна, Николаи и др. Но всѣ эти сообщенія и кратки, и во многомъ ошибочны. Изданіе Сахликиса впервые было сдѣлано Эмилемъ Леграномъ, который въ 1871 году напечаталъ его стихотвореніе «Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἑρμηνεῖαι» изъ Парижскаго кодекса XVI вѣка № 2909. Къ 1874 году то же стихотвореніе Сахликиса съ разночтеніями изъ кодекса Монпелье № 409 было издано Вильгельмомъ Вагнеромъ, который присоединилъ въ своемъ изданіи и другое произведеніе поэта изъ кодексовъ Парижскаго и Монпелье подъ названіемъ: «Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἑρμηνεῖαι, ἔτι καὶ ἀφηγήσεις». Стихотворенія Сахликиса сохранились еще въ третьемъ кодексѣ—Неаполитанской библіотеки № III-Aa 9, гдѣ заключается и отчасти новое его произведеніе «Ἀφήγησις παράξενος τοῦ ταπεινοῦ Σαχλίκη». Г. Пападимитріу пріобрѣлъ фотографическій снимокъ этого стихотворенія и издалъ его въ разсматриваемомъ трудѣ. Неаполитанскій кодексъ, кромѣ стихотворе-

ній Сахликиса, заключаетъ въ себѣ исторію Птохолеона, поэму Спанеаса и поэму «Ливистръ и Родамни» и содержитъ 116 листовъ in octavo. Шмиттъ относитъ кодексъ къ XVI вѣку, но нашъ авторъ, вмѣстѣ съ г. Пападопуло-Керамевсомъ, пріурочиваетъ его къ XV столѣтію. Стихотвореніе «Ἀφήγησις παράξενος» помѣщено на 1—17 листахъ кодекса, состоитъ изъ 857 стиховъ (а по изданію г. Пападимитріу изъ 908) и съ удобствомъ дѣлится на три неравныя части: первая изъ нихъ (стихи 1—387) и послѣдняя (761—857) представляютъ собою текстъ совершенно новый и до появленія книги Пападимитріу неизданный, между тѣмъ какъ вторая часть (ст. 388—760) есть нечто иное, какъ третья версія изданнаго Вагнеромъ текста, лишь съ небольшими отъ него отступленіями.

Помѣстивъ далѣе (стр. 15—52) самое стихотвореніе «Ἀφήγησις παράξενος», при чемъ въ орѳографіи нашъ авторъ основывался на традиціи и новѣйшихъ выводахъ науки, а въ изданіи держался особой системы, выразившейся въ возстановленіи риѳмы, перемѣщеніи стиховъ, соблюденіи размѣра и пр., г. Пападимитріу присоединилъ къ нему общее изслѣдованіе о поэтѣ и его дѣятельности (стр. 53—128). Въ этомъ изслѣдованіи сообщается, что Стефанъ Сахликисъ былъ родомъ съ острова Крита, изъ города Хандака (Χάνδαξ), родился, по всей вѣроятности, раньше половины XV столѣтія отъ состоятельныхъ родителей дворянскаго рода. Съ малыхъ лѣтъ его отдали учиться въ школу, гдѣ онъ былъ прилежнымъ ученикомъ до 14-лѣтняго возраста, а затѣмъ сталъ уклоняться отъ посѣщенія школы и предался разсѣянной жизни. Разгульная жизнь привела его къ полному разоренію и заставила продать землю и дома, которые онъ получилъ отъ родителей, для уплаты долговъ. Не смотря на это, Сахликисъ продолжаетъ вести тотъ же образъ жизни до встрѣчи съ одной вдовой, изъ-за которой онъ наконецъ попалъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ поэта держали долго и освободили лишь тогда, когда его состояніе было совершенно разстроено. Находясь въ заключеніи, онъ началъ писать, и большая часть его стихотвореній была написана именно въ тюрьмѣ. По выходѣ изъ тюрьмы Сахликисъ поселился въ деревнѣ для поправленія своихъ финансовыхъ дѣлъ, но цѣли не достигъ и, спустя много лѣтъ, возвратился въ городъ съ намѣреніемъ занять какую-нибудь должность. По совѣту дуки города, Сахликисъ сдѣлался адвокатомъ. Сначала поэтъ исполнялъ свое дѣло честно и старательно, а затѣмъ, подъ вліяніемъ уговоровъ товарищей, сталъ брать взятки. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ своей жизни, Сахликисъ написалъ «Странный разсказъ— Ἀφήγησις παράξενος». Этимъ и исчерпываются всѣ біографическія свѣдѣнія о поэтѣ, заключающіяся въ «Странномъ разсказѣ».

Стихотворенія Сахликиса раздѣляются на три класса: I) Ἀφηγήσεις— разсказы, въ числѣ трехъ, II) Ἑρμηνεῖαι — совѣты, числомъ три, и III) Γραφαὶ καὶ στίχοι въ числѣ четырехъ. Въ частности, слѣдуя хронологической послѣдовательности, произведенія Сахликиса можно расположить въ такомъ порядкѣ: 1) Οἱ ἀρχεμαυλίστρες. Это стихотвореніе было

литературнымъ дебютомъ поэта, состоитъ изъ 96 бѣлыхъ стиховъ (кодексъ Неаполитанскій, ст. 812—908) и по содержанію представляетъ пасквиль или памфлетъ, полный цинизма, направленный противъ Кутагіотены, изъ-за которой Сахликисъ былъ заключенъ въ тюрьму. 2) Διὰ τοὺς φίλους, *о друзьяхъ*. Стихотвореніе находится только въ Парижскомъ кодексѣ, состоитъ изъ 201 бѣлаго стиха и было первымъ болѣе серьезнымъ произведеніемъ поэта, такъ какъ имѣетъ введеніе. Главная мысль стихотворенія та, что во времена поэта дружба совсѣмъ исчезла и истинныхъ друзей нѣтъ ни у богатаго, ни у бѣднаго. 3) Περὶ τῆς φυλακῆς, *о тюрьмѣ*. Стихотвореніе находится во всѣхъ трехъ кодексахъ (кодексъ N, ст. 413—483) и состоитъ изъ 70 бѣлыхъ стиховъ. Въ немъ описываются различныя тюремныя бѣдствія. Настоящее произведеніе написано подъ вліяніемъ аналогичной поэмы Михаила Глики, византійскаго автора XII вѣка. 4) Διὰ τοὺς φυλακατόρους, *о тюремщикахъ*. Здѣсь въ 73 (80 по кодексу N) бѣлыхъ стихахъ Сахликисъ описываетъ обращеніе и продѣлки тюремщиковъ съ заключенными. И это стихотвореніе имѣетъ сходство, хотя и незначительное, съ упомянутымъ выше стихотвореніемъ Михаила Глики. 5) Διὰ τὸν φυλακάτοράν μου, *о моемъ тюремщикѣ*. Въ этомъ произведеніи изъ 36 бѣлыхъ стиховъ (код. N, ст. 565—602) Сахликисъ рисуетъ дѣянія своего собственнаго тюремщика. 6) Ἡ βουλὴ τῶν πολιτικῶν, *собраніе гетеръ* (код. N, ст. 602—812). Настоящее стихотвореніе было послѣднимъ изъ числа тѣхъ, которыя Сахликисъ написалъ во время пребыванія въ тюрьмѣ. Оно составлено въ видѣ четверостишій съ однообразной рифмой и извѣстно въ трехъ версіяхъ, мало похожихъ одна на другую въ расположеніи четверостишій. Вѣроятно, это стихотвореніе Сахликиса пользовалось особою популярностью на островѣ Критѣ и переходило изъ устъ въ уста по всему острову, отчего внесенъ безпорядокъ въ распредѣленіе четверостишій, послѣдовательность разсказа нарушена и вкралось много интерполяцій. Въ стихотвореніи поэтъ задался цѣлью описать вымышленное собраніе гетеръ города Хандака. 7) Ἑρμηνεία περὶ τῆς νύκτας τὰ γυρίσματα, *о ночныхъ экскурсіяхъ*. Это первый совѣтъ, который Сахликисъ обращаетъ къ Франциски, молодому сыну одного изъ своихъ друзей, съ цѣлью указать на опасность и пагубность ночныхъ экскурсій. Совѣтъ, какъ и слѣдующіе два, написаны Сахликисомъ, вѣроятно, въ деревнѣ и посланы въ видѣ письма къ Франциски въ городъ Хандакъ. Стихотвореніе имѣетъ простую рифму (двустишія), вообще правильную. 8) Ἑρμηνεία περὶ τὰ ζάρια τοῦ παιγνιδίου, *объ азартной игрѣ*. Въ этой піесѣ Сахликисъ совѣтуетъ Франциски воздерживаться отъ азартной игры. 9) Ἑρμηνεία περὶ τῆς πολιτικῆς τὰ χαμώματα, *о дѣйствіяхъ гетеръ*. Въ третьемъ совѣтѣ, обращенномъ къ Франциски, Сахликисъ подробно описываетъ дѣйствія гетеръ. 10) Ἀφήγησις παράξενος, *странный разсказъ*. Это стихотвореніе находится только въ Неаполитанскомъ кодексѣ (ст. 1—412) и написано простой рифмой. Главное значеніе его состоитъ въ томъ, что Сахликисъ даетъ здѣсь свою

автобіографію; кромѣ того, среди разсказа находятся интересныя свѣдѣнія объ образѣ жизни крестьянъ на Критѣ, о дѣйствіяхъ адвокатовъ и пр. Стихотвореніе не сохранилось цѣлымъ и прерывается многими пропусками. Изъ него однако видно, что Сахликисъ имѣлъ способность вѣрно и живо изображать свой предметъ.

Обозрѣвши содержаніе стихотворныхъ произведеній Сахликиса, г. Пападимитріу сообщаетъ въ заключеніи, что Сахликисъ несомнѣнно былъ ловкій версификаторъ,—стихъ у него совершенно правильный и риема въ риемованныхъ стихотвореніяхъ богата и разнообразна. Мѣстъ, въ которыхъ риема не соотвѣтствуетъ требованіямъ техники, относительно немного и такія мѣста, вѣроятнѣе всего, образовались отъ порчи при передачѣ или перепискѣ, такъ какъ всѣ произведенія Сахликиса болѣе или менѣе нечужды интерполяціи. Авторъ не считаетъ Сахликиса талантливымъ поэтомъ и не восхищается его высокими идеями, напротивъ, вмѣстѣ съ Крумбахеромъ, утверждаетъ, что стихотворенія Сахликиса «отличаются грубымъ реализмомъ выраженія и воззрѣнія» и что «основанія, помощію которыхъ критскій Сократъ старается вести своего Алкивіада по пути добродѣтели, чисто практическаго свойства». Однако не слѣдуетъ забывать, что Сахликисъ—сатирикъ и жилъ въ городѣ, гдѣ господствовало сильное развращеніе нравовъ. Кромѣ того, онъ былъ поэтъ народный, не получившій высшаго образованія, писавшій для простого народа и въ такое время, когда разница между искусственнымъ литературнымъ языкомъ и языкомъ простонароднымъ была слишкомъ велика и искусственная литература была совершенно недоступна народу. На такую мысль наводитъ автора то обстоятельство, что въ произведеніяхъ Сахликиса не замѣтно никакого вліянія ни классической греческой литературы, ни византійской письменности. Смѣло можно сказать, что между Сахликисомъ и писателями классической и византійской литературы нѣтъ никакой связи; это писатель, для котораго прошлое греческой литературы не существуетъ, — писатель, стоящій въ началѣ нарождающагося новаго литературнаго направленія, цѣликомъ принадлежащій народу, вкусы и бытъ котораго онъ и воплощаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ этомъ и заключается значеніе Сахликиса для исторіи греческой литературы. Нѣкоторые изъ предшественниковъ Сахликиса (Михаилъ Глика, Птохопродромъ и другіе) писали какъ на простонародномъ, такъ и на литературномъ языкѣ, между тѣмъ какъ нашъ поэтъ пишетъ исключительно на чисто народномъ языкѣ и даетъ намъ понятіе о состояніи его въ концѣ XV столѣтія на островѣ Критѣ. Стиль Сахликиса вообще однообразный, способъ выраженія отличается простотой и наивностью, предложенія у него соединяются между собою большею частью посредствомъ сочиненія (παράταξις),—все это составляетъ главный элементъ народной рѣчи. На народность его языка указываетъ и вообще весь языковой матеріалъ его стихотвореній,—склоненіе именъ, спряженіе глаголовъ и особенно употребленіе союзовъ и нарѣчій.

Такъ какъ Сахликисъ писалъ на языкѣ народномъ, то пріобрѣлъ большую популярность въ средѣ народа. На это указываютъ сохранившіяся до нашего времени разныя версіи его стихотвореній. Произведенія Сахликиса получили распространеніе даже среди иностранцевъ, какъ это видно изъ переводовъ его стихотвореній на французскій и латинскій языки (Legrand). Безспорно также, что Сахликисъ своими стихотвореніями вліялъ на послѣдующихъ представителей критской литературы, отличавшейся въ XVI вѣкѣ замѣчательнымъ богатствомъ, а именно — на Склаво (Συμφορὰ Κρήτης), Бергаиса (Ἀπόκοπος) и Марка Дефаранаса (Λόγοι διδακτικοί). Въ свою очередь, Сахликисъ испыталъ на себѣ вліяніе западной литературы. На основаніи стиха: νὰ τραγῳδοῦν λατινικὰ καὶ νά με πεσκαντάγουν г. Пападимитріу утверждаетъ, что на Сахликиса имѣли вліяніе *латинскія народныя пѣсни*, которыя онъ слышалъ отъ своихъ тюремныхъ сторожей. Это вліяніе выразилось какъ въ содержаніи стихотвореній Сахликиса, аналогичномъ съ содержаніемъ латинскихъ пѣсенъ голіардовъ, такъ особенно въ употребленіи риѳмы. Послѣднее видно изъ того, что первыя стихотворенія Сахликиса совсѣмъ не имѣютъ риѳмы, а вторыя по времени состоятъ изъ четверостишій съ однообразной риѳмой; наконецъ, позднѣйшія написаны двустишіями. Такая послѣдовательность, строго выдержанная Сахликисомъ, приводитъ къ мысли, что поэтъ въ началѣ своей дѣятельности не имѣлъ никакого понятія о риѳмѣ, потомъ познакомился съ риѳмованными четверостишіями, которымъ сталъ подражать, и наконецъ началъ соблюдать въ стихахъ простую риѳму, какъ болѣе легкую и удобную. Полагать, что Сахликисъ составлялъ четверостишія въ подражаніе какому-нибудь предыдущему греческому поэту, совершенно невозможно, такъ какъ единственный греческій поэтъ, который употребляетъ этотъ родъ риѳмы, есть самъ Сахликисъ. Значитъ, только вліянію западной литературы можно приписать родъ риѳмы, употребляемой Сахликисомъ, и именно латинской народной поэзіи, отличавшейся однообразной риѳмой, въ противоположность поэзіи итальянской, допускавшей разнообразіе въ риѳмѣ. Кромѣ того, Сахликисъ, какъ адвокатъ, обязанъ былъ знать не только венеціанскій языкъ, элементы котораго наблюдаются въ его стихотвореніяхъ, но и латинскій, офиціальный языхъ венеціанскаго правительства, подъ властью коего Критъ находился.

Послѣ историко-литературнаго изслѣдованія о Сахликисѣ, въ книгѣ г. Пападимитріу помѣщены примѣчанія къ тексту Ἀφήγησις παράξενος (стр. 129—192). Примѣчанія касаются различныхъ сторонъ языка и формы этого стихотворенія и весьма важны въ научномъ отношеніи.

Далѣе слѣдуютъ два приложенія, первое изъ которыхъ (стр. 193—226) содержитъ примѣчанія къ стихотвореніямъ Сахликиса, изданнымъ Вагнеромъ (Carmina Graeca medii aevi. Lipsiae. 1874. Pag. 62—78), помѣщенныя раньше въ Византійскомъ Временникѣ (т. I, стр. 649—656), а второе (стр. 227—234) трактуетъ объ отношеніи Сахликиса къ Дефара-

насу. На основаніи сравненія стихотвореній того и другого поэта, г. Пападимитріу приходитъ къ выводу, что Дефаранасъ въ своихъ Λόγοι διδακτικοί оказывается не оригинальнымъ поэтомъ, а простымъ компиляторомъ, главнымъ образомъ Сахликиса.

На стр. 235—256 книги г. Пападимитріу помѣщенъ греко-русскій глоссарій къ стихотвореніямъ Стефана Сахликиса.

Въ заключеніи книги находятся πάρεργα (стр. 1—24), представляющія разнообразныя критическія замѣчанія къ тексту трагедій Эврипида, преимущественно же къ тексту эврипидовскихъ схолій. Замѣтки были уже раньше напечатаны въ брошюрѣ г. Пападимитріу: «Kritische Beiträge zu den Scholien des Euripides. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1888». Πάρεργα имѣютъ и нѣкоторыя дополненія къ прежнему изданію.

Наконецъ, къ разсматриваемой книгѣ приложены два фотографическіе снимка съ Неаполитанскаго кодекса (III Aa, 9) Ἀφήγησις παράξενος Сахликиса (fol. 1 и 6a).

Сочиненіе г. Пападимитріу, посвященное литературной дѣятельности одного изъ малоизслѣдованныхъ средневѣковыхъ греческихъ поэтовъ, имѣетъ высокій научный интересъ. Авторъ съ большою тщательностью и основательностью разсмотрѣлъ дѣятельность Сахликиса и далъ въ своей книгѣ много цѣннаго научнаго матеріала для исторіи греческой литературы и языка. Желательна полная критическая оцѣнка труда со стороны нашихъ спеціалистовъ и знатоковъ. За границей книга уже получила лестное признаніе (см. Byz. Zeitsch. V, 620).

Г. П. Беглери, *Храмъ святыхъ Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія.* Одесса. 1896. Стр. 1—40.—Византійскій писатель X-го вѣка Константинъ Родій весьма мало извѣстенъ даже въ спеціальной литературѣ. До послѣдняго времени о немъ судили лишь на основаніи нѣсколькихъ эпиграмъ (Dübner, Epigrammatum Anthologia Palatina, vol. II, p. 505. Parisiis. 1888) и довольно грубыхъ комическихъ произведеній, составленныхъ ямбическимъ размѣромъ (Matranga, Anecdota Graeca, II, p. 624). Между тѣмъ съ именемъ Константина Родія сохранилось въ библіотекѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ весьма важное въ археологическомъ отношеніи рукописное произведеніе, посвященное описанію храма свв. Апостоловъ и другихъ памятниковъ Константинополя. Означенное сочиненіе Родія, чрезъ посредство извѣстнаго инока-лавріота о. Александра, поступило въ распоряженіе константинопольскаго ученаго общества «Μεσαιωνικὴ ἑταιρεία», предсѣдатель коего г. Беглери и издалъ его, по порученію общества. Сочиненіе Константина Родія извлечено изъ рукописнаго сборника XIII вѣка, помѣченнаго Λ. 170. Сборникъ заключаетъ сочиненія разныхъ церковныхъ писателей (Григорія Богослова, Меркурія Грамматика, Максима Философа и др.), относящіяся преимущественно къ поэзіи и написанныя ямбическимъ размѣромъ. Произведеніе Родія написано въ два столбца на л. 140—147 сборника. Оно состоитъ изъ введенія (ст. 1—471), посвященнаго описанію статуй и ко-

лонів Константинополя, т. е. наиболѣе любопытныхъ и достопримѣчательныхъ памятниковъ (θεάματα) столицы, и описанія храма св. Апостоловъ (ст. 472—980), которое составляетъ главный предметъ произведенія Родія. Описаніе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: храмъ Константиновской постройки (ст. 472—494), храмъ постройки Юстиніана (ст. 495—534), архитектурный его стиль (535—638), внутреннее украшеніе (ст. 639—743) и художественная роспись живописью (744—980). Та и другая половина сочиненія Константина Родія имѣетъ большое научное значеніе. Въ первой своей части трудъ Родія представляетъ цѣнное дополненіе къ трудамъ Анонима, изданнаго Бандуріемъ, и Кодина, посвященнымъ описанію древнихъ памятниковъ Константинополя, а вторая его часть вполнѣ оригинальна по содержанію, такъ какъ о храмѣ св. Апостоловъ никто изъ византійскихъ писателей и путешественниковъ не говоритъ съ такою подробностью, какая встрѣчается въ произведеніи Родія. Вообще тѣхъ, кто занимается спеціальными вопросами византійской архитектуры и живописи, извѣстія Родія могутъ заинтересовать какъ своею оригинальностью, такъ и обиліемъ данныхъ чисто техническаго характера, которыя ставятъ его произведеніе на совершенно особое мѣсто. Послѣднее обусловливается и тѣмъ, что сочиненіе Родія, на основаніи сообщаемыхъ въ немъ и у византійскихъ писателей біографическихъ данныхъ, пріурочивается къ опредѣленному времени. Посвящая свое сочиненіе Константину Порфирородному, Родій неоднократно указываетъ, что онъ принялъ на себя задачу описанія храма св. Апостоловъ по совѣту и поощренію самого царя. При этомъ онъ сообщаетъ, что былъ вѣрнымъ слугою императора Льва Мудраго. На основаніи этихъ данныхъ и извѣстій, сохранившихся о Родіѣ у Продолжателя Θеофана, Симеона Магистра и Льва Грамматика, г. Беглери относитъ время происхожденія изданнаго имъ памятника къ 944—959 годамъ. По стилю произведеніе Родія не представляетъ ничего новаго; оно написано весьма обычнымъ у византійцевъ ямбическимъ размѣромъ, построеннымъ по строго выдержаннымъ метрическимъ правиламъ, отъ которыхъ лишь изрѣдка допускаются отклоненія. Языкъ отличается искусственностью и нѣкоторою подражательностью. Издавши въ подлинникѣ указанный весьма полезный въ научномъ отношеніи византійскій памятникъ, г. Беглери предварилъ его краткимъ предисловіемъ, а къ тексту сдѣлалъ разныя мелкія примѣчанія, имѣя въ виду выпустить въ свѣтъ греческое изданіе того же памятника съ болѣе соотвѣтствующимъ комментаріемъ.

Профессоръ А. П. Лебедевъ, *Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антохійской.* Сочиненіе на степень доктора богословія. Изданіе второе. Сергіевъ Посадъ. 1896. Стр. XVI + 322.—Профессоръ А. П. Лебедевъ, учено-литературной дѣятельности котораго исполнилось въ 1895 году двадцать пять лѣтъ, возымѣлъ прекрасное намѣреніе издать полное собраніе своихъ церковно-историческихъ сочиненій, въ

насу. На основаніи сравненія стихотвореній того и другого поэта, г. Пападимитріу приходитъ къ выводу, что Дефаранасъ въ своихъ Λόγοι διδακτικοί оказывается не оригинальнымъ поэтомъ, а простымъ компиляторомъ, главнымъ образомъ Сахликиса.

На стр. 235—256 книги г. Пападимитріу помѣщенъ греко-русскій глоссарій къ стихотвореніямъ Стефана Сахликиса.

Въ заключеніи книги находятся πάρεργα (стр. 1—24), представляющія разнообразныя критическія замѣчанія къ тексту трагедій Эврипида, преимущественно же къ тексту эврипидовскихъ схолій. Замѣтки были уже раньше напечатаны въ брошюрѣ г. Пападимитріу: «Kritische Beiträge zu den Scholien des Euripides. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1888». Πάρεργα имѣютъ и нѣкоторыя дополненія къ прежнему изданію.

Наконецъ, къ разсматриваемой книгѣ приложены два фотографическіе снимка съ Неаполитанскаго кодекса (III Aa, 9) Ἀφήγησις παράξενος Сахликиса (fol. 1 и 6a).

Сочиненіе г. Пападимитріу, посвященное литературной дѣятельности одного изъ малоизслѣдованныхъ средневѣковыхъ греческихъ поэтовъ, имѣетъ высокій научный интересъ. Авторъ съ большою тщательностью и основательностью разсмотрѣлъ дѣятельность Сахликиса и далъ въ своей книгѣ много цѣннаго научнаго матеріала для исторіи греческой литературы и языка. Желательна полная критическая оцѣнка труда со стороны нашихъ спеціалистовъ и знатоковъ. За границей книга уже получила лестное признаніе (см. Byz. Zeitsch. V, 620).

Г. П. Беглери, *Храмъ святыхъ Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія.* Одесса. 1896. Стр. 1—40.—Византійскій писатель X-го вѣка Константинъ Родій весьма мало извѣстенъ даже въ спеціальной литературѣ. До послѣдняго времени о немъ судили лишь на основаніи нѣсколькихъ эпиграмъ (Dübner, Epigrammatum Anthologia Palatina, vol. II, p. 505. Parisiis. 1888) и довольно грубыхъ комическихъ произведеній, составленныхъ ямбическимъ размѣромъ (Matranga, Anecdota Graeca, II, p. 624). Между тѣмъ съ именемъ Константина Родія сохранилось въ библіотекѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ весьма важное въ археологическомъ отношеніи рукописное произведеніе, посвященное описанію храма свв. Апостоловъ и другихъ памятниковъ Константинополя. Означенное сочиненіе Родія, чрезъ посредство извѣстнаго инока-лавріота о. Александра, поступило въ распоряженіе константинопольскаго ученаго общества «Μεσαιωνικὴ ἑταιρεία», предсѣдатель коего г. Беглери и издалъ его, по порученію общества. Сочиненіе Константина Родія извлечено изъ рукописнаго сборника XIII вѣка, помѣченнаго Λ. 170. Сборникъ заключаетъ сочиненія разныхъ церковныхъ писателей (Григорія Богослова, Меркурія Грамматика, Максима Философа и др.), относящіяся преимущественно къ поэзіи и написанныя ямбическимъ размѣромъ. Произведеніе Родія написано въ два столбца на *л.* 140—147 сборника. Оно состоитъ изъ введенія (ст. 1—471), посвященнаго описанію статуй и ко-

жизни, нечуждыхъ противорѣчій и неясностей, разбросанныхъ по четыремъ сводамъ и написанныхъ на латинскомъ языкѣ. Нужда въ новыхъ законодательныхъ работахъ сознавалась уже государями Исаврійской династіи (Ἐκλογὴ τῶν νόμων), а въ правленіе Македонской она потребовала немедленнаго удовлетворенія. Изъ государей этой династіи законодательною дѣятельностью о себѣ заявили — Василій I Македонянинъ, чутко прислушивавшійся къ общественному мнѣнію, и его сынъ Левъ VI Мудрый, имѣвшій способность писать и наставлять другихъ... Императоръ Василій обнародовалъ въ 870 году Πρόχειρος νόμος—ручную книгу законовъ для ежедневнаго обращенія въ судебныхъ мѣстахъ, въ 884 году—Ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων—ревизію древнихъ законовъ, т. е. собраніе всего того, что еще оставалось въ силѣ отъ Юстиніанова законодательства, а въ 885 году появилось второе изданіе Прохирона, измѣненное и дополненное на основаніи «ревизіи» и извѣстное подъ именемъ Эпанагоги. Первое мѣсто по значенію въ ряду этихъ сборниковъ принадлежитъ Прохирону, съ котораго начинается новая эпоха въ исторіи византійскаго законодательства, представляющаго въ дальнѣйшей своей судьбѣ лишь развитіе и пополненіе началъ, возвѣщенныхъ въ Прохиронѣ. Даже Эпанагога почти совпадаетъ по своему содержанію съ Прохирономъ и весьма незначительно отличается отъ него. Прохиронъ и Эпанагога вполнѣ отвѣтили на запросъ, предъявленный византійскимъ обществомъ Македонской династіи: а) они объединили дѣйствующее право; б) въ нихъ имѣлось въ виду только одно толкованіе на каждый законъ; в) латинскіе юридическіе термины здѣсь были переведены на греческій языкъ и г) сюда внесены новыя законодательныя постановленія, взятыя изъ новеллъ Василія, и заимствованія изъ эклоги Исаврійцевъ. Что касается «ревизіи» древнихъ законовъ, то она, представляя сводъ всего сохранившагося въ силѣ Юстиніанова права, сдѣланный на основаніи комментаріевъ подлинныхъ сборниковъ, съ переводомъ латинскихъ терминовъ на греческій языкъ, дополняла Прохиронъ и Эпанагогу по нѣкоторымъ сложнымъ вопросамъ юридической практики. Впрочемъ, «ревизія» императора Василія была скоро вытѣснена подобною же ревизіей Льва Мудраго, извѣстной подъ именемъ Василикъ. Полагаютъ, что ревизія Василія цѣликомъ вошла въ составъ Василикъ. Но Василики не обнимали всѣхъ явленій судебной практики, поэтому императоръ Левъ издалъ множество узаконеній, изъ которыхъ самъ составилъ сборникъ изъ 113 новеллъ; впрочемъ, его новеллы имѣли весьма небольшое значеніе и скоро потеряли силу. Литературное оживленіе въ правленіе Македонской династіи падаетъ главнымъ образомъ на царствованіе Константина Порфиророднаго, человѣка весьма просвѣщеннаго. Охарактеризовавъ литературные труды самого императора (Vita Basilii, De caeremoniis aulae, De thematibus и De administrando imperio), г. Андреевъ дѣлаетъ краткія замѣчанія и о главныхъ произведеніяхъ, которыя составились въ его правленіе и подъ его покровительствомъ, именно: о хроникахъ Генесія и

продолжателя Θеофана, объ исторической компиляціи въ 53-хъ книгахъ, о трудахъ Симеона Метафраста и другихъ.

А. Спасскій, *Филоксенъ Іерапольскій* (*по поводу изданія нѣкоторыхъ его сочиненій*). (Богословскій Вѣстникъ, 1896, октябрь, стр. 143—159).—Статья написана по поводу изданія англійскаго ученаго Wallis Budge, The discourses of Philoxenus bishop of Mabbôg, t. I—II (London, 1894). Первый томъ этого изданія содержитъ въ себѣ сирскій текстъ бесѣдъ Филоксена о христіанской жизни, а второй распадается на двѣ части: а) введеніе, заключающее въ себѣ свѣдѣнія о жизни Филоксена, его сочиненіяхъ, состояніи рукописей, и текстъ нѣкоторыхъ догматическихъ его трудовъ, и б) англійскій переводъ бесѣдъ Филоксена о христіанской жизни. Филоксенъ родился въ третьей четверти V-го столѣтія въ мѣстечкѣ Тагалъ на границѣ съ Персіей, получилъ образованіе, вѣроятно, въ Едессѣ и рано примкнулъ къ сирской монофизитской партіи. Сдѣлавшись епископомъ Іераполя или Мабуга (485 г.), Филоксенъ сталъ во главѣ монофизитовъ и открылъ жестокую борьбу съ противниками монофизитства. По его проискамъ, лишился каѳедры антіохійскій православный патріархъ Флавіанъ (512 г.). Но при императорѣ Іустинѣ, наслѣдовавшемъ покровителю Филоксена Анастасію (+517 г.), монофизиты подверглись осужденію и Филоксенъ скончался въ изгнаніи въ 523 году. Филоксенъ извѣстенъ и какъ плодовитый писатель, обладавшій хорошимъ образованіемъ и прекраснымъ стилемъ. Послѣ него осталось до 80-ти отдѣльныхъ произведеній, которыя можно раздѣлить на четыре класса: библейско-экзегетическія и литургическія, догматико-полемическія, нравоучительныя и письма къ разнымъ лицамъ. Анализу нѣкоторыхъ догматико-полемическихъ трудовъ Филоксена и посвящена послѣдняя часть статьи г. Спасскаго.

Д. Кобеко, *Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, іюнь, стр. 270—279).— Въ дополненіе къ статьѣ г. Лихачева о разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ (см. Виз. Врем., т. II, вып. 3, стр. 467), г. Кобеко указываетъ нѣсколько новыхъ прощеныхъ грамотъ, присланныхъ на Русь іерусалимскими патріархами, и въ томъ числѣ посланіе іерусалимскаго патріарха Іоакима, привезенное въ Москву его племянникомъ Іосифомъ, прибывшимъ въ 1463—4 году для сбора милостыни. Въ посланіи этомъ патріархъ, между прочимъ, писалъ, что «Іосифъ... да дастъ прощеніе грѣхомъ требующимъ отъ него и грамоту отпустную еже о грѣсѣхъ человѣкомъ». Напечатавъ это посланіе въ полномъ его видѣ по рукописи первой половины XVI вѣка изъ библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи (№ 1454, л. 445 об.—449), г. Кобеко анализируетъ содержаніе этого памятника, оцѣниваетъ его достовѣрность, а въ заключеніи приходитъ къ мысли, что іерусалимскіе патріархи начали посылать въ Россію свои разрѣшительныя грамоты еще въ половинѣ XV вѣка,—когда іерусалимскій престолъ занимали лица не изъ грековъ, а изъ арабовъ...

Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета **Василія Истрина** *за вторую половину 1894 года* (Продолженіе. Журн. Мин. Нар. Просв., 1896, іюнь, отд. 2, стр. 53—86; сентябрь, отд. 2, стр. 1—25). — Продолжая сообщать о результатахъ своихъ занятій въ области византійско-славянской литературы (см. Виз. Врем., т. III, в. 2), г. Истринъ описываетъ слѣдующіе ея памятники: 9) сборникъ библіотеки русскаго Аѳонскаго Андреевскаго скита № 73, XV вѣка, съ апокрифомъ о Соломонѣ; 10) списки «Бесѣдъ на книгу Бытія» св. Іоанна Златоуста, №№ 414 и 337 въ Хиландарскомъ монастырѣ (XVII вѣка) и № 71 въ Зографскомъ монастырѣ (XV вѣка); 11) рукопись Зографскаго монастыря, № 130, XVII вѣка, содержащую библейскую исторію съ нѣкоторыми дополненіями; 12) два сборника Ватопедскаго монастыря, №№ 36 и 37 (XV вѣка), съ греческимъ текстомъ повѣсти Архиппа пустынножителя; въ первомъ сборникѣ содержатся, кромѣ того, евангеліе Ѳомы, плачъ Іереміи и другіе апокрифы; 13) двѣ рукописи Пчелы въ Ватопедѣ, №№ 35 и 36, обѣ XII—XIII вѣка; 14) нѣсколько сборниковъ легендарно-апокрифическаго содержанія Софійской библіотеки въ Болгаріи (№№ 80, 68, 45 и др.); 15—18) большой сборникъ Бѣлградской Народной библіотеки, XV вѣка, № 104, содержащій нѣсколько апокрифовъ, въ томъ числѣ объ Авраамѣ, о святой Троицѣ, Давидѣ, Соломонѣ и Кипрскомъ царѣ и др.; 19) толковую псалтирь Аѳанасія Александрійскаго XV—XVI вѣка съ изображеніями, № 145 той-же библіотеки, и другія рукописи (№№ 25, 26, 28, 30) отъ XV—XVII вѣковъ, различнаго содержанія; 20) сборники Бѣлградскаго Ученаго Друштва (№ 24 отъ XVI — XVII в., №№ 25 и 26 отъ XVII вѣка) съ апокрифическимъ содержаніемъ; 21) сборникъ попа Драголя; 22) рукопись Пражскаго Національнаго музея № 19, съ апокрифомъ о прекрасномъ Іосифѣ; 23) учительное евангеліе на польско-славянскомъ языкѣ XVI вѣка въ Пражскомъ королевскомъ музеѣ и четвероевангеліе XVII вѣка (въ бумагахъ Добровскаго); 24) двѣнадцать рукописей различнаго содержанія въ бумагахъ Шафарика, оставшихся неизвѣстными Сперанскому, въ томъ числѣ списокъ разысканія Димитрія Ростовскаго о Брынской вѣрѣ, XVIII вѣка; 25) сборникъ Пражскаго музея изъ коллекціи Шафарика № 5 (патерикъ римскій и аскетическія поученія) съ выпискою подъ именемъ Ѳеодорита объ установленіи жертвоприношенія; 26) греческій списокъ Александріи въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ; 27) краткое описаніе Святой Земли въ сборникѣ № 34 Ватопедскаго монастыря; 28) хронографы изъ библіотеки Ватопеда, №№ 601 и 602, заключающіе въ себѣ Троянскую исторію.

Ласкинъ, *О поданіи помощи при кораблекрушеніяхъ во времена Византіи* (Спасаніе на водахъ, 1895, № 4 (апрѣль), стр. 22—25). — Сообщается нѣсколько свѣдѣній о помощи при кораблекрушеніяхъ въ Византіи во времена Македонской династіи и особенно въ XII вѣкѣ при императорѣ Андроникѣ Комнинѣ, который сдѣлалъ строгое распоряженіе

объ оказаніи со стороны прибрежныхъ жителей помощи потерпѣвшимъ на морѣ.

Е. Такай-Швили, *Сигель грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072).* (Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго общества, т. IX, выпуски 1—IV, 1896, стр. 59—68). — Помѣщенный здѣсь сигель представляетъ дарственную грамоту грузинскаго царя Баграта IV, данную имъ въ 1058 году Шіо-Мгвимской лаврѣ, потерпѣвшей убытки во время какой-то войны. Грамотой монастырю передавалась мѣстность Бурцуисъ-джуари и освобождалась отъ всякихъ податей и повинностей. Сигель подтверждается записью грузинскаго католикоса Георгія и небезызвѣстнаго въ византійской исторіи Іоанна, сына эристава-эриставовъ Липарита. Документъ любопытенъ не только въ историческомъ, но и въ юридическомъ и въ орѳографическомъ отношеніяхъ.

Е. Аничковъ, *Св. Николай и Артемида Эфесская* (тамъ же, стр. 69—78) и **П. Коковцовъ,** *Чудеса св. Николая, епископа города Миръ. Переводъ съ сирійскаго* (тамъ же, стр. 79—86). — Вторая изъ указанныхъ статей заключаетъ въ себѣ переводъ сирійской рукописи X-го вѣка о чудесахъ св. Николая, принадлежащей Британскому Музею въ Лондонѣ (Addit. 14645), а первая представляетъ анализъ этого документа со стороны данныхъ касательно легенды о св. Николаѣ и культа Артемиды Эфесской.

В. Бокъ, *Мнимый эмалевый агнецъ на костяномъ окладѣ Миланскаго собора* (Записки Имп. Русскаго Археологическаго общества, томъ VIII, вып. 3 и 4, новая серія. Спб, 1896, стр. 394—398).—Въ противоположность Лабарту, который считалъ агнца, прикрѣпленнаго на окладѣ Миланскаго евангелія изъ рѣзной слоновой кости, произведеніемъ византійской живописной эмали VI вѣка, г. Бокъ утверждаетъ на основаніи нѣкоторыхъ особенностей памятника, что агнецъ инкрустированъ не эмалью, а гранатами-кабошонами, и представляетъ единственный въ своемъ родѣ образецъ холодной инкрустаціи, исполненный въ Византіи.

Владимиръ Соловьевъ, *Византизмъ и Россія* (Вѣстникъ Европы, 1896, январь, стр. 342—359, апрѣль, 787—808). — Авторъ поставилъ себѣ цѣлью провѣрить послѣдовательною мыслью и опытомъ идею русскаго національнаго сознанія о томъ, что Россія унаслѣдовала отъ Византіи значеніе христіанскаго царства, какъ это и выражено нашими предками въ словахъ: «Два Рима пали, третій — московское царство — стоитъ, а четвертому не быть». Выясняя причину паденія Византіи, г. Соловьевъ полагаетъ, будто она пала потому, что лишь внѣшнимъ образомъ приняла идею христіанскаго царства, а на дѣлѣ отказалась отъ нея, коснѣла въ постоянномъ и систематическомъ противорѣчіи своихъ законовъ и управленія съ требованіями высшаго нравственнаго начала, невѣрно понимала и примѣняла въ общественной жизни истинную идею христіанской вѣры, имѣла полное и всеобщее равнодушіе къ *историческому дѣланію добра* и къ проведенію воли Божіей въ собирательную жизнь людей, и вслѣдствіе этого оказалась безнадежно неспособною къ своему высо-

кому назначенію — быть христіанскимъ царствомъ. Въ противоположность Византіи, Россія рано и вполнѣ поняла необходимость проведенія правилъ христіанской вѣры въ общественную жизнь и дѣятельность, какъ авторъ доказываетъ на примѣрахъ Владиміра Святаго, Владиміра Мономаха, Іоанна Грознаго и Петра Великаго... При всемъ томъ Россія не совершенно свободна отъ византизма, который, по мнѣнію г. Соловьева, проявился и въ превращеніи *вселенскаго* преданія въ преданіе *мѣстной старины*, въ пріуроченіи вселенскаго преданія къ одной церкви: на Руси такой національный партикуляризмъ въ области вѣры выразился въ дѣятельности патріарха Никона. — Разсужденія г. Соловьева о Византіи и византинизмѣ не отличаются научною доказательностью и проникнуты крайнимъ субъективизмомъ.

Священникъ Василій Преображенскій, *Преподобный Θеодоръ Студитъ и его время* (Окончаніе. Пастырскій Собесѣдникъ, 1896, № 6—9).—Двѣ послѣднія главы работы о. Преображенскаго (см. Виз. Времен., т. II и III), посвящены обзору литературной дѣятельности преподобнаго Θеодора Студита. Послѣ общей характеристики трудовъ пр. Θеодора и частнаго разсмотрѣнія его проповѣднически-нравоучительныхъ и особенно полемическихъ произведеній, о. Преображенскій излагаетъ его ученіе о почитаніи и поклоненіи святымъ иконамъ, какъ оно раскрыто въ соотвѣтствующихъ твореніяхъ преподобнаго церковнаго дѣятеля.

Н., *Христіанство и язычество въ Газѣ въ концѣ IV вѣка* (Русскій Паломникъ, 1896, № 15 и 16). Популярно описывается распространеніе христіанства въ Газѣ и дѣятельность въ пользу его газскаго епископа Порфирія.

Е. Апостолиди, *Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь и учитель, о пастырствѣ.* (Благовѣстъ, 1896, май, стр. 1—31). — Обозрѣвается ученіе св. Іоанна Златоуста о пастырствѣ на основаніи его твореній, въ связи съ его личною пастырскою дѣятельностью.

Ил. Перадзе, *Къ матеріаламъ по исторіи города Тифлиса* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1896, № 10, стр. 14—19, часть неофиціальная). — Приводятся свидѣтельства грузинскихъ, мусульманскихъ и иныхъ писателей о состояніи города Тифлиса съ V-го до XVII-го вѣка и въ частности въ византійскую эпоху.

Г. Садзагеловъ-Иверіели, *Исторія и древности Цромскаго Вознесенскаго храма* (тамъ же, № 11, стр. 14—24).—Цромскій Вознесенскій храмъ находится въ верхней Карталиніи — Сацціано, на правомъ берегу рѣки Куры, близъ г. Гори. Онъ основанъ не позже VII вѣка и имѣетъ нѣкоторыя археологическія особенности, которыя и описаны въ настоящей статьѣ.

Ил. Перадзе, *Къ матеріаламъ по исторіи христіанства въ Ширванѣ, Дагестанѣ и вообще среди кавказскихъ горцевъ* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1896, № 18, стр. 5—11, часть неофиціальная).— Приводятся извѣстія грузинскихъ писателей о распространеніи ивер-

скими миссіонерами христіанства среди мусульманскихъ и языческихъ обитателей Кавказа въ VI и слѣдующихъ вѣкахъ.

Г. Садзагеловъ-Иверіели, *Описаніе Никозской Михаило-Архангельской церкви въ Карталиніи* (тамъ же, № 20, стр. 5—12).—Описываемый въ настоящей статьѣ храмъ построенъ въ эпоху грузинскаго царя Вахтанга Великаго Горгаслана (446—499 г.) и въ археологическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія.

Я. З., *О синаксаряхъ тріодей* (С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ, 1896).—Предлагаются въ русскомъ переводѣ съ греческаго подлинника слѣдующіе синаксари: въ субботу Ваій, о св. Лазарѣ (№ 10, стр. 176—177), во Святой и Великій четвертокъ (№ 11, стр. 197—200), во Святую и Великую субботу (№ 12—13, стр. 218—219), въ пятокъ свѣтлыя седмицы (тамъ же, стр. 219—221), въ недѣлю Ѳомину (№ 14, стр. 253—255), въ недѣлю о разслабленномъ (№ 15, стр. 272—273), въ недѣлю о Самаряныни (№ 16, стр. 296—298), на Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (№ 17, стр. 316—317), въ недѣлю святыхъ 318 богоносныхъ отецъ, иже въ Никеи (№ 18, стр. 333—335) и въ понедѣльникъ Пятидесятницы, т. е. Св. Духа (№ 19, стр. 360—362).

Я. Зарницкій, *Объ огласительномъ словѣ св. Іоанна Златоуста на св. Пасху* (СПБ. Духовный Вѣстникъ, 1896, № 12—13, стр. 213—217).—Гомилетическій анализъ этого совершеннѣйшаго образца церковнаго краснорѣчія.

Два неизвѣстныхъ памятника *древне-русской иконографіи* (Русское Обозрѣніе, 1896, іюнь, стр. 824—827). — Обращается вниманіе ученыхъ на двѣ неизвѣстныя древне-русскія рукописи съ миніатюрами. Одна изъ нихъ есть напрестольное евангеліе 1470 года, принадлежащее Саввино-Сторожевскому монастырю въ Звенигородѣ, Московской губерніи, и имѣющее до 69 рисунковъ, а другая—печатная псалтирь 1634 года, хранящаяся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры и заключающая въ себѣ не меньше 966 миніатюръ, сдѣланныхъ очень тщательно перомъ въ видѣ гравюръ.

В. Георгіевскій, *Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви (преимущественно по его письмамъ)* (Окончаніе. Странникъ, 1896, іюнь-іюль, стр. 185—208).—Заканчивая обзоръ пастырской дѣятельности Василія Великаго, авторъ говоритъ о благотворительности св. отца, его ходатайствѣ за обиженныхъ и заботахъ о несчастныхъ всякаго рода. Вопросъ о сношеніяхъ св. Василія съ отдѣльными церквами по частнымъ дѣламъ пастырскаго характера, намѣченный въ планѣ настоящей статьи, оставленъ авторомъ безъ разсмотрѣнія.

Надписи въ Джерашѣ (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, 1896, апрѣль, стр. 236—246). — Разсматриваются надписи (числомъ до 7), найденныя въ Джерашѣ (въ Заіорданьѣ) инженеромъ Шумахеромъ въ 1891 году и объясненныя д-мъ Буретомъ изъ Аѳинъ. Надписи относятся къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Здѣсь же

кому назначенію — быть христіанскимъ царствомъ. Въ противоположность Византіи, Россія рано и вполнѣ поняла необходимость проведенія правилъ христіанской вѣры въ общественную жизнь и дѣятельность, какъ авторъ доказываетъ на примѣрахъ Владиміра Святаго, Владиміра Мономаха, Іоанна Грознаго и Петра Великаго... При всемъ томъ Россія не совершенно свободна отъ византизма, который, по мнѣнію г. Соловьева, проявился и въ превращеніи *вселенскаго* преданія въ преданіе *мѣстной старины*, въ пріуроченіи вселенскаго преданія къ одной церкви: на Руси такой національный партикуляризмъ въ области вѣры выразился въ дѣятельности патріарха Никона. — Разсужденія г. Соловьева о Византіи и византинизмѣ не отличаются научною доказательностью и проникнуты крайнимъ субъективизмомъ.

Священникъ Василій Преображенскій, *Преподобный Θеодоръ Студитъ и его время* (Окончаніе. Пастырскій Собесѣдникъ, 1896, № 6—9).—Двѣ послѣднія главы работы о. Преображенскаго (см. Виз. Времен., т. II и III), посвящены обзору литературной дѣятельности преподобнаго Θеодора Студита. Послѣ общей характеристики трудовъ пр. Θеодора и частнаго разсмотрѣнія его проповѣдническо-нравоучительныхъ и особенно полемическихъ произведеній, о. Преображенскій излагаетъ его ученіе о почитаніи и поклоненіи святымъ иконамъ, какъ оно раскрыто въ соотвѣтствующихъ твореніяхъ преподобнаго церковнаго дѣятеля.

Н., *Христіанство и язычество въ Газѣ въ концѣ IV вѣка* (Русскій Паломникъ, 1896, № 15 и 16). Популярно описывается распространеніе христіанства въ Газѣ и дѣятельность въ пользу его газскаго епископа Порфирія.

Е. Апостолиди, *Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ пастырь и учитель, о пастырствѣ.* (Благовѣстъ, 1896, май, стр. 1—31). — Обозрѣвается ученіе св. Іоанна Златоуста о пастырствѣ на основаніи его твореній, въ связи съ его личною пастырскою дѣятельностью.

Ил. Перадзе, *Къ матеріаламъ по исторіи города Тифлиса* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1896, № 10, стр. 14—19, часть неофиціальная). — Приводятся свидѣтельства грузинскихъ, мусульманскихъ и иныхъ писателей о состояніи города Тифлиса съ V-го до XVII-го вѣка и въ частности въ византійскую эпоху.

Г. Садзагеловъ-Иверіели, *Исторія и древности Цромскаго Вознесенскаго храма* (тамъ же, № 11, стр. 14—24).—Цромскій Вознесенскій храмъ находится въ верхней Карталиніи — Сацпціано, на правомъ берегу рѣки Куры, близъ г. Гори. Онъ основанъ не позже VII вѣка и имѣетъ нѣкоторыя археологическія особенности, которыя и описаны въ настоящей статьѣ.

Ил. Перадзе, *Къ матеріаламъ по исторіи христіанства въ Ширванѣ, Дагестанѣ и вообще среди кавказскихъ горцевъ* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1896, № 18, стр. 5—11, часть неофиціальная).— Приводятся извѣстія грузинскихъ писателей о распространеніи ивер-

скими миссіонерами христіанства среди мусульманскихъ и языческихъ обитателей Кавказа въ VI и слѣдующихъ вѣкахъ.

Г. Садзагеловъ-Иверіели, *Описаніе Никозской Михаило-Архангельской церкви въ Карталиніи* (тамъ же, № 20, стр. 5—12).—Описываемый въ настоящей статьѣ храмъ построенъ въ эпоху грузинскаго царя Вахтанга Великаго Горгаслана (446—499 г.) и въ археологическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія.

Я. З., *О синаксаряхъ тріодей* (С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ, 1896).— Предлагаются въ русскомъ переводѣ съ греческаго подлинника слѣдующіе синаксари: въ субботу Ваій, о св. Лазарѣ (№ 10, стр. 176—177), во Святой и Великій четвертокъ (№ 11, стр. 197—200), во Святую и Великую субботу (№ 12—13, стр. 218—219), въ пятокъ свѣтлыя седмицы (тамъ же, стр. 219—221), въ недѣлю Ѳомину (№ 14, стр. 253—255), въ недѣлю о разслабленномъ (№ 15, стр. 272—273), въ недѣлю о Самаряныни (№ 16, стр. 296—298), на Вознесеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (№ 17, стр. 316—317), въ недѣлю святыхъ 318 богоносныхъ отецъ, иже въ Никеи (№ 18, стр. 333—335) и въ понедѣльникъ Пятидесятницы, т. е. Св. Духа (№ 19, стр. 360—362).

Я. Зарницкій, *Объ огласительномъ словѣ св. Іоанна Златоуста на св. Пасху* (СПБ. Духовный Вѣстникъ, 1896, № 12—13, стр. 213—217).— Гомилетическій анализъ этого совершеннѣйшаго образца церковнаго краснорѣчія.

Два неизвѣстныхъ памятника *древне-русской иконографіи* (Русское Обозрѣніе, 1896, іюнь, стр. 824—827). — Обращается вниманіе ученыхъ на двѣ неизвѣстныя древне-русскія рукописи съ миніатюрами. Одна изъ нихъ есть напрестольное евангеліе 1470 года, принадлежащее Саввино-Сторожевскому монастырю въ Звенигородѣ, Московской губерніи, и имѣющее до 69 рисунковъ, а другая—печатная псалтирь 1634 года, хранящаяся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры и заключающая въ себѣ не меньше 966 миніатюръ, сдѣланныхъ очень тщательно перомъ въ видѣ гравюръ.

В. Георгіевскій, *Св. Василій Великій какъ пастырь и учитель церкви (преимущественно по его письмамъ)* (Окончаніе. Странникъ, 1896, іюнь-іюль, стр. 185—208).—Заканчивая обзоръ пастырской дѣятельности Василія Великаго, авторъ говоритъ о благотворительности св. отца, его ходатайствѣ за обиженныхъ и заботахъ о несчастныхъ всякаго рода. Вопросъ о сношеніяхъ св. Василія съ отдѣльными церквами по частнымъ дѣламъ пастырскаго характера, намѣченный въ планѣ настоящей статьи, оставленъ авторомъ безъ разсмотрѣнія.

Надписи въ Джерашѣ (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, 1896, апрѣль, стр. 236—246). — Разсматриваются надписи (числомъ до 7), найденныя въ Джерашѣ (въ Заіорданьѣ) инженеромъ Шумахеромъ въ 1891 году и объясненныя д-мъ Буретомъ изъ Аѳинъ. Надписи относятся къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Здѣсь же

помѣщена надпись, списанная въ 1895 году Франкомъ Т. Элиссомъ въ Кесаріи и объясненная д-ромъ Мурреемъ.

А. Кирилловъ, *Догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи въ твореніяхъ св. Іоанна Златоуста* (Окончаніе. Христіанское Чтеніе, 1896, май-іюнь, стр. 545—572). — Анализируются различныя мѣста изъ твореній св. Іоанна Златоуста, относящіяся къ таинству евхаристіи, особенно 24 бесѣда его на первое посланіе апостола Павла къ Коринѳянамъ (X, 16). Въ заключеніи предложены выводы.

П. Цвѣтковъ, *Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи.* 1) *Пѣснь святымъ апостоламъ Петру и Павлу* (Радость Христіанина, 1896, кн. VII, стр. 211—216). — Переводъ съ небольшимъ предисловіемъ греческаго подлинника, изданнаго кардиналомъ Питрою въ Analecta sacra (t. I. Parisiis, 1876, p. 547 squ.). 2) *Св. пророкъ Илія и вдовица сарептская* (тамъ же, кн. VIII, стр. 313—315). — Переводъ съ греческаго текста въ томъ же изданіи (p. 293 squ.). 3) *Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи* (тамъ же, кн. IX, стр. 24—31). По мнѣнію Питры, по изданію коего переведена настоящая пѣснь (Analecta sacra, t. I, p. 178 squ.), это произведеніе св. Романа есть одна изъ раннѣйшихъ его пѣсней, чѣмъ и объясняется сравнительная его слабость. 4) *Крестъ Христовъ* (тамъ же, кн. X, стр. 116—117). Переводъ изъ того же изданія (p. 472 squ.).

П. Буцинскій, *Вѣнчаніе царей на царство* (Вѣра и Разумъ, 1896, № 8, отд. 1, стр. 446—488).—Въ статьѣ рѣчь идетъ о вѣнчаніи на царство государей византійскихъ и русскихъ.

М. Соловьевъ, *Проповѣди Никифора Ѳеотоки* (Продолженіе. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1896, сентябрь, стр. 87—97). — Ударъ, нанесенный Греціи мусульманскимъ мечемъ, гибельно отразился на всѣхъ сторонахъ ея жизни и въ частности на церковной проповѣди. Со второй половины XV вѣка и до конца XVII исторія знаетъ весьма немного проповѣдниковъ въ средѣ греческаго духовенства. Въ началѣ XVIII вѣка въ Греціи открылось просвѣтительное движеніе, во время коего ожила и церковная проповѣдь. Возрожденію греческой проповѣди больше всего содѣйствовалъ Никифоръ Ѳеотоки, поученія котораго превозносятся всѣми греческими учеными. Послѣ Никифора осталось два сборника проповѣдей. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе «Λόγοι εἰς τὴν ἁγίαν καὶ μεγάλην Τεσσαρακοστήν». Помѣщенныя здѣсь проповѣди отличаются простотою и изложены общедоступнымъ языкомъ. Вторымъ и послѣднимъ гомилетическимъ трудомъ Никифора, гдѣ выразились всѣ его богословскія познанія и ясно опредѣлился его проповѣдническій талантъ, былъ знаменитый его «Κυριακοδρόμιον» въ двухъ частямъ, первая изъ которыхъ содержитъ бесѣды и толкованія на евангельскія чтенія каждой недѣли, а вторая—на апостольскія чтенія. Киріакодроміи издавались до пяти разъ и пользуются весьма широкимъ распространеніемъ на Востокѣ. Они чи-

таются, по рекомендаціи греческаго синода и правительства, и въ церкви, и въ школѣ, и дома и служатъ всеобщею настольною книгою.

М. Сперанскій, *Къ вопросу о чешскихъ придорожныхъ крестахъ* (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1896, № 4, стр. 105—107).—Дополняя свою статью о придорожныхъ крестахъ въ Чехіи и Моравіи (Виз. Врем., т. III, в. 1, стр. 168), г. Сперанскій приводитъ описанія еще четырехъ придорожныхъ крестовъ, сдѣланныя моравскими и чешскими учеными и не подверждающія ихъ кирилловскаго происхожденія.

Д. Ѳаворскій, *Молитва въ стихахъ. Твореніе св. Романа Сладкопѣвца. Переводъ съ греческаго подлинника.* (Радость Христіанина, 1896, кн. XI, стр. 191—193).—Переводъ сдѣланъ съ греческаго оригинала, изданнаго Пападопуло-Керамевсомъ въ Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, 1891 (№ 15).

П. Цвѣтковъ, *Пѣснь всѣмъ святымъ Св. Романа Сладкопѣвца. Переводъ съ греческаго подлинника* (тамъ же, стр. 194—200).—Переводъ сдѣланъ съ текста въ Analecta sacra Питры (t. I, p. 165 squ.). Переводу предшествуетъ небольшое предисловіе о содержаніи и составѣ пѣсни.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Н. П. Кондаковъ, Византійскія эмали. Собраніе А. В. Звенигородскаго. Исторія и памятники византійской эмали. Спб. 1892. Рецензія г. **В. Бока** въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. VIII, выпуски 3 и 4, новая серія, Спб. 1896. Стр. 399—402.

Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ. Изслѣдованіе въ области иконографіи и стиля древне-христіанского искусства. Спб. 1895. Рецензія г. **С. Ж.** тамъ же, стр. 402—404.

Н. В. Покровскій, Сійскій иконописный подлинникъ. Памятники древней письменности. CVI. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1895. Рецензія г. **Д. А.** тамъ же, стр. 407—408.

Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, томъ XVIII. Одесса. 1895. Рецензія г. **С. Ж.** тамъ же, стр. 410—412.

Archéologie chrétienne. Les Saints de la Messe et leurs monuments par Ch. Rohault de Fleury. T. I—III. Paris. 1893—1895. Рецензія г. **С. Ж.** тамъ же, стр. 427.

Протоіерей П. Преображенскій, Писанія мужей апостольскихъ въ русскомъ переводѣ. Спб. 1895. Библіографическая замѣтка г. **М. М.** въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, 1896, № 1, стр. 17.

А. Дмитріевскій, Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 года. Кіевъ. 1894. Рецензія г. профессора **Н. В. Покровскаго** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, сентябрь-октябрь, стр. 406—415, въ статьѣ: «Къ исторіи острова Патмоса». Рецензія составлена по порученію Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, куда означенное сочи-

неніе было представлено на соисканіе преміи митрополита Макарія, коей оно и удостоено въ размѣрѣ тысячи рублей.

Лугъ Духовный. Твореніе блаженнаго Іоанна Мосха. Переводъ съ греческаго священника Михаила Хитрова. Рецензія г. **R.** въ СПБ. Духовномъ Вѣстникѣ, 1896, № 9, стр. 171—172.

Ѳедоръ Дыдынскій, заслуженный профессоръ Варшавскаго университета. Императоръ Адріанъ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Съ портретомъ (императора Адріана) и картою (Римской имперіи примѣнительно къ путешествіямъ императора Адріана). Варшава. 1896. Рецензія г. **Б. Никольскаго** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, августъ, стр. 513—517.

Бернгардъ Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1896. Рецензія г. **К. Л-го** тамъ же, стр. 519—521.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита. По рукописи Московской Синодальной библіотеки издалъ И. Помяловскій. С.-Петербургъ. 1894. Рецензія **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, іюль, стр. 180—190.

Епископъ Порфирій Успенскій, Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки. Часть I. Спб. 1895. Рецензія г. **К. Х.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, іюль, стр. 219—221. — Часть II. Спб. 1896. Рецензіи: г. **К. Х.** тамъ же и **И. Соколова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, августъ, стр. 396—410.

Іеромонахъ Ѳеодосій Олтаржевскій, Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 44. Спб. 1896. Рецензія г. **С.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, іюль, стр. 221—223.

Н. Каптеревъ, Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 43. Спб. 1896. Рецензія г. **К. Х.** тамъ же, стр. 225—226.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй. Славянорусскій прологъ. Часть первая. Сентябрь-декабрь. Изданіе журнала «Странникъ» подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896. Рецензія въ Русскомъ Обозрѣніи, 1896, іюнь, стр. 857—859, г. **Н. Барсова** въ Христіанскомъ чтеніи 1896, май-іюнь, стр. 740—743.

Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des Origines à 1405. Paris. 1896. Рецензія г. **В. Бартольда** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, іюнь, стр. 366—384.

Das Christentum und die Geschichte. Ein Vortag von D. Adolf Harnack, ord. Prof. der Kirchengeschichte an der Univ. Berlin. Leipzig. 1896. Рецензія г. **Н. Писаревскаго** въ журналѣ «Радость Христіанина», 1896, кн. X, стр. 118—151.

Die Kanones der wichtigsten altkirchlichen Concilien nebst den Apostolischen Kanones, herausgegeben von Lic. Dr. Friedrich Lauchert,

Professor am altkatholischen theologischen Seminar in Bonn. Leipzig, 1896. Рецензія г. **В. Болотова** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1896, іюль-августъ, стр. 178—195.

Епископъ Арсеній, Георгія Схоларія сочиненіе: «Новый мыслитель». Греческій текстъ и русскій переводъ. Новгородъ. 1896. Рецензія г. **Н. Барсова** тамъ же, стр. 195—198.

Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, отъ паденія Констансинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. Томъ первый. Заслуженнаго профессора Московской духовной академіи А. П. Лебедева. Сергіевъ посадъ. 1896. Рецензія **И. С.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, октябрь, стр. 316—318.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть III. Съ 1 января 1846 по 20 марта 1850 года. Спб. 1896. Рецензія г. **В. Б.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, октябрь, стр. 322—324,

Byzantinische Zeitschrift B. V, Heft. 1, 1896. Рецензія г. **Е. Рѣдина** въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, 1896, № 5—6, стр. 196—197.

Архіепископъ Сергій, Преподобный Михаилъ Малеинъ... Вязники. 1896. Рецензія тамъ же, № 7—8, стр. 245.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«**Byzantinische Zeitschrift**» *herausgeg. von K. Krumbacher*. Band. V, Heft 3 — 4.

Въ отдѣлѣ I-мъ («Изслѣдованія») помѣщены слѣдующія статьи:

C. Brockelmann, *Die armenische Übersetzung der Geoponica* (стр. 385—410).

Извѣстный греческій текстъ Geoponica есть компиляція изъ Анатолія, Дидима и пр. Сирійскій переводъ Анатолія сохранился лишь въ видѣ извлеченія, и притомъ всего въ одной, сильно испорченной, рукописи. Арабскій сдѣланъ не съ подлинника, а съ сирійскаго перевода, и къ тому же очень вольно. Наконецъ армянскій переводъ, изданный Мехитаристами въ Венеціи въ 1877 г., до сихъ поръ не подвергался вовсе изслѣдованію; цѣль автора настоящей статьи — рѣшить, на сколько онъ пригоденъ для возстановленія сочиненія Анатолія. По его мнѣнію, подкрѣпленному преимущественно лексическими данными, переводъ этотъ сдѣланъ не въ XIII вѣкѣ, какъ думали издатели, а значительно позже, именно въ концѣ среднихъ вѣковъ; и не съ греческаго, а съ арабскаго текста, однако не съ извѣстнаго, дошедшаго до насъ, перевода Kostâ. Онъ названъ во введеніи полнымъ переводомъ съ «14 книгъ Бонія (= Юнія = Виндапія) Анатолія», и сличеніе его содержанія, а также именъ и количества (12) цитуемыхъ имъ авторовъ, съ данными и указаніями текстовъ греческаго и сирійскаго показываетъ его полную не-

зависимость отъ этихъ послѣднихъ и гораздо большую его полноту сравнительно съ ними. Авторъ заключаетъ, что, хотя и нельзя быть увѣреннымъ, что армянскій переводъ сдѣланъ съ точнаго арабскаго, несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ онъ даетъ текстъ, болѣе близко подходящій къ подлинному Анатолію, чѣмъ всѣ другія, дошедшія до насъ, обработки его.

R. Wünsch, *Zu Lydus de ostentis* (стр. 410 — 421).

Въ сборникѣ Парижской Національной библіотеки suppl. gr. 20 находится отрывокъ разсужденія о людяхъ, презирающихъ античную науку о небесныхъ явленіяхъ. Отрывокъ носитъ имя Іоанна Лида, (сына) Лаврентія, и, какъ показываетъ Wünsch, по языку и по содержанію вполнѣ соотвѣтствуетъ утраченному началу книги Лида de ostentis. Затѣмъ авторъ сопоставляетъ и дополняетъ извѣстія Wachsmuth'a и другихъ о рукописяхъ Лида и отрывкахъ разныхъ его сочиненій и наконецъ печатаетъ два новыхъ текста, аналогичныхъ по содержанію: первый (περὶ βροντῶν) изъ Ambros. E. 81 f. 315 r, второй (каландалогій, т. е. примѣты на 1-е января, смотря по дню недѣли, на который случится пасть этому числу) изъ Vatic. gr. 1823 f. 103 v., XV вѣка; послѣдній текстъ несомнѣнно зависитъ отъ περὶ μηνῶν IV, 10 Іоанна Лида, такъ что воочію видно, какъ это суевѣріе жило въ теченіе всѣхъ почти среднихъ вѣковъ.

C. E. Gleye, *Beiträge zur Johannesfrage* (стр. 422 — 464).

Послѣ краткаго изложенія ранней исторіи вопроса о хроникѣ Іоанна Малалы и болѣе подробнаго — послѣднихъ работъ по нему Патцига, Брукса, Шестакова и своихъ, авторъ приступаетъ къ детальному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ его сторонъ въ связи съ критикой воззрѣній другихъ ученыхъ по тому же предмету. Во-первыхъ, онъ доказываетъ подробно свою мысль, что еще до присоединенія XVIII-й книги 17 первыхъ подверглись переработкѣ, такъ какъ цитаты изъ Іоанна Ритора, касающіяся антіохійскихъ событій, у Евагрія и другихъ писателей, имѣвшихъ подъ руками полнаго Малалу (напр. у Іоанна Ефесскаго), оказываются полнѣе, чѣмъ (почти совпадающіе) тексты оксфордской рукописи и славянскаго Малалы. Далѣе доказывается, что Евагрій пользовался Іоанномъ Риторомъ при описаніи и не антіохійскихъ событій, при чемъ признакомъ такого пользованія служитъ датировка ихъ по антіохійской эрѣ; и въ этихъ случаяхъ изъ такихъ же сличеній ясно, что текстъ Іоанна Ритора, лежащій въ основѣ Евагрія, былъ полнѣе, а также толковѣе и содержательнѣе, чѣмъ наши тексты Малалы. При сличеніяхъ этихъ авторъ постоянно оглядывается, то соглашаясь, то полемизируя на работы г. Шестакова. Переработка произведена почти повсюду во вредъ тексту, видимо невѣжественной рукой. Слѣдуетъ разборъ доказательствъ Патцига, принятыхъ Ваксмутомъ и Крумбахеромъ, что ни у автора Пасхальной хроники, ни у Евагрія нѣтъ слѣдовъ пользованія XVIII-й книгой, съ выводомъ, что, напротивъ, и оксфордскій Малала и Пасхальная хроника, и Θеофанъ (что видно особенно изъ его раз-

сказа о возстаніи Νίκα) выписываютъ одинъ источникъ, т. е. подлиннаго Іоанна Ритора. Затѣмъ вопросъ о монофизитствѣ Іоанна Ритора ставится — согласно съ взглядомъ автора, что нашъ Малала не тождественъ съ первоначальнымъ — въ формѣ: есть ли въ текстѣ Малалы слѣды монофизитскихъ воззрѣній? и рѣшается въ положительномъ смыслѣ, опять вопреки Патцигу, разборомъ разсказа о попыткѣ императора Анастасія ввести слова «распныйся за ны» въ Трисвятое.

Слѣдуетъ сличеніе разсказа о Троянской войнѣ *полнаго* Малалы (оксфордскій текстъ + ἐκλογὴ Paris. 854 и славянскій переводъ) и Іоанна Антіохійскаго, изданнаго по Vindob. Hist. Graeca 98/99 A. Heinrich'омъ, чтобы рѣшить споръ Ноакка съ Патцигомъ, зависитъ или нѣтъ отъ Малалы Іоаннъ Антіохійскій? Авторъ рѣшительно становится на сторону второго мнѣнія (Ноакка). Къ вопросу, какъ вообще относился Малала къ своимъ оригиналамъ, авторъ обѣщаетъ еще вернуться въ изслѣдованіяхъ о Troica Кедрина и др. Въ заключеніе пересматривается еще вопросъ: пользовался ли Іоаннъ антіохійскій Прокопіемъ, какъ думаетъ Патцигъ, или нѣтъ, какъ думаетъ де Бооръ? Авторъ, въ согласіи со своими взглядами вообще, находитъ, что несомнѣнныхъ данныхъ за такое пользованіе нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и основаній время жизни Іоанна Антіохійскаго полагать послѣ Прокопія.

A. Burckhardt, *Der Londoner Codex des Breviarium des Nikephoros P.* (стр. 465 — 477).

Авторъ подробно описываетъ рукопись Британскаго музея additional 19390, содержащую бесѣды Іоанна Дамаскина и оба историческіе труда патріарха Никифора, упущенную изъ вида Де-Бооромъ, и опредѣляетъ ея отношеніе къ другимъ, особенно къ Ватиканской. Рукопись эта очень любопытная и очень древняя: первая рука ея относится къ началу правленія императора Θеофила (829 г.), вторая — къ эпохѣ Никифора Фоки, третья — доводитъ списокъ императоровъ до 1204 г. Результаты своихъ изысканій авторъ самъ заключаетъ въ слѣдующіе тезисы:

A) Относительно χρονογραφικὸν σύντομον:

1) Первоначальное заглавіе гласило: Νικηφόρου τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου χρονογραφικὸν ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι τοῦ παρόντος [1]).

2) Первоначально трудъ былъ доведенъ до 829 года.

3) Списокъ константинопольскихъ патріарховъ отъ ап. Андрея до Митрофана прибавленъ былъ около 850 г. [2]).

4) Тогда же прибавлены были списки восточныхъ патріарховъ, родословіе Валентиніана, списки императрицъ, израильскихъ царей, іудейскихъ первосвященниковъ и книгъ священнаго Писанія, и подсчитаны суммы годовъ.

1) Курсивъ мой; имъ обозначено точное заглавіе этого сочиненія въ Londin. 19390.

2) Эта часть списка отсутствуетъ въ Londin., но есть уже въ переводѣ Анастасія библіотекаря.

В) Относительно ἱστορία σύντομος:

1) Лондонскій списокъ есть сборникъ матеріала, собраннаго патріархомъ Никифоромъ для своей исторіи за 602—713 годà (Дальше этого года Londin. не идетъ).

2) Составъ этого матеріала слѣдующій: за 602—614 года—хроника неизвѣстнаго автора, которую Никифоръ значительно переработалъ и которой повидимому никто, кромѣ него, не пользовался; за 614—713 г.—другая хроника, списанная Никифоромъ почти буквально и бывшая подъ руками и у Θеофана.

3) Londin. не архетипъ ватиканскаго и прочихъ списковъ; оба представляютъ относительно другъ друга добавленія; ватиканскій вообще полнѣе лондонскаго.

Взглядъ автора на генеалогію этихъ списковъ яснѣе всего виденъ изъ слѣдующей, данной имъ, таблицы:

Утраченная хроника анонима.
|
Утраченный списокъ анонима, сдѣланный Никифоромъ.
/ \
Лондонскій списокъ — Оригиналъ переработки анонима Никифоромъ.
|
Ватиканскій списокъ.

Въ заключеніе авторъ описываетъ еще другой лондонскій списокъ Никифора, additional 34060, XV в. Онъ ближе всего къ Paris. suppl. gr. 67, и къ родственному послѣднему Monac. graec. 510; однако, прямой зависимости между ними нѣтъ, такъ что слѣдуетъ предположить для нихъ лишь общій архетипъ.

J. Dräseke, *Zu Photios' Biblioth. Cod. 1* (стр. 478—480).

Подъ Cod. 1 своей «Библіотеки» Фотій говоритъ о книгѣ Θеодора Пресвитера въ защиту подлинности сочиненій св. Діонисія (Ареопагита). Указавъ на трудность видѣть въ этомъ Θеодорѣ Θеодора Мопсуэстійскаго [1]) или Θеодора Студита, авторъ указываетъ, отчасти на основаніи соображеній Stiglmayr'а и Le Nourry, какъ на возможнаго автора, на палестинскаго пресвитера Θеодора, писателя половины VII вѣка, автора сочиненія Περὶ τῆς θείας ἐνανθρωπήσεως, и современника знаменитаго поклонника псевдодіонисіевыхъ твореній, св. Максима Исповѣдника.

L. Voltz, *Zu dem* Παράδεισος *des Iohannes Geometres* (стр. 481—483).

Lauchert указалъ (Byz. Ztschr. IV 125 сл.), что Παράδεισος, отмѣченный у Фабриція-Гарлеса какъ неизданное произведеніе препод. Нила

1) Это неудобно уже потому, что возникновеніе псевдодіонисіевыхъ сочиненій не ранѣе конца V-го вѣка становится что далѣе, то вѣроятнѣе (работы Stiglmayr'a, Nilles'a и др.).

Старшаго, давно напечатанъ съ именемъ истиннаго автора — Іоанна Геометра. Настоящая замѣтка дополняетъ, что онъ напечатанъ и съ именемъ Нила, но подъ другимъ заглавіемъ (въ Acta philologorum Monacensium III 63 — 118 за 1820 г.), и указываетъ рукописи, какъ послужившія для этого изданія, такъ и другія, изъ которыхъ Oxoniensis Coll. Linc. 10 saec. XVII остался незамѣченнымъ Laucherť'омъ.

K. Prächter, *Die römische Kaisergeschichte bis auf Diokletian in cod. Paris. 1712 und cod. Vatic. 163* (стр. 484 — 537).

Анонимная хроника Paris. 1712 отъ сотворенія міра до восточнаго похода Никифора Фоки при императорѣ Романѣ II-мъ, изданная Комбефизомъ и затѣмъ перепечатанная въ боннскомъ изданіи, по недосмотру съ именемъ Симеона Логоѳета, относится къ обширному циклу хроникъ, въ основѣ которыхъ, по изслѣдованіямъ Де-Боора и Патцига, лежитъ въ разныхъ редакціяхъ какая-то краткая, неизвѣстная въ подлинникѣ хроника, условно называемая изслѣдователями Epitome (см. Виз. Врем. III, вып. 1, стр. 189). Возстановленіе этой послѣдней — вотъ задача, придвинуть которую къ рѣшенію пытается авторъ настоящей статьи. Онъ даетъ, во-первыхъ, подробное описаніе внѣшняго вида и опись содержанія парижской рукописи, по листамъ, и затѣмъ подробно разбираетъ и сличаетъ ея извѣстія за періодъ отъ Юлія Цезаря до Діоклетіана съ сродными текстами, преимущественно съ Кедриномъ, Vatic. 163, Львомъ Грамматикомъ, Георгіемъ Монахомъ редакціи Vindob. 40, и имъ же редакціи Coisl. 310 и Paris 1705. Усвоеніе довольно сложныхъ результатовъ этихъ сличеній облегчается даннымъ на послѣднихъ страницахъ статьи резюме.

M. Treu, *Manuel Holobolos* (стр. 538 — 559).

Жизнеописаніе и очеркъ литературной дѣятельности ритора, поэта и протосинкелла Мануила Олобола, дѣйствовавшаго при дворѣ импер. Михаила Палеолога и Андроника Старшаго. Въ началѣ статьи авторъ перечисляетъ немалочисленныхъ соименниковъ своего героя (Мануилъ Риторъ XV-го в., Мануилъ Богословъ въ концѣ XV в. и др.), съ которыми онъ иногда смѣшивается, и указываетъ, наоборотъ, что поэтъ Мануилъ и протосинкеллъ Максимъ Олоболъ, иногда раздѣляемые, — одно лицо. Затѣмъ излагаются, по Георгію Пахимеру, біографическія данныя о Мануилѣ съ критическими замѣчаніями и дополненіями изъ Григорія Кипрскаго, и затѣмъ дается обозрѣніе литературныхъ трудовъ Мануила, съ указаніемъ изданій и рукописей. Нѣкоторые, напр., гимнъ на Богоявленіе (изъ Vindob. 321), моностихи на Страсти Христовы (Laur. Conv. Soppv. 627), эпитафія на Константина Комнина Маліасина напечатаны здѣсь впервые цѣликомъ. Въ отдѣлѣ о прозаическихъ произведеніяхъ доказывается, что переводъ топики Боэція напрасно приписывается Максиму Планудѣ, такъ какъ изъ несомнѣнныхъ сочиненій этого послѣдняго ясно, что онъ перевелъ лишь *одно* сочиненіе Боэція (consolatio), а о топикѣ имѣлъ лишь смутное представленіе; по этому поводу дается

текстъ письма — по надписанію Плануды, а по автору нашей статьи Олобола — о переводѣ топики изъ cod. Riccard. 50.

Jos. Sturm, *Franciscus Graecus, ein unbekannter Handschriftenschreiber des 16. Lahrhunderts* (стр. 560 — 564).

Въ cod. Vatic. 1898, на листахъ 85—111, помѣщенъ λόγος ἀντιοχικός Ливанія, списанный нѣкимъ Францискомъ Грекомъ и отправленный имъ въ качествѣ пробной работы неизвѣстному лицу, какъ мы узнаемъ изъ препроводительнаго письма писца, занимающаго 110-й листъ. Изъ этого въ своемъ родѣ единственнаго документа видно, что Францискъ Грекъ имѣлъ предложенія постоянныхъ занятій отъ кардинала (Никколо) Ридольфи, племянника папы Льва X († 1550), и его родственника кардинала (Джіованни) Сальвіати († 1553), значитъ еще во 2-й четверти XVI в., когда въ Италіи дѣйствовали уже греческія типографіи, продолжали состоять на частной службѣ у высокопоставленныхъ лицъ писцы-иностранцы.

Spyr. Lambros, *Zwei Berichtigungen und Ergänzungen zu Rhallis-Potlis* (стр. 565—566).

Онъ же, *Ein Griechisches Palimpsest in Wien* (стр. 566).

Первая замѣтка дополняетъ имя адресата — Іоанна Авторіана — къ одному каноническому письму Вальсамона (Σύνταγμα τ. θ. κ. ἱερ. κανόνων, IV, 523) по Номоканону cod. 120 аѳонскаго монастыря Διονυσίου и исправляетъ по нему же дату опредѣленія патріарха Михаила Керулларія о запрещеніи брака въ 7-й степени родства съ 1056/7-го на 1051/2 годъ; во второй указано, что Cod. Phil. CLVIII Вѣнской библіотеки есть палимпсестъ изъ 4-хъ разныхъ сочиненій: два изъ нихъ теперь трудно опредѣлимы, въ 2-хъ другихъ можно разобрать житіе Іоанна Дамаскина, составленное Іоанномъ патріархомъ іерусалимскимъ, и начало Евангелія отъ Луки.

P. Orsi, *Incensiere bizantino della Sicilia* (стр. 567 — 569, съ рисункомъ въ текстѣ).

См. ниже стр. 713.

J. B. Bury, *A Greek Word in the Liber Pontificalis* (стр. 570 — 571).

См. ниже стр. 713.

Joh. Dräseke, *Zum Kircheneinigungsversuch des Jahres 1439* (572—586).

Эта статья тѣсно связана съ прежними работами того же автора о флорентійскомъ соборѣ, напр. «Zu Georgios Scholarios» (Byz. Ztschr. IV, 561 — 580) и др. Она содержитъ исторію первыхъ годовъ послѣ флорентійскаго собора отчасти по письму Марка Ефесскаго къ Ѳеофану (Ὀρθόδοξος Ἑλλάς 106); далѣе авторъ защищаетъ свою хронологію смерти Марка—1443 г.—противъ письменныхъ возраженій Никифора Калогераса, поддерживающихъ старое мнѣніе Геллера, Гасса и Димитракопула. Затѣмъ разбираются личныя отношенія къ вопросу о церковномъ единеніи императора Іоанна Палеолога и дается подробная исторія церковныхъ дѣлъ при Константинѣ Палеологѣ, при чемъ сообщается текстъ воззванія Ген-

надія къ византійцамъ 1-го ноября 1452 г. по поводу прибытія кардинала Исидора (Ркп. Моск. Синод. Библ. 208) и часть его письма къ собору въ дворцѣ Ксилалѣ (изъ Димитракопула, Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας, стр. 166 — 172).

Второй отдѣлъ состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

Н. Покровскій, *Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства.* Спб. 1894. Рец. *E. Dobbert* (стр. 587 — 600).

Ch. Diehl, *L'art byzantin dans l'Italie méridionale* (Bibliothèque internationale de l'art). Paris 1894. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 600 — 601).

Al. Gayet, *L'art arabe.* Paris, Quantin 1893. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 601).

H. Braun, *Die Nachahmung Herodots durch Procop.* (Beilage zum Jahresbericht 1893/4 des. k. alten Gymnasiums zu Nürnberg). Nürnberg 1894. Рец *Aug. Heisenberg* (стр. 602 — 605).

Aug. Heisenberg, *Studien zur Textgeschichte des Georgios Acropolites.* Münchener Dissertation. Landau 1894. Рец. *M. Treu* (стр. 605 — 606).

Μ. Ἰ. Γεδεών, Τυπικὸν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Αὐξεντίου σεβασμίας μονῆς Μιχαὴλ τοῦ Ἀρχαγγέλου. К-ль, 1895. Рец. *Ph. Meyer* (стр. 606).

И. Тимошенко, *Византійскія пословицы и ихъ славянскія параллели.* (Русскій Филологическій Вѣстникъ, Варшава, 1894 вып. 3 — 4, 1895 вып. 1, 2 и 3 и отдѣльно). Рец. *А. Семенова* (стр. 607 — 608).

Ст. Новаковић, *I. Пшињски поменик. II. Апокрифско житије свете Петке. III. Животъ св. Василија Новог.* Споменик крал. Академии XXIX 1895. Рец. *M. Rešetar* (стр. 608 — 609).

M. A. Heinemann, *Quaestiones Zonareae,* I. Lips. et Dresdae 1895. Рец. *Theodor Büttner-Wobst* (стр. 610 — 611).

S. G. Hatherley, (Mus. B. Ox.), *A Treatise on Byzantine Music.* London, Gardner 1892. Рец. *Hugo Riemann,* (стр. 611 — 612).

Въ отдѣлѣ III (стр. 613 — 648) обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія указанныя редакціей книги и статьи:

По литературѣ, библіологіи, исторіи науки и фольклору:

Joh. Dräseke, *Zu Proklos «Hymnos auf Gott».* Ztschr. f. wissenschaftliche Theologie 39 (1896) 293 — 303. Къ мнѣнію Дрэзеке, что «Гимнъ къ Богу», приписываемый св. Григорію Назіанзину, принадлежитъ Проклу и носитъ явные слѣды Гераклитовскихъ воззрѣній и даже способа выраженія, рецензентъ C. W(eyman) относится вполнѣ отрицательно, и врядъ ли возможно другое отношеніе къ нему.

V. Oblak, *Eine Bemerkung zur ältesten südslavischen Geschichte.* Archiv für slav. Philol. 18 (1896) 228 — 234. Касается объясненія нѣкоторыхъ извѣстій сочиненія de administrando imperio Константина Порфиророднаго.

Eug. Oder, *Anecdota Cantabrigiensia.* Wissensch. Beilage zum Jahresbericht d. Friedrichs-Werderschen Gymnasiums zu Berlin. Berlin, R. Gaertner 1896. Даются новые тексты изъ Cod. Cantabrig. Emman. Coll. 3, 19 и въ связи съ тѣмъ новыя свѣдѣнія о греческой ветеринаріи и зоологіи. См. Виз. Врем. III, 2, стр. 416.

Otto Carnuth, *Das Etymologicum Florentinum parvum und das sogenannte Etymologicum Magnum Genuinum.* Festschrift zum 70-ten Geburtstage Oskar Schade's. Königsberg, Hartung 1896, стр. 1 — 42.

Fridericus Marx, *Incerti auctoris de ratione dicendi ad C. Herennium libri IV.* Lipsiae, Teubner 1894. Для византиниста важно введеніе, гдѣ указывается, что греческій переводъ lib. III c. 16 — 24 полонъ ошибокъ и для установленія текста служить не можетъ. Переводъ напечатанъ на стр. 54 — 59.

Arthur Ludwich, *Die homerische Batrachomachia des Karers Pigres nebst Scholien u. Paraphrase.* Leipzig, Teubner 1896. Изданіе сдѣлано по 74 рукописямъ. Для насъ важны византійскія схоліи Мануила Мосхопула, Лаоника Критскаго и др., и парафраза Θеодора Газскаго.

Franz Hanna, *Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas nach dem Codex Vindobonensis theolog. 193.* Jahresber. über das K. K. Akademische Gymnasium in Wien. Wien 1896. Одна изъ предварительныхъ работъ къ изданію; за ней должны послѣдовать обработки Cod. Vindob. Suppl. 77 и Oxon. Miscell. 284.

F. Kampers, *Die deutsche Kaiseridee in Prophetie u. Sage.* München, Dr. Lüneburg 1896. Говорится между прочимъ о византійской литературѣ пророчествъ VIII-го и IX-го вѣковъ (Лжемеθодій и др.).

W. Wattenbach, *Das Schriftwesen im Mittelalter.* 3-te Auflage. Leipzig, S. Hirzel 1896. Вышло третьимъ дополненнымъ изданіемъ. «Byz. Ztschr.» обѣщаетъ подробную рецензію.

Victor Schultze, *Rolle und Codex.* Ein archäologischer Beitrag zur Geschichte des Neuen Testaments. (Theol. Abhandl. Hermann Cremer zum 25 jähr. Professorenjubiläum dargebracht. Gütersloh, 1895, стр. 147—158). На основаніи пластическихъ памятниковъ показывается исторія смѣны свитка книгой въ исторіи книжнаго дѣла.

F. X. v. Funk, *Die Zeit des codex Rossanensis* (Histor. Jahrb. 1896, 331—342). Авторъ относитъ россанское Евангеліе къ VIII-му или даже IX-му вѣку на основаніи одной иконографической подробности въ изображеніи тайной вечери.

Rudolf Beer, *Eine Handschriftenschenkung aus dem Jahre 1443 (Johannes de Ragusio's Bibliothek).* Serta Harteliana (Wien 1896) стр. 270—274. Собраніе кардинала Іоанна Стойковича съ 1559 г. составляетъ главный фондъ рукописей Базельской городской библіотеки. Бееромъ напечатанъ актъ о дареніи библіотеки базельскому конвенту духовенства; инвентаря нѣтъ, но его замѣняютъ записи о состояніи библіотеки доминиканцевъ въ XVI столѣтіи.

По языку, метрикѣ и музыкѣ:

Wilh. Schmid, *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionys von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus.* 4 Band. Stuttgart, Kohlhammer 1896. 734 стр. 8°. Настоящій 4-й томъ посвященъ Филострату Второму. Референтъ К. Крумбахеръ особенно рекомендуетъ вниманію лингвист и нелингвистовъ заключительную главу, подводящую итогъ всѣмъ 4-мъ томамъ изслѣдованія.

J. J. Hess, *Zur Aussprache des Griechischen* (Griechische Umschriften demotischer Wörter). Indogerm. Forschungen 6 (1896), 123—134. О греческомъ произношеніи въ Египтѣ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. на основаніи папирусовъ лейденскихъ и лондонскихъ.

A. Thumb, *Die mittel- und neugriechische Sprachforschung (mit Einschluss der* Κοινή*) in den Jahren 1892—95.* Anzeiger für indogerm. Sprach- und Altertumskunde. 6 (1896), 210—232. Богатая библіографія по лингвистикѣ, этнографіи и фольклору Византійской эпохи.

Hermann Stadler, *Lateinische Pflanzennamen im Dioskorides.* Archiv für lateinische Lexikographie 10 (1896), 83—115. Списокъ въ алфавитномъ порядкѣ «ромейскихъ» синонимовъ, стоящихъ въ рукописяхъ Діоскорида послѣ греческихъ, и писанныхъ тою же рукою, такъ что самыя названія относятся ко времени не позже начала VI-го вѣка.

Johann Huemer, *Unverstandenes in Freculf's Chronicon.* Serta Harteliana (Wien 1896), 39—43. На обращеніи Фрекульфа (хроника его окончена около 830 г.) съ текстами блаженнаго Іеронима, содержащими греческія слова, показывается, что онъ не зналъ по-гречески и не предполагалъ такого знанія у императрицы Юдиѳи, которой посвящена часть его труда.

Wilh. Meyer aus Speyer, *Pitra, Mone und die byzantinische Strophik.* Sitzungsber. der philos.-philol. Cl. der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1896. стр. 49—66. Въ сочиненіи Моне: «Lateinische Hymnen des Mittelalters», явившемся въ 1853—55 гг., поэтическія формы византійской церковной пѣсни угаданы и разобраны лучше, чѣмъ у Питры; послѣднему, значитъ, принадлежитъ не пріоритетъ, а лишь самостоятельность открытія.

По богословію:

Nicolaus Nilles S. J., *Kalendarium manuale utriusque ecclesiae orientalis et occidentalis* auspiciis commissarii apostolici auctius atque emendatius iterum edidit N. N. Tomus I. Oeniponte, F. Rauch 1896. Содержитъ списокъ Ἑορτολόγια и сочиненій по литургикѣ, которыми пользовался авторъ, съ примѣчаніями и объясненіями, комментарій къ кругу неподвижныхъ праздниковъ, рядъ «Anhänge»: о церковномъ календарѣ въ западной церкви, у русиновъ, сербовъ, сирійцевъ, о положеніи восточной церкви въ Австро-Венгріи и т. д., и Index Sanctorum. Сочиненіе это имѣетъ почетную извѣстность со времени перваго изданія и теперь, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, безъ сомнѣнія, сохранитъ ее.

Josephus Fessler, *Institutiones patrologiae* quas denuo recensuit, auxit, edidit Bernardus Jungmann. Tomi II pars 2. Innsbruck, Rauch 1896. XI + 711 стр. За смертью Юнгманна обработку окончили Hebbelynck и Lamy. 1-й томъ лекцій Фесслера въ обработкѣ проф. Юнгманна явился въ свѣтъ въ 1890, 1 часть 2-го въ 1892 г. Являясь въ содержаніи нѣсколько устарѣвшими, онѣ все-таки имѣютъ немалую цѣнность; особенно ихъ точныя изложенія святоотеческихъ твореній.

Funk, *Die pseudojustinische Expositio rectae fidei.* (Schluss). Theol. Quartalschrift 78 (1896) 224—250. Доводится до конца доказательство, что краткая редакція разбираемаго сочиненія — извлеченіе изъ пространной, а не первоначальная (противъ Дрэзеке).

Adolf Harnack, *Die pseudojustinische Rede an die Griechen* (Sitzungsber. d. preuss. Akad. 1896, 627 — 646). Дается нѣмецкій переводъ съ сирійскаго, сдѣланный Baethgen'омъ, рѣчи πρὸς Ἕλληνας въ редакціи вулевта Амвросія III-го вѣка и для сравненія текстъ по погибшему въ 1870 г. страсбургскому кодексу Юстина.

Nathanael Bonwetsch, *Die handschriftliche Überlieferung des Danielcommentars Hippolyts.* (Nachrichten v. d. Kgl. Ges. d. Wissensch. zu Göttingen, philol.-hist. Classe 1896, 16 — 42).

Carl Albr. Bernoulli, Das Konzil von Nicaea. Habilitationsvortrag. Freiburg i. B. & Leipzig, Mohr 1896. Важны примѣчанія Гельцера о рукописяхъ списковъ членовъ собора.

Victor Ernst, *Basilius' des Grossen Verkehr mit den Occidentalen.* (Ztschr. f. Kirchengeschichte 16 (1896) 626 — 664). Попытка распредѣлить хронологически переписку св. Василія Великаго съ Западомъ за 366 — 376 гг.

August Brinkmann, *Die Theosophie des Aristokritos.* (Rhein. Museum 51 (1896) 273 — 280). Указывается, что χρησμοὶ τῶν ἑλληνικῶν θεῶν, открытые K. I. Neumann'омъ и опубликованные Buresch'емъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ о книгѣ Аристокрита Θεοσοφία, находящимся въ формулѣ отреченія манихеевъ, принимающихъ православіе, составленной при патріархѣ Фотіѣ (857 — 867 гг.).

N. Nilles S. J., *Zu Stiglmayr's areopagitischen Studien.* Heortologischer Nachtrag. (Zeitschr. f. kath. Theologie 20 (1896) 395—399). Въ коптскомъ annus ecclesiasticus Діонисій Ареопагитъ не упоминается, что подтверждаетъ мнѣніе, что сочиненія его явились не раньше 2-й половины V-го вѣка.

Paul Rabbow, *Die Legende des Martinian.* Wiener Studien 17 (1895) 253 — 293. Первый разъ напечатанъ здѣсь оригинальный текстъ по вѣнской рукописи hist. graec. 3 s. XI.

Marci Diaconi, *Vita Porphyrii episcopi Gazensis.* Edid. societatis philol. Bonnensis sodales. Leipzig, Teubner 1895. XII + 137 стр. Обѣщана подробная рецензія.

Abicht und Schmidt, *Quellennachweise zum Codex Suprasliensis.* III. (Archiv für slavische Philologie 18 (1896) 138 — 155).

Въ настоящемъ (III-мъ) отдѣлѣ своего изслѣдованія г. **Abicht** указываетъ въ супрасльской рукописи *восемь* агіографическихъ текстовъ греческіе оригиналы которыхъ, повидимому, утрачены, и даетъ 6 греческихъ оригиналовъ къ другимъ текстамъ: мученичества 40 мучениковъ севастійскихъ (Bibl. nation. 520), свв. Піонія (Cod. Ven. Marc. CCCLIX), Кодрата (Barocc. 240), Сабина (Venet. 359) и 42 муч. аморейскихъ (Paris 1447) — только вводная бесѣда, и разсказъ о милосердіи св. Григорія Великаго (изъ Paris 1604).

J. Friedrich, *Der ursprüngliche bei Georgios Monachos nur teilweise erhaltene Bericht über die Paulikianer.* (Sitzungsber d. bayer. Akad., philos.-philol. und histor. Klasse 1896, 67 — 111). Профессоръ Friedrich напечаталъ здѣсь древнѣйшее, повидимому, сочиненіе о павликіанахъ по списку Heine съ рукописи Scorial. Ф. Plut. 1 № 1, находящемуся въ бумагахъ Дёллингера. Рукопись содержитъ древнѣйшую редакцію Георгія Монаха; статья о павликіанахъ помѣщена подъ годами правленія Константа II; въ печатномъ текстѣ и у Кедрина есть лишь маленькій отрывокъ, помѣщаемый на разныхъ мѣстахъ, такъ что статья включена въ хронику врядъ ли самимъ Георгіемъ. Затѣмъ профессоръ Friedrich даетъ свою хронологію извѣстій о павликіанахъ и защищаетъ противъ Теръ-Мкртчіана независимость павликіанства отъ маркіонитства и прочихъ дуалистическихъ системъ.

По исторіи, этно- гео- и топографіи:

Aug. Brinkmann, *Der römische Limes im Orient.* (Bonner Jahrbücher Heft. 99 (1896), 252 — 257). О римской военной границѣ на Евфратѣ по житію игумена Александра Акимита и древнимъ актамъ свв. Сергія и Вакха.

Robert Schütte, *Der Aufstand des Leon Tornikes im J. 1047* (Gymnasial programm, Plauen i. V. 1896). Это первое по времени подробное описаніе событія, составленное на основаніи всѣхъ существующихъ источниковъ и снабженное критическимъ обзоромъ послѣднихъ.

K. Jireček, *Südslaven.* (Berliner Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. 17 (1894) III, 156 — 167). Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію за 1893 и 1894 гг.

По исторіи искусства:

Franz Xaver Kraus, *Geschichte der christlichen Kunst.* Erster Band. Die hellenistisch-römische Kunst der alten Christen. Die byzantinische Kunst. Anfänge der Kunst bei den Völkern des Nordens. VIII + 621 стр. Обѣщана подробная рецензія.

По исторіи науки:

J. L. Heiberg, *Die Überlieferung der Griechischen Mathematik.* Verhandlungen der 43. Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner in Köln.

(Leipzig, Teubner 1896), стр. 27 — 34. Очеркъ исторіи математическихъ знаній отъ александрійскаго времени до XIV вѣка, особое вниманіе удѣляется Льву Математику (иконоборцу), затѣмъ Ѳеодору Метохиту и Никифору Григорѣ и вопросу о вліяніи византійской математики на науку новыхъ временъ.

Apollonius v. Kitium, *Illustrierter Kommentar zu der hippocrateischen Schrift* Περὶ ἄρθρων. Herausgeg. v. **Hermann Schöne.** Leipzig, Teubner 1896. XXXIX + 35 стр. съ 31 фототипіями.

Для византиниста важны изслѣдованія о Никитѣ, составившемъ хирургическій сборникъ, представляемый Laur. 74, 7 s. IX—X, по которому сдѣлано изданіе, иллюстраціи рукописи и 3 похвальныя стихотворенія на Никиту, напечатанныя у Schöne во введеніи.

Отмѣчаемъ для нашихъ читателей еще слѣдующія книги и статьи, не включенныя еще въ библіографію «Byz. Ztschr.»:

G. Grützmacher, *Pachomius und das älteste Klosterleben.* Freiburg i. B. u. Leipzig, I. C. B. Mohr (Paul Siebeck) 1896. IV + 141 стр.

Изслѣдованіе содержитъ: Критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи преподобнаго Пахомія и основанныхъ имъ монастырей, и разборъ и установленіе хронологическихъ данныхъ, за которымъ слѣдуетъ жизнеописаніе Пахомія, его отношенія къ отшельникамъ и клиру и проч. Заключеніе трактуетъ о его монастырскихъ уставахъ. Erwin Preuschen, авторъ рецензіи въ Deutsche Litteraturzeitung, изъ которой взята наша замѣтка (1896, № 23, стр. 708—711), указываетъ на довольно значительные недосмотры и пробѣлы во всѣхъ отдѣлахъ изслѣдованія и на то, что роль преподобнаго Пахомія въ исторіи египетскаго монашества въ немъ преувеличена, но отзывается съ похвалою о литературной сторонѣ его.

Gregorii I. *Registri X — XIV* cum appendicibus. Post Pauli Ewaldi obitum edidit **Ludovicus M. Hartmann** (Monumenta Germaniae historica. Epistolarum tomi II pars II). Berlin 1895.

Отмѣчается здѣсь нами главнымъ образомъ ради (неоконченныхъ) appendices, содержащихъ между прочимъ письма папы Пелагія II, напримѣръ письмо къ Иліи Аквилейскому, имѣющее близкое отношеніе къ 5-му вселенскому собору. Рец. D. L. Z. 1896, № 34, стр. 1075—1077, **Otto Günther'a.**

Nicephori Blemmydae *curriculum vitae et carmina, edidit* **Heisenberg,** Leipzig, Teubner 1896.

Рецензіи появились на книги:

A. Thumb, *Handbuch der neugriechischen Volkssprache.* Рец. P. Meyer, въ Anzeiger für indogermanische Sprach- u. Altertumskunde 1896, стр. 189—192.

Alberto Straticó, *Manuale de letteratura albanese.* Milano 1896. Рец. **Johann Urban Jarnik** въ D. L. Z. 1896, № 29, стр. 907 — 910.

Geoponica, sive Cassiani Bassi scholastici de re rustica eclogae rec.

H. Beckh, Leipzig Teubner 1895. Рец. **Maass** въ D. L. Z. 1896, № 29, стр. 902—903.

Marci Diaconi *vita Porphyrii Gazensis* ediderunt societatis philologicae Bonnensis sodales. 1895. Рец. **Joh. Dräseke** въ Wochenschrift für die klassische Philologie, 1896, стр. 371—378.

Bernard Greenfell, *An Alexandrian erotic fragment and other greek papyri chiefly Ptolemaic.* With one plate. Oxford 1896. (Большая часть отрывковъ относится ко времени до Р. X., но есть и византійскіе письма и акты III—VIII вѣка). Рец. **H. Diels**, D. L. Z. 1896, 20, стр. 614—615.

Alfred von Gutschmid, *Kleine Schriften.* Рец. **Schmid'a**, въ Neue Jahrbücher für Philologie и Pädagogik 1896, стр. 81—102.

Ch. Diehl, *L'art byzantin dans l'Italie méridionale.* Paris 1894. Рец. **Dobbert'a** въ Repertorium der Kunstwissenschaft, 1896, стр. 49—60.

Октябрь 1896 г.

Б. Меліоранскій.

ФРАНЦІЯ.

L. Cahun. *Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines à 1405.* Paris. Armand Colin et Cie, 1896, XIII, 519. ст.—Извѣстно, какую важную роль играли турки и монголы въ позднѣйшей византійской исторіи, которыхъ авторъ упомянутой книги называетъ «посредниками между персидской и китайской цивилизаціей». Владѣя въ совершенствѣ языкомъ турецкимъ, арабскимъ и персидскимъ, тщательно изучивъ источники, пользуясь турецкими, монгольскими, китайскими, византійскими, персидскими, арабскими текстами и найденными въ Монголіи надписями, авторъ даетъ живую картину развитія тюрко-монгольской расы и той важной роли, которую она играла въ исторіи. Сочиненіе распадается на пять отдѣловъ. Послѣ вступительной главы, гдѣ даются общія свѣдѣнія объ Азіи, идутъ слѣдующія пять книгъ: первоначальная исторія (les origines), турки и исламъ, монголы, Азія подъ владычествомъ монголовъ, Тимуръ и торжество ислама. Интересно отношеніе автора къ Тамерлану, котораго онъ, вопреки установившемуся мнѣнію, возводитъ на степень настоящаго героя, называя его суровымъ, но отнюдь не жестокимъ, разсудительнымъ, тонкимъ наблюдателемъ, parfait gentilhomme, roi gentilhomme. Несмотря на нѣкоторые мелкіе недочеты, книга эта должна считаться цѣннымъ научнымъ вкладомъ въ изученіе одной изъ важнѣйшихъ и очень сложныхъ эпохъ исторіи Азіи. — См. рецензію въ Revue Critique 1896 г. № 21, стр. 405—407.

Ch. Graux. *Fragments inédits de Lydus* περὶ διοσημείων. (Напечатано въ Revue de philologie. 22 (1896) p. 23—35). — Мартенъ (Martin) издалъ оставшійся послѣ Graux, списанный съ одной рукописи частной библіотеки испанскаго короля отрывокъ Іоанна Лида Περὶ τῶν ἡλιακῶν καὶ σεληνιακῶν διοσημείων καὶ τῶν ἐξ αὐτῶν καθολικῶν ἀποτελεσμάτων, гдѣ встрѣ-

чаются еще до сихъ поръ неизданныя мѣста.—См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. 1896. S. 614.

G. Kurth. *Une source byzantine d'Eginhard.* (Напечатано въ Bulletins de l'Académie Royale de Belgique, 65 année, 3-me série, t. 30 (1895) p. 580—590). Авторъ этой статьи доказываетъ, что Эгингардъ въ первой главѣ своего жизнеописанія Карла Великаго пользовался византійскою хроникою Θеофана (v. I p. 619 Bonn. = v. I p. 402 de Boor.). — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 615.

Charles Justice. *Le «Codex Schottanus». Des Extraits «De Legationibus».* (Напечатано въ Anecdota Bruxellensia III = Recueil de travaux publiés par la faculté de philosophie et lettres de l'Université de Gand. 17 fascicule. 1896. 119 стр.). Въ вышеназванномъ изслѣдованіи Justice даетъ точное описаніе принадлежавшаго раньше Андрею Шотту брюссельскаго кодекса (№ 11301—16; 11317—21; № 97—98 по каталогу H. Omont), въ которомъ заключаются Константиновскія Извлеченія De legationibus. Во введеніи къ своему труду авторъ сообщаетъ исторію кодекса Шотта, даетъ описаніе другихъ рукописей Извлеченій о Посольствахъ, предыдущихъ изданій послѣднихъ и другихъ пособій. Сообщаемый авторомъ на основаніи брюссельскаго кодекса «неизданный отрывокъ» Прокопія пять лѣтъ тому назадъ изданъ Карломъ Бауеромъ (Carl Bauer Handschriftliches zu Prokop. Abhandl. aus dem Gebiete der klass. Alterthumswiss. W. von Christ zum 60. Geburtstage dargebracht. München. 1891. стр. 418—421. См. Byz. Zeitschrift. B. II. S. 165). — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 616.

F. Amélineau. *Monuments pour servir à l'histoire de l'Egypte chrétienne.* Histoire des monastères de la Basse-Egypte. Vies des Saints Paul, Antoine, Macaire etc. Texte copte et traduction française. Paris, Leroux. 1894. LXIII 431 стр. (Напечатано въ Annales du Musée Guimet t. XXV).

Его же. *Monuments pour servir à l'histoire de l'Egypte chrétienne aux IV, V, VI et VII siècles. Texte copte publié et traduit par E. Amélineau.* (Напечатано въ Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire. T. IV. fasc. 2. Paris. Leroux. 1895 p. 483—840).

Вышеназванныя двѣ публикаціи имѣютъ цѣну, потому что позволяютъ ближе познакомиться съ духомъ египетскаго монашества за время съ IV-го по VII вѣкъ; со стороны же историческаго первоисточника публикаціи эти не имѣютъ значенія, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ изданныхъ Амелино коптскихъ текстовъ извѣстны были уже раньше по-гречески. — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 629.

L. Duchesne. *Les premiers temps de l'état pontifical.* (Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses. I. 1896. p. 105—146; 238—287). Дюшенъ въ своемъ трудѣ даетъ интересное описаніе отношеній папъ Стефана II, Павла I, Стефана III, Адріана I и Льва III къ византійцамъ, лонгобардамъ и франкамъ. — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 638.

L. Duchesne. *Les anciens évêchés de la Grèce.* (Напечатано въ Mélanges d'archéologie et d'histoire. XV. 1895. стр. 375—385). — Въ упомянутой статьѣ Дюшенъ отрицаетъ вопреки Гельцеру всякое ученое значеніе въ сообщенной Де-Бооромъ Notitia Episcopatuum въ Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie (B. 32, S. 419). — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 640.

L. de Mas-Latrie. *Patriarches latins de Constantinople.* (Напечатано въ Revue de l'Orient latin. III. 1895. стр. 433—456). — Mas-Latrie на основаніи Дюканжа, Лекьена и другихъ даетъ снабженный біографическими свѣдѣніями перечень латинскихъ патріарховъ въ Константинополѣ съ 1204 по 1887 годъ.—См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 641.

Cl. Klein. *Revue des principaux travaux relatifs aux croisades parus en Allemagne dans les années 1893 et 1894.* (Напечатано въ Revue de l'Orient latin 3 (1895) 460—480). — Это обозрѣніе занимается разборомъ нѣсколькихъ трудовъ, относящихся къ византійской исторіи изъ эпохи крестовыхъ походовъ, и между прочимъ книжки Неймана «Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen». — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—VI. S. 643.

P. Pisani. *Les chrétiens de rite oriental à Venise et dans les possessions Vénitiennes.* (Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses I. (1896) p. 201—223). — Работа Пизани, основанная на архивномъ матеріалѣ, касается очень интереснаго вопроса о положеніи православныхъ грековъ подъ венеціанскимъ господствомъ. Терпимость венеціанцевъ по отношенію къ грекамъ зависѣла отъ политическаго положенія вещей, а именно, могли ли быть греки въ данное время полезны Венеціанской республикѣ, или нѣтъ. Въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія венеціанцы заставили греческую церковь св. Георгія въ Венеціи принять даже католическихъ священниковъ. — См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 642.

G. Millet. *Les monastères et les églises de Trébizonde.* (Напечатано въ Bulletin de correspondence hellénique. 19(1895) 419—459).—Французскій ученый Millet, уже извѣстный своими работами въ области византійскаго искусства и исторіи, впервые издаетъ въ своемъ новомъ трудѣ рядъ очень интересныхъ надписей и даетъ описаніе трапезундскихъ церквей.— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 645.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

G. Mercati. *Un palimpsesto Ambrosiano dei salmi esapli. Nota del sac. Giovanni Mercati Dottore della Biblioteca Ambrosiana.* (Отдѣльный оттискъ изъ Atti della Reale Accademia della scienze di Torino, томъ XXXI, 1896 г.).—Въ своей небольшой (въ 24 страницы) брошюрѣ Меркати говоритъ объ очень интересномъ открытіи въ Амброзіанской библіотекѣ

(Cod. 0,39) палимпсеста, позднѣйшій текстъ котораго, принадлежащій къ XIII вѣку, представляетъ изъ себя богослужебную книгу Октоихъ, а первоначальная часть палимпсеста, въ минускульномъ письмѣ X вѣка, содержитъ значительные отрывки Ἑξαπλᾶ, сочиненія Оригена. Очень важно то, что эти отрывки сохранили оригинальное расположеніе этого труда знаменитаго апологета, тогда какъ до сихъ поръ не было ни одного полнаго и послѣдовательнаго отрывка, обнимающаго хотя бы одинъ стихъ Библіи. Нужно пожелать, чтобы появилось въ свѣтъ скорѣе изданіе такого рѣдкаго палимпсеста. Кромѣ этого сообщенія, Меркати обѣщаетъ скорую публикацію еще неизданной части ирландской рукописи Амброзіанской библіотеки; при этомъ Меркати доказываетъ, что заключающіеся въ этой рукописи комментаріи на псалмы принадлежатъ не св. Іерониму и не св. Колумбану, какъ думаютъ нѣкоторые критики, а представляютъ изъ себя сокращенный текстъ комментарія Ѳеодора Мопсуестскаго, греческій оригиналъ котораго до сихъ поръ еще не найденъ, но который намъ извѣстенъ только по очень короткимъ отрывкамъ или по нѣкоторымъ частямъ, сохранившимся въ сирійскомъ переводѣ. — См. Revue Critique 1896 г. № 29, стр. 47—48.

Emidio Martini. *A proposito d'una poesia inedita di Manuele File.* (Напечатано въ Rendiconti del Reale Instituto Lombardo di scienze e lettere, serie II, vol. 29. 1896).— На основаніи важнаго туринскаго кодекса (см. Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur, S. 381) Мартини издалъ два до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ стихотворенія одного изъ самыхъ плодовитыхъ поэтовъ византійскаго времени Мануила Фила, жившаго при Михаилѣ Палеологѣ, обоихъ Андроникахъ и, можетъ быть, даже при Іоаннѣ Кантакузинѣ, т. е. приблизительно съ 1280 по 1350 годъ. Первое стихотвореніе въ 161 триметръ касается эротическаго сочиненія Андроника Комнина Дуки Палеолога, сына севастократора Константина и родственника императора Андроника II. На основаніи намековъ Фила на содержаніе этого любовнаго сочиненія Мартини считаетъ вѣроятнымъ, что анонимный романъ Каллимахъ и Хрисорроя принадлежитъ перу вышеназваннаго Андроника Комнина. Второе изданное Мартини стихотвореніе Фила представляетъ изъ себя эпиграмму въ 46 стиховъ на исчезнувшее стратегическое сочиненіе протостратора Михаила Глава.— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 618.

G. Castellani. *Giorgio di Trebizonda, maestro di eloquenza a Vicenza e a Venezia.* (Напечатано въ Nuovo Archivio Veneto, tomo 9, parte I. Venezia. 1896).— Работа Кастеллани представляетъ изъ себя прекрасный біографическій очеркъ одного изъ менѣе извѣстныхъ греческихъ гуманистовъ XV вѣка—Георгія Трапезундскаго, который большую часть своей жизни провелъ въ Италіи, занимаясь въ Падуѣ, участвуя въ качествѣ папскаго секретаря на Флорентійскомъ соборѣ, занимая въ Венеціи мѣсто профессора только-что открытой въ 1443 году Scuola della Cancellaria ducale; обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ найти себѣ покровителя въ лицѣ

папы Пія II, Георгій не задумался поступить на службу въ Константинополь къ султану Магомету, откуда онъ, впрочемъ, возвратился въ Римъ, чтобы здѣсь умереть въ 1484 году.— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 618—619.

Bessarione. *Pubblicazione periodica di studi orientali.* Roma-Siena, Tipografia S. Bernardino in Siena. 1896. Anno I. № 1—3.— Этотъ новый журналъ, имѣя своею цѣлью облегчить соединеніе латинской и греческой церквей, въ своихъ первыхъ трехъ выпускахъ заключаетъ папскія энциклики, говоритъ о состояніи восточныхъ церквей и т. д. Византійской исторіи касается помѣщенная въ этомъ журналѣ небольшая біографія кардинала Виссаріона (S. 9—17; 65—77).— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 622—623.

A. Mancini. *Sopra talune interpolazioni nella Vita Constantini e nella Historia ecclesiastica di Eusebio.* (Напечатано въ Studi storici IV. 1895, p. 531—541).—Манчини старается доказать: 1) что Евсевій многія мѣста изъ Церковной исторіи взялъ для біографіи Константина, 2) что нѣкоторыя другія мѣста біографіи, болѣе или менѣе сходныя съ Церковной исторіей, принадлежатъ не Евсевію, а какому-нибудь интерполятору, 3) что изъ біографіи интерполяціи проникли также и въ Церковную исторію.—См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 628.

Paolo Orsi. *Incensiere bizantino della Sicilia.* (Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. B. V. 1896. H. III—IV. S. 567—569).—При скудости существующихъ памятниковъ византійской Сициліи нельзя не считаться даже съ такимъ незначительнымъ пріобрѣтеніемъ археологическаго музея въ Сиракузахъ, какъ та кадильница съ нѣсколько испорченною греческою надписью, о которой идетъ рѣчь въ этой замѣткѣ. Авторъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе надписи:

Θ(εὸ)ς πρόσδεξαι ἐμὸν τὸ θυμίαμα τοῦ Πουσαχάρου πρ[εσβυτ(έρου)].

Въ своей замѣткѣ Орси сравниваетъ пріобрѣтенную кадильницу съ другими извѣстными ему подобными предметами. Къ замѣткѣ приложено изображеніе кадильницы.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

I. B. Bury. *A Greek Word in the Liber Pontificalis.* (Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. 1896. B. V. III—IV H. S. 570—571).— Въ Liber Pontificalis въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается демонстрація въ Римѣ въ пользу шестого вселенскаго собора, между прочимъ говорится: hujusque rei causa zelo fidei accensus omnis coetus Romane urbis imaginem quod (quam) Greci Botarea vocant sex continentem sanctos et universales synodos in ecclesia beati Petri erecta est. (Vol. I, p. 391 ed. Duchesne). Издатель Liber Pontificalis Дюшенъ отказывается понять значеніе слова Bo-

tarea. Англійскій ученый Bury видитъ здѣсь испорченность текста и предлагаетъ слѣдующее чтеніе: imaginem quod Greci cibotarea vocant. Cibotarea = κιβωτάρια отъ κιβωτός. Bury утверждаетъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о находящемся въ храмѣ св. Петра ящикѣ, въ которомъ хранились Акты шести вселенскихъ соборовъ.

Joseph Jacob. *Barlaam and Iosaphat.* English lives of Buddha edited and induced by I. I. London, David Nutt. 1896. CXXXII, 56 стр. 8°.— Рецензія обѣщана въ Byzantinische Zeitschrift. (B. V. H. III—IV. S. 614).

F. C. Conybeare. *On the sources of the text of S. Athanasius.* (Напечатано въ Journal of Philology XXIV (1896), p. 285—300).— Авторъ статьи указываетъ на большое значеніе при вопросѣ критики текста въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія ихъ армянскаго перевода, который, появившись въ половинѣ V вѣка, представляетъ изъ себя греческую рукопись, отличающуюся своею древностью и отсутствіемъ интерполяцій; между прочимъ, авторъ въ своей работѣ сличаетъ армянскій переводъ съ текстомъ сочиненій св. Аѳанасія, напечатаннымъ у Миня, «de incarnatione» и «contra Arianos».— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 628.

I. B. Bury. *Italy under the Lombards.* (Напечатано въ Scottish Review Nr. 53, январь, 1896, стр. 33—54).— Bury на основаніи книги *I. Hodgkin* «Italy and her invaders» и русскаго сочиненія *Виноградова* «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лонгобардской Италіи» говоритъ о византійскихъ владѣніяхъ въ Италіи съ 600 по 640 годъ и разбираетъ вопросъ о подлинности писемъ папы Григорія II къ византійскому императору Львy III.—См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 639.

J. G. C. Anderson. *The campaign of Basil I against the Paulicians in 872 a. d.* (Напечатано въ The Classical Review 10 (1896), p. 136—140).— Въ своей небольшой статейкѣ Андерсонъ старается опредѣлить въ топографическомъ отношеніи три упоминаемыхъ въ походѣ 872 года пункта— крѣпости Запетры или Созопетры (Зибатры у арабовъ), города Таранта и рѣки Зарнука (Zarnuk) и тѣмъ самымъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ извѣстной Исторической Географіи Малой Азіи Рамзая.— См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. III—IV. S. 640.

F. C. Conybeare. *The Barlaam and Iosaphat Legend. Folk-Lore* 7 (1896. London). 101—142.— На основаніи публикаціи Марра, напечатанной въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Россійскаго Археологическаго Общества (III, стр. 223—260), Conybeare даетъ въ армянскомъ переводѣ отрывки грузинскаго текста повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ и сообщаетъ о результатахъ изслѣдованія Марра. Conybeare не признаетъ мнѣнія нашего профессора барона Розена и профессора Гоммеля (Hommel) о томъ, что греческій текстъ этой повѣсти произошелъ изъ грузинскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашается съ Зотенбергомъ и Куномъ, которые считаютъ, что армянскій текстъ представляетъ изъ себя сокращенную переработку греческаго. Англійскій ученый старается разрѣшить трудную загадку происхожденія этой части повѣсти, допустивъ

существованіе утеряннаго для насъ греческаго текста, отъ котораго происходитъ сирійскій переводъ; отъ послѣдняго же и ведутъ свое происхожденіе тексты грузинскій и армянскій. Изданный же Буассонадомъ греческій текстъ представляетъ изъ себя позднѣйшую распространенную форму оригинала. Ближайшая задача ученаго, занявшагося этимъ вопросомъ, по мнѣнію Conybeare, заключается теперь въ точномъ изслѣдованіи многочисленныхъ рукописей греческаго текста повѣсти.—См. Byz. Zeitschrift. B. V. H. 3—4. S. 615.

M. Max van Berchem. *Arabic inscriptions in Syria.* Сообщено въ журналѣ The Athenaeum. 1896. № 3584.— Max van Berchem, недавно изложившій свой планъ изданія «Corpus Inscriptionum Arabicarum» и издавшій уже цѣлый рядъ каирскихъ надписей, въ интересномъ письмѣ къ маститому французскому ученому-оріенталисту Барбье-де-Мейнару (Barbier de Meynard) сообщаетъ о результатахъ своей поѣздки по Сиріи и Палестинѣ. Дамаскъ со своей тогда еще не сгорѣвшей большой мечетью, цитаделью, воротами, могилами и т. д. даетъ массу самыхъ интересныхъ сельджукскихъ текстовъ, разнаго рода документовъ отъ времени Нуреддина до турецкаго завоеванія. Въ Гауранѣ, преимущественно въ Босрѣ, онъ нашелъ 39 новыхъ текстовъ, въ Палестинѣ болѣе 60 надписей, относящихся ко времени Саладина, Бейбарса, интересныхъ для эпохи крестовыхъ походовъ. Посѣщеніе ученымъ сѣверной Сиріи дало до двухсотъ арабскихъ и греческихъ надписей. Надо надѣяться, что Max van Berchem не только вскорѣ полностью издастъ результаты своихъ изслѣдованій, но и выполнитъ свое намѣреніе относительно столь желаннаго «Corpus Inscriptionum Arabicarum».

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

Н. Г. Зохидисъ, Θεσσαλικά. Μοναὶ Γούρας καὶ ἁγίου Βησσαρίωνος, ἢ Δουσίκου, καὶ ναὸς βυζαντιακὸς ἐν Πόρτᾳ-Παναγιᾷ [Εἰκονογραφημένη Ἑστία, 1894, стр. 332—334, 346—349]. — Авторъ этой статьи (житель г. Трикалла), въ виду тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о византійскомъ храмѣ, находящемся въ селѣ Порта-Панагія, въ Өессаліи, задумалъ совершить поѣздку къ этому храму съ научною цѣлью. Кромѣ того, онъ посѣтилъ еще нѣсколько өессалійскихъ монастырей и собралъ также о нихъ довольно много подробныхъ свѣдѣній. Въ описаніи этихъ өессалійскихъ монастырей и вышеупомянутаго храма и заключается цѣль его статьи. Порта-Панагія отстоитъ отъ Триккала на разстояніи $2^1/_2$ часовъ, здѣсь находится и старый храмъ, который описываетъ г. Зохиди довольно подробно, съ приложеніемъ даже плана его фасада. Храмъ построенъ въ 1283 г. Іоанномъ Комниномъ Ангеломъ Дукою севастократоромъ, какъ показываетъ замѣтка въ греческомъ рукописномъ евангеліи монастыря Дусику, которое теперь находится въ національной би-

бліотекѣ въ Аѳинахъ. Г. Зохидисъ прибавляетъ, что въ монастырѣ Дусику находится хрисовулъ императора Андроника Палеолога, представляющій собою охранную грамоту храма въ с. Порта-Панагія. Въ этомъ же монастырѣ сохраняются священныя амфіи и драгоцѣнныя украшенія этого храма. Статья г. Зохидиса содержитъ также описаніе монастырей Гурасъ и Дусику. Старыя рукописныя книги этого послѣдняго монастыря съ 1882 г. перенесены въ Аѳины, въ національную библіотеку.

С. П. Ламбросъ, Τῆς Κερᾶς τὸ μάρμαρο [Ἑστία εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 202 — 205, 211 — 214]. — Профессоръ Ламбросъ во время пребыванія въ г. Триккалахъ совершилъ, сопровождаемый своими друзьями, поѣздку къ монастырю Дусику. Статья его содержитъ описаніе дороги отъ с. Порта-Панагія до монастыря. На возвратномъ пути проѣздомъ чрезъ лѣсъ г. Ламбросъ замѣтилъ ключъ, вода котораго низвергалась, вытекая изъ скалы. Мѣстное преданіе говоритъ, что входъ въ монастырь Дусику былъ запрещенъ женщинамъ; но несмотря на запрещеніе жена одного турка заставила монаховъ ввести ее въ монастырь; за свою дерзость она была наказана Богомъ и погибла на возвратномъ пути у ключа, застигнутая землетрясеніемъ.

Зосима Есфигменитъ, Ἀρχαιολογικά [Προμηθεύς. Περιοδικὸν ἐκδιδόμενον κατὰ μῆνα ὑπὸ Ζωσιμᾶ Ἐσφιγμενίτου. Воло. Томъ II, 1894. стр. 511 — 513, 537. — VII, 1895, стр. 693—695]. — Монахъ Зосима впервые публикуетъ греческую надпись, вырѣзанную на мраморѣ, найденномъ въ Ѳессаліи, въ мѣстности Палеокастронъ (въ уѣздѣ Ниліи). Надпись слѣдующая: Ἀρίστων Πρωταγόρα Διονυσόδωρον. — Далѣе онъ приводитъ еще одну надпись, найденную въ Воло, хотя по многому видно, что она перенесена сюда изъ другой мѣстности Ѳессаліи. Она слѣдующая: Τὸ κοινὸν τῶν Μαγνήτων καὶ οἱ σύνεδροι τιμῶσι τὸν ἑαυτῶν εὐεργέτην αὐτοκράτορα Λούκιον Σεπτίμιον Σευῆρον Περτίνακα. — На стр. 537 монахъ Зосима упоминаетъ о древней надгробной надписи, найденной въ деревнѣ Матаранга, въ уѣздѣ Титаніи въ Ѳессаліи, которую народъ считаетъ иконой св. Константина и Елены.

Н. Ставридисъ, Ὀλίγα τινὰ περὶ τοῦ ἐν Καίρῳ ἑλληνικοῦ ναοῦ τοῦ ἁγίου Νικολάου [Προμηθεύς, 1894, VI, стр. 533—535]. Нѣсколько словъ о греческомъ храмѣ св. Николая въ Каирѣ; между прочимъ приводится надпись надъ вратами этого храма, въ которой говорится, что храмъ возобновленъ и украшенъ русскимъ Синодомъ на деньги Анны Орловой-Муравьевой и православныхъ живущихъ въ Египтѣ. — Г-ну Ставриди, по видимому, неизвѣстно, что этотъ храмъ древнѣйшаго происхожденія и что о немъ упоминаютъ путешественники даже XIV вѣка.

Зосима Есфигменитъ, Ὀλίγα τινὰ περὶ τοῦ πατριάρχου Καλλινίκου δ' [Προμηθεύς, VII, 1895, стр. 707 — 711, 713 — 717]. — О вселенскомъ патріархѣ Каллиникѣ IV (1757 г.), бывшемъ сперва митрополитомъ Прѣслава въ Болгаріи.

Зосима Есфигменитъ, Περὶ τοῦ δήμου Νεκροπόλεως τῆς ἐπαρχίας Καρ-

δίτσης [Προμηθεύς, 1894, т. VI стр. 543 — 545, 551 — 553]. — Въ этой статьѣ монахъ Зосима описываетъ волость Θессаліи Некрополь, находящуюся въ странѣ древнихъ Долоповъ, между Аграфою и Кардицой. Эта волость состоитъ изъ одиннадцати деревень, которыя авторъ описываетъ подробно, сообщая о нихъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія; а также перечисляетъ церкви этихъ деревень и находящіяся и чтимыя въ нихъ иконы. Достойно вниманія село Пезули, гдѣ родился въ 1611 г. святой великомученикъ Серафимъ, митрополитъ Φαναρίου и Φερσάλων.

Зосима Есфигменитъ, Ἡ Λαμία καὶ τὰ πέριξ [Προμηθεύς, 1894, стр. 555 — 556, 563 — 565, 573 — 574, 581 — 585, 587 — 590 Томъ VII, 1895, стр. 593 — 594, 604 — 605, 612 — 613]. — Ламія, цвѣтущій нынѣ городъ, столица одноименнаго уѣзда въ Фтіотіи и Фокидѣ. Монахъ Зосима много путешествовалъ по епархіи Ламіи и публикуетъ теперь замѣтки о своихъ путешествіяхъ. Описывая Ламію, м. Зосима сообщаетъ о ней историческія свѣдѣнія, описываетъ потомъ ея церкви и даетъ нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія о расположенныхъ вокругъ нея деревняхъ. Затѣмъ онъ распространяется о волостяхъ, составляющихъ уѣздъ Ламіи. — Въ г. Ипати, въ уѣздѣ Ламіи, авторъ нашелъ старую рукопись, содержащую списокъ (съ біографическими и хронологическими данными) митрополитовъ Νεοπατρῶν съ начала XVII вѣка до 1807 г. (стр. 581—585).

Дим. А. Стоикосъ, Βιογραφία Ῥήγα τοῦ Βελεστενλῆ [Προμηθεύς VII, 1895, стр. 594—597, 601—604, 609—612, 617—619, 625—628, 633—637, 641—643, 649—651, 657—659, 665—668, 673—675, 681—684, 689—692, 697—700, 705—707]. — Ригасъ Велестенлисъ — предтеча возрожденія нынѣшней Греціи. Его арестъ въ Вѣнѣ и выдача вмѣстѣ съ другими патріотами (подготовлявшими греческое возстаніе для низверженія турецкаго ига) туркамъ австрійскимъ правительствомъ въ 1797 г., оставили въ сердцахъ всѣхъ грековъ неизгладимую ненависть къ австрійцамъ. Г. Ламбросъ въ 1892 г., издалъ книгу [Ἀποκαλύψεις περὶ τοῦ μαρτυρίου τοῦ Ῥήγα. Ἐν Ἀθήναις], въ которой съ помощью западноевропейскихъ и греческихъ источниковъ далъ полную біографію Ригаса и обрисовалъ его значеніе въ исторіи, какъ героя новой Греціи. Нынѣ г. Стоикосъ, θессаліецъ и слѣдовательно землякъ Ригаса, взялъ на себя трудъ написать историческое сочиненіе, являющееся систематической біографіей Ригаса, обогативъ ее мѣстными изслѣдованіями и многими раньше неизвѣстными свѣдѣніями какъ о самомъ Ригасѣ, такъ и вмѣстѣ съ нимъ захваченныхъ и казненныхъ турками.

Зосима Есфигменитъ, Τὸ τουρκικὸν φιρμάνιον [Προμηθεύς IV, 1892, стр. 297 — 300]. — Публикуется греческій переводъ фирмана султана Мустафы, относящагося къ 1762 г. касательно имѣній монастыря святаго Лаврентія въ Θессаліи на горѣ Пеліонѣ. Эти имѣнія, перечисляемыя въ фирманѣ, находились на берегу залива Воло. Монахъ Зосима прилагаетъ точный литографированный снимокъ съ византійской надписи 1378 г., изъ которой видно, что монастырь св. Лаврентія соору-

женъ въ царствованіе Алексѣя Комнина. Объ этой надписи монахъ Зосима упоминаетъ также въ Ἡμερολόγιον ἡ Φήμη τοῦ ἔτους 1886, стр. 57—60.

Χαρ. Π. Δ., Περιγραφὴ τοῦ χωρίου Μουρησέως [Προμηθεύς IV, 1892, стр. 300—301]. — Въ этой замѣткѣ описывается деревня Муреси, находящаяся вблизи г. Воло.

*** Βεράτο· τὰ προνόμια τῶν μητροπολιτῶν ἐπὶ Τουρκοκρατείας [Προμηθεύς, IV, 1892, стр. 310—316]. Указъ, выданный на имя Леонтія митрополита Лариссы въ Θессаліи (1604), въ греческомъ переводѣ; указъ, по-турецки бератъ, дѣлится на 45 главъ.

Зосима Есфигменитъ Περὶ τοῦ νομοῦ Λαρίσσης [Προμηθεύς, III, 1891, стр. 240—243, 245—247, 253—257, 261—264, 269—272, 277—280. IV, 1892, стр. 327—333, 335—338, 343—347]. — Подробное описаніе провинціи Ларисcы въ Θессаліи съ историческими и топографическими замѣтками. Авторъ перечисляетъ всѣ уѣзды, волости, села и деревни этой провинціи, даетъ статистическія свѣдѣнія объ ея жителяхъ, церквахъ древностяхъ и монастыряхъ. Въ отдѣльныхъ же главахъ онъ описываетъ подробно уѣздъ Тирнавъ (стр. 351—354, 359—364, 367—372) и его волости (стр. 376—379), затѣмъ уѣздъ Фарсалъ и его волости (стр 383—387, томъ V, 1893, стр. 405—407, 409—410, 425—427, 433—436, 441—444), уѣздъ Домоко (стр. 444—445) и уѣздъ Θавмако съ волостями (стр. 449—453). Монахъ Зосима приводитъ также много біографическихъ замѣтокъ о архіереяхъ, пребывавшихъ въ разныхъ уѣздахъ провинціи Ларисcы, комментируетъ также древнія и новыя надписи, имѣющія отношеніе къ политической или церковной исторіи этой провинціи. Провинціи Ларисcѣ принадлежитъ также церковная епархія Димитріады, митрополитъ которой пребываетъ въ г. Воло; объ этой епархіи монахомъ Зосимою напечатана отдѣльная статья въ 1886 г. [Ἡμερολόγιον ἡ Φήμη τοῦ ἔτους 1886 ὑπὸ Ζωσιμᾶ Ἐσφιγμενίτου. Ἐν Βώλῳ стр. 6—16 τοῦ δευτέρου μέρους], въ которой онъ и перечисляетъ съ 997 г. по 1886 г. архіереевъ этой епархіи. Какъ дополненіе къ этой статьѣ имъ напечатана еще замѣтка въ «Ἡμερολόγιον ἡ Φήμη τοῦ ἔτους 1888», гдѣ онъ приводитъ списокъ митрополитовъ Димитріады (1572—1832), а также имена архіереевъ, найденныя имъ на стѣнахъ древнихъ церквей на горѣ Пеліонѣ. Въ этомъ же календарѣ монахъ Зосима описываетъ уѣздъ Триккала (стр. 116—124), прибавляя имена архіереевъ съ 1271 года, затѣмъ уѣздъ Каламбака (стр. 125—144), монастыри Μετεώρων, Святой Троицы, Варлаамъ, Преображенія, а также уѣздъ Кардицы (стр. 145—151), перечисляя также ея архіереевъ съ 1410 г., и наконецъ уѣздъ Альмиръ (стр. 152—178) съ его монастыремъ Ксеніи.

Зосима Есфигменитъ, Περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἐπισκοπῆς Γαρδικίου [Προμηθεύς, V, 1893, стр. 457—459]. — Въ этой замѣткѣ перечисляются деревни, составляющія епископію Гардикійскую, и дается полный перечень въ нихъ находящихся церквей.

Зосима Есфигменитъ, Ὀλίγα τινὰ περὶ τῆς ἐπαρχίας Καρδίτσης [Προμηθεύς, V, 1893, стр. 486—488].—Здѣсь также перечисляются деревни уѣзда Кардицы въ Θессаліи,—его волости Κιερίου и церкви въ нихъ находящіяся.

Дим. А. Стоикосъ, Ὁ ἅγιος Νικόλαος καὶ ἡ Βουνένη τῆς Θεσσαλίας [Προμηθεύς, III, 1891, стр. 247—251].—Св. Николай, празднуемый въ Θессаліи 9 мая, въ особенности почитался, по словамъ Стоикоса, въ VII вѣкѣ. Существуетъ объ этомъ святомъ аколуθія, написанная Анθимомъ Діакруси и содержащая описаніе его жизни. Въ ней упоминается, что св. Николай жилъ въ Вуненѣ въ Θессаліи, что даетъ г. Стоикосу основаніе предполагать, что мѣстечко Вунену замѣстила нынѣ θессалійская деревня Ціамбасларъ; онъ описываетъ находящіяся вокругъ этой деревни и уцѣлѣвшія на холмахъ древнія развалины. Вунена была византійской епископіей и означалась въ древнихъ спискахъ эпархій иногда подъ названіемъ Βουνένη, иногда Βιαίνη или Βεσαίνη.

М. Д. Сейзанисъ, Ἀρχαιολογικὴ ἐκδρομὴ εἰς Τμῶλον [Ἁρμονία, 1895, № 3327, 3331, 3336].—Въ Іоніи, вблизи горнаго ущелія, гдѣ находятся извѣстные анаглифы Сесостриса, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ, нынѣ расположена греческая деревня Криджаля. Около этой деревни надъ пропастью возвышается очень высокая и крайне отвѣсная скала Акъ-каясъ, принадлежащая къ горѣ Тмолъ; на этой скалѣ находятся высѣченные древніе могильные склепы. Я первый изслѣдовалъ нѣкоторые изъ нихъ въ 1874 г., когда я еще былъ юношею 20 лѣтъ, и напечаталъ тогда о нихъ небольшую статью въ смирнской газетѣ «Ἰωνία», № 21. Мнѣ не пришлось увидѣть всѣхъ склеповъ, а только двѣ высѣченныя нимфы-ниши, и, прочитавъ у Стравона, что въ горахъ Тмолъ было много разбойничьихъ пещеръ, я и предположилъ, что скала Акъ-каясъ служила убѣжищемъ для разбойниковъ, а высѣченныя ниши съ каменными сидѣніями—бойницами. Г. Сейзанисъ, предполагая, что никто не знаетъ о существованіи этой скалы, объявляетъ о ней какъ о находкѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вторымъ послѣ меня ее изслѣдовалъ Карлъ Бурешъ. Однако, г. Сейзанисъ былъ счастливѣе насъ обоихъ, онъ изслѣдовалъ подробно всю скалу и нашелъ много высѣченныхъ могилъ, склеповъ, бассейновъ, глубокихъ пещеръ съ костями, двѣ высѣченныя въ скалѣ ниши, надпись на скалѣ македонской эпохи и на днѣ одной пропасти нашелъ развалины византійской церкви. А такъ какъ Стравонъ говоритъ, что при подошвѣ горы Тмолъ существуетъ скала Λευκὸς Βράχος, то г. Сейзанисъ согласился съ мнѣніемъ своего спутника г. Нотариди и допускаетъ, что Акъ-каясъ и есть скала, названная у Стравона Λευκὸς Βράχος. На это указываетъ и турецкое названіе Ἀκ-Καγιᾶς — въ переводѣ «бѣлая скала», Λευκὸς Βράχος.

Карлъ Бурешъ, Περὶ τοῦ ἐν Ἀκ-καγιᾷ Τμώλου [Ἁρμονία 1895, № 3342, 3343].—Эта статья представляетъ изъ себя письмо г. Карла Бурешъ къ г. Сейзанису. Онъ пишетъ, что видѣлъ и изслѣдовалъ скалу Ἀκ-καγιᾶς и

теперь послѣ научныхъ наблюденій г. Сейзаниса онъ приходитъ къ заключенію, что высѣченныя въ скалѣ ниши и другія углубленія есть памятники персидской эпохи и служили какъ укрѣпленія для защиты горнаго ущелья Карабелъ, удобной дороги между Эфесомъ и Фокеей, отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ. Надпись, которую, какъ мы сказали, открылъ г. Сейзанисъ, по мнѣнію г. Буреша, надо читать такъ: Οἱ συνδιατηρήσαντες τὸ χωρίον ἐστεφάνωσαν τὸν στρατηγὸν Μα[τρέ]αν Μανοδότου χρυσῷ στεφάνῳ. Что же касается предположенія г. Сейзаниса, что Ἀκ-καγιᾶς и Λευκὸς Βράχος одно и то же, то съ этимъ г. Бурешъ не можетъ согласиться, такъ какъ со скалы Λευκὸς Βράχος, по Стравону, видны къ сѣверу и къ югу долины Герма и Каистра, тогда какъ со скалы Акъ-каясъ видны только части долинъ Нимфея и Сипила. По мнѣнію г. Буреша, Λευκὸς Βράχος надо искать выше, собственно на горѣ Тмолъ, между Касаба и Баиктиріемъ.

Ставросъ С. Галанопулосъ, Ἐντυπώσεις ἀνὰ τὸν Τμῶλον [Ἁρμονία, 1895, № 3437, 3438, 3439, 3440, 3441, 3444, 3455; 1896 г., № 3460, 3465, 3467].— Двѣ упомянутыя статьи объ Акъ-каясѣ послужили поводомъ и къ этой статьѣ г. Галанопуло, жителя Пирги, небольшого села въ Лидіи. Авторъ, руководимый предположеніемъ г. Буреша относительно положенія Λευκὸς Βράχος и имѣя въ виду замѣтку Стравона, что при подъемѣ на гору Тмолъ существуетъ пещера или экседра изъ бѣлаго камня персидской эпохи, рѣшилъ подняться на самую вершину горы Тмолъ Σίβρι и Τσατὰλ-Σίβρι, вышиною въ 3000 метровъ, съ которой видны долины Герма и Мэандра съ горами расположенными вокругъ нихъ. Но ему не посчастливилось и онъ не нашелъ ничего достойнаго изслѣдованія, а потому ограничивается описаніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки, и того восхищенія, которое ему доставилъ видъ съ вершины горы на двѣ величайшія долины Малой Азіи.

С. Ф., Τὸ Καλαμάκιον τῆς Λυκίας [Ἁρμονία, 1895, № 3414].—Здѣсь описывается село Каламаки, расположенное на берегу Ликіи, которое въ административномъ отношеніи подлежитъ вѣдѣнію каймакама (правителя) Камъ, провинціи Иконіи; въ духовномъ же—митрополіи Писидіи. Каламаки также бухта извѣстная торговлею лѣсомъ.

А. Параскеваидисъ, Ἡ μητρόπολις Μηθύμνης. [Νεολόγος, 1895, № 7954—55].— Въ этой небольшой статьѣ приводится кое-что изъ исторіи архіепископіи Миѳимны на островѣ Лесбосѣ и перечисляются архіереи ея. Но авторъ этой замѣтки не указываетъ источниковъ, по которымъ онъ составилъ списокъ этихъ архіереевъ. Ему извѣстны архіереи съ VI вѣка и только 27.

Н. Г. Мистакидисъ, Περὶ τοῦ ἁγίου Κοσμᾶ τοῦ Αἰτωλοῦ [Νεολόγος, 1895, № 7897—98]. — Святой Косьма изъ Этоліи, почившій въ 1779 г., въ большомъ почитаніи между греками Эпира, Ѳессаліи и Македоніи, потому что своими проповѣдями, основаніемъ многихъ училищъ и тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользовался среди турокъ и албанцевъ-мусуль-

манъ, принесъ много пользы православнымъ этихъ странъ. Святаго Косьму въ вышеупомянутыхъ странахъ чтутъ праздникомъ 24 апрѣля и особенно хвалебнымъ пѣснопѣніемъ (ᾀσματικὴ ἀκολουθία), составленнымъ Сапфиромъ Христодулидо, напечатаннымъ впервые въ Венеціи въ 1814 г., а затѣмъ въ Кефалоніи въ 1850 г. Г. Мистакидисъ умалчиваетъ какъ о пѣснопѣніи, составленномъ въ честь св. Косьмы, такъ и о празднуемомъ днѣ этого святаго и ограничивается тѣмъ, что даетъ въ своей статьѣ біографію и характеристику этого святаго. А такъ какъ авторъ проживаетъ въ Эпирѣ, то при этомъ онъ приводитъ нѣкоторыя мѣстныя преданія объ этомъ святомъ.

Н. Г. Мистакидисъ, Τὸ Λάμποβον τῆς Δρυϊνουπόλεως [Νεολόγος, 1895, № 7975—76, 7979—80].— Въ Эпирѣ находится село подъ названіемъ Ано-Ламповонъ, подлежащее въ административномъ отношеніи уѣзду Аргирокастронъ. Г. Мистакидисъ въ своей обширной статьѣ, которой у насъ недостаетъ окончанія, говоритъ о мѣстѣ, расположеніи и объ исторіи этого села, описываетъ также сохранившіеся въ немъ памятники древности, построенный въ честь Богородицы храмъ, древняя икона котораго, а также нѣкоторыя драгоцѣнности (какъ рукописи и амфіи), по словамъ автора, находятся въ Венеціи. Этотъ храмъ построилъ императоръ Юстиніанъ. Г. Мистакидисъ подробно говоритъ о событіяхъ, сопровождавшихъ его постройку, о лицахъ, принимавшихъ участіе въ построеніи, и о тѣхъ привилегіяхъ, которыя даровалъ этому храму императоръ Юстиніанъ. Откуда почерпаетъ г. Мистакидисъ эти свѣдѣнія, мнѣ неизвѣстно. Но, какъ видно, онъ не основывается на источникахъ извѣстныхъ историкамъ, а на преданіяхъ жителей Ламповонъ и на рукописяхъ, найденныхъ имъ въ храмѣ Богородицы. Г. Мистакидисъ перечисляетъ всѣ мѣстности Эпира, носящія названіе Ламповонъ, и думаетъ, что это мѣстное названіе происходитъ отъ слова λάμπω и только окончаніе его βον не греческое.

И. П. Миліопулосъ, Περὶ τῆς ἐν Χαλκηδόνι μονῆς τοῦ ἁγίου Ὑπατίου [Νεολόγος, 1895, № 7952]. — Небольшая замѣтка, въ которой г. Миліопулосъ высказываетъ догадку, что монастырь св. Ипатія, или αἱ Ῥουφινιαναὶ, находился между вокзаломъ желѣзной дороги Хайдаръ-паша и казармами Селимье, около нынѣшняго Кадикье противъ Константинополя, и говоритъ съ убѣжденіемъ, что во всякомъ случаѣ находился въ мѣстности Топханоглу, въ имѣніи Кецоглу, гдѣ остались слѣды византійской постройки.

Маргаритисъ Евангелидисъ, Ὅτι ὁ ἐκ τῆς χυδαιολογίας φόβος κενός [Παρνασσός 1895, т. XVII, стр. 481—492]. — Евангелидисъ, профессоръ философіи Аѳинскаго университета, произнесъ рѣчь въ Аѳинскомъ силлогѣ мало-азіатскихъ грековъ, называемомъ Ἀνατολή (Востокъ), въ которой патетически обзываетъ врагами эллинизма всѣхъ тѣхъ грековъ и европейцевъ эллинистовъ, которые совѣтуютъ грекамъ замѣнить современный смѣшанный литературный языкъ народнымъ общепонятнымъ язы-

комъ и постепенно обратить его въ литературный. Г. Евангелидисъ считаетъ это невозможнымъ, находя народный языкъ чрезвычайно бѣднымъ (онъ его называетъ даже варварскимъ) и слѣдовательно не могущимъ выразить вполнѣ ясно всѣ культурныя понятія.

Спиридонъ Де-Віазисъ. Ἱστορικαὶ σημειώσεις περὶ τῶν Δυτικῶν ἐν Πελοποννήσῳ ἐπὶ Ἑνετοκρατίας καὶ Τουρκοκρατίας (1685—1800). [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 540—548, 608—617, 711—718, 758—774]. — Это сочиненіе г. Де-Віазиса еще не окончено, окончаніе его будетъ помѣщено во второй книжкѣ «Παρνασσός», но напечатанная его часть можетъ уже дать ясное понятіе о его цѣли. Г. Де-Віазисъ, пользуясь архивомъ латинской епископіи острова Закинѳа, взялъ на себя трудъ написать исторію состоянія латинской церкви въ Пелопоннисѣ съ средины XVII вѣка до конца XVIII вѣка.

Г. Я. Калайсакисъ, Κρητικαὶ παροιμίαι ἐξ ἀνεκδότου συλλογῆς [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 795—800, см. Виз. Времен. II, стр. 254]. — Г. Калайсакисъ опять печатаетъ не мало поговорокъ, съ 158—240.

Матѳей Параникасъ, Περὶ τῆς ἐν Θράκῃ Ἀδριανουπόλεως [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 679—699]. Въ этой статьѣ описывается городъ Адріанополь. Сочиненіе дѣлится на двѣ части, въ первой городъ описывается съ археологической точки зрѣнія, а во второй — съ исторической до 1453 г. Если бы эта статья имѣла и третью часть содержащую церковную исторію и списокъ архіереевъ Адріанополя, то несомнѣнно была бы еще полезнѣе.

Г. Н. Хаджидакисъ, Φιλολογικοὶ κροκύλεγμοι [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 561—588]. — Въ статьѣ подъ этимъ названіемъ г. Хаджидакисъ опровергаетъ мнѣніе одного изъ его критиковъ, не называя его по имени, о новогреческихъ словахъ, оканчивающихся на πουλλος, πούλλα, πουλλον, πουλλί и др., о правописаніи ласкательныхъ и уменьшительныхъ словъ оканчивающихся на είδιον и о формѣ ἐλαλοῦσαν. Г. Хаджидакисъ убѣдительно доказываетъ, что окончаніе πουλλος(α, ον) происходитъ отъ латинскаго pullus, а не отъ древне-греческаго πῶλος, что слова на ίδιον правильно пишутся είδιον, о глагольной же формѣ ἐλαλοῦσαν приводитъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія достойныя вниманія.

Евг. Г. Залакостасъ, Ἀπὸ τοῦ ἄνω Βοσπόρου [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 401—417]. — Въ этой статьѣ г. Залакостасъ описываетъ нѣкоторыя селенія, расположенныя на берегу Ѳракійскаго Босфора, даетъ о нихъ топографическія и историческія свѣдѣнія, а также описываетъ образъ жизни въ этихъ селеніяхъ и въ концѣ приводитъ нѣкоторыя древнія мѣстности, находящіяся около этихъ селеній.

Ил. А. Цицелисъ, Προλήψεις καὶ δεισιδαιμονίαι ἐν Κεφαλληνίᾳ [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 429—443]. — Подъ заглавіемъ: Κεφαλληνιακὰ Σύμμικτα Г. Цицелисъ составилъ полный сборникъ описаній нравовъ и обычаевъ жителей острова Кефаллиніи, но онъ остается пока еще неизданнымъ. Только нѣкоторыя его главы появились въ печати [см. напр.

Виз. Врем. I, стр. 222]. Нынѣ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, въ первой главѣ своего сочиненія авторъ распространяется о народныхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ жителей острова Кефаллиніи, передавая ихъ представленія о добрыхъ и злыхъ ангелахъ, о пребываніи демоновъ, о томъ, какими названіями и эпитетами они награждаютъ дьявола, и о ихъ повѣріи, что дьяволъ имѣетъ что-то общее съ желѣзомъ.

Костисъ Пасаяннисъ, Μανιάτικα μοιρολόγια [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 473—479]. Здѣсь г. Пасаяннисъ сообщаетъ 14 погребальныхъ пѣсенъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ. О ранѣе имъ напечатанныхъ пѣсняхъ см. Виз. Врем. II, стр. 288.

П. Д., Ἡ νῆσος Πάτμος [Παρνασσός, 1895, т. XVII, стр. 369—377]. Г. П. Д. сообщаетъ на греческомъ языкѣ описаніе г. Тозеромъ острова Патмоса и находящагося здѣсь извѣстнаго монастыря св. Іоанна Богослова [The islands of the Aegean. Oxford 1890].

Архим. Кириллъ Аѳанасіадисъ, Ἡ ἱερὰ μονὴ τοῦ Χοζεβᾶ. Ἐν Ἀθήναις [чит. ἐν Σμύρνῃ] 1895, 8°, стр. 1—27. — Въ этой брошюрѣ архимандритъ Кириллъ сообщаетъ свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи монастыря Хозева въ Палестинѣ и излагаетъ его исторію со времени возобновленія его въ 1858 г. по сіе время.

Ив. М[иліопулосъ], Σιδηροδρομικαὶ ἀναμνήσεις ἀπὸ Χαϊδὰρ-πασσᾶ ἕως Εσκὶ-σεχίρ. Ἀθήνησιν [чит. Ἐν Κωνσταντινουπόλει], 1894, 16°. стр. d'+88. — Въ этой брошюрѣ описывается часть Виѳиніи и Фригіи. Хайдаръ-паша — вокзалъ желѣзной дороги вблизи Халкидона, и Эски-шехиръ — городъ, расположенный на мѣстѣ развалинъ Дорилея. Г. Миліопулосъ описываетъ древнія мѣстности, находящіяся по полотну желѣзной дороги Хайдаръ-паша до Дорилея. Автору хорошо извѣстны свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ византійскихъ писателей, но онъ мало знакомъ съ новѣйшими географическими и археологическими изслѣдованіями относительно этихъ мѣстъ. Тѣмъ не менѣе его книга полезна, какъ своимъ описаніемъ развалинъ монастырей, церквей и другихъ построекъ Виѳиніи и Фригіи, такъ и вышеупомянутыми свѣдѣніями, которыя онъ почерпалъ изъ византійскихъ источниковъ. Въ концѣ же книги онъ приводитъ много древнихъ надписей, найденныхъ имъ въ Дорилеѣ.

Мануилъ Гедеонъ, Προικόννησος. Ἐκκλησιαστικὴ παροικία, ναοὶ καὶ μοναί, μητροπολῖται καὶ ἐπίσκοποι. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1895, 8°, стр. 233. — На 1—86 стр. г. Гедеонъ описываетъ расположенные по берегу Виѳиніи острова Авлонію, Афусію и Куталисъ, съ 87-ой же стр. островъ Проконисъ, исторію котораго излагаетъ начиная съ византійской эпохи. Онъ приводитъ содержаніе греческихъ документовъ XVII—XIX вѣковъ, еще ни разу не напечатанныхъ, и надписей христіанской и дохристіанской эпохи, которыя ему посчастливилось найти. Съ 211—215 стр. авторъ перечисляетъ архіереевъ Прокониса съ V вѣка по сіе время, въ концѣ же книги прилагаетъ четыре литографическихъ рисунка.

Евстратій И. Дракосъ, Τὰ Μικρασιανὰ ἢ αἱ Ἑκατόνησοι (sic) τανῦν Μο-

σχονήσια. Τεύχη δύο. Ἀθήνησι [чит. Ἐν Σμύρνῃ] 1895 г., 8°, стр. 48+96. — Книга подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ дѣлится на двѣ различныя по содержанію части. Первая часть Μικρασιανὰ есть общій обзоръ Ἑκατονήσων (sic) Μοσχονησίων и содержитъ, во-первыхъ, полный списокъ нынѣшнихъ названій этихъ острововъ, расположенныхъ противъ острова Лесбоса, по берегу Малой Азіи, во-вторыхъ, ихъ описаніе. Главный изъ этихъ острововъ называется Μοσχονήσια, по древнему Νῆσος, какъ доказалъ врачь и археологъ г. Г. Эариносъ [Μουσεῖον καὶ Βιβλιοθήκη τῆς Εὐαγγελικῆς Σχολῆς. Περίοδος δευτέρα. Ἐν Σμύρνῃ 1879 г., стр. 110—138]. Г. Дракосъ какъ уроженецъ острова Μοσχονήσια, подробно и точно описываетъ нынѣшнее его положеніе, излагаетъ его исторію, упоминаетъ, кто еще писалъ объ островахъ Μοσχονήσια, въ концѣ же этой части прилагаетъ 4 литографическихъ рисунка, представляющихъ портреты послѣднихъ четырехъ епископовъ въ Μοσχονήσια. — Вторая часть этой книги называется Μικρασιανά, или исторія Μοσχονησίων съ церковной точки зрѣнія. Въ этой части авторъ въ началѣ упоминаетъ о древнихъ епископіяхъ Ποροσελήνης и Νήσου, а также о нынѣшней епископіи Μοσχονησίων, подлежащей въ духовномъ отношеніи вѣдѣнію митрополита г. Смирны, а затѣмъ объ архивѣ этой епископіи и ея печатяхъ. Далѣе онъ приводитъ біографію епископовъ Μοσχονησίων въ XVIII—XIX стол., а также Константинопольскихъ патріарховъ и архіереевъ различныхъ городовъ изъ уроженцевъ Μοσχονησίων. Въ концѣ же книги онъ помѣщаетъ описаніе исторіи нынѣ существующихъ монастырей Μοσχονησίων.

А. Пападопуло-Керамевсъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Архимандритъ Порфирій Успенскій. Востокъ Христіанскій. Путешествіе въ Метеорскіе и Осоолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею П. А. Сырку. С.-Петербургъ. 1896. 8°. Цѣна 3 руб.

Е. К. Рѣдинъ. Мозаики Равеннскихъ церквей. С.-Петербургъ. 1896. 8°. VI+232 стр. съ II таблицами. Изъ Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. IX.

А. Куникъ. Извѣстны ли намъ годъ и день смерти великаго князя Ярослава Владимировича. С.-Петербургъ. 1896. 8°.

Православный Палестинскій Сборникъ. 48-й выпускъ. С.-Петербургъ. 1896: Хожденіе архімандрит Агреѳенья обѣтелі Пресвящыя Богородица (около 1370 года). Подъ редакціею архимандрита Леонида.

Святѣйшаго патріарха Фотія архіепископа константинопольскаго XLV неизданныхъ писемъ. По аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. С.-Петербургъ. 1896. 8°. — Sanctissimi

Patriarchae Photii archiepiscopi Constantinopoleos epistolae XLV. E codicibus montis Atho nunc primum edidit A. Papadopulos-Kerameus. Petropoli. 1896. 8°. Изъ Записокъ Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Часть 41.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. I. Одесса. 1896. 8°. IV+53+175+35 стр. съ II таблицами.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ. VI. Византійское Отдѣленіе. III. Одесса. 1896.

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1895 годъ. С.-Петербургъ. 1896. Отд. отт. изъ Извѣстій Имп. Акад. Наукъ. V.

Пл. Соколовъ. Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи. Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Диссертація на степень магистра. Новгородъ. 1896. 8°. 300 стр.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. С.-Петербургъ. 1897. 8°. XXII+411 стр. Цѣна 2 руб.

О. Ѳ. Вульфъ. Семь чудесъ Византіи и храмъ Святыхъ Апостоловъ. Одесса. 1896. Отд. отт. изъ Извѣстій Русск. Арх. Инст. въ К/полѣ.

Ѳ. Е. Коршъ. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Одесса. 1896. 8°. Отд. отт. изъ Лѣтописи Ист.-Фил. Общ. при Имп. Новоросс. Унив. VI.

Е. К. Рѣдинъ. Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Къ 30-лѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. С.-Петербургъ. 1896. 8°. Отд. отт. изъ Записокъ Имп. Русск. Арх. Общ. IX.

Athaulfus Sonny. Ad Dionem Chrysostomum Analecta. Accedit tabula phototypica. Kioviae. 1896. 8°. XII+241 стр.

Karl Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Iustininian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527—1453). Zweite. Auflage bearbeitet unter Mitwirkung von A. Ehrhard und H. Gelzer. München. 1897. C. H. Beck. 8°. XX+1193 стр. Цѣна 24 марки. Изъ Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft. Bd. IX. Abth. I.

Max Brückner. Zur Beurtheilung des Geschichtschreibers Procopius von Cäsarea. Gymnasialprogramm. Ansbach. 1896. 8°. 63 стр.

Adolf Stoll. Der Geschichtschreiber Friedrich Wilken. Cassel, Th. G. Fischer u. C°. 1896. 350 стр. 8°. Цѣна 6 марокъ.

Gustav Körting. Neugriechisch und Romanisch. Berlin, Wilh. Gronau. 1896. 8°. III+165 стр. Цѣна 4 марки.

Charles Diehl. L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533—709). Paris. Ernest Leroux. 1896. 8°. XII+644 стр.

Gustave Schlumberger. L'épopée Byzantine à la fin du X siècle.

Avec 209 figures et 10 planches. Paris. Hachette et C°. 1897. 8°. Цѣна 30 фр.

Bibliothèque grecque vulgaire. Tome VIII. Recueil de fables Ésopiques mises en vers par Georges l'Étolien et publiées par la première fois d'après un manuscrit du Mont Athos par Émile Legrand. Paris. H. Welter. 1896. 8°. XVI+1090 стр.

Domenico Comparetti. La querra Gotica di Procopio di Cesarea. Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione Italiana. Vol. II. Roma. 1896. 8°. II+468+II стр.

Μανουὴλ Ἰω. Γεδεών. Βυζαντινὸν Ἑεορτολόγιον. Μνῆμαι τῶν ἀπὸ τοῦ δ' μέχρι τῶν μέσων τοῦ ιε' αἰῶνος ἑορταζομένων ἁγίων ἐν Κωνσταντινουπόλει. Τεῦχος πρῶτον. Πρόλογος — οἱ μῆνες ἀπὸ Ἰανουαρίου μέχρις Αὐγούστου. Constantinople. Otto Keil.

Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος. Τεῦχος ιζ'. Ἐν Ἀθήναις. Beck. 1896.

Σπυρ. Π. Λάμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Τεῦχος 69. 70. Ἐν Ἀθήναις, Κάρολος Μπέκ. 1896.

Σπυρ. Π. Λάμπρος. Ἡ ὀνοματολογία τῆς Ἀττικῆς καὶ ἡ εἰς τὴν χῶραν ἐποίκησις τῶν Ἀλβανῶν. Ἐν Ἀθήνησιν. 1896. 8°. Отд. отт. изъ Παρνασσός.

Π. Καρολίδης. Ἡ ἐνεστῶσα κατάστασις ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει. Ἐν Ἀθήναις, Ἑταιρεία ὁ «Ἑλληνισμός». 1896. 8°. 122 стр. Цѣна 2 драхмы.

Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος. Σύγγραμμα περιοδικόν. Τόμος κς'. Ἔτος συλλογικὸν λδ'. 1894—1895. Ἐν Κ/πόλει. 1896.

Φιλολογικὸς Σύλλογος Παρνασσός. Ἐπετηρίς. Ἔτος Α'. Ἐν Ἀθήναις. 1897.

ОТДѢЛЪ III.

Сообщенія на археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г. На X археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ, состоявшемся въ 1896 г., были сдѣланы слѣдующія сообщенія, которыя представляютъ непосредственный интересъ для византологіи.

1. Професс. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ докладъ «О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ».

Докладъ былъ посвященъ исторіи возникновенія института и обозрѣнію тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ достигъ въ ученой дѣятельности за первый годъ своего существованія. Результаты эти оказываются весьма значительными и дѣятельность института, несмотря на его скудныя средства и небольшой составъ его работниковъ, весьма плодотворна. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣсто, избранное для института, весьма удачно; оно — центръ тѣхъ мѣстностей, которыя еще мало изучены, изслѣдованы и почва которыхъ обѣщаетъ богатую жатву для науки археологіи вообще, а византійской и тѣсно съ ней связанной русской — въ частности.

Задачи института — изученіе письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ въ областяхъ прежней Византійской, нынѣшней Турецкой имперіи, Греческаго королевства и славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ.

Институтъ имѣетъ научный инвентарь; онъ обогатился пожертвованіями разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій; организація библіотеки составила первую работу института; въ этой библіотекѣ имѣются такія цѣнныя изданія, какъ Патрологія Миня, Acta Sanctorum, Corpus Inscriptionum, Базилика св. Марка въ Венеціи и др.

Кромѣ участія въ ученыхъ собраніяхъ, члены института предпринимали ученыя экскурсіи: въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, въ Никею, въ Бруссу, Никомидію и Болгарію. Научныя пріобрѣтенія института: покупка греческаго Евангелія VI в., открытіе и снятіе фотографій съ древне-христіанскаго саркофага, древнихъ мозаикъ въ Софіи и др.; най-

дены новые тексты: жизнь св. Евгенія Трапезунтскаго, новые матеріалы для исторіи Итала, для ученія богомиловъ, неизданныя сочиненія Льва Мудраго.

Ближайшія въ будущемъ предпріятія института — русско-французская экспедиція на Аѳонъ и исторія древнихъ монастырей Константинопольскаго патріархата.

Въ заключеніе профессоръ Ѳ. И. Успенскій просилъ съѣздъ помочь новому ученому учрежденію — «русской колоніи» на Востокѣ — присылкой работниковъ, трудами по изслѣдованію открываемыхъ памятниковъ.

2. Професс. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ: «О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ Евангелія».

Въ докладѣ профессоръ Ѳ. И. Успенскій сообщилъ наблюденія (его, секретаря Д. П. Погодина и Я. И. Смирнова) надъ замѣчательнымъ греческимъ спискомъ Евангелія, пріобрѣтеннымъ при посредствѣ Археологическаго Института въ Константинополѣ, по желанію Государя Императора, для Императорской Публичной Библіотеки.

Хорошій, покрытый серебромъ переплетъ рукописи сдѣланъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Пергаменные листы рукописи окрашены въ фіолетовую пурпурную краску, на которой текстъ писанъ серебромъ, а слова, заключающія имя Бога, золотомъ. Текстъ писанъ въ двѣ колонны по 16 строкъ въ каждой. Всего въ настоящее время въ рукописи 182 листа, занятыхъ частями текстомъ изъ четырехъ Евангелистовъ, расположенныхъ не въ полномъ порядкѣ. Внѣшній видъ кодекса указываетъ на нахожденіе его до переплета въ плохомъ состояніи. Въ настоящемъ видѣ кодексъ сохранился не цѣликомъ; въ немъ недостаетъ больше половины: судя по полному евангельскому тексту — около 270 листовъ. Какъ показываютъ сдѣланныя при переплетѣ помѣты по листамъ, уже послѣ переплета вырѣзаны были изъ него 4 листа.

Тишендорфъ (въ Monumenta Sacra inedita) указываетъ на существованіе отдѣльныхъ листовъ пурпурнаго кодекса N — въ Римѣ двухъ, въ Вѣнѣ — шести и въ Лондонѣ — четырехъ; Саккеліонъ — на нахожденіе въ Патмосской библіотекѣ 33 листовъ пурпурнаго кодекса. Всѣ эти листы оказываются принадлежащими одной и той же рукописи — кодекса N, котораго такимъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ всего 45 листовъ. Вновь пріобрѣтенный Россіей, благодаря институту, кодексъ составляетъ часть того же кодекса N.

Указанные листы въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ находятся тамъ еще съ XVI вѣка; слѣдовательно, кодексъ былъ разрозненъ въ средневѣковую эпоху. Кромѣ текста, на листахъ кодекса имѣются помѣты разныхъ вѣковъ и разнаго характера; изъ этихъ помѣтъ видно, что уже въ XII—XIV вв. въ немъ не доставало около 150 листовъ. Счетъ по тетрадямъ, заставляющій предполагать первоначально въ кодексѣ 490 листовъ, при сопоставленіи съ 456 листами, которыхъ было достаточно для помѣщенія полнаго евангельскаго текста, даетъ основа-

ніе думать, что при текстѣ были, можетъ быть, миніатюры, отъ которыхъ теперь не сохранилось слѣда.

Согласно изслѣдованіямъ Тишендорфа, Гартгаузена, Грегори, изучавшихъ отрывки кодекса N, послѣдній относится къ V—VI вѣку. Онъ даетъ новыя разночтенія евангельскаго текста и вообще является драгоцѣннымъ памятникомъ во многихъ отношеніяхъ, почему и слѣдуетъ весьма желать, чтобы соотвѣтственно этому было сдѣлано и достойное изданіе этой рукописи въ свѣтъ.

3. Професс. Ѳ. И. Успенскій прочелъ докладъ: «Археологическіе памятники города Никеи».

Памятники Никеи, вообще въ высшей степени важные и замѣчательные, принадлежатъ двумъ эпохамъ — римской и византійской. Вниманіе византиниста особенно привлекаютъ памятники послѣдней эпохи. Чтобы показать значеніе никейскихъ древностей, профессоръ Ѳ. И. Успенскій подробно остановился на одномъ изъ такихъ памятниковъ.

Никея — мѣсто перваго вселенскаго собора, и естественно является вопросъ, гдѣ происходили засѣданія этого собора? Въ Никеѣ есть мѣсто, называемое Σύνοδος. Это—площадь, заросшая травою; но что это не простая площадь, а развалины, доказываютъ остатки мраморной лѣстницы, находящіеся надъ поверхностью земли, слѣды четырехугольнаго зданія, остатки колоннъ и проч. Но былъ ли Σύνοδος мѣстомъ засѣданій собора, установить невозможно. Другіе указываютъ на нынѣшнюю митрополичью церковь. Что именно эта церковь была мѣстомъ засѣданій собора, на то есть нѣкоторыя указанія въ иконографіи: въ Болгаріи, въ Бачковомъ монастырѣ, имѣется икона съ изображеніемъ Спиридона Тримифунтскаго, и на ней въ сторонѣ изображенъ храмъ, въ которомъ происходили засѣданія Никейскаго собора, храмъ не шаблонный, а такой, изображеніе котораго можетъ служить точкой отправленія при рѣшеніи разсматриваемаго вопроса, и съ нимъ, по мнѣнію докладчика, дѣйствительно можетъ быть сближена нынѣшняя митрополичья церковь.

Особенно подробно остановился профессоръ Ѳ. И. Успенскій на одной византійской надписи, чтобы показать, какой любопытный матеріалъ представляютъ этого рода памятники, какъ надо пользоваться тѣмъ, что сдѣлано, и какъ необходимы новыя работы для раскрытія истиннаго значенія византійскихъ памятниковъ. Надпись, о которой идетъ рѣчь, находится на стѣнѣ, между Стамбульскими и Морскими воротами. Она извѣстна уже и издана *Texier*, Description de l'Asie Mineure, p. 41. Но изданіе и толкованіе текста—не годны. Въ первой строкѣ его текста стоитъ имя «Сарацинъ» (καὶ αἰσχυντηρῶν Σαρακηνῶν), тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ надписи стоитъ ΚΑΤΑΙϹΧΥΝΘΗ ΘΡΑϹΟϹ, и въ виду упоминанія въ надписи именъ императоровъ Льва и Константина, Тексье отнесъ ее ко времени Льва Мудраго, къ 912 году. Но тогда арабы не были особенною грозою для Византіи; такою грозою они были въ VIII столѣтіи, въ эпоху императоровъ-иконоборцевъ. Тексье не разо-

бралъ въ послѣдней строкѣ надписи (всѣхъ строкъ 5) слова «Артаваздъ» (ΑΡΤΑΒΑϹΔΟϹ); между тѣмъ это слово даетъ ключъ къ пониманію надписи: армянинъ Артаваздъ былъ современникомъ и помощникомъ Льва Исавра, игралъ видную роль въ средѣ православныхъ, и по смерти Льва былъ провозглашенъ ими императоромъ. Такимъ образомъ памятникъ этотъ относится къ 726—739 и слѣдующимъ годамъ, освѣщаетъ эпоху и сообщаетъ намъ новыя данныя.

Въ заключеніе докладчикъ указалъ на неудовлетворительное состояніе византиновѣдѣнія и на необходимость изученія византійскихъ памятниковъ не по книгамъ только, а и посредствомъ личнаго осмотра на мѣстѣ.

4. Професс. Θ. И. Успенскій представилъ докладъ: «О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи».

Напомнивъ о неосуществившемся проектѣ археологической экспедиціи въ Болгарію и указавъ, что на почвѣ научныхъ интересовъ русскихъ ожидаетъ въ Болгаріи благодарная почва, докладчикъ перешелъ къ результатамъ предпринятой институтомъ предварительной развѣдки. Историческій и археологическій интересъ есть у правительственныхъ классовъ Болгарскаго княжества, но небольшая группа ученыхъ, профессоровъ высшей школы недостаточна для того, чтобы взять въ свои руки разработку древней исторіи, изученіе монументальныхъ и письменныхъ памятниковъ, изслѣдованіе народной литературы, языка, права и обычаевъ. Научныя потребности осязательны, а практически подготовленныхъ людей нѣтъ—нѣтъ художниковъ, архитекторовъ, профессоровъ. Вотъ почему представляется желательнымъ привлеченіе ученыхъ силъ изъ Россіи. Далѣе докладчикъ указалъ на наиболѣе важныя археологическія задачи въ Болгаріи и на замѣчательныя и драгоцѣнныя археологическія сокровища, ожидающія ученыхъ въ Болгаріи.

5. Въ докладѣ проф. Д. В. Айналова «О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ», описаны и изслѣдованы два замѣчательныхъ скульптурныхъ памятника, открытыхъ благодаря трудамъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Памятники эти являются особенно замѣчательными въ виду того, что христіанскихъ памятниковъ, особенно скульптурныхъ, на Востокѣ пока извѣстно мало, изученіе же ихъ весьма важно для исторіи христіанскаго искусства, для рѣшенія вопроса о его началахъ. Оба памятника — христіанскіе саркофаги. На одномъ, найденномъ въ турецкой деревнѣ Текели-Кіой, начертано изображеніе корабля съ распущенными парусами, но безъ людей; поверхъ мачты маленькій крестикъ, а по сторонамъ (не прочтенная еще) надпись. Судя по формамъ корабля, креста, саркофагъ IV вѣка (позже 326 года). На другомъ саркофагѣ (фрагментъ, боковая сторона), найденномъ въ Псаматіи (въ Константинополѣ), въ трехъ нишахъ, образованныхъ витыми колонками, замѣчательной работы — три фигуры, выполненныя въ высокомъ рельефѣ: Христа юнаго въ нимбѣ и

двухъ учениковъ (евангелистовъ); это памятникъ V вѣка; два же византійскихъ рельефа, находящихся по сторонамъ доски саркофага съ изображеніемъ Богородицы Оранты и Архангела Михаила — времени послѣ паденія Византійской имперіи.

Въ замѣчаніяхъ, высказанныхъ послѣ прочтенія реферата проф. Н. В. Покровскимъ, отмѣчено, что фигуры по сторонамъ Христа не тождественны, одна возмужалая, что онѣ Апостолы и что византійскіе рельефы не поздней эпохи, а XII—XIII вѣка.

6. Е. К. Рѣдинъ на основаніи доклада П. Д. Погодина «Археологическая поѣздка по сѣверной Болгаріи» сдѣлалъ обзоръ результатовъ научной экскурсіи, совершенной послѣднимъ, по порученію Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, по сѣверной Болгаріи. Г. Погодинымъ были посѣщены многіе древніе храмы, осмотрѣны ризницы, пещерные храмы, курганы, записаны нѣкоторыя народныя преданія, списаны греческія надписи, отмѣчены встрѣченныя въ церквахъ росписи.

Е. Рѣдинъ предпослалъ обозрѣнію введеніе, въ которомъ отмѣтилъ: большинство памятниковъ, описанныхъ г. Погодинымъ—позднія (XVI—XVII в.), но они интересны, какъ памятники національные, болгарскіе; по своимъ связямъ, зависимости отъ византійскаго искусства, болгарскіе памятники представляютъ глубокій интересъ для науки русской археологіи, одну изъ задачъ которой въ будущемъ составитъ привлечь русскіе памятники искусства въ сравненіе съ болгарскими и установить, какъ проявлялось на тѣхъ и другихъ византійское вліяніе, какъ проявлялся въ подражательныхъ памятникахъ національный характеръ; быть можетъ, тогда возможно будетъ установить связь между болгарскими и русскими памятниками; научная экскурсія г. Погодина тѣмъ и интересна, что подготовляетъ матеріалъ для такого рода работъ. Высказавъ пожеланіе, чтобы богатый матеріалъ, который Археологическій Институтъ въ Константинополѣ собираетъ, былъ изданъ и сдѣлался достояніемъ русской археологической литературы, Е. К. Рѣдинъ перешелъ къ матеріалу, заключенному въ докладѣ г. Погодина, и познакомилъ съ наиболѣе выдающимися памятниками, отмѣтилъ наиболѣе интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣста, посѣщенныя послѣднимъ.

7. В. В. Сусловъ прочелъ докладъ «Новгородскій Софійскій соборъ». Въ немъ онъ познакомилъ съ реставраціей собора, произведенной подъ его руководствомъ, и съ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ это время.

По удаленіи позднѣйшихъ ремонтовъ была обнаружена крайняя ветхость храма: арки оказались въ глубокихъ трещинахъ, зачиненныхъ деревянными клиньями, своды провисли и имѣли сквозныя щели, задѣланныя деревомъ и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ были обнаружены всѣ видоизмѣненія храма, произведенныя реставраціями. Необходимо было измѣненнымъ формамъ придать ихъ прежній видъ. Открыты были древнія фресковыя изображенія, какъ въ куполѣ (ангелы, пророки—XII вѣка), такъ

и въ другихъ частяхъ храма (напр., свв. Константина и Елены, XI в., въ Мартиріевской паперти).

Сдѣланныя открытія вполнѣ разсѣяли гадательныя свѣдѣнія о храмѣ, они являются крупной новостью въ исторіи нашего зодчества; самъ памятникъ въ нѣмыхъ стѣнахъ открылъ свою многовѣковую жизнь и нынѣ долженъ войти свѣтлой страницей въ исторію русскаго зодчества. Объясненія реферата иллюстрировались множествомъ архитектурныхъ рисунковъ, плановъ, копій въ краскахъ, въ оригинальную величину, открытыхъ древнихъ фресокъ и т. п.

8. Н. И. Троицкій сдѣлалъ докладъ: «Вліяніе космологіи на иконографію византійскаго купола (по поводу новооткрытыхъ фресокъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ)».

Въ докладѣ были высказаны слѣдующія положенія: Византійскій куполъ храма, какъ произведеніе христіанскаго искусства, представляетъ подобіе видимаго неба. Перенося представленіе о небѣ на куполъ, художникъ стоялъ на почвѣ библейской и въ зависимости отъ космологіи съ ея ученіемъ о небѣ, его силахъ, стихіяхъ и вѣтрахъ. Выше всего онъ помѣщаетъ изображеніе Христа Вседержителя (на основаніи ветхозавѣтныхъ пророческихъ видѣній и историческаго событія вознесенія Христа); ниже — четырехъ серафимовъ (какъ ангеловъ четырехъ стихій: Апок. XIV, XV), четырехъ архангеловъ (какъ чрезвычайныхъ вѣстниковъ воли Вседержителя: по кн. пр. Даніила); ниже — пророковъ (какъ видимыхъ носителей силы Духа Божія въ откровеніи преимущественно народу избранному—церкви Божіей). Взятыя всѣ вмѣстѣ, указанныя изображенія представляютъ «небо—престолъ Вседержителя», которому служатъ всѣ силы міра; престолъ держится надъ землею и соприкасается съ нею черезъ особыя силы, представляемыя въ лицѣ четырехъ херувимовъ, соотвѣтственно четыремъ вѣтрамъ и четыремъ странамъ свѣта и замѣняемыя позже четырьмя Евангелистами (по ученію св. Иринея, еп. ліонскаго, они—четыре главныхъ носителя Духа Божія для вселенской церкви, какъ «небеснаго корабля»).

Связь иконографіи купола съ представленіями космологіи ясно открывается и въ памятникахъ самой космологіи, въ космографіяхъ XII—XVII в., гдѣ отъ простого олицетворенія четырехъ вѣтровъ (космографія Туринской библіотеки XII в.) невиденъ переходъ къ собственно монографіи (Христосъ Вседержитель въ Typus orbis terrarum Gerhardi Mercatoris, 1608 г.).

9. О. Ѳ. Вульфъ въ докладѣ «Древности Никомидіи» познакомилъ съ результатами археологической экскурсіи, предпринятой Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ, въ которой онъ принималъ участіе. Печальное состояніе Никомидіи въ настоящее время объясняется двукратнымъ ея разрушеніемъ въ IV и XIV вѣкѣ. Членами экскурсіи было встрѣчено много архитектурныхъ памятниковъ, надписей не мало скульптурныхъ. Изъ наиболѣе важныхъ византійскихъ памятни-

ковъ г. Вульфомъ отмѣчены: цистерна въ селѣ Бого—доюстиніановской эпохи; развалины церкви или дворца, архитектурные памятники-капители V вѣка и др. Всѣ эти памятники были детально обслѣдованы г. докладчикомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ была представлена реконструкція памятниковъ. Докладъ иллюстрировался множествомъ фотографій, снятыхъ участниками экскурсіи со встрѣченныхъ памятниковъ.

10. Е. К. Рѣдинъ въ докладѣ «Мозаики равеннскихъ церквей», представляющемъ отрывокъ изъ приготовляемаго имъ къ печати труда, посвященнаго спеціальному обозрѣнію указанныхъ мозаикъ, остановился подробно на извѣстныхъ въ литературѣ сочиненіяхъ, касающихся тѣхъ же мозаикъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы въ отношеніи предлагаемыхъ въ нихъ теорій о происхожденіи мозаикъ, и отмѣтилъ историческіе факты, подтверждающіе стилистическій и иконографическій анализъ мозаикъ, приводящій къ заключенію о византійскомъ происхожденіи ихъ.

Проф. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу возбуждаемаго въ докладѣ вопроса объ отношеніи равеннскихъ мозаикъ къ памятникамъ византійскаго искуства.

11. О. Ѳ. Вульфъ представилъ докладъ «Возстановленіе Константинопольскаго храма свв. Апостоловъ на основаніи вновь найденнаго описанія».

Недостаточныя до послѣдняго времени свѣдѣнія о замѣчательномъ архитектурномъ памятникѣ, равномъ по значенію св. Софіи, восполняются найденною въ аѳонскомъ монастырѣ св. Лавры поэмою Родія, посвященною Константину Порфирородному, весьма важной по описанію и многихъ другихъ памятниковъ Константинополя. Пользуясь матеріаломъ поэмы и другими источниками (Прокопій), докладчикъ представилъ полную реконструкцію храма. При реконструкціи онъ принимаетъ въ соображеніе извѣстія Прокопія: а) о крестообразномъ видѣ храма съ удлиненіемъ къ западу, б) объ окружающихъ храмъ снаружи стѣнахъ и двухъэтажныхъ портикахъ, в) о мѣстонахожденіи алтаря въ центрѣ, объ устройствѣ кровли, какъ въ св. Софіи, но меньшихъ размѣровъ, подъ четырьмя арками съ прорѣзными окнами, о равенствѣ другихъ безоконныхъ куполовъ. Далѣе принимаетъ во вниманіе описаніе Родія, который обозначаетъ мѣстонахожденіе храма, описываетъ общій видъ, указываетъ на перестройку храма Константина, имена архитекторовъ и составъ архитектуры храма, центральный квадратъ съ примыкающими четырьмя галлереями въ крестообразномъ видѣ, четыре столба въ центрѣ, боковые купола надъ сфендонами, отдѣленія при посредствѣ 16 столбовъ (и арокъ), раздѣленныхъ по высотѣ, общій внутренній видъ съ возвышеніемъ центральнаго купола, убранство храма: облицовкою, колоннами, рельефнымъ орнаментомъ, мозаикою куполовъ, сводовъ и междуарочныхъ стѣнъ до облицовки.

Данныя Родія, Прокопія сопоставляются съ данными предполагаемой копіи храма свв. Апостоловъ—церкви св. Марка въ Венеціи. Этими сопоставленіями разрѣшается вопросъ: о способѣ возвышенія главнаго купола безъ тамбуровъ, о связи внутренней архитектуры, о способѣ крытія гал-

лереи (внизу сводомъ, а вверху куполами), о возвышеніи куполовъ надъ послѣдними для освѣщенія, о существованіи абсиды и, гипотетически, о распредѣленіи мозаикъ, а именно: въ центральномъ куполѣ—Вознесенія, на сводахъ—евангелическихъ событій, въ 1-мъ куполѣ — Сошествія св. Духа, въ 3-мъ—Пророковъ, 4-мъ и 5-мъ—символическихъ композицій, на столбахъ и междуарочныхъ стѣнахъ—святыхъ.

По поводу доклада П. И. Троицкій сдѣлалъ замѣчаніе, что деталь, отмѣчаемая Родіемъ въ изображеніи Крещенія—разрушеніе силы сатаны—оправдывается памятниками.

Докладчикъ возразилъ, что въ памятникахъ искусства того времени, къ которому относится храмъ свв. Апостоловъ, ему не извѣстно изображеніе Крещенія съ выраженіемъ указанной детали. **Е. Р.**

Эллинскій филологическій силлогъ въ Константинополѣ. Январь—іюнь 1896 г. (по газетѣ Κωνσταντινούπολις).

8-е января. Назначенъ къ прочтенію секретаремъ силлога рефератъ Ал. Лавріота «О Неофитѣ, митрополитѣ Крита, и о его рѣчи въ честь Константина Кантакузина».

14-е января. Рефератъ А. Лавріота «О женскихъ типахъ у Софокла».

28-е января (воскресенье). Публичная лекція врача Гавриліада «О микробахъ».

29-е января. Очередное собраніе. Рефератъ Хр. Андрутса «Нравственныя начала Платона въ сравненіи съ христіанскими».

Въ №№ отъ 31-го января и 1-го февраля помѣщена публичная лекція Θ. Веглериса на тему: «Какое образованіе слѣдуетъ давать современной молодежи». Общее содержаніе педагогическихъ мечтаній автора таково. Современный человѣкъ долженъ быть прежде всего сыномъ своего вѣка и своего народа. Сообразно этимъ двумъ основнымъ принципамъ должна построяться система образованія. Такъ какъ нѣтъ мозга, который могъ бы вмѣстить всю сумму современнаго знанія, то, по необходимости, общее образованіе должно ограничиваться выборомъ самаго существеннаго. Послѣ краткаго историческаго обзора разныхъ точекъ зрѣнія и взглядовъ на образованіе, авторъ очерчиваетъ свой идеалъ современнаго образованнаго человѣка, или, даже, образованнаго человѣка будущаго («ὁ τύπος τοῦ ἀνδρὸς τοῦ μέλλοντος»). Онъ долженъ быть всесторонне развитъ тѣлесно, скроменъ, но въ то же время увѣренъ въ себѣ. Онъ хорошо знаетъ свою родину и ея исторію, главные физическіе законы и общія основанія естественныхъ и общественныхъ наукъ, исторію главныхъ идей и мечтаній человѣчества, однимъ словомъ всю сумму познаннаго непосредственно предшествовавшими поколѣніями. «Τοιοῦτον φαντάζομαι, τοιοῦτον εὐαγγελίζομαι τὸν νέον τῆς ἐποχῆς ἡμῶν»—заключаетъ авторъ, и въ концѣ рѣчи главную причину несоотвѣтствія современнаго воспитанія подобнымъ идеаламъ видитъ въ томъ, что сами педагоги не сознаютъ, обыкновенно, современныхъ задачъ воспитанія. Во всей рѣчи

неяснымъ остается, какое именно образованіе имѣетъ въ виду лекторъ: низшее, среднее или высшее или всѣ три вмѣстѣ и, слѣдовательно, отрицаетъ спеціализацію, которою только и держится современное высокое состояніе всѣхъ отраслей знанія.

Рефератъ Андрутса, упомянутый выше, кратко изложенъ въ № отъ 3-го февраля. Оказывается, это скорѣе богословское, чѣмъ философское разсужденіе. Этика Платона здѣсь противополагается христіанской этикѣ, какъ несравненно высшей. Въ своей критикѣ Платона авторъ, повидимому, черезчуръ подчеркиваетъ евдемонизмъ и аристократизмъ его этики и недостаточность психологическихъ наблюденій. Главное преимущество христіанской этики передъ платоновой состоитъ, по автору, въ сознаніи испорченности и грѣховности человѣческой природы и въ проистекающихъ изъ этого сознанія *смиреніи* (ταπείνωσις) — добродѣтели язычникамъ неизвѣстной — и чувствѣ необходимости помощи свыше, *благодати*.

На 11-е февраля назначена публичная лекція Пахтика «О средневѣковой греческой музыкѣ». Въ № отъ 13-го февраля приводится содержаніе лекціи Пахтика. Первоначальная музыка христіанъ, несомнѣнно, примыкаетъ къ системѣ античной музыки. Византійская церковная музыка легла въ основаніе западно-европейской не только церковной, но и свѣтской музыки. Въ Европѣ музыка получила дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ на почвѣ полифоніи, не чуждой, однако, принципіально и древнегреческой музыкѣ. Въ полифоніи авторъ видитъ и залогъ дальнѣйшаго развитія греческой церковной музыки въ настоящее время, ратуя противъ того паденія, до котораго она теперь дошла. Здравыя идеи автора должны найти себѣ не мало противниковъ въ партіи ретроградовъ, отстаивающихъ современное положеніе дѣла и выходящихъ изъ себя при одномъ словѣ «полифонія».

На 12-е февраля—очередное собраніе. Рефератъ врача Ан. Христиди «Дополнительныя замѣчанія объ изданіяхъ Зографской библіотеки».

На 15-е февраля назначена публичная лекція Г. Анесториди «О употребленіи спиртныхъ напитковъ и злоупотребленіи ими».

На 18-е февраля—лекція Николопула «О роскоши и законахъ противъ нея у римлянъ».

На 19-е февраля—очередное собраніе. Объявленъ къ прочтенію секретаремъ рефератъ, присланный изъ Парамиѳіи Д. А. Панагіотидомъ, «Къ средневѣковой исторіи Ѳеспротіи» (глава 4-я, см. Виз. Врем. III., стр. 227).

На 26-е февраля—очередное собраніе. Рефератъ Генр. Шнейдера (на франц. языкѣ) «Объ истинномъ мѣстонахожденіи Трои, подтверждаемомъ Омиромъ и Стравономъ.

А. Щукаревъ.

Русскій Археологическій институтъ въ Константинополѣ. Въ Институтѣ со времени его открытія состоялись нижеслѣдующія засѣданія:

1895 г.

26-го февраля. Торжественное открытіе Института (См. Виз. Вр. II, стр. 489),

12-го марта. Сообщеніе Ѳ. И. Успенскаго «О германцахъ на службѣ Восточной Имперіи».

9-го апрѣля. Сообщенія: Д. П. Погодина «О личности митрополита Исидора и его участіи на Базельскомъ и Ферраро-Флорентійскихъ соборахъ». Ѳ. И. Успенскаго «О древнемъ университетѣ въ Константинополѣ».

19-го ноября. Сообщенія: Ѳ. И. Успенскаго «О новыхъ матеріалахъ для исторіи Трапезунта», О. Ѳ. Вульфа «Замѣтка о памятникахъ искусства на Аѳонѣ».

3-го декабря. Сообщенія: Г. П. Беглери «Замѣтка о топографіи Константинополя», Я. И. Смирнова «Археологическая поѣздка черезъ Эпиръ и Ѳессалію въ Салоники».

17-го декабря. Сообщенія: Я. И. Смирнова «Поѣздка по Кипру и Малой Азіи», Ѳ. И. Успенскаго «О высшемъ образованіи въ Византіи въ IX в.».

1896 г.

21-го января. Сообщенія: М. Параника «Περὶ τοῦ ἀκαθίστου ὕμνου», П. Д. Погодина «О французскихъ раскопкахъ въ Дельфахъ».

6 февраля. Сообщеніе Вл. Георгіевича «О школахъ въ Греціи и Сербіи подъ турецкимъ владычествомъ».

26-го февраля. Годовой актъ. Сообщеніе Ѳ. И. Успенскаго «Восточная и Западная имперіи въ IV и V вѣкѣ». (См. Виз. Времен., III, стр. 224).

10-го марта. Сообщеніе Милонаса «Συμβολὴ τῆς ἐπιδράσεως τῆς τέχνης τῆς Μικρασίας ἐπὶ τὴν τέχνην τῶν νήσων τοῦ Αἰγαίου καὶ τῆς Ἠπειρωτικῆς Ἑλλάδος».

17-го марта. Сообщенія: Арх. Бориса «О благотворительныхъ учрежденіяхъ при греческомъ Пантократорскомъ монастырѣ по типику XII в.» Ѳ. И. Успенскаго «О древнѣйшемъ рукописномъ Евангеліи».

Новое византійское изданіе. Изъ Athenaeum (5 декабря 1896 г., № 3606, стр. 798) узнаемъ, что подъ редакціей профессора І. Б. Бери (J. B. Bury) въ Дублинѣ будетъ выходить въ Лондонѣ новое изданіе византійскихъ авторовъ и текстовъ. Указываются слѣдующія изданія: Эвагрій (L. Parmentier изъ Люттиха и Bidez изъ Гента), Ѳеодоръ Кизикскій и Ἔκθεσις Χρονικά (Спир. Ламбросъ изъ Аѳинъ), Пселлъ (К. И. Саѳа въ Венеціи), Георгій Пизидійскій (Л. Штернбахъ въ Краковѣ), Генезій и Константинъ Порфирородный (I. B. Bury), Морейская Хроника (John Schmidt), Франтца; затѣмъ переводы на англійскій языкъ: Іоаннъ Никійскій (переводъ съ Эѳіопскаго R. H. Charles), Себеосъ (переводъ съ армянскаго F. C. Conybeare), Захарія Митилинскій (переводъ съ сирійскаго F. C. Hamilton).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя записки распадаются на

I) отдѣлъ оффиціальный — и

II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:

А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п.

Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **Е. Шмурло.**

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΚΑΙ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.